

**Магия ИННО:
НОВЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ
В ЛИНГВИСТИКЕ
И ЛИНГВОДИДАКТИКЕ**

В двух томах
Том 1

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Московский государственный институт
международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации»

**Магия ИННО:
новые измерения в лингвистике
и лингводидактике**

Сборник научных трудов

В двух томах

Том 1

Москва
Издательство «МГИМО–Университет»
2017

УДК 80.81
ББК 81
М12

Редакционная коллегия:

*А. С. Зароченцева, Е. Б. Морозова, Н. В. Воронежская,
Е. А. Лукьянченко*

Рецензенты:

д-р пед. наук, проф., проф. кафедры иностранных языков
Инженерной академии РУДН *Н. Н. Гавриленко*,
канд. пед. наук, доц., проф. кафедры английского языка № 1
МГИМО МИД России *Е. Б. Ястребова*,
кафедра английского языка Педагогического института
Владимирского государственного университета
(зав. кафедрой — канд. филол. наук *А. О. Назарова*)

Ответственный редактор

Д. Н. Новиков

Магия ИННО: новые измерения в лингвистике и лингво-
М12 **дидактике** : сб. науч. трудов. В 2 т. Т. 1 / [отв. ред. Д. Н. Новиков] ;
Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос.
Федерации. — Москва : МГИМО–Университет, 2017. — 719, [1] с.

ISBN 978-5-9228-1768-4 (т. 1)

ISBN 978-5-9228-1766-0

Первый том сборника включает статьи, посвященные проблемам научного анализа текста и дискурса, в том числе политического, рассмотрению языковых явлений с точки зрения новых подходов лингвистики, а также вопросов межкультурной коммуникации. Сборник содержит информацию о российских и зарубежных авторах и их контактные данные.

Для исследователей, в сферу научных интересов которых входит лингвистика, лингводидактика и межкультурная коммуникация, а также преподавателей иностранных языков и страноведения.

УДК 80.81
ББК 81

ISBN 978-5-9228-1768-4 (т. 1)
ISBN 978-5-9228-1766-0

© МГИМО МИД России, 2017

Содержание

Предисловие.....	15
------------------	----

СЕКЦИЯ 1

НОВЫЕ ТЕОРИИ ТЕКСТА И ДИСКУРСА

Прагматическое воздействие эвиденциальных высказываний в немецких медиатекстах

PRAGMATIC EFFECTS OF EVIDENTIAL UTTERANCES IN GERMAN MEDIATEXTS <i>Т. Н. Астахова</i>	19
--	----

Три революции в современном языкознании, преобразовавшие представление его предмета

THREE REVOLUTIONS IN MODERN LINGUISTICS THAT HAVE REFORMED THE PRESENTATION OF ITS SUBJECT <i>М. Я. Блох</i>	24
--	----

Лингвистика и новые медиа

LINGUISTICS AND NEW MEDIA <i>Т. А. Болдова</i>	30
---	----

Текст в тени семиотического действия. О новых аспектах коммуникативной теории вербального процесса

TEXT IN A SHADOW OF SEMIOTIC ACTION. TOWARDS NEW ASPECTS OF THE COMMUNICATIVE THEORY OF VERBAL PROCESS <i>А. В. Вдовиченко</i>	35
--	----

Экспликация идеологем в англоязычном медийном дискурсе

EXPLICATION OF IDEOLOGEMES IN ENGLISH MEDIA DISCOURSE <i>Л. Н. Великова</i>	39
--	----

О приемах формирования тактик медиарепрезентации спортивного события в новостном тексте

ON TECHNIQUES AND TACTICS OF SPORT'S EVENT MEDIAREPRESENTATION IN A NEWS TEXT <i>О. С. Волкова</i>	46
--	----

Пресуппозиции в кризисном дискурсе как средство сохранения имиджа компании

PRESUPPOSITIONS IN CRISIS DISCOURSE AS A MEANS OF IMAGE RESTORATION <i>А. В. Галигузова</i>	51
--	----

Что дает синергетический подход исследователю?

HOW CAN A RESEARCHER BENEFIT FROM SYNERGETIC APPROACH? <i>Н. В. Дрожжицких</i>	56
---	----

Типовые особенности биографических романов

TYOLOGICAL CHARACTERISTICS OF BIOGRAPHICAL NOVELS <i>Д. А. Ефремова</i>	61
--	----

Виды и функции лексических повторов в сказках из сборника А. Н. Афанасьева

TYPES AND FUNCTIONS OF LEXICAL REPETITIONS FROM THE COLLECTION OF ALEXANDER N. AFANASYEV <i>Р. Катаян</i>	68
---	----

Именованье в художественном тексте: семиотический подход к литературной ономастике NAMING IN FICTION: A SEMIOTIC APPROACH TO LITERARY ONOMASTICS <i>Е. Ф. Косиченко</i>	73
Динамика лингвоаксиологических характеристик рекламного дискурса DYNAMICS OF LINGUACULTURAL CHARACTERISTICS OF ADVERTISING DISCOURSE <i>Л. А. Кочетова, Н. Г. Вара</i>	78
Экологическое благополучие русского языка в контексте идей экологической лингвистики ENVIRONMENTAL WELL-BEING OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN THE CONTEXT OF ECOLOGICAL LINGUISTICS <i>Э. Г. Куликова</i>	84
Negotiators' Language as Code and Cipher <i>Bill Louw</i>	89
Актуализация категории ритуальности в коммуникации THE IMPLEMENTATION OF THE CATEGORY OF RITUALITY THROUGHOUT THE COMMUNICATIVE PROCESS <i>К. В. Овчарова, Н. Ю. Фанян</i>	96
Дискурсивный анализ разговорных диалогов “взрослый — ребенок” DISCOURSE ANALYSIS OF SPOKEN DIALOGUES “ADULT — CHILD” <i>Н. В. Орлова</i>	101
Types of Plot Development in Sudden Fiction <i>Nataliya Panasenko</i>	107
Семиотическая и лингвистическая относительность языковой картины мира: философский взгляд SEMIOTIC AND LINGUISTIC RELATIVITY OF THE LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD: PHILOSOPHICAL PERSPECTIVE <i>М. С. Павлова</i>	114
Дискурс медиации: стратегии и тактики речевого поведения медиатора DISCOURSE OF MEDIATION: STRATEGIES AND TACTICS OF VERBAL BEHAVIOR OF A MEDIATOR <i>О. А. Прохорова</i>	120
Коммуникативно-когнитивная теория нарратива в современной лингвопоэтике COMMUNICATIVE-COGNITIVE THEORY OF NARRATION IN MODERN LINGUO-POETICS <i>Т. Б. Радбиль</i>	126
Глобальная структура дискурса: макропропозиция и тематический репертуар GLOBAL DISCOURSE STRUCTURE: MACROPRPROPOSITION AND TOPIC RANGE <i>В. М. Шевцова</i>	131
Концептосфера поэтического дискурса в сонетах У. Шекспира CONCEPTOSPHERE OF THE VERSE DISCOURSE IN THE SONNETS OF WILLIAM SHAKESPEARE <i>К. И. Шпетный</i>	137

Дискурс в субъектноцентрической перспективе: Марсель Райх-Раницкий THE PERSONALIZED PERSPECTIVE ON DISCOURSE: MARCEL REICH-RANICKI <i>Т. В. Юдина, В. О. Федоровская</i>	144
--	-----

СЕКЦИЯ 2

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В ЗЕРКАЛЕ ЯЗЫКА

Политический дискурс в межкультурном контексте POLITICAL DISCOURSE IN INTERCULTURAL CONTEXT <i>С. А. Абрамян</i>	153
Субъективная модальность немецкого новостного медиатекста SUBJECTIVE MODALITY IN GERMAN NEWS MEDIA TEXT <i>Т. Н. Александрова</i>	157
Лингвистический анализ и нравственно-этическая составляющая политического дискурса (на примере высказываний американских политических деятелей) LINGUISTIC ANALYSIS AND ETHICAL COMPONENT OF POLITICAL DISCOURSE (ON THE EXAMPLE OF AMERICAN STATESMEN'S SPEECHES) <i>В. С. Арутюнян</i>	163
Языковая игра как средство формирования образа политика в современной англоязычной публицистике LANGUAGE PLAY AS A MEANS OF CREATING A POLITICIAN'S IMAGE IN MODERN JOURNALISM <i>Н. Н. Асташкина</i>	168
Роль метафор в создании образа внешней политики России в немецких СМИ THE ROLE OF METAPHORS IN CREATING THE IMAGE OF RUSSIAN FOREIGN POLICY IN GERMAN MEDIA <i>В. А. Бабкина</i>	175
Ключевые глаголы англоязычного политического дискурса KEY VERBS OF THE ENGLISH POLITICAL DISCOURSE <i>А. А. Биюмена</i>	180
Политический дискурс коммунистической прессы: сопоставительный анализ POLITICAL DISCOURSE OF THE COMMUNIST PRESS: COMPARATIVE ANALYSIS <i>И. И. Валуйцева, М. Н. Данилина</i>	187
К вопросу о новых тенденциях в развитии масс-медиа в современном Иране ON THE SUBJECT OF NEW TRENDS OF MEDIA DEVELOPMENT IN MODERN IRAN <i>Е. Л. Гладкова</i>	192
Ценностная составляющая лингвокультурного типажа "американский политический комментатор" THE VALUE CONSTITUENT OF THE LINGUOCULTURAL PROTOTYPE "AMERICAN POLITICAL COMMENTATOR" <i>Д. Е. Гунькова</i>	198

Когнитивные модели как основа дискурсивного конструирования чужеродности в политической коммуникации COGNITIVE MODELS AS THE BASIS FOR DISCURSIVE CONSTRUCTING THE OTHERNESS IN POLITICAL COMMUNICATION	
<i>Ю. И. Детинко</i>	205
Конструкт “Запад” в российском внешнеполитическом дискурсе CONSTRUCT “THE WEST” IN RUSSIAN FOREIGN POLICY DISCOURSE	
<i>Т. В. Дубровская</i>	212
Языковая политика в немецкоязычных странах: гендерный и этнический аспекты LANGUAGE POLICY IN GERMAN SPEAKING COUNTRIES: GENDER AND ETHNICITY ASPECTS	
<i>А. И. Едличко</i>	218
Политические медиамаркеры современного человеческого общества POLITICAL MEDIA MARKERS OF CONTEMPORARY HUMAN SOCIETY	
<i>М. Р. Желтухина</i>	225
Лингвокогнитивные и прагматические аспекты моделирования событий типа “международный конфликт” (на примере освещения освобождения городов Мосул и Алеппо в 2016 году) в “Экономист” A COGNITIVE-PRAGMATIC DESCRIPTION OF ‘INTERNATIONAL CONFLICT’ EVENT MODELLING — A CASE STUDY OF THE 2016–2017 MOSUL AND ALEPPO LIBERATION OPERATIONS AS DEPICTED BY <i>THE ECONOMIST</i>	
<i>А. С. Зароченцева, Д. Н. Новиков</i>	231
Интерпретационный аспект акциональных глаголов в языковой репрезентации события INTERPRETATIONAL ASPECT OF ACTIONAL VERBS IN LANGUAGE REPRESENTATION OF AN EVENT	
<i>Т. Н. Зубакина</i>	237
Дискурсивные практики информационной войны: роль ксенонимов в создании эффекта демонизации DISCURSIVE PRACTICES OF INFORMATION WARFARE: THE ROLE OF XENONYMS PRODUCING THE DEMONIZATION EFFECT	
<i>С. В. Иванова</i>	243
Отражение китайских культурных ценностей в современном политическом дискурсе КНР REFLECTION OF CHINESE CULTURAL VALUES IN MODERN POLITICAL DISCOURSE	
<i>М. Я. Каплунова</i>	248
Изменения структуры и содержания концепта-сценария “холодная война” в политическом дискурсе на материале англоязычных СМИ (диахронический аспект) CHANGE IN THE STRUCTURE AND CONTENTS OF THE CONCEPT-SCENARIO “COLD WAR” IN POLITICAL DISCOURSE (EVIDENCE FROM ENGLISH-LANGUAGE MASS MEDIA)	
<i>Н. А. Ковалев</i>	253
Жанровые особенности языка политического медиадискурса GENRE PECULIARITIES OF POLITICAL MEDIA DISCOURSE	
<i>Н. Л. Колесникова</i>	259

Политика безопасности в зеркале современного немецкого языка GERMAN SECURITY POLICY: LINGUISTIC ANALYSIS	
<i>Б. О. Корепанов</i>	266
Тема Brexit’a в британской прессе: стратегии манипуляции общественным мнением THE DISCUSSION OF BREXIT IN THE BRITISH PRESS: MANIPULATIVE STRATEGIES	
<i>Н. А. Левковская</i>	271
Риторические стратегии в медиадискурсах России и Литвы (на материале текстов об антироссийских санкциях) RHETORICAL TECHNIQUES IN RUSSIAN AND LITHUANIAN MEDIA DISCOURSES BASED ON THE TEXTS ABOUT THE EU SANCTIONS AGAINST RUSSIA	
<i>В. В. Макарова</i>	278
Риторика имиджа президента THE RHETORIC OF PRESIDENT IMAGE	
<i>Н. Е. Медведева</i>	283
Политическая риторика: технологии воздействия POLITICAL RHETORIC: PERSUASIVE TECHNOLOGIES	
<i>А. П. Миньяр-Белоручева</i>	291
Манифестация гендерных различий в политическом дискурсе на материале публичных выступлений киргизских политиков MANIFESTATION OF GENDER DIFFERENCES IN POLITICAL DISCOURSE (BASED ON THE MATERIAL OF KIRGHIZ POLITICIANS’ PUBLIC SPEECHES)	
<i>Р. М. Мукашева</i>	297
Эволюция значения русского социально-политического заимствования <i>либерал</i> THE EVOLUTION OF MEANING OF THE RUSSIAN SOCIOPOLITICAL LOANWORD ‘LIBERAL’	
<i>К. Э. Нагаева</i>	302
Российско-украинский кризис в зеркале англоязычного политического дискурса: лингвопрагматические особенности моделирования образа врага в выступлениях постоянного представителя США в СБ ООН (2014–2016 г.) THE RUSSIAN-UKRAINIAN CRISIS THROUGH THE LENS OF THE ENGLISH-LANGUAGE POLITICAL DISCOURSE: A CASE STUDY OF US PERMANENT REPRESENTATIVE’S 2014–2016 SPEECHES INVOKING THE IMAGE OF ‘ENEMY’ AT UN SECURITY COUNCIL IN THE LIGHT OF LINGUISTIC PRAGMATICS	
<i>А. В. Несветайлов, Д. Н. Новиков</i>	307
Гармонизация межнационального диалога: дискурсивные практики и инструменты HARMONISATION OF INTERETHNIC DIALOGUE: DISCURSIVE PRACTICES AND TOOLS	
<i>Е. К. Павлова</i>	316
Стратегия идеологизации массового сознания в кризисных ситуациях STRATEGIES OF IDEOLOGIZATION OF MASS CONSCIENCE IN CRISIS SITUATIONS	
<i>Е. В. Пильгун</i>	322

Лингвистические особенности реализации стратегии аргументации в англоязычном политическом дискурсе (на примере предвыборных выступлений Д. Трампа и Х. Клинтон) LINGUISTIC PECULIARITIES OF REALISATION OF ARGUMENTATION STRATEGY IN ENGLISH POLITICAL DISCOURSE (ON THE DATA OF ELECTION SPEECHES OF D. TRUMP AND H. CLINTON) <i>М. Д. Рыжикова</i>	327
Роль антонимов в реализации речевого акта опровержения в текстах оппозиционного англоязычного политического дискурса THE ROLE OF ANTONYMS IN SPEECH ACTS OF REFUTATION IN THE ENGLISH-LANGUAGE OPPOSITIONAL POLITICAL DISCOURSE <i>И. Г. Рябцева</i>	332
Категория эвиденциальности в языке СМИ (на примере болгарских, английских и русских текстов из новостных источников) THE CATEGORY OF EVIDENTIALITY IN THE MASS MEDIA LANGUAGE — EVIDENCE FROM BULGARIAN, ENGLISH AND RUSSIAN NEWS SOURCES <i>Н. В. Сивенкова</i>	338
Особенности предвыборной риторики кандидатов в президенты США 2016 г. PECULIARITIES OF US 2016 PRESIDENTIAL CANDIDATES' DISCOURSE <i>А. А. Тымбай</i>	342
Рождественское телеобращение главы государства как часть политического дискурса HEAD OF STATES CHRISTMAS MESSAGE AS AN ELEMENT OF POLITICAL DISCOURSE <i>Г. М. Фадеева</i>	347
Влияние экстралингвистических факторов на терминологические процессы медиадискурса (на примере немецкого языка) THE INFLUENCE OF EXTRATEXTUAL FACTORS ON TERMINOLOGICAL PROCESSES IN MEDIADISCUOURSE — EVIDENCE FROM THE GERMAN LANGUAGE <i>М. А. Чигашева</i>	352
О прагматическом потенциале неопределенно-количественных слов в португальском политическом тексте ON THE PRAGMATIC POTENTIAL OF THE INDEFINITE-QUANTITATIVE WORDS IN THE PORTUGUESE POLITICAL TEXTS <i>О. А. Шершукова</i>	357
Лингводискурсивное исследование конструкции “мягкая сила”: теоретический и практический аспекты (на материале печатных СМИ РФ и США) DISCOURSE-BASED LINGUISTIC ANALYSIS OF THE TERM ‘SOFT POWER’: THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS — EVIDENCE FROM THE RUSSIAN AND AMERICAN PRESS <i>Н. В. Юдина, О. А. Селиверстова</i>	361

СЕКЦИЯ 3

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В КОГНИЦИИ И КОММУНИКАЦИИ

Фразеологические единицы в аспекте когниции и коммуникации IDIOMS IN THE ASPECT OF COGNITION AND COMMUNICATION <i>Л. К. Байрамова</i>	371
--	-----

Этнолингвистическая импликатура как способ отражения культурной идентичности THE ETHNOLINGUISTIC IMPLICATURE AS A MEANS OF REFLECTING AN INDIVIDUAL'S CULTURAL IDENTITY	
<i>М. С. Белова</i>	376
Об одной неоднозначной грамматической конструкции русской разговорной речи ON A MULTIVALENT GRAMMATICAL CONSTRUCTION OF RUSSIAN COLLOQUIAL SPEECH	
<i>Н. В. Богданова-Бегларян</i>	381
Методы перевода: “биография” слова в дискурсе “стереотип — архетип — прототип”: ŞƏRAB — ÇAXIR — ВИНО TRANSLATION METHODS: “BIOGRAPHY” OF TERMS IN “STEREOTYPE-ARCHETYPE-PROTOTYPE” DISCOURSE: ŞƏRAB, ÇAXIR, WINE	
<i>Р. Гейбуллаева</i>	387
Возможности использования корпусов в целях лингвистического исследования CORPORA IN LINGUISTIC RESEARCH	
<i>Е. Е. Голубкова</i>	394
Явление классовой мобильности в английском языке CLASS MOBILITY IN THE ENGLISH LANGUAGE	
<i>В. Г. Гольщикова</i>	400
Синтаксическая рекурсия как способ образования сложного предложения SYNTACTIC RECURSION AS A MEANS OF CONSTRUCTING COMPLEX SENTENCES	
<i>Е. Л. Дубовик</i>	404
К вопросу об образовании новых метафтонимических значений производных единиц METAPHONYMY AS ONE OF THE PRINCIPAL COGNITIVE MECHANISMS UNDERLYING THE SEMANTICS OF DERIVATIVES	
<i>А. Г. Захарова</i>	410
Стилистические средства формирования типового адресата в современных британских СМИ STYLISTIC MEANS OF COLLECTIVE ADDRESS GROUP MOLDING IN BRITISH MASS MEDIA DISCOURSE	
<i>Г. В. Защитина</i>	415
Стертые эвфемизмы в политическом дискурсе: лингвокогнитивный и переводческий аспекты DEAD EUPHEMISMS IN POLITICAL DISCOURSE	
<i>И. Г. Игнатьева, Ю. Л. Буйлова</i>	422
Языковая мода как системообразующий фактор в неологии (на материале новых бренднаименований в современном английском языке) LANGUAGE VOGUE AS A SYSTEM-FORMING FACTOR IN NEOLOGY (ON THE MATERIAL OF NEW BRAND NAMES IN MODERN ENGLISH)	
<i>Н. В. Кузнецова</i>	427

Эпентезированные формы лексем в английском языке: диахронический и синхронический аспекты EPENTHESIS WORD TRANSFORMATIONS IN MODERN ENGLISH: DIACHRONIC AND SYNCHRONIC ASPECTS	
<i>Т. В. Левина, Н. А. Наумова</i>	432
Современные угрозы безопасности в ассоциациях французской и российской молодежи MODERN SECURITY THREATS IN ASSOCIATIONS OF FRENCH AND RUSSIAN YOUTH	
<i>Д. А. Морель Морель</i>	437
Структурная классификация английских фразеологических калек STRUCTURAL CLASSIFICATION OF ENGLISH LOAN-TRANSLATIONS	
<i>С. В. Мухин</i>	442
Неологизмы как объекты языковой критики (на материале немецкого языка) NEOLOGISMS AS OBJECTS OF LANGUAGE CRITICISM — EVIDENCE FROM THE GERMAN LANGUAGE	
<i>О. А. Никитина</i>	448
Лексические единицы в когнициии и антропоцентризм: причины сохранения целостности структур многозначных слов THE REASONS FOR PRESERVING THE INTEGRITY OF POLYSEMIOUS WORD STRUCTURES	
<i>С. А. Песина</i>	455
Функции семантически аномальных высказываний в современной коммуникации FUNCTIONS OF SEMANTICALLY ANOMALOUS STATEMENTS IN MODERN COMMUNICATION	
<i>А. М. Плотникова</i>	461
Образно-символическая составляющая семантики идиом как фактор структурно-семантического обновления фразеологии в современном медийном дискурсе (на материале английского языка) IMAGES AND SYMBOLS AS PART OF IDIOM SEMANTICS AND A FACTOR OF STRUCTURAL AND SEMANTIC REPLENISHMENT IN MODERN MASS MEDIA DISCOURSE — EVIDENCE FROM THE ENGLISH LANGUAGE	
<i>Н. Г. Рахматуллаева</i>	466
Жестовые фразеологизмы в японском медиадискурсе GESTURAL IDIOMS IN THE JAPAN MEDIADISCOURSE	
<i>Т. Б. Резникова</i>	471
Роль ономастического знака в поликодовой коммуникации (на материале творчества И. К. Айвазовского) PROPER NAMES IN POLYCODE COMMUNICATION	
<i>В. В. Робустова</i>	476
Языковая объективация концептуального поля “грех” в современной русской речи LANGUAGE OBJECTIFICATION OF THE CONCEPTUAL FIELD “SIN” IN MODERN RUSSIAN SPEECH	
<i>В. В. Сайгин</i>	481

Металингвистические стратегии интерпретации английской профессиональной метафоры METALINGUISTIC STRATEGIES OF ENGLISH PROFESSIONAL METAPHOR INTERPRETATION	
<i>М. А. Симоненко</i>	486
Доминантные когнитивные структуры сознания в американской и русской лингвокультурах THE PREDOMINANT COGNITIVE PATTERNS IN AMERICAN AND RUSSIAN LINGUISTIC CULTURES	
<i>К. Н. Симонова</i>	491
Влияние гендерных различий на структурное формирование перифразы GENDER FEATURES IMPACT ON STRUCTURAL COMPOSITION OF PERIPHRAIS	
<i>А. И. Синина</i>	497
Роль когнитивных механизмов в языковом отражении противоположности COGNITIVE MECHANISMS IN FORMING RELATIONS OF OPPOSITION IN PHRASEOLOGY	
<i>Н. С. Скворцова</i>	501
Прагматика полисубъектности PRAGMATICS OF MULTISUBJECTIVE TEXTS	
<i>Г. П. Снигаренко</i>	507
Рекуррентные лингвистические единицы как механизм управления социальной значимостью информации в масс-медиа RECURRENT LINGUISTIC UNITS AS A MECHANISM OF MANAGING THE SOCIAL SIGNIFICANCE OF INFORMATION IN THE MASS MEDIA	
<i>О. И. Титкова</i>	514
Сложные эмоциональные состояния сквозь призму языка и сознания COMPLEX EMOTIONAL STATES THROUGH THE PRISM OF LANGUAGE AND COGNITION	
<i>Т. Н. Яблокова</i>	520
 СЕКЦИЯ 4	
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ДИАЛОГА КУЛЬТУР	
Образ “джентльмен”: линвокогнитивный статус в языковой картине мира THE IMAGE OF “GENTLEMAN” AND ITS COGNITIVE LINGUISTIC STATUS	
<i>Г. В. Абилова</i>	529
Реконструкция аксиологических черт западной культуры на основе анализа имен собственных THE RECONSTRUCTION OF THE AXIOLOGICAL FEATURES OF THE WESTERN CULTURE BASED ON THE ANALYSIS OF PROPER NAMES	
<i>Ю. В. Антонова</i>	535

Когнитивная функция концептуальной метафоры в экономическом публицистическом дискурсе немецкоязычных масс-медиа COGNITIVE FUNCTION OF CONCEPTUAL METAPHOR IN ECONOMIC MASS MEDIA DISCOURSE OF GERMAN MASS MEDIA COMMUNICATION <i>Н. В. Бадаева</i>	539
Лингвистические проблемы диалога культур в Новой Зеландии LINGUISTIC ASPECTS OF INTER-CULTURAL DIALOGUE IN NEW ZEALAND <i>А. Р. Бекеева</i>	546
Практические особенности перевода главы 14 о диалекте кокни из книги П. Акройда “Лондон: Биография” P. ACKROYD’S “LONDON: THE BIOGRAPHY”, CHAPTER 14: TRANSLATION OF COCKNEY IN A MOCKUMENTARY TEXT <i>Ю. А. Богатикова</i>	551
Этнокультурная специфика коммуникативной стратегии приветливости в интернет-дискурсе ETHNOCULTURAL PECULIARITIES OF THE COMMUNICATIVE STRATEGY OF FRIENDLINESS IN THE INTERNET DISCOURSE <i>Н. Б. Боева-Омелечко</i>	560
Кросскультурный анализ резильентности преподавателей иностранных языков FOREIGN LANGUAGE TEACHERS’ RESILIENCY: CROSS-CULTURAL ANALYSIS <i>Ф. И. Валиева</i>	565
Italian Language and Culture Through Contemporary Italian Artists <i>Lucio Giuliadori</i>	569
Культурные концептуализации и освоение иностранного языка CULTURAL CONCEPTUALIZATIONS AND LANGUAGE LEARNING <i>Н. В. Астахова, В. В. Денисова, Е. А. Стародубцева</i>	571
Современная технология ведения диалога культур на занятиях по иностранному языку MODERN TECHNOLOGY OF CROSS-CULTURAL DIALOGUE IN A FOREIGN LANGUAGE CLASSROOM <i>Т. А. Дмитренко</i>	578
Языковой контакт как фактор формирования языковой картины мира LANGUAGE CONTACT AS A FACTOR SHAPING LANGUAGE WORLD VIEW <i>М. А. Елизарьева</i>	583
Кросс-культурный компонент в курсе английского языка для магистрантов-менеджеров CROSS-CULTURAL COMPONENT IN ENGLISH COURSE FOR MANAGEMENT MASTERS <i>Н. А. Зинкевич</i>	588
Представители иноязычных культур в “Оксфордском словаре цитат”: Who Can Quote Scripture for His Own Ends? WHO CAN QUOTE SCRIPTURE FOR HIS OWN ENDS? A LINGUOCULTURAL STUDY OF OXFORD QUOTATION DICTIONARY <i>К. Ю. Игнатов</i>	592

Обучение иноязычному общению в политическом дискурсе на материале идиом в контексте лингвокультурологического подхода TEACHING FOREIGN LANGUAGE COMMUNICATION IN POLITICAL DISCOURSE THROUGH THE USE OF IDIOMS (LINGUO-CULTURAL APPROACH)	
<i>А. М. Ионова</i>	600
Интернет-мем в контексте межкультурной коммуникации INTERNET MEME IN CROSS-CULTURAL COMMUNICATION CONTEXT	
<i>С. В. Канашина</i>	606
Linguocultural Analysis of Vietnamese-Hungarian Communication Through the Lacuna Theory	
<i>Istvan Lenart</i>	613
Этноконцепт как отражение диалога культур ETHNOCONCEPT AND THE DIALOGUE OF CULTURES	
<i>А. Э. Левицкий</i>	618
Аксиологическое “строительство” на занятиях по русскому языку как иностранному AXIOLOGICAL “BUILDING” AT LESSONS OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE	
<i>Н. В. Лучкина, И. Ю. Проценко</i>	625
Культурно-критический анализ медийных источников в контексте диалога культур CULTURAL AND CRITICAL ANALYSIS OF MEDIA SOURCES IN THE CONTEXT OF THE DIALOGUE OF CULTURES	
<i>Н. Е. Меркиш</i>	632
Особенности когнитивно-семантического содержания лексем <i>святой / heilige</i> в поговорках русского и немецкого языков THE PARTICULARITIES OF COGNITIVE-SEMANTIC CONTENT OF THE LEXEMES <i>HOLY/ HEILIGE</i> IN PROVERBS OF RUSSIAN AND GERMAN LANGUAGES	
<i>О. А. Мещерякова, Н. В. Шестеркина</i>	638
Восприятие времени через призму категории числа: общее и культурообразующее в русско- и испаноязычной картинах мира TIME PERCEPTION THROUGH THE CATEGORY OF NUMBER: COMMON AND CULTURE-SPECIFIC ELEMENTS IN RUSSIAN- AND SPANISH-SPEAKING VIEWS OF THE WORLD	
<i>Е. А. Попова</i>	644
Фразеологизм как особый интертекст в аспекте межкультурной коммуникации AN IDIOM AS A SPECIAL INTERTEXT FROM AN INTERCULTURAL PERSPECTIVE	
<i>Е. В. Рыжкина</i>	652
“Сверхъестественные существа” в современном межкультурном дискурсе “SUPERNATURAL CREATURES” IN MODERN CROSS-CULTURAL DISCOURSE	
<i>Е. В. Рязанова</i>	656
Ассоциативный эксперимент как метод описания и интерпретации социокультурного национального пространства ASSOCIATIVE EXPERIMENT AS A METHOD OF DESCRIBING AND INTERPRETING THE SOCIOCULTURAL NATIONAL SPACE	
<i>А. В. Синелева</i>	662

Обучение английскому речевому этикету взрослых: от теории к практике TRAINING ADULTS TO MASTER ENGLISH SPEECH ETIQUETTE — THEORY AND PRACTICE <i>И. В. Соловьева</i>	670
Болгарские и русские зооморфные образные сравнения, отражающие качества человека и черты его характера BULGARIAN AND RUSSIAN ZOOMORPHIC IMAGE SIMILES, WHICH REFLECT HUMAN QUALITIES AND ATTRIBUTES OF A PERSON'S CHARACTER <i>Р. С. Стоянова</i>	675
“Мягкая сила” как лингводидактическая стратегия “SOFT POWER” AS A STRATEGY OF FOREIGN LANGUAGE TEACHING <i>Е. Г. Тарева</i>	683
Англицизмы в новогреческом языке как элемент современной коммуникативной культуры ANGLICISMS IN MODERN GREEK LANGUAGE AS AN ELEMENT OF MODERN COMMUNICATIVE CULTURE <i>А. А. Торопова</i>	688
Концепт “нация” в англоязычной и русскоязычной культурах (на материале лично-ориентированного дискурса) THE CONCEPT OF “NATION” IN ENGLISH AND RUSSIAN CULTURES IN PERSON-ORIENTED DISCOURSE <i>М. А. Тульнова</i>	693
Роль культурного контекста в преподавании иностранного языка студентам экономических специальностей (на примере анализа англоязычных текстов о бизнесе и изучения кейсов) THE ROLE OF CULTURAL CONTEXT IN FOREIGN LANGUAGE TEACHING TO STUDENTS OF ECONOMICS (ILLUSTRATED BY ENGLISH BUSINESS TEXT AND CASE-STUDY ANALYSES) <i>Л. А. Туринова</i>	698
Формирование лингво-профессиональных умений будущих юристов на основе применения казуса, проблемной педагогической технологии FORMING OF LAW STUDENTS' PROFESSIONAL LANGUAGE COMPETENCE ON THE BASIS OF A LEGAL CASE, PROBLEMATIC PEDAGOGICAL TECHNOLOGY <i>Н. П. Хомякова</i>	703
Фонетические эффекты социальной адаптации, основанные на анализе корпусов дискурса: рекомендации для преподавания иностранного языка PHONETIC EFFECTS OF SOCIAL ADAPTATION BASED ON DISCOURSE CORPORA ANALYSIS: IMPLICATIONS FOR TEACHING A FOREIGN LANGUAGE <i>Т. И. Шевченко</i>	709
Междометия как объект заимствований в синхронно- диахронической перспективе BORROWED INTERJECTIONS AS OBJECT OF STUDIES IN SYNCHRONIC AND DIACHRONIC PERSPECTIVE <i>Т. М. Шкапенко</i>	714

Предисловие

24–25 марта 2017 г. в МГИМО прошла Третья международная научно-практическая конференция “Магия ИННО: новые измерения в лингвистике и лингводидактике”. Впервые “Магия ИННО...” была организована кафедрой английского языка № 1 факультета международных отношений МГИМО в 2013 году, юбилейном для факультета, что положило начало новой доброй традиции — проводить “инновационную” конференцию для лингвистов и преподавателей иностранных языков в стенах университета каждые два года.

В работе конференции 2017 г. приняли участие около четырехсот учёных из более ста университетов Российской Федерации и других стран — Азербайджана, Армении, Белоруссии, Великобритании, Индии, Италии, Ирана, Киргизии, Катара, Китая, Литвы, Сербии, Словении, США, Таиланда, Турции, Узбекистана, Чехии, Швейцарии и Японии.

Участники конференции представили доклады в рамках восьми секций:

1. Новые теории текста и дискурса.
2. Политический дискурс в зеркале языка.
3. Лингвистические единицы в когниции и коммуникации.
4. Лингвистические и лингводидактические проблемы диалога культур.
5. Общие вопросы обучения иностранным языкам в вузе.
6. Иностранный язык для специальных и академических целей.
7. Электронное и дистанционное обучение иностранным языкам.
8. Перевод и переводоведение в подготовке специалистов в вузе.

Актуальность и полезность тематики конференции подтвердилась не только большим количеством участников из разных уголков земного шара, но и живой и содержательной дискуссией, сопровождавшей все форматы работы конференции. Пленарные и секционные заседания чередовались с интерактивными семинарами, мастер-классами и круглыми столами, на которых участники обменивались знаниями, опытом и обсуждали наиболее перспективные подходы к исследованию языков и методы, применяемые в языковой подготовке специалистов, чья будущая деятельность тем или иным образом связана с иностранными языками или переводом.

В данный двухтомник вошло более 200 статей по материалам прозвучавших докладов по самому широкому кругу современных вопросов теоретической и прикладной лингвистики.

В Том 1 включены доклады, посвященные научно-теоретическому осмыслению языковых явлений, а также чрезвычайно актуальным в наши дни проблемам политического дискурса и межкультурной коммуникации (секции 1–4). В Том 2 вошли материалы, связанные с решением прикладных задач языкознания, стоящих перед высшей школой (секции 5–8).

Секция 1
Новые теории
текста и дискурса

Прагматическое воздействие эвиденциальных высказываний в немецких медиатекстах

Т. Н. Астахова

Северный (Арктический) федеральный университет
им. М. В. Ломоносова

Аннотация

Эвиденциальность — это категория, средства выражения которой указывают на источник информации и способ ее получения. В медиатекстах чаще всего встречается эвиденциальное значение “цитатив”, при котором информация была получена от других лиц, названных конкретно. В данной статье проанализированы средства, с помощью которых оказывается прагматическое воздействие на читателя в эвиденциальных высказываниях со значением “цитатив”. Исследование проводилось на материале немецких медиатекстов, посвященных проблеме депортации афганских беженцев из Германии. В результате анализа было выявлено, что в немецких медиатекстах преобладают мнения личностей, выступающих против высылки афганских беженцев из Германии. Мнения личностей, поддерживающих высылку беженцев в Афганистан, встречаются в медиатекстах намного реже. Прагматическое воздействие на читателя в эвиденциальных высказываниях оказывают средства, используемые для формулирования аргументов: оценочная лексика; сравнительные конструкции; ссылки на авторитетные источники; средства выражения эпистемической модальности.

Ключевые слова: эвиденциальность, цитатив, медиатексты, прагматическое воздействие, аргументация.

Эвиденциальность — это категория, средства выражения которой указывают на источник информации и способ ее получения. В немецком языке эвиденциальность целесообразно рассматривать как функционально-семантическую категорию, которая выражается с помощью средств разных языковых уровней.

Значимой характеристикой любого медиатекста является наличие в нем указаний на источник информации. Следовательно, в медиатекстах присутствует значительное количество эвиденциальных высказываний. Эвиденциальные высказывания состоят из модусной и пропозитивной части. В пропозитивной части приводится основная информация, в модусной — указание на ее косвенный источник [2, с. 15].

Большинство медиатекстов оказывает прагматическое воздействие на читателей и слушателей [3, с. 25]. Г. Я. Солганик отмечает, что “картина мира, создаваемая в СМИ, предназначена для информирования, а также для убеждения, воздействия. Поэтому она во многом зависит от идео-

логических, политических установок адресанта” [4, с. 795]. Для убеждения читателя журналисты используют аргументы, поэтому при изучении прагматического воздействия следует уделять внимание аргументации, под которой понимают “приведение доводов с целью изменения позиции, или убеждений, другой стороны” [1, с. 6].

В медиатекстах чаще всего встречается эвиденциальное значение “цитатив”, при котором информация была получена от других лиц, названных конкретно. Для формулирования аргумента в СМИ может использоваться ссылка на авторитет, оценочные средства, а также средства, выражающие уверенность говорящего [1]. Перечисленные компоненты характерны для эвиденциальных высказываний.

В данной статье проанализированы средства, с помощью которых оказывается прагматическое воздействие на читателя в эвиденциальных высказываниях со значением “цитатив”. Исследование проводилось на материале немецких медиатекстов, посвященных проблеме депортации афганских беженцев из Германии. Проанализированные статьи были опубликованы на сайтах электронных версий СМИ в конце 2016 — начале 2017 года.

В немецких медиатекстах представлены две точки зрения на проблему:

- 1) мнения личностей, выступающих против высылки афганских беженцев из Германии;
- 2) мнения личностей, поддерживающих депортацию афганских беженцев на родину.

Наиболее часто встречаются мнения политиков и организаций, критикующих депортацию афганских беженцев на родину.

В статье о дебатах в бундестаге такую точку зрения представляет оппозиционный политик Улла Ельпке из Левой партии. *Jelpke zitiert aus einem eigentlich nicht für die Öffentlichkeit bestimmten Lagebericht des Außenministeriums, demzufolge die Taliban in Afghanistan ungehindert auf Zivilisten losgingen. Die Bundesregierung erzeuge ein Trugbild von sicheren Zonen* [5]. В первом предложении цитатив выражается в главном предложении. Здесь в главном предложении подчеркивается скрытый характер оперативной сводки министерства иностранных дел, а в придаточном — дается отрицательная оценка ситуации в Афганистане. Во втором предложении цитатив выражается с помощью конъюнктива косвенной речи; для отрицательной оценки действий правительства Германии употребляется существительное *das Trugbild*, которое характеризует ситуацию как не соответствующую действительности. Здесь оценочные средства используются для формулирования аргумента.

В другой статье уполномоченная правительства Германии по интеграции, политик партии СДПГ Айдан Озогуз также дает отрицательную оценку ситуации в Афганистане: *Es gebe in Afghanistan “zweifelloser Krieg und Terror, betonte die Staatsministerin* [7]. — Здесь цитатив выражается с помощью вводного предложения и конъюнктива косвенной

речи; отрицательную оценку несут в себе существительные *der Krieg, der Terror*. Кроме того, в предложении слова политика представлены как гиперссылка на статью про опасности в Афганистане. В эвиденциальном высказывании используется вводное слово *zweifellos*, которое представлено в виде прямой речи и выражает уверенность политика в ее словах. Следовательно, здесь реализуется категория эпистемической модальности. Кроме того, Озогуз может выступать в качестве авторитета для ряда граждан Германии. Таким образом, здесь для выражения аргумента используются оценочная лексика, ссылка на авторитет и модальное средство.

Такие СМИ, как “Zeit Online”, “Frankfurter Allgemeine Zeitung”, “Focus Online”, “Sputnik” (агентство, принадлежащее медиагруппе “Russia Today”) приводят высказывания представителей ООН, которые тоже отрицательно относятся к депортации афганских беженцев: *Nein, es ist dort nicht sicher und die Lage verschlechtert sich sogar noch weiter, widerspricht hingegen das UN-Flüchtlingshilfswerk UNHCR* [7]. — Здесь дано мнение представителей Агентства ООН по делам беженцев, однако конкретные лица не указаны. Тем не менее, упоминание в качестве источника авторитетной организации даже без ссылок на личности является средством аргументации. Эвиденциальное значение “цитатив” выражается во вводном предложении. Оценочный аргумент эксплицируется посредством лексики с соответствующей коннотацией: *nicht sicher, verschlechtert sich*.

Лишь в немногих медиатекстах представлена точка зрения личностей, поддерживающих высылку афганских беженцев из Германии. *“Eine Sammelabschiebung ist überhaupt kein Skandal“, sagt Stephan Mayer (CSU) gleich zu Beginn. Kein Land habe sich neben Schweden so humanitär gezeigt wie Deutschland, weshalb Vorwürfe verfehlt seien* [5]. — Здесь приводится точка зрения политика ХСС Стефана Майера. В качестве средства выражения значения “цитатив” служит конъюнктив косвенной речи. Политик дает положительную оценку действиям правительства Германии; для выражения оценочности используется сравнительная конструкция. В данном случае присутствует оценочный аргумент.

В статье, размещенной на сайте газеты “Tagesspiegel”, дана точка зрения министра внутренних дел Германии Томаса де Мезьера: *Unter den aus Deutschland nach Afghanistan abgeschobenen 34 abgelehnten Asylbewerbern waren nach Angaben de Maizières ein Drittel Straftäter. Sie seien wegen Vergehen wie Diebstahl, Raub, Drogendelikten, Vergewaltigung und Totschlag verurteilt worden, sagte de Maizière am Donnerstag in Berlin* [6]. — В первом предложении цитатив выражается с помощью предложной группы, во втором — посредством вводного предложения в сочетании с конъюнктивом косвенной речи. Де Мезьер может выступать в качестве авторитета для некоторых политиков и граждан, в данном случае его слова будут являться средством аргументации. В своей речи министр внутренних

дел Германии дает отрицательную оценку беженцам из Афганистана, используя соответствующую лексику: *Straftäter, Vergehen, Diebstahl, Raub, Drogendelikten, Vergewaltigung, Totschlag, verurteilen*, поэтому здесь также присутствует оценочный аргумент.

В результате исследования было выявлено, что в проанализированных немецких медиатекстах преобладают мнения личностей, выступающих против высылки афганских беженцев из Германии. Приводя разные аргументы, политики и представители организаций пытаются убедить правительство и граждан Германии, что ситуация в Афганистане остается опасной, и депортация беженцев в эту страну следует приостановить. Мнения личностей, поддерживающих высылку беженцев в Афганистан, встречаются в медиатекстах намного реже.

Прагматическое воздействие на читателя в эвиденциальных высказываниях оказывают средства, используемые для формулирования аргументов: 1) оценочная лексика (*das Trugbild, nicht sicher* и др.); 2) сравнительные конструкции: *kein + существительное + глагол + so + прилагательное + wie*; 3) ссылки на авторитетные личности (*de Maizière, Aydan Özoğuz*) или на авторитетные организации (*das UN-Flüchtlingshilfswerk UNHCR*); 4) средства выражения эпистемической модальности (*zweifellos*).

Список литературы:

1. Ивин А. А. Основы теории аргументации: учебник. 2-е изд. М.; Берлин: Диалект-Медиа, 2015. 459 с.
2. Козинцева Н. А. Типология категории засвидетельствованности // Эвиденциальность в языках Европы и Азии: сб. ст. памяти Н. А. Козинцевой. СПб.: Наука, 2007. С. 13–36.
3. Современный медиатекст: учеб. пособие / отв. ред. Н. А. Кузьмина. 3-е изд., стер. М.: Флинта, 2014. 416 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://rucont.ru/efd/244382><https://rucont.ru/efd/244382> (дата обращения: 20.03.2017).
4. Солганик Г. Я. Язык СМИ // Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 793–795.
5. *Süddeutsche Zeitung* [Elektronische Ressource]. URL: <http://www.sueddeutsche.de> (Datum des Zugriffs: 20.03.2017).
6. *Tagesspiegel* [Elektronische Ressource]. URL: <http://www.tagesspiegel.de/> (Datum des Zugriffs: 20.03.2017).
7. *Zeit Online* [Elektronische Ressource]. URL: <http://www.zeit.de> (Datum des Zugriffs: 20.03.2017).

Сведения об авторе:

Астахова Татьяна Николаевна, к. ф. н., преподаватель, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова, Архангельск, Россия; e-mail: astahovatn@gmail.com

PRAGMATIC EFFECTS OF EVIDENTIAL UTTERANCES IN GERMAN MEDIATEXTS

Tatyana N. Astakhova

Candidate of Philology, Lecturer, Northern (Arctic) Federal University
named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia; e-mail: astahovatn@
gmail.com

Abstract

Evidentiality is a category expressed by the means that give reference to the information source and to the way how this information was acquired. The most common evidential meaning in mediatexts is quotative which denotes that the information was received from another particular person. This article focuses on the linguistic means that produce pragmatic effect on readers in evidential utterances with the meaning “quotative”. The study was conducted on German mediatexts devoted to the deportation of Afghan refugees from Germany. The analysis shows that opinions of the people who argue against deportation of Afghan refugees from Germany prevail in German mediatexts, while opinions of the people who support deportation of refugees to Afghanistan scarcely occur. Pragmatic effects on readers in evidential utterances is produced by means used for argumentation: evaluative lexis, comparative constructions, references to authoritative sources, markers for expression of epistemic modality.

Key words: evidentiality, quotative, mediatexts, pragmatic effects, argumentation.

References:

1. Ivin, A. A. (2015). *Osnovy teorii argumentatsii [Fundamentals of the Argumentation Theory]* (2nd ed.). Moskva, Berlin: Direct Media.
2. Kozinceva, N. A. (2007). Tipologija kategorii zasvidetel'stvovannosti [Typology of the Evidentiality Category]. In *Evidentsial'nost' v iazykakh Evropy i Azii [Evidentiality in Languages of Europe and Asia]* (pp. 13–36). Sankt-Peterburg: Nauka.
3. Kuz'mina, N. A. (Ed). (2014). *Sovremennyi mediatekst [Modern Mediatext]* (3rd ed.). Moskva: Flinta. Retrieved 20 March, 2017 from: <https://rucont.ru/efd/244382>.
4. Solganik, G. Ia. (2003). Iazyk SMI [Language of Mass Media]. In L. Iu. Ivanov, A. P. Skovorodnikov, E. N. Shiriaev (Eds.), *Kul'tura russkoi rechi [Culture of Russian Speech]* (pp. 793–795). Moskva: Flinta, Nauka.
5. Süddeutsche Zeitung. Retrieved 20 March, 2017 from: <http://www.sueddeutsche.de>
6. Tagesspiegel. Retrieved 20 March, 2017 from: <http://www.tagesspiegel.de>
7. Zeit Onlinez. Retrieved 20 March, 2017 from: <http://www.zeit.de>

Три революции в современном языкознании, преобразовавшие представление его предмета

М. Я. Блох

Московский педагогический государственный университет

Аннотация

В работе рассматривается проблема расширения предмета языкознания в его современной истории, то есть с конца XIX века — начала XX века по настоящее время. Современное языкознание прошло через три кризисных состояния, повлекшие за собой коренные изменения его предмета. Осуществление таких изменений можно фигурально назвать “революциями”. Первая революция произошла в начале прошлого века, результатом ее явилось создание оппозиционной фонологии и морфологии (парадигматическая фонограмматика слова). Вторая революция пришлось на середину прошлого века, результатом ее оказалось создание оппозиционного синтаксиса (парадигматическая грамматика предложения). Третья революция началась в семидесятые годы прошлого века и продолжается поныне. В ходе этой революции развивается грамматика текста и совершено открытие элементарной единицы текста, названной диктемой. Фундаментальным результатом третьей революции является формирование третьей части грамматики — грамматическая теория текста, в основание которой кладется учение о диктеме.

Ключевые слова: диктета, революция, кризис, парадигматика, оппозиция, предмет науки, номинация, предикация, стилизации, ядерное языкознание, промежуточные дисциплины.

Строгое выделение предмета любого научного знания осуществляется при его оформлении в самостоятельную дисциплину. **Предмет** выделяется во включающем широком **объекте**. Однако формирование предмета на этом не заканчивается. Фактически оно продолжается за все время существования дисциплины в связи с ростом знаний о предмете и объекте. Бывают периоды, когда проблема предмета дисциплины выдвигается на первый план — в силу складывания особой конъюнктуры в ходе научного и общественного развития. Возникает как бы кризис дисциплины. Науки дифференцируются и интегрируются, и оба взаимно-противоположных процесса в условиях кризиса своеобразно переkreшиваются в становлении смежных, пограничных дисциплин.

В своей новой истории (с конца XIX — начала XX века) языкознание столкнулось с тремя подобными кризисами, повлекшими за собой соответствующие “революции” — то есть переосмысления предмета науки. Первый кризис — отрицание вновь разработанной системной теории — морфологическим структурализмом — предшествовавшего “ато-

мистического” сравнительно-исторического подхода к языку (десятые годы XX века) и, кроме того, стремление преодолеть нечеткость статуса языковых исследований в размытом комплексе дисциплин, называемых “филологией”. Содержание этой первой революции — именно разработка структурализма слова вместе с оппозиционной теорией в фонетике и морфологии. Второй кризис — отрицание морфологического структурализма порождающей грамматикой (середина XX века). Содержание этой революции — разработка оппозиционной теории синтаксиса с последующим выдвиганием теории парадигматического синтаксиса, то есть парадигматической теории предложения. Третий кризис, переживаемый языкознанием в наше время конца XX — начала XXI века, — отрицание парадигматического подхода к языку теми направлениями науки, которые суммарно и обобщенно можно назвать “коммуникативным языкознанием”. Содержание совершаемой революции — разработка системной лингвистической теории текста как речевого выхода динамики парадигматической текстообразующей системы языка.

Итак, в бурно развивающемся языкознании нашего времени снова на первый план выдвинута проблема его предмета.

Следует назвать три главных фактора особой актуальности этой проблемы для нас, современных лингвистов.

Первый фактор — развитие смежных наук, их вторжение в область языкознания. В результате этого вторжения система языка, как в эпоху пред-соссорианскую, начинает затемняться и теряться — на этот раз за логико-прагматической лингвистикой, математической лингвистикой, психологической лингвистикой, социологической лингвистикой, семиотической лингвистикой, гносеологической лингвистикой и другими периферийными лингвистиками. Происходит парадоксальный процесс, подобный процессу дососсорианского языкознания, но как бы вывернутый наизнанку: система языка теряется, но не в связи с атомизированием внутренней системы языка прежними теориями, а в связи с внешней, околотингвистической проблематикой. Хотя понятие системы языка склоняется направо и налево, действительная система языка оказывается затертой среди великого конгломерата этой смежной проблематики.

Второй фактор — внутренний, возникший в собственных рамках языкознания. Этот фактор заключен в лингвистике текста, сомкнувшейся с прагмалингвистикой или коммуникативной лингвистикой и в этом качестве заявляющей претензии на роль главной лингвистической дисциплины [5]. Лингвистика текста, как это ни парадоксально звучит, продолжает линию смещенного определения языка, данного в теории порождающей грамматики в пятидесятые годы прошлого века и утверждающего, что язык есть множество предложений [7]. В самом деле, стоит сделать лишь один шаг дальше, и перед нами — новейшая формула “сущности языка в последней инстанции”: язык — множество **текстов**. Такое понимание языка вытекает из ложного утверждения семиотиков

и текстолингвистов о том, что текст есть не что иное, как главная и подлинная единица языка.

Третий фактор непосредственно касается российских лингвистов; он состоит в **пересмотре** материалов дискуссии по вопросам языкознания 1950 года. В рамках этого, говоря без обиняков, довольно легковесного пересмотра подвергается сомнению верность данного в ходе дискуссии структурного определения основы языка, гласящего: **основу языка, сущность его специфики составляет основной словарный фонд и грамматический строй**. Надо сказать, что за такой критикой того, что в силу элементарной очевидности критике не подлежит, затемняются **подлинные издержки** указанной дискуссии, приведшие к чудовищно негативным последствиям, а именно: возведение лингвистических сочинений Вождя (собранных в работе “Марксизм и вопросы языкознания”) в ранг абсолютной истины, шельмование теории оппозиций, отрицание ценности сопоставительных исследований и запрет на них — то есть, в конце концов, отрицание коренных достижений теоретического языкознания XX века.

Обозревая факторы актуальности проблемы предмета языкознания и учитывая содержание современной критики “традиционного системного языкознания [6]”, мы видим, что центральным положением сторонников “новейшего” курса в языкознании является требование сдвига в актуальных исследованиях “от языка к речи”, “из структуры в текст”.

Но спросим себя: **для чего** нужно лингвистике **разграничение языка и речи**? Для того, чтобы просто выделить две стороны своего предмета? Или для того, чтобы, расчленив **объект** — то есть **средство и результат его действия** — выделить в качестве единственного **предмета** науки именно **средство**? Ответ может быть только один: наш предмет, предмет современного (а также прошлого и будущего) языкознания — это **средство** формирования мысли, то есть **средство построения речи**, то есть действующая, функционально-парадигматическая система звуковых артикулируемых знаков, опосредующая формирование мыслей, их передачу в процессе общения, их хранение в памяти и в зафиксированных текстах [3].

Следует помнить, что языкознание в лице своего первограмматического учения началось именно с вычленения **языкового плана в речи** — и далее, через века своего существования, все более и более расширяло и развивало понимание и знание этого плана.

В частности, один из существенных моментов расширения понимания языка состоит в ясном представлении того, что как только мы погружаемся в конкретность речи, иначе в речевую мысль, и еще раз иначе, в смысл сказанного, язык немедленно исчезает. По-иному и быть не может, поскольку языка как такового, языка в непосредственной ипостаси своего существования, в речи нет. Язык лишь репрезентирован в ней овеществленными, материальными, внешними признаками. И здесь нет никакого чуда: **инструмент** любого творчества (а речь, как мы знаем, есть речемыслительное творчество), по определению, не предназначен

для того, чтобы **переходить из рук творца в произведение творчества**. Инструмент остается принадлежностью мастера-творца, отчуждаются от него лишь его произведения. Язык, служа человеку инструментом построения речи (то есть овеществления мысли), актом речи от человека не отчуждается и отчужден быть не может.

Называя современное языкознание системным, мы должны помнить, что основа системной концепции языка состоит в последовательном вычленении парадигматических отношений языковых знаков в их разграничении с синтагматическими отношениями. Отношения парадигматики и синтагматики неравноправны и весьма асимметрично связаны друг с другом. Асимметрия их связи состоит, прежде всего, в том, что **парадигматика выявляется через синтагматику**, поскольку любой парадигматический ряд предстает в виде некоторой совокупности синтагм. Данное соотношение остается затемненным в современных, особенно же в текст-лингвистических толкованиях. Оно не было четко выявлено и в учении Ф. де Соссюра, поскольку его парадигматика (ассоциативный аспект языка) была ограничена областью морфологии. Соссюровская парадигматика есть парадигматика слова, а соссюровская синтагматика воплощена в синтаксисе, являющемся лишь областью выхода парадигматики. В наше время такой парадигматике (парадигматике слова) противопоставляется текст, если не считать **интерпретационную “парадигматику”** текстов (это вторично-парадигматические, то есть парафразовые, а не деривационные, соотношения: ср. оригинальный текст — текст-резюме — текст-сокращение — текст-тезисы — толкование текста и т.д.).

Однако в начале второй половины века, в противовес морфологическому парадигматизму, была выдвинута идея деривационно-синтаксического парадигматизма, которая к концу 70-х годов оформилась в теорию парадигматического синтаксиса [3]. Эта теория, в конечном счете, укрепила и развила самую теорию оппозиционно-парадигматической морфологии (являющейся, собственно говоря, оппозиционно-парадигматической лексематикой), показав статус последней как нижнего яруса парадигматического синтаксиса.

Развиваясь дальше, парадигматический синтаксис достраивает парадигматико-уровневое представление языковой системы, демонстрируя, вопреки отрицанию возможности сверх-предложенческих грамматических связей [4; ср. 8], на верхней границе сегментных уровней языка, то есть на переходе от предложения к целому тексту, интегративную единицу тематически- (топикально-) событийного обозначения. Это — открытая и описанная вашим покорным слугой (1984 г.) **элементарная единица текста** или **диктема**. По общему реверсивному принципу иерархического соотношения уровней сегментов, эта единица образуется либо одним, либо несколькими предложениями. Тем самым теория парадигматического синтаксиса демонстрирует не противоречие, то есть не взаимоисключающее противостояние, а естественное соотношение

текста и парадигматики языка в целом, ибо показывает, что предназначение языковой парадигматики как раз и состоит в выведении единиц языка как средств построения речи-текста в действительно развертывающуюся речь — текст. При этом непосредственным звеном данного выведения служит диктема — элемент текста, имеющий, как и предложение, **модельно-признаковое** существование в языке (существование не в конкретном, словесно выраженном воплощении, а существование в виде **моделей** или **структурных схем** [2]).

В диктеме, через образующие ее предложения, реализуются четыре главных знаковых функции языка, а именно, **номинация, предикация, тематизация (топикализация) и стилизация**. Номинация — именование событий или ситуаций; предикация — соотнесение этого именования с действительностью; тематизация — информационно-семантическое включение диктемы в развертывающийся текст; стилизация — оформление высказывания необходимыми прагматико-выразительными коннотациями, соответствующими, в широком смысле, условиям общения. Стилизация — это одна из кардинальных функций диктемы, поскольку именно в диктеме как относительно законченном фрагменте текста, то есть как **элементарном тематически-выделимом тексте**, выявляется коммуникативное назначение речи как таковой: **что** говорится, **кому** говорится, **для чего** говорится, а отсюда — **как, каким** образом, **какими средствами** говорится [1].

Осмысление роли стилизации в диктеме дает основание добавить к обычно различаемым в языкознании трем **кардинальным сторонам языка — фонетическому строю, словарному составу (лексическому строю) и грамматическому строю** — еще и четвертую сторону в виде **стилистического строя** языка. Последний можно определить, в конечном счете, как систему стилизаций, действующую в языке. Грамматический строй и стилистический строй интегративны в том смысле, что, взаимодействуя, осуществляют коммуникативное выведение номинативных единиц языка в речь. С другой стороны, современное языкознание получает возможность добавить к традиционной двухчастной грамматике (грамматика слова — морфология, грамматика предложения — синтаксис) еще и третью часть грамматики — грамматику диктемы как теорию текста.

Отмеченные четыре составляющих языка в совокупности образуют то, что называется его общим строем или системой. Следовательно, они-то и составляют ядро предмета языкознания. Если отнять у языкознания это ядро, то не останется не только языкознания, но и смежных с ним промежуточных дисциплин: не останется ни прагмалингвистики, ни психолингвистики, ни социолингвистики, и никакой другой смежно-лингвистики. Но, с другой стороны, выделив и определив ядро предмета лингвистики, мы можем со всей четкостью утверждать, что это выделение и определение (подчеркнем, парадигматическое определение языка в его четырех кардинальных аспектах) вовсе не отрицает, а, наоборот, предполагает правомерность и необходимость наличия смежных

с языкознанием (если угодно, с ядерным языкознанием) дисциплин со своими предметами. Поскольку же предметы дисциплин определены, они уже не могут подлежать подмене, и между ними устанавливается естественное взаимодействие, ведущее к обогащению каждой из них, и прежде всего языкознания как науки о системе или строе языка:

Того языкознания, которое, пройдя в современной, новейшей интеллектуальной истории общества, **три революции: морфологическую (= лексематическую), синтаксическую (пропозематическую, то есть предложенческую) и дискурсологическую (= в рамках которой развивается диктемная теория текста)**, заняло в современной раскладке отраслей научного знания прочное место фундаментальной науки с ее многочисленными практическими приложениями.

Список литературы:

1. Блох М. Я. Диктема в уровневой структуре языка // Вопросы языкознания. 2000. №4. С. 56–67.
2. Блох М. Я. Философия слова: семь воплощений лексемы // Преподаватель: XXI век. 2010, №2. С. 302–315.
3. Блох М. Я. Теоретические основы грамматики. М.: ВШ, 2016. 248 с.
4. Блумфилд Л. Язык. М.: Либроком, 2010. 610 с.
5. Вейхман Г. А. Грамматика текста. М.: В.Ш, 2005. 639 с.
6. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. М.: УРСС, 2009. 269 с.
7. Chomsky N. The Science of Language: Interviews with James McGilvray. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 328 p.
8. Halliday, M. A. K. On Language and Linguistics / ed. by J. J. Webster. A&C Black, 2006. 476 p.

Сведения об авторе:

Блох Марк Яковлевич, д. ф. н., профессор, Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия; e-mail: blmy2@mail.ru

THREE REVOLUTIONS IN MODERN LINGUISTICS THAT HAVE REFORMED THE PRESENTATION OF ITS SUBJECT

Mark Y. Blokh

Doctor of Philology, Professor, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia; e-mail: blmy2@mail.ru

Abstract

Considered is the problem of broadening the subject of linguistics in its modern history, i.e. from the end of the XIX century — the beginning of the XX century up to the present. Modern linguistics passed through three critical periods that entailed radical changes of its subject. Realization of such changes

can figuratively be called “revolutions”. The first revolution occurred at the beginning of the last century and on. Its final result was the development of the oppositional phonology and morphology (paradigmatic phonology and grammar of the word). The second revolution happened to fall on the middle of the last century. As a result of it the oppositional syntax was developed (the paradigmatic grammar of the sentence). The third revolution began in the seventies of the last century and is being continued at present. In the course of it the grammar of text was developed and the elementary unit of text was discovered which was called the “dicteme.” The cardinal achievement of this revolution is the formation of the third part of grammar, namely the grammar of the dicteme that will constitute the basis of the grammar of text.

Key words: dicteme, revolution, crisis, paradigmatics, opposition, the subject of a science, nomination, predication, kernel linguistics, intermediary disciplines.

References:

1. Blokh, M. Y. (2000). Diktema v urovnevoj structure yazyka [Dicteme in the level structure of language]. *Voprosy yazykoznaviya [Problems of Linguistics]*, #4, 56–67.
2. Blokh, M. Y. (2010). Filosofiya slova: sem' voploshchenij leksemy [The Philosophy of the Word: Seven Images of a Lexeme]. *Prepodavatel XXI vek [Teacher: XXI Century]*, #2, 302–315.
3. Blokh, M. Y. (2016). Teoreticheskie osnovy grammatiki [Theoretical Foundations of Grammar. Moskva: Vysshaya Shkola Publ.
4. Bloomfield, L. (2010). Yazyk [Language]. Moskva: Libcom Publ.
5. Veikhman, G. A. (2005). Grammatika teksta [The Grammar of Text]. Moskva: Vysshaya Shkola Publ.
6. Saussure, de F. (2009). Kurs obshchej lingvistiki. A Course of General Linguistics. Moskva: URSS.
7. Chomsky, N. (2012). The Science of Language: Interviews with James McGilvray / Cambridge: Cambridge University Press.
8. Halliday, M. A. K. (2006). On Language and Linguistics / ed. by J. J. Webster. A&C Black.

Лингвистика и новые медиа

Т. А. Болдова

Московский педагогический государственный университет

Аннотация

В статье рассматривается ситуация в лингвистике, которая находится в процессе становления новых парадигм и, когда должны быть найдены ответы на вопросы, как поддерживается коммуникативный процесс

в интернете как особой среде действия письменного текста и как формируется виртуальная языковая личность. В статье стоит задача дать оценку масштабам формирования новых парадигм лингвистического знания и параметрам новой отрасли лингвистического знания. Рассматривается тема современных трансформаций функционирования языка в сети Интернет, способы формирования сетевой идентичности, вопросы протекания речевых процессов в сети.

Ключевые слова: новые медиа, лингвистика, новые парадигмы, сетевая идентичность, текст, дискурс.

В сложившейся современной лингвистической ситуации концепт гипертекст рассматривается с точки зрения современных коммуникаций на основе теории конструктивизма и теории текста с изучением различных подходов и методов. В современной прикладной лингвистике предлагается разрешение проблем в становлении новых понятий, с которыми сталкиваются и могут в будущем столкнуться ученые-лингвисты. Определяется и терминологическая система интернет-лингвистики.

Медиареволюция требует компетентного обращения с этими медиа. У ученых есть два вопроса: “Что эти медиа делают с человеком и что нужно делать людям с новыми медиа?” Амбивалентный характер новых технологий — это характер их развития в купе с огромными возможностями. У человека дефицит отдельных способностей, ему требуется теоретический фундамент, а также хорошо структурированный обзор о конкретных возможностях использования гипертекстовых технологий. Тема гипертекста в последние годы представлена как наиболее актуальная на всех интернациональных научных конференциях. основополагающим научным исследованием в этой области являются труды Дж. П. Ландоу, наиболее значимого теоретика концепции гипертекста появившейся в 2006 г. в третьем издании [4]. Необходимое теоретическое обоснование концепта гипертекста как основополагающей категории защищалось с указанием на имеющиеся уже исследования. На сегодняшний день теории классической лингвистики текста, классической прагматики текста, теории речевых актов не в состоянии соответствующим образом охватить мультимедиальность новых медиа в лингвистическом объяснении. Представляется, что возможно с помощью более точных противопоставлений, сравнений между традиционной лингвистической теорией и концептом гипертекста будет достигнуто в самое ближайшее время совершенно новое в лингвистике. При этом обращается внимание на мнения традиционалистов в этой области. Если мы рассматриваем гипертекст, то естественно необходимо обратиться к теории текста, где синтагматика и парадигматика восходят к знаковой теории де Соссюра. Синтагматика обращает внимание на отношение между существующими языковыми знаками между собой в комплексных единствах. Это

отношение *in praesentia*: “мой — дядя — поет”. Парадигматика обращает внимание на отношение *in absentia*: мой — дядя — поет; моя — тетя — смеется. При этом контекст находится внутри текста касательно синтагматических текстовых отношений внутренних полей, где начало, середина, конец есть близкие, но удаленные части. Контекст есть внешнетекстовые отношения, где есть разговорные, дискуссионные поля различного свойства. Когеренция текста обозначает семантическое единство глубоких структур, а когезия обозначает грамматико-языковые, риторические, повествовательные единства поверхностных структур.

Гипертекст — это совершенно новый коммуникационный продукт. Критерием типов гипертекстов является канал распространения, где в рамках каждого текста создается и функционирует интернет. Текст-коллаж не имеет границ контекста как семантически единого парадигматического единого. Нет границ между внутренним и внешним контуром. Характеристики этих текстов в первую очередь определяются возможностями интернета. Такие характеристики как, интерактивность (возможность обратной связи и непосредственного участия в процессе коммуникации; нелинейность; цифровая форма использования цифровых форматов; модульность как комбинирование разнородных компонентов в едином информационном пространстве; мгновенная коммуникация; конвергенция, приводящая к созданию гибридных форм текстов и интеграции различных технологий; гранулятивность, когда чем больше дробится информация, тем больше возникает соединений, и тем самым, больше “гранулирован” гипертекст, то есть усложняется в нем навигация.

Порождается новый формат культуры гипертекста. В нем есть: интеграция как комбинирование художественных форм и технологий с образованием гибридной формы выразительности; интерактивность как способность пользователя реагировать и самостоятельно манипулировать собственным восприятием медиа, общаться через медиа с другими людьми; гипермедиа как связывание отдельных элементов медиа друг с другом; погружение как опыт симуляции модели трехмерного окружения; повествовательность как возникновение новых эстетических стратегий, имеющих своим результатом нелинейные формы повествования и репрезентации.

Таким образом, гипертекст есть сетевой мультилинейный, мультисеквентный продукт, состоящий из текстовых блоков лексий, позволяющих пользователю интерактивно взаимодействовать через тексты, осуществляя электронные соединения с другими текстами, где лексии — это соединенные текстовые блоки или узлы гипертекста, как сетевая структура возможных путей прочтения текста через синтагму. При этом различаются два типа синтагм: 1) внутри одного узла как лексии; 2) из нескольких узлов как объединение текстовых отрывков. Первый тип не отличается от традиционного текста, характеризуется одновременностью появления знаков на экране монитора и называется — “одновременные синтагмы”. Второй тип обозначается как гипертекстуальный тип, как

форма “последовательной синтагмы” (термины Питера Андерсена [2]). Первый тип “пролистывается” с помощью мыши на экране, второй тип достижим через указатели в других лексиях. Называются оба эти типа как синтагма и гипертагма (исходя из терминологических и языковых обоснований), как два типа новой парадигмы, а именно — парадигма и гипердигма (ее гиперспецифика). Гипердигма — это актуальная реализация возможностей выбора, которые получает читатель гипертекста через гипердигму. Это выбранный путь, по которому читатель текста передвигается в сети через текстовое гиперпространство. Гипертагма — это то, что выбрано из гипердигмы через индивидуальную интеракцию пользователя с гипертекстом. Узлы находятся в гипертагме, как комбинация “и-отношения”. Гипердигма, дающая возможность выбора узлов, находятся друг с другом в комбинации “или-отношения (селекция)”. Если в узле есть возможность выбора чтения в других узлах, то говорится о темпоральной гипердигме.

Такой текст представляет собой не результат селекции, а гипотезу. Селекция решается читателем гипертекста в относительном незнании альтернатив и может образовывать специальные гипотезы. Читатель выбирает между имеющимися альтернативами, которые он не знает, в отличие от традиционного текста, когда он состоит из известных альтернатив текста. При этом гипердигма есть функция чтения, а не текста. Признанным определением гипертекста как “фундаментальной интертекстуальной системы”, является термин немецкого учёного Дж. П. Ландоу [4], в которой “линк между двумя последними страницами представляется как последовательность в непрерывности”. Читатель гипертекста начинает читать в одной книге, а далее продолжает в другой, заканчивает в третьей. Гипертекст порождает через возможность соединений диалог между текстом и другими текстами / контекстами. Концепт гипертекста тесно связан с языковыми, литературными, коммуникативно-теоретическими направлениями, которые выделяются благодаря интерактивности и креативности.

Такие традиционные гуманитарные понятия, как слово, знак, текст получают в новом контексте новый смысл. Так, гипертекст — это среда, в которой текст “оживает” в процессе обмена информацией; гипертекст — это явление культурного характера, как некое устройство вырабатывающее, передающее и хранящее информацию.

В гипертексте языком являются не только естественные языки, но и различные лингвистические системы (язык символов). При этом важно отметить понимание роли языка и текста через философию постструктурализма как действие, движение, мысль, рефлексия, сознание, бессознательный опыт, эмоции. В конце 60-х годов, когда основная лексика черпалась и имела становление на базе информатики (на основе “математических” наук в этой области: математики, алгебры, физики), основная терминология относилась к обозначениям приборов, технических машин, автоматике, искусственного интеллекта. Понятия были не совсем

точными как определения. Они описывали очень конкретные специальные аспекты, которые в повседневной коммуникации должны были как-то преобразовываться, то есть было очень четкое разделение повседневного языка и так называемого компьютерного. Затем наступила открытая фаза использования информационной сети, публичная фаза — и изменилась лексика. Появились новые жанры коммуникации: чат, электронная почта, веб-форумы, блоги, “живые журналы” и т.д. Человек — это социальный актер, находящийся с окружающим миром в интеракции, а окружающий мир — это рамки, где коммуникация осуществляется как коммуникативная модель [3]. Сокращенно эта модель была названа как форма S.P.E.A.K.I.N.G. На её основе можно понять использование языка в сетевой социальной жизни и основных норм как базисной основы интеракции, когда идея оформляется в сети в письменной форме, и этот текст становится уже самостоятельной единицей живого языка. А когда другие пользователи работают над этим текстом, то уже и этот текст становится новым живым общением, становится частью нового дискурса. Таким образом, текст “входит в дискурс”, но при этом нет абсолютного разграничения текста и дискурса [1]. Эта тема о лингвистике и медиа необъятна, но мы ограничились этой краткой статьёй.

Список литературы:

1. Болдова Т. А. Возможности использования трехмерных моделей сценариев в преподавании иностранного языка. // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. Вып. 4(775). Обеспечение качества и развития языкового образования в нелингвистическом вузе. М., 2017, 143–150.
2. Andersen P. Hypertext, Concepts, Systems and Applications, 1992, Cambridge, P. 227.
3. Dürscheid Chr. Medienkommunikation im Kontinuum von Mündlichkeit und Schriftlichkeit. Theoretische und empirische Probleme // Ztschr. für angew. Linguistik. Frankfurt a. M., 2003. P. 37–56.
4. Landow G. P. Hypertext 3.0. Critical Theory and New Media in an Era of Globalization., Hopkins University Press. 2006. P. 35.

Сведения об авторе:

Болдова Татьяна Анатольевна, д. п. н., профессор кафедры РКИ, Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия; e-mail: bos1173@mail.ru

LINGUISTICS AND NEW MEDIA

Tatyana A. Boldova

Professor, Doctor of Pedagogy, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia; e-mail@bos1173@mail.ru

Abstract

The article delves into modern linguistics, which is developing new paradigms. Now it is time to find out how the communicative process is maintained on the Internet, which is a peculiar area for developing written texts and shaping the virtual languaging person. The article aims at assessing the scope of the emerging paradigms and the parameters of a new area of linguistic knowledge. The author considers present-day transformations of language functioning on the Internet, the ways of shaping Internet identity, and issues of language processes on the Net.

Key words: new media, Internet-linguistics, theoretical positions and parameters the Internet-linguistics, network identity, the virtual language person, the Internet-communications, interactivity, the text, a discourse, terminological system, the thesaurus of an information field, interactive multimedia system.

References:

1. Boldova, T. A. (2017). Possibility of use of three-dimensional models of scripts in teaching foreign language. *The Bulletin of the Moscow state linguistic university. Formation and pedagogical sciences*. №4 (775). Maintenance of quality and progresses of language formation in not linguistic universities. P. 143–150.
2. Andersen, Peter. (1992). *Hypertext, Concepts, Systems and Applications*. Cambridge. P. 227.
3. Dürscheid, Chr. (2003). *Medienkommunikation im Kontinuum von Mündlichkeit und Schriftlichkeit. Theoretische und empirische Probleme*. Ztschr. für angew. Linguistik. Frankfurt a. M. P. 37–56.
4. Landow, G. P. (2006). *Hypertext 3. 0. Critical Theory and New Media in an Era of Globalization* P. 35, Hopkins University Press.

Текст в тени семиотического действия. О новых аспектах коммуникативной теории вербального процесса

А. В. Вдовиченко

Институт языкознания РАН,
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет

Аннотация

Последовательное введение концепции коммуникативного действия в описательную модель вербального факта вносит существенные коррективы в понятие текста. Любой текст, независимо от объема и способа фиксации, оказывается последовательностью коммуникативных (семиотических) действий. Автор отслеживает свою постоянно меняющуюся позицию в дискурсе (осознанной ситуации коммуникации), с тем,

чтобы всякий раз порождать акциональный смысл. Текст оказывается псевдо-объектом, поскольку сознание при любых условиях порождает или воспринимает только одно коммуникативное действие. Сознание (автора или адресата), пребывая в точке коммуникативного момента, совершает нелинейные процедуры. Для порождения смысла каждое действие необходимо “подключить” к авторскому сознанию.

Ключевые слова: коммуникация, действие, текст, дискурс (осознанный момент коммуникативного действия), сознание.

Признание коммуникативного действия главной смыслообразующей единицей вербального процесса [2, с. 168] влечет за собой значительные изменения в сложившейся диспозиции традиционных лингвистических объектов, заново намечает контуры общей теории вербального процесса, в частности, обновляет существующее понимание текста как лингвистического объекта.

Коммуникативным (семиотическим) действием является любой (вербальный или невербальный) поступок, который направлен на внешнее сознание, мыслимое как объект воздействия. Знаковый процесс становится необходимым для внесения искомых изменений в коммуникативное пространство. Действие не существует вне деятеля. Субъектный принцип оказывается главным условием тождественного смыслообразования в вербальном (и невербальном) семиотическом процессе. Признание любого актуального высказывания коммуникативным действием ведет, в конце концов, к однозначной констатации, что в естественном вербальном процессе порождаются и понимаются семиотические поступки (воздействия), а не автономные языковые элементы и формулы. Последние не могут иметь тождественного однозначно интерпретируемого смысла (значения) сами по себе, вне конкретной личной ситуации знакового воздействия, поскольку именно действующий субъект (говорящий/пишущий) выделяет объекты, строит связи, выражает эмоции, определяет признаки и пр., производя все это в своих целях и исполняя собственные задачи. Именно это является искомым в последующей интерпретации (понимании).

Смыслообразование в естественных условиях возникает, таким образом, только вследствие личной и конкретной коммуникативной процедуры, целевой причиной которой является необходимое адресанту воздействие. Интерпретация любой вербальной последовательности является установлением смысла (пониманием) личного семиотического (коммуникативного) поступка. В то же время язык, принципиально безличный, оказывается пустым набором вербальных клише, не способных к личному акциональному смыслообразованию [подробнее, 1].

На этом фоне текст оказывается последовательностью коммуникативных действий, которые производятся автором. Каждый из вербальных знаков приобретает понимаемое значение по мере участия в данной мно-

гомерной коммуникативной процедуре, организованной автором в мыслимый им момент коммуникативной ситуации (дискурса). Автор отслеживает условия успешности своих действий, свою постоянно меняющуюся позицию в дискурсе, с тем, чтобы порождать акциональный смысл (то есть эффективно воздействовать на сознание адресата). За его действиями следует сознание интерпретатора-реципиента. Взаимодействие автора и адресата происходит все время в одной точке — там, где в данный момент автор совершает свое воздействие. Письменный текст (ввиду вторичности и условности) моделируется на основе базовых принципов порождения и восприятия устного коммуникативного действия, с учетом некоторых особых параметров письменного (визуального) формата.

Из многочисленных последствий, которые представляются значимыми для общей теории вербальной коммуникации (вербального процесса), в докладе отмечаются только некоторые.

Во-первых, текст оказывается гораздо менее целостным и определенным объектом, чем предполагает его стабильная вербальная форма. Независимо от объема текста, сознание автора и адресата “работает” только с данным коммуникативным действием. В этом смысле текст, понимаемый как взаимосвязь элементов на уровне межфразового единства, фрагмента и пр., оказывается псевдо-объектом, нереалистичным и неэффективным теоретическим конструктом, мнимым единством, определимым только с языковой (неэффективной) точки зрения. Сознание не может порождать или воспринимать “текст из нескольких предложений” (то есть обрабатывать несколько коммуникативных действий одновременно). Оно способно производить и интерпретировать только одно действие, совершаемое в данный момент активного внимания. Таким образом, прежний “текст”, понимаемый как набор предложений, удовлетворяет количественному критерию, но не удовлетворяет когнитивно-психологическому критерию, и поэтому становится не вполне эффективным для моделирования естественного вербального процесса (в основании последнего лежит когнитивно-психологический феномен воздействия как целевая причина).

Во-вторых, пространственно-временная линейность “текста” на фоне коммуникативного действия теряет свой прежний смысл. Коммуникативное действие вводит дополнительное измерение, предстает объемным, теряет привязку к плоскости, становится n-мерным. Если физические (фонетические и визуальные) слова и фразы действительно образуют пространственно-временную последовательность, то сознание (автора или адресата), пребывая в точке коммуникативного момента, совершает нелинейные процедуры при порождении и интерпретации коммуникативного действия. Сознание (как автора, так и реципиента) постоянно пребывает в многомерной (многофакторной) мыслимой ситуации совершения действия. Предшествующие вербальные элементы текста не могут быть достаточными для исчерпывающей характеристики дискурса (мыслимой ситуации коммуникативного действия).

В-третьих, ввиду смысловой нетождественности вербальных элементов, взятых вне личного коммуникативного действия, вербальное “тело текста” (или вербальный след коммуникативных действий) всегда нуждается в возвращении к смыслопорождающим истокам — личному семиотическому поступку. Текст не может производить смыслообразование автономно.

Идея коммуникативного действия, последовательно реализованная в лингвистической теории (в том числе в теории текста), приближает к построению динамической модели вербального процесса.

Список литературы:

1. Вдовиченко А. В. Расставание с “языком”. Критическая ретроспектива лингвистического знания: М., 2008. 512 с.
2. Вдовиченко А. В. О несамотождественности языкового знака. Причины и следствия “лингвистического имяславия” // Вопросы философии, 2016. №6. С. 164–175.

Примечание:

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ проекта проведения научных исследований “Лингвистические практики религиозных сообществ: эллинистический иудаизм, раннее христианство, русскоязычное православие”, грант №15-04-00560.

Сведения об авторе:

Вдовиченко Андрей Викторович, д. ф. н., ведущий научный сотрудник сектора теоретического языкознания Института языкознания РАН, профессор Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, Москва, Россия; e-mail: an1vdo@mail.ru

TEXT IN A SHADOW OF SEMIOTIC ACTION. TOWARDS NEW ASPECTS OF THE COMMUNICATIVE THEORY OF VERBAL PROCESS

Andrey V. Vdovichenko

Doctor of Philology, Lead researcher in Institute of Linguistics, Russian Academy of Science; Professor in Orthodox St. Tikhon University for Humanities, Moscow, Russia; e-mail: an1vdo@mail.ru

Abstract

Consecutively introducing the concept of communicative action to the descriptive model of the verbal fact makes several essential changes in the concept of the text. Any text, irrespective of volume and a way of fixing, appears a sequence of communicative (semiotics) actions. The author traces the constantly changing position in a discourse (a conceived situation of communication)

every moment to generate needed sense. The text appears a pseudo-object because the consciousness in any conditions generates or perceives only one communicative action. Author's or the addressee's consciousness, staying in a point of the communicative moment, makes nonlinear procedures. To produce sense each action needs to be "connected" to author's consciousness.

Key words: communication, action, text, discourse (conceived moment of communicative action), consciousness.

References:

1. Vdovichenko, A. V. (2008). Rasstavanie s "yazykom". Kriticheskaya retrospektiva lingvisticheskogo znaniya [Parting with "Language". Critical Retrospective of the Linguistic Knowledge]. Moscow, 2008.
2. Vdovichenko, A. V. (2016). O nesamotozhdestvennosti yazikovogo znaka. Prichini i sledstvia "lingvisticheskogo imiaslavia [Non-self-identity of a linguistic sign. Causes and effects of the "linguistic onomatodoxia"]. *Voprosy Filosofii [Issues of Philosophy]*, №6, 164–175.

Экспликация идеологем в англоязычном медийном дискурсе

А. Н. Великова

Российская таможенная академия

Аннотация

Исследование посвящено описанию поликодовых (вербальных и невербальных) средств экспликации идеологем в англоязычном медийном дискурсе, минимальной единицей которого признается медиатекст. Актуальность исследования определяется возрастающим влиянием медиа на жизнь современного общества. Идеологема рассматривается в духе М. М. Бахтина — как репрезентация той или иной идеологии — и вместе с тем как единица когнитивного уровня. Анализируя разные средства экспликации сопряженных идеологем НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ и ВНЕШНЯЯ УГРОЗА в англоязычных медиаресурсах, автор пришел к выводу о том, что идеологемы являются "многослойными" концептами, отражающими как расстановку политических сил в мире, так и национальные стратегии развития отдельных государств. Более того, идеологемы, укореняясь в социально-политической жизни общества, оказывают существенное влияние на его развитие, зачастую определяя вектор этого развития.

Ключевые слова: идеологема, медиатекст, медиадискурс, язык СМИ.

В современном информационном обществе особую актуальность приобретает изучение “дискретных единиц медиапотока”, причем основной единицей признается медиатекст — “объемное многоуровневое явление”, “совокупность вербальных и медийных признаков” [3, с. 40–41].

Медиатекст определяется в данной работе в широком смысле — как экспликация медийного дискурсивного контента, функционально “запрограммированного” на передачу в массмедиа социально значимой информации. Дискурс понимается как целенаправленное социальное действие, как компонент, который участвует во взаимоотношениях людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах), то есть как “речь, погруженная в жизнь” [1, с. 136–137]. Дискурс соотносим с понятием “текст”, однако отличается от последнего тем, что рассматривается одновременно и как процесс, и как результат в виде фиксированного текста [7, с. 53].

Как справедливо полагает Т.Г. Добросклонская, “тексты массовой информации почти всегда ‘прозрачны’, поскольку в их словесной ткани четко просматриваются идеологические структуры, лежащие в основе их создания”; “в языке СМИ быстрее всего отражаются социально-идеологические изменения в обществе, фиксируются новые понятия и идеологемы, что определяет когнитивно-идеологическую природу языка СМИ” [Там же, с. 23, 165].

Нас прежде всего интересует идеологическая подоплека медиатекстов, укладывающаяся в рамки концепта “идеологема”, средства выражения которого в актуальном англоязычном медиатексте составляют предмет нашего исследования. Материалом исследования послужили медиатексты американских и британских интернет-СМИ (The Guardian, The New York Time, The Washington Post, Fox News), в том числе креолизованные медиатексты, то есть поликодовые текстовые образования, в которых “вербальные и невербальные элементы образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, нацеленное на комплексное воздействие на адресата” [8, с. 161]. В фокусе нашего исследования оказалась идеологема НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ и сопряженная с ней идеологема ВНЕШНЯЯ УГРОЗА применительно к обеим культурам — американской и британской. Данный выбор не случаен, поскольку именно эти идеологемы, на наш взгляд, опираются на архетипические паттерны “свой/чужой”, определяющие современный англоязычный политический и, соответственно, медийный дискурс по обе стороны Атлантики. В качестве медиатопиков нами выбраны “Брексит” (Brexit) для Великобритании и “Закон о миграции” (Travel Ban) в отношении США, поскольку именно эти темы не сходят сегодня с повестки английских, американских, да и мировых СМИ в целом. Методический аппарат исследования включает комплекс методов: описательный метод (наблюдение, обобщение, интерпретация языковых фактов), контекстуальный и компонентный анализ.

Феномен “идеологема” не впервые привлекает внимание лингвистов. Авторство данного термина принадлежит, как известно, М. М. Бахтину, который трактует идеологему как “экспликацию, способ репрезентации той или иной идеологии”; “словесно-идеологические и социальные кругозоры”, каждый из которых отражает “свою социально-идеологическую смысловую конъюнктуру” [2, с. 101, 104]. Идеологема характеризуется понятийной размытостью, обусловленной “крайней неоднозначностью, хотя и операциональной привлекательностью самого феномена” [4, с. 33].

Вслед за Е. Г. Малышевой, мы склонны понимать под идеологемой “единицу когнитивного уровня — *особого типа многоуровневый концепт, в структуре которого [...] актуализируются идеологически маркированные концептуальные признаки, заключающие в себе коллективное, часто стереотипное и даже мифологизированное представление носителей языка о власти, государстве, нации, гражданском обществе, политических и идеологических институтах*” [4, с. 35].

Идеологемы репрезентируются в текстовом пространстве дискурса; медиатексты же, в свою очередь, “собираются из заданного лексико-синтаксического материала, ‘расфасовываются’ в [...] готовые устойчивые формы (медиаформаты), превращаясь в тематически связанные, лингвистически предсказуемые произведения речи” [3, с. 28]. В поле нашего зрения попадают медиатексты жанра “новости” (news) и информационная аналитика (opinion, commentary), а также редакционные статьи — так называемые “передовицы” (editorials).

По мнению М. Новак, идеологемы есть не что иное, как ценности, обнаруживающие саму идеологию; идеологема выполняет определённое культурное действие, используется с определённой целью — воздействие на сознание адресата, изменение некоторого положения дел, закрепление (легитимация) определённой картины мира; при этом идеологема всегда выражает некоторые базовые концепты идеологии, “приобретая” различные формы выражения [5].

Идеологемы, как правило, определяют не только национальные стратегии развития отдельных государств, но и расстановку сил на мировой геополитической арене, причем СМИ как трансляторы идеологем играют в этом все большую и большую роль. Их влияние на современную жизнь, в том числе политику и другие важные сферы, нельзя переоценить: “Современность — это исключительно медийный проект, а медиа — ключевой феномен современного общества и культуры, их нередуцируемая реальность” [6, с. 20].

В свою очередь, средства массовой информации несвободны от влияния извне (со стороны их владельцев, учредителей, государства, определенных финансовых и прочих групп, то есть “бенефициаров” (в узком и широком смысле), что в англоязычной традиции вполне укладывается в понятие *bias* “предвзятость, пристрастность, необъективность”. Идеологемы в современном медийном дискурсе часто предстают как мифологемы, формируя “параллельные миры” в сознании массовой аудитории.

Обязательной формой существования идеологием является знаковая форма (например, слово или визуальный образ), причем в качестве минимальных “вербальных репрезентантов” идеологием могут выступать соответствующие лексические единицы, интегрированные в текст [5]: *Stephen Crabb, a former work and pension secretary, said that Theresa May urgently needed to outline a new set of values for a post-Brexit immigration system, or the public may face a rude awakening. [...] a vote for Brexit was indeed a vote to take back control and return to Westminster the full tools to cut immigration.* (*The Guardian*, 03/02/2017). Газета “Гардиан” недвусмысленно указывает на существующую в британском обществе тревогу по поводу волны иммиграции, которая захлестнула Соединенное Королевство; на связанную с этим необходимость вернуть Британии всю полноту власти в решении вопроса об иммиграции и, в контексте предстоящего выхода Британии из Евросоюза, разработать новую систему ценностей. В противном случае страну может ожидать, как следует из метафоры *a rude awakening*, “тяжелое пробуждение”. Однако, принимая во внимание сложившиеся экономические реалии и потребность Британии в трудовых ресурсах извне, а также гуманистическую сторону данной проблемы, Стивен Крэбб, занимавшийся ранее вопросами труда и пенсионного обеспечения, предупреждает, что Брексит может и не принести желаемого сокращения количества иммигрантов: “*There could be another rude awakening for the public when they realise that Brexit will not mean a cut in immigration after all [...] It would be far better for the government to be upfront with the British public now and begin explaining current labour market and demographic realities. The previous pledge to cut immigration to the tens of thousands is, in truth, increasingly irrelevant.*” (*The Guardian*, 03/02/2017).

Подобные же страхи, обусловленные массовым притоком иммигрантов, терзают и американцев, включая президента Д. Трампа, который попытался “протащить” закон об ограничении въезда в США гражданам 7 (в более поздней версии — 6) мусульманских стран. Эта инициатива президента вызвала резко негативную реакцию значительной части демократически настроенного американского общества: *The White House moved Wednesday to counter critics who claim President Trump’s travel ban goes too far, circulating a list of terror cases involving suspects who came to the U.S. from the seven countries in question. The list, obtained by Fox News, gave 24 examples of refugees from Somalia, Sudan, Iraq, Iran, Yemen, Syria and Libya who have been arrested on terror-related charges; most have been convicted. Those seven, mostly Muslim countries were singled out in Trump’s executive order, which suspended immigration from those nations.* (*Fox News*, 02/08/2017). Не собираясь отказываться от своих намерений ограничить количество мигрантов, прибывающих в США из мусульманских стран и попавших в так называемый “черный список Трампа” (*Trump’s travel ban list / blacklist*), в последней версии своего законопроекта Дональд Трамп представил обновленный список, в который вошли Ливия, Судан,

Сомали, Йемен, Иран и Сирия. Ирак был исключен из списка, поскольку эта страна является союзником США в борьбе с ИГИЛ и там размещены американские военные базы; кроме того, не последним аргументом является иракская нефть. Подчеркивая право граждан США на безопасность, которой они в настоящее время лишены, на слушании дела в Федеральном апелляционном суде Д. Трамп заявил: *“I think our security is at risk today and it will be at risk until [...] we get what we are entitled to as citizens of this country.”* (Fox News, 02/08/2017).

Когнитивно-знаковая сущность идеологемы может быть выражена и с помощью невербальных средств (например, визуальных образов), что весьма характерно для креолизованных интернет-текстов:

*The most reassuring sound in these **rancorous early days of the Trump administration** was the legal debate, at times arcane, over the president’s travel ban during live-streamed oral arguments in a federal appeals court on Tuesday. No gratuitous insults, no personal threats or childish tantrum — only judges and lawyers debating complex legal issues with respect and restraint. It was the sound of grown-ups taking responsibility for governing the country, and for people’s lives.* (The New York Times, 02/08/2017).

Возвышенная тональность текста весьма точно совпадает с иллюстрацией-коллажем, представляющим нечто среднее между двумя символами американской демократии — Статуей Свободы и богиней правосудия Фемидой, которые “достойно отражают” бурю и натиск Дональда Трампа и его команды.

В современных версиях англоязычных интернет-изданий в пандан традиционным монокодовым текстам часто размещаются гипертекстовые аудио- и видеоссылки, которые можно активировать непосредственно в печатном тексте. Для исследователя это особенно ценно, поскольку позволяет расширить возможности анализа разноуровневых средств выражения идеологем, вербальных и невербальных, паралингвистических и экстралингвистических, включая просодические: *ISIS is on a **campaign of genocide** | committing many atrocities across the world. || Radical Islamic terrorists | are determined to strike our homeland || as they did on 9/11, || as they did from Boston to Orlando, || to St. Bernadino, || and all across Europe. |||* (The Washington Post, 02/07/2017).

В приведенном выше транскрипте видеофрагмента выступления президента Трампа на авиабазе ВВС США МакДилл (штат Флорида) 6 февраля 2017 г. речь идет об угрозе, исходящей от ИГИЛ. Месседж Д. Трампа и его воздействие на адресата усиливается конвергенцией языковых средств, включая слова, содержащие сему “угроза”; синтаксические повторы (анафору *as they did*, перечисление *to Orlando, to St. Bernadino*); стершуюся гиперболу *all across Europe*; просодические компоненты (например, длительные паузы в нефинальных синтагмах, замедленный темп речи); культурему

9/11 (речь идет о трагических событиях 11 сентября 2001 г., когда были совершены множественные террористические акты в США). Весь этот комплекс языковых средств задает данному фрагменту речевого произведения определенный ритм и поддерживает его идеологическую патетику.

Подводя итоги, следует отметить, что в когнитивно-семиотическом пространстве медиадискурса идеологема предстает как “многослойный” концепт, актуализируемый в ткани медиатекста с помощью разноуровневых вербальных и невербальных средств, которые суммарно призваны решить ту или иную идеологическую задачу, создать мощный эффект воздействия на адресата и реализовать таким образом лингвистический и концептуально-сущностный потенциал идеологемы.

Исследования в области медиалингвистики сейчас находятся на гребне интереса и не сходят с научной повестки. Перспективным представляется дальнейшее изучение медиадискурса в междисциплинарной парадигме, что дало бы возможность исследователям (лингвистам, культурологам, социологам, психологам, идеологам, политологам и др.) объединить свои усилия в освоении новых научных горизонтов, возникающих в описании этого интересного, постоянно обновляющегося и многомерного объекта.

Список литературы:

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 136–137.
2. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Худож. лит., 1975. 504 с.
3. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ (Современная английская медиаречь). М.: Флинта; Наука, 2008. 203 с.
4. Малышева Е. Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2009. Вып. 4 (30). С. 32–40.
5. Новак М. Культурно-семиотический анализ идеологем общества потребления // Современный дискурс-анализ: электронный научный журнал. 2013. Вып. 7 [Электронный ресурс]. URL: <http://discourseanalysis.org/ada7/st55.shtml> (дата обращения: 09.03.2017).
6. Полонский А. В. Медиа и их текстовая реальность // Научные ведомости Белгородского гос. ун-та. Серия “Гуманитарные науки”, 2015. №18 (215). Вып. 27. С. 17–24.
7. Приходько А. И. Когнитивные параметры изучения дискурса // Языковая личность и эффективная коммуникация в современном поликультурном мире: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск 7–18 нояб. 2016 г. / редколл. О. И. Уланович [отв. ред.] и др. Минск: Изд. центр БГУ, 2016. С. 50–53.
8. Современная политическая лингвистика: учебное пособие / Э. В. Будаев, М. Б. Ворошилова, Е. В. Дзюба, Н. А. Красильникова; отв. ред. А. П. Чудинов; Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2011. 252 с.

Сведения об авторе:

Великова Людмила Николаевна, к. ф. н., доцент, Российская таможенная академия, Люберцы, Россия; e-mail: milavel@mail.ru

EXPLICATION OF IDEOLOGEMES IN ENGLISH MEDIA DISCOURSE

Lyudmila N. Velikova

Candidate of Philology, Associate Professor, Russian Customs Academy, Moscow, Russia; e-mail: milavel@mail.ru

Abstract

The research is devoted to the description of polycode (verbal and non-verbal) means of expressing ideologemes in English media discourse, media text being its minimum unit. Relevance of the research is determined by the increasing influence of the media on the life of modern society. The ideologeme is considered in the spirit of M. M. Bakhtin — as the representation of some ideology — and, at the same time, as the unit of the cognitive level. Analyzing different means of expressing the intertwined ideologemes NATIONAL SECURITY and EXTERNAL THREAT in English media resources, the author has come to a conclusion that, on the whole, ideologemes are “multilayered” concepts that reflect both the global political landscape and the national development strategies pertaining to particular states. Moreover, ideologemes, taking roots in the social and political life of society, have significant effect on its development, often determining the vector of this development.

Key words: ideologeme, media text, media discourse, language of mass media.

References:

1. Arutiunova, N. D. (1990). Diskurs [Discourse]. In *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. M.: Sovetskaia entsiklopediia, 136–137.
2. Bakhtin, M. M. (1975). Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniia raznykh let [Literature and Aesthetics Issues. Research Dating to Different Periods]. M.: Khudozh. lit.
3. Dobroslonskaia, T. G. (2008). Medialingvistika: sistemnyi podkhod k izucheniiu iazyka SMI (Sovremennaia angliiskaia mediarech') [Medialinguistics: A Systemic Approach to Studying the Language of Mass Media (Contemporary English Media Speech)]. M.: Flinta; Nauka.
4. Malysheva, E. G. (2009). Ideologema kak lingvokognitivnyi fenomen: opredelenie i klassifikatsiia [Ideologeme as a Linguistic and Cognitive Phenomenon: Definition and Classification]. *Politicheskaia lingvistika* [Political Linguistics], 4 (30), 32–40.
5. Novak, M. (2013). Kul'turno-semioticheskii analiz ideologem obshchestva potrebleniia [Cultural and Semiotic Analysis of Consumption Society Ideologemes]. In *Sovremennyi diskurs-analiz* [Contemporary Discourse Analysis], 7. Retrieved 9 March, 2017 from <http://discourseanalysis.org/ada7/st55.shtml>

6. Polonskii, A. V. (2015). Media i ikh tekstovaia real'nost' [Media and Their Textual Reality] // *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gos. un-ta* [Belgorod State University Scientific Bulletin], 18 (215), 27, 17–24.
7. Prikhod'ko, A. I. (2016). Kognitivnye parametry izucheniia diskursa [Cognitive Parameters of Discourse Study]. *Iazykovaia lichnost' i effektivnaia kommunikatsiia v sovremennom polikul'turnom mire* [Language Personality and Effective Communication in Modern Polycultural World]. Minsk: Izd. Tsentru BGU, 50–53.
8. Budaev, E. V., Voroshilova, M. B., Dziuba, E. V., Krasil'nikova, N. A. (2011). *Sovremennaia politicheskaia lingvistika* [Contemporary Political Linguistics]. Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t.

О приемах формирования тактик медиарепрезентации спортивного события в новостном тексте

О. С. Волкова

Волгоградский государственный университет

Аннотация

Применение историко-дискурсивного анализа новостных текстов об Олимпийских играх, проходивших в Лондоне в 1908 и 1948 гг., позволило выявить динамику зарождения и эволюции тактик представления спортивного события и спортсмена как его центрального конституента в архивном корпусе региональной британской прессы. При описании спортивного события олимпиады и номинации его участников в новостных заметках использовался типизированный набор дескриптивных приемов, нацеленных на реализацию тактик точности и достоверности изложения. Сопоставление языковых средств, реализующих указанные тактики, позволило отметить формирование еще одной жанровой закономерности — обращение к образно-оценочным приемам описания соревнований свидетельствует о росте значимости тактик героизации и глорификации олимпийских соревнований, что объясняется интенциями повышения информационной привлекательности текста и формирования имиджа международной значимости олимпийских соревнований.

Ключевые слова: спортивное событие, медиарепрезентация, новостная заметка, тактика.

Потребность современного человека в объективной и достоверной информации объясняет ценность медийного дискурса, призванного создавать и публично транслировать новостную картину дня. Социальная значимость указанной разновидности дискурса объясняет стремление лингвистов к изучению форм и приемов информирования. Исследова-

ния в области медийной лингвистики посвящены изучению социокультурных, лингвопрагматических и лингвостилистических особенностей новостных текстов. В них определяются основания теории медийного дискурса [1; 2; 3 и др.], описываются жанровые, когнитивно-дискурсивные и прагматистические особенности языка прессы [5; 6 и др.]. Они в значительной степени опираются на материалы современного новостного контента, однако в рамках настоящего исследовательского проекта обосновывается научная значимость изучения новостных текстов из архивных корпусов прессы, представляющих фрагменты картины дня отдельного исторического периода. Изучение языковых приемов медиарепрезентации событий позволяет установить дискурсивно-тактические особенности информирования, выявить тенденции развития жанровой специфики новостного текста в границах отдельной текстовой культуры. В центре научного анализа были новостные заметки из архива британской региональной прессы о спортивных событиях на Олимпийских Играх, проходивших в Лондоне в 1908 и 1948 гг. [7]. Проведенное исследование с целью когнитивно-дискурсивной реконструкции спортивного события [3] позволило установить три группы приемов его медиарепрезентации в англоязычной прессе, соответствующих тактикам достоверного информирования, героизации и глорификации.

Образ спортсмена находится в центре газетного репортажа с места проведения Олимпийских игр. Предпринятый диахронический анализ текстов из архивов британской региональной прессы позволил отметить формирование **тактики героизации спортсмена**, что способствует повышению аттрактивности текста. Игры, проводившиеся в Лондоне в 1908 году, были четвертыми после возобновления олимпийской традиции, и, следуя античной мифологии, журналисты начинают представлять спортсмена как физически сильного и красивого человека: *The physical development to the men forming the section attracted and held the attraction, and the men were cheered to the echo*. Однако в текстах за 1948 г. уже выявляются явные лексические средства героизации. Физическая сила, мощь, красота попадают в фокус внимания читателя: *He was a tall figure, snow-white in vest and shorts showing against the sun-bronze of his limbs* [7; Aberdeen Journal 30–07–1948].

Формирование героического образа спортсмена основано на фактах. Читателя информируют о победе над многочисленными соперниками, лучших результатах сезона, об установке нового мирового рекорда. Использование числовых показателей спортивных достижений реализуют **тактики точности и достоверности** медиарепрезентации события. Описания действий и поступков, совершенных атлетом во имя победы, указание на стремление к высшим достижениям в своем виде спорта и готовность к борьбе свидетельствуют о знаках тактики героизации. Борьба за победу ведется через преодоление физической боли: *One of the best performances in the epee fencing event of the modern Pentathlon at Alder-*

shot came from **Capt. Karacsan, who broke his collar bone in the equestrian event yesterday. He fenced brilliantly to finish joint second with nine wins at the quarter-stage** [7; Daily Mail 31–07–1948]. Профессионализм, упорство и вера в себя, самоотверженность и мужество характеризуют героя-олимпийца: *M'Corquodale showed his world class as a sprinter in finishing a close fourth.* Даже проигрыш автор статьи характеризует как *gallant* (красивым и доблестным), а болезнь и непогода не становятся преградой на пути к победе: *M'Donald Bailey's failure was one of the most gallant of the Games. Laryngitis and a severe chill left his throat and chest so constricted that he could hardly breathe* [7; Aberdeen Journal 02–08–1948].

Было также отмечено, что газетные заметки отличает появление возвышенной тональности при освещении спортивных состязания и церемоний Олимпийских игр, проводившихся в Лондоне в 1948 году. В них проявляется интенция **гlorификации** олимпийского движения, они лишены ставшей актуальной в XXI в. политизированности.

Спортивное событие как информативная единица новостного контента приобретает к 1948 г. социокультурную значимость, поскольку информация о нем в прессе популяризирует здоровый образ жизни, а также указывает на ценность спортивного соревнования как инструмента регулирования международных отношений. Тактика демонстрации значимости Олимпийских Игр реализуется в приемах привлечения к ним интереса читающей публики Англии. Масштаб и всеобъемлющий характер возрожденного олимпийского движения акцентируется с помощью выбора лексических единиц: *games have won their way to almost universal favor.* Тактика апелляции к авторитетам гостей и участников не оставляет сомнений в необходимости проявления интереса к данному событию: *Kings inaugurate them; the churches use them as auxiliaries;* тактика указания на общественное признание: *public gives them the practical worship of incessant thought and care,* высокую национально-культурную значимость: *... the value of sports, they have, in the main, the characteristic of being English;* скрытый диалогизм повествования и самоидентификация авторов заметки с небезразличной публикой обнаруживается в использовании личных, притяжательных местоимений: *their interest is interwoven into the very warp and woof of our lives* [7; The Sheffield Daily Independent, 13–07–1908]. В одной из заметок за 1948 г. зафиксирован факт осуждения политических символов как противоречащих духу Олимпийских игр: *Communist posters bearing the hammer and sickle and the Red Flag were removed last night from the Yugoslav Olympic team's huts. A camp official said: "It is against the Olympic spirit for political propaganda to be introduced in this way"* [7; Aberdeen Journal, 27–07–1948].

Систематизируя приемы отражения тактики glorификации спортивных состязаний, мы отметили косвенные приемы указания на ценность международных соревнований, например, появление традиции фиксации данного события в виде изображений на почтовых марках убеж-

дает читателя в его эпохальной значимости: *A SPECIAL issue of postage stamps to commemorate the Olympic Games will be on sale at all Offices to-day.* Внимание к деталям способствует точности и достоверности изложения информации: *The stamps are double normal size and consist of four denominations — 2½ d, 3d, 6d, and 1/ —* [7; Aberdeen Journal — 29-07-1948].

Анализ архивных корпусов газетных текстов, освещающих события Олимпийских игр в 1908 и 1948 гг., позволил установить средства реализации тактик достоверности и точности представления спортивного события в каждый отдельный исторический период, а также отметить формирование к 1948 году тактик героизации спортсмена и глорификации олимпиады как социально-значимого события мирового уровня. Проведенное исследование подтвердило гипотезу о том, что сравнительное изучение когнитивно-дискурсивных тактик репрезентации спортивных состязаний в корпусах британских региональных новостных текстов, относящихся к разным историческим периодам, позволяет провести реконструкцию событий новостной картины дня, установить приемы медиарепрезентации события, выявить динамику формирования тактик, нацеленных на достоверное или образно-ценностное представление социально-значимого события в новостном контенте.

Список литературы:

1. Александрова О. В. Язык средств массовой информации как часть коллективного пространства общества // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. М.: Изд-во МГУ, 2003. С. 89–99.
2. Добросклонская Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов: Опыт исследования современной английской медиаречи. Москва: КРАСАНД, 2010. 288 с.
3. Ильинова Е. Ю. Когнитивно-дискурсивный аспект медиарепрезентации события // События в коммуникации и когниции, 7, Вестник МГЛУ; серия Языкознание, 2016. С. 87–95.
4. Ионова С. В. Специфика временных маркеров события в текстах PR-документа и журналистской публикации / С. В. Ионова, А. С. Матвеева // Вестник ВолГУ. Сер. 2, Языкознание, 2013. №2. С. 34–40.
5. Плотникова С. Н. Дискурсивное конструирование как теоретическое понятие // Известия ВГПУ, серия “Филологические науки”. Волгоград, 2014. №5. С. 41–46.
6. Bell A. The Language of News Media. Oxford: Blackwell, 1991. 227 p.
7. The British Newspaper Archive [Электронный ресурс]. URL: <http://britishnewspaperarchive.co.uk> (дата обращения: 01.06.2016).

Примечание:

Выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект №15-04-00134 “Историческая дискурсология: проблемы, методология и перспективы развития”.

Сведения об авторе:

Волкова Ольга Сергеевна, к. ф. н., доцент, Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия; e-mail: olgavolkova@volsu.ru

ON TECHNIQUES AND TACTICS OF SPORTS EVENT MEDIAREPRESENTATION IN A NEWS TEXT

Olga S. Volkova

Candidate of Philology, Associate Professor, Volgograd State University, Volgograd, Russia; e-mail: olgavolkova@volsu.ru

Abstract

The use of historical and discursive analysis applied to newspaper texts about the Olympic Games held in London in 1908 and 1948, revealed the tactics of sports event representation. Sportsmen, being the central constituent of sports events, are nominated and described using a typical set of descriptive elements aimed at accurate and reliable information presentation. The analysis of linguistic means verbalizing these tactics in newspaper articles published in 1908 and 1948 displayed another genre peculiarity — the use of imagery and evaluative techniques in competition description emphasizes increased importance of the tactics of event contestants heroisation and glorification. It may be explained by the intentions to prompt informational attractiveness of the text and create internationally significant image of the Olympic games.

Keywords: sporting event mediarepresentation, news stories, tactics.

References:

1. Aleksandrova, O.V. (2003). Yazyk sredstv massovoj informacii kak chast kolektivnogo prostranstva obshhestva [The Language of Mass Media as a part of collectively shared space of the society]. *Yazyk SMI kak object mezhdisciplinarnogo issledovaniya [Mass Media Language as an Object of Cross-disciplinary Study]*. Moscow: MGU Publ., 89–99.
2. Dobrosklonskaya, T.G. (2010). Voprosy izucheniya media tekstov: Opyt issledovaniya sovremennoy angliyskoy mediarechi [The study of media texts: Modern English Media Speech Studying Experience]. Moscow: KRASAND Pbl.
3. Ilinova, E. Yu. (2016). Kognitivno-diskursivniy aspect mediareprezentacii sobytiya [Cognitive and Discourse aspects of Event Representation in the Media]. *Vestnik MGLU; Sobytiya v kommunikacii i kognicii. Seriya Yazykoznanie [Scientific Journal of MSLU. Events in Communication and Cognition. Vol. Linguistics]*. No 7, 87–95.
4. Ionova, S.V. (2013). Specifika vremennykh markerov sobytiya v tekstah PR-dokumenta i zhurnalistskoi publikacii [Special Features of the Event Marker in PR-Document Texts and Media Publications]. *Vestnik VolGU. Yazykoznanie [Scientific Journal of VolsU. Linguistics]*, No 2, 34–40.

5. Plotnikova, S.N. (2014). Diskursivnoe konstruirovaniye kak teoreticheskoye ponyatiye [Discursive Constructing as a Theoretical Concept]. *Izvestiya VGPU, seriya "Filologicheskiye nauki"* [Science Journal of Volgograd State Pedagogical University. Philological Sciences]. Volgograd, No 5, 41–46.
6. Bell, A. (1991). *The Language of News Media*. Oxford: Blackwell.
7. The British Newspaper Archive. Retrieved 1 June, 2016 from <http://britishnewspaperarchive.co.uk>

Пресуппозиции в кризисном дискурсе как средство сохранения имиджа компании

А. В. Галигузова
МГИМО МИД России

Аннотация

Статья посвящена анализу использования пресуппозиций в кризисном дискурсе. В статье рассматриваются особенности кризисной коммуникации, приводится классификация пресуппозиций, проводится анализ типов пресуппозиций, наиболее часто встречающихся в кризисном дискурсе. Особое внимание уделяется тому, какую роль пресуппозиции играют в конструировании кризисного дискурса, направленного на сохранение / восстановление имиджа компании, сохранение ее репутационного капитала. Пресуппозиции рассматриваются в контексте репаративных стратегий гуманизации имиджа компании, а именно стратегий интерпретации, ориентации и ухода от ответственности.

Ключевые слова: пресуппозиция, кризисный дискурс, кризисная коммуникация, сохранение / восстановление имиджа / репутации.

Роль репутации компании как одного из ее важнейших нематериальных активов сложно переоценить. Положительная деловая репутация компании является существенной составляющей ее фактической стоимости, именно поэтому успешные компании уделяют особое внимание сохранению и приумножению своего репутационного капитала. Однако в условиях кризиса репутационному капиталу организации может быть нанесен серьезный ущерб, для ликвидации или смягчения последствий которого потребуются не только совершение компанией конкретных действий, но и создание определенного “кризисного” дискурса, в основе которого лежат репаративные речевые стратегии.

Залогом эффективности стратегий сохранения имиджа является прогнозирование реакции целевой аудитории, которое, в свою очередь, лежит в основе использования той или иной дискурсивной практики,

то есть совокупности приемов продуцирования, восприятия и интерпретации текстов в определенной социальной сфере [3, с. 191]. Кризисный дискурс характеризуется целым рядом особенностей, которые обусловлены спецификой кризисных ситуаций — новизной, спонтанностью, динамичностью, высокой степенью неопределенности и неоднозначности, а в качестве примеров коммуникативных стратегий, применяемых компаниями для урегулирования кризисных ситуаций можно назвать снижение степени оскорбительности действия, уход от ответственности, обещание исправить ситуацию, признание вины и извинение (по У. Бенуа), легитимизацию, демонстрацию контроля, гуманизацию имиджа компании, интерпретацию.

Интерпретация ситуации в том или ином ключе помогает автору текста донести до реципиентов определенное видение кризисной ситуации, ее причин, предполагаемых последствий и путей выхода из кризиса. В то же время существует ряд приемов, основанных на использовании неэксплицитных семантических компонентов предложения, которые применяются для завуалированного преподнесения необходимой информации. Одним из таких компонентов являются пресуппозиции, традиционно в исследовательских целях подразделяемые лингвистами на семантические и прагматические, хотя, как полагает Е. В. Падучева, в обычной семантике четкие границы между собственно семантическими и прагматическими аспектами значения не обязательны. Семантической презумпцией (пресуппозицией) предложения считается суждение, которое слушающий должен считать истинным, чтобы данное предложение было для него осмысленным; а прагматической презумпцией — суждение, которое для слушающего должно быть не только истинно, но и известно.

Помимо вышеупомянутого — наиболее общего — деления пресуппозиций существует огромное количество классификаций последних. Так, В. З. Демьянков, со ссылкой на зарубежных авторов, выделяет логические пресуппозиции наряду с прагматическими и семантическими. По мнению Дж. Юла шестью основными типами пресуппозиций являются экзистенциальные, фактивные, нефактивные, лексические, структурные и контрфактивные. В. В. Красных подразделяет пресуппозиции на микропресуппозиции, социумные пресуппозиции и константные пресуппозиции в зависимости от их соотношения с определенным когнитивным пространством, а Н. Д. Арутюнова пишет об экзистенциальных, синтагматических, прагматических и коммуникативных пресуппозициях. В то же время многие исследователи выстраивают свою классификацию пресуппозиций на основе классификации триггеров пресуппозиций, то есть слов, категорий и конструкций, которые порождают пресуппозиции. Так, обобщив исследований Л. Картунен и Дж. Юла, можно выделить экзистенциальные триггеры (конкретные описания), лексические триггеры (имплицитивные и фактивные глаголы, глаголы изменения состояния и глаголы суждения, итеративы) и структурные триггеры

(cleft-предложения/ расщепленные предложения, сравнительные и адвербиальные конструкции, контр-фактивные условные предложения и нерестриктивные определительные придаточные предложения) и соответствующие им типы пресуппозиций.

Проведенный анализ эмпирического материала (годовых отчетов ведущих американских банков — Bank of America, Citibank, JP Morgan & Chase — за период экономического кризиса 2008–2009 годов, а также годовых отчетов этих банков в докризисный и посткризисный период) с помощью квантитативных и качественных методов исследования позволяет сделать следующие выводы.

1. Отсутствует статистически значимое различие в частоте встречаемости пресуппозиций в текстах кризисного, докризисного и посткризисного периодов, что может свидетельствовать о постоянстве использования компаниями приемов и техник, нацеленных на формирование заданного образа той или иной компании у целевой аудитории.
2. В текстах кризисного периода наибольшей частотностью обладают экзистенциальные триггеры и соответствующий им тип пресуппозиций, за ними следуют структурные триггеры и пресуппозиции, в то время как лексические занимают последнее место (следуя вышеописанной классификации пресуппозиций на основе исследований Л. Карпунен и Дж. Юла). В процентном соотношении данное распределение выглядит как 54%, 27% и 19% единиц исследования соответственно. Примеры вышеупомянутых типов пресуппозиций приведены ниже:
 - экзистенциальный: “Eliminating gaps and overlaps in the system should be kept in mind while working on.....” — gaps and overlaps exist.
 - структурный: “When will Bank of America increase its dividend?” — Bank of America will increase its dividend. “As the largest lender in the United States during the worst recession in 70 years, we knew 2009 would be a stern test — and it was” — we are the largest lender in the US, current recession is the worst in 70 years. “For a little more than a year, I have had the honor of leading Citi through some of the most challenging circumstances in its history” — the past year has been one of the most challenging in Citibank’s history.
 - лексический: — “While credit costs will continue to be high in 2010, most credit quality metrics have begun to improve” — credit costs were high and credit quality metrics were poor. “And we are arguing constructive dialogue with policymakers to make sure we’ll be able to continue to meet the needs of our clients, while at the same time protecting the future of our industry” — we meet the needs of our clients. — “Taking action to restore confidence...” — confidence has been lost.
3. Ключевой посыл американских банков целевой аудитории в период кризиса, который может быть кратко сформулирован как: “На данный момент мы испытываем сложности, но сложности временны, а мы сильны; мы прикладываем все усилия для преодоления кризиса, и с

вашей поддержкой мы справимся / победим” актуализируется в том числе с помощью пресуппозиций. Например, пресуппозицией предложения “We understand that we play an important role as an engine of growth and a partner for success for millions of individuals, families and businesses of every size” является “we are an engine of growth and a partner for success for millions of individuals, families and businesses of every size”. А предложение “I look forward to all we’ll accomplish as we pursue this goal” содержит пресуппозицию “we will accomplish a lot”. Наряду с этим прослеживается тенденция противопоставлять свои активные действия (правильные, эффективные и т.п.) неблагоприятным внешним условиям, когда кризис представляется как нечто стихийное, неуправляемое и неизбежное, носящее глобальный характер, что позволяет компаниям снимать с себя ответственность за произошедшее и сглаживать вину в глазах клиентов. При этом также активно задействованы пресуппозиции, например: “Our top priority right now, as the economy continues to weaken, must be to build on our capital strength, so we’ll be in a good position to continue to support customers and clients” — economy is weak but we still support our customers and clients.

Таким образом, пресуппозиции наряду с другими неэксплицитными семантическими компонентами предложения играют важную роль в конструировании кризисного дискурса, а процесс актуализации лингвистических пресуппозиций составляет основу создания и восприятия подтекстовой информации. Пресуппозиции представляют собой составную часть репаративных стратегий гуманизации имиджа компании, интерпретации и ориентации, а также стратегии ухода от ответственности.

Список литературы:

1. Арутюнова Н. Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. М.: Изд-во АН СССР, 1973. Т. XXXII. Вып. 1. С. 84–89.
2. Демьянков В. З. Логические аспекты семантического исследования предложения // Проблемы лингвистической семантики. М.: ИНИОН АН СССР, 1981. С. 115–132.
3. Иссерс О. С. Демотиваторы в интернете как дискурсивная практика и лингвокогнитивная игра / Иссерс О. С., Виниченко М. А. // Русистика и современность. Рига, 2011. С. 190–194.
4. Конова М. А. Процедура анализа когнитивно-дискурсивной парадигмы PR-текстов кризисного дискурса // Молодой ученый. 2011. № 10. Т. 2. С. 15–17.
5. Красных В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. — М.: ИТДГК “Гнозис”, 2002. 284 с.
6. Падучева Е. В. Понятие презумпции в лингвистической семантике // Семиотика и информатика. М.: ВИНТИ, 1977. Вып. 8. С. 91–125.
7. Почепцов Г. Г. Теория коммуникации. М.: Центр, 1998. 352 с.

8. Рядовая Н. С. Сопоставительный анализ аргументативных стратегий политического дискурса в кризисной ситуации: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Рядовая Наталья Сергеевна; ОмГПУ. М., 2013. 28 с.
9. Benoit, William L. (1997) Image Repair Discourse and Crisis Communication. *Public Relations Review*, 23 (2), 177–186.
10. Levinson, S. C. (1983). *Pragmatics*. Cambridge: Cambridge University Press.
11. Yule, G. (1996). *Pragmatics*. Oxford: Oxford University Press.

Сведения об авторе:

Галигузова Анна Вадимовна, преподаватель, МГИМО МИД России, Москва, Россия; e-mail: anna-galiguzova@yandex.ru

PRESUPPOSITIONS IN CRISIS DISCOURSE AS A MEANS OF IMAGE RESTORATION

Anna V. Galiguzova

Lecturer, MGIMO University, Moscow, Russia; e-mail: anna-galiguzova@yandex.ru

Abstract

The paper analyses the pragmatic aspect of presuppositions in crisis discourse. The article describes specific characteristics of crisis communication, discusses various classifications of presuppositions, suggests a classification based on presupposition triggers, and analyses the types of presuppositions most often used in crisis discourse. Special attention is paid to the role of presuppositions in creating crisis discourse aimed at image repair and restoration of the reputation capital of a company. In this regard, presuppositions are explored as part of such image repair strategies as interpretation, orientation and avoidance of responsibility.

Key words: presupposition, crisis discourse, crisis communication, image repair / restoration.

References:

1. Arutiunova, N. D. (1973). Poniatie presuppozitsii v lingvistike [The Notion of Presupposition in Linguistics]. *Izvestiia AN SSSR [The Bulletin of USSR Academy of Science]*. Seriya literatury i iazyka. M.: Izd-vo AN SSSR, T. XXXII. Vyp. 1, 84–89.
2. Dem'iankov, V. Z. (1981). Logicheskie aspekty semanticheskogo issledovaniia predlozheniia [Logical Aspects of a Sentence Semantic Research]// Problemy lingvisticheskoi semantiki [The Problems of Linguistic Semantics]. M.: INION AN SSSR, 115–132.
3. Issers, O. S. (2011). Demotivatory v internete kak diskursivnaia praktika i lingvokognitivnaia igra [Demotivators in the Internet as a Discourse Practice and Linguo-cognitive Game] /Issers, O. S., and Vinichenko, M. A. // *Rusistika i sovremennost'*. Riga, 190–194.

4. Konova, M. A. (2011). Protseadura analiza kognitivno-diskursivnoi paradigmy PR-tekstov krizisnogo diskursa [The Procedure of Cognitive-Discourse Paradigm Analysis]. *Molodoi uchenyi [Young Researcher]*, №10. T. 2, 15–17.
5. Krasnykh, V. V. (2002). Etnopsikholingvistika i lingvokul'turologiia: Kurs lektsii [Ethnopsycholinguistics and ethnoculturology: a Lecture Course]. M.: ITDGK "Gnozis".
6. Paducheva, E. V. (1977). Poniatie prezumptsii v lingvisticheskoi semantike [The Notion of Presumption in Linguistic Semantics]. *Semiotika i informatika [Semiotics and Informatics]*. M.: VINITI, Vyp. 8, 91–125.
7. Pocheptsov, G. G. (1998). Teoriia kommunikatsii [Theory of Communication]. M.: Tsentr.
8. Riadovaia, N. S. (2013). Sopostavitel'nyi analiz argumentativnykh strategii politicheskogo diskursa v krizisnoi situatsii: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.20 / Riadovaia Natal'ia Sergeevna; OmGPU. M, 2013. 28 s.
9. Benoit, William L. (1997) Image Repair Discourse and Crisis Communication. *Public Relations Review*, 23 (2), 177–186.
10. Levinson, S. C. (1983). *Pragmatics*. Cambridge: Cambridge University Press.
11. Yule, G. (1996). *Pragmatics*. Oxford: Oxford University Press.

Что дает синергетический подход исследователю?

Н. В. Дрожших

Тюменский государственный университет

Аннотация

Статья посвящена проблеме методологического поворота в гуманитарных дисциплинах в сторону синергетики как науки о самоорганизации структур. Рассматриваются основные области гуманитарных наук, в которых используется категориальный аппарат синергетики при определении объекта, предмета, проблематики и методов исследования. Основное внимание уделяется работам в области синергетической лингвистики. Объект статьи — синергетическая модель развития языкового феномена. Выявлены основные закономерности функционирования и развития единиц и категорий в языковой системе. Намечены положительные результаты применения методик синергетического характера при решении конкретных исследовательских задач и основные недостатки, связанные с отсутствием обобщающих работ в области синергетической лингвистики и со слабой разработанностью категориального аппарата дисциплины. Делается вывод о критическом подходе к категориальному аппарату исследований в области синергетики, опасности псевдосинергетических изысканий.

Ключевые слова: синергетическая лингвистика, синергетическая модель, языковые законы, языковая детерминанта, языковая доминанта.

Синергетический подход к изучению лингвистических феноменов опирается на общие положения синергетики. Синергетика как наука о самоорганизации структур оформляется в трудах Г. Хакена [1]. Общезнакомые и общенаучные предпосылки становления синергетики и ее базовые идеи освещаются в работах В. И. Аршинова, В. Г. Буданова, Е. Н. Князевой, С. П. Курдюмова, Дж. Николса, Н. Пригожина и многих других и плодотворно используются в естественных и гуманитарных науках. В последние десятилетия развитие синергетической парадигмы приводит к появлению синергетической философии, антропологии, социологии, этики, менеджмента, педагогики, психотерапии, истории, юриспруденции, лингвистики. В центре внимания данных дисциплин находятся процессы эволюции и самоорганизации биологических, экологических, социальных, философских, семиотических и иных систем, где акцент ставится на взаимодействии элементов систем, чередовании этапов порядка / хаоса, устойчивости / неустойчивости, случайности / детерминизма, коэволюции систем. Новый синергетический подход к языковой системе складывается в лингвистике в последние десятилетия XX в. Он учитывает общелингвистические положения об асимметрии языкового знака (С. Карцевский), взаимосвязи языковой личности, генетического кода, физической реальности (Р. Якобсон), в рамках которой “лингвистическое поле становится частью окружающей среды” (У. Матурана, Ф. Варела). Обширный теоретический материал, накопленный в лингвистике, свидетельствует о существовании спонтанного движения языка, с неизбежностью приводит к пониманию языковой эволюции как этапов чередования хаоса и порядкаобразования. Синергетика — это подход к анализу и интерпретации языковых явлений, в котором язык предстает как сложная система со своими зависимостями между элементами. Системность языка на рубеже XX в. провозглашает Соссюр, но эта системность граничит с четкой детерминированностью языковых явлений, где категории рассматриваются как стройные ряды форм и значений. Преодоление детерминированной системности начинается в лингвистике в середине XX в. с появлением теорий о языковых категориях как нечетких множествах с прототипом как образцом (когнитивисты), о вероятностном характере языка (В. В. Налимов), о языке как природном объекте, когнитивной способности человека (генеративисты), об антропоморфизме языка, об автопоэзисе языка (У. Матурана, Ф. Варела). В лингвистику входят не просто понятия развития языка и формирования структур, а понятия динамического хаоса, фазовых пространств языка как множества вероятностных состояний системы, из которых реализуются лишь некоторые, фрактальности семантики, законов языковой синергетики. Классическая и постнеклассическая парадиг-

мы различаются по введению в лингвистику базовых понятий человека и языка как двух совместно развивающихся феноменов. Если человек — это сложнодинамическая система, часть метасистемы, то в тексте и языке можно увидеть человека как биологическое и социально-духовное существо. Человек и среда взаимодействуют, влияя друг на друга [2, с. 4]. Носитель языка неизбежно подчиняется физическим закономерностям окружающего мира, что отражается в организации языковых подсистем. Соответственно, законы развития природы могут быть прослежены и в языке. Равным образом, при помощи языка происходит структурирование окружающей реальности и культурной среды.

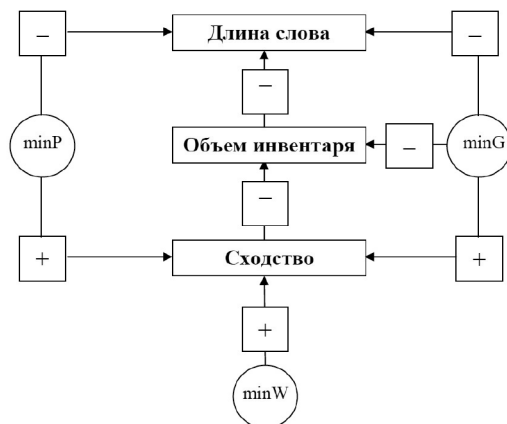
Синергетическая лингвистика за рубежом связана с именем немецкого лингвиста Р. Кёлера [3]. Работая в рамках количественной лингвистики, Кёлер рассматривает язык не как изолированную систему знаков, а как феномен, изменяющийся вместе с наблюдающим его человеком. В этом случае законы функционирования и развития языка очень тесно связаны с биологическим, телесным началом и ментальной деятельностью человека. Если мы зададим параметры, начальные условия: минимизация необходимых затрат памяти и минимизация необходимых затрат на порождение речи, то при фиксированном инвентаре фонем / графем затраты памяти и затраты на порождение тем меньше, чем более сходными между собой они являются. Соответственно инвентарь фонем и лексем небольшой. Но как только мы вводим третий параметр — коммуниканта и его потребность — минимизацию затрат на понимание и декодирование, на максимально успешное декодирование сообщения, условия коммуникации нарушаются, растут инвентарь фонем и репертуар лексем. Эти начальные условия и мельчайшие изменения приводят к росту конструкций или их исчезновению. Равновесие между кодированием и декодированием нарушается. Система чувствительна к начальным условиям. Если собрать воедино все условия и потребности среды, мы выявим *зависимости* между языковыми единицами и окружением человека. Если носитель языка подчиняется действию закона экономии ментальных усилий, то в языке это проявляется на уровне длины языковой конструкции. Закон Менцерата-Альтмана гласит, что элементы языковой конструкции имеют тенденцию становиться короче, если растет длина или сложность этой конструкции. Или соответственно, чем короче слово, тем оно более частотно и наоборот (закон Ципфа). Далее, если развивать эту идею, чем короче слово, тем больше значений оно имеет (в типологически разных языках по-разному). Процесс появления новых слов или новых значений у слова представляет собой процесс роста (закон Пиотровского). Процесс заимствования иностранных слов представляет собой процесс адаптации фонем к признакам воспринимающей их системы (Пиотровский). В целом, мало-заметные и незначительные, на первый взгляд, изменения языковых подсистем приводят к *формированию сложнейших языковых структур*

и их объединений. Если раньше лингвистика отвечала на вопросы *что* и *как*, то теперь появилась возможность ответить на вопрос *почему*. Синергетика в этом смысле представляет собой экспланаторную методологию.

В основе модели зависимостей Кёлера лежат: 1) длина конструкции, 2) семантический потенциал (полилексия), 3) частота употребления лексических единиц, 4) связанность с контекстом (политекстия), 5) объем словаря, 6) число фонем.

Рисунок 1.

Подсистема с тремя величинами и тремя системными потребностями

Представляется, что модель может быть дополнена типологией языковых конвенциональных и мотивированных знаков, синергетикой текста и дискурса, когнитивной и функциональной синергетикой (И. Ю. Моисеева, Л. В. Бронник, Е. В. Пономаренко, Н. Ф. Алефиренко, Г. Г. Москальчук). Дискурс — сложное когнитивно-коммуникативное образование, формируемое при взаимодействии языковой системы, сознания коммуникантов, коммуникативной ситуации, внутренней структуры текста и дискурса. Все факторы дискурса влияют на функционирование и эволюцию языковых структур. Целесообразно изучать языковые явления в системе дискурса, системе его смыслов, комплексно формируемых различными речевыми средствами. Многоплановое взаимодействие элементов создает сложное смысловое пространство, которое стремится к аттрактору, коммуникативному намерению автора. Концентрация компонентов симметрии и асимметрии текста и ритм изменений изучен во многих работах (метод позиционного анализа). Мы вводим понятия *доминанты* и *детерминанты*, ведущих средств различных уровней языка, формирующих уникальность стилевой организации текста.

Таким образом, базовая гипотеза синергетического подхода в лингвистике заключается в существовании начальных параметров порядка на различных отрезках языковой системы, изменение которых ведет к появлению новых переменных и установлению новых зависимостей между ними. Языковая система чувствительна к начальным условиям — небольшие изменения ведут к нарушению равновесия, то есть хаотическому состоянию и установлению нового порядка. Данные закономерности проявляются в формировании языковой детерминанты и доминант текста (дискурса) с зонами притяжения или аттракции элементов и их значений. Наше исследование объединяет в единый цикл фонетическую ткань текста, лексикон, грамматическую систему и мультимодальный дискурс как целостное событие. Если Ципф постулировал наличие связи между частотностью слова и его рангом, мы задались целью выяснить, какова связь между частотностью слова, его рангом, семантикой, а также генерацией смысла в дискурсе. Признаками самоорганизации языковых / смысловых структур в языковых доминантах являются установление устойчивых корреляций между формой и содержанием знака; стягивание — концентрация разноуровневых единиц в языковых категориях / подсистемах; интеграция, континуальность и движение смысла в языковых доминантах; появление упорядоченности, согласованности поведения элементов (синергетический эффект).

В целом синергетика обеспечивает общие трансдисциплинарные рамки, когнитивную стратегию, задает направление научного исследования. Конкретные же приложения синергетической модели к лингвистическим и дискурсивным объектам предполагают серьезные научные исследования в соответствующей области.

Список литературы:

1. Хакен Г. Синергетика. М.: Мир, 1980. 405 с.
2. Hall E. T. The Hidden Dimension. Garden City, N.Y.: Doubleday, 1966.
3. Кёлер Р. Синергетическая лингвистика: структура и динамика лексики. 2007 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ubt.opus.hbz-nrw.de/volltexte/2007/413/pdf/synling.pdf> (дата обращения: 25.03.2017).

Сведения об авторе:

Дрожжих Наталия Владимировна, д. ф. н., доцент, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия; e-mail: ndro2012@gmail.com

HOW CAN A RESEARCHER BENEFIT FROM SYNERGETIC APPROACH?

Natalia V. Drozhashchikh

Doctor of Philology, Associate Professor, Tyumen State University, Tyumen, Russia; e-mail: ndro2012@gmail.com

Abstract

The article is devoted to the problem of synergetic methodological turn in human sciences towards synergetics as the theory of complex systems. Application of synergetics in different fields of human sciences and theories is analyzed, while dealing with the subject matter, problems and methods of research. The focus of the article is on the works within the framework of synergetic linguistics. The synergetic diachronic model of language development is discussed. New regularities in the language system are defined. Positive results in applying the methodological tools of synergetic linguistics to concrete research tasks are provided, possible drawbacks connected with the lack of summarizing works in the sphere of synergetic linguistics and its conceptual system are considered. The conclusion about synergetics as the general cognitive framework which can be employed within the field of linguistic research is made.

Key words: synergetic linguistics, synergetic model, language laws, language determinant, language dominant.

References:

1. Haken, G. (1980). *Sinergetika*. M.: Mir.
2. Hall, E. T. (1966). *The Hidden Dimension*. Garden City, N.Y.: Doubleday.
3. Kjöler, R. (2007). *Sinergetičeskaja lingvistika: struktura i dinamika leksiki* [Synergetic Linguistics: Structure and Dynamics of Lexis]. 2007. Available at URL: <http://www.ubt.opus.hbz-nrw.de/volltexte/2007/413/pdf/synling.pdf> (accessed 25.03.2017).

Типовые особенности биографических романов

Д. А. Ефремова

МГИМО МИД России

Аннотация

Статья посвящена выявлению основных типовых черт биографических романов. Впервые на материале англоязычных биографий XIX–XXI вв. отличительные особенности биографического текста анализируются с позиций функциональной стилистики и лингвистики текста. Типовые черты биографических романов проявляются в реализации в них основных категорий текста: пространственно-временного континуума, членности, модальности, а также на различных языковых уровнях языковой системы: лексическом, грамматическом, композиционном. На основе проведенного исследования устанавливается, каким образом жанровый канон оказывает воздействие на типовые черты биографических романов. В заключении автор разрабатывает определение биографического романа как типа текста.

Ключевые слова: биографический роман, тип текста, жанровый канон, партитурность, символизм.

Несмотря на то, что вопрос о типовых особенностях биографических романов неоднократно рассматривался в литературоведческих работах, в лингвистическом ключе он не изучался, поэтому целью данного исследования является определение романов-биографий как типа текста с точки зрения функциональной стилистики и лингвистики текста.

Исходя из концепции “жанр в жанре” [4, с. 248–268; 2, с. 212; 3, с. 137], по которой самостоятельные литературные формы (роман, повесть, очерк) используются биографом как вспомогательное средство для оформления биографического повествования, можно предположить, что все биографические романы должны обладать основными типовыми чертами романов как разновидности художественного текста. На основе существующих определений данного понятия можно выделить следующие черты романа как типа текста: большой объем, многолинейность сюжета, охватывающая целый ряд событий, многоплановость, партитурность, символизм как средство когерентности, наличие различных композиционно-речевых форм: диалога, повествования, описания, рассуждения, внутренней речи — наличие заголовка как организующего и систематизирующего компонента текста [1; 7; 8].

Биографические романы, как и собственно романы, объединяют в себе ряд сюжетных линий: так, жизнь супруга или супруги главного героя или героини, как правило, описывается довольно подробно (от рождения до конца земного пути или до времени написания биографии). Многоплановость также находит многообразные отражения в тексте биографических романов, в частности, в реализации такой текстовой категории как пространство, которое имеет неоднородную структуру и состоит из географического, точечного, социального, личного психологического пространства героя, пространства автора. Наиболее интересные реализации в тексте биографических романов находит личное психологическое пространство героя, которое часто подвергается метафоризации:

Actually, they were connected in more ways than Diana knew at the time — the Princess of Monaco *never allowed her own façade to crack*. Grace's distress about Prince Rainer's infidelity, *her battle with the bottle*, and retaliatory love affairs were not exposed until some time after her death [12, с. 254].

Метафора с живой образностью *never allowed her own façade to crack*, основанная на пространственном образе, используется для описания поведения героини и выражает авторское восхищение ею. А метафора в следующем предложении дополняет образ принцессы Монако как сильной, волевой женщины.

Многоплановость и многолинейность сюжета отражаются и в другой типовой черте биографических романов — партитурность текста. Под партитурностью текста понимается структурно-семантическая ка-

тегория текста, базирующаяся на свойстве текста конвергировать разноуровневые языковые единицы в полифоническом художественном произведении, создавая тем самым эффект многоголосия, которое возникает как одновременное звучание нескольких партий персонажей [5; 6]. В содержательном плане партитурность достигается за счет представления различных точек зрения на проблему, несходных трактовок одного и того же события:

The result, Charles: *The Private Man in the Public Role*, appeared on British television on 29 June 1994. Elisabeth had not been consulted over the project; her gut reaction and that of her friends and courtiers was that it was a mistake and that **no good could be done by taking a high profile... The Prince of Wales could do himself no good**, they thought, by **exposing himself on television**. While he argued that he was **taking 'pro-active' stance**, they thought **he was letting the media dictate his agenda** [11, с. 476].

Различные точки зрения выражены противопоставленными друг другу оценками: **no good could be done by taking a high profile, exposing himself on television, he was letting the media dictate his agenda** (лексические единицы с отрицательными коннотациями) и **taking 'pro-active' stance** (лексическая единица с положительной коннотацией). Следует отметить отсутствие баланса между критическими замечаниями и положительной трактовкой, что имплицитно свидетельствует о том, какую точку зрения выбирает сам автор. Однако, несмотря на свое отрицательное отношение к действиям принца Чарльза, автор избегает открытых и эмоциональных форм критики, например, употребляя преуменьшение в повторяющихся оценочных элементах: **no good could be done, could do himself no good**.

Также партитурность находит свое отражение в таком явлении как интертекстуальность, то есть наличии в тексте элементов других текстов. Хотя эта черта присуща практически любому тексту, в большей степени она характеризует художественный текст и его основную разновидность — роман. В биографических романах интертекстуальность имеет следующие особенности: использование аллюзий и цитат, а также функциональное своеобразие символов. Аллюзия в биографических романах часто участвует в конвергенции стилистических приемов. Так, одна из глав биографического романа Sarah Bradford "Elizabeth. A Biography of Her Majesty the Queen" называется "Princess in the Ivory Tower" и, с одной стороны, представляет собой аллюзию на сказку братьев Гримм, основанную на древней скандинавской легенде, повествующей о принцессе, которую колдунья заточила в башню из слоновой кости, а с другой — символ изоляции и полной оторванности от реального практического положения дел, в которых будущую королеву воспитывали.

Что касается символизма, являющегося типовой чертой биографических романов, нужно отметить, что он отличается функциональным своеобразием, так как в отличие от собственно романов употребляется

в изучаемом типе текста как средство когерентности и обеспечивает его структурно-смысловую связность. Так, в биографическом романе Andrew Morton “Diana. Her True Story — in Her Own Words” [18] часто появляется символ “cage”, традиционно ассоциируемый с ограничением свободы и состоянием беспомощности, которое ощущают люди, “связанные по рукам и ногам”. В этом биографическом романе название одной из глав представляет собой цитату главной героини: “I Don’t Rattle Their Cages” [18, с.250]. С одной стороны, *to rattle smb’s cage* является идиоматическим выражением, означающим “to make someone angry on purpose, often in order to make them seem silly” [13], что вполне соотносится с обвинениями Дианы принцем Чарльзом и его семьей в том, что она представляла их на посмешище. С другой стороны, данное идиоматическое выражение в этом контексте создает еще один образ — клетки, в которой пребывает королевская семья и которая символизирует отсутствие у них какой-либо свободы говорить, думать, вести себя, как хочется, что подтверждается и другими употреблением данного символа:

The gilded cage has been their home and their life. A walk down the street, an afternoon’s solitary shopping, waiting in line and making ends meet; these freedoms, however dubious, have never been part of their lives. For all their privileges, their legions of servants, their chauffeur-driven cars, private yachts and planes, they are prisoners of society’s expectations and puppets of the system [18, с. 203].

Метафорически употребленное словосочетание *gilded cage* олицетворяет ограничения, с которыми приходится сталкиваться членам королевской семьи от рождения, лишение их простых жизненных радостей и горестей, что, увы, не могут, по мнению автора, компенсировать все их привилегии, большое количество которых подчеркивается при помощи перечисления и гиперболы *legions of servants*. На отсутствие свободы в жизни Елизаветы II и ее родственников указывают еще две метафоры: *prisoners of society’s expectations and puppets of the system*.

С точки зрения контекстно-вариативного членения, биографические романы не отличаются такой структурной свободой употребления композиционно-речевых форм, которую можно признать характеристикой романов как художественного текста. Хотя в изучаемом типе текста сочетаются повествование, рассуждение, описание, употребление диалогов в них строго ограничено требованием достоверности изложения, при этом данная композиционно-речевая форма либо вообще отсутствует, либо отличается жесткой документированностью. Отсутствие диалогов частично компенсируется наличием диалога с читателем, который используется для оживления повествования, выражения субъективных авторских оценок и личностной характеристики биографируемого лица. В биографических романах, которые отличаются высокой степенью авторской субъективности, диалоги употребляются. Биографы к ним прибегают, как и в художественных романах, для создания яркого образа

героя. Этой же цели служит и такая композиционно-речевая форма как внутренняя речь персонажа, которая является характерной для биографических романов.

Для биографических романов характерно нарушение некоторых правил композиции. Это отражается в построении по принципу антитезы, что является способом имплицитного выражения авторской интенции. Например, в романе-биографии Claudia Joseph “Kate. The Making of a Princess” [15] информация расположена таким образом, что именитые, богатые, родовитые предки принца Уильяма, их роскошная жизнь в комфорте и достатке противопоставляются бедным, незнатным, никому не известным предкам Кейт Миддлтон, их существованию в крайне стесненных обстоятельствах, едва позволяющих им сводить концы с концами. При этом автор следует жесткой хронологической последовательности, четко соотнося время жизни предков принца с предками Кейт Миддлтон, что усиливает контраст:

Lying in her wooden and **gilt bateau** lit in her **opulent** bedroom below the state apartments at Kensington palace..., Princess Victoria was woken up by her mother, the Duchess of Kent, to be told that she was Queen of England...

At the other end of England, 290 miles from the royal court, **in a cramped cottage** in the Newcastle suburb of Byker Hill, life *couldn't have been more different* for Kate Middleton's great-great-great-great-grandmother Jane Harrison, a miner's wife [15, с.11–12].

Эффект антитезы создается при помощи противопоставления контекстуальных антонимов **gilt bateau**, **opulent** bedroom и **cramped cottage**. Затем создаваемый резкий контраст еще больше привлекает внимание за счет использования конструкции с отрицанием *couldn't have been more different*.

Обязательным типологическим компонентом биографических романов является заголовок, при этом он, как правило, отражает степень авторского присутствия в тексте. В биографических романах с высокой степенью авторского присутствия заголовки вообще может не содержать имени биографируемого лица. Биографы используют такие заголовки, чтобы привлечь внимание читателей и вызвать их интерес, например, “The Man Who Knew Too Much” [16], “American Prometheus” [10], “The Priest of Love” [17]. В первом случае заголовок, интригует читателей, поскольку часто ассоциируется в сознании людей с судьбой шпионов или разведчиков, при этом вторая его часть Who Knew Too Much имеет отрицательную коннотацию из-за использования наречия Too, в итоге читатель рисует довольно мрачную картину судьбы героя, жизнь которого трагически закончилась. И не обманывается в своих предположениях — действительно, роман посвящен Алану Тьюрингу — известному математику, сделавшему большой вклад в разведывательную деятельность Великобритании в период Второй мировой войны и закончившему свой земной путь весьма печально: он покончил жизнь самоубийством. Используя заголовок, автор намекает на собственную трактовку смерти биографи-

руемого лица, которую из-за стремления к непредвзятости изложения избегает открыто представить на страницах романа. Заголовок *American Prometheus* построен на аллюзии на греческую мифологию. Сравнение с героем народного эпоса передает, хоть и имплицитно, авторскую интерпретацию судьбы Р. Оппенгеймера: при создании своего страшного изобретения герой руководствовался благим побуждением — спасти американский народ и весь мир от фашисткой угрозы — но впоследствии, как и Прометей, стал жертвой власть имущих.

В биографических романах, стремящихся к непредвзятому представлению информации, заголовки могут содержать указание жанр текста, например, “*Elisabeth. A Biography of Her Majesty, the Queen*” [11], но чаще авторы избегают прямого жанрово-типологического именованья: “*Queen Victoria. A Personal History*” [14], “*E. Hemingway: A Lifestory*” [9].

Таким образом, биографический роман — тип биографического текста, для которого характерна партитурность, структурная и содержательная многоплановость, отдельные нарушения традиционного композиционного построения при сочетании различных композиционно-речевых форм: повествования, описания, рассуждения, внутренней речи, диалога (в том числе и диалога с читателем), символизм как средство когерентности, наличие заголовка как организующего и структурирующего компонента текста.

Список литературы:

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Худож. лит., 1975. С. 408–446.
2. Брандес М. П. Стилистика текста. Теоретический курс: учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 2004. С. 212.
3. Валгина Н. С. Теория текста. М.: Логос, 2003. 250 с.
4. Лотман Ю. М. Избранные статьи. Таллинн: Александрия, 1992. Т. 1. С. 248–268.
5. Прянишникова А. Д. Партитурность текста и ее роль в художественном произведении (на материале английской прозы XX века): Дис. ... канд. филол. наук. 10.02.19 / Прянишникова Алла Дмитриевна; МГПИИЯ. — М., 1983. 168 с.
6. Савина А. А. Партитурность англоязычного художественного текста (на материале английского регионального романа 19–20 вв): Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Савина Анна Александровна; Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, — Нижний Новгород, 2016. 193 с.
7. Тимофеев Л. И. Словарь литературоведческих терминов / Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев. М.: Просвещение, 1974. С. 328.
8. Хализев В. Е. Теория литературы. М.: Высшая школа, 1999. 240 с.
9. Baker C. E. *Hemingway: A Life Story*. Lnd.: Penguin Books, 1972. 928 p.
10. Bird K. *American Prometheus* / K Bird, M. J. Sherwin. Lnd.: Atlantic Books, 2009. 721 p.
11. Bradford S. *Elisabeth. A Biography of Her Majesty the Queen*. Lnd.: Penguin books, 2002, 476 p.
12. Brown T. *Diana Chronicles*. NY: Anchor Books, 2008. 254 p.

13. The Free Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <http://idioms.thefreedictionary.com/rattle+cage> (дата обращения: 21.02.2014).
14. Herbert C. Queen Victoria. A Personal History. Lnd.: Harper Collins Publishers, 2000. 557 p.
15. Joseph C. Kate. The Making of a Princess. Edinburgh: Mainsream Publishing, 2010. 272 p.
16. Leavitt D. The Man Who Knew Too Much. Lnd.: Orion Books, 2008. 319 p.
17. Moore, H. T. The Priest of Love. Lnd: Penguin Books, 1976. 697 p.
18. Morton A. Diana. Her True Story — in Her Own Words. NY: Pocket books, 1998. 467 p.

Сведения об авторе:

Ефремова Дарья Андреевна, к. ф. н., преподаватель, МГИМО МИД России, Москва, Россия; e-mail: efremovadarya@yandex.ru

TYPOLOGICAL CHARACTERISTICS OF BIOGRAPHICAL NOVELS

Daria A. Efremova

Candidate of Philology, lecturer, MGIMO University, Moscow, Russia;
e-mail: efremovadarya@yandex.ru

Abstract

The article discovers basic typological characteristics of biographical novels. For the first time, based on the English-language biographies of 19th–21st centuries, biographical text is analyzed from the standpoint of functional stylistics and text linguistics. Typical features of biographical novels are displayed in the implementation of the main text categories: the space-time continuum, segmentability, modality as well as at different levels of the language system: lexical, grammatical, compositional. The research defines the impact that genre canon has on the typological features of biographical novels. In the conclusion to the article the author develops a definition of a biographical novel as a type of text.

Key words: biographical novel, text type, genre requirements, partiturnost, symbolism.

References:

1. Bahtin, M. M. (1975). Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznyh let [Problems of Literature and Aesthetics] Moskva: Hudozhestvennaya literatura.
2. Brandes, M. P. (2004). Stilistika teksta. Teoreticheskij kurs [Text Stylistics. Theoretical Course]. Moskva: INFRA-M.
3. Valgina, N. S. (2003). Teoriya teksta [Text Theory] Moskva: Logos.
4. Lotman, Yu. M. (1992). Izbrannye stat'i [Selected Writings] Tallinn: Alexandria.
5. Pryanishnikova, A. D. (1983). Partiturnost' teksta i ee rol' v hudozhestvennom proizvedenii (na materiale anglijskoj prozy XX veka) [Partiturnost of Text and Its

- Role in a Work of Fiction (based on English Prose of the XXth Century)]. Philology Dr. Diss. Moskva.
6. Savina, A. A. (2016). Partiturnost' angloyazychnogo hudozhestvennogo teksta (na materiale anglijskogo regional'nogo romana 19–20 vv) [Partiturnost of the English Belles-lettres Text (based on English Regional Novel of the XIXth — XXth Centuries)] Philology Dr. Diss. Nizhnij Novgorod.
 7. Timofeev, L. I., & Turajev, S. V. (1974). Slovar' literaturovedcheskih terminov [Dictionary of Literary Terms] Moskva: Prosveschenije.
 8. Halizev, V. E. (1999). Teoriya literatury [The Theory of Literature]. Moskva: Vysshaya shkola.
 9. Baker, C. (1972). Hemingway: A Life Story. Lnd.: Penguin Books.
 10. Bird, K., & Sherwin, M. J. (2009). American Prometheus. Lnd.: Atlantic Books.
 11. Bradford, S. (2002). Elisabeth. A Biography of Her Majesty the Queen. Lnd.: Penguin books.
 12. Brown, T. (2008). Diana Chronicles. NY: Anchor Books.
 13. The Free Dictionary Retrieved 21 February, 2014 from <http://idioms.thefreedictionary.com/rattle+cage>.
 14. Herbert, C. (2000). Queen Victoria. A Personal History. Lnd.: Harper Collins Publishers.
 15. Joseph, C. (2010). Kate. The Making of a Princess. Edinburgh: Mainsream Publishing.
 16. Leavitt, D. (2008). The Man Who Knew Too Much. Lnd.: Orion Books.
 17. Moore, H. T. (1976). The Priest of Love. Lnd: Penguin Books.
 18. Morton, A. (1998). Diana. Her True Story — in Her Own Words. NY: Pocket books.

Виды и функции лексических повторов в сказках из сборника А. Н. Афанасьева

Р. Катяян

Московский государственный лингвистический университет

Аннотация

Актуальность данного исследования определяется рассмотрением лексических повторов в тексте русских народных сказок как полифункционального приема. Особенности лексических повторов описаны с учетом синтаксической позиции воспроизводимых компонентов, а также накладывающихся на них повторов других языковых уровней. Целью нашего исследования является изучение разных видов лексических повторов и их роли в повышении информативности и коммуникативной эффективности текстов сказок. В работе анализируются такие виды лексического повтора, как геминация, анафора, эпифора, анадиплосис. Они способны воплощать отношения между человеком и миром, человеком и обществом, между предметами действительности. Кроме того, рассматриваются контактный и дистантный лексические повторы в качестве

средства создания языковой выразительности, придания тексту эмоционального напряжения. В ходе исследований выявлена роль разных видов лексических повторов в качестве строевого элемента текста, обеспечивающего его связность, а также ритмическую организацию.

Ключевые слова: русская народная сказка, лексический повтор, функции повтора, хронотоп, контактный повтор, дистантный повтор.

Эквивалентность лексических единиц в народных сказках проявляется в виде контактного и дистантного повторов, повторяться могут слова в одной грамматической форме или в разных. При этом повтор нельзя назвать спонтанным, поскольку можно сформулировать определенные принципы распределения каждого его вида.

Одной из важнейших функций контактного повтора, или геминации, является формирование художественного времени и пространства сказки, то есть хронотопа. На повторы глаголов и наречий с темпоральным значением можно распространить слова Д. С. Лихачева, которыми он объяснял некоторые сказочные формулы: "...Они замедляют действие, останавливают его там, где особенно заметен разрыв между длительностью событийного времени и быстротой рассказа об этих событиях <...> подчеркивают стремление соблюдать единство времени: времени исполнения и времени, которое должны были бы занимать сами события" [3, с. 21]. Все удваиваемые глаголы (см. подробнее [2]) имеют форму несовершенного вида прошедшего времени, то есть способны обозначать сколь угодно длительное действие в прошлом:

Шла-шла, пару баймаков истоптала <...> шла-шла, третья пара баймаков истоптана (Финист, ясный сокол; здесь и далее цит. по [4]).

Окончание этого действия определяется внезапным появлением сказочного дарителя или препятствия, то есть началом нового сюжетного узла. Примечательно, что в волшебной сказке глагол, маркирующий начало нового события, нередко оказывается не только несовершенного вида, но и настоящего времени (настоящее историческое), что, с одной стороны, подчеркивает статичность сказочного хронотопа, а с другой — делает слушателей зрителями, а значит и участниками, происходящего:

Бежала-бежала, стоит печка (Гуси-лебеди); *Ехали-ехали, и приказывает убогий* (Убогий).

Значительно реже, чем повтор глаголов, встречается повтор наречий с темпоральной семантикой:

Долго-долго ехал, наезжает на двух старых швей... (Ведьма и Солнцева сестра).

Такое грамматическое оформление идеи временной протяженности мы считаем признаком развившегося аналитического мышления, сумевшего отделить идею времени от его событийного воплощения, тогда как повтор глагола — это синкретическое восприятие времени, то есть неразрывное с пространством и динамическими изменениями.

Пары глаголов имеют в разных сказках или частях одной сказки разное графическое оформление — через дефис или через запятую:

Уж он сидел, сидел (Лисичка-сестричка и волк); *Волк прыгал-прыгал, оторвал себе хвост* (Там же).

Знаки придают повтору характерные смысловые оттенки: дефис иконически отражает линейную протяженность, при этом соединение двух слов в одно указывает на целостность ситуации, или, как пишет Д. Э. Розенталь, “непрерывность процесса” [6, с. 98]; запятая, наоборот, расчленяет ситуацию, а перечислительная интонация создает эффект накопления, этот знак рекомендовано ставить в тех случаях, когда надо показать “длительность действия” и томительность ожидания [Там же, с. 97].

Еще одна функция повтора глагольной лексемы состоит в том, чтобы передавать аспектуальное значение лимитатива, то есть “действия, ограниченного каким-то отрезком времени” [Там же, с. 98]: *искать-искать — нет нигде!* (Знахарь).

В отличие от случаев, рассмотренных выше, лимитатив связан не с эпическим, а с бытовым временем — это небольшой отрезок в рамках переживания героем одного эмоционального состояния. Кратковременность события передается либо инфинитивом, как в приведенном примере, либо приставкой *по-*:

Гуси полетали-полетали, покричали-покричали и ни с чем улетели (Гуси-лебеди); *погоревал, погоревал, да делать-то нечего* (Лисичка-сестричка и волк); *погадал-погадал и сказал ей* (Знахарь).

Повтор глагола совершенного вида, с одной стороны, настраивает на то, что эта ситуация будет иметь завершение, а с другой — создает эффект удержания, оттягивает разрешение драматичной ситуации, дает время слушателю испытать эмпатию.

Особой разновидностью контактного повтора является анадиплозис. Он служит строевым элементом текста: не только связывает фразу с предыдущей, но и открывает перспективу для продолжения высказывания и добавления новой информации:

Стоит молочная речка, кисельные берега.

— *Молочная речка, кисельные берега, куда гуси полетели?* (Гуси-лебеди);

Одновременно этот прием используется для актуализации важных персонажей и объектов, для усиления воздействия, с ним связан эффект внушения.

Лексические повторы в волшебных сказках позволяют адресату заметить ситуативное сходство добра и зла. Сказитель одинаково именуется действия героев-антагонистов и заставляет слушателя задуматься, к каким бедам может привести их неразличение, например: *То меня не мать зовет, то меня ведьма зовет* (Ивашко и Ведьма).

В связи с этим хочется процитировать К. Уоткинса: “Поэтические формулы запоминаются, потому что служат сигналом отношений между человеком и миром, человеком и обществом, между предметами в действительности” [7, с. 461].

Дистантный повтор слова может участвовать в логической процедуре уподобления, из которого слушатель должен извлечь определенный вывод. Это позволяет повтору осуществлять информативную функцию. Рассмотрим пример:

В избушке сидит баба-яга, морда жилиная, нога глиняная; сидит и братец на лавочке, играет золотыми яблочками (Гуси-лебеди).

Положительный и отрицательный персонаж (в обряде посвящаемый и проводник в царство мертвых и далее в новую, взрослую жизнь (см. [5, с. 36–40]) запечатлены в одинаковых позах, для чего использован повтор глагола несовершенного вида *сидит*. Этот фрагмент заставляет вспомнить похищенных и заколдованных героев других сказок. Несовершенный вид глагола — признак пассивности, потери воли, лексический повтор — свидетельство физической и эмоциональной зависимости от другого, “отзеркаливания” его в позах и действиях. При этом неполное сходство подчеркивается инверсией детерминанта в высказывании о братце, а также прилагательными, употребленными в контексте повествования о бабе-яге и о братце. Заклятие разрушается сестрой, активные действия которой передаются 4 глаголами совершенного вида: *увидела, подкралась, схватила, унесла*.

Анафора может участвовать в создании цепевидных повторов разных типов — нанизывания, как в приведенном выше примере, или кумулятивного повтора. В последнем случае она выполняет эмотивную функцию — способствует нагнетанию напряжения, например:

— *Тепло ли те, девица?*

Тепло ли те, красная?

И далее:

— *Тепло ли те, девица?*

Тепло ли те, красная?

Тепло ли те, лапушка? (Морозко)

Помимо анафоры здесь представлена градация *девица — красная (девица) — лапушка*, которая передает “субъективную шкалу ценностей” [1, с. 223] персонажа.

Чаще, чем анафора, в сказках встречается эпифора. Ее функцией является выделение результата. Наиболее распространенный вид такого акцентуированного результата — реакция на просьбу, предложение, совет или какое-либо другое речевое действие. Повтор фокусирует внимание слушающего на том, что реакция (выполнение просьбы) в точности соответствует просьбе:

— *Скуй мне такой тонесенький голосок, как у Ивашкиной матери; а то я тебя съем!*

Коваль сковал ей такой голосок, как у Ивашкиной матери (Ивашко и ведьма).

Эпифору можно обнаружить на границах, охватывающих строфоид, или в соседних строфоидах: она соединяет фрагменты текста указанием на символический предмет и придает им характер единого целого, например:

...все уселись за **стол**, а ведьма открыла заслонку, достала жареную Алёнку — и на **стол**... (Ивашко и ведьма).

Таким образом, можно сделать вывод, что лексические повторы в русских народных сказках служат не только проявлением спонтанной неподготовленной речи сказителя или средством стилизации такой речи. Они способствуют приращению смысла и созданию информационной плотности текста, выступают в качестве текстообразующего приема, усиливают связность частей, придают сказке экспрессивность, создают определенный напевный ритм.

Список литературы:

1. Береговская Э. М. Система синтаксических фигур: к проблеме градации // Вопросы языкознания. 2003. №3. С. 81–91.
2. Добронравова Н. Н. Глагольный повтор как целостная номинативная единица речи: (На матер. говоров Новосиб. обл.): дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1988. 185 с.
3. Лихачев Д. С. Историческая поэтика русской литературы. Смех как мировоззрение и другие работы. СПб.: Алетейя, 1997. 508 с.
4. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. / Ответ. ред. Э. В. Померанцева, К. В. Чистов. М.: Наука, 1984–85.
5. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2010. 332 с.
6. Розенталь Д. Э. Джанджакова Е. В., Кабанова Н. П. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. М.: ЧеРо, 1998. 400 с.
7. Уткинс К. Аспекты индоевропейской поэтики// Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXI: Новое в современной индоевропеистике. М.: Прогресс, 1988. С. 451–473.

Сведения об авторе:

Катяян Ришика, аспирант, Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия, e-mail: hrishikakatyayan@gmail.com

TYPES AND FUNCTIONS OF LEXICAL REPETITIONS FROM THE COLLECTION OF ALEXANDER N. AFANASYEV

Hrishika Katyayan

Postgraduate student, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia;
e-mail: hrishikakatyayan@gmail.com

Abstract

The relevance of this study is determined by the consideration of lexical repetitions in the text of Russian folk tales as a polyfunctional technique. The features of lexical repetitions are described taking into account the syntactic position of the reproduced components, as well as repetitions of other language levels imposed on them. The purpose of our research is to study the different types of lexical repeti-

tions and their role in increasing the informative and communicative effectiveness of the texts of fairy tales. In this paper, we analyze such types of lexical repetition as gemination, anaphora, epiphora, anadiplosis. They are able to embody the relationship between man and the world, man and society, between the objects of reality. In addition, contact and distant lexical repetitions are considered as a means of creating linguistic expressiveness, giving the text emotional stress. The studies identified the role of heterogeneous types of repetitions as a drill element of the text, that fosters the rhythmic organization of the text, ensuring its coherence.

Key words: fairy tale, lexical repetition, function of repetition, contact repetition, distant repetition.

References:

1. Beregovskaja, Je. M. (2003). Sistema sintaksicheskikh figur: k probleme gradacii [The System of Syntactic Figures: On the Gradation Problem]. *Voprosy jazykoznanija* [Issues of Linguistics], №3. 81–91.
2. Dobronravova, N. N. (1988). Glagol'nyj povtor kak celostnaja nominativnaja edinica rechi: (Na mater. govorov Novosib. obl.): dis. ... kand. filol. nauk. Tomsk, 1988. 185 s.
3. Lihachev, D. S. (1977). Istoricheskaja pojetika russkoj literatury. Smeh kak mirovozzrenie i drugie raboty [Historical Poetics of Russian Literature. Laughter as an Outlook and other works]. SPb.: Aletejja.
4. Pomerantseva, E. V. and Chistov, K. V. (Eds.) (1984–1985). Russkije narodnje skazki A. N. Afanasjeva [Russian Folk Fairy Tales by A. N. Afanasyev]. Moskva: Nauka.
5. Propp, V. Ja. (2010). Istoricheskie korni volshebnoj skazki [Historical Roots of a Fairy Tale]. M.: Labirint.
6. Rozental', D. E., Dzhandzhakova, E. V., and Kabanova, N. P. (1998). Spravochnik po pravopisaniju, proiznosheniju, literaturnomu redaktirovaniju [Manual of Spelling, Pronunciation and Literary Editing]. M.: CheRo.
7. Watkins, K. (1988). Aspekti indoevropejskoj pojetiki [Aspects of Indoeuropean Poetics]. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike* [New in Foreign Linguistics]. Vyp. XXI: Novoe v sovremennoj indoevropeistike. M.: Progress, 451–473.

Именование в художественном тексте: семиотический подход к литературной ономастике

Е. Ф. Косиченко

Московский государственный лингвистический университет

Аннотация

Изучение англоязычных художественных текстов с точки зрения их ономастической организации позволяет говорить о том, что художествен-

ный ономастикон представляет собой совокупность ономастических знаков, сочетающих в себе признаки индексальности, иконичности и символичности. В контексте произведения художественной литературы один из трех признаков становится доминирующим; при этом общее соотношение знаков разных типов задает тип художественного ономастикона. Индексальный тип характеризуется высокой степенью реалистичности, отражает особенности некоторого культурного среза. Символический тип ономастикона характерен для “интеллектуального” романа и содержит информацию о социокультурных и мировых ценностях. Иконический тип примечателен высокой степенью фикциональности, выводит на поверхность образный потенциал онимов, заключенный также в лингвистических особенностях их употребления. В статье приводятся примеры ономастиконов разных типов.

Ключевые слова: имя собственное, художественный ономастикон, индексы, иконы, символы.

Центральным понятием проводимого исследования является *художественный ономастикон*, понимаемый как совокупность имен собственных-антропонимов, используемых в отдельном произведении художественной литературы для кодирования части содержания данного произведения. Элементами художественного ономастикона являются художественные онимы, понимаемые как знаки, обладающие индексальными, иконическими и символическими характеристиками и реализующие данные свойства в произведении художественной литературы, задавая тип ономастикона данного произведения и одновременно создавая в нем особый ономастический код. Заявленный семиотический подход к изучению художественных ономастиконов заключается в рассмотрении онимов сквозь призму семиотической теории Ч. С. Пирса [1].

В соответствии с развиваемой концепцией *ономастические индексы* характеризуются высокой степенью функциональной неоднородности. Анализ англоязычных произведений художественной литературы общим объемом свыше 9 000 страниц показал, что в художественном тексте случаи “чистого” индекса (референции) весьма немногочисленны, и, как правило, высокую степень индексальности демонстрируют имена второстепенных персонажей, присутствие которых в тексте необходимо для создания эффекта реалистичности повествования, однако не влияет существенно на реализацию идейного содержания произведения.

Помимо референции к персонажу, ономастические индексы могут указывать на этническую принадлежность данного персонажа, его пол, возраст, социальное положение, интересы. Такого рода информацию содержат, например, греческий суффикс **-akis (-is)**, греческий корень **para-** (от “поп”, “священник”), русский суффикс **-вич**. На этническую или социальную принадлежность может указывать синтаксическая модель, в частности, “полное имя + отчество”. *Ономастические иконы* представлены, в пер-

вую очередь, прозвищами и так называемыми “говорящими” фамилиями. Высокую степень иконичности могут обнаруживать также личные имена, этимология которых актуализируется в тексте и работает на создание художественного образа. Например, в английском именовании значится, что имя *Mорис* (*Maurice*) — довольно распространенное в англоязычных культурах мужское имя, имеющее значения “темный”, “мавр”; имя *Elizabeth* (Элизабет) происходит от лат. < др.греч.< др.-евр. *Elisheba* в значении “мой бог поклялся” или “клятва бога моего” [2]. Этимология данных имен играет важную роль в композиционно-идейной организации произведений Г. Грина “Конец одного романа” и “Человек внутри”.

Кроме того, важную роль в создании образности играют лингвистические характеристики онимов, например, морфологические или стилистические особенности их употребления. В частности, это относится к уменьшительному суффиксу *-ie* в фамилии *Hardie*; семам *-ed* (богатство), *tund-* (защита) в имени *Edmund*, которые, как показал анализ, выступают средствами создания художественных образов в романах Ш. Роуган “Спасательная шляпка” и У. Голдинга “Ритуалы плавания”.

В основу *ономастических символов* положена условная связь между формой и содержанием. Данный тип онимов представлен прецедентными именами, которые, реализуя свои аллюзивные характеристики, выступают средствами пространственно-временной и жанрово-стилистической организации текста.

Тип *ономастикона* произведения художественной литературы определяется через установление доминанты элементов определенного типа — индексов, икон или символов. В известной степени отнесение произведения к тому или иному типу условно и часто носит субъективный характер, что обусловлено неоднозначностью природы знака. Вместе с тем, можно назвать существенные характеристики каждого из трех типов ономастикона.

Произведение с *индексальным типом ономастикона* характеризуется высокой степенью реалистичности. Примером является роман Дж. Апдайка “Кролик вернулся” [7], где онимы, выполняющие преимущественно функцию референции, составляют 72%. Исследовательский корпус в данном произведении составили 142 имени, из них: личных имен — 66 (46%), фамилий — 32 (23%), прозвищ — 2 (1%), прецедентных имен — 42 (30%).

Действие данного романа происходит в штате Пенсильвания, известного своим этническим разнообразием. В романе английских имен — 44%, германских — 36%, скандинавских — 6%, гаэльских — 6%, французских — 5%, греческих — 3%. Обращение к информации о демографической ситуации в Пенсильвании [3] показывает, что выявленное в процессе анализа романа “Кролик вернулся” соотношение отражает реальное положение вещей.

Достижению эффекта реалистичности в романе Дж. Апдайка способствует также использование ономастических символов в функции рефе-

ренции. Известные имена отражают значимые тенденций в американском обществе конца 1960-х годов, а также участвуют в создании пространственно-временной структуры произведения. В романе используется тридцать три прецедентных имени, десять из которых (по оценкам института Гэллпа и согласно рейтингу Нильсена) играли особую роль в жизни американцев 1960-х годов. Это имена: С. Burnett, S. Davis Jr, E. Hoover, L. B. Johnson, R. Nixon, N. Armstrong, E. Aldrin, M. Collins, Kennedy и Lee H. Oswald.

Иконический тип ономастикона основан на доминировании в произведении иконических (мотивированных) ономастических знаков. В качестве мотивирующего признака может выступить связь имени с апеллятивом или прецедентным текстом, звукоподражание, маркированность онима. Произведения с данным типом кода характеризуются высокой степенью фикциональности, и, как правило, в них создается особый мир.

Примером произведения с иконическим типом ономастикона является роман Т. Пратчетта “Пехотная баллада”. Творчество Т. Пратчетта примечательно тем, что ему удалось создать свой, так называемый, “плоский мир” [4], персонажи которого часто встречаются в нескольких произведениях писателя, представляя собой аллюзии на некоторые предшествующие события. Это означает, что некоторые имена — это готовые образы, за которыми стоят предыдущие тексты и которые узнаваемы благодаря этим текстам.

Действие романа “Пехотная баллада” разворачивается во время многолетней войны между Борогравией (Borogravia) и Злобенией (Zlobenia). Отчаявшиеся женщины Борогравии, нарушив закон и переодевшись мужчинами, вступают в армию и добиваются перемирия. В романе задействовано двадцать восемь персонажей, число используемых имен составляет пятьдесят два. Из десяти основных персонажей пять имеют по три средства именованья (личное имя, фамилия, прозвище). Мотивированными в данном произведении являются не только прозвища и фамилии, но также личные имена. Например, главная героиня романа имеет имена: Polly от *paulus* — “малый”; Perks от *perk* — “привилегия”; Ozzer — от Oswald — *ōs* — “бог”, *weald* — “власть”. Все значения обыгрываются в тексте.

Таким образом, с точки зрения организации художественного ономастикона “Пехотная баллада” Т. Пратчетта представляет собой иконический тип произведения, где абсолютное большинство имен собственных мотивированы либо соответствующим апеллятивом (например, Tonker — “мужеподобная”), либо звучанием (Hubukurk), либо ассоциацией (Aunt Hattie — *mad as a hatter*), либо аллюзиями на другие тексты (персонажи “плоского мира”).

Ономастический символ основан на произвольной связи между формой и содержанием. Символический тип ономастикона определяется доминирующим числом прецедентных имен в тексте произведения. Как правило, данным типом ономастикона располагают произведения, где поднимается важная социальная проблема, например, антиутопии.

Сопшемся на роман Р. Брэдли «451 градус по Фаренгейту», важной идеей которого является мысль о том, что знание не живет на бумаге, а передается из поколения в поколение. Всего в романе используется 93 имени, из них: прецедентных имен — 59; личных имен — 22; фамилий — 11. Приведенная статистика позволяет отнести данный роман к символическому типу произведений. Доминирование символических ономастических знаков в тексте предполагает высокую степень интертекстуальности литературного произведения, что характерно для постмодернистского романа.

Таким образом, индексальный тип ономастикона характеризуется высокой степенью реалистичности, позволяет делать выводы относительно особенностей некоторого культурного среза. Символический тип произведения обладает повышенной информативностью, открывает доступ к знаниям о культурных и мировых ценностях, наиболее часто встречается в романах постмодерна. Иконический тип примечателен высокой степенью фикциональности, выводит на поверхность метафорический потенциал онимов, заключенный в лингвистических особенностях их употребления, и характерен в первую очередь для жанра фэнтези.

Список литературы:

1. Пирс Ч. С. Избранные философские произведения. М.: Логос, 2000. 448 с.
2. Рыбакин А. И. Словарь личных имен: 4000 имен. М.: Рус. Яз., 2000. 224 с.
3. Ancestry in Friendship, Pittsburgh, Pennsylvania. [Электронный ресурс]. URL: <http://statisticalatlas.com/neighborhood/Pennsylvania/Pittsburgh/Friendship/Ancestry> (дата обращения: 05.10.2016).
4. Book: Monstrous Regiment. [Электронный ресурс]. URL: http://wiki.lspace.org/mediawiki/Book:Monstrous_Regiment (дата обращения: 05.10.2016).
5. Bradbury R. Fahrenheit 451. NY: Simon & Schuster Paperbacks, 2012.
6. Pratchett T. Monstrous Regiment. UK: Doubleday edition, 2003.
7. Updike John. Rabbit Redux. N.Y.: Fawcett Books, The Random House Publishing Group, 1991.

Сведения об авторе:

Косиченко Елена Федоровна, к. ф. н., доцент, заведующий кафедрой общего и сравнительного языкознания, Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия; e-mail: ekosichenko@gmail.com

NAMING IN FICTION: A SEMIOTIC APPROACH TO LITERARY ONOMASTICS

Elene F. Kosichenko

Candidate of Philology, Associate professor, Head of the Department of General and Comparative Linguistics, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia; e-mail: ekosichenko@gmail.com

Abstract

An onomastic approach to analyzing English fiction reveals that a literary onomasticon comprises signs with indexical, iconic and symbolic properties. In context each onomastic sign tends to become an index, a symbol or an icon; the dominance of signs of a certain type determines the nature of the onomasticon. An indexical onomasticon contributes to the creation of realistic effect by reflecting certain cultural traditions. A symbolic onomasticon contains information about sociocultural and human values. An iconic onomasticon increases imagery, each sign and each linguistic form being of great metaphorical value. The article contains brief analysis of three novels with different types of literary onomasticon.

Key words: personal names, literary onomasticon, indexes, icons, symbols.

References:

1. Pirs, Ch. S. (2000). *Izbrannyye filosofskie proizvedeniya* [Selected Philosophical Works]. M.: Logos.
2. Rybakin, A. I. (2000). *Slovar' lichnykh imen: 4000 imen* [Dictionary of Personal Names: 4000 Names]. M.: Rus. Jaz., 2000.
3. Ancestry in Friendship, Pittsburgh, Pennsylvania. Retrieved 05 October, 2016 from URL: <http://statisticalatlas.com/neighborhood/Pennsylvania/Pittsburgh/Friendship/Ancestry>
4. Book: Monstrous Regiment Retrieved 05 October, 2016 from URL: http://wiki.lspace.org/mediawiki/Book:Monstrous_Regiment
5. Bradbury, R. (2012). *Fahrenheit 451*. NY: Simon & Schuster Paperbacks.
6. Pratchett, T. (2003). *Monstrous Regiment*. UK: Doubleday edition.
7. Updike, J. (1991). *Rabbit Redux*. N.Y.: Fawcett Books, The Random House Publishing Group.

Динамика лингвоаксиологических характеристик рекламного дискурса

Л. А. Кочетова

Волгоградский государственный университет

Н. Г. Вара

Волгоградский государственный медицинский университет

Аннотация

На материале диахронического корпуса британских рекламных текстов, предлагающих автомобиль, охватывающего период с 1930-х гг. по настоящее время, проводится анализ динамики ценностных смыслов, ос-

нованный на применении методики историко-дискурсивного исследования аксиологического содержания дискурса. Изучение средств и способов дискурсивной репрезентации ценностей, используемых в целях убеждения адресата рекламного текста, позволило определить ценностные доминанты, свойственные различным периодам истории британской автомобильной рекламы, провести категоризацию выявленных ценностей и установить аксиологические векторы в анализируемом фрагменте дискурсивно-ценностной картины мира. Динамика лингвоаксиологических характеристик в британской рекламе автомобиля проявляется в изменении системы ценностей, различной степени актуализации ценностей в конкретные исторические периоды, диахронической вариативности средств и способов их репрезентации и обусловлена меняющимся социокультурным контекстом.

Ключевые слова: дискурс, рекламный дискурс, ценность, динамика, диахрония.

В многообразии направлений изучения дискурса, понимаемого как процесс языковой деятельности, отражающий различные способы социального взаимодействия, особое место занимает историко-дискурсивный подход. Задача исторической дискурсологии как самостоятельной области языковедческих исследований состоит в описании тенденций развития дискурса как опосредованной языком исторически сложившейся и исторически изменчивой формы социальной практики, непосредственно связанной с социально-культурными обстоятельствами общения. Репрезентированная в языковых структурах, аксиологическая составляющая, является важным измерением любого типа дискурса [1; 3; 4; 5], отражая особенности мировосприятия и оценки социума в разные исторические периоды.

Историко-дискурсивное изучение аксиологического содержания дискурса направлено на выявление системы ценностных смыслов на основе анализа специфики исторически обусловленных способов их репрезентации. Имея целью убеждение потребителя в необходимости приобретения товаров и услуг, рекламный дискурс использует ценности как инструмент воздействия, мотивируя поведение потенциальных покупателей. Введение исторического аспекта позволяет проследить динамические процессы в дискурсивно-ценностной картине мира рекламы и выявить изменения в языковой репрезентации воздействующей функции. Цель нашей работы — описать динамику ценностно-маркированной репрезентации автомобиля в британской рекламе, отражающей изменения дискурсивно-ценностной картины мира, и обозначить основные векторы аксиологических изменений ценностной в содержательном и квантитативном аспектах.

Материалом исследования послужили тексты, опубликованные в британском периодическом издании *The Times*, размещенные в электронном архиве <http://gale.cengage.co.uk>. Отбор текстов для анализа производился методом случайной выборки из различных номеров газеты в иссле-

двумь промежуток времени. Достижение целей работы потребовало проведения исторической периодизации материала исследования, основанной на анализе текстов с привлечением данных смежных наук, для установления специфики оценочной квалификации объекта рекламы в языковом сознании членов британского социума в различные исторические периоды. С опорой на экономические, социологические, культурологические данные была проведена реконструкция социокультурного контекста функционирования британской рекламы автомобиля и выделены три синхронных среза, различающихся спецификой ценностной концептуализации объекта рекламы: 1) период становления массового производства автомобилей (с 1930-х гг. до середины 1950-х гг.), сопровождающегося стимулированием потребления данного товара широкими слоями населения; 2) период массовых продаж автомобилей (с середины 1950-х по 1980-е гг.), характеризующийся совершенствованием технологий производства и диверсификацией торговых марок; 3) период превращения автомобиля в артефакт массовой культуры (1990-е гг. — по настоящее время), отражающий ее основные характеристики: развлекательность, десакрализацию / детабуизацию [2; 3].

Выделенные ценности британского рекламного дискурса, предлагающего автомобиль, оценивались по ряду параметров: историческая инвариантность / вариативность; тип оценки, отражающий ценность; экзо- и эндо-ориентированность, которые предполагают выделение ценностей, направленных на внешний мир или внутренний мир. Ценности “статусность”, “достижение”, “успех”, “новизна”, передают телеологическую оценку и характеризуются как ценности самопрезентации. Ценности “удобство”, “безопасность”, “выгода”, “качество”, “гарантия”, “вместимость”, “экономия”, “выгода”, “гарантия” основаны на утилитарном типе оценки. Ценности “удовольствие”, “приключение”, “комфорт” соотносятся с гедонистической оценкой; ценность “гордость”, связана с психологическим оценочным типом.

Ценности были выделены на основе анализа ключевых репрезентантов, например, ценность “новизна” репрезентируется прилагательными *new, advanced, refreshing, modern* и др. Утилитарная ценность “качество” передается средствами прямой репрезентации, например, лексемой *quality*, словосочетаниями *mechanical excellence; the trustworthy car; sturdily built; made for years of trouble-free motoring; BUILT TO LAST; extremely solid piece of construction* и др. Утилитарная ценность “безопасность” выражена лексемами: *safety; secure; confidence; protect* и др. Ценность “экономия” представлена лексемами *economy; economical*; словосочетаниями *lower petrol consumption; superior fuel efficiency; the lowest upkeep costs, motoring on a budget*; глаголами *save, cut*; идиомами, например: *PERFORMANCE that doesn't cost the Earth* [*The Times, Jan. 17, 2006, p. 17*].

К средствам репрезентации ценности “удовольствие” относятся прилагательные *enjoyable, terrific, happy, exhilarating, thrilling, fascinat-*

Таблица 1.

Частотность апелляций к ценностям в британской рекламе
автомобиля (%):

ценности \ период	1930-е — сер. 1950-х гг.	сер. 1950-х — 1980-е гг.	1990-е — 2000-е гг.
Статусные ценности			
Экзо-ориентированные			
Статусность	24,63%	16,3%	9,95%
Новизна	6,37%	5,85%	15,1%
Успех	3,02%	3,57%	1,22%
Достижение	5,67%	6,59%	0,40%
Эндо-ориентированные			
Гордость	2,26%	1,78%	0,40%
Всего:	41, 95%	34,09%	28,97%
Утилитарные ценности			
Качество	13,08%	10, 14%	1,4%
Безопасность	7,04%	8,34%	3,75%
Экономия	4,69%	9,52%	10,29%
Вместимость	6,37%	6,54%	6,93%
Выбор	4,02%	8,0%	1,9%
Выгода	2,01%	2,78%	11,33%
Гарантия	—	1,19%	1,63%
Всего:	37,21%	46,51%	37,23%
Гедонистические ценности			
Эндо-ориентированные			
Удовольствие	8,76%	7,17%	15,78%
Комфорт	12,08%	12,23%	10,47%
Экзо-ориентированные			
Приключение	—	—	7,63%
Всего:	20,84%	19, 4%	33,8%

ing, delightful, impressive, terrific, stirring, существительные *joy, satisfaction, impression*, глаголы *feel/enjoy*, ценность “комфорт” выражается существительными *comfort, smoothness, silence*, прилагательными *comfortable, smooth, silent, restful*, отглагольными прилагательными *gliding, unruffled, untired*. Ценность “приключение” передается существительным *adventure*, прилагательным *adventurous*, императивными формами глаголов *learn, discover, explore* и др.

На следующем этапе анализа на основании категоризации семантических видов оценочных признаков и дискурсивно-ценностных смыслов, выражающих ценностно-маркированное отношение, ценности были сгруппированы в более широкие категории, отражающие способы ценностной концептуализации объекта рекламы: статусный, утилитарный, гедонистический (см. Табл. 1).

Установлено, что исторически инвариантными являются ценности утилитарного модуса “качество”, “экономия”, “безопасность”, “вместимость”, которые в разной степени представлены в текстах каждого из выделенных периодов. В период с 1930-х до середины 1950-х доминирует статусный модус ценностной концептуализации объекта рекламы, представленный инвариантными ценностями “статусность”, “успех”, “достижение”, “гордость”, “новизна”, последняя приобретает особую значимость в дискурсивно-ценностной картине мира современного периода. С середины 1990-х гг. по настоящее время аксиологический вектор смещается в сторону гедонистического модуса, в котором предпочтение отдается инвариантной ценности “удовольствие” и исторически вариативной ценности “приключение”.

В рекламных текстах автомобиля изменения способов репрезентации ценностей отражаются в снижении числа субстантивных единиц, увеличении прилагательных в атрибутивной функции, стилистически сниженной лексики, использовании дискурсивных способов выражения ценностей (побудительных речевых актов, речевых актов обещания, языковой игры). Например: *For snap decisions or serious plans, the car you'll enjoy is a Vauxhall. ... [The Times, May 10, 1956, p. 17].*

Таким образом, диахронический подход к изучению дискурса позволяет выявить историческую динамику его аксиологического содержания на основе количественного анализа ключевых репрезентантов ценностей, образующих модусы ценностной концептуализации объекта рекламы. Общая тенденция к развлекательности, свойственная массовой культуре, находит свое отражение в апелляции к ценности “приключение” и характерной для массовой культуры идее новизны, к которой необходимо стремиться, чтобы быть успешным в обществе. Языковые характеристики текстов демонстрируют тенденцию к использованию регистра, отражающего сокращенную социально-психологическую дистанцию между участниками общения, что свидетельствует о процессах демократизации общения в институциональных типах дискурса.

Список литературы:

1. Бобырева Е. В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения): монография. Волгоград: Перемена, 2007. 375 с.
2. Бурыковская В. А. Коммуникативные характеристики массовой культуры в медийном дискурсе (на материале русского и английского языков): Дис. ... док. филол. наук: 10.02.19 / Бурыковская Валерия Анатольевна; Волгоградский государственный социально-педагогический университет. — Волгоград, 2014. — 326 с.
3. Карасик В. И. Эмблематика самопрезентации в рекламном дискурсе // Рекламный дискурс и рекламный текст: коллективная монография. М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. С. 88–99.
4. Олянич, А. В. Знаки рекламы // Дискурсивные знаки потребностной культуры: коллективная монография. Волгоград: ФГБОУ ВПО Волгоградский ГАУ, 2015. С. 168–175.
5. Палашевская И. В. Жанровая организация юридического дискурса: социолингвистический подход // Вестник Удмуртского университета. 2012. Вып. 2. С. 146–151.

Примечание:

Выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект №15–04–00134 “Историческая дискурсология: проблемы, методология и перспективы развития”.

Сведения об авторах:

Кочетова Лариса Анатольевна, д. ф. н., доцент, Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия; e-mail: kochetova@volsu.ru

Вара Наталья Георгиевна, к. ф. н., старший преподаватель, Волгоградский государственный медицинский университет, Волгоград, Россия; e-mail: natalya2@list.ru

DYNAMICS OF LINGUACULTURAL CHARACTERISTICS OF ADVERTISING DISCOURSE

Larisa A. Kochetova

Doctor of Philology, Associate Professor, Volgograd State University, Volgograd, Russia; e-mail: kochetova@volsu.ru

Natalya G. Vara

Candidate of Philology, Senior Lecturer, Volgograd State Medical University, Volgograd, Russia; e-mail: natalya2@list.ru

Abstract

Based on the diachronic corpus of British advertisements for automobiles published since the 1930s up to the present the analysis of dynamics of the val-

ue contents within the framework of historical discourse studies is conducted. The study of discourse representation of values that are used for the addressee's persuasion revealed value dominants for each of the period under study and defined axiological vectors in mapping of values in the discourse. The dynamics are observed in the dynamics of the value system, varying significance of particular values in the periods studied, diachronic variation of language means that represent them and is determined by changing social and cultural context.

Key words: discourse, advertising discourse, value, dynamics, diachrony.

References:

1. Bobyreva, E. V. (2007). *Religioznyj diskurs: cennosti, zhanry, strategii (na materiale pravoslavnogo verouchenija): monografija* [Religious discourse: values, genres, strategies (on orthodox beliefs materials): monograph]. Volgograd: Peremena.
2. Burjakovskaja, V. A. (2014). *Kommunikativnye karakteristiki massovoj kul'tury v medijnom diskurse (na materiale russkogo i anglijskogo jazykov): Dis. ... dok. filol. nauk: 10.02.19* [Communicative characteristics of mass culture in media discourse (on Russian and English languages material)]. Volgogradskij gosudarstvennyj social'no-pedagogicheskij universitet. Volgograd.
3. Karasik, V. I. (2011). *Jemblematika samoprezentacii v reklamnom diskurse* [Emblem studies of self-presentation in advertising discourse]. *Reklamnyj diskurs i reklamnyj tekst: kollektivnaja monografija* [Advertising discourse and advertising text; multi-authored monograph]. Moskva: FLINTA: Nauka. 88–99.
4. Oljanich, A. V. (2012). *Znaki reklamy* [Advertising signs]. *Diskursivnye znaki potrebnostnoj kul'tury: kollektivnaja monografija* [Discourse signs in culture of needs: multi-authored monograph]. Volgograd: FGBOU VPO Volgogradskij GAU. 168–175.
5. Palashevskaja, I. V. (2012). *Zhanrovaja organizacija juridicheskogo diskursa: sociolingvističeskij podhod* [Genre organisation of legal discourse: sociolinguistic approach]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta* [Journal of Udmurtia University], 2, 146–151.

Экологическое благополучие русского языка в контексте идей экологической лингвистики

Э. Г. Куликова

Ростовский государственный экономический университет

Аннотация

Экологический кризис русского языка проявляется в оскудении речевого общения на русском языке, в стремительном сокращении национального словаря. СМИ оказывают влияние на процесс нормирования

русского языка, коммуникативные стратегии, которыми пользуются носители языка. В современных СМИ сформировались невозможные прежде приемы передачи ироничного отношения к известным людям. В современном публичном пространстве стало возможным резко негативное, экспрессивное обсуждение вопросов, по которым говорящий имеет расхождения в точке зрения с собеседником. Пренебрежение прагматическими значениями слов нарушает экологическое равновесие. Экология языка должна составлять основу формирования политики государства в таких сферах, как образование, юриспруденция, делопроизводство, переговорные процессы, деятельность СМИ.

Ключевые слова: норма, дискурс, экология языка, СМИ, коммуникация.

Понятие экологии, включая лингвистическую экологию, актуализируется, когда становится ощутимым конфликт между сиюминутными и длительными потребностями. Чтобы обозначить кризисные явления в языке и лингвокультуре общества стали экстраполировать экологические идеи на сферу языка.

Одной из главных примет экологического благополучия языка можно считать наличие стабильных норм, которым неукоснительно следуют его носители. Современную коммуникативную ситуацию характеризует не только то, что СМИ являются фактором, оказывающим влияние на процесс нормирования, а в первую очередь то, что художественная литература утратила эти функции. СМИ при выборе языковых средств руководствуется мгновенным риторическим эффектом, поэтому не способны демонстрировать эталоны всеобщего значения, тогда как художественная литература подчиняется соображениям красоты, что и согласуется с функцией эталона, который стоит над отдельными речевыми актами [4].

Если ранее говорили об отношении к художественной речи, о признании кодификатором художественной речи в качестве источника нормы (все ли параметры художественной речи могут считаться источником нормы, чем необходимо дополнить такой источник и др.), то в настоящее время говорят о том, что кодификатор поставлен перед тем фактом, что художественная литература утратила нормозадающую функцию и эта функция теперь находится в ведении СМИ.

М. Н. Эпштейном [5] предложен иной взгляд на проблему — состояние, положение русского языка в целом, русского языка как всеобщего достояния, русского языка как системы. По его мнению, громкие фразы, декларирующие величие и богатство русского языка, являются сегодня штампом, который можно отнести к позапрошлому веку и который отнюдь не отображает реальную картину. Русским языком было утрачено огромное количество слов, и те потери, которые он претерпел, не позволяют уже говорить о его величии. Особенно это заметно, если сравнивать русский язык, например, с английским, который, наоборот, в течение XX века бурно развивался.

Экологическое благополучие русского языка теснейшим образом связано с лингвопрагматикой, поскольку именно пренебрежение прагматическими значениями слов нарушает экологическое равновесие и комфортную коммуникацию. Особенность современного периода состоит в том, что сегодня актуальными становятся слова, которые прежде находились на языковой периферии, а целые пласты слов, которые способствовали когда-то формированию идеологического центра, наоборот, выходят из употребления, утрачивают свою актуальность, вследствие чего коренным образом меняются прагматические значения слов. За последние двадцать лет языковой вкус эпохи оказался подверженным различным влияниям, причем в динамике современных социальных процессов изменяется не столько язык (хотя собственно языковые, главным образом — лексические изменения являются существенными), сколько стратегии коммуникативного поведения носителей языка. В новых условиях коммуникации, связанных с электронными технологиями, мобильной телефонной связью, создаются условия для формирования новых прагматических условий общения и новых лексических приоритетов.

Очевидно, лингвоэкологию должны интересовать границы уместности использования известных тропов и фигур речи, и прежде всего это касается иронии. М. Н. Кронгауз воспроизводит ситуацию, когда один иностранец находит объяснение, почему русские тексты порой очень сложны для понимания, в том, что они содержат в слишком большом количестве скрытый юмор, что русские все время иронизируют. М. А. Кронгауз называет это “инерцией приема” и пишет, что получается это у нас автоматически [3]. Но дело не только в масштабе явления, но и в этических ограничениях на использование этого приема. Нормативная ироническая коммуникация регулируется сводом правил — особой речевой “иронической конвенцией”. В то же время в современных СМИ сформировались особые приемы (совершенно невозможные прежде, в условиях тоталитарного строя) передачи ироничного отношения к людям, известным в стране (это, прежде всего — политики и даже первые лица государства). Тем не менее, этические ограничения должны всегда оставаться в обществе: не иронизировать в ситуации ритуализированных событий, не иронизировать по поводу физических недостатков, не иронизировать над незнакомым человеком и т.д. И вообще все требования политкорректности (в оптимальном понимании последней) — это предмет экологической лингвистики. Политически корректная, или нейтральная, лексика предполагает исключение слов, которые могут расцениваться в качестве тех или иных проявлений расизма, эйджизма и сексизма. То, что в пенсионных свидетельствах российских граждан до сих пор фигурирует *пенсия по старости* нередко расценивается как проявление эйджизма — дискриминации по возрасту.

Неучет прагматических особенностей отдельных слов или высказывания в целом ведет к сбоям в коммуникации, нарушает экологию

ческое равновесие русского языка. Объектом интереса лингвистической прагматики является социальное сознание слова, то есть сопутствующая предметно-логическому и входящая в смысловую структуру социальная детерминированность слова, его потенциальная способность к функционированию в социально обусловленных речевых ситуациях. Ср. эпизод, когда телеведущий Дмитрий Дибров обратился к известному режиссеру — Алле Суриковой с таким вопросом: “Как ты собрала на пробы ‘капуцинов’ (речь шла о фильме ‘Человек с бульвара Капуцинов’) такую *прорву* знаменитых актеров?” Алла Сурикова ответила (с явно укоризненной интонацией): “Это была не *прорва*, это был *букет*, это было *созвездие* прекрасных актеров” [Цит. по: 1].

Даже наградить человека можно так, что сопровождающие награждения формулировки окажутся обидными. Незадолго до своего ухода великий режиссер Татьяна Лиознова признавалась в телепередаче на канале “Культура”, что три десятилетия ее не покидает неприятное чувство, связанное с награждением за сериал “Семнадцать мгновений весны”. Дело в том, что ее наградили “за участие в создании фильма”. Она говорила о том, что в этом фильме нет ни одного момента, который обошелся бы без нее. С такой формулировкой можно было наградить осветителя, ассистента оператора, но не ее — режиссера.

Лингвэкология, в отличие от иных междисциплинарных наук, трудно упрекнуть в оторванности от собственно языкового материала. При узком (и более распространенном, по нашим наблюдениям) понимании ее объекта в фокус исследователя попадают все разноуровневые единицы языка, использование которых противоречит структурно-языковым или этико-речевым нормам и потому снижает качество языка и комфортность языкового общения.

Традиционное преподавание русского языка на всех уровнях за долгие годы привело к тому, что носители русского языка полностью утратили представление о том, каким должен быть русский речевой идеал. В последнее время лингвистическая наука выработала критерии такого идеала — элитарной языковой личности. Один из таких критериев — они никогда не выходят за границы этико-лингвистических норм. Есть понятие сильной языковой личности.

В современном публичном пространстве стало возможным резко негативное, экспрессивное обсуждение вопросов, по которым говорящий имеет расхождения в точке зрения с собеседником. Общество нуждается в обсуждении таких фактов и рекомендациях по оптимальному речевому поведению. Результатом таких действий должно стать осмотрительное, ответственное и вдумчивое использование языковых ресурсов.

Очевидно, что, признавая кризисное состояние речевого общения и масштабный характер негативных явлений, правомерно говорить и о кризисе языка как системы в целом.

Специфика экологической лингвистики предопределяет ее перманентную актуальность. Полное теоретическое осмысление языковых фактов подобно “убегающей от наблюдателя линии горизонта” [2, с. 37]. Но то, что уже сделано в рамках этого направления, может и должно стать основой для выработки государственной политики в области языка, основой эффективной коммуникации в различных условиях.

Экология языка должна составлять основу формирования политики государства в таких сферах, как образование, юриспруденция, делопроизводство, переговорные процессы и, конечно, деятельность СМИ.

“Здоровье” языка, все аспекты которого берется исследовать экологическая лингвистика, есть важнейшее условие сохранения этнической идентичности народа и важной составляющей национальной безопасности государства.

Список литературы:

1. Брусенская Л. А. Множественное число отвлеченных существительных // Русский язык в школе. 2012. №6. С. 67.
2. Кибрик А. Е. Константы и переменные языка. СПб: Алетейя, 2003. 719 с.
3. Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. М.: Языки славянских культур. 2008. 229 с.
4. Хазагеров Г. Г. Проблемы языковой нормы в свете понятий “красивого”, “возвышенного” и “эффективного” (к типологии нормы) // Язык в прагмалингвистическом аспекте: экспрессивная стилистика, риторика. Межвузовский сборник научных трудов. Ростов н/Д: РГУ. 2003. С. 55–64.
5. Эпштейн М. Н. Русский язык в свете творческой филологии разыскания // Знамя. 2006. №1. С. 196–207.

Примечание:

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №16–04–00037.

Сведения об авторе:

Куликова Элла Германовна, д. ф. н., профессор, заведующий кафедрой русского языка и культуры речи, Ростовский государственный экономический университет, Ростов-на-Дону, Россия; e-mail: kulikova_ella21@mail.ru

ENVIRONMENTAL WELL-BEING OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN THE CONTEXT OF ECOLOGICAL LINGUISTICS

Ella G. Kulikova

Doctor of Philology, Professor, Chair of The Russian Language and Speech Culture Department, Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia; e-mail: kulikova_ella21@mail.ru

Abstract

The ecological crisis of the Russian language manifests itself in the impoverishment of verbal communication in Russian, in the rapid decline of the national vocabulary. Media influence the process of normalization of the Russian language, communicative strategies used by native speakers. Methods of transmission of ironic attitude to the famous people (impossible before) have been formed in the modern public space. Sharply negative, expressive discussion of the issues on which the speaker has different point of view with someone has become possible in the modern public space. The neglect of pragmatic words co-meaning disturbs the ecological balance. The ecology of language should form the basis for the formation of state policy in such spheres as education, law, paperwork, negotiations, media activities.

Key words: norm, discourse, language ecology, mass media, communication.

References:

1. Brusnskaya, L. A. (2012). Mnojestvennoye chislo otvlechennih sushestvitelnih [The Plural of Abstract Nouns]. *Russkii yazik v shkole [Philological Sciences]*, 6, 67.
2. Kibrik, A. E. (2003). Konstanti i peremennije yazika [Constants and Variables of the Language]. St. Petersburg: Aletheia. 719 s.
3. Krongauz, M. A. (2008). Russkii yazik na grani nervnogo sriva [The Russian Language on the Verge of a Nervous Breakdown]. Moskva: Iaziki slavianskih kultur. 229 s.
4. Khazagerov, G. G. (2003). K probleme yazikovoi normi v svete “krasivogo”, “vozhishennogo”, “effektivnogo” (k tipologii normi) [Problems of the Language Norms in the light of the Concepts of “Beautiful”, “Sublime” and “Effective” (to the typology of the norm)]. *Yazik v pragmolingvisticheskom aspekte: ekspressivnaya stilistika, ritorika*. Rostov n/D: RGU, 55–64.
5. Epstein, M. N. (2006). Russkii yazik v svete tvorcheskoi philologii raziskaniya [The Russian Language in the Light of Creative Philology Researches]. Banner [Znamya], 1, 196–207.

Negotiators' Language as Code and Cipher

Bill Louw

Coventry University

Abstract

If “happy to” means “I have been caught out”; and “sorry to” means “apologizing is how I get my way”; and “disappointed” means “I am a diplomat”, then surely we are dealing with a Turingesque *code* whose meanings are now recoverable by means of *induction* as the basis upon which reference corpora

will eventually find all of its meanings. As the quantum expects us to replace the laws of causality with the laws of probability, we can expect several “magical innovative” changes of emphasis. A quantum subtexual inductive search of individuals’ language carries with it (1) a return to seeing the other side as persons rather than as typecast personalities such as “good guy”, “hard liner” or “sweeper” etc, (2) probabilistically determined “next moves” become potential projections, and (3) the revealing of hidden detail as objects or even personal obsessions. But as we respond to this quantum requirement, we need to plan in-house detailed research programmes that are driven by improved inductive and subtexual method.

Key words: analogue, data-assisted, quantum, intuitive opacity, variables, corpus-derived subtext, deep vetting, induction, code and cipher, instrumentation.

1. Introduction

This paper updates one written in 2004 and which was the first paper of its kind written on data-assisted negotiating. This term implied that language corpora of two types might be useful in revealing aspects of the process of negotiation as well as its ideology. Type 1 would represent a well-sampled reference corpus of the kind used by lexicographers to produce the second edition of the Cobuild English Language Dictionary edited by the late John Sinclair. Type 2 would be an extended negotiation in a machine-readable form such as the Sizewell Corpus which was devoted to a court hearing about a leak of radiation at the Sizewell B reactor in the UK.

The experimental task behind that first paper was to see if corpus-based findings would bear out an earlier analogue piece of research undertaken by a firm in Sheffield UK that had reduced its findings to a list of DOs and DON'Ts as these characterised skilled negotiators with a specific track record. The hypothesis was borne out.

However, that paper must now be revisited in the light of the arrival of what politicians in the UK are referring to as Big Data. The only reason that it is “Big” is that it deals almost entirely with vocabulary accessed intuitively.

Then in 2016 the size issue was made more compact by searching for the logic of the given as grammar strings with all vocabulary wildcarded in order to obtain *all* of the lexical variables and their relative frequencies in a particular context of the logic of natural language [6].

The present paper intends as part of the coded nature of negotiating to offer subtexual insights to negotiators. This innovation qualifies for the conference theme of The Magic of Innovation at MGIMO University in March 2017.

A major paradigm shift in negotiating is likely to result from linguistic, scientific and philosophical studies as computers now offer us a way of getting past various forms of intuitive opacity from which all human beings suffer. This new era will take us into methods of negotiating that look less like the manipulation of the laws of causality and more like probabilistic prediction of the course of

a negotiation and the behaviour of its participants. Such insights will be based upon subtextual analysis of the utterances of the negotiators themselves. It is of interest also to the area of “deep vetting” within what has become known as the Migration Crisis. Can subtext speed up the process of identifying motive and intended action on the part of those who are interviewed?

Are we likely to witness an alteration to some of the platitudes that accompany handbooks on negotiating? For example, “in negotiating you don’t get what you deserve. You get what you negotiate.” Even Shakespeare’s assertion is that there is “...no way to tell the mind’s construction in the face.” Finally, the very etymology of negotiating: that it is *neg* (i.e. “not”) *otium* (“fun or pleasure”), may be about to change.

Suffice it to say that because subtexts are captured in the form of collocates that are close to natural language *logic*, it is likely that robust forms of truth will inform the process rather than anything that is merely catchy but counterfactual. Perhaps reliable instrumentation is what we deserve at last.

2. Stages in the development of innovative approaches

The first stage is what can only now be called the ANALOGUE stage and this stage may well be at an end at last. We only need to pull up a concordance for “correct me if I am wrong” to realise that Fisher and Ury [2] must be wrong to argue that “the speaker believes that he may be wrong”.

13 *he option, and correct me if I am wrong, but I do not see any direct address of*

14 *sure he will correct me if I am wrong, but I did not understand him to wish yo*

15 . Yes. 283. Q. *Correct me if I am wrong, but I do not think there is mention mad*

16 *sure I will be corrected if I am wrong, but I understand that the philosophy in*

17 *not quite sure, and perhaps I am wrong, but I thought Dr. Wright had got as far*

18 *is my arithmetic, which got it wrong, but I do not think my point is affected*

19 *d I stand to be corrected if I am wrong, but I do not think I am wrong. Of cours*

The age of naive interpretation must surely be over. The clue is that the very next word is almost always *but* and it is often followed by incontrovertible evidence. Hence the phrase is the precursor to an attack and not a mere gesture of tolerance; but it does rely on intuitive opacity and finds it readily in Fisher and Ury. Their entire approach is based upon a four-point formula which when applied, gives rise to unnatural exchanges, especially where issues such as blame are involved:

Customer: You caused me to miss my plane.

Clerk: I agree that there is a problem and that the problem is in this office. We need to find that problem and work on it together, but I am not the problem.

Corpus-based inductive approaches easily falsify this type of glib trained response.

The second phase arrives with the publication of an earlier article mentioned above [4], which takes up the issue of data-assisted matters. This stage was in 2004 so important that I felt at the time that it was likely to pave the way to a flawless form of negotiating that uses intuitive opacity during negotiations to appease the aggrieved. For example, “I shall be *happy* to provide the minutes” is markedly the utterance of a *sad* person who is sad because his attempt to hide the minutes failed. We know that “happy” is code and cipher because the speaker would never use the term “pleased to provide” because “pleased” is used as code for commending “progress” in a positive flag.

21 t struck the right balance, we will be happy to comply with what you regard as
22 some other way we shall, of course, be happy to comply. 166. Sir,
37 gories? A. Not without notice, but I am happy to have the information supplied
49 blem in the US. Again, I would be very happy to make that available to the Boa
50 gain, this is something I would be very happy to make available to you on Ameri
52 y document, sir, but would be quite happy to obtain a copy of this for Rev.
53 e by giving those references — I am happy to omit them — the reason I do is
55 that is why I said initially we are happy to provide the factual informatio
56 o not have them to hand. I shall be happy to provide them. 478. Q. Than

Equally, diplomats are allowed a vast number of positive flags but only one negative one: *disappointed*. Why is this so? Because a wrangle stops the movement of a negotiation and destroys its climate.

Furthermore, a harmless-looking apology such as “sorry to interrupt you” is often the entire job of one person. Where a judge may have pre-written a judgment, this interjection may be the only way for him to preserve that piece of writing from the wastepaper basket!

The innovation that is likely to overtake negotiators fairly soon was born of Max Planck’s discovery of *quantum*. The reason that it is only being recognized now is itself the product of intuitive opacity. It has taken 117 years not for the penny to drop but for the realization to dawn that there *was* a penny and that there *was* a machine in which the penny was inserted in 1900!

Now, the very first thing to be explained is that physics is a better science than linguistics because it has better personnel and more demanding methods. Nobody expected intuitive opacity to be operating as an open secret code in the midst of on-going negotiations. Linguists and philosophers who dared to posit the existence of hidden material were dealt with ruthlessly. Rudolph Carnap invented subtext but was talked out of claiming it by his colleagues. Carnap and his colleagues and all human beings suffer from the very intuitive opacity that caused this setback. But some sciences are more robust. Bertrand Russell died before corpora had come of age but he never doubted the role and importance of empiricism and probability. The quantum had to survive until colliders such as CERN could prove it. Subtext had to wait until computers had banished all searches based upon vocabulary as intuition. But in 2016 [6] it could be shown that the wildarded Firthian line (“One of the meanings of *night* **is its collocability with** dark”, [1, p. 181]) *is its *with** could reveal the lexical variables that no human being could provide simply by looking at the line. The concordance below was effectively the nascent collider of corpus linguistics.

- 1 *er in section 3.6. </p> <p> One is its **association** with the rather questionable*
- 2 *er feature of the rural economy is its **relationship** with urban labour markets. T*
- 3 *veral attractive features. One is its **con&rehysonance** with what is generally ac*
- 4 *has come through to the public is its **preoccupation** with sex. The idea that dre*
- 5 *inguishing feature of the model is its **concern** with the secular development of t*
- 6 *e developed from these sketches is its **interaction** with social forces — literall*
- 7 *ion). At the deepest level this is its **symmetry** with the social order within whi*
- 8 *eat strength of 123 For Windows is its **compatibility** with all the earlier versio*
- 9 *mathematically, but that, such is its **concern** with the quantitative aspects of*
- 10 *along a bay. What sets it apart is its **situation**, with the massive range of the*
- 11 *set the TG100 apart. The first is its **conformity** with the General MIDI Specific*
- 12 *p> A common image of later life is its **association** with residential care and ins*
- 13 *integral part of Eo’s strategy is its **partnerships** with the companies, it says,*
- 14 *st strength, on the other hand, is its **compatibility** with Windows. It’s a streng*
- 15 *n important feature of research is its **concern** with the nature of the event unde*
- Source: BNC

In contrast, lexical priming set out to say that vocabulary primes logic! We had hardly any voices raised in opposition. But, consilience of induction [10] came to the rescue and today we can take Sinclair [8] further: Trust the Text, but trust the subtext first.

The last proofs of Einstein's theories were only concluded in 2016 in the case of gravitational waves. Why was there no Einstein in linguistics? Did Chomsky and Halliday know more than they were allowed to let on?

Scholars who provided proofs attracted no comment at all from the community of linguists. In the case of *semantic prosody* [3], the binarity was posited as irony vs. insincerity, but only proved in Louw [4]. It was difficult to hold out until the Bank of English was large enough to prove matters and more difficult to find access to that corpus after the proof even though it never once attracted a comment, let alone approbation. However, by 2016 we began to discover the first true signs of the quantum: the rarer the result, the more accurate its content. For example, a poem named "Legs" that had defeated John Sinclair at a stylistics conference yielded readily to a subtextual search based upon collocation and the analytic researchers of logical positivism. The example is drawn from my invited closing chapter of a book on Sinclair by Sonia Zyngier published in 2016. There are only two contexts in the Times 1995 reference corpus, and both point to platonic relationships:

there+was+this+*+and:

1 *Then there was this interesting and pathetic handling of my friendship with Limahl. It received an extraordinary amount of attention for a relationship that was not sexual.*

2 *The story began as a sort of bad yuletide joke there was this monk and this nun, see, and they got lost in a storm when suddenly lo, they came across a rude hovel replete with*

3. Preparing for the changes in Negotiating Studies that will be brought about by a Quantum Approach

The quantum moves us away from the laws of causality towards the laws of probability. Now, although the laws of causality are essential because of the way in which negotiated deals are traded, the quantum brings back to the "other side" in a negotiation his or her status as a human being. By searching for the subtext of their utterances we find information that is crucial to the ways in which they as individuals (cf. [9]) are likely to react. Of course, we research the other side, but never this deeply because of intuitive opacity. But subtext gets us past opacity and this may open new vistas for the exploration of the individual, even down to issues of deep vetting.

Corpus-derived subtext is the only reliable probabilistic and inductive method for accomplishing this task. Happily, it will lift any purported ideological ban on the use of induction and its role in the curriculum of Corpus Studies. Reference corpora will again be released and tested for flaws using the

same method. Even during its analogue period, induction always delivered on its promise to go beyond the information given.

These are suggested preparations in point form:

1. All members of the other side can now be profiled subtextually in respect of their deepest interests.
2. All negotiations of any importance will need to be held in a computer-accessible form with persons and personalities [1] identified. Maiden names and married names will be tagged.
3. We do not need to rely exclusively upon state-owned analytical information and methods. The quantum method will be based on research that improves the probability of prediction.
4. We need to find and trust the subtext before we trust the text [8].
5. Google and Yandex often contain quotes by individuals. Use these quotes to build subtextual profiles of individuals.
6. Disregard any notion that induction is flawed, circular or off limits.
7. Use your results strategically i.e. plan their use as a military general plans campaigns.
8. Analyse your own team and prune it for its best performances.
9. Use negotiating corpora in conjunction with reference corpora, but remember that because they pre-date subtext they may only be valuable as skilled causality-based performance and acting ability.
10. Keep detailed notes about sudden decisions and the speech that surrounds them.
11. Note that opening and closing speeches often *prospect* one another (see [7] for more detail on *prospection*).
12. Encourage your team to research subtext and inductive methods, even for PhD studies if need be.
13. Probe any hidden issues and attitudes that may arise. Come down hard on any attempt to return to intuition alone. The research of induction was hard-won. Turing died for it.

4. Conclusion

The laws of probability need to be given a special place as the quantum takes the discipline to higher levels. Remember that intuitive opacity has set us back and that we are attempting to catch up the 117 years lost since 1900 and Max Planck. Use the instrumentation to determine with minute precision exactly what will constitute win-win outcomes both for your team and for the other side. A successful negotiation leaves no visible casualties and takes no prisoners.

References:

1. Firth, J.R. (1957). *Papers in Linguistics 1934–1951*. Oxford: OUP.
2. Fisher, R., Ury, W. & Paton, B. (2011). *Getting to yes: negotiating agreements without giving in*. New York: Penguin Books (Revised edition of Fisher, R. and Ury, W. (1981). *Getting to yes: negotiating agreements without giving in*. Boston: Houghton Mifflin).

3. Louw, W.E. (1993). Irony in the text or insincerity in the writer? The diagnostic potential of semantic prosodies. In M. Baker, G. Francis & E. Tognini-Bonelli (Eds.), *Text and Technology: In Honour of John Sinclair* (pp. 152–176). Amsterdam: John Benjamins.
4. Louw, W.E. (2000). Contextual Prosodic Theory: Bringing Semantic Prosodies to Life. In C. Heffer & H. Sauntson (Eds.), *Words in Context. In Honour of John Sinclair*. Birmingham: ELR.
5. Louw, W.E. (2016). Chapter 15. Coda: Unlearning the intuitive analogue as Sinclairan digital proofs transcend stylistics. In Zyngier S. (Ed.), *Language, Discourse, Style: Selected works of John McHardy Sinclair*. Amsterdam: John Benjamins.
6. Louw, B. & Milojkovic, M. (2016). *Corpus Stylistics as Contextual Prosodic Theory and Subtext*. Amsterdam: John Benjamins.
7. Milojkovic, M. & Louw, W. E (2017). Towards a corpus-attested definition of creativity as accessed through a subtextual analysis of student writing. In R. Breeze & C. Sancho Guinda (Eds.), *Essential Competencies for English-medium University Teaching*, Springer. 125–141.
8. Sinclair, J.M. (2004). *Trust the text: language, corpus and discourse*. London: Routledge.
9. Strawson, P.F. (1959). *Individuals. An essay in descriptive metaphysics*. Methuen. London.
10. Whewell, W. (1860). On the Philosophy of Discovery. Part III of the third edition of *The Philosophy of the Inductive Sciences*. London.

About the author:

Bill Louw

PhD, International Visiting Professor, Coventry University, Coventry, UK;
e-mail: godelkreiss@gmail.com *copied to marija.okon@gmail.com*

Актуализация категории ритуальности в коммуникации

К. В. Овчарова, Н. Ю. Фанян

Кубанский государственный университет

Аннотация

Статья посвящена вопросам реализации аспектов ритуальности в военном дискурсе с точки зрения оппозиции ритуальности “жесткий дискурс — мягкий дискурс”. Приводится толкование ритуалов с акцентом на прагмалингвистический аспект ритуального дискурса с учётом характеристик английского и русского языков. В общем контексте представления характеристик военного дискурса особое внимание уделено речевому воздействию и потенциалу лексики. Были сделаны следующие основные выводы: 1) процесс коммуникации рассматривается в риту-

альном аспекте; 2) признан ритуальный характер описанных явлений в контексте военного дискурса; 3) военный дискурс представляет собой разновидность “жесткого” типа дискурса.

Ключевые слова: дискурс, военный дискурс, ритуал, категория ритуальности, процесс коммуникации.

В нашей жизни мы ежедневно выполняем множество ритуалов, и данная категория человеческого существования и поддержания общения уже на протяжении многих лет изучалась лингвистами. Говоря о ритуале как объекте лингвистического исследования, необходимо, прежде всего, рассматривать данную категорию как культурный феномен, рассмотреть его конститутивные признаки и языковые способы выражения в совокупности с прагматическими особенностями ритуального дискурса. Актуальность нашего исследования подтверждается уже существующими научными работами в области ритуального дискурса [1; 4; 6] и заключается в развитии научного потенциала существующих изысканий.

Согласно исследователю прагмалингвистических характеристик ритуального дискурса М. Г. Извековой, существует два основных типа ритуального дискурса: *жесткий и мягкий ритуалы* [3, с. 3–4]. Жесткая формализация ритуального дискурса (например, ритуальные характеристики религиозного дискурса в жанре молитвы и обрядового действия, вербальные признаки юридического ритуала) и мягкая формализация ритуального дискурса (политического, научного, педагогического, спортивного и др. типов дискурса) приводят к мысли о том, что ритуальное действие разворачивается в рамках особой коммуникативной ситуации, все компоненты которой приобретают особый символический смысл и имеют тенденцию к закреплению в особых ритуальных знаках [5; 7].

Материалом нашего исследования послужили письменные и устные фрагменты, отобранные из текстов различной жанровой принадлежности по принципу сплошной выборки и фиксирующие *ритуальные действия военного дискурса* на русском и английском языках. Рассмотрение данного вида дискурса как разновидности институционального дискурса делает необходимым представить вслед за В. И. Карасиком основные компоненты его структуры:

1. Участники — военные различной категории (штатные служащие, призывники, вспомогательный персонал военной сферы и т.д.);
2. Хронотопом является обстановка, типичная для военной коммуникации;
3. Целью сообщения является коммуникативная цель, реализуемая посредством ее основных функций — информационной и фатической;
4. Ценности (в том числе и ключевой концепт) данной формы общения непосредственно связаны с назначением, сущностью и функциями военного дискурса;

5. Стратегии коммуникации определяются теми целями, которые делают актуальными данный тип общения: а) проинформировать и/или изложить суть проблемы; б) получить различные точки зрения на излагаемую информацию; в) изложить свою позицию по поводу той или иной ситуации и т.д.;
6. Разновидности и жанры военного дискурса зависят от формы речи (письменная или устная); также стало возможным выделить информативный (доклад, представление), императивный (команда, развернутый приказ) и этикетный (воинское приветствие, обращение) типы речевых жанров;
7. Материал (тематика) военной коммуникации охватывает специфический круг вопросов. По степени релевантности условно можно выделить нейтральные темы (о событиях в политической жизни страны); предметно-профессиональные темы, связанные с предметной компетенцией; социальные (политические, экономические, национальные, религиозные, гендерные);
8. Прецедентные (культурогенные) тексты, а именно устные высказывания и фрагменты военных документов;
9. Дискурсивные формулы — речевые клише, содержащие языковые средства разных уровней (лексического, морфологического, синтаксического), характерные для данного явления.

Итак, структура военного дискурса представляется нам следующей: в основе его лежат две составляющие — это лингвистический компонент (текст) и экстралингвистический контекст. Приведём пример ситуации проведения мероприятия по принятию присяги как ритуала, проходящего по жесткому сценарию: 1) построение полка; 2) доклад командиру полка о готовности; 3) вынос знамени полка; 4) построение новобранцев для принятия присяги; 5) чтение текста присяги новобранцами; 6) доклад командиру полка о приведении новобранцев к присяге; 7) прохождение полка торжественным маршем. Это противопоставление доказывает, что статусно-ролевые отношения участников дискурса будут напрямую зависеть от типа общественного института.

Отметим также ритуальный характер некоторых событий в армии: военный парад, который, как правило, проходит на площади города и в определенный день (это может быть государственный праздник или памятная дата воинской славы), принятие присяги, которое имеет место в первый срок службы и проходит на плацу, читка приказов и так далее. Все это объясняется не только характеристикой закрытого социального сообщества, но и системностью его существования.

В процессе исследования приоритет был отдан анализу лексического состава военного дискурса. М. Т. Дьячок одним из основных факторов использования солдатского арго называет формализованную ритуальность общения в армейской среде [2]. Ритуальность или традиционность общения между солдатами или курсантами, видимо, является еще од-

ной причиной использования социолектов. Например, в армии принято использовать различные способы наименования предметов, явлений и людей, принадлежащих к медицинской сфере: *bone factory* — *госпиталь*, *laughing academy* — *больница для душевнобольных*, *butch* — *санитар*, *bomb-happy* — *контуженный*.

При классификации армейского сленга становится очевидным, что в нём задействованы все сферы жизни в армии. Итак, удалось выделить следующие группы:

- представители офицерского состава (*shavetail general*, *gold leaf*, *half lieut*, *light colonel*, *Big Bug*, *brass ass*, *iron ass*, *nec*, *полкан*, *портунья*, *хомут*, *комод* и т.д.);
- личный состав включает в себя как наименование отдельных родов войск и видов служб (*soldier of misfortune*, *red legs*, *silent service*, *Uncle Sam's circus*, *бронелобые*), так и название представителей рядового состава (*umbrella man*, *skin-head*, *doolie*, *чекист*, *уши*), а в русском языке очень частотны наименования групп военнослужащих по сроку службы (*дух*, *молодой*, *котел*, *дед*, *черпак*);
- военная техника и вооружение: в английском языке в данную группу входят наименования техники и вооружения с резко отрицательной коннотацией: *funeral glide/ flying coffin*, *hell buggy*, *hell on wheels*, *Doom's Day weapon*), а также названия с нейтральной коннотацией, основанные на таких приемах как метафора (*pineapple*, *scatter gun*, *can opener*), звукоподражание (*pot-pot*); в русском языке каждому изделию дается “прозвище” по какому-либо признаку: *Бэха*, *Бэтр*, *Бардак*, *Мотолыга*, *спиртовоз*, *гастроном*, *весло*;
- реалии повседневной службы (например, названия предметов армейской формы: *pips*, *brass*, *tin hat*, *herring bones*, *чепок*, *хобот*, *самоволка*, *молоко*);
- название географических объектов и учреждений (*the Pond*, *the Med*, *the Rock*, *Puzzle Palace/ Squirrel cage/ concrete carousel*, *spook factory*);
- отношение к смерти, которое имеет сниженный аксиологический статус (*butcher's bill*, *to eat an iron ration*, *to be out of mess*, *to kiss the dust*);
- глаголы и глагольные словосочетания, связанные с армейским бытом (*лётать*, *шарить*, *буреть*, *упасть на хвоста*, *припахать*, *давить на массу* (*спать*), *распогониться*).

Таким образом, военный дискурс представляет собой институциональный тип дискурса, обладая следующими признаками: жесткий характер статусно-ролевых отношений коммуникантов, ритуальность военных действий, четкие цели и стратегии их достижения. В то же время обилие специальной военной лексики, большое количество сокращений и аббревиатур затрудняет понимание текстов военной документации. Остальные черты (наличие терминологии и способы ее образования, специальные коды и обозначения, а также синтаксис) являются общими для обеих языковых культур. Все рассмотренные особенности построения и функционирова-

ния ритуального дискурса превращают данный тип общения в специфический образец коммуникации. Изучение военного дискурса позволяет существенно расширить и дополнить общую теорию дискурса (и аспекты ритуального дискурса, в частности), включить в круг рассмотрения вопросы концептологического плана, жанровой и ценностной дифференциации.

Список литературы:

1. Григорьева В. С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагматингвистический и когнитивный аспекты: монография. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2007. 288 с.
2. Дьячок М. Т. Солдатский быт и солдатское аргю // Русистика. Берлин, 1992. №1. С. 35–42.
3. Извекова М. Г. Прагматингвистические характеристики ритуального дискурса: Дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006. 204 с.
4. Карасик В. И. Ритуальный дискурс // Жанры речи. Саратов, 2002. Вып. 3. С. 157–171.
5. Леонтович О. А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения: монография. М.: Гнозис, 2005. 352 с.
6. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. М.: Издательская группа "Прогресс" — "Культура", 1995. 624 с.
7. Wierzbicka A. Understanding Cultures through their Key Words: English, Russian, Polish, German, Japanese. New York: Oxford University Press, 1997.

Сведения об авторах:

Овчарова Ксения Владимировна, к. ф. н., доцент, Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия; e-mail: ksenia_kuban@mail.ru

Фанян Нелли Юрьевна, д. ф. н., профессор, Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия; e-mail: nellyfanian@mail.ru

THE IMPLEMENTATION OF THE CATEGORY OF RITUALITY THROUGHOUT THE COMMUNICATIVE PROCESS

Ksenia V. Ovcharova

Candidate of Philology, Associate Professor, Kuban State University,
Krasnodar, Russia; e-mail: ksenia_kuban@mail.ru

Nelly Yu. Fanian

Doctor of Philology, Professor, Kuban State University, Krasnodar, Russia;
e-mail: nellyfanian@mail.ru

Abstract

The paper is centered round the issues of the aspects of rituality in military discourse in terms of the opposition "rigid — mild discourse". The interpretation of rituals with the emphasis on pragmalinguistic aspect of ritual discourse of the English and Russian languages is given. Within the boundaries of the research

the focus is laid on the speech impact and the vocabulary potential of military discourse. The main conclusions drawn are as follows: 1) the process of communication is considered in terms of its ritual dimensions; 2) the ritual character of the described phenomena in the context of military discourse has been revealed; 3) military discourse represents a variety of “rigid” type of a discourse.

Key words: discourse, military discourse, ritual, category of rituality, communicative process.

References:

1. Grigor'eva, V.S. (2007). Diskurs kak element kommunikativnogo protsessa: pragmalingvisticheskie i kognitivnyi aspekty: monografiia [Discourse as an element of the communicative process — pragmalinguistic and cognitive aspects]. Tambov: Izd-vo Tamb. gos. tekhn. un-ta.
2. D'iachok, M. T. (1992). Soldatskii byt i soldatskoe argo [Soldiers' life and soldiers' slang]. *Rusistika [Russian Studies]*, 1, 35–42.
3. Izvekova, M. G. (2006). Pragmalingvisticheskie kharakteristiki ritual'nogo diskursa [Pragmalinguistic features of ritual discourse]: Dis. ... kand. filol. nauk. 204 s.
4. Karasik, V. I. (2002). Ritual'nyi diskurs [Ritual discourse]. *Zhanry rechi [Genres of speech]*, 3, 157–171.
5. Leontovich, O. A. (2005). Russkie i amerikantsy: paradoksy mezhkul'turnogo obshcheniia: monografiia [Russians and Americans: the paradoxes of intercultural communication]. M.: Gnozis.
6. Toporov, V. N. (1995). Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniia v oblasti mifopoeicheskogo [Myth. Ritual. Symbol. Image: Research in the field of mythopoetical]. M.: Izdatel'skaia gruppa “Progress” — “Kul'tura”.
7. Wierzbicka, A. (1997). Understanding Cultures through their Key Words: English, Russian, Polish, German, Japanese. New York: Oxford University Press.

Дискурсивный анализ разговорных диалогов “взрослый — ребенок”

Н. В. Орлова

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

Аннотация

Диалоги 6-летнего ребенка с матерью проанализированы с точки зрения выражения в них статусно-ролевых позиций коммуникантов в семейном микросоциуме. Показана динамичность ролей и статусов, их зависимость от темы трансакции и вида речевого взаимодействия (бытовой диалог, обсуждение героев мультфильмов, обучение, игра). Асимметричное общение, основанное на властных отношениях и / или

разном уровне знаний и / или признании авторитета матери, свойственно бытовым и обучающим фрагментам дискурса. В транзакциях, инициированных ребенком (игра, определенный набор тем общения), позиции выравниваются в силу готовности матери “регрессировать” к коммуникативным потребностям сына. Статусные отношения кодируются как эксплицитными языковыми средствами, так и имплицитно — дискурсивными маркерами. Выявлены маркеры относительно высокого и низкого статуса, в том числе имеющие специфику в детской речи.

Ключевые слова: статусно-ролевая позиция, детский дискурс, дискурсивный маркер.

Рассматривая дискурс как социально-коммуникативное событие, исследователи акцентируют — в зависимости от объекта и поставленных задач — либо социальный, либо собственно речевой аспект. В первом случае выявляются культурные детерминанты дискурса, идентичности участников, их ценности и т.д. Во втором случае анализируются множественные аспекты протекания дискурсивного процесса. К социальному измерению дискурса тяготеют исследования массива текстов, к собственно речевому — описание конкретных устных диалогов. Указанные подходы имеют точки пересечения, и они-то, на наш взгляд, наиболее адекватны сущности дискурса как объекта лингвистики, в каком бы смысле ни трактовался последний. Иначе говоря, анализировать дискурс — значит показывать, как способы говорения интерпретируются в свете ментального, социального, культурного контекста. Наше исследование проведено на материале восьми диалогов 6-летнего мальчика А. и его мамы М., записанных в течение одного дня. Общая продолжительность диалогов — 3 часа 29 мин. Предлагаемый вариант анализа сфокусирован на моделировании социального параметра дискурса — статусно-ролевых позиций коммуникантов. На первом этапе характер статусных отношений и ролей определялся на основе тривиальных речевых признаков: набора речевых действий, семантики императивных конструкций, ролевых номинаций и т.д. Затем полученные результаты проецировались на средства организации диалога — дискурсивные маркеры с целью установить возможные корреляции между эксплицитными и скрытыми, не выраженными лексически и грамматически, показателями статусно-ролевых отношений. На завершающем этапе была предложена интерпретация всех полученных данных в социокультурном контексте.

Дискурсивные маркеры понимаются как единицы разных уровней, формирующие структуру разговора, кодирующие отношения между его участниками, десемантизированные с точки зрения языковых значений. Понятие статусов не задается изначально нормативными отношениями родитель — ребенок, а моделируются в категориях *симметричные (равные)* — *асимметричные (выше, ниже)* применительно к М. и А. на

основе анализа диалогов. Важно понять, как статусные характеристики реализуются в конкретном семейном микросоциуме.

Большая часть транзакций и обменов распределяется между игровым дискурсом и дискурсом, который в проекции М. определяется как обучающий, а в проекции А. — как познавательный. Меньшая часть соотносится с бытовыми рутинными действиями коммуникантов.

Рольевые позиции *мама — сын* взаимодействуют с такими, как партнеры по шахматной игре и участники ролевых игр (*хозяин — гость, человек — собачка, супергерой и его соперник, учитель — ученик, волшебник* и т.д.). Рольевые позиции обозначены системой средств, в том числе прямыми номинациями: А.: *Хозяин вообще-то я. Ты гость*; А.: *Как я могу в комнату зайти, если там свет выключен?* — М.: *Взять стул и включить свет.* — А.: *А собачка умеет?* — М.: *Ну собачка без света войдет.*

Асимметричное общение, где статус М. более высокий, чем статус А., проявляется, во-первых, в транзакциях на бытовые темы и, во-вторых, в сфере удовлетворения познавательных потребностей и запросов А. В транзакциях **бытового** содержания асимметрия определяется властными отношениями между родителем и ребенком. М. побуждает А. к действиям, запрещает, разрешает; А., в свою очередь, просит разрешения. К эксплицитным средствам выстраивания властных отношений относится серия императивных форм в репликах М., вопрос *Можно?* в репликах А. В оформлении асимметричных статусов включаются дискурсивные маркеры. В бытовых фрагментах диалогов М. использует нехарактерное для неё *Так* с интонацией ИК-2, маркирующее в русском языке статус контролирующего ситуацию, употребляет конструкцию *глагол в повел. накл. + давай*, подчеркивающую неравенство (1), скандирует императив, использует вопросно-ответный ход с окказиональным словом-запретом (2). См. примеры: (1) М. *Ешь!*; М.: *Ешь давай, нам выходить через 5 мин.*; М.: *Так, я пошла зубы чистить. Дожевывать скорей!*; М.: *Милый мой! Одевайся, пожалуйста!*; М.: *Одевайся!*; М.: *Сына, сына, сына, одевайся, одевайся!* (2) [А. пытается включить телевизор]: М.: *Куда? Чтоб ты мультики смотрел? Дуданьки. Ты много смотрел сегодня уже всего на свете*; М.: *Вы-ключи!*; М.: *Нет, нет, нет. Выключай, Андрюша.*

Выражение властной позиции смягчается у М. вежливым *“пожалуйста”*, эмоциональным обращением *“сына”*, иногда — нейтрализацией статусных различий: М.: *Ты отпустишь меня поспать минут пятнадцать?* Кроме того, М. не настаивает на своей теме, если последняя не поддерживается А.: М.: *Почему это ты не хочешь дарить подарок бабушке с дедушкой сам?* — А.: *Не могу.* — М.: *Почему?* — А.: *Мама, знаешь какая будет такая большая мохнатая птичка? Это Муви.* — М.: *Он не Муви. Подожди. Его зовут Чуви. Или Чуи.*

В **познавательно-обучающем** дискурсе статус М. оказывается выше статуса А. по таким основаниям, как знание, авторитет и в меньшей степени властные отношения. Различие в знаниях М. и А. выражено в харак-

тере вопросов, которые задают друг другу собеседники. А. обращается к М. с целью узнать информацию: (3) [едут в машине] *Мама, а почему-ут стекла видны... видно? А из другого, если на улицу выйти, из стекла, почти ничего нет?* — М.: *Ну значит, наверное, есть какое-то покрытие. Есть еще такой принцип, тонирование окон.* М. использует тест-вопросы с целью проверить и закрепить знания ребенка: (4) М: *Мы ж вчера с тобой про какие часы читали? Что узнали про время?* — А.: *Представьте, что часов не будет. Поезда потеряют путь;* М.: *А что такое sudoku? Расскажи. Бабушка говорила, вы учили.* — А.: *Судока? Не знаю.* Дискурсивные маркеры асимметричных статусов здесь иные, нежели в бытовых транзакциях. Относительно низкий статус А. проявляется в высокочастотных *Да?; Да, мама?; Ладно?; Давай [я сделаю Р]*, используемых для получения подтверждения собственного мнения (5) либо для получения согласия / разрешения / одобрения (6). Специфика употребления *давай* заключается в том, что ребенок не приглашает собеседника к совместной деятельности, как в нормативных диалогах взрослых, а предлагает одобрить его собственное действие. См. примеры: (5) А: *Ну занимаются всяким важным делом. Да мам?* — М.: *Конечно;* [Рисует] А.: *Столб. Книга. Да?;* (6) А: *Я сейчас напишу "конец". Ладно?;* А.: *. А давай я буду вирусы рисовать.*

Симметричное общение, эпизодически переходящее в асимметричное с высоким статусом А., характеризует игровую коммуникацию и те транзакции, в которых по инициативе А. обсуждается содержание мультфильмов и компьютерных игр. В обоих случаях А. выступает как компетентный и авторитетный участник диалога, а М. демонстрирует признание этого его статуса. Для М. нехарактерна позиция, которую исследователи описывают как “нежелание взрослого трудиться над поддержанием коммуникации, если инициатива исходит не от него, если он оказывается ведомым” [1, с. 7]. Высокий статус А. выражен направленными на М. запретами, разрешениями, инструкциями: (7) [играют в шахматы] А.: *Мяу-Мяу! Мую тактику не использовать! Ходи давай!;* А.: *Так нельзя! Пешки назад не рубят!;* М.: *А что? Можно по две ходить?* — А. *Только один раз и вначале.* В игровых ситуациях А. копирует дидактические высказывания взрослых: (8) [по правилам игры, придуманной А., М. должна изображать действия, называемые А. по-английски]: А.: *Иди, вставай, не ленись! Давай я буду тебе задавать. Ран [имеется в виду бег]. Мам, ты не отвечай, а делай!*

В соответствующих транзакциях у А. выделяются такие дискурсивные маркеры, как *З(з)наешь* и *Знаешь что?* Известно, что *Знаешь?* в детской речи рассматривают как “иллокутивное самовынуждение” [3]. Если цель ребенка — привлечь внимание взрослого, то *Знаешь?* — маркер скорее низкого статуса: ребенка не слушают, он хочет быть услышанным и прибегает к коммуникативному самовынуждению. Однако в анализируемых диалогах, как уже говорилось, М. “подстраивается” под коммуникативные потребности сына, так что её не нужно специально побуждать

к общению. Кроме того, *Знаешь что?* у А. оформляется не только как выделенное в модальную рамку средство привлечения внимания, но и как предупреждение о реме предложения: (9) А.: *Вот с этим фиолетовым мечом он **знаешь что?** Током бьет; А.: Принцесса Лея, **знаешь что?** Это не ун та круглая птичка.*

На наш взгляд, в дискурсивном употреблении *Знаешь* и *Знаешь что?* у А. не утрачен языковой статус глагола, связанный с запросом о знаниях собеседника. Иными словами, в речи А. это сигнал ценной информации, которой он собирается поделиться с не владеющей ею М. Позиция информирующего о чем-то важном, которая принимается адресатом, — знак высокого статуса говорящего. Интересно, что в разговоре о героях *Angry Birds* А. использует *знаешь*, а также *помнишь*, *отгадай* в высказываниях, аналогичных тест-вопросам, которые в других ситуациях задавались ему самому: (10) А.: *Мама, ты **знаешь**, кто такая птичка белая? Белая птичка, которая умерла? Помнишь?* — М.: *Ужас! Амидала?* — А.: *Да, Амидала.* С позиции авторитетного участника разговора А. напоминает о важном: (11) *Мам, **ты не забудь, что** птички могут повторяться.* Ср. с *не забудь, что* в речи взрослых, где диктумная часть высказывания в норме обращена к практической деятельности в личной сфере адресата.

Итак, статусно-ролевые позиции М. и А. варьируются в зависимости от формы речевого взаимодействия и темы диалога. Общение взрослого и ребенка моделируется как асимметричное в бытовых и обучающих транзакциях; симметричное — в игровой деятельности и инициируемых ребенком разговорах “о важном”. С эксплицитными маркерами ролей и статусов коррелируют в диалогах дискурсивные слова. Функционирование некоторых из них в речи дошкольника имеет специфику на фоне нормативных употреблений во взрослой речи (см. *Давай я... Знаешь что? Не забудь, что...*).

В **социокультурной проекции** полученные данные интерпретируются следующим образом. Диалоги А. и М. — реализация одной из моделей общения в семьях с высоким социокультурным статусом (см. об этом [2]). Для неё характерен приоритет интеллектуального развития и эмпатия со стороны матери. Наиболее явные проявления властных отношений у взрослого коммуниканта связаны с запретами на просмотр современной медиапродукции. Напротив, для ребенка мультфильмы и компьютерные игры наиболее притягательны, в том числе в качестве темы диалогов. Данный конфликт ценностей — один из наиболее актуальных в отношениях взрослых и детей сегодня.

Список литературы:

1. Базжина Т. В. Специфика русской воспитательной коммуникации // Проблемы онтолингвистики — 2009. Материалы международной научной конференции (17–19 мая 2009 г. — Санкт-Петербург). С. 6–12. [Электронный ресурс]. URL: <http://old.lrc-press.ru/downloads/t-02.pdf> (дата обращения: 19.03.2017).

2. Добрава Г.Р. Возрастная социоллингвистика: к постановке вопроса // Проблемы онтолингвистики — 2007. Материалы международной конференции. СПб., 2007. С. 57–64.
3. Казаковская В.В. Вопросно-ответные единства в диалоге “взрослый — ребенок” (на материале русского языка): автореф. дис. ...д-ра. филол. наук: 10.02.01 / Казаковская Виктория Вилладиевна; Инст-т лингв, исследов. РАН. — СПб., 2006. — 39 с.

Примечание:

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 15–04–00325 “Детство в дискурсивном пространстве региона: комплексный анализ институциональных и персональных коммуникаций с участием ребенка”.

Сведения об авторе:

Орлова Наталья Васильевна, д. ф. н., профессор, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск, Россия; e-mail: nvorl@rambler.ru

DISCOURSE ANALYSIS OF SPOKEN DIALOGUES “ADULT — CHILD”

Natalya V. Orlova

Doctor of Philology, Professor, Omsk State University named after F. M. Dostoevsky, Omsk, Russia; e-mail: nvorl@rambler.ru

Abstract

Dialogues of six year old child with her mother are analyzed from the point of view to express status-role positions of communicants in the family microsystem. Shown the dynamism of roles and statuses, and their dependence on the topic transaction and type of verbal interaction (domestic dialogue, discussion of heroes of cartoon films, learning, play). Asymmetric communication based on power relations and / or different levels of knowledge and /or recognition of the authority of the mother, household and educational characteristic fragments of discourse. In transactions initiated by the child (play, a range of the communication), the positions are aligned because of the willingness of the mother to “regress” to the communicative needs son. Status relations are encoded as explicit language and implicit discursive markers. The identified markers are relatively high and low status, including those with specificity in child language.

Key words: status-role position, child discourse, discourse marker.

References:

1. Bazzhina, T. V. (2009). Spetsifika russkoi vospitatel'noi kommunikatsii [The specifics of the Russian educational communication] // In Problemy ontolingvistiki — 2009.

- Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (17–19 maia 2009 g. — Sankt-Peterburg). [Problems of the linguistics of children's speech — 2009. Materials of international scientific conference (17–19 May 2009 — Saint-Petersburg).] Retrieved 19 March, 2017 from [http:// old.lrc-press.ru/downloads/t-02.pdf](http://old.lrc-press.ru/downloads/t-02.pdf).
2. Dobrova, G.R. (2007). *Vozrastnaia sotsiolingvistika: k postanovke voprosa [Age sociolinguistics: to the question]*// *Problemy ontolingvistiki. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii, SPb., 57–64.* [Problems of the linguistics of children's speech. Proceedings of the international conference]. SPb., 57–64.
 3. Kazakovskaia, V.V. (2006). *Voprosno-otvetnye edinstva v dialoge "vzroslyi — rebenok" (na materiale russkogo iazyka) [Question-answer unity in "adult — child" (in Russian language)]: avtoref. dis. ...d-ra. filol. nauk: 10.02.01 — SPb.*

Types of Plot Development in Sudden Fiction

Nataliya Panasenko

The University of Ss Cyril and Methodius in Trnava

Abstract

The article highlights dependence of the text composition on the literary text type. The literary text structure can have four basic types of plot development, such as: "a fork", "a ring", "a chain", and "a fan" [8]. Later their variations have been added by the investigators [4; 6; 17]. It is noteworthy that each object of research (children folklore, song folklore, short stories) contributed to the number and variety of plot development types. Now there will be a specific object of research — Sudden fiction. Analysis of Sudden fiction shows that short stories have specific composition and basic four types of plot development are combined with their varieties.

Key words: text composition, types of plot development, "a fork", "a ring", "a chain", "a fan", Sudden fiction.

Literary text structure

Notwithstanding the fact that literary text belongs to different genres, in its structure some certain regularities are traced: every text has its form and content, thus, it can be considered both from the point of its structure and its semantics. Text semantic structure, its composition connected with text categories are very important [15]. Odintsov has enormously contributed to the problem of composition, which turns out to be the basis for text stylistics. In broad terms, composition is understood as structural efficiency, arrangement according to certain charts of the set elements, units of speech [7, p. 143].

Vorobyova considering mental spaces speaks about plot suspense in some literary texts [1]. Plot suspense can be connected with the system of images in

the text and can be treated as the phenomenon that foresees such a plot structure and text composition, which result in conflict [12]. Thus, by its essence plot suspense is a conflict, which in its turn is the source and main reason of plot development [2, p. 175].

Mentioned above four types of plot development have been successfully applied in the analysis of different texts: children folklore [6], short stories [3; 4; 9], British and German folk and literary fairytales [10; 11], American traditional and author's songs [8; 9; 16; 17]. Now there will be a specific object of research — Sudden fiction.

Sudden fiction

This genre has different names: flash fiction, including microfiction, microstories, short-shorts, short short stories, very short stories, postcard fiction, and nanofiction. Its characteristics are brevity, specific plot, and a twist or surprise at the end [19].

Highsmith [13] uses the term “flash fiction”, which includes “complete stories of fewer than 1,500, 1,000, 500 or even 300 words”. Short stories of such a kind he names short-short stories, immediate fiction, sudden fiction, and microfiction. In this approach, we see that volume of the text is important. Flash stories can fall under any genre: sci-fi, fantasy, horror, etc. The best flash fiction stories features are few characters, laconic descriptions that show rather than tell, and clear vision of the author, because “the reader and writer of flash fiction share a small but intimate space” [13].

Robert Shapard in the Introduction to “Sudden fiction” [18, p. xiii-xvi] explains how this term appeared. When short stories of definitely new genre appeared, at first they were called *Blasters*. The problem was that some subtle stories “simply didn't *blast*”. Then Robert Kelly named these stories sudden because “they are all suddenly just there...” [18, p. xvi]. Now short-short stories have gained great popularity because of their unusual composition, laconicism, and in many cases thanks to defeated expectancy.

For my analysis I have chosen two books of Sudden fiction including 130 short stories. In some cases, I guess, it was their size, which allowed the compilers of the book to include them into the volume. To such type belongs, e.g., the short story by Ray Bradbury “I see you never”. Its protagonist, Mr. Ramirez, is an illegal Mexican immigrant. Though he has been living in the USA for 30 months, a police officer has come to the place he has been renting to accompany him to the border and to send him back to Mexico. I would say that the end of the story is logical and expected; illegal immigrants are being sent home all over the world.

But the greater majority of the stories are really unexpected for the reader because of their content, like “The red fox fur coat” by T. Gersão, in which a young woman wants to buy a fur coat but it is too expensive for her. The saleswoman kindly spreads out the payment. This fur coat haunts girl's brain; she imagines how she will wear it and gradually in her actions and mind trans-

forms into a fox who is fond of raw meat, who runs into the forest with so much desired fur coat on, shaking her tail and body, sniffing the air, the ground, and the wind.

Though these stories are very short in volume most of them are masterpieces with hidden context, like “Good, Brother” by Peter Markus. Two brothers live in a small stinky town with a dirty river. They catch fish, cut off their heads and nail them to the fence. They have 155 heads and each of them has its own name but Jimmy or John, because these are brothers’ names. Sick and tired of this miserable place their mother announces them that they are leaving it. Brothers take rusty nails and the elder brother starts hammering them one by one into his brother’s hand: “*Brother didn’t even wince, or flinch with his body, or make with his boy mouth the sound of a brother crying out. Good, Brother, I said*” [14, p. 266]. This text definitely has plot suspense based on the conflict between the real world, in which two brothers and their parents live and possible new world, which children are afraid of and don’t want to move to, notwithstanding the fact that their familiar world is full of mud, stinky heads of dead fish and has absolutely no future.

Of course, most of the stories are interesting but I would like to mention those, which will keep the reader thinking about them for a long time thanks to the extremely high degree of suddenness: “In reference to your recent communications” by Tessa Brown, “Blood” by Zdravka Evtimova, “Seven pieces of severance” by Robert Olen Butler, “Tomorrow’s bird” by Ian Frazier, “Reply all” by Robin Hemley, “Audio tour” by Patricia Marx and beyond.

Now let us discuss possible types of plot development, which can be found in texts belonging to Sudden fiction genre.

Types of plot development

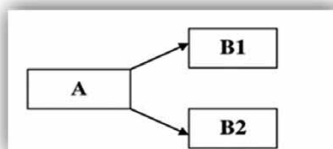
I have singled out four types of plot development: “a fork”, “a ring”, “a chain” and “a fan” [8]. Let us discuss them in brief.

Type 1. “A fork”

“A fork” is created as a result of break between desired and reality. There is purpose, desire, but perspectives of their implementation are limited or hardly possible. In such cases subjunctive mood is very often used. The more unreal desire, the larger the gap is.

Figure 1.

“A fork” as a type of plot development

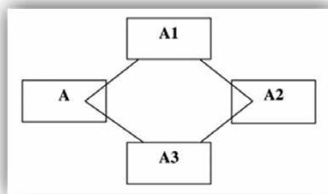
This model is very popular in love songs, when the lovers are separated and one of them expresses one's dreams and conditions of meeting. In some fairy-tales a "fork" arises up in a practical joke, fooling, that strengthens comic effect. It also may show hindrances in performing one's action or realization of one's dreams.

Type 2. "A ring"

It is more typical of dialogic speech. In children folklore, in facetious songs this model includes such elements, as a topic of discussion, undertaken action, instrument, its properties, again a topic of discussion: illogical sequence of actions brings us back to the initial action. In poetic texts "a ring" is formed by parallel constructions, such repetitions, as framing, specific rhythmic picture, etc.

Figure 2.

"A ring" as a type of plot development

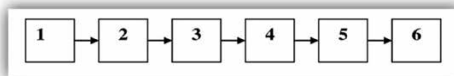

Type 3. "A chain"

The third type of plot development — "a chain" — is widely spread in such functional-semantic types of speech, as a dialogue and narration. The content of this type may be an action or state of the object. Slavic musical folklore is represented by a chastooshka as well as by facetious songs, which have neither logical completion nor definite end. In prosaic and poetic texts the author quite often concludes his work by aposiopesis. In these cases, it means that (s) he wants to draw the reader in into the independent "hitting" of finale and it shows that events will proceed yet.

Figure 3.

"A chain" as a type of plot development

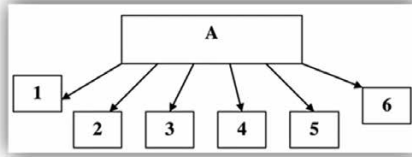

This "chain" can be filled with such items, as "event", "subject", "person".

Type 4. "A fan"

It can be considered as a frame-script. A certain event, which is simultaneously described in different aspects takes place. An object can also be exposed to description. A person (an acting character of the literary text) simultaneously or in sequence performs several actions.

Figure 4.
 “A fan” as a type of plot development

Thus, different approaches to the text structure give us possibility to understand how it is composed but it doesn't signify that we understand its meaning. From the structure we may proceed to the details, which help us understand the author's intentions. We usually start with structural analysis. It is an established fact that interpretation must be based on the text structure [5, p. 3].

Types of plot development in Sudden fiction

When I started working on this topic my hypothesis was that stories with such unusual content must have specific plot development. Let us illustrate most typical models with examples from Sudden fiction texts.

The text “The red fox fur coat” by T. Gersão, which I have already mentioned above has one of basic models, “the chain”:

Figure 5.
 “A chain” as a type of plot development of the short story
 “The red fox fur coat” by T. Gersão

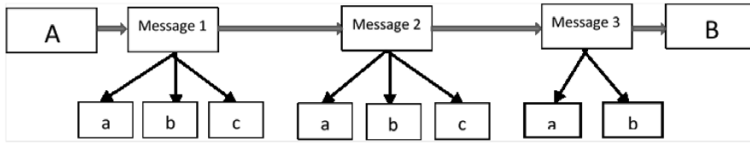
Here the actions of the heroine are described in a logical order. When she buys at last the long desired fur coat she runs into the wood and without any doubt there will be new actions because she has transformed into the fox either mentally or in habits.

The short story “The rememberer” by Aimee Bender has the same type of plot development, only the shorter chain. The woman's lover is changing his outlook: “some kind of ape”, “a sea turtle”, “some kind of salamander” [14, p. 63–67]. Each time the woman tries to find special food and special place, water, etc. for the new kind of animal.

These four basic models are usually combined, like “a chain of rings”, “a chain + a fork”, “a chain of fans”, etc. The structure of the short story “In reference to your recent communications” by Tessa Brown is easily visualized, because the author has made subtitles herself. The text presents three SMS messages and comments to the them. Block A is a sort of introduction, block B — summary. SMS 1 and 2 have 3 comments, SMS 3 has 2 comments.

Figure 6.

“A chain of fans” as a type of plot development of the short story “In reference to your recent communications” by Tessa Brown

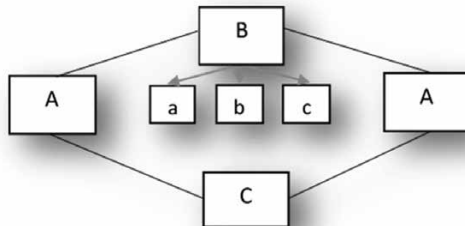
Answering SMS is a routine thing. What makes this plot sudden? A man decided to break with his mistress, he sends her common messages informing her about it. He comes to know that that his bank account is frozen, cellular phone is disabled; moreover he “has been jailed on the charge of possession of marijuana with intent to distribute”. All these things are the revenge of the woman who was betrayed by her lover [14, p. 142–149].

There are many interesting examples of various types of plot development but for the limited space I will give only one more example. I want to present such a type, as “the fork” where there is a real chain of events or actions combined with desired or imaginary ones.

The heroine of the short story “Paper slippers” by Leelila Strogov comes to a doctor (A) because she is pregnant. She decides to bear the child and stages of her son Alex growing up are described in B section. Alex appeared to be a good child. Though in section C he is described as “another boy from a broken home” who has been caught shoplifting by the police. Then the reader comes back to the very beginning and understands that events described in B were imaginary and the woman interrupts her pregnancy and in a very miserable state comes back home [14, p. 320–325].

Figure 7.

“A ring of a fans and a fork” as a type of plot development of the short story “Paper slippers” by Leelila Strogov

Conclusion

I have come to the conclusion that in most of the texts we may come across four basic types of plot development as well as their combinations. My aim was

not to make some calculations but to make the first approach to the analysis of Sudden fiction. I may state that most frequent are such types, as “a chain”, “a fork” and combination of “a fork” with “a chain” and “a fan”. However, the structure of most texts is so unusual and defeated expectancy so unexpected that in majority of cases it is difficult to attribute the text to this or that model.

References:

1. Davydyuk, Yu. B. (2015). *Efekt oshukanoho ochikuvannia u semantychniy, temporal'niy ta suzhetniy strukturi angломovnoho hudozhniogo tekstu* / Dys. kand. filol. nauk: 10.02.04. [*Defeated expectancy in semantic, temporal and plot structure of English literary text. Thesis for the Candidate Degree in Philology*]. Kyiv'skiy natsional'nyy lingvistichnyy universytet. Kyiv.
2. Davydyuk, Yu. B. (2014). Typovi modeli rozvytku suzhetu u khudozhnikh tvorah O. Henry [Typical models of plot development in short stories by O. Henry]. *Ukraina i svit: dialog mov i kultur*. [Ukraine and the world: dialogue of languages and cultures]. Kyiv: Vyd. tsentr KNLU, 107–109.
3. Davydyuk, Yu. B. (2016). Typovi modeli rozvytku suzhetu v korotkykh opovidaniakh O. Henry ta Ambroza Birsy. [Typical models of plot development in short stories by O. Henry and Ambrose Bierce]. *Milyon istoriy: poetika pryhod u literaturi ta media*. [Million of stories: poetics of adventures in literature and media]. Berdiansk: BDPU, 40–42.
4. Dolinin, K. A. (1978). *Stilistika frantsuzskogo yazyka* [French stylistics]. Leningrad: Prosveshchenie.
5. Highsmith, W. *Flash fiction*. Retrieved 15 January 2017 from: <http://www.writersdigest.com/writing-articles/by-writing-goal/improve-my-writing/flash-fiction-faqs>.
6. *New sudden fiction short-short stories from America and beyond*. (1986). Shapard, R. & Thomas, J. (eds.). New York-London: W. W. Norton & Company.
7. Odintsov, V. V. (1980). *Stilistika teksta* [Text stylistics]. Moskva: Nauka.
8. Panasenko, N. I. (2002). Modeli razvitiya suzhetnoy pesni [Models of a facetious song plot development]. *Lingvistychni studii* [Linguistic studies]. Cherkasy: Cherkasky derzhavnyy universitet, 4, 40–52.
9. Panasenko, N. I. (2002). Nekotoryye aspekty khudozhestvennogo prostranstva i vremeni [Some aspects of literary space and time]. *S lubovyu k yazyku. Posviachayetsia Ye. S. Kubriakovoy*. [With love to language. Scholarly Papers. Dedicated to Ye. S. Kubriakova]. Moskva-Voronezh: Institut lingvistiki, Rossiyskaya Akademiya Nauk [Moscow-Voronezh: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences], 151–162.
10. Panasenko, N. I. (2003). Osobennosti suzhetnoy struktury angliyskoy narodnoy i literaturnoy skazki [Peculiarities of plot structure of English folk and literary fairy tale]. *Typologia movnykh znachen' u diakhronichnomu ta zistavnomu aspektakh* [Typology of language meanings in diachronical and comparative aspects. Scholarly papers of Donetsk National University], 8, 89–98.
11. Panasenko, N. (2013). Semantic structure of literary text. *International English Studies Journal. Studia Anglica Resoviensia*. Rzeszów: Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, 10, 38–50.

12. Panasenko, N. I., Shvydka, L. V. & Soltyk, Ju. V. (2004). Siuzhetnaya i strukturno-syntaksicheskaya organizatsiya teksta literaturnoy skazki [Plot, structure and syntactic composition of the literary fairytales text (on the material of fairy tales by O. Wilde and the Grimms brothers)]. *Lingvistychni doslidzhennia [Linguistic research. Scholarly Papers]*, 4, 142–159.
13. Prisiazhnyuk, L. F. (2010). Poetyka zminykh staniv svidomosti kriz' pryzmu tekstovoho napruzhennia [Altered state of consciousness poetics through the prism of plot suspense]. *Funktionalnaya lingvistika [Functional linguistics]*, 2, (1). 181–183.
14. Stashko, H. I. (2014). Different approaches to the classification of American folk songs. *Austrian Journal of Humanities and Social Sciences*, 5(9–10), 56–59.
15. Stashko, H. (2016). Metaphor in creating female images (based on American song folklore). *International Scientific and Practical Conference "WORLD SCIENCE"*, Dubai, UAE). 2(6), Vol. 1, 37–41.
16. *Sudden fiction. American short-short stories*. (1986). Shapard R. & Thomas J. (eds.). Salt Lake City: Gibbs M. Smith Publisher.
17. Vorobyova, O. P. (2000). Siuzhetnoye napriazheniye skvoz' prizmu konflikta mentalnykh prostranstv (opyt kontseptual'nogo analiza) [Plot suspense through the prism of mental spaces conflict (conceptual analysis experiment)]. *Kognitivnaya semantika [Cognitive semantics]*. Tambov, I, 123–125.
18. *What is flash fiction?* Retrieved 10 January 2017 from: <http://shortstories.about.com/od/Flash/a/What-Is-Flash-Fiction.htm>.
19. Zaguliyeva, O. I. (2004). Osnovni modeli rozvytku siuzhetnoyi liniyi v angliys'kykh lichilkakh. [Basic models of plot development in English counting-out games]. *Visnyk Zhitomyrskoho universytetu im. Ivana Franka [Zhitomyr Ivan Franko University newsletter]*. 16. 137–139.

About the author:

Nataliya Panasenko

Doctor of Philology, Professor, The University of Ss Cyril and Methodius, Trnava, Slovakia; e-mail: cindy777@mail.ru

**Семиотическая и лингвистическая относительность
языковой картины мира: философский взгляд**

М. С. Павлова

Государственный социально-гуманитарный университет

Аннотация

В статье раскрываются особенности корреляции языковой и философской картин мира, обсуждается вклад философского осмысления отдельных дисциплин в философию языка. Автор демонстрирует на конкретном языковом материале как символизм функционирует в языковой картине

мира, анализирует соотношение семиотики и символизма. Также статья предлагает обзор направлений в исследовании лингвистической относительности языковой картины мира, включая феномен языковых игр, философию М. Хайдеггера, постструктурализм и постмодернизм. Основные характеристики языковой картины мира предлагается рассмотреть на примере современной англоязычной художественной литературы (интеллектуальной прозы Дж. Барнса, одного из самых оригинальных прозаиков современной Британии) базируясь на основных идеях лингвофилософской концепции семиотической и лингвистической относительности.

Ключевые слова: языковая картина мира, семиотическая относительность, лингвистическая относительность, интерпретация.

Лингвистическая наука, как известно, обладает ярко выраженным знаковым характером, поэтому речь пойдет о семиотической относительности философии науки и языковой картины мира (так как именно семиотика является наукой о знаках). Множество семиотических идей вошли в науку благодаря творчеству и плодотворной работе Ч. Пирса. Проанализировав его теорию, можно сказать, что философия науки также обладает семиотической относительностью, в связи с использованием, так называемого символизма. По мнению лингвиста, символ предстает перед наукой как самый емкий знак, знак-понятие. Но до сих пор исследователи не могут договориться в вопросе, должен ли символизм включаться в семиотику, или он может противопоставляться ей. Вопрос о соотношении семиотики и символизма имеет актуальнейшее значение для оценки статуса науки и ее места в культуре.

Рассмотрим на конкретном языковом материале, как символизм функционирует в языковой картине мира. На наш взгляд довольно иллюстративными могут стать примеры из интеллектуальной прозы Джулиана Барнса, одного из самых оригинальных и ярких прозаиков современной Британии. Его роман “Как все было” обладает тонкой стилизацией письменного языка, на базе которого мы и приведем некоторые примеры. В частности, рассмотрим цитату из его произведения: *You know your friend talks like a dictionary*. Как мы можем судить из предложенного контекста, человек сравнивается с энциклопедическим словарем. Словарь — это справочник, в котором можно почерпнуть ту или иную информацию о единице языка или предмете (явлении) окружающей действительности. Таким образом, словарь выступает символом интеллектуального богатства, символом культурного багажа знаний (то есть, человек, о котором идет речь — интеллектуально развит). Данная фраза показывает, что язык не отменяет семиотику, а актуализирует ее. Более того, В. А. Канке, рассуждая о формальном статусе науки, говорит, что “даже формализованные языки не отменяют игровой компонент”. В данном случае мы говорим о феномене “языковых игр”. Впервые теорию языковых игр

разрабатывал Л. Витгенштейн, который дал этому понятию следующее определение: “особый способ манипулирования языком, состоящего из языка и тех видов деятельности, с которыми он сплетен” [2, с. 23]. Среди назначений идеи языковой *игры* Л. Витгенштейн указывает доведение до сознания читателей необычайного *многообразия инструментов языка* (типов слов, предложений и др.) и способов их применения, что должно расшатать укорененное в сознании представление о том, что язык всегда работает *одинаково* и служит одной и той же цели. Роман Джулиана Барнса пестрит примерами языковой игры в художественном тексте, поэтому перейдем к их рассмотрению. Предлагаем вашему вниманию следующий пример: *Picture to yourself a monstrous skip crammed with trivia: singularly ununique childhood memories, 5 billion sports results, faces of people they don't like, plots of television soap operas, tips concerning how to clean red wine off a carpet, the name of their MP, that sort of thing.* Метафоры и каламбуры, используемые автором в демонстрируемом примере, создают комическую атмосферу и всецело влияют на настроение читателя.

С другой стороны, лингвистическая относительность философии, а вместе с ней и языковой картины мира, понимается как нечто объяснительное. В начале и середине XX в философии происходит знаменитый лингвистический поворот. Эта трансформация философии привела к принципиально новому пониманию ее статуса. Следует отметить, что эта инициатива исходила именно от философов, а не от лингвистов. Решающую роль в лингвистическом повороте сыграли три тренда в пересмотре статуса языка в рамках философии.

Первое направление — это новации Л. Витгенштейна, в частности, феномен языковых игр. Второе направление — философия М. Хайдеггера. Ему было важно установить, в чем же заключается единство человека с миром вещей. Именно в этой связи он обращается к феномену языка. Он разработал концепцию о языке как о подлинности мира. Эта концепция была аккумулирована герменевтикой бытия Гадамера. Здесь же стоит отметить работу Ф. де Соссюра, новаторство которого выразилось в избрании в качестве основного лингвистического конструкта “лингвистического знака”. “Языковой знак связывает не вещь и ее название, а понятие и акустический образ. Он выступает как целое, содержащее понятие (обозначаемое) и акустический образ (обозначающее)” [5, с. 99]. Таким образом, для Соссюра природу языка определяет не бытие, а человек, избобретающий теории. Третье направление в исследовании лингвистической относительности — постструктурализм и постмодернизм. Например, Ж. Дерида, Ю. Кристева, придав всей философии игровой характер, ослабили связь языка с объектами и к тому же стали отрицать научный характер его концептов. Концепты языка признаются, но они квалифицируются в качестве понятий или научных законов.

Итак, мы рассмотрели три направления в пересмотре статуса языка в рамках философии. Необходимо отметить, что лингвистическая от-

носительность философии и языковой картины мира не переносится механически в лингвистику. В ней принимаются лишь те компоненты лингвистической относительности, которые не противоречат достижениям лингвистической науки.

Так как речь идет о семиотической и лингвистической относительности языковой картины мира, предлагаем рассмотреть основные характеристики языковой картины мира на примере романа Дж. Барнса “Как все было”.

Прежде всего, стоит отметить, что впервые понятие “языковая картина мира” было введено в научную терминологию Л. Вайсгербером. Он является автором уникальной лингвофилософской концепции, в рамках которой выделяются следующие характеристики языковой картины мира:

1. “языковая картина мира — это система всех возможных содержаний...” [3, с. 145–147]. Проследивая логику автора данной концепции, мы приходим к выводу о том, что для анализа и интерпретации языковой картины мира конкретного человеческого сообщества, необходимо владеть фоновыми знаниями.
2. “Языковая картина мира, с одной стороны, есть следствие исторического развития этноса и языка, а, с другой стороны, является причиной своеобразного пути их дальнейшего развития” [3, с. 145–147].
3. Языковая картина мира как единый “живой организм” чётко структурирована и в языковом выражении является многоуровневой. Она определяет особый набор звуков и звуковых сочетаний, особенности строения артикуляционного аппарата носителей языка, просодические характеристики речи, словарный состав и т.д. Считаем важным проиллюстрировать рассматриваемую характеристику показательными примерами.

Начнем со следующей цитаты из романа: “*Hi, I’m Oliver, Oliver Russell*”. На первый взгляд, представленное предложение ничем непримечательно. Однако глубокий семантический анализ позволяет установить, что в предложении скрыты немаловажные характеристики-стереотипы, определяющие особенности британского менталитета. Прежде всего, благодаря лингвокультурологическому анализу имени, которое представлено в рамках данной фразы дважды, мы имеем смелость говорить и феномене “говорящих имен”, присущих именно британскому менталитету. В системе лингвистической терминологии “говорящие имена” имеют официальный эквивалент — антономазия. Для начала, определим значение и функции данного термина. Итак, антономазия, или феномен “говорящих имен” являются в какой-то степени разновидностью метафоры, функциональный потенциал которой направлен на лингвокультурологическую, а в частности, на стилистическую и экспрессивную характеристику героев художественного произведения. Какие же особенности подразумеваются именем *Oliver*? Во-первых, именно на этом примере прослеживается многоуровневость и структурированность языкового выражения. Например, рассмо-

трим характеристику значения имени Оливер на этимологическом уровне. Согласно этимологическому словарю, имя Оливер обладает неоднозначным происхождением, что уже вызывает неподдельный интерес. Одни источники утверждают, что имеется возможность происхождения данного имени от древнегерманского *Albheri*, состоящего из двух частей: *alb*, означающего “эльф” и *heri*, означающего “войско”. Более того, это имя впервые употребляется в знаменитой “Песне о Роланде” (XII–XIII вв.), где Оливье является товарищем Роланда, племянником Карла Великого. Чтобы понять глубину смысла имени Оливер, мы были вынуждены проанализировать имена из “Песни о Роланде”. Само это произведение является крупнейшим творением художественной литературы на старофранцузском языке. Этот главнейший памятник французского эпоса включает в себя имена, которые условно можно поделить на две категории: имена французского происхождения (например, Марсилиий, Кларен) и имена немецкого происхождения (например, Роланд, главный герой эпических сказаний французской прозы времен Карла Великого). Таким образом, имя Роланд (а также, стоит отметить имена вассалов Карла Великого) указывают на преимущественно немецкое происхождение, в то время как немалая часть имеет французские корни. Из этого следствия мы считаем необходимым заметить, что многие французские слова происходят из латинского. То есть, считаем возможным рассмотреть еще один случай происхождения имени *Оливер*. Итак, существует вероятность происхождения данного имени от латинского слова *olivarius* в значении “оливковое дерево”. Выражение “оливковое дерево” богато символическими значениями. Например, Священное Писание гласит, что оно выросло первым после Всемирного потопа, а значит, его можно назвать “Древом жизни”. Более того, древние греки использовали оливковое дерево в свадебных обрядах. Именно этот символ является ключевым для данного произведения, так как по сюжету развитие получает любовный треугольник Оливер — Джилиан — Стюарт. Проведенный анализ показывает, что под символом можно понимать некоторое неочевидное и в какой-то мере скрытое единство, которое доступно не каждому читателю, а только интеллектуально развитому, и требует огромной поисковой работы для правильного понимания смысла.

Так, рассмотрев и проанализировав основные характеристики языковой картины мира, мы делаем вывод об уникальности языковой картины мира британского менталитета. Языковая картина мира конкретного писателя уникальна в своем роде и представляет собой совокупность знаний и представлений об окружающей действительности, отраженная в сознании народа. Она создается образными средствами языка (метафорами, каламбурами) и включает в себя особенности национально-культурной специфики. Изучение языковой картины мира имеет чисто лингвистический смысл для описания языка как системы, и становится частью лингвокогнитивного исследования для описания картины мира.

Список литературы:

1. История и философия науки: учебное пособие. М.: Проспект, 2012. 304 с.
2. Микешина Л. А. Философия науки. М.: Прогресс-Традиция, МПСИ, Флинта, 2005. 464 с.
3. Общая философия науки: учебник /В. А. Канке. М.: Издательство “Омега-Л”, 2009. 354 с.
4. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. М.: АСТ: Восток-Запад, 2010. 314 с.
5. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977. 99 с.

Сведения об авторе:

Павлова Мария Сергеевна, аспирант, Государственный социально-гуманитарный университет, Коломна, Россия; e-mail: marija-pavlova1993@yandex.ru

SEMIOTIC AND LINGUISTIC RELATIVITY OF THE LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD: PHILOSOPHICAL PERSPECTIVE

Maria S. Pavlova

Postgraduate student, State University of Humanities and Social Studies, Kolomna, Russia; e-mail: marija-pavlova1993@yandex.ru

Abstract

The article discusses some peculiarities of correlation between linguistic and philosophical views of the world, the contribution of philosophical reflection of individual disciplines to the philosophy of language. The author demonstrates how symbolism functions in the language picture of the world, analyzes the correlation between semiotics and symbolism. The article also offers an overview of the stages of the linguistic relativity, including the phenomenon of puns, M. Heidegger's philosophy, poststructuralism and postmodernism. The main characteristics of the language world view are revealed on the basis of contemporary English-language fiction (intellectual prose of J. Barnes, one of the most ingenious prose writers of modern Britain) based on the fundamental ideas of linguistic and philosophical concept.

Key words: language picture of the world, semiotic relativity, linguistic relativity, interpretation.

References:

1. Istorii i filosofii nauki: uchebnoe posobie [The History and Philosophy of Science: Textbook]. М.: Проспект, 2012.
2. Mikeshina, L. A. (2005). Filosofii nauki [Philosophy of Science]. М.: Progress-Tradiciya, MPSI, Flinta.
3. Kanke, V. A. (2009). Obshchaya filosofii nauki: uchebnik [Teaching the Philosophy of Science: Textbook] М.: Izdatel'stvo "Omega-L".

4. Popova, Z. D. (2010). Kognitivnaia lingvistika [Cognitive Linguistics] / Z. D. Popova, I. A. Sternin. M.: AST: Vostok-Zapad.
5. Sossiur, F. de. (1977). Trudy po iazykoznaniiu [Works in Linguistics]. M.: Progress.

Дискурс медиации: стратегии и тактики речевого поведения медиатора

О. А. Прохорова

Сибирский федеральный университет

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы эффективной коммуникации в дискурсивном пространстве медиации. На фоне существующего междисциплинарного интереса исследователей к медиативному процессу изучение медиации с позиций лингвистики, в частности дискурсивных практик ее реализации, приобретает особую актуальность. В данной работе делается попытка проанализировать стратегии и тактики речевого поведения медиатора, которые способствуют устранению дискурсивной конфронтации и помогают участникам спора прийти к взаимовыгодному соглашению. В зависимости от основной стратегической цели медиатора выделяются три основных фрагмента дискурса медиации. Проведенное исследование позволило выявить доминантные стратегии (организационная, аналитическая, созидательная) и тактики медиатора на каждом этапе реализации дискурса медиации. Были определены лингвистические маркеры имплементации данных стратегий и тактик в исследуемом дискурсе.

Ключевые слова: дискурс медиации, медиатор, стратегии, тактики, конфликтное и кооперативное общение.

Медиация как технология разрешения конфликтов — это новое течение в дискурсивной практике, и, безусловно, изучение подобного вида дискурса требует лингвистического исследования. Немаловажное значение в данном дискурсивном пространстве имеет медиатор, который с помощью своих профессиональных способностей должен содействовать участникам конфликта прийти к соглашению на взаимовыгодных условиях. От умения медиатора владеть словом, от уровня его речевой культуры зависит его профессиональная компетенция.

Основная цель дискурса медиации — менеджмент процесса развития кооперации, направленной на разрешение конфликта. Иными словами, конфликтующие участники должны из конфликтного дискурсивного пространства (зоны несогласия) перейти в кооперативное (зону согласия) [2, с. 102].

В процессе когнитивной, вербальной и эмоциональной трансформации субъектов конфликтного общения от коммуникативного диссонанса к коммуникативному консенсусу медиатор реализует разнообразные дискурсивные стратегии и тактики. Дискурсивной стратегией можно назвать совокупность коммуникативных ходов, направленных на достижение коммуникативной цели. Реализация той или иной стратегии происходит за счет тактик, которые манифестируются с помощью разнообразных лингвистических средств.

Обзор специальной литературы свидетельствует о том, что не существует единой модели процедуры медиации. Разные авторы предлагают от трех до двенадцати ступеней процесса медиации [1, с. 68]. В соответствии с основной стратегической целью медиатора считаем целесообразным выделить три основных фрагмента дискурса медиации (таблица 1).

Таблица 1.

Фрагментация дискурса медиации	Основная стратегическая цель медиатора
Фрагмент 1. Подготовительный	Сформировать условия, благоприятные для ведения процесса медиации
Фрагмент 2. Формулирование точек зрения конфликтующих субъектов	Выявить информацию, необходимую для идентификации всех проблем, нуждающихся в разрешении
Фрагмент 3. Работа над конфликтом — поиск альтернатив — принятие решений	Помочь конфликтующим участникам перейти из конфликтного дискурсивного пространства в кооперативное

Рассмотрим основные стратегии и тактики, применяемые медиатором во время медиативного процесса.

Фрагмент 1. Подготовительный

Подготовительный фрагмент достаточно жестко структурирован, и включает следующие обязательные элементы: знакомство, разъяснение регламента, сути и формата процедуры медиации, участники конфликта представляют свое видение ситуации. На первом этапе доминирующую роль играет организационная стратегия. Набор тактик, используемых для реализации данной стратегии сравнительно небольшой: тактика презентации участников дискурсивного события и тактика разъяснения процедуры медиации.

Языковыми маркерами тактики презентации участников являются речевые клише приветствия *“Hello, Good Morning / Afternoon”, “Welcome to YOUR mediation”, “What is your name and how would you like me to address you?”*.

Тактика разъяснения процедуры медиации имплементируется за счет введения медиативной терминологии (*a joint session, a caucus, the agreement process, etc*). Обсуждая формат проведения переговоров, медиатор использует условные предложения 1 типа: *“If you want or need such advice, you have agreed, by signing the Agreement to Mediate”, “If I meet with one party in caucus, at the conclusion of that meeting, I will meet with the other party”*. Модальные глаголы с иллокутивным значением просьбы, разрешения, возможности играют солидаризирующую роль, сообщая участникам конфликта, что медиатор учитывает их потребности, прислушивается к их мнению: *“May I proceed as your mediator?”, “I may use a process called caucusing”, “I cannot keep confidential and must reveal any threat of violence, harm or worse, to anyone”*.

Фрагмент 2. Формулирование точек зрения конфликтующих субъектов

Дискурсивная задача на данном этапе направлена на выявление полной и достоверной информации, анализ всех проблем. Используя аналитическую стратегию, медиатор помогает участникам спора осознать существенные для будущего решения аспекты конфликтной ситуации. Для данной стратегии характерны следующие тактики: тактика запроса информации, тактика контроля над темой и тактика моделирования пресуппозиций.

Тактика запроса информации реализуется с помощью открытых вопросов: *“Could you tell us about the situation?”, “Can you say more about that?”, “What happened next?”, “What is your view of this conflict?”*. Открытые вопросы — это дружелюбный способ вовлечь человека в разговор. Применяя их, медиатор постепенно берет дискуссию в свои руки с тем, чтобы начать управлять ею, интерпретировать и структурировать сказанное участниками.

Эхо-повторы, используемые для реализации тактики контроля над темой, позволяют управлять ходом беседы, акцентируя внимание участников конфликта на то, что кажется неясным [1, с. 150]. Перефразируя все рассказанное, медиатор дает возможность конфликтующим участникам медиативного дискурса услышать свой собственный рассказ из уст нейтрального коммуниканта, который сглаживает все острые углы (некорректные слова, интонации). Повторение позволяет говорящему почувствовать неточности своего текста и в своем ответе их исправить.

X and Y share an office. X says, “I can’t work with Y in our office because her stuff is all over the place. It leaves no room to work.” And Y says, “I can’t work with X because she is on the phone all the time and talks so loudly that I can’t help but hear her — I’m just across the room — and I can’t concentrate.” Mediator: “It sounds as though you both want to eliminate things that interfere with your work in your shared office. Is that right?” [4, с. 20].

Языковыми средствами манифестации тактики контроля над темой являются закрытые вопросы. Например, медиатор вежливо перебивает

говорящего, задавая закрытый вопрос, получает краткий ответ, и снова может направить беседу в нужное русло. Примеры закрытых вопросов: “*Did your employer state the reason that you were being laid off?*”, “*How long has this conflict been going on?*”, “*Are you willing to do a little horse-trading based on what’s been said?*” [3].

С помощью тактики моделирования пресуппозиций медиатор может обнаружить пересечение общих интересов конфликтующих участников, понять, какие отношения связывают конфликтантов и т.д. Медиатор пытается сделать так, чтобы конфликтующие субъекты шире взглянули на сложившуюся ситуацию, показывают сильные и слабые стороны позиций участников, а также последствия, которые могут возникнуть.

Лексико-грамматические модели, характеризующие данную тактику, представлены разнообразными уточняющими вопросами с иллюкутивным значением просьбы:

- Просьба прояснить ситуацию: “*What further information do you have on that proposal?*”, “*What was your relationship like before this?*”, “*What were you thinking when that happened?*”, “*What do you mean by that statement?*”;
- Просьба рассказать об отношениях с другим участником: “*What have you got out of this relationship?*”, “*Can you tell me how you feel about his behavior?*”;
- Просьба дать оценку действий другого субъекта: “*What is his concern about that?*”, “*Why do you think she did that?*”, “*How do you think he sees this issue?*”.

Данный тип вопросов фокусирует участников конфликта на решении, а не на проблеме. Это помогает создать позитивную атмосферу, при которой внимание направлено на решения и действия, а не просто на проблемы и сложности.

Фрагмент 3. Работа над конфликтом

Главная цель данного фрагмента — кооперация участников, нацеливание их на совместную работу. Созидательная стратегия, которая является доминантной на данном этапе, заключается в том, что медиатор управляет процессом развития кооперации, направленного на разрешение спора, приводит конфликтующих субъектов к взаимовыгодному решению.

Тактика фокусирования на общих интересах применяется медиатором, когда конфликтантам необходимо дать понять, что проблема может быть решена только при их совместном участии. При успешном воздействии тактики участники конфликта начинают воспринимать проблему как общую, а своего оппонента как союзника и стремятся в какой-то степени объединиться, чтобы совместными усилиями перейти в кооперативную зону общения. В своей речи медиатор использует местоимения со значением общности: местоимения *you* в значении 2 л., мн.ч. (“*you have looked at what real concerns to you both*”, “*you don’t enjoy your unhappiness*”,

“you can change the future”); местоимение *both* (“let me tell both of you”, “you both want to go forward”, “you both seem to agree that...”).

Используя тактику стимулирования поиска возможных решений, медиатор помогает участникам конфликта увидеть иные пути разрешения спорной ситуации, заставляя их продуцировать различные варианты выхода из зоны несогласия “What are other options of doing things?”, “What is the best situation for you?”, “What is the perfect solution?”. Продуктивным способом является создание “What if” сценария: “If this dispute went away tomorrow, what would your relationship be like?”, “What might your next step be, if you repaired your relationship?”, “What will happen in the long run if you continue to spend at your current rate of spending?”.

Применяя тактику разрешения конфликта, медиатор помогает субъектам спора перейти из конфликтного дискурсивного пространства в кооперативное и найти решение, удовлетворяющее всех участников. Медиатор усиливает в высказывании намерения соглашения и поддержки: “You both seem to agree that...”, “I think that proposal is very workable”. Данная тактика реализуется также с помощью использования оценивающей лексики положительной семантики: “That is very *realistic*”, “I think you are *reasonable here*”.

Таким образом, в результате проведенного лингвистического исследования были выявлены доминантные стратегии и тактики медиатора, использование которых позволяет достичь главную цель дискурса медиации — разрешить спор конфликтующих участников. Такое разнообразие стратегий и тактик объясняется постоянной вариативностью обстоятельств конфликта, и многофункциональностью медиативного дискурса.

Список литературы:

1. Бесемер Х. Медиация. Посредничество в конфликтах / пер. с нем. Н. В. Маловой. Калуга: Духовное познание, 2004. 176 с.
2. Куликова Л. В. Исследовательские подходы к дискурсу медиации в фокусе междисциплинарности / Л. В. Куликова, О. А. Прохорова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. №2 (56): в 2-х ч. Ч. 2. С. 100–104.
3. Lehman P., Page N. R. Enhancing Mediator Neutrality Through Question-Asking. 2007. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mediate.com/articles/pageLehman.cfm><http://www.mediate.com/articles/pageLehman.cfm> (дата обращения: 17.03.2017).
4. Orme-Johnson C., Cason-Snow M. Basic Mediation Training. Trainers' Manual. 2002. 52 с. [Электронный ресурс]. URL: https://www.oecdguidelines.nl/binaries/oecd-guidelines/documents/leaflet/2015/1/6/ncp-mediation-manual/ncp_mediation_manual_in_pdf.pdfhttps://www.oecdguidelines.nl/binaries/oecd-guidelines/documents/leaflet/2015/1/6/ncp-mediation-manual/ncp_mediation_manual_in_pdf.pdf (дата обращения: 17.03.2017).

Сведения об авторе:

Прохорова Ольга Аркадьевна, к. ф. н., доцент, Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия; e-mail: olgaprokhorova@mail.ru

DISCOURSE OF MEDIATION: STRATEGIES AND TACTICS OF VERBAL BEHAVIOR OF A MEDIATOR

Olga A. Prokhorova

Candidate of Philology, Associate Professor, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia; e-mail: olgaprokhorova@mail.ru

Abstract

The article deals with the problems of effective communication in the mediation discourse. Viewed against the current interdisciplinary interest of researchers in the mediative process, the linguistic study of a mediation discourse acquires particular urgency. This paper is aimed at analysis of the strategies and tactics of a mediator's verbal behavior that contribute to the elimination of discursive confrontation and help conflict participants to reach a mutually beneficial agreement. Three main discursive fragments of a mediation dialogue are singled out depending on the main strategic objective of a mediator. The author defines mediator's dominant strategies (organizational, analytical, and constructive) and tactics at a certain stage of the mediation discourse. Linguistic markers for the implementation of these tactics in the discourse under study were identified.

Key words: mediation discourse, mediator, strategies, tactics, conflict and cooperation communication.

References:

1. Besemer, Ch. (2004). *Mediatsiya. Posrednichestvo v konfliktakh* [Mediation. Intermediacy in Conflicts]. Kaluga: Dukhovnoe poznanie.
2. Kulikova, L. V., and Prokhorova, O. A. (2016). *Issledovatel'skie podkhody k diskursu mediatsii v fokuse mezhdistsiplinarnosti* [Interdisciplinary Approach to a Mediation Discourse] // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. [*Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*], 56 (2), 100–104.
3. Lehman, P., and Page, N. R. (2007). *Enhancing Mediator Neutrality Through Question-Asking*. Retrieved 17 March, 2016 from <http://www.mediate.com/articles/pageLehman.cfm><http://www.mediate.com/articles/lehman.cfm> /.
4. Orme-Johnson, C. (2002). *Basic Mediation Training. Trainers' Manual*. Retrieved 17 March, 2016 from https://www.oecdguidelines.nl/binaries/oecd-guidelines/documents/leaflet/2015/1/6/ncp-mediation-manual/ncp_mediation_manual_in_pdf.pdfhttps://www.oecdguidelines.nl/binaries/oecd-guidelines/documents/leaflet/2015/1/6/ncp-mediation-manual/ncp_mediation_manual_in_pdf.pdf.

Коммуникативно-когнитивная теория нарратива в современной лингвопоэтике

Т. Б. Радбиль

Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского

Аннотация

В работе излагаются основы построения интердисциплинарной теории нарратива на основе коммуникативного и когнитивно-ориентированного подхода, который связан с прагмалингвистической природой нарратива как особого семиотического объекта в поле взаимодействия *автор ↔ читатель*. Нарративность в широком смысле слова является особым способом своего рода “перевода” события жизни, локализованного в модусе “реальность”, в эстетическое событие, преобразованное в модус “текст”, при котором событие жизни приобретает несвойственные ему в обычном течении реальности признаки: авторизованность (“точка зрения”, фокус, “образ автора”), адресованность, модальность, хронотоп и пр., а главное — оно приобретает *смысл*. Это переводит превращенное в нарратив событие в особый режим существования, относительно автономного от его наблюдателя, с одной стороны, и вовлеченных в него реальных участников — с другой: потому о нем можно рассказывать, его можно интерпретировать, а не просто жить в нем, как в реальном событии жизни, частью которого и является реальный автор. Таким образом, необходимо теоретическое разграничение “нарративности” как особого принципа художественного восприятия реальности сознанием и собственно “нарратива” (повествования в узком смысле) как специфического способа воплощения общего принципа нарративности в языковой организации произведения словесного искусства.

Ключевые слова: теория нарратива, коммуникативно-когнитивный подход, нарративизация события жизни, лингвопоэтика.

Для современного постструктуралистского понимания феномена нарративности характерны интердисциплинарность, пансемиотичность, ярко выраженный антропоцентризм и не менее ярко выраженная лингвистическая ориентация — особенности содержательной и структурной организации нарратива предлагается искать прежде всего в особенностях способов оперирования естественным языком. В основе такого понимания лежит идея **моделирования, конструирования** новой действительности в процессе нарративной интерпретации, которая имеет метафорическую природу [1, с. 127].

С этой точки зрения, важен не объективный смысл событий (если о нем вообще можно говорить), а то, как они воспринимаются, читаются.

[3, с. 11]. Так, например, комплекс исторических событий, именуемый *открытие Америки*, целиком нарративен и метафоричен, потому что моделируется именно в такой “терминологии” только с позиций европоцентрического исторического сознания, но никак не с позиций автохтонных обитателей континента, для которых этот комплекс событий, наверняка, был бы назван в других терминах, в терминах цивилизационного кризиса. Точно так же люди, жившие в эпоху Возрождения, не знали, что они живут в эпохе Возрождения.

Мы в нашем исследовании также предлагаем семиотическую трактовку нарратива на когнитивной и коммуникативной основе — как общего принципа освоения (=концептуализации) мира специфически человеческого типа на основе сущностных свойств, предлагаемых принципами функционирования естественного языка. Прообразом нарратива, так сказать, “атомом” нарратива, является повествовательное предложение с непустыми терминами и с конкретной референцией (типа *Мальчик идет в школу*). Предложение называется повествовательным (= нарративным) — этот факт примечателен. Обратим внимание, что даже такое в общем элементарное предложение выступает именно как интерпретация некоей исходной ситуации под определенным углом зрения, а не просто как “переваренное” событие жизни. Уже сам акт референциального выбора говорящим объекта действительности (“мальчик”) в качестве точки отсчета из континуума действительности субъективен, ведь перед говорящим не только *мальчик, идущий в школу* — перед ним вся зримая реальность, из которой говорящий “вырезает” только этот, чем-то приглянувшийся ему “кадр”.

Итак, в настоящей работе освещаются некоторые теоретические положения “философии художественного текста”, связанные с прагматической природой художественного текста как особого семиотического объекта в поле взаимодействия АДРЕСАНТ (АВТОР) ↔ АДРЕСАТ (ЧИТАТЕЛЬ). Мы исходим из того, что нарративность в широком смысле слова является особым способом “перевода” события жизни, локализованного в модусе “реальность”, в эстетическое событие, преобразованное в модус “текст” (о разграничении модусов “реальность” и “текст” — см. нашу работу [2]).

Это “чудо” совершает естественный язык посредством механизма концептуальной (когнитивной) метафоры. Воспринимая некое событие жизни (в прошлом или настоящем), в которое он погружен, субъект, по тем или иным причинам, для себя или для Другого, интерпретирует его в качестве некоей целостности (“гештальт”), которой оно изначально не обладает, приписывает ему некий смысл, которым оно тоже изначально не обладает. Иными словами, субъект из режима восприятия чего-то в модусе “реальность” переходит в режим восприятия в модусе “текст”.

Таким образом, о “нарративе” мы можем говорить тогда, когда событие жизни приобретает несвойственные ему в обычном течении

реальности признаки: авторизованность “точка зрения”, фокус, “образ автора”, адресованность, модальность, хронотоп и пр., а главное — оно приобретает **смысл**. Ненарративные реалии приобретают нарративную перспективу, что приводит “онарративленное” событие в статус относительно автономного от его создателя существования — о нем можно рассказывать, его можно интерпретировать, а не просто жить в нем, как в реальном событии жизни, частью которого и является реальный автор. Это, в общем, примерно то, что делает кинокамера, попеременно выхватывая из реальности то один, то другой ее “кусочек”, то приближаясь, то удаляясь от объекта изображения. Иными словами, нарратив тоже “вырезает” из непрерывного потока жизни какие-то фрагменты, дискретизирует континуум, редуцирует реальность.

Редукция может быть, например, пространственной. Представим себе такую картину: поток жизни, “без начала и конца”, как писал Блок. Город, например, Москва. Где-то в районе крыш притаился незримый Наблюдатель. В фокусе — улица, например, Басманная. А вот и человек, который, кажется, знаком Наблюдателю, потому что с первой фразы он идентифицирует его как Адрияна Прохорова, гробовщика. Он даже не поленился посчитать, что именно четыре раза тощая пара с нехитрым шарбом потащила с Басманной на Никитскую: *Последние пожитки гробовщика Адрияна Прохорова были взвалены на похоронные дроги, и тощая пара в четвертый раз потащила с Басманной на Никитскую, куда гробовщик переселялся всем своим домом* (А. С. Пушкин. Гробовщик). — А куда делись остальные прохожие, дома, деревья, улицы с разной степенью мощности, которые наверняка присутствовали при “съёмке” в качестве ее хронотопического, бытийного окружения? А кто или что было на остальных улицах?

На пространственную редукция может быть наложена временная: *В конце 1811 года, в эпоху нам достопамятную* [а здесь еще и вовлечение позиции адресата. — Т. Р.], *жил в своем поместье Ненарадове добрый Гаврила Гаврилович Р***. (А. С. Пушкин. Метель). — Разве только в конце 1811 г. проживал в Ненарадове “добрый Гаврила Гаврилович”? А может, жил он там и в середине 1811 г.? И за порог 1812 перешагнул?

Итак, нарративность иногда “подсматривается” у жизни. Прототипический нарратив — события окружающей меня действительности, превращенные в простое повествовательное предложение с реальной утвердительной модальностью. А иногда нарративность — привносится воспринимающим сознанием, когда мы описываем статичные, бессобытийные реалии и сущности. Но даже если и подсматривается — она все равно привносится. Поэтому с точки зрения реальности нет большой разницы, превращается ли в нарратив совокупность событий, по жизни потенциально нарративных, или же в нарратив превращается нелинейная, недискурсивная сущность — картина, пейзаж, “ментальные события”: ведь все ведь существует во времени, даже вещи, кажущиеся

нам неподвижными. Отсюда следует, что нарратив — это всегда модель некоего события, которая коррелирует с реальным событием, но находится с ним в отношениях подобия (метафоры).

Итак, нарратив — это то, что имеет (или чему может быть приписано в режиме воспринимающим сознанием) точку отсчета (“начало”) и завершенность (“конец”), участника / участников (“героев”), временную последовательность событий (“сюжет”), некую дистанцируемую, имплицитную, выводимую из изображаемого точку зрения на события (“образ автора”) и — обязательно — некое дистанцируемое, реальное или воображаемое (моделируемое), имплицитное или эксплицитное воспринимающее сознание (“образ адресата”).

Все вышеизложенное позволяет поставить вопрос о возможности теоретического разграничения “нарративности” как особого принципа семиотического восприятия реальности сознанием (в этом плане черты “нарративности” могут быть обнаружены не только в художественном тексте, но и в любом явлении искусства и культуры, в истории, в политике, в социальных взаимодействиях, в реальной жизни в целом, в том числе и в явлениях природы) и собственно “нарратива” (= повествования в узком смысле) как специфического способа воплощения общего принципа нарративности в языковой организации произведения словесного искусства.

Согласно развиваемой в настоящей работе точке зрения, в качестве потенциальности нарративную проекцию может иметь все что угодно, все, что попадает в наш мир в поле воспринимающего сознания — это любые явления природы и социальной действительности, внешнего и внутреннего мира. Однако, в качестве той же потенциальности, вещи окружающего нас мира и мира внутри нас могут быть потенциально более нарративными и менее нарративными. Понятно, что история более потенциально нарративна, чем современность, прошлое и будущее человека — более нарративны, чем непосредственно переживаемое настоящее. Музыка более нарративна, чем скульптура, фильм более нарративен, чем картина. Научный обзор более нарративен, чем словарь, туристический проспект более нарративен, чем телефонный справочник. Максимум нарративности, видимо, имеют такие явления, которые по своей структуре в чем-то изоморфны структуре простого утвердительно-повествовательного предложения с конкретной референцией в естественном языке. Например, жизнь человека. Реальная жизнь, которая легко превращается в нарратив биографии.

Иными словами, нарративность выступает в качестве одного из универсальных, базовых способов языковой концептуализации мира человеком вообще — и только поэтому она лежит в основе нарратива как принципа именно художественного освоения действительности и, соответственно, ведущего принципа организации художественного текста.

Список литературы:

1. Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры. / пер. с англ. М. Кукарцева, Е. Коломоец, В. Катаева. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 496 с.
2. Радбиль Т.Б. Языковые аномалии в художественном тексте: Дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01 / Радбиль Тимур Беньюминович; Московский педагогический государственный университет. — М., 2006. — 496 с.
3. Успенский Б.А. Избранные труды. М.: Школа “Языки русской культуры”, 1996. Т. I. Семиотика истории. Семиотика культуры. 608 с.

Сведения об авторе:

Радбиль Тимур Беньюминович, д. ф. н., профессор, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия; e-mail: timur@radbil.ru

COMMUNICATIVE-COGNITIVE THEORY OF NARRATION IN MODERN LINGUO-POETICS

Timur B. Radbil

Doctor of Philology, Professor, National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Nizhni Novgorod, Russia; e-mail: timur@radbil.ru

Abstract

The work proposes the principles of the interdisciplinary pan-humanist narration theory on the basis of communicative and cognitive-oriented approach which is connected with pragmalinguistic nature of narrative as specific semiotic essence in the fields of interaction *author — reader*. Narrativity, to wide extent, is the especial way of “**translation**” of life event localized in modus “reality” to aesthetic event transformed in modus “text”, due to which the life event gets some, unusual for everyday course of affairs features: authorization (point of view, focus, author’s image), addressing, modality etc., and above all — it gets *sense*. It reduces transformed to narrative regimen event to especial modus of existence relatively autonomized from its observer, on the one hand, and involved in it its real participants, on the one hand: so one can tell of this event, interpret this event, but not live in the event like in real life event the part of which is a real author. So it is necessary to differentiate theoretically the “narrativity” as the peculiar principle of conceptualization of the reality by human consciousness and the “narration” proper as the especial way of embodiment of the general principle to tell stories in language organization of the art of belles-lettres.

Key words: narration theory, communicative-cognitive approach, narrativization of real event, linguo-poetics.

References:

1. Ankersmit, F. R. (2003). *Istoriya i tropologiya: vzlet i padenie metafory* [History and Tropology: The Rise and Fall of Metaphor]. Moskva: Progress-Traditsiya.
2. Radbil, T. B. (2006). *Yazykovye anomalii v khudozhestvennom tekste* [Language Anomalies in Literary Text]. Dis. ... dokt. filol. nauk: 10.02.01. Moskva: MPGU.
3. Uspenskii, B. A. (1996). *Izbrannye trudy* [Selected works]. T. I. *Semiotika istorii. Semiotika kul'tury* [V. I. Semiotics of History. Semiotics of Culture]. Moskva: Shkola "Yazyki russkoi kul'tury".

Глобальная структура дискурса: макропропозиция и тематический репертуар

В. М. Шевцова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Аннотация

Следуя модели анализа дискурса, предложенной известным лингвистом Т. А. ван Дейком, мы рассматриваем структуру дискурса как результат тесного взаимодействия его локальной и глобальной структур. Для семантического описания глобальной структуры дискурса используется понятие макроструктуры, макроструктура может быть выражена одной пропозицией — макропропозицией, характеризующей тематическое содержание дискурса, его глобальную связность. Каждая разновидность дискурса может ограничиваться определенным набором (или диапазоном) тем, его тематическим репертуаром. В представленной работе проанализированы макроструктуры дискурса современной литургической проповеди, выявлены их макропропозиции, наглядно продемонстрировано, что дискурсы, посвященные одной теме, имеют идентичные макропропозиции. Несмотря на огромное многообразие тем, затрагиваемых в проповеди, формально тематический репертуар ограничивается диапазоном тем, которые предлагает церковный год.

Ключевые слова: дискурс, макроструктура, глобальное содержание, макропропозиция, тематический репертуар.

Анализ дискурса не может существовать без описания его структуры, то есть логико-смысловой организации, поскольку для достижения своих целей говорящему необходимо умение представить языковой материал в наиболее последовательном и стройном виде, выделяя наиболее существенные места и сохраняя четкий логический переход от одной части к другой, ведь от способа организации текста, от соположения его элементов во многом зависит успешность коммуникации. Следует сразу

же оговориться, что в нашем исследовании понятия *дискурс* и *текст* не противоречат друг другу: вслед за большинством лингвистов дискурс мы рассматриваем как процессуальное, динамическое явление, как “речь, погруженную в жизнь” [2, с. 37], а текст — как знаковую репрезентацию этого процесса, как продукт, “обладающий завершенностью и объективированный в виде письменного документа” [3, с. 18]. Описание структуры дискурса как целостного объекта лингвистического наблюдения в первую очередь связано с вопросами его членимости на более мелкие единицы и установлении закономерностей в их сочетаемости, при этом лингвисты пытаются ответить на вопрос, по какому критерию или критериям следует выделять единицу членения.

Многое в этом направлении было сделано в России в 20–30-е годы в области поэтики художественной речи. Работы Ю. Тынянова, Б. Эйхенбаума, В. Виноградова, Б. Ларина внесли большой вклад и в развитие теории текста. Первое структурное исследование, ставшее впоследствии поистине классическим, появилось в 1928 году — работа В. Проппа “Морфология сказки”. В. Пропп выявил в тексте сказки существование определенной последовательности и взаимозависимости ее элементов, которые он обозначил как “функции действующих лиц”. При этом важно было лишь то, “что делают сказочные персонажи, а вопрос кто делает и как делает — это вопросы уже только приводящего изучения” [7, с. 29]. В той же работе было высказано предположение, что последовательность событий имеет свои законы и подобные законы действуют и для других жанров [7, с. 31], а также существует “известная зависимость между начальной ситуацией и последующими функциями” [7, с. 123]. Впоследствии эта работа сыграла большую роль для дальнейших структурных исследований (работы Ю. М. Лотмана, французских структуралистов Б. Барта, Ц. Тодорова, К. Леви Стросса, А. Греймаса). Так или иначе эти исследования опираются на работу Проппа, поскольку в основу их кладется содержательная, так называемая событийно-предметная структура дискурса.

Особый интерес к выделению критериев и принципов определения текстового компонента обозначился на рубеже 60–70 гг. во время возникновения отдельной области — лингвистики текста. Актуальной задачей для многих исследователей стал поиск наиболее общих смысловых структур, лежащих в основе текстов. Большинство ученых призвало таким критерием принцип единства темы. Понимание темы восходит к пониманию ее как предмета какого-либо изложения, факта информации, как конденсированное и обобщенное содержание текста. Н. А. Слюсарева и Н. И. Теплицкая, к примеру, выделили единицу, которую назвали тематическим блоком. Тематический блок задается единой микротемой, составляющими которой являются фразовые темы. Выделяя в качестве основы членения содержательной структуры текста принцип семантической связности элементов, авторы видят возможность в разбиении текста на единицы разных рангов и намечают следующую иерархию в тематической структуре текста:

высказывание — тематический подблок — тематический блок — дискурс. Дискурс при этом квалифицируется как конечная единица гиперсинтаксического уровня, а тематический блок как “выделяемая в тексте единица содержательной структуры, следующая за высказыванием, обладающая семантической законченностью и цельностью, которая отражает наше интуитивное представление о единстве темы” [8, с. 101].

Аналогичное представление о выделении текстового компонента и структурировании дискурса превалировало и в работах других исследователей, в которых высказывалась мысль о том, что предложения объединяются в единицы более высокого уровня на основе единства темы, которая, в свою очередь, задается единством целей и подцелей дискурса, организованных по принципу иерархичности для достижения глобальной цели. К примеру, Чейф в работе “Память и вербализация прошлого опыта” пришел к выводу, что при членении потока информации говорящий выделяет в своем сознании не сразу всю информацию, подлежащую вербализации, а некоторую тему. Каждый эпизод предполагает последовательность различных событий, не всегда связанных друг с другом, но актуализация этих событий всегда обусловлена одним, основным событием — темой эпизода. Таким образом, для описания общего содержания дискурса исследователями используются понятия: *тема, общий смысл, основное содержание, топик*. Brown С. и Yule L. так описывают понятие *топик*: “The notion of “topic” is clearly an intuitively satisfactory way of describing the unifying principle which makes one stretch of discourse “about” something and the next stretch “about” something else, for it is appealed to very frequently in the discourse analysis literature” [9, с. 70]. Топики соответствуют основным событиям дискурса, и поэтому по ним легко вспомнить, чему вообще посвящен текст, в то время как синтаксические, лексические особенности дискурса, риторические приемы и стилистические обороты достаточно быстро забываются.

В работах ван Дейка также разрабатывается представление о дискурсе как об иерархически организованном целом. Структура дискурса определяется системой дискурсивных целей. По Т. ван Дейку, в процессе понимания текста происходит свертывание пропозиций в пропозиции более высокого уровня — макропропозицию, которая служит кратким выражением содержания текста. В частности, под макроструктурой текста понимается то значение, — или пропозиционная структура, — которое является результатом применения к линейной (sequential) смысловой структуре текста серии отображений, “свертывающих эту смысловую структуру в макроструктуру, которая служит кратким выражением содержания текста” [4, с. 319].

Макропропозиция представляет собой репрезентацию его глобальной структуры и работает на уровне “global level of semantic description” [10, с. 6], она служит отправной точкой для внешней, или поверхностной структуры. Соответственно двум типам структур выделяются 2 типа

связности: локальная и глобальная. Локальная связность характеризует отношения между пропозициями и составляет микроструктуру текста, а глобальная структура представляет собой макроструктуру дискурса. Помимо макроструктур ван Дейк выделяет еще и схематические структуры, порядок следования элементов в дискурсе, которые он называет суперструктурами, они задают общую форму дискурса. При этом макропропозиция представляет собой семантическое содержание макроструктур. Макропропозиция выводится на основе следующих макроправил: опущение, обобщение, построение. При этом, поскольку мы формируем когнитивную модель, учитываются пресуппозиции участников коммуникации, общие знания о мире, представления о контексте ситуации.

Данный подход мы и приняли за основу при структурировании рассматриваемого нами типа дискурса. Объект нашего рассмотрения, литургическая проповедь, представляет собой устную публичную речь священнослужителя, которая произносится в церкви во время богослужения. Она строится по определенным канонам, следует традициям риторики, представляет интересы церкви и включает в себе идею божественного домостроительства. Христианская проповедь — это прежде всего изложение теоретического мировоззрения, и причем не личного мировоззрения проповедника, а учения, данного свыше и авторизованного церковью в качестве символического, общеобязательного для всех верующих. Мы определили макропропозицию проповеди, записанной на диктофон в одной из церквей г. Москвы (автор анонимный).

Тема — Обращение Закхея.

Движение темы: T1 — P1 = *Сегодня мы слушали евангельское чтение о встрече Иисуса Христа с Закхеем, мытарем.* T2 — P2 = *Закхей хотел увидеть Христа, но был мал ростом.* T3 — P3 = *Он влез на дерево, чтобы увидеть Христа-Спасителя.* T4 — P4 = *Господь тоже увидел Закхея и пришел в его дом.* T5 — P5 = *Хотим ли мы, подобно Закхею, познакомиться со Христом?* T6 — P6 = *Мы должны, подобно Закхею, стремиться стать духовно выше, чтобы увидеть Христа, стать ближе к Нему.*

Макропропозиция:

T — MP = Мы должны, подобно Закхею, стремиться стать духовно выше, чтобы увидеть Христа, стать ближе к Нему.

Исследователями отмечается, что впечатление наиболее связанного в целом производит текст, развивающийся в одном направлении мысли, посвященный одной, постепенно развертывающейся в смысловом отношении теме. Рассмотренный нами дискурс вполне удовлетворяет этим требованиям.

Можно предположить, что проповеди разных авторов, посвященные одной теме, имеют одинаковые макропропозиции, несмотря на различия в композиционном построении, локальной связности дискурса, разнообразии приемов и средств воздействия. Чтобы доказать это, рассмотрим еще одну проповедь, посвященную этой же теме, которая была взята из сборника проповедей А. Меня.

Тема — *Обращение Закхей.*

Движение темы: T1 — P1 = *Вера в Бога — общая вера человеческого рода.* T2 — P2 = *Наш Бог — распятый за нас Христос-Спаситель.* T3 — P3 = *Как увидеть Господа, познать Его?* T4 — P4 = *Сегодня мы слушали про мытаря Закхея, который очень хотел увидеть Христа.* T5 — P5 = *Поскольку Закхей был мал ростом, он влез на дерево, чтобы увидеть Христа.* T6 — P6 = *Господь оценил стремление Закхей и пришел в его дом.* T7 — P7 = *Каждый из нас должен любить Христа, искать Его.* T8 — P8 = *Мы должны, подобно Закхею, стремиться стать духовно выше, чтобы увидеть Христа, стать ближе к Нему.*

Макропропозиция:

T — MP = Мы должны, подобно Закхею, стремиться стать духовно выше, чтобы увидеть Христа, стать ближе к Нему.

Таким образом, мы можем прийти к заключению, что дискурсы проповеди, посвященные одной теме, имеют одинаковую макроструктуру, что, однако, не предполагает схожести микроструктур этих дискурсов.

В зависимости от коммуникативной ситуации, контекста, коммуникативных ролей участников общения, а также других факторов (особенности культуры, возрастные, половые, личностные особенности говорящих и т.д.), каждый тип дискурса ограничивается определенным диапазоном тем, называемым тематическим репертуаром [5, с. 52]. Ван Дейк в своих работах подробно проанализировал язык средств массовой информации, политические новости (интервью, отчеты, материалы пресс-конференций и др.) и вывел тематический репертуар структуры новостей. Кроме того, он рассмотрел повседневные темы, которые затрагивают в разговоре малознакомые люди и систематизировал контекстуальную информацию для макростратегий в такого рода дискурсах, включающую общекультурные знания, социокультурную и коммуникативную ситуацию.

Исчислимо ли количество тем рассмотренного нами типа дискурса? Источником тем для проповедей служит Евангелие, поэтому, если не углубляться в существо вопроса, можно сказать, что тематический репертуар проповеди поистине безграничен, поскольку область истин, входящих в Евангелие, очень обширна: “Так же многообразна и разнообразна, как многосторонняя жизнь человеческая, как разнообразны состояние, нужды, потребности людей в недрах Церкви и общества” [1, с. 56]. Однако, поскольку литургическая проповедь принадлежит к “институализированным”, ритуальным типам дискурса, диапазон тем формально ограничивается теми, которые предлагает церковный год, ведь, как известно, каждому дню в церковном году соответствует определенное евангельское чтение, которому и посвящается проповедь. Таким образом по частям предлагается христианское учение и прославляются подвиги святых.

Итак, в настоящей работе мы определили макропропозиции и обозначили тематический репертуар на примере дискурса, представляющего собой подготовленную заранее устную публичную речь, которая произносится по установленным канонам в определенной обстановке.

Предложенная модель, по всей вероятности, может быть применена для описания глобального содержания и определения тематического репертуара любого другого, еще не исследованного вида дискурса.

Список литературы:

1. Амфитеатров Я. К. Чтения о церковной словесности или гомилетика. Киев: Тип. Вальнера, 1846. 302 с., XXXVI, XVI.
2. Арутюнова Н. Д. Дискурс. // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 136–137.
3. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Ком-Книга, 2006. 144 с.
4. Дейк Т. А. ван. Вопросы прагматики текста. // НЗЛ. Вып. VIII. Лингвистика текста. М.: Прогресс, 1978. С. 259–336.
5. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М.: ЛЕНАНД, 2015. 320 с.
6. Мень А. Проповеди протоиерея Александра Меня. Дванадцатые праздники и евангельские чтения. М.: Издательство “ГИС”, 1991. 80 с.
7. Пропп В. Я. Морфология сказки. Л.: Academia, 1928. 151 с.
8. Слюсарева Н. А., Теплицкая Н. М. Гиперсинтаксический уровень языка и лингвистическое членение текста // Предложение и текст в семантическом аспекте. Калинин: Изд-во Калинин. ун-та, 1978. С. 91–105.
9. Brown G., Yule G. Discourse Analysis. Cambridge: Univ. Press., 1983. 288 p.
10. Dijk T. A. van. Text and Context. Explorations in the Semantics and Pragmatics of Discourse. Lnd: Longmans, 1977.

Сведения об авторе:

Шевцова Венера Мирсатовна, к. ф. н., преподаватель, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия; e-mail: shevtsova.vm@gmail.com

GLOBAL DISCOURSE STRUCTURE: MACROPROPOSITION AND TOPIC RANGE

Venera M. Shevtsova

Candidate of Philology, Lecture, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; e-mail: shevtsova.vm@gmail.com

Abstract

Following the well-known European linguist Teun A. van Dijk, we consider discourse structure to be the result of close interaction of its local and global structures. For a semantic description of global discourse structure the concept of a macrostructure is used; the macrostructure can be expressed by one proposition which is called a macroproposition. The macroproposition displays the topic content of discourse, its global connectivity. Each kind of discourse can be limited to a certain set of topics, that is, its topic range. In the present paper,

modern orthodox liturgical sermon discourse is investigated; it is clearly shown that discourses devoted to one topic have identical macropropositions. Despite a huge variety of subjects represented in the sermon, the formal range of topics is limited to the ones which are prescribed by the Church for the current year.

Key words: discourse, macrostructure, global content, macroproposition, topic range.

References:

1. Amfiteatrov, Ja. K. (1846). Chtenija o cerkovnoj slovesnosti ili gomiletika. [Lectures on Church Literature or Homiletic Theology]. Kiev: Tip. Val'nera.
2. Arutjunova, N. D. (1990). Diskurs. [Discourse]. In *Lingvisticheskiĵ jenciklopedičeskij slovar'*. Moskva: Sovetskaja jenciklopedija, 136–137.
3. Gal'perin, I. R. (2006). Tekst kak ob'ekt lingvističeskogo issledovanija. [Text as an Object of Linguistic Study]. Moskva: KomKniga.
4. Dejk, T. A. van. (1978). Voprosy pragmatiki teksta. [Issues in the Pragmatics of Discourse]. In *Novoe v zarubeznoj lingvistike Vyp. VIII. Lingvistika teksta*. Moskva: Progress, 259–336.
5. Dejk, T. A. van. (2015). Jazyk. Poznanie. Kommunikacija. [Language. Cognition. Communication] — M.: LENAND.
6. Men', A. (1991). Propovedi protoiereja Aleksandra Menja. Dvunadesjatye prazdniki i evangel'skie chtenija. [Archpriest A. Men's Sermons]. M.: Izdatel'stvo «GIS».
7. Propp, V. Ja. (1928). Morfologija skazki. [Morphology of a Fairy tale]. L.: Academia.
8. Sljusareva, N. A., and Teplickaja, N. M. (1978). Gipersintaksičeskij uroven' jazyka i lingvističeskoe chlenenie teksta. [Hyper syntactic level of language and linguistic division of the text]. In *Predlozhenie i tekst v semantičeskom aspekte*. Kalinin: Izd-vo Kalinin. un-ta, 91–105.
9. Brown, G., and Yule, G. (1983). *Discourse Analysis*. Cambridge: Univ. Press.
10. Dijk, T. A. van. (1977). *Text and Context. Explorations in the Semantics and Pragmatics of Discourse*. Lnd: Longmans.

Концептосфера поэтического дискурса в сонетах У. Шекспира

К. И. Шпетный

Московский государственный лингвистический университет

Аннотация

Рассматриваются когнитивно-стилистические особенности поэтического дискурса в цикле сонетов английского поэта У. Шекспира. Концептосфера дискурса является совокупностью концептов, представленных в конкретных речевых произведениях. Концепты как глобальные мыслительные единицы

являются идеальными сущностями, формирующимися в сознании человека. Они выполняют ключевую роль в формировании когнитивно-стилистической базы дискурса, и их значение в поэтическом дискурсе непосредственно связано с построением всей его образной системы. Выделено 500 концептов сонетов, разделяемых на базовые, сущностно базовые и небазовые. Каждый дискурс сонета характеризуется функционированием в его концептуальном поле одновременно нескольких концептов: базовых и небазовых. Охарактеризованы три когнитивно-композиционные модели распределения и взаимодействия концептов. Описаны языковые средства реализации концептосферы сонетных дискурсов: стилистически нейтральные и образные.

Ключевые слова: дискурс, когнитивно-стилистический метод, концептосфера, базовые и небазовые концепты, когнитивно-композиционная модель, средства образности.

Per varios usus artem experientia fecit:
exemplo monstrante viam.

Примеры поэтического дискурса английского поэта У. Шекспира, отраженные в цикле из 154-х сонетов (Folio, 1609), есть неложное свидетельство созданного поиском человеческого разума подлинного когнитивного и языковедческого искусства.

Как справедливо заметили в BBC News Magazine, “It’s amazing, don’t you think? Shakespeare is more popular today than he has been at any point since his death four centuries ago” [7].

Лингвистический потенциал поэтического дискурса английского поэта сегодня стало возможным исследовать с когнитивно-стилистических позиций.

Когнитивная наука представляет собой совокупность разнородных научных дисциплин, объединенных общей целевой задачей изучения, моделирования, имитации и совершенствования процесса познания действительности [6; 2; 1]. Ибо, как заметил М. Montaigne, “n’a pas les aspirations de plus naturel que le désir de la connaissance” (нет стремления более естественного, чем стремление к знанию).

Концепт является ключевым понятием настоящего когнитивно-стилистического исследования. Под концептом понимается “явление культуры, родственное “понятию” в логике, психологии и философии, исторически — “идеям” Платона, — пишет Ю. С. Степанов. — Осуществление концепта — это прежде всего его имя, но часто, притом в самых важных случаях, просто фраза, целое высказывание, бытовое, музыкальное или живописное, картина или даже нечто несловесное, ‘недискретное’” [5, с. 4]. Можно утверждать, что “концепт не обязательно имеет языковое выражение, — существует много концептов, которые не имеют устойчивого названия и при этом их концептуальный статус не вызывает сомнения” [4, с. 35].

Концепты как глобальные мыслительные единицы являются идеальными сущностями, которые формируются в сознании человека (Попова, Стернин), и выполняют ключевую роль в формировании когнитивно-стилистической базы дискурса, а в поэтическом дискурсе их значение носит особый характер, поскольку они предопределяют его образную систему.

Область знаний, составленная из концептов как её единиц, представляет собой *концептосферу*. Впервые это лингвистическое понятие формулирует Д. С. Лихачев. “Концептосфера” в его понимании — это “совокупность потенций, открываемых в словарном запасе как отдельного человека, так и всего языка в целом”, “между концептами существует связь, определяемая уровнем культуры человека, его принадлежностью к определенному сообществу людей, его индивидуальностью” [3].

Ниже будет отражена попытка описать в весьма кратком, по необходимости, виде концептосферу сонетного дискурса У. Шекспира. Она является структурированным образованием и включает в себя разные виды концептов, находящихся между собой в тесном взаимодействии.

Таблица 1

1. Love / Любовь (121)	19. Praise / Хвала (22)
2. Heaven / Небо (107)	20. Will / Желание (21)
3. Time / Время (60)	21. Flowers / Цветы (20):
4. Beauty / Красота (59)	22. Warfare / Война (17)
5. Truth / Истина (53)	23. Power / Мощь (16)
6. World / Мироздание (51)	24. Knowledge / Знание (16)
7. Joy / Радость (51)	25. Change / Изменение (15)
8. Death / Смерть (51)	26. Family / Семья (14)
9. Eyeing / Взгляд (50)	27. Friendship / Дружба (13)
10. Life / Жизнь (48)	28. Newness / Новое (13)
11. Verse / Поэзия (47)	29. Loneliness / Одиночество (13)
12. Nature / Природа (47)	30. Man / Человек (12)
13. Body / Тело (35)	31. Brain / Ум (12)
14. Finance / Финансы (28)	32. Court / Суд (12)
15. Word / Речь (27)	33. Music / Музыка (10)
16. Illness / Болезнь (27)	34. Memory / Память (8)
17. Heart / Сердце (26)	35. Antiquity / Античность (7)
18. Ageing / Старение (24)	36. Colour / Цвет (7).

При анализе дискурсивного цикла сонетов мною выделено в совокупности около 500 концептов — базовых и небазовых. Среди них базовыми — по признакам когнитивно-семантической значимости и частотности использования — являются приводимые в Таблице 1 тридцать шесть концептов. Из них сущностными базовыми концептами оказываются, на наш взгляд, первые двенадцать. В скобках указывается — по мере убывания — приблизительное количество сонетов в цикле из 154 поэтических дискурсов, в которых данный концепт непосредственно встречается.

Простой взгляд на перечень наиболее значимых базовых концептов У. Шекспира может дать представление о поистине вселенском масштабе его когнитивного мирознания.

Это подтверждается и перечнем дополнительных 83-х небазовых концептов, неоднократно актуализированных в дискурсах сонетов английского поэта (в алфавитном порядке), и среди них, например, Award / Награда, Birds / Птицы, Birth / Рождение, Blackness / Чернота, Blindness / Слепота, Blood / Кровь, Boat / Корабль, Care / Заботливость, Character / Характер, Child / Ребёнок, Cold / Холод, Compare / Сравнение, Contempt / Презрение, Cruelty / Жестокость, Darkness / Темнота, Depth / Глубина, Destiny / Судьба, Dream / Сон, Encounter / Встреча, Envy / Зависть, Error / Ошибка и иные.

Каждый дискурс сонета характеризуется присутствием в его концептуальном поле одновременно нескольких концептов: базовых и небазовых.

При формировании концептуального поля дискурсов реализуются несколько когнитивно-композиционных моделей.

1. Определённый концепт актуализируется в лингвистическом пространстве одного конкретного дискурса. При этом совокупное концептуальное поле формируется на основе 1–2-х концептов: один концепт базовый, а второй небазовый. В таких случаях данный небазовый концепт(-ы) далее не будет отмечаться в других сонетах цикла. Таковы, например, сонеты 79 и 111.
2. Концепт(-ы) формируется на основе суммарного концептуального поля ряда почти непосредственно следующих друг за другом серии дискурсов; при этом формируется своего рода цепочка когнитивно-семантических блоков. Такой когнитивно-композиционный принцип тематического представления концептов используется автором весьма широко. Например, серия из 6-ти сонетов: 108, 109, 111, 113, 117, 122.
3. Концепт (или концепты) охватывает (А) едва ли не всё концептуальное пространство сонетного цикла целиком, либо (Б) распространяется на его весьма определённую и значительную часть.
(А) Подобную реализацию обоих способов в концепте Love / Любовь можно наиболее наглядным образом выявить в сонетах 3, 8, 21, 25, 36, 40, 42, 56, 76, 89, 93, 96, 108, 116, 117, 130, 138, 142, 150, 152, 154.

- (Б) Ряд концептов — Time / Время, Beauty / Красота, Truth / Истина, World / Мироздание, Joy / Радость, Death / Смерть, Eyeing / Взгляд, Life / Жизнь, Verse / Поэзия, Nature / Природа — представлены в весьма значительной части сонетного цикла, составляя от одной трети до половины произведений от общего числа текстов. Таковыми являются сонеты 65, 127, 6, 31, 68, 74, 107, 146.

Речевые средства реализации концептосферы сонетных дискурсов можно разделить на две основные группы:

1/ стилистически нейтральные;

2/ стилистически окрашенные, или образные.

Ведущими стилистическими средствами при актуализации концептов оказываются сравнение и метафора, эпитет и олицетворение, каламбур и игра слов. Метафора, в частности, чаще всего выступает в развёрнутой форме.

Так, образ Музы в сонете 100, олицетворяющей и покровительницу поэзии и поэтов, и символ беспорочной и вечной красоты — концепты Love / Любовь, Art / Искусство, Verse / Поэзия, Beauty / Красота — сливается с образом возлюбленной самого поэта. Почти живая, Муза то молчит, то воспеваает песни, то, не старея и оставаясь всегда прекрасной, творит звучащие строки своих стихов:

Where art thou Muse that thou forget'st so long,
To speak of that which gives thee all thy might?
Spend'st thou thy fury on some worthless song,
Darkening thy power to lend base subjects light?
Return forgetful Muse, and straight redeem,
In gentle numbers time so idly spent;
Sing to the ear that doth thy lays esteem
And gives thy pen both skill and argument.
Rise, resty Muse, my love's sweet face survey,
If Time have any wrinkle graven there;
If any, be a satire to decay,
And make time`s spoils respiced every where.

Give my love fame faster than Time wasyes life,

So thou prevent'st his scythe and crooked knife. (100)

Повтор, имеющий целью логико-смысловое и эмоциональное усиление смысла высказывания, является весьма распространённым и, можно сказать, едва ли не излюбленным стилистическим приёмом в дискурсах сонетов. Таковым является, например, лексико-семантический повтор слов heart и eye:

Mine eye and heart are at a mortal war,
How to divide the conquest of thy sight;
Mine eye my heart thy picture's sight would bar,
My heart mine eye the freedom of that right.
My heart doth plead that thou in him dost lie,-

<...>

A quest of thoughts, all tenants to the heart;

<...>

The clear eye's moiety, and the dear heart's part:

As thus; mine eye's due is thy outward part.

And my heart's right, thy inward love of heart. (46)

Среди других дистинктивных особенностей сонетной образности можно указать определённую стилистическую манерность, использование эвфуизмов (сонеты 130, 87); присутствие аллюзий и примеров из текстов Священного Писания Нового Завета и Ветхого Завета (сонеты 16, 43, 52 (3), 53, 56, 58, 59 (2), 82, 84, 92, 93, 94, 95, 106, 108 (2), 110, 111, 114, 119 (2), 120, 122 (2), 124, 125 (2), 127 (2), 128 (2), 129, 130, 141, 144 (15), 145 (3), 147, 152 (2), 153, 154); включение аллюзий и артефактов из древнегреческой и римской мифологии Античной эпохи (сонеты 53, 55, 62, 119, 153, 154); наличие стилистически сниженной лексики, включая элементы просторечия (эпиграмматические строки в сонетах 90, 111, 118, 134); употребление специальных терминов из различных сфер человеческого знания (философии, юриспруденции, коммерции и торговли, медицины, живописи, материаловедения, мореплавания, техники и ремёсел, кулинарии) (сонеты 4, 67, 74, 120, 126, 146).

Сонетное богатство У. Шекспира поистине неисчерпаемо, и дискурсы цикла из 154 сонетов по-прежнему затрагивают умы и сердца исследователей. "Shakespeare comes late in the sonnet tradition. — Пишет современная американская исследовательница поэтического дискурса английского поэта Хелен Вендлер. — And he is challenged by that very fact to a display of virtuosity, since he is competing against great predecessors. His thematic originality in his *dramatis personae* makes his sequence new in the Western lyric" [8, p. 19].

Приведённый выше анализ концептосферы поэтического дискурса в сонетах У. Шекспира, надеюсь, это вполне и убедительно подтверждает.

Список литературы:

1. Когнитивные исследования языка. Вып. XVIII. Язык, познание, культура; методология когнитивных исследований. Материалы международного конгресса по когнитивной лингвистике. 22–24 мая 2014 года. Москва — Тамбов — Челябинск, 2014. 868 с.
2. Лакофф Дж. Когнитивное моделирование. Язык и интеллект. М.: "Прогресс", 1996. 416 с.
3. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка (статья) // Известия РАН. Сер. лит. и яз. М., 1993. Т. 52, №1. С. 3–9.
4. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. Лингвистика и межкультурная коммуникация. Золотая серия. М.: АСТ: Восток — Запад, 2010. 314 с.
5. Степанов Ю. С. Концепты. Тонкая плёнка цивилизации. М.: Языки славянских культур, 2007. 248 с.

6. Fodor J. *Concepts: Where Cognitive Science Went Wrong*. Clarendon Press: Oxford. New York: Oxford University Press, 1998. 174 pp.
7. Gompertz W. Why is Shakespeare more popular than ever? / Will Gompertz. BBC News Magazine's email newsletter. April 23, 2016.
8. Vendler H. *The Art of Shakespeare's Sonnets*. The Belknap Press of Harvard University Press. Cambridge, Massachusetts — London, England, 1997. 672 pp.

Сведения об авторе:

Шпетный Константин Иванович, к.ф.н., профессор кафедры стилистики английского языка факультета английского языка, Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия; e-mail: kon5804@yandex.ru

CONCEPTOSPHERE OF THE VERSE DISCOURSE IN THE SONNETS OF WILLIAM SHAKESPEARE

Constantine I. Shpetny

PhD, Professor of the Stylistics Chair at the Department of the English Language at Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia; e-mail: kon5804@yandex.ru

Abstract

Cognitive and linguostylistic features of the verse discourse in the sonnet cycle of the English poet W. Shakespeare are under research. The conceptosphere of the discourse is an aggregate body of specified concepts in the pieces of speech under consideration. Being core units of thought processing concepts are considered ideal essence entities in the human mind. They play a key role in building up the cognitive-stylistic base of the discourse, and their specific reference in the poetic discourse is immediately related to its overall imagery organisation. 500 sonnet concepts are singled out, and they are divided into base and non-base ones. Three cognitive and compositional patterns of apportionment and interaction of concepts are described. Language means and devices for the actualisation of the conceptosphere in the sonnet cycle are presented as neutral and imagery.

Key words: discourse, cognitive-stylistic method, conceptosphere, base and non-base concepts, cognitive and compositional pattern, means of imagery.

References:

1. Kognitivnye issledovanija jazyka [Cognitive Studies of Language] (2014). *Vyp. XVIII. Jazyk, poznanie, kul'tura; metodologija kognitivnyh issledovanij. Materialy mezhdunarodnogo kongressa po kognitivnoj lingvistike. 22–24 maja 2014 goda* [Language, Cognition, Culture, Methods of Cognitive Studies. The Proceedings of the International Congress on Cognitive Linguistics]. Moskva — Tambov — Cheljabinsk.

2. Lakoff, G. (1996). Kognitivnoe modelirovanie [Cognitive Modelling]. *Jazyk i intellect [Language and Intelligence]*. М.: “Progress”.
3. Lihachev, D. S. (1993). Konceptosfera russkogo jazyka [Concepts in the Russian Language]. *Izvestija RAN. Ser. lit. I jaz. M.*, T. 52, №1. S. 3–9.
4. Popova, Z. D., and Sternin, I. A. (2010). Kognitivnaja lingvistika [Cognitive Linguistics]. *Lingvistika i mezhkul'turnaja komunikacija. Zolotaja serija [Linguistics and Cross-Cultural Communication. The Golden Series]*. М.: AST: Vostok — Zapad.
5. Stepanov, Ju. S. (2007). Koncepty. Tonkaja pljonka civilizacii [Concepts. The Thin Wrapping of the Civilization]. М.: Jazyki slavjanskih kul'tur.
6. Fodor, Jerry (1998). Concepts: Where Cognitive Science Went Wrong. Clarendon Press: Oxford. New York: Oxford University Press.
7. Gompertz, Will (2016). Why is Shakespeare more popular than ever? *BBC News Magazine's email newsletter*. April 23.
8. Vendler, Helen (1997). *The Art of Shakespeare's Sonnets*. The Belknap Press of Harvard University Press. Cambridge, Massachusetts — London, England.

Дискурс в субъектноцентрической перспективе: Марсель Райх-Раницкий

Т. В. Юдина

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

В. О. Федоровская

Первый Московский государственный медицинский университет
им. И. М. Сеченова

Аннотация

В статье развиваются теоретические положения, которые концентрируются на выявлении роли субъекта и его влияния на процесс становления и оформления определенного дискурса. Основное внимание сосредоточено на следующих вопросах: Какие факторы формируют тот или иной дискурс? Какую роль играет актуальная временная соотношенность дискурсивных реализаций? В какой степени влияние личности может трансформировать дискурсивные конвенции? Материалом для анализа послужило творчество ведущего немецкого литературного критика XX века — Марселя Райх-Раницкого (1920–2013), который дал импульс новому направлению литературной критики и способствовал тем самым развитию нового направления в немецком общественном дискурсе.

Ключевые слова: дискурс, субъектноцентрическая перспектива дискурса, дискурсивный анализ, аргументативные стратегии, Марсель Райх-Раницкий, Гюнтер Грасс.

В нашем подходе к анализу и систематизации материала мы ориентируемся на традиции европейской школы дискурса, фундамент которой заложил М. Фуко [3]. В последние годы интенсивно разрабатываются новые, в том числе постструктуралистские подходы к дискурсу и специально обобщаются те направления исследования дискурса, которые сформировались уже после Фуко [9].

В русле европейской традиции анализа дискурса работает, в частности, Д. Буссе. В этом смысле наиболее показательным является его анализ “дискурса Европы”. Буссе осуществляет соединение “общественного знания” (gesellschaftliches Wissen) с его лингвистической рефлексией и развивает концепцию взаимодействия контекстов (Kontextualisierung zusammenhänge) [6, с. 82]. Большое внимание формирующей дискурс тесной взаимосвязи между языком, историей и субъектом с позиции структурализма уделяет П. Серию [1, с. 33].

Если исходить из понимания дискурса как совокупности высказываний, текстов, разножанровых медийных форм презентации материала, которые объединены общей темой, общей идеей и единством интенции, то открывается перспектива, в которой разворачивается субъектноцентрический дискурс, то есть дискурс, в формировании которого центральная роль принадлежит субъекту. Здесь следует сделать акцент на таком основополагающем признаке дискурса, как его имманентность и незавершенность.

Марсель Райх-Раницкий инициировал в Западной Германии после Второй мировой войны новую традицию литературной критики. Литературно-критическая деятельность Райх-Раницкого, которая стала примером трансформации жанра от академизма к публицистике, создала особую коммуникативную сферу и одновременно открыла большие возможности для интерпретативной сферы.

Основными характеристиками сформированной коммуникативной сферы являются:

1. разножанровость / полимедийность,
2. взаимосвязь литературного процесса, истории и общественного процесса,
3. многоплановое диалогическое взаимодействие / вовлечение в диалог широкой аудитории,
4. резонансная реакция / создание дискурсивного пространства [4; 5],
5. темпоральная соотнесенность / незавершенность.

Мы выдвигаем тезис, в соответствии с которым Райх-Раницкий через свое творчество в определённом смысле изменил существовавшие коммуникативно-риторические стратегии, нарушив в какой-то степени устоявшиеся конвенции, конвенции, которые в соответствии с теорией речевых актов являются основой социального взаимодействия [8]. Смена коммуникативно-риторической стратегии, как правило, сигнализирует об изменениях общественно-политических. В рассматриваемый период

как раз и наблюдается корреляция общественного контекста Германии и нового литературно-критического дискурса.

Особое место в том дискурсивном пространстве, которое создал Райх-Раницкий, занимает его критика Гюнтера Грасса и его полемика с Гюнтером Грассом. Эта полемика разворачивается как столкновение аргументаций. Границы авторской позиции критика при этом нередко размываются чисто личным, субъективным отношением персоны Райх-Раницкого. Как показывает исследуемый материал, используемый критиком прием интеллектуальной провокации и усложненной аргументации, приводил к поляризации мнений. При этом следует иметь в виду, что степень усложненности аргументации, как правило, соответствует сложности механизмов общественного взаимодействия.

Основными риторическими приемами аргументативной стратегии Райх-Раницкого наряду с сознательно используемой театральностью являются:

1. Четкая аргументационная структура рецензий, подчиняющаяся интенции автора — обоснованию положительного или отрицательного мнения о конкретном произведении.
2. Опора на правила античной риторики при линейном развертывании аргументации. Вывод / заключение Райх-Раницкий формулирует в первом абзаце / в первом предложении рецензии. Далее происходит подкрепление заключения доводами, анализ которых показывает, что они не произвольны, а основываются на собственной системе аксиологических критериев, выработанной Райх-Раницким [2]. В последнем абзаце рецензии приводится самый сильный довод.

Первое предложение первой рецензии Райх-Раницкого на произведение Грасса — всемирно известный роман “Жестяной барабан” — уже содержит вывод: “*Der zweiunddreißig Jahre alte Günter Grass, dessen ungewöhnlich lauter und in die Länge gezogener Trommelwirbel den Enthusiasmus der gesamten deutschen Kritik hervorgerufen hat, ist tatsächlich ein geborener, wenn auch vorläufig noch keineswegs ein guter Erzähler.*” [7, с. 13] — “Гюнтер Грасс — прирожденный рассказчик, но хорошим рассказчиком его пока никак назвать нельзя”.

В предпоследнем абзаце рецензии Райх-Раницкий приводит самый сильный довод: “*Auch ist die geradezu kindische Wonne, die dem Autor seine Provokationen bereiten, recht bedenklich. Sartre sagte einmal, die Worte des Schriftstellers seien ‘geladene Pistolen’ und der Schriftsteller müsse ‘wie ein Mann auf ein Ziel schießen und nicht wie ein Kind auf gut Glück, mit geschlossenen Augen und nur, um vergnügt das Knallen zu hören.’*” [7, с. 17–18].

Критик обвиняет Грасса в отсутствии интереса к важнейшим социальным проблемам и желании прославиться за счет провоцирования публики. Райх-Раницкий прибегает к проверенному полемическому приему — психологическим доводам (доводу к человеку и ссылке на авторитет). Довод к человеку сводится к тому, что Грассу, по сути, вменяется

инфантильность. В качестве ссылки на авторитет используется цитата Ж.-П. Сартра, развивавшего идею ангажированной, то есть социально значимой литературы. Аргументация подкрепляется использованием метафоры (ребенок, стреляющий наугад с закрытыми глазами и приходящий в упоение от услышанного хлопка), рождающей ассоциацию с глупой провокацией.

3. *Использование энтимематической аргументации*, где опускается один из элементов аргумента, что позволяет реципиенту самостоятельно сформулировать вывод на основе выявления имплицитных компонентов рассуждения. Данный прием значительно повышает персуазивный потенциал рецензии.
4. *Использование средств усиления аргументации, воздействующих на эмоциональную сферу реципиента* (ирония и сарказм, метафоры, оценочные прилагательные, повторы, аллитерация, множественное возвеличения, категоричный тон и др.).

В целом полемика с Грассом несет прототипические черты, поскольку именно в диалоге с ним Райх-Раницкий вырабатывает оценочные критерии и стратегии аргументации, которые позже находят применение в анализе творчества многих других авторов.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что исключительный статус М. Райх-Раницкого позволял ему развивать литературно-критический дискурс путем продвижения собственных представлений о задачах, критериях и методах критики. Райх-Раницкий создал собственный дискурс как субдискурс литературно-критического и публичного дискурса современной Германии. Его проблематика выходит за рамки литературной критики и затрагивает ряд важнейших аспектов развития культуры Германии второй половины XX — начала XXI века.

Список литературы:

1. Серио П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса. М.: ОАО ИГ “Прогресс”, 1999. С. 12–53.
2. Федоровская В. О. Марсель Райх-Раницкий: жизнь, метод, дискурс: монография / В. О. Федоровская, вступ. ст. Т. В. Юдиной. М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. 144 с.
3. Фуко М. Археология знания: Пер. с фр. С. Митина, Д. Стасова / Общ. ред. Бр. Левченко. Киев: Ника-Центр, 1996. 208 с.
4. Юдина Т. В. Теория общественно-политической речи. М.: Изд-во МГУ, 2001. 160 с.
5. Юдина Т. В. Теория дискурса в субъектноцентрической перспективе // Марсель Райх-Раницкий: жизнь, метод, дискурс: монография / В. О. Федоровская. М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. 4–12.
6. Busse D. Diskurslinguistik als Kontextualisierung — Sprachwissenschaftliche Überlegungen zur Analyse gesellschaftlichen Wissens // Diskurslinguistik nach Foucault: Theorie und Gegenstände / I. H. Warnke. Berlin: de Gruyter, 2007. S. 81–105.
7. Reich-Ranicki M. Unser Grass. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 2005.

8. Searle J.R. Die Konstruktion der gesellschaftlichen Wirklichkeit: zur Ontologie sozialer Tatsachen. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt-Taschenbuch-Verlag, 1997.
9. Warnke I.H. Diskurslinguistik nach Foucault: Theorie und Gegenstände. Berlin: de Gruyter, 2007.

Сведения об авторах:

Юдина Татьяна Владимировна, д. ф. н., профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия; e-mail: twyudina@rambler.ru

Федоровская Викторья Олеговна, к. ф. н., доцент, Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова, Москва, Россия; e-mail: v.fedorovskaja@inbox.ru

**THE PERSONALIZED PERSPECTIVE ON DISCOURSE:
MARCEL REICH-RANICKI**

Tatiana V. Yudina,

Doctor of Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; e-mail: twyudina@rambler.ru

Victoria O. Fedorovskaya,

Candidate of Philology, Associate Professor, Sechenov First Moscow State Medical University, Moscow, Russia; e-mail: v.fedorovskaja@inbox.ru

Abstract

The article is devoted to theoretical propositions that focus on identifying the role of the subject and its impact on the formation and formalization of a particular discourse. The focus is on the following questions: What are the factors that form a discourse? What role does the actual time correlation of discourse realizations play? In what degree the impact of the individual can transform the discourse conventions? Material for analysis was the work of leading German literary critic of the XX century — Marcel Reich-Ranicki (1920–2013), who gave the impulse to a new trend of literary criticism and contributed thereby to the development of a new direction in the German public discourse.

Key words: discourse, personal aspects of the discourse structure, discourse analysis, argument strategies, Marcel Reich-Ranicki, Günter Grass.

References:

1. Sériot, P. (1999). Kak chitaiut teksty vo Frantsii [How do they read texts in France] In: Kvadratura smysla. Frantsuzskaia shkola analiza diskursa [Meaning's quadrature. French school of discourse analysis]. Moskva: OAO IG Progress, 12–53.
2. Fedorovskaya, V. O. (2016). Marsel' Raikh-Ranitskii: Zhizn', metod, diskurs: monografiia [Marcel Reich-Ranicki: life, method, discourse]. Moskva: FLINTA: Nauka.

3. Foucault, M. (1996). *Arkheologiya znaniia* [The Archaeology of Knowledge]. Kiev: Nika-Tsentr.
4. Yudina, T. V. (2001). *Teoriia obshchestvenno-politicheskoi rechi* [Theory of socio-political speech]. Moskva: MGU.
5. Yudina, T. V. (2016). *Teoriia diskursa v sub'ektnotsentricheskoi perspektive* [Discourse theory: personalized perspective]. In: Fedorovskaya, V. O. (2016). *Marsel' Raikh-Ranitskii: Zhizn', metod, diskurs: monografiia* [Marcel Reich-Ranicki: life, method, discourse]. Moskva: FLINTA: Nauka. 4–12.
6. Busse, D. (2007). *Diskurslinguistik als Kontextualisierung — Sprachwissenschaftliche Überlegungen zur Analyse gesellschaftlichen Wissens // Diskurslinguistik nach Foucault: Theorie und Gegenstände / I. H. Warnke*. Berlin: de Gruyter.
7. Reich-Ranicki, M. (2005). *Unser Grass*. München: Deutscher Taschenbuch Verlag.
8. Searle, J. R. (1997). *Die Konstruktion der gesellschaftlichen Wirklichkeit: zur Ontologie sozialer Tatsachen*. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt-Taschenbuch-Verlag.
9. Warnke, I. H. (2007). *Diskurslinguistik nach Foucault: Theorie und Gegenstände*. Berlin: de Gruyter.

Секция 2
Политический дискурс
в зеркале языка

Политический дискурс в межкультурном контексте

С. А. Абрамян

Ереванский государственный университет

Аннотация

Для современного политического дискурса в межкультурном контексте характерны две основные тенденции: одна направлена на установление взаимопонимания и сотрудничества, другая носит конфликтный, а порой и агрессивный характер. Превалирование одной из них зависит от акторов, контекста и ситуации общения. Кроме того, политический дискурс характеризуется высокой степенью манипулятивности, что зачастую входит в противоречие с общепринятыми коммуникативными постулатами и принципами. Порой, желая не допустить провоцирования межнациональных конфликтов, а очень часто и исходя из интересов своих стран, политические лидеры прибегают к тактике маневрирования, избегания называния вещей своими именами. Это может приводить к коммуникативным сбоям как внутри данной лингвокультурной общности, так и в межкультурном и межнациональном общении.

Ключевые слова: политический дискурс, межкультурный контекст, коммуникативные модели, стратегия персуазивности, коммуникативная неудача.

Современные условия мирового развития характеризуются двумя противоречивыми тенденциями — углублением процессов глобализации, интеграции и нивелирования национально-культурных границ, с одной стороны, и ростом антиглобалистских настроений, усилением движений в защиту национального суверенитета, стремлением к национальной самостоятельности, сохранению национальной самобытности, ценностей и традиций, с другой. Развитие этих процессов может приводить и приводит к межэтническим и межнациональным противоречиям и конфликтам, в преодолении которых важная роль принадлежит политическому дискурсу и шире — политической коммуникации. С этой точки зрения весьма актуальным представляется изучение современного политического дискурса в межкультурном контексте, выявление в речах политических деятелей тех принципов, стратегий и тактик, которые они используют при построении межкультурных взаимоотношений.

Политический дискурс, имеющий манипулятивную специфику, является особым типом персуазивного (убеждающего) коммуникативно-речевого действия, цель которого заключается в том, чтобы путем речевого воздействия вызвать когнитивные изменения в картину мира адресата и как следствие этого то или иное отношение/действие адресата именно в интересах отправителя сообщения, не обязательно совпадающее

с интересами адресата. При этом адресат часто не распознает эту коммуникативную установку на управление его поведением или мнением [3, с. 25–26].

Согласно Р. Водак, среди используемых в политическом дискурсе стратегий и тактик, в качестве важнейшей выступает стратегия персуазивности, направленная на убеждение адресата в поддержке определенной программы, позиции или действий. Поэтому все жанры политического дискурса включают в себя персуазивные элементы, направленные на принятие идей и действий говорящего [5, с. 582–583].

В политическом дискурсе в межкультурном контексте наблюдаются две тенденции: одна направлена на установление взаимопонимания и сотрудничества, другая носит конфликтный, а порой и агрессивный характер. Превалирование той или иной тенденции зависит от контекста и ситуации общения. Во втором случае политический дискурс осуществляется в рамках коммуникативной модели “свой — чужой”, соответственно конструкция “мы — они” (we — they, us — them) выступает в качестве основной, при которой “своим” обычно приписываются положительные характеристики, а “чужим” — отрицательные. При этом используются разные методы для подчеркивания положительных “своих” и плохих “чужих” качеств, в том числе синтаксические, лексические, стилистические [4, с. 103].

Для политического дискурса характерна метафоризация действительности. Например, метафоры используются в качестве аргументов для легитимизации ограничений иммиграции, которая зачастую представляется в таких терминах как floods, waves и др., имеющих коннотации неконтролируемости, разрушительности и т.д. Беженцы и другие иммигранты обычно сравниваются с “потоками”, “наводнившими” страну.

Схему коммуникации в политическом дискурсе можно представить следующим образом: факт/явление → интерпретация → образ → восприятие → стереотипное представление. Постоянный стереотипный повтор образов того или иного факта или явления приводит к созданию стереотипов в общественном сознании, которые постоянно воспроизводятся в политическом дискурсе и в СМИ и даже закрепляются в словарях.

Поскольку межкультурное общение, по Е. Ф. Тарасову, представляет собой “случай функционирования сознания в аномальных (“патологических”) условиях, когда отсутствует оптимальная общность сознаний коммуникантов” [2, с. 30], эффективность коммуникации зависит от реализации таких концептов как толерантность и политкорректность. Важную роль в политическом дискурсе играет эвфемизация, тем более, если учитывать, что эвфемизацию в политическом дискурсе можно рассматривать не только как средство нейтрализации и смягчения негативного эффекта высказывания, но и как стратегию уклонения от истины [4, с. 217]. В связи с этим актуальным представляется выяснение соотношений концептов ложь, правда, истина и исследование их отражения в политическом дискурсе.

Поскольку знания людей о мире политики, в том числе в сфере межэтнических и межнациональных отношений очень часто формируются или корректируются самим политическим дискурсом, эффективность политической коммуникации зависит от того, какой компонент в схеме *знаю — понимаю, не знаю — но догадываюсь, не знаю — не догадываюсь* будет превалировать. Важное значение в политической коммуникации имеют оценки и оценочные суждения, показывающие приоритеты проводимой политики. Коррекция образа мира реципиента для обеспечения поддержки позиции и действий автора сообщения может быть достигнута разными коммуникативными стратегиями и тактиками, среди которых для политического дискурса важную роль играют персуазивность и аргументативность.

Все жанры политического дискурса включают в себя персуазивные (аргументативные) элементы, направленные на принятие идей и действий говорящего. Специфика политической аргументации заключается в том, что она тяготеет к ценностным аргументам. Использование в номинативной аргументации концептов и ценностей, имеющих большую устойчивость и высокую частотность употребления обеспечивает построение адресантом положительного образа описываемой ситуации, соответствующего иллюкативной цели высказывания. Однако, исходя из прагматических факторов, некоторые принципы и концепты могут в определенном промежутке времени отодвигаться на периферийные позиции. Например, в современных условиях для некоторых стран необходимость контролирования миграционных процессов оказывается более актуальной, чем соблюдение принципов толерантности и открытости.

Специфичность политической коммуникации, особенно в условиях глобализации, заключается, помимо прочего, и в том, что ее реализация в отдельно взятом лингвокультурном сообществе зачастую затрагивает межкультурный контекст, причем в самых разнообразных сочетаниях, что не может не создавать дополнительные трудности для взаимопонимания. Возможные модели политической коммуникации в контексте одной и более лингвокультур могут включать следующие схемы: адресант — текст (дискурс) — адресат (принадлежащий к той же лингвокультуре); адресант — текст (дискурс) — адресат (принадлежащий к другой лингвокультуре в рамках одного государства); адресант — текст (дискурс) — адресат (принадлежащий к другой лингвокультуре в рамках разных государств); адресант — текст (дискурс) — адресат (имеющий общий с адресантом язык, но принадлежащий к другой культуре в рамках разных государств); адресант — текст (дискурс) — адресат (состоящий из нескольких адресатов, принадлежащих к разным лингвокультурам в рамках разных государств) и т.д.

В ходе политической коммуникации возможны противоречия не только из-за различий когнитивных баз носителей разных культур, но

и стратегических и тактических целей и установок участников коммуникативного акта, осуществляющих первичную и вторичную коммуникативную деятельность. Кроме того, в политической коммуникации дополнительные сложности могут возникать в связи с тем, что у сообщения (текста) могут быть сразу несколько адресатов. В лингвокультурном контексте это требует от адресанта использования такого языкового и культурологического материала, который был бы понятен адресату, ибо неоднозначное или двусмысленное высказывание дает возможность для его произвольного интерпретирования со стороны адресата или адресатов и не обеспечивает его перлокутивный эффект.

Таким образом, для политического дискурса характерно использование разных манипулятивных практик. Сформулированный Г. П. Грайсом прагматический подход к принципам и нормам коммуникации основывался на известных коммуникативных максимах, подразумевающих, что вклад каждого из участников в коммуникативный процесс должен иметь правдивый, релевантный, законченный и недвусмысленный характер. Однако, манипуляции, используемые особенно часто в политической коммуникации, противоречат коммуникативным максимах и правилам коммуникации, и создают дополнительные трудности для эффективной коммуникации.

Список литературы:

1. Дейк Т. А. ван. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 344 с.
2. Тарасов Е. Ф. К построению теории межкультурного общения // Языковое сознание: формирование и функционирование. Сб статей. М., 1998. С. 30–34.
3. Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия. М.: Флинта: Наука, 2006. 136 с.
4. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М.: ИТДГК «Тнозис», 2004. 326 с.
5. Wodak R. Language and Politics // English Language: Description, Variation and Context. London: Palgrave Macmillan, 2009. P. 577–593.

Сведения об авторе:

Абрамян Самвел Абрамович, к. и. н., доцент, декан факультета романо-германской филологии, Ереванский государственный университет, Ереван, Армения; e-mail: samvel.abrahamyan@ysu.am

POLITICAL DISCOURSE IN INTERCULTURAL CONTEXT

Samvel A. Abrahamyan

Associate Professor, Dean of the Faculty of Romance and Germanic Philology, Yerevan State University, Yerevan, Armenia; e-mail: samvel.abrahamyan@ysu.am

Abstract

Modern political discourse in intercultural context is characterized by two main tendencies: one is directed towards the establishment of mutual understanding and cooperation, the other tends towards conflicts and aggressiveness. The predominance of one of them depends on actors, context and situation of communication. In addition, political discourse is characterized by high level of manipulation, which very often contradicts conventional postulates and principles of communication. At times political leaders trying not to provoke ethnic conflicts and very often acting in interests of their own countries resort to tactics of elusion and maneuvering and avoid calling things by their names. It can result in communication failure within the given linguocultural community as well as in intercultural communication.

Key words: political discourse, intercultural context, communication models, persuasive strategy, communicative failure.

References:

1. Dijk, van T. (2013). *Diskurs i Vlast. Representatsia Dominirovania v Yazyke i Kommunikatsii* [Discourse and Power. The Representation of Dominance in Language and Communication]. Moskva: Knizhniy dom LIBROKOM.
2. Tarasov, E. F. (1998). *K postroeniiu teorii mezkhkul'turnogo obshcheniia* [Towards the Construction of a Theory of Intercultural Communication]. *Yazikovoe soznanie: Formirovanie i funktsionirovanie* [Language consciousness: formation and functioning], 30–34.
3. Cherniavskaia, V. E. (2006). *Diskurs vlasti i vlast diskursa: problemy rechevogo vozdeistviia* [The discourse of power and the power of discourse: problems of speech influence]. Moskva: Flinta: Nauka.
4. Sheigal, E. I. (2004). *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of Political Discourse]. Moskva: Gnozis.
5. Wodak, R. (2009). *Language and Politics. English Language: Description, Variation and Context*. London: Palgrave Macmillan, 577–593.

СУБЪЕКТИВНАЯ МОДАЛЬНОСТЬ НЕМЕЦКОГО НОВОСТНОГО МЕДИАТЕКСТА

Т. Н. Александрова

Вологодский государственный университет

Аннотация

Новостной медиатекст — разновидность политического дискурса, цель существования которого — завоевание, сохранение и осуществление политической власти. В выполнении потребностей власти большую

роль играют электронные массмедиа, в том числе медиатексты. Материалом для исследования послужили новостные сообщения *Frankfurter Allgemeine* по теме “Выборные процессы”. В создании политической картины мира участвуют средства субъективной модальности, которая понимается как отношение говорящего к сообщаемому. Типична ссылка журналистов на отправителя информации: цитирование политиков в форме прямой, несобственно-прямой и косвенной речи. Кандидаты на высокий пост США и ФРГ используют различные тактики и стратегии: манипуляция, самопрезентация, угрозы, обвинения, которые реализуются с помощью таких лексических единиц как *Manipulation, Wahlkampf, Abwahl von Kanzlerin, Wahlbeeinflussung, Cyberkrieg* и грамматических форм (личное местоимение, модальные глаголы, модальные слова, вопросительные конструкции), имеющих оценочный характер. Они создают идеологические импликации и служат в качестве инструментов власти для манипуляционного воздействия.

Ключевые слова: субъективная модальность, медиатекст, выборы, манипуляция, власть.

Новостной медиатекст — разновидность политического дискурса, цель существования которого — завоевание, сохранение и осуществление политической власти [3, с. 220]. В выполнении потребностей власти большую роль играют электронные массмедиа. Одним из таких средств является новостной медиатекст как массовый вид политического дискурса, отражающий актуальные события и доступный широкой аудитории. В задачу данной работы входит выяснить, какие модальные компоненты, а именно средства субъективной модальности, немецкого медиатекста участвуют в создании политической картины мира.

Модальность определяет способ нашего видения мира. Под субъективной модальностью понимается отношение говорящего к сообщаемому. Смысловую основу образует понятие оценки [2, с. 303]. Материалом для исследования послужили медиатексты *Frankfurter Allgemeine* (Aktuelle Nachrichten online — FAZ.NET) [4] по теме “Выборные процессы”. Отличительной особенностью онлайн-издания является наличие новостных сообщений в виде креолизованных текстов в краткой и развернутой форме с заголовочным комплексом (заголовки и подзаголовки). В медиатекстах активно используются ресурсы сильных позиций, прежде всего заголовки и подзаголовки, которые содержат аффективные лексические единицы и оценочные вопросительные предложения. Так, при освещении выборов американского президента в 2016 году в заголовочных структурах есть слова из военного лексикона, например, враг: Terrorismus Amerikas *Feind* hilft Trump (13.06.2016); третья мировая война: Vorwahlkampf in Amerika Trump spricht von “*drittem Weltkrieg*” mit *Russland* (22.03.2016). Немалый эффект создают абстрактные слова, типа

паника, когда журналист выносит чужое высказывание (прямая речь) на передний план: *“Zeit, in Panik auszubrechen?” Trump überholt Clinton erstmals in Umfragen* — (“Время впасть в панику?” Трамп впервые опережает Клинтон в опросах) (24.05.2016).

Для немецкого новостного медиатекста типична ссылка журналиста на отправителя информации. Цитируя политиков (прямая, несобственно-прямая, косвенная речь), он тем самым дистанцируется. Например, репортер ссылается на Дональда Трампа, сообщившего в твиттере о манипуляции выборов нечестными и односторонними СМИ, которые поддерживают лживую Хиллари, а также на многих избирательных участках — *Gleichwohl twitterte Trump nur kurze Zeit später am Sonntag: “Die Wahl wird ganz sicher manipuliert von den unehrlichen und einseitigen Medien, die die betrügerische Hillary unterstützen — und auch in vielen Wahllokalen — traurig.”* (17.10.2016). В этом же медиатексте журналист цитирует бывшего мэра Нью-Йорка Рудольфа Джулиани о нечестном поведении демократов: они оставляют умерших в избирательных списках, а потом людям платят за многократное голосование; мертвые выбирают демократов: *“Sie lassen Verstorbene auf den Wahllisten, und dann bezahlen sie Leute dafür, vier, fünf, sechs, sieben, acht, neun Mal an Stelle der Toten zu wählen” sagte der frühere New Yorker Bürgermeister Rudolph Giuliani dem Sender CNN. “Tote wählen grundsätzlich Demokraten”*. Как видим, в этих высказываниях дается негативная оценка американских СМИ и действий демократов (нечестность, манипуляция).

Новостные медиатексты информируют об особенностях точек зрения претендентов на высокую должность. Кандидаты демонстрируют отношение к личности, расхваливая себя (личное местоимение *ich*) и порицая соперника (конструкции с отрицанием и модальными глаголами). Так, Хиллари Клинтон считает себя подготовленной быть президентом: *“So wie ich vorbereitet bin, Präsidentin zu sein. Und ich glaube, das ist gut so.”* По мнению спикера, это типичная стратегия американских кандидатов на пост президента. Предположительно речь идет о заученной риторической фигуре — *“Das ist eine typische Strategie für amerikanische Präsidentschaftskandidaten”, sagt Katharina Walkling-Spieker. Vermutlich handelt es sich um eine einstudierte rhetorische Figur* (27.09.2016). Клинтон считает, что Трампу не позволительно иметь власть над ядерным оружием и ни в коем случае быть главой: *So jemand dürfe keine Macht über Nuklearwaffen haben und auf keinen Fall Commander in Chief sein* (29.09.2016). Здесь негативное отношение к сопернику выражено словами с отрицанием *kein*, конструкцией с модальным глаголом в конъюнктиве настоящего времени (конъюнктив I) *dürfen* и неопределенно-личным местоимением *jemand*, которые показывают, что не сам говорящий является источником этой информации. Конъюнктив I, по мнению В. Г. Адмони, выявляя косвенную речь, тем самым неизбежно выявляет и некоторое отмежевание говорящего от содержания приводимого им высказывания [1, с. 146].

Дональд Трамп также придерживается стратегии самопрезентации: говорит об успешном создании фирмы и тысяч рабочих мест, о желании перенести свой личный успех на Америку: *“Ich habe ein Unternehmen aufgebaut”, “Ich habe Erfolg”, “Ich habe tausende Arbeitsplätze geschaffen” — die Botschaft: Mein persönlicher Erfolg ließe sich auch auf Amerika übertragen* (27.09.2016). Что касается соперницы, Трамп намерен арестовать бывшего госсекретаря и первую леди: *Die ehemalige Ministerin und First Lady müsse inhaftiert werden*. Мнение Трампа, выраженное конструкцией с модальным глаголом *müssen* в презентной форме конъюнктива в сочетании с инфинитивом пассива *inhaftieren* (арестовать), означает высшую степень вероятного предположения, близкого к утверждению. Эта угроза Трампа посадить Клинтон в тюрьму, если она будет обвинять, вынесена в заголовочный комплекс: *Zweites TV-Duell Trump: Werde Clinton anklagen, sie wird im Gefängnis sein* (10.10.2016). В данном категорическом высказывании особенно ярко проявился модус персонажа: эмоционально-оценочное суждение.

Примечательно, что журналисты не редко обращаются к читателям с вопросами. Так, со ссылкой на политолога М. М. Дональда итог анализа результатов опроса людей на досрочных выборах в США подается как актуальная тенденция, задается вопрос (Кто в опросах впереди?) — ответ в конкретных цифрах: *Wer liegt in den Umfragen vorn? Hillary Clinton 262 Donald Trump 164*. Далее репортер поясняет, что согласно анализу политолога число латиноамериканцев во Флориде, обычно голосующих за демократов и пожелавших идти на выборы президента, выросло по сравнению с количеством людей на выборах в конгресс 2014 года. Делается предположение, что это число могло бы обрадовать Клинтон: *Eine Zahl, die Clinton erfreuen dürfte, schließlich liegt sie in dieser Wählerschicht uneinholbar vor Trump, der in seinem Wahlkampf immer wieder Latinos beleidigt hat* (22.10.2016). В несобственно-прямой речи адресанта, выраженной конструкцией с модальным глаголом *dürfen* в претеритной форме конъюнктива в сочетании с инфинитивом *erfreuen* (обрадовать), содержится предположение с большой долей уверенности.

В борьбе за политическую власть американское правительство осуществляет обвинительную тактику, например, оно обвиняет Россию в кибератаках на компьютерные системы политических организаций и других институтов и тем самым во вмешательстве в выборный процесс, Кремль оспаривает это: *Die amerikanische Regierung beschuldigt Russland, hinter einer Reihe von Angriffen auf Computersysteme politischer Organisationen und Institutionen zu stehen, und sich so in den Wahlkampf eingemischt zu haben*. Der Kreml streitet das ab (09.12.2016).

Аналогичная информация о кибератаках и обвинениях в адрес России перед предстоящими выборами в бундестаг 2017 года появилась в онлайн-издании F.A.Z. под броским привлекающим внимание подзаголовком: *Bundestagswahl Berlin fürchtet Cyber-Angriffe und Propagan-*

da aus Russland — (Выборы в бундестаг: Берлин опасается кибератак и пропаганды из России). Со ссылкой на ведомство канцлера идет предостережение: нет никакого сомнения, что Москва попытается повлиять на выборы в бундестаг: *Das Kanzleramt warnt: Es gibt keinen Zweifel, dass Moskau massiv versuchen werde, die Bundestagswahl zu beeinflussen* (04.12.2016). Предвзятые категорические формулировки используются в манипулятивных целях.

Наряду с Ангелой Меркель на пост канцлера в ФРГ претендует Мартин Шульц, выдвинутый кандидатом от социал-демократической партии. Он не хочет сильной конфронтации с Меркель, о чем гласит заголовочный комплекс: *Bundestagswahl Schulz will keine scharfe Konfrontation mit Merkel* (01.02.2017). По мнению Шульца, госпожа Меркель уже давно проводит социал-демократическую политику — *Schulz vertrat die Ansicht, dass die CDU-Vorsitzende längst SPD-Politik betreibe*, — поэтому гражданам следовало бы лучше выбрать оригинал — “а это я” — *Daher sollten die Bürger besser das Original wählen — “und das bin ich”*. Как видим, модальный глагол в конъюнктивной форме претерита *sollten* с инфинитивом *wählen* (избирать) передает оценочное суждение: настоятельное указание гражданам. В прямой речи немецкого политика неоднократно используется личное местоимение *ich*. Мартин Шульц идентифицирует себя как командный игрок и как первый среди равных — *“Ich bin ein ausgesprochener Teamspieler. Ich verstehe mich als Erster unter Gleichen”, sagte er* (01.02.2017).

Сохранить существующую власть в ФРГ пытаются всеми различными способами. Так, депутат бундестага, член христианско-демократического союза, отстаивая интересы партии ХДС, навязывает свое мнение о кибервойне России, считает Путина способным на манипуляции по не избранию Меркель на новый срок, что отражено в заголовке и подзаголовке: *Russlands Cyber-Krieg CDU-Politiker traut Putin Manipulationen zur Abwahl Merkels zu* (13.12.2016). Российскому президенту парламентарий приписывает не только организацию ложных известий в интернете (*die Organisation von Falschnachrichten im Internet zur Abwahl von Kanzlerin Angela Merkel im nächsten Jahr*), но и предпочтения другому правительству и другим партиям: *Der russische Präsident bevorzuge nach der Bundestagswahl 2017 eine rot-rot-grüne Regierung, weil er dann mit Merkel nichts mehr zu tun habe. “Eine besondere Nähe zu Russland haben nur Linke und die AfD”, sagte er. “Rot-Rot-Grün wäre für Putin sicher die Wunschkoalition”, fügte Grosse-Brömer hinzu* (13.12.2016). Со слов депутата Гроссе-Брёмера, для Путина, безусловно, была бы желаемой коалиция из социальных демократов, левых и зеленых (*Rot-Rot-Grün* — названия партий по их цвету). Это ирреальное желание выражено конъюнктивной формой *wäre* в претерите и модальным словом оценочного характера *sicher* (наверняка), что означает большую уверенность адресанта. Выбор таких аффективных лексических единиц как *Manipulation, Abwahl von Kanzlerin, Wahlbeeinflussung, Cyberkrieg* способствует созданию идеологических импликаций.

Таким образом, при освещении выборных процессов немецкий новостной медиатекст отличается широким спектром разноплановых и разноаспектных средств субъективной модальности: ссылка на источники информации в виде прямой, несобственно-прямой и косвенной речи политиков; употребление специфической лексики во взаимодействии с грамматическими формами (личное местоимение, модальные глаголы, модальные слова, вопросительные конструкции), которые имеют оценочный характер, создают идеологические импликации и служат в качестве инструментов власти для манипуляционного воздействия.

Список литературы:

1. Адмони В. Г. Синтаксис современного немецкого языка (система отношений и система построения). Ленинград: Наука, 1973. 368 с.
2. Лингвистический энциклопедический словарь. / Гл. ред. В. Н. Ярцева. Москва: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
3. Маслова В. А. Современные направления в лингвистике: учебное пособие. Москва: Академия, 2008. 272 с.
4. Frankfurter Allgemeine [Электронный ресурс]. URL: [http:// faz.net](http://faz.net) (дата обращения: 20.03.2017).

Сведения об авторе:

Александрова Тамара Николаевна, к. ф. н., доцент, Вологодский государственный университет, Вологда, Россия; e-mail: t_alexandrowa@mail.ru

SUBJECTIVE MODALITY IN GERMAN NEWS MEDIA TEXT

Tamara N. Alexandrova

Candidate of Philology, Associate Professor, Vologda State University, Vologda, Russia; e-mail: t_alexandrowa@mail.ru

Abstract

News media text is a type of political discourse, the aim of which is gaining, preserving and exercising political power. In meeting the requirements of power a great role is played by electronic media, including media texts. The article studies the language material on the topic "Elections" taken from *Frankfurter Allgemeine*. Means of subjective modality in media text are defined as the attitude of the speaker to the message and play a role in creating the political global landscape. References to the sender of the information are typical: politicians are quotes in direct, represented and reported speech. Runners for high office in the U.S. and in Germany use various verbal tactics and strategies: manipulation, self-presentation, threats, accusations, which are created with the help of such lexical units as *Manipulation*, *Wahlkampf*, *Abwahl von Kanzlerin*, *Wahlbeeinflussung*, *Cyberkrieg*, and grammar forms

(personal pronouns, modal verbs, modal words, interrogative constructions) with evaluative characteristics. They create ideological implications and are used as power instruments for manipulation.

Key words: subjective modality, news media text, election, manipulation, power.

References:

1. Admoni, V. G. (1973). Sintaksis sovremennogo nemeckogo yazyka (sistema otnoshenij i sistema postroeniya) [The Syntax of Modern German (Relationship System and Construction System)]. Leningrad: Nauka.
2. Lingvisticheskij ehnciklopedicheskij slovar'. (1990). [Linguistic Encyclopaedic Dictionary]. Moskva: Sovetskaya ehnciklopediya.
3. Maslova, V. A. (2008). Sovremennye napravleniya v lingvistike [Modern Trends in Linguistics]. Moskva: Akademiya.
4. Frankfurter Allgemeine. Retrieved 20 March, 2017 from [http:// faz.ne/](http://faz.ne/).

Лингвистический анализ и нравственно-этическая составляющая политического дискурса

(на примере высказываний американских политических деятелей)

В. С. Арутюнян

Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы отклонения от норм политической корректности в высказываниях американских политических деятелей (преимущественно избранного президента США Дональда Трампа) в призме социальной, расовой и гендерной политической корректности. Языковое наполнение и политический подтекст высказываний политических деятелей координально влияют на современную политическую конъюктуру общества. Автором приводятся многочисленные примеры высказываний, и проводится лингвистический анализ языковых единиц и структур, привносящих в речь оттенок сарказма, сексизма, расовой дискриминации и политической приверженности к определенным социальным идеалам, навязывания определенных политических представлений. Материалом исследования послужили высказывания в прессе, публичных дебатах и социальных сетях.

Ключевые слова: лингвистический анализ, политическая корректность, политический дискурс, этика, языковая норма, толерантность.

Как известно, ничто так не отражает реальную ситуацию общества как политический дискурс. Малейшие изменения ситуации на политической арене приводят к определенным сдвигам в политдискурсе. Особенно обостряется ситуация в период выборов — главного политического события в жизни все стран мира без исключения.

Сегодня мы будем говорить о нравственно-этической составляющей высказываний ряда американских политических деятелей (в числе которых президент США Дональд Трамп, кандидат от партии Демократов Хиллари Клинтон и бывший госсекретарь США Джон Керри) и, на примере лингвистического анализа и нравственно-этической оценки, рассмотрим данные высказывания в призме социальной, расовой и гендерной политической корректности.

Проблема политкорректности была, есть и будет одной из самых актуальных проблем современной действительности. В последнее время этот вопрос несколько обострился связи с нестабильной политической ситуацией в мире, осложненной проблемой терроризма и всеми вытекающими отсюда последствиями. Политические заявления на всех уровнях стали значительно жестче, по сравнению с историческим прошлым. В своих заявлениях политики не гнушаются ничем, “скатываясь” подчас к взаимным оскорблениям, вне зависимости от пола и возраста своего оппонента. Так, 45-й президент США Дональд Трамп, чьи цитаты будут проанализированы далее, неоднократно использовал непристойные образы в своих речах, что в прежнее время свидетелемствовало бы о низком морально-нравственном уровне говорящего.

Высказывания политических деятелей могут не содержать оскорбительных слов, вульгаризмов и др., однако внутренний подтекст может свидетельствовать об очень нелюбимых фактах и фактически свидетельствовать об оскорблении.

Говоря о тематической составляющей, безусловно, наиболее заслуживающими внимания являются вопросы политической, и, на сегодняшний день, сопряженной с ней расовой и эмигрантской тематики, гендерной и социальной сферы.

Перейдем непосредственно к разбору цитат и начнем, наверное, с самой яркой темы последнего года — темы выборов президента США. Какими только эпитетами не называли эти выборы, по мнению политтехнологов, это была, пожалуй, самая грязная политическая кампания, наполненная взаимными обвинениями, скандалами и упреками.

В целом для высказываний избранного президента США Дональда Трампа характерны следующие речевые приемы: повторы (как правило каждое выступление Трампа насыщено речевыми повторами, сопровождающимися определенными телодвижениями и мимикой), преимущественное использование коротких фраз (позволяющих донести идею даже до того сектора электората, чей уровень образования не достаточно высок), наличие клише, отсутствие толерантности при условии резкого негативного отношения к какой-либо личности или явлению, доходящее порой до арой агрессивности.

В целом в американском политическом дискурсе в последнее время появилась тенденция гневного лексикона. Еще в период предвыборной кампании, как, впрочем, и сразу же после нее, представители Демократической партии переняли ряд заимствований из речей Дональда Трампа, видоизменив их. Наиболее ярким из них является фраза *“Make America sick again”* (от оригинального главного девиза предвыборной кампании республиканца *“Make America great again”*). Трансформация произошла в ответ на решение Трампа остановить главную социальную программу периода президентства Барака Обамы относительно медицины, так называемую *Obamacare*.

Далее рассмотрим одно из высказываний, носящих явно выраженный гендерный подтекст, которое было высказано Трампом в отношении сооснователя и главного редактора американского интернет издания *“Huffington Post”* Адрианны Хаффингтон: *“She’s is unattractive both inside and out. I fully understand why her former husband left her for a man — he made a good decision”* [7]. Цитата явно свидетельствует о резко негативном отношении говорящего к госпоже Хаффингтон, хотя в ней отсутствуют какие-либо ненормативные выражения. Известно, что Дональд Трамп нетолерантен в отношении лиц нетрадиционной сексуальной ориентации, в связи с чем становится понятно, что, если, согласно его высказыванию, он поддерживает бывшего мужа госпожи Хаффингтон, это свидетельствует о сильном раздражении персоной Адрианны Хаффингтон.

Не менее интересным является высказывание в отношении Газалы Хан — матери американского военнослужащего, погибшего в Ираке. Многие аналитики считают, что цитата Трампа, касающаяся этой женщины, фактически раскрывает его отношение ко всем женщинам мусульманского происхождения. В июле 2016 года на общенациональном съезде Демократов, Газала Хан находилась рядом со своим мужем Хизром Ханом, когда тот подверг резкой критике кандидата на пост президента от Республиканской партии Дональда Трампа. Кандидат на пост президента парировал следующим образом: *“Look at his wife, she was standing there. She had nothing to say. She probably, maybe she wasn’t allowed to have anything to say. You tell me”* [1]. Цитата насыщена короткими конструкциями, повторами местоимения *she*, и, конечно же, самым ярким фрагментом фразы *“she wasn’t allowed to have anything to say”* практически номинирующий женщину как бессловесный, ничего не значащий объект. Позже Газала Хан заявила в одном из интервью, что не стала выступать в тот день из-за сильного эмоционального волнения.

Не менее заслуживающими внимания являются высказывания Трампа в отношении эмигрантов мексиканского происхождения. Возможно потому, что проблема миграции и беженцев остается наболевшим явлением во всем мире в результате политической нестабильности современного общества и неизбежно ведет общество к гуманитарной и социальной катастрофе, высказывания Дональда Трампа по этой проблематике довольно нелицеприятны. Так, 16 июля 2016 года, на пресс-конференции по поводу объявления своего намерения выдвигаться на пост президента США он следующим

образом высказался об эмигрантах *“When Mexico sends its people, they’re not sending their best ... They’re bringing drugs. They’re bringing crime. They’re rapists. And some, I assume, are good people”* [2]. Цитата практически сводит всех представителей мексиканской нации к уровню уголовников и правонарушителей, признав лишь небольшую часть населения достойными людьми.

Не менее критична реакция Трампа на американские спецслужбы, допускающие промахи в отношении эмигрантов. Так, по поводу новости о побеге из американской тюрьмы мексиканского наркодилера Эль Чапо, господин Трамп высказался в Твиттере *“Mexico’s biggest drug lord escapes from jail. Unbelievable corruption and USA is paying the price. I told you so!”* [6]. В данной цитате, как и в высказывании в отношении Газалы Хан присутствуют структуры *You tell me* и *I told you so!*, подчеркивающие значимость своей правоты для говорящего.

Два вышеприведенных высказывания в отношении мигрантов могут создать впечатление определенной нетерпимости говорящего по отношению к лицам иных национальностей, кроме своей, однако о противоположности этого свидетельствует следующая цитата, высказанная в отношении Китая: *“I’ve read hundreds of books about China over the decades. I know the Chinese. I’ve made a lot of money with the Chinese. I understand the Chinese mind”* [5, p. 199]. Эпитет *Chinese mind* может прозвучать с несколько националистическим подтекстом, однако в свете того, что было сказано непосредственно перед этим фрагментом, нивелирует этот подтекст.

Далее рассмотрим высказывания оппонента избранного президента США, представителя партии демократов Хиллари Клинтон. Высказывания госпожи Клинтон полны толерантности в отношении лиц нетрадиционной сексуальной ориентации. *“Gay people are born into, and belong to, every society in the world. They are all ages, all races, all faiths. They are doctors and teachers, farmers and bankers, soldiers and athletes. And whether we know it or whether we acknowledge it, they are our family, our friends, and our neighbors. Being gay is not a Western invention. It is a human reality”* [4]. Данная речь отличается сдержанностью, попыткой рассмотреть проблему сквозь призму личностного рассмотрения *“they are our family, our friends, and our neighbors”*, то есть попыткой максимально приблизить тему к каждому слушателю. В дальнейшем госпожа Клинтон несколько видоизменила свое высказывание, которое приобрело форму *“gay rights are human rights and human rights are gay rights”* и новая форма обрела несколько иной смысл. Видоизмененное выражение наполнено более открытым сочувствием к представителям сексуальных меньшинств, что с одной стороны, привлекло на ее сторону данный сектор электората, а с другой стороны активно обсуждалось и использовалось против нее ее противниками в предвыборной кампании.

Примечательны и высказывания бывшего госсекретаря США Джона Керри, так в мае 2002 года на съезде Демократической партии он произнес *“We must uphold the promise of Roosevelt, Truman, Kennedy, Johnson, Carter, and Clinton and never allow the President and his Republican friends to threaten Social*

Security by putting it on the Wall Street trading block” [3]. В данном высказывании социальные ценности нации в руках представителей Республиканской партии нивелируются и сводятся лишь к чистым ценностям бизнеса.

Подводя итоги вышесказанному, следует отметить, что современный политический дискурс в призме рассмотрения с точки зрения политкорректности многогранен и противоречив: нетерпимость к мнению политических противников, резкость высказываний, порой граничащая с грубостью и оскорблением, ложь — вот основные тенденции, заключенные в слова политических деятелей современности.

Список литературы:

1. Bump Ph. Donald Trump responds to the Khan family: “Maybe she wasn’t allowed to have anything to say”. *The Washington Post*. 2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/the-fix/wp/2016/07/30/> (дата обращения 12.12.2016).
2. Corasaniti N. Donald Trump to Visit Mexico After More Than a Year of Mocking It. 2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/2016/08/31/us/politics/donald-trump-mexico-enrique-pena/> (дата обращения 30.09.2016).
3. Kerry J. Quotations page. [Электронный ресурс]. URL: http://www.quotation-page.com/quotes/John_Kerry/ (дата обращения 19.12.2016).
4. Queer Voices. Hillary Clinton On Gay Rights Abroad: Secretary Of State Delivers Historic LGBT Speech In Geneva. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.huffingtonpost.com/2011/12/06/hillary-clinton-gay-rights-speech/> (дата обращения 18.12.2016).
5. Trump D. J. Donald J. Trump (@realDonaldTrump). [Электронный ресурс]. URL: <https://twitter.com/realdonaldtrump/status/620337666912059392/> (дата обращения 11.01.2017).
6. Trump D. J. Donald J. Trump (@realDonaldTrump). [Электронный ресурс]. URL: <https://twitter.com/realdonaldtrump/status/240462265680289792/> (дата обращения 23.12.2016).
7. Trump D. J. *The Art of the Deal*. Ballantine Books, 2015. p. 295.

Сведения об авторе:

Арутюнян Ванда Сергеевна, к. ф. н., доцент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, e-mail: wandaaru@mail.ru

LINGUISTIC ANALYSIS AND ETHICAL COMPONENT OF POLITICAL DISCOURSE (ON THE EXAMPLE OF AMERICAN STATESMEN’S SPEECHES)

Vanda S. Arutyunian

Candidate of Philology, Associate Professor of Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, e-mail: wandaaru@mail.ru

Abstract

The article deals with the problems of political correctness's violations in the speeches of American statesmen (primarily the elected president of the USA Donald Trump) in the context of social, racial and gender political correctness. The language content and the political subtext of the statements exert influence on modern political conjuncture of society. The author gives numerous examples of the statements and gives a linguistic analysis of the language units and structures bringing to the speech the hint of sarcasm, sexism, race discrimination and political commitment to definite social ideals and imposing of definite political ideas. The statements from press, political debates and social network services are used as examples.

Key words: linguistic analysis, political correctness, political discourse, ethics, language norm, tolerance.

References:

1. Bump, Ph. (2016). Donald Trump responds to the Khan family: "Maybe she wasn't allowed to have anything to say". *The Washington Post*. Retrieved 12 December, 2016 from <https://www.washingtonpost.com/news/the-fix/wp/2016/07/30/>.
2. Corasaniti, N. (2016). *Donald Trump to Visit Mexico After More Than a Year of Mocking It*. Retrieved 30 September, 2016 from <https://www.nytimes.com/2016/08/31/us/politics/donald-trump-mexico-enrique-pena/>.
3. Kerry, J. (2002). Quotations page Retrieved 19 December, 2016 from http://www.quotationspage.com/quotes/John_Kerry/.
4. Queer Voices. (2011). Hillary Clinton On Gay Rights Abroad: Secretary Of State Delivers Historic LGBT Speech In Geneva Retrieved 18 December, 2016 from <http://www.huffingtonpost.com/2011/12/06/hillary-clinton-gay-rights-speech/>.
5. Trump, D.J. (2015). *The Art of the Deal*. Ballantine Books.
6. Trump, D.J. (2012). Donald J. Trump (@realDonaldTrump). Retrieved 11 January, 2017 from <https://twitter.com/realdonaldtrump/status/620337666912059392>.
7. Trump, D.J. (2012). Donald J. Trump (@realDonaldTrump). Retrieved 23 December, 2016 from <https://twitter.com/realDonaldTrump/status/240462265680289792/>

Языковая игра как средство формирования образа политика в современной англоязычной публицистике

Н. Н. Асташкина

Московский государственный лингвистический университет

Аннотация

В данной работе рассматриваются явление языковой игры, используемое публицистами для описания политических деятелей и создания

заданного прагматического эффекта на потенциального читателя. Цель исследования — показать, как от выбора тех или иных лингвистических средств меняется характер и степень воздействия текста на читателя. В качестве объекта исследования были взяты статьи из журнала *The Economist* за 2016 год. С целью наиболее наглядного представления роли определенных компонентов языковой игры для анализа были выбраны статьи, в которых изображаемые политики представлены в негативном ключе, но посредством разных языковых приемов. Проведенный анализ продемонстрировал, что наибольшим прагматическим потенциалом обладают единицы, семантика которых вбирает в себя большой объем культурного знания: фразеологические единицы, аллюзии, прецедентные имена и другие прецедентные явления и т.д.

Ключевые слова: языковая игра, политический дискурс, журналистская статья, прецедентное явление.

Особенностью публицистики (от лат. *publicus* — “общественный”) как особого рода литературы является то, что она адресована широкой аудитории, и посвящена важным социальным или политическим вопросам общества. Основная цель публицистического произведения, одновременно являющаяся его отличительной чертой, — оказание влияния на общественное мнение, убеждение читателя или слушателя в правильности определенной точки зрения. Достигается эта цель не только логической аргументацией, но также эмоциональным воздействием на потенциального реципиента, обращением к его эстетическим и нравственным ценностям, созданием у него чувства персональной причастности к происходящей дискуссии.

Цель данной работы — показать, как от выбора тех или иных лингвистических средств меняется характер и степень воздействия публицистического текста на читателя. В качестве объекта исследования были избраны англоязычные статьи из журнала “*Economist*” за 2016 год, посвященные актуальным политическим проблемам.

Следует отметить, что анализируемые журналистские статьи, несомненно, принадлежат к политическому дискурсу, которым, согласно известному определению Т. ван Дейка, является “все, что произносится с политической целью, то есть с целью повлиять на политический процесс” [1, с. 207]. В данном случае авторы преследовали цель — через создание образа политического лидера повлиять на общественное мнение, а значит, и на современный политический процесс.

Одним из инструментов достижения заданной цели — убеждения читателя — служит языковая игра, которая позволяет журналисту тонко и ненавязчиво сформировать определенное эмоциональное восприятие политика.

Термин “языковая игра” как философское понятие был введен Людвигом Витгенштейном в отношении операций, в ходе которых более или менее простые языковые формы используются (в конкретных речевых “действи-

ях”) для пояснения, конструирования сложных абстрактных понятий [5]. Возникшие впоследствии более узкие толкования этого термина (Д. С. Лихачев, Н. Д. Арутюнова, Т. А. Гридина и др.) исходили из того, что языковая игра так или иначе предполагает некоторую манипуляцию языком, в том числе нарушение языковой нормы, в целях создания какого-либо прагматического эффекта или просто ради забавы. Об этом пишет, например, Дэвид Кристал в своей работе “Language Play and Linguistic Intervention” [3].

В зависимости от целей, будь то создание комического эффекта или внушение определенной идеи, авторы прибегают к различным языковым средствам, таким как лексико-семантические и стилистические приемы языковой игры. Сюда среди прочих относятся приемы, которые основаны на обыгрывании значений языковых единиц (игра слов, каламбур, антономазия, ирония, окказиональное использование слов/фраз и др.) и различные средства создания образности. Так, посредством ярких прозрачных образов, которые апеллируют не столько к разуму человека, сколько к его чувствам и эмоциям, в сознании читателя подспудно формируется эмоционально окрашенное отношение к описываемому объекту. В журналистской статье это, в частности, используется как инструмент имплицитного воздействия на читателя с целью формирования его мнения. Не меньшую роль здесь играют аллюзии, реминисценции, пародии и иные средства интертекстуальности, которые позволяют активизировать общекультурные, исторические и фоновые знания читателя, формирующие, в том числе, его шкалу ценностей.

Этому классу средств языковой игры уделяется особое внимание в настоящем исследовании. С целью наиболее наглядного представления роли компонентов языковой игры для анализа были выбраны статьи, в которых оба изображаемых политических деятеля представлены в негативном ключе, но посредством разных приемов.

В статье “Iron Waffler” автор излагает свой взгляд на возможность Ангелы Меркель, канцлера ФРГ, стать лидером “свободного мира”, то есть объединить вокруг себя европейские державы. Сам заголовок выбран не случайно: во-первых, здесь использован оксюморон (*iron* — *very strong, strict, or severe and very determined*; *waffler* от глагола *to waffle* — *to avoid making a decision or stating a clear opinion when you speak or write* [4]). На русский это можно перевести как “железная мямля”. Данный стилистический прием как нельзя лучше иллюстрирует мнение автора об Ангеле Меркель, как о политике, с одной стороны, сильном, а с другой стороны, не способном повести за собой других. Но главное, данный заголовок служит аллюзией, причем аллюзией, которая может трактоваться двояко. Это может быть имплицитным указанием на другую известную женщину политика — Маргарет Тэтчер. И в данном случае автор как бы проводит сравнение этих политических лидеров не в пользу канцлера ФРГ, поскольку титул Железной Леди (*The Iron Lady*) британский премьер-министр получила как раз за то, что проводила жесткую и беском-

промиссную политику, а это именно то, чего так недостает политике Ангелы Меркель, по мнению автора. Вместе с тем автор отсылает читателя к другой прецедентной личности — к Железному Канцлеру, Отто фон Бисмарку. Это, безусловно, одна из самых значимых фигур в немецком культурном пространстве, эталон сильного и мудрого правителя.

В целом язык статьи сильно формализован, что придает тексту официальное звучание. Однако в некоторых местах автор намеренно “снижает регистр”, используя неформальную лексику и фразовые глаголы: *gasping for, to alight on, to cosy up, a bug* и т.д., встречаются также фразеологические обороты, такие как *to fill (America’s) shoes, to take sb at his/her word*. Такое сознательное упрощение стиля речи привлекает внимание читателя, и потому автор прибегает к нему именно в тех частях текста, где критикует канцлера ФРГ.

Основной тон в описании Ангелы Меркель задают многочисленные лексические стилистические приемы. В начале статьи наиболее широко представлены метафоры, имеющие преимущественно “возвышенный” тон: *to accept the mantle of leader of the free world, to be a beacon, the flickering of the liberal flame*. Некоторая высокопарность подчеркивает, насколько высокие требования предъявляются к человеку, который должен объединить западный мир. Кроме того, они же указывают на то, что ожидания несколько завышены, и потому придают тексту ироническое звучание. Используемые в дополнение к метафорам эпитеты (*unflappable and patient, dedicated to the freedom*) указывают на то, что госпожа Меркель, безусловно, обладает необходимыми достоинствами для того, чтобы претендовать на звание лидера.

Однако далее по тексту метафоры резко меняют свой тон: *humming and hawing over bail-outs, Mrs. Merkel’s taste for hesitation, a blend of prayer and policy* — всё указывает на то, что политике канцлера ФРГ не достает главного: жесткости и напористости, которые были характерны, например, для Маргарет Тэтчер.

Тонко выраженная идея о сомнительной способности Меркель стать “путеводной звездой” западных либералов подкрепляется гиперболой. Использованное в предложении “*This is the country that went through agonies whether to arm Iraqi Kurds battling Islamic State*” выражение *to go through agonies* — явное преувеличение, которое наводит на мысль о том, автор иронизирует. Этот компонент языковой игры, в частности, показывает, насколько нерешительной бывает госпожа Меркель в очевидных вопросах.

Помимо этого, в заключительной части статьи автор саркастически указывает на стремление канцлера ФРГ обрести сильного союзника, на которого можно было бы опереться: “*Germany retains a touching faith in America’s institutions to reign...*”. Созданный эффект усиливается за счет аллюзии, которая несет в себе имплицитную оценку и отражает отношение автора к США: *Pax Americana* по аналогии с *Pax Britannica* (Британская империя) и *Pax Romana* (Римская империя). В этом ряду прототип имеет безусловно, позитивную коннотацию, так как символически означает

центр цивилизации, родину права, законности и гражданских свобод. Автор умалчивает, верит ли он сам в то, что Америка, без сомнения, могущественное и влиятельное государство, способна выдержать сравнение с эталоном, столь важным в западной системе ценностей. Но вдумчивый читатель может догадаться об этом, “читая между строк”.

Так или иначе, в конце статьи прямо указывается на неспособность Ангелы Меркель единолично взять на себя полную ответственность и твердой рукой вести западный мир за собой: “*But do not look to Mrs. Merkel to save them [global liberal order and values], for she cannot do so alone*”. При этом автор, очевидно, относится к госпоже Меркель с уважением и признает ее роль на мировой политической арене.

Во второй статье “Arresting developments” речь идет об аресте бывшего министра экономического развития РФ А. В. Улюкаева. Формально она не касается президента РФ В. В. Путина, однако косвенно именно его образ формируется у читателя посредством языковой игры.

Автор выбирает бросающийся в глаза заголовок, основанный на каламбуре: 1) *arresting* от *to arrest* — арестовывать, задерживать и *arresting* — поразительный (*attracting your attention, striking* [4]); 2) *development* — развитие (*change, growth, or improvement over a period of time* [4]) и *development* — событие, происшествие (*a new event that changes a situation* [4]). Таким образом, заголовок сразу создает двусмысленность и интригу.

Начало статьи выглядит не менее броско. Использование местоимения THEY в самом первом предложении: “*They came for him in the middle of the night*” как бы “обезличивает” тех, кто пришел арестовывать, и придает тексту зловещее звучание. Автор не случайно акцентирует внимание на времени ареста: он хочет сразу же привлечь внимание читателя к аналогии с событиями, имевшими место в прошлом. Как известно, в англоязычной публицистике наиболее важные факты в статье излагаются в самых первых строках. Именно поэтому первое предложение, в котором не содержится, на первый взгляд, никакой принципиально важной информации, построено таким образом — его цель привлечь внимание читателя, дать ему зацепку, которая чуть позже даст ключ к раскрытию замысла автора. Он находится буквально в следующем абзаце: “*The minister’s arrest on November 15th, evoking Stalin’s midnight purges, sent shockwaves through Russia’s ruling class*”. Читателю предлагается напрямую связать арест министра экономического развития и эпоху сталинских зачисток.

Надо отметить, что имя Сталина на Западе имеет исключительно отрицательную коннотацию (в отличие от России, где сталинская эпоха ассоциируется не только с репрессиями, но и с промышленным скачком СССР, победой во Второй мировой войне и т.д.). В данном случае *Сталин* — это прецедентное имя, то есть имя-символ, кодирующее в сжатой форме определенный пласт культурно значимого знания. “Прецедентное имя, обладающее высокой информационной ёмкостью, выразительно-образительными и аксиологическими свойствами, несомненно, отно-

сится к числу языковых “сверток”, образующих глубинную семантическую структуру текста” [2, с. 114]. Этот глубинный смысл актуализируется в пространстве статьи за счет устойчивых ассоциативных связей, которые закреплены за прецедентным именем в данной лингвокультуре. Для англоязычного читателя за именем Сталина стоит тоталитарный режим, массовые расстрелы и диктатура. Таким образом, автор рассматриваемой статьи инициирует у читателя ассоциативный ряд: Сталин — тоталитаризм — ночные зачистки — арест Улюкаева. Эта импликация фактически актуализируется с помощью повторяющегося в статье слова *purge*: “*Stalin’s midnight purges*”, “*officials caught in the purge*”. Словарь издательства Макмиллан дает следующую трактовку данного слова: “a sudden or violent action to remove people, especially political opponents” [4] (насильственное смещение политических оппонентов). Что примечательно: первый приведенный в словаре иллюстративный пример — *victims of the Stalinist purges* (жертвы сталинских зачисток). Развертыванию этого смысла способствует и аллюзия — упоминание бывшего СССР в первом абзаце статьи (*since Soviet times*), что также вызывает негативные ассоциации у англоязычного читателя: “империя зла”, “тоталитарное государство”.

Напротив, на общем мрачном фоне выделяется предложение, где автор объясняет, кто такой Алексей Улюкаев: “*Mr. Ulyukaev is a technocrat who once served as an aide to Yegor Gaidar, the architect of Russia’s transition to a market economy*”. Положительно окрашенный контекст, и особенно его ключевые слова *technocrat* и *architect*, не оставляют сомнения, чью сторону предлагается занять читателю.

И, наконец, в последнем абзаце автор намекает на того, кто стоит за описываемыми событиями. Используя фразеонабор, то есть сочетание оборотов *to fall foul of* (столкнуться (о судах); поспорить с кем-либо) и *powers that be* (власти предрержащие) в предположении “*Anyone, even a minister, can fall foul of the powers-that-be...*”, автор полагает, что господин Улюкаев “столкнулся” с президентом РФ. Таким образом, автор добивается у читателя представления о России как о тоталитарном государстве, где царят порядки времен Сталина, а президент, соответственно, представлен диктатором, от чьего настроения зависят судьбы людей.

Итак, можно сделать вывод, что система средств языковой игры в обеих статьях выстраивается вокруг прецедентных имен. В первом случае, несмотря на гораздо более богатый набор языковых средств, созданная картина не наносит урона имиджу канцлера ФРГ и стране в целом. Автор воздействует на читателя преимущественно образностью языка, иронией и, в конечном счете, позволяет ему самому сделать выводы и решить, насколько Ангела Меркель способна объединить западных лидеров. Поэтому неслучайно в качестве эталона для сравнения, хотя и имплицитно, используются прецедентные имена (правильнее сказать прозвища) Бисмарка и Маргарет Тэтчер, которые обладают неоднозначными, но все же позитивными коннотациями. Во втором случае автору нет необходимости прибегать к сложным

языковым приемам, поскольку за именем Сталина в англоязычной культуре стоит готовый концепт, подразумевающий диктатуру, угнетение свободы, нарушение прав человека и репрессии. Его коннотации вполне однозначны, что и обуславливает глубокое воздействие этого имени на читателя.

Проведенный анализ, в свою очередь, приводит нас к заключению о том, что основным инструментом воздействия в публицистическом (политическом) дискурсе является не последовательная логическая аргументация, а в первую очередь влияние на эмоциональную сферу читателя, апелляция к системе его ценностей, вызывающая его живой отклик и чувство сопричастности.

Список литературы:

1. Дейк Т. А. ван. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Пер. с англ. М.: Книжный дом "ЛИБРОКОМ", 2013. 344 с.
2. Рыжкина Е. В. Прецедентность имени в английской фразеологии // Новое в лексикологических исследованиях: преемственность и инновации. Вестник Московского государственного лингвистического университета; вып. 20 (680). (Языкознание). М.: ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2013. С. 112–123.
3. Crystal D. Language Play and Linguistic Intervention. Bangor: University of Wales, 1996. [Электронный ресурс]. URL: http://www.davidcrystal.com/DC_articles/Clinical5.pdf / (дата обращения: 20.03.2017).
4. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. International Student Edition. Macmillan Publishers Ltd, 2006. 1692 p.
5. Wittgenstein L. Philosophical Investigations. Translated by G. E. M. Anscombe. Malden: Blackwell, 1953. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.docdroid.net/FmkyBAp/ludwigwittgenstein-philosophicalinvestigations.pdf.html#page=6> / (дата обращения: 20.03.2017).

Сведения об авторе:

Асташкина Надежда Николаевна, преподаватель, Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия; e-mail: astashkina_nn@mail.ru

LANGUAGE PLAY AS A MEANS OF CREATING A POLITICIAN'S IMAGE IN MODERN JOURNALISM

Nadezhda N. Astashkina

Lecturer, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia; e-mail: astashkina_nn@mail.ru

Abstract

The research deals with the phenomenon of language play employed by journalists for portraying politicians and making a desired pragmatic effect on the prospective reader. It aims to demonstrate that the choice of certain

linguistic means affects the quality and degree of the impact made by the text on the reader. The study is done on the material of journalistic articles from *The Economist* (2016). In order to give more prominence to the particulars of language play involved, the analysis is focused on articles that depict politicians equally in a negative way but by different language means. The analysis shows that vastest pragmatic potentialities are characteristic of language units which encode a considerable amount of cultural knowledge: idioms, allusions, precedent names and other precedent phenomena etc.

Key words: language play, political discourse, journalistic article, precedent phenomenon.

References:

1. Crystal, D. (1996). Language Play and Linguistic Intervention. Retrieved 20 March, 2017 from http://www.davidcrystal.com/DC_articles/Clinical5.pdf/.
2. Dijk, T. A. van. (2013). Diskurs i vlast': Rerezentatsija dominirovanija v yazike i komunikatsii [Discourse and Power]. Translated into Russian. Moskva: Knizhniy dom "LIBROKOM".
3. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners (2006). International Student Edition. Macmillan Publishers Ltd.
4. Ryzhkina, E. V. (2013). Pretsedentnost' imeni v anglijskoj frazeologii [Precedent names in English phraseology]. In *Novoje v leksikologicheskikh issledovanijakh: prejemstvennost' i innovatsii* [Continuity and innovation in contemporary lexicological studies]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Bulletin of Moscow State Linguistic University]. Vol. 20 (680). Moskva: MGLU. S. 112–123.
5. Wittgenstein, L. (1953). *Philosophical Investigations*. Translated by G. E. M. Anscombe. Malden: Blackwell, 1953. Retrieved 20 March, 2017 from <https://www.docdroid.net/FmkyBAp/ludwigwittgenstein-philosophicalinvestigations.pdf.html#page=6/>.

Роль метафор в создании образа внешней политики России в немецких СМИ

В. А. Бабкина

МГИМО МИД России

Аннотация

В статье рассматривается влияние метафор на формирование образа внешней политики России в Германии. Метафора, создающая яркий запоминающийся образ в сознании реципиента, формирует отношение к предмету сообщения, а также способствует усвоению стереотипных представлений. Таким образом, исследование метафор, используемых для пред-

ставления России, способствует более глубокому пониманию механизмов формирования и функционирования устоявшихся стереотипов о стране и ее внешнеполитической деятельности. На примере метафор, обнаруженных в текстах немецкоязычных периодических изданий за 2014–2015 гг., демонстрируется использование данного языкового средства для выражения бытующих в сознании немцев стереотипных представлений о России как международном акторе. На основе приведенных метафор из периодических изданий Германии за исследуемый период автор приходит к выводу, что метафоры способствуют созданию негативного образа России и актуализируют стереотипы, представляющие страну в качестве агрессора.

Ключевые слова: концептуальная метафора, стереотип, немецкие СМИ, российско-немецкие отношения, внешняя политика.

Метафора, представленная в современных исследованиях как способ познания и объяснения мира [2, с. 126–170], является одним из самых востребованных средств создания образа страны в СМИ. Потенциал метафоры неизменно используют для формирования отношения реципиента к предмету обсуждения, специфичного взгляда на мир [4, с. 126]. Способность метафоры оказывать влияние на сознание человека объясняется, в частности, тем, что язык является также средством формирования и поддержания стереотипных представлений [3, с. 19].

Метафорические модели, создающие образ России в западных СМИ, часто становятся предметом исследования не только в России, но и в Германии [5]. Традиционно в немецких СМИ образ России “рисуеться черными красками” [2, с. 89], тем не менее, в каждом периоде развития российско-немецких отношений можно выделить свою специфику, так как метафорический образ страны зависит от политических реалий.

Целью данной статьи является рассмотрение концептуальных метафор, формирующих образ внешней политики современной России в немецких СМИ в 2014–2015 гг. и отражающих бытующие в сознании немцев стереотипные представления, которые сформировались в процессе многовековых межгосударственных отношений [1]. Выбор исследуемого периода обусловлен изменением метафорического образа России в связи с обострением российско-германских отношений на фоне украинского кризиса, присоединения Крыма к России, санкционной политики Запада в отношении России, конфликта в Сирии.

Актуальность работы обусловлена необходимостью исследования роли метафор в формировании образа внешней политики современной России в непростой период развития российско-немецких отношений.

Методом сплошной выборки были отобраны метафоры, используемые в немецких СМИ в отношении России за исследуемый период.

Материалом послужили метафоры из статей общественно-политических журналов и газет, представляющих широкий спектр политических

мнений: “Spiegel”, “Frankfurter Allgemeine Zeitung”, “Welt”, “Handelsblatt”, “Wirtschaftswoche”, “Süddeutsche Zeitung”, “Stern”, “Zeit”, “Tageszeitung”, “Tagesspiegel”. Всего было проанализировано более 300 статей, отобрано 499 метафор, которые были распределены по различным стереотипным областям. В данной статье представлены примеры, соответствующие области “Внешнеполитические отношения”.

При описании внешней политики России в немецких СМИ в связи с ухудшением российско-украинских отношений с конца 2013 года наиболее часто встречаются высказывания, формирующие представление о России как об агрессоре, что соответствует стереотипным представлениям немцев о стране. Данные высказывания, относящиеся к концептуальной метафоре РОССИЯ — ЭТО АГРЕССОР, можно условно разделить на три группы.

К первой группе относятся высказывания, содержащие слово “агрессия” или однокоренные слова, например:

...*Aggressionen des übermächtigen Nachbarn.* (Spiegel, 13.10.2014)

...*Furcht vor einer russischen Aggression...* (Handelsblatt, 3.04.2015)

...*Angst vor dem aggressiven, unberechenbaren, barbarischen Bären.* (Zeit, 25.08.2015)

Во второй группе представлены выражения, подчеркивающие агрессивную политику страны, квалифицируя Россию в целом как “очаг напряжения” и “зачинщик беспорядков”:

...*Putins neues Imperium, ein kollektiver Krisenherd.* (Welt, 26.02.2015)

...*das Land erwies sich auch als vorrangiger Unordnungsstifter.* (Welt, 20.08.2015)

Третью группу представляют метафорические высказывания, демонстрирующие грубые силовые методы, к которым страна прибегает для достижения своих целей, о чем свидетельствуют следующие примеры:

...*Russland fehlt die Soft Power. So greift es zu Hard Power, um Unterwerfung zu erzwingen.* (Tagesspiegel, 17.02.2015)

...*das russische Säbelrasseln.* (Spiegel, 22.06.2015)

Представление внешней политики России как агрессивной было также отражено концептуальной метафорой РОССИЯ — ЭТО ЗАХВАТЧИК, составляющими которой являются концепты “расширение границ”, “завоевание”, “вооруженный конфликт”, “экспансия”:

...*Russland erweitert seine Grenzen.* (Wirtschaftswoche, 24.03.2014)

...*Moskau in diese Länder einmarschieren und sie zurückerobern wollte.* (Zeit, 23.06.2015)

...*es hat doch schon einen aggressiven, bewaffneten Konflikt unter Beteiligung Russlands gegeben.* (Welt, 26.05.2015)

При этом в немецких СМИ подчеркивается, что Запад борется с “территориальной экспансией” России, используя для этого экономические санкции, которые должны охладить “захватнический пыл” России:

...*Wie also können Wirtschaftssanktionen Russlands territorialen Expansionsdrang eindämmen.* (Spiegel, 6.08.2014)

Некоторые метафорические высказывания, описывающие внешнюю политику России, можно отнести к метафоре ПОЛИТИКА РОССИИ — ЭТО ВОЙНА. Например, неоднократно подчеркивается использование страной своей энергетической промышленности в качестве оружия при взаимодействии с другими международными акторами, и Россия в борьбе то выигрывает, то проигрывает:

Russland dagegen nutzt seine Energieindustrie als geostrategische Waffe. (Spiegel, 17.02.2015)

Chinas Ökonomie ist sechs Mal so groß wie die russische, weshalb es Putin in seiner Isolierung einen Gasliefervertrag aufzwingen konnte, bei dem China gewinnt und Russland verliert. (Tagesspiegel, 17.02.2015)

Образ России в немецких СМИ так же создается с помощью концептуальной метафоры РОССИЯ — ЭТО УГРОЗА ЗАПАДУ. Подчеркивается, что Россия представляет угрозу международному порядку в Европе и во всем мире как, например, в следующем высказывании:

...stellt ...eine sehr reale Bedrohung der internationalen Ordnung in Europa und darüber hinaus dar. (Welt, 3.09.2015)

Кроме того, Россия приравнивается к другим угрозам, окружающим Европу, упоминается наравне с Исламским государством:

Russland im Osten, der IS und zerfallende Staaten im Süden: Europa ist von Bedrohungen umzingelt. (Handelsblatt, 4.11.2015)

Более того, с помощью военной метафоры РОССИЯ И ЗАПАД — ВРАГИ Россия представляется не только как угроза, но и как враг Европы:

Warum stehen sich Russland und der Westen wieder als Feinde gegenüber... (Spiegel, 19.03.2015)

На основании представленных примеров концептуальных метафор, к которым обращаются немецкие журналисты для описания внешнеполитического курса России, можно выделить несколько тенденций.

Во-первых, в Германии в период ухудшения межгосударственных отношений актуализируется стереотипное представление о стране как об агрессоре/захватчике. Данное представление характеризует Россию как опасного, агрессивного настроенного соседа, “разбушевавшегося медведя”, представляющего угрозу. Внешняя политика страны характеризуется также в терминах военной метафоры.

Во-вторых, метафоры, используемые журналистами в немецких СМИ, не только создают негативный образ России, но и вызывают страх перед ее действиями, представляя страну не только как угрозу для Запада и всего международного порядка, но и как врага Европы.

Список литературы:

1. Глушак В. М. Взаимное восприятие русских и немцев от древности до наших дней // Русские и немцы. 1000 лет истории, искусства и культуры. М.: Архив Российской Академии наук, 2012. С. 22–31.

2. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987, С. 126–170.
3. Орехова О. Е. Образ России в “зеркале” ведущих надрегиональных еженедельников ФРГ // Закон и Право. 2006. №11. С. 89–90.
4. Сорокина Н. В. Национальные стереотипы в межкультурной коммуникации: Монография. Москва: РИОР: ИНФРА-М, 2014. 256 с.
5. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. М.: Флинта: Наука, 2012. 256 с.
6. Makulkina I. Das metaphorische Russlandbild im deutschen Pressediskurs. Hamburg: Verlag Dr. Kovac.

Сведения об авторе:

Бабкина Вера Александровна, аспирант, преподаватель МГИМО МИД России, Москва, Россия; e-mail: hexagon6@mail.ru

**THE ROLE OF METAPHORS IN CREATING THE IMAGE OF
RUSSIAN FOREIGN POLICY IN GERMAN MEDIA**

Vera A. Babkina

Lecturer, MGIMO University, Moscow, Russia; e-mail: hexagon6@mail.ru

Abstract

The article analyses how metaphors influence the image of Russian foreign policy in Germany. Metaphor creates a bright and easy to remember image in the recipient's mind and forms an attitude to the subject matter as well as promotes stereotypes. Therefore, research of metaphors that create Russian image contributes to a deeper understanding of formation and functioning of stereotypes about the country and its foreign-policy activities. Metaphors taken from the German media during 2014–2015 demonstrate the use of this linguistic means for the expression of stereotypes about Russia as an international actor. Taking into account metaphors from German periodical literature that refer to the analyzed period the author comes to the conclusion that metaphors contribute to the creation of a negative image of Russian foreign policy and actualize stereotypes of Russia as an aggressor.

Key words: conceptual metaphor, stereotype, German media, Russian-German relations, foreign policy.

References:

1. Glushak, V. M. (2012). Vzaimnoe vosprijatie russkikh i nemcev ot drevnosti do nashih dnei // Russkie i nemcy. 1000 let istorii, iskusstva i kul'tury [The mutual perception of Russians and Germans from antiquity to our days // *Russian and Germans. 1000 years of history, art and culture*]. Moskva: Arhiv Rossijskoj Akademii nauk, 22–31.
2. Lakoff, G., Jhonsen, M. (1987). Metafory, kotorymi my zhivem [Metaphors we live by] // Jazyk i modelirovanie social'nogo vzaimodejstvija [Language and modeling of social interaction]. Moskva, 126–170.

3. Orehova, O. E. (2006). *Obraz Rossii v "zerkale" vedushhih nadregional'nyh ezhenedel'nikov FRG* [The image of Russia in the "mirror" of leading supra-regional weekly newspapers in Germany]. *Zakon i Pravo [Law and justice]*, 11, 89–90.
4. Sorokina, N. V. (2014). *Nacional'nye stereotipy v mezhkul'turnoj kommunikacii* [National stereotypes in intercultural communication]. Moskva: RIOR: INFRA-M.
5. Chudinov, A. P. (2012). *Politicheskaja lingvistika* [Political linguistics]. Moskva: Flinta: Nauka.
6. Makulkina, I. (2013). *Das metaphorische Russlandbild im deutschen Pressediskurs*. Hamburg: Verlag Dr. Kovac.

Ключевые глаголы англоязычного политического дискурса

А. А. Биюмена

Минский государственный лингвистический университет

Аннотация

В статье рассматриваются лексико-семантические группы глагольной лексики, выступающие в роли ключевых лексем англоязычного политического текста: глаголы достижения и преодоления (reach, overcome), способствования и предотвращения (help, prevent), глаголы изменения качества (increase, worsen, change), фазово-бытийные глаголы (start, stop, stay). Данные глагольные классы, выражающие экзистенциально значимые понятия, частотны в англоязычном политическом дискурсе и демонстрируют в нем особую семантику и специфическую сочетаемость с абстрактными именами существительными широкой семантики, а также субстантивными единицами, в семантической структуре которых содержится положительный или отрицательный оценочный компонент. Также анализируется сочетаемостная специфика, характерная для каждого из выделенных лексико-семантических классов глаголов и выявляется их манипулятивный потенциал в речи англоязычных политических лидеров.

Ключевые слова: глагол, контекст, манипулирование, оценочность, политический дискурс, сочетаемость.

В современной лингвистике постулируется положение о том, что в системе языка глагол, наряду с именем существительным, занимает центральное место. Если в сфере номинации ведущая роль отводится субстантивной лексике, то глаголу принадлежат определяющие позиции в большинстве синтаксических построений. Сторонники вербоцентрической модели порождения высказывания считают глагол конструктивным центром предложения, организующим структуру и "задающим"

лексический и позиционный состав последнего (Л. М. Васильев, В. В. Виноградов, Е. С. Кубрякова, У. Л. Чейф). Глагол выступает в качестве семантической модели некоторой ситуации, дает определенный способ ее осмысления, осуществляя связь человека с ней [3, с. 36]. Глагольное слово, чаще всего выполняющее функцию предиката, играет важнейшую роль в архитектонике дискурса, связывая текст посредством установления последовательно возникающих и/или развивающихся отношений между участниками ситуации [2, с. 228].

Для выявления специфики функционирования глагольной лексики в англоязычных политических текстах был проведен анализ представленных них лексически полнозначных глаголов. В качестве материала исследования были взяты тексты 150 публичных выступлений политических лидеров США и Великобритании (Дж. Буш-мл., Б. Обама, Д. Трамп, Х. Клинтон, Д. Чейни, Т. Блэр, Т. Мэй и др.), а также представителей международных организаций (ООН, НАТО, ВТО, ВОЗ). В результате анализа были выделены группы глагольной лексики, наиболее частотные для данного типа дискурса: глаголы достижения и преодоления, способствования и предотвращения, изменения качества, фазово-бытийные глаголы. Глаголы данных лексико-семантических классов в сумме составляют около 18% всех глагольных употреблений в материале исследования.

Рассмотрим особенности употребления глаголов, относящихся к указанному классам, в англоязычном политическом дискурсе.

1. **Глаголы достижения и преодоления**, зафиксированные в материале исследования, можно разделить на две группы. Слова, составляющие первую группу, являются собственно **глаголами достижения**: их семантика выражает результативное выполнение запланированного действия, достижение поставленной цели или приведение объекта в желаемое состояние. В системе языка данные глаголы имеют значение как результативного выполнения, так и процесса на пути к результату. Однако в проанализированных текстах в преобладающем количестве случаев они реализуют семантику результата. Наиболее часто встречаются следующие глаголы этой группы: *achieve, reach, gain, realize, meet, deliver*. Примечательна семантика последнего из перечисленных глаголов. Это в большинстве словарных толкований нейтрально-оценочное слово в политических текстах практически во всех употреблениях приобретает положительное значение: *Year after year, politicians pledged to reform Medicare — but the job never got done — until 2003, when members of both political parties came together to deliver the greatest advance in health care for seniors since the founding of Medicare* (Дж. Буш-мл.).

Существительные, находящиеся в синтагматической связи с глаголами достижения, включают традиционно сочетающиеся с ними лексемы *goal, objective, result*; абстрактные существительные, имеющие в своей семантике положительный оценочный компонент *success, dream, trust, agreement, consensus, democracy, freedom*; низкоинформативные абстрактные существи-

тельные широкой семантики *capability, level, approach, skill, relationship, program, plan*: *The United Nations, already your close partner in so many ways, will continue working with you **to achieve these objectives*** (представитель ООН); *And to all the little girls who are watching this, never doubt that you are valuable and powerful and deserving of every chance and opportunity in the world to pursue and **achieve your own dreams*** (Х. Клинтон); *And as we reflect on — and **implement** — **the result** of the referendum, we must recognise that we have a unique opportunity and responsibility **to deliver the change** that people need* (Т. Мэй).

Вторую группу глаголов достижения и преодоления составляют **глаголы преодоления**, означающие преодоление трудностей или получение контроля над сложной ситуацией. Единицы, которые мы отнесли к данной группе (*solve, resolve, tackle, handle, cope (with), overcome, deal (with), manage, fix*), обычно сочетаются в речи политиков с именами негативных явлений (*problem, conflict, crime, crisis, threat, danger, barrier*) либо, значительно реже, с существительными широкой семантики (*issue, situation, impact*): *Ministers have been working with OfTel and the telecommunications industry **to overcome that barrier*** (Т. Блэр); *So this has to be a multi-faceted international effort to help Afghanistan **deal with the long-term issues** ...* (представитель НАТО).

2. **Глаголы способствования и предотвращения** представляют собой один из способов языкового выражения в политическом тексте базовой семиотической оппозиции “свои — чужие”. Данная группа организована антонимически: лексемы способствования приобретает в речи англоязычных политиков положительную окраску, а предотвращения — отрицательную. Наиболее часто в анализируемых текстах встречаются такие **глаголы способствования**, как *help, provide, assist, encourage, support*, обозначающие обеспечение, помощь в какой-либо деятельности. Весьма распространены их сочетания с собирательными существительными, обозначающими народ в целом или различные группы людей: *people, citizens, families, children, teachers, police, mothers, youth*. Подобные сочетания выполняют в дискурсе функцию интеграции и солидаризации сторонников, поскольку отмеченные существительные номинируют слушателей как представителей той или иной группы: *This is ... an opportunity **to help** millions of our **fellow citizens** find the independence of ownership* (Д. Чейни).

Также типичны глаголы данного класса в сочетаниях с существительными, обозначающими позитивные явления (*opportunity, efficiency, support, peace, security, cooperation*) и низкоинформативными именами с размытой семантикой (*effort, process, system*): *Today, the need for our nations to work together has not diminished; instead it has grown — as has the need for the institutions that **facilitate hemispheric cooperation*** (Д. Рамсфелд).

Самый распространенный глагол этого семантического класса *help* также встречается без дополнения, в препозиции к любому другому глаголу, обычно положительной семантики. Таким образом, реципиенту внушается мысль о том, что говорящий не только сам успешно достигает

поставленные цели, но и причастен к успехам других людей.

Если глаголы способствования обычно описывают действия говорящего и его команды, то обладающие противоположным значением **глаголы предотвращения** (*prevent, discourage, hamper*) выполняют различные роли — с объектом, обозначающим отрицательные явления (*terrorism, attack, violence*), они характеризуют деятельность “своих” и выступают в качестве средства самопрезентации; с объектом, имеющим в своей семантике позитивную оценочность (*security, progress*), — используются для дискредитации “чужих”: *We want to deter, avoid and prevent conflict through our unquestioned military strength* (Д. Трамп); *For they are all burning injustices that undermine the solidarity of our society* (Т. Мэй).

3. **Глаголы изменения качества** представлены лексикой с семантикой “улучшения”, “увеличения” и антонимичными им словами “ухудшения” и “уменьшения”, обозначающие как количественные, так и качественно-оценочные модификации какого-либо признака. К наиболее частотным среди них относятся глаголы *increase, improve, expand, strengthen, reduce*: *Crime will go down, border crossings will plummet, gangs will disappear, and welfare use will decrease* (Д. Трамп). Среди глаголов изменения качества выделяются ориентационные метафоры, обладающие пространственной семантикой (*widen, broaden, deepen, lift, go up, narrow, lower*: *Now we are broadening and deepening that approach* (Т. Блэр). Динамику изменений отражают глаголы, обозначающие скорость (*accelerate, quicken, speed up*): *Everything possible must be done now to start and accelerate the trend towards universal access to treatment* (представитель ВОЗ).

Глагольные лексемы данного класса часто сочетаются с абстрактными именами широкой семантики: *plan, strategy, thing, situation, process* и т.п. Для описания своих успехов политики сочетают глаголы “улучшения” с положительно-оценочными абстрактными существительными (*progress, freedom, success*). Глаголы с семантикой “ухудшения” и “уменьшения” употребляются с существительными, значение которых включает негативный оценочный компонент (*risk, harm, threat, problem*), а также с актуальными для представителя любой социальной группы именами экономических понятий (*taxation, taxrates, deficit, prices*): *It is equally important to strengthen law enforcement and judicial systems, to implement policies and programmes, to reduce poverty and inequalities of all kinds, and improve support for families* (представитель ВОЗ).

Несмотря на разнообразие глаголов в данном лексико-семантическом классе, в контексте англоязычного политического дискурса они, как и единицы других описанных выше групп, фактически используются для выражения общей положительной/отрицательной оценки. Из их семантики “выветриваются” многие компоненты, не связанные с эксплицитированием аксиологического модуса. В поле позитивной оценочности вовлекаются также родовые в группе изменения качества нейтрально-

оценочные глаголы *change*, *transform* и *alter*. В политической речи они употребляются преимущественно в значении 'изменять(ся) к лучшему': *To drive real progress, you have to change both hearts and laws* (Х. Клинтон).

4. **Фазово-бытийные глаголы** выражают базовые экзистенциальные понятия "существования", "начала", "конца", "продолжения", помогающие человеку осуществлять онтологический анализ мира и отражающим членение бытия.

Бытийные (*exist*, *happen*, *occur*), и фазово-бытийные (*open*, *begin*, *launch*; *stop*, *eliminate*; *remain*, *stay*) глаголы употребительны в политической речи в сочетаниях с положительно и отрицательно заряженными абстрактными существительными (*support*, *security*; *threat*, *violence*, *fear*, *problem*). В рамках проекции дихотомии "свои — чужие" на политический текст ораторы используют глаголы с семантикой "начала" в сочетании с положительными именами и глаголы с семантикой "конца" с отрицательными именами при описании "своего круга"; для характеристики "чужих" политики сочетают противоположные единицы — глагольную лексику "начала" с существительными, обладающими негативной оценочностью, а глаголы "конца" — с позитивными существительными: *Bold and comprehensive changes are... only possible in the wake of... events which create a new consensus that allows us to transcend old ways of thinking and acting* (К. Райс); *I also urge those at risk to get tested for the disease and to learn more about how to end this health threat...* (Дж. Буш-мл.).

Общезбытийные глаголы чаще реализуются в предикатной позиции к именам, представляющим негативный фланг оценочной шкалы: *A third kind of casualty is morale in the health care facility where the accident occurs* (представитель ВОЗ).

В исследуемых текстах широко представлены сочетания бытийных и фазово-бытийных глаголов с именами широкой семантики (*situation*, *process*, *environment*): *Our capacity remains undiminished* (Б. Обама); *And we began a process two or three years ago of changing the law in relation to antisocial behaviour...* (Т. Блэр).

Информативная составляющая сочетаний с именами широкой семантики минимальна, тем не менее, за счет включения в свой состав глагола семантического поля "начала" они оставляют у слушателя впечатление высокой активности говорящего и его команды. Н. Д. Арутюнова, подробно описавшая магическую заряженность "слов новизны", относит их к "действующим силам" языка, прикосновение которых к денотату "тотчас вводит его в круг социального интереса" [1, с. 695]. Являясь стилистически нейтральными в языке, в политическом дискурсе данные слова приобретают эмоциональные коннотации, что превращает их в эффективное орудие манипулирования общественным сознанием.

Кроме того, глаголы "начала" и "конца" в политической речи часто соединяются с существительными, связанными с обозначением ситуации в социально-экономической и военной сфере, а также с угрозой

терроризма. При этом ораторы апеллируют, в первую очередь, к страху как к одной из фундаментальных эмоций человека. Страх войны и терроризма используется в выступлениях на самые разные темы для того, чтобы сплотить аудиторию вокруг власти и отвлечь внимание людей от ошибок правительства. При обращении к темам терроризма и войны глаголы “начала” и “конца” употребляются вместе с существительными, несущими сильный отрицательный аксиологический заряд, причем глагольная лексика, означающая начало действия, обычно характеризует деятельность оппонентов: ... *it was a declaration of war by religious fanatics who were prepared to start that war without limit* (Т. Блэр). Собственную деятельность по борьбе с терроризмом лидеры характеризуют с помощью глаголов, сигнализирующих “прекращение”: *NATO soldiers stopped the bloodshed in Bosnia* (представитель НАТО).

Чрезвычайно актуальны для людей и социальные проблемы: сбережение денег, приобретение жилья и, особенно, безработица, так как труд входит в число главных смыслов, составляющих культурное ядро любого общества. Политики часто сочетают фазово-бытийные глаголы с именами, относящимися к данной тематической области (*start business, create jobs*): *These new investments in cybersecurity, and the modernization of our military, will... help create the jobs and technologies of tomorrow* (Д. Трамп).

Глаголы “начала” и “продолжения” довольно часто используются в англоязычных политических выступлениях без дополнения, перед другим глаголом, эмфатически выделяя его: *The increase in volume and complexity of trade in pharmaceutical products continues to accelerate* (представитель ВОЗ).

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что частотные в англоязычном политическом дискурсе группы глагольной лексики используются ораторами как средство индукции и активизации оценочных смыслов с целью информирования аудитории о результатах своей деятельности, создания собственного позитивного образа и дискредитации противника. Однако их преимущественная сочетаемость с абстрактными существительными, несущими положительный/отрицательный оценочный заряд, либо с низкоинформативными существительными широкой семантики снижает информативную ценность данных лексем и способствует превращению их в клише, функционирующие как маркеры политического дискурса.

Каждый из частотных в англоязычной политической речи классов глаголов отличается собственной сочетаемостной спецификой: для глаголов достижения характерно комбинирование с существительными, реализующими семантику цели; глаголы способствования соединяются с существительными, обозначающими различные группы людей; в объектной позиции к глаголам изменения качества используется субстантивная лексика, номинирующая экономические явления; фазово-бытийные глаголы демонстрируют сочетаемость с лексемами, обозначающими социаль-

но-экономические понятия, а также понятия, относящиеся к сфере войны и терроризма. Сочетаемость указанных глаголов с именами существительными, выражающими ценностные и экзистенциально значимые сущности, а также их высокая частотность в политических текстах выдвигают эти глагольные слова на роль лексем, ключевых для данного типа дискурса.

Список литературы:

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки рус. культуры, 1999. 896 с.
2. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки слав. культуры, 2004. 560 с.
3. Кустова Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Языки слав. культуры, 2004. 472 с.

Сведения об авторе:

Биюмена Анна Александровна, к. ф. н., доцент, Минский государственный лингвистический университет, Минск, Республика Беларусь; e-mail: a-mesyats@tut.by

KEY VERBS OF THE ENGLISH POLITICAL DISCOURSE

Anna A. Biyumena

PhD in Philology, Associate Professor, Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus; e-mail: a-mesyats@tut.by

Abstract

The article considers lexical-semantic groups of verbs that are typical of the English political discourse. It has been found out that verbs expressing existentially important notions are used as key words in the political text. These are verbs of achievement and overcoming (reach, overcome), of promotion and prevention (help, prevent), of quality change (increase, change), of period and existence (start, stop, stay). Semantic and collocation peculiarities of these verbs are analyzed and their potential as the instrument of manipulation is revealed. In the English political text the outlined verbs frequently collocate with positively and negatively charged abstract nouns as well as with nouns of broad meaning. The specific collocation features of each group of the verbs are exposed.

Key words: collocation, context, evaluation, manipulation, political discourse, verb.

References:

1. Arutjunova, N. D. (1999). Jazyk i mir cheloveka [Language and People's World]. Moskva: Jazyki russkoj kul'tury.

2. Kubrjakova, E. S. (2004). Jazyk i znanie: Na puti poluchenija znanij o jazyke: Chasti rechi s kognitivnoj točki zrenija. Rol' jazyka v poznanii mira [Language and Knowledge: On the Way to Acquiring Knowledge about the Language: Parts of Speech from the Cognitive Point of View: Language Role in Cognition of the World]. Moskva: Jazyki slavjanskoj kul'tury.
3. Kustova, G. I. (2004). Tipy proizvodnyh znachenij i mehanizmy jazykovogo rasshirenija [Types of Derived Meanings and Mechanisms of Language Broadening]. Moskva: Jazyki slavjanskoj kul'tury.

Политический дискурс коммунистической прессы: сопоставительный анализ

И. И. Валуйцева, М. Н. Данилина

Московский государственный областной университет

Аннотация

В статье проводится сопоставление характеристик политического дискурса на примере статей из газет “L’Humanité” и “Завтра” за период с февраля 2015 года по февраль 2016 года, когда основными информационными поводами были события на Украине, в Сирии и Турции. На лексическом уровне выделяются преобладающие разряды метафор (войны, природы, здоровья/болезни, преступления), на синтаксическом уровне — коммуникативные типы предложений. Подчеркивается театральность рассматриваемого дискурса, выражаемая на уровне лексики и синтаксиса. Результаты исследования подтверждают применение универсальных приемов воздействия на читательскую аудиторию в обоих изданиях. Некоторая общность политических платформ не объединяет авторов статей, преобладает оппозиция своих и чужих, что свидетельствует о единстве французской прессы в информационной войне против России.

Ключевые слова: дискурс, коммунистическая пресса, метафора, информационная война.

В рамках политической лингвистики определенным интерес представляет сопоставление дискурсов представителей сходных политических платформ в различных странах. Нами делается попытка понять — на лингвистическом уровне — как проявляется оппозиция “свой — чужой”: по линии политических взглядов и/ или по линии национальных интересов.

Предметом нашего исследования стала русская и французская коммунистическая пресса. Для изучения мы взяли газеты “L’Humanité” и “Завтра”. “L’Humanité” на сегодняшний день сотрудничает с ФКП, но не является ее официальным органом. Политическая платформа

“L’Humanité” строится на традиционных коммунистических идеях — требование социального равенства, мир во всем мире, поддержка пролетариата. Занимает критическую позицию по отношению к представителям государственной власти. Газета “Завтра” выходит под девизом “Газета Государства Российского”, является популярным коммунистическим изданием с акцентом на патриотизм. Газете присуща жесткая критика государственного устройства постсоветской России. С одной стороны, отечественная коммунистическая пресса находится в оппозиции по большинству вопросов внутренней и внешней политики к официальной точке зрения. С другой стороны, коммунистическую платформу всегда отличали патриотические настроения, противодействие мировому капиталу. Отсюда возник наш интерес к тем лингвистическим способам, которые использует пресса коммунистической направленности в условиях информационной войны против России.

Временной отрезок — период с февраля 2015 по февраль 2016, 30 статей из французского издания, 25 — из русского. В это время основными событиями, которые активно освещались по всем информационным каналам, были следующие — военные действия на Украине, в Сирии и отношения с Турцией.

Содержательный анализ статей французской и русской прессы коммунистической направленности позволяет говорить об информационной войне, которая в научной литературе определяется как целенаправленное информационное воздействие на массовое сознание граждан, объединенных по территориальному (и) или этническому признаку, независимо от возраста, социального статуса и образования с целью изменения поведения и навязывания выгодной противнику системе моральных норм и ценностей. Оборонительный аспект информационной войны подразумевает защиту от оказываемого противником информационного воздействия. Не случайно в декабре Указом Президента Российской Федерации (№646) была утверждена “Доктрина информационной безопасности” страны, которая адаптировала предыдущую доктрину 2014 года к новым условиям.

Характеризуя лингвостилистические особенности, присущие политическому дискурсу газет “L’Humanité” и “Завтра”, отметим следующие моменты.

На **лексическом уровне** в обоих изданиях активно используется военная терминология.

pris le pouvoir par la force, une mobilization, des armes létales, le cessez-le-feu, la guerre civile dans le Donbass, conflit armé, des bombardements aériens en Syrie, des frappes aériennes, агрессор, воздушная война, оборонительный плацдарм, стратегическая отступательная операция.

Стоит отметить частое употребление названий различных политических и экономических организаций по всему миру. Чаще других во французских статьях встречаются следующие объединения и союзы:

le Parti communiste d'Ukraine (PCU), les organisations nazies et ultranationalistes (OUN-UPA), G20, l'OSCE, l'OTAN.

В газете “Завтра” международные организации упоминаются не так часто, к тому же их официальные названия порой заменяются образными выражениями, например, властные круги в США — “вашингтонский обком”.

Неотъемлемой частью анализируемого нами дискурса является употребление метафор. Как писали Э. В. Будаев и А. П. Чудинов [1], политическую метафору можно рассматривать с позиций риторики, когнитивистики и теории дискурса. Метафоры являются наиболее частотным тропом как в газете “L'Humanité”, так и в газете “Завтра”, что позволило нам провести классификацию метафор по разрядам.

АНТРОПОМОРФНАЯ МЕТАФОРА, проявляющаяся в таких понятийных сферах, как “Анатомия и физиология”, “Симптомы болезни и диагноз”, в особенности, “Психические болезни”.

un soufflé de d'indépendance, Après savoir gonflé le torse, L'Allemagne traîne des pieds, ne pas perdre la face.

зараженная нацизмом страна, демонстрация “военных мускулов”, перестали дышать плечи шумного карьера, политическая болезнь оказалась заразной, близорукость Москвы в отношении Евромайдана.

СОЦИАЛЬНАЯ МЕТАФОРА представлена понятийными сферами “Театр”, “Преступность”, “Игра и спорт”.

Batailles de gazoducs, Hollande pris entre plusieurs feux, le bras de fer impérial avec Moscou,

в ответ на беспредел, знаковые актеры российского политического поля, актеры политической арены, “звездно-полосатые” и прочие “рыцари плаща и кинжала”, театральная массовка.

МЕТАФОРА ПРИРОДЫ. Источниками метафор в данном случае служат такие понятийные сферы, как “Животный мир” и “Мир растений”, “Явления природы”.

d'une douche froide, la lumière sera faite, à la lumière de ces faits historiques. за деревьями возможной выгоды там уже не видят всего леса рисков, на заре рыночных реформ, со звериным инстинктом власти политик взялся за преодоление кризиса, Крым — это русское солнце, исторические бури.

АРТЕФАКТНАЯ МЕТАФОРА. Здесь представлены понятийные сферы “Дом” (здание) и “Механизм”. В газете “Завтра” метафора артефактов встречается не так часто, но она передает единую семантику духовной пустоты, власти вещиизма в обществе.

le virage diplomatique, l'anneau d'or, des projets comme «gelés, géant dans une poudrière.

революция зонтиков, политическая модель мира, социальный лифт, аппарат правительства, инструмент экономики, кровавая мясорубка, штурвал экономики, огромные машины СМИ, майданный “котел иллюзии”, плотина санкций, Дебальцевский котел.

Следует отметить повышенную частотность лексики, относящейся в театральной сфере как во французской, так и в российской коммунистической прессе. “L’Humanité” пишет:

Théâtre d’innombrables guerres, avait fait entrer un nouvel acteur dans l’espace politique: l’Union européenne, les principaux acteurs du théâtre syrien.

В газете “Завтра” “театральные” метафоры отличаются особым колоритом. Почти в каждом выпуске авторы издания сравнивают политическую жизнь в России с театральной постановкой.

закулисный кукловод, актеры политической арены, театральная масовка, тайный закулисный торг, февральский переворот осуществлялся по тому же сценарию, театр политических страстей.

Эти примеры подтверждают точку зрения многих исследователей о повышенной театральности политического дискурса.

Журналисты используют такой хорошо известный прием воздействия на аудиторию, как языковая игра, например, *прививка от беженства, Какой Сириал!, тёмный гений света, управляемый хаос.*

На уровне **синтаксиса** хотелось бы остановиться на коммуникативных типах предложений в статьях рассматриваемых газет. Прежде всего, можно отметить обилие вопросительных и восклицательных предложений.

La Russie, est-elle un point clé de la politique et rangère des pays Baltes, La troisième guerre mondiale est la guerre d’information?; “Ankara jette de l’huile sur le feu syrien!, Ce qui, à l’évidence, est une manière de conforter Daech!

Журналисты газеты “Завтра” в своих статьях в основном прибегают к вопросительным и восклицательным предложениям: *Духовная мобилизация — да!, Продаётся государство!, Помириться с русскими!, Россия зовёт! Кого и куда?, Кто же сеет смуту?*, Это опять-таки соответствует положению В.З. Демьянкова [3] о повышенной пламенности, лозунговости политического дискурса.

Таким образом, и во французской, и русской прессе коммунистической направленности применяются универсальные приемы воздействия на читательскую аудиторию. Наиболее существенное различие заключается в том, что журналисты “L’Humanité” для доказательства своей точки зрения используют статистические данные, а авторы статей газеты “Завтра” — эмоционально окрашенную лексику, метафоры, языковую игру, зачастую сниженную лексику.

Материал проанализированных нами статей позволяет утверждать, что на страницах французского печатного издания Россия позиционируется как враг, агрессор, основная цель информационной войны. Об этом ярко говорят заголовки статей, которые, как известно, являются квинт-

эссенцией содержания. Также отмечается тенденция усиления антиросийской риторики в статьях к концу рассматриваемого нами периода.

Мы можем проследить эту тенденцию на примере заголовков: *Russie-Occident: une histoire d'amour qui n'a pas eu lieu*, “*Guerre des mots*”, “*Donbass, la paix impossible*”.

Заголовки статей газеты “Завтра” ярко демонстрируют патриотическую направленность данного издания: *Русь — птица-тройка, Весна священная*.

Таким образом, позиция французской коммунистической прессы по отношению к России не отличается от позиции западных СМИ иных политических платформ, является звеном в антиросийской информационной войне.

Список литературы:

1. Будаев Э. В. Метафора в политической коммуникации / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. М.: Флинта, 2008. 310 с.
2. Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. 2002. №3. С. 32–43.
3. Шевченко П. Национальные особенности партийных СМИ: что имеем? [Электронный ресурс]. URL: http://www.gazeta.zn.ua/SOCIETY/natsionalnye_osobennosti_partiynyh_smi_chno_imeem.html/ (дата обращения: 20.03.2017).

Сведения об авторах:

Валуїцева Ирина Ивановна, д. ф. н., доцент, Московский государственный областной университет, Москва, Россия; e-mail: irinaiv-v@yandex.ru

Данилина Марина Николаевна, магистрант, Московский государственный областной университет, Москва, Russia; e-mail: salvador.dali.94@yandex.ru

POLITICAL DISCOURSE OF THE COMMUNIST PRESS: COMPARATIVE ANALYSIS

Irina I. Valuytseva

Doctor of Philology, Professor of Linguistics Department, Moscow Region State University, Moscow, Russia; e-mail: irinaiv-v@yandex.ru

Marina N. Danilina

Master Student, Linguistics Department, Moscow Region State University, Moscow, Russia; e-mail: irinaiv-v@yandex.ru

Abstract

The article deals with political discourse of communist press presented by “L’Humanité” and “Zavtra” for the period February 2015 — February 2016. The main newsbreak of the period is Ukraine, Syria and Turkey. The dominant

types of metaphor were defined (war, nature, disease, crime) on the lexical level. The syntax is characterized by a large number of interrogative and exclamatory sentences. Theatricality is the other dominant feature of both periodicals. It is displayed by words, word combinations and syntactical structures. The similarity of political platforms doesn't bring together journalists of the French and the Russian periodicals, the opposition "their own/alien" prevails. So, the French communist press takes part in the information warfare against Russia.

Key words: discourse, Communist press, metaphor, information warfare.

References:

1. Budaev, E. V., and Chudinov, A. P. (2008). *Metafora v politicheskoj kommunikacii* [A Metaphore in Political Communication]. Moskva: Flinta.
2. Demjankov, V. Z. (2002). *Politicheskij diskurs kak predmet politologicheskoy filologii* [Politilogy. Political Discourse: The History and Modern Researches]. *Politiceskaia nauka. Politicheskij diskurs: Istorii i sovremennye issledovania* [Politilogy. Political Discourse: The History and Modern Researches], 3, 32–43.
3. Shevchenko, P. (2015). *Natsionalnye osobennosti partijnyh SMI: chto imeem?* [National features of party media: what do we have?]. Retrieved 20 March, 2017 from http://www.gazeta.zn.ua/SOCIETY/natsionalnye_osobennosti_partijnyh_smi_chto_imeem.html/.

К вопросу о новых тенденциях в развитии масс-медиа в современном Иране

Е. Л. Гладкова

МГИМО МИД России

Аннотация

В течение последних трёх лет с "открытием" виртуального пространства в Иране масс-медиа получили значительно более широкий доступ к источникам информации. Следствием этого стал значительный рост числа печатных изданий и интернет-ресурсов. Отношение политических кругов к расширению виртуального пространства неоднозначное: реформаторы и умеренные считают это проявлением демократии, а консерваторы — опасным явлением, способствующим проникновению в страну элементов чуждой культуры. В рамках активизации внутривнутриполитической борьбы возросло число публикаций, в которых не соблюдаются нормы этики, морали и речевого этикета, что стало предметом обсуждения самых разных кругов. На этом фоне встаёт вопрос о создании новой "культуры СМИ". Статья посвящена рассмотрению критического подхода к СМИ в политическом, социальном и лингвистическом аспектах.

Ключевые слова: Иран, культура СМИ, нормы этики и морали, речевой этикет, политический дискурс.

В последние годы в Иране наблюдается стремительное развитие средств массовой информации (СМИ). Растёт число печатных изданий, сайтов информационных агентств в интернете, телевизионных каналов. Так, на прошедшей в ноябре 2016 года под лозунгом “Траспарентность и правдивость” (*Šaffāfiyyat, sedāqat*) выставке, посвящённой развитию СМИ, было представлено около 900 иранских и зарубежных ресурсов. По сведениям интернет, в настоящее время в Иране издается более 1300 печатных изданий общим тиражом в 2,5 млн. экземпляров. Ряд ежедневных газет издаются тиражом от 200 до 500 тысяч экземпляров [4]. Практически все печатные издания имеют свои сайты в интернете.

Столь быстрое развитие СМИ стало возможным после прихода к власти “умеренного” президента Хасана Роухани, “открывшего” доступ к виртуальному пространству, ранее подвергавшемуся значительно более строгому контролю. В настоящее время наблюдается повышенная активность населения Ирана в “периферийной сфере” СМИ: социальных сетях интернета, форумах и блогах, что не могло не отразиться на деятельности СМИ, в том числе и в политической сфере. Так, помимо выступлений политических деятелей с официальной трибуны (*tribune-rasmi*), СМИ регулярно отслеживают их высказывания в социальных сетях и блогах. Сделав их достоянием гласности, они нередко вызывают публичные обсуждения и даже скандалы.

Следует отметить, что в значительной мере такого рода явления связаны, в первую очередь, с проблемами внутривнутриполитической борьбы, в которой СМИ, привязанные к той или иной политической группировке или ангажированные ею, готовы воспользоваться любыми методами для реализации своих политических целей. Использование интернет-ресурсов в политических целях представляет собой новую тенденцию в развитии средств массовой информации страны.

Роль интернет-ресурсов в политической жизни страны в настоящее время настолько возросла, что становится предметом научных исследований. Этой проблеме посвящена, в частности, диссертация Аббаса Парсиана Абдоллы “Место и роль средств массовой информации в процессе развития внешней политики Ирана в условиях изменяющегося мира”.

По мнению автора диссертации, иранские интернет-ресурсы играют более значительную роль “в реализации заданий публичной дипломатии” [чем печатные источники], так как “часто интернет — единственный источник информации в стране, потому что газеты в большей степени подвергнуты цензуре” [1].

Неудивительно, что в современных условиях развитие СМИ в Иране постоянно сопровождается критикой в их адрес. Печатные издания, интернет-ресурсы и телевизионные каналы регулярно попадают

под прицел резкой критики со стороны политиков, научных кругов и общественных деятелей, что и стало предметом настоящего исследования.

Целью настоящего исследования является рассмотрение новых тенденций в развитии иранских СМИ, а также критического подхода к этой проблеме в современном персидском политическом дискурсе.

В плане критического подхода к СМИ в современном персидском политическом дискурсе можно выделить три аспекта:

- 1) политический,
- 2) социальный,
- 3) лингвистический.

1. Политический аспект

С одной стороны, развитие СМИ приветствуется руководством страны как инструмент и свидетельство расширения демократии. Верховный лидер, в частности, предлагает шире использовать интернет-ресурсы для борьбы с внешним врагом.

С другой стороны, у ряда политических кругов (в основном, консервативных) вызывает обеспокоенность свобода деятельности СМИ в виртуальном пространстве.

В частности, президент ИРИ Х. Роухани считает предоставление широкого доступа к электронным ресурсам одним из достижений его правительства, в то время как противники президента придерживаются противоположного мнения, подчёркивая, что подобная “свобода высказываний” подрывает основы государственного строя и действует в интересах внешнего врага.

В обстановке обострения внутривнутриполитической борьбы СМИ всё чаще используются в качестве инструмента для отстаивания позиций политических течений и фракций. Это ярко проявилось в начале 2016 года в преддверии так называемых “двойных” выборов: в Меджлис (парламент) и Совет экспертов, чьей основной задачей является избрание Верховного лидера страны. Обстановка особенно накалилась в свете очередных двойных выборов 2017 года: президентских и выборов в местные советы.

Руководство страны настоятельно призывает не использовать масс-медиа в качестве площадки для реализации “узких” партийных и фракционных интересов (*ta'min-e manāfe'-e xāss-o mahdud*), так как это может создать раскол в обществе и подрывает основы государственного строя, а СМИ, “играя на чужом поле” (*dar zamin-e moqābel bāzi mikonand*), вольно или невольно могут нанести ущерб национальной безопасности страны [6].

В политическом аспекте главными пороками СМИ представляются спекуляции (*gotāhezani*), распространение слухов (*šāye'esāzi*), непроверенная информация (*axbār-e ta'iin našode*), клевета (*tohtai*) и оскорбления (*towhin*)

2. Социальный аспект

Главным объектом критики здесь является непрофессионализм (*qeyr-herfeyi budan*) и безнравственность (*biaxlāqi, badaxlāqi*), и на первый план выходит понятие **adab** — “культура поведения”, “воспитанность”, “этикет”, получившее распространение в современном персидском политическом и публицистическом дискурсе в контексте соблюдения правил этики и морали (в том числе и речевого этикета).

Персидский политический дискурс не обходится без ссылок на классическую поэзию. Так, в публикациях, посвящённых вопросам соблюдения этикета иранскими политическими и общественными деятелями, часто встречается цитата из произведения великого поэта Саади (предположительно — из поэмы “Голестан”) “*adab-e mard beh ze dowlat-e u-st*” — “культура и воспитание в человеке превыше его богатства (земного достояния)”.

Следует отметить, что поводом для беспокойства снова становится расширение виртуального пространства, оказывающее влияние и на печатные издания. В частности, это относится к сужению возможности контролировать содержание публикаций. Например, если в прессе выступление политического деятеля публикуется “с купюрами”, изъятые отрывки сразу “выкладываются” в интернет и вызывают живейшую реакцию со стороны общества [7].

Нарушением этических норм считается и факт публикации фотографии, считающихся недопустимыми с точки зрения морали. Общеизвестно, что в современных условиях, когда в буквальном смысле любое телодвижение политических деятелей мгновенно становится достоянием гласности, культура их поведения приобретает особое значение. Фотографии с заседаний различного рода органов власти, публикующиеся в прессе и интернете, изображают “возбуждённые и разъярённые лица размахивающих руками [политиков]... с открытыми ртами и вскинутыми бровями” (*čehrehā-ye bar-afruخته-o xašmnāk... bā dahānhā-ye bāz-o abruhā-ye bālā andāخته-o dasthā-ye rehā šode*) [2, с.13].

Отмечается, что подобного рода отход от соблюдения норм этики и морали привёл к появлению “жёлтой прессы” (*resānehā-ye zard*), то есть большого количества различных изданий, которые под предлогом принадлежности к тому или иному политическому или общественному течению считают, что могут “писать, что им заблагорассудится” (*har če dust dārand benevisand*), в результате чего формируется “люмпенская культура прессы” (*farhang-e lumpenism-e matbuāti*). Причины появления “люмпенской культуры” СМИ объясняются недостатками в законодательстве, регулирующем деятельность масс-медиа, отсутствием профсоюза или другого объединения СМИ на общенациональном уровне, а также отсутствием единства и конфронтацией в среде масс-медиа [3, с. 8].

Критика нарушений этикета напрямую связывается с нарушением поведенческих норм ислама и аргументируется цитатами из трактатов выдающихся иранских религиозных деятелей, а также из Корана.

Таким образом, в социальном плане основным объектом критики в адрес СМИ становится подрыв норм морали и этики в профессиональном плане (*zir-e rā gozāştan-e axlāq-e herfeyi dar resānehā*), несоблюдение поведенческого этикета (*adat-e re'āyat-e axlāq*), что, в свою очередь, подрывает моральные основы общества.

3. Лингвистический аспект

В этом аспекте в центре внимания находится проблема соблюдения речевого этикета.

Как отмечают критики, с подачи СМИ в язык политики проникают выражения, выходящие за рамки политической культуры (*xārej az harim-e adabiyāt-e siyāsi*), в их числе уже упоминавшиеся оскорбительные (*towhin*), необдуманные и абсурдные высказывания (*'ebārāt-e saxif*), насмешка и ирония (*kenāye*), а также просторечные выражения (*adabiyāt-e kuče bāzāri*), что вызывает особое раздражение в образованных кругах и среди научной общественности.

Впрочем, проблема оказалась обоюдоострой. С одной стороны, как уже отмечалось, масс-медиа широко используют “периферийные” источники интернет, в частности, социальные сети и, в особенности, блоги отдельных политических и общественных деятелей, цитируя их “нелицеприятные” (*bedun-e rutiš*) высказывания в адрес оппонентов и тем самым “переступая черту дозволенного» (*xatt-e qarmez rā kenār miğozārand*) [7]. С другой стороны, “сами политики, журналисты, представители интеллигенции, депутаты, для которых мораль должна быть на первом месте, употребляя “неприличные выражения” (*ālfāz-e zešt*), “заражают” ими средства массовой информации, которые вынуждены воспроизводить их высказывания” [3, с. 8].

В этом аспекте главной проблемой, с точки зрения политиков, представителей научных кругов и общественности, является нарушение чистоты персидского языка, а главное, искажение имиджа Ирана как страны с высокой культурой.

Вопрос о создании культуры СМИ (*farhangsāzi-ye resānehā*) в современном Иране широко обсуждается на самых разных площадках. Президент ИРИ Х. Роухани неоднократно высказывался за то, что в культуре СМИ должно преобладать понимание и соблюдение моральных ценностей (*axlāqmadāri*). Масс-медиа, по его мнению, “обязаны выделять и формировать такие ценности, как справедливость, правдивость, свобода, демократия, и выполнять в обществе роль высоко нравственного учителя и наставника (*mo'allem-e axlāqmadār-o hedāyatgar*). Соблюдение морали и этикета является необходимостью не только с профессиональной, но и с человеческой точки зрения”. Президент также отмечал, что одним из путей решения проблемы взаимодействия СМИ и общества станет устранение недостатков в “Законе о печати и средствах массовой информации” [5].

Как представляется на основе проанализированного материала, проблема культуры СМИ в Иране перешла в разряд “наболевших”. С одной

стороны, расширение виртуального пространства неизбежно, и контролировать его в современных условиях практически невозможно, с другой стороны, напрашивается необходимость использования его в русле сохранения моральных и духовных ценностей.

Список литературы:

1. Аббас Парсиан Абдолла. Место и роль средств массовой информации в процессе развития внешней политики Ирана в условиях изменяющегося мира: диссертация ... кандидата политических наук: 23.00.02 / Аббас Парсиан Абдолла; [Место защиты: Таджикский национальный университет]. — Душанбе, 2015. 145 с. [Электронный ресурс]. URL:<http://www.dslib.net/polit-instituty/mesto-i-rol-sredstv-massovoj-informacii-v-processe-razvitija-vneshnej-politiki.html/> (дата обращения 03.04.2016).
2. Adab-e mard beh ze dowlat-e u-st. Aftab-e Yazd. 29 mehr 1394 (21 October 2015), No. 3373.
3. Biaxlāqihā-i ke az siyāsiun be matbu'āt miresad! Ebtēkār. 11 mehr 1395 (4 October 2015), No. 3540.
4. Namāyešgāh-e matbu'āt; bozorgtarin gerdehamāi-ye ashāb-e resāne. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.irna.ir/fa/NewsID=82294776> (дата обращения 5.11.2016).
5. Resānehā va bāyestehā-ye pirāstegi. [Электронный ресурс]. URL:<http://www.irna.ir/fa/NewsID=82004832/> (дата обращения 03.04.2016).
6. Resānehā-ye yek bām-o do havā. [Электронный ресурс]. URL:<http://www.irna.ir/fa/NewsID=82020382/> (дата обращения 03.04.2016).
7. Vorud-e adabiyāt-e 'asabāni va kučebāzāri be donyā-ye siyāsāt. [Электронный ресурс]. URL:<http://www.khabaronline.ir/detail/611494/Politics/parties/> (дата обращения 12.12.2016).

Сведения об авторе:

Гладкова Елена Львовна, к. ф. н., доцент, заведующий кафедрой индоиранских и африканских языков, МГИМО МИД России, Москва, Россия; e-mail: egladkova57@gmail.com

ON THE SUBJECT OF NEW TRENDS OF MEDIA DEVELOPMENT IN MODERN IRAN

Elena L. Gladkova

PhD in Linguistics, Associate Professor, Head of the Indian, Iranian and African Department, MGIMO University, Moscow, Russia; e-mail: egladkova57@gmail.com

Abstract

During the last few years Iranian media have gained larger access to the sources of information due to the so-called “opening of virtual space”. As a re-

sult, a lot of new press editions and media sources have emerged. The idea of virtual space opening has been supported by the Reformists and strongly opposed by Conservative wing. At the same time, Iranian media have become the object of criticism, mostly for the use of the language which is considered improper for Persian political discourse both by political and social circles. At present the question of new “media-culture” formation is under discussion in the country. The article deals with critical approach to the Iranian media in political, social and linguistic aspects.

Key words: Iran, media-culture, media-language, Persian political discourse.

References:

1. Abbas Parsian Abdolla (2015). Mesto i rol sredstv massovoi informacii v processe razvitija vneshnej politiki Irana v uslovijah izmenjajuschegosja mira: dissertacia... candidate politicheskikh nauk: 23.00.02 / Abbas Parsian Abdolla; [Mesto zaschity Tajikski natsionalni universitet]. Retrieved 3 April, 2017 from <http://www.dslib.net/polit-instituty/mesto-i-rol-sredstv-massovoj-informacii-v-processe-razvitija-vneshnej-politiki.html/>
2. Adab-e mard beh ze dowlat-e u-st. Aftab-e Yazd. 29 mehr 1394 (21 October 2015), No. 3373.
3. Biaxlāqihā-i ke az siyāsion be matbuʾāt miresad! Ebtokār. 11 mehr 1395 (4 October 2015), No. 3540.
4. Namāyeshgāh-e matbuʾāt; bozorgtarin gerdehamāi-ye ashāb-e resāne. Retrieved 5 November, 2016 from <http://www.irna.ir/fa/NewsID=82294776/>
5. Resānehā va bāyestehā-ye pirāstegi. Retrieved 3 April, 2017 from <http://www.irna.ir/fa/NewsID=82004832/>
6. Resānehā-ye yek bām-o do havā. Retrieved 3 April, 2017 from <http://www.irna.ir/fa/NewsID=82020382/>
7. Vorud-e adabiyāt-e ʿasabāni va kučebāzāri be donyā-ye siyāsāt. Retrieved 12 December, 2016 from <http://www.khabaronline.ir/detail/611494/Politics/parties/>

Ценностная составляющая лингвокультурного типажа “американский политический комментатор”

Д. Е. Гунькова

Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению основных национально-культурных ценностей американского общества, нашедших свое отражение в лингвокультурном типаже американский политический комментатор. Особое внимание уделено функциям политического комментария, как особого жанра политической коммуникации. В данной работе ставится

задача рассмотреть и описать способы репрезентации ценностей в выступлениях американских политических комментаторов Гленна Бека, Майкла Алана Вайнера и Марка Левина. Главным критерием отбора послужила предвыборная и поствыборная тематика. Основными методами исследования является корпусный анализ текстов, семантическое тегирование и использование метода контекстуального анализа. В рамках анализа, были выявлены следующие ценности: благосостояние, желание перемен, успех, патриотизм и индивидуализм. В результате исследования были обнаружены признаки структурной трансформации ряда культурных ценностей. Дискуссионным продолжает оставаться вопрос о скрытом воздействии, не осознанном ни получателем, ни отправителем.

Ключевые слова: политический дискурс, культурные ценности, национально-культурная специфика, статусно-ориентированный дискурс.

Целью политического дискурса является захват, убеждение, перераспределение власти, формирование у адресата определенного отношения к политическому действию. Посредством языка, как инструмента воздействия, в политическом дискурсе актуализируются ценности, определяемые как фундаментальные характеристики культуры, детерминированные действующей идеологией, используемые напрямую или косвенно для формирования общественного мнения [6, с. 45].

Основной функцией политического комментария, как особого жанра политической коммуникации, является установление баланса между поддержанием стабильности общественного мнения и вызовами общественного резонанса. Политический дискурс является лично, культурно и ситуативно детерминированной коммуникативной практикой [5, с. 146] и подразделяется на два основных типа: лично-ориентированный и статусно-ориентированный [4, с. 193]. Дискурс политического комментария относится к статусно-ориентированному типу. Соответственно, принимая на себя определенную статусную роль, политический комментатор, выполняет функцию посредника, транслирующего не только суть принимаемых политических решений, но и адаптацию и субъективную аргументированную оценку, которая может стать позицией для согласившегося с ней адресата.

При детальном изучении текстов появляется возможность выявить имплицитно выраженные бессознательные установки коммуникантов, а, следовательно, и воздействие дискурса на восприятие информации [2, с. 24]. “Произнеся одно единственное слово, человек, как кажется, вынужден занять “позицию” и “осуществлять воздействие” [1, с. 90–92]. Таким образом, в дискурсе политического комментария актуализируются те ценности, которые могут привлечь внимание общественности и оказать на нее манипулятивное воздействие.

Целью нашего исследования является описание способов репрезентации ценностей в выступлениях американских политических комментаторов Гленна Бека, Майкла Алана Вейнера и Марка Левина. В настоящее время Гленн Бек известен благодаря программе национального уровня The Glenn Beck Program на радиостанции Premiere Radio Networks, где он является ведущим. Майкл Алан Вейнер является ведущим национального ток-шоу The Savage Nation, признанного в 2009 году вторым самым отслеживаемым радио ток — шоу в США с аудиторией более 20 миллионов слушателей на 400 станциях. Марк Левин, в прошлом сотрудник администрации президента Рональда Рейгана и начальник штаба генерального прокурора Эдвин Меезе, в настоящее время является радиоведущим авторской программы и политическим комментатором. Материалом для данного исследования послужили скрипты выступлений и радиопередач, собранные в период с октября по ноябрь 2016 года, во время президентской предвыборной кампании 2016 года, а также с января по март 2017 года (в период правления Дональда Трампа). С целью выявления национально-культурных ценностей нами было создано три корпуса общим объемом в 139, 153 слова, в состав которого вошли 7 полных выпусков радиопередач и 2 выступления. Основным критерием отбора была предвыборная и поствыборная тематика. В ходе анализа корпуса с помощью корпус-менеджеров UCREL и Antconc была произведена его семантическая разметка. Семантическое тегирование показало преобладание в корпусе следующих национально-культурных ценностей. Дальнейшее использование метода контекстуального анализа позволило учесть не только прямые указания на ту или иную ценность, но и косвенные актуализации ценностей (см. Табл. 1).

С одной стороны, полученные данные показывают, что к числу культурных ценностей, актуализируемых в анализируемом дискурсе, относятся **wellbeing, desire for change, individualism, patriotism, freedom** и **success**, и подтверждают данные исследований базовых ценностей американской культуры [3; 8; 7]. С другой стороны, современное общество переживает эпоху трансформации национально-культурных ценностей в силу изменений в общественно-политических процессах: глобализации и в тоже время регионализации экономики. Формирование глобального сознания включает в себя перестройку и пересмотр системы ценностей. Стремительные темпы реформации системы ценностей обусловлены неограниченными возможностями современных технологий, экономической, культурной и религиозной интеграцией. На первый план выходит господство силы, выгоды, благосостояния и желание перемен. Общество стремится к открытости, прозрачности, преследует материальные ценности, наслаждается монохромностью и простотой. Политические комментаторы вынуждены действовать согласно сложившейся тенденции: аналитики описывают политиков как бизнесменов, владельцев богатств, славы и власти, что делает их ролевыми моделями в глазах избирателей.

Таблица 1.

Частотность и распределение наиболее употребительных лексических единиц

Список ключевых слов	Частотность	Ценность
person, us, individual, private, family, own, arrogance, bigoted (местоимение <i>you</i> употребляется 2237 раз)	359	individualism
America, Americans, Government, country, nation	462	patriotism
Chance, change, possible, beginning, tomorrow, move, towards, movement	217	desire for change
money, bond, stock market, tax, fund, safe, safety, security, corruption	274	wellbeing
win, lose, business, company, career, power, powerful, leaders	301	success
white Americans, white culture, white people, white and black, Muslim, Nazi, fascist	62	racism
freedom, liberty, free, open, release	110	freedom

Современная национальная идея — это не определенная цель, к которой стремятся, не миссия, которую осуществляю, а стремление стать “примером для подражания”, “кумиром” общества. Ср.: *And I warned that they would bring this country to its knees and destroy us. Now Trump understands that well ... Now we learned ... the Middle Eastern refugees, mainly Muslims, were sucking us dry like leeches. ... They were enjoying a stroll in the stupidest country on the planet. What nation on Earth would bring in people, who don't work and give them housing, medical care, cash assistance and welfare? What stupid nation on Earth would let fat slob come over to this country and live without working but a nation that is committing suicide? I thought this was over when Trump was elected. ... Trump will survive and we will start deporting the leeches.*

Поскольку трансформация еще набирает свои обороты, наблюдается смешение ценностей, характеризующее американскую политическую мысль как совокупность запутанных глубоких противоречий, объединяющих такие ценности, как например, индивидуализм и конформизм, капитализм и демократию, свободу и угнетение. Ср.: *... we have been reduced to a series of broad labels that no longer reflect who we are. Mexican, White, Republican, immigrant, Muslim. We may try to look at people as labels. But if a group of 20 idiotic Trump supporters yell “ethnic slurs”, is the entire stadium racist by association? They're saying: “Chicago is code for black people”.* Настоящей целью данного высказывания является не установка на достижение толерантности, а разжигание противоречий внутри общества за счет излишне частотной номинации этнических групп. В противном случае,

их не стоило бы называть вообще. Автор этих слов, Гленн Бек является приверженцем либертарианского консерватизма, что подтверждает идею о трансформации ценностей в американском обществе. В данном случае его идеи основаны на стремлении следовать консервативным курсом развития и утверждать индивидуальную свободу человека.

Ценности **wellbeing** и **success** являются воплощением идеи материального благополучия и личностных достижений. Ср.: *It means that the smart investors are taking their money off the table and they are looking for safety right now.* В данном случае, мы можем проследить отождествление “наличия денег” с “безопасностью”. *The polls are not rate. These are these are private companies in competition with each other. And if one of them gets them right they're going to get tons, and tons, and tons of money. If you get it wrong, you lose tons, and tons, and tons of money.* Этот пример показывает насколько финансовое благосостояние может повлиять на курс развития государства, в том числе и на принятие серьезных политических решений. Политический комментатор, описывающий данное событие, намеренно предоставляет информацию о скрытых инструментах воздействия на принятие данного решения для расширения аудитории слушателей, которые не воспринимают открытую пропаганду, но заинтересованы в даче “самостоятельной” оценки на основе полученной информации.

Ценность **individualism** как особая форма мировосприятия, подразумевает приоритет индивида над социумом, что доказывает следующий пример: *It was every individual, choosing for themselves to rise above the madness.* Лексема “*individual*” употребляется в условиях узкого контекста с лексемой “*madness*”, что придает слову дополнительное значение “личность, принимающая рациональные решения”.

В период жесткой борьбы за пост президента Америки велась яркая пропаганда СМИ. В тоже время, анализируя ценности американского общества и итог предвыборной гонки, невозможно однозначно заявить, кто являлся предметом пропаганды. Несмотря на существующее мнение о том, что СМИ в большей мере были настроены против кандидата в президенты Дональда Трампа, его имя не только называлось в 1,5 раза чаще (381 раз, в то время как Hilary Clinton упоминали 258 раз), но и контекст содержал положительную оценку и актуализацию вышеназванных культурно-национальных ценностей:

Ср.: *Donald Trump is still the lottery ticket. There is a possibility he will do less bad things. I hear this all the time “Well you know least Donald Trump has a chance to be a good president” (desire for change). Well I that that is going to actually backfire. I think that there is the fuel behind Donald Trump. They're tired of everything being about rates, everything being about the rich versus the poor, and politically correct (desire for change и wellbeing). While the part-time reality TV star big Donald Trump things have real country feeling, we talked about this. But unfortunately Hilary doesn't really care about this issue. The whole thing she cares about you still trust Hillary (patriotism).*

Подводя итог, отметим, что введение национально-культурных ценностей способствует привлечению аудитории слушателей, является инструментом воздействия на адресата, называя гипотетически возможные пути развития политических событий, формирует общественное сознание, в том числе и посредством разнообразных трансформаций ряда культурных ценностей.

Список литературы:

1. Блакар Р.М. Язык как инструмент социальной власти. Москва: Прогресс, 1987. 169 с.
2. Гуляева Т.В. Вокативность американского официально-политического дискурса: коммуникативный и когнитивный аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04/ Гуляева Татьяна Валерьевна; Пермский государственный университет. — Пермь, 2007. — 178 с.
3. Карасик В.И. Языковое проявление личности: монография. Волгоград: Парадигма, 2014. 384 с.
4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс: монография. Москва: Гнозис, 2004. 477 с.
5. Кашкин В.Б. Введение в теорию коммуникации: учебное пособие. Воронеж: ВГТУ, 2000. 175 с.
6. Парастаев Г.Н. Лексико-семантические особенности американского политического дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04/ Парастаев Георгий Николаевич; Московский государственный областной социально-гуманитарный институт. — Коломна, 2012. — 209 с.
7. Светоносова Т.А. Сопоставительное исследование ценностей в российском и американском политическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20/ Светоносова Татьяна Александровна; Уральский государственный педагогический университет. — Екатеринбург, 2006. — 174 с.
8. Современная политическая лингвистика: учебное пособие / Э.В. Будаев, М.Б. Ворошилова, Е.В. Дзюба, Н.А. Красильникова. Екатеринбург, 2011. 252 с.

Сведения об авторе:

Гуныкова Дарья Евгеньевна, аспирант кафедры английской филологии, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: Gunk92@gmail.com

THE VALUE CONSTITUENT OF THE LINGUOCULTURAL PROTOTYPE “AMERICAN POLITICAL COMMENTATOR”

Daria Je. Gunkova

Postgraduate student of the Department of English Philology, Leningrad State University named after A. S. Pushkin, St. Petersburg, Russia; e-mail: Gunk92@gmail.com

Abstract

The article is devoted to the basic national and cultural values of the American society, as reflected in the linguistic culture type “American political commentator”. Particular attention is paid to the functions of political comment, as a special genre of political communication. In this paper, the task is to consider and describe ways of representing values in the speeches of American political commentators, such as Glenn Beck, Michael Alan Weiner and Mark Levin. The main criterion for the selection was the pre-election and post-election topics. The main methods of the research are corpus text analysis, semantic tagging and the use of the contextual analysis method. As part of the analysis, the following values were identified: the well-being, a desire for change, success, patriotism and individualism. As a result of the research, signs of structural transformation of a number of cultural values were discovered. Discussion remains the question of hidden effects, not realized neither by the recipient nor by the sender.

Key words: political discourse, cultural values, the national political consciousness, status-oriented discourse.

References:

1. Blakar, R.M. (1987). *Jazyk kak instrument social'noj vlasti* [Language as an instrument of social power]. Moskva: Progress.
2. Guljaeva, T.V. (2007). *Vokativnost' amerikanskogo oficial'no-politicheskogo diskursa: kommunikativnyj i kognitivnyj aspekty* [Vocativity of US formal and political discourse: communicative and cognitive aspects]. Perm'.
3. Karasik, V.I. (2004). *Jazykovoju krug: lichnost', koncepty, diskurs* [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Moskva: Gnozis.
4. Karasik, V.I. (2014). *Jazykovoe projavlenie lichnosti* [Language manifestation of personality]. Volgograd: Paradigma.
5. Kashkin, V.B. (2000). *Vvedenie v teoriju kommunikacii* [Introduction to Communication Theory]. Voronezh: VGTU.
6. Parastaev, G.N. (2012). *Leksiko-semanticheskie osobennosti amerikanskogo politicheskogo diskursa* [Lexico-semantic features of American political discourse]. Kolomna.
7. Svetonosova, T.A. (2006). *Sopostavitel'noe issledovanie cennostej v rossijskom i amerikanskom politicheskom diskurse* [Comparative study of values in Russian and American political discourse]. Ekaterinburg, 2006.
8. *Sovremennaja politicheskaja lingvistika* [Modern political linguistics]. (2011). Budaev Je. V., Voroshilova, M. B., Dzjuba, E. V., and Krasil'nikova N. A. Ekaterinburg.

Когнитивные модели как основа дискурсивного конструирования чужеродности в политической коммуникации

Ю. И. Детинко

Сибирский федеральный университет

Аннотация

В статье речь идет о дискурсивной репрезентации когнитивных моделей, направленных на формирование образа “чужого” в британской политической коммуникации. Рассматривается понятие “когнитивная модель” и определяется место когнитивных моделей в структуре человеческой памяти. Принимая во внимание тот факт, что осмысление когнитивных моделей происходит через анализ дискурса, автор обосновывает важность учета социальных и индивидуальных когниций в процессе интерпретации политического взаимодействия. На лингвистическом материале демонстрируется, как применение дискурсивного анализа в сочетании с когнитивным позволяет выявить когнитивные модели, конструирующие чужеродность в политической коммуникации Великобритании, с учетом знаний о предмете общения и определенной социальной ситуации, предшествующего опыта и вероятностного прогнозирования.

Ключевые слова: когнитивные модели, конструирование образа “чужого”, британская политическая коммуникация, дискурсивный и когнитивный анализ.

Одной из ключевых задач современной науки о человеке является выявление и обобщение способов осмысления мира в процессе человеческого общения. Важнейшими когнитивными координатами в моделировании смысла являются знание, понимание и интерпретация [5, с. 226]. Знание представляет собой объективную информацию о действительности и существует в виде текстов и других артефактов [5, с. 226–227]. Понимание выступает в качестве “когнитивной деятельности, результатом которой является установление смысла некоторого объекта” [3, с. 124]. Под интерпретацией понимается передача осмысленной информации, так называемая экстериоризация знаний [5, с. 231]. Интерпретация политического дискурса тесно связана с моделированием когнитивных структур в общественном сознании. Под когнитивными структурами мы, вслед за В. В. Красных, понимаем неделимую и нечленимую единицу, хранящую “свернутое” знание и/или представление [6, с. 64]. По утверждению Р. Водак, “несмотря на уверенность человека в том, что нельзя “заглянуть” в сознание другого (в “черный ящик”), (практически) каждый из нас убежден, что существуют определенные ментальные процессы, которые связывают производство

и понимание текста как с высказыванием, текстом и коммуникацией, так и с социальными явлениями” [10, с. 163]. Исследователь обращает внимание на то, что даже в повседневной жизни мы постоянно на собственном опыте убеждаемся, как мы неизбежно и чаще всего автоматически сводим сложности жизни к определенным ментальным моделям, общеизвестным истинам, которые влияют на принятие решений и межличностное взаимодействие. Будучи носителем определенной культуры, человек научился быстро распознавать систематически повторяющиеся события, соответственно реагировать на них и обновлять информацию [10, с. 163]. Т. ван Дейк отмечает, что когнитивные процессы и ментальные репрезентации тесно связаны с памятью. Традиционно различают кратковременную и долговременную память. В кратковременной памяти происходит переработка актуальной информации, понимание и производство дискурса, мониторинг интеракций, с использованием информации, хранящейся в долговременной памяти. Информация в долговременной памяти организована на основе различных типов ментальных репрезентаций, каждый из которых обладает своей собственной схематической структурой (типичные установки, события, действия, участники). В долговременной памяти происходит разделение на семантическую и эпизодическую память. Семантическая память хранит абстрактную социально разделяемую информацию, такую как знание языка или знание об окружающем мире, в то время как эпизодическая память сохраняет элементы личного опыта, возникающие на основе переработки информации в кратковременной памяти. Формами социальной информации являются знания, а также групповые позиции, идеологии, нормы, ценности. Под знанием понимается организованная ментальная структура, состоящая из общепринятых, основанных на фактах убеждений социальной группы или целой культуры, соотносимых с исторически варьируемыми критериями истины, свойственными социальной группе или культуре. То, что является знанием для одной группы или культуры на определенном периоде ее развития, может рассматриваться как всего лишь мнение другими группами или культурами. Групповые позиции рассматриваются как нечто оценочное и субъективное, формирующееся на основе блоков характеристик, например, собственной группы, других групп и взаимоотношений между ними. Помимо общепринятых групповых убеждений, люди также накапливают индивидуальный опыт и знания, хранящиеся в эпизодической памяти. Эпизодическая память сохраняет элементы личного опыта, возникающие на основе переработки (понимания) информации в кратковременной памяти. Элементы личного опыта также имеют схематическую структуру, состоящую из ряда фиксированных категорий, например, установок, действий, участников и их различных ролей. Когнитивные (ментальные) модели специфических событий формируются на субъективном уровне. Модели служат особой базой данных, соединяя новую информацию (например, понимание текста или наблюдение события), фрагменты более

ранних опытов (более ранние модели), конкретизации или более обобщенную индивидуальную информацию (личностные знания, личность, самость), конкретизации социально разделяемой информации (групповые убеждения или культурные сценарии). То есть модели содержат как индивидуальную, так и социальную информацию и, таким образом, служат как основа взаимодействия между социальным и индивидуальным. Общие и абстрактные репрезентации социальной памяти в первую очередь происходят из сферы нашего личностного опыта и реализуются в наших эпизодических когнитивных моделях [1, с. 197–200], [8, с. 145–151].

Схематично взаимодействие разных типов знаний и когнитивных структур можно представить следующим образом:

Схема 1.

Т. ван Дейк отмечает, что в современной семиотике, лингвистике, дискурсивном анализе и исследовании массовой коммуникации когнитивный анализ зачастую не осуществляется или дается в очень поверхностных и интуитивных терминах, таких как “осознание” или “производство

смысла”. Однако именно через детализированный учет социальных когнитивных моделей мы можем соотнести дискурс и говорящих с социальной ситуацией и культурой [9, с. 119]. То есть представления, которые пользователи языка имеют об определенных социальных ситуациях, актуализируются в дискурсе в виде когнитивных моделей. Иными словами, когнитивные модели представляют собой базовые структуры репрезентации знаний об определенной социальной ситуации, опирающиеся на знания о предмете общения, связанном с ним предшествующим опытом и вероятностном прогнозировании [7, с. 157–158]. Отталкиваясь от понимания модели, представленного в работах Т. ван Дейка, категории, входящие в модель, включают в себя “обстановку (время, место, окружение, условия), участников в различных ролях, а также события и действия” [2, с. 168]. Дискурс о “чужих” в политической коммуникации представляет собой ситуацию взаимодействия оппонентов (“их” и “нас”) в обстановке полемичности, что предполагает направленность на адресата, оценочность позиции оппонента, наличие противоречия, стремление отстаивать свою точку зрения, поддержать “своих” и показать в неприглядном свете “чужих”. Данная исходная ситуация позволяет выделить ряд когнитивных моделей, характерных для репрезентации “чужих” в политическом дискурсе.

В качестве эмпирического материала была рассмотрена британская политическая коммуникация в монокультурной перспективе, **отражающая “дискурсивное взаимодействие представителей политических партий и политических агентов, принадлежащих одному национально-лингво-когнитивному сообществу”** [4, с. 32]. Заданная перспектива обуславливает категории обстановки (частично, поскольку каждая конкретная ситуация рождает новую обстановку со своим временем, местом, предметом и т.д.) и участников (также в обобщенном свете как представителей ведущих в определенный период времени партий Великобритании) при описании модели. Для дискурсивного конструирования чужеродности в рамках монокультурной перспективы британской политической коммуникации было выявлено десять когнитивных моделей:

- когнитивная модель “Посмотрите, **они** не выполняют то, что должны”;
- когнитивная модель “Сравните, **мы** лучше, чем **они**”;
- когнитивная модель “**Они** не меняются”;
- когнитивная модель “**Мы** можем подробно представить **их** отрицательные стороны”;
- когнитивная модель “**Нам** придется решать проблемы, созданные **ими**”;
- когнитивная модель “**Они** такие же (плохие), как и другие”;
- когнитивная модель “Как же можно **им** доверять?”;
- когнитивная модель “Если бы **они** так сделали, было бы плохо”;

- когнитивная модель “Ситуация сложная, но с **нами** есть выход”;
- когнитивная модель “**Их** позиция несерьезна”.

Для демонстрации лингвистической реализации моделей представим материал заседания Палаты общин от 11 мая 2011 года. В частности, мы анализируем диалог между действующим премьер-министром Дэвидом Кэмероном и лидером оппозиции Эдвардом Милибэндом в традиционном разделе “Вопросы премьер-министру” (Prime Minister Questions) [Hansard, 11.05.11, Columns 1156–1157]. Речь идет о Государственной службе здравоохранения, реформирование которой стало поводом для многочисленных дебатов, претензий и разногласий между представителями политических партий.

Edward Miliband (Doncaster North) (Lab): *No, waiting times are rising. I notice that the Prime Minister did not even take the opportunity to take responsibility for the health policy. Where is the Health Secretary, after all? Where is he?*

В данном случае когнитивная модель “Посмотрите, “они” не выполнят то, что должны” реализуется посредством конструкции *did not even take the opportunity to take responsibility*, актуализирующей нежелание премьер-министра брать на себя ответственность. О бездействии партии консерваторов может свидетельствовать также вопрос об отсутствии министра здравоохранения *Where is the Health Secretary, after all? Where is he?* Данная когнитивная модель строится на упоминании прошлого негативного опыта, привлечения внимания к “недолжному” отсутствию в данный момент. По сути, говорящий актуализирует те социальные когниции, которые, очевидно, имеют целью подорвать авторитет оппонента.

The Prime Minister: *I can absolutely guarantee that there will be significant and substantial changes to the reforms because we want to get them right and because we want to guarantee an NHS that is free at the point of use and available based on need rather than the ability to pay. Unlike the Labour party, which is now cutting the NHS in Wales, this Government will put more money into the NHS.*

Когнитивная модель “Сравните, **мы** лучше, чем **они**” актуализируется посредством конструкции *unlike the Labour party*, предполагающей противопоставление положительных действий своей партии в первой части реплики с негативными действиями партии лейбористов, что представлено оппозицией *cutting the NHS — will put money into the NHS*. Данная когнитивная модель основана на обращении к общечеловеческим ценностям, ориентирована на создание контраста в предлагаемых действиях в свою пользу, что может вести к изолированию “чужих”, представлению их “менее заметными” на своем фоне.

Таким образом, когнитивные модели, являясь базовыми структурами репрезентации знаний об определенной социальной ситуации с учетом знаний о предмете общения и предшествующего опыта, а также вероятностного прогнозирования, представляют собой основу для формирования общих установок дискурса о “чужих” в политической

коммуникации. Когнитивный анализ в сочетании с дискурсивным позволяет задействовать в исследовании опыт, продуцируемый на основе работы структур памяти человека как индивидуума и как представителя определенного национально-лингво-когнитивного сообщества. По сути, сочетание дискурсивного и когнитивного анализа позволяет соотнести знание, поступающее извне с теми социальными когнициями (мыслями, относящимися к социальным данностям), которые хранятся в памяти и влияют на понимание смысла, порождая определенную реакцию и позволяя спрогнозировать дальнейший ход развития ситуации, что лежит в основе выстраивания стратегий и тактик политического дискурса, в частности дискурса о “чужих”. Детализированное представление репрезентируемых в дискурсе индивидуальных и социальных когниций способствует более глубокому пониманию механизма дискурсивного конструирования чужеродности в политической коммуникации.

Список литературы:

1. Дейк Т. А. ван. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: Книжный дом “ЛИБРОКОМ”, 2013. 344 с.
2. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / под ред. В. И. Герасимова. Изд. 2-е. М.: ЛЕНАНД, 2015. 320 с.
3. Демьянков В. З. Понимание / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Изд-во МГУ, 1996. С. 124–126.
4. Детинко Ю. И. Политическая коммуникация: опыт мультимодального и критического дискурс-анализа: монография / Ю. И. Детинко, Л. В. Куликова. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2017. 168 с.
5. Карасик В. И. Языковая кристаллизация смысла. М.: Гнозис, 2010. 351 с.
6. Красных В. В. “Свой” среди “чужих”: миф или реальность? М.: ИТДГК “Гнозис”, 2003. 375 с.
7. Макаров М. Л. Основы теории дискурса: монография. М.: Гнозис, 2003. 277 с.
8. Dijk T. van. Cognitive Processing in Literary Discourse // *Poetics Today. Special Issue: Literature, Interpretation, Communication*. 1979. Vol. 1, №½, 143–159.
9. Dijk T. van. Media Contents: The interdisciplinary study of news as discourse // *Handbook of Qualitative Methods in Mass Communication Research* (Eds. K. Bruhn-Jensen and N. Jankowski), London: Routledge, 1991. P.108–120.
10. Wodak R. The contribution of critical linguistics to the analysis of discriminatory prejudices and stereotypes in the language of politics // *Handbook of communication in public sphere* (Eds. R. Wodak and V. Koller), Berlin: Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, 2008. P. 291–315.

Сведения об авторе:

Детинко Юлия Ивановна, к. ф. н., доцент кафедры германских языков и межкультурной коммуникации, Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия; e-mail: julia_detinko@mail.ru

COGNITIVE MODELS AS THE BASIS FOR DISCURSIVE CONSTRUCTING THE OTHERNESS IN POLITICAL COMMUNICATION

Iuliia I. Detinko

Candidate of Philology, Associate Professor of Theory of Germanic Languages and Intercultural Communication Department, Siberian Federal University, Russia; e-mail: julia_detinko@mail.ru

Abstract

This paper deals with the discursive representation of cognitive models, aimed at creating the image of the “others” in the British political communication. The author considers the concept of “a cognitive model” and determines the place of cognitive models in the structure of human memory. Taking into account the fact that cognitive models are understood through discourse analysis, the author proves the importance of integrating social and individual cognitions in the process of interpretation of political interaction. On the basis of linguistic material, it is demonstrated how the use of discourse analysis in conjunction with cognitive analysis helps to reveal the cognitive models, constructing otherness in the British political communication in the light of knowledge about the subject of communication and a certain social situation, previous experience and probable forecasting.

Key words: cognitive models, construction of the “others”, British political communication, discourse and cognitive analysis.

References:

1. Dejk, T. A. van (2013). *Diskursivlast': Rezentatsiiadomirovaniia v iazykeikomunikatsii* [Discourse of power: Representation of domination in the language and communication]. Moskva: Knizhnydom “LIBROKOM”.
2. Deik, T. A. van (2015). *Iazyk. Poznanie. Kommunikatsiia* [Language. Cognition. Communication] (Ed. V. I. Gerasimova). 2nd ed. Moskva: LENAND.
3. Dem'iankov, V. Z., Kubriakova, E. S., Pankrats, Iu. G., & Luzina, L. G. (1996). *Ponimanie* [Understanding]. *Kratkiislovar' kognitivnykhterminov* [Brief dictionary of cognitive terms]. Moskva: Izd-vo MGU, 124–126.
4. Detinko, Iu. I., & Kulikova, L. V. (2017). *Politicheskaiia kommunikatsiia: opyt mul'timodal'nogo i kriticheskogo diskurs-analiza: monografia* [Political communication: practice of multimodal and critical discourse analysis: monograph]. Krasnoirsksk: Siberian Federal University.
5. Karasik, V. I. (2010). *Iazykovaiakristallizatsiiasmysla* [Language crystallization of meaning]. Moskva: Gnozis.
6. Krasnykh, V. V. (2003). “Svoi” sredi “chuzhikh”: mifilireal'nost'? [“Self” among “others”: myth or reality?]. Moskva: ITDGK “Gnozis”.
7. Makarov, M. L. (2003). *Osnovyteoriidiskursa: monografia* [Foundations of the theory of discourse: a monograph]. Moskva: Gnozis.

8. Dijk, T. van. (1979). Cognitive Processing in Literary Discourse. *Poetics Today. Special Issue: Literature, Interpretation, Communication*, vol. 1, no. 1/2, 143–159.
9. Dijk, T. van. (1991). Media Contents: The interdisciplinary study of news as discourse. *Handbook of Qualitative Methods in Mass Communication Research* (Eds. K. Bruhn-Jensen and N. Jankowski). London: Routledge, 108–120.
10. Wodak, R. (2008). The contribution of critical linguistics to the analysis of discriminatory prejudices and stereotypes in the language of politics. *Handbook of communication in public sphere* (Eds. R. Wodak and V. Koller). Berlin: Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, 291–315.

Конструкт “Запад” в российском внешнеполитическом дискурсе

Т. В. Дубровская

Пензенский государственный университет

Аннотация

В статье Запад рассматривается как дискурсивный феномен, смысл которого конструируется посредством языковых ресурсов. Автор ставит задачу выявить основные механизмы дискурсивного конструирования “Запада” в российском внешнеполитическом дискурсе на материале выступлений Министра иностранных дел РФ С. В. Лаврова (2014–2016). Методологически исследование базируется на теории социального конструкционизма и критическом анализе дискурса, в частности на теории репрезентации социальных акторов и категории дискурсивной стратегии. Результаты показывают, что “Запад” как дискурсивный конструкт имеет неопределенный и разнородный состав, то есть комбинация акторов, принадлежащих к группе, варьируется. Акцент говорящего на отдельных акторах и их характеристиках обусловлен конкретным прагматическим контекстом. Текущая геополитическая ситуация способствует созданию отрицательной аксиологической нагрузки конструкта “Запад”, который часто конструируется посредством стратегий негативной репрезентации.

Ключевые слова: внешнеполитический дискурс, Россия, Запад, конструкционизм, стратегия, актор.

Настоящая работа представляет собой фрагмент более крупного проекта (см. Прим.), нацеленного на выявление механизмов дискурсивного конструирования межнациональных отношений в политическом, юридическом и масс-медийном дискурсе [1]. В данной статье мы рассматриваем Запад как дискурсивный феномен, смысл и аксиологическая нагрузка которого конструируются посредством языковых ресурсов. Этот

дискурсивный конструкт в свою очередь способствует построению более общей категории межнациональных отношений. Исследование базируется на теории социального конструкционизма, критическом анализе дискурса, в частности на теории репрезентации социальных акторов [2] и категории дискурсивных стратегий [4].

Определяя механизмы дискурсивного конструирования категории “Запад” в российском внешнеполитическом дискурсе, мы ставим задачи выявить: 1. политических акторов, которых охватывает этот конструкт; 2. аксиологическую нагрузку, которую конструкт “Запад” приобретает в дискурсе; 3. прагматические стратегии, задействованные в конструировании “Запада”. Исследование проведено на материале выступлений Министра иностранных дел РФ С. В. Лаврова 2014–2016 гг. Тексты выступлений извлечены из архива официального сайта МИД РФ и далее цитируются в строгом соответствии с оригиналом (www.mid.ru).

“Запад” как зонтичный термин. Результаты анализа показывают, что “Запад” как дискурсивный конструкт имеет неопределенный и разнородный состав, то есть комбинация акторов, принадлежащих к группе, варьируется. Существует три основных употребления категории “Запад” с разным смысловым наполнением:

Во-первых, категория “Запад” может фигурировать в дискурсе как самоочевидная, не требующая разъяснений, каких акторов она охватывает:

(1) К сожалению, наше искреннее стремление наладить широкое партнерство (а мы действительно искренне стремились к этому), наше желание сделать его подлинно стратегическим не получило должной поддержки со стороны государств Запада. Не буду обобщать, кое-кто был готов пойти на встречу, но блоковая солидарность, дисциплинированная позиция «все или никто» в итоге заставила наших западных партнеров отреагировать отрицательно и остаться на позиции мышления категориями “свой” — “чужой”. (Лавров 8.11.2016)

В приведенном примере критические замечания министра направлены на коллективного актора “Запад”, выраженного номинациями *государства Запада, кое-кто, западные партнеры*, которые не получают толкования. Очевидно лишь, что Запад — это собирательный и неоднородный актор, охватывающий несколько стран, которые находятся в разных отношениях с РФ (*не буду обобщать*).

Во-вторых, “Запад” фигурирует как эквивалент Европы и Евросоюза, включая страны-члены ЕС, его различные институты и организации, а также официальных представителей ЕС. Репрезентация Запада как исключительно европейского конструкта также неоднозначна. К примеру, в контексте российско-европейских отношений неоднократно упоминается НАТО, хотя этот коллективный актор помимо европейских стран включает США и Канаду.

Третий тип репрезентаций Запада построен на эксплицитном указании на тесную связь между Европой и США, которые дискурсивно

объединены в группу и которым приписываются похожие качества (повестка, цели):

(2) *На Украине назревали противоречия. Для нас очевидно, что они были активно использованы **нашими западными партнерами в Евросоюзе и США для продвижения своей повестки дня, своих односторонних целей**, забывая об интересах всего украинского народа. Мы это не скрываем и честно говорим с **нашими американскими и европейскими коллегами**.* (Лавров 6.05.2014)

Аксиологическая нагрузка конструкта “Запад”: Свойства внешнеполитического дискурса как локуса борьбы за влияние на международной арене, а также принципиальные политические противоречия между Россией и Западом предопределяют идеологически заряженные репрезентации и интерпретации Запада, конструируемые в российском дискурсе. В основном репрезентации Запада имеют отрицательно-оценочный характер, который создается посредством нескольких дискурсивных стратегий. Под стратегией мы понимаем “более или менее осознанный план действий (включая дискурсивные действия), предпринимаемые для достижения конкретной социальной, политической, психологической или лингвистической цели” [3, с. 94]. (Перевод с английского мой. — Т. Д.).

Выделенные нами **стратегии отрицательной репрезентации** включают стратегии отрицательной оценки, отрицательной эмоционализации и отрицательного прогноза.

Отрицательная оценка охватывает осуждение и обвинение. В следующем фрагменте политика Евросоюза по отношению к России осуждается как неконструктивная и нарушающая все принятые договоренности:

(3) *Что касается политики Евросоюза в отношении России, я **не думаю, что найдется кто-нибудь из серьезных политиков, кто назовет ее конструктивной**. Причем, это проявлялось задолго до того, что называют украинским кризисом. В течение многих лет наши партнеры в Брюсселе **отказывались завершить работу над новым базовым соглашением, требуя, чтобы мы взяли на себя дополнительные односторонние уступки по сравнению с пакетом, который был согласован между Россией и Евросоюзом при вступлении нашей страны в ВТО**.* (Лавров 9.06.2014)

Чтобы приписать отрицательные качества и действия Западу, применяется тактика обвинения, а также подчёркивается безосновательность неконструктивной политики Запада.

Стратегия **отрицательной эмоционализации** делает акцент на выражении чувств политического актора, вызванных действиями или качествами другого актора. На уровне лексических средств она реализуется посредством ссылок на эмоциональные состояния. При обсуждении данной стратегии надо понимать, что внешнеполитический дискурс — это институциональный тип дискурса, в котором выражение эмоций носит условный характер и подкрепляется рациональными аргументами. Самыми распространенными ссылками на эмоции, актуализирующими

отношение России к Западу, представляются метатекстовые единицы *к сожалению, сожалею*, которые сопровождаются указаниями на причину таких эмоций:

(4) *Но, к сожалению, наши западные партнеры пока не созрели для того, чтобы согласиться на равноправное участие Юго-Востока Украины в национальном диалоге.* (Лавров 6.05.2014)

Отрицательный прогноз часто реализуется в утверждениях о возможных негативных последствиях изоляции России от остального мира. Такие ссылки имеют семантику будущего, что выражено соответствующими грамматическими формами будущего времени:

(5) *Мы последовательно исходим из того, что без объединения потенциалов всех государств обеспечить Европе, включая Евросоюз, достойное место в новой полицентричной системе мироустройства **вряд ли получится**. Кстати, история не раз наглядно демонстрировала, что попытки изолировать Россию неизменно приводили к тяжелым последствиям для всего континента <...>* (Лавров 8.11.2016)

Сочетание грамматических форм будущего времени с репрезентациями потенциальных неудач и потерь для мирового сообщества образуют стратегию негативного прогноза.

Стратегии репрезентации могут принимать и **положительный аксиологический заряд**, когда коллективный актор Запад распадается и объектом репрезентации становится отдельный актор в составе категории Запад. В этих случаях можно говорить о стратегиях положительной оценки, положительной эмоционализации и положительного прогноза. Положительные качества приписываются отдельным странам в составе Запада обычно в контексте двусторонних встреч между лидерами государств. Таков пример из речи, иллюстрирующий добрососедские отношения между Россией и Финляндией и произнесенной на совместной пресс-конференции после переговоров министров иностранных дел двух стран:

(6) *Отношения с Финляндией имеют для нас **самоценное значение**. Их характеристика — это, в первую очередь, **добрососедство** во всех его измерениях, а по целому ряду направлений, таких как **торгово-экономическое и инвестиционное сотрудничество**, мы вышли на **уровень стратегического партнерства** <...>* (Лавров 9.06.2014)

Видим, что Финляндия получает репрезентации доброго соседа и стратегического партнера, а отношения с этим актором характеризуются как ценные и добрососедские. Комбинация положительной оценки и положительного прогноза обнаруживается в следующем примере:

(7) *Что касается места Финляндии в российской внешней политике, то Финляндия для нас **очень добрый и близкий сосед**, и мы друг друга за многие годы и десятилетия **никогда не подводили**. Уверен, **так будет и в будущем**.* (Лавров 9.06.2014)

Стратегия положительной эмоционализации реализуется рядом маркеров: *радует, отрадно, отмечу наше удовлетворение* (Лавров 8.11.2016).

Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов:

1. Во внешнеполитическом дискурсе Запад существует не как объективный феномен, а как социальный конструкт, который получает неоднозначные репрезентации и интерпретации в зависимости от широкого политического контекста, специфических прагматических факторов и целей говорящего.
2. Запад конструируется как социальный (политический) актор, в состав которого входят множественные и разнородные акторы, включая страны, организации и отдельные личности. Запад как социально конструируемая категория постоянно формируется и расформируется в дискурсе.
3. Конструкт “Запад” не имеет определенных географических границ. Лексема “Запад” используется как зонтичный термин, который охватывает Европу и США, в их противопоставлении к России.
4. Западу и акторам, входящим в его состав, приписываются положительные и отрицательные свойства, для чего применяются стратегии отрицательной и положительной репрезентации, включая оценку, эмоционализацию и прогноз. Запад как единый актор чаще получает отрицательные репрезентации, тогда как отдельные акторы в его составе нередко конструируются посредством положительных стратегий.
5. Запад как социальный конструкт представляет собой значимый компонент в дискурсивном конструировании межнациональных отношений России.

Список литературы:

1. Dubrovskaya T. Media construction of Russia's international relations: specifics of representations / T. Dubrovskaya, E. Kozhemyakin // *Critical Discourse Studies*. 2017. Vol.14. Issue 1. P. 90–107.
2. Leeuwen T. van. The representation of social actors // *Texts and Practices: Readings in Critical Discourse Analysis*. Ed. Carmen. R. Caldas-Coulthard et al. London: Routledge, 2003. P. 32–70.
3. Reisigl M. The discourse-historical approach / M. Reisigl, R. Wodak // *Methods of Critical Discourse Analysis*. Ed. Ruth Wodak et al. London: Sage Publications, 2009. P. 87–121.
4. Sowińska A. Discursive Strategies in the Media Construction of Poland, Russia and the USA in the Context of the Debate on the US Anti-Ballistic Missile Defense Shield in Polish and Russian Quality Papers / A. Sowińska, T. Dubrovskaya // *Exploring Language through Contrast*. Ed. Waldemar Skrzypczak et al. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2012. P. 268–288.

Примечание:

Работа выполнена при поддержке Российского научного гуманитарного фонда, проект №15–34–14001 “Политический, юридический

и масс-медийный дискурс в аспекте конструирования межнациональных отношений Российской Федерации”.

Сведения об авторе:

Дубровская Татьяна Викторовна, д. ф. н, доцент, заведующий кафедрой “Английский язык”, Пензенский государственный университет, Пенза, Россия; e-mail: gynergy74@gmail.com

CONSTRUCT “THE WEST” IN RUSSIAN FOREIGN POLICY DISCOURSE

Tatiana V. Dubrovskaya

Doctor of Philology, Head of the English language department, Penza State University, Penza, Russia; e-mail: gynergy74@gmail.com

Abstract

In this study, the West is viewed as a discursive phenomenon, whose meaning is constructed by verbal resources. The author sets the task to discover principal discursive mechanisms of the category “the West” in Russian foreign policy discourse based on speeches by the Russian Foreign Minister Sergey Lavrov (2014–2016). In terms of methodology, the approach taken in this paper is informed by social constructionism and Critical Discourse Analysis, specifically on the theory of representations of social actors and the category of discursive strategy. The results show that the West as a discursive construct has multiple and heterogeneous constituency, i.e. the combination of the actors that belong to the group varies. The focus on specific members of the group is contingent on the concrete pragmatic context. The current geopolitical situation is conducive to constructing a negative axiological charge of the West, which is often ascribed negative qualities through the strategy of negative representation.

Key words: foreign policy discourse, Russia, the West, constructionism, strategy, actor.

References:

1. Dubrovskaya, T., and Kozhemyakin, E. (2017). Media construction of Russia’s international relations: specifics of representations. *Critical Discourse Studies*, 14, 1, 90–107.
2. Leeuwen, T. van. (2003). The representation of social actors. In *Texts and Practices: Readings in Critical Discourse Analysis*. Ed. Carmen. R. Caldas-Coulthard et al. London: Routledge, 32–70.
3. Reisigl M., and Wodak, R. (2009). The discourse-historical approach. In *Methods of Critical Discourse Analysis*. Ed. Ruth Wodak et al. London: Sage Publications, 87–121.

4. Sowińska, A., and Dubrovskaya, T. (2012). Discursive Strategies in the Media Construction of Poland, Russia and the USA in the Context of the Debate on the US Anti-Ballistic Missile Defense Shield in Polish and Russian Quality Papers. In *Exploring Language through Contrast*. Ed. Waldemar Skrzypczak et al. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 268–288.

Языковая политика в немецкоязычных странах: гендерный и этнический аспекты

А. И. Едличко

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению реализации гендерного и этнического аспектов в рамках языковой политики, проводимой в немецкоязычных странах. Проблема использования этно- и гендерно-корректных номинаций обсуждается в настоящее время довольно активно в немецкоязычном социуме. Результаты социологических, лингвистических и политологических обсуждений находят свое отражение в федеральных и локальных нормативно-правовых документах, обладающих юридической силой и предписывающих корректное употребление названий этносов и гендерных групп в языке и речи. В статье дается краткая характеристика термина “языковая политика” и приводятся результаты дискурсивного (на материале текстов политического дискурса) и лексикографического анализа диахронической трансформации, содержательной составляющей этнонимов и гендерно-корректных наименований. На основании проведенного анализа автор приходит к выводу о постепенном вытеснении ряда некорректных этнических и гендерных номинаций из употребления в современном немецком языке, несмотря на наличие исследуемых пейоративно маркированных лексем в словарях XXI в.

Ключевые слова: языковая политика, этноним, гендерная номинация, политкорректность.

Под языковой политикой понимают “совокупность идеологических принципов и практических мероприятий по решению языковых проблем в социуме, государстве (утверждение официального языка, сохранение миноритарных языков, языковое образование, обеспечение языковых прав и др.)” [3, с. 499]. Языковая политика воздействует как на функциональную, так и структурную сторону языка [там же]. Требования языковой политики современных немецкоязычных стран нацелены на употребление политкорректного языка в отношении различных категорий:

пожилые — молодые, женщины — мужчины, мигранты, представители различных религий, этносов и сексуальных меньшинств.

Развитие феминистской лингвистики в Германии берет свое начало в 70-х гг. XX в. и связано с именами Луизы Пуш (Luise F. Pusch) и Сенты Трёмель-Плётц (Senta Trömel-Plötz). В немецкоязычной германистике широко употребляется термин **geschlechtergerechte Sprache**, введенный Луизой Пуш. Помимо названного термина используются синонимичные номинации **gendergerechte / geschlechtergerechte / geschlechterfaire / geschlechtersensible / sexusgerechte / nicht-sexistische Sprache**, указывающие на лингвистическое равноправие полов.

Законодательный аспект является одной из важных сфер функционирования языковой политики. Принцип лингвистического гендерного равенства закреплён в немецкоязычных странах в различных нормативно-законодательных документах о равноправии мужчин и женщин на федеральном уровне, на уровне федеральных земель/кантонов и отдельных организаций [1, с. 492]. В министерствах, образовательных учреждениях используются локальные нормативные акты, которые представляют собой инструкции для употребления политкорректного языка (*Leitfaden für gendergerechte Sprache*). Данные нормативные предписания включают вариантные списки политкорректных замен дискриминирующих наименований представителей различных социальных категорий, в том числе гендерных и этнических групп. Структура каждого документа начинается введением (от 1 стр.), в котором описываются причины необходимости употребления политкорректного языка. Также даны инструктивные варианты употребления антидискриминирующих номинаций в официальных документах и в повседневной речи. Эти варианты затрагивают различные уровни языка: графический, грамматический, лексический. Во многих брошюрах имеются списки распространенных ошибок, раздел для самопроверки, краткий глоссарий политкорректных терминов.

Основные принципы гендерной и этнической корректности подразумевают:

- 1) отсутствие дискриминирующих слов;
- 2) эксплицитное именование лиц м.р. и ж.р.;
- 3) именование лица ж.р. первым в парах слов, называющих лиц обоих полов;
- 4) использование автоэтнонимов при номинации этносов;
- 5) замену гиперонима-этнонима гипонимами.

Обобщив материалы около 30 инструктивных брошюр, каждая из которых включает от 3 до 140 страниц, можно выделить определенные закономерности, указывающие на использование различных лексических и грамматических вариантов. К ним относятся:

- парные формы имен существительных, т.е. использование существительного м.р. и деривата с суффиксом ж.р. *-in*, включаю-

щие как полное упоминание обоих лиц (*Mathematikerinnen und Mathematiker*), так и сплиттинг, или разделение (*Autorin / Autor*); в швейцарском варианте немецкого языка нередко употребление французского заимствования для именованя лиц ж.р. (*Souffleur / Souffleuse, Coiffeur / Coiffeuse* или *Coiffeurin, Chauffeur/Chauffeuse* или *Chauffeurin*);

- гендерно нейтральные замены существительных в ед. и мн. ч. с помощью лексем *Person, Elternteil, Mitglied, Mensch, Kraft, Hilfe* и др., например: *die Lehrerin oder der Lehrer* → *die Lehrperson*; *die Assistentin oder der Assistent* → *die Assistentkraft*; *Der Einzelne und seine Freiheit* → *Der einzelne Mensch und seine Freiheit*.
- субстантивированные прилагательные: *Verwitwete* (вместо *Witwen und Witwer*);
- субстантивированные причастия (*Antragsstellende, Forschende, Teilnehmende*; *die Studierende / der Studierende*);
- замена лексем, включающих сему маскулинности либо на нейтральную номинацию, либо на добавление композита, обозначающего лицо ж.р. (*Anfängerkurs* → *Grundkurs, Einstiegskurs, Kurs für Anfängerinnen und Anfänger, Teilnahmegebühr* → *Teilnahmegebühr*).
- замена существительных в Р.п. прилагательными (*Rat der Akademikerin oder des Akademikers* → *akademischer Rat*; *aus Sicht des Psychologen* → *aus psychologischer Sicht*);
- замена отглагольных существительных пассивными конструкциями (*der Herausgeber* → *herausgegeben von*; *der Verkäufer* → *verkauft von*);
- перефраз: *Mitarbeitergespräch* → *Qualifikationsgespräch, Beurteilungsgespräch*; *Dozentenzimmer* → *Pausenraum, Teamzimmer*
- перефразирование с помощью инфинитивных конструкций, например.: *Die Antragsteller müssen das Formular vollständig ausfüllen.* → *Der Antrag ist vollständig auszufüllen*;
- использование гендерно нейтральных местоимений *wer, alle, niemand, jemand*, например.: *Jeder, der ein Zeugnis braucht ...* → *Alle, die ein Zeugnis brauchen ...* или *Wer ein Zeugnis braucht ...*;
- использование прямого обращения к адресату, ср.: *Die Bibliothek steht den Benutzern zur Verfügung.* → *Die Bibliothek steht Ihnen zur Verfügung*;
- использование императива, например: *Jeder Student soll die Unterlagen abholen.* → *Bitte die Unterlagen abholen*;
- замена синтаксической конструкции композитом: *Erst dann, wenn eine Studentin oder ein Student das Studium als Doktorandin oder Doktorand abgeschlossen hat, kann sie oder er sich als Mitarbeiterin oder Mitarbeiter bewerben.* → *Studierende können sich erst nach dem Doktoratsabschluss als Mitarbeiter/-innen bewerben* и другие.

Изменения коснулись и графической стороны языка. При этом наблюдается вариативность, которая выражается в различных графических способах нейтрализации. На письме гендерную асимметрию предлагается устранять с помощью:

- косой черты: *Leser/-innen; Student/inn/en, Sekretär/inn/e/n;*
- скобок: *Autor(in), Witwe(r)*¹;
- заглавной буквы внутри или в конце слова: *BeraterIn, WitweR;*
- астериска: *Bildungspartner*innen, d*Zeug*e*in;*
- восклицательного знака: *die Lehrer!nnen, d. Zeuge!n;*
- гендерного пробела (Gender-Gap) с нижним подчеркиванием², называемого в документах разных организаций также динамическим и статическим пробелом: *Translator_innen, Dienstleister_innen, Handlungsträger_innen;*
- наличия / отсутствия апострофа перед суффиксом ж.р. *-in* краткой формы научных степеней и званий: *Prof.in; Prof.'in* (для сущ. *Professorin*);
- буквенных индикаторов *a* или *in*, которые могут вписываться над строчкой после сокращенного существительного ж.р.: *Frau Univ.-Prof.ⁱⁿ Dr.ⁱⁿ; Ass.-Prof.ⁱⁿ Mag.^a Dr.ⁱⁿ.*

При употреблении этнонимов используется вариант замены аллоэтнонима автоэтнонимом. Автоэтноним (нем. *Selbstbezeichnung*) представляет собой, как правило, нейтральное самонаименование этноса (ср.: *россияне*, историзм *Deutschösterreicher, Sinti und Roma, Inuit*), а аллоэтнонимы (нем. *Fremdbezeichnungen*) — это слова, которые используют другие для названия определенного этноса. В рамках данной категории могут выделяться также этнофализмы (нем. *Ethnophaulismen*), то есть аллоэтнонимы с пейоративной коннотацией, например: *Breitnase (Afrikaner), Gelber (Asiate), Gelbfresse (Japaner)* [7, с. 198], *Tschusch* [4, с. 668], *Ami (Amerikaner)* [5, с. 38].

Корректное использование наименований этносов предполагает замену дискриминирующего наименования политкорректным словом и/или употребление гипонимов вместо некоторых этнонимов-гиперонимов. Эвфемизация такой лексики обусловлена разными экстралингвистическими факторами, в том числе идеологией политической корректности. Из речевого обихода в немецкоязычном социуме исчезают

¹ В некоторых инструктивных документах Германии указывается, что скобки являются наиболее часто осуждаемой краткой формой, так как вследствие употребления данной краткой формы женщины чувствуют себя только лишь подразумеваемыми, “заключенными в скобки”. В Швейцарии заключенная в скобки информация является необязательной и поэтому может игнорироваться.

² Считается, что нижнее подчеркивание символически стирает границу между полами и указывает на то, что наряду с представителями мужского и женского полов существуют также агендерные и трансгендерные люди.

этнонимические номинации, причисляемые к словам-расизмам: *Eskimo*, *Indianer*, *Neger*, *Mohr*, *Zigeuner* и др. С одной стороны, неблагозвучным с современных позиций наименованиям находят нейтральную или положительную замену. Так, вместо считающегося ругательным слова *Zigeuner(in)* в немецком языке и в речи употребляют автоэтнонимы *Sinti und Roma* (синти и рома — представители западных ветвей цыган). Вместо пейоративной номинации *Neger* предлагается использовать субстантивированное прилагательное *Schwarze(r)/Schwarze_r*, композиты *Afrodeutsche(r)*, словосочетания *schwarze Deutsche*, *Österreichischer afrikanischer Herkunft*, сокращение *PoC (People of Colo(u)r)* и другие.

Помимо названного способа возможна замена этнонима-гиперонима несколькими гипонимами. К примеру, для гиперонима *Eskimo* используются следующие гипонимы-самоназвания: в северной и северо-восточной Канаде — *Inuit* (восточные эскимосы), в Гренландии — *Inuit* (ед.ч. *Inuk*) и *Kalaallit* (также *Katladlit*), на Чукотке и о. Св. Лаврентия — *Yupik* (также *Yuit*, Sgl. *Yuk*). На Северо-Западе Аляски проживает небольшая диалектная группа, называющая себя *Īñupiat* (ед.ч. *Īñupiaq*), на северной Аляске и северо-западной Канаде — *Inuvialuit* (также *Inuvialiut*, Sgl. *Inuvialuk*) [8; 9, с. 301–302, 609]. Этот же принцип применяется по отношению к этнониму *Indianer*. В Канаде используется автоэтноним *First Nations* или *Premières Nations*, в Гватемале и Бразилии — *Indígena*, в Эквадоре — *Nacionalidad Indígena*, в Боливии — *Pueblo Originario*.

Политкорректные слова, номинирующие различные этносы, представлены не только в политическом дискурсе, использование таких номинаций наблюдается и в гастрономическом, или глуттоническом дискурсе [2]. В некоторых случаях происходит полная замена простого слова, номинирующего национальность. Например, название мороженого *Eskimo* заменено на заимствование из итальянского языка *Cremissimo*, представляющее собой прилагательное в абсолютной превосходной степени с окончанием *-issimo*. Выпускаемое до начала 1990-х гг. компанией Dr. Oetker GmbH мороженое *Negerlein* называется сегодня *mit Schokolade überzogenes Vanilleeis*.

В субстантивных композитах происходит:

- эвфемистичная замена этнонима — первого компонента композита с определенной негативной коннотацией на более нейтральный компонент, относящийся непосредственно к области гастрономии: *Zigeunersauce* → *Paprika-Sauce / pikante Sauce*; *Zigeunerschnitzel* → *Schnitzel Balkan Art / Balkanschnitzel / Schnitzel Budapester Art*, *Negerkuss* → *Schokokuss / Schaumkuss* и др.; в австрийском варианте немецкого языка используется синоним последнего слова *Schwedenbombe*, который был назван кулинаром Вальтером Ницецем (Walter Niemetz) в 1930 г. в знак благодарности за помощь в изобретении сладости одному из своих шведских друзей. Такое наименование пока не претерпело никаких изменений.

- полная замена субстантивного сложного слова и словосочетания, содержащего некорректную номинацию с компонентами *Mohr*-или *Neger*-, нейтральным наименованием, например: *Negerbrot* → *Schokolade mit (Erd)Nüssen*, *Mohrenkopf* → *Schokokuss / Schaumkuss* и др. [см. подробнее 2].

Несмотря на устойчивую тенденцию к употреблению гендерно- и этно-корректных номинаций, то и дело в соцсетях и СМИ появляются дискриминирующие выражения. В качестве примера можно привести высказывание австрийско-канадского 83-летнего миллиардера-предпринимателя Фрэнка Стонака (Frank Stronach), попавшее в номинацию “Антифраза года-2015” в Австрии: “*Frauen sind Menschen wie wir*”.

В заключение отметим, что в современном обществе многие категории, в том числе “пол” и “этнос” являются поводом для дискриминации как социальная конструкция, т.е. установившееся в социумах распределение ролей и связанные с этим стереотипы образуют основы для правовой этнической и гендерной ассиметрии. В настоящее время в рамках языковой политики в немецкоязычных странах разработаны многочисленные нормативные рекомендации по использованию политкорректного языка. Дискриминирующие номинации полностью или частично заменяются корректными наименованиями, которые представляют собой нейтральные вариативные продуктивные формы. Это можно объяснить как экстралингвистическими причинами (развитием феминистических и антирасистских идей и традиций, идеологией политической корректности и др.), так и лингвистическими (стремлением к эвфемизации, синонимии, языковой экономии и др.). Часть политкорректных номинаций носит окказиональный характер, часть является закрепленными в немецком языке единицами.

Список литературы:

1. Едличко А. И. Гендерно-корректные номинации в современном немецком языке // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация. Сборник научных трудов к юбилею профессора Г. Г. Молчановой. М.: Тезаурус, 2015. С. 492–495.
2. Едличко А. И. Прагматика гастрономических номинаций в контрастивном освещении // *Jednostki języka w systemie i w mowie*; pod red. A. Charciarka, H. Fontańskiego, J. Lubochy-Kruglik. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2015. С. 60–68.
3. Жукова И. Н. Словарь терминов межкультурной коммуникации / И. Н. Жукова, М. Г. Лебедько, З. Г. Прошина, Н. Г. Юзефович; под ред. М. Г. Лебедько и З. Г. Прошиной. М., 2013. 640 с.
4. Fussy H. *Österreichisches Wörterbuch*. 41., aktualisierte Aufl. / H. Fussy, U. Steiner (Hrsg.). Wien: öbv., 2009. 992 S.
5. Götz D. *Langenscheids Großwörterbuch: Deutsch als Fremdsprache* / D. Götz, G. Haensch, H. Wellmann (Hrsg.). М.: Март, 1998. 1218 S.
6. Leitfaden für gendergerechte Sprache. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.uni-potsdam.de/u.a.m/> (дата обращения: 15.02.2017).

7. Markefka M. Etnische Schimpfnamen — kollektive Symbole alltäglicher Diskriminierung. In drei Teilen // Muttersprache. 1999. Nr. 109. S.97–123, S.193–206, S. 298–302.
8. Stuetevant, W.C. Handbook of North American Indians. Vol. 5 (Arctic). 60 chapters on Eskimo, Inuit, Aleut of US, Canada, Greenland, USSR / W.C. Stuetevant, D. Damas (eds.). Washington, DC: Smithsonian Institution, 1984. 845 pp.
9. Zhukova I., Lebed'ko M. American Quilt: A Reference Book on American Culture. Vladivostok: Far Eastern University Publ., 1999. 760 pp.

Сведения об авторе:

Едличко Анжела Игоревна, к. ф. н., доцент, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия; e-mail: aedlichko@rambler.ru

LANGUAGE POLICY IN GERMAN SPEAKING COUNTRIES: GENDER AND ETHNICITY ASPECTS

Anzhela I. Edlichko

Candidate of Philology, Associate Professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; e-mail: aedlichko@rambler.ru

Abstract

The article dwells on the implementation of ethnic and gender aspects of the language policy (LP) in German-speaking countries. The problem of using ethnic- and gender-specific categories is currently being discussed quite actively in the German-speaking society. The results of sociological, linguistic and political discussions are reflected in Federal and local laws and regulations. They have a legal effect and require the correct use of the names of ethnic and gender groups in the language and speech. This article describes the term “language policy” and shows the results of the political discourse and lexicographic analysis of the diachronic transformation in the ethnicity and gender names. The author comes to the conclusion that many of the politically incorrect names are out of use in the modern German in spite of their codification in the dictionaries of the 21st century.

Key words: language policy, ethnonym, gender designation, political correctness.

References:

1. Edlichko, A. I. (2015). Genderno-korrektne nominacii v sovremennom nemekom jazyke [Gender Correct Names in Modern German]. *Jazyk. Kul'tura. Perevod. Kommunikacija* [Language. Culture. Translation. Communication], 492–495.
2. Edlichko, A. I. (2015). Pragmatika gastronomicheskikh nominacij v kontrastivnom osveshhenii [Contrastive Pragmatics of Gastronomic Names]. *Jednostki jazyka w systemie i w mowie* [Speech and Language Units], 60–68.

3. Fussy, H., and Steiner, U. (2009). Österreichisches Wörterbuch [Austrian Dictionary]. Vienna: öbv.
4. Götz, D., Haensch, G., and Wellmann, H. (1998). Langenscheids Großwörterbuch: Deutsch als Fremdsprache [Langenscheids German Dictionary: German as a Foreign Language]. Moskva: Mart.
5. Leitfaden für gendergerechte Sprache [Guidelines for Gender-Fair Use of Language]. Retrieved 15 February, 2017 from <http://www.uni-potsdam.de> et al/.
6. Markefka, M. (1999). Ethnische Schimpfnamen — kollektive Symbole alltäglicher Diskriminierung [Ethnic invectives — collective symbols of daily discriminations]. *Muttersprache [Native language]*, 193–206.
7. Stuetevant, W. C., and Damas, D. (1984). Handbook of North American Indians. Vol. 5 (Arctic). 60 chapters on Eskimo, Inuit, Aleut of US, Canada, Greenland, USSR / W. C. Stuetevant, and D. Damas (eds.). Washington, DC: Smithsonian Institution.
8. Zhukova, I., and Lebed'ko, M. (1999). American Quilt: A Reference Book on American Culture. Vladivostok: Far Eastern University Publ.
9. Zhukova, I. N., Lebed'ko M. G., Proshina, Z. G., and Yuzefovich, N. G. (2013). Slovar' terminov mezhkul'turnoj kommunikatsii [The dictionary of intercultural communication terms]. Moskva: FLINTA: Nauka.

Политические медиамаркеры современного человеческого общества

М. Р. Желтухина

Волгоградский государственный социально-педагогический
университет

Аннотация

Политическая и социально-экономическая ситуация в обществе создает определенные условия успешного или неуспешного протекания политической медиакommunikации. Массмедиа оказывают влияние на социоэкономическую и политическую жизнь страны. Медиадискурс отражает социально-экономические и культурные отношения внутри государства и между государствами, определяет интересы современного общества. В данной статье в рамках теории дискурса и теории воздействия выявляются институциональные, стереотипные и мифологические политические медиамаркеры современного социума. Раскрываются семантические и прагматические факторы политического медиаязыка, которые обуславливают смысловую неопределенность политического медиадискурса. В статье устанавливается тот факт, что институциональность политического медиадискурса коррелирует с ведущим прагматическим принципом интереса медиаадресата и его гадательностью как

прогностичностью сообщения, опирается на стереотипы и мифы, создавая различные образы.

Ключевые слова: институт, стереотип, миф, медиадискурс, политические медиамаркеры, общество.

XXI век демонстрирует обострение мировой общественно-политической ситуации, ее активное освещение в международных и местных средствах массовой информации и, как следствие, повышение к ней интереса носителей языка различных лингвокультур. Современная лингвистика поднимает проблему взаимодействия адресанта и адресата, дискурса и власти, пытается ответить на вопросы о роли языка в постоянной борьбе людей за власть и влияние, в том числе политического языка СМИ [1; 2]. Социально-экономическая и политическая ситуация в государстве создает определенные условия успешного или неуспешного протекания политической медиакommunikации. Медиадискурс отражает социально-экономические и культурные отношения внутри государства и между государствами, определяет политико-экономические интересы современного общества [3]. Эффективность политической медиакommunikации заключается в формировании идеологического большинства (политического, религиозного, потребительского, творческого и т.п.), достижении общественного согласия [10–13].

При выявлении политических медиамаркеров современного общества вскрываются различные коммуникативные проблемы современности. Основной проблемой современного политического языка СМИ выступает проблема смысловой неопределенности, способствующая оказанию воздействия адресанта на адресата. *Смысловая неопределенность* политического медиадискурса обусловлена следующими факторами.

К **семантическим факторам** политического медиаязыка относятся:

1) **абстрактность и широта значения:** широта интерпретации абстрактных слов без уточняющих определений (*демократия* вместо *парламентская демократия*, *процесс*, *явление*, *миссия*, *свобода*, *справедливость* и т.п.) вследствие своей референциальной неопределенности; 2) **сложность значения, обусловленная сложностью денотата:** обозначение комплексов идей, отдаленных от непосредственного опыта человека, обусловленных сложностью внеязыковой действительности (*дефолт*, *импичмент*); 3) **размытость семантических границ у слов градуальной семантики:** отсутствие четких различий в обозначении общественно-политических ориентиров по шкале: *реакционный* — *консервативный* — *либеральный* — *прогрессивный* — *радикальный*; 4) **относительность обозначения или идеологическая полисемия:** использование одних и тех же слов носителями разных идеологий для обозначения разных понятий, то есть зависимость выбора номинации от позиции говорящего (*одна и та же идея* — *реакционная* и *либеральная*); общность

политических медиаоценок, подчеркивающая доминирование аффективно-оценочного компонента над информационным.

К прагматическим факторам политического медиаязыка принадлежат:

1) **побуждение, воздействие**: присвоение языковых символов и определение их содержания, провоцирование желаемой реакции адресата; 2) **манипулятивность** через стратегии неопределенности: а) *вуалирование* (затушевание нежелательной информации), б) *мистификация* (сокрытие истины, сознательное введение в заблуждение), в) *деперсонализация* (анонимность, снятие ответственности); 3) **спасение лица**: сокрытие невежества, некомпетентности адресанта путем использования абстрактных или неопределенных выражений, позволяющее при необходимости отрицать сказанное; 4) **неконфликтность общения**: умеренная, нейтральная позиция путем создания неопределенности при обсуждении спорных вопросов, способствующая проявлению осторожности, сглаживанию противоречий между коммуникантами, поскольку адресант готов пожертвовать ясностью понимания для усиления доверия и завоевания симпатий адресата [9, с. 6]; 5) **бесконтрольность действий**: контекстуальная неопределенность понятий в текстах программ, выступлений и т.п., затрудняющая эффективность контроля за выполнением взятых обязательств, позволяющая адресанту лавировать, подчинять свои действия моральным нормам ситуативной этики [5, с. 214].

Институциональность политической медиакommunikации реализует неточную референцию как семиотический механизм смысловой неопределенности. Выделяются следующие виды референциальной девиации: *широкая* — соотношение слова с чрезмерно широким кругом референтов; *абстрактная* — соотношение слова с абстрактным референтом; *неоднозначная* — соотношение слова с референтом, по-разному трактуемым; *неизвестная* — соотношение слова с неизвестным референтом; *чуждая* — соотношение слова с “чужим” референтом; *несуществующая референтность* — соотношение слова с несуществующим референтом [4, с. 215]. Современные политические медиатексты подтверждают выводы Е. И. Шейгал о том, что первые три вида референциальной девиации соотносятся с семантическими факторами смысловой неопределенности. Направленность на несуществующий или “чужой” референт, самореферентность [8] объясняют фантомность знака, существование лексических фантомов как слов без денотата, реального предмета обозначения [6]. Связь с неизвестным референтом указывает на эзотеричность знака [7]. Институциональность политического медиадискурса позволяет адресату принимать за реальность политические, экономические, социальные и прочие фантазии (реальные картины, опосредованные, интерпретированные), творимые и передаваемые коммуникативными посредниками — политиками и журналистами. Институциональность языка СМИ коррелирует с ведущим прагматическим принципом интереса (сообщение должно быть интерес-

ным, содержать новую, неизвестную информацию) и гадательностью как прогностичностью сообщения (адресат осуществляет прогностическую деятельность, которая сознательно программируется), опирается на стереотипы и мифы, создавая различные образы.

Фантомность политического медиадискурса состоит из **мифологических и литературных** (обозначения вымышленных существ), **концептуальных** (терминология ошибочных научных концепций), **идеологических фантомов** (обозначение социальных утопий, иллюзий и т.п.) [6, с. 53]. Фантомность денотатов порождает мифологемы в знаковом пространстве медиадискурса, а также категорию прогностичности, связанную с интерпретацией содержания различного рода высказываний. Фидеистичность как условие существования медиафантома обусловлена иррациональностью, опорой на подсознание. Политическое медиавливание в современном обществе оказывается на эмоции и подсознание, а не на разум, логическое мышление, когда суггестивный момент преобладает над рациональным, а успех коммуникации основан на завоевании симпатии и доверия адресата. Эзотеричность или тайноречие политического медиадискурса находится в зависимости от степени его мифологичности. Миф содержит тайну, загадку, представляет собой ожидание чуда, веру в сверхъестественное, порождение иллюзорного сознания. Эзотеричность зависит и от медиаинститута, его политической и пр. ориентации, его интересов и целей. Обратной стороной эзотеричности является гадательность, которая преднамеренно закладывается в сообщения СМИ.

Стереотипы выступают регуляторами социальных взаимоотношений. Их отличает экономия мышления, оправдание собственного поведения, удовлетворение агрессивных тенденций, способ выхода группового напряжения, неточность, ложность, эмоционально-оценочный характер, относительная устойчивость. Информация, полученная ранее, оказывает более сильное влияние на образование категории, чем опровержение этой информации. Поэтому в СМИ активно используются различные псевдосенсации, наговоры, клевета, базирующиеся на стереотипности (внезапное исчезновение авторитета и т.п.). Воздействие на адресата доходит до степени внушения и создает предрасудки, причинами возникновения которых выступают “навешивание” ярлыков, грубый, пренебрежительный по отношению к другим стиль воспитания, неожиданные детские эмоциональные травмы при взаимодействии с “чужими”. Предрасудки распространены и устойчивы, так как, подобно стереотипам, реализуют экономный способ мышления, живучи в силу конформизма и фанатизма, активизируются тревожностью общества и угрозой чувству безопасности. Как показало проведенное исследование, в политическом языке массмедиа проявляются особенности языкового сознания, мышления, индивидуального и массового речевого поведения, в котором отражается институциональная,

стереотипная и мифологическая медиамаркированность современного общества.

Список литературы:

1. Желтухина М. Р. Вербальное медиавоздействие на политическое сознание в кризисной ситуации // Вестник ЦМО МГУ. 2011. №3. С. 7–12.
2. Желтухина М. Р. Роль информации в медиадискурсе // Вестник ЦМО МГУ. 2010. №3. С. 12–18.
3. Желтухина М. Р. Тропологическая суггестивность массмедиального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ. М.: ИЯ РАН; Волгоград: ВФ МУПК, 2003. 656 с.
4. Клюев Е. В. Фатика как предмет дискуссии // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. М.: Наука, 1996. С. 212–220.
5. Ключарев Г. А. Языковая деятельность и политический имидж // Обновление России: трудный поиск решений. М.: РНИСиНП, 1995. Вып. 3. С. 211–216.
6. Норманн Б. Ю. Лексические фантомы с точки зрения лингвистики и культурологии // Язык и культура: 3-я междунар. конф. Киев: УИМО, 1994. С. 53–60.
7. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. Волгоград: Перемена, 2000. 368 с.
8. Baudrillard J. Simulacres et Simulation. Paris: Galilée, 1981. 254 p.
9. Hamilton A. A Framework for Understanding Equivocation / A. Hamilton, P. J. Mineo // Journal of Language and Psychology. 1998. Vol. 17, no. 1. P. 3–35.
10. Zheltukhina, M. R. Political Facebook Posts Using Ideological Symbols for Media Image Designing of Russia as Enemy / M. R. Zheltukhina, N. A. Krasavsk, E. B. Ponomarenko, I. V. Aleshchanova, P. V. Pavlov // International Journal of Environmental and Science Education. 2016. 11(18). P. 12005–12013.
11. Zheltukhina, M. R. Role of Media Rumors in the Modern Society / M. R. Zheltukhina, G. G. Slyshkin, E. B. Ponomarenko, M. V. Busygina, A. V. Omelchenko // International Journal of Environmental and Science Education. 2016. 11(17). P. 10581–10589.
12. Zheltukhina, M. R. Identity as an Element of Human and Language Universes: Axiological Aspect / M. R. Zheltukhina, L. G. Vikulova, E. F. Serebrennikova, S. A. Gerasimova, L. A. Borbotko // International Journal of Environmental and Science Education. 2016. 11(17). P. 10413–10422.
13. Zheltukhina, M. R. Dialogue as a Constituent Resource for Dramatic Discourse: Language, Person and Culture / M. R. Zheltukhina, A. V. Zinkovskaya, V. V. Katermina, N. B. Shershneva // International Journal of Environmental and Science Education. 2016. 11(15). P. 7408–7420.

Сведения об авторе:

Желтухина Марина Ростиславовна, д. ф. н., профессор, академик РАЕН, профессор кафедры теории английского языка, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград, Россия; e-mail: zzm@mail.ru

POLITICAL MEDIA MARKERS OF CONTEMPORARY HUMAN SOCIETY

Marina R. Zheltukhina

PhD (Philology), Full Professor, Member of the Russian Natural Sciences Academy, Full Professor of the Theory of English Chair, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russia; e-mail: zzm@mail.ru

Abstract

The political and socio-economic situation in society creates certain conditions for successful or unsuccessful political media communication. Mass media influence on socio-economic and political country life. Media discourse reflects socio-economic and cultural relations in the state and between the states, defines interests of modern society. This article in the framework of the discourse and influence theories detects institutional, stereotypical and mythological political media markers of modern society. Semantic and pragmatic factors of political media language, which cause semantic uncertainty of the political media discourse, are considered. In the article, the fact that institutionality of the political media discourse correlates with the leading pragmatic principle of media addressee interest and his predictability as a message of fortune telling, leans on stereotypes and myths, creating various images is established.

Key words: institution, stereotype, myth, media discourse, political media markers, society.

References:

1. Zheltukhina, M. R. (2011). Verbal'noe mediavozdejstvie na politicheskoe soznanie v krizisnoj situacii [Verbal Media Impact on Political Consciousness in Critical Situation]. *Vestnik CMO MGU [Bulletin of TsMO MGU]*, 3, 7–12.
2. Zheltukhina, M. R. (2010). Rol' informacii v mediadiskurse [The Role of Information in Media Discourse]. *Vestnik CMO MGU [Bulletin of TsMO MGU]*, 3, 12–18.
3. Zheltukhina, M. R. (2003). *Tropologicheskaja suggestivnost' massmedial'nogo diskursa: o probleme rechevogo vozdejstvija tropov v jazyke SMI [Tropological Suggestiveness of Mass-Media Discourse: on the Issue of Speech Impact of Tropes in Mass-Media Language]*. Moskva: IL RAS; Volgograd: VB MUCC.
4. Kljuev, E. V. (1996). Fatika kak predmet diskussii [Fatics as Discussion Subject]. *Pojetika. Stilistika. Jazyk i kul'tura [Poetics. Stylistics. Language and Culture]*. Moskva: Science, 212–220.
5. Kljucharev, G. A. (1995). Jazykovaja dejatel'nost' i politicheskij imidzh [Language Activity and Political Image]. *Obnovlenie Rossii: trudnyj poisk reshenij [Updating of Russia: Difficult Search of Decisions]*. Moskva: RNISiNP, 3, 211–216.
6. Normann, B. Ju. (1994). Leksicheskie fantomy s točki zrenija lingvistiki i kul'turologii [Lexical Phantoms from the Point of View of Linguistics and Cultural Science]. *Jazyk i kul'tura: 3-ja mezhdunar. konf. [Language and Culture: the 3rd Internat. conf.]*. Kiev: UIMO, 53–60.

7. Shejgal, E. I. (2000). *Semiotika politicheskogo diskursa [Semiotics of Political Discourse]*. Volgograd: Peremena.
8. Baudrillard, J. (1981). *Simulacres et Simulation*. Paris: Galilée.
9. Hamilton, A., and Mineo, P. J. (1998). A Framework for Understanding Equivocation. *Journal of Language and Psychology*, 17 (1), 3–35.
10. Zheltukhina, M. R., Krasavsky, N. A., Ponomarenko, E. B., Aleshchanova, I. V., & Pavlov, P. V. (2016). Political Facebook Posts Using Ideological Symbols for Media Image Designing of Russia as Enemy. *International Journal of Environmental and Science Education*, 11(18), 12005–12013.
11. Zheltukhina, M. R., Slyshkin, G. G., Ponomarenko, E. B., Busygina, M. V., & Omelchenko, A. V. (2016). Role of Media Rumors in the Modern Society. *International Journal of Environmental and Science Education*, 11(17), 10581–10589.
12. Zheltukhina, M. R., Vikulova, L. G., Serebrennikova, E. F., Gerasimova, S. A., & Borbotko, L. A. (2016). Identity as an Element of Human and Language Universes: Axiological Aspect. *International Journal of Environmental and Science Education*, 11(17), 10413–10422.
13. Zheltukhina, M. R., Zinkovskaya, A. V., Katermina, V. V., & Shershneva, N. B. (2016). Dialogue as a Constituent Resource for Dramatic Discourse: Language, Person and Culture. *International Journal of Environmental and Science Education*, 11(15), 7408–7420.

Лингвокогнитивные и прагматические аспекты моделирования событий типа

“международный конфликт”

(на примере освещения освобождения
городов Мосул и Алеппо в 2016 году)

в “Экономист”

А. С. Зароченцева, Д. Н. Новиков

МГИМО МИД России

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению лингвокогнитивных и прагматических аспектов моделирования событий типа “международный конфликт” на примере конфликта в Сирии. В частности, рассматриваются два “под-конфликта”, связанных с освобождением Алеппо и Мосула и их языковой репрезентацией в британском еженедельнике “Экономист”. Выявлено, что в зависимости от прагматической цели редакция издания производит отбор определенных языковых средств (лексических, грамматических и т.д.) в соответствии с избранной стратегией, чтобы сформировать желаемое отношение читателей к конфликту. Несмотря на определенное

онтологическое сходство ситуаций в Мосуле и Алеппо, представление читателей об операции в Мосуле имело гораздо более позитивный характер, нежели представление об операции в Алеппо.

Ключевые слова: когнитивистика, моделирование событий, международный конфликт, Сирия.

Введение

С широким вхождением в нашу жизнь новых технологий современные СМИ активно используют появившиеся в их распоряжении ресурсы не просто для сухой передачи фактов, но для распространения своих идей и своего видения какой-либо ситуации, то есть для определённого моделирования событий в сознании читателей [2]. С этой целью они могут использовать, среди прочего, и вербальные средства, которые “корректируют” имеющийся у получателя сообщения фрейм того или иного события сообразно прагматическим намерениям редакции. Моделирование событий при помощи лингвистических средств, как правило, не воспринимается читателем как явная манипуляция, а значит, позволяет добиться от него необходимой конкретному СМИ реакции.

Ниже будут рассмотрены особенности моделирования событий типа “международный конфликт” (МК), всё чаще попадающих на первые полосы изданий и определяющих отношение населения к проводимой правительством международной политике.

Особенности события “международный конфликт” и его концептуальная структура

Концепт события “международный конфликт” характеризуется не только объективной структурой, но и субъективной, что позволяет СМИ подчеркивать необходимый компонент и преуменьшать значение других составляющих. Структура представляемого конфликта может существенно отличаться от объективной реальности.

В структуре элементарного концепта МК можно выделить следующие составляющие: 1-я сторона; 2-я сторона; проблема, вызывающая конфликт. (В реальности конфликты часто имеют более сложную структуру.)

Кроме типичной структуры МК существуют также типичные отношения между его элементами. Если событие характеризуется автором как МК, то происходит автоматическое деление на “своих” и “чужих” (Подробнее об особенностях этой концептуальной оппозиции см. [1]).

Событие МК в Сирии. Освобождение Алеппо и Мосула

Общий фрейм сирийского конфликта, начавшегося в 2011 г., состоит из следующих элементов: Б. Ассад и его союзники, оппозиция и ее союзники, проблема — борьба за власть. В силу того, что ту или иную сторону конфликта поддерживают внешние игроки, можно говорить

о его международном характере. В рамках этого конфликта образуются “подконфликты”, например, подконфликт, связанный с химическим оружием. В данной работе мы предпримем попытку сравнить некоторые особенности моделирования наступления на Мосул и Алеппо в еженедельном издании “Экономист” (*The Economist*).

Операция по освобождению иракского города Мосул началась 17.10.2016 г. 23.01.2017 г. правительство Ирака заявило о том, что контролирует город. В этой операции на стороне Ирака выступали силы международной коалиции, которая включала США.

Финальное наступление сил Б. Асада на сирийский город Алеппо началось 15.11.2016 при поддержке российской авиации, а также сил союзных группировок. 16.12.2016 Генштаб ВС РФ заявил, что операция по освобождению Алеппо от террористов завершилась, а 22 декабря были эвакуированы последние повстанцы.

По сути, обе эти операции схожи: правительственные силы (Сирии или Ирака) при помощи внешних игроков стремятся освободить свой город, завоеванный группировкой, которую они считают террористической. Тем не менее, освещение этих двух конфликтов в “Экономист” разное с точки зрения языковой репрезентации основных слотов.

Сравнительный анализ освещения операции в Мосуле (17.10.2016 — 30.01.2017) и Алеппо (15.11.2016 — 29.12.2016)

Уже в первые дни освещения событий редакция “Экономист” противопоставляет Мосул и Алеппо:

*If it goes to plan, America will highlight the **chasm** between its operations in Iraq and Russia's pummelling of the city of **Aleppo**, which in history, religious and ethnic mix and mercantile character is **Mosul's Syrian counterpart**. 17.10.2016*

Противопоставление становится еще очевиднее, если сравнить описание основных слотов конфликта. Падение Мосула в первую очередь связывается с поворотным пунктом в ходе борьбы с ИГИЛ: падёт Мосул, значит, и ИГИЛ придёт конец:

*Mosul has formed the **centrepiece** of IS's ambitions 17.10.2016*

*The fall of Mosul would deal **a major blow** to the jihadists. 03.11.2016*

В Мосуле те, кто защищает город, тесно связаны с ИГИЛ, чей негативный образ уже сформирован. Более того, усиливается его связь с религией, а также созданием халифата, что однозначно характеризуется как угроза. Если Мосул будет взят, то угрозу удастся ликвидировать. Таким образом, при описании используется концептуальная метафора “разрушение плохого — хорошо”:

Unlike other jihadist movements, IS set itself up as a standing challenge to existing structures, an alternative theocratic polity that expunged borders, plumbed new depths of televised barbarity and acted as a magnet for its death-cult. Smashing IS will give the lie to its founding myth, that a new God-ordained world order is at hand. 22.10.2016

With Mosul lost, its <ISIS> fantasy will lie in ruins. 22.10.2016

Местные жители находятся в большой опасности, а значит, те, кто пришел освобождать город, выполняют благую миссию (to restore governance). При этом подчеркивается, что Ирак и союзники стремятся к наименьшим жертвам среди гражданского населения:

Civilian casualties are low, given that the bulk of the population has stayed put. 12.01.2017

Done properly, the recapture of Mosul would not just liberate the million or more people living under the brutal rule of IS; in a sense, it would relieve the world. 22.10.2016

Использованные в последнем примере контрафактивные конструкции указывают на стремление авторов направить сознание читателя на “удобную” адресату модель развития событий [3, с. 44].

Необходимо также отметить, что, хотя Ирак освобождал город не в одиночку, а при поддержке США, участие союзников никак не подчеркивается.

В свою очередь, падение Алеппо связывается с растущей угрозой всему миру. Следовательно, если Б. Ассад сможет вернуть Алеппо, то Запад проиграет:

Instead, a nasty, brutish reality has taken hold—and it threatens a more dangerous and unstable world. 17.12.2016

The tragedy in Aleppo is bad news for Muslims in the Middle East and beyond. 21.12.2016

При описании сирийских правительственных сил, а также их союзников, актуализируется концепт “разрушение и насилие — это плохо”. Вот, например, глаголы, которые используются по отношению к действиям коалиции: *to crush (the opposing forces)*, *to unleash (yet more death and destruction)*, *to strangle (the city's rebel-held east into submission)*, *to bomb (relentlessly)*, *to cripple (Aleppo)*. Существительные актуализируют те же концепты: *onslaught, (massive) strikes, collapse (of a short-lived ceasefire), (lethal) air strikes, (devastating) assault, ordeal, crushing (of Aleppo), bloodshed, (wanton) slaughter, travails (of Aleppo)* (Подробнее о семантическом потенциале лексики — в [5]).

Также ярко представлен концепт “смерть”:

The rebels' hopes of ever breaking the deadlock are now dead. 08.12.2016

Dissidents are being exterminated. 20.12.2016

Кроме того, что Б. Асада связывают, как и прежде, с “диктатором” и “человеком, которому нельзя доверять”, за президентом закрепляется и новый концепт — “тот, кто пытается собственноручно народ”. Вся статья от 20.12.2016 г. посвящена исключительно детальному описанию пыток, осуществляемых сторонниками режима (О лингвопрагматических стратегиях создания образа врага в современных МК см. напр. [4]).

Создается впечатление, что намеренно подчеркивается состояние гуманитарной катастрофы:

Residents are down to their last food rations. 19.11.2016

Russian and Syrian warplanes relentlessly bombed civilian infrastructure, destroying hospitals, schools and bakeries. 01.12.2016

The people who have suffered most are the poor and the innocent. 17.12.2016

Широко используются прецедентные события: Грозный, Дрезден, Ирак, Афганистан, Руанда, штурм Хамы. Их цель — актуализировать в сознании читателей определенный фрейм уже случившихся событий, а также запустить механизм аналогии. Все это поможет читателям сделать верные, с точки зрения редакции, выводы.

Таким образом, несмотря на то, что по структуре конфликты в Алеппо и Мосуле схожи, их языковая репрезентация в “Экономист” диаметрально противоположна. В Мосуле освобождение города — это положительный факт, в Алеппо — отрицательный. Освобождающие город в первом случае — герои, во втором — “чужие”, несущие разрушения. В Ираке осажденные — “чужие”, угроза демократическим ценностям, в Алеппо — наоборот. Такой эффект создается за счет использования концептуальных метафор, а также лексических единиц с повторяющимися семами.

Заключение

Подводя итог, отметим, что МК — это особый тип события. Пример описания освобождения Алеппо и Мосула в “Экономист” показывает, насколько по-разному могут представляться события в зависимости от политических целей и установок редакции, “погружающей” своего читателя в ту или иную “реальность”.

Список литературы:

1. Алиева Т.В. Языковые средства реализации концептуальной оппозиции “свой-чужой” в британском политическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. МГИМО. М., 2013. 28 с.
2. Гурочкина А.Г. Событие как предмет сообщения в средствах массовой информации // А.Г. Гурочкина, *Studia Linguistica* — 12. Перспективные направления современной лингвистики. СПб: РГПУ, 2003. С. 278–284.
3. Дружинин А.С. Моделирование “псевдореальности” в американском предвыборном дискурсе посредством контрафактивных конструкций английского языка // Научное мнение: научный журнал/Санкт-Петербургский университетский консорциум. СПб., 2014. №1. С. 41–45.
4. Несветайлов А.В. Российско-украинский кризис в зеркале англоязычного политического дискурса: Лингвопрагматические особенности моделирования образа врага в выступлениях постоянного представителя США в СБ ООН (2014–2016 г.) / А.В. Несветайлов, Д.Н. Новиков // Магия ИННО: Новые измерения в лингвистике и лингводидактике: материалы Третьей научно-практической конференции (Москва, 24–25 марта 2017 г.). М.: МГИМО–Университет, 2017. С. 307–316.
5. Новиков Д.Н. О пределах семантического варьирования слова // Филологические науки в МГИМО. Москва, МГИМО–Университет, 2005. С. 41–53.

Сведения об авторах:

Зароченцева Анна Сергеевна, преподаватель кафедры английского языка №1 МГИМО МИД России, Москва, Россия; e-mail: a.belogolova73@gmail.com

Новиков Дмитрий Николаевич, к. ф. н., доцент кафедры английского языка №1 МГИМО МИД России, Москва, Россия; e-mail: dnnovikov@mail.ru

A COGNITIVE-PRAGMATIC DESCRIPTION OF ‘INTERNATIONAL CONFLICT’ EVENT MODELLING — A CASE STUDY OF THE 2016–2017 MOSUL AND ALEPPO LIBERATION OPERATIONS AS DEPICTED BY *THE ECONOMIST*

Anna S. Zarochentseva

Lecturer at English Language Department No. 1, MGIMO University, Moscow, Russia; e-mail: a.belogolova73@gmail.com

Dmitry N. Novikov

PhD in Linguistics, Associate Professor at English Language Department No.1, MGIMO University, Moscow, Russia; e-mail: dnnovikov@mail.ru

Abstract

The paper attempts to outline a few cognitive and pragmatic peculiarities of international conflict events being modeled by the mass media. By analyzing the language of *The Economist* articles describing the Syrian conflict (particularly, the liberation operations in Aleppo and Mosul in October 2016 — January 2017) the authors demonstrate that the newspaper editors select a certain range of persuasive linguistic means to influence the public opinion subject to their pragmatic aim. Though the two events have a lot in common ontologically, the operation in Iraq is presented in a more positive way than the one in Syria.

Key words: cognitive linguistics, event modeling, international conflict, Syria.

References:

1. Alieva, T. V. (2013). Iazykovye sredstva realizatsii kontseptual'noi oppozitsii "svoichuzhoi" v britanskom politicheskom diskurse [Language Means of Expressing Conceptual Opposition 'WE / THEY' in British Political Discourse]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04, Moskva.
2. Gurochkina, A. G. (2003). Sobytie kak predmet soobshcheniia v sredstvakh massovoi informatsii [Event as the Object of the Message in Media]. *Studia Linguistica — 12. Perspektivnye napravleniia sovremennoi lingvistiki [Promising Areas of Modern Linguistics]*, 278–284.
3. Druzhinin, A. S. (2014). Modelirovanie "psevdoreal'nosti" v amerikanskom predvybornom diskurse posredstvom kontrafaktivnykh konstruksii angliiskogo iazyka [Modeling of "Pseudoreality" in the American Election Discourse by Means

- of Counterfactuals of the English Language]. *Nauchnoe mnenie [Scientific Opinion]*, 1, 41–45.
4. Nesvetailov, A. V., and Novikov, D. N. (2017). Rossiysko-ukrainskiykrizis v zerkale angloyazychnogo politicheskogo diskursa: Lingvopragmaticheskiye osobennosti modelirovaniya obraza vruga v vystupleniyakh postoyannogo predstavatelya SSHA v SB OON (2014–2016 gg.) [The Russian-Ukrainian crisis through the lens of the English-language political discourse: A case study of US permanent Representative's 2014–2016 speeches at UN Security Council in the light of linguistic pragmatics]. *Magiya INNO [The Magic of Innovation]*, 307–316.
 5. Novikov, D. N. (2005). O predelakh semanticheskogo var'irovaniia slova [On the scope of word meaning variation]. *Filologicheskie nauki v MGIMO [Philological Sciences in MGIMO]*, 41–53.

Интерпретационный аспект акциональных глаголов в языковой репрезентации события

Т. Н. Зубакина

Уральский федеральный университет
им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина

Аннотация

Современная лингвистика признает значимость аутентичности источников в изучении событийной основы политического дискурса. В статье рассматривается, интерпретационный аспект акциональных глаголов *neglect / fail* и *escape / rescue*, которые были предметом размышлений У. Черчилля в изложении событий 1940 года в речи “Their Finest Hour”. Рабочая гипотеза исследования формировалась с учетом теоретических суждений французского философа Поля Рикера, который изучал герменевтический аспект в вопросах исследования дискурса. В статье представлен интерпретационный потенциал акциональных глаголов при репрезентации события в соответствии с принципом *герменевтической арки*, а именно: от “понимания к объяснению” и “от объяснения к пониманию”. Варианты толкования языковых репрезентаций Дюнкерской операции анализируются автором статьи в соответствии со словарными дефинициями, а также архивными документами.

Ключевые слова: акциональные глаголы, архивные документы, герменевтическая арка, дискурс, интерпретация, историография, событие.

Для современной лингвистической науки особенно значимыми остаются вопросы изучения политического дискурса на материале языковых репрезентаций.

При формулировании рабочей гипотезы исследования о том, что авторский выбор акциональных глаголов можно объяснить через интерпретацию, мы обратились к идеям известного французского философа Поля Рикера, который изучал герменевтический аспект в вопросах исследования дискурса. По мнению исследователя, интерпретация текста или языковой репрезентации события возможна только во взаимосвязи понимания и объяснения его иерархической структуры. Этот принцип был назван исследователем *герменевтической аркой/hermeneutical arch* [7, p. 30], метафорически отражая сочетание / перетекание двух направлений интерпретации текста “от понимания к объяснению” и “от объяснения к пониманию” / “from explanation to understanding” and “from understanding to explanation”.

В иерархической структуре текста речи У. Черчилля “Their Finest Hour” в нашем исследовании мы обратимся лишь к нескольким акциональным глаголам, которые были предметом размышлений автора в интерпретации событий 1940 года, а именно к глаголам: *neglect / fail* и *escape / rescue*. Авторская правка У. Черчилля в первом черновом варианте машинописного текста речи подтверждает его корректировку в изложении событий заменой глагола *neglect* на *fail*: “...the French High Command *neglected* failed to withdraw the Northern armies from Belgium” [1, p. 14]. Далее в том же параграфе автор заменил глагол *escape* на *rescue*: “Our Army and 120,000 French troops *indeed no doubt escaped* were *indeed rescued* by the British Navy” [Там же].

Акцент интерпретации языковой репрезентации “от понимания к объяснению” может соответствовать этапу формирования гипотезы, в нашем случае субъективной догадки, предвосхищению авторского смысла, заключенного в словарных дефинициях, которые необходимы для корректной интерпретации.

Приведем дефиниции словарей английского языка, выпущенным издательством Oxford University Press:

— Oxford Dictionary of Current English edited by Catherine Soanes:

Neglect — v. 1 fail to give proper care or attention to. 2 fail to do something.

Fail — v. 1 be unsuccessful in achieving something. 2 be unable to meet the standards set by (a test). 3 neglect to do. 4 Stop working properly. 5 become weaker or less good. 6 desert or let down.

Escape — v. 1 break free from imprisonment or control. 2 get free from (someone). 3 succeed in avoiding (something bad). 4 fail to be noticed or remembered by.

Rescue — v. save from a dangerous or distressing situation.

— Oxford Russian Dictionary edited by Paul Falla:

Neglect — v. 1 запускать, запустить, забрасывать, забросить; пренебрегать. 2 забрасывать, забросить, оставлять, оставить без внимания. 3 забывать, забыть.

Fail — v. 1 ухудшаться, ухудшиться, недоставать. 2 (not succeed): провалиться. 3 упускать, упустить.

Escape — v. избегать, избежать, бежать, уходить, уйти, совершить побег.

Rescue — v. спасать, спасти.

Исходя из анализа словарных дефиниций, можно допустить, что акциональный глагол **fail** передает безуспешность проделанной работы, в то время, как глагол **neglect** — пренебрежение или недостаточное внимание к ее выполнению. Следующая пара акциональных глаголов **rescue** и **escape** синонимима не является, в отличие от предыдущей пары. **Escape** в контексте речи несет негативную смысловую коннотацию действия, в то время, как **rescue** — положительную.

По П. Рикеру понимание как элемент научной интерпретации предполагает изучение функционирования акциональных глаголов, осуществляющих *фиксацию действия/fixation of action* в языковых выражениях: “My claim is that action itself, action as meaningful, may become an object of science, without losing its character of meaningfulness, through a kind of objectivation similar to the fixation which occurs in writing” [6, p. 151]. Процесс *понимания* событийной основы дискурса выстраивается из функционирования акциональных глаголов. При этом происходит отделение значения действия от события действия: “the detachment of the meaning of the action from the event of action” [6, p. 151].

“Встречное” направление интерпретации, а именно “от объяснения к пониманию” предполагает глубокий уровень анализа семантики избранных политиком языковых выражений, передающих не просто нейтральное движение, передвижение или действие, а возможный ракурс понимания события военной истории.

Экстралингвистическим контекстом речи “Their Finest Hour”, с которой У. Черчилль выступил в Палате общин 18 июня 1940 г., являются следующие события: битва за Францию (май–июнь 1940), вывод войск союзников из Дюнкерка (26 мая — 4 июня 1940) и грядущая битва за Британию.

Понимание событийной основы текста речи выстраивается из авторского выбора глагольных вариантов. Выбор между **neglect** и **fail** в пользу последнего можно объяснить тем, что У. Черчилль сознавал, что англо-французские войска все-таки сражались против немецких армий, причем английских войск было недостаточно для их решительных действий на территории Франции. Фактически решение об эвакуации английских войск было принято без учета мнения французского командования, которому они подчинялись. Эвакуация войск из Дюнкерка многими во Франции была воспринята негативно.

При интерпретации событий, понимая значения глаголов **escape** и **rescue**, можно допустить, что британский премьер-министр предпо-

чел глагол *rescue*, потому что британский флот, спасший треть миллиона солдат, показал, что он существует, он силен и может выполнять любые задачи. У Черчилля подчеркнут при помощи глагола *rescue*, что британские солдаты, имеющие боевой опыт сражения с немецкими войсками не “ускользнули”, как это предполагает глагол *escape*, а в полном порядке, с оружием в руках вышли из окружения. Этим солдат, по мысли У. Черчилля, ожидают “славные часы” грядущей битвы за Британию.

Согласно П. Рикеру, именно архивные документы дают возможность к размышлениям о событиях истории, так как действия людей оставляют свои следы на “пути” истории: “History is this quasi-“thing” on which human action leaves a “trace”, puts its mark. Hence the possibility of “archives” [6, p. 153]. Историография изучает ход мыслей исходя из понятий архивных документов: “...for historical practice, ...we examine the thought process that begins with the notion of archives” [5, p. 66]. Исследователь справедливо утверждает, что такие документы выступают в качестве свидетельств, формирующих доказательную базу для взаимоотношений “срисованных” с хода событий: “this role of being a warrant constitute its ultimate means of proof, what in English is called ‘evidence’, for the relationship drawn from a course of events” и, если история является правдивым повествованием, то документы эту правдивость доказывают: “if history is a true narrative, documents constitute its ultimate means of proof” [5, p. 67].

К архивным документам П. Рикер причисляет также энциклопедические источники, такие как Encyclopaedia Britannica [5, p. 66].

В интерпретации языковых повествований военных событий, которые называют критическими точками/всплесками/метками, как политического, так и исторического нарративов корректно обратиться к языковым репрезентациям историографов.

В исследованных нами текстовых репрезентациях размышлений авторов о Дюнкеркской операции использование акциональных глаголы вариативно. Мы обратимся к источникам, представляющих данный конфликт спустя более полувека, когда в прагматике языковой репрезентации отсутствует побудительная функция.

К примеру, известный английский историк Джон Киган использовал в своей работе “The Second World War” глаголы “got off... embarked... rescued... saved” [3, p. 67]. Годом позже, в статье, опубликованной 13 апреля 1998 г. в журнале “Time” исследователь уже использовал глагол “escape” (<http://content.time.com/time/magazine/article/0,9171,988157-2,00.html>/ (дата обращения: 12.03.2017)).

Современный британский историк Дэвид Рейнольдс в книге “From World War to Cold War” использует глагол *evacuated*: “a third of a million men were eventually *evacuated* from the beaches around Dunkirk between 27 May and 4 June” [4, p. 23].

“Encyclopaedia Britannica” [10], и французская “Larousse” [11] используют глагол *to evacuate* и *évacuer* соответственно. Британский источник дополнительно использует глаголы *bring away, embark, take off, save*.

В своих мемуарах “The Second World War” в 1949 г. при описании событий мая 1940 г. У. Черчилль использовал следующие глаголы: “the Royal Navy...strained every nerve *to embark* the British and Allied troops” [2, p. 213]; “...our men...bringing with them always men whom they had *rescued*” [2, p. 213].

Таким образом, исследование языковых репрезентаций события в аспектах историографии и герменевтики, предполагает в своей основе интерпретационный анализ иерархической структуры текста. Раскрывая новые возможности использования принципа *герменевтической арки*, мы ограничились лишь попыткой интерпретации авторского выбора некоторых акциональных глаголов при изложении им событий Дюнкеркской операции 1940 г., на основе анализа хранящихся в Архивном Центре Черчилля (г. Кембридж) документов.

Список литературы:

1. CHAR 9/140A/32–55. Winston S. Churchill. The making of the Finest Hours. 18 June 1940. Delray Beach: Levensger Press, 2006.
2. Churchill W. The Second World War. Their Finest Hours. Boston: Houghton Mifflin Company, 1949. 683 p.
3. Keegan J. The Second World War. London: Pimico, 1997. 608 p.
4. Reynolds D. From World War to Cold War. New York: Oxford University Press, 2006. 376 p.
5. Ricoeur P. Archives, Documents, Traces. In “The Archive” ed. Charles Merewether. Cambridge: MIT Press, 1978. P. 66–69.
6. Ricoeur P. From Text to Action. Essays on Hermeneutics. Vol. 2. Evanston: Northwestern University Press, 1991. 346 p.
7. Ricoeur P. Hermeneutics & the Human Sciences. New York: Cambridge University Press, 1981. 314 p.
8. Oxford Dictionary of Current English ed. by C. Soanes. New York. Oxford University Press. 2001. 1210 p.
9. Oxford Russian Dictionary ed. by P. Falla. New York. Oxford University Press, 2007. 1322 p.
10. Encyclopaedia Britannica. [Электронный ресурс]. URL: <https://global.britannica.com/event/Dunkirk-evacuation/> (дата обращения: 12.03.2017).
11. Larousse. [Электронный ресурс]. URL: http://www.larousse.fr/encyclopedia/divers/campagne_de_France/120118/ (дата обращения: 12.03.2017).

Сведения об авторе:

Зубакина Татьяна Николаевна, к. ф. н., доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации на иностранных языках, Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия; e-mail: zoubakina@mail.ru

INTERPRETATIONAL ASPECT OF ACTIONAL VERBS IN LANGUAGE REPRESENTATION OF AN EVENT

Tatyana N. Zubakina

Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Linguistics and Professional Communication in Foreign Languages, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsyn, Ekaterinburg, Russia; e-mail: zoubakina@mail.ru

Abstract

Modern linguistics treats the significance of the source authenticity while studying an event as the basics of the political discourse investigation. This article deals with the interpretational aspect of the actional verbs *neglect / fail, escape / rescue* which were the object of W. Churchill's thinking about the events of 1940 in his speech "Their Finest Hour". The hypothesis of the paper is based on the theoretical ideas of the French philosopher Paul Ricoeur who studied the hermeneutical aspect in discourse investigations. The article presents the interpretational potential of the actional verbs in event representation due to the principle of the hermeneutical arch, namely "from understanding to explanation" and "from explanation to understanding". The author of the article analyzes the variants of language interpretation of the Dunkirk operation according to the dictionary definitions and archive documents.

Key words: actional verbs, archives, hermeneutical arch, discourse, interpretation, historiography, event.

References:

1. CHAR 9/140A/32–55. (2006). Winston S. Churchill. The making of the Finest Hours. 18 June 1940. Delray Beach: Levenger Press.
2. Churchill, W. (1949). The Second World War. Their Finest Hours. Boston: Houghton Mifflin Company.
3. Keegan, J. (1997). The Second World War. London: Pimico.
4. Reynolds, D. (2006). From World War to Cold War. New York: Oxford University Press.
5. Ricoeur, P. (1978). Archives, Documents, Traces. In "The Archive" ed. Charles Merewether. Cambridge: MIT Press.
6. Ricoeur, P. (1991). From Text to Action. Essays on Hermeneutics. Vol. 2. Evanston: Northwestern University Press.
7. Ricoeur, P. (1981). Hermeneutics & the Human Sciences. New York: Cambridge University Press.
8. Oxford Dictionary of Current English ed. by C. Soanes. New York. Oxford University Press. 2001.
9. Oxford Russian Dictionary ed. by P. Falla. (2007). New York. Oxford University Press.
10. Encyclopaedia Britannica. Retrieved 12 March, 2017 from <https://global.britannica.com/event/Dunkirk-evacuation>.

11. Larousse. Retrieved 12 March, 2017 from http://www.larousse.fr/encyclopedia/divers/campagne_de_France/120118.

Дискурсивные практики информационной войны: роль ксенонимов в создании эффекта демонизации

С. В. Иванова

Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина

Аннотация

Данная работа посвящена рассмотрению роли ксенонимов в создании эффекта демонизации в политическом дискурсе массмедиа. Рассматриваются культуросносные номинативные языковые единицы, импортированные из пространства *чужой* культуры в текст *своей* культуры. Исследование проводится с позиции дискурс-анализа: ксенонимы толкуются не как спорадическое проявление креативности автора в процессе построения текста, а как технология, основанная на дискурсивной практике демонизации, цель которой состоит в дискредитации противника. Для этого в политическом дискурсе оказываются задействованными такие способы введения знаков чужой лингвокультуры, как использование лексических единиц, именующих реалии чужой культуры или обозначающих чужой этнос, транслитерированные лексические единицы с обозначением социальных практик чужого лингвокультурного сообщества, предикативные единицы, восходящие к прецедентным явлениям чужой культуры, словообразовательные модели с одной из ксенонимических морфем. Использование ксенонимов обусловлено интегрированной в их коннотативное значение отрицательной оценочностью или связано с их ингерентной способностью порождать отрицательную оценочность.

Ключевые слова: политический дискурс, информационная война, демонизация, дискурсивные практики, ксенонимы, прецедентный текст.

Использование ксенонимов, то есть языковых единиц, возникших в “результате семантической деривации на основе этнонимов и топонимов (то есть в ходе деонимизации)” и мотивированных обобщенными представлениями о чужих народах и землях [1, с. 3], в политическом дискурсе массмедиа имеет вполне понятные основания: данные единицы, будучи проводниками культурной информации, содержат оценочность. Политический дискурс, характеризующийся такими свойствами, как агрессивность, эксплицитная и имплицитная оценочность, поляризация оценок [4, с. 63–65], не может не использовать ресурсов ксенонимов. Данная статья раскрывает особенности функционирования ксенонимических

единиц в массмедийном политическом дискурсе при реализации дискурсивной практики (далее: ДП) демонизации.

Внимание к ДП демонизации, в рамках которой рассматриваются ксенонимы, объясняется ее особой востребованностью при ведении современных информационных войн. Демонизация является “наивысшей формой дискредитации оппонента в ходе информационно-психологической войны” [2, с. 28] и как ДП базируется на использовании определенных языковых ресурсов. Одним из таких средств являются ксенонимы. Ксенонимы — это языковые единицы, отсылающие к чужой культурной семиосфере. Ксенонимы, используемые в рамках ДП демонизации в политическом дискурсе СМИ, включают: (1) лексические единицы, имеющие реалии чужой культуры, (2) лексические единицы с обозначением чужого этноса, (3) транслитерированные лексические единицы, заимствованные из чужой лингвокультуры, с обозначением социальных практик, которые, якобы, отсутствуют в своем социуме, (4) предикативные единицы, служащие обозначению прецедентных явлений чужой культуры, (5) словообразовательные модели с использованием ксенонимической морфемы, заимствованной из чужой лингвокультуры.

Так, ксеноним *czar* является одним из маркеров ДП демонизации в американском политическом дискурсе. Данная морфема восходит к русскому *царь*, но расходится с ним в своих коннотациях. Русская лексема *царь* используется либо как нейтральная единица, указывающая на официальный статус политического лица, либо функционирует в переносном смысле, предполагая величие, первенство [3]. Более того, царь может быть наделен в русской лингвокультуре такими чертами, как милосердие, великодушие, величавость (*царь-батюшка*). Таким образом, в русском языковом сознании царь может быть отмечен как отрицательным, так и положительным знаком оценочности. В английской лингвокультуре *czar* в политическом дискурсе выступает исключительно как носитель отрицательной оценки. Положительные контексты с этим ксенонимом в английской политической лингвокультуре маловероятны, хотя его дефиниция в *Merriam Webster* не потенцирует отрицательного:

1: Emperor, specifically: the ruler of Russia until the 1917 revolution, 2: one having great power or authority: a banking czar [5]. Тем не менее, специфика использования данного ксенонима в англоязычном политическом дискурсе СМИ однозначно свидетельствует о его отрицательной коннотации. Практический материал свидетельствует: ДП, основанная на использовании данного ксенонима, весьма востребована при создании эффекта демонизации, несмотря на свою избыточность и интеллектуальную незамысловатость. Как известно, политический дискурс не отличается наличием серьезных логических построений, эксплуатируя эмоциональную сферу адресата. Чужое имеет тенденцию быть отмеченным знаком минус — это правило политической коммуникации при реализации ДП демонизации. Таким образом, при использовании лексемы *czar* в со-

четании с именем современного политика наблюдается семантическое сужение и оценочный сдвиг при заимствовании культуронима в американскую лингвокультуру: слово лишается некоторых из своих значений, которые характеризовали его в “родной” лингвокультуре.

Еще одним приемом, связанным с использованием ксенонимов, является транслитерированный ввод слова чужой лингвокультуры при том, что слово со сходной семантикой уже существует в принимающем языке. Так производится намек на то, что негодная социальная практика, отсутствуя в своей культуре, характеризует культуру чужую. Неудивительно в свете подобной аргументации появление русского слова *maskirovka* во многих американских СМИ при описании политики России: *Russian calls for new Syrian elections and sharing intelligence with Western powers are nothing more than exercises in “maskirovka”, Russia’s classic technique for disguising its real objectives* (NYT 26.10.2015); *President Putin’s game plan in Ukraine becomes clearer day by day despite Russia’s excellent, even brilliant, use of its traditional ‘maskirovka’* [HP]; *The Russian military disguised its actions, and denied them — but those “little green men” who popped up in the Black Sea peninsula were a textbook case of the Russian practice of military deception — or maskirovka* (BBC 29.01.2015). Использование русского слова при наличии англоязычных эквивалентов (*trick, disguise, deception*) подчеркивает изначальную хитроумность политического оппонента и вписанность аморальной социальной практики в его языковую картину мира.

Еще одним возможным актуализатором ДП демонизации являются транслитерированные и зачастую трансформированные прецедентные феномены чужой культуры, выступающие как предикативные единицы. Во время предвыборной кампании в Вашингтон Пост была напечатана статья о Д. Трампе под красноречивым заголовком *Trump’s Potemkin Village (The former head of the casino regulatory authority told The Post’s Robert O’Harrow Jr. that Trump had built a “Potemkin village”*. WP 21.06.2016). Автор обращается к финансовой истории Трампа при строительстве казино Тадж Махал в Атлантик-Сити, когда тот не смог оправдать вложенные в строительство деньги, взятые у банков под залог. В результате инвесторы остались банкротами. Авторская идея состоит в том, что и республиканская партия останется банкротом, делая ставку на Трампа. Русское прецедентное высказывание, не очень знакомое среднему американскому читателю (Merriam Webster (5) датирует это заимствование 1904 годом: *Grigori Potëmkin, who supposedly built impressive fake villages along a route Catherine the Great was to travel*), используется с троякой целью: заклеить Трампа, который не раз “кидал” своих партнеров по бизнесу, намекнуть на его связи с Россией и реализовать людическую (эстетическую) функцию при помощи данного ксенонимического включения. В конечном итоге все это должно способствовать большей убедительности текста.

Как показывает эмпирика, журналисты не чураются синтаксических моделей с обозначением прецедентных явлений чужой культуры, кото-

рые калькируются и затем трансформируются в другом языке, достигая прагматического эффекта от иррадирующей негативной коннотации первоначального прецедентного феномена. Совершенно очевидно, что от читателя при этом не требуется больших когнитивных усилий, чтобы декодировать трансформированный прецедентный ксеноним (*Putin the Terrible: Understanding Russia's New Czar* (НР)).

Чрезвычайно распространенным способом указания на чужое и ассоциированный с ним негатив является использование этнонима. Это связано с тем, что этноним, именуя ту или иную этническую общность, еще и вызывает к жизни закрепленные за этим этнонимом стереотипы или даже искаженные представления о соответствующей этнической общности [1, с. 3–4]. В рамках ДП демонизации приоритет получают именно последние. Не зря на бензозаправке в г. Эвансвилле, родине Лили Кинг, соперницы российской пловчихи Ю. Ефимовой, висел лозунг, простой по своей формулировке, но очень красноречивый с точки зрения передачи категории свой÷чужой: *Beat that Russian doper's ass*. Без указания имени, но с идентификацией по этническому признаку. Отрицательный контекст, который окружает этноним *Russian*, способствует тому, что отрицательные ассоциации оказываются прочно связанным с ним. Коммуникативная цель — создание шлейфа негатива, который бы закрепился за данным этнонимом, достигнута. Таким образом, становится вполне объяснима легкость дальнейших многочисленных манипуляций с ним (ср.: *what will the crowds do if a Russian wins an Olympic gold medal at swimming?* (CNN 08.08.2016)).

Используются также словообразовательные модели с морфемой-ксенонимом: *It was already branding "Crooked Hillary" before "emails" existed and Americans, if they thought of Benghazi at all, might have thought the word rhymed with "feminazi"* (Fox News 19.01.2017). Новообразованное слово весьма интересно, так как обыгрывает сразу две ксенонимические морфемы: город Бенгази, который должен напомнить читателям о провальной внешней политике Клинтон в ее бытность госсекретарем. А, с другой стороны, в новообразованном слове *feminazi* содержится и морфема *nazi*, намекающая на экстремизм профеминистской позиции г-жи Клинтон.

Тенденции использования ксенонимических лингвокультурных знаков в плане внешнего оформления предполагают, во-первых, при необходимости их транслитерацию при трансфере в чужую лингвокультуру, а, во-вторых, трансформацию при использовании, что обуславливается необходимостью манипулирования читательским восприятием при помощи изучаемого языкового ресурса.

Нет сомнения, ксенонимы являются действенным средством актуализации ДП демонизации. Их декодирование не требует больших интеллектуальных усилий со стороны адресата: опора производится на негативные стереотипы, закрепившиеся в принимающей лингвокультуре. Таким образом, ксеномотивация как обобщенное негативное представление

о чужом [1, с. 4] и связанная с ксенонимом отрицательная оценочность являются главным аргументом при его использовании в ДП демонизации. Лексические единицы чужой культуры призваны быть мощным средством подтверждения особо дьявольского менталитета политического противника, подтверждением чего является его языковая картина мира.

Список литературы:

1. Березович Е. Л. О явлении лексической ксеномотивации // ВЯ. 2006. №6. С. 3–20.
2. Иванова С. В. Лингвистическая ресурсная база информационной войны: создание эффекта демонизации // Политическая лингвистика. 2016. №5 (59). С. 28–37.
3. Толковый словарь Ожегова. [Электронный ресурс]. URL: <http://slovarozhegova.ru/> (дата обращения 28.02.2017).
4. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. М.: Флинта: Наука, 2007. 256 с.
5. Merriam Webster [Электронный ресурс]. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/>. (дата обращения 28.02.2017).

Сведения об авторе:

Иванова Светлана Викторовна, д. ф. н., профессор, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: svet_victoria@mail.ru

DISCURSIVE PRACTICES OF INFORMATION WARFARE: THE ROLE OF XENONYMS PRODUCING THE DEMONIZATION EFFECT

Svetlana V. Ivanova

Doctor of Philology, Professor, Pushkin Leningrad State University, Saint-Petersburg, Russia; e-mail: svet_victoria@mail.ru

Abstract

The given paper is devoted to the role of xenonyms in creating the effect of demonization in political mass media discourse. Culturally motivated nominative language units imported from alien culture are examined in it. The research involves discourse analysis, which implies the study of xenonyms not as a sporadic manifestation of the author's creativity in the process of constructing the text, but rather as a technology based on the discursive practice, the aim of which is to increase the persuasive potential of the political mass media text in order to discredit the opponent. Political discourse widely uses well-established ways of introducing signs of a foreign linguo culture, and includes the use of lexical units which identify the realities of another culture, indicating a foreign ethnos, transliterating lexical units with the designation of the social practices of another linguocultural community, predicative units denoting

foreign culture significant precedent phenomena, word-formation models with a xenomorpheme. The use of xenonyms is due to the value integrated in their connotation or due to their inherent ability to generate negative evaluation.

Keywords: political discourse, information warfare, demonization, discursive practices, xenonyms, precedent text.

References:

1. Berezovich, Ye. L. (2006). O yavlenii leksicheskoy ksenomotivatsii [On the phenomenon of lexical ksenomotivation]. *Voprosy yazykoznaniya [Issues of linguistics]*, 6, 3–20.
2. Ivanova, S. V. (2016). Lingvisticheskaya resursnaya baza informatsionnoy voyny: sozdaniye efekta demonizatsii [Linguistic resources employed in an information war: demonization effect techniques]. *Politicheskaya lingvistika [Political linguistics]*, 5 (59), 28–37.
3. *Tolkovyy slovar' Ozhegova [Ozhegov explanatory dictionary]*. Copyright (C) Ozhegov, S. I. 2008–2009. Retrieved 28 February, 2017 from <http://slovarozhegova.ru/>.
4. Chudinov, A. P. (2007). *Politicheskaya lingvistika [Political linguistics]*. Moskva: Flinta: Nauka.
5. Merriam Webster. Retrieved 28 February, 2017 from <https://www.merriam-webster.com/dictionary/>.

Отражение китайских культурных ценностей в современном политическом дискурсе КНР

М. Я. Каплунова

Институт языкознания РАН, Московский педагогический
государственный университет

Аннотация

Статья посвящена исследованию вопросов взаимодействия языка и культуры в рамках современного китайского политического дискурса. За основу анализа взят так называемый “язык власти”, отражающий социально-политические установки правительства страны. В частности, в статье рассматриваются способы отражения системы китайских культурных ценностей на примере текстов выступлений Си Цзиньпина с момента его вступления в должность Председателя Китайской Народной Республики. Анализируется положенная в основу политической деятельности Си Цзиньпина концепция “китайской мечты”, которая не противоречит традиционной конфуцианской идее “гармонии” и вместе с тем способствует становлению китайской идентичности и формированию

единства китайской нации. Кроме того, отмечается успешная интеграция конфуцианских традиционных ценностей в современный китайский политический дискурс, что является отражением способности конфуцианства адаптироваться к изменениям в обществе.

Ключевые слова: политический дискурс, язык власти, конфуцианство, интертекст, языковая политика, Си Цзиньпин.

Язык, будучи основным средством общения, выступает в качестве главного инструмента достижения персуазивности. В контексте политического дискурса речь идет об умелом использовании средств убедительности в речи политиков, которая направлена на формирование определенных стереотипов в сознании общества. В данной статье мы затронем культурную составляющую языка власти на примере норм конфуцианства, отраженных в речи председателя Китайской Народной Республики Си Цзиньпина.

“Человек так устроен, что он может жить или верой в Бога, или верой в идеалы и кумиры” [1, с. 217]. В сознании китайского этноса такие идеалы нашли отражение в учениях Конфуция, сформировав национальную систему ценностей на долгие века. За отказом от конфуцианских норм в период социально-экономических изменений в начале XX в. с появлением “трех народных принципов” Сунь Ятсена последовало их постепенное возрождение с наступлением периода “реформ и открытости”. Однако именно с приходом к власти действующего председателя КНР Си Цзиньпина конфуцианство вновь обретает важное значение в сознании китайского народа.

Использование традиционных принципов в качестве основы для единения китайской нации находит свое отражение в китайском политическом дискурсе. Так, еще предшественник Си Цзиньпина на посту председателя КНР Ху Цзиньтао в концепции “гармоничное общество (和谐社会)” в Китае намеренно использовал слово “гармония” (和), ставшее распространенным в обозначении различных направлений деятельности китайского правительства. Будучи наследием конфуцианского знания, ключевым в “Беседах и суждениях” (“Лунь Юй”), оно несет определенную смысловую нагрузку и свидетельствует о непрерывности китайской традиции и ее связи с современной политикой и, как следствие, с языковой политикой КНР. Гармоничный подход к решению вопросов, возникающих как на государственном, так и на международном уровнях, встречается во многих выступлениях Си Цзиньпина: “Мир может сохранять свое многообразие и процветать лишь при условии взаимного уважения, взаимного заимствования положительных моментов и гармоничного сосуществования” [2].

Не противоречит идеи гармоничного общества и основная концепция, положенная в основу политической деятельности Си Цзиньпина, получившая название “китайская мечта” (中国梦). Данный термин был

введен главой государства буквально в первом обращении после избрания на пост председателя КНР в ноябре 2012 г. на XVIII Всекитайском съезде КПК, в котором он говорит о том, что необходимым условием достижения этой мечты является единство китайских граждан. Таким образом, китайская мечта, с одной стороны, касается каждого жителя Китая, с другой стороны, является результатом совместной деятельности всего китайского народа, и, как следствие, средством “великого возрождения китайской нации” (中华民族伟大复兴). Согласно идеи Си Цзиньпина, существуют три компонента “китайской мечты”: богатое и могущественное государство (国家富强), национальное возрождение (民族整形) и народное счастье (人民幸福). Семантическая особенность данного понятия делает его близким к конфуцианскому пониманию единства государства и народа, и если в учениях философа под государством понималась власть императора, то в современно понимании ее роль выполняет Коммунистическая партия Китая с Си Цзиньпином во главе. Таким образом, почтенное отношение народа к правителю, как благородному мужу, представляющему идеал в конфуцианстве, сохраняется в сознании китайских граждан и в настоящее время. Вместе с тем, баланс, необходимый для достижения в отношениях государство-общество, вновь возвращает нас к конфуцианской идее “гармонии”.

Как отмечает А. В. Ломанов, “в концентрированном виде мечта отражает чаяния нескольких поколений китайцев, что придает ей историческую легитимность” [4, с. 40]. Для цивилизации, чья история насчитывает 5000 лет, историческая преемственность играет важную роль в становлении идентичности индивидуума, что прекрасно понимает китайское правительство. В результате, концепция “китайской мечты” успешно прижилась в сознании китайских граждан, став “важным идеологическим инструментом сплочения общества” [4, с. 42].

Морально-этические нормы китайского общества, в основе которых, согласно идеям конфуцианства, лежат пять добродетелей (仁) (добросердечие, справедливость, прямота, мудрость и лояльность), не противоречат воззрениям Си Цзиньпина на современное общество. Затрагивая вопросы китайских ценностей своем выступлении в феврале 2014 г. на 13-й коллективной учебе Политбюро ЦК КПК, председатель КНР говорил о таких качествах, как гуманность и любовь, доверии, почтении справедливости, возвышении гармонии, стремлении к великому единению и др. [4, с. 52].

Однако данные человеческие качества важны не только в рамках внутренней политики, но и должны применяться в рамках международного взаимодействия. Так, в ходе своего выступления в 2015 г. на юбилейном торжестве по случаю 70-летия победы в Войне сопротивления китайского народа японским захватчикам и Мировой антифашистской войне Си Цзиньпин отметил: “Китай стремится к миру и будет неуклонно идти по пути мирного развития... Наш народ будет всегда жить в мире

и дружбе с народами всего мира” [3]. Выражая почтение другим цивилизациям и их пути развития (“в мире нет идеальной цивилизации, как нет и цивилизации, лишенной всех достоинств”), Си Цзиньпин действует в соответствии с принципом “единства в разнообразии” (和而不同), предполагающим мирное сосуществование различных взглядов на одно и то же явление [8].

Более того, в настоящее время китайским правительством осуществляется успешная интеграция конфуцианских традиционных ценностей с современными политическими процессами, затрагивающими КНР. В этом проявляется “характерная черта конфуцианства — способность органично приспосабливаться к изменениям эпохи” [5, с. 74]. Подобный культурный синкретизм проявляется в речи политика на Всемирном экономическом форуме в Давосе в январе 2017 г., в ходе которого Си Цзиньпин высказался за поддержку экономической глобализации, осудив при этом тех, кто был нацелен исключительно на финансовую прибыль [7]. Другим примером служит выступление председателя КНР в 2015 г. в ходе дебатов на 70-й Генассамблее ООН, где, говоря об общечеловеческих ценностях, Си Цзиньпин указывает “демократию” и “свободу”, присущие западному менталитету [2]. Кроме того, особое место в контексте отношений Китая с другими странами занимает понятие “сотрудничество и взаимовыигрыш” (合作共赢), которое, с одной стороны, противоречит конфуцианскому пониманию долга превыше выгоды, с другой стороны, удачное положение с обеих сторон предполагает некий компромисс, что вновь возвращает нас к конфуцианской идее гармонии и взаимоуважению, упоминаемой в том же выступлении [2].

Таким образом, мы можем говорить об успешной интеграции традиционных китайских ценностей, восходящих к учению Конфуция, в современный китайский политический дискурс, оказывающий влияние на дальнейшее формирование единства китайской нации, как необходимое условие процветания государства. Кроме того, данный эффект усиливается за счет применения китайской дипломатией политики мягкой силы в распространении китайских ценностей во всем мире.

Список литературы:

1. Бердяев Н. А. Духовное состояние современного мира. Новый мир, 1990, С. 217.
2. Выступление председателя КНР Си Цзиньпина в ходе дебатов на 70-й Генассамблее ООН (28 сентября 2015 г., Нью-Йорк). [Электронный ресурс]. URL:<http://ru.china-embassy.org/chn/eyxxs/t1322154.htm/> (дата обращения: 24.03.2017).
3. Выступление Си Цзиньпина на юбилейном торжестве по случаю 70-летия Победы в Войне китайского народа против японских захватчиков и Победы в Мировой антифашистской войне. (2015). [Электронный ресурс]. URL: <http://asiarussia.ru/persons/9002/> (дата обращения: 24.03.2017).

4. Ломанов А. В. “Китайская мечта” как идеологический символ руководства Си Цзиньпина // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. М., Форум, 2014. С. 40–56.
5. Морозова Н. В. Роль языка в политическом дискурсе КНР // Историческая психология и социология истории. Том 9, номер 1 / 2016. С. 72–85.
6. Переломов Л. С. Слово Конфуция. М.: Фабула, 1992. 192 с.
7. President Xi’s speech to Davos in full. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2017/01/full-text-of-xi-jinping-keynote-at-the-world-economic-forum/> (дата обращения: 24.03.2017).
8. Speech by H. E. Xi Jinping President of the People’s Republic of China At UNESCO Headquarters 2014/03/28. [Электронный ресурс]. URL: <http://iicc.org.cn/Info.aspx?ModelId=1&Id=672/> (дата обращения: 24.03.2017).

Примечание:

Статья подготовлена в рамках проекта №15–24–09001 “Закономерности социокультурного развития языков в полиэтнических странах мира (Россия — Вьетнам)”.

Сведения об авторе:

Каплунова Мария Яковлевна, Институт языкознания РАН, Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия, e-mail: mary.golik@gmail.com

REFLECTION OF CHINESE CULTURAL VALUES IN MODERN POLITICAL DISCOURSE

Maria Ya. Kaplunova

Institute of Linguistics of the RAS, Moscow State Pedagogical University, Moscow, e-mail: mary.golik@gmail.com

Abstract

The article deals with the problem of interrelation between language and culture within the modern Chinese political discourse. The analysis is based on the so called “the language of power” reflecting political and social settings of the government. The article reveals the main means reflecting the system of the Chinese cultural values on the example of the speeches of Xi Jinping as the President the People’s Republic of China. The concept of “Chinese dream” lying at the root of the political activity of Xi Jinping is analysed as the means of forming the Chinese identity and consequently the unity of the Chinese nation. Besides successful integration of Confucian traditional values into the modern political discourse of China is viewed as the reflection of the ability of Confucianism to adapt to the changes in the society.

Key words: political discourse, language of power, Confucianism, intertextuality, language policy, Xi Jinping.

References:

1. Berdyaev, N. A. (1990). *Dukhovnoe sostoyanie sovremennogo mira* [Spiritual order of Modern World]. Moskva: Novyi mir.
2. Vystuplenie predsedatelya KNR Si Czin'pina v hode debatov na 70-j Genassamblee OON (28 sentjabrja 2015 g., N'ju-Jork). (2015) [Speech of Xi Jinping at 70th session of the UN General Assembly]. Retrieved 24 March, 2017 from <http://asiarussia.ru/persons/9002/>.
3. Vystuplenie Si Czin'pina na jubilejnom torzhestve po sluchaju 70-letija Pobedy v Vojne kitajskogo naroda protiv japonskih zahvatchikov i Pobedy v Mirovoj antifashistskoj vojne (2015). Retrieved 24 March, 2017 from <http://ru.china-embassy.org/chn/eyxxs/t1322154.htm/>.
4. Lomanov, A. V. (2014). "Kitajskaja mechta" kak ideologicheskij simbol rukovodstva Si Czin'pina [Chinese Dream as Ideological Symbol of Administration of Xi Jinping]. Moskva: Forum.
5. Morozova, N. V. (2016). Rol' jazyka v politicheskom diskurse KNR [The Role of Language in Chinese Political Discourse], Vol. 1.
6. Perelomov, L. S. (1992). Slovo Konfucija [Words of Confucius]. Moskva: Fabula.
7. President Xi's speech to Davos in full. Retrieved 24 March, 2017 from <https://www.weforum.org/agenda/2017/01/full-text-of-xi-jinping-keynote-at-the-world-economic-forum/>.
8. Speech by H. E. Xi Jinping President of the People's Republic of China At UNESCO Headquarters 2014/03/28. Retrieved 24 March, 2017 from <http://iicc.org.cn/Info.aspx?ModelId=1&Id=672/>.

Изменения структуры и содержания концепта-сценария "холодная война" в политическом дискурсе на материале англоязычных СМИ (диахронический аспект)

Н. А. Ковалев

МГИМО МИД России

Аннотация

В статье представлены результаты исследования изменений структуры и содержания концепта-сценария ХОЛОДНАЯ ВОЙНА методами концептуально-дефиниционного, сравнительного анализа и дискурсивного анализа на материале текстовых реализаций концепта, взятых из англоязычной качественной прессы, выходившей в периоды с 1948 по 1970 гг. и с ноября 2014 г. по июль 2016 г. В ходе исследования был проведен анализ лексикографических источников, анализ примеров из прессы, моделирование концепта ХОЛОДНАЯ ВОЙНА и сравнительный анализ некоторых структурных компонентов концепта в разные исторические периоды. Исследование показало, что структура и содержание концепта изменялась на всех этапах его суще-

ствования не только в хронологических рамках холодной войны, но и на современном историческом этапе, что свидетельствуют о перспективности дальнейшего изучения динамики развития концепта ХОЛОДНАЯ ВОЙНА.

Ключевые слова: политический дискурс, концепт, фрейм, холодная война.

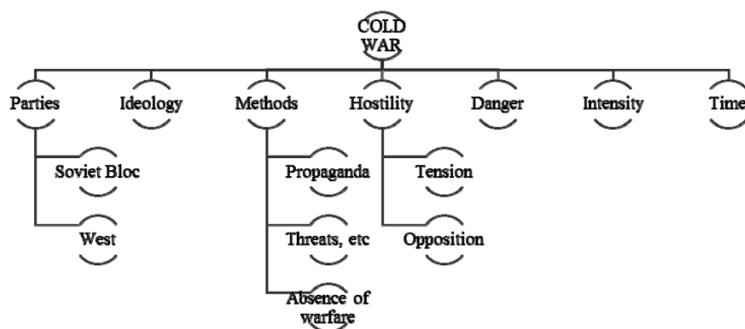
История второй половины XX века неразрывно связана с многочисленными конфликтами, главным из которых является, пожалуй, глобальное противостояние между СССР и странами Запада, получившее название холодная война. Холодная война занимает особое место среди конфликтов, поскольку, появившись как конкретное противостояние, данная конфронтация стала со временем восприниматься как символ идеологической борьбы. Концепт ХОЛОДНАЯ ВОЙНА активно развивался на протяжении всего конфликта, имеющего конкретные временные рамки (1946–1989 гг.), но также и продолжает функционировать в новых условиях в качестве схемы концептуализации современной геополитической реальности.

Целью данного исследования является изучение изменений в структуре и содержании концепта ХОЛОДНАЯ ВОЙНА в периоды с 1946 по 1970 гг. и с 2014 по 2016 гг. на материале англоязычной качественной прессы. Исследование проводилось в рамках когнитивной лингвистики, основным положением которой является то, что в результате анализа языковых фактов возможно произвести реконструкцию концептуальных структур, лежащих в их основании. Е. С. Кубрякова отмечает, что “понятие концепта отвечает представлению о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких ‘квантов’ знания” [1, с. 90]. Сложные многокомпонентные концепты, представляющие структуры знаний, соотносимые с повторяющимися типовыми ситуациями, называют фреймами. Фрейм “представляет собой иерархическую структуру и может рассматриваться как граф, состоящий из вершин и связей между ними. Фрейм имеет несколько уровней. На верхнем уровне фрейма представлена базовая информация о состоянии объекта, на низших (терминалах, терминальных слотах) содержатся конкретные значения и данные. Каждый слот включает условие, которое должно выполняться при установлении соответствия между значениями” [4, с. 20]. Теория фреймов впервые была сформулирована М. Минским, который ассоциировал фрейм со структурой данных, предназначенных для стереотипной ситуации [3; 4]. М. Минский отмечал, что фрейм — это гибкая и подвижная структура знаний, которая помимо абстрактной схемы, дающей представление о типовых объектах и событиях, содержит и множество “действий по умолчанию”, которые позволяют пополнять фрейм новыми данными. В лингвистике фреймовый анализ был впервые упомянут Ч. Филлмором [5] и впоследствии получил широкое применение среди ученых.

Исследование показало, что концепт ХОЛОДНАЯ ВОЙНА представляет собой динамический фрейм или концепт-сценарий, для изучения которого были использованы методы концептуально-дефиниционного и функционально-репрезентативного анализа, сравнительного анализа и дискурсивного анализа.

Анализ лексикографических источников позволил построить базовую схему динамического фрейма ХОЛОДНАЯ ВОЙНА, которую можно представить графически (см. схему 1).

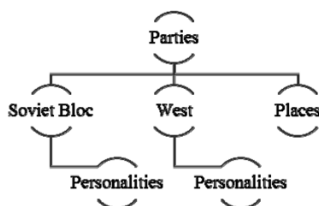
Схема 1.

Эволюцию концепта ХОЛОДНАЯ ВОЙНА можно проследить на примере изменений в структуре и содержании составляющих его компонентов. Наиболее иллюстративными представляются изменения в структуре и содержании таких субфреймов, как Parties (Участники) и Methods (Методы).

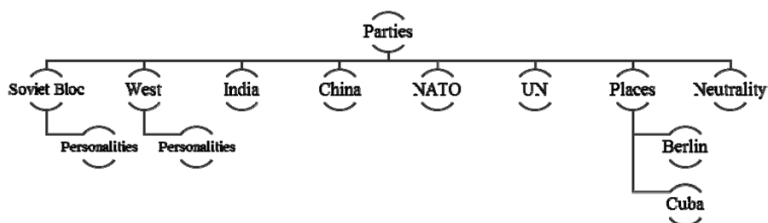
Структура субфрейма Parties (Участники) постоянно изменялась и усложнялась, например, уже на первых этапах холодной войны (1946–1953 гг.) в структуре данного субфрейма появились слоты Personalities (Дейтели), репрезентированные в основном антропонимами (*William Henry Chamberlin, President Truman and Premier Stalin*), и Places (География), также в большинстве случаев представленными антропонимами, названиями стран и регионов, в которых наиболее явно ощущалось противостояние (*dangerous new cold war fronts in Asia and the Middle East*) (см. схему 2).

Схема 2.

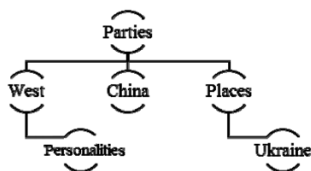
В дальнейшие годы холодной войны (1953–1970 гг.) данный субфрейм существенно расширился за счет появления в его составе слотов NATO (НАТО) и UN (ООН) из-за усиления роли соответствующих организаций в холодной войне, слотов India (Индия) и China (Китай) (*Peiping has declared cold war on India, dubbing her expansionist and imperialist, and obstructing Indian trade in violation of the treaty — 1959*), с лота Neutrality (Нейтралитет) (*Victory over Communist Russia is not the goal of United States policy. The U.S. does not want allies, but **countries which are neutral** — 1962*). В период Берлинского и Кубинского кризисов, когда мир находился на пороге войны, субфрейм Places (География) расширился за счет слотов Berlin (Берлин) (*A DELEGATION of Red Army officers places wreaths on the Soviet war memorial to **the British sector of West Berlin**, about 400 yards away from the Russian zone, on the 38th anniversary of Red Army Day — 1956*) и Cuba (Куба) (*Castro Says Cuban Boat Fired On U.S. Submarine In Cuban Waters — 1960*) (см. схему 3).

Схема 3.

На современном этапе так называемую “новую холодную войну” (*Cold War 2.0, Cold War II*) характеризует замена содержания некоторых компонентов субфрейма Parties (Участники). Например, утверждается, что над данным историческим этапе страны Запада (и США в частности) ведут не с Россией, а с Китаем (*But a Washingtonvs. Beijing Cold War 2.0 — should it prove to be unavoidable — would be very different from it predecessor — 2015*) (см. схему 4).

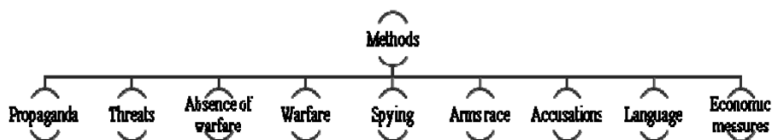
Схема 4.

Периоды обострения отношений и усиления конфронтации между СССР и Западом характеризовались большим количеством способов

ведения противостояния, что нашло свое отражение в расширении структуры субфрейма Methods (Методы). На первом этапе его структура пополнилась слотом Warfare (Военные действия) (*Cold War and Its Battles; Marshall Plan has put communism “on the defensive” throughout Western Europe — 1949*), характерного для концепта ВОЙНА, и отсутствующем в базовой модели концепта ХОЛОДНАЯ ВОЙНА. Наряду со вполне логичным появлением таких слотов, как Economic measures (Экономические меры), Accusations (Обвинения), Armsrace (Гонка вооружений), Spying (Шпионаж) и т.д., в состав субфрейма Methods (Методы) входит важный слот Containment (Сдерживание) (*Reviewing the 15 years of the Cold War, we can see that the National Defense Strategy concept is but one example of this philosophy. In the whole area of military and economic Cold War deterrence the National Guard stands at the forefront — 1961*), обусловленный необходимостью противоборствующих мировых держав не допустить мировой войны путем сдерживания друг друга, а также слот Language (Язык) (*THE CHIEF WEAPON IN THE COLD WAR is language... The skillful use of words, true or untrue, may determine our action in the struggle today, Russia’s action in the struggle tomorrow. Tass, the official Soviet news agency, today quoted Zhukov as charging Rockefeller with using “the primitive vocabulary of the cold war.” — 1959*), связанный с субфреймом Идеология и свидетельствующий о том, что именно дипломатия играла ведущую роль в ведении холодной войны (см. схему 5).

Схема 5.

В период с 2014 по 2016 гг. структура субфрейма Methods (Методы) обогатилась за счет появления в его составе слота Internetwarfare (Интернет-война), появившимся из-за усиления роль телекоммуникационных технологий, и включающим в себя ряд субслотов, например, Internet spying (интернет-шпионаж) и Social Media (Деятельность в соцсетях) (*The Kremlin is also a sophisticated user of the internet and social media. It employs hundreds of “trolls” to garrison the comment sections and Twitter feeds of the West. The point is not so much to promote the Kremlin’s views, but to denigrate opposition figures, and foreign governments and institutions, and to sow fear and confusion — 2015*) Релевантным остается присутствие в субфрейме Methods (Методы) существовавших ранее слотов Economic measures (Экономические меры) (*The Cold War tit-for-tat style, however, is still going strong. A new round of sanctions on Russia takes aim at its vital energy sector, and Europe is drafting an emergency energy plan in case Russia halts gas ship-*

ments this winter — 2014) и Language (Язык) (*War games, prospective weapons sales, a war of words over contested real estate in some far-flung part of the world. That's all pretty much standard Cold War fare, familiar to anyone in Moscow or Washington who fought the last one — 2015*), что свидетельствует о схожести нынешнего противостояния с событиями холодной войны.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что, несмотря на формальное завершение холодной войны, концепт-сценарий ХОЛОДНАЯ ВОЙНА продолжает существовать и функционировать в новых дискурсивных условиях, причем изменения происходят не только в структуре, но и в содержании составляющих концепт компонентов (субфреймов и слотов), что во многом обусловлено такими изменениями экстралингвистической действительности, как, например, интенсивность противостояния, изменения стратегических интересов противоборствующих сторон и соотношение сил.

Список литературы:

1. Кубрякова Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. М.: МГУ, 1996. 246 с.
2. Минский М. Фреймы для представления знаний / пер с англ.; под ред. Ф. М. Кулакова. М.: Энергия, 1979. 151 с.
3. Минский М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. М., 1988. С. 52–92.
4. Когнитивная психология. Учебник для вузов / Под ред. В. Н. Дружинина, Д. В. Ушакова. М.: ПЕР СЭ, 2002. 480 с.
5. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII: Пер. с англ. М.: Прогресс, 1988. С. 52–92.

Сведения об авторе:

Ковалев Никита Александрович, преподаватель, МГИМО МИД России, Москва, Россия; e-mail: nikitakovalyov@yandex.ru

CHANGE IN THE STRUCTURE AND CONTENTS OF THE CONCEPT-SCENARIO “COLD WAR” IN POLITICAL DISCOURSE (EVIDENCE FROM ENGLISH-LANGUAGE MASS MEDIA)

Nikita A. Kovalev

Lecturer, MGIMO University, Moscow, Russia; e-mail: nikitakovalyov@yandex.ru

Abstract

The aim of present research is to develop a framework for a diachronic analysis of the concept COLD WAR in political discourse. The paper seeks to uncover some of the changes that the concept COLD WAR has undergone

over time. The study shows that in the concept-scenario COLD WAR there exist some core elements that largely remain unchanged. However, these components do evolve and become more complex as extralinguistic circumstances change. Moreover, the content of some of the elements (subframes and slots) may change in the course of time, which proves that the concept COLD WAR needs to be further exposed to scientific scrutiny.

Key words: political discourse, concept, framework, cold war.

References:

1. Kubryakova, E. S., Demyankov, V. Z., Pankrats Yu. G., and Luzina, L. G. (1996). *Kratkiislovar' kognitivnykh terminov* [Concise dictionary of cognitive terms]. Moskva: MGU.
2. Minsky, M. (1979). *Freimy dlia predsta vleniia znanii* [A Framework for Representing Knowledge]. Moskva: Energiia.
3. Minsky, M. (1988). *Ostrou miei logika kognitivnogo bessoznatel'nogo* [Jokes and the Logic of the Cognitive Unconscious]. In *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Kognitivnye aspekty iazyka* [New in Foreign Linguistics. Cognitive Aspects], 33, 52–92.
4. Druzhinin, V. N., and Ushakov, D. V. (2002). *Kognitivnaia psikhologiya. Uchebnik dlia vuzov* [Cognitive Psychology. University Course book]. Moskva: PER SE.
5. Fillmore, C. *Freimy I semantika ponimaniia* [Frames and the semantics of understanding]. In *Novoe v zarubezhnoi lingvistike* [New in Foreign Linguistics], 33, 52–92.

Жанровые особенности языка политического медиадискурса

Н. А. Колесникова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Аннотация

В статье анализируются языковые характеристики политического дискурса англоязычных медиа текстов разных жанров (новостных, информационных, аналитических, интервью), представленных в интернете. Актуальность исследования определяется спецификой англоязычного политического медиадискурса и необходимостью научить студентов-международников различать его языковые особенности при формировании переводческих навыков. Проводится сопоставительный анализ медиа текстов разных жанров с учетом влияния политического дискурса на выбор лингвистических средств. Практическое значение исследования: использование его результатов в курсе “Иностранный язык для специальных целей” на факультете мировой политики МГУ.

На основе выводов исследования даются рекомендации для работы над переводом: предпереводческий анализ, выбор переводческих приемов, трансформаций и языковых единиц.

Ключевые слова: политический дискурс, медиадискурс, жанрообразующие признаки, информационные жанры, аналитические жанры, твиттинг.

Понятие “политический медиадискурс” многокомпонентно — это политический дискурс с его явными и подразумеваемыми смыслами и манипулятивной интенцией, медиадискурс как сфера функционирования политического дискурса, а также лингвистические средства выражения, раскрывающие его функциональные особенности.

Информирование общественности о фактах или произошедших событиях в области мировой политики, их осмысление, прогнозирование их последствий требуют разного подхода к их освещению, то есть, жанрового многообразия их изложения.

Подтверждение этому можно найти в публикациях разных жанров. Назовем лишь те, что представляют интерес для нашего исследования:

- информационные жанры: краткая новостная заметка, информационная статья;
- аналитические жанры: комментарий, статья-мнение, аналитическая статья.

У каждого жанра своя функциональная задача, для выполнения которой используется свой аппарат лингвистических средств и стилистических приемов.

Однако “жанры не стоят на месте, они постоянно развиваются и обогащаются... В последнее время усиливается тенденция к смешению, к взаимопроникновению жанров. ... Наполняясь новым, актуальным содержанием, жанр приобретает новые черты, но формальные, жанрообразующие признаки серьезных преобразований не претерпевают. Но со временем новые видовые образования могут все-таки выскристаллизоваться в отдельные жанры” [2, с. 65].

Смешению и взаимопроникновению традиционных жанров способствует глобальное распространение и использование новых информационных технологий. В частности, многие информационные агентства перешли на электронные версии газет и журналов в интернете и социальных сетях. Используемые в них гиперссылки или гипертекст могут расширить сигнальную заметку до формата информационной корреспонденции, а элементы интервью встречаются как в комментариях, так и в аналитических статьях.

Впервые новость появляется на интернет ленте новостей в виде заголовка, часто сопровождаемого одним абзацем текста как, например, на сайте информационного агентства Рейтер в рубрике WORLD NEWS

HEADLINES [5]. Это создает общую картину глобальной политической жизни сегодняшнего дня и позволяет обозначить повестку дня мировой политики.

Актуальность событий в новостной ленте подчеркивается синтаксическим оформлением заголовков: это или историческое настоящее время, или инфинитивные конструкции. Но заголовок должен не только назвать событие, но привлечь внимание читателя, вызвать интерес к заявленной теме. Это достигается определенными лингвистическими средствами, например:

- экспрессивное прилагательное, предваряющее сообщение:
Exclusive: Almost half of Canadians want illegal border crossers deported — Reuters poll
- эпитет “multi-speed” в сочетании с существительным Europe образующий термин “разноскоростная Европа”, официально закрепленный в документах ЕС:
Poland promises to fight idea of multi-speed Europe at EU summit
- метафорическое употребление словосочетания “divorce proceedings” в контексте процедуры выхода Британии из ЕС.
Britain’s May to launch EU divorce proceedings on March 29

Под заголовком в новостной ленте расположен первый абзац информационной статьи, который можно рассматривать как новостную заметку сигнального типа, в которой в предельно сжатом виде обозначена фабула сообщения. Такую заметку отличает новизна и краткость, поскольку ее основное назначение — оперативно сообщать о заслуживающих внимания фактах и событиях. Лексика таких заметок как правило, передает фактуальный характер сообщения, точное обозначение явления, то есть не несет дополнительных коннотаций. Вот один из примеров:

New U.S.-led force to deter Russia in Poland from April

A U.S.-led battalion of more than 1,100 soldiers will be deployed in Poland from the start of April, a U.S. commander said on Monday, as the alliance sets up a new force in response to Moscow’s 2014 annexation of Crimea.

Заголовки в новостной ленте являются одновременно и гиперссылками, по которым можно перейти к расширенному варианту сообщения, то есть к информационной заметке, в которой новость обрастает подробностями и уточняющими деталями. В ней наблюдается вкрапление элементов разных жанров. Так, в следующем примере новостная информация дополняется комментарием, выражающим авторское отношение к событию посредством фраз разговорного стиля, что нехарактерно для изложения фактуальной информации:

- *Germany and Turkey **are at loggerheads***
- *Germany **has grown angry** with Erdogan*

Кроме того, в этой статье автор широко цитирует участников описываемого события. Причем приводимые цитаты не столько углубляют событийную картину, сколько отражают эмоционально-экспрессивное

состояние цитируемого, что отражается в его речи, а именно в использовании метафор, синтаксических экспрессивных повторов, экспрессивного синтаксиса. Например, автор приводит следующие цитаты из выступления Заместителя Премьер-Министра Турции Нумана Куртулмуса:

- *European politics being taken hostage by rising racism.*
- *We are seeing and hearing the footsteps of fascism and Nazism now.*
- *We do know what these comments mean, particularly in Germany.*
- *“This is unacceptable and a stance that does not fit our friendship, our partnership and our long-standing cooperation.”*

Приведенные примеры показывают, что языковые средства в подобных “гибридных” информационных заметках уже не так скупы, и наряду с характерной для новостных сообщений нейтральной лексикой и синтаксисом появляются эпитеты, метафоры, идиоматические выражения, элементы разговорной речи, экспрессивные синтаксические конструкции.

Особенностью политического медиа дискурса является то, что он “формирует картины реальности, которые представляют собой отражения объективной реальности, и, поэтому, не равны ей. Проекция реальности создают информационную окружающую среду для каждого потребителя журналистского текста. Такая интерпретативная реальность существует наряду с объективной реальностью, и люди реагируют именно на эту субъективную реальность, сформированную СМИ” [1, с. 47].

Примерами “интерпретативной реальности” могут служить развернутые авторские статьи. В них не просто изложены факты, автор высказывает свое мнение об определенной проблеме, с определенных позиций объясняет ее причины, дает положительные или отрицательные оценки принятию политических решений, прогнозирует развитие событий. Все это призвано оказать воздействие на аудиторию, смоделировать образ мыслей читателя, а в результате манипулировать общественным мнением. В значительной степени этому способствует арсенал языковых средств, которыми пользуется автор.

Интересной с этой точки зрения нам представляется статья Джонатана Фридланда “Post-truth politicians such as Donald Trump and Boris Johnson are no joke” [4] в интернет издании либеральной газеты Гардиан, которая стала орудием в информационной войне прессы с политиками. К этому недвусмысленно призывает автор статьи:

Rather than laughing along with the Republican candidate and former London mayor, media interrogators should confront them.

Его позиция заявлена уже в ее заголовке. Начало статьи тоже красноречиво:

*In this era of post-truth politics, an **unhesitating liar can be king.***

И далее идет характеристика “решительного лжеца” с помощью стилистических средств:

- *The more brazen his dishonesty, the less he minds being **caught with his pants on fire**, the more he can prosper.*

- *how slippery his grasp on the truth has been*
Досталось и сторонникам честной борьбы за их нерасторопность:
their boots barely laced, while the lie has spread halfway around the world
О своих героях автор говорит в ироническом, порой насмешливом тоне:

*every word Trump says is a lie, including “and” and “the”
a lovingly styled, idiosyncratic head of blond hair*

Задаётся автор и риторическими вопросами, которые в тоже время становятся его комментарием к лживым заявлениям Б. Джонсона.

Стремительность нашей жизни и вездесущие интернет технологии сделали популярным средством коммуникаций социальные сети, и в их числе Твиттер. Возможность оперативной передачи информации через этот сервис делает этот жанр новостным, относящимся к электронным СМИ.

В связи с все возрастающей эпистолярной активностью политиков в Твиттере, появился новый жанр интернет коммуникации — политический твиттинг, основная функция которого — сообщение информации. Лаконичность твиттинг-сообщений — одна из его жанрообразующих особенностей, что определяет выбор авторами соответствующих лингвистических средств.

И здесь новый президент США стал одним из самых активных авторов. По словам самого Трампа, он вынужден вести свой Твиттер аккаунт, чтобы защититься от нападков лживых и бесчестных СМИ. Кроме того, он использует этот канал для прямого и непосредственного разговора с сорока пятью миллионами подписчиков, минуя СМИ:

Donald J. Trump @realDonaldTrump 20 мар.

Just heard Fake News CNN is doing polls again despite the fact that their election polls were a WAY OFF disaster. Much higher ratings at Fox. [3]

Язык политического твиттинга представляет собой наложение нескольких компонентов: языковой личности автора, сферы его деятельности, прямого стиля общения с адресатами, лаконичности. Все это прослеживается в твитах президента Трампа: официально-деловой характер текстовых сообщений в сочетании с лексикой и синтаксисом разговорной речи.

Экспрессия в этом жанре может выражаться не традиционными языковыми средствами, а графически (заглавные буквы, комбинации знаков препинания, хэш-тэги).

Анализ интернет сайтов англоязычных сми показал, что информационные технологии меняют привычную подачу материалов сферы политического дискурса, трансформируя традиционные жанры, и создают новые:

- в одном информационном блоке благодаря гиперссылкам сосуществуют жанры сигнальной новостной заметки и информационной статьи;

- политический твиттинг стал популярным и широко распространенным способом общения политиков с аудиторией;
- в авторских статьях язык политического дискурса раскрывается через стиль изложения, отражающего позицию автора. При этом используются языковые средства, характерные для газетно-публицистического стиля: общественно-политическая лексика, метафоры с оценочным значением, разговорные фразеологизмы, экспрессивный синтаксис, стилистические приемы.

В обучении переводу профессионально-ориентированных текстов студентов-международников важное значение имеет анализ языка политического дискурса в разных жанрах СМИ для выбора эквивалентных средств перевода. Поэтому для выработки навыков письменного перевода предпереводческую работу следует начинать с всестороннего анализа текста:

1. внимательно изучить изложенную информацию;
2. определить коммуникативную интенцию автора — проинформировать, высказать свою позицию, манипулировать мнением читателя;
3. обратить внимание на стиль и риторику текста;
4. определить жанровую принадлежность текста;
5. проанализировать использованные языковые средства: лексику, синтаксические конструкции, стилистические приемы, фразеологию;
6. обратить внимание на композиционное оформление текста.

Такой анализ позволит выбрать соответствующие переводческие приемы и применить те трансформации, которые максимально сохранят авторский замысел и языковые характеристики оригинала.

Список литературы:

1. Виноградова С. А. Политический медиадискурс как коммуникативное явление с манипулятивным потенциалом // Мир науки, культуры, образования. №4 (23) 2001, С. 45–47.
2. Туманов Д. В. Творим Золотым пером: Мастер-класс для начинающих журналистов. Казань, 2000. 80 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.twirpx.com/file/109584/> (дата обращения: 05.03.2017).
3. Donald, J. Trump@realDonaldTrump. [Электронный ресурс]. URL: <https://twitter.com/realdonaldtrump/status/827002559122567168/> (дата обращения: 05.03.2017).
4. Jonathan Freedland. Post-truth politicians such as Donald Trump and Boris Johnson are no joke. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2016/may/13/boris-johnson-donald-trump-post-truth-politician/> (дата обращения 21.02.17).
5. REUTER, WORLD NEWS HEADLINES. URL: <http://www.reuters.com/news/archive/worldNews?view=page&page=3&pageSize=10/> (дата обращения: 20.03.2017).

Сведения об авторе:

Колесникова Наталия Львовна, к. ф. н., доцент, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия; e-mail: marfundel@gmail.com

GENRE PECULIARITIES OF POLITICAL MEDIA DISCOURSE

Nataliya L. Kolesnikova

Candidate of Philology, Associate Professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; e-mail: marfundel@gmail.com

Abstract

The paper analyses language characteristics of political discourse in English language media texts of different genres (news, information article, opinion article, comment). Research of specifics of political media discourse in English is important for developing translation skills of students specialising in international politics. Texts of different media genres are analysed taking into account used political discourse and linguistic means. The results of the research will be used in the course the course of teaching English for specific purposes to the students of the School of World Politics of Moscow State University. Recommendations for comprehensive analysis of the text preceding its translation are made on the basis of the findings of this research: analysis of the original text, choice of translation

It will enable the translator to select proper translation methods and use transformations to preserve both the author's message and linguistic features of the original text.

Key words: political discourse, media discourse, genre characteristics, information genres, analytical genres, twitting.

References:

1. Vinogradova, S. A. (2001). Politicheskij mediadiskurs kak kommunikativnoe yavlenie s manipulyanivnym potencialom [Political mediadiscourse as a communicative phenomenon with a manipulative potential] // *Mir nauki, kultury, obrazovaniya* [World of science, culture, education], 4 (23), 45–47.
2. Tumanov, D. (2000). Creating with a golden pen: Master class for novice journalists. Kazan. Retrieved 05 March, 2017 from: <http://www.twirpx.com/file/109584/>
3. Donald, J. Trump@realDonaldTrump. Retrieved Retrieved 05 March, 2017 from: <https://twitter.com/realdonaldtrump/status/827002559122567168/>
4. Jonathan Freedland Post-truth politicians such as Donald Trump and Boris Johnson are no joke. Retrieved 21 February, 2017 from: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2016/may/13/boris-johnson-donald-trump-post-truth-politician/>
5. REUTER, WORLD NEWS HEADLINES. Retrieved 20 March, 2017 from: <http://www.reuters.com/news/archive/worldNews?view=page&page=3&pageSize=10/>

Политика безопасности в зеркале современного немецкого языка

Б. О. Корепанов

Московский государственный лингвистический университет

Аннотация

В статье рассматривается дискурс политики безопасности как часть общего политического дискурса ФРГ. В качестве репрезентативного сегмента дискурса политики безопасности анализируется документ, содержащий основные направления современной военно-политической стратегии Германии, так называемая “Белая книга 2016” (*Weißbuch 2016*). Дискурс понимается как виртуальный, постоянно развертывающийся во времени и в пространстве корпус высказываний на определенную тему, реализуемых в разнообразных типах текстов. В статье представлены основные результаты, полученные в ходе изучения лексического аспекта репрезентации концепции политики безопасности в современном немецком языке, в частности, дискурсообразующая лексика. Понятие *Sicherheitspolitik* (политика безопасности) рассматривается как ядро концепта и тема, вокруг которой формируется данный частный дискурс.

Ключевые слова: дискурс, политика безопасности ФРГ, бундесвер, “Белая книга”, дискурсообразующая лексика.

“Weißbuch 2016. Zur Sicherheitspolitik und zur Zukunft der Bundeswehr” — это документ, содержащий основные направления военно-политической стратегии Германии, в котором отражены важнейшие вопросы политики безопасности, а также будущего развития вооруженных сил ФРГ — бундесвера. “Белая книга” — это особый тип текста официально-политического дискурса, имеющий константные текстовые характеристики, которые прослеживаются во всех известных нам изданиях “Белых книг”, выпущенных в разных странах, по разным поводам, на разных языках.

“Белая книга” издаётся Федеральным министерством обороны Германии. Функцией “Белой книги” является определение основ дальнейшего развития бундесвера, как основного инструмента немецкой политики безопасности.

Понятие “безопасность” стало одним из ключевых для современного демократического общества.

В соответствии с документом “Концепция национальной безопасности Российской Федерации”, утвержденным Указом Президента от 17 декабря 1997 г., в современной России под безопасностью понимается состояние защищенности жизненно важных интересов личности — ее прав и свобод, общества — его материальных и духовных ценностей

и государства — его конституционного строя, суверенитета и территориальной целостности [1].

В Германии термин “безопасность” понимается неоднозначно. Сложность чёткого определения этого понятия заключается в его комплексном характере. В отличие от *мира, обороны или международных отношений* понятия *безопасность* и *политика безопасности* не закреплены в конституции ФРГ [7].

Анализируя “Белую книгу” как частный политический дискурс, а именно дискурс политики безопасности, мы должны уточнить наше понимание дискурса.

Дискурс понимается нами в русле теории М. Юнга, то есть как виртуальный, постоянно развертывающийся во времени и в пространстве корпус *высказываний на определенную тему*, реализуемых в разнообразных типах текстов [8]. Такой подход к дискурсу зарекомендовал себя как надежный и перспективный исследовательский подход, что было доказано на материале различных видов нехудожественных дискурсов [2; 3].

Таким образом, мы считаем, что понятие *Sicherheitspolitik* как политический термин может рассматриваться и как концепт, и как дискурс, формирующийся вокруг данной темы.

В немецком политическом дискурсе понятие “безопасность” охватывает не только цели, но и те средства, с помощью которых данные цели политики безопасности могут быть достигнуты.

Современные немецкие политологи различают *внутреннюю* безопасность (безопасность граждан) и *внешнюю* (безопасность государства), отмечая, что понятие “безопасность” вытесняет понятие “мир” из западного политического дискурса (это можно наблюдать в текстах партийных программ, выступлениях политиков, общественных дискуссиях по вопросам внутренней и внешней политики и т.д.) [10].

В узком смысле под безопасностью понимается отсутствие угроз и сохранение физической и психической невредимости (*Unversehrtheit*) [10]. Однако для нашего исследования больший интерес представляет понятие *безопасность* в его широком смысле. Здесь происходит объединение понятий внешней и внутренней безопасности, ввиду того, что: а) существует угроза международного терроризма; б) в контексте глобализации проблема внутренней безопасности становится неотделимой от внешней.

Понятие *безопасность* имеет четыре измерения, что показал в своей модели К. Даасе (Daase) (Перевод здесь и далее наш. — Б. К.).

Данная модель (рис. 1) доказывает комплексность и многомерность исследуемого понятия, которое относится к ядерной части идеологического вокабуляра, выделяемого в политическом лексиконе как особая группа (*Ideologievokabular*) [6]. Такие понятия называют *ключевыми словами* (*Schlüsselwörter, Leitvokabeln, Grundwerte-Lexeme*).

В ходе анализа “Белой книги 2016” как репрезентативного сегмента дискурса политики безопасности мы выделили ряд тематически свя-

Рисунок 1. [4]

Четыре измерения понятия безопасность

занных лексических единиц (лемат) [9], которые мы рассматриваем как дискурсообразующие (*diskurstypische / diskursrelevante und daher diskursbildende*). Лематы создают языковую структуру дискурса, образуя изотопические цепочки, скрепляющие текст, так как дискурс является тематически когерентным феноменом. Далее выделенные лематы представлены в порядке снижения частотности их употребления в проанализированном сегменте “Белой книги 2016” (65 стр., 118 608 зн.). Количество употреблений данной лексемы показано цифрой в скобках:

Deutschland / deutsch (156); Europa / europäisch (140); NATO (55); Allianz (32); Verbündete (13); Bündnis (5); Partner (67); Sicherheitspolitik / sicherheitspolitisch (62); Verteidigung (61); Krise (55); Welt (52); Cyber (49); militärisch (40); Konflikt (41); global (41); Frieden (31); Zusammenarbeit (25); Vereinte Nationen (22); Kooperation (14); Gefahr (28); Einsatz (23); Krieg (16); Russland (15); russisch (5); OSZE (13); Kampf (10); USA (8); flexibel (7); Ukraine (6); Frankreich (5); Freiheit (5); Demokratie (5); Bundeswehr (4); China (3).

Данные лексические единицы можно сгруппировать по ряду критериев:

а) положительно маркированные (+); отрицательно маркированные (-); нейтральные (+ / -). Положительная или отрицательная оценочность (маркированность) лексемы определялась по контексту исследованного сегмента дискурса (табл. 1);

б) критерий классификации — дифференциация отобранного в ходе исследования словаря по семантическому признаку (табл. 2).

Таким образом, изучение лексического аспекта репрезентации концепции политики безопасности в современном немецком языке на материале “Белой книги 2016”, позволяет выделить лексику, которая создаёт языковую структуру дискурса, то есть является дискурсообразующей.

Таблица 1.

+	-	+ / -
Deutschland Europa NATO OSZE VN Sicherheitspolitik Bundeswehr Verteidigung Partner Welt Frieden Zusammenarbeit flexibel Freiheit Demokratie	Krise Konflikt Gefahr Krieg Kampf Russland China	militärisch Einsatz Cyber global USA

Таблица 2.

Названия организаций	Слова- топонимы	Терминологизированная лексика*
Bundeswehr NATO OSZE VN EU	Deutschland Europa Russland USA China Ukraine	Krieg Krise Konflikt Gefahr Einsatz militärisch Verteidigung flexibel Cyber

* В эту группу может входить общеупотребительная лексика, нейтральная в других дискурсах, но проходящая процесс терминологизации при использовании её в дискурсе политики безопасности.

Список литературы:

1. Сайт Администрации Президента России. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/14927/page/1/> (дата обращения: 01.02.2017).
2. Фадеева Г.М. "Лексикон — текст — дискурс" с позиций исследовательской практики // Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та. Вып. 559. Сер. Языкознание: Язык в мире дискурсов. Лексикон — текст — дискурс. М.: МГЛУ, 2009. С. 91–100.

3. Фадеева Г. М. Искусствоведческий дискурс с позиций концепции М. Юнга // Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та. Вып. 6 (639). Сер. Языкознание: Дискурс как социальная деятельность: Приоритеты и перспективы. М.: МГЛУ, 2012. — Ч. II. С. 259–271.
4. Daase Ch. Wandel der Sicherheitskultur // Aus Politik und Zeitgeschichte. Sicherheitspolitik. 50/2010, P. 9–16.
5. Endreß Ch. Die Dimensionen des Sicherheitsbegriffs / Ch. Endreß, N. Petersen: сайт Федерального центра политического образования Германии. 2012. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bpb.de/politik/innenpolitik/innere-sicherheit/76634/dimensionen-des-sicherheitsbegriffs?p=0/> (дата обращения: 15.01.2017).
6. Girnth H. Sprache und Sprachverwendung in der Politik. Eine Einführung in die linguistische Analyse öffentlich-politischer Kommunikation // Tübingen: Niemeyer. (Germanistische Arbeitshefte 39). 2002, P. 127.
7. Hellmann G. Die Semantik der neuen deutschen Außenpolitik // G. Hellmann, Ch. Weber, F. Sauer. 2008, P. 9–28.
8. Hellmann G. Sicherheitspolitik / S. Schmidt, G. Hellmann, R. Wolf, Handbuch zur deutschen Außenpolitik. 2007, P. 605–617.
9. Jung M. Linguistische Diskursgeschichte // Öffentlicher Sprachgebrauch: Praktische und historische Perspektiven. Georg Stötzel zum 60. Geburtstag gewidmet. — Opladen: Westdeutscher Verlag, 1996. — P. 453–472.
10. Kämper H. Diskurs und Diskurslexikographie. Zur Konzeption eines Wörterbuchs des Nachkriegsdiskurses // Deutsche Sprache. 2006, Jg. 34. 2006, H. 4. P. 334–353.

Сведения об авторе:

Корепанов Борис Олегович, ст. преподаватель, Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия; e-mail: b.korepanov@gmail.com

GERMAN SECURITY POLICY: LINGUISTIC ANALYSIS

Boris O. Korepanov

Senior Lecturer, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia; e-mail: b.korepanov@gmail.com

Abstract

The article dwells on the security policy discourse as a part of the German political discourse. Containing the key elements of modern German military policy “White Paper 2016” is analyzed as a representative unit of German security policy discourse. Discourse is seen as constantly evolving through time and space virtual corpus of utterances related to a particular topic appearing in different text types (M. Jung). The article presents the main results of the research on the lexical level of “security policy” concept in the modern German language, in particular discourse-forming vocabulary. The term “Sicherheitspolitik” (security policy) is considered as the concept core of the concerned partial discourse.

Key words: discourse; German security policy; the Bundeswehr; “White Paper”; discourse-forming vocabulary.

References:

1. Sait Administratsii Prezidenta Rossii [Presidential Executive Office Website]. Retrieved 01 February, 2017 from <http://kremlin.ru/acts/bank/14927/page/1/>
2. Fadeeva, G. M. (2009). “Leksikon — tekst — diskurs” s pozitsii issledovatel'skoi praktiki // In *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, [Vestnik of Moscow State Linguistic University], 559. 91–100.
3. Fadeeva, G. M. (2012). Iskusstvovedcheskii diskurs s pozitsii kontseptsii M. Lunga // In *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, [Vestnik of Moscow State Linguistic University], 6 (639), 259–271.
4. Daase, Ch. Wandel der Sicherheitskultur // *Aus Politik und Zeitgeschichte. Sicherheitspolitik*. 50/2010, P. 9–16.
5. Endreß, Ch. (2012). Die Dimensionen des Sicherheitsbegriffs / Ch. Endreß, N. Petersen: сайт Федерального центра политического образования Германии. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bpb.de/politik/innenpolitik/innere-sicherheit/76634/dimensionen-des-sicherheitsbegriffs?p=0/> (дата обращения: 15.01.2017).
6. Girnth, H. (2002). Sprache und Sprachverwendung in der Politik. Eine Einführung in die linguistische Analyse öffentlich-politischer Kommunikation // Tübingen: Niemeyer. (Germanistische Arbeitshefte 39), 127.
7. Hellmann, G. (2008). Die Semantik der neuen deutschen Außenpolitik // G. Hellmann, Ch. Weber, and F. Sauer, 9–28.
8. Hellmann, G. (2007). Sicherheitspolitik / S. Schmidt, G. Hellmann, R. Wolf, Handbuch zur deutschen Außenpolitik, 605–617.
9. Jung, M. (1996). Linguistische Diskursgeschichte. Öffentlicher Sprachgebrauch: Praktische und historische Perspektiven. Georg Stötzel zum 60. Geburtstag gewidmet. — Opladen: Westdeutscher Verlag, 453–472.
10. Kämper, H. (2006). Diskurs und Diskurslexikographie. Zur Konzeption eines Wörterbuchs des Nachkriegsdiskurses. *Deutsche Sprache*. Jg. 34. 2006, H. 4. P. 334–353.

Тема Brexit'a в британской прессе: стратегии манипуляции общественным мнением

Н. А. Левковская
МГИМО МИД России

Аннотация

Смещение акцентов и изменение приоритетности функций в тексте СМИ с информативной на воздействующую ни у кого не вызывает сомнения.

Многочисленные приемы выражения авторской позиции и оказания воздействия можно разделить на две большие группы: декларативные

и манипулятивные. Первые как бы лежат на поверхности и эксплицируются в тексте с помощью ряда приемов, таких как категоричность выражения, эмпфаза, употребление антонимической лексики, контраст и поляризация различий, часто с приемами гиперболизации и т.д. Способы манипулятивного воздействия выражены не столь откровенно и однозначно.

В статье рассматриваются наиболее часто встречаемые приемы “замаскированного” воздействия на читателя: 1. манипулирование фактами; 2. стратегия переноса негатива в будущее. В таком случае адресат свыкается с мыслью о неизбежности происходящего и менее устойчив к воздействию; 3. наиболее успешный метод манипулирования — это обращение к чувствам, а не к разуму адресата при принятии жизненно важных решений. При этом резко снижается критичность восприятия как самого явления, так и высказываемых по его поводу суждений.

Наиболее очевидно это проявляется в альтернативных ситуациях. Здесь, как нигде, становится очевидным намерение автора подвести читателя к принятию однозначного решения, к выбору между “за” и “против”, между “да” и “нет”. При этом рычагом убеждения является комплексное использование декларативных и манипулятивных средств, в частности, основанных на оппозиции “свой — чужой”. Оппозиция чаще всего реализует модель “свой=хороший, чужой=плохой”.

Ключевые слова: Brexit, британские СМИ, манипулятивные стратегии, воздействующая функция, декларативные и манипулятивные приемы.

Смещение акцентов и изменение приоритетности функций в тексте СМИ с информативной на воздействующую ни у кого не вызывает сомнения. Стремление автора статьи оказать воздействие на читателя, склонить его к своей точке зрения заставляет адресата использовать самые различные методы и приемы: графические, визуальные, лингвистические, просодические и проч. Уже само расположение материала в газете, журнале или на сайте несет информацию о степени важности сообщения и может содержать видимую или скрытую оценку.

Например, газета “Г”, позиционирующая себя как Britain’s first and only concise quality newspaper, заявляет о том, что она начинает публикацию ряда статей по референдуму (The “Г” guide to the EU referendum), руководящим принципом которых является только освещение фактов, без стремления убедить или навязать чью-либо точку зрения (All of the facts, none of the propaganda). Однако здесь же, в этом рекламном заявлении читателей стараются убедить в том, что публикуемые материалы абсолютно необходимы им для того, чтобы они смогли сделать правильный выбор (The essential briefing to help you decide). В первой же статье, непосредственно посвященной этому вопросу, печатается фотография (объе-

мом со статью), на которой жители Великобритании держат в руках разные газеты (*Sun, Mirror, Daily Mail*), сообщающие о вступлении страны в Евросоюз. Читателю сразу бросаются в глаза напечатанные на первой странице этих газет крупные заголовки: “In We Go!”, “Yes” to Europe!”, “Yes, We’re in Business!”, которые сами по себе без какого-либо комментария могут служить убедительным аргументом в пользу “remain”. Подобным образом, но с противоположным эффектом действует публикуемая в газете карточка голосующего, в которой крестиком отмечена “out”.

Многочисленные приемы выражения авторской позиции и оказания воздействия можно разделить на две большие группы: декларативные и манипулятивные.

Декларативные способы воздействия лежат на поверхности и эксплицируются в тексте с помощью ряда приемов, таких как категоричность выражения, эмпфаза, употребление антонимической лексики, контраст и поляризация различий, часто с приемами гиперболизации и парадоксальности, настойчивые повторы и др.

There is a *very, very* clear case; the *right* answer; I *really do* believe; *no one is ever* going to want to do that.

Или, например, в заголовке “You Can Check Out of Europe but You Can Never Leave” М. Шеридан использует своеобразную игру слов, построенную на употреблении слова Europe в двойном значении: 1) Евросоюз и 2) континент. Вы можете “выписаться” из объединения, но нельзя покинуть континент.

Не менее образны и действенны такие стилистические приемы, как “живые” метафоры и сравнения: “... *the ‘remain’ campaign among Labour voters had fallen off a cliff*”. “Leave” complainers уподобляются безответственным родителям: *like irresponsible parents putting the family at risk*. А премьер-министр сравнивается то со злым волшебником, колдуном: *like the sorcerer’s apprentice, the prime minister has unleashed forces he cannot control*, переключаясь с заголовком статьи “*Sorcerer Dave Loses His Magic Touch*”, то с генералом времен Первой мировой войны, посылая своим солдатам взять высоту, не заботясь о последствиях: “*with no idea what the casualty rate will be*”.

В отличие от декларативных средств воздействия, способы манипуляции не выражены столь откровенно и однозначно.

Манипуляция, как известно, это тип социально-психологического и лингво-текстового воздействия, феномен, представляющий собой стремление изменить восприятие или поведение других людей при помощи скрытой, обманной тактики.

Назову некоторые наиболее часто встречаемые приемы “замаскированного” воздействия на читателя или слушателя (подробнее об этом см. напр. [1; 2; 3; 5]).

1. Манипулирование фактами. Это может быть ложь; искаженная правда; перенос вины на жертву; сокрытие ключевой информации либо

намеренное “выпячивание” каких-то фактов; преувеличение; или наоборот, занижение значимости явления; односторонний предвзятый анализ фактологии и т.п.

Сюда же можно отнести стремление ошеломлять и подавлять адресата, засыпая его фактами и статистикой. Это особенно хорошо работает в средствах массовой информации, когда адресат не очень осведомлен о подробностях явления.

2. Стратегия переноса негатива в будущее. Известно, что легче воспринять и перенести отрицательное явление, если оно отодвигается “на потом”, в таком случае всегда есть надежда, что это “потом” не наступит. Тем временем адресат свыкается с мыслью о неизбежности происходящего и менее устойчив к воздействию.
3. Наиболее успешный метод манипулирования — это обращение к чувствам, а не к разуму адресата при принятии жизненно важных решений. В таком случае резко снижается критичность восприятия как самого явления, так и высказываемых по его поводу суждений.

Как известно, основные принципы взаимной связи явлений немногочисленны: это контраст, или противоположность, смежность, тождество, сходство, поскольку основными стадиями развития объективного мира и познания является преемственная смена тождества, различий, противоположностей и противоречий. В связи с этим, по справедливому замечанию Ю. М. Лотмана, всё разнообразие конструктивных построений текста можно свести к двум началам, а именно, к сопоставлению и противопоставлению текстовых элементов разных уровней [4, с. 102].

Контраст (любой его вид: логический, сущностный, стилистический) особенно ярко раскрывает себя в публицистике, когда появляется необходимость выбора из двух противоположностей. Здесь как нигде, проявляется намерение автора подвести читателя к принятию однозначного решения, к выбору между “за” и “против”, между “да” и “нет”. При этом рычагом убеждения является комплексное использование и декларативных и манипулятивных приемов.

Злободневная тема Brexit(a) дает тому прекрасный пример. В июне 2016 года народ Великобритании стоял перед выбором, какой лагерь ему поддержать: “remain” или “leave”. Борьба мнений, взглядов и интересов проводилась на разных уровнях. И на каждом из них широко использовались приемы, основанные на оппозиции “свой”-“чужой”: Великобритания vs. ЕС; консерваторы vs. лейбористы; правительство vs. оппозиция; премьер министр Дэвид Камерон vs. “backbenchers” (раскол внутри партии); Дэвид Камерон vs. Борис Джонсон; Питер Смит, Архиепископ Саутварка (the Archbishop of Southwark) vs. Кардинал Винсент Николс (лидер католической церкви Англии и Уэльса).

1. Манипулирование фактами. Наиболее откровенный метод здесь — преувеличение. Например, Rod Liddle в своей статье дает в качестве тезиса следующее заявление. “*If we stay in the EU, we will be consigning*

ourselves to a future that resembles the old USSR: no dissent, no alternative point of view permitted". Подкрепляя при этом свое необоснованное утверждение, которое, как он далее признается, "...seems a truly hyperbolic assertion", еще более категоричным высказыванием: "It is by far and away the most persuasive argument for insisting that we leave an institution (the EU) that seeks ever to expand its remit; to exert, in the end, total control."

Слова "гипербола", "гиперболический", "гиперболизация" используются на протяжении статьи не раз; при этом автор сохраняет за собой право на преувеличения, оправдывая случаи гиперболизации, если они исходят от него самого или из его лагеря. Однако он становится менее терпимым к тем же самым манипулятивным стратегиям, если они применяются его противниками: "We have been hit by a storm of hyperbolic idiocies, a moronic fugue [fju:g] of absurd claim and counterclaim. If we leave, we will be bankrupted overnight and our homes will be worthless. A week's break in San Gimignano will require the sort of bureaucratic rigmarole that today attends to a trip to Pyongyang. Oh, and there will be world war, nukes flying hither and thither, Putin smirking and rubbing his hands behind the arras. That stuff all came from a man, David Cameron, who only a few months ago asserted that he had an "open mind" on whether we should leave or stay. What, an open mind on financial ruination and global annihilation?"

Таким образом, совершенно очевидно, что одинаковые манипулятивные стратегии используются обеими сторонами. Разница заключается в том, что концептуальная оппозиция "свой-чужой", формирующая оценочность в тексте, чаще всего реализует модель "свой = хороший, чужой = плохой". Поэтому лексика, относящаяся к "своим" хотя и носит критический характер, однако не столь абсурдна, как в отношении "чужих".

2. Стратегия переноса негатива в будущее. Здесь трудно спорить с утверждением журнала "The Sunday Times magazine": "*Pro- and anti-EU voices agree on one thing — that the short-term impact of Brexit is likely to be negative. The longer-term effects are harder to foresee*". Этим положением пользуются обе стороны, выдвигая иногда вполне обоснованные, но чаще фантастические предположения. (Как в предшествующем примере). При этом часто используются метафоры и сравнения, создающие яркие, но нереальные образы: "*Once you have jumped out of the aeroplane, you can't scramble back through the door*", запугивал Камерон своих сограждан.

Запугивание вообще является одним из наиболее любимых приемов, используемых обеими сторонами. С одной стороны, уже цитированное *If we leave, we will be bankrupted overnight and our homes will be worthless*. И *If we stay in the EU, we will be consigning ourselves to a future that resembles the old USSR: no dissent, no alternative point of view permitted*, — с другой.

Очевидно, что в данном случае манипулятивный прием подкреплен еще одним популярным способом манипуляции — так называемой,

“ложной альтернативой”. Ни тот, ни другой из предложенных вариантов не являются успешным выходом из сложной ситуации. Другой пример неоднозначного выбора: *Personal finances vs future of economy* показывает переплетение приема запугивания с воздействием на подсознательное: свое личное все-таки ближе и важнее: *fears over personal finances gives “remain” the edge* утверждает автор.

Следует отметить, что прием запугивания использует по большей части декларативные методы воздействия, в частности, употребление антонимической лексики. При этом слова с положительным значением или коннотацией относятся к “своим”, а с отрицательным значением или коннотацией — к “чужим”. It’s about **democracy** (“свои”) versus **autocracy** (“чужие”). *“In” and “out” is partly a class argument...between middle class liberals and a more socially conservative working class.* Отрицательная с точки зрения автора характеристика однозначно указывает на “чужих”.

3. Стратегия обращения к чувствам, а не к разуму адресата.

Ярким примером данной стратегии является статья Эндрю Робертса в газете “The Sunday Times” от 19 июня 2016 года. Тезисом статьи, напечатанным крупным шрифтом (графическое воздействие), является лозунговое обращение: *“Brexit will be good for the British national character. It will reintroduce risk-taking and self-reliance.”* В самой статье автор дает аллюзию на слова Камерона, далее повторяя, как мантру, слова о национальном характере *“Brexit will indeed be something of a leap in the dark (аллюзия) but then risk-taking has long been part of our national character.”*

Что же в конце концов перевесило? Взвешенное отношение к аргументам “за” и “против” или патриотические призывы к независимости?

Список литературы:

1. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М.: Речь, 2003. 304 с.
2. Левковская Н. А. Conceptual Basis in Expressing Opinion // Язык как инструмент понимания и непонимания: русско-американские лингвистические и культурные сопоставления. М.: РГГУ, 2008. С. 134–139.
3. Левковская Н. А. Скрытая интенциональность в британском политическом дискурсе: способы обнаружения // Магия ИННО: новые технологии в языковой подготовке специалистов-международников: материалы научно-практической конференции к 70-летию факультета международных отношений (Москва, 4–5 октября 2013 г.) Т. 2 / отв. ред. Д. А. Крячков. Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России — М.: МГИМО–Университет, 2013. С. 55–61.
4. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство, 2000. 703 с.
5. Лучко А. Одиннадцать способов манипуляции людьми и как не стать ее жертвой. Приемы, правила и средства защиты. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lookatme.ru/mag/how-to/inspiration-howitworks/206831-manipulation> (дата обращения: 22.08.2014).

Сведения об авторе:

Левковская Нина Алексеевна, к. ф. н., профессор кафедры английского языка №1, МГИМО МИД России, Москва, Россия; e-mail: levknina@yandex.ru

THE DISCUSSION OF BREXIT IN THE BRITISH PRESS: MANIPULATIVE STRATEGIES

Nina A. Levkovskaya

PhD in Linguistics, Professor at English Language Department No. 1, MGIMO University, Moscow, Russia; e-mail: levknina@yandex.ru

Abstract

The shift of the focus and function in Mass Media from informative to persuasive has become quite obvious. Numerous devices with the help of which the author expresses his point of view and exerts influence on the reader can be divided into two main groups: declarative and manipulative.

Declarative devices are expressed verbally with the help of explicit language means such as categoric expressions, emphatic structures, use of antonyms, contrastive forms contaminated with hyperbole or paradox, etc. Manipulative devices are implied rather than expressed overtly.

The article analyses most common devices of indirect manipulation: 1. “manipulation with facts”; 2. the strategy of transferring the negative aspect to future. In that case the addressee gets used to the looming events and is more perceptible to influence; 3. appeal to the feelings of the addressee — the most successful method. In that case the critical approach is waning both towards the event itself and its interpretation.

This method is more distinctly revealed in alternative situations. The author’s intention to “lead” the reader to the right choice is obvious. To achieve his goal the writer combines declarative and manipulative devices, while the opposition “we” — “others” is foregrounded realizing the model “we” — “good”, “others” — “bad”.

Key words: Brexit, British Mass Media, manipulative strategies, persuasive function, declarative and manipulative devices.

References:

1. Dotsenko, E.L. (2003). *Psikhologiya manipulyatsii: fenomeny, mekhanizmy i zashchita* [Psychology of manipulation: phenomena, mechanisms and protection]. Moskva: Rech’.
2. Levkovskaya, N.A. (2008). Conceptual Basis in Expressing Opinion. In: *Yazyk kak instrument ponimaniya i neponimaniya: russko-amerikanskiye lingvisticheskiye i kul’turnyye sopostavleniya* [Language as an instrument of understanding and misunderstanding: Russian-American linguistic and cultural comparisons]. Moskva: RGGU. P. 134–139.

3. Levkovskaya, N. A. (2013). Skrytaya tselostnost' v britanskom politicheskom diskurse: sposoby otkrytiya [Hidden intentionality in British political discourse: ways of detection]. In: *Magiya INNO: novyye tekhnologii v yazykovoy podgotovke spetsialistov-mezhdunarodnikov: materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii k 70-letiyu fakul'teta mezh-dunarodnykh otnosheniy* [The Magic of Inno: New Technologies in Language Training of International Specialists: Proceedings of the Scientific and Practical Conference for the 70th Anniversary of the Faculty of International Relations]. Moskva: MGIMO. P. 55–61.
4. Lotman, Y. M. (2000). Semiosfera [Semiosphere]. Sankt-Peterburg: Iskusstvo.
5. Luchko, A. Odinnadtsat' sposobov manipulyatsii lyud'mi i kak ne stat' yeye zhertvoy. Pri-emy, pravila i sredstva zashchity [Eleven ways to manipulate people and how not to become a victim of it. Methods, rules and means of protection]. Retrieved 22 August, 2014 from <http://www.lookatme.ru/mag/how-to/inspiration-howitworks/206831-manipulation>

Риторические стратегии в медиадискурсах России и Литвы

(на материале текстов об антироссийских санкциях)

В. В. Макарова

Вильнюсский университет

Аннотация

Материалом для анализа послужили тексты, отобранные методом сплошной выборки в поисковой системе Google по ключевым словам (рус. *санкции* и лит. *sankcijos*) и дате публикации (октябрь 2016 г.). Исследование показало, что для освещения вопроса о санкциях в российском медиадискурсе используется несочувствующая риторика, популярными стратегиями депроблематизации социальной проблемы “санкции — урон для российской экономики” являются опровергающие истории, антитипизация и контрриторика неискренности. В литовском медиадискурсе наиболее частотными среди текстов об антироссийских санкциях были такие, в которых говорилось о вероятности введения новых санкций в связи с боевыми действиями России в Сирии и о необходимости продолжать действие прежних антироссийских санкций.

Ключевые слова: медиадискурс, санкции, риторика, стратегии, депроблематизация.

Тема санкций 2014 г. уже нашла освещение в научной литературе, см., например, [1; 2; 4; 5], данное исследование отличается от вышеназванных и выбором материала для исследования, и целью: нас интересовало, с какими текстами столкнется рядовой пользователь интернета, который решил “прогуглить” тему антироссийских санкций.

Материалом для анализа послужили тексты, отобранные методом сплошной выборки в поисковой системе “Google” по трем критериям: ключевое слово — рус. *санкции* и лит. *sankcijos*, дата публикации — октябрь 2016 г., языки публикаций — русский и литовский. Выборку составили 30 текстов на русском языке и 30 текстов на литовском языке.

Об антироссийских санкциях в российском медиадискурсе

Исследование показало, что в российском медиадискурсе об антироссийских санкциях используется так называемая “несочувствующая контрриторика” [3]. Несочувствующей контрриторикой П. Ибарра и Дж. Китсьюз называют риторику, которая опровергает значимость проблемы, важность исправления сложившегося положения, риторику, “не принимающую ни предлагаемые характеристики и оценки условия-категории, ни предлагаемые действия по его исправлению” [3, с. 85].

Опровергающие истории

Опровергающие истории — это тактика, которая “предполагает дискредитацию утверждения-требования посредством приведения примера (личной истории или события, которое средствами массовой коммуникации подаются как новость), показывающего, что обобщения, предлагаемые теми, кто конструирует проблему, вызывают подозрение” [3, с. 90].

Субъекты дискурса внушают получателям текстов мысль о том, что санкции не помогли США и Евросоюзу добиться от России желаемого: *Белый дом признал безрезультативность антироссийских санкций* (NTV.ru, 6.10.2016). Наоборот, антироссийские санкции способствовали росту российской экономики, сплотили народ и проч.: *Санкции не убивают нас, а делают сильнее* (Кр.ru, 20.10.2016).

В ряде текстов приводятся данные о том, что антироссийские санкции раскалывают европейское сообщество: *Разлад в ЕС: кто в Европе выступил против новых антироссийских санкций* (РИА новости, 21.10.2016). Представители некоторых стран публично выражают несогласие с антироссийскими санкциями: *Итальянские депутаты, побывавшие в Крыму, извинились за антироссийские санкции* (NTV.ru, 17.10.2016).

Утверждается также, что антироссийские санкции дают обратный эффект, вредят европейской экономике: *Новые антироссийские санкции ЕС обрушат авиастроение в Европе* (Известия.ру, 18.10.2016).

В ряде случаев речь идет не столько о самих санкциях, а о возможном “ответе” России: *Москва ответит на возможное введение американцами новых санкций* (Известия.ру, 22.10.2016). Причем формулировка может таить в себе угрозу: *Если США продолжат политику санкций, Россия найдет чем и как ответить. МИД: у РФ есть способы дать болезненный ответ США на санкции* (НТВ.ру, 19.10.2016).

Стратегия антитипизации

Сущность стратегии антитипизации заключается в том, что “те, кто конструирует социальную проблему, могут интерпретировать сущность

таких утверждений как указание на то, что масштаб явления преувеличен или его характер неправильно понят” [3, с. 90].

В 2 текстах мы обнаружили использование стратегии антитипизации, когда субъект дискурса интерпретирует проблему с нестандартной точки зрения, мы имеем в виду рассуждения о том, что инициаторы санкций должны выплатить объекту санкций компенсацию: *Путин потребовал от США компенсировать потери от санкций и контрсанкций* (Телеканал “Звезда”, 3.10.2016).

Контрриторика неискренности

Контрриторика неискренности — это такая стратегия, когда “лицо, противодействующее конструированию социальной проблемы, заявляет, что предлагаемая характеристика условия-категории подозрительна, поскольку у того, кто выдвигает утверждения-требования, имеется “скрытая повестка дня”; участие в процессе социальной проблемы представляется как средство продвижения в карьере, обретения власти, статуса или денег” [3, с. 91].

В нашей выборке о “скрытой повестке дня” говорят 2 текста. В одном утверждается, что антироссийские санкции выгодны Порошенко: *Не прошло и 3-х дней, как Порошенко начал... зарабатывать на санкциях: И санкции продлил, и капиталец приобрел.* (Кр.ру, 22.10.2016). В другом тексте говорится, что от введения антироссийских санкций выигрывают США: *Санкции, мы и наши коллеги понимаем, выгодны только одной стране в мире — Соединенным Штатам* (Газета.ру, 14.10.2016).

Об антироссийских санкциях в литовском медиадискурсе

Среди текстов в нашей выборке на литовском языке наблюдается большее разнообразие лейтмотивов риторики освещения проблемы антироссийских санкций. Доминанта выделяется следующая: в 7 текстах из 30 говорится о вероятности введения дополнительных санкций в отношении России из-за ее политики в Сирии и в 5 текстах говорится о том, что Россия по-прежнему выступает как агрессор, и потому санкции должны быть продлены.

Санкции могут быть продлены

В ряде текстов обращает на себя внимание активное использование милитаристской лексики для характеристики России (тут и далее перевод с лит. яз. на рус. яз. наш. — В.М.): *военная агрессия, ядерные боеголовки* (lyutas.lt, 26.10.2016), *ад на земле* (europarl.europa.eu, 6.10.2016), *безжалостные российские бомбардировки в Сирии* (lrt.lt, 25.10.2016) — выбор таких слов помогает субъекту дискурса подкрепить свой тезис о том, что санкции против России обоснованы и должны быть продлены из-за действий России в Сирии.

Кроме того, уничижительная характеристика дается президенту России — он совершает некоторые поступки “по глупости”, он двуличен (так как “показывает свое истинное лицо”): *Похоже, что ЕС продлит санкции*

в отношении России, т.к. Владимир Путин по глупости являет миру свое истинное лицо... (aidas.us, 10.25.2016).

Санкции должны быть продлены

Министр иностранных дел Литвы Л. Линкявичюс считает, что “агрессивная политика России остается основным источником угрозы безопасности в нашем регионе, поэтому политику санкций в отношении России необходимо продолжать” (www.urm.lt, 6.10.2016). Выбор слов — *агрессивная политика, угроза безопасности* — призван, по-видимому, убедить получателя сообщения в необходимости продолжения антироссийских санкций.

Другой политик, П. Ауштравичюс, также использует милитаристскую лексику, говоря о России (*на прицеле*), а также слова с негативной коннотацией (*грязные деньги, коррупционная нить*): *именно санкции позволили остановить Россию, чтобы Украина не потерпела еще большую катастрофу, на прицеле были Харьков, Одесса, Киев. ... успешно инвестируют грязные деньги на Западе? ... обрубить эту коррупционную нить* (www.austrevicius.lt, 19.10.2016). Несмотря на то, что альтернативное развитие истории не поддается верификации, говорящий использует это способ для убеждения адресата в том, что благодаря санкциям был упрежден еще более глубокий кризис.

В прочих текстах субъекты дискурса апеллируют к мнению президента Финляндии, утверждающего, что Европа обязана продлить антироссийские санкции (diena.lt, 18.10.2016), и ко мнению участников проходившего в Вильнюсе Форума свободной России, согласных с тем, что необходимо в значительной мере расширить список лиц, против которых направлены санкции (delfi.lt, 15.10.2016).

Выводы

1. В российском медиадискурсе наблюдается тенденция снизить значимость проблемы “Санкции наносят урон российской экономике” за счет приведения опровергающих историй (15 текстов из 30).
2. В литовском медиадискурсе доминирующей тенденцией (12 текстов из 30) является утверждение необходимости продлить антироссийские санкции.
3. В российском медиадискурсе тема санкций может быть предметом шуток, например: *Путин о смягчении ответных мер на санкции Запада: “Фиг им!”* (Кр.ru, 16.10.2016).
4. В литовском медиадискурсе возможно умаление роли инициаторов антироссийских санкций, которые “были вынуждены ввести санкции” (m.technologijos.lt, 18.10.2016).
5. В литовском медиадискурсе в сообщениях об антироссийских санкциях для характеристики российской политики и отдельных лиц активно используется лексика с негативной коннотацией и милитаристская лексика.

Список литературы:

1. Вепрева И. Т. “Крымские” санкции: культурный сценарий и его развороты / И. Т. Вепрева, Н. А. Купина // *Известия Уральского федерального университета*. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2014. №3 (130). С. 161–170.
2. Дзюба Е. В. Лингвистические секреты продуктового эмбарго, или о том, что нового узнал потребитель в результате экономических санкций // *Политическая лингвистика*. 2014. №4. С. 237–239.
3. Ибарра П. Дискурс выдвижения утверждений-требований и просторечные ресурсы / П. Ибарра, Дж. Китсюз // *Социальные проблемы: конструкционистское прочтение* / Сост. И. Г. Ясавеев. Казань, 2007. С. 55–114.
4. Казун А. Д. Почему россияне не боятся экономических санкций? Контрриторические стратегии печатных СМИ // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2016. №1. С. 256–271.
5. Кропотухина П. В. Метафоры и “контрметафоры” санкционного дискурса / П. В. Кропотухина, В. В. Тихонов // *Политическая лингвистика*. 2015. №4. С. 97–100.

Примечание:

Статья написана при финансовой поддержке Международной программы научных стажировок персонала им. Мари Кюри (“7th European Community Framework”).

Сведения об авторе:

Макарова Виктория Владимировна, к. гум. н., доцент, Вильнюсский университет, Вильнюс, Литва; e-mail: makarovavv@gmail.com

RHETORICAL TECHNIQUES IN RUSSIAN AND LITHUANIAN MEDIA DISCOURSES BASED ON THE TEXTS ABOUT THE EU SANCTIONS AGAINST RUSSIA

Victoria V. Makarova

PhD, Associate Professor, Vilnius University, Vilnius, Lithuania; e-mail: makarovavv@gmail.com

Abstract

The author of the report focuses on the rhetorical strategies (by Peter Ibarra and John Kitsuse) that allowed the authors of the mediatexts to introduce different types of a language game, in which the actions are interpreted for the readers into legible expressions. Examples illustrating that in the Russian mediatexts about the EU sanctions against Russia most popular is unsympathetic counterrhetorics, e.g. “telling anecdote”, “antipatterning”, and “counterrhetoric of insincerity”, are provided in the report. In the Lithuanian media discourse the most popular topics in the texts sanctions against Russia are: the new sanctions because of the Russian military actions in Syria; the sanctions against Russia must be continued.

Key words: media discourse, sanctions, rhetoric, strategies, deproblematization.

References:

1. Vepreva, I. T., and Kupina, N. A. (2014). “Krymskie” sanktsii: kul’turnyi stsenarii i ego razvoroty [Crimean Sanctions: a Cultural Scenario and Its Development]. *Izvestiia Ural’skogo federal’nogo universiteta. Ser. 2, Gumanitarnye nauki [Research Papers of Ural Federal University. Vol. 2. The Humanities]*, 3 (130), 161–170.
2. Dziuba, E. V. (2014). Lingvisticheskie sekrety produktovogo embargo, ili o tom, chto novogo uznal potrebitel’ v rezul’tate ekonomicheskikh sanktsii [Linguistic Secrets of Food Embargo, or What New Things Has the Consumer Learned in the Result of Economic Sanctions?]. *Politicheskaiia lingvistika [Political Linguistics]*, 4, 237–239.
3. Ibarra, P., and Kits’iuz, Dzh. (2003). Diskurs vydvizheniia utverzhenii-trebovanii i prostorechnye resursy [Claims-making Discourse and Vernacular Resources]. *Sotsial’nye problemy: konstruksionistskoe prochtenie [Constructionist Perspectives on Social Problem]*. Ed. I. G. Iasaveev. Kazan’, 55–114.
4. Kazun, A. D. (2016). Pochemu rossiiane ne boiatsia ekonomicheskikh sanktsii? Kontrritoricheskie strategii pechatnykh SMI [Why are Russians Not Afraid of Economic Sanctions? Print Media Counter-rhetoric Strategies]. *Monitoring obshchestvennogo mneniia: Ekonomicheskie i sotsial’nye peremeny [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]*, 1, 256–271.
5. Kropotukhina, P. V., and Tikhonov, V. V. (2015). Metafori i “kontrmetafori” sanktsionnogo diskursa [Metaphors and “Counter-Metaphors” of the Sanctions Discourse]. *Politicheskaiia lingvistika [Political Linguistics]*, 4, 97–100.

Риторика имиджа президента

Н. Е. Медведева

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Аннотация

Осмысление современного политического дискурса было бы неполным без обращения к лингвистическому анализу речевых характеристик, формирующих портрет политического деятеля. Статья посвящена рассмотрению характерных особенностей речи президента Чеченской республики Рамзана Кадырова. В качестве материала исследования были выбраны интервью президента, данные различным СМИ, так как диалоговый формат интервью предполагает большую степень спонтанности речи. Рассмотрение речевых особенностей осуществляется в связи с историко-политическим контекстом, который диктовал руководству страны необходимость смены идейных и политических установок чеченского народа. Контент-анализ интервью с Р. Кадыровым позволил

определить вектор изменения установок: усиления религиозного, духовно-нравственного воспитания чеченского народа; укрепления патриотических чувств, и дискредитации терроризма. В статье делается вывод о том, что целостный речевой портрет личности любого политического лидера возможно создать при изучении его речевого поведения на значительном временном промежутке. Тем не менее, проведенный анализ позволил составить речевой портрет Кадырова и выявить стилистическую и синтаксическую эклектику его речей в качестве одного из характерных признаков.

Ключевые слова: имидж народа, лояльность, лексические повторы, параллелизм, риторические вопросы, простые синтаксические конструкции.

Несмотря на существование большого количества работ, посвященных данной теме, интерес к ней не ослабевает. Объясняется этот факт важной ролью, которую политический лидер играет в репрезентации национальной политической картины мира через эмоциональное воздействие на аудиторию.

По мнению Д. С. Лихачева, «важнейший способ узнать человека — его умственное развитие, его моральный облик, его характер — прислушаться к тому, как он говорит» [4, с. 3–9]. Речь политического деятеля обладает сложным авторством, и выступления Рамзана Кадырова не являются исключением. Однако, когда дело касается интервью, политик не может предугадать всех возможных вопросов и потому ведет себя естественно. По мнению В. И. Карасика речевое поведение представляет собой «совокупность базовых риторических качеств, которые являются зеркальным отражением в речи говорящего присущих ему психологических свойств» [1, с. 78], и потому оно уникально. Именно это обстоятельство и повлияло на выбор материала для анализа: интервью, данные Кадыровым журналистам различных теле и радиоканалов.

По существующим этическим правилам классической риторики, речь политического оратора должна служить лишь благородным целям и приноситься ради улучшения жизни общества [5, с. 12]. Каково же назначение выступлений Президента Чеченской республики? Назначение определяется историко-политическим контекстом — восстановлением республики после двух кровавых войн, необходимостью борьбы с терроризмом и изменением имиджа Чечни.

В 1990-е годы на территории Чеченской Республики наблюдаются массовые нарушения прав человека. Ситуация усугублялась враждебным отношением российского народа ко всем представителям чеченской республики в связи с экстремистской деятельностью чеченских ваххабитов на территории российского государства. «... надо вспомнить 1995 и 1994 годы, что происходило в Москве. Каждого чеченца считали

бандитом” (Телеканал “Россия 24”, “Вести”, “Кадыров: кто не умеет жить в Москве — в самолет и на родину”, октябрь 2012 г., автор: Сергей Брилев). “*Это логово бандитов было — Чечня!*” (Телеканал “Россия 1”, “Вести” С. Брилевым, декабрь 2014 г.).

Для решения задач восстановления экономики и интеграции Чеченской республики в российское пространство требовалось изменение системы идейно-политических установок и изменение образа чеченского народа с народа-“мятежника” на народ-защитника интересов и территории РФ. Как известно, установка — это сформированная под воздействием воспитания, идеологии и опыта устойчивая организация знаний, чувств и мотивов, выражающееся в действии. Изменение установок происходит под влиянием целого ряда факторов путем формирования новых и изменения уже существующих (усилением или ослаблением) [3, с. 255–266].

Контент-анализ 14 интервью с Рамзаном Кадыровым показал, что концептуальная переменная “патриотизм”, представленная словами Россия (38) “моя Родина” (26), “Чечня, чеченская республика” (21), “народ, мой народ” (15) “держава” (10), “суверенное государство” (9); концептуальная переменная “религия”, репрезентуемая языковыми коррелятами: мусульманин (34), Всевышний / Аллах (17), Пророк (14), Ислам (12), религия / религиозное правление (14), духовный/верующий (11), Коран (7), мечеть / медресе (6), Сунна (3), церковь / храм / Христианство (12), Валахи (1) и концептуальная переменная “терроризм”, выраженная такими единицами, как террорист/зм (37), шайтан (24), бандит (22), экстремист/зм (9), ваххабит/зм (6), боевик (3), фашист (2); убивать (42), воевать (35), уничтожать (30), защищать (26), бороться (10) в количественном плане оказывается практически одинаковой.

Соотношение единиц позволило сделать вывод, что изменение установок осуществлялось путем усиления религиозного, духовно-нравственного воспитания чеченского народа; укрепления патриотических чувств, и дискредитации терроризма. Изменение установок невозможно произвести только лишь пропагандистскими методами, для этого требуется организация социальных процессов. Изменение установок будет устойчивым, если окружающая действительность подтверждает содержание сказанного [3, с. 255–266]. Свое предназначение лидер Чеченской республики видит в неустанной работе: “... с этим народом я должен работать, с каждым человеком найти общий язык, объединить под российским флагом, чтобы людей опять не обманули и не использовали в новой войне против нашего государства ... Мы работаем, не сидим с протянутой рукой, не ждем, пока копеечку пришлют”.

Согласно материалам статистических данных (Статистические данные за 2006–2013 годы из Федеральной службы государственной статистики http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/), в 2007 году бюджет Чечни равнялся 9 миллиардам 600 миллионам рублей,

а 2013 — более 60 миллиардов. Положительная динамика наблюдается и в росте валового регионального продукта (ВРП). Так, в 2006 году он составлял 32,3 миллиарда рублей, а в 2013 году вырос до 118,1 миллиардов рублей. Развенчанию идеологии религиозного экстремизма способствовала политика духовно-нравственного воспитания молодежи. На сегодняшний день Чечня занимает первое место в России по количеству мечетей. Так, в 2014 году было построено 31 мечеть, в 2015 году — уже 43.

Безусловно, Чеченская республика — это тот регион, где немаловажную роль в становлении и укреплении власти президента играет лояльность Москвы, и для чеченского народа подобная лояльность является своего рода гарантией безопасности пути, по которому их ведет лидер. А безопасность своей страны Кадыров видит не в сегрегации, а в единстве с Россией и защите ее территории и граждан. Именно поэтому его выступления характеризуются сильной патетикой и идеологической насыщенностью. Так, на вопрос корреспондента: “Кого именно вы называете врагами?” — Он отвечает недвусмысленно: *“В первую очередь тех, кто 20 лет назад принес войну на мою землю, убивал чеченский народ, разрушал наши города и села... Мои враги — враги России и Чечни”*. *“Америка с Европой мечтают чужими руками расшатать наше государство. Будь их воля, превратили бы Россию в сплошной Алеппо. Зря стараются. Ничего не получится. Мы и на колени не встанем, и с голоду не помрем! Против нас санкции бессильны. Не на тех напали! Хвала Аллаху, у России территория огромная, от испытаний мы станем еще сильнее, и Запад сам попросит у нас помощи. ... Но сегодня они — наши враги. Значит, и мои. Как гражданина”*.

В приведенных примерах примечательно употребление местоимений *я* и *мы*, которые показывают, как видит себя человек: частью некоего целого или отдельным индивидом. Для Кадырова, *Я* — это *мы*, чеченский народ, а *мы* — это Россия, наша Родина. Тактика единения, подчеркивание общности интересов и ценностных ориентаций выражается следующими риторическими приемами: лексическими повторами, параллелизмом в сочетании с метафорой, передающей идеологию текста и обладающей мощной силой риторического воздействия.

Уверенность политика проявляется в категоричности его высказываний и крайности оценок. *“Оппозиция уже натворила что могла. К ним нет доверия. Что говорят в таком случае? “Давай, до свидания! Асад взял и занял правильную позицию — быть с Россией союзниками. Россия своих не бросает”*.

Эти примеры интересны своей интертекстуальностью. Слово “натворили” воскрешает в памяти речь В. В. Путина на Генассамблее ООН и последняя, ставшая уже хрестоматийной фраза “своих не бросаем” указывает на единство целей.

Помимо патетической — поднятие авторитета российской власти и сплочение нации — выступления Кадырова выполняют практические

функции: информирование населения о текущем моменте. Однако в его речах фактуальная информация всегда эмоционально окрашена и представляет собой не столько факты, сколько их личную интерпретацию. Так, на вопрос о европейских государствах, политик отвечает: *“Они ведут неправильную политику, предательскую по отношению к соседям, своим народам, поэтому у них очень много проблем сегодня, а впереди еще больше.... Они здесь, Америка далеко. То, что они делают, они должны делать в интересах своих народов, а не отдельных лиц или каких-то там дальних государств. У них нет своего ‘я’. Это не государства, это колонии. Трудно им будет так жить”. “Америка и Запад давно хотят ослабить нашу державу и настраивают против России разные государства, в том числе и страны постсоветского пространства. Я считаю, что это подлая политика”.*

Отличительной особенностью политика является владение разными стилями, которые он комбинирует, удачно переходя в нужный момент от одного стиля к другому, меняя коды в зависимости от цели общения в конкретный момент. Например, упоминание корреспондентом низкого уровня разводов в республике Кадыров комментирует следующим образом: *“Хотим еще улучшить показатель, работаем, чтобы в республике вообще не было разводов. Есть вековые традиции, стараемся что-то усовершенствовать, вплоть до того, чтобы прописать, как жениться и выходить замуж... И правила развода тоже уточняем, чтобы муж не мог просто так сказать: все, расходимся. Как там в поговорке: поматросил и бросил? Несерьезно!”*

Представляется, что использование канцеляризмов призвано сформировать “ощущение авторитетности высказывания, ибо они придают речи свойства документа, который уже сам по себе является влиятельным и авторитетным текстом” [2, с. 63]. Нельзя отрицать умения чеченского лидера находить нужные и точные (хотя и резкие) слова для конкретного времени и аудитории. Разговаривая прямо и откровенно, он использует сниженную или разговорную лексику с высокой экспрессией. *“Поэтому всяким инуркам, которые пробуют провоцировать нас, вызвать хаос и нестабильность, могу четко сказать: дорогие друзья, лучше заткните рты. Зря стараетесь!”*

Как отмечалось ранее, сильным семантическим полем является поле “борьбы с терроризмом”. Будучи абсолютно уверенным в невозможности компромиссов в отношении террористов, Кадыров видит единственный способ борьбы с ними — уничтожение. *“Задержать, привлечь к ответственности, а в случае вооруженного сопротивления уничтожить. Иного человечество еще не придумало”. “Если попытаются появиться в Чечне — уничтожим. Всех. До последнего”. “Их больше нет, всех уничтожили. Бандиты и преступники другого языка не понимают”.* За счет постоянного употребления глаголов данного семантического поля усиливается ощущение неотвратимости победы над врагами.

Оружие террористов, как известно, — запугивание и устрашение населения. Кадыров же избирает тактику беспощадного разоблачения и высмеивания злодеев, имплицитно давая понять, что бояться их не стоит. Сильная сторона лидера — это умение буквально одним штрихом дать уничижительную характеристику врагу.

“Масхадов — старик, бедолага, ничего не может. У него в последний год — 2003-й — был женский батальон, который его охранял” (“Центровой из Центороя”. Интервью с Р. Кадыровым, автор: Анна Политковская, обозреватель “Новой”, Чечня 21.06.2004).

Стилистические средства, используемые Кадыровым в речах, выдают в них явную установку (сознательную или неосознанную) на “простой народ”, то есть большинство, поэтому он пытается быть максимально понятным. Но, если лексический состав фраз дает представление об образно-понятийной сфере говорящего, то рассмотрение синтаксической организации речей Кадырова помогает выделить ведущие качества политика. На синтаксическом уровне она тяготеет к однотипным и односложным или эллиптическим синтаксическим конструкциям: *“...Мы воины. Строители. Созидатели. Были и остаемся ими. Не пытайтесь сделать нас другими. И очернять не надо, ...”*.

Наиболее интересными конструктивными приемами речей политика представляются те, в основе которых есть перечисление в самых разнообразных видах: *“их не устраивают ни Ислам, ни закон, ни адаты, ни обычаи, ничего”*. *“...я сын Ахмат-Хаджи, я мусульманин, я чеченец, я гражданин России”* (Телеканал “НТВ”, программа “Без купюр”, автор: Фатима Дадаева, 18.12.2014).

Как видно, перечисляя. Кадыров пользуется словами и применяет те категории, которыми мыслит общество. Любой гражданин идентифицирует себя либо как сын своего отца, либо как исповедующего определенную религию, либо как человека, принадлежащего к определенному этносу или стране. Такая детализация речи призвана найти отклик в душе каждого человека в отдельности.

Еще одной особенностью синтаксической организации речей Кадырова является обилие риторических вопросов. Так, разговаривая с наемниками, воевавшими на Украине, он говорит: *“...Порошенко ..., он — никто, он даже в бизнесе был никто. Как вы можете за него воевать? Вас просит народ что-ли? Или вы защищаете религию, мечети, мусульманство? Что вы там делаете? Почему вы туда поехали? Я у себя защищаю интересы народа в первую очередь и мусульман. А вы что защищаете? Ничего”*.

В подчеркнуто разговорное пространство речи Кадырова вплетаются и другие средства выразительности — наличие большого количества отклонений от норм русского языка, что объясняется тем, что русский язык не является для него родным. Например: *“Ты что! Я к гей-культуре категорически против отношусь!”*, *“Сейчас сирийский вопрос закончат.*

В ближайшем будущем должны закрыть. Тогда Турции, другим государствам придется извиниться за то, что они поступали против России неправильно. И европейцы сами, которые в санкциях участвовали”.

Упомянутая стилистическая и синтаксическая эклектика речей Кадырова, когда налицо — смешение разговорного и официально-делового стилей, безусловно, придает образу чеченского лидера особую привлекательность.

Составить речевой портрет лидера Чеченской республики — непростая задача, в которой переплетаются особенности кавказского менталитета, сложная политическая ситуация и личные характеристики политика, поэтому граница между его истинным лицом и тем образом, который создается речью, размыта. То же самое можно сказать и о его политических намерениях, которые далеко не всегда прозрачны.

Кроме того, целостный речевой портрет личности любого политического лидера возможно создать при изучении его речевого поведения на значительном временном промежутке. Тем не менее, проследить определённую эволюцию в его развитии можно. У Кадырова есть собственный пафос, доминантным свойством которого является яркое личностное начало, самоуверенность и бескомпромиссность, позволяющая последовательно и непротиворечиво доводить желаемое содержание до аудитории. А. А. Проханов считает, что “им движет желание сделать чеченцев самым лучшим, сильным, и авангардным народом. ... сила Кадырова в любви к своему народу” [6; 4].

В заключении хотелось бы привести высказывание самого главы Чеченской республики, “сегодня настали те времена, о которых мечтали наши предки. Мы — хозяева своего региона, мы можем говорить на чеченском, мы можем молиться, строить мечети, нам это разрешает государство российское. А мы по шариату обязаны защищать это государство” (Телеканал “Россия 24”, “Вести”, “Кадыров: кто не умеет жить в Москве — в самолет и на родину”, октябрь 2012 г., автор: Сергей Брилев).

Список литературы:

1. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004. 390 с.
2. Михальская А. К. Русский Сократ: Лекции по сравнительно-исторической риторике. М.: Изд. центр “Academia”, 1996. 189 с.
3. Реклама: Внушение и манипуляция. Учебное пособие для факультетов психологии, социологии и журналистики. Самара: Издательский Дом “Бахрах-М”, 2001. 750 с.
4. Лихачев Д. С. О русской интеллигенции Письмо в редакцию Новый мир. 1993. No2. С. 3–9. [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.ru/POLITOLOG/lihachev.txt/> (дата обращения 23.03.2017).
5. Осетрова Е. В. Речевой портрет политического деятеля: содержательные и коммуникативные основания. [Электронный ресурс]. URL: http://library.krasu.ru/ft/ft/_articles/0088435.pdf/ (дата обращения 17.02.2017).

6. Проханов А. А. Рамзан, Стоять на месте. [Электронный ресурс]. URL: <https://izborsk-club.ru/8523/> (Дата обращения 22.03.2017).
7. Шакалы будут наказаны по закону Российской Федерации (полный текст заявления Рамзана Кадырова). [Электронный ресурс]. URL: <https://cont.ws/@fanc/183209/> (Дата обращения 4.03.2017).
8. Это вам я, Рамзан Кадыров, говорю! [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/opinions/top-officials/3800049?page=4/> (Дата обращения 5.03.2017).
9. Instagram Президента Чеченской Республики. [Электронный ресурс]. URL: <http://ya-kadyrov.livejournal.com/tag/> (Дата обращения 9.03.2017).

Сведения об авторе:

Медведева Наталья Евгеньевна, к. ф. н., доцент, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия; e-mail: nemedvedeva@list.ru

THE RHETORIC OF PRESIDENT IMAGE

Natalya Ye. Medvedeva

Associate Professor, Lomonosov State University, Moscow, Russia:

e-mail: nemedvedeva@list.ru

Abstract

The investigation of political discourse would not have been complete without linguistic analysis of speech portrait of a political leader. The article proceeds from the assumption that leaders' speeches are the texts prepared by speech writers. At the same time, there is a strong believe that style of speaking reflects characteristic nonverbal behaviour. Therefore, to describe personal characteristics of Ramsan Kadyrov, the president of Chechen republic, more spontaneous interview material has been subject to the analysis. For a message to be powerful and effective, it must fit the moment and the context. It follows then that linguistic analysis of Kadyrov's speech should be carried out on a par with the analysis of historic and political situation in the republic. The content analysis of Kadyrov's interviews made it possible to detect the vector of ongoing changes in the republic, such as enhancing patriotism, sense of belonging as opposed to separatism, and fight against terrorism. The article concludes that personality of the president of Chechen republic is a combination of charisma and integrity, as well as his ability to assess political context and make decisions based on what would be best for the greatest number of people. At the same time to highlight individual linguistic features of president's speech requires a focus on the long-term period.

Key words: image of citizens, loyalty, lexical repetitions, parallel constructions, rhetorical questions, simple syntactic constructions.

References:

1. Karasik, V. I. (2004). YAzykovej krug: lichnost', koncepty, diskurs. [Language circle: individual, concept, discourse], 78.
2. Mihal'skaya, A. K. (1996). Russkij Sokrat [Russian Socrat]: Lekcii po sravnitel'no-istoricheskoy ritorike. [Lectures on comparative-historic rhetoric]. Moskva: Izd. centr "Academia", 63.
3. Reklama: Vnushenie i manipulyaciya. (2001). [Advertisement: Persuasion and manipulation], Uchebnoe posobie dlya fakul'tetov psihologii, sociologii i zhurnalistiki [A manual for philosophy. Sociology and journalist faculties]. Samara: Izdatel'skij Dom "Bahrah-M", 255–266.
4. Lihachev, D. S. (1993). O russkoj intelligencii Pis'mo v redakciyu Novyj mir. [On Russian intelligence: a letter to the Editor of New World], No 2., P. 3–9. Retrieved 23 March, 2017 from URL: <http://lib.ru/POLITOLOG/lihachev.txt>, 3–9/.
5. Osetrova, E. V. Rechevoj portret politicheskogo deyatelya: soderzhatel'nye i kommunikativnye osnovaniya [Speech portrait of political leader: the content of communicative basics]. Retrieved 17 February, 2017 from URL http://library.krasu.ru/ft/ft/_articles/0088435.pdf, 12/.
6. Prohanov, A. A. Ramzan, Stoyat' na meste. [Ramsan, stay where you are]. Retrieved 22 March, 2017 from URL <https://izborsk-club.ru/8523/>
7. SHakaly budut nakazany po zakonu Rossijskoj Federacii (polnyj tekst zayavleniya Ramzana Kadyrova) [Jackals will be punished according to Russian Federation law: the full version of Ramsan Kadyrov's statement]. Retrieved 4 March, 2017 from URL <https://cont.ws/@fanc/183209/>
8. Ehto vamy, Ramzan Kadyrov, govoryu! [It's me, Ramsan Kadyrov, talking] Retrieved 5 March, 2017 from URL <http://tass.ru/opinions/top-officials/3800049?page=4/>.
9. Instagram Prezidenta CHEchenskoj Respubliki [Instagram of the President of Chechen Republic]. Retrieved 9 March, 2017 from URL: <http://ya-kadyrov.livejournal.com/tag/>

Политическая риторика: технологии воздействия

А. П. Миньяр-Белоручева

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Аннотация

Анализ предвыборной риторики американских кандидатов в президенты, позволяет выявить ряд вербальных механизмов, которые, не способствуя оратору достигнуть желаемой цели и начинают работать против него, представляя соперника в неожиданно выигрышном для него свете. Политические технологии, применяемые для оказания воздействия на избирателей на рефлексивном и рефлексивном уровнях, направленные на формирование оценок и представлений в пользу кон-

кретного претендента на высокий пост, не всегда позволяют достигнуть искомой цели. Не только политическая лексика и политические метафоры, могут быть истолкованы избирателями в пользу соперника, но и вырванные из контекста высказывания вместо отрицательной приобретают положительную коннотацию и воспринимаются как заслуживающая одобрения реклама и руководство к действию.

Ключевые слова: технологии воздействия, предвыборная риторика, кандидаты в президенты, рефрейминг.

В настоящее время технологии воздействия относятся к одной из самых бурно развивающихся междисциплинарных областей исследования и широко используются в политической риторике. К политической риторике, восходящей к эпохе античной демократии, отношение изначально было неоднозначным. Аристотель высоко ценил риторiku, рассматривая ее “как искусство убеждать, то есть как использование возможного и вероятного в тех случаях, когда абсолютная достоверность оказывается недоступной” [2, с. 529]. Посредством выявления трех элементов, из которых складывается речь, а именно: из личности самого оратора, предмета, о котором он говорит, и лица, к которому обращается [1] — философ определял ее эффективность и рефлексированность как системного фактора, имеющего особое значение в политической риторике. Платон, с другой стороны, не был высокого мнения о риторике, считая ее средством, которым пользуются неискренние в своих намерениях ораторы с целью манипуляции сознанием масс, поскольку знание о видах души и воздействии разных видов речей на каждую из них позволяет выступающим устанавливать соответствие между ними и легко убеждать каждую из них [3]. Несмотря на разное отношение к риторике, оба философа считали, что она не ограничивается политикой, а пронизывает все сферы человеческой деятельности. В настоящее время риторiku как “искусство персуазивного дискурса” [4] соотносят прежде всего с публичными выступлениями, а именно: с политическими речами, в целом, и речами предвыборных кампаний, в частности. При этом в искусстве убеждения риторическое красноречие и пафос становятся определяющими, отодвигая на второй план как логос, так и этос, что, согласно Аристотелю, недопустимо и должно лишать ораторов, чья нравственная позиция не соответствует высоким целям риторики, слова. Однако красивые слова политика продолжают ценить выше честности и искренности произнесенных слов. Тем не менее, сохраняется надежда, что риторика непременно будет способствовать облагораживанию политических задач, направлений политического развития и поставленных целей. Несомненно, к достоинствам всех политиков, которые руководствуются в своих речах возвышенными стремлениями, можно отнести их убежденность в искренности произносимых слов. Однако скептически настроенная

аудитория всегда может определить, когда политик, вызывающий у нее недоверие, убеждая массы поддержать его идеи и взгляды, манипулирует ими с единственной целью получить или сохранить власть. В политике это становится одной из основных проблем, поскольку представители истеблишмента в своих выступлениях не всегда следуют морально-этическому понятию чести.

В настоящее время политики предпочитают работать с целевой аудиторией, которая всецело их поддерживает, а заручившись поддержкой сторонников, обращаться к колеблющемуся электорату, убеждая его сделать выбор в свою пользу и даже сыграть на чужом “избирательном поле”. Но правила игры изменились благодаря “коммуникационной революции”. Речи политиков стали доступны миллионам людей планеты в режиме настоящего времени. Их тиражируют мировые газеты и журналы, теле- и радиокomпании, выкладывают в Интернет, распространяют в соцсетях для последующего анализа и комментирования. У каждого выдающегося политика есть своя фраза, максима, которая легко запоминается благодаря многочисленным повторам.

Публичные выступления являются важной составляющей предвыборных политических кампаний, поскольку дают возможность политикам обозначить определенную позицию по конкретному вопросу, а электорату познакомиться с их планами относительно дальнейшего развития страны и мира. Установлено, что предвыборные речи оказывают влияние на предпочтения избирателей при голосовании. Проведенный анализ обширной литературы, посвященной предвыборным публичным выступлениям, позволил исследователям доказать, что кандидаты в президенты используют риторику как “механизм управления” электоратом [7, с. 729], побуждая общество одобрить их, оказав поддержку на выборах. Таким образом, судьба кандидатов в президенты обусловлена содержанием их речей.

Особого внимания заслуживают речи, произносимые кандидатами в президенты на партийных съездах. Наиболее знаковой является выступление Барака Обамы на съезде Демократической партии США в 2004 году, благодаря которому он был замечен и выделен как политик из множества соратников по партии. Благодаря этой речи, в которой удачно соединились три аспекта, выделившие ее из остальных: оратор, содержание и своевременность, — Бараку Обаме удалось заявить о себе как о значимой политической фигуре. Три важнейшие для граждан США темы, красной линией прошедшие через выступление будущего 44-го президента: возвращение американской мечты, значимость исторического наследия и ценность семьи — убедили аудиторию в том, что они присутствуют при знаменательном событии. Благодаря темпоральной глубине, важности затронутых проблем на фоне грядущих перемен, Б. Обаме удалось создать яркие образы в ментальном пространстве слушателей, соединив в единое целое прошлое, настоящее и будущее, и в лапидарной

форме изложить историю страны, которой гордятся ее граждане. В своей судьбоносной речи восходящий политик использовал проверенные временем риторические приемы, такие как повтор, контраст и правило трех (tricolon), позволившие ему вдохновить аудиторию, вызвав в их душе глубокие патриотические чувства. Повтор как риторический прием, усиливая речь, позволяет аудитории структурировать наиболее сложные мысли оратора, который подводит их в конце каждой фразы к тем проблемам, которые требуют первостепенного внимания. Правило трех, которое на протяжении тысячелетий использовали все великие ораторы, является излюбленным приемом современных политиков, поскольку позволяет им вызвать у аудитории необходимый эмоциональный отклик.

Одними из наиболее сложных, с психологической и риторической точек зрения, оказались президентские выборы минувшего года. Для сохранения и поддержания своего имиджа, а также изменения поведения электората оппонента, кандидаты в президенты стремились максимально использовать все политические технологии манипулирования сознанием масс. Среди них отмечаются: сокращение общедоступной информации в форме открытых данных, формирование общественного мнения на заведомо искаженных и вводящих в заблуждение фактах, аргументах, слухах, полуправды и лжи, сокрытие сведений, дискредитирующих кандидатов как политиков и официальный политический курс партии, в целом, предъявление непомерно большого объема информации, который невозможно воспринимать адекватно, навешивание ярлыков, бездоказательно компрометирующих соперников, что, следует подчеркнуть, вызывает у аудитории чувство неприязни к ораторам, которые их навешивают. Стремление дискредитировать соперника и вывести его из игры входило в задачу бывшей первой леди. Даже после ее утверждения на демократическом съезде в качестве единственного кандидата на пост президента США в выступлении по данному случаю она продолжала критиковать своего оппонента. Упомянув имя “Trump” двадцать один раз, она привела восемь выдержек из его речей и еще раз напомнила своим соратникам, что “Love Trumps Hate” — “любовь побеждает ненависть”. Данный слоган трактуется неоднозначно и является аллюзией на высказывание Мартина Лютера Кинга мл. о всеобъемлющей, бескорыстной, творческой любви ко всему человечеству, которая являлась его пятым принципом ненасильственной борьбы за свободу. Вероятно, этим слоганом сторонники кандидата в президенты от демократической партии желали выразить те же чувства, что двигали великим политиком и поддержать своего кандидата, но оказали услугу сопернику, также претендующему на пост главы Белого дома.

Согласно когнитивной лингвистике, изучающей звуковой символизм, звуковой, материальный, мир при сопряжении с единицами ментального мира, когнитивными структурами, создает значения слов, которые воспринимаются сознанием как реальность, расширяясь до концептов, фреймов, ментальных пространств, дискурсов, переплетаясь

с образами и эмоциями. Слоган “Love Trumps Hate”, созданный и подхваченный сторонниками Х. Клинтон, не достиг искомым результатов. Как было установлено, слово “trump” относится к эмоционально ярким. Насыщенность звуковых сочетаний tr- и -ump превращает его в послание, воплощающее и выражающее силу. Это имя — бренд, имя — символ, имя — власть, символизирующая человека, который оказывает воздействие на людей, имеет власть над ними и всегда побеждает. Следовательно, “Tr+ump” — идеальная фамилия для человека, принимающего политические решения [6] и желающего вернуть своей стране авторитет, унесенный “бурей в пустыне”, морально-нравственные ценности, растаявшие на “заре одиссеи” вместе с фейерверками, запускавшимися “руководством из тыла” — “leading from behind”, которые раскрасили небо стран, не желавших строить на обломках цивилизаций, оставшихся от действий управляемого хаоса, новый мир. В своем выступлении на съезде республиканской партии Дональд Трамп, в одной из трех обозначенных им задач пообещав “упразднить предельно порочную политику смены режима и последующего национального строительства” [8], предстает как человек, стремящийся воплотить в реальность означенный слоган.

Оказывающий воздействие на персуазивном и суггестивном уровнях слоган “Love Trumps Hate” ассоциируется с мемом, тиражируемым Голливудом и СМИ более двух десятилетий, и позволяет воспринимать Трампа как спасителя, которым он стал для производственных рабочих — белых “голубых воротничков” (“blue collars”) — жертв проводимой в США политики мультикультурализма и языковой толерантности, которые, оказавшись самым уязвимым классом на данный момент, были заклеены демократами как “angry white males”. Постоянный повтор в СМИ данного словосочетания превращает его в инструмент управления ментальным пространством недовольного результатами выборов электората, призванного вызвать негодование по отношению к ним со стороны добропорядочно-непорочных граждан, “innocent people”, сторонников Хилари Клинтон. Программируя гнев, разделяя общество на добро и зло, раскрашивая его в черно-белые цвета, не допуская никаких оттенков серого, политтехнологи только углубляют раскол страны, которой необходимо единение.

При создании и произнесении речей политикам следует придерживаться классических правил, использовать проверенные временем риторические приемы персуазивности, базирующиеся на информировании, разъяснении, доказательстве и опровержении. Им также необходимо помнить, что цитируя своих оппонентов, они, делая им дополнительную рекламу, оказывают поддержку [5]. Постоянный рефрейминг Х. Клинтон речей Д. Трампа в качестве доказательств ошибочности его высказываний только укрепил его позиции в среде избирателей. Убеждающее воздействие политической риторики оказывается наиболее эффективным в том случае, если речи произносят политики, обладающие харизмой или занимающие

высокий пост, и создана соответствующая атмосфера их восприятия, предложены веские, не вызывающие у аудитории сомнения, аргументы.

Однако определяющими должны быть морально-нравственные качества политика, его искренняя вера в чистоту и благородство помыслов, изложенных в речах, которые могут стать судьбоносными.

Список литературы:

1. Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. Минск: Литература, 1998. 1099 с.
2. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика. М.: Искусство, 1975. 672 с.
3. Платон. Федр. Перевод А. Н. Егунова. М.: Прогресс. 1989. 163 с.
4. Cockroft R. Persuading people: An Introduction to Rhetoric / R. Cockroft, S.M. Cockroft. London: Macmillan, 1992. 196 p.
5. Lakoff G. The Political Mind: A Cognitive Scientist's Guide to Your Brain and Its Politics. N-Y: Viking Press, 2008. 292 p.
6. Lakoff G. Understanding Trump's Name. [Электронный ресурс] URL: <https://georgelakoff.com/2016/10/07/understanding-trumps-name/> (дата обращения: 05.03.2017).
7. Rottinghaus B. Rethinking Presidential Responsiveness: The Public Presidency and Rhetorical Congruency, 1953–2001 // The Journal of Politics. Vol. 68, Issue 3, August 2006, P. 720–732.
8. Trump D. RNC draft speech transcript. By POLITICO Staff.07/21/16. [Электронный ресурс] URL: <http://www.politico.com/story/2016/07/21/> (дата обращения: 05.03.2017).

Сведения об авторе:

Миньяр-Белоручева Алла Петровна, д. ф. н., профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия; e-mail: ostvera@mail.ru

POLITICAL RHETORIC: PERSUASIVE TECHNOLOGIES

Alla P. Minyar-Beloroucheva

PhD in Philology, Dr. Habil., Professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; e-mail: ostvera@mail.ru

Abstract

Rhetorical analysis of the American presidential nominees, reveals a number of persuasive techniques that do not help the speaker achieve the desired goal but start working against him, by presenting the opponent in a favorable light. Spin doctors use persuasive technology to persuade voters at reflection and reflexive levels to render assistance to certain nominees do not always achieve the desired goal. Not only political vocabulary and political metaphors,

can be interpreted by the voters in favor of the opponent, but his reframed speeches can be taken by the electorate as a guide to action.

Key words: persuasive technology, pre-election speeches, presidential nominees, reframing.

References:

1. Aristotel'. (1998). *Jetika. Politika. Ritorika. Pojetika. Kategorii* [Ethics. Policy. Rhetoric. Poetics. Category]. Minsk: Literatura, 1998.
2. Losev, A. F. (1975). *Istorija antichnoj jestetiki. Aristotel' i pozdnjaja klassika* [History of ancient aesthetics. Aristotle and later classics.]. Moskva: Iskuststvo.
3. Platon. (1989). *Fedr* [Fedr]. Perevod A. N. Egunova. Moskva: Progress.
4. Cockroft, R., and Cockroft, S. M. (1992). *Persuading people: An Introduction to Rhetoric*. London: Macmillan.
5. Lakoff, G. (2008). *The Political Mind: A Cognitive Scientist's Guide to Your Brain and Its Politics*. New York: Viking Press.
6. Lakoff, G. *Understanding Trump's Name*. Retrieved 07 October, 2016 from <https://georgelakoff.com/2016/10/07/understanding-trumps-name/>
7. Rottinghaus, B. (2006). Rethinking Presidential Responsiveness: The Public Presidency and Rhetorical Congruency, 1953–2001. In *The Journal of Politics*, Vol. 68, no 3, 720–732.
8. Trump, D. RNC draft speech transcript. By POLITICO Staff.07/21/16. Retrieved 07 October, 2016 from: <http://www.politico.com/story/2016/07/>

Манифестация гендерных различий в политическом дискурсе на материале публичных выступлений киргизских политиков

Р. М. Мукашева

Московский государственный лингвистический университет

Аннотация

В последние десятилетия политический дискурс привлекает повышенное внимание лингвистов. Одним из перспективных, но мало разработанных направлений является изучение особенностей гендерного варьирования в публичных выступлениях политиков.

В статье представлены результаты исследования гендерных особенностей коммуникативного поведения киргизских политиков на материале парламентских речей. Устная спонтанная речь политиков-женщин и политиков-мужчин была изучена по таким параметрам, как длительность выступлений, перебивания, категоричность выражения собственного мнения, эмоциональность.

По длительности выступлений и частоте перебиваний коммуникативное поведение мужчин-политиков соответствует стереотипам мужской речи, но по параметру категоричности выражения своего мнения женщины-политики демонстрируют мужской стиль речевого поведения. Результаты анализа позволяют сделать вывод о том, что коммуникативное поведение политиков лишь отчасти соответствует сложившимся гендерным стереотипам, что свидетельствует об ослаблении роли гендерного фактора в институциональном дискурсе.

Ключевые слова: политический дискурс, гендерное варьирование, киргизские политики, парламентские дебаты, коммуникативное поведение.

В последние десятилетия политический дискурс привлекает повышенное внимание лингвистов. Одной из актуальных, но до сих пор недостаточно подробно освещенных проблем является вопрос о влиянии на коммуникативное поведение политиков гендерного фактора. Существующие исследования в целом свидетельствуют об ослаблении гендерных различий в политическом дискурсе, однако картина остается неоднозначной [1; 3; 5].

Настоящая статья посвящена гендерным различиям, обнаруженным в политическом дискурсе киргизских политиков, а также проблеме гендерного варьирования. Политический дискурс в Киргизии с точки зрения лингвистики не изучен как в самой Киргизии, так и за рубежом, в том числе и в России.

На протяжении всей истории Киргизии женщины активно участвовали в политических процессах. После обретения суверенитета социально-экономические преобразования изменили статус киргизских женщин. В 2010 г. страну впервые возглавила женщина — Отунбаева Роза Исаковна, что является подтверждением того, что женщины играют важную роль в общественно-политической жизни Киргизии.

Тем не менее, стереотип о том, что политика — это мужской домен сохраняется в общественном сознании, и на политической арене прослеживается гендерный дисбаланс. Женщины в настоящее время занимают руководящие посты только в социальных секторах, и процент их присутствия в Жогорку Кеңеше (Парламент) не высок.

Актуальность данной статьи обусловлена малоизученностью политического дискурса в Киргизии, в том числе и в гендерном направлении. В статье изложены результаты исследования речевого поведения киргизских политиков на материале парламентских дебатов, целью которого было выявление соответствия их коммуникативного поведения гендерным стереотипам мужской и женской речи.

Исследуемый в статье жанр политического дискурса отличается неподготовленностью, спонтанностью речи, благодаря чему речь политиков отражает их предпочтения как в выборе языковых средств, так и в используемых в парламентской борьбе различных стратегиях и тактиках.

Для выявления степени манифестации гендерных различий в киргизском политическом дискурсе нами был изучен видеоматериал публичных выступлений политиков. Мы ставили перед собой задачу выяснить, в какой мере выводы исследователей межгендерной коммуникации [2; 7; 8], свидетельствующие о том, что мужчины используют “соревновательную стратегию” для доминирования и контроля за ходом коммуникации, в то время как женщины, чтобы снизить уровень агрессии и конфронтации, тяготеют к “стратегии сотрудничества”, подтверждаются на материале политического дискурса. Для данного исследования были отобраны следующие показатели: *длительность выступления, перебивание, категоричность выражения своего мнения и эмоциональность*.

Поскольку число политиков-мужчин и политиков-женщин, принимавших участие в дебатах, различается, для каждого исследуемого параметра было высчитано среднее значение индекса частотности каждого показателя по формуле $I = P/N$, где I — среднее значение индекса для одного выступающего, P — общее число высказываний, в которых присутствует интересующий нас параметр, а N — число выступающих.

По параметру *длительность выступления* показатели у депутатов-мужчин оказались выше, чем у женщин. При подсчете полученных данных по формуле $I = P / N$, для мужчин среднее значение индекса “длительность” составило 5,7, а для женщин — 4. Данный вывод подтверждает результаты исследований европейских лингвистов, утверждавших, что в разнополых коллективах женщины говорят меньше, так что в коммуникации доминируют мужчины [4; 6].

Известное положение о том, что мужчины чаще *перебивают* собеседника с целью доминирования и контролирования хода дискуссии также подтверждается на материале киргизского политического дискурса. Значение индекса *перебивание* у мужчин равно 1, а у женщин — 0,8. Мужчины-политики чаще перебивают женщин, опровергая утверждение оппонента, выражая свое мнение или же внося уточнения.

Следующий исследованный параметр — *это категоричность выражения своего мнения*. В гендерной лингвистике категоричность и даже агрессивность выражения своей точки зрения обычно приписываются мужскому речевому поведению. Однако анализ выступлений киргизских политиков показал противоположный результат. Категоричность в выражении своего мнения в нашем материале более характерна для женщины-политиков: у женщин среднее значение индекса “категоричность” равно 1,9, а у мужчин — 1,2. Маркерами категоричности выступали личное местоимение 1-го лица единственного числа “Я”, а также модальные глаголы и отрицательные местоимения:

А. Т. Алтыбаева: *Мен ойлойм, комитетте туура чечим алынды (Я думаю, в комитете приняли правильное решение);*

Н. А. Нарматова: *Мындай да, сиздин оюнузга мен эч убакытта кошула албайм (Получается так, я никогда не соглашусь с вами).*

Результат изучения параметра *эмоциональность* в киргизском политическом дискурсе не противоречит гендерным стереотипам женской речи. Подсчет данных показал, что значение индекса у женщин равно 1, в то время как у мужчин это значение равно 0,2. Эмоциональность политиков-женщин в парламентских дебатах проявлялась как в использовании эмоционально окрашенной лексики, так и в просодических средствах:

Ж. А. Жолдошева: Жүрөгүң түшөт жөн эле (просто страх берет);

Г. А. Скрипкина: Кудай сактасын! (упаси Господь!);

Н. В. Никитенко: ... вот эту абсурдную норму.

Результаты проведенных подсчетов по формуле $I = P/N$ суммированы в таблице 1.

Таблица 1.

параметры	женщины	мужчины
Длительность выступления	4	5,7
Перебивание	0,8	1
Категоричность выражения своего мнения	1,9	1,2
Эмоциональность	1	0,2

Таким образом, исследование гендерных различий в публичных выступлениях киргизских политиков показало, что женщины-политики более подвержены эмоциональным всплескам, нежели политики-мужчины, что выражается в выборе лексических средств и просодических характеристик. По длительности выступлений и частоте перебивания коммуникативное поведение мужчин-политиков соответствовало стереотипам мужской речи, в то время как с точки зрения категоричности выражения своего мнения женщины-политики продемонстрировали мужской стиль коммуникативного поведения. Данный результат подтверждает наблюдения исследователей политического дискурса о “гендерном сдвиге” в речевом поведении политиков и ослаблении значения гендерного фактора в политическом дискурсе.

Список литературы:

1. Карандеева Л. Г. Гендерная специфика лексико-морфологических средств реализации речевой агрессии в немецком парламентском дискурсе // Л. Г. Карандеева, В. А. Кодюшева // Инновации в науке: сб. ст. по матер. LVIII междунар. науч.-практической конференции. Новосибирск, 2016. №6(55). С. 124–133.
2. Кирилина А. В. Гендерные исследования в лингвистических дисциплинах // Гендер и язык. Московский гос. лингвистический ун-т. Лаборатория гендерных исследований. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 7–30.
3. Киянова К. А. Особенности мужской и женской публичной речи на материале речей Г. Коля, Г. Шредера и А. Меркель // Язык и текст. М., 2016. №2. С. 76–85.

4. Коатс Дж. Женщины, мужчины и язык / пер. с англ. С. А. Коноваловой / Гендер и язык. Московский гос. лингвистический ун-т. Лаборатория гендерных исследований. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 33–231.
5. Куницына Е. В. Гендерная маркированность политического дискурса: языковой и речевой аспекты: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Куницына Евгения Витальевна; Ставропольский государственный университет. — Ставрополь, 2011. — 249 с.
6. Таннен Д. Ты просто меня не понимаешь: Женщины и мужчины в диалоге/ пер. с англ. О. А. Васьковой / Гендер и язык. Московский гос. лингвистический ун-т. Лаборатория гендерных исследований. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 235–510.
7. Coates J. Men Talk: Stories in the Making of Masculinities // Oxford: Blackwell Publishers, 2003. 219 p.
8. Lakoff, R. Language and Woman's Place // New York a.o.: Harper and Row. 1975, 328 p.

Сведения об авторе:

Мукашева Рахат Мукамбетовна, аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания, Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Россия; e-mail: rahat_77@mail.ru

MANIFESTATION OF GENDER DIFFERENCES IN POLITICAL DISCOURSE (BASED ON THE MATERIAL OF KIRGHIZ POLITICIANS' PUBLIC SPEECHES)

Rakhata M. Mukasheva

Postgraduate Student, Department of General and Comparative Linguistics, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia; e-mail: rahat_77@mail.ru

Abstract

In the last decades political discourse has been attracting special attention of linguists. One of the promising but not well-developed branches is the study of gender variation in politicians' public speeches.

The article focuses on special features of Kirghiz politicians' communicative behavior based on the material of Parliament speeches. Oral spontaneous speech of female and male politicians was studied along the following parameters: the length of presentation, interruptions, rigidity of speech, emotionality, etc.

In terms of the length of presentation and frequency of interruptions communicative behavior of male politicians corresponds to the stereotypes of men's speech, however as for rigidity of speech, female politicians display men's style of expressing an opinion. The results of the analysis lead to the conclusion that communicative behavior of politicians overlaps with the gender stereotypes, which testifies to the weakening of the gender factor in institutional discourse.

Key words: political discourse, gender variation, Kirghiz politicians, Parliament debates, communicative behavior.

References:

1. Karandeeva, L. G., and Kodusheva, V. A. (2016). Gendernaia spetsifika leksiko-morfologicheskikh sredstv realizatsii rechevoi agressii v nemetskom parlamentskom diskurse [Gender specific of lexical-morphological means of realisation of verbal aggression in German parliamentary discourse]. *Innovatsii v nauke: sb. st. po mater. LVIII mezhdunar. nauch.-prakticheskoi konferentsii [Innovations in science: collection of articles after the materials of the LVIII international scientific-practical conference]*, 6 (55), 124–133.
2. Kirilina, A. V. (2005). Gendernye issledovaniia v lingvisticheskikh distsiplinakh [Gender research in linguistic disciplines]. In: Gender i iazyk [Gender and language]. Moskva: Iazyki slavianskoi kul'tury.
3. Kiianova, K. A. (2016). Osobennosti muzhskoi i zhenskoi publicnoi rechi na materiale rechi G. Kolia, G. Shredera i A. Merkel' [Peculiarities of male and female public speech in a sample of speeches by H. Kohl, G. Schroeder and A. Merkel]. *Iazyk i tekst [Language and text]*, №2, 76–85.
4. Koats, Dzh. (2005). Zhenshchiny, muzhchiny i iazyk // Gender i iazyk. [Women, men and language // Gender and language]. Moskva: Iazyki slavianskoi kul'tury.
5. Kunitsyna, E. V. Gendernaia markirovannost' politicheskogo diskursa: iazykovo i rechevoi aspekty [Gender markedness of political discourse: language and speech aspects]. *Dis. ... kand. filol. nauk [Thesis]*. Stavropol'.
6. Tannen, D. (2005). Ty prosto menia ne ponimaesh' : Zhenshchiny i muzhchiny v dialoge [You just don't understand: Women and men in conversation]. Mjсква: Iazyki slavianskoi kul'tury.
7. Coates, J. (2003). *Men Talk: Stories in the Making of Masculinities*. Oxford: Blackwell Publishers.
8. Lakoff, R. (1975). *Language and Woman's Place*. New York a.o.: Harper and Row.

Эволюция значения русского социально-политического заимствования *либерал*

К. Э. Нагаева

Московский государственный лингвистический университет

Аннотация

Исследование проведено на стыке лингвокультурологии и политической лингвистики с позиций диахронии на материале русских толковых словарей и текстов из Национального корпуса русского языка и имеет целью выявление изменений значения социально-политического заимствованного из французского языка слова либерал в различные исторические периоды.

Коннотация лексемы либерал, положительная в момент заимствования слова в начале XIX в., так же, как и в лексеме-источнике, постепенно сменила свой знак на противоположный, что и осталось в постсоветской лингвокультуре. Первоначальное значение лексемы постепенно устаревает. Вместе с тем, в XXI в. лексема либерал приобретает новые значения, пока не зафиксированные в словарях, но отраженные в текстах общественно-политической направленности, также негативно окрашенные.

Ключевые слова: лингвокультурология, заимствование, идеологема, диахронический аспект, эволюция значения, коннотация.

Данное исследование проведено на стыке лингвокультурологии и политической лингвистики. Одной из задач обоих направлений лингвистики является построение национальной языковой модели мира и выявление ее особенностей. В данном исследовании речь идет о не о научно-политической национальной языковой модели мира, а о социально-политической национальной языковой модели мира наивного носителя языка, поэтому исследование, в основном, проводилось на материале лексикографического, отчасти медиа- и интернет-дискурса, преимущественно, на материале неспециализированных толковых словарей. Задачей исследования стало выявление особенностей и этапов формирования значения русской идеологемы — эквивалента одной из наиболее распространенных в современном мире, социально-политического заимствования *либерал*. Под идеологемой мы, вслед за А. П. Чудиновым, подразумеваем, лексико-фразеологическую единицу, “в значение которой входит идеологический компонент” [15, с. 92].

Лексема *либерал* была заимствована русским языком из французского в начале XIX в. [5]. К этому времени французская лексема-источник заимствования, сформировавшаяся еще в Средние века, уже стала идеологемой в силу появившихся у нее в эпоху Просвещения следующих значений: 1) сторонник индивидуальных свобод, в том числе свободы мысли и политических свобод; 2) сторонник экономического или политического либерализма (сюда же отнесены представители либеральных партий в Великобритании, ФРГ, Бельгии, Италии) 3) снисходительный, толерантный, терпимый [16]. Необходимо отметить положительную коннотацию, сопровождающую все значения французской лексемы.

Русская лексема сразу же становится идеологемой, так как переняла у французской именно политические значения: 1) “сторонник либерализма” [3; 5; 8] и 2) “свободомыслящий” [11]; “сторонник общественной, политической, религиозной свободы” [9], затем — “член либеральной партии” [13]. Первые два значения вначале сопровождаются положительной коннотацией, перенятой у идеологемы-первоисточника. Однако уже ко второй половине XIX в. появляются первые производные от данной идеологемы, а вместе с ними — первые признаки изменения

коннотации [4; 6]. Большой вклад в переоценке роли либералов в России внесли произведения М. Е. Салтыкова-Щедрина [6]. Советская эпоха не только закрепила отрицательную коннотацию идеологемы, окончательно оформившуюся в ходе борьбы с врагами правящей партии [5]: *“Теперь они активно включились в работу, смело ставят вопросы, разоблачают зажимщиков, либералов, примиренцев и врагов партии”* [13], но и породила ее новое значение: *“В сознании масс либерал — что-то мягкое, аморфное, готовое к полумерам”* [13]; *“человек, склонный к излишней снисходительности”* [1; 3]; *“...занимающийся попустительством”* [5; 8].

Характерным является употребление слов *либерал* и *либерализм* с эпитетом *гнилой*, внесшее свой вклад в формирование отрицательной коннотации лексемы [5; 6].

Постсоветский период унаследовал сформировавшиеся ранее значения и отрицательную коннотацию лексемы. Некоторые словари ставят на первое место новое значение лексемы *либерал*: *“человек, терпимо, снисходительно относящийся к кому-, чему-л.”* [2], *“человек, склонный к излишней снисходительности”* [3], а значение *“сторонник либерализма; член либеральной партии”* — лишь на второе. Примечательно, что данное значение идеологемы зафиксировано в постсоветских специализированных словарях [9; 10]. При этом первоначальное значение лексемы иногда считается устаревшим [1; 5; 8].

Что касается современных тенденций семантического развития лексемы *либерал*, то, на основании анализа контекстов, предложенных Национальным корпусом русского языка [7], можно сделать следующие выводы: 1) экономическое значение лексемы еще находится в стадии формирования, так как Россия лишь относительно недавно вступила в эру капитализма. Более того, оно неизбежно сформировалось бы уже в начале XX в., как и у его французского эквивалента, если бы Россия пошла по европейскому пути развития, так как уже во времена НЭПа Популярный политический словарь отмечал: *“На деле ‘свобода’, отстаиваемая либералами, означает лишь свободу капиталистической конкуренции и промышленного развития”* [9]. Приведем пример подобного формирующегося значения лексемы: *“В 1990-е годы экономисты-либералы в нашей стране подвергли принципы государственного планирования осмеянию”* [А. Хазбиев, С. Чернявский Цит. по 7]. 2) Идеологема *либерал*, с момента создания партии ЛДПР (1989), подвергается десемантизации. Характерно, что на иностранные языки название этой партии переводят аббревиатурой, а не дословно, так как подобная десемантизация идеологемы характерна лишь для современного русского языка. 3) В последние годы в российском проправительственном интернет- и медиадискурсе происходит не только десемантизация идеологемы, но и приписывание ей отрицательной оценки, особенно во множественном числе: *“Воровство придумали либералы в XIX веке”* [scharo, nick. Цит. по 7]. Отрицательная коннотация слова *либерал* в постсоветскую эпоху подтвержда-

ется возникновением образованного от него путем контаминации со словом *педераст* слова *либераст*, наравне со словами *демишиза*, *демишизоид*, *западоид*, *толераст*, *этастранец* [14]. В результате данная идеологема используется как пейоратив, синоним оппозиционности и антоним патриотизма.

Список литературы:

1. Большой словарь иностранных слов. Издательство “ИДДК”, 2007 // Словари и энциклопедии на Академике. [Электронный ресурс]. URL: http://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_fwords/ (дата обращения: 29.09.2016).
2. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2001. 1536 с.
3. Большой энциклопедический словарь / Ред. А. М. Прохоров. 2-е изд., перераб. и доп М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. 1456 с.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955. Т. 2. 779 с.
5. Епишкин Н. И. Исторический словарь галлицизмов русского языка. Словарное издательство ЭТС, Москва, 2010. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ets.ru/pg/r/dict/gall_dict.htm/ (дата обращения: 29.09.2016).
6. Мокиенко В. М. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. М.: Олма Медиа Групп, 2007. 784 с.
7. Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/>
8. Новый словарь иностранных слов. EdwART, 2009. “Словари и энциклопедии на Академике”. [Электронный ресурс]. URL: Режим доступа: http://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_fwords/ (дата обращения: 29.09.2016).
9. Политический словарь. Краткое научно-популярное толкование слов / Под общей ред. Б. М. Эльцина. 2-е изд. М.: “Красная новь”, 1923. 400 с.
10. Политология: словарь-справочник / М. А. Василик, М. С. Вершинин и др. М.: Гардарики, 2001. 328 с.
11. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка / Под ред. А. Н. Чудинова. СПб.: Изд-е В. И. Губинского, 1910. 1004 с.
12. Словарь политических терминов. 2010. / Портал “Словари и энциклопедии на Академике” [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/> (дата обращения: 20.01.2016).
13. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей (т. 2). 1935.
14. Тришин В. Н. Словарь синонимов ASIS. 2013. / “Словари и энциклопедии на Академике”. [Электронный ресурс] URL: <http://dic.academic.ru/> (дата обращения: 29.09.2016).
15. Чудинов А. П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2007. 256 с.
16. Le Petit Larousse illustré. P., 1995. 1778 p.

Сведения об авторе:

Нагаева Ксения Эдуардовна, профессор кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области политических наук, Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия. e-mail: zlovovsky@mail.ru

THE EVOLUTION OF MEANING OF THE RUSSIAN SOCIOPOLITICAL LOANWORD 'LIBERAL'

Xenia E. Nagaeva

PhD in Philology, Associate Professor, Department of Linguistics and professional communication in the field of political science, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia; e-mail: zlovovsky@mail.ru

Abstract

The analysis is carried out in the context of linguocultural and political approach in terms of diachrony. The study is based on materials of Russian explanatory dictionaries and recent social and political texts from National Corpus of Russian language. Its aim is to reveal the modification of meaning of the loanword liberal in different epochs.

The lexeme liberal's connotation, favourable at the moment of adoption of this word by Russian language in the beginning of the XIX century, changed its sign from positive to negative in the soviet period, which remained in the post-soviet period either. The lexeme's original sense gradually becomes obsolete. But in the XXI century apart from that the lexeme gains new meanings which are not fixed yet in the dictionaries.

Key words: linguoculturology, diachronic aspect, loanword, ideologem, evolution of meaning, connotation.

References:

1. Bol'shoi slovar' inostrannykh slov [Big dictionary of foreign words] (2007). IDDK/ Slovarei i entsiklopedii na Akademike. Retrieved 29 September, 2016 from http://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_fwds/
2. Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo iazyka [Big explanatory dictionary of Russian language] (2001). / Kuznetsov, S. A. SPb., Norint.
3. Bol'shoi entsiklopedicheskii slovar'. [Big encyclopedia]. (2000). / Prokhorov, A. M. 2th ed. Moskva: Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia.
4. Dal', V.I. (1955). Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo iazyka [Explanatory dictionary of living Russian language]: in 4 vol. Moskva: Russkii iazyk. V. 2.
5. Epishkin, N.I. (2010). Istoricheskii slovar' gallitsizmov russkogo iazyka [Historical dictionary of Russian language's Gallicisms]. Moskva: Slovarnoe izdatel'stvo ETS. Retrieved 29 September, 2016 from http://www.ets.ru/pg/r/dict/gall_dict.htm/

6. Mokienko, V.M., and Nikitina, T.G. (2007). [Big dictionary of Russian proverbs]. Bol'shoi slovar' russkikh pogovorok. Olma Media Grupp.
7. National corpus of Russian language Retrieved 29 September, 2016 from: <http://www.ruscorpora.ru/>.
8. Novyi slovar' inostrannykh slov [Modern dictionary of foreign words]. EdwART (2009). // Slovarei i entsiklopedii na Akademike. Retrieved 29 September, 2016 from http://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_fwords/
9. Politicheskii slovar'. Kratkoe nauchno-populiarnoe tolkovanie slov (1923). / B.M. El'tsin. 2th ed. Moskva: Krasnaia nov'.
10. Politologiya: slovar'-spravochnik [Political science: reference dictionary]. (2001). / Vasilik, M. A., and Vershinin, M. S. i dr. Moskva: Gardariki.
11. Slovar' inostrannykh slov, voshedshikh v sostav russkogo iazyka [Dictionary of foreign words incorporated in Russian language] (1910). / Chudinov, A. N. SPb.: ed. V.I. Gubinskogo.
12. Slovar' politicheskikh terminov (2010). "Slovarei i entsiklopedii na Akademike" Retrieved 29 September 2016 from <http://dic.academic.ru/>
13. Tolkovyi slovar' russkogo iazyka [Explanatory dictionary of Russian language] (1935–1940): in 4 v. / Ushakov, D.N. Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarei. V. 2.
14. Trishin, V. N. (2013). Slovar' sinonimov [Dictionary of synonyms] ASIS / Slovarei i entsiklopedii na Akademike. Retrieved 29 September, 2016 from <http://dic.academic.ru/>
15. Chudinov, A.P. (2007). Politicheskaya lingvistika: ucheb. Posobie [Political linguistics. Textbook]. Moskva: Flinta: Nauka.
16. Le Petit Larousse illustré. (1995). P., 1778 p.

**Российско-украинский кризис
в зеркале англоязычного политического
дискурса: лингвопрагматические особенности
моделирования образа врага в выступлениях
постоянного представителя США в СБ ООН
(2014–2016 г.)**

А. В. Несветайлов, Д. Н. Новиков
МГИМО МИД России

Аннотация

В статье рассматриваются некоторые аспекты применения прагма-лингвистических стратегий персуазивного воздействия в рамках политического дискурса на площадке Совета Безопасности ООН, посвященного кризису на Украине и конфликту в российско-украинских отношениях,

последовавших за сменой украинского руководства в 2014 г. В частности, описываются языковые средства и тактики их использования, благодаря которым постоянный представитель США при Организации Объединенных Наций С. Пауэр выстраивает позицию Соединённых Штатов, следуя стратегиям создания “круга чужих”, фантомной угрозы, а также демонизации “круга чужих” с целью дискредитации действий политического оппонента. Такое речевое поведение указывает на попытку создания у реципиента образа отчужденности России и опасности её действий.

Ключевые слова: политический дискурс, персуазия, персуазивные стратегии и тактики, дискурс постоянного представителя Совбеза ООН.

Современные лингвистические исследования все чаще свидетельствуют в пользу существенной, если не первостепенной, роли языка в конструировании человеком окружающей его действительности. Анализируя политический дискурс можно убедиться, что различия в вербальном представлении и интерпретации одних и тех же фактов создают совершенно разные реальности, что достигается, помимо прочего, за счет применения коммуникантами особых прагматических стратегий (см., напр., анализ события “международный конфликт” в [2; 3], а также исследование способов “управления реальностью” реципиента с помощью контрафактивных грамматических конструкций в [5]). Как справедливо утверждает Тён А. ван Дейк, “политический дискурс в первую очередь зависит не от темы и стиля, но от того, кто говорит, кому, что, в какой ситуации и с какой целью. Иными словами, политический дискурс является, собственно, политическим, поскольку его функции реализуются непосредственно в ходе политического процесса” [4, с. 216].

Особый интерес в этой связи вызывает международный политический дискурс и, в частности, проблема интерпретации фактов действительности на уровне межгосударственных отношений в рамках работы, пожалуй, наиболее авторитетного и значимого на сегодняшний день международного института — Совета Безопасности ООН: ведь от того, какие решения им будут приняты, зависят судьбы целых народов.

Вполне естественно, что излагая свою позицию (и соответственно, позицию своего государства) на такой площадке, постоянный представитель, очевидно, рассчитывает не только донести ее до остальных членов Совета, но и заручиться поддержкой этой позиции большинством и добиться принятия наиболее выгодной для представляемого государства резолюции: любое высказывание в рамках политического дискурса, как известно, направлено, на убеждение (или “убеждение”) реципиента в правильности точки зрения оратора, каузацию положительных эмоций по отношению к себе и отрицательных — по отношению к сопернику [8; 6, с. 159]. Ниже мы попытаемся проследить некоторые лингво-прагматические особенности, связанные с применением персуазии в выступлениях

постоянного представителя США в СБ ООН Саманты Пауэр, занимавшей этот пост в 2013–2017 гг., на заседаниях, посвященных украинскому кризису.

Следует, однако, отметить, что понятие “персуазия” не является полностью идентичным понятию “манипуляция”, хотя и может иметь общие с ним компоненты значения, в связи с чем в работах отечественных и зарубежных исследователей нет черты, которая позволила бы точно их разграничить.

Так, например, Тён А. ван Дейк считает возможным рассматривать манипуляцию как вид персуазии, “если отмести негативные ассоциации... В этом случае принципиальная разница будет заключаться в том, что реципиенты могут придерживаться любого мнения и действовать, как пожелают, независимо от того, согласились ли они с аргументами отправителя или нет, в то время как при манипуляции реципиентам уготована более пассивная роль: они жертвы манипуляции. Обычно это негативное проявление манипулятивного дискурса имеет место, когда реципиенты не могут осознать настоящих намерений отправителя или предвидеть все последствия отстаиваемых манипулятором действий или убеждений” [9, с. 361].

Само же понятие персуазивного воздействия представляется возможным сформулировать как осуществление актов речевого воздействия в ходе политического дискурса с применением коммуникантом особых лингво-прагматических стратегий с целью вызвать определенное поведение реципиента (группы реципиентов) или повлиять на его (их) точки зрения, установки, решения.

Как известно, лингво-прагматические стратегии персуазивного воздействия предполагают свою актуализацию посредством речевых тактик и приемов, где общее требование к тактике — способствовать стратегии. По мнению Е. Н. Молодыхенко, особую роль в организации персуазивного дискурса играет моделирование образа врага. Такое моделирование реализуется как совокупность средств прагматического фокусирования комплексного образа врага, подразделяющихся на три частные стратегии: 1) создание “круга чужих”; 2) стратегию “создания фантомной угрозы”; 3) стратегию “демонизации врага” [7, с. 9].

Детальный анализ исследуемого текстового корпуса заседаний Совета Безопасности ООН позволяет выявить указанные лингво-прагматические стратегии персуазивного воздействия, соответствующие резкой негативной позиции США, занятой по отношению к РФ после начала событий 2014 года на Украине.

Стратегии постоянного представителя США:

1. **Создание “круга чужих”** — реализуется путем включения в текст языковых средств, формирующих образ “чужих”, при этом оценка самого образа осуществляется с точки зрения “своих”. Эта стратегия

сопровождается использованием речевых приёмов — тактик, в которых реализуется концептуальная оппозиция “свой-чужой” (об особенностях этой концептуальной оппозиции и её реализации в англоязычном общественно-политическом дискурсе см. тж. в [1]):

- 1) **создание интегративного образа “круга чужих”** — интеграция его сторон в единый образ, путем создания между ними семантических связей:

Russia and the separatists it backs must release all of their hostages and prisoners (1);

*Russia has not engaged on this plan, **neither have the separatists, and Russia has refused to expand OSCE monitoring along the border (2).***

*The context for yesterday's horror is clear: separatists' forces **backed by the Russian Government** continue to destabilize Ukraine... (3).*

- 2) **поляризация “своих и чужих”** — один из ключевых персуазивных приёмов в рамках стратегии “создания круга чужих”. В рамках тактики осуществляется противопоставление между действиями “хороших” и “плохих”:

*We continue to seek stability within a peaceful, democratic, inclusive and united Ukraine, especially in advance of the upcoming important elections. We remain committed to a diplomatic process, but **Russia seems committed to destabilization and fantastical justifications for its actions (4);***

*...observers from the OSCE monitoring mission are reporting that most of Ukraine, including eastern Ukraine, is peaceful. **The exceptions are in such areas as Donetsk, Luhansk and Sloviansk, where pro-Russian separatists continue to occupy buildings and attack local officials. There we have seen a sharp deterioration in law and order (4).***

2. **Стратегия создания фантомной угрозы** — её основной целью является создание образа угрозы, исходящей от “круга чужих” для “круга своих”. Стратегия осуществляется посредством следующих тактик:

- 1) **прагматического фокусирования угрозы в тексте** при помощи лексем со значением “опасность”, “угроза”:

*Russia's actions in Ukraine **are a threat** not only to the countries in Russia's immediate vicinity but also **to the international order (5);***

*A threat to the order — the international order — **is a threat to the peace and security of all of us (6).***

- 2) **экстраполяция прецедентов**, основана на схеме: событие 1 в прошлом повлечет за собой событие 2 в будущем. Описываемые прецеденты подбираются с задачей дискредитации “чужих” во всех случаях без исключений:

*In recent weeks, for example, at the same time that **Russia was flouting its Minsk agreements, President Putin was putting the finishing touches on another set of agreements, the so-called “treaties of alliance”, with de facto authorities in Abkhazia and South Ossetia. Those trea-***

ties will compound years of violations of Georgia's sovereignty and territorial integrity. What is frozen in these conflicts? Instability is frozen (7).

- 3) **конкретизация** — осуществляется при помощи концентрированного использования лексики, принадлежащей специальной области знаний. С её помощью оратор создаёт иллюзию обоснованности своих выводов (Данная тактика наиболее эффективна, когда реципиент мало знаком с проблемной областью):

*We do not need to look very far or hard to find evidence of that campaign. We see it in the **three T-64 Russian tanks ... belonged to Russia's eighteenth motorized rifle brigade, based in Chechnya.** We see it in surface-to-air missiles that were recently seized by Ukrainian forces after a clash with separatists; they were still accompanied by their **official paperwork, revealing that as recently as two months ago those missiles were held on a Russian air defence base in the Krasnodar region (8).***

- 4) **опора на авторитет.** Используется для подтверждения ранее изложенных аргументов и создания иллюзии об их истинности. В дискурсе постоянного представителя США представлена апелляциями к отчетам международных организаций, осуществлявших мониторинг юго-востока Украины:

We note the importance of the OSCE judgement that the election was largely in line with Ukraine's international commitments and demonstrated respect for fundamental freedoms in the vast majority of the country. ... We must also condemn the actions of those who sought to derail the voting in parts of eastern Ukraine. In particular, we condemn the actions of pro-Russian armed separatists operating in Donetsk and Luhansk, who attacked district election commissions and polling stations and intimidated election workers... (9).

3. **Стратегия демонизации круга “чужих”** — позволяет осуществить радикальный вариант дискредитации и сводится к текстовой актуализации таких негативных качеств «чужих», как жестокость, отсутствие сострадания, вероломность и т.д.; актуализируется применением следующих подчинённых тактик:

- 1) **прагматическое фокусирование “круга чужих”.** В данной тактике описывается ситуация, в которой агрессор совершает жестокое действие в отношении жертвы. Сама агрессия рассматривается как “неадекватная”, “несоразмерная” по отношению к жертве (частотный прототип которой — женщины и / или дети):

*Every single one of those meetings has sent a straightforward, unified message: **Russia, stop this conflict. Russia is not listening.***

*We said it when Russia flagrantly violated international law by occupying Crimea. We said it after the shocking downing of Malaysia Airlines Flight MH-17, which took the lives of **innocent men, women, children and infants** from 11 countries. And we say it today, as Russia's*

soldiers, tanks, air defense and artillery support fight alongside separatists and open a new front in a crisis manufactured in and fueled by Russia. But Russia is not listening (6).

- 2) **магнификация действий “чужих”** (данная тактика позволяет позиционировать круг “чужих” как агрессора, пошедшего против всего мира, и придать его действиям глобальный характер):

Russia put itself outside the international norms that we have painstakingly developed to serve as the bedrock foundation for peaceful relations between States (8).

Обращает на себя внимание использование инклюзивного местоимения *we* (*we have painstakingly developed*), которое объединяет в своей семантике отправителя и получателя сообщения.

- 3) **детализация описания “жертв агрессии”**. Осуществляется путем намеренной актуализации менее релевантных деталей. В своих выступлениях С. Пауэр использует описание конкретных жертв с указанием их имени и возраста:

Shuba Jaya and her husband Paul Goes were flying back home from the Netherlands, where they had brought their one-year-old daughter, Kaela, to meet Paul's parents for the first time. <...> Tambi Jiee and Ariza Gazalee were moving back to Malaysia after more than two years of living abroad. With them were their sons, Muhammad Afif, age 19, Muhammad Afzal, age 17, and Mohammed Afruz, age 13, and their daughter, Marsha Azmeena, age 15 (3).

Из этого примера видно, что описание конкретных людей в информативных целях явно избыточно. Оратор пытается показать беспринципность и хладнокровность людей, сбивших гражданский самолёт (которых, конечно, относит к “кругу чужих”), не считаящихся даже с юным возрастом жертв. Такая деталь позволяет позиционировать жертв, как “беззащитных”. Дополнительным средством воздействия выступают описание бытовых ситуаций “*family vacation*”, “*a few days of holiday*”, которые позволяют вызвать у реципиента чувства общности с жертвами.

Подводя итог, следует отметить, что в известной степени постоянно представителю США удавалось осуществлять попытки создания у реципиента образа отчужденности России и опасности её действий, и это, по всей видимости, не могло не сказаться на позиции многих государств, к сожалению, считающих РФ потенциальным источником угрозы. В исследовании проанализированы 26 выступлений постоянного представителя США с 28 февраля 2014 г. по 28 апреля 2016 г. Описанные выше стратегии, тактики и речевые приемы использовались в течение всего периода. В каждом выступлении их элементы собраны в систему с целью дискредитации действий политического оппонента и оказания влияния на принятие решений по кризису на Украине, связанному с вооруженным конфликтом.

Список литературы:

1. Алиева Т.В. Языковые средства реализации концептуальной оппозиции “свой — чужой” в британском политическом дискурсе.: Автореф. дисс... канд. филол. наук: М. 2013. 27 с.
2. Белоголова А. С. Лингвокогнитивные и прагматические особенности моделирования события “международный конфликт” в англо-американских СМИ (на примере конфликта в Сирии) // События в коммуникации и когниции: материалы Международной науч. конференции. Москва, 19–20 мая 2016 г. М., ФГБОУ ВО МГЛУ, 2016. С. 42–43.
3. Зароченцева А.С., Новиков Д.Н. Лингвокогнитивные и прагматические аспекты моделирования событий типа “международный конфликт” (на примере освещения освобождения городов Мосул и Алеппо в 2016 году) в “Экономист” // Магия ИННО: Новые измерения в лингвистике и лингводидактике: материалы Третьей научно-практической конференции (Москва, 24–25 марта 2017 г.). М.: МГИМО–Университет, 2017, С. 231–237.
4. Дейк Тён А. ван. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Книжный дом ЛИБРОКОМ. 2013. 344 с.
5. Дружинин А. С. Моделирование “псевдореальности” в американском предвыборном дискурсе посредством контрафактивных конструкций английского языка // Научное мнение: научный журнал. 2014. №1. С. 41–45.
6. Дружинин А. С. Параметры прагматического анализа предвыборного дискурса // Электронный научный журнал. №9, 2016. С. 158–163.
7. Молодыхенко Е. Н. Создание образа врага как персуазивная стратегия американского политического дискурса, когнитивный и лингвопрагматический анализ (на материале публичных речей политических деятелей 1960–2008 гг.): Дис. ... канд. филол. наук. Архангельск. 2010. 218 с.
8. Новиков Д. Н. Когнитивно-прагматические аспекты современной англистики и общего языкознания. Материалы к спецкурсу. М., МГИМО, 2007. 134 с.
9. Dijk, Teun A. van. Discourse and manipulation. Discourse & Society. London, Thousand Oaks, CA and New Delhi. SAGE, 2006. 383 p.

Список источников фактического материала

(Образец ссылки в тексте: (1))

№ в списке	Отчет о заседании	Дата заседания	Обсуждаемый вопрос	Дата обращения
1	S/PV.7269	19 September 2014	Letter dated 13 April 2014 from the Permanent Representative of the Russian Federation to the United Nations addressed to the President of the Security Council (S/2014/264)	19.01.2016
2	S/PV.7287	24 October 2014	Letter dated 28 February 2014 from the Permanent Representative of Ukraine to the United Nations addressed to the President of the Security Council (S/2014/136)	19.01.2016

№ в списке	Отчет о заседании	Дата заседания	Обсуждаемый вопрос	Дата обращения
3	S/PV.7219	18 July 2014	Letter dated 28 February 2014 from the Permanent Representative of Ukraine to the United Nations addressed to the President of the Security Council (S/2014/136)	15.01.2016
4	S/PV.7165	29 April 2014	Letter dated 28 February 2014 from the Permanent Representative of Ukraine to the United Nations addressed to the President of the Security Council (S/2014/136)	25.12. 2015
5	S/PV.7311	12 November 2014	Letter dated 28 February 2014 from the Permanent Representative of Ukraine to the United Nations addressed to the President of the Security Council (S/2014/136)	19.01.2016
6	S/PV.7157	16 April 2014	Letter dated 28 February 2014 from the Permanent Representative of Ukraine to the United Nations addressed to the President of the Security Council (S/2014/136)	20.12.2015
7	S/PV.7365	21 January 2015	Letter dated 28 February 2014 from the Permanent Representative of Ukraine to the United Nations addressed to the President of the Security Council (S/2014/136)	22.01.2016
8	S/PV.7205	24 June 2014	Letter dated 28 February 2014 from the Permanent Representative of Ukraine to the United Nations addressed to the President of the Security Council (S/2014/136)	25.12.2015
9	S/PV.7185	28 May 2014	Letter dated 28 February 2014 from the Permanent Representative of Ukraine to the United Nations addressed to the President of the Security Council (S/2014/136)	25.12.2015

Сведения об авторах:

Несветайлов Александр Владимирович, переводчик, магистр лингвистики, МГИМО МИД России, Москва, Россия; e-mail: nesvetaylov.a@mail.ru

Новиков Дмитрий Николаевич, к. ф. н., доцент кафедры английского языка №1 МГИМО МИД России, Москва, Россия; e-mail: dnnovikov@mail.ru

THE RUSSIAN-UKRAINIAN CRISIS THROUGH THE LENS OF THE ENGLISH-LANGUAGE POLITICAL DISCOURSE: A CASE STUDY OF US PERMANENT REPRESENTATIVE'S 2014–2016 SPEECHES INVOKING THE IMAGE OF 'ENEMY' AT UN SECURITY COUNCIL IN THE LIGHT OF LINGUISTIC PRAGMATICS

Aleksander V. Nesvetailov

Master of linguistics, MGIMO University, Moscow, Russia; e-mail: nesvetaylov.a@mail.ru

Dmitry N. Novikov

PhD in Linguistics, Associate Professor at English Language Department No.1, MGIMO University, Moscow, Russia; e-mail: dnnovikov@mail.ru

Abstract

The article sets out to describe a number of linguistic-pragmatic persuasive strategies used in the UN Security Council discourse related to the Ukraine crisis and the conflict within Russian-Ukrainian relations following the change of the Ukrainian leadership in 2014. In particular, the authors identify specific language means and pragmalinguistic tactics employed by the former US Permanent Representative to the UN Security Council, Samantha Power, to express the US policy stance while pursuing the strategies of “shaping the Alien circle”, “creating the phantom menace” and “demonizing the Alien circle” in order to discredit the US’s political opponent. Such use of language indicates an attempt to invoke an image of Russia’s isolation and a threat emerging from its actions.

Key words: political discourse, persuasion, persuasive strategies and tactics, discourse of the permanent representative to the UN Security Council.

References:

1. Alieva, T. V. (2013). Jazykovye sredstva realizacii konceptual'noj oppozicii “svoj — chuzhoj” v britanskom politicheskom diskurse [Linguistic means of realization of the conceptual opposition “the friend-the enemy” in the British political discourse]. PhD thesis. M.
2. Belogolova, A. S. (2016). Lingvokognitivnye i pragmaticheskie osobennosti modelirovanija sobytija “mezhdunarodnyj konflikt” v anglo-amerikanskih SMI (na primere konflikt v Sirii) [“International Conflict” Event Modelling as Reflected by the UK and US Media: A Cognitive-Pragmatic Approach — Evidence from the Syrian Conflict]. FGBOU VO MGLU, 2016. P. 42–43.
3. Zarochentseva, A. S., & Novikov, D. N. (2017). Lingvokognitivnye i pragmaticheskie aspekty modelirovanija sobytij tipa “mezhdunarodnyj konflikt” (na primere osvshhenija osvobozhdenija gorodov Mosul i Aleppo v 2016 godu) v “Economist” [A cognitive-pragmatic description of ‘International conflict’ event modelling A case study of Mosul and Aleppo liberation in 2016 as depicted by *The Economist*]. MGIMO University, 2017, 231–237.

4. Dijk, T. (2006). Discourse and manipulation. *Discourse & Society*. London: Thousand Oaks, CA and New Delhi.
5. Dijk, T. (2013). Diskurs i vlast': Reprerentacija dominirivanja v jazyke i komunikaciji [Discourse and Power. Representation of dominating in language and communication]. LIBROCOM.
6. Druzhinin, A. S. (2014). Modelirovanie "psevdoreal'nosti" v amerikanskom predvybornom diskurse posredstvom kontrafaktivnyh konstrukcij anglijskogo jazyka [Modelling of "Pseudoreality" in the American election discourse by means of countrafactuals of the English language]. *Nauchnoe mnenie: nauchnyj zhurnal*. [The Scientific Opinion] (1), 41–45.
7. Druzhinin, A. S. (2016). Parametry pragmaticheskogo analiza predvybornogo diskursa [Characteristics of the pragmatic analysis of the electoral discourse]. *Jelektronnyj nauchnyj zhurnal* [The Electronic Scientific Journal] (9). 158–163.
8. Molodychenko, E. N. (2010). Sozdanie obraza vraga kak persuvazivnaja strategija amerikanskogo politicheskogo diskursa, kognitivnyj i lingvopragmaticheskij analiz (na materiale publichnyh rechej politicheskikh dejatelej 1960–2008 gg) [Creating an image of the enemy as a persuasive strategy of American political discourse, cognitive and linguo-pragmatic analysis Evidence from politicians' public speeches of 1960–2008]. PhD thesis.
9. Novikov, D. N. (2007). Kognitivno-pragmaticheskie aspekty sovremennoj anglistiki i obshhego jazykoznanija. Materialy k spekursu [Cognitive and pragmatic aspects of modern English language theory and general linguistics. Materials for a specialised course]. MGIMO.

Гармонизация межнационального диалога: дискурсивные практики и инструменты

Е. К. Павлова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Аннотация

Предотвращение и урегулирование межнациональных и межконфессиональных конфликтов может быть достигнуто только в результате взаимоприемлемого компромисса и взаимопонимания в политическом дискурсе. Поиск инструментов гармонизации межэтнического и межкультурного политического дискурса и построение гармонизирующих дискурсивных практик стала насущной задачей современной политической лингвистики. Одним из таких инструментов может быть гармонизированный многоязычный политический тезаурус. Тезаурус должен содержать полную информацию о концептах национального политического сознания (дефиниции, номинирующие лексемы, ассоциативные ряды, знаки эмоциональной оценки), о взаимном соответствии и не-

соответствии концептов, а также взаимной лакунарности различных национальных политических концептосфер.

Ключевые слова: гармонизация, политический дискурс, тезаурус, концепт, политическое сознание.

Одной из самых актуальных задач современной политики является задача “гармонизации межнационального и межрелигиозного диалога” [2]. Опыт последних лет показал, что предотвращение и урегулирование межнациональных и межконфессиональных конфликтов возможно только в результате переговорного процесса, конструктивного диалога, политического дискурса, направленного на поиск взаимопонимания и взаимоприемлемого компромисса. Поиск инструментов гармонизации межнационального и межкультурного политического дискурса и конструирование с их помощью гармонизирующих дискурсивных практик является актуальной задачей современной политической лингвистики. Одним из таких инструментов может стать гармонизированный многоязычный политический тезаурус.

С практической точки зрения главная проблема глобального политического дискурса — его дисгармония, то есть недостаток взаимопонимания в дискурсе. Она провоцирует и обостряет межнациональные, межконфессиональные и межцивилизационные конфликты.

Следует разделять прагматически обусловленную и когнитивную дисгармонию. В первом случае причина дисгармонии — конфликт интересов участников дискурса. В качестве примера можно привести дискурс президентской кампании 2016 года в США. Участники такого дискурса, принадлежащие к одной лингвокультурной общности, вполне способны достичь взаимопонимания, но стремятся не к взаимопониманию, а к конфронтации.

В случае же когнитивной дисгармонии ситуация обратная. Участники дискурса, которые являются носителями разных языков и принадлежат к разным культурам и цивилизациям, могут искренне стремиться к взаимопониманию, но не достичь его из-за различий языковых картин мира в их сознании.

Для достижения взаимопонимания в глобальном дискурсе необходимо если не полностью преодолеть, то хотя бы уменьшить дисгармонию до безопасного уровня, то есть стремиться к гармонизации дискурса. Одним из основных инструментов гармонизации межъязыкового и межкультурного политического дискурса мог бы стать многоязычный политический тезаурус нового типа.

Существующие тезаурусы можно разделить на два типа. Первый — идеографические словари, ведущие свою историю от Тезауруса Роже и реализуемые в виде современных лингвистических информационных систем типа WordNet, в которых близкие по смыслу слова сгруппированы в “наборы синонимов” (синсеты) и иерархические отношения устанавли-

ливаются между синсетамы в соответствии с иерархией обозначаемых ими концептов в языковой картине мира. Такие тезаурусы претендуют на описание когнитивной структуры живого языка, а это задача настолько сложная, что результаты пока получаются скромные. Таких тезаурусов мало, интерес представляют, прежде всего, англоязычный WordNet (более 100 тысяч синсетов) и разрабатываемый многоязычный EuroWordNet, включающий семь европейских языков.

Тезаурусы второго типа представляют собой узкоспециализированные поисковые тезаурусы, описывающие концептосферу какой-либо предметной области. Лексический состав таких тезаурусов состоит из терминов, как правило, однозначно обозначающих определённое понятие, а отношения между терминами образуют строгую и однозначную иерархию. Таких тезаурусов много, они компактны и удобны в использовании, но они не отражают концептосферу живого языка и сфера их применения узка.

Для гармонизации политического дискурса был бы полезен тезаурус, сочетающий в себе удобство и компактность поискового тезауруса с возможностью фиксации богатства смыслов и вариативности их лексического выражения в живом языке, которую даёт идеографический тезаурус. Для политической концептосферы создание такого тезауруса представляется возможным, поскольку она является собой относительно небольшую и обособленную часть языковой картины мира. Политический тезаурус должен включать не только термины, но и всю лексику, устойчиво используемую в политическом дискурсе для номинации концептов политической концептосферы. В тезаурус следует также включить концепты, формально не относящиеся к политической концептосфере, но устойчиво используемые в публичном политическом дискурсе. Наконец, концепты должны фиксироваться во всём объёме их содержания: денотативного (дефиниций) и коннотативного (ассоциативный ряд, знак и степень эмоциональной оценки).

В качестве отправной точки для построения такого тезауруса можно предложить многоязычный IREON — “Европейский тезаурус по международным отношениям и регионоведению” [5]. Этот тезаурус включает на настоящий момент девять европейских языков, в том числе русский. Он охватывает более 8200 понятий, большинство из которых представляют собой элементы описания политической картины мира. Однако этот тезаурус не содержит всех элементов, необходимых для выявления когнитивной дисгармонии.

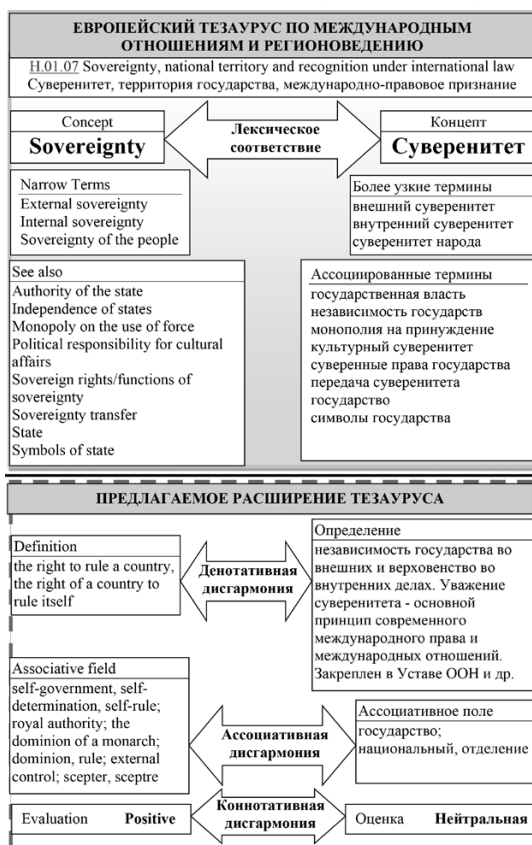
Во-первых, он включает только терминологическую лексику. Но в текстах, характерных для публичного политического дискурса, смысловая основа сообщения, как правило, выражается средствами общепонятной и общеупотребительной лексики и именно такая лексика формирует эмоциональную оценку сообщения, поскольку термины обычно лишены эмоциональной окраски.

Во-вторых, в IREON отражены даже не все термины и не все концепты, значимые для национальных политических концептосфер. В доказа-

тельство можно привести “Словарь текущей политики”, составленный политологом Г. Павловским. В результате контент-анализа публичных выступлений В. В. Путина в период его первого президентства Г. Павловский выделил 53 наиболее значимых концептов российской политической концептосферы. Из этих 53 концептов в русском разделе европейского тезауруса отсутствуют 17, среди которых такие важные концепты, как: глобальные проблемы, права и свободы человека, правосудие и др.

В-третьих, не для всех национальных концептов, включённых в IREON, можно найти лексические и понятийные соответствия в этом тезаурусе на других языках. Например, в русском разделе тезауруса присутствуют концепты: региональная безопасность, правовое государство, деспотия, импичмент, лидерство, оппозиция, унитаризм и др. Однако английские эквиваленты этих концептов не приведены, хотя они существуют.

Рис. 1. Информация о концептах в IREON и предлагаемое её расширение.

И, наконец, главное: IREON не содержит информации о денотативном и коннотативном содержании концептов.

В качестве примера в верхней половине Рис. 1 приведена информация о концепте *суверенитет* в русском языке и *sovereignty* в английском языке, представленная в IREON. Для обоих языков приведены более узкие термины и термины-ассоциаты, логически связанные с данными концептами. Однако в IREON не приводятся дефиниции концептов, поэтому степень соответствия лексем на сигнификативном уровне остаётся неизвестной. Ассоциативные поля концептов представлены только политическими терминами, в то время как эмоционально-оценочные значения концептов часто определяются их ассоциативными связями с концептами, не входящими в политическую концептосферу, но значимыми в рамках данной культуры. Соответственно, в тезаурусе никак не обозначена степень коннотативного соответствия лексем, которые представлены как эквивалентные в двух языках. На основании только этой информации невозможно оценить, будет ли использование этих лексических эквивалентов в переводе эквивалентно с коммуникативной точки зрения.

Будущий многоязычный политический тезаурус, очевидно, должен быть дополнен дефинициями концептов, связанными с ними ассоциативными полями, знаком их оценки в каждом из языков и отметками о наличии или отсутствии когнитивной дисгармонии (нижняя половина Рис. 1). Сопоставление дефиниции концепта *sovereignty* [6] с дефиницией концепта *суверенитет* [4] показывает наличие дисгармонии на денотативном уровне: в русской дефиниции, в отличие от английской, нет упоминания о суверенитете над другими странами. Стереотипы сознания колониальной империи проявляются и в ассоциативном поле концепта *sovereignty*: royal authority; the dominion of a monarch; dominion; external control [7]. Для концепта *суверенитет* подобных ассоциатов не обнаружено [3].

При благоприятных экстралингвистических условиях, таких как наличие политической воли правящих элит к гармонизации концептосфер в сфере политики и отказ от конфронтационной идеологии, предлагаемый тезаурус, содержащий краткую информацию обо всём объёме культурно-специфического содержания каждого концепта в каждом из языков, мог бы стать инструментом гармонизации не только дискурса, но и самих языковых картин мира разных народов и цивилизаций.

Список литературы:

1. Павловский Г. О. Словарь текущей политики. Европа, 2006. [Электронный ресурс]. URL: <http://politike.ru/termin?oldcat=785/> (дата обращения: 10.01.2017).
2. Путин поздравил православных с Рождеством. [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2017/01/07/vladimir-putin-pozdravil-pravoslavnyh-s-prazdnikom-rozhdestva.html/> (дата обращения: 07.01.2017).

3. Русский ассоциативный словарь / Ю.Н. Караулов [и др.]. М.: ООО Изд-во Астрель, ООО “Издательство АСТ”, 2002., Т. 1, 784 с.; Т. 2, 992 с.
4. Энциклопедия Кирилла и Мефодия. [Электронный ресурс]. URL: <http://megabook.ru/> (дата обращения: 10.01.2017).
5. European Thesaurus on International Relations and Area Studies [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ireon-portal.eu/> (дата обращения: 09.01.2017).
6. Macmillan Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <http://www.macmillandictionary.com/> (дата обращения: 11.01.2017).
7. WordNet-Online [Электронный ресурс]. URL: <http://www.wordnet-online.com/> (дата обращения: 11.01.2017).

Сведения об авторе:

Павлова Елена Касимовна, д. ф. н., доцент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия; e-mail: Helen_Pavlova@hotmail.com

HARMONISATION OF INTERETHNIC DIALOGUE: DISCURSIVE PRACTICES AND TOOLS

Elena K. Pavlova

Doctor of Philology, Associate Professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow Russia; e-mail: Helen_Pavlova@hotmail.com

Abstract

Prevention and settlement of interethnic and religious conflicts can be achieved only as a result of mutually acceptable compromise and mutual understanding in political discourse. Looking for tools harmonising interethnic and intercultural political discourse and the construction of harmonising discursive practices became an urgent task for modern political linguistics. Harmonised multilingual political thesaurus could be one of these instruments. The thesaurus should contain full information about the concepts of national political consciousness (definitions, nominating lexemes, associative fields, emotional evaluation), about mutual conformity and inconformity of the concepts as well as mutual lacunarity of different national political conceptospheres.

Key words: harmonisation, political discourse, thesaurus, concept, political consciousness.

References:

1. Pavlovskij, G. (2006). Slovar' tekushhej politiki. Evropa, [The dictionary of current politics. Europe]. Retrieved 10 January, 2017 from <http://politike.ru/termin?oldcat=785/>
2. Putin pozdravil pravoslavnykh s Rozhdestvom [Putin congratulates Russians on Christmas]. Retrieved 10 March, 2017 from <http://tass.com/society/923922>

3. Karaulov, Yu. et al. (2002). Russkij asociativnyj slovar' [Russian associative dictionary]. Moskva: Astrel.
4. Jenciklopedija Kirilla i Mefodija [Cyril and Methodius Encyclopedia]. Retrieved 19 March, 2017 from <http://www.encyclopedia.ru/cat/megaonline/detail/435/>
5. European Thesaurus on International Relations and Area Studies. Retrieved 9 January, 2017 from <https://www.ireon-portal.eu>
6. Macmillan Dictionary. Retrieved 11 January, 2017 from <http://www.macmillan-dictionary.com/>
7. WordNet-Online Retrieved 11 January, 2017 from <http://www.wordnet-online.com/>

Стратегия идеологизации массового сознания в кризисных ситуациях

Е. В. Пильгун

Минский государственный лингвистический университет

Аннотация

В современном глобальном коммуникативном пространстве кризисные ситуации используются для реализации политических амбиций и целей. Кризисная коммуникация даже в случае природных кризисов идеологизируется, а сама ситуация используется как повод для политических спекуляций. Предпринимается попытка выявления и классификации коммуникативных тактик воздействия на массовое сознание в условиях кризисов. Делается вывод о том, что стратегия идеологизации массового сознания в условиях кризисной коммуникации, является наиболее влиятельной на общественное сознание и реализуется во всех видах кризисов, будь то экономические, политические или природные кризисы, а выбор коммуникативных тактик в процессе идеологизации массового сознания в конкретном коммуникативном эпизоде зависит от культурных, пространственно-временных условий существования, а также от социокультурных и личностных характеристик авторов и целевой аудитории.

Ключевые слова: кризисный дискурс, идеологизация, коммуникативные тактики и приемы, интенциональность, кризисная ситуация, массовое сознание.

Каждый коммуникативный акт подчинен целевой установке адресанта и направлен на формирование соответствующей реакции адресата. Разнообразие целеустановок дает основание говорить о существовании характерных коммуникативных стратегий для кризисного дискурса. Одной из таких стратегий является идеологизация, цель которой — удержа-

ние либо захват власти. В основе речевого воздействия данной стратегии лежит восприятие и интерпретация информации коммуникантами. Интерпретация необходима при операциях над знаниями партнера, ценностными категориями, эмоциями, волей. Идеологизация определяет и навязывает готовые типичные модели человеческого поведения.

Идеологизация направлена на структурирование конкретных реальных общественных отношений, где идеология становится отправной точкой для корректирования действительности. В кризисном дискурсе конструирование реальности приобретает ведущую роль, так как выбор и получателя информации, и ракурса, и момента ее преподнесения в зависимости от интенции и цели собеседника, всегда остаются за инициатором коммуникативного эпизода [3, с. 65]. Соответственно, речевое воздействие и идеологизация массового сознания в кризисном дискурсе является результатом формулирования мыслей автором сообщения и их интерпретации реципиентом. Тем не менее набор коммуникативно-стратегических действий позволяет подвести реципиента к “правильному” пониманию ситуации, формированию необходимых выводов. Язык в данном случае выступает орудием скорее для реализации скрытых интенций и замыслов автора, афишируя при этом вполне очевидные цели.

Так как язык как семиотическая система предполагает несовпадение планов содержания и выражения, то появляется возможность вариативного толкования слов и выражений, что приводит к неоднозначной интерпретации, закладывает дополнительные эмоционально-оценочные значения, зависящие от личности автора. Соответственно, возможным становится и применение коммуникативных тактик, реализующих различные интенции.

Дж. Б. Томсон выделяет 4 тактики идеологизации массового сознания: **легализация, утаивание, унификация, фрагментация** [1]. Например, с января 2017 года в прессе введено в употребление и активно обсуждается понятие *политики “демонизации”*, предложенное международной правовой организацией Amnesty International в своем ежегодном отчете. *По мнению правозащитников, в 2016 году политики во всем мире использовали “язык вражды” и это было сопоставимо с уровнем агрессивной риторики 1930-х годов.* Такого рода термины и фразы неизбежно отсылают читателя к предвоенному периоду, позволяет представить в воображении ужасы военного времени, сделать вывод о том, что раз в ход дипломатических обсуждений пошел “язык вражды”, то, следовательно, мир стоит на пороге новой разрушительной войны. Такое нагнетание обстановки в прессе не может не вызывать страх в умах населения, тревогу и чувство опасности. Появление в прессе ряда таких фраз впоследствии приведет к выделению потенциального врага (фрагментация) и одобрению действий властей среди населения (легализация).

Следует отметить группу **аргументативных тактик**, которые основаны на рациональном подходе, призывают к законности установленных

правил и использовании последовательности причин, чтобы убедить аудиторию в законной силе существующих социальных отношений. Их цель — “изменить ‘картину мира’ коммуниканта, которая является лишь частью объективной картины ситуации и представляет собой знания, убеждения, веру, эмоциональное и интеллектуальное состояние коммуниканта” [5, с. 3–20]. Так, человек, получив информацию, считает, что самостоятельно решил принять предложение, не зависимо от чужих приказов и уговоров, проанализировав полученную информацию. Язык как средство осмысленной коммуникации содержит в своей структуре единицы, способные наиболее полно, рационально воплощать замысел говорящего и наиболее эффективно осуществлять его стратегические цели. *Today the migrants are leaving the societies with incomes a fifth or a tenth of those of their target destinations in Europe and the US.* Фактическая информация, приведенная в данном примере, вызывает жалость и сочувствие по отношению к мигрантам у читателей, тем самым реализуя основной замысел статьи — убедить в безобидности мигрантов и нейтрализовать негативное отношение к ним.

Одним из эффективных тактик идеологизации массового сознания является **мифотворчество**, цель которого — обеспечение поддержки масс [7, с. 96–101]. Разработка идеологии предполагает использование специальных механизмов, способных обеспечить ей аксиологическую нагруженность и системность, а, следовательно, эффективность и результативность воздействия на сознание человека или группы. **Мифологизация** — способ формирования “картины мира”. Главной задачей мифологизации является активизация стереотипов, заложенных в подсознании. Массовое сознание с помощью воображения само дописывает недостающие черты. В таком случае задача СМИ заключается в том, чтобы стереотипизировать мышление людей, а власти — действовать в соответствии с ожиданиями, заложенными в массовом сознании.

Стереотипизация — создание устойчивой совокупность представлений, складывающихся в сознании, как на основе личного жизненного опыта, так и с помощью многообразных источников информации [6, с. 459]. Стереотипы составляют основу мифов, на которых базируется любая идеология, и обладают внушающим действием. *They came poor but they didn't create an underclass.* Кроме того, для создания идеологических стереотипов используются приемы — прямой лжи, дезинформации, замалчивания. Язык в процессе стереотипизации несет большую пропагандистскую нагрузку [4]. *The paper cites information from the Italian police authorities saying that 200 000 migrants were preparing to board shoddy vessels.* Употребление слова *shoddy* в данном контексте носит явную эмоционально-оценочную коннотацию, которая интерпретируется как нежелательное явление в обществе, создавая стереотип опасности при упоминании слова мигрант.

Кроме этого, текст оперирует символами — **тактика символизации**. Успех ее предопределяется тем, насколько символы созвучны массо-

вому сознанию: автор должен уметь затронуть нужную струну в этом сознании; высказывания политика должны укладываться во “вселенную” мнений и оценок его адресатов, “потребителей” дискурса [2, с. 35]. *Ebola is very unlikely to become the next Black Death. When a disease on US soil spreads to multiple states, the federal government takes over using the Incident Command Structure... — the same mechanism that is triggered in the event of natural disaster or terrorist attack.* Black Death — пандемия чумы, символ смерти, разрушения. Данный пример естественного кризиса демонстрирует действия властей, в случае распространения эболы, заверяя граждан, что вполне готовы справиться с кризисной ситуацией, внушая в массовое сознание понимание того, что власть надежна, ей следует доверять.

Ссылка на авторитетность источника является также **тактикой**, апеллирующей к особому характеру личности автора. Хотя, автор не обязательно должен быть популярным, но быть профессионалом в своей области.

Тактика изменения действительности используется для коррекции действительности, наделяя их приобретенными положительными или отрицательными коннотациями. Употребление стилистически нейтрального слова или выражения, употребляемое вместо синонимичной языковой единицы, которая представляется говорящему неприличной, грубой или нетактичной — эвфемизация, либо замена на более яркую, эмоционально окрашенную лексику. *European plans for a military campaign to smash the migrant smuggling networks ... Libya may also be needed to destroy the smugglers' vessels and assets.*

Таким образом, стратегия идеологизации реализуется посредством коммуникативных тактик, выбор которых в конкретном коммуникативном эпизоде зависит от культурных, пространственно-временных условий существования, а также от социокультурных и личностных характеристик авторов и целевой аудитории.

Список литературы:

1. Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. 2002. №3. С. 32–43.
2. Засурский Я. Н. Стереотипизация как метод пропаганды. Техника дезинформации и обмана. М.: “Мысль”, 1978. [Электронный ресурс]. URL: <http://psyfactor.org/lib/stereotype10.htm/> (дата обращения: 15.12.2016).
3. Сергеев В. М. Когнитивные методы в социальных исследованиях. Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987. 464 с.
4. Фролов И. Т. Стереотип социальный. Философский словарь. М., 1986. 605 с.
5. Феденева Ю. Б. Метафорическое моделирование в российском политическом дискурсе / Ю. Б. Феденева, А. П. Чудинов. Политический дискурс в России-3. Материалы рабочего совещания. Часть 1. М., 1999. 350 с.

6. Чернейко Л. О. Дискурс: языковая реальность или лингвистическая мифология / Л. О. Чернейко [и др.] // Дискурс и стиль: теоретические и прикладные аспекты. М., 2016. 268 с.
7. Thompson J. V. Ideology [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cultsock.org/index.php?page=/media/ideoldet.html/> (дата обращения: 10.12.2016).

Сведения об авторе:

Пильгун Елена Витальевна, аспирант, Минский государственный лингвистический университет; старший преподаватель, Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь; e-mail: elenpilgun@gmail.com

**STRATEGIES OF IDEOLOGIZATION OF MASS CONSCIENCE
IN CRISIS SITUATIONS**

Elena V. Pilgun

PhD student, Minsk State Linguistic University; Senior lecturer, Belarusian State University Minsk, Belarus; e-mail: elenpilgun@gmail.com

Abstract

In today's global communicative space, crisis situations are used to realize political ambitions and goals. Crisis communication, even in the case of natural crises, is ideologized, and the situation itself is used as an excuse for political speculations. An attempt to identify and classify communicative tactics of mass consciousness ideologization in different crises is made. The strategy of ideologizing in crisis communication is the most influential on public consciousness and is realized in all types of crises, be they economic, political or natural crises. The choice of communicative tactics in the process of mass consciousness ideologization in a particular communicative episode depends on cultural, spatial and temporal conditions as though as personal and sociocultural characteristics of the author and target audience.

Key words: crisis discourse, ideologization, communicative tactics and modes, intentionality, crisis situation, mass consciousness.

References:

1. Dem'iankov, V. Z. (2002). Politicheskii diskurs kak predmet politicheskoi filologii [Political Discourse as a Subject of Political Philology]. *Politicheskaiia nauka. Politicheskii diskurs: Istoriiia i sovremennye issledovaniia* [Political science. Political Discourse: History and Modern Studies], 3, 32–43.
2. Zasurskii, Ia. N. (1978). Stereotipizatsiia kak metod propagandy. Tekhnika dezinformatsii i obmana [Stereotyping as a method of propaganda. The technique of misinformation and deception]. Moskva: "Mysl". Retrieved 15 December, 2016 from: URL: <http://psyfactor.org/lib/stereotype10.html/>.

3. Sergeev, V.M. (1987). Kognitivnye metody v sotsial'nykh issledovaniiah. Iazyk i modelirovanie sotsial'nogo vzaimodeistviia [Cognitive methods in social studies. Language and modeling of social interaction]. Moskva.
4. Frolov, I. T. (1986). Stereotip sotsial'nyi [Social Stereotype]. Filosofskii slovar' [Philosophical Dictionary] Moskva.
5. Fedeneva, Iu. B. (1999). Metaforicheskoe modelirovanie v rossiiskom politicheskom diskurse [Metaphorical modeling in Russian political discourse] / Iu. B. Fedeneva, A. P. Chudinov. *Politicheskii diskurs v Rossii-3. Materialy rabochego soveshchaniia* [Political discourse in Russia-3. Workshop materials], Chast' 1.
6. Cherneiko, L. O., et al. (2016). Diskurs i stil': teoreticheskie i prikladnye aspekty [Discourse: language reality or linguistic mythology]. *Diskurs i stil': teoreticheskiye i prikladnyye aspekty* [Discourse and style: theoretical and applied aspects]. Moskva.
7. Thompson, J.B. Ideology. Retrieved 10 December, 2016 from: URL: <http://www.cultsock.org/index.php?page=/media/ideoldet.html/>.

Лингвистические особенности реализации стратегии аргументации в англоязычном политическом дискурсе (на примере предвыборных выступлений Д. Трампа и Х. Клинтон)

М.Д. Рыжикова

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

Аннотация

Цель исследования заключается в сравнительном анализе реализации аргументативной стратегии в предвыборных речах кандидатов на пост президента. Политический дискурс представляется как одна из сфер коммуникации, которой присуще аргументирование в качестве средства оказания влияния на реципиента. Результаты исследования свидетельствуют о том, что стратегия аргументации проявляется тактиками контрастивного анализа, указания на перспективу, обоснованных оценок, иллюстрирования. Описываются особенности функционирования исследуемой стратегии. Определяются лингвистические приемы аргументации. Тактика контрастивного анализа проявляется посредством превосходной степени имен прилагательных и полисиндетона. Тактика перспективы подчеркивает стратегические цели и намерения говорящего с помощью инфинитивных и параллельных конструкций, будущего неопределенного времени глаголов, а также средств модальности. Тактика обоснованных оценок, реализующаяся сложными предложениями с придаточными причины и следствия, нацелена на аргументирование субъективного мнения адресанта. Тактика иллюстрирования, способствующая описанию конкретных данных, выражается определительными предложениями и сравнительными конструкциями.

Ключевые слова: политический дискурс, стратегия аргументации, коммуникация, языковые средства, предвыборное выступление.

Актуальность исследования политического дискурса определяется утверждением Ю. Н. Караулова о том, что данная сфера отражает состояние общества в целом и общественного сознания не только сквозь призму политики, но и лингвистики и культуры [4]. Теоретические и практические разработки такого рода способствуют развитию такой формы коммуникации, которая бы обеспечивала возможность достижения общественного согласия [2]. Такой же цели служит изучение аргументации, которая также апеллирует к ценностной системе данного социума [3, с. 154]. Так, исследование “языковой оболочки аргументации” [3, с. 154] в политическом дискурсе позволит установить способы воздействия на сознание масс.

Цель статьи заключается в определении вербальных аргументативных приемов английского языка, которые использует говорящий в политической коммуникации.

Предметом исследования послужил американский политический дискурс, а объектом — языковые средства выражения аргументации.

Материалом для анализа послужили тексты выступлений Хилари Клинтон и Дональда Трампа за 2015–2016, выбранные из интернет-источников методом сплошной выборки.

Предвыборное выступление представляется как вид устного выступления политика, который характеризуется подготовленной аргументацией [3, с. 153]. Коммуникативные приемы классифицируются вслед за Е. И. Шейгал [8], А. Н. Барановым [2] и А. Д. Беловой [3]. В ходе исследования было определено, что аргументативная стратегия реализуется благодаря следующим тактикам: 1) тактика контрастивного анализа, которая основывается на приеме сопоставления фактов, событий, результатов, прогнозов и воспринимается адресатом как убедительные аргументы; 2) тактика перспективы, направленная на выражение стратегической цели, позиции и намерения говорящего, которая позволяет политическим деятелям прогнозировать будущие события; 3) тактика обоснованных оценок, с помощью которых адресант высказывает субъективную оценку; 4) тактика иллюстрирования, посредством которой сказанное подтверждается фактами и примерами.

Анализ показал, что в качестве техник аргументации используются языковые средства разных уровней, которые выделялись согласно типологий, предложенных А. П. Чудиновым [7], Д. Э. Розенталем [6], И. В. Арнольд [1] и О. И. Мацько [5].

В предвыборных речах исследуемая стратегия реализуется следующим образом:

1. тактика контрастивного анализа — посредством превосходной степени имен прилагательных (Д. Трамп: “*Our labor participation rate was the worst since 1978*”; Х. Клинтон: “*When President Clinton honored the*

bargain, we had the longest peacetime expansion in history, a balanced budget, and the first time in decades we all grew together, with the bottom 20 percent of workers increasing their incomes by the same percentage as the top 5 percent”), а также полисиндетона (Х. Клинтон: “*But, it’s not 1941, or 1993, or even 2009. We face new challenges in our economy and our democracy*”);

2. тактика перспективы — с помощью использования инфинитивных конструкций, которые начинают предложения (Х. Клинтон: “*To meet every challenge. To be resilient... no matter what the world throws at you. To solve the toughest problems*”), будущего неопределенного времени глаголов, выражающего обещание (Х. Клинтон: “*I will rewrite the tax code*”; Д. Трамп: “*I will stop Iran from getting nuclear weapons*”, “*I will immediately terminate President Obama’s illegal executive order*”), модальных глаголов, указывающих на возможность (Х. Клинтон: “*I believe you should have the right to earn paid sick days. I believe you should*”) и параллельных конструкций (Д. Трамп: “*We need a leader that wrote “The Art of the Deal.” We need a leader that can bring back our jobs*”);
3. тактика обоснованных оценок — через сложные предложения с придаточными следствия и причины (Х. Клинтон: “*We’re still working our way back from a crisis that happened because time-tested values were replaced by false promises*”; Д. Трамп: “*But they’re going to have incentive to work, because the greatest social program is a job*”);
4. тактика иллюстрирования — с помощью определительных предложений, сравнительных конструкций (Д. Трамп: “*I have a friend who’s a doctor, and he said to me the other day, “Donald, I never saw anything like it. I have more accountants than I have nurses. It’s a disaster*”), перечисления (Д. Трамп: “*We spent \$2 trillion in Iraq, \$2 trillion*”, “*... the real number is anywhere from 18 to 19 and maybe even 21 percent*”).

В ходе исследования установлено, что Х. Клинтон, посредством стратегии аргументации, апеллирует к таким ценностям, как *America, family, parents, prosperity, work*. В своих выступлениях политик зачастую поднимает актуальные проблемы, связанные с низкой заработной платой, образовательной сферой и ущемлением прав людей, например: “*You worked extra shifts, took second jobs, postponed home repairs... you figured out how to make it work*”. Также было отмечено использование цитат или ссылок на известных людей. Так, Х. Клинтон ссылается на Ф. Рузвельта в качестве образчика, который мог вселить надежду в сердца людей на преодоление сложностей.

В политических выступлениях Д. Трампа прослеживаются такие концепты, как *labor, trade, manufacture, money, America*. При этом, аргументируя, политик, как правило, ссылается на статистические данные, например: “*So I put together this statement, and the only reason I’m telling you about it today is because we really do have to get going, because if we have another three or four years — you know, we’re at \$8 trillion now. We’re soon going to be*

at \$20 trillion. According to the economists — who I'm not big believers in, but, nevertheless, this is what they're saying — that \$24 trillion — we're very close — that's the point of no return. \$24 trillion”.

Таким образом, исследование показало, что как в предвыборных речах Х. Клинтон, так и в выступлениях Д. Трампа стратегия аргументации реализуется с помощью степеней сравнения имен прилагательных, будущим неопределенным временем глаголов, сложными предложениями с придаточными причины и следствия, а также перечисления. В отличие от Х. Клинтон, которой свойственно использовать полисиндетон, инфинитивными конструкции, средства модальности, для Д. Трампа характерно употребление параллельных конструкций и определительных придаточных предложений. Различными представляются и ценности, к которым апеллируют политики: для Х. Клинтон такими являются Америка, семья, права и свободы человека, тогда как Д. Трамп концентрируется на деловой сфере.

В дальнейшем возможно исследование других стратегий политического дискурса, в том числе в диахроническом аспекте.

Список литературы:

1. Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка. М.: Высшая школа, 1986. 464 с.
2. Баранов А. Н. Парламентские дебаты: традиции и новации / А. Н. Баранов, Е. Г. Казакевич. М.: Знание, 1991. 63 с.
3. Белова А. Д. Лингвистические аспекты аргументации: монография / А. Д. Белова; отв. ред. А. И. Чередниченко. 2-е изд., перераб и доп. Киев: Логос, 2003. 304 с.
4. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.
5. Мацько Л. І. Риторика: Навч. посіб. / О. М. Мацько, Л. І. Мацько. [2-ге вид., стер.]. К.: Вища шк., 2006. 311 с.
6. Розенталь Д. Э. Справочник по правописанию, произношению и литературному редактированию / Д. Э. Розенталь, Е. В. Джанджакова, Н. П. Кабанова [Электронный ресурс]. URL: <http://www.e-reading.club/book.php?book=1015483/> (дата обращения: 01 марта 2017 г.).
7. Чудинов А. П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации // Политическая лингвистика. Вып. 2 (40). М., 2012. С. 53–59.
8. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М.: ИТДГК “Гнозис”, 2004. 326 с.

Сведения об авторе:

Рыжикова Марина Дмитриевна, к. ф. н., доцент кафедры теории языка, литературы и социолингвистики Института иностранной филологии, Таврическая академия Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия; e-mail: marinaryzhikova@yandex.ru

**LINGUISTIC PECULIARITIES OF REALISATION
OF ARGUMENTATION STRATEGY IN ENGLISH POLITICAL
DISCOURSE (ON THE DATA OF ELECTION SPEECHES
OF D. TRUMP AND H. CLINTON)**

Marina Ryzhikova

Associate Professor at the department of theory of language, literature and sociolinguistics of the Foreign Languages Institute of Taurida academy of V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia; e-mail: marinaryzhikova@yandex.ru

Abstract

The aim of the research is to provide a comparative analysis of realization of argumentative strategy in presidential election speeches. Political discourse is viewed as a communicative field characterized by argumentation as a way of influencing a recipient. The results of the study prove that the strategy of argumentation reveals through the following tactics: contrastive analysis, perspective outline, well-founded evaluation, and illustration. Specific features of functioning of the strategy under investigation are described. Linguistic means of argumentation are determined. The tactics of contrastive analysis is realized by degrees of comparison of adjectives and polysyndeton. The tactics of perspective outline emphasizes strategic aims and intentions of the speaker by means of infinitive and parallel constructions, the Future Indefinite Tense, and ways of expressing modality. The tactics of well-founded evaluation realized by complex sentences with subordinate clauses of cause and reason aims at justifying the speaker's subjective point of view. The tactics of illustration reinforces the speech with certain facts with the help of relative clauses and comparative constructions.

Key words: political discourse, argumentation strategy, communication, language means, election speech.

References:

1. Arnold, I. V. (1986). *Leksikologiya sovremennogo angliiskogo yazyka*. [Lexicology of Modern English]. Moskva: Vysshaya shkola.
2. Baranov, A. N. (1991). *Parlamentskie debaty: traditsii i novazii* / A. N. Baranov, E. G. Kazakevich. [Parliamentary debates: traditions and innovations]. Moskva: Znanie.
3. Belova, A. D. (2003). *Lingvisticheskie aspekty argumentazii: monografiya*. Otv. red. A. I. Cherednichenko. Izd. 2-e, pererab. i dop. [Linguistic aspects of argumentation: monograph]. Kiev: Logos.
4. Karaulov, U. N. (2010). *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost*. Izd. 7-e. [The Russian language and language identity]. Moskva: Izdatelstvo LKI.
5. Mazko, L. I. (2006). *Ritorika: Navch. posib.* / O. M. Mazko, L. I. Mazko. [2-ge vyd., ster.]. [Rhetorics: coursebook]. Kiev: Vysshaya shk.

6. Rozental, D. E. (2017). Spravochnik po pravopisaniiu, proiznosheniiu i literaturnomy redaktirovaniu / D. E. Rozental, E. V. Dzhandzhakova, N. P. Kabanova [Reference on spelling, pronunciation and literature editing]. Retrieved 01 March, 2017 from <http://www.e-reading.club/book.php?book=1015483/>.
7. Chudinov, A. P. (2012). Diskursivnie harakteristiki politicheskoi kommunikazii [Discourse characteristics of political communication]. *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics], 2 (40), 53–59.
8. Sheigal, E. I. (2004). Semiotika politicheskogo diskursa. [Semiotics of political discourse]. Moskva: ITD GK “Gnosis”.

Роль антонимов в реализации речевого акта опровержения в текстах оппозиционного англоязычного политического дискурса

И. Г. Рябцева

Донской государственный технический университет

Аннотация

Статья рассматривает различные виды антонимических оппозиций и их роль в реализации речевого акта опровержения в текстах оппозиционного англоязычного политического дискурса. В основе речевого акта опровержения лежат антонимические отношения, которые могут быть выражены как эксплицитно, так и имплицитно. В исследуемом типе текста особый интерес для нас представляет имплицитная антонимия, которая является одним из видов текстообусловленной антонимии, получающей реализацию только в связном тексте посредством различных типов имплицитных антонимических оппозиций. Они могут быть выражены через антонимичные временные формы, различные формы наклонения, дисфемизмы, прецедентные феномены и риторические вопросы. Имплицитно выраженная антонимия, реализующая скрытый контраст, содержит значительный эмоционально-оценочный потенциал, что способствует достижению прагматического эффекта опровержения.

Ключевые слова: текстообусловленная антонимия, имплицитная антонимия, имплицированный смысл, опровержение, скрытое отрицание, рефлексив, прецедентные феномены.

Прагматическая установка оппозиционного политического дискурса на изобличение политических оппонентов во лжи, разоблачение политических мифов и ложных установок своих противников, восстановление истины с позиции адресанта стимулирует широкое использование антонимических оппозиций в данном типе дискурса при реализации речевого акта опровержения.

В основе речевого акта опровержения лежат отношения противоположности, способствующие реализации иллюкутивной силы опровержения. Поскольку в данном случае целью воздействия на сознание адресата является его убеждение / переубеждение через доказательство обратного, достаточно интересным представляется рассмотреть экспрессивный потенциал антонимов (антонимических оппозиций), являющихся одним из средств создания отношений противоположности и контраста.

Материалом исследования послужили примеры из аналитических статей оппозиционной прессы, представленной журналами *Executive Intelligence Review (EIR)* и *Economist (Ec)* за период 2000–2017 гг.

Четкая коммуникативно-прагматическая направленность текстов политической аналитики, их отнесенность к вторичному оценочно-критическому жанру обуславливает обязательное наличие в данном типе текстов антонимических оппозиций, способствующих созданию контраста, который, в свою очередь, является действенным средством воздействия на сознание адресата.

Под антонимической оппозицией мы понимаем семантическую структуру, члены которой находятся в отношении строгого взаимоисключения. В зависимости от уровня языковой системы они могут быть представлены лексической, грамматической, лексико-грамматической антонимией. Но в исследуемом типе текста особый интерес для нас представляет текстообусловленная антонимия, которая, по мнению Н. Б. Боевой-Омелечко получает реализацию только в синтагматике, в составе связанного текста [1, с. 51].

Одним из видов *текстообусловленной антонимии*, выделенных автором, является *имплицитная антонимия*, заключающаяся в том, что «один из членов оппозиции не имеет своего словесного выражения, но постигается адресатом и может быть эксплицирован по аналогии с идентичными эксплицитными оппозициями на основании смысла контекста» [2, с. 128–134].

Имплицитность в целом представляет собой весьма существенный способ передачи информации, способствующий выявлению более полной картины соотношения языка и мышления. Как справедливо указывает В. Е. Чернявская, непрямая коммуникация рассматривается как первичная и наиболее эффективная форма речевого общения [3, с. 11]. Концентрируясь на эксплицитно закодированной информации, адресат может упустить из вида имплицитно передаваемую информацию, которая в меньшей мере контролируется его сознанием. Поэтому при прочтении и интерпретации текста от адресата требуются специальные усилия для декодирования дополнительных скрытых смыслов, которые могут нести более значимую информацию.

Имплицитно выраженная антонимия подталкивает адресата к активной рефлексивной деятельности. При этом имплицитно выраженная информация содержит значительный эмоционально-оценочный потенциал,

способствующий достижению прагматического эффекта опровержения. В результате проведенного исследования нами были выделены следующие типы имплицитных антонимических оппозиций.

- Предложения, дающие контрастное описание предшествующего и настоящего положения дел и содержащие антонимичные временные формы.

[1] (1) *During most of the years since the beginning of 1969, we **have been told, and told, and told**, over three decades that **our economy has been growing**...* (2) *Look about us county by county across the U.S.A. (3) Remember the farms, <...> the health-care standards, and so forth...Pull out the photographs <...>* (4) *Then, holding these pictures before your eyes, see the same locations today* [EIR Apr.22, 2005]. В данном примере цепочка предложений (директивов 2, 3, 4), призывающих посмотреть на современное положение дел, выявляет имплицированный смысл **our economy is in bad shape now**, что способствует выявлению факта лжи и несоответствия истинному положению дел.

[2] (1) *Growth is fast, unemployment is low and profits are fat. <...>* (2) *Yet many people feel unhappy about the American model. (3) The middle class — admittedly a vague term in America — feels squeezed. (4) A college degree **is no longer** a passport to ever-higher pay* [EC. June 17, 2006]. В данном примере с помощью эксплицитно выраженного отрицания **is no longer** (Present Simple) имплицитно представлена информация о том, что было по-другому **It used to be like that but not anymore**.

- Отдельно стоит выделить случаи скрытого отрицания, которое может передаваться имплицитно в утвердительных предложениях путем замены прямого отрицания наречиями минимизирующего значения (*few, little*), наречиями негативного значения (*hardly, barely, scarcely*) или соответствующими глаголами типа *fail, lack* и пр., что придает высказыванию опровергающее звучание. Это имеет место в тех случаях, когда предложение, в котором нет эксплицитно выраженного отрицания, приобретает отрицательное значение благодаря контексту. Приведем пример.

[3] *According to the latest Gallup survey **fewer than four out of ten** think it is (economy) in “**excellent**” or “**good**” shape...The white House professes to be **untroubled*** [Ec. June 17, 2006]. В данном предложении скрытое отрицание подразумевает противоречие между желаемым и действительным. Использование кавычек уже само по себе является имплицитным языковым средством выражения оценки и свидетельствует о несогласии адресанта с отнесением того или иного понятия к подразумеваемому денотату и способствует выявлению имплицированного смысла **economy is in bad shape**.

- Предложения с формами изъявительного наклонения, вступающие в противоречие с предложениями, содержащими формы сослагательного наклонения.

[4] “(1) *The world’s environment is surprisingly healthy. Discuss.*” (2) *If that were an examination topic, students would tear it apart, offering a long list of laments: from local smog to global climate change* [Ec. Sept.11, 2000]. Смысл предложения (2) в форме сослагательного наклонения опровергает утверждение, данное в предложении (1) и достаточно емко и лаконично выявляет имплицированный антоним *The world’s environment is not healthy.*

[5] (1) *The civil lawsuit holds HSBC (the Hong Kong and Shanghai Banking Corporation), accountable as an integral part of that international drug and murder apparatus. (2) Were it not for the Obama Administration’s policy <...>,” HSBC would have had its charter to do business in the United States cancelled immediately after the release of the Senate investigation, and top executives would have been thrown in jail as part of a narcotics racketeering prosecution* [EIR Feb.19, 2016]. Предложение (2) с формой сослагательного наклонения помогает выявить имплицированный антонимичный смысл *Because of Obama Administration’s policy executives were not thrown in jail and were not held accountable.*

- Предложения, содержащие *разоблачение эвфемизма* (или *речевой акт дисфемизации*). Между эвфемизмом и его дисфемизмом устанавливаются сложные семантические отношения, которые дополняют, расширяют или специфицируют значение эвфемизма и таким образом доказывают обратное. Сложный характер семантических отношений, складывающийся между эвфемизмом и дисфемизмом, обуславливает специфику *синтаксических способов дисфемизации*. Как правило, между ними устанавливаются антонимические отношения, реализуемые с помощью противительных союзов и конструкций, условных, уступительных или причинно-следственных придаточных предложений. Покажем это на примере:

[6] *It (commission) found that the dead civilians were shot by marines, not killed by an insurgents’ bomb, but concluded that the killings were “collateral damage” rather than murder. Top brass were not satisfied with this conclusion and launched a criminal probe, which is still underway* [Ec. June 3, 2006].

В данном примере мы наблюдаем расшифровку эвфемизма “*collateral damage*”, из которого изъята сема “уничтожение человека”. Между ним и его дисфемизмом *murder* устанавливаются антонимические отношения с помощью конструкции *rather than*, которая выражает предпочтение одного понятия другому. Противоречие между двумя понятиями подкрепляется контрастным употреблением эксплицитно выраженных текстообусловленных антонимов *were shot — not killed* с указанием на агента действия *by marines*, что является синтаксическим средством дисфемизации.

- Следующим способом создания имплицитной антонимии в речевом акте опровержения служат *риторические вопросы*, стимулирующие рефлексивную активность адресанта и побуждающие его к умозаключениям. Будучи имплицитным выражением отрицания, риториче-

ческий вопрос способствует выявлению имплицитно выраженного антонимического смысла. Например:

[7] (1) ***This prating nowadays by both the Israeli and the Americans about wanting democracy is pure and unmitigated nonsense.*** <...> (2) *Now, what about the Americans?* (3) ***Do the Americans want democracy in the Middle East?*** (4) ***Do the Americans want the oil wells of Iraq and Saudi Arabia controlled by regimes which are revolutionary?*** (5) *Mr. Bush wants that like he wants a hole in the head* [EIR, Feb. 11, 2005].

Риторические вопросы (3, 4) фактически содержат утверждение о лживой политике США на Ближнем Востоке, которое усиливается метафорическим противопоставлением ***wants that like he wants a hole in the head*** в (5).

- Наличие ссылок на *прецедентные феномены*, разного рода *аллюзий* также может выступать в качестве косвенного маркера имплицитно вводимого антонимического смысла. Данный прием свидетельствует о желании адресанта заявить о несоответствии положения вещей в прошлом объективному положению дел в настоящем. Анализ примеров показывает, что основная масса используемых прецедентных феноменов имеет негативную коннотацию, за счет которой осуществляется перенос закрепленной за этими событиями негативной оценки в конкретную коммуникативную ситуацию, способствуя опровержению. Например:

[8] <...> *the problem that America is going to face, is the psychological disorientation that has come about in people you have deployed in Iraq.* <...> (1) ***Throughout America's history, there have been parades in New York and Midwestern towns when the soldiers returned from foreign wars.*** (2) *They were welcomed back as heroes.* (3) ***This time, when the soldiers go back from Iraq, there are going to be no yellow ribbons on the trees. They are going to slink back!*** [EIR Feb. 11, 2005].

В этом высказывании имеет место обращение к прецедентной ситуации из истории Америки, которая имеет положительную коннотацию (желтые ленты на деревьях традиционно являются символами поддержки и солидарности в Америке). Но в предложении (3) автор помещает некоторые признаки этой ситуации в негативный контекст ***there are going to be no yellow ribbons on the trees***, что позволяет говорить об имплицитной оппозиции ***they won't be welcomed back as heroes***. Изложенное выше свидетельствует о том, что нестандартные имплицитные способы передачи противопоставления способствуют выявлению имплицитного антонимического смысла, повышают экспрессивность речи и помогают в достижении прагматического эффекта опровержения.

Список литературы:

1. Боева-Омелечко Н.Б. Текстобусловленная антонимия в художественном произведении // Язык, культура, речевое общение. М.: Московский гуманитарный институт им. Е. Р. Дашковой. 2013. №1. С. 50–57.

2. Боева (Боева-Омелечко) Н.Б. Грамматическая антонимия в современном английском языке: монография. М.: Готика, 2000. 160 с.
3. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: учебное пособие. М.: Флинта, Наука, 2006. 136 с.

Сведения об авторе:

Рябцева Ирина Геннадьевна, к. ф. н., доцент, Донской государственной технической университет, Ростов-на-Дону, Россия; e-mail: irina-17@yandex.ru

**THE ROLE OF ANTONYMS IN SPEECH ACTS
OF REFUTATION IN THE ENGLISH-LANGUAGE OPPOSITIONAL
POLITICAL DISCOURSE**

Irina G. Ryabtseva

Associate Professor, Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia;
e-mail: irina-17@yandex.ru

Abstract

The article discusses various types of antonymic oppositions and their role in the speech act of refutation in the texts of the English language oppositional political discourse. Antonymic relations serve as the basis of the speech act of refutation. They may be represented both explicitly and implicitly. But implicit antonymy is more difficult to identify, since it is one of the types of textually dependent antonymy and becomes effective only in the coherent text. They could be implemented through antonymic tense forms, adverse mood forms, implicit negation, disphemization, precedent phenomena and rhetoric questions. Implicit antonymy based on the implicit contrast effectively serves the reaching of the pragmatic effect of refutation.

Key words: textually dependent antonymy, implicit antonymy, refutation, implied negation, reflexive, precedent phenomena, disphemization.

References:

1. Boyeva-Omelechko, N. B. (2013). Tekstoobuslovlennaya antonimiya v hudozhestvennom tekste [Textually Dependent Antonymy in a Work of Fiction]. *Yazyk, kultura, rechevoye obshheniye [Language, Culture, speech Communication]*, 1, 50–57.
2. Boyeva-Omelechko, N. B. (2000). Grammaticheskaya antonimiya v sovremennom anglijskom yazyke [The Grammatical Antonymy in the Modern English Language]. Moskva: Gotika.
3. Chernyavskaya, V.E. (2006). Diskurs vlasti I vlast diskursa: problemy rechevogo vozdeistviya [The Discourse of Power and the Power of Discourse: Problems of Speech Influence]. Moskva: Flinta, Science.

Категория эвиденциальности в языке СМИ

(на примере болгарских, английских и русских текстов
из новостных источников)

Н. В. Сивенкова

Санкт-Петербургский государственный университет

Аннотация

В последнее время на фоне возрастающего интереса к так называемым “фейковым новостям” все более актуальным при исследовании языка СМИ становится изучение категории эвиденциальности. В болгарском языке для выражения несвидетельского повествования существуют особые “формы пересказа”. В последние годы в болгарских СМИ такие формы все чаще встречаются не только в текстах статей, но и выносятся в заголовки и аннотации. Английские и русские тексты не предоставляют подобных “маркеров”. В результате анализа форм подачи материала в болгарских, русских и англоязычных изданиях напрашивается вывод о наличии существенных различий в обозначения информации как относительно недостоверной. Болгарские издания являются своеобразной “лакмусовой бумажкой”, чутко реагирующей на двойную стандартизацию или противоположные трактовки. Тенденция к использованию форм пересказа имеет определенную “стабильность” и своеобразные “пики активности” по тем или иным инфоподам. В наименьшей мере маркируются как “сомнительные” новости, предлагаемые англоязычными сайтами. Не только в силу отсутствия форм ренарратива, но и с определенной идеологической целью — для поддержания имиджа новостной компании. Российские СМИ предлагают множество лексических средств — от нейтральных до весьма эмоционально окрашенных. В наше время степень перепроверки “фэйковости” новостей сильно различается, и гарантировать безупречную достоверность ретранслируемых новостей почти невозможно, поэтому имеет смысл обращать внимание на способы интерпретации сообщения, в том числе грамматические, в тех языках, где это предусмотрено самой языковой системой.

Ключевые слова: эвиденциальность, формы пересказа, язык СМИ, болгарский язык, стилистика.

В болгарском языке для выражения несвидетельского повествования существуют “формы пересказа” — особая грамматическая категория, которую некоторые исследователи ранее считали наклонением. В английском и русском языках грамматических средств для этого не предусмотрено, используются лексические единицы. В последние годы в болгарских СМИ “формы пересказа” все чаще встречаются не только в текстах статей, но и выносятся в заголовки и аннотации. Таким образом, сигнал о не/доверии к источнику появляется в самом начале текста. Английские и русские тексты

не предоставляют таких маркеров. Сопоставительный анализ форм подачи материала в болгарских, русских и англоязычных изданиях велся несколько месяцев (преимущественно использовались материалы сайтов News.bg, BBC.com, Lenta.ru, “Известия”, телеканалы “Россия”, “Россия 24”, “ОРТ”).

Для категории эвиденциальности ключевым является признак “точка зрения говорящего”, а именно дополнительная информация об источниках основной информации. Исследователи полагают, что эта категория вместе с категорией эпистемической модальности являются элементами более общей семантической категории “характеристика говорящим сообщаемой информации” [1, с. 257]. Говоря о болгарской публицистике в стилистическом аспекте, В. Маровска отмечает: “В съвременната публицистика (има предвид — след 1989 год) съществува прекалено честа употреба на преизказните форми” [2, с. 165]. Уточнение “после 1989 года” не случайно. В посткоммунистический период Болгария столкнулась с теми же проблемами, что и все постсоветское пространство: девальвация смыслов и ценностных ориентиров. Отношения подчеркнута недоверительного характера выражаются и вербально. “Преизказните форми, изразяващи резервирано отношение на говорещия към излаганите действия, са присъщи предимно на разговорния стил <...> Те се допускат и в публицистическия стил — напр., в политически статии и съобщения (за да се изрази чрез тях резервирано отношение на говорещия към съобщаваните действия)” [3, с. 201]. В терминологическом плане словосочетание “формы пересказа” неоднозначно. В болгаристике их довольно долго называли наклонением, позднее Ив. Куцаров предложил называть их “вид высказывания”. Формы пересказа, р-нарратив, находятся в тесной связи с представлением о диктуме и модусе. “По способу восприятия, способу получения информации автором различают три модусные рамки: “Я видел (мне видно), как...”, “Я умаю, что...” и “Он сказал мне, что...”. Все три модусные рамки обнаруживают (констатируют) способ восприятия информации. Рамочные предикаты типа “уверен / не уверен”, “сомневаюсь/не сомневаюсь” <...> с зоной третьего лица — либо передают чужое слово, либо интерпретируют чужое высказывание” [4, с. 35]. Более подробно о категории эвиденциальности в болгарском языке можно прочитать в работах Р. Ницоловой, Ив. Куцарова, М. М. Макарецва и др. Необходимо еще раз подчеркнуть, что семантика ретрансляции с оттенком недоверия в болгарском языке выражается *грамматически* и влияет на *стилистическую* окраску высказывания. Появление в тексте словоформ, имеющих такую семантику, является *маркером*. Использование этих форм в публицистике допускается нормами литературного языка, однако при этом следует обращать внимание на привнесение вышеупомянутых специфических оттенков. В последнее время формы пересказа в болгарском языке попадают в заголовки и ключевые абзацы сообщений в следующих случаях: при повествовании о криминальных происшествиях, чрезвычайных ситуациях и т.п., когда полная информация еще не собрана; но гораздо более показательны случаи использования форм пересказа в заголовках по-

литических новостей, касающихся важных деятелей внутри страны и регулированию вопросов на международной арене (особенно часто в том, что касается взаимоотношений “США — Россия”, “ЕЭС — Турция”, сирийской повестке дня). Характерна определенная “стабильность” (примерно каждая 10-я новостная заметка содержит формы пересказа уже в заглавии) и зависимость от инфоповодов (в некоторые дни число заметок с ренарративом резко возрастает). Невозможность определить “истинность” информации имеет сюрреалистические последствия. Так, например, 02.03.17 г. началась кампания Mediapool.bg, “която изобличава фалшивите новини чрез собствените им похвати. Съвсем целенасочено всички елементи и материали на инициативата са изготвени в стила на фалшивите новини <...>. Посланието на кампанията е **“Ти си това, което четеш”**. То означава, че всеки трябва съзнателно да избира източниците си на информация и да проверява дали са достоверни, защото от информацията, която консумираме, зависят решенията, които взимаме.” (mediapool.bg). Предлагається изобличение фалшивых новостей через имитацию стиля фалшивых новостей (!).

В наименьшей мере маркируются как “сомнительные” новости, предлагаемые англоязычными сайтами. Из средств выражения несвидетельского пересказа преимущественно используется лексика, необходимая для указания на авторство слов, и прямое цитирование. Все прочее преподносится как достоверная информация. Таким образом, формируется заданная читательская концепция. Сайт воспринимается как источник верных сведений, почти не содержащий маркеров “сомнения”, чему помимо нейтральности стиля способствует и включение статей, подобных энциклопедическим, в которых, например, излагается краткая история того или иного государства. Так, на сайте BBC на вкладке Russia-Profile-Timeline мы узнаем, что в 2014 г. “Russian forces take over Crimea”, “further intervention in eastern Ukraine”, “Syria intervention” и т.п. То, насколько эта “энциклопедичность” далека от энциклопедичности без кавычек, может стать темой отдельных исследований. В то же время опасность “фейка” сознают и в вышеупомянутых СМИ. Показателен заголовок (также BBC): “Post-truth: What didn't happen in 2016” [8]. Неологизм “постправда”, наряду с неологизмами типа “трампутинизм” издание использует без стилистической маркировки.

Российские СМИ предлагают богатый выбор для привнесения “дополнительной информации об источнике” — от нейтральных вводных слов и предложений до эмоционально окрашенных. В наше время степень перепроверки “фэйковости” новостей сильно различается от СМИ к СМИ, и гарантировать безупречную достоверность ретранслируемых новостей почти невозможно. Поэтому имеет смысл обращать внимание на способы интерпретации сообщения, в том числе грамматические, в тех языках, где это предусмотрено самой языковой системой. “Скоро в тестовете на Международната програма за оценяване на постиженията на учениците (PISA) ще бъдат включени задачи за проверка на способността за различаване на фалшивите новини от истинските. <...>

В интернет отдавна се разпространяват фалшиви новини, но през 2016 г. проблемът се прояви с особена острота <...> Тези фалшиви информации се приемаха с доверие от много потребители на социалните мрежи, имаха многобройни прочитания, лайкове и споделяния. В Германия вече обмислят създаването на специална служба за борба с фалшивите новини в интернет” [7]. Если только и эта новость не является фейком.

Список литературы:

1. Бондарко А. В. Категоризация в системе грамматики. М.: Языки славянских культур, 2011. 488 с.
2. Маровска В. Стилистика на българския език. 2 изд. Пловдив, 2007. 248 с.
3. Станков В. Стилистични и модални особености на глаголните категории // Стилистика на съвременния български книжовен език. Велико Търново: Университетско издателство “Св. Кирил и Методий”, 1994. 206 с.
4. Шевченко Н. В. Основы лингвистики текста. М.: “Приор-издат”, 2003.
5. Mediapool.bg [Електронный ресурс]. URL: <https://www.mediapool.bg/mediapool-zapochna-kampaniya-za-izoblichavane-na-falshivite-novini-chrez-sobstvenite-im-pohvati-news260815.html/> (дата обращения: 03.03.2017).
6. News.bg [Електронный ресурс]. URL: <https://news.bg/world/vklyuchvat-zadachi-za-razpoznavane-na-falshivi-novini-v-testovete-na-pisa.html/> (дата обращения: 19.03.17).
7. Bbc.com. [Електронный ресурс]. URL: <http://bbc.com/news/uk-politics-38608371/> (дата обращения: 13.01.2017).

Сведения об авторе:

Сивенкова Наталья Владимировна, ст. преподаватель кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: n.sivenkova@gmail.com

THE CATEGORY OF EVIDENTIALITY IN THE MASS MEDIA LANGUAGE — EVIDENCE FROM BULGARIAN, ENGLISH AND RUSSIAN NEWS SOURCES

Natalya V. Sivenkova

Lecturer, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; e-mail: n.sivenkova@gmail.com

Abstract

The article aims to accent some important features of the category “evidentiality” which has certain specific in different languages. The comparative research of the news’ headquarters and articles in Bulgarian, English and Russian allows to say that now there is a great difference in part of “marking” the evidentiality in texts. Bulgarian verbs have special grammar forms used to show that the text-producer needs to feel and to highlight a distance between the “renarrated” text and

himself. “Preiskazni formi”, the term used in Bulgarian for such verbs, has been called ‘mode’, ‘sentence type’ etc. But the researches underline that such forms are used when it’s not possible to prove the real state of the thing or when the “narrator” retranslates the word of a person who is not reliable. Being used in Mass Media such forms mark the information as “unchecked”, “doubt”, “I repeat but I don’t rely on the source of the news”. But the English-speaking newsmakers prefer to present news ‘objectively’ even if they are fake. But most of the news-producers understand all the danger of the “post-truth” society. That’s why it is important to take care of all the stylistics nuances of the special forms of evidentiality.

Key words: evidentiality, mass media language, renarrative, the Bulgarian language.

References:

1. Bondarko, A. V. (2011). Kategorizacija v sisteme grammatiki [Categorization in the grammar system]. Moskva: Jazyki slavjanskih kul’tur.
2. Marovska, V. (2007). Stilistika na b#lgarskija ezik [Stylistics in the Bulgarian language]. Plovdiv.
3. Stankov, V. (1994). Stilistichni i modalni osobenosti na glagolnite kategorii [Stylistic and modal categories in the verb category]. *Stilistika na s#vremennija b#lgarski knizhoven ezik [Stylistics in the modern Bulgarian book language]*. Veliko T#rnovo.
4. Shevchenko, N. V. (2003). Osnovy lingvistiki teksta [Fundamentals of Text Linguistics]. Moskva: “Prior-izdat”.
5. Mediapool.bg. Retrieved 3 March, 2017 from: URL: <https://www.mediapool.bg/mediapool-zapochna-kampaniya-za-izoblichavane-na-falshivite-novini-chrez-sobstvenite-im-pohvati-news260815.html/>
6. News.bg. Retrieved 19 March, 2017 from: URL: <https://news.bg/world/vklyuchvat-zadachi-za-razpoznavane-na-falshivi-novini-v-testovete-na-pisa.html/>
7. Bbc.com. Retrieved 13 January 2017 from: URL: <http://bbc.com/news/uk-politics-38608371/>

Особенности предвыборной риторики кандидатов в президенты США 2016 г.

А. А. Тымбай

МГИМО МИД России

Аннотация

В статье представлен анализ основных коммуникативных стратегий, используемых участниками теледебатов президентской гонки в США в 2016 году — одной из разновидностей политического дискурса. Проведенный лингвистический анализ аудио- и видеоматериала позволяет

автору выделить основные стратегии ведения диалога, использованные Д. Трампом и Х. Клинтон, а также оценить их риторическую эффективность. В докладе проиллюстрированы основные типы реплик, рассматриваются отличия между репликами и комментариями, простыми наложениями реплик и прерываниями собеседника. Автор рассматривает выбранные политиками речевые стратегии и тактики как средство воздействия на оппонента и избирателей, предлагает использовать сделанные выводы для обучения студентов риторическим приемам и способам построения эффективной коммуникации.

Ключевые слова: диалог, политический дискурс, мена ролей, положенное место мены роли, речевые стратегии и тактики

Американская избирательная кампания 2016 года по праву считается одной из самых эмоциональных за всю историю выборов в США. Политологи и зрители до сих пор спорят о том, кто же из кандидатов в президенты — Дональд Трамп или Хиллари Клинтон — одержал победу на теледебатах.

Еще одной особенностью прошедших выборов является то, что за кандидатами с одинаковым интересом следили зрители во всем мире. Аудитория как в самих США, так и за их пределами разделилась на два лагеря, но деление это происходило далеко не всегда по политическому признаку. Чрезвычайно важна была эмоциональная составляющая: тщательно созданный политический имидж и умение преподнести себя.

Роль риторики, умения убедить аудиторию в своей исключительной правоте, при этом грамотно отвергнув аргументы соперника, неоднократно становилась предметом исследования лингвистов, занимающихся вопросами прагматики. Что перевесило чашу весов на этот раз? Риторически стройная речь Хиллари Клинтон или грубоватое, но убедительное поведение Дональда Трампа?

По большому счету ничего нового о кандидатах дебаты не сообщили. Все и так знали, что ораторские стратегии Трампа довольно нетипичны и что Клинтон строит свою кампанию на том, насколько она лучше оппонента. С формально-риторической точки зрения кандидат от Демократической партии выглядела убедительнее, но если бы работали только формально-риторические критерии, Дональд Трамп выбыл бы из гонки еще на этапе праймериз. Он, между тем, уверенно продолжал борьбу до победного конца.

В начале каждого из шести раундов Хиллари Клинтон кратко перечисляла детали своей программы, а затем начинала критиковать Дональда Трампа. Делала она это, разумеется, не в открытую, отчасти поэтому складывалось впечатление, что Клинтон явно хотела спровоцировать оппонента, чтобы он вышел из себя, и ей это в целом удалось.

Сработали и домашние заготовки Клинтон: упомянув о своей дочери и внучке, она преподнесла себя как женщину, бабушку, американку. “Женский взгляд” по-американски должен был сообщить избирателям,

а точнее избирательницам, что ей не чужды человеческие чувства, да и муж, экс-президент США Билл Клинтон, готовый подать жене руку, всегда находился рядом. Далее, когда Трамп заметил, что он ездит по стране и общается с избирателями, пока Хиллари сидит дома, та ответила: “Да, я решила подготовиться к этим дебатам. А еще я много готовилась к тому, чтобы стать президентом. И это хорошо”. Резюме: да, я женщина, но хорошо готовая к тому, чтобы стать следующим президентом США.

Трамп позиционирует себя иначе, он — реакционер. Вся его речь — по поводу и без повода — строится на известной концептуальной оппозиции “свой — чужой” [1]. Закономерным интересам американских безработных противопоставлены интересы “наглых мигрантов” всех мастей. Глобальным интересам США он противопоставляет экономическую стратегию Китая. Даже его личной безупречной деловой репутации (здесь он забывает о том, что отказывается открыто декларировать свои доходы) противопоставлена запятнанная скандалом с электронной почтой репутация Клинтон. “Свой” всегда хорош, кем бы он ни был и что бы он ни делал, даже если он поступает, как сам Трамп, который, по словам Клинтон, не заплатил архитектору — разработчику одного из проектов в его “империи”. Трамп легко парирует: тот, якобы, плохо работал, следовательно, он теперь из категории “чужой”. А “чужой” всегда плохой, кем бы он ни был: корейцем, китайцем, мексиканцем или даже американцем.

С точки зрения оценки прагматики участники теледебатов, в отличие от обычного диалога, должны распространять свое воздействие как на оппонента, так и на зрителя [2]. На первый взгляд речевые интенции “выразить мнение”, “возразить”, “противостоять” умело реализуют как Клинтон, так и Трамп. Но при детальном анализе становится очевидно, что намерения, “убедить”, “переубедить” собеседника или “внушить” ему свою правоту остались до конца не реализованы. Участники только декларируют свои мысли. Формат общения не предусматривает принятия точки зрения партнера, а тем более — признания его правоты. И хотя Трамп по некоторым вопросам соглашается с Клинтон, это объясняется изначальной близостью взглядов по поводу данной конкретной проблемы, а не достигнутым в ходе общения компромиссом.

Переходя к анализу звучащего материала необходимо сразу отметить интересный факт. В формате теледебатов не каждая начатая участником реплика означает смену роли. Часть из них только декларативны. Они подают сигнал: согласен, не согласен, возражаю.

В следующем примере Трамп перебивает Клинтон на восходящем или ровном тоне, и слушатели воспринимают это как грубое нарушение “положенного места смены роли”. Это уже не невинные наложения реплик, а прерывания собеседника.

Пример 1.

CLINTON: Well, it's also fair to say, if we're going to talk about mayors, that under the current mayor, crime has continued to drop, including murders. So there is...

TRUMP: No, you're wrong. You're wrong.

CLINTON: No, I'm not.

TRUMP: Murders are up. All right. You check it.

Из примера видно, что данные прерывания являются определенной стратегией захвата инициативы в диалоге. Клинтон явно пока не собирается заканчивать свой речевой вклад. Трамп прерывает в неподобающем месте, но разница высказываемых позиций настолько существенна для Клинтона, что она идет у Трампа на поводу и в итоге приносит ему коммуникативную победу.

Из анализа звучащего материала становится очевидно, что для Клинтона характерна стратегия “игнорирования собеседника”. Она не отвечает на выпады, комментарии, удерживая роль до тех пор, пока не произнесет значимый для нее коммуникативный центр высказывания, что видно в следующем примере:

Пример 2.

TRUMP: Chris, we don't gain anything.

CLINTON: He has all the conspiracy theories...

TRUMP: Iran is taking over Iraq.

CLINTON: This conspiracy theory, which he's been spewing out for quite some time.

TRUMP: If they did it by surprise...

CLINTON: He says...

TRUMP: We could have gained if they did it by surprise.

CLINTON: ... unfit, and he proves it every time he talks.

Традиционно высокое количество прерываний партнера является характеристикой конфликтного стиля общения. Но как показывают опросы, прерывания собеседника далеко не всегда воспринимаются зрителями как показатель сильной позиции. Напротив, они оставляют у зрителя впечатление отсутствия достаточной аргументации, воспринимаются аудиторией как отвлекающий маневр. Именно этого, вероятно, и опасались Трамп и Клинтон по мере развития их коммуникации. Ведь количество прерываний в третьем раунде дебатов, по сравнению с первым, снижается примерно на десять процентов. По-видимому, по ходу избирательной кампании оба политика хорошо приновились к манере ведения диалога, используемой соперником. И хотя по мере приближения ко дню выборов градус непримиримых политических противоречий возрастал, коммуникативные стратегии Клинтон и Трампа, напротив, были адаптированы друг под друга.

Подводя итог проведенному анализу, можно сделать следующие выводы:

1. Самой частой речевой стратегией, использованной в ходе теледебатов Дональдом Трампом, является “закадровый комментарий” критического характера. Политик очень часто выражает свою оценку короткой меткой репликой “в зал” и не претендует на взятие коммуникативной роли. Как правило, он добивается своего: ставит под сомнение позицию соперника. Но делает это лишь отчасти, поскольку

подобные реплики в отсутствие аргументированного основания могут восприниматься легковесно, как часть шоу.

2. Наиболее яркой стратегией Хиллари Клинтон на прошедших дебатах стала стратегия “игнорирования” позиции собеседника. Зачастую Клинтон не слышит ни Трампа, ни ведущих. Она входит в состояние, подобное некоему “риторическому трансу”, и не заканчивает реплику, пока не произнесет эффектный финал.
3. Коммуникативные стратегии Трампа и Клинтон, настолько противоположны друг другу, что, в конечном счете, начинают дополнять друг друга. Комментарии Трампа без желания брать роль как нельзя лучше вписываются в концепцию Клинтон эту роль не уступать. Возможно, это и является главным объяснением того, почему эксперты, зрители, да и сами участники расходятся в оценках результатов теледебатов.

В заключение хотелось бы отметить, что, на наш взгляд, записи прошедших в США теледебатов было бы полезно использовать на занятиях со студентами как языковых, так и неязыковых вузов. Анализ текста теледебатов, выборочный просмотр отдельных эпизодов, написание резюме по материалам прослушанного не только развивает у студентов общекультурную компетенцию, но и помогает им сформировать собственный инвентарь языковых и речевых средств, способствующих эффективной реализации диалогического общения на профессиональные темы на иностранном языке.

Список литературы:

1. Алиева Т. В. Оппозиция “свой — чужой” в англоязычной прессе: лексические средства выражения // Вестник МГИМО–Университета. 2012. №3. С. 182–187.
2. Тымбай А. А. Статус диалога в контексте политического взаимодействия // Филологические науки в МГИМО: Сборник науч. трудов. 2015. №57(72). С. 74–79.

Сведения об авторе:

Тымбай Алексей Алексеевич, к. ф. н., доцент МГИМО МИД России, Москва, Россия; e-mail: tymbay@inbox.ru

PECULIARITIES OF US 2016 PRESIDENTIAL CANDIDATES’ DISCOURSE

Alexey A. Tymbay

Candidate of Philology, Associate Professor, MGIMO University, Moscow, Russia; e-mail: tymbay@inbox.ru

Abstract

The article contains the analysis of basic communicative strategies used by the participants of US presidential debates 2016, a type of a political discourse. Major principles of building of a political dialogue were singled out by means of

a linguistic analysis. The article illustrates different types of turn-taking, shows the difference between turns and backchannels, simple overlaps and interruptions of a partner. The communicative strategies chosen by the politicians are seen by the author as a means of influencing the opponent and the electorate in general. The author suggests using the conclusions made in teaching students effective public speaking techniques.

Keywords: dialogue, political discourse, turn-taking, transition relevance place, communicative strategies and tactics.

References:

1. Alieva, T. V. (2012). Oppozicija “svoj — chuzhoj” v anglojazыchnoj presse: leksicheskie sredstva vyrazhenija [We-They opposition in newspapers in English: lexical means of expression]. *Vestnik MGIMO–Universiteta [MGIMO University Journal]*, 3, 182–187.
2. Tymbay, A. A. (2015). Status dialoga v kontekste politicheskogo vzaimodejstviya [Role of a dialogue in politics]. *Filologicheskie nauki v MGIMO [Philological sciences in MGIMO]*, 57(72), 74–79.

Рождественское телеобращение главы государства как часть политического дискурса

Г. М. Фадеева

Московский государственный лингвистический университет

Аннотация

В статье представлены результаты лингвокультурологического анализа рождественских телеобращений главы государства как разновидности политической речи, обращенной к гражданам страны и ориентированной на достижение консенсуса в обществе. Исследуемый корпус понимается как часть общественно-политического дискурса и сложное полимодальное образование, включающее наряду с вербальной составляющей средства аудиовизуального воздействия. Для данного вида политических речей характерны как референция к традициям одного из важнейших христианских праздников, так и референция к актуальной политике, определяющей жизнь страны в целом и жизнь отдельных индивидуумов на данном историческом этапе. Ориентированность на достижение консенсуса заключена в самой идее Рождества и находит вербальное выражение в языковых средствах всех уровней.

Ключевые слова: Рождественское телеобращение, политическая речь, полимодальный феномен, политический дискурс, ценностные ориентации, достижение консенсуса.

Рождественское обращение (послание) главы государства — это традиционная для западного христианского мира речь, которая, как правило, предшествует посланию главы Римской католической церкви *Urbi et orbi* (Граду и Миру). История рождественских и новогодних обращений лидеров к народам своих стран в современном медийном пространстве насчитывает более 80 лет. Рождественские обращения сегодня представляют собой довольно короткие политические речи продолжительностью в несколько минут, которые содержат как ретроспективный взгляд главы государства на прошедший год, так и перспективный взгляд на новый год. Адресатом являются граждане страны, то есть широкая общественность [5, р. 84]. Данное политическое и медиасобытие развивается не только в пространственно-временном континууме, **но и в контексте** ценностных ориентаций, относящихся к ядерной части коллективной идентичности [1, с. 91, 109]. Ценностный контекст связан, во-первых, с референцией к традициям одного из важнейших для всего христианского мира праздников; во-вторых, с референцией к актуальной политике, определяющей жизнь страны в целом и жизнь отдельных индивидуумов на определенном историческом этапе.

Частный дискурс *рождественское обращение (послание) главы государства*, мы рассматриваем как конституент вышестоящей единицы — общественно-политического дискурса [2], а само понятие **дискурс** определяем вслед за М. Юнгом (Jung) как **виртуальный, постоянно развивающийся во времени и пространстве корпус высказываний на определенную тему, реализуемых в различных текстах** [6]. В данном случае речь идет о корпусе высказываний на тему “Рождество”, реализуемых в самых разнообразных областях коммуникации, в различных типах текстов и частных дискурсах, развертывающихся вокруг центральной (ядерной) темы (концепта) [4]. При лингвокультурологическом анализе телеобращения главы государства необходимо принимать во внимание гетерогенность механизмов его репрезентации, каждый из которых решает свою частную коммуникативную задачу в рамках общей цели рождественского обращения. В разных странах есть свои национальные обычаи и традиции, связанные с рождественским посланием главы государства, но референция к основной идее этого христианского праздника является общей для всех христианских стран. Именно к христианским ценностям апеллируют главы европейских государств, связывая идеи Рождества с такими актуальными проблемами современного общества, как сохранение мира на земле и необходимость миротворческих усилий; милосердие к бедным, несчастным, обездоленным, беженцам; любовь к ближним и забота о них и т.д.

Лингвокультурологический анализ телеобращения обязан учитывать и паралингвистические феномены, которые сопровождают вербальную коммуникацию и отнюдь не всегда являются вторичными или вспомогательными. Это, в частности: а) коммуникативно значимые акустические

свойства и характеристики звучащей речи; б) кинетические средства: мимика, поза, жест, зрительный контакт и др. Немецкие ученые выделяют еще одну группу коммуникативно значимых средств, так называемые “экологические каналы” (ökologische Kanäle), роль которых в аудиовизуальной коммуникации очень велика. К экологическим каналам относятся наряду с сигналами социального статуса и внутренних качеств героя телепрограммы, оформление телестудии (или любого пространства, в котором ведется видеозапись), одежда, прическа, грим — все, что создает определенный образ участника и становится предметом обсуждения в СМИ (см.: [4]). Лейтмотив выступления главы государства по случаю Рождества создается *семантической изотопией*, то есть повторяемостью определенных мотивов, тем, слов, в результате чего создаются изотопические цепочки, обеспечивающие семантическую когеренцию текста и дискурса [2, с. 96]. Так, в рождественском обращении президента ФРГ К. Вульфа (2010) семантическую связность текста создают многочисленные изотопические цепочки с местоимением *мы (wir)*, абстрактные существительные, несущие в себе положительный заряд и воспринимаемые большинством людей как абсолютные величины: *единение, сплоченность (Zusammenhalt)*; *взаимопонимание (Verständigung)*; *способность мирно ужиться с другими (Miteinanderauskommen)*, *человечность (Menschlichkeit)* и др. Все эти средства направлены на создание у граждан страны чувства солидарности, единства (так называемого *Wir-Gefühl*), когезии как понятия социальной психологии, описывающего феномен сплочения, единения, солидарности. Типичные для речей немецких президентов многочисленные повторы данных лексем в лексико-грамматических параллелизмах, особенно в анафорах, многократно усиливают их воздействие на реципиент.

Несмотря на политизированность основной части рождественских обращений, начало и заключение этих речей традиционно реферируют к истории Рождества Христова, что находит выражение в лексике: *Weihnachten (Рождество)*; *Weihnachtsgeschichte (Рождественская история)*; *das Kind in der Krippe (Младенец в яслях)*; *Botschaft (весть)*; *“Fürchtet Euch nicht!” (Не бойтесь!)*; *“Friede auf Erden!” (Мир на земле!)*; *Der Stern aus der Weihnachtsgeschichte (звезда из Рождественской истории)*; *Menschenkind (Сын Человеческий)*; *gesegnete Weihnachten! (Благословенное Рождество!)* и др.

Апелляция к христианским ценностям, использование широко известных цитат из авторитетных источников, утверждающих значимость и незыблемость этих ценностей, относятся к основным способам аргументации в рождественских обращениях глав государств. В таких речах нет места полемике, а стратегия аргументации направлена на убеждение граждан в необходимости согласиться с основными идеями послания, которые связывают текст выступления в единое целое благодаря сквозной идее Рождества. Цель исследования на данном этапе анализа заключается в уточнении мотивов для выбора языковых средств на разных фазах раз-

вития события, что позволяет понять, как системно нейтральные языковые средства приобретают аксиологические смыслы, будучи погруженными в дискурсивный континуум с известными признаками [1, с. 91].

Рассматривая взаимодействие и значимость различных компонентов рождественского обращения, целесообразно обратиться к разработанной М. Книллом (Knill) “пирамиде убеждения” (Überzeugungspyramide), которая иллюстрирует значимость разных каналов коммуникации. Согласно выводам М. Книлла наибольшее влияние на реципиента оказывает *личность выступающего*, которая составляет основание пирамиды; далее по значимости воздействия следует *голос* оратора, и лишь последнее место (наименьшую часть пирамиды, ее верхушку) составляет содержание речи (ср.: [4]). Даже если считать, что в этой модели учтены не все механизмы (каналы) аудиовизуального воздействия современного рождественского телеобращения, нельзя не согласиться с тем, что она наглядно демонстрирует значимость основных составляющих.

Думается, что можно говорить о совокупности высказываний на тему “Рождество Христово” как об одном из сквозных дискурсов культурной памяти, который имеет давнюю историю, развивается во времени и в пространстве, пересекая границы эпох и культур и сохраняя ряд константных признаков, несмотря на закономерный характер их трансформации (Ю.М. Лотман, цит. по: [3, с. 610, 613]). К важнейшим характеристикам рождественского обращения главы государства относится его ориентированность на достижение консенсуса в обществе, что обусловлено самой идеей Рождества и находит вербальное выражение в языковых средствах всех уровней.

Список литературы:

1. Гришаева Л.И. Парадоксы медиалингвистики. Воронеж: НАУКА-ЮНИ-ПРЕСС, 2014. 295 с.
2. Фадеева Г.М. “Лексикон — текст — дискурс” с позиций исследовательской практики // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2009. Вып. 559. Сер. Языкознание. С. 90–99.
3. Фадеева Г.М. О понятии вневременный дискурс на материале “Максим и рефлексий” И. В. Гёте // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2015. Вып. 6 (717). С. 608–616.
4. Фадеева Г.М. Рождественское телеобращение главы государства как медиасобытие // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2016. Вып. 7 (746). С. 273–285.
5. Girth H. Sprache und Sprachverwendung in der Politik. Tübingen: Max Niemeyer, 2002. 127 S.
6. Jung M. Linguistische Diskursgeschichte // Öffentlicher Sprachgebrauch. Praktische und historische Perspektiven. Georg Stötzel zum 60. Geburtstag gewidmet. Karin Böke, Matthias Jung, Martin Wengeler (Hrsg.). Opladen: Westdeutscher Verlag. 1996. S. 453–472.

Сведения об авторе:

Фадеева Галина Михайловна, к. ф. н., доцент, Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия; e-mail: galina_fadeeva@rambler.ru

HEAD OF STATES CHRISTMAS MESSAGE AS AN ELEMENT OF POLITICAL DISCOURSE

Galina M. Fadeeva

Candidate of Philology, Associate Professor, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia; e-mail: galina_fadeeva@rambler.ru

Abstract

The report conveys the results of a linguo-cultural analysis of Christmas messages from a state leader regarded as a special kind of political speech that targets all citizens and is aimed at achieving consensus in society. The analyzed corpus is treated as an element of political discourse and a complicated multimodal unit that includes a verbal component and a video component, both of which are effective means of influence. The essential feature of the analyzed type of political discourse is that it refers simultaneously to one of the most significant Christian holidays and to the current political context which determines the life of the whole country and of each person. Orientation towards consensus is rooted in the very idea of Christmas and is manifested on different language levels.

Key words: Christmas video message, political speech, multimodal phenomenon, political discourse, values, consensus achievement.

References:

1. Grischaewa, L.I. (2014). *Paradoksy medialingvistiki* [Paradoxes of Media Linguistics]. Voronezh: NAUKA-IUNIPRESS.
2. Fadeeva, G.M. (2009). "Leksikon — tekst — diskurs" s pozitsii issledovatel'skoi praktiki ["Lexicon — Text — Discourse" in Research Perspective]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Vestnik of Moscow State Linguistic University], 559, 91–100.
3. Fadeeva, G.M. (2015). O ponjatii vnevremennyi diskurs na materiale "Maksim i refleksii" Gete [On the Notion of extra-temporal Discourse "Maxims and Reflections" by Goethe]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Vestnik of Moscow State Linguistic University], 6 (717), 608–616.
4. Fadeeva, G.M. (2016). Rozhdstvenskoe obrashchenie glavy gosudarstva kak mediasobytie [Head of State Christmas Message as a Media Event]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Vestnik of Moscow State Linguistic University], 67 (746). 273–285.
5. Girth, H. (2002). *Sprache und Sprachverwendung in der Politik* [Language and its Usage in the Politics]. Tübingen: Max Niemeyer.

6. Jung, M. (1996). Linguistische Diskursgeschichte [Linguistic Discourse History] // *Öffentlicher Sprachgebrauch: Praktische und historische Perspektiven. Georg Stötzel zum 60. Geburtstag gewidmet* [Public Language Usage: Practical and historical Perspectives. Georg Stötzel dedicated to the 60th birthday.]. Opladen: Westdeutscher Verlag.

Влияние экстралингвистических факторов на терминологические процессы медиадискурса

(на примере немецкого языка)

М. А. Чигашева

МГИМО МИД России

Аннотация

Наиболее наглядно динамический характер языка проявляется на уровне лексики. Ее изучение во взаимосвязи лингвистических и экстралингвистических факторов позволяет рассматривать лексические единицы в аспекте национально-культурной специфики того или иного языка. Политический дискурс СМИ, как определенная профессиональная сфера деятельности, для достижения поставленных целей оперирует различными языковыми средствами. Сюда относятся, прежде всего, специальные обозначения терминологического характера. Их рассмотрение с позиций антропоцентризма и теории семантического поля представляет особый интерес, поскольку дает право говорить о значении социального фона в отношении терминологии, учитывать в терминологических процессах единицы во вторичной семантической функции и проследить динамику перехода окказионализма в термин.

Ключевые слова: немецкий язык, лексика, медиадискурс, термин, семантика, деоним.

К важнейшим функциям массовой коммуникации относятся информативная, коррелирующая, суггестивная и манипулятивная. Информативная функция является ведущей, однако нельзя считать, что остальные играют подчинённую роль. СМИ могут манипулировать общественным сознанием и обладают убеждающей силой. Журналисты, как посредники коммуникации между политиками-профессионалами и гражданами, обладают колоссальной силой воздействия, важным инструментом которого выступает язык. Использование экспрессивных языковых средств в текстах СМИ политической направленности, может способствовать формированию общественного мнения и направлять его в нужное русло.

В настоящее время язык СМИ стремительно развивается, претерпевая количественные и качественные изменения. В. А. Буряковская счи-

тает, что средства массовой информации способствуют варваризации языка [1, с. 45]. Креативный характер медийного дискурса отражается на лексическом уровне и обусловлен экстралингвистическими факторами — разнообразием освещаемых тем, доступностью информационного пространства, свободой слова, отсутствием цензуры. По этой причине в языке могут появляться специфические единицы, которые с течением времени становятся терминами.

Политику и политическую журналистику по праву можно считать отдельной профессиональной сферой деятельности, которая имеет собственную терминологию. Терминологическим характером в этом случае обладают лексические единицы, которые обозначают явления или понятия данной тематической области и отражают специфику информационного текста (*die Agenda, der Wahlkampf, die Hochrechnung, die Umfragewerte, der Meisterplan, der/die Abgeordnete, das AA, die GroKo, die K-Frage, der AfDler, die IAEA, die UNESCO, der Atomdeal, die Roadmap, der Global Player, die Pipeline, das Statement, antreten, designieren, kandidieren* и др.). В структурном отношении они отличаются разнообразием, могут представлять различные части речи. Понимая под термином специальное слово, которое выражает понятие профессиональной сферы деятельности, имеет дефиницию и употребляется в особых условиях, считаем возможным считать такие единицы терминами политического дискурса СМИ. Спорным, однако, считаем утверждение об отсутствии у термина многозначности и экспрессивности в рамках одного терминологического поля и можем подтвердить это примерами из дискурса СМИ. Так, термины *der Präsident* и *die Partei* имеют по два значения — президент и председатель (*der Bundespräsident, der Bundestagspräsident*); *partija* и сторона (*konservative Partei, die Konfliktpartei*). Наличие экспрессивности объясняется задачами политического дискурса, необходимостью формировать общественное мнение и манипулировать им, оказывать на получателей информации эмоциональное воздействие.

Важную функцию выполняют в медиадискурсе антропонимы. Анализ их употребления позволяет утверждать, что они несут двойную нагрузку: во-первых, обозначают медийную личность (*Angela Merkel, Martin Schulz, Donald Trump, Theresa May* и др.), во-вторых, имплицитно выражают новую информацию и становятся прецедентными (*das Konrad-Adenauer-Haus* — центральный офис ХДС и др.). Особенностью немецкого политического дискурса СМИ на современном этапе его развития являются деантропонимические наименования, то есть онимы, перешедшие в разряд апеллятивов (*merkeln, adenauern, hartzten, entschördern, Merkelianer, merkelisieren, Merkelsch, schäubleweise, Schulzomania* и др.). Их употребление обусловлено суггестивной функцией массовой коммуникации. Она выражается в том, что информация театрализуется, драматизируется, преподносится эмоционально [1, с. 23].

Процессы апеллятивации именных основ происходят permanently в любом языке, особенно активно в периоды общественных преобра-

зований. Высокая степень интенсивности деонимизации имён политических и государственных деятелей проявляется в немецком языке в последнее время и имеет нелингвистическую природу. В Германии достоянием общественности становятся скандалы, в центр внимания попадают ведущие политики и руководители разного уровня. Ситуация усугубляется ростом популярности правых и падающими рейтингами правящих партий. Всё это происходит на фоне очередных выборов в бундестаг, поэтому неудивительно, что предвыборная борьба проходит в условиях жёсткой конкуренции за голоса избирателей. Чем сильнее будет эмоциональное воздействие на них, тем проще будет манипулировать их мнением. На политическую журналистику делается серьёзная ставка в борьбе за собственный имидж и против конкурентов. Прибегая к креативным наименованиям, журналисты могут одновременно выразительно, лаконично и иносказательно описать и оценить событие, что отмечается также в работах немецких лингвистов [4, с. 91–92]. Например, недовольство политикой канцлера Германии отражают различные деонимы от имени Меркель: *merkelisiert*, *Merkelisierung*, *Merkelsche Dialektik*. Журналисты делят политиков на сторонников (*Merkelianer*) и противников (*Nicht-Merkelianer*) действующего канцлера. В октябре 2016 г. резонанс вызвали демонстрации сторонников движения Пегиды, которые проходили под лозунгом “*Ausgemerkelt und ausgegaukelt*”. Даже обозначение привычного жеста госпожи канцлера — ладони, образующие ромб — представляет собой деоним *der Merkelizer*. Деонимы, образованные от имени действующего канцлера ФРГ, и существующие между ними семантические отношения позволяют представить их в виде лексико-семантического микрополя [2]. Некоторые деонимы вступают друг с другом в оппозицию, выражая совершенно противоположные понятия, и могут считаться антонимами, например, глаголы *merkeln* и *schrödern*.

Изменения в общественно-политической жизни Германии креативно отражаются в немецком языке. Недавно стало известно о кадровых перестановках в СДПГ, на политической арене появился новый лидер — бывший председатель Европарламента Мартин Шульц — и в прессе появились новые деонимы: *Schulzomania* (www.spiegel.de, 07.02.2017); *Je Schulzer, desto AfD* (www.zeit.de, 5.02.2017); *Schulz-Effekt* (www.faz.net, 09.03.2017). Излюбленным приёмом журналистов является описание действий одного политика с помощью деонима от имени другого: *So entschrödert Schulz die SPD* (www.spiegel.de, 21.02.2017); *Wenn Oettinger adenauert* (www.sueddeutsche.de, 31.10.2016).

Позволим предположить, что в некоторых случаях, когда речь идёт о наиболее значимых для общества понятиях, деоним может стать термином. Подобные процессы происходили в других видах дискурса, например, в кулинарном (*pasteurisieren*), военном (*Mauser*), научно-техническом (*röntgen*, *Dieselmotor*), историческом (*Bismarcksche Politik*, *Gorbi-Mania*), религиозном (*Luthertum*, *Thomist*). Такой путь прошла, например,

лексическая единица *der Marxismus*, относящаяся сегодня к терминам политического дискурса. В online-версии словаря Duden отмечено, что слово изначально появилось в немецком языке как жаргонизм — “aus dem marxistischen Jargon stammendes sprachliches oder stilistisches Element”, а теперь считается учением — “von Marx und Engels begründete Lehre” [3]. Аналогичный путь может пройти и деоним *das Hartz*. Так называют в Германии реформу рынка труда, которая связана с именем Петра Харца (Peter Hartz). В немецком языке употребительными в дискурсивном и около дискурсивном пространстве является большое количество производных с именем *Hartz*. В терминологическом значении встречается также единица *Riester-Rente/Riesterrente*. Немецкие социологи активно используют в последнее время обозначение *Schulz-Effekt: Manche Meinungsforscher sprechen vom Schulz-Effekt* (de.euronews.com, 27.02.2017). Вполне возможно, что под влиянием экстралингвистических факторов, в случае победы СДПГ на выборах в бундестаг и выбора М. Шульца новым канцлером, эта единица приобретёт терминологический характер и будет описывать аналогичные процессы в других ситуациях.

Итак, деоним представляет собой специальное слово, обозначает понятие определённой профессиональной сферы деятельности, обладает дефиницией и собственной сферой употребления. Выскажем также предположение, что именно деоним отличается однозначностью, потому что его появление и значение всегда связаны с конкретным именем и конкретным событием. С течением времени под влиянием внеязыковых факторов, при условии потери соотнесённости с именем конкретного человека, деоним может переходить из разряда окказионализмов и жаргонизмов в разряд терминов, что мы попытались продемонстрировать на некоторых примерах. Присущая этим единицам экспрессивность обусловлена функциями медийной культуры и призвана обеспечивать информативность, доступность, массовость, наглядность образного восприятия.

Список литературы:

1. Буряковская В. А. Коммуникативные характеристики массовой культуры в медийном дискурсе (на материале русского и английского языков): монография. Волгоград: Изд-во ВГСПУ “Перемена”, 2014. 228 с.
2. Чигашева М. А. Лексико-семантическое микрополе MERKEL // Вестник РУДН. Серия Теория языка. Семантика. Семантика. 2016. №4. С. 74–81.
3. Duden.de. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.duden.de/suchen/dudenonline/ Marxismus> (дата обращения 12.03.2017).
4. Wengeler M. Schaublewise, Schröderisierung und riestern. Formen und Funktionen von Ableitungen aus Personenamen im öffentlichen Sprachgebrauch // Komparatistik Online. Dusseldorf, Trier. 2010. №1. S. 79–98. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.komparatistik-online.de/2010-1-6> (дата обращения 12.03.2017).

Сведения об авторе:

Чигашева Марина Анатольевна, к. ф. н., доцент, заведующая кафедрой немецкого языка МГИМО МИД России, Москва, Россия; e-mail: mchigasheva@mail.ru

THE INFLUENCE OF EXTRATEXTUAL FACTORS ON TERMINOLOGICAL PROCESSES IN MEDIADISOURSE — EVIDENCE FROM THE GERMAN LANGUAGE

Marina A. Chigasheva

Candidate of Philology, Associate Professor and Head of German Language Department, MGIMO University, Moscow, Russia; e-mail: mchigasheva@mail.ru

Abstract

The dynamism of a language is known to be the most prominent in its lexis (vocabulary). Its study with a focus on the interplay of linguistic and extra linguistic factors therefore allows for the examination of lexical items based on the national and cultural specificity of this or that language. As a specific and professional field, mass media political discourse uses an array of various means of language to achieve desired ends. Such means first and foremost include special denotations of terminological nature. Their study through the lens of anthropocentrism and the semantic field theory is of particular interest as it enables one to speak of the role of a social background in the formation of new terms, address lexical units with a secondary semantic function in terminological processes, and trace the dynamic patterns of transition from an occasional word to a full-fledged term.

Key words: German language, lexis, vocabulary, media discourse, term, semantic, deonim.

References:

1. Burjakovskaja, V. A. (2014). Kommunikativnye karakteristiki massovoj kul'tury v medijnom diskurse (na materiale russkogo i anglijskogo jazykov) [Communicative Characteristics of Mass Culture in Mediadiscourse (on the Material of Russian and English languages)]: monografija. Volgograd: Izd-vo VGSPU "Peremena".
2. Chigasheva, M. A. (2016). Leksiko-semanticheskoe mikropole MERKEL [Lexical and-Semantic Microfield "MERKEL"]// Vestnik RUDN. Serija Teorija jazyka. Semiotika. Semantika. [RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics], 4, 74–81.
3. Duden.de. Retrieved 12 March, 2017 from <http://www.duden.de/suchen/dudenonline/ Marxismus>.
4. Wengeler, M. (2010). Schaubleweise, Schröderisierung und riestern. Formen und Funktionen von Ableitungen aus Personenamen im öffentlichen Sprachgebrauch // Komparatistik Online. Dusseldorf, Trier, 79–98. www.komparatistik-online.de/2010-1-6

О прагматическом потенциале неопределенно-количественных слов в португальском политическом тексте

О. А. Шершукова

Дипломатическая академия МИД России

Аннотация

В статье анализируется передача прагматического значения с помощью неопределенно-количественных слов в португальских политических текстах. Основное внимание уделяется словам со значением неопределенно большого количества, которые занимают промежуточное положение между числительными и существительными, то есть морфологически функционируют как существительные, но в своем лексическом значении содержат количественный компонент. Числительные-существительные в форме множественного числа могут приносить в тексты информативного типа оценочные и экспрессивные черты, в частности, указывать на значительность или незначительность соответствующего политического события, давать ему положительную или отрицательную характеристику. В ряде контекстов точное количество, передаваемое с помощью количественных слов, может восприниматься как приближительное. В связи с тем, что в португальской политической прессе активно употребляется отвлеченное существительное со значением неопределенно большого количества *maiorias*, то есть большинство в форме множественного числа, несомненный интерес представляет анализ соответствующих значений.

Ключевые слова: неопределенность, количественное значение, прагматический, политический текст.

Нельзя не отметить, что политическая жизнь в XXI веке становится все более и более интенсивной не только по причине процессов глобализации, когда размываются различия в идеологии, образе жизни людей, относящихся к разным культурам и языкам, но и благодаря активной роли средств массовой информации. Развитие информационных технологий, которые проникают во все сферы нашей жизни, в том числе и в жизнь политическую, способствует этому процессу. Перефразировав известные строки, можно сказать, что политика и СМИ — это близнецы-братья, поскольку политика становится общедоступной именно благодаря медийным средствам, а они в свою очередь являются важнейшим средством политического воздействия на человека и общество. Главная роль в этом воздействии принадлежит языку: огромное количество понятий, связанных с обозначением политических реалий, формирует особый слой политической лексики, которая в большинстве своем является абстрактной. Однако не меньший интерес с позиций политической лингвистики вызывает

лексика, которая не относится к собственно политической, а присутствует в обыденном языке, но в политическом дискурсе она может приобретать особый смысл. К таковым, на наш взгляд, следует отнести выражение количественных характеристик, которые, помимо отражения количественных различий в объективной реальности, также могут выражать и другие значения. Способность языковых единиц, содержащих количественный компонент, передавать прагматико-стилистические и оценочные смыслы открывает широкие возможности для их использования в языке политической прессы, поэтому в настоящей статье мы решили обратиться способом передачи количественной неопределенности на материале португальских политических текстов, представленных в газетном корпусе португальской общенациональной газеты “Público” [3]. Корпусный анализ позволяет не только проанализировать большое количество фактического материала, но и обнаружить ряд языковых тенденций, не столь заметных при анализе отдельных статей. Обращение к анализу количественной неопределенности через призму политической лингвистики также не случайно. По мнению Е. Ю. Дубовицкой, неопределенность присуща окружающему миру и “является одним из ключевых принципов человеческой логики” [1, с. 532–533].

Значение количественной неопределенности может передаваться португальскими счетными существительными (числительными-существительными), в лексическом значении которых содержится информация о точном числе: *dezena десятка, centena сотня, milhar тысяча* — португальские грамматисты относят их к числительным-собирательным существительным (“numerais, substantivos colectivos”) [2, с. 96]. Передавая в форме множественного числа значение неопределенно большого количества, лексемы *dezenas десятки, centenas сотни, milhares тысячи* активно используются в текстах, главным образом информативного характера, для передачи различной количественной информации. Однако, сочетаясь с другими элементами высказывания, они могут создавать различные оценочные смыслы. В частности, посредством количественных показателей ставится задача показать значительность или незначительность политического явления или события в целом: *Desde manhã cedo, dezenas de combóios especiais, centenas de autocarros, milhares de carros deviam abalar rumo à capital, trazendo todos quantos se opõem a um projecto recente do Governo...* Начиная с раннего утра, *десятки специальных поездов, сотни автобусов, тысячи машин* должны были отправиться в столицу, выражая этим свое недовольство недавно принятому решению правительства...; *A participar na missa celebrada por João Paulo II, estavam cerca de 50 mil pessoas, entre as quais muitos milhares de muçulmanos, que constituem a maioria da população do Senegal, onde os católicos são apenas cinco por cento. Na торжественной мессе с участием Иоанна Павла II присутствовало около 50 тысяч человек, среди которых были многие тысячи мусульман, которые составляют большинство населения Сенегала, в отличие от католиков, которые составляют лишь пять процентов населения.* Совершенно естественно,

что, прочитав данные высказывания, у читателя создается впечатление о массовости соответствующих мероприятий.

Простая статистическая информация может свидетельствовать не только о положении в обществе, но и давать соответствующую положительную или отрицательную характеристику явлению или событию: *Eles mataram muitos, muitos refugiados — centenas*. Они убили **очень много беженцев** — **сотни**; *Durante o dia centenas de crianças vagueiam pelas ruas da cidade, a pedir esmola e comida*. В течение дня **сотни детей** бродят по улицам города, прося милостыню или просто еду.

В ряде случаев счетное существительное может передавать значение точного количества, если оно оформляется количественным числительным, но поскольку обозначается большое количество, оно может восприниматься в политическом тексте как приблизительное: *Cinco dezenas de pessoas manifestaram-se ontem, diante da embaixada da Indonésia em Haia...* **Пять десятков человек** митинговали вчера перед посольством Индонезии в Гааге...; *Segundo o “El País”, duas centenas de menores de 16 anos trabalham, de sol a sol, em Vega Baja...* По сообщению газеты “El País”, **две сотни детей** моложе 16 лет работают от зари до зари в Бега Баха...

В целом, когда в газетном тексте приводится неопределенно-количественная характеристика объекта, то это свидетельствует либо об отсутствии достоверных данных о точном количестве, либо о нежелании адресанта фокусировать внимание на точном количестве, что позволяет создать фон неопределенности. Значение количественной неопределенности может быть интенсифицировано различными способами: (1) посредством редупликации счетного существительного: *Rosalina Martins, garantiu que já assinou “dezenas e dezenas de propostas de entrada no partido”* Розалина Мартини сообщила, что уже подписала **многие десятки** (букв. **десятки и десятки**) прошений о вступлении в партию; *Entrevistei centenas, centenas de pessoas*. Я взял интервью у **очень многих людей** (букв. **сомен, сомен человек**); (2) за счет употребления с квантифицируемым выражением прилагательных **largo широкий** и **muito многих**, обозначающих неопределенно большое количество: *....a autoridade do Estado angolano ainda não se faz sentir em largas dezenas de municípios e de comunas do interior* ...влияние государственной власти не чувствуется **во многих десятках муниципалитетах и коммунах** внутри страны; *Dos largos milhares de trabalhadores despedidos nesse período com direito a pequenas indemnizações, uma parte conseguiu estabelecer-se por conta própria*. **Из многих тысяч уволенных работников** с правом на небольшую компенсацию, лишь немногие смогли устроиться своими собственными силами.

В современном политическом дискурсе многих западных стран прочное место занимает понятие “меньшинства”, то есть группы людей, представляющие меньшую часть по отношению к остальному населению. В португальском политическом дискурсе помимо лексемы **minorias** “меньшинства” активно функционирует ее антипод **maiorias большинство** во мн. числе (букв.

***большинства**), обозначающая большие группы людей, объединенные по какому-то признаку, то есть по аналогии с обозначением меньшинств: *Só na base do respeito mútuo dos direitos e deveres das maiorias e minorias pode viver e prosperar um estado pluralista e democrático* *Плуралистическое и демократическое государство может успешно существовать и развиваться при условии, если между большими и малыми группами людей существует взаимное уважение, основанное на равенстве прав и обязанностей*; *A cidade de Milwaukee, situa-se no condado do Wisconsin, e é maioritariamente constituída por negros, hispânicos e por outras maiorias raciais* *Население города Милуоки, расположенного в графстве Висконсин, состоит из афроамериканцев, представителей испаноговорящей диаспоры и многочисленных представителей других рас* (букв. *других расовых *большинств*). В современной политической жизни Португалии большие группы населения прочно ассоциируются с политическими партиями, то есть *maiorias* может обозначать как сами партии, так и электоральные группы, голосующие за эти партии, при этом на основе базовых значений могут формироваться дополнительные коннотации, в частности, она может обозначать и период легислатуры, то есть партия, набирая большинство голосов на выборах, находится у власти, и большинство голосов, которое получают представители нескольких партий: *A sintonia entre as duas maiorias é imprescindível para os sociais-democratas* *Основным условием для социал-демократов является единая позиция двух партий, представляющих большинство населения*; *Somos democratas, não há maiorias boas e maiorias más, há maiorias legítimas*. *Мы демократы, нет ни хороших, ни плохих партий, получающих большинство на выборах, а есть законно избранные партии большинства*; *...os socialistas se iniciam, após 12 anos de maiorias absolutas, na arte do pacto* *...социалистам, после 12 лет абсолютного большинства в парламенте, придется договариваться с другими партиями*.

Количественные характеристики португальских политических текстов весьма разнообразны, но мы остановились лишь на некоторых из них в виду ограниченного объема статьи.

Список литературы:

1. Дубовицкая Е. Ю. К вопросу о способах создания смысла неопределенности в языке // Когнитивные исследования языка. 2016. Вып. XXVI. С. 532–533.
2. Nunes C. Nova Gramática de Português / C. Nunes, M. L. Oliveira, M. L. Sardinha. 3-a. ed. Lisboa: Didáctica, 1981. P.255.
3. Corpus de Extractos de Textos Electrónicos MCT/ Público. [Электронный ресурс]. URL: <http://linguateca.pt/CETEMPUBLICO/> (дата обращения: 10.03.2017).

Сведения об авторе:

Шершукова Оксана Андреевна, к. ф. н., заведующая кафедрой романских языков, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия: e-mail: okshera@yandex.ru

ON THE PRAGMATIC POTENTIAL OF THE INDEFINITE- QUANTITATIVE WORDS IN THE PORTUGUESE POLITICAL TEXTS

Oxana A. Shershukova

Candidate of Philology, Head of the Department of Romance Languages,
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia,
e-mail: okshera@yandex.ru

Abstract

The article analyzes the transmission of pragmatic values using indefinite-quantitative words in Portuguese political texts. The emphasis is on the words of the value of large quantity that take the intermediate place between numerals and nouns, e.g., morphologically function as nouns, but in their lexical meaning contain a quantitative component. Numerals-nouns in the plural form may add estimating and expressive features to informative texts, in particular, indicate significance or insignificance of the political event, characterize it positively or negatively. In a number of cases the exact quantity, denoted by quantitative words, may be considered as approximate. Due to the fact that the Portuguese political press is actively using an abstract noun of the value of large quantity *maiorias*, i.e. “majority” in the plural form, the analysis of the relevant values is of great interest.

Key words: uncertainty, the quantitative meaning, pragmatic, political text.

References:

1. Dubovitskaia, E. Iu. (2016). K voprosu o sposobakh sozdaniia smysla neopredelennosti v iazyke [On the question of how to create a sense of uncertainty in the language] // *Kognitivnye issledovaniia iazyka [Kognitivnyye issledovaniya yazyka]*. Vyp. KhKhVI, 532–533.
2. Nunes, C., Oliveira, M. L., and Sardinha, M. L. (1981). *Nova Gramática de Português*. 3-a. ed. Lisboa: Didáctica.
3. Corpus de Extractos de Textos Electrónicos MCT/Público. Retrieved 13 July, 2017 from <http://linguateca.pt/CETEMPUBLICO/>

Лингводискурсивное исследование конструкции “мягкая сила”: теоретический и практический аспекты

(на материале печатных СМИ РФ и США)

Н. В. Юдина, О. А. Селиверстова

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Аннотация

Возросшая популярность концепции “мягкой силы” в политике привела к интенсивному использованию данной конструкции во всех видах

дискурса. Наряду с экстралингвистическими факторами это привело к семантическому сдвигу: расширению и смещению значения конструкции “мягкая сила” как в русском, так и в английском языке. В статье приводятся результаты исследования, целью которого являлось выявление национально обусловленных различий в значении конструкции “мягкая сила” в России и США. Языковую базу исследования составил корпус из 841 англоязычного и 634 русскоязычных расширенных контекстов с компонентом “мягкая сила”, извлеченных методом сплошной выборки из печатных СМИ США и России за период 2005–2016 год.

Ключевые слова: “мягкая сила”, дискурсивный анализ, тематическое поле, корпусный подход, семантика.

Понятие *мягкая сила* за последние несколько лет вошло и прочно закрепилось в дискурсивной практике политических и общественных деятелей разного уровня, а также в отечественных и зарубежных средствах массовой информации. *Мягкая сила* нередко становится предметом обсуждений и объектом исследований ученых целого ряда научных направлений как в России, так и за ее пределами. Вместе с тем, в отличие от русскоязычной конструкции *мягкая сила*, ее англоязычный эквивалент *soft power* имеет более продолжительное функционирование в языке. Об этом свидетельствуют статистические данные, полученные в результате проведенного нами анализа печатных СМИ России и США. Так, в ведущих российских СМИ, к числу которых мы отнесли “АиФ”, “Ведомости”, “Известия”, “Коммерсант”, “Российскую газету”, до 2005 г. не встречается упоминаний конструкции *мягкая сила*, в то время как в одной только “New York Times” за период с 1990 года (когда термин был введен Джозефом Наем) до 2005 года насчитывается 57 упоминаний конструкции *soft power*. При этом заметна отчетливая тенденция к планомерному увеличению количества контекстов с исследуемой конструкцией как в РФ, так и в США с 2005 и резкий рост ее “популярности” с 2007 г. в США и с 2008 г. в России, продолжающийся по настоящее время: с 2005 по 2015 гг. количество словоупотреблений конструкций *мягкая сила* и *soft power* в год выросло в 6 раз в СМИ США и в 14 раз в России. Такие внушительные изменения свидетельствуют о внимании, которое сегодня уделяется этой теме, а также о значительном потенциале данного подхода к вопросам, прежде всего, внешней политики. Целью настоящей работы, таким образом, стало выявление особенностей функционирования конструкции *мягкая сила* и ее англоязычного эквивалента *soft power* в дискурсе СМИ России и США XXI века.

Стремительный рост использования в дискурсивной практике относительно “молодого” понятия привел к изменению его семантической структуры и появлению семантической диффузности, понимаемой как “недоопределенность содержания языковых знаков различного уровня

(морфем, лексем, словосочетаний, предложений, текстов), размытый характер границ между значениями и их категориями в семантической системе языка и в языковой коммуникации” (Kiklewicz A. цит. по: [1, с. 129]). Примечательно, что с течением времени и в связи с изменениями геополитических реалий изменился и подход автора данного понятия к его толкованию. Впервые Джозеф Най использовал конструкцию *soft power* в выражении *soft power resources* в качестве контекстуального противопоставления *hard power resources*: “... США остается единственным государством со значительными ресурсами жесткой и мягкой силы” [3, с. 5] (здесь и далее перевод наш. — Н. В. Юдина, О. А. Селиверстова), определяя *soft power* как “способность формировать предпочтения... неосязаемыми ресурсами, такими как культура, идеология и институты” [3, с. 49]. Позже, в 2004 году, в книге “Soft Power. The Means to Succeed in World Politics” (“Мягкая сила: путь к успеху в мировой политике”) Дж. Най предлагает трактовать *мягкую силу* как “умение добиваться желаемого не принуждением или вознаграждением, а привлекательностью” [4, с. 5]. Таким образом, *мягкая сила* стала восприниматься как способность, связанная с направленной деятельностью, имеющей четкие цели (“добиваться желаемого”) и инструменты (“привлекательностью”). Указанные семы: “способность”, “воздействие” и “привлекательность” — в разных сочетаниях и с разной степенью конкретизации в том или ином виде встречаются в определениях англоязычных словарей (в словарях русского языка словарная статья “мягкая сила” на сегодняшний день отсутствует), а также в приводимых комментариях к данной конструкции в СМИ. При этом нельзя не отметить различия в понимании *мягкой силы* в США и в России.

Для выявления и описания дискурсивного использования конструкции *мягкая сила* и его национально обусловленной специфики в рамках данного исследования методом сплошной выборки из СМИ России за 2005–2016 гг. (“АиФ”, “Ведомости”, “Известия”, “Коммерсант”, “Российскую газету”) (634 контекста) и США (“New York Times” и “Washington post”) (841 контекст) был собран корпус, состоящий из расширенных контекстов с конструкцией *soft power* / *мягкая сила*. На основе материала корпуса был проведен семантический анализ, включающий в себя синтагматический, парадигматический анализ и конструирование ассоциативно-тематического поля, понимаемого как “проекция концепта на индивидуальный лексикон, в состав которого входят все лексические единицы, составляющие ближайший контекст имени концепта” [2, с. 103].

В ассоциативно-семантическом поле *soft power* в дискурсе СМИ США были выявлены следующие частотные коллокации: *China / Chinese* (китайский) — 355, *American / America* (Америка / американский) — 218, *policy / political* (политика / политический) — 192, *world* (мир) — 175, *hard* (жесткий) — 149, *country / countries* (страны / страны) — 145, *military* (военный) — 141, *economy / economic* (экономика / экономический) — 138,

culture / cultural (культура / культурный) — 127, *United States* (Соединенные Штаты) — 110, *diplomacy / diplomatic* (дипломатия / дипломатический) — 103, *foreign* (иностранный) — 98, *government* (правительство) — 91, *influence* (влияние) — 86, *war* (война) — 80, *global* (всемирный) — 78, *president* (президент) — 70, *people* (народ) — 66, *international* (международный) — 51.

Приведенные выше данные о частотности лексем в собранном корпусе демонстрируют отсутствие четкой границы между ядром, околоядерной зоной и периферией, а также отсутствие ярко выраженной семантической доминанты. При этом суммарное значение частотности лексем *hard — military* (жесткий — военный), обладающих общей семой *военный*, позволяет рассматривать ее в качестве ядра ассоциативно-семантического поля, в оппозиции к которому раскрывается основное значение *soft power*, реализуемое в дискурсе американских СМИ, о чем также свидетельствует присутствие в ассоциативно-семантическом поле лексемы *war*. Такой вывод находит свое подтверждение в синтагматическом и парадигматическом анализе. Так, при анализе пассивной валентности исследуемой конструкции обращают на себя внимание сочетания, построенные по модели *существительное + soft power*, где существительное обладает семой “военный” (*weapons, paporply, deployment, arena*), а также сочетания *глагол + soft power*, где среди нейтральных глаголов присутствует глагол *deploy*, имеющий ограниченную сочетаемость и использующийся обычно в контекстах военной тематики. Отдельного внимания заслуживает антонимическая парадигма, представленная системой оппозиций *hard power — soft power, military power — soft power, physical power — economic power — soft power*. При этом оппозиция *hard power — soft power* обладает наиболее высоким показателем частотности (встречается в 17% конкордансов) и в большинстве контекстов реализует сему “военный”.

К периферии ассоциативно-семантического поля можно отнести (в порядке убывания) частотности *world* (мир), *country / countries* (страны / страны), *economy / economic* (экономика / экономический), *culture / cultural* (культура / культурный), *diplomacy / diplomatic* (дипломатия / дипломатический), *foreign* (иностранный), *government* (правительство), *influence* (влияние), *war* (война), *global* (всемирный), *president* (президент), *people* (народ), *international* (международный).

Важными компонентами ассоциативно-семантического поля *soft power* являются субъекты *мягкой силы*, представленные преимущественно наименованиями государств и их производными (в порядке убывания частотности): *China, America, Europe, Russia*. При этом показатель частотности Китая превышает соответствующий показатель Америки, что свидетельствует о значительном интересе, проявляемом американскими СМИ к политике *мягкой силы* Китая. Значимость субъекта *мягкой силы* в семантической структуре понятия находит свое подтверждение

в ходе синтагматического анализа. Обращает на себя внимание продуктивность атрибутивных конструкций с притяжательным местоимением, а также с существительными в форме притяжательного падежа, где существительные преимущественно обозначают источник мягкой силы: *Asian giants' soft power* (мягкая сила азиатских гигантов), *nation's soft power* (мягкая сила нации), *company's soft power* (мягкая сила компании), *law's soft power* (мягкая сила закона), регион: *country's soft power* (мягкая сила государства), *city's soft power* (мягкая сила города), *mainland's soft power* (мягкая сила материкового Китая) или его название. В последнем случае притяжательный падеж относится к именам собственным, ср.: *China's soft power* (мягкая сила Китая), *America's soft power* (мягкая сила Америки), *Beijing's soft power* (мягкая сила Пекина).

Субъект *мягкой силы* имеет ничуть не меньшую значимость для ассоциативно-семантического поля мягкой силы в дискурсе российских СМИ. Так, наиболее частотной в собранном корпусе является лексема *страна* (231), показатель которой в сумме с аналогичным показателем компонента *государство* (110), реализующим ту же сему, что и *страна*, позволяет считать данные геополитические обозначения источника *мягкой силы* доминантой *ядра* АСП. Кроме того, к ядерной зоне можно также отнести компоненты *мир* (185) и *политика* (174). Таким образом, ядерная зона АСП включает компоненты, обозначающие источник и сферу применения *мягкой силы* (*страна / государство, мир, политика*) и не содержит отсылки к характеристикам или инструментам мягкой силы. Вероятно, это связано с тем, что концепция *мягкой силы* находится на этапе становления и только начинает обретать характерные черты и инструменты. К схожим выводам приводит синтагматический анализ, который выявил наибольшую продуктивность сочетаний, построенных по модели *существительное + мягкая сила*, что на фоне относительно низкой продуктивности модели *глагол + мягкая сила*, и их незначительном семантическом разнообразии дает основания предполагать преобладание скорее статического, чем динамического подхода к концепции *мягкой силы*. О низкой степени ассимилированности понятия *мягкая сила* в языковом сознании свидетельствует также высокая воспроизводимость атрибутивного местоименного выражения *так называемая* в позиции к конструкции *мягкая сила*, а также значительное количество контекстов, содержащих определения или поясняющие комментарии относительно ее значения.

К околоядерной зоне АСП на основании показателя частотности (указан в скобках) были отнесены следующие коллокации: *использование / использовать* (131), *культура / культурный* (122), *влияние / влиять* (111), *экономика / экономический* (91), *инструмент* (86) и *дипломатия / дипломатический* (78). Таким образом, околоядерную зону АСП составляют компоненты, обозначающие инструменты или сферы воздействия мягкой силы и их конкретизацию.

Периферия АСП включает менее частотные компоненты: *развитие* (64), *президент* (58), *власть* (47), *язык* (41), *образование* (38), — представляющие собой достаточно семантически разнородные лексические единицы, объединить которые на основе общего семантического признака представляется затруднительным.

Проведенный лингводискурсивный анализ позволил выявить национальную специфику восприятия *мягкой силы*, что может косвенно свидетельствовать о специфике соответствующей политики в России и США. Так, *мягкая сила* в языковом сознании журналистов США представляет собой альтернативный, невоенный, способ ведения внешней политики. В указанной оппозиции *мягкая* и *жесткая сила* противопоставляются лишь по способам воздействия, преследуя во многом одни и те же цели. К неотъемлемым инструментам *мягкой силы* при этом относятся культура и дипломатия. Общим в восприятии *мягкой силы* в США и России является потребность в указании субъекта *мягкой силы* как ее необходимого атрибута. Вместе с тем, доминанта АСП русскоязычного дискурса не содержит характеристику *мягкой силы* или ее инструментов и лишь свидетельствует о восприятии *мягкой силы* как сфере деятельности государства. Лексемы, которые могут считаться инструментами *мягкой силы*, включают, помимо, типичных для дискурса США *культуры* и *дипломатии* лексемы с семой “экономика”, а также коллокации *язык* и *образование*, что, по-видимому, объясняется значительным вниманием, уделяемым в настоящее время вопросам продвижения русского языка и образования на русском языке в мире.

Список литературы:

1. Власова Л. А. Семантическая диффузия, семантическая неопределенность: определение понятий // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. М., 2014. Т. 1, №2. С. 128–132.
2. Чурилина Л. Н. Лексическая структура текста как ключ к реконструкции индивидуальной картины мира // Изменяющийся языковой мир: материалы междунар. науч. конференции. Пермь, 2001. С. 103–105.
3. Nye J. S. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York: Basic Books. 1990, 336 p.
4. Nye J. S. Soft Power. The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs. 2004, 192 p.

Сведения об авторах:

Юдина Наталья Владимировна, д. ф. н., профессор, директор Владимирского филиала Финансового Университета при Правительстве РФ, Владимир, Россия; e-mail: dr.yudina@mail.ru

Селиверстова Оксана Александровна, старший преподаватель, Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Россия; e-mail: oxana33@list.ru

DISCOURSE-BASED LINGUISTIC ANALYSIS OF THE TERM ‘SOFT POWER’: THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS — EVIDENCE FROM THE RUSSIAN AND AMERICAN PRESS

Natalia V. Yudina

Doctor of Philology, Professor, Director of the Vladimir Branch of Financial University under the Government of the Russian Federation, Vladimir, Russia; e-mail: dr.yudina@mail.ru

Oksana A. Seliverstova

Assistant Professor, Vladimir State University, Vladimir, Russia; e-mail: oxana33@list.ru

Abstract

Rapidly growing popularity of “soft power” concept in politics has led to abundant use of the corresponding term in all types of discourse. The latter together with extra linguistic factors has triggered semantic shift which resulted in a broader and vaguer meaning of the term “soft power” both in English and Russian. The paper reports the results of research aimed at establishing nationally specific differences between the meanings of “soft power” in Russia and the USA. The analysis was based on representative corpora of 841 English and 634 Russian language lexical contexts derived from printed press dated 2005–2016.

Key words: “soft power”, discourse analysis, lexical field, semantics, corpus based approach (methods).

References:

1. Vlasova, L. A. (2014). Semanticheskaja diffuziia, semanticheskaja neopredelennost': opredelenie poniatii [Semantic diffusion, semantic uncertainty: defining the notions]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina* [Bulletin of Leningrad State University named after A. S. Pushkin], 1 (2), 128–132.
2. Churilina, L. N. (2001). Leksicheskaja struktura teksta kak kliuch k rekonstruktsii individual'noi kartiny mira [Lexical structure of the text as a key to individual world representation]. *Izmeniaiushchiiia iazykovoii mir: materialy mezhdunar. nauch. konf* [The Changing world of language. International Conference Proceedings], 103–105.
3. Nye, J. S. (1990). Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York: Basic Books.
4. Nye, J. S. (2004). Soft Power. The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs.

Секция 3

**Лингвистические
единицы в когнитии
и коммуникации**

Фразеологические единицы в аспекте когниции и коммуникации

А. К. Байрамова

Казанский федеральный университет

Аннотация

В статье раскрывается образная структура русских и английских фразеологизмов о правде и лжи. На фоне немецких, французских, татарских фразеологизмов о правде и лжи по параметру образности определяется лакунарность, уникальность, оригинальность русских и английских фразеологизмов о правде и лжи. Классификация образов русских, английских, немецких, французских, татарских фразеологизмов о правде и лжи дана по кодам: соматизмы, пищевой код, код одежды, код статуса человека, зоонимы, код природы, космонимов и др. (всего 10 видов). Проводится идея значимости семантики кодового компонента и коррелирующего с ним образного компонента фразеологизма. Приводится этимологическая информация к фразеологизмам, которая раскрывает связь семантики фразеологизмов с ментальностью, культурой носителей языков.

Ключевые слова: фразеологизм, образ, код, лакунарность, правда, ложь.

Аксиологемы “правда” и “ложь” как нравственно-этические ценность и антиценность занимают одно из ведущих мест среди конвенциональных ценностей и антиценностей. В аспекте когнитологии, изучающей “познание и высшие мыслительные процессы”, большое значение имеет обработка символической информации, распознавание образов [10, с. 379–380].

Понятие “образ фразеологизма” лингвистами определяется как “образная внутренняя форма”, которую “в ономазиологическом аспекте можно рассматривать как самый основополагающий компонент семантики фразеологизма” [6, с. 32]. И “выбор признака, лежащего в основе номинации, не обязательно определяется его существенностью” [7, с. 8].

В. И. Зимин определяет следующие основные роли образа в семантике и функционировании фразеологизмов: 1) образ мотивирует реальное значение фразеологизма; 2) образ “возбуждает” оценку и эмотивность значения фразеологизма; 3) образ является носителем культурной коннотации фразеологизма [6, с. 33].

Как отмечает В. И. Зимин, при составлении “Большого фразеологического словаря русского языка” авторы словаря уделили особое внимание следующим положениям, связанным с характеристикой образа фразеологизма. Это:

— обрисовка образа фразеологизма,

- соотнесение образа фразеологизма с определённым пластом культуры (мифологическим, архетипическим, библейским, фольклорным, художественным, бытовым),
- соотнесение образа фразеологизма с тем или иным кодом культуры (антропным, соматическим, зооморфным, временным, природным, ландшафтным и т. п.) [6, с. 48].

При исследовании фразеологических единиц, составляющих полилингвальный массив, научный интерес представляет выявление лакунарных единиц, лакунарных образов. Мы определяем лакунарную единицу как такую, которая в другом языке имеет пробел, пропуск, пустоту, то есть лакуну — нулевой коррелят лакунарной единицы. Нулевая степень эквивалентности — лакунарность, составляющими которой являются лакунарные единицы языка *A* и коррелирующие с ними лакуны (лат. *lacuna* — пробел, пропуск, пустота) языка *B* [2, с. 43]. С точки зрения межъязыковой лакунарности совсем не исследованными остались образные компоненты разноязычных фразеологизмов.

По степени лакунарности высокую степень, на наш взгляд, представляют те лексические компоненты образных фразеологизмов, которые непосредственно отражают национальную культуру носителей языков, и в полилингвальном фразеологическом материале образы уникальны.

В русском языке фразеологизмов о правде более 225 ФЕ, в английском языке — 202 ФЕ, в немецком — 195 ФЕ, во французском языке — 170 ФЕ, в татарском языке — 129 ФЕ.

Оригинальным английским фразеологизмом о правде с образным компонентом пищевого кода является фразеологизм с лексемой, обозначающей масло (*oil*): *dinkum oil* — сущая правда. *Oil and truth get uppermost at last*. — Масло и правда остаются на самом верху. *Truth and oil are ever above*. — Правда и масло всегда наверху. В этих пословицах о правде подчеркнута особенность масла не растворяться, не тонуть в воде, что и дало возможность ставить в один ряд масло и правду.

Английский фразеологизм о правде, раскрывая её в шуточной тональности, используя код социального статуса человека, эвфемистически называет профессию врача: *What the doctor ordered* — “что доктор прописал”, то есть как раз то, что нужно, а нужна — правда.

С зоонимным кодом только в русском фразеологизме о правде упоминается зооним *соболь*: *Дороги твои сорок соболей, а на правду и цены нет*. Как известно, соболь считается “одним из самых ценных сибирских мехов. Сорок соболей составляет мех” [5, с. 252]. Таким образом, главная идея этой русской пословицы: правда бесценна.

Русские, английские, немецкие, французские и татарские фразеологизмы о лжи / обмане также отражают различные аспекты этой антиценности. В русском языке их более 383 ФЕ, в английском языке — 424 ФЕ, в немецком — 399 ФЕ, во французском языке — 344 ФЕ, в татарском языке — 334 ФЕ.

Лакунарным образом-соматизмом является горб: как образ он использован только в русском фразеологизме *на чужом горбу* (*в рай въезжать*), который раскрывает нечестное использование для своего блага чужого тяжёлого труда.

Из компонентов пищевого кода в русском фразеологизме выступает “кисель”. Он использован как лакунарный во фразеологизме со значением лжи только в русском фразеологизме: *белгородский кисель*. Фразеологизм *устаревший, шутливый*, означает: “ловкий и хитроумный обман, уловки”. Для современного носителя русского языка семантика пищевого компонента трудно связывается с семантикой самого фразеологизма. Однако второй компонент-топоним подсказывает “привязанность” фразеологизма к определённой истории [4, с. 144].

Лакунарный компонент *pudding* использован во фразеологизме с семантикой притворства / ханжества / лицемерия: *more praise than pudding*, *редк.* — благодарность на словах, а не на деле [8, с. 592].

Код одежды в образе *тоги* использован в русском фразеологизме (и только в нём): *рядиться в тогу* (*книжн.*) — “пытаться выдать себя за кого-либо, создать себе определённую репутацию, не имея на это достаточных оснований”. Тога не одежда русского человека, тем самым подчёркивается неправда, ложь.

На социальное положение человека в обществе указывают английские (и только они) фразеологизмы: *a confidence man* (аферист, мошенник) и *work the oracle* — интриган-оракул (*букв.* работать оракулом). С профессией в торговой сфере связан фразеологизм: англ. *honest broker*, *ирон.* — “честный” маклер, “бескорыстный” посредник.

Обман передаётся русским фразеологизмом с лакунарным компонентом-зоонимом *поросёнок / порося*: *из порося в карася*. Происхождение фразеологизма связано с народным рассказом о монахе: желая полакомиться поросятинкой во время поста, он обратился к Богу с молитвой об отпущении греха, произнеся после этого: “Ну, порося, обратись в рыбу карася” [3, с. 106].

Образ бобра также является лакунарным, употребляясь только в русском фразеологизме *убить бобра*, *ирон.* — обмануться в расчётах, предпочтя плохое хорошему или худшее лучшему [11, с. 487].

Среди использованных в разноязычных фразеологизмах о лжи 12 зоонимных образов-компонентов только три (*kangaroo*, *possum*, *pip*) являются лакунарными образами-компонентами английских фразеологизмов о лжи.

Фразеологизм *a kangaroo court*, *амер. сленг* — незаконное судебное разбирательство, попирающее принципы справедливости; инсценировка судебного заседания, устраиваемая заключёнными в тюрьме (*букв.* суд кенгуру). Выражение основано на уподоблении поспешного судебного заключения, не имеющего законной силы, с прыгающим кенгуру [1, с. 488; 12, с. 230].

См. также: *the cow with the iron tail*, *разг.* — аппарат, разбавляющий молоко водой; аппарат для фальсификации молока (букв. корова с железным хвостом).

Оригинален английский фразеологизм с орнитонимом “голубь”: *a stool pigeon*, *первонач. амер.* — шпион, провокатор, осведомитель (букв. голубь для приманивания диких голубей).

Код о явлениях природы использован в английском фразеологизме (и только в нём) с компонентом *thunder* (гром). При этом гром сам по себе не олицетворяет ложь, воровство. В контексте истории происхождения фразеологизма гром находится “в соседстве” с воровством: *steal some one's thunder* — заимствовать, публиковать чужие идеи, открытия (букв. украсть гром). Выражение было впервые употреблено критиком и драматургом Джоном Деннисом (John Dennis, 1657–1734), который придумал для постановки своей пьесы новый способ создания театрального грома. Однако пьеса Дениса потерпела неудачу, а его способ был “использован”, точнее, украден при постановке драмы В. Шекспира “Макбет”. Присутствующий на спектакле Деннис воскликнул: “*See how the rascals use me! They will not let me play run; and yet they steal my thunder!*” [9, с. 126–127].

Оригинально использован космоним *moon* для передачи семантики мошенничества в английских фразеологизмах: *shoot the moon*, *жарг.* — ночью съехать с квартиры, не заплатив за неё (букв. застрелить луну), а также: *a moonlight flit / flitting*.

Итак, когниция как процесс познания семантики фразеологизмов о правде и лжи проходит через установление набора уникальных операций: установление образной основы фразеологизмов, расшифровка кода образа, установление символов, этимолого-культурологических, исторических материалов, операций сравнения (для установления лакунарности).

Список литературы:

1. Американа. Англо-русский лингвострановедческий словарь / Под ред. Г. В. Чернова. М.: Соруригт. “Полиграмма”, 1996. 1185 с.
2. Байрамова Л. К. Введение в контрастивную лингвистику: учебное пособие. Казань: КГУ, 2004. 116 с.
3. Вартаньян Э. А. Из жизни слов. М.: Детская литература, 1973. 288 с.
4. Гвоздарев Ю. А. Рассказы о русской фразеологии. М.: Просвещение, 1988. 190 с.
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1955. Т. 4. 683 с.
6. Зимин В. И. Основные роли образа в семантической структуре фразеологизма // Современная фразеология: тенденции и инновации. М. — СПб. — Брянск, 2016. С. 32–51.
7. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.

8. Мюллер В. К. Новый англо-русский словарь / Под ред. М. М. Маковского. М.: "Диалог", 2002. 895 с.
9. Смит Логан. Английская фразеология / Перевод А. С. Игнатьева. М.: Гос. учебно-педагогическое изд-во МП РСФСР, 1952. 208 с.
10. Философия. Энциклопедический словарь / Под ред. А. А. Ивина. М.: Гардарики, 2004. 1072 с.
11. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А. И. Молоткова. М.: Русский язык, 1986. 543 с.
12. Ammer Christine. American heritage dictionary of idioms. Boston, New York, 1997. 473 p.

Сведения об авторе:

Байрамова Луиза Каримовна, д. ф. н., профессор, Казанский федеральный университет, Казань, Россия; e-mail: luiziana08@mail.ru

IDIOMS IN THE ASPECT OF COGNITION AND COMMUNICATION

Luiza K. Bayramova

Doctor of Philology, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia;

e-mail: luiziana08@mail.ru

Abstract

The manuscript describes the imaging structure of Russian and English phraseologisms about truth and lie. Based on the imaging parameter of German, French, Tatar phraseologisms about truth and lie the lacunarity, uniqueness, originality of Russian and English phraseologisms are defined. The Russian, English, German, French and Tatar phraseologisms are classified by using the following codes: somantisms, food code, dress code, human status code, nature code, cosmonims, etc (10 codes in total).

The due regards are given to the idea of significance of semantics of the code component and the correlating idiom component. The connection of semantics of idioms with the mentality and the culture of the native speakers is disclosed. The above mentioned dictionary is demonstrated.

Key words: phraseologism, image, code, lacunarity, truth, lie.

References:

1. Americana (1995). Anglo-russkij lingvostranovedcheskij slovar' pod red. Chernova [Americana. English-Russian Encyclopedic dictionary]. Moskva: Copyright, "Poligramma".
2. Bayramova, L. K. (2004). Vvedenie v kontrasivnuyu linguistiku [Introduction in contrastive linguistics]. Kazan: KGU.
3. Vartan'jan, E. A. (1973). Iz zhizni slov [From words life]. Moskva: Detskaya literatura.
4. Gvozdev, Y. A. (1988). Rasskazy o russkoj frazeologii [Stories about the Russian phraseologisms]. Moskva: Prosvechenie.

5. Dal', V.I. (1955). *Tolkovyij slovar' zhivogo velikorussskogo iazyka* [The dictionary of life Russian language]. Moskva: Gos. Izd-vo inostrannyh i nacional'nyh slovareij.
6. Zimin, V.I. (2016). *Osnovnyie roli obraza v semanticheskoiy structure frazeologizma* [Basic role of the phraseologisms type and semantic structure]. *Sovremennia frazeologia: tendencii i innovacii* [Modern phraseological tendencies and innovations]. Moskva. Spb. Bryansk. 32–51.
7. *Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar'* (1990). Gl. red. V.N. Iarceva [Linguistic encyclopedical dictionary]. Moskva: Sovetskaya enciklopedija.
8. Müller, V. K. (2002). *Novyj anglo-russkij slovar'*. Pod red. M. M. Makovskogo [The new English-Russian dictionary]. Moskva: Dialog.
9. Smit, Logan (1952). *Angliiskaya frazeologiya* [English phraseology]. Moskva: MP RSFSR.
10. *Filosofiya. Enciklopedicheskij slovar'* (2004). Pod red. A. A. Ivina [Philosophy: Encyclopedical dictionary]. Moskva: Gardariki.
11. *Frazeologicheskij slovar' russkogo iazyka* (1986). Pod red. A. I. Molotkova [Russian phraseological dictionary]. Moskva: Russkij iazik.
12. Ammer, Ch. (1997). *American heritage dictionary of idioms*. Boston, New York.

Этнолингвистическая импликатура как способ отражения культурной идентичности

М. С. Белова

Новосибирский государственный технический университет

Аннотация

В статье рассматривается понятие культурной идентичности, отмечаются две важные составляющие культурной идентичности — знания о собственной культуре (когнитивная составляющая) и эмоциональная оценка принадлежности к этой культуре (эмоциональная составляющая). Рассматривается понятие этнолингвистической импликатуры как одного из способов отражения культурной идентичности. Предполагается, что в случае с этнолингвистическими импликатурами в отношении собственной нации (автоэтноимпликатурами) выводимая информация будет как результатом отражения фоновых знаний о собственной культуре, так и выявлением эмоциональной оценки говорящего / слушающего принадлежности к этой культуре. В качестве подтверждения данного предположения приводятся результаты эксперимента (анкетирования) на выявление представлений о “русской работе”, которые в свою очередь позволяют выявить ряд национальных ценностей и черт, присутствующих в сознании современных русских и как следствие формирующих русскую культуруную самоидентичность.

Ключевые слова: культурная идентичность, этнолингвистическая импликатура, автоэтноимпликатура, представления русских о себе, национальные черты русских.

В контексте геополитических событий последних двух десятилетий в отечественной лингвистической науке стало своего рода “трендом” говорить о проблеме идентичности личности и о том, как она проявляется в языке и речи. Термин “идентичность”, пришедший в лингвистику из психологии (Э. Эриксон) в самом широком смысле понимается как самоопределение личности. При этом различаются два вида идентичности: личностная, то есть самоопределение человека как отдельного индивидуума, и социальная, определяющая человека как члена некоторой отдельно взятой группы. **Культурная идентичность** (национально-культурная идентичность), будучи составной частью социальной идентичности, является “результатом процесса осознания себя частью определенной культуры, подразумевает определенную степень отождествления себя с этой культурой и другими ее представителями и соответственно определенную степень отграничения или обособления от других культур” [2, с. 126]. Проще говоря, культурную идентичность можно понимать как осознание человека своей принадлежности к той или иной культуре. Ю. Рот говорит о том, что культурная идентичность имеет две важные составляющие: **когнитивную**, или знания о своей родной культуре, ее истории, традициях и т.п., и **эмоциональную**, то есть эмоциональную оценку принадлежности к родной культуре и ее представителей [2]. По словам И. В. Лысак, необходимыми условиями формирования идентичности является усвоение ценностей и норм “своей” социокультурной общности и на их основании противопоставлении ценностям “чужой” культуре [1]. Именно наличие ряда ценностей / общих национальных черт и разделение этих черт личностью позволяют определять ее как часть той или иной культуры.

Одним из способов отражения национально-культурной идентичности в языке и речи является этнолингвистическая импликатура. **Этнолингвистическая импликатура (этноимпликатура)** представляет собой некоторую неявно выраженную информацию о какой-либо нации, которая может быть выведена из высказывания слушающим как подразумеваемая говорящим. Как правило, эта информация реализуется (эксплицируется) через соотношение общих фоновых знаний об этой нации, имеющих у коммуникантов, и некоторых слов, грамматических или синтаксических конструкций и в большинстве случаев постигается интуитивно в ходе общения “*Он ведь хохол и всё равно тебя обманет*”, “*Я русский и родину не предаю*”). Однако в ряде случаев для правильной интерпретации этноимпликатуры необходим также контекст общения (“*Он сделал это так по-американски!*”, “*Ты что, нерусский?*”, “*Я русский, у меня характер не такой*”). В таких случаях мы можем говорить о коммуникативной природе этноимпликатур.

Предполагается, что в случае с этноимпликатурами в отношении собственной нации (автоэтноимпликатурами), выводимая информация будет не только результатом отражения фоновых знаний о собственной культуре, но и выявлением эмоциональной оценки говорящего / слушающего принадлежности к этой культуре. Иными словами, она будет результатом отражения культурной самоидентичности личности. Степень распознавания такого рода импликатур в речи в свою очередь будет свидетельствовать о том, насколько русские осознают и принимают те или иные культурные особенности собственной нации. Таким образом, можно предположить, что результаты анализа подобных единиц в речи русских респондентов позволят нам сделать некоторые выводы относительно представлений русских о самих себе, а также принятия / непринятия каких-либо устоявшихся культурных черт.

Для подтверждения выдвинутой гипотезы нами было проведено анкетирование, цель которого — проверить степень распознавания автоэтноимпликатур в речи русских. Материалом анкетирования послужили высказывания, неявно содержащие в себе определенную этнолингвистическую информацию о русских, а именно некоторые национальные черты и ценности русских.

В качестве респондентов выступили 200 человек, относящие себя к русским, то есть воспитанные в традициях русской культуры и считающие русский язык своим родным. Важно отметить, что большинство респондентов — это молодежь (16–30 лет) с неполным высшим или высшим (преимущественно гуманитарным) образованием.

Респондентам было предложено объяснить, что имелось в виду в том или ином высказывании о русских, а также дать свои комментарии по этому поводу. Ответы респондентов распределялись по тематическим блокам, в результате чего можно было сделать вывод о степени реализации каждой автоэтноимпликации, а также о принятии / непринятии определенных собственных национальных черт.

Рассмотрим одно из предложенных высказываний: **“Только русский человек способен так работать”**. В нем не сообщается напрямую о том, как именно способен работать русский, следовательно, оно заключает в себе импликатуру. В основе данной импликации лежат базовые представления русских о понятиях “труд” и “работа”, в которых может являться целый ряд национальных черт / ценностей. Заметим, что исторически данные понятия противопоставлялись в сознании русских, что отражено в богатом наследии русского фольклора, прежде всего в пословицах и поговорках. С одной стороны, мы наблюдаем явное поощрение труда (“*Будешь упорно трудиться — будет и хлеб в закромах водиться*”, “*Без труда не выловишь рыбку из пруда*”), с другой — пропагандируется второстепенность материального, где “работа не главное” и “не в деньгах счастье” (“*Работа не волк — в лес не убежит*”).

В результате анализа ответов респондентов были выделены следующие тематические блоки:

1. 29 % информантов полагают, что русским свойственна **высокая трудоспособность, выносливость** и даже в какой-то степени **самотверженность, связанная, прежде всего, с необходимостью зарабатывать деньги, чтобы прокормить себя и семью**. В этом случае им приходится работать много, зачастую не жалея себя, ср.: *“работать как лошадь”, “на износ”, “то есть пахать до потери пульса... А во имя чего? Если есть во имя чего, то это хорошо. Чаще же — просто по инерции”*. Более того, отмечается, что довольно часто такая работа осуществляется за очень низкую заработную плату: *“Русских приучили “батрачить” и получать за это столько, чтобы хватало на поддержание жизненных сил и на дорогу до места “работы», “работать от зари до зари за гроши”, “работать как раб!”*;
2. 17 % респондентов считают, что **русские работают много и самотверженно, если получают от работы удовольствие**: *“всю душу отдав”, “получая от работы наслаждение, так как труд здесь — способ остаться человеком, не оскотиниться”*. Они также готовы много работать, когда перед ними стоит какая-то высокая цель, “идея”: *“работать упоенно, упорно, за идею”, “самозабвенно”, “работа не за страх, а за совесть. Идея важнее денег. Энтузиазм”, “с душой и отдаванием всего себя”*, при этом отмечая, что *“никто более на такое не способен”*;
3. 14 % опрошенных в своих ответах отметили **противоречивость русской работы**: *“либо тотальная самоотверженность, либо тотальная лень”*. Они полагают, что русские могут как *“самотверженно работать, ради общего дела / высокой цели”*, так и *“делать все по принципу “и так сойдет”, не чувствовать ответственности за свой труд”*;
4. 13 % респондентов считают, что русские много работают, поскольку им присуща такая черта, как **трудолюбие**: *“Русские чрезмерно трудолюбивы”, “Сила и трудолюбие русского народа”, “Русские трудолюбивы, получают радость от работы”, “Нам хлеба не надо — работу давай!”*;
5. 8 % полагают, что под выражением “так работать” подразумевается **плохая работа**: *“работать, как говорится, спустя рукава, не обращая внимания на детали”*. В большинстве случаев это объясняется **нежеланием работать, ленью русских, “работать с ленцой”**. На фоне этой черты русских зачастую появляется также и другая черта — **изобретательность**, ср.: *“Умение находить нестандартные решения, будучи движимым ленью”, “Работать с ленцой, не совсем правильно, но все успевать и представлять как правильное”, “Ничего не делать, но так, чтобы никто не заметил этого”*;
6. 6 % респондентов, напротив, под высказыванием *“только русский способен так работать”* понимают **хорошую, качественную работу**, ср.: *“Ударно, с фантазией, хорошо”, “У нас золотые руки”, “Работать на совесть, как для себя”*;

7. наконец, 5 % респондентов говорят о **своеобразном подходе к работе** русских: *“Русские часто находят нетипичные способы решения задач”, “... у русских свой подход к делам, все идет от сердца и может очень противоречить логике”*.

Остальные респонденты дали ответы, не вошедшие ни в одну из групп (4 %) или же затруднились дать ответ (4 %).

Таким образом, мы видим, что высказывание **“Только русский способен так работать”** может иметь целый ряд интерпретаций, следовательно, будет считаться коммуникативной, или речевой, имплицатурой, поскольку для точного понимания того, что именно намеревался передать автор, необходим контекст.

Тем не менее, полученные ответы отразили целый ряд национальных черт русских, а именно: склонность к крайностям, неумение создать “среднее” (*“Отсутствие умеренности, как в жизни, так и в работе. Либо работа не волк, либо не покладая рук”*), русскую смекалку, недостаточное внимание к качеству, неторопливость, “русские медленно запрягают”, опоздания, историческая терпеливость (терпение и надежда на будущее, смирение, покорность), азартность, увлеченность деятельностью (*медленно запрягают, но быстро ездят*), эмоциональность и т.д.

Таким образом, анализ интерпретаций автоэтноимплицатур действительно позволяет выявить те ценности или черты русского национального характера, которые присутствуют в русском сознании. Более того, если в начале эксперимента мы говорили только о двух позициях, соотносящих понятия “труд” и “работа” (любовь к труду и нелюбовь к работе), то в результате эксперимента мы увидели целый спектр национально-культурных черт / ценностей, присутствующих в сознании респондентов и позволяющих определить принадлежность последних к русской культуре.

Как нам представляется, автоэтноимплицатуры являются своего рода “каплей воды”, в которой могут отразиться совершенно разные национальные черты и ценности. Это делает изучение этноимплицатур в общем и автоэтноимплицатур в частности особо ценным исследовательским материалом для изучения национально-культурной самоидентичности.

Список литературы:

1. Лысак И. В. Проблема сохранения культурной идентичности в условиях глобализации // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2010. — №4. — С. 91–95.
2. Рот Ю. Межкультурная коммуникация. Теория и тренинг: учебно-методическое пособие / Ю. Рот, Г. Коптельцева. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2006. — 223 с.

Сведения об авторе:

Белова Марина Сергеевна, аспирант, Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия; e-mail: m.s.belova@mail.ru

THE ETHNOLINGUISTIC IMPLICATURE AS A MEANS OF REFLECTING AN INDIVIDUAL'S CULTURAL IDENTITY

Marina S. Belova

Postgraduate student, Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk;
e-mail: m.s.belova@mail.ru

Abstract

The article deals with the concept of cultural identity, two important components of cultural identity are mentioned — cognitive and emotional. The concept of ethnolinguistic implicature is considered as one of the ways of reflecting cultural identity in language and speech. The results of the experiment of identification of current views on “Russian work” are presented, which, in turn, make it possible to reflect a number of national traits that shape Russian cultural identity.

Key words: cultural identity, ethnolinguistic implicature, autoethnoimplicature, Russian representations of themselves, national features of Russians.

References:

1. Lysak, I. V. (2010). Problema sohraneniya kul'turnoj identichnosti v usloviyah globalizacii [The problem of preserving cultural identity in the context of globalization]. *Gumanitarnye i social'no-ehkonomicheskie nauki [Humanitarian and socio-economic sciences]*. — No. 4. 91–95.
2. Roth, Yu. (2006). Mezhkul'turnaya kommunikaciya. Teoriya i trening: uchebno-metodicheskoe posobie [Intercultural Communication. Theory and training: educational-methodical manual]. — M.: UNITY-DANA.

Об одной неоднозначной грамматической конструкции русской разговорной речи

Н. В. Богданова-Бегларян

Санкт-Петербургский государственный университет

Аннотация

Изучение языка начинается с описания его словаря и грамматики. Для русского языка они описаны достаточно полно. Однако материал разговорной речи, особенно с использованием корпусного подхода, выявляет порой такие факты, которые не отражены в существующих описаниях (словарных и грамматических), но активно функционируют в речи носителей языка и потому требуют специальной фиксации и анализа в лингвистических и лингводидактических целях. Так, конструкция *что (чего) — Р — что ли?!* может обозначать либо обычный вопрос по

поводу Р (*что неудобно тебе в кресле что ли?*), либо отрицание того, что стоит за элементом Р (*что мне жалко что ли?* = ‘конечно, не жалко’) (риторический вопрос, не требующий ответа), либо утверждение (*что с ума сошёл что ли?!* = “конечно, сошел с ума”) (экспрессивный риторический вопрос-удивление/недоумение/ возмущение и под., также не требующий ответа). Нет сомнения, что в словарях и учебных материалах по русскому языку как иностранному эта конструкция должна получить всестороннее описание.

Ключевые слова: повседневная речь, грамматика речи, звуковой корпус, учебные материалы, русский язык как иностранный.

Описать язык — значит описать его *словарь* и *грамматику*. Это *азбука лингвистики*. Выучить новый язык — значит освоить его словарь и грамматику. Это *азбука лингводидактики*.

Грамматика языка предполагает, в частности, описание разного рода *вопросительных конструкций* (ВК), которых в нашей речи достаточно много и которые — для кодифицированного литературно-письменного языка — описаны достаточно полно и всесторонне. Однако материал разговорной речи, особенно с использованием корпусного подхода, выявляет порой такие факты, которые не отражены в существующих словарных и грамматических описаниях, но активно функционируют в речи носителей языка, попадают в поле зрения или аудирования инофона и потому требуют специальной фиксации и анализа в лингвистических и лингводидактических целях (см. о таких типичных разговорных ВК, например, [1]).

Одним из таких явлений, оставшихся фактически вне поля зрения лингвистов, является следующая вопросительно-риторическая конструкция: *что (чего) — Р — что ли?!*

Источником материала для настоящего исследования стал Звуковой корпус русской устной повседневной речи “Один речевой день” (ОРД), являющийся наиболее представительным на сегодняшний день ресурсом речевой коммуникации на русском языке. Записи, составившие этот корпус, выполнены по методике непрерывного многочасового мониторинга устной речи. Статистические характеристики корпуса на сегодняшний день таковы: 1250 часов звучания, полученных от 130 информантов и около 1000 их коммуникантов, представляющих разные социальные группы (социолекты) современного российского мегаполиса, каким является Санкт-Петербург, 2800 макроэпизодов речевой коммуникации, 1 млн. словоупотреблений в текстовых расшифровках, 100 тыс. словоупотреблений в аннотированном подкорпусе (подробнее об ОРД см.: [4]).

Вопросительная конструкция, ставшая конкретным объектом анализа, представляет собой высказывание, в котором говорящий задает вопрос собеседнику, потом сам же на него отвечает и — словно бы для верности — переспрашивает: *так, что ли?* Получается своеобразная

синтаксическая конструкция-триада <вопрос — “самоответ” — переспрос>, где переспрос можно рассматривать как своеобразную рефлексию говорящего на произнесенный им фрагмент речи.

Анализ корпусного материала показал, что рассматриваемая ВК выступает в нашей повседневной речи в трех разных значениях:

- 1) вопрос о Р;
- 2) отрицание Р;
- 3) утверждение Р.

В первом случае конструкция *что (чего) — Р — что ли?!* выступает в значении, наиболее близком к тому, что задается грамматиками (хотя сама она как цельная грамматическая конструкция в литературе не представлена; о грамматике (лингвистике) конструкций (СхG) см., например: [3; 5; 6]) — это обычный вопрос к собеседнику, в котором, впрочем, уже содержится предполагаемый ответ, и говорящий ждет лишь подтверждения или отрицания того, что уже сам произнес (об особенностях орфографического представления (расшифровки) материалов ОРД см. [4]):

- *и что ж? сейчас по-другому что ли?*
- *а первое образование что у него / биологическое что ли?*
- *что неудобно тебе в кресле что ли?*
- *подожди / а там / а там что / в “Июне” что ли?*

Формальным вариантом этой ВК можно, по-видимому, считать ту, в которой на месте первого *что* стоит разговорное *чего*:

- *если вы пишете, например, сочинение / то вы можете (...) в диалоге в виде чёрточек / да? сказать / что (э) подходит один жлоб и говорит ну ты чего / чисто по жизни тут вообще торчишь что ли? ну (...) они так разговаривают / (...) но в литературной речи вы использовать это (...) не можете.*

В последнем примере, наполненном и другими приметам разговорности (*жлоб, чисто по жизни тут вообще торчишь*, неречевой гезитатив (э), метакоммуникативное *да?*), говорящий прямо вербализует оценку данной ВК как разговорной: *в литературной речи вы использовать это (...) не можете.*

Справедливости ради надо сказать, что на месте *что (чего)* в рамках рассматриваемой конструкции может быть и любое другое вопросительное слово:

- *где? в кафе что ли?*
- *почему / двести грамм что ли?*
- *а из чего он? из морковки что ли? почему он такого цвета-то?*
- *так что он хочет? чтоб ему сейчас всю насосную станцию переделали что ли?*
- *а это ещё кто? мама пришла что ли?*
- *во-первых, комната маленькая / во-вторых праздник делать () зачем / для себя что ли одной?*

Видно, что суть конструкции при этом не меняется: это по-прежнему <вопрос — “самоответ” — переспрос>.

Во втором случае вопрос к собеседнику перерождается в риторический со значением фактического отрицания того, о чем формально спрашивается, ср.:

- **чего** / мне жалко что ли? (= ‘не жалко’);
- **что плохо что ли** в лагере вон? (= ‘не плохо’);
- сколько полноценная моделька будет стоить / в результате? # я **что** / помню что ли *Н (= ‘не помню’);
- я говорю / мы-то **что** / против что ли? (= ‘не против’);
- так а () а **что** / мне трудно / что ли? (= ‘не трудно’);
- ну **что** делать теперь / *В плакать что ли? (= ‘не надо плакать’);
- потому что (э) она оставила нам хорошее / понимаете жалко / ну **что выбрасывать** его **что ли?** (= ‘не надо выбрасывать’);
- да нету / я всё прочитал / да (...) ну **что ж я / дурной что ли?** (= ‘не дурной’).

Видно, что почти всегда в таких ситуациях говорящим “обсуждается” предикат высказывания, хотя и выраженный самыми разными средствами (не против, не трудно / жалко / плохо, помню, плакать / выбрасывать / дойти, дурной). Встречаются, впрочем, и другие варианты: платно что ли? — с обсуждением обстоятельства покупки.

Наконец, в третьем случае вопрос по какому-то конкретному поводу превращается в экспрессивный риторический вопрос-удивление (недоумение, возмущение и под.), ср.:

- **что / серьёзно что ли?**
- ну ты можешь так не тормозить // ну ты **что издеваешь / что ли** надо мной и над машиной?
- покончить са... () самоубийством что ли // # ты **что / с ума сошла что ли?** человек развивается до самой смерти / и смерть / между прочим / является частью жизни;
- ты **чего / слегка ошалел что ли?**
- ну как так? ну ё-моё / ну **что / дебилы что ли?**

Формальным вариантом данного типа рассматриваемой ВК является конструкция без начального *что*:

- ты вообще офигел что ли? я только пришла на смену и я сломала;
- о да // всё расписал // # дурак что ли? # вообще идиотизм;
- или уходи отсюда / нечего здесь устраивать истерик бабских // *П совсем уже что ли?
- но это же нас не касается / ты не знаешь что ли? / всё у других бывает / не у себя;
- а я попробую его / что-нибудь с ним сделать // # серьёзно что ли? # я люблю копаться в технике;

- ну *Н я боюсь / что не поймёт *С / @ пошли покурим / боишься? с ума сошёл что ли? нет;
- нам объясняют / не видишь / что ли!?

Все подобные коллокации очень распространены в нашей разговорной речи, особенно такие как *серьёзно что ли?*, *с ума сошёл что ли?*, а также конструкции с контактными глаголами: *не знаешь что ли?*, *не видишь что ли?* и под.

В целом проведенный анализ лишний раз показал, что материал разговорной речи открывает богатые возможности для описания на единиче всех языковых уровней — фонетических, лексических, грамматических, дискурсивных (см. об этом также: [2], [4]), — в том числе разного рода устойчивых, идиоматизированных, вопросительных конструкций, которые, будучи по преимуществу риторическими и экспрессивными, создают ощутимую специфику нашей повседневной устной коммуникации. При этом все они практически не замечены словарями и грамматиками, в то время как очень нужны иностранцам, изучающим русский язык, то есть должны быть введены в словари и учебные материалы по русскому языку как иностранному.

Список литературы:

1. Богданова-Бегларян Н. В. Вопросительные конструкции в устной спонтанной речи: адресность, риторичность, идиоматичность // Коммуникативные исследования. №4 (10), 2016. С. 61–76.
2. Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Коллективная монография. Часть 2. Теоретические и практические аспекты анализа. Том 2. Звуковой корпус как материал для новых лексикографических проектов / Отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2015. 364 с.
3. Лингвистика конструкций / Отв. ред. Е. В. Рахилина. М.: Изд. центр “Азбуковник”, 2010. 584 с.
4. Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах. Коллективная монография / Отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: ЛАЙКА. 2016. с.
5. Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. Том. X, часть 2. Русский язык: грамматика конструкций и лексико-семантические подходы / Ред. тома С. С. Сай, М. А. Овсянникова, С. А. Оскольская. СПб.: Наука, 2014. 776 с.
6. Fillmore, Ch. Indirect Object Constructions in English and the Ordering of Transformations. The Hague: Mouton & CO, 1965. 54 p.

Примечание:

Исследование проведено в рамках проекта “Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах”, поддержанного грантом РНФ №14–18–02070.

Сведения об авторе:

Богданова-Бегларян Наталья Викторовна, д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: n.bogdanova@spbu.ru

ON A MULTIVALENT GRAMMATICAL CONSTRUCTION OF RUSSIAN COLLOQUIAL SPEECH

Natalia V. Bogdanova-Beglarian

Doctor of Philology, Professor, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia; e-mail: n.bogdanova@spbu.ru

Abstract

Study of language begins with its grammar and vocabulary. For the Russian language there is a rather full description of both. However, spoken language (especially in terms of corpora approach) provides us with facts not represented in existing taxonomies, both dictionaries and grammar descriptions; although these items actively function in speech, and thus they need to be specifically analyzed and described for linguistic and language education purposes. For example, the construction *что (чего) — P — что ли?!* can have several different meanings: a common question to P (*что неудобно тебе в кресле что ли?*), negation to P (*что мне жалко что ли?*) = 'konechno, ne zhalko') (a rhetorical question), or assertion of it (*что с ума сошел что ли?*) = 'konechno, soshel s uma') (expressive rhetorical question). There is no doubt that this construction must be broadly described in dictionaries and Russian as a foreign language textbooks.

Keywords: everyday speech, speech grammar, speech corpus, training material, Russian as a foreign language.

References:

1. Bogdanova-Beglarian, N.V. (2016). Voprositel'nye konstrukcii v ustnoj spontannoj rechi: adresnost', ritorich-nost', idiomatichnost' [Question Formulae in Russian Colloquial Speech: Addressness, Idiomaticity and Rhetorical Features]. *Коммуникативные исследования Communication Studies*, no. 4. P. 37–38.
2. Bogdanova-Beglarian, N. V. (ed.) (2015). Zvukovoj korpus kak material dlya analiza russkoj rechi. Kollektivnaya monografiya. CHast' 2. Teoreticheskie i prakticheskie aspekty analiza. Tom 2. Zvukovoj korpus kak material dlya novyh leksikograficheskikh proektov [Speech Corpus as a Base for Analysis of Russian Speech. Collective Monograph. Part 2. Theory and Practice of Speech Analysis. Vol. 2. Speech Corpus as a Base for New Lexicographical Projects]. Sankt-Petersburg.
3. Rakhilina, E.V. (ed.) (2010). Lingvistika konstrukcij [Linguistics Structures]. Moscow.
4. Bogdanova-Beglarian, N. V. (ed.) (2016). Russkijazyk povsednevnogo obshcheniya: osobennosti funkcionirovaniya v raznyh social'nyh gruppah. Kollektivnaya

- monografiya [Everyday Russian Language in Different Social Groups. Collective Monograph]. Sankt-Petersburg.
5. Saj, S. S., Ovsianikova, M. A., and Oskolskaya, S. A. (eds.) (2014). Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvističeskikh issledovanij. Tom. X, chast' 2. Russkijazyk: grammatika konstrukcij i leksiko-semantičeskie podhody [Transactions of the Institute for Linguistic Studies. Vol. X, part 2. Russian Language: Construction Grammar, and Lexical-Semantic Approaches]. Sankt-Petersburg.
 6. Fillmore, Ch. (1965). Indirect Object Constructions in English and the Ordering of Transformations. The Hague: Mouton & CO.

Методы перевода: “биография” слова в дискурсе “стереотип — архетип — прототип”: ŞƏRAB — ÇAXIR — ВИНО

Р. Гейбуллаева

Бакинский славянский университет

Аннотация

Наименьшая лингвистическая единица в слове — абджат кластер Слова, также как и люди, семьи, племена, страны, имеют свой путь развития. Как и люди из совершенно разных этнических групп и стран, слова на протяжении истории тоже пересекаются со словами из совершенно чужих языковых групп, формируя новые ответвления семиотики слова — так называемые маршруты биографии. В новом герорафическом и временном контексте слова приобретают новые окраски, постепенно отдаляясь от первичного смысла и превращаясь в новые слова, иногда приобретают новое звучание или аудиверсию при той же семиотике (например, *şərab*, *çaxır*, *вино*, *уауит*).

Позволяет реконструировать “предков” современных слов и выстроить логику трехступенчатого звена ре-интерпретации или репрезентации — теорию **стереотип — архетип — прототип**.

Ключевые слова: биография слова, *şərab-wine-уайна*, *хамг*, *çaxır*, призматический перевод.

В данном исследовании проблема перевода представлена через призму **биографии слова**. В качестве примера представлен символ средневековой классической исламской поэзии “**şərab**” (**вино**). Постольку перевод слова, как и любое современное слово, базируется на современной интерпретации, а этимология восходит к периоду средневековья, восприятие символа приводит к определенным противоречиям в понимании его роли.

Например, как объяснить *запрет* вина (**şərab**) священной книгой ислама, с одной стороны, и, с другой стороны, *восхваление* его в рамках одной и той же культуры — в классической исламской поэзии, в один и то же исторический отрезок времени — в период, когда уже эта религия является устоявшейся и господствующей в регионе, и религия является доминирующим в идентификации? В литературоведении это явление называется символом суфийской поэзии. В тот же период вино представлено как напиток в фольклорном эпосе, например, в “Книга Деде Коркута” вино представлено наряду с молочными напитками. Таким образом, можно выделить две ипостаси *şərab*. Наряду со словом *şərab* у тюркских народов (у азербайджанцев, турков) используется синонимичное слово “çaxır” [chakhir], отличающееся и с лексической, и с семантической точек зрения.

В первичной интерпретации, и соответственно, в первичном переводе “şəg+ab”, как соединение заимствованных из фарси “şəg” (плохое) и “ab” (вода) интерпретируется как “плохая вода”. У слова “çaxır” аналогичной первичной интерпретации нет, поскольку лексически и фонетически отличается от своего синонима. По логике и звучанию оно может ассоциироваться со словом “чакра” в Индийском субконтиненте, но как экзотичный омофон.

“Şərab” и его многочисленные формы выражения

Ответы на эти вопросы порождают необходимость обращения к более глубокому прошлому, к проблеме сакральных напитков. Эти сакральные напитки, мигрируя в другие культуры вместе с соответствующими им словами, со временем претерпевают изменения, обрастают новыми оттенками и через определенное время превращаются в новые семиотические единицы.

Интересно, что на английский язык “şərab-çaxır” переводится как “wine”, а на русский как “вино”. С лексико-семантической точки зрения соответствует однокоренному “вина”. Таким образом, перевод может привести к абсолютно другому слову в зависимости от интерпретации переводчиком его содержания и дискурса.

В отличие от пива, виски и других алкогольных напитков, виноградная лоза и виноградный лист (*vine*), а также сам виноград (*wine*), в переводе совпадают со словом “вина” (проступок), в которых общий лексико-фонетический корень. А в русском языке название ягоды — “виноград” — может быть переведено как “мир вина” (вино +град). С одной стороны, это может быть выражением предшествующих культурных пластов (виноград — протосемитское *wayn*, в том числе и у древних финикийцев), а с другой стороны, вино в христианской религии по Евангелию — символ крови распятого Иисуса Христа. Сакральный напиток и вина не могут быть в одной семиотической кладистике. Эти две разные, на первый взгляд, синхронические и эквивалентные переводы также воспринимаются как противоречие двух религий. Еще одним, казалось бы,

противоречивым моментом является то, что в священной книге Ислама, вино упоминается как один из четырех сакральных напитков (“*sharaban tahuran*” (чистый *ṣar+ab*”; чистая, но “плохая вода”?), обещанных в раю: “им будут давать чистый напиток”? и виночерпием будет сам всевышний? (“*Their Lord will serve them with the pure drink*”) [4].

Хамр

Вино (*ṣar+ab-ṣaxir-wine*) в действительности приобретает новое качество в процессе ферментации виноградного сока и превращается в другой напиток — вино, а затем в уксус (*vine+gar*). Точно такое же отличие между мацой (хлебная лепешка из не ферментированного теста — в иудаизме) и куличом (сдоба на дрожжах — ферментированное тесто — у православных христиан). Чтобы говорить об этом семантическом переводе необходимо обратиться к поэзии *хамрие* в арабской доисламской поэзии. *Khamr* (в переводе с азербайджанского “тесто”) широко используется слово для обозначения вина и скорее всего заимствовано из арамейского языка. Еврейское *yain* передается на арабском как *wain* и обозначает черный виноград.

Метафора *way(i)n* и *yajna*

Если учесть, что вариант **way(i)n** присутствует в более ранних текстах, то именно при помощи различий в переводах этого слова можно говорить о сегодняшних различных терминах. В иудаистской Библии одной из функций *yayin* также как и в исламской поэзии является “**напиток мудрости**” (Proverbs 9:2,5, для сравнения Isaiah 55:1); Гнев Иеремии (Jeremiah 25:15 (עַד הַיַּיִן)); усиленная мощь Вавилона (Jeremiah 51:7); в песнях любви (of love Songs 5:1); имеющее взрывную силу наряду со словами (עוּיִב־Job 32:19); любовь лучше *yayin*-вина (Cant 1:2; 4:10.”) [см. 10].

Аналогию термина *Way(i)n* можно обнаружить в Индийском субконтиненте в слове *yajña* (в переводе на русский встречается обычно вариант “ЯгЯ”) на санскрите, обозначающем в ведизме церемонию жертвоприношения и молитвы. Среди этих жертвоприношений есть также *soma* или фруктовый сок. Здесь *yajña* считается также аватаром бога Viṣṇu: “Самый верховный Всевышний возникает у каждой манвантары для оказания помощи... и называется среди бесчисленных ману аватаров (504,000 Ману являются жизненным кругом единого Брахмы) 14-м валбхава-аватаром *Yajña* (Яжна)...” [7, с. 246].

Wine — вино — вина

Сочетание лексем *вино* — *вина* означает формирование вина уже не в контексте интерпретации “**YN** — видеть”, а *вина* (проступок). В английском языке *wine vā “in wine”* — хотя и употребляются в значении пьяный, не ассоциируются с виной. Возможно, во время перевода иудаистской Библии сначала на греческий, а потом и на латынь (Вулгата) слово было

переведено в своем первичном значении. Несмотря на то, что на русский перевод был осуществлен с греческого, наряду с *wine* оно соединилось со словом *вина*, негативный оттенок. В древнеэфиопском языке также — *vitis, vinea, vinum* [1].

(Y)ayin, ankh и цифровой эквивалент

Если рассмотреть более древнюю — добиблейскую историю слова *yay(i)n*, выяснится, что оно сформировано в соответствии со значением определенных **согласных** — **абджатского алфавита**, составлявшего основу семитского, а до этого финикийского, еще раньше египетского алфавита; для прочтения слова, написанного абджатским алфавитом, к согласным для голоса добавляются диакритикальные знаки *hərəkə* и *nōqt* (*Hərəkə(t)* — движение, *nōqt(ə)* — точка (знак препинания)). В зависимости от них изменяется смысл не полностью слова, а его оттенки: **vn** — **wn** — **абджат: y(w)n** — **видеть** (в современном азербайджанском языке *eynək, eyni, ayən, ayna, ayın: eynək* — очки, синоним — *gözlük* (близка ассоциация с английским *eye*), *eyni* — в переводе означает “то же самое”, *ayən (olmaq)* — (стать наглядным, явным) — *ayın* — религиозный ритуал, *ayna* (зеркало). *Şərab* — **Way(i)n** (*w* — laryngeal буква абжад алфавита, добавляется в основное слово как *hərəkə*) объединяется с семантической кладистикой “видеть, зреть”, что также символично. Подтверждающий эту гипотезу фактор обнаруживается в том же географическом ареале *в иероглифе-узле тьвет (tau — tyet — узел Исиды — амулет)* бога Исиса в древнеегипетской мифологии. Эта символика напоминает крест (распятие) и является еще одним *anch* [7, с. 200]. А переводится это слово как рождение (как в семантической матрице *resurrection — avatar*): “...There is essential unity in the conviction that man can find immortality and peace by becoming part of one of the perennial cyclic rhythms of nature. Hence the use of the “repeating life”, *uhm ankh*, which is so often found” [5, с. 107].

Taw (tyet) 19 буква греческого алфавита и числовой эквивалентен 300 (“TAV”; “*ansate cross, crux ansata* — из египетского ‘nh *жизнь, душа*”) и впоследствии представляется в алфавитах европейских народов в форме Т. Обозначал персону, оплакивающего вину (проступок).

Ankh — считается знаком, состоящим из 3 букв: **Ayin-Nun-Het (K)het**). Как и у других букв алфавита абджат у буквы *ayin* также кроме голосовой эквивалентности есть и цифровой эквивалент — 70. Известная в исламской поэзии как система абджатских цифр — соответствие буквы определенной цифре — продолжение этой традиции. В стихотворении, написанном по такому принципу: первая буква каждой строки соответствующей эквивалентной цифрой указывала на дату — год написания произведения.

Ayin — 16-я буква алфавита согласных финикийского и семитского языка, являющегося основой алфавита еврейских и арабских народов. В протосемитском варианте **ayin** как **глаз** дается в финикийском алфавите знаком глаз и таким образом становится ясно, что и сам этот алфавит

берет начало от еще ранее существовавшего иероглифа глаза: . Вернемся к иероглифу: обозначение бога Исис в египетской мифологии называется *tauet* и напоминает *ank* (скрещивающиеся две линии — крест). В другом переводе означает «дыхание жизни». Этот иероглиф обозначается также тремя буквами (*ayn, ni, het*) при обозначении египетского Исис. Здесь *ayin* — видеть; *nun* — 14 буква семитского алфавита, в греческом и латинском алфавитах адаптировался как *n*, в прототипе — в египетском иероглифе обозначается как змея или рыба; *h(e,a)* — laryngeal. Одним из символических обозначений Христа, а еще раньше в этом же регионе в шумерском эпосе “Гильгамеш” мудрец Адапа, отправленный к людям, чтобы научить их цивилизации, строительству, является рыба. Еще одну параллель этому символу рыбы можно найти в другом субконтиненте — в одном из изображений Кришны.

Таким образом, в алфавит европейских народов этот знак входит как глаз — *ayin* — буква О (гласная). Этот знак до сегодняшнего дня является в этих регионах амулетом, а данная семантика дошла до нас в семантике слова современного английского языка *Omnipresence* (вездесущий).

В современном английском одним из производных — дериватов этой семиотики является *omni* (все и везде), *omnipresence* (присутствующий всегда в любом месте в одно и то же время), *omnipotent* (всемогущий).

“Ом” в варианте “ум” также проникают в русский язык) — то, что в “Упаншидах” на санскрите означает “Высший Разум”.

Çaxır и çakra — вино и чакра?

В “Ведах” индуизма точка на лбу меж бровями в индийцы там отмечают свой знак судьбы — *бинди* называется *чакрой (çakra) третьего глаза* или Аджна (aJNa)-чакра (Аджна — aJNa и YaYNa по абджаскому алфавиту — один кластер). **Çakra** — чакра на санскрите также колесо, кольцо, элемент души, едва уловимый, умный (Ом, Ум) материя, дух [2]. На протоиндийском k^wek^wlos, греческий Kuklos и Циклоп в греческая мифологии, Тепегез (Одноглазый — последние 2 — десакрализованные варианты) в озузской мифологии. Таким образом, семиотика видеть-глаз в абджа кластере YN — в словах *yaayin* — *way(i)n* — *ayin* (AN(c)h) повторяются в слове **çakra** (чакра). Y и H в абжа алфавите предназначены для произношения. Фонетическое чередование согласных общего кластера k(h), c(h), с встречается на примере семитских, романо-германских, тюркских языков и представлены как на равне диалектов, так и литературных языков.

Если добавить к этому семиотическому ряду слов “*çaxır*” [çakh-ir(a)], синоним слова *şarab* в современном азербайджанском и турецком языках, и перевести с призмы абджа алфавита, то можно выдвинуть гипотезу о семантическом родстве с индоевропейским *чакра*, который в этом ракурсе далеко не омофон, и больше соответствует более древнему — прототипному значению, чем слово *şarab*.

Заключение

Интерпретация слова в процессе перевода без знания его культурологического контекста ведет к новым маршрутам семиотики этого слова через столетия, на которую каждый временной срез накладывает свой отпечаток. Порой эти культурологические наслоения ведут до противоречий, как, например, в истории интерпретаций и перевода слова “*ṣərab*”, являющегося одним из важных символов средневековой исламской поэзии и запретным напитком в исламе.

Предложенная *теория стереотип-архетип-прототип* позволяет реконструировать “биографию слова”, пути его развития и отхождения от предыдущего смысла (смыслов) по ходу интерпретации и реинтерпретации. В этом *трехступенчатом звене стереотип* — первичная ассоциация значения слова, современная интерпретация, современный дискурс слова; *архетип* — предполагаемая этимология слова; обычно словари и энциклопедии указывают таковым греческий, латынь; иврит, арабский; *прототип* выявляет кажущиеся далекими на первый взгляд “предки слова” или геномы слов. В этой “реконструкции” предыдущих смыслов-прототипов особое место принадлежит *переводу методом абджат-алфавита*, который позволяет обнаружить затерявшиеся в толще истории “неассоциативные” — прототипные значения и так называемую изосемантику (единую семантику).

Таким образом, для выявления в призматическом переводе общей семантики — *cultural matrix* (культурной матрицы) очень важны понятия времени и пространства, эпохи и географического ареала, а если выразиться термином М. Бахтина, хронотопа или дейксиса [6]. С этой точки зрения, если мы будем руководствоваться концепцией времени и пространства (теория дейксиса), то символ “*ṣərab*” (вино) в средневековой исламской поэзии в обществе более-менее связывается с *хамрие*, а не *уаит* и *цакра*.

В данной работе эта теория в той или иной степени пролила свет на вопрос, как два противоположных момента в семиотике *ṣərab* уживаются в рамках одной и той же философской системы; как *вино*, являясь сакральным напитком в христианстве, не является восхваляемым элементом литературы этих народов; и как эти два противоположных момента переплетаются как в негативном (архетипичном) значении “злая вода” / “вино-проступок”, так и в позитивном (сакральный напиток, позволяющий “видеть” Высшую Истину).

Список литературы:

1. Библия. (Притчи 9: 2,5, Исаия 55: 1, Пс 78:65; Иеремия 51: 7; Композиции 5: 1; Притчи 4:17; 32:19 Работа; Иеремия 23: 9. [Электронный ресурс]. URL: <http://biblehub.com/hebrew/3196.htm> (дата обращения — 05.03.2017).
2. Декарт и шишковидная железа/ Стэнфордская энциклопедия философии. [Электронный ресурс]. <https://plato.stanford.edu/entries/pineal-gland/> (дата обращения — 21.09.2014).

3. Ибн аль Фарид. Касыда о вине (хамрийя). [Электронный ресурс]. URL: http://prosto-prosvetlenie.narod.ru/2008/10/ibnfarid_kasydaovyne.html (дата обращения — 01.12.2016).
4. Священный Коран. Сура Аль-Инсан (71), стих 21; Аль-Инсан (76), стих 5. [Электронный ресурс]. URL: <https://quran.com/76> (дата обращения — 26. 10.2015).
5. Frankfort Henri. *Ancient Egyptian Religion: An Interpretation*. Courier Corporation, 2012, p. 216.
6. Levinson Stephen C. "Pragmatics and social deixis: reclaiming the notion of conventional implicature." *Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. Vol. 5. 1979.
7. Ninan M. M. *The development of Hinduism*. Madathil Mammen Ninan, 2008.
8. *Tyut (Isis knot) амулет*. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.metmuseum.org/toah/works-of-art/00.4.39/> (дата обращения — 03.03.2017).
9. Thomas Inman. *Ancient Pagan and Modern Christian Symbolism*. Book Tree, 2002.
10. Yayin. Bible Hub. [Электронный ресурс]. URL: <http://biblehub.com/hebrew/3196.htm> (дата обращения — 11.12.2016).

Сведения об авторе:

Гейбуллаева Рахилия, д. ф. н., профессор, заведующая кафедрой азербайджанской литературы, Бакинский славянский университет, Баку, Азербайджан; e-mail: rahilya_g@hotmail.com

TRANSLATION METHODS: "BIOGRAPHY" OF TERMS IN "STEREOTYPE-ARCHETYPE-PROTOTYPE" DISCOURSE: ŞƏRAB, ÇAXIR, WINE

Rahilya Geybullayeva

Doctor of Philology, Professor, Head of Azerbaijani Literature department, Baku Slavic University, Baku, Azerbaijan; e-mail: rahilya_g@hotmail.com

Abstract

Interpreting individual words in translation without any knowledge of their cultural context or discourse leads usually to contradictions. How should we understand the ban on wine in the Holy Scriptures (*sherab*) and the praise of wine (*sherab*) in classical Islamic poetry of the same era? On the other hand, in the Christian religion wine is the symbol of the blood of crucified Christ, who was condemned to a *wrongful* and painful death, and has no glorifying status in Christian poetry. A sacred drink and sin cannot have the same semiotic cladistics. How did wine come to be divided into both drink and symbol in one and the same culture and historical period? Why do the Azerbaijani and Turkish languages have two words to mean the same drink *wine*: *sherab* and *chakhir*, which are different from one another in terms of their lexical roots? Searches for an answer to these questions lead to the distant past (relatively) of the primary semiotics of sacred drinks, which through interpretation and translation enter different cultures in new semiotic dimensions.

Keywords: biography of word, şərab-wine-yajna, xamr, çaxır, prismatic translation.

References:

1. Bible Hub: (Proverbs 9:2,5, Isaiah 55:1 Psalm 78:65; Jeremiah 51:7; Songs 5:1; Proverbs 4:17; Job 32:19; Jeremiah 23:9. Retrieved 11 December, 2016 from <http://biblehub.com/hebrew/3196.htm>.
2. Descartes and the Pineal Gland. Stanford Encyclopedia of Philosophy. Retrieved 21 September, 2014 from <https://plato.stanford.edu/entries/pineal-gland>.
3. Ibn al Farid. Kasyda o vine. Retrieved 01 December 2016 from http://prostoprosvetlenie.narod.ru/2008/10/ibnfarid_kasydaovyne.html.
4. Holy Quran. Surat Al-Insan (71), Verse 21; Al-Ins an (76), Verse 5. Retrieved 26 October, 2015 from URL: <https://quran.com/76>.
5. Frankfort, Henri. (2012). Ancient Egyptian Religion: An Interpretation. Courier Corporation.
6. Levinson, Stephen C. (1979). Pragmatics and social deixis: reclaiming the notion of conventional implicature. *Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. Vol. 5.
7. Ninan, M. M. The development of Hinduism. Madathil Mammen Ninan, 2008.
8. Tyet (Isis knot) Retrieved 03 March 2017 from <http://www.metmuseum.org/toah/works-of-art/00.4.39>.
9. Thomas, Inman. Ancient Pagan and Modern Christian Symbolism. Book Tree, 2002.
10. *Yayin*. Bible Hub. Retrieved 11 December, 2016 from <http://biblehub.com/hebrew/3196.htm>

Возможности использования корпусов в целях лингвистического исследования

Е. Е. Голубкова

Московский государственный лингвистический университет

Аннотация

Статья представляет собой анализ тенденций, проявляющихся в современных корпусно-когнитивных исследованиях в процессе решения разнообразных лингвистических проблем: изучения семантики языковых единиц, фразеологии, динамики лингвистических изменений, диалектальных различий языков, лингвистической дидактики и проч. Работы в области когнитивной лингвистики, успешно интегрировавшие корпусные данные в проведенное исследование, подтверждают свой междисциплинарный характер, свидетельствуют о значительном расширении проблематики и материала исследования, развитии методики корпусного анализа, демонстрируют возможность постановки и решения новых исследовательских задач. В статье также очерчиваются

перспективы и проблемные зоны “сотрудничества” лингвокогнитивного направления и корпусной лингвистики.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, корпус, вариативность, междисциплинарность.

“Language is never, ever, ever random”
(Kilgarriff 2005)

По мнению корпусно-когнитивных лингвистов, практически все когнитивные исследования начиная с 2008 года носят корпусный характер [6; 2]. Это означает, что исследователи в той или иной степени опираются на корпусные данные в процессе разработки проблемы. При этом степень опоры на корпус колеблется от мягкого corpus-based/assisted (“основанных на корпусе”) до бескомпромиссного corpus-driven (“движимых корпусом”), предполагающим опору на строго эмпирические данные и выработку гипотезы, которая вытекает из корпуса.

В предыдущих работах мы уже отмечали, что особенно плодотворным оказалось сотрудничество корпусной лингвистики и когнитивных дисциплин [1]. Во-первых, обилие корпусных эмпирических данных призвано компенсировать традиционный недостаток когнитивных исследований — их интроспективную направленность и, как следствие, субъективность и недоказуемость выводов. Лавина эмпирической информации в умелых руках “диванного лингвиста” оказывается мощным инструментом преодоления субъективности данных и верифицируемости гипотез. Во-вторых, корпусный анализ основывается на частотности, которая в сочетании с ее ментальным коррелятом *entrenchment* (“встроенность”) является одним из основных экспланаторных механизмов в когнитивной лингвистике. Так же как и когнитивные, корпусные исследования имеют целью описать, а затем попытаться объяснить наблюдаемые факты. При этом описание и объяснение касается как конструкций, так и концептуальных структур. В когнитивной лингвистике находят широкое толкование символические единицы языка (категории морфем, слов, фразеологизмов принято рассматривать в качестве прототипических категорий с размытыми границами), что согласуется с понятиями корпусной лингвистики: коллокации, фразеологизмы, коллоструктуры, конструкции. Наконец, оба направления занимаются поисками эталона (узуса) и отклонений от него, выявляя при этом с большей точностью прототипических членов категорий и их признаки.

В настоящем сообщении мы расскажем о некоторых тенденциях развития корпусно-когнитивного направления, его достижениях и проблемах. Обзор материалов конференций по корпусной лингвистике и исследованиям мультимодального дискурса позволяет, во-первых, отметить расширение палитры изучаемых языков и поистине непредсказуемое разнообразие используемых/создаваемых корпусов [3; 4; 5]. Среди языков наиболее часто изучаются английский в двух его вариантах, его диалекты; китайский, русский, чешский, турецкий, немецкий, а также

французский, португальский, испанский, арабский, шведский, итальянский, польский, норвежский, тайский, корейский, ирландский, румынский, кельтские языки, мальтийский и др. языки и говоры, например, городской шотландский говор. Специальная секция посвящена древним языкам (латинскому и древнегреческому). При этом помимо известных корпусов-гигантов (BNC (100 миллионов слов), COCA (520 миллионов слов), НКРЯ (600 миллионов слов), Brown Family Corpora), CELEX database, для конкретных целей исследования создаются и используются специальные корпуса малого размера, в том числе и мультимодальные.

Практически для каждого конкретного исследования создается свой корпус: устный, письменный, смешанный, вербальный или мультимодальный. Так, для изучения различий в прагматических функциях слова *please* в американском и британском вариантах английского языка использовались два сопоставимых корпуса электронной бизнес-коммуникации [4], а для социолингвистического исследования классовой стратификации британского общества был создан корпус статей из газет *The Guardian*, *The Times*, *The Telegraph*, *The Sunday Times*, *The Sunday Telegraph* за последние двадцать лет. Для исследования маркеров релевантной информации в лекциях использовался BASE British Academic Spoken English lecture corpus, а для сравнительного анализа вокабуляра У. Шекспира и его современников два корпуса Shakespeare's First Folio и Early Modern English ("EModE"). Для изучения диалектальных и социологических особенностей шотландского говора исследователь обратился к интернет-форумам 2007–2011 гг. и составил корпус в 800 000 единиц. Для изучения т.н. лингвистической географии (какие населенные пункты и в какой связи упоминаются) используется корпус из 12 миллионов слов (Histpop collection). Тони МакЭнери и его коллеги из Ланкастерского университета создали сразу несколько небольших корпусов для проведения социолингвистического исследования влияния Олимпийских и Паралимпийских игр 2012 года на отношение к людям с физическими особенностями, к самой Великобритании и к Лондону и его районам [4].

Корпусы различаются не только по объему, но и по тематике текстов. Тексты классической литературы (Ч. Диккенс, Д. Лоренс) соседствуют со сценариями телесериалов (*Downton Abbey*), образовательный дискурс, доклады Национального совета США по разведке, дискурс британских официальных документов по иммиграции, тексты предвыборных манифестов, экологический дискурс, студенческие эссе, сайт туристических новостей, некрологи, новостной спортивный дискурс, тексты интервью по проверке языковых компетенций, тексты аукциона eBay, рекламы работодателей, дискурс "Твиттера", корпус текстов глухонемых в США, тексты брошюр по сексуальному воспитанию для подростков, университетских веб-сайтов, лирика поп-групп и проч. — вся эта разножанровая информация, являющаяся неким слепком реального языка, подвергается статистическому и семантическому анализу.

Разнообразие материала не ограничивается языками и тематикой текстов. Особенно перспективными становятся проекты, посвященные сравнительному анализу разнообразных лингвистических и междисциплинарных проблем на материале различных языков. Это касается и типологических вопросов (например, различие средств когезии, сравнение дискурсивных маркеров, поведение предлогов) и лингво-культурологических проблем, например, выявление различий в репрезентации концептов или при самоидентификации национальных и гендерных групп.

Как правило, эти исследования проходят на фоне сравнительного анализа некоторых языковых явлений, либо с опорой на исследования вариативности тех или иных лингвистических показателей в различных языках или дискурсах. Вариативность лексических единиц и конструкций изучается, например, на материале фармацевтических текстов различных форматов: информационных листовок, инструкций к применению и клинических протоколов применения лекарственных средств. В другом исследовании, основанном на параллельном англо-польском корпусе, выявляются различия в конструировании эмоционально окрашенных событий при переводе с одного языка на другой, обусловленные лингво-культурными особенностями устройства языков.

Наиболее ярко в корпусно-когнитивных исследованиях проявляется их междисциплинарный характер. При этом большинство исследований характеризуется междисциплинарностью как “внешней” — сопряжение лингвистики и других наук (когнитивной лингвистики, психологии, социологии, лексикографии, литературоведения, культурологии, педагогики, криминалистики), так и “внутренней” — сотрудничеством семантики, грамматики, фонологии, стилистики, прагматики, стилеметрии. Среди поистине пионерских работ отмечу корпусное сравнительное изучение прогресса близнецов при изучении иностранного языка, анализ особенностей смены языкового кода детьми-билингвами, мультимодальное исследование дискурсивных маркеров в спонтанной речи, корпусное описание устных дескрипций изображений, определение степени прототипичности лексики в процессе усвоения родного языка детьми, разработка параметров автоматического мониторинга прогресса студентов в ходе усвоения лексики изучаемого языка, корпусные исследования в русле грамматики конструкций [3; 4].

Изучение вариативности, в сущности, благодатная тема для любого корпусного подхода: эмпирические данные выявляют номенклатуру способов репрезентации любого внеязыкового явления, будь то арабская весна, терроризм, самоидентификация некой локальной группы, описание человеческих эмоций, смена языкового кода детьми-билингвами, определение степени и скорости овладения родным языком детьми или отслеживание прогресса изучающих иностранный язык. С другой стороны, языковая вариативность позволяет судить о концептуальных различиях в системе языков и культур. Первое направление напоминает

ономасиологический подход — от концепта к его воплощению, а второй — семасиологический — от данности к идее. Тяготение к междисциплинарности объясняется тем, что перед корпусно-когнитивными исследованиями стоит двоякая задача: описать и объяснить как структурную сторону устройства языка, так и его концептуальную структуру. Скорее всего, с этой задачей можно справиться, привлекая в орбиту исследования сразу несколько наук когнитивного толка.

В этом революционном порыве по-новому решаются “старые” проблемы, например, идентификация метафор в тексте или стилистические показатели, маркеры начала конца короткой истории (фрагменты композиции текста), зависимость грамматических профилей в русском словоизменении от категории одушевленности имен, изучение маркеров устной и письменной речи (теперь на материале “гибридных” форматов Facebook и Tweeter). С. Грис смело берется за анализ феномена аттракции идиоматическими выражениями слов в зависимости от их фонологического устройства, а М. Мальберг и К. Конклин ищут когнитивные паттерны в произведениях Ч. Диккенса [4].

Корпусы помогают переоценить и по-новому подойти к традиционным проблемам когнитивной лингвистики, таким как семантика разноструктурных единиц номинации от устойчивых словосочетаний до идиом, концептуализация действительности средствами различных языков, прагматические аспекты дискурса и др. В процессе разработки новых методов обработки корпусной информации и специальных программ возникают и новые проблемы, и трудности. Так, заметно выделяются работы по автоматической идентификации метафор, использованию корпусов для описания метафорических доменов, поиску показателей членения текста на части, выявлению когнитивных моделей нарратива у отдельно взятых писателей, разграничению устной и письменной речи (особенно на материале *texting*), смене языкового кода в процессе общения, созданию индивидуального профиля коммуниканта. При этом выявляются и некоторые слабые места корпусного подхода: обособленность использования корпуса определенного объема и содержания, правильность обработки лавины данных, разработка новых способов визуализации информации (графики, таблицы, картинки), расширение репертуара текстов, в том числе работа с мультимодальным дискурсом. Особенно остро стоит вопрос о разработке правильной системы обработки статистических данных, полученных из корпуса, и обучению навыкам работы с материалом студентов и исследователей.

Важно, что корпусно-когнитивные исследования носят практическую направленность. Результаты исследований вносят коррективы в выдвигаемые гипотезы, способствуют решению лексикографических, переводческих и педагогических проблем, психологии общения и преподавания языков, автоматического редактирования текста, определения ключевых слов, установления авторской атрибуции.

Увлечение возможностями корпусных исследований, тем не менее, не умаляет роли аналитической интерпретации полученных данных. Лозунг *linguistics is not about data extraction, but about how language works* (“Лингвистика не занимается извлечением данных, она должна объяснить, как работает язык”) остается по-прежнему актуальным.

Список литературы:

1. Голубкова Е. Е. Использование лингвистических корпусов при решении семантических проблем // Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход. Языки славянской культуры, М., 2015. С. 39–81.
2. Рахилина Е. В. 30 лет спустя: новые методы, инструменты и задачи когнитивной лингвистики. 2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://pandia.ru/text/77/302/26358.php> (дата обращения: 18.03.2017).
3. Corpus Linguistics 2013, Abstract book [Электронный ресурс]. URL: <http://ucrel.lancs.ac.uk/cl2013/doc/CL2013-ABSTRACT-BOOK.pdf> (дата обращения: 15.03.2017).
4. Corpus Linguistics 2015, Abstract book [Электронный ресурс]. URL: <http://ucrel.lancs.ac.uk/cl2015/doc/CL2015-AbstractBook.pdf>.
5. ICLC 2013, Book of Abstracts, [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cognitivelinguistics.org/en/publications-and-resources>.
6. Janda L. (ed). 2013. Cognitive Linguistics: The Quantitative Turn. The Essential Reader. Berlin: De Gruyter Mouton. 321 p.

Сведения об авторе:

Голубкова Екатерина Евгеньевна, д. ф. н., профессор, Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия; e-mail: katemg@yandex.ru

CORPORA IN LINGUISTIC RESEARCH

Ekaterina E. Golubkova

Doctor of Philology, Professor, Moscow State Linguistic University; Moscow, Russia; e-mail: katemg@yandex.ru

Abstract

The article looks into the main tendencies revealed in current corpus cognitive linguistic studies dealing with a gamut of research, including semantic analysis, phraseology, dynamics of linguistic change, dialectal differentiation, teaching issues, etc. Analysis shows that papers that integrate corpus data have an interdisciplinary character and demonstrate a wider range of unorthodox themes covered, involve unprecedented scope of material, contribute to corpus methodologies and generally tend to face new challenging issues. The article also mentions some perspectives and obstacles of this “symbiosis” of cognitive linguistic research and corpus linguistics analysis.

Key words: cognitive linguistics, corpus, variability, interdisciplinary.

References:

1. Golubkova, E. E. (2015). Ispol'zovanie lingvisticheskikh korpusov pri reshenii semanticheskikh problem [Corpora in solving semantic problems] // *Metody kognitivnogo analiza semantiki slova: komp'yuterno-korpusnyj podhod. Jazyki slavjanskoj kul'tury* [Methods of cognitive analysis of word semantics: computer and corpus-based approach], M., S. 39–81.
2. Rahilina, E. V. (2011). 30 let spustja: novye metody, instrumenty i zadachi kognitivnoj lingvistiki [Thirty years later: Cognitive Linguistics new methods, tools and objectives]. Electronic data. Retrieved 18 March, 2017 from <http://pandia.ru/text/77/302/26358.php>.
3. Corpus Linguistics (2013). Abstract book. Electronic data. Retrieved 15 March, 2017 from: <http://ucrel.lancs.ac.uk/cl2013/doc/CL2013-ABSTRACT-BOOK.pdf>.
4. Corpus Linguistics (2015). Abstract book. Electronic data. Mode of access: <http://ucrel.lancs.ac.uk/cl2015/doc/CL2015-AbstractBook.pdf>.
5. ICLC (2013). Book of Abstracts. Electronic data. Mode of access: <http://www.cognitivelinguistics.org/en/publications-and-resources>.
6. Janda, Laura (ed.) (2013). Cognitive Linguistics: The Quantitative Turn. The Essential Reader. Berlin: De Gruyter Mouton. 321 p.

Явление классовой мобильности в английском языке

В. Г. Гольшева

Северный (Арктический) Федеральный Университет

Аннотация

Тема классовой мобильности в английском языке тесно связана с изучением многочисленных диалектов и акцентов в британском обществе. Как известно, в России в средней и высшей школе в основном изучают литературный вариант английского языка с нейтральным акцентом, так называемый RP (received pronunciation). Тогда как в реальности в Великобритании в каждом регионе существует свой акцент, и это в значительной степени затрудняет понимание английской речи на слух, особенно для переводчика. Региональный фактор социальной стратификации шире представлен на севере, нежели на юге. Классовая стратификация в английском языке может носить скрытый, завуалированный характер.

Ключевые слова: классовая мобильность, диалекты, акценты, социальная стратификация, verbal class distinction, социальная шкала, эвфемизмы.

Тема классовой мобильности в английском языке тесно связана с изучением многочисленных **диалектов и акцентов** в британском обществе. Как известно, в России в средней и высшей школе в основном изучают литературный вариант английского языка с **нейтральным акцентом**, так называемый **RP (received pronunciation)**, тогда как в реальности в Британии, буквально в каждом графстве (регионе), существует свой акцент, и это в значительной степени затрудняет понимание английской речи на слух, особенно для переводчика.

Следует отметить, что региональный фактор социальной стратификации (**verbal class distinction**) в английском языке и обществе шире представлен на севере, нежели на юге.

Именно здесь, на индустриальном севере Британии люди скажут вам, что босс — это босс и что акцент, стиль, унаследованное состояние и социальные предрассудки все также крайне важны [1]. О социальной маркированности в английском языке и его классовой стратификации говорят и метонимические названия, так называемые **эвфемизмы, северных** диалектов, открыто несущие ироничную окраску. Для иллюстрации данного явления обратимся к лингвострановедческому словарю [2]:

- **Geordie** — coll., native of Tyne-side, Northumbria, Newcastle — преимущественно промышленный район (ср. фразеологизм “to take a coal to Newcastle”); этимология оценочного коннотата *Geordie*, берет свое начало от концепта “джорди” рудничная лампа, изобретение Джорджа Стефенсона (George Stephenson 1781–1848);
- **Brummie** — brum-coll. Native or inhabitant of Birmingham (*Brumtaget* по местной манере произношения); пейоративный коннотат концепта *brumtaget* связан с понятием “низкопробный, кричаще безвкусный”, дешевое бирмингемское изделие, подделка (в XVII–XVIII вв. в Бирмингеме чеканились фальшивые монеты, выпускались фальшивые драгоценности);
- **Scouse** — coll. Native of Liverpool; *scouse* прозвище жителя Ливерпуля; данный оценочный коннотат идет от названия местного блюда, распространенного среди ливерпульских моряков “*lobscouse*” — *asailor’ stew of meat, vegetables and hardtack* — тушеное мясо с овощами и галетами;
- **Taffy** — (pl-fies) slang word or nickname for a Welshman. Etymology: from the supposed Welsh pronunciation of Davy. (diminutive of David, Welsh — *Dafydd*), a common Welsh Christian name. Дэвид считается покровителем Уэльса;
- **Micky** — derogatory, a slang name for an Irishman or an Irish sailor, not a flattering term for an Irish, especially a catholic. Etymology: from the nickname of Michael. **The Micks** — разг. Мики (прозвище ирландца, особенно католика или моряка);
- **Jocks** (sl. native of Scotland; nickname of Scots Guards, especially Highland soldiers. *Jock* is a Scottish name for a common English name *Jack*

(сравните обращение к Шотландии: “How are you getting on Jack?”), **Jack** — разг. Джоки — прозвище 1. шотландца, 2. солдат шотландского гвардейского полка;

- **Cockney** — coll. native of London, especially of East End (**кокни** — разг. 1. лондонское просторечие, 2. Коренной лондонца, особенно Ист-Энда).

Несомненный интерес для филолога представляют и многочисленные примеры социально-маркированных элементов в английском языке, где классовая стратификация носит по существу скрытый, завуалированный (*implied*) характер. Это особенно проявляется в социальной шкале, учитывающей ряд признаков схожего достатка, власти, статуса, квалификации: **Service class** (*high income employees, professionals*); **White collar labour force** (*non-manual employees, clerical and self-employed skilled workers*), **Blue collar jobs** (*skilled manual workers*). Студенты в университетах должны быть также проинформированы на занятиях по стилистике английского языка о том, что взаимодействие языков внутри социально-культурного контекста часто обусловлено использованием социальных жаргонов (**social jargons**), так называемых перифразов (**periphrastic expressions**), употребление которых как бы приподымает социальный статус людей, их деятельности, района, в котором они проживают и т.д. [3]. К примеру, **posh** употребляется в речи низшего сословия (a low-class word), в то время как **smart** употребляется в речи среднего и высшего класса (an upper-class word); **inner city area** (stands for slums) часто употребляется в газетном стиле (когда британские журналисты описывают трущобы), тоже относится и к выражению **not a salubrious area** (*not very healthy*, an upper-class word); **food market / Buy and Save** — для людей с малым достатком (*for common people*); **Marks and Spencer** — для обеспеченных людей (*for wealthy people*). **Commons** — это эвфемизм (*for working class*); **urbanized society** журналистский термин — бедняки (stands for **poor people**); **clerical officer** — красивый перифраз для секретаря, к примеру, в школе (**a school secretary**); **senior citizens** — **elderly/old people** (старшее поколение) чаще употребляется в официальном стиле (юридическом, газетном и т.д.), **retired teacher / vet.**, etc. — пенсионер /учитель, ветеринар и т.д.

Повсеместное наличие подобных эвфемизмов в английском языке объясняется классовой мобильностью (**mobility**) английского общества, исчезновением социальных стереотипов, а также переменами в правилах поведения в английском обществе начиная с 70-х годов XX столетия.

Так в пьесе Б. Шоу “**Pygmalion**”, написанной в начале XX века, герою Дулитлу открыто говорит о **среднем классе** и социальной несправедливости в английском обществе: “I’m underserving, I like it. But I don’t need less than a deserving man. What is **middle class** morality? Just an excuse for never giving me anything”. Тогда как в романе Сью Таунсенд “**The Queen and I**”, написанном уже в 90-е годы, средний и высший классы получают ироничное название **poshos**: “Christ, just our bleedin’ lurch to have **poshos** nex’ door” [4, с. 35]. По этой же причине понятие **slums** вытесняется эвфемизмом **inner city area**.

Британские СМИ непроизвольно рекламируют явление мобильности в английском языке и обществе: “*Posh chips the chic way to dine. The chip — traditional staple of the British working classes — is going chic; chips are now posh and are eaten in pubs and restaurants with smoked salmon, mussels and foie gras; chips are now seen as bourgeois*” [5, с. 7]. Необычное сочетание прилагательных *posh* и *chic* с понятием *chips*, традиционно ассоциируемым с рабочим классом, подтверждает наше предположение об исчезновении ряда социальных стереотипов в современном английском языке и обществе.

Список литературы:

1. Рум А. Великобритания: Лингвострановедческий словарь. 2-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1978. 560 с.
2. Auto J. Euphemisms (DOE). Bloomsbury, London. 1993.
3. Hewitt K. Understanding Britain Today // Perspective publications Ltd. 2009. 307 p.
4. The Times, London. 15 February 2003.
5. Townsend S. The Queen and I. Mandarin Paperbacks, London, 1993. 307 p.

Сведения об авторе:

Валентина Георгиевна Гольшева, к. ф. н., доцент кафедры английского языка для гуманитарных направлений, директор Британского Центра при Институте Гуманитарных наук и МКК Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова, Архангельск, Россия; e-mail: vgolysheva@gmail.com.

CLASS MOBILITY IN THE ENGLISH LANGUAGE

Valentina G. Golyшева

PhD, Associate Professor of the English Language Department, Institute of Humanitarian Sciences and Cross-cultural Relations, Northern (Arctic) Federal University, Archangelsk, Russia; e-mail: vgolysheva@gmail.com

Abstract

The subject matter of class mobility in the English language is closely connected with the investigation of the variety of numerous accents and dialects existing in the British society. It is well known that students in Russian schools and higher institutions are basically taught the literary variant of the English language with the emphasis on the neutral accent, the so-called **RP** (Received Pronunciation). Meanwhile in reality every British county (region) is characterized by its own individual accent. This fact makes the process of understanding oral English speech rather difficult. The British accent may be a predicament for the non-English speakers especially for the translators.

The regional aspect of the social stratification (verbal class distinction) in the English language and the society is more spread in northern counties than

in southern. In the North of UK there exist metonymical names, the so-called **euphemisms**, which carry an ironic connotation. For example, **Geordie, Brummie, Scouse, Taffy**, etc. are socially marked and contain verbal stratification.

Verbal class distinction in the English language may have a hidden (implied) character. It is revealed in the social status of the British, implying the typical qualification, educational status, power, wellbeing etc.: **Service class** (*high income employees, professionals*); **White collar labour force** (*non-manual employees, clerical and self-employed skilled workers*), **Blue collar jobs** (*skilled manual workers*).

The existence of such euphemisms in the English language maybe explained by a class mobility of the British society, the disappearance of the socio-stereotypes and the change in the etiquette rules in the British communities starting from the 70ies of the XX century. Thus, the concept **slums** is ousted in mass media by a euphemism **inner city area**, while in the speech of a middle class person this euphemism is changed by a softer (vague) variant — **not a salubrious area**, meaning **not very healthy**.

Key-words: class mobility, dialects, accents, social stratification, verbal class distinction, social status, euphemisms.

References:

1. Auto, J. (1993). Euphemisms (DOE). Bloomsbury, London.
2. Hewitt, K. (2009). Understanding Britain Today, Perspective publications Ltd. 307 p.
3. Room, A. (1978). Velikobritanija: Lingvostranovedcheskij slovar' [Great Britain. Lingua-cultural dictionary]. M.: Rus. Jaz. 560.
4. The Times, London. 15 February 2003.
5. Townsend, S. (1993). The Queen and I. Mandarin Paperbacks, London. 307 p.

Синтаксическая рекурсия как способ образования сложного предложения

Е. Л. Дубовик

Белорусский государственный университет

Аннотация

Сложные предложения описываются в рамках комбинаторной семантики (З. Харрис, В. В. Мартынов, А. Н. Гордей), изучающей отношение языка к модели мира. В статье дается определение синтаксической рекурсии и описывается ее роль в синтаксической развертке предложения. Синтаксическая рекурсия описывается как явление, позволяющее образовать синтаксические конструкции, которые, представляя собой сочетание знаков, занимают в предложении позицию одного какого-либо

его члена и тем самым являются рекурсивным разложением этого члена. Выделяются простая и сложная синтаксические рекурсии, которые ведут к различным степеням осложнения предложения. Сложная синтаксическая рекурсия рассматривается как способ введения дополнительного семантического звена в предложение и образования сложнорекурсивного предложения. Понятие сложнорекурсивного предложения вводится как универсальный термин, объединяющий сложные и осложненные предложения.

Ключевые слова: сложное предложение, знак, индивид, рекурсия, семантика, синтаксис.

Разные языки обладают разными средствами введения в предложение дополнительного предикативного звена. Например, в турецком языке используется большое количество вставных конструкций, содержащих нефинитные формы глагола. Попытки описать такие предложения в рамках традиционного европейского подхода привели к разногласиям в терминологии. Такие вставные конструкции квалифицируются как придаточные предложения, и осложняющие конструкции, и полупредикативные конструкции, и квазипредложения, и развернутые члены предложения. Решить проблему подхода к изучению синтаксического разнообразия языков, с нашей точки зрения, можно в рамках комбинаторной семантики. Это научное направление позволяет абстрагироваться от технических средств связи частей сложного или осложненного предложения и предполагает акцентирование внимания на семантике, как общей точке соприкосновения всех языков. В рамках этой теории мы рассматриваем синтаксическую рекурсию, как способ образования сложного предложения.

Рекурсия понимается нами как разложение целого на множители (составные части) [6, с. 152], [3, с. 18]. С явлением синтаксической рекурсии членов предложения, напрямую связана рекурсия семантическая, которая определяется ситуацией общения. Ситуация — это многогранная сущность, включающая индивидуумов, которые обладают определенными свойствами и вступают в определенные отношения [8, с. 209].

Минимальное количество семантических составляющих любой ситуации — три: субъект (S), объект (O) и акция (A). Субъект и объект являются ролями индивидов в модели мира, акция — это отношения, в которые вступают субъект и объект [4]. Путем рекурсии субъекта и объекта, то есть разложением целого на множители, получают инструмент и медиатор [2, с. 21]. Инструмент — то, с помощью чего субъект воздействует на объект, а медиатор — это та часть объекта, на которую непосредственно действует субъект. Например, *Врач лекарством лечил рану больного* [4]. Из семантических составляющих ситуации логично предположить, что минимальная структура простого предложения

должна быть изоморфна или, по крайней мере, гомоморфна структуре события. Следовательно, любое простое предложение представляет собой как минимум трехсоставную цепочку [7, с. 15], [1, с. 352].

Может показаться, что роли индивидов в выделенном фрагменте модели мира не могут иметь сложного многоуровневого построения. Череда каких-либо событий представляет собой набор выделенных фрагментов, в которые отображаются роли знаков сложного или осложненного предложения. Сознание говорящего связывает определенным образом отдельные фрагменты и получается рекурсия, но неустойчивая, так как она зависит от восприятия событий говорящим. Например, предложения *Приглашенные гости пили чай; Приглашенные хозяевами гости пили чай; Гости, которых пригласили хозяева, пили чай* поддерживают следующую структуру выделенных фрагментов модели мира:

Схема 1.

<i>хозяева</i>	<i>пригласили</i>	<i>гостей</i>	и	<i>гости</i>	<i>пили</i>	<i>чай</i>
S	A	O		S	A	O

Между этими фрагментами, очевидно, существует скрепляющее их звено, и это — общий индивид гости.

Схема 2.

<i>хозяева</i>	<i>пригласили</i>	<i>гости(ей)</i>	<i>пили</i>	<i>чай</i>
S	A	O/S	A	O

Однако индивид гости может быть определен и через другую ситуацию *Гостей, которые пили чай, пригласили хозяева*.

Авторы предложений *Приглашенные хозяевами гости пили чай* и *Гости, которые пили чай, были приглашены хозяевами*, несмотря на то, что оперируют одинаковыми описаниями ситуации действительности, по-разному их соотносят:

Схема 3.

<i>гости</i>			
S			
<i>хозяева</i>	<i>пригласили</i>	<i>гостей</i>	
S	A	O	

Приглашенные хозяевами гости пили чай (рекурсия субъекта).

Схема 4.

<i>хозяева</i>	<i>пригласили</i>	<i>гостей</i>			
S	A	O			
		<i>гости</i>	<i>пили</i>	<i>чай</i>	
		S	A	O	

Гости, которые пили чай, были приглашены хозяевами (рекурсия объекта).

Рекурсию индивидов модели мира схематически можно изобразить следующим образом: предложение-основа S–A–O, где S — субъект действия, O — объект, а A — акция; структура рекурсивных индивидов S–A–O: $S=S_{0,1}-A_{0,1}-O_{0,1}$ и $O=S_{0,2}-A_{0,2}-O_{0,2}$, а структура выделенного фрагмента модели мира — $(S_{0,1}-A_{0,1}-O_{0,1})+A+(S_{0,2}-A_{0,2}-O_{0,2})$.

Разные по структуре предложения могут отображаться в один и тот же фрагмент модели мира. Еще раз рассмотрим приведенные выше примеры *Приглашенные гости пили чай; Приглашенные хозяевами гости пили чай; Гости, которых пригласили хозяева, пили чай*. Члены всех трех предложений отображаются в одну и ту же структуру индивидов $(S_{0,1}-A_{0,1}-O_{0,1s})S-A-O$. Эти три предложения различает только разная степень синтаксической рекурсии, которая эксплицирует механизм поэтапного распространения простого предложения.

Синтаксическая рекурсия — это разложение на составные части членов простого предложения, то есть использование вместо того или иного члена предложения особой синтаксической конструкции, раскрывающей смысл этого члена предложения. Синтаксическая рекурсия члена предложения может образовывать простую (сочетание знаков номинативного типа) или сложную (сочетание знаков предикативного типа) структуру. Например, *Инженеры-строители закончили работу*, где в роли подлежащего выступает номинативное сочетание знаков, или *Строившие инженерные сооружения завершили работу* или *Те, кто строили инженерное сооружение, завершили работу*, где в роли подлежащего выступают предикативные сочетания знаков. Предложения со сложной рекурсией, то есть когда один или несколько его членов разложены на составные части, образующие предикативное сочетание, называются сложнорекурсивными.

Рассмотрим явление сложной рекурсии на поверхностной структуре предложения, где оно может наблюдаться относительно любого члена предложения. Предложение, в котором наблюдается рекурсия, назовем предложением-основой. Его можно изобразить с помощью схемы П+Ск+ПД+КД+О, где П — подлежащее, Ск — сказуемое, ПД — прямое дополнение, КД — косвенное дополнение, О — обстоятельство.

Виртуально любой член этого предложения может быть выражен через конструкцию, имеющую аналогичную структуру П+Ск+ПД+КД+О. Предположим, что в предложении-основе наблюдается рекурсия подлежащего:

$$\begin{aligned} & \text{П} = \text{П}_{0,1} + \text{Ск}_{0,1} + \text{ПД}_{0,1} + \text{КД}_{0,1} + \text{О}_{0,1} \rightarrow \\ & \rightarrow (\text{П}_{0,1} + \text{Ск}_{0,1} + \text{ПД}_{0,1} + \text{КД}_{0,1} + \text{О}_{0,1}) + \text{Ск} + \text{ПД} + \text{КД} + \text{О} \end{aligned}$$

Как отмечалось выше, рекурсии подвержен любой член предложения. В результате можно получить следующий фрагмент виртуальной цепи [2, с. 24], [1, с. 352] с рекурсией каждого члена предложения:

$$\begin{aligned}
Ск &= \Pi_{0,2} + СК_{0,2} + ПД_{0,2} + КД_{0,2} + O_{0,2} \\
ПД &= \Pi_{0,3} + СК_{0,3} + ПД_{0,3} + КД_{0,3} + O_{0,3} \\
КД &= \Pi_{0,4} + СК_{0,4} + ПД_{0,4} + КД_{0,4} + O_{0,4} \\
O &= \Pi_{0,5} + СК_{0,5} + ПД_{0,5} + КД_{0,5} + O_{0,5} \\
&(\Pi_{0,1} + СК_{0,1} + ПД_{0,1} + КД_{0,1} + O_{0,1}) + (\Pi_{0,2} + СК_{0,2} + ПД_{0,2} + КД_{0,2} + O_{0,2}) + (\Pi_{0,3} + \\
&+ СК_{0,3} + ПД_{0,3} + КД_{0,3} + O_{0,3}) + (\Pi_{0,4} + СК_{0,4} + ПД_{0,4} + КД_{0,4} + O_{0,4}) + (\Pi_{0,5} + СК_{0,5} + \\
&+ ПД_{0,5} + КД_{0,5} + O_{0,5})
\end{aligned}$$

В свою очередь, в каждом таком рекурсивном члене предложения можно предположить дальнейшую рекурсию любого его компонента. Гипотетически можно представить процесс рекурсии членов предложения бесконечным. В реальной речевой деятельности, однако, бесконечность вложений исключена, поскольку это приведет к трудностям в порождении и восприятии предложения. Но теория языка не должна описывать только уже существующий материал, она должна предвидеть все мыслимые возможности, хотя некоторые из них, вероятно, никогда не будут реализованы [5, с. 277].

Таким образом, члены рекурсивной синтаксической конструкции, обладая способностью к отображению в роли индивидов в выделенном фрагменте модели мира, формируют дополнительное семантическое звено (сложная синтаксическая рекурсия). Явление сложной синтаксической рекурсии позволяет нам ввести понятие сложнорекурсивного предложения, которое будет являться универсальным для определения сложных и осложненных различными оборотами предложений.

Список литературы:

1. Гордей А. Н. Виртуальная цепь как синтаксический код предложения (на примере китайского языка) // Язык, общество и проблемы межкультурной коммуникации: материалы Междунар. науч. конф. Гродно, 2007. Ч. 1. С. 349–358.
2. Гордей А. Н. Принципы исчисления семантики предметных областей. Минск: Бел. гос. ун-т, 1998. 156 с.
3. Гордей А. Н. Реконструкция и рекурсия в синтаксическом анализе предложения // Карповские научные чтения: сб. науч. ст. в 2 ч. Минск, 2011. Вып. 5. Ч. 1. С. 18–26.
4. Гордей А. Н. Теоретическая грамматика восточных языков: лекционный курс. Минск, 2007. (рукопись, аудиокурс).
5. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. М., 1960. Вып. I. С. 264–389.
6. Маргынов В. В. В центре сознания человека. Минск: БГУ, 2009. 272 с.
7. Маргынов В. В. Категории языка. Семиологический аспект. М.: Наука, 1982. 192 с.
8. Key Ideas in Linguistics and the Philosophy of Language / edited by Siobhan Chapman, Christopher Routledge. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009. 258 p.

Сведения об авторе:

Дубовик Екатерина Леонидовна, старший преподаватель, Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь; e-mail: katsiaryna@mail.ru

SYNTACTIC RECURSION AS A MEANS OF CONSTRUCTING COMPLEX SENTENCES

Katsiaryna L. Dubovik

Senior Lecturer, Belarusian State University, Minsk, Belarus; e-mail: katsiaryna@mail.ru

Abstract

Complex sentences are described in the framework of combinatorial semantics (Z. Harris, V. V. Martynov, A. N. Gordei), which studies the relation of language to the world model. The article gives a definition of syntactic recursion and describes its role in the syntactic expanding of a sentence. Syntactic recursion is described as a phenomenon allowing to form specific syntactic constructions that take the position of one sentence member while being a combination of signs, and thus are the recursive factorization of the sentence member. We single out simple and complex syntactic recursion that leads to different degrees of complication of a sentence. Complex syntactic recursion is considered to be the means of adding a semantic component to the sentence and forming a complex recursive sentence. The concept of complex recursive sentence is introduced as a universal term for both complex and complicated sentences.

Key words: complex sentence, sign, individual, recursion, semantics, syntax.

References:

1. El'msl'ev, L. (1960). Prolegomeny k teorii iazyka [Prolegomena to the theory of language]. *Novoe v lingvistike* [*New in Linguistics*], 1, 264–389.
2. Gordei, A. N. (1998). Printsipy ischisleniia semantiki predmetnykh oblastei [Principles of Calculating Semantic Domains]. Minsk: Bel. gos. un-t.
3. Gordei, A. N. (2007). Teoreticheskaia grammatika vostochnykh iazykov: lektsionnyi kurs [Theoretical Grammar of the Oriental Languages: a Lecture Course] (manuscript, audio course). Minsk.
4. Gordei, A. N. (2007). Virtual'naia tsep' kak sintaksicheskii kod predlozheniia (na primere kitaiskogo iazyka) [The Virtual Chain as a Syntactic Code of the Sentence (in the Example of the Chinese Language)]. *Iazyk, obshchestvo i problemy mezhkul'turnoi kommunikatsii: materialy Mezhdunar. nauch. Konf* [*Language, Society and the Problems of Intercultural Communication: Materials of Intern. Sci. Conf.*], 1, 349–358.
5. Gordei, A. N. (2011). Rekonstruktsiia i rekursiia v sintaksicheskom analize predlozheniia [Reconstruction and Recursion in the Syntactic Analysis of the

- Sentence]. *Karpovskie nauchnye chteniia: sb. nauch. st.* [Scientific Readings dedicated to the memory of Professor V. Karpov: A Collection of Scientific Articles], 5 (1), 18–26.
6. Key Ideas in Linguistics and the Philosophy of Language. (2009). Edited by Siobhan Chapman, Christopher Routledge. Edinburgh: Edinburgh University Press.
 7. Martynov, V. V. (1982). *Kategorii iazyka. Semiologicheskii aspekt* [Language Categories. Semiological Aspect]. Moskva: Nauka.
 8. Martynov, V. V. (2009). *V tsentre soznaniia cheloveka* [In the Center of Human Consciousness]. Minsk: BGU.

К вопросу об образовании новых метафтонимических значений производных единиц

А. Г. Захарова
МГИМО МИД России

Аннотация

Статья посвящена анализу глубинной семантики единиц нового динамично развивающегося пласта лексики — производных от прецедентных имен. Наряду с концептуальной метафорой и метонимией метафтонимический перенос является сегодня одним из главных когнитивных механизмов образования новых значений. Примеры дериватов от прецедентных имен показательны в этом плане, так как их концептуальный каркас определяют различные характеристики и атрибуты прецедентного феномена, зачастую подвергающиеся или метонимической, или метафорической транспозиции. На примере английских неологизмов автор демонстрирует, что при формировании семантики лексической инновации задействуются сразу несколько когнитивных механизмов: метафтонимия (основной), фокусирование и дефокусирование. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что появляется тенденция к наследованию определенных признаков прецедентного имени.

Ключевые слова: метафтонимия, прецедентное имя, (де-)фокусирование, неологизм, символ, полисемия.

В фокусе внимания статьи находятся производные от прецедентных имен — новые единицы вторичной номинации, встречающиеся все чаще на лексической карте английского языка (*cinderfella*, *robin hooder*, *hitchcockiana*, *the snow white syndrome*). Изучение этих особых лексических инноваций возможно как в рамках когнитивных исследований, лингвокультурологии и теории прецедентности, так и в рамках лингвосемантики и словообразования. В свете последних разработок по когнитивной

неологии [1, 2, 3] особо интересным представляется образование новых метафтонимических значений на базе прецедентных имен.

По сравнению с метафорой и метонимией метафтонимический перенос представляет собой относительно мало описанный механизм развития семантики и полисемии. Одним из первых, кто подробно разработал это явление, был Л. Гуссенс [6] — именно он и ввел сам термин в широкое употребление. Наиболее близким нам является определение Н. Б. Милаевской, которая определяет метафтонимию как “гибрид, образованный в результате метонимического переосмысления смежных элементов одного домена и метафорического взаимодействия с концептуальными признаками другого домена” [3, с. 58]. Мы полагаем, что при генерации неологизмов вышеозначенные процессы сочетаются с дефокусированием отдельных концептуальных признаков, то есть затемнением нерелевантных параметров в данном случае прецедентного имени. Причем фокусироваться (в данном случае этот процесс идет параллельно с механизмом метафоризации) могут не только прототипические, идиосинкратичные черты эталонного имени, но и латентные черты, которые в “подходящих” условиях выходят на первый план.

Одним из наиболее репрезентативных примеров образования новых значений по метафтонимическому типу является полисемант *Smurfing*, который обозначает:

1. *инф., жарг.* сетевую атаку, которая заключается в том, что в сеть передаются фальсифицированные широкоэщательные ICMP запросы от имени компьютера — жертвы, и тем самым это ведет к переполнению (flooding) системы “пострадавшего” [4];
2. (в онлайн-играх) стратегию игры, в которой опытный игрок создает множество “фейковых” аккаунтов в сети для того чтобы легко обыграть неопытных пользователей [8];
3. *фин. жарг.* отмывание денег путем разделения большой суммы на множество мелких сумм посредством банковских операций [7].

Информация на англоязычном сайте, посвященном этимологии новых слов, позволяет нам утверждать, что лексема *smurfing* берет свое начало от персонажей известного комикса [5]. Эти маленькие герои голубого цвета в белой одежде изобретались в большом количестве Папой Смурфом (главным смурфом) и внешне никак не отличались друг от друга, за исключением двух-трех персонажей. Что касается личностных качеств, то смурфы были отважными и решительными.

Почти все вышеперечисленные черты метафоризируются в развертывании метафтонимической модели значения “сетевая атака” (рис. 1).

Семантика данного метафтонимического неологизма основывается на двойном метонимическом проецировании, а именно: выборочном метонимическом проецировании черт прецедентного имени *Smurf* и в его символической функции, при которой производное слово представляет собой характеризующий символом предмет. Этот процесс также сопрово-

Рисунок 1.

ждается метафорическим переосмыслением каждой черты персонажа — эталона. Дефокусируются такие черты смурфов, как цвет (белый и голубой), маленький размер, положительные личностные характеристики.

По схожей модели происходит развитие значения метафтонимической инновации Smurfing — создание ложных аккаунтов в онлайн-игре для того чтобы легко обыграть соперников (рис. 2).

Как и в предыдущем случае, при формировании семантики неологизма происходит двойное метонимическое проецирование: прецедентное имя как культурный символ обозначает определенный предмет, сообщает некий стереотипный образ персонажа комикса. Параллельно происходит метафорическая транспозиция: характеристики имени-символа концептуализируются уже по-иному. Дефокусируются цвет, размер, место, время и магическая сущность персонажей.

Важно отметить, что в рассмотренных случаях присутствует идея ложности, подделки, “фейковости”. В сценарии фильма и книги эта черта латентна, она отнюдь не основная — создание смурфов носит фактический характер. В результате метафтонимического переноса эта черта

Рисунок 2.

фокусируется, усиливается и определяет направление декодирования значения неологизма.

Таким образом, производные от прецедентных имен могут представлять собой сложный когнитивный конструкт. При его расшифровке задействуются сразу несколько когнитивных механизмов: метафтонимия (основной), фокусирование и дефокусирование (в каждой новой интерпретации полисеманта могут (де-)фокусироваться разные признаки). Смеем предположить, что при развитии новых значений какие-то признаки могут наследоваться из старых значений, что обеспечит семантическую прозрачность производного слова (как в нашем случае с такими чертами, как большое количество, неразличимость, воспроизводимость, «фейковость»). При этом определенные признаки должны быть строго закреплены за словом-символом, должны быть стержневыми для прецедентного имени при восприятии у представителей всего языкового сообщества. Кроме того, можно говорить о потенциально неограниченном количестве порождаемых единиц по метафтонимическому типу ввиду большого репертуара характеристик имени-символа.

Список литературы:

1. Голубкова Е. Е. Прецедентные имена как репрезентанты событий // Гуманитарные чтения РГГУ. М., 2016. С. 429–437.
2. Заботкина В. И. Слово и смысл. — М.: РГГУ, 2012. 428 с.
3. Милявская Н. Б. Когнитивные основы формирования значений неологизмов, образованных в результате метафтонимического переноса: на материале современного английского языка: дисс. канд. филол. наук: 10.02.04/ Милявская Наталья Борисовна; РГУ им. Канта. — Калининград, 2008. — 200 с.
4. Definition / Smurfing [Электронный ресурс]. URL: <http://searchsecurity.techtarget.com/definition/smurfing> (дата обращения: 20.03.2017).
5. English language and usage // Etymology of smurfing for money laundering? [Электронный ресурс]. URL: <http://english.stackexchange.com/questions/325240/etymology-of-smurfing-for-money-laundering> (дата обращения: 20.03.2017).
6. Goossens, L. (1990). Metaphtonymy: the interaction of metaphor and metonymy in expressions for linguistic action. In *Cognitive linguistics*, 1 (3), p. 323–40.
7. International money laundering // Smurfing and structuring [Электронный ресурс]. URL: <https://sites.google.com/site/intmoneylaunder/money-laundering-methods/placement-techniques/smurfing-and-structuring> (дата обращения : 20.03.2017).
8. Urban dictionary [Электронный ресурс]. URL: <http://www.urbandictionary.com/> (дата обращения: 21.03.2017).

Сведения об авторе:

Захарова Анастасия Григорьевна, преподаватель, МГИМО МИД России, Москва, Россия; e-mail: un_bello_gesto@mail.ru

МЕТАПХТОНУМЫ AS ONE OF THE PRINCIPAL COGNITIVE MECHANISMS UNDERLYING THE SEMANTICS OF DERIVATIVES

Anastasia G. Zakharova

Lecturer, MGIMO University, Moscow, Russia, e-mail: un_bello_gesto@mail.ru

Abstract

The article looks into the semantics of derivatives from precedent names — a new and dynamic layer of English lexicon. Alongside conceptual metaphor and metonymy metaphtonymy proves to be of the main cognitive mechanisms underlying different strands of meaning of a polysemantic word. In this respect derivatives in question are highly illustrative language units since their conceptual scaffolding is largely determined by characteristics and attributes of corresponding precedent phenomena. Coupled with the attentional shift metaphtonymy may account for

complex processes of meaning-making. It is assumed that metaphonymic transposition might generate potentially unlimited number of neologisms due to an extensive repertoire of conceptual characteristics entrenched in a precedent phenomenon.

Key words: metaphonymy, precedent name, (de-)focusing, neologism, symbol, polysemy.

References:

1. Golubkova, E. E. (2016). Precedentnye imena kak reprezentanty sobytij [Precedent names as representatives of events]. *Gumanitarnye chteniya RGGU [Humanitarian Readings RGGU]*, 429–437.
2. Zabotkina, V. I. (2012). Slovo i smysl. [Word and sense]. Moskva: RGGU.
3. Milyavskaya, N. B. Kognitivnye osnovy formirovaniya znachenij neologizmov, obrazovannyh v rezul'tate metaftonimicheskogo perenosa: na materiale sovremen-nogo anglijskogo yazyka: diss. kand. filol. nauk: 10.02.04/ Milyavskaya Natal'ya Borisovna; RGU im. Kanta. — Kaliningrad, 2008 — 200 s.
4. *Definition / Smurfing*. Retrieved 20 March, 2017 from <http://searchsecurity.techtarget.com/definition/smurfing>
5. *English language and usage // Etymology of smurfing for money laundering?* Retrieved 20 March, 2017 from <http://english.stackexchange.com/questions/325240/etymology-of-smurfing-for-money-laundering>
6. Goossens, L. (1990). Metaphonymy: the interaction of metaphor and metonymy in expressions for linguistic action. In *Cognitive linguistics*, 1 (3).
7. *International money laundering // Smurfing and structuring*. Retrieved 20 March, 2017 from <https://sites.google.com/site/intmoneylaunder/money-laundering-methods/placement-techniques/smurfing-and-structuring>
8. Urban dictionary. Retrieved 21 March, 2017 from <http://www.urbandictionary.com/http://www.urbandictionary.com/>

Стилистические средства формирования типового адресата в современных британских СМИ

Г. В. Зашитина

Московский государственный лингвистический университет

Аннотация

Статья посвящена анализу характера взаимоотношений адресанта и адресата, реализующихся в масс-медиальном пространстве и рассматривает вопросы, касающиеся основных характеристик коллективного

адресанта и адресата СМИ, особенности и степень вовлеченности их в процесс интеракции; отмечается важность усилий, прикладываемых СМИ к процессу убеждения и побуждения к действию. Описываются некоторые условия, при соблюдении которых, получаемая информация удерживается в сознании массового адресата, а главное — определяет его дальнейшие действия. На примерах из британского журналистского дискурса показывается, что одним из языковых средств, позволяющих адресанту достичь отношений сотрудничества и согласия с массовым адресатом в процессе интеракции, а также косвенно характеризующим последнего, в частности, является стилистический прием аллюзии, отсылающий адресата к явлениям массовой культуры.

Ключевые слова: медиадискурс, СМИ, адресат, аллюзия, провокативный дискурс.

Вряд ли на сегодняшний день можно говорить о явлении, способном составить конкуренцию масс медиальному дискурсу в плане возможности влиять на общественное сознание, определять его, подчинять своим интересам и целям, осуществлять контролируемую функцию. Очевидно, что СМИ идут на любые ухищрения в попытке изменить отношение общества к политическим фигурам, товарам массового потребления, событиям в сфере культуры и искусства, стремясь менять и управлять поведением своей целевой аудитории, а в основе взаимодействия масс медиального адресанта с массовым адресатом неизбежно просматривается желание посредством номинативных тактик и дискурсивных стратегий, придирчивого отбора экспрессивно заряженных языковых единиц создать авторитетную модель образа мысли и поведения — некое рамочное представление явлений внеязыковой действительности — внедрение которого в сознание массового адресата с последующим его усвоением [1] оптимизирует процесс убеждения и манипуляции, так или иначе определяющего коммуникативную деятельность СМИ.

Особенности, присущие интеракции СМИ с их целевой аудиторией, за последние десятилетия не раз становились предметом исследований, в том числе в русле функциональной стилистики, однако вопрос о том, насколько сильно с течением времени масс медийный дискурс приобрел в плане эффективности своего воздействующего потенциала, какое языковое воплощение получает то, что, в конечном счете, определяет изменение отношения адресата к предметам и объектам действительности в нужном для СМИ ключе, и наконец, каков он — современный адресат СМИ — вот тот далеко неполный перечень задач, стоящих перед исследователями дискурса СМИ.

Как известно, речь в условиях массовой коммуникации, как речь выразительная, опирается на эффект “погружения” адресата в коммуникативно-речевую тактику и стратегию адресанта, иными словами, приглашая

адресата к сотрудничеству, к совместной деятельности по достижению согласия в процессе интеракции [6]. Однако повышение значимости фактора адресата в современном масс-медиальном дискурсе (в силу острой конкуренции среди СМИ, а также в силу того, что данный вид дискурса нередко является площадкой для избирательных кампаний и политических дискуссий), ставит перед ним ряд задач, как-то: определить характер своей целевой аудитории, знать ее прагматические ценности, стабильно удерживать ее внимание. СМИ необходимо четко представлять, на каких читателей / слушателей / зрителей они рассчитывают, и в речевом плане не забывать об этом, так как “самочувствие” целевой аудитории — зачастую результат именно речевого воздействия СМИ [4]. Таким образом, налицо необходимость подстраивать сообщение под вкусы и интересы адресата, так как это позволит увеличить силу убеждения. Однако осознание данного круга задач неизбежно порождает, как минимум, три проблемы, без решения которых сложно рассчитывать на конечный успех масс медиальной коммуникации. Первая трудность — множественность, двойственность адресата. Целевая аудитория неоднородна по своему составу, внутри нее представляется возможным выделить ряд подгрупп, различающихся, как уровнем доходов, социальным статусом, так и отношением к действительности и знаниями о ней. Несмотря на традиционное мнение о том, что и адресант, и адресат СМИ чаще всего носят коллективный характер, следует, тем не менее, отметить, что, скорее всего, можно говорить о сложном перелетении единичного и массового, как в плане статуса адресанта СМИ (мнение редакции, политические и / или иные взгляды медиамагнатов, но и личность самого журналиста — носителя социальной позиции и социальных идеалов), так и в плане адресата дискурса (массовый читатель — “неопределенный” реципиент — и “формальный” или “косвенный” адресат — объект внимания или критики СМИ). В любом случае адресанту масс медиального дискурса в значительной мере самому приходится конструировать образ своего целевого адресата, во многом руководствуясь логикой, своими знаниями о мире и представлениями о том, насколько обсуждаемая тема интересна массовому реципиенту, в какой степени понятна, а также, отдавая себе отчет в том, что последний, помимо всего прочего, ожидает от него выработки определенной модели стиля и образа мышления [3].

Помимо размытого статуса адресата, второй проблемой, стоящей перед СМИ, можно считать отбор сообщаемой ими информации, которая непременно должна характеризоваться достаточной степенью доступности по меркам среднестатистического представителя языкового сообщества, с тем, чтобы СМИ могли осуществить контролируемое формирование общественного мнения. Так, например, для успешного осуществления указанной деятельности журналисту в процессе сообщения какого-либо факта приходится соотносить свои личные знания о мире и личные прагматические задачи, как-то: желание выразить свое творческое Я, с установками и интересами редакции — адресата коллективного — и, наконец,

с опытом, знаниями относительно объекта сообщения у целевого адресата, неизбежно принимая во внимание также имеющуюся у последнего возможность прибегнуть к альтернативным источникам информации, в том числе в процессе межличностного общения с другими представителями языкового сообщества, а также уже имеющееся у адресата личное отношение к сообщаемому. При этом журналисту ни в коем случае нельзя забывать, что в основе искусства убеждения лежит “когнитивная деятельность без усилий” [2], которая поможет адресату на основе предыдущего опыта и получаемой информации на определенном этапе сформировать некоторое отношение к сообщаемой мысли, как отвечающее или не отвечающее цели адресанта. Ко всему прочему, масштаб влияния на адресата, по всей видимости, в гораздо большей степени находится в зависимости от собственно мыслительной деятельности последнего, характера ее протекания, “когнитивного ответа” на сообщение, а не от информации как таковой.

В процессе отбора адресантом СМИ определенных аспектов действительности для коммуникации ему вновь в равной степени приходится искать компромисс между “информационным заказом”, предъявляемым ему адресатом и собственно масс медийной агендой. Журналист поставлен перед необходимостью путем избирательного переноса акцентов достигать закрепления в сознании адресата определенного набора явлений. Агенда оказывается зависимой от опыта знакомства адресата с темой, типа СМИ, формата сообщения и стиля повествования, выступая, таким образом, косвенным фактором влияния на формирование определенного отношения адресата к действительности.

Необходимость сообщить адресату свое личное видение, моральную оценку, дать совет относительно дальнейших действий, осветить определенное событие, игнорируя некоторые его стороны и подчеркивая другие, то есть, задать определенные рамки медиасообщения, представляет собой еще одну — третью проблему, стоящую перед журналистом, так как данные рамки необходимы при целенаправленной активизации когнитивных схем для управления интерпретацией адресатом ситуации или сообщения. Ориентация на адресата (и одновременно эффективность рамок) проявляется в подборе таких единиц языка, стилистических средств и символов, которые совпадали бы с устоявшимся в обществе дискурсом и формировали бы образ мышления об определенном событии, которое уже знакомо адресату из предыдущего опыта, что позволяло бы дискуссии СМИ не диктовать свои желания и мысли аудитории, а имплицитно внедрять их в сознание своих целевых реципиентов [1], оказывая, таким образом, скрытое коммуникативное воздействие.

Для иллюстрации того, как стилистические явления могут определять характер интеракции адресата и адресанта в британских печатных СМИ, был проанализирован ряд так называемых проблемных статей лондонского издания “Ивнинг Стэндарт” за период с августа по май 2016 года с целью определить характер стилистических языковых средств, с помощью

которых данная газета, ориентированная на усредненного, и в общей своей массе “неискушенного” читателя, осуществляет акцентирование экспонируемых фактов внеязыковой действительности. Издание является таблоидом и скорее предназначено для чтения “на бегу”, повествуя об основных городских новостях. В процессе изучения того, с помощью каких языковых средств осуществляется выстраивание диалога журналистов и их целевой аудитории, было отмечено явное предпочтение первыми стилистического приема аллюзии, в изобилии используемого в проблемном дискурсе для характеристики предметов, лиц и явлений самого разного рода. Данный факт, в первую очередь, позволяет рассматривать отобранные аллюзии как знаки интертекстуальности, отсылающие адресата, как показала выборка, преимущественно к явлениям массовой культуры, таким, как телевизионные фильмы и передачи, ток и реалити-шоу, именам известных голливудских актеров, поп певцов, названиям популярных шлягеров. Например:

1. *From Freezing Shed to Frozen Drinks.... Rise of the **Smoothie Operator**.*
2. *Meanwhile, across the pond, Donald Trump, a satsuma-coloured man with no political experience other than navigating the boardroom of **The Apprentice**, was elected President.*

Так, для характеристики молодого, предприимчивого бизнесмена в примере 1, журналист в форме аллюзии, носящей явно шуточный, каламбурный характер (smooth — smoothie), отсылает адресата к весьма популярной в середине 80-х годов прошлого столетия песне британской исполнительницы Шаде “Ловкач” (Smooth Operator). Для характеристики новоизбранного президента США Дональда Трампа в Примере 2 журналист задействует аллюзию на также крайне популярное реалити-шоу “Кандидат” (The Apprentice), участники которого — молодые и амбициозные предприниматели, а нынешний американский президент — бессменный ведущий на протяжении четырнадцати сезонов, тем самым достаточно эксплицитно намекая адресату на то, что Трамп — шоумен и бизнесмен, явление куда более логичное и закономерное, чем Трамп — президент США. Отдельно следует отметить, что определённый заряд юмора придают и поддерживающие аллюзию эпитет “satsuma-colored” и метафора “navigated the boardroom”.

Схожие по характеру аллюзии можно наблюдать и в статье, рассказывающей о британских политиках в отставке:

3. *The evictees from Theresa May's Cabinet must not mope about but take a bag out of fun Ed's book. Michael Gove had ukulele lessons so he might want to give **Britain's Got Talent** a shot... And I'm sure Lord Sugar will let George Osborn take part in the next series of **The Apprentice**... we were with some serious female political journalist going to some boring factory visit but it all ended up turning into a surreal version of the **Great British Bake Off** when Ed arrived with a tin full of cupcakes*

В статье речь идет о том, что ряд бывших членов правительства и видных политиков приобрели известность отнюдь не только благодаря успешной политической деятельности, но и в силу допущенных ими

ряда оплошностей, подчас выставлявших их в не самом выгодном свете. В шутивно-ироничном тоне журналист в форме аллюзии намекает на то, что для ряда “деятелей” уместнее было продолжить карьеру в шоу-бизнесе, о чем свидетельствуют отсылки читателя к уже упомянутому шоу “Кандидат”, а также к двум крайне популярным развлекательным телевизионным шоу “Британия ищет таланты” и “Великий пекарь Британии”.

Для лучшего понимания той роли, которая отводится приему аллюзии в проблемных статьях, следует, отталкиваясь от природы явления, кратко проанализировать также и тот вклад, который аллюзия вносит в процесс интеракции адресанта и адресата сообщения, а также на основе анализа случаев отсылки адресата к, по сути, прецедентным явлениям, обладающим культурной значимостью, попытаться очертить образ самого адресата СМИ.

Как известно, стилистический прием аллюзии представляет собой сознательный авторский намек, содержащий имплицитное сравнение, при котором признак упоминаемого лица или факта приписывается другому лицу или событию. По сути, аллюзия выполняет в текстах СМИ функцию вторичного наименования, косвенно соотнесенного с различными фактами общественной жизни и, будучи основанной на общеизвестных фактах (в данном случае являясь ссылкой на популярные у обывателей телешоу), легко декодируются адресатами [5]. Посредством аллюзии на повседневные, хорошо знакомые факты массовой культуры и расхожие стереотипы адресанту удается осуществлять коммуникацию, находясь в том же языковом пространстве, что и адресат, а ирония, возникающая из оппозиции буквального и вкладываемого адресантом смысла высказывания, способствует формированию связи адресанта и адресата на базе общности смеховой культуры и помогает добиться необходимой степени доверия к источнику информации. Следует также предположить, что, прибегая к аллюзиям на явления, вызывающие приятные эмоции (развлекательный характер телешоу), адресант обеспечивает так называемое “пассивное принятие информации” в лице адресата. Узнаваемость предметов и явлений, послуживших денотатами для вторичного аллюзивного именованья, неизбежно находят “отклик” у адресата, возможный лишь после успешного соотнесения им поступающей информации с собственным опытом. Вопрос о том, чем обусловлен тот факт, что в качестве интертекстуальных элементов в журналистском тексте выступили преимущественно отсылки к телевизионным развлекательным продуктам, заслуживает отдельного внимания и анализа. Так или иначе, легкость декодирования аллюзии к прецедентным явлениям, обеспечивает отсутствие когнитивного усилия в процессе декодирования, создав, таким образом, идеальные условия, в которых массовый адресат запомнит информацию, выражающую субъективную оценку, представляющую эмоциональное состояние, при котором образ предмета речи сохраняется в памяти окрашенным эмоциями.

Список литературы:

1. Adam S. Bringing Mass Media in: The Contribution of the Mass Media for Understanding Citizens' Attitudes towards the European Union // KFG Working Paper Series, No. 4, September 2009, Kolleg-Forschergruppe (KFG) "The Transformative Power of Europe," Free University Berlin. [Электронный ресурс]. URL: http://userpage.fu-berlin.de/kfgeu/kfgwp/wpseries/WorkingPaperKFG_4.pdf (http://userpage.fu-berlin.de/kfgeu/kfgwp/wpseries/WorkingPaperKFG_4.pdf) (дата обращения: 10.02.2017).
2. Petty, R. E. Mass Media Attitude Change: Implications of Elaboration Likelihood Model of Persuasion / Brinol, P. & Priester, J. R. Media Effects: Advances in Theory and Research. 3d edit., 2009. P. 125–164.
3. Евстафьева А. В. Адресант и адресат "Языка вражды" в текстах средств массовой коммуникации // Вестник Тюменского государственного университета. №1. 2008. С. 125–134.
4. Каминская Т. Л. "Средний класс" как новый адресат российских СМИ: речевой аспект // Известия ЮФУ. №2. 2008. С. 122–129.
5. Качалова Н. А. Выражение намека посредством аллюзии (на материале политических статей) // Вестник ЧГПУ. №10. 2011. С. 256–267.
6. Степанов В. Н. Провокативный дискурс массовой коммуникации // Проблемы психологии дискурса. М., 2005. С. 43–61.

Сведения об авторе:

Защитина Галина Викторовна, к. ф. н., заведующий кафедрой лингвистики и межкультурной коммуникации, Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия; e-mail: galina.zashchitina@gmail.com

STYLISTIC MEANS OF COLLECTIVE ADDRESS GROUP MOLDING IN BRITISH MASS MEDIA DISCOURSE

Galina V. Zashchitina

Candidate of Philology, Chair of the Department of Linguistics and Intercultural Communication, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia; e-mail: galina.zashchitina@gmail.com

Abstract

The article offers a brief analysis of mass media authors and their collective address interaction. Issues relating to the essential features of journalists' discourse strategies and the pains, taken by mass media in an attempt to persuade the address group and to move them to action, are touched upon. That includes a spotlight on factors that are instrumental in cementing received data in the readers' collective mind and changing their attitudes and behavior. As British newspaper texts analysis showed such stylistic figure as allusion to facts of mass culture serves to depict the collective reader and is among the language means that allow a journalist to cooperate and stay in tune with mass reader thus molding the way they communicate.

Key words: media discourse, mass media, address group, allusion, provocative discourse.

References:

1. Adam, S. (2009). Bringing Mass Media in: The Contribution of the Mass Media for Understanding Citizens' Attitudes towards the European Union. *KFG Working Paper Series, No. 4. Kolleg-Forscherguppe (KFG) "The Transformative Power of Europe"*. Free University Berlin. Retrieved 11 January, 2017 from http://userpage.fu-berlin.de/kfgeu/kfgwp/wpseries/WorkingPaperKFG_4.pdf
2. Evstaf'eva, A. V. (2008). Adresant i adresat "Iazyka vrazhdy" v tekstakh sredstv massovoi kommunikatsii [The Addresser and the Addressee of "Language of War"]. In *Vestnik Tiumenskogo gosudarstvennogo universiteta [Reporter of Tumen State University]*, 1, 125–134.
3. Kachalova, N. A. (2011). Vyrazhenie nameka posredstvom alliuzii (na materiale politicheskikh statei) [Hinting through Allusion (In Political Texts)]. In *Vestnik ChGPU [Reporter of Chelyabinsk State Pedagogical University]*, 10, 256–267.
4. Kaminskaya, T. L. (2008). "Srednii klass" kak novyi adresat rossiiskikh SMI: rechevoi aspekt [Middle Class as a New Addressee of Russian Mass Media: Speech Aspect]. In *Izvestiia IuFU. Filologicheskie nauki [News of South Federal University. Philological Sciences]*, 2, 122–129.
5. Petty, R. E., Brinol, P., & Priester, J. R. (2009). Mass Media Attitude Change: Implications of Elaboration Likelihood Model of Persuasion. *Media Effects: Advances in Theory and Research. 3d edit.*, 125–164.
6. Stepanov, V. N. (2005). Provokativnyi diskurs massovoi kommunikatsii [Provocative Discourse of Mass Media]. *Problemy psikhologii diskursa [The Psychology Discourse Challenges]*, 43–61.

Стертые эвфемизмы в политическом дискурсе: лингвокогнитивный и переводческий аспекты

И. Г. Игнатъева, Ю. Л. Буйлова
МГИМО МИД России

Аннотация

Для формирования определенного взгляда широких масс на политическую жизнь зачастую используются скрытые технологии воздействия, к которым относят эвфемии, которая в силу своей лингвокогнитивной природы призвана расфокусировать внимание реципиента на одной характеристике денотата и сфокусировать его на другой. Для выявления эвфемии необходимо обладать когнитивными навыками, но даже при их наличии легко упустить из вида стертые эвфемизмы — языковые еди-

ницы, которые уже перестали выполнять функцию воздействия, а имеют только номинативную функцию. В работе на материале примеров из выступлений представителей внешнеполитических ведомств России и США по Сирийскому вопросу в 2016 г. и их официальных переводов (письменных, последовательных и синхронных) рассматриваются особенности эвфемизмов в данном дискурсе, выявляются некоторые тенденции трансфера знаний при переводе, в частности, синхронном, таких эвфемизмов. Анализ показывает, на примере переводов стертых эвфемизмов можно наблюдать работу когнитивной системы переводчика, в результате которой имплицитная составляющая вербальной репрезентации эвфемизма становится более очевидной.

Ключевые слова: эвфемизмы, стертые эвфемизмы, когнитивные навыки, политический дискурс, трансфер знаний, перевод эвфемизмов.

На ситуацию в современном мире значительное влияние оказывает внутренняя и внешняя политическая деятельность, которая, в свою очередь, во многом зависит от речевых актов и коммуникации — язык используется политиками для информирования, руководства и контроля, — что делает изучение политического дискурса по-прежнему актуальным.

Одной из тенденций современного политического дискурса является высокая степень скрытого языкового манипулирования. Для осознания ее присутствия и дешифрации глубинных способов и приемов ее применения требуются определенные когнитивные навыки.

К самым распространенным способам манипулирования можно отнести референциальное и аргументативное. Референциальное манипулирование связано с искажением образа денотата/референта в процессе обозначения действительности. Сюда относятся фактологическое манипулирование, которое подразумевает искажение фактов, и фокусирующее манипулирование (сдвиг прагматического фокуса).

Именно к референциальному манипулированию относят манипулирование посредством эвфемии, которая в силу своей лингвокогнитивной природы призвана расфокусировать внимание реципиента на одной характеристике денотата и сфокусировать его на другой. По мнению Л. П. Крысина, к эвфемизмам “прибегают в тех случаях, когда прямое обозначение объекта, действия, свойства, по мнению говорящего, может вызвать нежелательный общественный эффект, негативную реакцию массового адресата, осуждение и т.п.” [4].

В словаре русского языка под редакцией А. П. Евгеньевой эвфемизм понимается как слово или выражение, употребляемое взамен такого, которое неудобно или нежелательно произнести [2]. О. А. Ахманова в Словаре лингвистических терминов, помещая эвфемизм среди тропов, считает, что его функция состоит в непрямом, вежливом, смягчающем обозначении [1].

Различного рода определений термина “эвфемизм” существует множество, само слово происходит от греческого “eu” — “хороший, приятный” и “rheme” — “речь, высказывание”. Эвфемизация изначально вошла в язык как способ называть объекты с помощью более приятных и менее жестких наименований по сравнению с уже имеющимися. Сущность эвфемизации в рамках когнитивного подхода заключается в том, что в то время как денотат не изменяется, для его вербальной репрезентации используется языковая единица с добавочной положительной коннотацией. В когнитивных системах коммуникантов на изначально нейтрально- или негативно окрашенный денотат при этом накладывается положительная оценочность, что в конечном итоге приводит к восприятию объекта как “более приятно-го”, “более мягкого” и “менее оскорбительного”. В сознании коммуникантов происходит формальное (не действительное) улучшение денотата. В другой терминологии, языковая картина мира оказывается более положительной, чем реальная действительность. Безусловно, такое свойство эвфемии делает ее одним из ключевых инструментов языкового манипулирования и, как результат, неотъемлемым компонентом политического дискурса.

При общем свойстве скрывать неприятное, эвфемизмы неоднородны по своей природе. С точки зрения эволюции эвфемизмов в дискурсе, как правило, говорят об окказиональных, языковых и стертых эвфемизмах.

Представленное исследование было проведено на материале выступлений представителей внешнеполитических ведомств России и США по Сирийскому вопросу в 2016 г. и их официальных переводов (письменных, последовательных и синхронных) [5]. Необходимо отметить, что тексты и, соответственно, выбор языковых средств в выступлениях значительно различаются в зависимости от того, является ли это официальным заявлением (подготовленным, письменным, отредактированным) или менее формальным и спонтанным общением с представителями медиа. Тем не менее, в рассмотренных текстах ожидаемо преобладают стертые эвфемизмы.

Очень сложно отследить, особенно в живом и находящимся в постоянном движении и обновлении политическом дискурсе, тот момент, когда эвфемизмы переходят в категорию стертых и практически теряют свою эвфемистическую природу, превращаясь в прямую номинацию. Денотат с нейтральной или отрицательной коннотацией, вербализуемый такими единицами, теряется, отходит на второй план, и постепенно в когнитивной системе получателя информации происходит замещение. Вуалирующий характер таких замен перестает осознаваться, и языковая единица переходит в разряд номинативных. Как правило, здесь можно говорить о словах с широкой семантикой:

Мы также обсудили некоторые из последних мероприятий по решению гуманитарных проблем, связанных с продолжающимся конфликтом в Сирии.

We also agree that there is no military solution to the challenge of Syria.

I underscored the degree to which making progress against terrorists and resolving the conflict in Syria particularly is absolutely critical.

Глобализация привела к тому, что целый ряд реалий и концептов политической жизни, в особенности внешнеполитической, стали международными, лишенными национальной принадлежности. В рассмотренном материале значительная часть эвфемизмов носят своего рода “интернациональный характер” и имеют устойчивый эквивалент.

Это касается различных аспектов турецкого присутствия на сирийской территории. — This deals with different aspects of Turkish presence in Syria.

Humanitarian assistance for internally displaced people was not delivered. — Гуманитарная помощь для внутренне перемещенных лиц не была доставлена.

Однако именно такого рода стертые эвфемизмы требуют дополнительного когнитивного усилия как от получателя, владеющего языком оригинала, так и от переводчика. Переводчику могут потребоваться дополнительные фоновые знания [4] для того, чтобы осуществить перевод без смысловых потерь. В противном случае трансфер знаний может оказаться неудачным (подробнее см. [8]). Приведем пример неудачного трансфера знаний и, как следствие, потери смысла при переводе.

During this time, the perception of many members was that the regime of Bashar al-Assad was violating international law by trying to force surrender through starvation. — Режим привел к истощению сил Сирии и ее народа.

С точки зрения перевода, к эвфемизмам применимы все стандартные переводческие приемы и практики, все виды переводческих трансформаций. Однако если говорить об отходе от наиболее очевидного способа передачи эвфемизма — перевода эвфемизма эвфемизмом — то сразу становится очевидным когнитивная работа переводчика: переводчик чаще всего снимает эвфемистичность текста оригинала — прибегает к приему конкретизации. Эта тенденция подтверждает наблюдение о том, что двойственная природа даже стертого эвфемизма продолжает восприниматься когнитивной системой и, если реципиент текста “погружен” в его восприятие, эвфемизмы, пусть даже стертые, осознаются более буквально, имплицитная составляющая вербальной репрезентации становится более очевидной. В тексте перевода появляется изначальный денотат, который автор оригинала пытался завуалировать, скрыть. Такое действие переводчик может производить неосознанно, особенно это заметно при синхронном переводе в силу высокого темпа речи оратора и необходимости быстро применять эффективные переводческие решения.

Согласия сирийского руководства там находятся только российский и иранские контингенты. — Actually, only Russian and Iranian troops are on the ground upon the request of the Syrian authorities.

Нет сомнений, что эвфемизмы являются неотъемлемой частью современного политического дискурса. Более того, процессы интеграции мирового сообщества, ощущение единой площадки мировой политики, тесная интеграция ключевых игроков на международной арене приводят к интернационализации эвфемизмов, с одной стороны, и существенному

их “стиранию”, с другой. Функционирование эвфемизмов в политическом дискурсе — наглядная иллюстрация положения о влиянии языкового сознания на восприятие окружающего мира.

Список литературы:

1. Ахманова О. С. Эвфемизм. / Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. 2-е изд., стер. М: УРСС: Едиториал УРСС, 2004. 571 с.
2. Евгеньева А. П. Эвфемизм. / Словарь Русского Языка / А. П. Евгеньева. 1984, т. 4, 746 с.
3. Игнатьева И. Г. Фоновые знания как составляющая компетенции переводчика медиатекстов / И. Г. Игнатьева // Актуальные вопросы филологии, теория и методика преподавания иностранных языков. Межвузовский сборник научных статей. Выпуск 5. Ростов н/Д: РИНЯЗ, 2009. С. 89–96.
4. Крысин Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русистика. Берлин, 1994. №1–2. С. 28–49.
5. Официальный сайт МИД РФ. [Электронный ресурс] URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/archive/country/11114 (дата обращения 24.03.2017).
6. Юзефович Н. Г., Игнатьева И. Г. Причины неудачного трансфера знаний в политическом дискурсе: когнитивный подход / Н. Г. Юзефович, И. Г. Игнатьева // Когнитивные исследования языка. 2015. №23. С. 433–442.

Сведения об авторах:

Игнатьева Ирина Геннадьевна, к. ф. н., доцент, МГИМО МИД России, Москва, Россия; e-mail: ignateva.mgimo@yandex.ru

Буйлова Юлия Леонидовна, магистрант, МГИМО МИД России, Москва, Россия; e-mail: buylova.yuliya@mail.ru

DEAD EUPHEMISMS IN POLITICAL DISCOURSE

Irina G. Ignateva

Candidate of Philology, Associate Professor, MGIMO University, Moscow, Russia; e-mail: ignateva.mgimo@yandex.ru

Julia L. Buylova

Master's student, MGIMO University, Moscow, Russia; e-mail: buylova.yuliya@mail.ru

Abstract

Latent influence forms the general public's vision on political events. As a result, both the Media and formal addresses by government agents observe verbal manipulation including euphemization that by its nature relocates the recipient's attention from one characteristics of a denotation to another. Substantial cognitive experience is required to unravel it in a text, but even then it is easy to overlook dead euphemisms with predominantly nominative function and devoid of their initial expressive function. The article provides the study of the examples

of such euphemisms taken from speeches by Russian and American foreign policy operators on Syria delivered in 2016, their written and oral consecutive and simultaneous translations. The analysis traces peculiarities and some trends in knowledge transfer while translating dead euphemisms in political discourse. Cognitive processes in translator's mind manifest themselves as an implicit component comes to the fore in the course of translation of a dead euphemism.

Key words: euphemisms, dead euphemisms, verbal manipulation, cognitive skills, political discourse, knowledge transfer, translation of euphemisms.

References:

1. Ahmanova, O. S. (2004). Slovar' lingvистических terminov [A Dictionary of Linguistic Terms]. — 2-e izd., ster. — Moskva: URSS: Editorial URSS, 2004. 571.
2. Evgen'eva, A. P. (2002). Slovar' sinonimov russkogo yazyka [A Dictionary of Synonyms of the Russian Language]. Moskva: Astrel'; AST, 2002. 648.
3. Ignat'eva, I. G. (2009). Fonovye znaniya kak sostavlyayushchaya kompetencii perevodchika mediatekstov [Background Knowledge as a Component of Media-texts Translator's Competence]. *Aktual'nye voprosy filologii, teoriya i metodika prepodavaniya inostrannyh yazykov* [Current Issues of Philology; Theory and Methodology of Foreign Language Teaching]. Vypusk 5. Rostov on Don: RINYAZ, 2009. 89–96.
4. Krysin, L. P. (2000). EHvfemizmy v sovremennoj russkoj rechi [Euphemisms in Modern Russian Discourse] // *Rusistika*. — Berlin, 1994. 1–2. 28–49.
5. Official website of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. Retrieved 24 March, 2017 from http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/archive/country/11114
6. Yuzefovich, N. G., & Ignat'eva I. G. (2015). Prichiny neudachnogo transfera znaniy v politicheskom diskurse: kognitivnyj podhod [The Reasons of Unsuccessful Transfer of Knowledge in Political Discourse: Cognitive Approach] *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Language Studies]. 2015. №23. 433–442.

Языковая мода как системообразующий фактор в неологии (на материале новых бренд-наименований в современном английском языке)

Н. В. Кузнецова

Нижегородский институт управления — филиал РАНХиГС

Аннотация

Бренд-наименования, являясь относительно новым феноменом языковой картины мира и продуктом сознательного имитаторства, исследуются в русле неопрогностики (термин наш). Проводится анализ лингвистических и экстралингвистических особенностей словообра-

зовательных процессов, имеющих место при создании новых брендов. Исследуется лингво-социокультурный концепт “языковая мода” в увязке с понятиями “коннотация новизны” и “деактуализация коннотации новизны” с учетом как онтологических, так и эпистемологических основ брендоминирования. Выделяются семантические признаки языковой моды (актуальность, необычность, внезапность, ограниченная инклюзивность, прерывистость, ретроспективность). Устанавливается взаимозависимость и взаимообусловленность языковой моды экстралингвистической и языковой картинами мира. Рассматривается трихотомия “языковая мода — тенденция — закономерность”, а также дихотомия “языковая мода — консерватизм/традиция”. Исследуется влияние языковой моды на продуктивность отдельных словообразовательных моделей.

Ключевые слова: бренд, тенденция, языковая мода, неологизм, коннотация новизны.

Бренд-наименования, относительно недавно включенные в ономастическое пространство, представляют несомненную цивилизационную значимость в силу существенной роли, которую они играют в жизни общества в эпоху консюмеризма. Их абсолютное доминирование в количественном отношении над онимами других разрядов, а также особая семантика, связанная с предназначением не выражать понятия, а дифференцировать однородные предметы, не могли не привлечь внимания исследователей [2]. Они являются знаками вторичной номинации, и их зависимость от социокультурной ситуации ономастизирования и в целом от внеязыковой картины мира более значительна, чем у других неологизмов. Исследования демонстрируют наличие системных отклонений от устоявшихся традиций, зарождение и укрепление новых трендов внутри традиционных способов словообразования, причем продуктивность новых моделей оказывается как вполне очевидной, так и мало предсказуемой. Некоторые идеи, рассматриваемые автором в настоящей работе, сформулированы в ранней публикации [1]. Выделяя современные тенденции в бренд-наименованиях, представляется интересным обратиться к понятию “языковая мода”, которое, по существу, является эмоциональным дескриптором. Языковая мода (*language vogue*, *language fashion*), будучи спорадическим вкраплением в научные дискуссии, не является частью мета-аппарата лингвистического описания и анализа, маркируя наиболее яркие, современные, разрушающие традиции и, казалось бы, асистемные образования. С позиций лексикографии место термина “языковая мода” в качестве компонента концептуального аппарата не очевидно, равно как и понятия “коннотация новизны”. Представляется небезынтересным в будущем рассмотреть идеи “коннотации новизны” и “деактуализации коннотации новизны” в русле новой междисциплинарной научной парадигмы — неопрогностики, направленной на исследова-

дование процессов неологизации в английском языке новейшего периода с учетом fudge-факторов [5].

Объяснить частотность, продуктивность и популярность отдельных способов/моделей словообразования и создания новой лексики, как представляется, затруднительно, не обращаясь к феномену “языковая мода”, так как корпус бренд-наименований (общим количеством более 3 млн. только в американском английском) активно пополняется.

На недостаточное внимание к общим тенденциям в образовании новых лексических единиц указывают многие лингвисты, отмечая, что яркие, но разрозненные факты становятся предметом интереса [4–5]. Однако ситуация меняется: наряду с появлением рубрики “Language Change” в современных работах, находит место и раздел “Major Trends”, затрагивающий лингвистические изменения всех аспектов и уровней языка. Активное пополнение английской словарной системы продолжается, уже три поколения носителей языка являются свидетелями этого процесса, поэтому рассмотрение таких явлений, как “языковая мода”, “тенденция”, “закономерность”, “традиция”, “консерватизм” нуждаются в дальнейшем осмыслении. Языковая мода представляется частью более общей картины исследования, а именно, **триггером тенденции**, которая с течением времени может перейти в закономерность. С другой стороны, она действует деструктивно в отношении нормы и устоявшихся лингвистических традиций в словообразовании.

Отметим ряд общих семантических признаков универсального концепта “мода” и лингвистического концепта “языковая мода”: 1) совокупность вкусов и взглядов, распространенных в определенной общественной среде недолгое время; 2) образцы предметов и норм общения и поведения, соответствующие таким вкусам; 3) новизна, необычность, внезапность появления; 4) ограниченная инклюзивность, неуниверсальность; 5) прерывистость и преходящий характер; 6) потенциальная ретроспективность и цикличность [1, с. 80].

Ономастическое пространство, являясь обособленной структурой со специфическими функциями и особым отношением к любым именам нарицательным, равно как и к апеллятивам, переживает неологическое “нашествие”. В силу того, что бренд-наименования являются **актом сознательного имятворчества**, не учитывать современные тенденции, равно как и языковую моду, господствующие в профессиональном сообществе, представляется недальновидным. Акт сознательного словотворчества предполагает максимально выраженную референциальную и осознаваемую денотативную соотнесенность с объектом наименования, иногда же по необъяснимым причинам успех сопутствует номинациям, которые представляют собой логические аномалии и парадоксы. Объяснение этому частично находим в том, что **языковая мода диктуется профессиональными и экспертными сообществами брендмейкеров** с присущим для всех целеполаганием и мотивацией, но разным видением лингвисти-

ческих перспектив и, как следствие, разными шансами на успех [6]. Так, общеизвестные бренды “Orange” и “Apple”, как это не парадоксально, относятся к современным гаджетам, компьютерам и компьютерным технологиям. Говоря о моде, в первую очередь следует упомянуть о появлении абсолютно новых языковых явлениях, “ex nihilo ... from the raw material of sounds” [4, p. 46], e.g., *googol — Google, Yahoo!, maquiladora*. Языковая мода может быть цикличной и связанной с движением маргинальных для данного периода явлений к центру и в обратном направлении (так, в конце среднеанглийского периода конверсия была продуктивным способом словообразования, аналогичную ситуацию наблюдаем в настоящее время: *Hoover — to Hoover, Xerox — to Xerox*).

Рамки настоящего исследования позволяют лишь в общих чертах обозначить проявления феномена языковой моды:

1. “Технологичность”, научность и актуальность. Новый бренд должен звучать современно: *Intel — Integrated electronics, C-Max*. Эта идея имеет свое развитие в виде флера футуристичности и фантазийности (shift from scientific to sci-fi) [3].
2. Аббревиация и акронимия. Несмотря на свою семантическую “выхолощенность” априори, слоговые сокращения (syllabic acronyms) остаются востребованной моделью: *Nabisco — National Biscuit Company*.
3. Краткие имена нарицательные с прозрачной внутренней формой (как правило, исконно английские): *Go — British airline, Monday — start-up*.
4. Поэтичность, образность (poetry-like in nature): *Halcion — a sleeping pill*.
5. Экцентричность, алогичность, вычурность: *Fatbrain, Leaping Salmon, Speedy Tomato — start-ups*.
6. Расширение сферы денотативной соотнесенности и распространение бренда на товары различных категорий: *Polomints, VW Polo (hatchback car)*.
7. Цифровые нотации: *26 — non-profit business writers’ group* (по количеству букв в английском алфавите).
8. Придание статусности, респектабельности путем использования псевдо-латинских корней: *Consignia, Syngenta, Diageo, Virage, Enodis — company names*.
9. Использование безопасных, проверенных временем тактик брендинга. Возвращение к первоначальным основам наименования (товар/услуга, топоним, антропоним) позволяет возродить консервативные семейные традиции и привлечь часть целевого сегмента рынка: *Uncle Sam — retailers’, Mitchell & Butlers — brewers’*.

Анализ фактического материала показал, что для процессов брендинга последнего десятилетия характерно действие двух противоположных тенденций: функция интимизации (то есть стремление к аутентичности, лежащее в основе брендинга на начальном этапе) вступает в контрадикторные отношения с идеей “дистанцирования” (techy-sounding names, futuristic aroma).

Рассмотрение процессов, связанных с деактуализацией некоторых модных трендов в современном брендинге заслуживает отдельного исследования, предварительно же можно констатировать вытеснение моделей, к которым в прошлом веке брендмейкеры отдавали предпочтение.

Список литературы:

1. Кузнецова Н. В. Лингвистические перспективы новых бренд-наименований (на материале английского языка // Сборник статей по материалам XLV Международной филологической конференции. Санкт-Петербург, 2016. С. 78–84.
2. Теория и методика ономастических исследований / А. В. Суперанская, В. Э. Сталтмане, Н. В. Подольская, А. Х. Султанов. М., 2009. 256 с.
3. Frankel A. Wordcraft: the art of turning little words into big business. New York: Three Rivers Press, 2004. 241 p.
4. Mair Ch. Twentieth-Century English. History, Variation and Standardization. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 244 p.
5. Metcalf A. Predicting New Words. The Secrets of Their Success. Boston, New York: Houghton Mifflin Company, 2002. 206 p.
6. Taylor N. The Name of the Beast. London: Marshall Cavendish Business, 2007. 179 p.

Сведения об авторе:

Кузнецова Нина Васильевна, к. ф. н., доцент, Нижегородский институт управления — филиал РАНХиГС, Нижний Новгород, Россия; e-mail: kuznets-1349@yandex.ru

LANGUAGE VOGUE AS A SYSTEM-FORMING FACTOR IN NEOLOGY (ON THE MATERIAL OF NEW BRAND NAMES IN MODERN ENGLISH)

Nina V. Kuznetsova

Candidate of Philology, Associate Professor, Nizhny Novgorod Institute of Management — Branch of the Russian Academy of National Economy and Civil Service, Nizhny Novgorod, Russia; e-mail: kuznets-1349@yandex.ru

Abstract

The brand name, being a relatively new phenomenon of the linguistic picture of the world and the product of conscious name-making, is being investigated in the context of neoprognotics (our term). The analysis of linguistic and extralinguistic features of word-formation processes taking place at creation of new brands is carried out. The linguistic-sociocultural concept “language fashion” is studied in connection with the concepts “connotation of novelty” and “deactualization of the connotation of novelty”, taking into account both ontological and epistemological principles of brandnaming. Semantic features of language fashion (urgency, unusualness, suddenness, limited inclusiveness, intermittence, retrospectivity) are distinguished. The interdependence of the language fashion

with both linguistic and extralinguistic world pictures is established. The trichotomy “language fashion — tendency — regularity” is considered, as well as the dichotomy “language fashion — conservatism / tradition”. The influence of language fashion on the productivity of individual word-building models is studied.

Key words: brand, trend, language fashion, neologism, connotation of novelty.

References:

1. Kuznetsova, N. V. (2016). Lingvisticheskie perspektivy novyh brend-naimenovanij (na materiale anglijskogo jazyka [Linguistic perspectives of new brand names (on the material of the English language)]. In *Sbornik statej po materialam XLV Mezhdunarodnoj filologičeskoj konferencii. Sankt-Peterburg, 2016* [Collection of articles on the materials of the XLV International Philological Conference, St. Petersburg, 2016], 78–84.
2. Superanskaja, A. V., Staltmane V. Je., Podol'skaja N. V., & Sultanov, A. H. (2009). *Teorija i metodika onomastičeskikh issledovanij* [Theory and methodology of onomastic research]. Moskva: Knizhnyj dom “LIBROKOM”.
3. Frankel, A. (2004). *Wordcraft: the art of turning little words into big business*. New York: Three Rivers Press.
4. Mair, Ch. (2008). *Twentieth-Century English. History, Variation and Standardization*. Cambridge: Cambridge University Press.
5. Metcalf, A. (2002). *Predicting New Words. The Secrets of Their Success*. Boston, New York: Houghton Mifflin Company.
6. Taylor, N. (2007). *The Name of the Beast*. London: Marshall Cavendish Business.

Эпентезированные формы лексем в английском языке: диахронический и синхронический аспекты

Т. В. Левина, Н. А. Наумова

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Владимирский филиал)

Аннотация

Статья посвящена проблеме эпентезированных форм лексем в английском языке. Развитие генеративной фонологии обуславливает актуальность попытки рассмотреть явление эпентезы на материале Произносительного словаря Д. Джоунза разных лет издания (1964, 1977, 1993, 1997, 2003, 2006, 2011). Корпус исследования включает в себя 1565 примеров слов с вставными звуками. Эпентеза представлена как вид ресегментации лексем с позиции диахронических и синхронических процессов реализации формы слова. Причины возникновения эпентезы раскрыты с опорой на принципы гармонии и языковой оптимальности. Результаты исследования доказывают наличие трех вставных звуков [p, t, k] в сре-

динной и конечной позиции слов, а также определяют фонологическую контекстную среду, обуславливающую возникновение вставной фонемы.

Ключевые слова: эпентеза, эпентезированная форма слова, экономия лингвистических усилий, лингводинамический анализ, репрезентативный анализ, современный английский язык.

Появление фонематически измененных форм в языке принято считать естественным процессом взаимного влияния звуков в потоке речи в силу соответствующих комбинаторных изменений, осуществляющихся в виде фонетических процессов ассимиляции, аккомодации, диерезы, диссимиляции, гаплоггии, эпентезы и др. В связи с тем, что среди всех последствий этих звуковых процессов предметом нашего исследования являются именно эпентезированные формы лексем, обратимся к трактовке лингвистического феномена эпентезы.

В качестве основополагающего можно принять *определение*, в котором феномен эпентезы раскрывается как процесс “появления в слове звука, буквы или слога, первоначально отсутствовавшего в нем” [6, с. 112–113].

Следует отметить, что в русском языке данное явление довольно широко распространено и рассматривалось в трудах классиков отечественного языкознания А. А. Реформатского, Л. В. Щербы [6; 7], а также в работах современных авторов, например, А. Н. Заниной [3]; в лексико-графических справочниках О. С. Ахмановой, Н. А. Грязновой [1, с. 526; 2].

Однако методологическая основа феномена эпентезы в исследованиях зарубежных авторов представлена лишь некоторыми современными лингвистами, например, Т. Кроули, Н. Холл [8; 9], и по большей части опосредована классификациями *причин* звуковых изменений, обусловленных теориями экономии языковых усилий, языковой избыточности, оптимальности и когнитивной интеграции [4; 5, с. 91–97].

Представляя собой элемент звуковой техники, эпентеза подчиняется собственным фонетическим законам, в некоторой степени абстрагируясь от сознания. Эпентетическая трансформация или техника связана с преобразованием фонематической структуры слова и подразумевает совершенствование языкового механизма в результате естественного стремления говорящего к комфорту и экономии речевого процесса. В результате образуется “хорошая форма”, биодинамически “удобная” артикуляция, при которой происходит наименьшая затрата энергии [3, с. 120]. Эпентезированные формы лексем (вставки), призванные устранить так называемое “зияние” [2], чаще всего имеют диссимилятивную основу.

Таким образом, актуальность настоящего исследования продиктована появлением новых тенденций генеративных фонологических изменений, способствующих переоценке характера языковых явлений, а также установлению статуса этих процессов в диахроническом и синхроническом развитии языка.

Цель настоящего доклада представляет собой попытку рассмотреть явление эпентезы в современном английском языке в диахроническом и синхроническом аспектах на примере 7 изданий Произносительного словаря Д. Джоунза (1964, 1977, 1993, 1997, 2003, 2006, 2011). Для реализации поставленной цели аналитико-прагматическое, лексикографическое и морфолого-фонологическое исследование корпусного материала включало в себя *метод фонологического анализа*, позволяющий выявить существенные признаки фонем, от которых зависит появление вставочного элемента, и *метод репрезентативного анализа*, помогающий объяснить выбор оптимальной формы эпентезированной лексемы.

Путем сплошной выборки был сформирован *широкий корпус* исследования, в котором общее количество эпентезированных форм составило 1565 единиц. Следует отметить, что в словаре 1964 г. (11-е издание) было зафиксировано всего 27 слов со вставными звуками, число которых резко возросло на полторы тысячи единиц в 15-м, 16-м, 17-м и 18-м изданиях Произносительного словаря.

Диахронический анализ корпусного материала позволил выявить наличие следующих трех вставных звуков, представленных в порядке возрастания по частоте использования в слове:

- [k] — в 21 слове, что составило 1,4% от общей выборки;
- [p] — в 80 единицах (5,1%);
- [t] — в 1461 слове (93,5%).

Очевидно, что все эти вставные согласные объединены явлением аспирации (придыхания). В словах английского языка они реализуются с сильным шумом, которое создается за счет мышечного напряжения артикуляционного аппарата при прохождении через него выдыхаемой струи воздуха. Следует, однако, заметить, что в эпентезированных формах лексем представлены неаспирированные варианты вставных согласных фонем.

Исследование также показало, что консонантная диссимилиация встречается только в середине или в конце лексемы и никогда не присутствует в начале слова. Так, например, самый частотный случай вставки посредством фонемы [t] успешно реализуется как в середине (50,9%), так и в конечной позиции слова (49,1%). Между тем, вставные фонемы [p] и [k] чаще всего присутствуют в середине слов (83,8% и 70,8% соответственно).

Анализ эпентезированных форм позволил выделить фонологическую контекстную среду, влияющую на появление эпентезы в слове:

1. Звук [t] становится вставкой перед звуком [n], при этом максимальный диссимилиативный эффект достигается за счет последующего звука [s], например, *France* [nts] (85,7%). Кроме того, встречается фонема [ʃ], например, *vice-presidential* [ntʃ] (7,4%) или звук [θ], например, *month* [ntθ] (6,9%). Следует отметить, что в диахронии все три звука, влияющие на появление эпентезы [t], зафиксированы в 15-м и последующих изданиях словаря. В предыдущих изданиях, подвергнутых лексикографическому анализу, отмечалась лишь диссимилиация со стороны звука [s].

Интересным представляется также тот факт, что реализация эпентезированного звука [t] в контекстном окружении [ntʃ] является преимущественной особенностью американского варианта звучания слова (91,9%).

Кроме того, более поздние издания словаря (с 1997 г.) позволили выявить соответствие фонемы [s], следующей за вставным звуком [t], буквам C, S и Z. Так, на письме она может передаваться следующим образом:

- C (62,8%), например, *finance* [nts];
 - S (36,8%), например, *suspense* [nts];
 - Z (0,4%), например, *Rosenkranz* [nts].
2. Звук [p] становится эпентезой перед звуком [m]. Диссимилятивный эффект достигается за счет следующих звуков:
- [f], например, *discomfort* [mpf], *nymph* [mpf] (66,7%); интересно, что такая реализация эпентезы [p] фиксируется лишь в более поздних изданиях словаря (с 1997 г.).
 - [s], например, *Amsterdam* [mps] (20,5%);
 - [t], например, *Plumtre* [mpt] (6,4%);
 - [k], например, *Potemkin* [mpk] (3,8%);
 - [θ], например, *something* [mpθ] (2,6%).
- 3) Звук [k] реализуется в качестве эпентезированной вставки перед фонемой [ŋ]. Диссимилятивный эффект достигается за счет следующих звуков:
- [θ], например, *strength* [ŋkθ] (47,8%);
 - [st], например, *youngster* [ŋkst] (34,8%);
 - [t], например, *Longton* [ŋkt] (17,4%).

Следует отметить, что эпентезированные формы лексем со вставками [p] и [k] ни разу не были отмечены в диахронии в качестве американского варианта произнесения слов.

Полученные в ходе аналитико-прагматического анализа результаты свидетельствуют о наличии эволюционного характера явления эпентезы в современном английском языке. Направленность эпентетического сегмента на поиск оптимальной языковой формы и облегчение произношения связана, в первую очередь, с актуальной в языке современной тенденцией экономии лингвистических средств и усилий. В дальнейшем предполагаемым целевым блоком лексикографической работы будет являться анализ этимологических предпосылок появления вставных звуков с целью констатации предшествующих и потенциальных лингво-динамических проявлений в изучаемом языке.

Список литературы:

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: УРСС, 2004. 571 с.
2. Грязнова Н. А. Эпентеза // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. [Электронный ресурс]. URL: <http://lingvisticheskiy-slovar.ru/description/epenteza/751> (дата обращения: 8.02.2017).

3. Занина А. Н. Энантиоприрода эпентезированной формы слова: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Занина Анастасия Николаевна; Тверской государственный университет. — Тверь, 2010. — 156 с.
4. Левина Т. В. Эволюционные процессы в орфоэпической норме слова современного английского языка. Владимир: ВГПУ, 2003. 125 с.
5. Наумова Н. А. Ономазиологический аспект акцентной нормы в префиксальных глаголах английского языка. Ульяновск: Зебра, 2016. 167 с.
6. Реформатский А. А. Введение в языковедение. М.: Аспект Пресс, 1996. 536 с.
7. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. М.: КомКнига, 2002. 432 с.
8. Crowley, T. An Introduction to Historical Linguistics. Oxford University Press. 1997.
9. Hall, N. Vowel epenthesis. *The Blackwell Companion to Phonology*. MA & Oxford. 2011. 1576–1596.

Сведения об авторах:

Левина Татьяна Валентиновна, д. ф. н., профессор, Владимирский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Владимир, Россия; e-mail: eklevi@gmail.com

Наумова Наталья Александровна, к. ф. н., доцент Владимирского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Владимир, Россия; e-mail: natasha_nau@list.ru

EPENTHESIS WORD TRANSFORMATIONS IN MODERN ENGLISH: DIACHRONIC AND SYNCHRONIC ASPECTS

Tatiana V. Levina

Doctor of Philology, Professor, Vladimir branch of Financial University under the Government of the Russian Federation, Vladimir, Russia; e-mail: eklevi@gmail.com

Natalia A. Naumova

Candidate of Philology, Associate Professor, Vladimir branch of Financial University under the Government of the Russian Federation, Vladimir, Russia; e-mail: natasha_nau@list.ru

Abstract

The article is focused on the epenthetic word transformations in Modern English. The development of generative phonology makes it possible to view epenthesis on the material of different editions of *English Pronouncing Dictionary* by Daniel Jones (1964, 1977, 1993, 1997, 2003, 2006, 2011). The experimental unit with epenthetic elements includes 1565 samples. The epenthesis phenomenon is viewed as a type of lexeme resegmentation within the synchronic and diachronic processes of epenthetic word realization. The reasons for the epenthesis to be generated are established on the principles of harmony and language optimization. The results of the research make it possible to prove the existence of the

consonant epenthesis [p, t, k] in the central and final position of lexemes, as well as the phonological contextual environment for the epenthetic sound to appear.

Key words: epenthesis, epenthetic word transformation, linguistic economy, linguo-dynamic analysis, representative analysis, Modern English.

References:

1. Akhmanova, O. S. (2004). Slovar' lingvisticheskikh terminov [Dictionary of Linguistic Terms]. M: URSS.
2. Griaznova, N. A. (1990). Epenteza [Epenthesis]. In *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistic Encyclopedia]. M.: Sovetskaja entsiklopediia. Retrieved 8 February, 2017 from <http://lingvisticheskii-slovar.ru/description/epenteza/751>.
3. Zanina, A. N. (2010). Enantiopriroda epentezirovannoi formy slova [Enantio-nature of Epenthesis Word Transformation]: PhD Thesis in Philology. Tver'.
4. Levina, T. V. (2003). Jevoljucionnye processy v orfojepichestkoj norme slova sovremenno go anglijskogo jazyka [Evolution in the Word Orphoepic Norm of Modern English]. Vladimir: VGPU.
5. Naumova, N. A. (2016). Onomasiologicheskij aspekt akcentnoj normy v prefiksals'nyh glagolah anglijskogo jazyka [Onomasiological Aspect of the Accentual Norm in English Verbs with Prefixes]. Ul'janovsk: Zebra.
6. Reformatskii, A. A. (1996). Vvedenie v iazykovedenie [Introduction into Linguistics]. M.: Aspekt Press.
7. Shcherba, L. V. (2002). Iazykovaia sistema i rechevaia deiatel'nost' [Language System and Speech Activity]. M.: KomKniga.
8. Crowley, T. (1997). An Introduction to Historical Linguistics. Oxford University Press.
9. Hall, N. (2011). Vowel epenthesis. *The Blackwell Companion to Phonology*. MA & Oxford. 1576–1596.

Современные угрозы безопасности в ассоциациях французской и российской молодежи

Д. А. Морель Морель

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Аннотация

По результатам авторского эксперимента (опрошены сто французских и сто российских студентов 19–23 лет) выстроены ассоциативные поля слов-стимулов “теракт”, “attentat”, “экстремизм” и “extrémisme”, проанализирована их внутренняя организация. Выявлено, что при структурном сходстве первых двух полей, они демонстрируют существенные отличия как в наборах топовых ассоциаций, так и в релевантности вы-

деляемых семантических кластеров ассоциаций. С одной стороны, это обусловлено объективными факторами, с другой — может свидетельствовать о национальных особенностях мировосприятия. Два последних поля обнаруживают расхождения по всем анализируемым параметрам. Это вызвано, с одной стороны, недостаточной сформированностью концепта “экстремизм” в картине мира российской молодежи (выявлена интерференция с концептом “экстремальные виды спорта”), с другой — сильным влиянием текущих внутривнутриполитических процессов на картину мира французского студенчества.

Ключевые слова: ассоциация, теракт, экстремизм, русский, французский, студент.

Потребность в безопасности традиционно рассматривается большинством отечественных и зарубежных психологов в качестве одной из ключевых, базисных потребностей личности. Безопасность, рассматриваемая как одна из базовых общечеловеческих ценностей, как интегративный элемент картины мира, становится предметом пристального внимания исследователей-лингвистов и когнитологов [1].

К сожалению, тенденции развития современного мира таковы, что количество угроз безопасности постоянно увеличивается, что не может не влиять на стереотипное восприятие последней языковым сознанием, на состав, структуру и место в национальной картине мира соответствующего концепта [2]. Данные аспекты динамики концепта “безопасность” четко выявляются с помощью анализа ассоциативных полей [3].

В число актуальнейших угроз безопасности в новейшей истории входят терроризм и экстремизм. Соответственно объектом исследования в настоящей работе являются стереотипные представления французов и россиян об экстремизме и теракте, выявляемые на основе анализа ассоциативных полей слов-стимулов “теракт”, “attentat”, “экстремизм” и “extrémisme”, выступающих непосредственным предметом исследования. Ассоциативный материал был собран в ходе проведения авторского ассоциативного эксперимента, прошедшего в два этапа:

1. в 2015 г. обследовано сто российских студентов (50 юношей и 50 девушек) в возрасте 19–23 лет, обучающихся в вузах г. Белгорода (82% постоянно проживают в Центральном Черноземье, 15% — в Сибири и на Дальнем Востоке);
2. в 2016 г. проведено обследование аналогичной по численности, возрастному и гендерному составу группы французских студентов Университета Ниццы “София Антиполис”.

Целью работы является выявление и сопоставление особенностей стереотипного восприятия российским и французским студенчеством экстремизма и теракта.

Таблица 1.

Когнитивные признаки экстремизма в ответах российских и французских респондентов

Экстремизм...	Доля в реакциях российских респондентов, %	Доля в реакциях французских респондентов, %
террористическая деятельность, ее участники	11	6
политика	3	28
исламский мир	8	5
связан с религией (не исламом)	5	5
делинквентное и девиантное поведение	8	2
глупость	6	7
опасность	5	13
фашизм, нацизм	3	3
экзистенциальные состояния	3	0
получает отрицательную оценку	13	6
получает положительную оценку	3	0
непонятное (новое) слово	3	0
экстремальные виды спорта	8	0

В ответах российских респондентов репрезентировано 13 когнитивных признаков экстремизма (см. Табл. 1), из которых в реакциях их французских сверстников представлено только 9.

Анализ ответов российских и французских респондентов позволил выявить 13 когнитивных признаков теракта (см. Табл. 2), из которых 11 являются общими, и по одному — национально специфичными.

Стереотипные представления французской и российской молодежи об экстремизме, выявляемые по результатам анализа ассоциативного материала, кардинально различаются.

В языковом сознании французского студенчества экстремизм стереотипно связан с политикой (главным образом французские ультраправые) и опасностью. В ответах российских респондентов четкий “вектор ассоциирования” отсутствует, относительно устойчиво экстремизм соотносится с террористической деятельностью и другими делинквентными проявлениями, исламским миром, а также получает отрицательную оценку.

Таблица 2.

Когнитивные признаки теракта в ответах российских и французских респондентов

Теракт...	Доля в реакциях российских респондентов, %	Доля в реакциях французских респондентов, %
взрыв	18	3
исламский мир	6	2
получает отрицательную оценку	6	3
террористическая деятельность, ее участники	5	12
делинквентное и девиантное поведение	4	7
опасность	4	4
средства его осуществления	4	8
имеет локализацию в пространстве– времени:	18	21
— в США (11.09.2001)	7	1
— на Кавказе	7	0
— во Франции	0	19
экзистенциальные состояния:	20	27
— смерть	12	12
— страдания	7	5
— страх	1	10

По сравнению с ответами российских респондентов структура соответствующего французского ассоциативного поля имеет вырожденный характер, что свидетельствует о явной стереотипизации рассматриваемой реалии в языковом сознании французской молодежи.

У российских студентов устойчивых стереотипов в отношении экстремизма пока не сложилось, речь идет, скорее, о “семантическом гештальте”: экстремизм в общем воспринимается как террористическая угроза со стороны исламистских радикалов. Кроме того, четко проявляется интерференция *экстремизма* и *экстрима*, что также свидетельствует в пользу того, что соответствующий концепт еще не укоренился в российской картине мира.

В первом приближении ассоциативные поля “attentat” и “теракт” демонстрируют структурное сходство. Единственные отличия относятся к локализации терактов и имеют четкую экстралингвистическую обусловленность.

Однако распределение реакций по выявленным семантическим кластерам свидетельствует о существенных различиях в восприятии теракта россиянами и французами на уровне релевантности конкретных когнитивных признаков для национального языкового сознания. У французского студенчества теракт стереотипно связан с конкретным местом во Франции, где были осуществлены атаки террористов (главным образом в Ницце, где проводился опрос), а также террористической (и иной делинквентной) деятельностью, у их российских сверстников — с взрывом. Обе группы респондентов стереотипно связывают теракт с экзистенциальными состояниями, при этом россияне акцентируются на смерти и страданиях, а французы — на смерти и страхе. Таким образом, за исключением “смерти” когнитивные признаки теракта, являющиеся высокорелевантными для одной группы респондентов, мало или неактуальны для другой.

Список литературы:

1. Выговская Д. Г. Отражение содержания общечеловеческой ценности «безопасность» в языковом сознании носителей русской культуры: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Выговская Дарья Геннадьевна; Челябинский гос. ун-т. — Челябинск, 2014. — 224 с.
2. Иванова Т. В. Особенности формирования интегративных концептуальных структур на примере концепта *security* // Изменяющаяся Россия и славянский мир: новое в концептуальных исследованиях. Севастополь, 2009. С. 115–122.
3. Кузнецова Л. Б. Динамика стереотипных представлений о безопасности (на материале ассоциативного эксперимента) / Л. Б. Кузнецова, Д. А. Морель Морель // Вестник Восточно-Сибирской открытой академии. 2014. №16. [Электронный ресурс]. URL: <http://vsoa.esrae.ru/pdf/2014/16/877.pdf> (дата обращения: 12.01.2015).

Сведения об авторе:

Морель Морель Дмитрий Александр, к. ф. н., доцент, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия; e-mail: morel@bsu.edu.ru

MODERN SECURITY THREATS IN ASSOCIATIONS OF FRENCH AND RUSSIAN YOUTH

Dmitry A. Morel Morel

Candidate of Philology, Associate Professor, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia; e-mail: morel@bsu.edu.ru

Abstract

According to the results of author's experiment (100 French and 100 Russian 19–23-years-old students were surveyed) associative fields of stimuli “terakt” (act of terror), “attentat”, “extremism”, “extrémisme” were built, their inner

structure was analyzed. It is shown that being structurally similar the first two fields show striking differences both in top associations sets and the relevance of revealed semantic clusters. On the one hand, it is conditioned by objective factors, on the other hand, it can reflect national peculiarities of perception of the world. Two latter fields show discrepancies in every analyzed characteristic. It is caused by insufficient maturity of concept “extremism” in Russian youth’s picture of the world on the one hand, and by strong influence of current domestic policy processes on French students’ picture of the world on the other hand.

Key words: association, act of terrorism, extremism, Russian, French, student.

References:

1. Vygovskaia, D. G. (2014). Otrazhenie soderzhaniia obshchechelovecheskoi tsennosti “bezopasnost” v iazykovom soznanii nositelei russkoi kul’tury [Reflection of the content of universal value “security” in language consciousness of Russian culture bearers]. Unpublished doctoral dissertation, Chelyabinsk.
2. Ivanova, T. V. (2009). Osobennosti formirovaniia integrativnykh kontseptual’nykh struktur na primere kontsepta security [Peculiarities of formation of conceptual structures by example of concept security]. *Izmeniaiushchaiasia Rossiia i slavianskii mir: novoe v kontseptual’nykh issledovaniiaakh* [*Changing Russia and Slavic world: new in conceptual researches*], 115–122.
3. Kuznetsova, L. B., and Morel’ Morel’, D. A. (2014). Dinamika stereotipnykh predstavlenii o bezopasnosti (na materiale assotsiativnogo eksperimenta) [Dynamics of stereotypic notions of security (on the material of associative experiment)]. *Vestnik Vostochno-Sibirskoi otkrytoi akademii* [*Bulletin of East-Siberian open academy*], 16. Retrieved 12 January, 2015 from <http://vsoa.esrae.ru/pdf/2014/16/877.pdf>

Структурная классификация английских фразеологических калек

С. В. Мухин

МГИМО МИД России

Аннотация

В статье рассматриваются структурные характеристики фразеологических калек в современном английском языке на примере единиц, заимствованных из французского языка. Определяются структурные основания выделения фразеологизма как языковой единицы. Выстраивается структурная классификация единиц данного типа на основе их частеречного значения и выясняется проблема соотнесенности структурных типов фразеологических калек с подобными типами исконных фразеологизмов. Выделены восемь лексико-грамматических групп фра-

зеологических калек: субстантивные, адъективные, адвербиальные, глагольные, модальные, междометные, союзные, предложные. Отмечается значительное преобладание субстантивных единиц, которые составляют до половины от общего числа. Кроме того, отмечено существование фразеологических калек со структурой законченного высказывания. Последние представлены структурными типами, синтаксически соответствующими простому и сложному предложению, с преобладанием первого типа. В статье делается вывод об идентичности структурной классификации калькированных фразеологизмов в английском языке структурной классификации исконных фразеологизмов.

Ключевые слова: заимствование, фразеология, калькирование, фразеологическая калька.

Фразеологическое калькирование возможно во многом благодаря тому, что различные по многим параметрам языки имеют в своей основе черты структурной схожести. Переключение с одного языкового кода на другой возможно и практикуется именно потому, что языки изоморфны: в основе их структуры лежат одни и те же общие принципы [7].

При описании структурных характеристик английских фразеологических калек (ФК) представляется оправданным остановиться на калках французского происхождения как наиболее многочисленных и рассмотреть соотношенность структурных групп и структурных моделей данных фразеологических единиц (ФЕ) с общей картиной, характерной для исконной фразеологии английского языка.

Общепризнанной проблемой была и остается проблема определения границ фразеологии. Что является идиомой, а что нет — часто вопрос степени. Вариативный характер ФЕ и сейчас может приводить к затруднениям, к предпочтению того или иного критерия [2]. Во фразеологии языковой знак отличается сложной семантической организацией, которая по объему передаваемой информации может сравниться с целым текстом [1]. В самом широком понимании объектом фразеологии являются все устойчивые сочетания слов с осложненным значением. Нижняя граница фразеологизма — двусловное образование. Верхняя граница — сложное предложение. Фразеологизмами со структурой сложного предложения могут быть только пословицы. Образования, выходящие за пределы сложного предложения, единицами языка не являются и не могут быть фразеологизмами. Это помогает отграничить фразеологизмы от малых жанров фольклора [3].

В качестве воспроизводимой языковой единицы фразеологизм выступает как определенное структурное целое. Наиболее существенным признаком ФЕ, служащим для разделения фразеологизмов на два больших структурных класса, является соотносимость фразеологизмов с лексемой либо с высказыванием.

С точки зрения коммуникативной функции, вопрос состоит в том, совершается ли при воспроизведении отдельно взятого фразеологизма акт коммуникации или нет. С точки зрения синтаксической структуры непредикативные единицы эквивалентны словосочетанию, а предикативные — предложению. Среди исследованных ФК большинство (81%) составляют непредикативные единицы.

По структуре непредикативные ФЕ делятся на группы, в ряде случаев соотносительные с теми, на которые они делятся с точки зрения их общего лексико-грамматического значения [5]. Если фразеологизм не несет законченной информации, то в высказывании он выступает в качестве члена предложения. Преимущественное употребление фразеологизма в функции этого члена предложения зависит от его соотнесенности с определенной частью речи, то есть от его лексико-грамматического (частеречного) значения.

Части речи выделяются по различным основаниям. Единственное, что объединяет все эти основания — это то, что все они из области значения [5]. С точки зрения соотнесенности с частью речи, фразеологизмы можно разделить на восемь лексико-грамматических групп, причем данное разделение одинаково справедливо и для английской, и для французской фразеологии. Ниже приводится удельный вес от общего числа ФК и даются примеры единиц, входящих в соответствующие группы, с их французскими этимонами: **1) субстантивные** (40,5%): *dead hand < main-morte* (владение имуществом без права передачи); **2) адъективные** (4,4%): *of the first order < du premier ordre* (первоклассный); **3) адverbиальные** (4,0%): *to a wonder < à merveille* (чудесно, наилучшим образом); **4) глагольные** (28,7%): *to make advances < faire des avances* (заигрывать, идти навстречу в чем-л.); **5) модальные** (2,2 %): *in passing < en passant* (между прочим); **6) междометные** (0,3%): *by all that's blue < parbleu* (черт побери); **7) союзные** (0,3 %): *fault of < faute de* (за отсутствием); **8) предложные** (0,3%): *apropos of < à propos de* (по поводу; насчет).

Почти половину ФК французского происхождения составляют субстантивные единицы. Данный факт является отражением тенденции французского языка к субстантивности. Глагольные обороты во французском языке возможны, но именные всегда кажутся более естественными, тогда как в английском языке при первой возможности справедливым оказывается прямо противоположное [8].

Особого комментария заслуживает вопрос о фразеологизмах, соотносимых со служебными частями речи. В научной литературе отмечается существование подобных “союзных фраз”. С точки зрения лексикологии, некоторые из таких фраз, функционирующих как предлоги и союзы, должны определяться как ФЕ.

Союзные фразеологизмы среди английских ФК французского происхождения почти не представлены за исключением ФК *fault of < faute de* (при отсутствии). То же самое справедливо в отношении предложных

ФК. В словаре А. В. Кунина фиксируется в качестве адвербиальной ФЕ *apropos of nothing* (некстати, неожиданно). Этимомом английской единицы послужило выражение *à propos de rien* с тем же значением. В английском языке эта единица функционирует как ФК, обнаруживая при этом несколько орфографических вариантов: *à propos of nothing; a propos of nothing; àpropos of nothing; apropos of nothing*:

“You know how many baseball games we played this year, last year, year before?” said Tom, **apropos of nothing** [6].

Таким образом, анализ показывает, что английские ФК французского происхождения представлены во всех структурно-семантических классах, внутри которых выделяются структурные модели ФК:

1. **Субстантивные ФЕ:** а) N+prep+N: *debt of honor* < *dette d'honneur* (долг чести); б) A+N: *the Little Corporal* < *le Petit Caporal* («маленький капрал», Наполеон I); в) N+N: *trial balloon* < *ballon d'essai* (пробный шар); г) N's+N: *Buridan's ass* < *l'âne de Buridan* (Буриданов осел).
2. **Адъективные ФЕ:** prep+N: *on the pavement* < *sur le pavé* (без средств к существованию).
3. **Адвербиальные ФЕ:** а) prep+N: *in the last resort* < *en dernier ressort* (в крайнем случае; в конечном счете); б) Num+prep+pron+N: *one of these fine days* < *un de ces beaux jours* (в один прекрасный день);
4. **Глагольные ФЕ:** а) V+N: *to lose ground* < *perdre du terrain* (отступать; ухудшаться); б) V+N/Pron+prep+N/Pron: *to pull the devil by the tail* < *tirer le diable par la queue* (бедствовать, нуждаться); в) V+prep+N: *to dance on a volcano* < *danser sur un volcan* (играть с огнем); г) V+V: *to make believe* < *faire croire* (делать вид, изображать); д) V+Adv: *to stop short* < *s'arrêter court* (резко остановиться).
5. **Модальные ФЕ:** prep+N/Gen/Pron: *in sum* < *en somme* (в общем; в целом).
6. **Междометные ФЕ:** prep+Pron+pron+V+Adj: *by all that's blue* < *parbleu* (черт поberi).
7. **Союзные ФЕ:** Adv+prep: *fault of* < *faute de* (за отсутствием).
8. **Предложные ФЕ:** N+prep: *apropos of* < *à propos de* (по поводу; насчет).

Помимо представленных выше лексико-грамматических групп, в английском языке существуют ФК со структурой законченного высказывания — пословицы и поговорки общим числом 62 (19,3% от общего количества ФК французского происхождения) — парадоксальные предложения, выражающие ценностные суждения и прескрипции [4].

Пословица понимается как краткое, устойчивое в речевом обиходе, часто ритмически организованное изречение назидательного характера, в котором зафиксирован опыт народа; имеет форму законченного предложения, выражает суждение (за исключением побудительных пословиц) и обладает буквальным и переносным или только переносным смыслом.

Поговорка представляет собой краткое изречение, имеющее только буквальную план, и в грамматическом отношении является законченным предложением [9]. Среди исследуемых единиц гораздо больше поговорок,

чем пословиц. Между поговорками и пословицами существует класс выражений, которые совмещают в себе черты единиц обоих типов.

Калек со структурой простого предложения насчитывается большинство — 48, что составляет 15,0% от общего числа ФК, например: *every bird likes its own nest < à chaque oiseau son nid est beau* (всяк кулик свое болото хвалит). Кальки со структурой сложного предложения довольно малочисленны (всего 14 единиц — 4,4%), например: *name not a halter in his house that hanged himself < on ne parle pas de corde dans la maison d'un pendu* (не говори о веревке в доме повесившегося).

Среди ФЕ со структурой сложных предложений есть единицы, построенные по моделям сложносочиненных и сложноподчиненных предложений. Среди последних можно отметить единицы с определительными придаточными и с придаточными условия, например, *fool when he is silent is counted wise < fol semble sage quand il se tait* (молчи — за умного сойдешь).

Таким образом, структурная классификация калькированных фразеологизмов в английском языке абсолютно идентична структурной классификации исконных ФЕ. Кальки представлены во всех существующих структурных разновидностях ФЕ, что свидетельствует о полноте и завершенности натурализации заимствованных фразеологизмов в языке.

Список литературы:

1. Зыкова И. В. Контрастивная фразеология: путь от диалога языков к диалогу культур // Теория и практика лексикологических исследований: Вестник Московского лингвистического университета. Вып. 532. М.: Рема, 2007. С. 129–139.
2. Козырев Л. И. Этимологический аспект глагольной фразеологии // Язык и социум: материалы VIII Международной научной конференции. В 2 ч. Ч. 2. Минск: РИВШ, 2009. С. 28–31.
3. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. М.: Высшая школа, 1996. 381 с.
4. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 284 с.
5. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. СПб.: Специальная литература, 1998. — 185 с.
6. Bradbury R. Dandelion Wine. Toronto, etc., 1979. 239 p.
7. Palmer F. R. Semantics. A New Outline. Cambridge, Cambridge University Press, 1977. 164 p.
8. Vinay J. P., Darbelnet J. Stylistique comparée du français et de l'anglais. Paris, Didier, 1968. 331 p.

Сведения об авторе:

Мухин Сергей Владимирович, к. ф. н., доцент, МГИМО МИД России, Москва, Россия; e-mail: s.muhin@inno.mgimo.ru

STRUCTURAL CLASSIFICATION OF ENGLISH LOAN-TRANSLATIONS

Sergey V. Muhin

Candidate of Philology, Associate Professor, MGIMO University, Moscow, Russia; e-mail: s.muhin@inno.mgimo.ru

Abstract

The article is concerned with analyzing the structural peculiarities of idiomatic loan-translations in modern English, the focus of the research being on the units of French origin. It proceeds from finding out the structural grounds for defining idiomatic expression as a linguistic unit. There is an attempt to build up a structural classification of such linguistic units as depending on their part-of-speech meaning and to find out a correlation between the structural types of idiomatic loan-translations and those of English native idioms. On these assumptions, eight lexico-grammatical groups of idiomatic loan-translations are defined as substantive, adjective, adverbial, verbal, modal, interjectional, conjunctive and prepositional. There is significant prevalence of substantive units, which constitute up to a half of the overall number. Besides, idiomatic loan-translations structured as complete sentences are also to be included. Such units are represented by structural types syntactically corresponding to simple and complex sentences, with the former being prevalent. The article offers a conclusion that structural classification of idiomatic loan-translations and that of English native idioms are absolutely identical.

Key words: borrowing, idiom, loan-translation, calque.

References:

1. Zykova, I. V. (2007). Kontrastivnaya frazeologiya: put' ot dialoga yazykov k dialogu kul'tur [Contrastive Phraseology: from Dialogue of Languages to Dialogue of Cultures]. *Teoriya i praktika leksikologicheskikh issledovanij [Theory and Practice of Lexicological Studies]: Vestnik Moskovskogo lingvisticheskogo universiteta*, 532, 129–139.
2. Kozyrev, L. I. (2009). Etimologicheskij aspekt glagol'noj frazeologii [Etymological Aspect of Verb Phraseology] // *Yazyk i socium: materialy VIII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii [Language and Socium: proceedings of the VIII International Scientific Conference]*. Minsk: RIVSH, 28–31.
3. Kunin, A. V. (1996). Kurs frazeologii sovremennogo anglijskogo yazyka [Phraseology Course of Modern English]. Moskva: Vysshaya shkola.
4. Teliya, V. N. (1996). Russkaya frazeologiya. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty [Russian Phraseology. Semantic, Pragmatic and Linguocultural Aspects]. Moskva: Shkola "Yazyki russkoj kul'tury".
5. Shanskij, N. M. (1998). Frazeologiya sovremennogo russkogo yazyka [Phraseology of Modern Russian]. SPb.: Special'naya literatura.
6. Bradbury, R. (1979). *Dandelion Wine*. Toronto.

7. Palmer, F. R. (1977). *Semantics. A New Outline*. Cambridge: Cambridge University Press.
8. Vinay, J. P., and Darbelnet, J. (1968). *Stylistique comparée du français et de l'anglais*. Paris : Didier.

Неологизмы как объекты языковой критики (на материале немецкого языка)

О. А. Никитина

Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого

Аннотация

Рассматриваются основные содержательные линии обыденной языковой критики в отношении неологизмов в современном немецкоязычном социуме. Под языковой критикой понимается описание, анализ и оценка языковых явлений, побуждающих участников дискурса прервать поток речемыслительной деятельности и придать соответствующим продуктам этой деятельности ценностное осмысление. В фокусе внимания языковых критиков находится отношение между формальной и содержательной сторонами нового слова. Выделяются следующие виды языковой критики: критика материальной оболочки нового слова, критика обозначаемого новым словом явления действительности, критика искажения действительности посредством использования нового слова, критика отраженного в новом слове образа мышления. При этом неологизм выступает в роли социально-культурного сигнала, замещающего комплексные политические и социокультурные дискурсы и символизирующего модели мышления и ценностные представления современного немецкоязычного социума. Проявляющееся в обыденном лингвокритическом дискурсе небеспристрастное отношение носителей языка к слову характеризует их как сильных языковых личностей, неравнодушных к тому, что происходит в языке и в обществе.

Ключевые слова: языковая критика, неологизм, языковая рефлексия, антислово.

Языковое сознание можно определить как особый компонент сознания личности, обнаруживающий себя в совокупности представлений личности о языке и позволяющий ей осуществлять языковую деятельность (см., например, работы А. А. Залевской, Н. Д. Голева, И. А. Стернина и др.). Языковое сознание подразумевает, с одной стороны, первичное, бытийно-деятельностное, имплицитное знание языке, о правилах и нормах упо-

требления языковых единиц. С другой стороны, оно охватывает вторичное, рефлексивно-созерцательное, частично эксплицируемое знание о языке в его разных проявлениях [ср. 2, с. 42]. Экспликация рефлексивного, метаязыкового знания необходима тогда, когда языковая личность предвидит или осознает *post factum* некое коммуникативное затруднение, связанное чаще всего с нарушением норм языкового употребления.

Языковая рефлексия — это практика языкового сознания личности, осмысливающей продукты собственной или чужой языковой деятельности. Экспликация языковой рефлексии — это всегда языковое действие, при этом степень развернутости рефлексии, ее проявленности вовне может варьировать в зависимости от разных факторов. Первичной предпосылкой экспликации языковой рефлексии является intersубъективный характер дискурсивной деятельности, направленный на достижение взаимодействия (взаимопонимания) между продуцентом и интерпретатором дискурса. Чтобы упредить или устранить недопонимание, языковая личность — продуцент дискурса может задействовать разного рода метакоммуникативные комментарии. Такого рода языковая рефлексия реализуется как сопутствующий коммуникативный феномен, функционально привязанный к конкретному дискурсу и призванный оказать некое влияние на его протекание.

Помимо функционально-ориентированных, преимущественно спонтанных метакоммуникативных комментариев, метаязыковая деятельность языковой личности может осуществляться с более высокой степенью осознанности, предполагающей целенаправленное описание, интерпретацию и оценку фактов языка. Осмысление языковых явлений, выработка отношения к ним может стать предметом рассмотрения в массмедиа, например, в газетах и журналах в виде кратких полемических заметок об особенностях актуального языкового употребления (в частности, в жанре “языковой глоссы”, нем. *Sprachglosse*) [ср. 6, с. 334–337] или в виде медиа-акций с привлечением широкой общественности, таких, как “Слово года” (нем. *Wort des Jahres*) или “Антислово года” (нем. *Unwort des Jahres*). В то же время, любой рядовой носитель языка способен осмысливать и оценивать языковые факты — будь то в виде рефлексивных суждений в личных беседах, высказываний в интернет-форумах, телепередачах, в виде читательских писем и т. п. Такая разновидность языковой рефлексии получила название языковой критики. Под языковой критикой понимается описание, анализ и оценка языковых явлений, побуждающих участников дискурса приостановить поток речемыслительной деятельности и, выйдя за его пределы, придать соответствующим продуктам этой деятельности ценностное осмысление [ср. 8, с. 625]. В отличие от функционально-направленных метакоммуникативных комментариев, языковая рефлексия становится здесь “самоцелью” дискурса, его непосредственной темой.

Лингвокритический дискурс ориентируется преимущественно на некоего коллективного, массового адресата [1, с. 6], поэтому языко-

вым критиком может считаться любая языковая личность, сумевшая донести свое ценностное осмысление языковых явлений до более или менее широкой аудитории. Фактически в более выгодном положении здесь оказываются журналисты, филологи и литераторы. Вместе с тем, способность к языковой рефлексии, будучи частью общей языковой компетенции, и вытекающая из нее лингвокритическая составляющая не являются приоритетом лишь специалистов, а присущи любому носителю языка [ср. 3, с. 54]. Поэтому языковая критика встречается во всех сферах коммуникации — личной, публичной, институциональной [ср. 8, с. 626–627]. Другой отличительной чертой языковой критики является то, что продуценты лингвокритического дискурса описывают и интерпретируют языковые явления не по запросу (как, например, в консультационных языковых службах или при обучении языку), а по собственной инициативе, интенционально, опираясь на личные аксиологические мотивы и чувство языка. Основной интенцией языковой критики является оценка языковых фактов и процессов, а их описание служит базой для обоснования и аргументации этой оценки. При этом оценка не является частью иного, более широкого деятельностного контекста (как, например, при выработке языковой политики), а воплощается в лингвокритическом дискурсе “в себе и для себя” [ср. 1, с. 5].

Рядовые носители языка, в первую очередь такие, профессиональная принадлежность которых предполагает развитое языковое чутье и высокую степень языковой рефлексии (например, журналисты, политики, специалисты по связям с общественностью) активно критикуют слова и выражения, появляющиеся в немецком языке в конце XX — начале XXI века. Фокус интереса обыденной языковой критики состоит в оценке, более или менее эксплицитно опирающейся на определенные общественные идеологии, мировоззренческие установки и задаваемые ими аксиологические векторы, с целью сознательно повлиять на практику языкового употребления [ср. 8, с. 626]. Обыденная критика языка проявляется в разных формах, например, как критика языкового употребления индивидуальной языковой личности, дискурсивного сообщества или общества в целом; критика языковой компетенции отдельного носителя языка или части языкового коллектива; критика языковой системы и ее состояния в определенный период времени; критика существующих языковых норм; универсальная критика языка как инструмента человеческого общения и мышления [1, с. 14–19; 4, с. 8–11].

В качестве предмета критики рядовые носители языка выбирают чаще всего отдельное слово [5, с. 444]. При этом стимулом экспликации обыденной лингвокритической рефлексии становятся, как правило, новые слова, на которых останавливается языковое сознание личности. В рамках языковой критики новая лексическая единица рассматривается, как правило, изолированно, вне речевого или ситуативного контекста. Вследствие этого внимание критиков сосредоточено прежде всего на

отношении между формальной и содержательной сторонами нового слова, на осмыслении того, соответствует ли означающее адекватному представлению об обозначаемом [4, с. 18] и — шире — номинируемому лексической единицей концепту [5, с. 445]. Анализ примеров обыденной языковой критики неологизмов позволяет выделить следующие содержательные виды:

а) критика материальной оболочки нового слова, при этом чаще всего критикуется несоответствие между формальной структурой слова, задающей определенный ракурс интерпретации мотива номинации, и фактическим значением слова. Например: *In die deutsche Sprache ist jüngst ein Wort eingewandert, das sich aus Vertrautem zusammensetzt und doch fremd klingt: Bio-Deutsche. <...> Mir ist nur noch nicht so ganz klar, wer oder was das sein soll, diese Bio-Deutschen. Ich dachte, damit seien jene Grünen-Wähler gemeint, die im Bioladen rechtsdrehenden Joghurt aus Gewissensgründen liegen lassen.* (URL: www.zeit.de/2015/06/dausend-bio-deutsche, дата обращения: 18.03.2017);

б) критика обозначаемого новым словом явления действительности. Например, неологизм *Ehrenmord* (букв. “убийство чести”) употребляется в немецком языке с середины первого десятилетия XXI века в значении “убийство женщины, преступившей национально-религиозные законы, совершаемое родственниками с целью восстановления якобы опороченной чести семьи”. Практика участвовавших в Германии жестоких убийств молодых женщин мусульманского вероисповедания, прикрываемая апелляцией к архаичным религиозным ценностям, является с точки зрения рядовых носителей языка неприемлемой. Например: *Richter Jitzhak verurteilte den Angeklagten jetzt zu lebenslanger Haft und fügte hinzu: “Der Ausdruck ‘Ehrenmord’ enthält nur ein wahres Wort — das ist das Wort ‘Mord’. Das Wort ‘Ehre’ ist eine totale Perversion. Es gibt hier keine Ehre, nur Verachtung für die Familie, und das führt zu Missbrauch und sogar zu Mord.”* (URL: www.pnews.net/2007/05/vater-gibt-auftrag-fuer-ehrenmord-an-seiner-tochter, дата обращения: 16.03.2017). Слово *Ehrenmord* стало номинантом в конкурсе “Антислово года” в 2005 году [7];

в) критика искажения действительности посредством использования нового слова. Например, неологизм *Kollateralschaden* (букв. “побочный ущерб”) функционирует в немецком языке с конца 90-х годов XX века в значении “жертвы среди мирного населения и разрушение гражданских объектов, сопровождающие военную операцию и рассматриваемые как неизбежные издержки”. Неологизм является калькой английского выражения *collateral damage*, регулярно встречавшегося в официальных сообщениях НАТО во время войны в Югославии. По мнению критиков, эвфемистичная по сути номинация искажает действительность путем циничного преуменьшения трагедии — гибели невинных людей, рассматриваемой всего лишь как сопутствующие потери. Например: *Es überrascht allerding, dass Politiker demokratischer Staaten ebenfalls schamlos*

zu verschleiern den Begriffen greifen, wenn es darum geht, ihre Taten vor der Öffentlichkeit zu rechtfertigen. "Kollateralschaden"... gehört dazu. Damit sind die "Nebenwirkungen" eines Krieges gemeint — unschuldige Zivilisten, die sterben, wenn, wie in Serbien geschehen, eine Brücke in dem Augenblick bombardiert wird, wo sie ein Personenzug überquert. (Nürnberger Nachrichten, 10.05.2004). Неологизм *Kollateralschaden* стал «Антисловом года» в 1999 году [7];

г) критика отраженного в новой лексической единице образа мышления. Например, неологизм *Herdprämie* (букв. “премия за стояние у плиты”) функционирует в немецком языке с середины первого десятилетия XXI века в значении “материальная помощь для неработающей матери, воспитывающей малолетнего ребенка”. По мнению языковых критиков, использование слова *Herdprämie* для обозначения введенного по инициативе консервативных политиков пособия по воспитанию ребенка ассоциируется с сексистским лозунгом “*Frauen an den Herd!*” или с популярным выражением шестидесятых годов прошлого века “*Heimchen am Herd*” (букв. “домовой сверчок у плиты”), обозначающим наивную, неэмансипированную женщину, довольствующуюся ролью жены-домохозяйки, и направлено на диффамацию жизненной позиции женщин, воспитывающих детей дома. Например: *Man muss es so deutlich feststellen: Wer "Herdprämie" sagt, meint "Heimchen am Herd". Er artikuliert nicht seine Ablehnung einer schlecht konstruierten familienpolitischen Leistung. Er artikuliert seine Ablehnung von Frauen — von Frauen, die sich um ihre Familie kümmern und dafür auf Erwerbsarbeit verzichten.* (URL: www.welt.de/politik/deutschland/article110883849/Wie-das-Betreuungsgeld-zur-Herdpraemie-wurde.html, дата обращения: 16.03.2017). Неологизм *Herdprämie* был выбран «Антисловом года» [7] и одновременно вошел в список номинантов в конкурсе “Слово года” в 2007 году.

Выявленные содержательные линии языковой критики реализуются в обыденном лингвокритическом дискурсе в большинстве случаев параллельно. При этом новое слово выполняет функцию этического и эстетического индикатора, “подстановочного” символа для моделей мышления, ценностных представлений в современной немецкоязычной лингвокультуре, замещающего целые политические и социокультурные дискурсы. Исходя из постулата о неразрывной связи языка, мышления и действительности, можно сказать, что языковая критика неологизмов представляет в конечном итоге критику использующих их носителей языка и их представлений о мире.

Обыденная языковая критика реализуется чаще всего с целью повлиять на практику языкового употребления, оказать некое нормирующее воздействие. Анализ языкового материала показывает, что первичными целями языковой критики в отношении неологизмов являются: донесение до сознания реципиентов дискурса импликатур, возникающих при употреблении нового слова; способствование пониманию последствий употребления нового слова; устранение или ограничение употребления

инновации; публичная дискредитация говорящих, использующих критикуемый неологизм или отмежевание от определенных дискурсивных сообществ. Поэтому в примерах лингвокритического дискурса после описательной и оценочной части во многих случаях следует апеллятивная часть. Например: *Zu dumm, dass "Russland-Versteher" als Schimpfwort in jenen Kreisen gilt, die Präsident Wladimir Putin zum Sündenbock für alles Leid der Welt und hierzulande zu machen versuchen — vom Syrienkrieg über die Flüchtlingskrise bis zu Pegida und AfD <...> Wir brauchen wohl mehr Russland-Versteher, weil man gerade in Krisenzeiten miteinander reden muss. Ohne Verständnis der anderen Seite machen Gespräche aber keinen Sinn.* (URL: www.bilanz.de/maerkte/russland-westen-politik, дата обращения: 07.03.2017).

Наблюдения за обыденным лингвокритическим дискурсом показывают, что языковая критика есть способ социально-этической и эстетико-аксиологической регуляции происходящих явлений и процессов и их восприятия в обществе. С другой стороны, это есть попытка разрешения конфликта между словом и языковой личностью. Активизация языковой критики — это значимый социокультурный феномен современного немецкоязычного общества. Неравнодушное отношение к новым словам и стоящим за ними представлениям и прагматическим установкам, проявляющееся в обыденном лингвокритическом дискурсе, характеризует критиков как сильных языковых личностей.

Список литературы:

1. Dieckmann W. Wege und Abwege der Sprachkritik. Bremen: Hempen Verlag, 2012. 206 S.
2. Kabatek J. Die Sprecher als Linguisten. Berlin: de Gruyter, 1996. 444 S.
3. Keller R. Interpretation und Sprachkritik // Sprache und Literatur in Wissenschaft und Unterricht, 1986, Heft 17. S. 54–61.
4. Killian J. Sprachkritik. Ansätze und Methoden der kritischen Sprachbetrachtung / J. Killian, Th. Niehr, J. Schiewe. Berlin: de Gruyter, 2010. 178 S.
5. Mell, R. M. Das Wort in der Sprachkritik // Haß U., Storjohann P. (Hg.): Handbuch Wort und Wortschatz. Berlin: de Gruyter, 2015. S. 439–463.
6. Polenz P. von. Deutsche Sprachgeschichte vom Spätmittelalter bis zur Gegenwart. Bd. III. 19. und 20. Jahrhundert. Berlin, New York: de Gruyter, 1999. 776 S.
7. Sprachkritische Aktion: Unwort des Jahres [электронный ресурс]. URL: <http://www.unwortdesjahres.net> (дата обращения: 18.03.2017).
8. Wimmer R. Sprachkritik // Jäger L. et al. (Hg.): Sprache — Kultur — Kommunikation. Ein internationales Handbuch zu Linguistik als Kulturwissenschaft. Berlin, Boston: de Gruyter, 2016. S. 625–634.

Сведения об авторе:

Никитина Ольга Алексеевна, к. ф. н., доцент, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, Тула, Россия; e-mail: kortschigo@mail.ru

NEOLOGISMS AS OBJECTS OF LANGUAGE CRITICISM — EVIDENCE FROM THE GERMAN LANGUAGE

Olga A. Nikitina

Candidate of Philology, Associate Professor, Tula State Pedagogical University named after L. N. Tolstoy, Tula, Russia; e-mail: kortschigo@mail.ru

Abstract

The article deals with the problem of the main content lines of language criticism of neologisms in the modern German-speaking society. Language criticism is understood as description, analysis and assessment of language phenomena that cause communicants to interrupt the flow of speech and to assess the result of their communication deeper. The focal point of criticism is the relation of the form of a new word to its meaning. The following types of language criticism can be singled out: assessment of the formal representation of the new word, assessment of the new realia denoted by the new words, assessment of the reality distortion caused by usage of the new word, assessment of the mode of thinking represented by the new word. Thus, a neologism plays a part of a socio-cultural signal, replacing complex political and socio-cultural discourses and symbolizing modes of thinking and value ideas of a modern German-speaking person. The mindful attitude of native speakers to the word permeating their everyday linguo-critical discourse characterizes them as strong language personalities, concerned with the current changes in the language and in the society.

Key words: criticism, neologism, linguistic reflection, non-word.

References:

1. Dieckmann, W. (2012): *Wege und Abwege der Sprachkritik [Ways and Detours of Language Criticism]*. Bremen: Hempfen Verlag.
2. Kabatek, J. (1996): *Die Sprecher als Linguisten [The Speakers as Linguists]*. Berlin: de Gruyter.
3. Keller, R. (1986): *Interpretation und Sprachkritik [Interpretation and Language Criticism]*. *Sprache und Literatur in Wissenschaft und Unterricht*, 17, 54–61.
4. Killian, J. (2010): *Sprachkritik. Ansätze und Methoden der kritischen Sprachbeurteilung [Language Criticism. Approaches and Methods of Critical Language Assessment]* / J. Killian, Th. Niehr, J. Schiewe. Berlin: de Gruyter.
5. Mell, R. M. (2015): *Das Wort in der Sprachkritik [The Word in Language Criticism]*. *Haß U., Storzjohann P. (Hg.): Handbuch Wort und Wortschatz*. Berlin: de Gruyter.
6. Polenz, P. von. (1999): *Deutsche Sprachgeschichte vom Spätmittelalter bis zur Gegenwart [German Language History from the Late Middle Ages to the Present]*. Bd. III. 19. und 20. Jahrhundert. Berlin, New York: de Gruyter.
7. *Sprachkritische Aktion: Unwort des Jahres [Language Criticism Action: Non-word of the Year]* Retrieved 18 March, 2017 from <http://www.unwortdesjahres.net>.
8. Wimmer, R. (2016): *Sprachkritik [Language Criticism]*, *Jäger L. et al. (Hg.): Sprache — Kultur — Kommunikation. Ein internationales Handbuch zu Linguistik als Kulturwissenschaft*. Berlin, Boston: de Gruyter.

Лексические единицы в когнитии и антропоцентризм: причины сохранения целостности структур многозначных слов

С. А. Песина

Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов,
Магнитогорский государственный технический университет
им. Г. И. Носова

Аннотация

На конкретном лексическом материале в статье получила подтверждение гипотеза о том, что на уровне системы языка у каждой частотной словарной единицы со временем формируется и начинает функционировать абстрактное комплексное значение, называемое инвариантным. Данное значение является стержневым, общим для всех вариантов многозначного слова и включает центральные семы. Как демонстрирует анализ конкретных полисемантов лексико-семантического поля “тело человека”, данные комплексные инварианты представляют собой скорее открытые концептуальные схемы, которым придается значение в зависимости от контекста, и происходит это в результате выполнения операций на концептуальном, и, далее, лексическом уровне. В статье подробно представлены основные когнитивные механизмы, лежащие в основе образования и функционирования лексического инварианта многозначного слова, цементирующего все его отдельные значения.

Ключевые слова: когнитивная семантика, метафора, лексический инвариант, многозначное слово, значение.

Введение

Понятие семантической структуры, определяемое как иерархически организованная, исторически сложившаяся и в то же время динамичная микросистема, объединяющая значения, связанные между собой отношениями производности, является важным для решения проблем, связанных с исследованием семантической общности многозначных слов. При этом семантическая структура является удобным средством упрощения исследуемого объекта. Следует отметить, что часто при исследовании форм функционирования ЛСВ в составе полисемантов преобладают представления о единицах лингвистического содержания как готовых, имманентно существующих. Использование подобных схем не учитывает того, что значения актуализируются в условиях режима реального времени и пространства, в жестких условиях коммуникативного цейтнота.

Зачастую “наличие” в сознании всех значений слова не гарантирует точного воспроизведения списком всех этих значений по первому требованию. Чаще всего при воспроизведении какие-то значения все же бы-

вают упущенными. Носители русского языка вряд ли могут “навскидку” перечислить все значения любого многозначного слова. Поэтому неопределенность в отношении того, как выбираются необходимые значения, совпадает с наблюдениями психолингвистов о том, что сознание не хранит значения слов в виде складов. Это положение является аргументом против списочной репрезентации значений слова в ментальном лексиконе.

Очевидно значения многозначного слова представляют собой понятийные сферы, своеобразные семантические поля, компоненты которых связаны общим смысловым стержнем. Стержневые значения репрезентируют семантическую композицию лексемы, а лексикализованные концепты детерминируют выбор адекватного контекста.

Некоторые модели функционирования слов в лексиконе описывают значения как функционирующие независимо друг от друга отдельные самодостаточные сущности. Напротив, мы считаем, что хранить многозначное слово в обобщенном виде (в форме содержательного ядра) диктует жесткая необходимость, поскольку в условиях коммуникативного цейтнота такое содержательное ядро в состоянии по необходимости покрывать больше реальных и возможных “точных” частных понятий в полном соответствии с принципом экономии и с наименьшими когнитивными усилиями (ср. высказывание Ю. Н. Караулова, отмечающего экономную работу сознания, “которое не доходит до вербального уровня и протекает на так называемом “языке интеллекта”, то есть в сцеплении и движении определенных символов, фигур, образов и т.д.” [2, с. 74]).

У многозначных слов на уровне системы языка в долговременной памяти, очевидно, существует единственная непосредственная связь между образом формы и одним обобщенным (инвариантным) значением. На уровне речи оно актуализируется в одном из частных вариантов.

Суть нашего подхода к исследованию структуры слова в процессе эмпирического анализа многозначного слова [1] состоит в том, что, выделяя лексический инвариант большой группы объектов, мы приходим к абстракции — собирательному понятию, охватывающему всю группу объектов в целом. Так, объекты (значения), составляющие класс (многозначное слово) и являющиеся вариантами по отношению к инварианту (понятию о многозначном слове в целом), несут в себе одновременно черты общего и отдельного, то есть характерного только для данного объекта. Иначе говоря, объекты объединяются в класс благодаря существованию общих черт и различаются дифференциальными компонентами [3; 4; 5; 6; 7].

Основания семантической целостности английского полисеманта “tooth”

В качестве иллюстрации функционирования семантического инварианта представим в виде таблицы эмпирический анализ многозначного английского слова tooth (teeth).

Метонимические и метафорические переосмысления	Основание переноса	Ядерные семантические компоненты
(1) teeth	Нет переноса — номинативно-непроизводное значение	one of a set of hard white objects in the mouth, rooted in sockets in the jaws, which is used for biting and chewing
teeth (2) — a similar structure in invertebrates, such as one of the pointed denticles or ridges on the exoskeleton of an arthropod or the shell of a mollusk [AHDEL].	расширение НН значения	teeth — one of a set of hard white objects in the mouth, rooted in sockets in the jaws, which is used for biting and chewing
(3) — tooth of a comb/rake/saw/zip etc — one of the pointed parts that sticks out of the edge of a comb, tool or piece of equipment [NWDEL]. (метафора)	Сравнение по форме и функции: зубцы расчески, грабель, пилы или замка молнии в той же степени, что и зубы человека, представляют собой острые выступы, расположенные в ряд. Кроме того, функционально зубцы данных объектов входят в контакт с другими объектами.	<i>one of the parts of the pointed objects (as of a comb/rake/saw/zip), sticks out of the edge, arranged in a row, comes into contact with other objects.</i>
(4) — tooth of a wheel or gear — one of a series of projections which engage with corresponding parts of another wheel or body [NWDEL]	Сравнение по форме и функции: зубец колеса/шестерни обладает сходством с зубом человека, так как представляет собой острый выступ в ряду подобных выступов и входит во взаимодействие с аналогичными зубцами	<i>one of the parts of the pointed objects (as of a wheel or gear), sticks out of the edge, arranged in a row, comes into contact with other objects.</i>
(5) — tooth of a paper/stamp/negative film — a projection of paper between perforating holes on a severed perforated edge [AHDEL]	Сравнение по форме: зубцы по краям бумажного листа, марки или фотопленки представляют собой ряд мелких острых выступов, сопоставимых с зубами человека (перенос только по форме, функциональные компоненты не релевантны)	<i>one of the parts of pointed objects (as of a paper/stamp/negative film), sticks out of the edge, arranged in a row.</i>

Метонимические и метафорические переосмысления	Основание переноса	Ядерные семантические компоненты
(6) tooth of a wall — any of the bricks or stones left projecting from a wall to provide for a subsequent extension [WTNID]	Сравнение по форме зуба человека с одним из архитектурных элементов стены строения, представляющим собой ряд одинаковых выступающих кирпичей/камней.	<i>one of the parts of pointed objects (as of bricks/stones), sticks out of the edge, arranged in a row.</i>
(7) tooth of a leaf — one of a series of projections around the edge of a leaf [NWDEL]	Сравнение по форме: подобно зубам человека, являющимися рядом острых выступов, растущих из десны, зубцы листа представляют собой ряд маленьких острых выступов по краям листьев.	<i>one of the parts of pointed objects (as of a leaf), sticks out of the edge, arranged in a row.</i>
(8) — any projection resembling or suggesting a tooth [NWDEL]; a sharp jagged point or projection [WTNID].	Сравнение по форме (и функции): значение предполагает широкий круг референтов, подходящих под понятие о зубцах, отражая сопоставление выступов по краям объекта с зубами человека, расположенными в ряд	one of the pointed objects, sticks out of the edge of anything, arranged in a row, possibly comes into contact with other objects

Как можно видеть из таблицы, в семантической структуре этого полисеманта в многочисленных метафорах зубчики представляют собой главным образом перенос по форме, в которых зубцы артефактов (за исключением зубцов листьев), в той же степени, что и зубы человека, представляют собой острые выступы, расположенные в ряд, входящие во взаимодействие с другими зачастую аналогичными артефактами.

Следует особо выделить значение **tooth** (8) — **any projection resembling or suggesting a tooth** [NWDEL]; **a sharp jagged point or projection** [WTNID], которое служит обобщением всех значений, функционирующих в структуре данного полисеманта. Именно оно формирует лексический инвариант, который “покрывает” все метафорические сопоставления. По нашему мнению, итоговое семантическое ядро, скрепляющее все значения этого слова, может выглядеть следующим образом: ***one of the pointed objects sticking out of the edge of anything, arranged in rows and often come into contact with each other or other objects.***

Выделенный нами инвариант цементирует практически все переносные значения этой лексемы, при этом семы *one of the pointed objects stick-*

ing out of the edge of anything, arranged in rows являются интегральными, а функциональная сема *come into contact with each other or other objects* является дифференциальной (она не лежит в основе ЛСВ (6) *tooth of a wall* и (7) *tooth of a leaf*). При этом образный отклик, который стоит за инвариантным набором семантических компонентов носит максимально обобщенный и размытый характер.

Кроме того, значения данного слова насквозь антропоморфичны. Это очень важный аспект, поскольку антропоморфизм как особый вид практического поведения сегодня не только не должен изживаться из практической жизни и теории, но он необходим как важнейший способ сохранения человеческой природы в условиях надвигающейся неопределенности техногенного мышления. Именно в речевом поведении антропоморфические схемы работают ярче всего. Это способ схватывания и толкования окружающего мира человека и его деятельности им же самим.

Заключение

Итак, мы продемонстрировали возможность существования когнитивных механизмов, лежащих в основе образования значений полисеманта и определения лексического инварианта многозначного слова, цементирующего ЛСВ многозначного слова. Существование подобного конструкта оправдано тем, что в полном соответствии с принципом экономии в языке производные значения могут образовываться прямо от него и с наименьшими когнитивными усилиями. При этом действует принцип: чем многозначнее слово, тем абстрактнее его инвариантное ядро и наоборот.

Список литературы:

1. Архипов И. К., Песина С. А., Новиков Д. Н. Организация и построение словарной статьи на основе принципа прототипической семантики // Языки в современном мире: материалы 5-й международной конференции : [в 2 ч.]. отв. ред. М. К. Гуманова. Москва, 2006. С. 67–73.
2. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. — М.: Едиториал УРСС, 2003. — 264 с.
3. Песина С. А. Исследование семантической структуры слова на основе прототипической семантики (на материале английских существительных) // Диссертация на соискание ученой степени доктора наук, Санкт-Петербург, 2005.
4. Песина С. А. Инвариант многозначного слова в свете прототипической семантики // Вестник ОГУ. — Оренбург, 2005. №2(40): февраль. С. 57–64.
5. Песина С. А. Языковая картина мира в философском и лингвистическом осмыслении // Известия РГПУ им. А. И. Герцена: общественные и гуманитарные науки: Научный журнал, 2005. №3 (10). С. 358–362.
6. Песина С. А. Когнитивный подход к взаимодействию языка и мышления // Вестник ОГУ: Проблемы онтологии, теории познания и философской антропологии. — Оренбург, 2009. №7(101): июль. С. 178–181.

7. Песина С. А. Феноменологическая редукция и содержательное ядро значения // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Философия. 2010. №2 (4). С. 151–160.

Сведения об авторе:

Песина Светлана Андреевна, д. ф. н., д. филос. н., профессор, заведующая кафедрой английского языка Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, профессор кафедры английского языка Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова, Россия; e-mail: spesina@bk.ru

**THE REASONS FOR PRESERVING THE INTEGRITY OF
POLYSEMOUS WORD STRUCTURES**

Svetlana A. Pesina

Doctor of Philology, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the English Language Department of St. Petersburg University of the Humanities and Social Sciences, Professor of the English Language Department at Nosov Magnitogorsk State Technical University, Russia; e-mail: spesina@bk.ru

Abstract

The hypothesis that an abstract lexical invariant is formed over time at the level of the language system was confirmed in the article. This lexical invariant is the semantic core for all variants of a polysemous word and includes central semes. As the analysis of a polysemous word “tooth” demonstrates, these complex invariants are represented as open conceptual schemes that depend on the context. They are formed as a result of word functioning on the conceptual and lexical levels. The main cognitive mechanisms underlying the formation and functioning of the lexical invariant of a polysemous word are described in the article.

Key words: cognitive semantics, metaphor, lexical invariant, multivalued word, meaning.

References:

1. Arkhipov, I. K., Pesina, S. A., and Novikov, D. N. (2006). Organizatsiya i postroyeniye slovarnoy stat'i na osnove printsiipa prototipicheskoy semantiki [Arranging a dictionary entry based on the principle of prototype semantics]. *Yazyki v soremennom mire: materialy 5-y mezhdunarodnoy konferentsii [Languages in the Modern World: Proceedings of the 5th International Conference]*. otv. red. M. K. Gumanova. Moskva. 67–73.
2. Karaulov, Ju. N. (2003). Russkij jazyk i jazykovaja lichnost' [The Russian Language and the Language Person]. M.: Editorial URSS.
3. Pesina, S. A. (2005). Issledovanie semanticheskoy struktury slova na osnove prototipicheskoy semantiki (na materiale anglijskih sushhestvitel'nyh) [Investigation

- of the semantic structure of a word on the basis of prototypical semantics]. Dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni doktora nauk, Sankt-Peterburg.
4. Pesina, S. A. (2005). Invariant mnogoznachnogo slova v svete prototipicheskoj semantiki [The invariant of a polysemantic word in the light of the prototypical semantics]. *Vestnik OGU [The Journal of Orenburg State University]*. Orenburg, 2(40): fevral'. 57–64.
 5. Pesina, S. A. (2005). Jazykovaja kartina mira v filosofskom i lingvisticheskom osmyslenii [The linguistic view of the world in philosophical and linguistic perspectives]. *Izvestija RGPU im. A. I. Gercena: Obshhestvennye i gumanitarnye nauki [The Journal of Herzen Russian State University: Social and Human Sciences]*, 3 (10). 358–362.
 6. Pesina, S. A. (2009). Kognitivnyj podhod k vzaimodejstvu jazyka i myshlenija [Cognitive approach to the interaction of language and thinking]. *Vestnik OGU: Problemy ontologii, teorii poznanija i filosofskoj antropologii [The Journal of Orenburg State University: Issues of Ontology, Gnosiology and Philosophical Anthropology]*. Orenburg, 7(101): ijul'. 178–181.
 7. Pesina, S. A. (2010). Fenomenologicheskaja redukcija i sodержatel'noe jadro znachenija. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija Filosofija [The Journal of Voronezh State University: Philosophy]*. 2(4). 151–160.

Функции семантически аномальных высказываний в современной коммуникации

А. М. Плотникова

Уральский федеральный университет

Аннотация

В статье рассматривается проблема отклонений от смысловой правильности высказывания, которая приводит к появлению семантических аномалий. Сопоставляются искусственные асемантические построения (например, “*Colourless green ideas sleep furiously*”) с аномальными высказываниями в современной коммуникации, которые создаются с определенными прагматическими установками (например, “*Граница России не заканчивается нигде*”). Рассматриваются семантические аномалии, обусловленные нарушениями во взаимодействии денотативных и коннотативных компонентов семантики слов. В политической и рекламной коммуникации, в сфере интернет-общения семантически аномальные высказывания реализуют кодовые, метаязыковые, эстетические и другие функции и провоцируют адресата на поиск импликатур дискурса. С позиций языковой креативности семантически аномальные высказывания содержат в себе потенциал для эвристической деятельности читателя или слушателя.

Ключевые слова: семантические аномалии, прагматика, коммуникация, лингвокреативная деятельность.

Важнейшим условием успешности любого коммуникативного акта является осмысленность сказанного, которая связывается Т. Б. Радбилем с коммуникативным принципом кооперации: “Если мы рассматриваем текст как разновидность коммуникативной ситуации, то это значит, что автор и читатель соблюдают принципы коммуникативного сотрудничества, тот всеобъемлющий Принцип кооперации, на котором вообще держится наша коммуникация” [4, с. 103].

Несмотря на презумпцию осмысленности сказанного, проблема бессмысленных текстов интересовала логиков и лингвистов. Обзор таких высказываний, созданных логиками, философами и лингвистами предложен в статье Е. В. Ягуновой [5]. Наиболее известными в лингвистике являются сконструированная Л. В. Щербой состоящая из псевдослов фраза “*Глокая кудра итеко будланула бокра и кудрячит бокрѣнка*” и асемантическое построение Н. Хомского “*Colourless green ideas sleep furiously*”. Отвечая на вопрос, где скрывается смысл бессмысленного текста, Е. В. Ягунова пишет: “Для нас наиболее актуальным аспектом рассмотрения такого рода текстов является исследование роли их грамматической структуры в процедурах восприятия и понимания текста. Однако очевидно, что активное стремление слушающего извлечь смысл даже из — казалось бы — бессмысленного текста (презумпция осмысленности), приводит к тому, что возможны разнообразные интерпретации этих текстов в особом коммуникативном контексте (например, метафорическом, мифологическом или фантастическом)” [5, с. 438].

Н. Д. Арутюнова выделяет два типа отклонений от смысловой правильности высказывания: 1) эмпирические, состоящие в обозначении аномальной, не соответствующей “устройству мира” ситуации (*Сигарета говорила*); 2) алогичные: а) внутренне противоречивые предложения (*Жил высокий человек маленького роста*) и б) предложения, созданные в результате нарушения норм человеческого мышления (*Упрямяство думает лампу через два цветка*) [1, с. 119–120].

И. М. Кобозева в зависимости от причин, приводящих к возникновению семантической аномалии, выделяет девять типов аномальных высказываний, среди которых с когнитивной точки зрения важен последний тип, проиллюстрированный следующим контекстом: “*Сначала Марья назвала Ивана демократом, а потом он оскорбил ее*”. Характеризуя этот тип, И. М. Кобозева пишет, что оно может быть воспринято как аномальное, абсурдное приверженцем одной политической партии и как нормальное — его политическим противником. “Оценка семантической правильности предложения интерпретатором в данном случае базируется на проверке соответствия его значения представлениям интерпретатора о мире, которые варьируют в зависимости от его культурной и социальной принадлежности и индивидуально-психологических характеристик” [3, с. 208].

Приведенные различные типы семантических аномалий показывают, что аномальность предложения и текста не всегда можно объяснить только семантическими закономерностями, обращение к когнитивным аспектам аномальности представляется вполне закономерным ввиду когнитивной природы нормы и аномалии.

Т. Б. Радбиль полагает, что художественный текст не может быть бессмысленным в свете читательской рецепции и теории лингвокреативности [4]. На наш взгляд, не только художественный, но и любой другой семантически аномальный текст реализует определенные эмотивные, метаязыковые, фатические, кодовые, эстетические и иные функции, наделяющие этот семантически аномальный текст определенным смыслом. Этот смысл зависит от коммуникативного опыта говорящих, фоновых знаний, единства апперцепционной базы адресанта и адресата и многих других объективных и субъективных факторов. Например, с точки зрения семантики высказывание *“Граница России не заканчивается нигде”* следует признать аномальным, однако широкое обсуждение, популярность данного парадоксального суждения, особый социальный статус автора позволяет считать его прагматически осмысленным.

Рассмотрим некоторые наиболее значимые функции семантически аномальных высказываний в современной коммуникации.

1. Кодовая функция семантически аномальных высказываний реализуется в криминальных диалогах. Для сокрытия предмета разговора, например, в ситуации передачи взятки, коммуникантам необходимо проявить изобретательность в выборе номинаций денежных средств, чтобы для посторонних тематика разговора была непонятна. Разговорный креатив в криминальных диалогах ограничивается ресурсами семантического кода языковой игры. Согласно концепции Т. А. Гридиной, семантический код языковой игры “эксплуатирует, намеренно моделирует эффект смысловой неоднозначности, семантической многомерности знака” [2, с. 142]. Усложнение при выборе метафорических кодовых единиц приводит к появлению многочисленных семантических аномалий, например: *“...товарищи-то наши, которые нас курируют, хотели... взяли два килограмма лекарств... не сработали”*. Одним из признаков аномальной номинации является использование обычного (узуального) слова в неподходящем, “чужом” для него контексте и вместе с тем контексте узнаваемом. Неслучайно кодовая функция семантических аномалий способна осмысляться в метаязыковом ключе: *“...в устных переговорах дающих и берущих персонажей по-прежнему звучали интимные продуктовые подсказки: “лимон”, “арбуз”, “капуста”, “зелень” и нежные деликатные намеки...”* (И. Сахновский).
2. Эстетическая и метаязыковая функции. Эти функции, типовые для художественных текстов, свойственны семантически аномальным высказываниям, функционирующим в интернет-коммуникации. Так, семантическая аномалия поддерживается визуальным рядом

в web-комиксах, например: “*Медведь собирает грибы в лису*”, где изображен медведь, идущий по березовому лесу и собирающий мухоморы, но не в корзину, а в мертвую лису. Омонимия и актантно-сирконстантные трансформация обуславливают возникновение игрового контекста. Воспринимающие, осознавая нелепость сказанного, тем не менее получают определенное интеллектуальное удовольствие, которое заключается в поиске игрового смысла.

Хорошо известный в художественной литературе прием самопрезентации, при которой говорящий отождествляет себя с известными личностями, эксплуатируют возникшие в современной коммуникации выражения “*Я Шарли Эбдо*” или “*Я СУ-24*”, отсылающие к известным политическим событиям (убийству редакции сатирического журнала в Париже и сбитому российскому бомбардировщику). Они представляют собой формулу выражения солидарности через отождествление. Неслучайна поэтому и возникшая в интернет-коммуникации на базе этих выражений формула растождествления: “*Я — не Шарли, я Су-24. <...> Я — самолет с душой человека*” (С. Ефимов); “*Я — не Шарли, я — Ваня из Донбасса*”. Аналогичный модус эстетического освоения мира и способ саморефлексии используется в художественном тексте, например: “*Я сослан в себя, я — Михайловское. Гряжт мои сосны, смыкаются...*” (А. Вознесенский).

3. Воздействующая функция. Например, в рекламном тексте “*Всякая вода на выдумки хитра! Странно, ведь это просто вода*” первое предложение, на первый взгляд, семантически аномально, так как субъектом, которому приписывается свойство хитрости, является неодушевленное вещественное существительное “вода”. Понимание данного высказывания становится возможным с учётом двух обстоятельств: знания прецедентного выражения “*Голь на выдумки хитра*”, употребляемого для характеристики изобретательного человека, при минимуме возможностей извлекающего максимум пользы из чего-либо; интерпретации фрагмента как части рекламного текста, в котором объектом рекламирования является вода.

Замена одного из компонентов высказывания ведёт к ироническому смыслу, создаваемому столкновением известного выражения и его трансформации. По причине того, что «воде» невозможно приписать свойство хитрости, в контексте сообщения оно употреблено в метонимическом значении: тот, кто воду добывает или продает. Семантически аномальное высказывание содержит намек на то, что другие производители воды организуют рекламную кампанию, используя “выдумки”.

Семантически аномальные высказывания могут быть прагматически обоснованными, однако стоит помнить о провокационной сущности аномалии. Будучи нарушением обычного порядка вещей, семантическая аномалия провоцирует воспринимающего на поиск необычного, нестандартного смысла.

Список литературы:

1. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М.: Наука, 1976. 384 с.
2. Гридина Т. А. Ассоциативная проекция игрового слова в художественном тексте // Лингвистика креатива-2: Коллект. монография / под общей ред. проф. Т. А. Гридиной. 2-е изд. Екатеринбург, 2012. 379 с.
3. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.
4. Радбиль Т. Б. Постулат о невозможности бессмысленного текста в свете лингвистики креатива // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова, №7, 2016. С. 99–111.
5. Ягунова Е. В. Где скрывается смысл бессмысленного текста? // Лингвистика без границ. К 70-летию В. Б. Касевича. СПб.: Филологический факультет Санкт-Петербургского университета, 2011, С. 421–439.

Примечание:

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №16–18–02005).

Сведения об авторе:

Плотникова Анна Михайловна, д. ф. н., профессор, Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия; e-mail: annamp@yandex.ru

FUNCTIONS OF SEMANTICALLY ANOMALOUS STATEMENTS IN MODERN COMMUNICATION

Anna M. Plotnikova

Doctor of Philology, Associate Professor, Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia; e-mail: annamp@yandex.ru

Abstract

The article discusses how deviations from the norms of semantic correctness generate semantic anomalies. We compare intentionally constructed asemanic statements (for example, 'Colourless green ideas sleep furiously') with anomalous statements created in modern communication with certain pragmatic intentions (for example, Vladimir Putin's famous quote 'Russia's border does not end anywhere'). Such semantic anomalies result from violations in relations between denotative and connotative meanings of words. In political and advertising discourses as well as in Internet communication, semantically anomalous statements realize coding, metalinguistic, aesthetic, and other functions and provoke the addressee to start looking for the discourse's implicatures. Viewed from the perspective of linguistic creativity, semantically anomalous statements hold a great potential for stimulating heuristic activity of the reader or listener.

Key words: semantic anomalies, pragmatics, communication, linguistic creativity.

References:

1. Arutjunova, N. D. (1976). *Predlozhenie i ego smysl* [The Sentence and its Meaning]. Moskva: Nauka.
2. Gridina, T. A. (2012). Associativnaja proekcija igrovogo slova v hudozhestvennom tekste [Associative Projection of Word in a fiction]. *Lingvistika kreativa-2: Kollektivnaja monogr. [Linguistic Creativity — 2]*. Ekaterinburg: URGPU.
3. Kobozeva, I. M. (2000). *Lingvisticheskaia semantika* [The Linguistic Semantics]. Moskva: Jeditorial URSS.
4. Radbil', T. B. (2016). Postulat o nevozmozhnosti bessmyslennogo teksta v svete lingvistiki kreativa [The Postulate of Impossibility of Senseless text in the light of Creative Linguistics] In *Trudy Instituta russkogo jazyka im. V. V. Vinogradova [Proceedings of Institute of Russian language named after V. V. Vinogradov]*, 7, 99–111.
5. Jagunova, E. V. (2011). Gde skryvaetsja smysl bessmyslennogo teksta? [Where is the meaning of meaningless text?]. In *Lingvistika bez granic. K 70-letiju V. B. Kasevicha [Linguistics without borders. To the 70th anniversary of V. B. Kasevich]*. Sankt-Peterburg.: Filologicheskij fakul'tet Sankt-Peterburgskogo universiteta, 421–439.

Образно-символическая составляющая семантики идиом как фактор структурно-семантического обновления фразеологии в современном медийном дискурсе (на материале английского языка)

Н. Г. Рахматуллаева

Московский государственный лингвистический университет

Аннотация

В работе затрагиваются вопросы структурно-семантических преобразований в английской фразеологии в условиях современного медийного дискурса. В частности, рассматривается роль ассоциативных связей в создании новообразований по аналогии с существующими английскими фразеологизмами. В ходе анализа демонстрируются определенные модели, согласно которым происходит обновление исходных единиц. Наличие в составе фразеологизма компонента с яркой, символической образностью значительно повышает продуктивность модели. Широкая сеть ассоциативных связей компонента-символа позволяет легко продолжать образный план исходного оборота в соответствии с коммуникативно-прагматической заданностью дискурса. При этом, если в двухкомпонентной фразеологической единице оба компонента обладают такой образностью, то способность исходной единицы к обновлению значительно возрастает.

Ключевые слова: идиома, образ, символ, структурно-семантическое преобразование, аналогия, медийный дискурс.

Как отмечают современные исследователи, именно медийный дискурс формирует картину мира современного человека, расставляя приоритеты и давая готовую оценку явлениям [1]. Среди используемых инструментов тонким механизмом подобного манипулирования и воздействия становится выбор лексики, направляющий восприятие адресата в нужное русло.

Структурно-семантическое преобразование фразеологических единиц (далее ФЕ), использующее механизм аналогии, предоставляет возможность именно такого фокусирования мысли адресата на тех или иных фрагментах действительности. Дело в том, что аналогия, с одной стороны, обеспечивает создание нового смысла, а с другой, позволяет классифицировать определенное явление в соответствии с коммуникативно-прагматическими задачами автора, тем самым программируя реакцию адресата.

Продемонстрируем это на примере авторского оборота, созданного на базе ФЕ *glass ceiling* (букв. “стеклянный потолок”, невидимый барьер) членами феминистской организацией “Каталист”, изучающей проблемы женщин в американских компаниях. При этом используется довольно понятный образ — непроницаемый барьер, ограничивающий карьерный рост женщин и обусловленный системой представлений и отношений, сложившейся в современном обществе. Даже конвенциональный образ указывает на негативное отношение общества к подобной практике. Авторское новообразование *concrete ceiling* (букв. “цементный потолок”) подчеркивает, что дискриминация “цветных” женщин подобна непробиваемому барьеру, разрушение которого потребует гораздо больше усилий (в сравнении со “стеклянным потолком”). Кроме того, этого рода препятствие (“непрозрачное”) не дает возможности видеть поставленную цель, что уменьшает шансы на успех.

Отметим особо, что в рамках фразеологической системы действие механизма аналогии, одновременно сочетающее формальное и семантическое уподобление, позволяет порождать теоретически неограниченное число новых единиц с заданными свойствами — согласно сложившейся модели. Моделью структурно-семантической аналогии во фразеологии мы называем “наложение абстрактной схемы смыслопорождения на определенный образец лексико-грамматической структуры, так что они вместе образуют номинативную модель” [2, с. 120]. Технически создание новообразования по образцу имеющейся единицы предполагает такое структурное преобразование фразеологического прототипа, которое влечет за собой определенную модификацию его смысла. На уровне структуры обычно происходит замена одного из компонентов ФЕ. Причем внедрение нового или дополнительного компонента в нор-

мативную структуру ФЕ вербально представляет изменение стоящей за ней концептуальной структуры.

Внедрение нового компонента в нормативную структуру ФЕ обязательно затрагивает содержание фразеологизма, вызывая его модификацию различной степени. Эта степень зависит от того, насколько окказиональный компонент продолжает образный план и, соответственно, основополагающую концептуальную схему исходного фразеологизма или, наоборот, отклоняется от нее. Примеры таких преобразований широко распространены в современном медийном дискурсе.

Рассмотрим образование неологизма *thumb candy* от ФЕ *eye candy*. В основе исходной единицы лежит образ “конфеты”, сравнивающий нечто визуально привлекательное со сладкой едой, причем *визуальная* привлекательность объекта эксплицируется компонентом *eye*. Оборот *thumb candy* продолжает этот образный ряд, модернизируя концепт “привлекательный, но пустой”. Эта единица буквально означает нечто “привлекательное для использования большими пальцами рук” и описывает незамысловатую компьютерную игру, требующую реакции пальцев, а не продумывания стратегии.

Отметим, что результатом действия механизма аналогии, помимо появления самих новообразований, является усложнение отношений в самой фразеологической системе. Кроме того, наше исследование показало, что наличие в ФЕ компонента с символическим значением значительно влияет на номинативный потенциал соответствующей модели. Подобная модель часто порождает сначала серию, а потом и целый аналогический комплекс или *фразеологическое гнездо*, которое образовано по разным структурно-семантическим моделям и связано различными парадигматическими отношениями [2, с. 163]. Это, прежде всего, связано с высоким ассоциативным потенциалом любого символа. Компонент-символ за счет своего, так сказать, символического потенциала, не теряет своей словности в составе ФЕ, то есть легко вычленяется из состава ФЕ, и потому единица целиком легче поддается преобразованиям. Например, многочисленное гнездо вокруг субстантивной ФЕ *golden handshake* (денежный подарок или выплата по случаю увольнения) началось с образования антонимической пары *golden handshake* → *golden hello* (аванс для привлечения ценного работника). В их основе противопоставление символических метафорических образов “прощания” и “приветствия”. Позднее ряд пополнился неологизмами-синонимами: ФЕ *golden goodbye* и *golden boot*. С другой стороны, по контрасту с ФЕ *golden handshake* и его дериватом *golden parachute* (компенсация, оговариваемая в контракте, руководящему сотруднику) возникают новообразования, созданные заменой не второго, а первого компонента: *platinum/diamond handshake* и *silver/tin parachute*. В результате этой замены трансформируется признак “величина выплаты”: в основе первой серии лежит противопоставление ценного металла (золота) чему-то еще более ценному, метафорически

передающему идею более щедрой выплаты, а в основе второй серии — противопоставление ценного металла менее ценному, передающему идею скромной компенсации. Итак, именно компонент с символической семантикой *golden* — “золото как ценный металл” определяет создание вышеуказанных новообразования.

По нашим наблюдениям, если оба компонента ФЕ обладают символическим или ярким образным потенциалом, то в случаях востребованности концепта, как это бывает с актуальными и социально значимыми явлениями, в процессе языкотворчества могут заменяться они оба, приводя к развитию двух и более серий. Интересно, что язык часто активно использует уже имеющиеся ассоциативные ряды: *handshake* — *hello* (приветствие), *parachute* — *life jacket* (средства защиты), *gold* — *silver* — *tin* (металлы), как это произошло в рамках гнезда вокруг ФЕ *golden handshake*. Подобное явление можно наблюдать и в гнезде на основе упоминавшейся ранее ФЕ *glass ceiling*: *ceiling* — *wall* — *escalator* (части здания), которое мы рассмотрим ниже.

Актуальность проблемы дискриминации обусловило ее широкое освещение в СМИ и необходимость наименования ее различных видов, что обусловило развитие гнезда вокруг оборота *glass ceiling*, который представляет как само явление, так и отрицательное отношение к нему общества. В результате исходная концептуальная схема уточняется за счет внесения новых признаков. Так, при внедрении в структуру ФЕ компонента *silver* (серебряный, “седой”) в исходном фрейме происходит замена содержания слота “объект дискриминации”: признак “женский пол” меняется на “пожилой возраст”, так что в итоге новообразование обозначает дискриминацию по возрасту. В окказионализме *stained-glass ceiling* замена компонента *glass* на компонент *stained-glass* (букв. “цветное стекло, витраж”) отражает сужение исходного концепта, привнося признак дискриминации женщин в религиозной сфере. Здесь витраж как часть убранства западных церквей образно указывает на область распространения дискриминации.

Другая серия возникает на основе этой же ФЕ путем замены не первого, а второго компонента. В образном отношении новые единицы продолжают концептуальную метафору, заложенную в исходном обороте, “Организация — это здание”. Так, замена компонента *ceiling* на *wall* метафорически передает идею ограничения движения по горизонтали, то есть внутри организации, а без подобного опыта невозможен карьерный рост. А в новообразовании *glass escalator* замена компонента *ceiling* на *escalator* знаменует новое социальное явление, при котором, как пишут авторы одной из статей, мужчины, все чаще вынужденные из-за кризиса искать работу в ранее традиционно женских профессиях, “обгоняют женщин”, буквально “поднимаясь на эскалаторе”:

Research suggests that women have a new challenge to deal with in the workplace — the glass escalator. This refers to the fact that men are entering work

sectors more “traditionally” dominated by women — nursing, teaching, administration — and are promoted more quickly than women, creating the effect that they are gliding past women as if on an escalator [Women’s Views on News blog, May 23, 2012].

Таким образом, как видно из приведенных выше примеров, если в двухкомпонентной фразеологической единице оба компонента обладают яркой образностью, то способность исходной единицы к обновлению значительно возрастает. Например, на ее основе возникает гнездо или несколько серий ФЕ-дериватов, образованных по разным структурно-семантическим моделям. Это объясняется тем, что широкая сеть ассоциативных связей компонента-символа позволяет легко продолжать образный план исходного оборота в соответствии с коммуникативно-прагматической заданностью дискурса.

Список литературы:

1. Полонский А. В. Медиа — дискурс — концепт: опыт проблемного осмысления // Современный дискурс-анализ: электронный научный журнал. 2012. №6 [Электронный ресурс]. URL: <http://discourseanalysis.org/ada6/st43.shtml> (<http://discourseanalysis.org/ada6/st43.shtml>) (дата обращения: 17.03.2017)
2. Рахматуллаева Н. Г. Когнитивные основания структурно-семантической аналогии во фразеологии английского языка: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04/Рахматуллаева Надежда Геннадьевна; МГЛУ. — Москва, 2015. — 219 с.
3. Word Spy. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.wordspy.com/http://www.wordspy.com/> (дата обращения: 17.03.2017).

Сведения об авторе:

Рахматуллаева Надежда Геннадьевна, к. ф. н., старший преподаватель, Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия; e-mail: rakhm@mail.ru

IMAGES AND SYMBOLS AS PART OF IDIOM SEMANTICS AND A FACTOR OF STRUCTURAL AND SEMANTIC REPLENISHMENT IN MODERN MASS MEDIA DISCOURSE — EVIDENCE FROM THE ENGLISH LANGUAGE

Nadezda G. Rakhmatullaeva

Candidate of Philology, Assistant Professor, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, e-mail: rakhm@mail.ru

Abstract

The paper looks into the problem of structural and semantic modification of modern English phraseology in mass media discourse. In particular, it analyzes the role of mental associations in the creation of nonce phrases by analogy with existing codified idioms. The study describes certain patterns of

idiom modification and demonstrates that a component with vivid symbolic imagery ensures a higher productivity of the corresponding analogy pattern. Far ranging associations of a symbolic component allow for modification of the original idiom in compliance with the needs of the discourse.

Key words: idiom, image, symbol, structural-semantic modification, analogy, mass media discourse.

References:

1. McFeries, P. (2017). *Word Spy*. Retrieved 17 March, 2017 from <http://www.wordspy.cm/http://www.wordspy.cm/> .
2. Polonskii, A. V. (2012). Media — diskurs — kontsept: opyt problemnogo osmysleniia [Mass Media — Discourse — Concept: a Survey of Related Theories]. In *Sovremennyyi diskurs-analiz [Contemporary Discourse Analysis]*, 6. Retrieved 17 March, 2017 from <http://discourseanalysis.org/ada6/st43.shtml><http://discourseanalysis.org/ada6/st43.shtml>.
3. Rakhmatullaeva, N. G. (2015). Kognitivnye osnovaniya strukturno-semanticheskoy analogii vo frazeologii angliyskogo yazyka [Cognitive nature of structural-semantic analogy in English phraseology. PhD thesis]. Moskva.

Жестовые фразеологизмы в японском медиадискурсе

Т. Б. Резникова

МГИМО МИД России

Аннотация

В статье рассматриваются примеры употребления жестовых фразеологизмов в японских средствах массовой информации, главным образом, в новостных сообщениях, анализируются их функции и особенности их перевода. Жестовые фразеологизмы (фразеологические единицы, основу которых составляет жест) включают лексику, связанную со сферой “тело”, относящуюся к древнейшим пластам языка, затрагивают телесные культурные коды. Они стилистически маркированы, нередко имеют несколько значений, содержат тропы, в том числе метафоры, подразумевающие культурно-специфичные коннотации. Характеристики жестовых фразеологизмов обуславливают как сложности их перевода, так и прагматический потенциал их использования в качестве инструмента воздействия на аудиторию.

Ключевые слова: медиадискурс, новостное сообщение, японский язык, жестовый фразеологизм, метафора, коннотация.

Под жестовыми фразеологическими единицами понимаются устойчивые выражения, либо построенные на базе входной жестовой единицы, либо каким-то иным образом связанные с ней по смыслу [1, с. 269]. Под жестами далее мы подразумеваем не только мануальные движения, но и любые телодвижения, позы, мимические выражения, наделенные конвенциональным значением. Жестовые фразеологизмы достаточно часто употребляются в СМИ, даже в новостных текстах, где необходимо передать максимум информации за короткое эфирное время или в пределах ограниченной газетной площади.

Приведем некоторые примеры, полученные нами методом сплошной выборки преимущественно из выпусков новостей по тематике “политика и экономика” японской телерадиовещательной корпорации NHK за 2012–2016 гг.

手を広げる *тэ-о хирогэру* букв. “разводить руки <в стороны>”; расширять бизнес, сферу деятельности

手を打つ *тэ-о уцу* букв. “бить руки”, ударить по рукам (в знак достигнутого соглашения по сделке); принимать меры

腕を振るう *удэ-о фуруу* букв. “трясти руки”; проявлять способности

手出しをする *тэдаси-о суру* букв. “высовывать руку”; принимать участие в чем-либо; вмешиваться, совать нос

肩を並べる *ката-о нарабэру* букв. “поставить плечи в ряд”; сравняться (в новости — по уровню развития с западными странами)

そっぽを向く *соппо-о муку* букв. “поворачиваться в другую сторону”; отворачиваться; отказываться

団扇で扇ぐ *утива-дэ аогу* букв. “обмахивать веером”; раздувать (скандал); провоцировать кого-либо

目鼻をつけ *мэхана-о цукэру* букв. “прикреплять глаза и нос”; придавать определенную форму; налаживать

強腰 *цугёси* букв. “крепкая поясница”; твердая, непоколебимая позиция

腰を落とす *коси о отосу* букв. “уронить поясницу”; не отстоять свое мнение

上がり目 *агаримэ* букв. “внешние уголки глаз подняты”; тенденция к повышению, улучшению; восходящий тренд; счастливый поворот

下がり目 *сагаримэ* букв. “внешние уголки глаз опущены”; тенденция к упадку; нисходящий тренд

袖を連ねて *содэ-о цуранэтэ* букв. “рукава в ряд” (в новости — 袖を連ねて辞職する *содэ-о цуранэтэ дзисёкусуру* — в полном составе выйти в отставку)

Использование жестовых фразеологизмов нередко сопряжено со сложностями перевода. Во-первых, многие из них, как и их жестовые прообразы, имеют несколько буквальных и переносных значений. Например, фразеологизм 腰を折る *коси-о ору* букв. “сгибать, ломать поясницу”; склоняться, вежливо приветствовать кого-либо; подчиняться; преры-

вать <разговор, переговоры>. Если в языке перевода есть фразеологизмы с метафорическим переосмыслением, подобным тому, что содержится в исходном языке, то задача переводчика облегчается (например, можно догадаться по контексту о значениях приведенного фразеологизма 腰を折る *коси-о ору*, поскольку в русском языке есть фразеологизмы “гнуть спину” и “ломать хребет”»), если нет — сложность перевода возрастает (напр.: 左団扇 *хидари-утива* обмахиваться веером, держа его в левой руке — метафора праздной, беззаботной жизни, когда можно не держать в руках оружие; 鎬を削る *синоги-о кэдзуру* букв. “стачивать *синоги* — выпуклые полоски на клинке меча” — метафора ожесточенной борьбы (в новости о предвыборной кампании). Справиться с трудностями перевода лакунизированных фразеологических единиц могут помочь словари жестов, основанные на принципах интегрального описания языка и включающие жестовые фразеологизмы и нормы их употребления [2].

Прообразом жестовых фразеологизмов является жест, они включают лексику, связанную с телом и отражают телесную культуру этноса. И речевое, и телесное поведение в японской культуре строго регламентировано, подчинено 礼^レэй (учтивость, этикет) — правильные позы и движения, правильная дистанция между участниками коммуникации и т.д. Неудивительно, что в японском языке много фразеологизмов с лексемой 腰^{コシ} *коси* (поясница, талия), так как поклон является важнейшим метакоммуникативным жестом, а угол наклона имеет существенное статусное и ситуативное значение. В новостных сообщениях довольно часто используются также выражения, включающие лексему 姿勢 *сисэй* (поза, позиция): 姿勢を見せる *сисэй-о мисэру* букв. “показывать позу”, демонстрировать позицию, отношение; 低姿勢 *тэйсисэй* букв. “низкое положение тела”, сдержанная, умеренная позиция; 高姿勢 *ко:сисэй* букв. “высокое положение тела”, непреклонная позиция и т.п. А такой фразеологизм как, например, 肩で風を切る *ката-дэ кадзэ-о киру* букв. “резать плечами ветер”, имеет явно отрицательную коннотацию — “ходить с напыщенным видом”, вести себя заносчиво, поскольку размахивать руками, раскачивать плечами и вообще занимать много места в пространстве считалось недостойным поведением. Так же, как и 大見得をきる *оомиэ-о киру* — принимать впечатляющую позу, говорить с излишней уверенностью (например, если в соревнованиях по *кэндэ* — искусству борьбы на мечах — выигравший бой слишком явно демонстрировал своей позой гордость, его могли дисквалифицировать). Напротив, использование жестового фразеологизма с положительными коннотациями способствует созданию положительного образа. Так, в речи президента Путина на встрече с премьер-министром Японии, проходившей во Владивостоке накануне саммита АТЭС в 2012 году (через полтора года после аварии на АЭС Фукусима-1) была фраза “Мы готовы подставить плечо японцам в сфере энергоресурсов”. При цитировании в японских СМИ этот фразеологизм переводился очень близким к русскому японским

фразеологизмом 肩を貸す *ката-о касу* (букв. “одолжить плечо”): 「エネルギーの分野で日本に肩を貸す用意がある」 [3]; в кратких сообщениях без цитирования использовался глагол “помочь” (“Россия готова помочь Японии”), что, конечно, не создает такого выразительного образа.

В японской традиции не принято явно выказывать чувства, намерения и оценки, поэтому использование косвенных средств их выражения заслуживает особого внимания. Например, в новостном сообщении о возможности разлада в коалиционном правительстве 「連立政権の足並みが乱れかねない」 использован фразеологизм 足並みが乱れる *асинами-га мидарэру* (букв. “шаг расстроен”, от исходного 足並みを乱す *асинами-о мидасу* идти не в ногу (*асинами* букв. “ноги в ряд”), антонимом которого является 足並みを揃える *асинами-о сорозэру* — идти в ногу, действовать сообща). Разлад — это всегда плохо, а для японцев с их коллективистским сознанием это плохо вдвойне, нарушает важнейший для них принцип гармонии отношений. Отрицательная оценка ситуации выражена и лексическими средствами — с помощью фразеологизма, и грамматической конструкцией — вторая основа глагола + *канэнай*, которая используется при отрицательном отношении говорящего к действию, предмету или явлению, о котором идет речь. И еще один пример, небезынтересный по теме и в то же время позволяющий затронуть вопрос стилистических различиях, уровне насыщенности жестовыми фразеологизмами (и жестами) в разных жанрах медийного дискурса (новости, интервью, аналитика и т.д.), персональных особенностей диктора. Ведущий еженедельной программы второстепенного канала (ответы на вопросы зрителей) в свободной манере, достаточно много жестикулируя, рассказывал, что во время учебы в университете (в начале ельцинской эпохи, когда экономическая ситуация в России была еще очень неустойчивой) он выбрал русский в качестве второго иностранного языка: 「周りからは「あんな落ちぶれた国の言語を学んでどうするんだ」と白い目で見られました。」 (“На меня смотрели косо — зачем учить язык такой разоренной страны?”) [4]. Используя фразеологизм 白い目で見る *сирой мэ-дэ миру* (букв. “смотреть белым глазом”, косо смотреть), жестовый прообраз которого имеет отрицательную коннотацию (невежливость у японцев вызывает сильное осуждение) ведущий, который перед этим сетовал на сокращение программ по изучению русского языка в последнее время, косвенным образом привлекает аудиторию на свою сторону.

Таким образом, жестовые фразеологизмы, усиливая выразительность языка новостного сообщения, привлекают внимание, вызывают интерес, аудитория “просыпается”. Они повышают доходчивость информации, их использование облегчает комплексное схватывание смысла ситуации. Жестовые фразеологизмы могут создавать эмоционально-оценочный контекст, положительный или отрицательный образ и подводить аудиторию к определенному мнению или решению. То есть употребление жестовых фразеологизмов усиливает эмотивную и повелительную функции

новостных сообщений, которые подразумеваются в них помимо доминирующей референтивной функции (названия функций сообщения даны по Р. Якобсону) и может рассматриваться как одна из коммуникативных техник воздействия с определенным прагматическим потенциалом.

Список литературы:

1. Козеренко А. Д. Тело как объект природы и тело как объект культуры (о семантике фразеологизмов, построенных на базе жестов) / А. Д. Козеренко, Г. Е. Крейдлин // Фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 269–277.
2. Резникова Т. Б. Словарь языка японских жестов. М.: Восточная книга, 2014, 144 с.
3. NHK NEWS WEB. [Электронный ресурс]. URL: <http://www3.nhk.or.jp/news/cat06.html> (дата обращения: 09.09.2012).
4. チャンネル桜 (телеканал “Сакура”) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ch-sakura.jp/topix/538.html> (дата обращения: 12.09. 2011).

Сведения об авторе:

Резникова Татьяна Борисовна, к. ф. н., доцент, МГИМО МИД России, Москва, Россия; e-mail: tatrez@mail.ru

GESTURAL IDIOMS IN THE JAPAN MEDIADISCOURSE

Tatiana B. Reznikova

PhD in Linguistics, Associate Professor, MGIMO University, Moscow, Russia; e-mail: tatrez@mail.ru

Abstract

The article deals with the use of gestural idioms in the political mediadiscourse, mostly in the news items in the media of Japan, discusses their functions and translation. Gestural idioms (phraseological units based on gesture) include the lexicon from very ancient domain “body”, connected with somatic cultural codes. They are stylistically marked, quite often they have connotative meanings formed through the culture-specific metaphORIZATION, what makes them difficult to translate. The use of gestural idioms in the media can be considered as one of communicative techniques with a certain pragmatic potential.

Key words: mediadiscourse, news item, Japanese, gestural idiom, metaphor, connotative meaning.

Referenses:

1. Kozerenko, A. D., and Kreidlin, G. E. (1999). Telo kak ob'ekt prirody i telo kak ob'ekt kul'tury (o semantike frazeologizmov, postroennykh na baze zhestov) [Body as an Object of Nature and Body as an Object of Culture (About Semantics of

- the Phraseological Units Constructed on the Basis of Gestures)]. In *Frazeologija v kontekste kul'tury* [Phraseology in the Context of Culture]. Moskva: Iazyki russkoi kul'tury, 269–277.
2. Reznikova, T. B. (2014). *Slovar' iazyka iaponskikh zhestov* [Thesaurus of Gestures of the Japanese]. Moskva: Vostochnaia kniga.
 3. NHK NEWS WEB. Retrieved 9 September, 2012 from <http://www3.nhk.or.jp/news/cat06.html>.
 4. チャンネル桜 [TV Sakura]. Retrieved 12 September, 2011 from <http://www.chsakura.jp/topix/538.html>.

Роль ономастического знака в поликодовой коммуникации

(на материале творчества И. К. Айвазовского)

В. В. Робустова

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова

Аннотация

Настоящая статья посвящена исследованию особенностей функционирования имен собственных в названиях картин И. К. Айвазовского. Рассматриваются особенности поликодовой коммуникации, анализируется функция онима в рамках вербального компонента поликодового текста (картины и ее названия). Используется понятие культурной модели и ее роли для обработки информации, выявляются особенности фокусировки внимания как в процессе номинации (оязыковления действительности), так и восприятия информации, репрезентированной поликодовым текстом (картиной). Вводится понятие ономастической базы культуры, рассматривается его роль в установлении успешной внутрикультурной и межкультурной коммуникации. Подчеркивается актуальность формирования ономастической компетенции в рамках общекультурного и профессионально-специфического дискурсов. Имя собственное представляет культурный знак, для актуализации информационного наполнения которого необходимо обладать не только соответствующими фоновыми знаниями, но и использовать адекватную культурную модель, способ освоения и обработки информации. Оним реализует индексальную функцию, профилируя определенные исторические реалии, тем самым, разворачивая поликодовую коммуникацию в бесконечное информационное пространство.

Ключевые слова: имя собственное, поликодовый текст, культурная модель.

Имя собственное является неотъемлемой частью нашей коммуникации. Его основная функция — индивидуализация субъекта или объекта действительности, делает общение практически невозможным без употребления онимов. Ономастические знаки (имена собственные) мы встречаем во всех типах дискурса: академическом, политическом, дипломатическом, экономическом, художественном и т.д. В каждом типе можно выделить ономастическое ядро, формируемое персоналиями наиболее известных представителей отрасли или топонимами, включающими знаковые места (принятия решений, сражения) для данной научной ветви. К ономастической периферии относятся различные виды имен собственных, иногда встречающиеся в определенном типе дискурса. Художественный дискурс занимает уникальное место в дискурсивной парадигме, так как он репрезентирует искусство, следовательно, имеет аксиологическую и эстетическую окраску, и нацелен на массового зрителя. Известно, что любой текст выбирает себе читателя, так и художественное полотно выберет определенную группу почитателей конкретного изобразительного жанра. Однако великие мастера искусства доступны всем и должны быть понятны обществу.

В творчестве художника присутствует свой ономастикон, возможность понять который дает ключ к глубинам творческой мысли автора, он дополняет или противоречит созданному визуальному образу. Целью настоящей статьи является выявление особенностей функционирования имен собственных в поликодовой коммуникации, а именно в художественном дискурсе. В качестве объекта исследования выступают названия картин И. К. Айвазовского с ономастической составляющей. Известно, что поликодовый текст — это текст, в котором сообщение закодировано семиотически разными средствами — вербальными и невербальными компонентами, объединение которых представляет собой определенную структуру, характеризующуюся проявлением взаимозависимости составляющих, как в содержательном, так и в формальном аспектах. В качестве невербальных знаков могут выступать рисунки, фотографии, схемы, реальные предметы окружающего мира. Изобразительное искусство представляется возможным рассматривать как поликодовый текст, так как оно представляет собой вербально-художественное единство, где вербальный и изобразительный компоненты образуют одно визуальное, смысловое и функциональное целое.

Ономастическую базу любой культуры составляют прецедентные имена, способные функционировать в различных типах дискурса, так как они обладают широким денотативным потенциалом. Имена такого типа известны достаточно широкому кругу людей и служат не столько обозначением индивидуальной сущности, сколько символом, репрезентирующим некое культурно значимое качество, класс событий или группу людей. Имена собственные здесь функционируют как индексальные знаки, актуализирующие в памяти некий объект или событие. Если коммуникант не обладает соответствующими фоновыми знаниями в рамках определенной

культуры (или конкретного типа дискурса), то он не сможет декодировать сообщение, посланное автором в названии предмета, таким образом коммуникативный потенциал не получит полной реализации и сообщение останется не переданным (или переданным в редуцированном виде). Знакомство с ономастической базой культуры является непременным условием развития межкультурной коммуникативной компетенции.

Рассмотрим особенности функционирования имен собственных в названиях картин известного русского художника Ивана Константиновича Айвазовского. Методом сплошной выборки из книг Н. С. Барсамова “И. К. Айвазовский. О мастерстве художника”, В. Н. Пипиленко “Айвазовский 1817–1900” и “Иван Айвазовский. К 200-летию со Дня рождения” нами было собрано 231 название полотен И. К. Айвазовского. Из них 146 составляют картины, в названиях которых присутствует ономастический компонент. Имя собственное является своего рода “привязкой” пейзажа к определенному месту или историческому событию. Художник визуализирует личностное восприятие, интерпретацию событий, наполняет рисунок настроением, воссоздает / создает эмоциональный фон, вплетает ассоциативную гамму цвета. В творчестве И. К. Айвазовского преобладают морские пейзажи и морские батальные сцены. Он был рожден у берегов моря, своим творчеством сыскал себе славу выдающегося художника и много лет был живописцем Главного Морского Штаба, что позволило ему стать свидетелем реальных морских сражений и отразить их на холстах в вечной памяти народа.

Приведем более подробный анализ функционирования имен собственных в названиях картин И. К. Айвазовского. Из 146 картин с ономастическим компонентом можно выделить следующие группы: названия картин с топонимом — 119 единиц “*Константинополь*”, “*Ялта*”, “*У берегов Кавказа*”, “*Буря у мыса Айя*”, “*Порт ла Валетта на острове Мальта*”; 14 названий картин включают в себя антропоним “*Данте и художник в горах*”, “*Десант Раевского*”, “*Император Александр II на зимней прогулке по льду Невы*”, “*Наполеон на острове Святой Елены*”, “*Паликар на Афонской горе*”; 13 единиц исследования имеют в своем названии прагмоним (а именно названия кораблей) — “*Корабль ‘Мария’ во время шторма*”, “*Бриг ‘Меркурий’, атакованный двумя турецкими кораблями*”, “*Корабль ‘Двенадцать апостолов’*”, “*Бой парохода ‘Веста’ с турецким броненосцем ‘Фетхи-Буленд’ в Черном море 11 июля 1877 года*”, “*Крушение корабля ‘Ингерманланд’ в Скагерраке в ночь на 31 августа 1842 года*”. Имя собственное несет в себе особую смысловую нагрузку в поликодовой коммуникации. Оно позволяет глубже проникнуть в замысел художника, может служить ключом к историческому событию, а так же передавать особенности “авторской интерпретации мира” [2].

Глядя на картину, мы воспринимаем зрительный образ, визуальное изображение. Фрагмент реальной картины мира или вымысла автора пробуждает в нас определенные мысли и чувства. Реципиент фокусиру-

ет свое внимание на тех реалиях, которые представляют определенную важность для него или знакомы ему, актуализируют воспоминания или чувства, “будоражат” внутренний мир. Название картины задает особый фокус восприятия. Мы видим его и начинаем искать подтверждение сюжета, заданного в названии. Имя профилирует определенную сюжетную линию, выделенную художником. Иногда, название картины полностью меняет ее восприятие, ведь то, в чем один художник видит “*Туманное утро в Италии*”, другой находит “*Тихое утро в Венеции*”.

Использование ономастического компонента в названии реализует двоякую функцию — функцию двойного кода или “прозрачной стены”. Если объем фоновых знаний реципиента соответствует объему фоновых знаний художника, то ономастический компонент будет актуализирован в сознании реципиента, расскажет ему историю, стоящую за картиной, проводит во внутренний мир художника. “*Гибель корабля ‘Лефорты’. Аллегорическое изображение*” воссоздает картину внезапной гибели корабля по пути из Ревеля в Кронштадт в сентябре 1857 года. “Лефорты” — парусный линейный корабль Балтийского флота Российской империи, оборонял Кронштадт во время Крымской войны. Причина гибели корабля так и осталась загадкой. В кораблекрушении погибли все находящиеся на борту корабля 843 человека. До гибели в сентябре 1994 года парома “Эстония” катастрофа корабля “Лефорты” являлась крупнейшей катастрофой на Балтийском море. Если фоновых знаний реципиента будет недостаточно для “наслаждения” картиной, то ономастический компонент останется неактуализированным, информационный и ассоциативно-оценочный потенциал нераскрытыми. Отметим, что корабль был назван в честь Ф. Я. Лефорты, ближайшего помощника и советника царя Петра I. Однако, в случае с картиной, никакие характеристики государственного деятеля, его карьера или характер, не попадают в фокус внимания и не актуализируются в заданном контексте.

Одно и тоже имя собственное, репрезентирующее определенное историческое событие, может иметь различную трактовку в разных культурах или социумах. “*Стычка ширванцев с мюридами на Гунубе*” или “*Петр I при Красной горке, зажигающий костер на берегу для подачи сигнала гибнущим судам своим*” будут восприниматься и трактоваться по-разному в зависимости от личностной (этнической, национальной, культурной) идентичности реципиента.

Процесс обработки информации в условиях поликодовой коммуникации представляется комплексным механизмом учета данных, полученных через визуальный канал восприятия посредством изображения (иконический знак) и вербальных знаков (знак-символ). И первая, и вторая часть информации оказывают непосредственное воздействие на обработку данных. В большинстве случаев мы сначала видим визуальный образ, воспринимаем увиденное, формируем наше впечатление. Затем читаем название картины, которое либо дополняет сюжет, либо противоречит ему. Распределение внимания представляет собой культурно-обусловлен-

ный процесс, в который вовлечены специфические для каждой культуры ментальные структуры, вербализуемые в различных языковых выражениях. “Культурные модели могут носить сложный характер, они хранятся в долговременной памяти носителей языка в компрессированном виде” [4, с. 147]. Компоненты культурной модели могут актуализироваться на разных этапах коммуникации в зависимости от коммуникативных установок собеседников, их социокультурного багажа и личностных приоритетов.

Картины “*Ной спускается с горы Арарат*” или “*Предательство Иуды*” нарисованы на библейские темы, которые получили отражение в творчестве многих художников. И. К. Айвазовский передает собственное осмысление событий, репрезентацию индивидуальной объективации мира. Для активации энциклопедических и социокультурных знаний, инкорпорированных в имя собственное, необходимо владение соответствующими фоновыми знаниями. Актуализация происходит в рамках определенного культурного фона, структурированного культурными моделями, которые предполагают сведение сложных знаний к ограниченному количеству элементов, значимых в контексте определенной культуры и определенного вида деятельности.

Список литературы:

1. Барсамов Н. С. И. К. Айвазовский. О мастерстве художника. М.: Искусство, 1967.
2. Болдырев Н. Н. Антропоцентрическая сущность языка в его функциях, единицах и категориях // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. №1. С. 5–12.
3. Иван Айвазовский. К 200-летию со Дня рождения. М.: Государственная Третьяковская галерея. 2016.
4. Ирисханова О. К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Языки славянской культуры, 2014. 319 с.
5. Пилипенко В. Н. Айвазовский 1817–1900. Ленинград: Художник РСФСР, 1983.

Сведения об авторе:

Робустова Вероника Валентиновна, к. ф. н., доцент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия; email: nikarbs@yandex.ru

PROPER NAMES IN POLYCODE COMMUNICATION

Veronika V. Robustova

Candidate of Philology, Associate Professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; e-mail: nikarbs@yandex.ru

Abstract

The article is focused on the study of proper names functioning in policode texts, represented by pictures of Ivan Aivasovsky. The visual aspect of a picture and its name form a policode text where proper name (if used) performs

a special function of an index of historical or cultural events. Proper names as a part of a verbal code of the picture name incorporate culture specific information to understand which a recipient requires certain background knowledge. Proper names activate encyclopedic, social and cultural information which is presented by it. To understand the information a communicant need to form onomastic competence which is based on the onomastic pool of a certain culture. Proper names represent a culture code to open which we need to use an appropriate culture model and ways of receiving and decoding information.

Key words: proper names, policode communication, cultural model.

References:

1. Barsamov, N. S. (1967). I. K. Ajvazovskij. O masterstve hudozhnika. [I. K. Aivasovsky. About the Art of the Painter] Moskva: Iskusstvo.
2. Boldyrev, N. N. (2015). Antropocentricheskaya sushchnost' yazyka v ego funkciyah, edinicah i kategoriyah [Anthropocentric Nature of Language in its Functions, Units, and Categories]. // Voprosy kognitivnoj lingvistiki [Issues of Cognitive Linguistics], 1, 5–12.
3. Ivan Ajvazovskij. K 200-letiyu so Dnya rozhdeniya. [Ivan Aivasovsky. To 200 Anniversary]. (2016). Moskva: Gosudarstvennaya Tret'yakovskaya galereya.
4. Iriskhanova, O. K. (2014). Iгры fokusa v yazyke. Semantika, sintaksis i pragmatika defokusirovaniya [Focus Play in Language: Semantics, Syntactics and Pragmatics]. Moskva: YAzyki slavyanskoj kul'tury.
5. Pilipenko, V. N. (1983). Ajvazovskij 1817–1900. Leningrad: Hudozhnik RSFSR.

Языковая объективация концептуального поля “грех” в современной русской речи

В. В. Сайгин

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского

Аннотация

В работе рассмотрены некоторые особенности языковой объективации концептуального поля “грех” в русском языке, которая осуществляется в дискурсивной реализации базовых языковых репрезентантов данного поля — лексем *грех*, *покаяние* и *добродетель*, образующих устойчивую концептуальную область в языковом сознании носителей современного русского языка. Материалом для анализа являются текстовые данные Национального корпуса русского языка. Особенности смысловых связей и отношений в элементарных концептуальных связках “грех” — “покаяние” и “грех” — “добродетель”, образующих сложное

многокомпонентное концептуальное пространство “грех” — “покаяние” — “добродетель”, рассматриваются как структурная основа концептуального поля “грех”. Наличие совместной встречаемости лексем *грех*, *покаяние* и *добродетель* в одном фрагменте дискурса выступает как свидетельство реальности именно этих составляющих как репрезентантов данного концептуального поля в языковом сознании носителей языка, которое воплощается в их речевой практике. Делаются выводы о том, что концептуальная область “грех” — “покаяние” — “добродетель” выступает в национальной концептосфере как устойчивая когнитивная модель, воспроизводимая в текстах культуры и в речевой практике носителей русского языка.

Ключевые слова: концептуальное поле “грех”, языковая объективация, когнитивная область “грех” — “покаяние” — “добродетель”, русский язык.

Концептуальное поле “грех” представляется одной из самых зримых примет национального своеобразия русской культуры. Рецепция данного поля в языковом сознании современных носителей русского языка, отраженная в особенностях дискурсивной реализации лексем — репрезентантов концептуального поля “грех”, представляется важным диагностическим показателем системы идеалов и ценностей современного общества, его представлений о мире и о себе самом.

В наших предыдущих работах было осуществлено комплексное лингвокогнитивное описание содержания и структуры концептуального поля “грех” в национальной концептосфере и его языкового воплощения в современном русском языке [7]. В результате исследования нами были выявлены и охарактеризованы основополагающие ядерные компоненты структуры концептуального поля “грех” — концепты “грех”, “покаяние” и “добродетель”, с естественным центром “грех” [5]. Теоретической основой избранного нами подхода являются принципы языковой концептуализации мира, изложенные в работах Т. Б. Радбиля [3; 4]. Принятый в наших исследованиях научный инструментальный комплексного поуровневого моделирования концептуального поля базируется на разработанных нижегородскими учеными-концептологами научных технологиях и методиках анализа концептов [1; 2; 6].

Одним из главных свидетельств реальности именно таких составляющих данного поля, как лексем *грех*, *покаяние* и *добродетель*, в языковом сознании являются особенности их совместной дискурсивной реализации в разных сочетаниях, при которой в речевой практике носителей языка выявляются разнообразные логические связи между данными понятиями. Далее мы рассмотрим совместное попарное вхождение в один текстовый фрагмент, соответственно, лексем *грех* — *покаяние*, *грех* — *добродетель*, а также триаду *грех* — *покаяние* — *добродетель*, на материале Национального корпуса русского языка.

ГРЕХ — ПОКАЯНИЕ. Наибольшую устойчивость демонстрирует концептуальная связка “грех” — “покаяние”, что подтверждают устойчивые речевые и текстовые реализации лексем, входящих в разные типы концептуальных отношений:

А) конъюнкция: *... в то время, как в пост должно стараться свои чувства обуздывать, мысли в порядок приводить, о вечности, о грехах и покаянии думать;*

Б) сопоставление: *Наоборот, чем больше грех, тем больше и покаяние;*

В) антитеза: *То, что в грехе задумал свершить, в покаянии кладу к ногам Твоим, Господи;*

Г) импликация: *Пусть же праведные судом оправдаются, мы же, грешные — только смирением и покаянием, ибо знаем, что нет без греха покаяния, без покаяния нет спасения;*

Д) каузация: *... огласительным поучением о вере и нравственности, а потом переходить к грехам, подлежащим покаянию и исправлению; По его словам, никакого особенного дела не было, просто человек должен периодически очищаться от греха, налагая на себя покаяние.*

ГРЕХ — ДОБРОДЕТЕЛЬ. Также в национальной концептосфере существуют востребованные устойчивые модели употребления и воспроизводимости данной концептуальной связки “грех” — “добродетель”:

А) конъюнкция: *Разности, развести по разные стороны грехи и добродетели, <...> бездарность и Господне дарование, границей положить национальное различие или вот классовое, как кладут большевики;*

Б) дизъюнкция: *“Я понял, что когда любишь, то в своих рассуждениях об этой любви нужно исходить от высшего, от более важного, чем счастье или несчастье, грех или добродетель в их ходячем смысле, или не нужно рассуждать вовсе”, — прочитала Аля на последней странице...;*

В) антитеза: *Этот аргумент популярен среди нелicenseрных лунов, не считающих ложь грехом (который имеет антитезу “добродетель”);*

Г) импликация: *“Все концы со всеми концами сходятся”, — и пресловутое карамазовское “всё позволено”, то есть нет греха, не надо добродетели “могу всё, что хочу”.*

ГРЕХ — ПОКАЯНИЕ — ДОБРОДЕТЕЛЬ. Именно эта многокомпонентная концептуальная связка выступает как основа концептуального поля “грех” в национальной концептосфере. При этом языковые свидетельства имеются по преимуществу в текстах, ориентированных на религиозный дискурс: *Во время Литургии говорил импровизацию о том, что грехи расслабляют все существо человека; что нужно всегдашнее покаяние, всегдашнее понуждение себя к добродетели.*

Итак, наличие концептуальной связанности между тремя проанализированными компонентами концептуального поля “грех” является наиболее очевидным в религиозном компоненте концептуального поля

“грех”. Во внерелигиозном восприятии когнитивной области “грех” — “покаяние” — “добродетель” облегченная расширительная трактовка греха как любой неправильности или ошибки, в том числе прощительной человеческой слабости, имплицитно психологизованное понимание покаяния как психологического чувства — раскаяния, что не обязательно приводит к исправлению, к добродетельному образу жизни. В светском понимании концепты “грех”, “покаяние” и “добродетель” воспринимаются в какой-то мере изолированно, что подтверждает тенденцию к десакрализованному восприятию концептуального поля “грех” в национальной концептосфере.

Список литературы:

1. Жуковская Л. И. Языковое воплощение концепта “менталитет / ментальность” в современном русском языковом сознании (по данным свободного ненаправленного ассоциативного эксперимента) // Мир науки, культуры, образования. 2015. №5 (54). С. 329–333.
2. Жуковская Л. И. Концепт “менталитет / ментальность” в ряду других соотносимых понятий концептуального поля “духовность, духовная деятельность” // Научное наследие Б. Н. Головина в свете актуальных проблем современного языкознания (к 100-летию со дня рождения Б. Н. Головина): Сб. ст. по мат-лам Международной научной конференции. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2016. С. 406–410.
3. Радбиль Т. Б. Герой Андрея Платонова как языковая личность (образ Фомы Пухова в “Сокровенном человеке”) // Русистика сегодня. №3–4. 1999. С. 66–83.
4. Радбиль Т. Б. Прагматические аномалии в среде языковых аномалий русской речи // Русский язык в научном освещении. 2006. №12 (2). С. 56–79.
5. Радбиль Т. Б. Особенности парадигматической и синтагматической реализации концептуального поля “грех” в современном русском языке /Т. Б. Радбиль, В. В. Сайгин // Современные проблемы науки и образования. 2014. №5; URL: www.science-education.ru/119-15195 (дата обращения: 27.11.2014).
6. Ручина Л. И. Когнитивный анализ концепта и семантизация лексики // Динамика языковых и культурных процессов в современной России: Сб. трудов IV конгресса РОПРЯЛ (г. Сочи, 01–02 ноября 2014 г.). СПб.: Общество преподавателей русского языка и литературы, 2014. С. 168–172.
7. Сайгин В. В. Концептуальное поле “грех” в пространстве русской культуры: опыт комплексного лингвокогнитивного описания: Монография. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2015. 258 с.

Сведения об авторе:

Сайгин Вадим Викторович, к. ф. н., первый проректор, проректор по экономическому и инновационному развитию, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия; e-mail: secretar@ahch.unn.ru

LANGUAGE OBJECTIFICATION OF THE CONCEPTUAL FIELD “SIN” IN MODERN RUSSIAN SPEECH

Vadim V. Saygin

Candidate of Philology, First Vice-Rector, Vice-Rector for Economic and Innovative Development, National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Nizhni Novgorod, Russia; e-mail: sekretar@ahch.unn.ru

Abstract

The paper considers some peculiarities of objectifying the conceptual field “grekh” (“sin”) in the Russian language, which is realized in discourse by means of the basic language representations of the field, i.e. the lexemes “grekh” (“sin”), “pokayaniye” (‘repentance’), and “dobrodetel” (‘virtue’), forming a stable conceptual area in the language consciousness of the present-day native speakers of Russian. The analysis is based on the textual data of the Russian National Corpus. The specifics of the semantic connections and correlations within the elementary bonds “sin” — “repentance” and “sin” — “virtue” integrating the aggregate-component conceptual space “sin” — “repentance” — “virtue” are examined as the structural base of the total conceptual field “sin”. The collective occurrences of the lexemes “sin”, “repentance”, and “virtue” in the same discourse fragments testify to the reality of the aforementioned components being the representatives of the conceptual field under analysis in the native speakers’ linguistic consciousness, which is embodied in their speech practice. The author arrives at the conclusion that the total conceptual area “sin” — “repentance” — “virtue” constitutes in the Russian national conceptual sphere a stable cognitive model regularly reproduced in texts of Russian culture and in speech practice of Russian native speakers.

Key words: the conceptual field “sin”, objectification, cognitive area “sin” — “repentance” — “virtue”, Russian language.

References:

1. Zhukovskaja, L. I. (2015). Jazykovoe voploshhenie koncepta “mentalitet / mental’nost” v sovremennom russkom jazykovom soznanii (po dannym svobodnogo nenapravlennoogo asociativnogo jeksperimenta) [Language embodiment of the concept “mentality” (according to the data of the free indirect associative experiment)]. *Mir nauki, kul’tury, obrazovaniya* [World of Science, Culture, Education], 5 (54), 329–333.
2. Zhukovskaja, L. I. (2016). Koncept “mentalitet / mental’nost” v rjadu drugih sootnosimyh ponjatij konceptual’nogo polja “duhovnost’, duhovnaja dejatel’nost” [The concept “mentality” in a number of other correlated notions of the conceptual field “spirituality, spiritual activities”]. *Nauchnoe nasledie B. N. Golovina v svete aktual’nyh problem sovremennogo jazykoznanija (k 100-letiju so dnja rozhdenija B. N. Golovina)*: Sb. st. po mat-am Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Nizhnij Novgorod: DEKOM, 406–410.

3. Radbil, T. B. (1999). Geroj Andreja Platonova kak jazykovaja lichnost' (obraz Fomy Puhova v "Sokrovennom cheloveke") [The Andrey Platonov's hero as language personality (the image of Foma Pukhov in "The Innermost Man")]. *Rusistika segodnja* [*Rusistics today*], 3–4, 66–83.
4. Radbil, T. B. (2006). Pragmaticcheskie anomalii v srede jazykovyh anomalij russkoj rechi [Pragmatic anomalies in medium of language anomalies in Russian speech]. *Russkij jazyk v nauchnom osveshhenii* [*Russian Language in Scientific Elucidation*], 12 (2), 56–79.
5. Radbil, T. B. (2014). Osobennosti paradigmaticheskoj i sintagmaticheskoj realizacii konceptual'nogo polja "greh" v sovremennom russkom jazyke [Specifics of paradigmatic and syntagmatic realization of the conceptual field "sin" in the modern Russian language] / T. B. Radbil, V. V. Sajgin. *Sovremennye problemy nauki i obrazovanija* [*The Modern Problems of Science and Education*], 5. Retrieved 27 November, 2014 from <http://www.science-education.ru/119-15195>.
6. Ruchina, L. I. (2014). Kognitivnyj analiz koncepta i semantizacija leksiki [Cognitive analysis of concept and semantization of lexis]. *Dinamika jazykovyh i kul'turnyh processov v sovremennoj Rossii: Sb. trudov IV kongressa ROPRJaL* (g. Sochi, 01–02 nojabrja 2014 g.). SPb.: Obshhestvo prepodavatelej russkogo jazyka i literatury, 168–172.
7. Sajgin, V. V. (2015). Konceptual'noe pole "greh" v prostranstve russkoj kul'tury: opyt kompleksnogo lingvokognitivnogo opisanija [The Conceptual Field "Sin" in Space of Russian Culture: Experience of Complex Linguocognitive Description]. Nizhnij Novgorod: Izd-vo NNGU im. N. I. Lobachevskogo.

Металингвистические стратегии интерпретации английской профессиональной метафоры

М. А. Симоненко

Астраханский государственный архитектурно-строительный
университет

Аннотация

В фокусе внимания находится английская профессиональная метафора. В ходе экспериментального исследования выявлены металингвистические стратегии, используемые при восприятии и интерпретации английской профессиональной метафоры носителями русского языка. Испытуемые — 50 студентов, изучающих английский язык в технических вузах г. Астрахани — сначала идентифицировали и интерпретировали отдельные слова метафор-стимулов, а затем осуществляли перевод изолированных метафор и метафор в контексте предложения. Моделирование металингвистических стратегий базировалось на положениях психолингвистики относительно функционирования индивидуального метаязыка, а также на классификации стратегий перевода метафоры П. Ньюмарка. Согласно

данным эксперимента, в процессе интерпретации английской профессиональной метафоры задействованы металингвистические стратегии замены, редуцирования, перефразирования, конкретизации и обобщения при постоянном самоконтроле за конечным продуктом интерпретации.

Ключевые слова: профессиональная метафора, метаязык, металингвистические стратегии, интерпретация, самоконтроль.

В речемыслительной деятельности рядовой носитель языка формирует свой собственный “внутренний” метаязык, под которым понимается “индивидуальный язык человека, ...выработанный в процессе ‘врастания’ в язык и культуру и скрытый от непосредственного наблюдения” [3, с. 158]. Металингвистические опоры функционируют преимущественно на неосознаваемом уровне и обеспечивают ориентирование в пространстве высказывания. В процессе обучения иностранным языкам, в частности, в переводческой практике, резервы “внутреннего” метаязыка пополняются за счёт новых металингвистических опор и стратегий.

Поскольку перевод — это особая речемыслительная деятельность, которая “представляет собой объяснение, истолкование, интерпретацию” [6, с. 38], тексты перевода профессиональной метафоры могут оказаться весьма продуктивными для моделирования стратегий, используемых переводчиками-интерпретаторами, в частности, металингвистических стратегий.

Существующие классификации стратегий перевода метафоры либо базируются на понятии метафорического образа [7], либо исходят из сущностных характеристик метафоры-знака, назначение которого — устанавливать связи между разноприродными предметами и явлениями [5]. Металингвистические стратегии управляются глубинными механизмами психики, среди которых на первый план выходят “механизмы контроля и смысловых замен” [1, с. 286–296].

Для участия в эксперименте было привлечено 50 человек, студентов технических специальностей, изучающих второй (иностраный) язык в технических вузах (далее — ИИ). Целью исследования стало выявление металингвистических стратегий в процессах восприятия и интерпретации (при переводе) профессиональной метафоры. Стимулами в эксперименте выступили профессиональные метафоры английского языка, распространённые в профессиональных дискурсах строителей и экономистов: *enter into a contract, sickness benefit, salary freeze, take-home pay, turnkey construction, column footing, balloon frame*.

На первом этапе ИИ идентифицировали и интерпретировали отдельные слова — компоненты выбранных нами метафор с последующим самостоятельным комбинированием этих слов в словосочетания; на втором этапе предъявлялись готовые словосочетания и предлагалось дать свой перевод сначала отдельных метафор, а затем этих же метафор в контексте предложения.

Используя метод субъективного шкалирования степени понятности английских слов, мы выяснили, что в группе ИИ более 50% слов, изъятых из контекста профессиональной метафоры, идентифицируются как знакомые или хорошо знакомые.

Однако на этапе комбинирования слов в составе словосочетаний практически все ИИ испытывают затруднения и не могут соотнести слова между собой. Следовательно, английские профессиональные метафоры, использованные в качестве стимулов на втором этапе эксперимента, не входят в когнитивную базу большинства ИИ и не являются частью их профессионального тезауруса.

Тексты перевода изолированных метафор на втором этапе эксперимента подтверждают предположение о новизне предъявленных словосочетаний для большинства ИИ. Так, часть бланков содержит отказ от перевода метафор *sickness benefit*, *salary freeze*, *balloon frame* — участники эксперимента не распознают смысл словосочетания даже в тех случаях, когда отдельные слова ими идентифицировались без видимых затруднений.

Вербальные реакции испытуемых на предъявляемое слово указывают на целый ряд метаязыковых операций и стратегий, среди которых А. А. Залевская выделяет следующие — “уточнение и разъяснение значения исходного слова через его синоним или симиляр, антоним или оппози́т, через называние типичного признака предмета” [1, с. 293]. Все названные стратегии управляются механизмом смысловых замен, который “позволяет перейти от языкового кода к универсально-предметному и тем самым обеспечить понимание через идентификацию денотата” [1, с. 293].

Осмысление профессиональной метафоры часто происходит с использованием стратегии замены вспомогательного компонента метафоры его синонимом или словом, субъективно эквивалентным исходному: *turnkey construction* — *ключевая / важная / основная конструкция; строительство (конструирование) под ключ*.

Частично эксплицируемые в условиях эксперимента акты субъективной рефлексии указывают на частотность металингвистической стратегии перефразирования (скорее для себя) с добавлением разъясняющей информации: *take-home pay* — *плата за дом (купить дом...), платить за квартиру, арендная плата*.

Сбои в работе “внутреннего” метаязыка наблюдаются в ситуациях, когда возникают коммуникативные затруднения и предпринимаются попытки по преодолению таких затруднений. Так, по данным нашего исследования, подмена исходного образа профессиональной метафоры, сопровождающаяся нарушением смысла высказывания, чаще всего происходит при выборе следующих стратегий:

- обобщение, генерализация: *turnkey construction* — *основная конструкция; balloon frame* — *конструкция баллона; column footing* — *нагрузка от колонны;*

- конкретизация: *take-home pay* — покупка для дома; *salary freeze* — морозильная камера;
- редуцирование: *sickness benefit* — выгода.

В работе А. А. Пойменовой [4] предлагается модель стратегий преодоления коммуникативных затруднений при пользовании вторым языком. В основу этой модели положен принцип обратной связи, суть которого состоит в том, что “субъект через обратную связь возвращается к одному из предшествующих этапов речевой деятельности с тем, чтобы переструктурировать сообщение, выбрав для дальнейшего развёртывания иной обобщённый признак, либо переориентировавшись на другие дифференциальные признаки” [2, с. 81–82]. Так, на втором этапе эксперимента, когда осуществлялся перевод изолированной метафоры и перевод метафоры в предложении, ИИ часто меняли не только лексико-грамматическую структуру словосочетания, но и под влиянием более широкого контекста пересматривали первоначальный образ, взятый за основу при построении первичной аналогии. Например, один из ИИ даёт такие ответы: ***benefit*** — выгода; ***sickness*** — болезнь (1 этап эксперимента); ***sickness benefit*** — выгода от болезни (2 этап — перевод изолированной метафоры); ***sickness benefit*** — гарантии по болезни, обязательства по болезни, преимущества (2 этап — перевод метафоры в контексте).

Итак, экспериментальное исследование показало, что профессиональная принадлежность не гарантирует индивидуальный выход на значение профессиональной метафоры, так как язык и профессиональная деятельность составляют лишь отдельные фрагменты в триаде “язык — человек — профессиональная деятельность”. Языковые знания в индивидуальном лексиконе тесно коррелируют с энциклопедическими знаниями, включая профессиональное знание. В переводческой практике, в частности при переводе профессиональной метафоры, ресурсы “внутреннего” метаязыка активируются и реализуются через ряд металингвистических стратегий при постоянном контроле, точнее, самоконтроле, за конечным продуктом интерпретации, который обеспечивается механизмом обратной связи и имеет место на всех этапах обработки вербального стимула.

Список литературы:

1. Залевская А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. М.: Гнозис, 2005. 543 с.
2. Залевская А. А. К проблеме самоконтроля // Методология современного языкознания: Порождение и понимание речи. Значение и смысл. Виртуальная коммуникация. М: ЛЕНАНД, 2016. С. 68–94.
3. Мягкова Е. Ю. Грамматика говорящего: проблемы моделирования // Методология современного языкознания: Порождение и понимание речи. Значение и смысл. Виртуальная коммуникация. М: ЛЕНАНД, 2016. С. 155–169.
4. Пойменова А. А. Лексическая ошибка в свете стратегий преодоления коммуникативных затруднений при пользовании иностранным языком: Дис. ...

канд. филол. наук: .02.19 / Пойменова Анна Альбертовна; Тверской государственный университет. — Тверь, 1999. 170 с.

5. Староселец О. А. Экспериментальное исследование понимания метафоры текста: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Староселец Ольга Александровна; Алтайский государственный университет. — Барнаул, 1997. — 264 с.
6. Швейцер А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. 215 с.
7. Newmark P. A textbook of translation. London: A. Wheaton & Co. Ltd, Kxeter, 1988. 292 p.

Сведения об авторе:

Симоненко Марина Александровна, к. ф. н., доцент, Астраханский государственный архитектурно-строительный университет, Астрахань, Россия; e-mail: MASimonenko@yandex.ru

METALINGUISTIC STRATEGIES OF ENGLISH PROFESSIONAL METAPHOR INTERPRETATION

Marina A. Simonenko

Candidate of Philology, Associate Professor, Astrakhan State University of Architecture and Civil Engineering, Astrakhan, Russia; e-mail: MASimonenko@yandex.ru

Abstract

The focus is on the English professional metaphor. The empirical research revealed metalinguistic strategies used by native speakers of Russian when perceiving and interpreting English professional metaphors. The participants of the experiment are 50 students who study English at Astrakhan technical universities. At first they identified and interpreted separate words from stimulus metaphors and then translated independent metaphors and those within sentences. Modeling of metalinguistic strategies was based both on psycholinguistic concepts about functioning of individual metalanguage and classification of metaphor translation strategies by P. Newmark. According to the empirical data, students employed metalinguistic strategies of substitution, reduction, paraphrasing, concretization and generalization when interpreting English professional metaphor and continuously monitored the final product of their interpretation.

Key words: professional metaphor, metalanguage, metalinguistic strategies, interpretation, self-control.

References:

1. Zalevskaia, A. A. (2005). Psikholingvisticcheskie issledovaniia. Slovo. Tekst: Izbrannye trudy [Psycholinguistic researches. Word. Text: Selected works]. Moskva: Gnozis.

2. Zalevskaia, A. A. (2016). K probleme samokontrolia [On the problem of self-control]. *Metodologiiia sovremennogo iazykoznaniiia: Porozhdenie i ponimanie rechi. Znachenie i smysl. Virtual'naia kommunikatsiia* [Methodology of modern language studies: Speech production and comprehension. Meaning and sense. Virtual communication]. Moskva: LENAND, 68–94.
3. Miagkova, E. Iu. (2016). Grammatika govoriashchego: problemy modelirovaniia [Speaker's grammar: approaches to modeling]. *Metodologiiia sovremennogo iazykoznaniiia: Porozhdenie i ponimanie rechi. Znachenie i smysl. Virtual'naia kommunikatsiia* [Methodology of modern language studies: Speech production and comprehension. Meaning and sense. Virtual communication]. Moskva: LENAND, 155–189.
4. Poimenova, A. A. (1999). Leksicheskaia oshibka v svete strategii preodoleniia kommunikativnykh zatrudnenii pri pol'zovanii inostrannym iazykom: dis. ...kand. filol. nauk [Lexical mistake in the aspect of strategies for overcoming constraints when using a foreign language: candidate thesis in Philology]. Tver: Tverskoi gosudarstvennyi universitet.
5. Staroselets, O. A. (1997). Eksperimental'noe issledovanie ponimaniia metafory teksta: dis. ...kand. filol. nauk [Experimental study of text metaphor comprehension: thesis in Philology]. Barnaul: Altaiskii gosudarstvennyi universitet.
6. Shveitser, A. D. (1988). Teoriia perevoda: status, problemy, aspekty [Translation theory: status, problems, aspects]. Moskva: Nauka.
7. Newmark, P. (1988). A textbook of translation. London: A. Wheaton & Co. Ltd, Kxeter.

Доминантные когнитивные структуры сознания в американской и русской лингвокультурах

К. Н. Симонова

Донской государственный технический университет

Аннотация

Настоящая статья посвящена описанию базовых когнитивных структур, характеризующих языковое поведение американцев и русских. Диалектика природы распространяется на сознание человека, для которого характерны бинарные противопоставления. Наряду с фазой разделения в сознании людей существует фаза синтеза, заключающаяся в сохранении равновесия при наличии двух противоположных граней. Это порождает трихотомичность познания мира. Фольклорные тексты, являющиеся первостепенными для исследования когнитивных структур, демонстрируют преобладание троичного познания над дуальным. Речь современных людей, равно как и литературное наследие прошлого, пестрит триадами, характерными для разных сфер деятельности. Доминирование троичных когнитивных структур типично как для представителей американской, так и русской лингвокультуры.

Ключевые слова: когнитивные структуры, дихотомия, трихотомия, фольклор.

Движение форм сознания и форм реальности тесно взаимосвязаны. Рассмотрение сознания человека как части живой природы, а представлений нашего сознания как её отражения, даёт понимание того, что противоречивость представлений является закономерностью развития мышления, отражающей организацию жизни природы, наполненной противоположностями и противоречиями. Человек постоянно находится в природной системе противоречий: с окружающей средой, с другими видами животных, с другими людьми, между народами, нациями, государствами, с продуктами собственной деятельности, с самим собой. И дуализм мышления является закономерностью отражения противоречивости природы в сознании человека. Диалектика природы распространяется на сознание человека. Дуализм мышления, являясь закономерным отражением противоречивости природы, является, одновременно и отражением уровня сознания, которое находится во власти этих противоречий [6].

Таким образом, как только абстрактное мышление человека развилось до осмысления окружающего мира, проявился дуализм его мышления, как представления о мировых силах: добра и зла, света и тьмы, бога и дьявола.

Как справедливо отмечает А. Дандис, одним из наиболее надежных источников для изучения категорий национального мышления является фольклор, являющийся первостепенным материалом для исследования когнитивных структур (паттернов) [7].

Так, дуальные когнитивные структуры широко представлены внутритекстовыми традиционными формулами русских сказок: “долго ли, коротко ли”; “близко ли, далеко ли”; “Избушка, избушка, стань к лесу задом, а ко мне передом” [2]. Помимо этого, в бытовой сказке противопоставляются слабый и сильный, бедный и богатый, жадный и щедрый, умный и глупый.

Широко дуальные когнитивные структуры воплощены в таких произведениях русского фольклора, как пословицы: *Корень ученья горек, да плод его сладок. Маленькое дело лучше безделья.*

Итак, образ каждой из областей вселенной возникает в результате сравнения одной с другой, контрастного противопоставления.

Наряду с фазой разделения в сознании людей существует фаза синтеза. Она не отвергает двойственности мира, но осмысляет ее иначе, делая следующий шаг в познании мира. В данном случае имеется в виду закон троичности, который предполагает наличие не столько антагонизма парных оппозиций, сколько их примиряющего сосуществования, сохранения равновесия при наличии двух противоположных тенденций, то есть понятие меры, или “золотой середины” [3].

П. А. Флоренский в “Столпе и утверждении истины” отмечал, что в числе *три* заложена “какая-то основная категория жизни и мышления” (цит. по [4]). В качестве примеров философ привел трехмерность пространства; три основные категории времени: прошедшее, настоящее и будущее; наличие трех грамматических лиц в языках; философский закон трех моментов диалектического развития: тезис, антитезис, синтез; а также наличие трех координат человеческой психики, выражающихся в каждой отдельной личности: разума, воли и чувства. Флоренский возводил троичность как основную категорию бытия к изначальному триединству Божественной Троицы. Однако элементы троичности присутствуют не только в христианстве, но и в большинстве других религий народов мира [4].

С точки зрения науки, а не веры, троичность бытия можно объяснить троичностью человеческого, которая, в свою очередь, напрямую связана с асимметрией функций полушарий головного мозга. Правое полушарие воспринимает внешний мир со всеми его красками и звуками и дает образ для мышления, а левое полушарие преобразует наше восприятие мира в грамматические и логические формы и осуществляет сам мыслительный процесс. Правое полушарие отвечает за конкретное, левое — за абстрактное. Троичность мышления сводится к тому, что окружающую действительность человек воспринимает как трехоставную. Как мы видим, симметрия преобладает в природе, в то время как разум асимметричен. Следовательно, троичный архетип является самым древним, так как возникает в тот момент, когда возникает само мышление [4].

Неслучайно, в фольклорных текстах наличествует большое количество троек, типичных для мифологического мышления. Так, троичность является одной из характерных композиционных особенностей русской народной сказки. Троичность соблюдается не только в отношении персонажей сказки: три брата, три сестры, но и ситуаций, например: пастыба в течение трех суток чудесных кобылиц, проведение трех ночей на могиле отца, выполнение трех королевских задач и т. д. [2].

Американская культура является наследницей европейской культуры, для фольклорных произведений которой характерен троекратный повтор. Поэтому в евро-американских народных сказках, как и в русских, есть три брата, три желания, три магических предмета, и часто трехдневный интервал ожидания или борьбы.

Троичность изображаемого особенно последовательно применяется в русском былевом эпосе. Прием троичности (троекратности) изображений и повторений вначале был не только элементом поэтики, но и прямым обозначением сложности и длительности совершаемого. Например: на богатырской заставе стоят три богатыря — Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алеша Попович; богатырь совершает три поездки богатырские (былина “Три поездки Ильи”). Садко три раза купцы не зовут на пир, он

трижды играет у озера Ильмень, морской царь награждает его тремя рыбами “золотые перья”, он три раза спорит с купцами. Илья Муромец трижды вступает в единоборство с Сокольником [5]. Троекратность также проявляется в представлении участников событий и действий: “Тебе кажется, что пляшет по палате царь, а он скачет **по крутым краям, по высоким берегам, по широким мелям. От его пляски море взбушевало, быстрые реки разлились, высокие волны поднялись. Гибнут в море корабли, гибнут в реках люди русские, тонут корабельщики с товарами!**” (былина “Садко в подводном царстве”).

Троекратный повтор первой строки характерен для американских народных песен: “*John Brown’s body lies a moulderin’ in the grave...but his soul goes marching on*”; “*John Brown had a little Indian... one little Indian boy*”; “*Polly put the kettle on... we’ll all have tea*”.

В американских анекдотах, которыми являются современные аналоги *märchen* (сказки), обычно три героя: англичанин, ирландец и шотландец; служитель, священник, и раввин; блондинка, брюнетка и рыжая. Данная особенность характерна и для русского юмора: русских, немец и француз, украинец, еврей и русский.

Троекратное членение мира американского языкового сознания отражено в наличии, по словам А. Дандиса, трех терминов, характеризующих тот или иной объект действительности как полярное понятие. Например, в американских размерах одежды, можно найти маленькие, средние и большие (*small, medium, large*). Размер “экстра большой” (“*extra-large*”), скорее лингвистически и концептуально, является производной формой “большой”, нежели обладает самостоятельным статусом. “Большой” и “маленький” — это два полярных понятия, которые объединяет третья — среднее между ними. Аналогичным образом описывается состояние полетов в аэропорту: прибытие и отправление рейсов может быть ранним “*early*”, задерживаться “*late*” и по расписанию, то есть вовремя “*on time*” [7].

Повседневная речь американцев троично структурирована: *beg, borrow, or steal; bell, book, and candle; blood, sweat, and tears; cool, calm, and collected*. Рекламные клише троекратны: “*she’s lovely, she’s engaged, she uses Pond’s*”. Супермен, народный медийный герой американских детей, представлен троично: “*Faster than a speeding bullet, more powerful than a locomotive, able to leap tall buildings at a single bound. It’s a bird! It’s a plane! It’s Superman!*”

Наиболее интересной является американская тенденция образовывать из первоначально единичной: “*Those who can, do*” троичные конструкции “*those who can’t, teach; and those who can’t teach, teach teachers!*” [7].

Троичная когнитивная структура характерна для американских примет, указывающих как на удачу (“*Third time’s a charm*”), так и на неудачу (“*Three times a bridesmaid, never a bride*”), в традиционных играх типа *Tick-Tack-Toe* (крестики-нолики), название которой уже само по себе содер-

жит идею троичности [7]. Русские люди три раза стучат по дереву, чтобы не спугнуть удачу, или три раза плюют через левое плечо, если рассыпят соль. Троекратный русский поцелуй известен во всем мире.

Как мы видим, многие аспекты нашей жизни троичны. Таким образом, несмотря на то, что диады более широко распространены в мире, чем триады, в американской и русской лингвокультурах преобладает троичное познание мира посредством языка.

Список литературы:

1. Былины: сайт “Лукошко сказок”. [Электронный ресурс]. URL: <http://lukoshko.net/> (дата обращения: 09.03.2017).
2. Новиков Н. В. Русская сказка в ранних записях и публикациях (вступительная статья) // Русские сказки в ранних записях и публикациях (XVI-XVIII века). Л.: Наука, 1971. 289 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/skazki/texts/srz/srz-003-.htm> (дата обращения: 01.03.2017).
3. Правдивцев В. Л. Троиединство мира и фрактальность сознания // Доклад на конференции “Живая планета и равновесие Мира. Гармония мужского и женского начал”, г. Екатеринбург 21–23 августа 2009 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bastabalkana.com/2014/01> (дата обращения: 17.02.2017).
4. Соколов Б. В. Михаил Булгаков. Загадки творчества. М.: Вагриус, 2008. 544 с. [Электронный ресурс]. URL: http://loveread.me/view_global.php?id=28197 (дата обращения: 14.01.2017).
5. Чичеров В. И. Русское народное творчество. М.: Изд-во Московского университета, 1959. 525 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bibliotekar.ru/7-russkoe-narodnoe-tvorchestvo/index.htm> (дата обращения: 14.01.2017).
6. Шагиахметов М. Р. Дуализм мышления — закономерный этап развития // Грани эпохи: этико-философский журнал №68 (зима 2016–2017) [Электронный ресурс]. URL: <http://grani.agni-age.net/publish.htm> (дата обращения: 14.01.2017).
7. Dundes A. The number three in American culture. // Threesology Research Journal. 1968. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.threesology.org/dundez-a.php> (дата обращения: 14.02.2017).

Сведения об авторе:

Симонова Карина Николаевна, к. ф. н., доцент, Донской государственной технической университет, Ростов-на-Дону, Россия; e-mail: carsim@rambler.ru

THE PREDOMINANT COGNITIVE PATTERNS IN AMERICAN AND RUSSIAN LINGUISTIC CULTURES

Karina N. Simonova

Candidate of Philology, Associate Professor, Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia; e-mail: carsim@rambler.ru

Abstract

This article is devoted to the description of the basic cognitive patterns, characterizing the speech behavior of Americans and Russians. The dialectics of nature is reflected in human consciousness, which is characterized by the existence of binary contradictions. Along with a phase of separation in the minds of people, there is a phase of synthesis to maintain a balance of two opposites. This generates a trichotomic cognition of the world. Folklore texts are given priority to study cognitive patterns. They demonstrate the predominance of a trichotomic cognition over a dual cognition. Today as well as in the past, humans' speech abounds in triads characteristic of different spheres of life. The predominant trichotomic cognitive patterns are typical of both American and Russian linguistic cultures.

Key words: cognitive patterns, dichotomy, trichotomy, folklore.

References:

1. Byliny: sait "Lukoshko skazok". (2001). [Folk Songs: the site "A Basket of Tales"]. Retrieved 09 March, 2017 from <http://lukoshko.net>.
2. Chicherov, V.I. (1959). *Russkoe narodnoe tvorcestvo*. [Russian Folklore]. Moskva: Izd-vo Moskovskogo univer-siteta. Retrieved 14 January, 2017 from <http://www.bibliotekar.ru/7-russkoe-narodnoe-tvorcestvo/index.htm>.
3. Dundes, A. (1968). The Number Three in American Culture. *Threesology Research Journal*. Retrieved 14 January, 2017 from <http://www.threesology.org/dundez-a.php> (дата обращения: 14.02.2017).
4. Novikov, N. V. (1971). Russkaia skazka v rannikh zapisiakh i publikatsiakh (vstupitel'-naia stat'ia) [A Russian Fairy Tale in Records and Publications]. In *Russkie skazki v rannikh zapisiakh i publikatsiakh (XVI–XVIII veka)* [Russian Fairy Tales in Records and Publications (16th–18th centuries)]. Leningrad: Nauka. Retrieved 01 March, 2017 from <http://feb-web.ru/feb/skazki/texts/srz/srz-003-.htm>.
5. Pravdivtsev, V.L. (2009). Triedinstvo mira i fraktal'nost' soznaniia [The Trinity of the World and Fractality of Cognition]. In *Zhivaia planeta i ravnovesie Mira. Garmoniia muzhskogo i zhenskogo nachal* [A scientific paper at the conference "Live Planet and the Balance of the World"]. Ekaterinburg. Retrieved 17 February, 2017 from <http://www.bastabalkana.com/2014/01http://www.bastabalkana.com/2014/01>.
6. Shagiakmetov, M. R. (2016–2017). Dualizm myshleniia — zakonomernyi etap razvitiia [Duality of Thinking — a Logical Phase of Development]. In *Grani epokhi: etiko-filosofskii zhurnal №68* [The Epoch's Milestones: a Journal of Philosophy], 68. Retrieved 14 January, 2017 from <http://grani.agni-age.net/publish.htmhttp://grani.agni-age.net/publish.htm>.
7. Sokolov, B. V. (2008). Mikhail Bulgakov. Zagadki tvorcestva. [Mikhail Bulgakov. The Mysteries of his Works]. Moskva: Vagrius. Retrieved 14 January, 2017 from http://loveread.me/view_global.php?id=28197.

Влияние гендерных различий на структурное формирование перифразы

А. И. Снина

Волгоградская академия МВД России

Аннотация

Опираясь на сложившиеся культурные традиции в конкретном социуме, гендер является результатом функционирования и установления определенных социальных отношений. Гендерные стереотипы фиксируются в сознании носителя языка, дополняются и могут трансформироваться в течение жизни. Различия мужского и женского речевых стилей прослеживаются на уровне речевого поведения и речи, как устной, так и письменной репрезентации. Перифрастические выражения являются частью речевой деятельности обоих полов и представляют собой концентрированный сгусток информации об авторе текста, что выражается в структурном оформлении, выборе грамматических, лексических средств, и ассоциативных связях, избираемых для осуществления перифразирования. В докладе рассматривается вероятная зависимость психофизических (гендерных) характеристик авторов массмедиа текстов от структурного наполнения перифразы. Предполагается, что полученные результаты устанавливают основные синтаксические модели перифразирования, и, возможно, расхождения в использовании этих моделей в зависимости от гендерного признака.

Ключевые слова: массмедиа текст, автор текста, гендерные характеристики, структура перифразы, синтаксические модели перифразирования.

Обратившись к исследованиям ученых о различии речи мужчин и женщин (Е. И. Горшко, Т. Б. Крючкова, А. П. Мартынюк и др.) предполагаем, что гендерная дифференциация речи является результатом совокупности биологических, психологических и социологических факторов. Перифрастические выражения представляют собой концентрированный сгусток информации об авторе текста, что прослеживается в структурном оформлении, выборе лексических средств, и ассоциативных связях при перифразировании.

Ученые Иркутского государственного лингвистического университета для установления связи между личностными характеристиками автора текста и синтаксическими показателями текста, предлагают определенный набор параметров для анализа текста — интагматику, характеризующуюся определенной последовательностью составляющих элементов — слов с частеречной принадлежностью. В основе алгоритма лежит статистика частоты встречаемости последовательностей частей

речи” [2]. Опираясь на работу Т. А. Литвиновой, О. А. Литвиновой и П. В. Середина “Частотность встречаемости последовательностей частей речи в тексте и психофизиологические характеристики его автора: корпусное исследование” [1] предполагаем, что существует соотношение между полом автора и структурным наполнением перифрастических номинаций.

Материалом исследования послужили англоязычные публицистические тексты за период 2010–2012 [3; 4; 5]. Методом сплошной выборки были отобраны 25 публицистических текстов, с элементами перифразирования, без учета гендерной принадлежности авторов. Анализ проводился с целью установления количественного состава компонентов, частеречной принадлежности перифраз и синтаксического оформления перифрастических номинаций, без учета лексического наполнения и видов ассоциативной связи между перифразируемым и перифразирующим компонентами.

Отобранный фактический материал показал, что только восемь публицистических текстов, содержащих перифрастические номинации, были написаны авторами женского пола. Подобный результат, возможно, обусловлен случайным выбором текстов. Следует отметить, что в каждом тексте различная количественная представленность перифрастических выражений, от одного до четырех. В связи с этим наблюдается расхождение между количеством отобранных текстов (25 ед.) и перифразами (38 ед.).

Состав компонентов перифразы варьируется от двухсловных сочетаний до предложения. Предложенная ниже таблица демонстрирует количественные данные: (табл. 1)

Самый частотный тип образования перифрастических выражений для авторов мужского пола — двухкомпонентные словосочетания (10 ед. — 26%), для авторов женского пола — трехкомпонентные словосочетания (5 ед. — 13%). Синтаксические модели с наименьшим значением у мужчин — четырехкомпонентная (2 ед. — 5%) и предложение (2 ед. — 5%), для женщин — четырехкомпонентная (1 ед. — 2%). Как показано в таблице, были обнаружены синтаксические модели, не имеющие случаев употребления среди авторов женского пола, перифрастические номинации, состав которых превышает четыре и более компонентов в словосочетании.

Наиболее распространенный тип перифрастических сочетаний среди мужчин-авторов — субстантивные сочетания (23 ед.), перифразы с глагольными компонентами встречаются реже (10 ед.). Женщины-авторы отдают предпочтение глагольным перифразам (5 ед.), реже субстантивным (3 ед.).

Полученные результаты указывают на закономерности построения текстов мужчинами и женщинами, так “мужской” текст направлен на установление сути вопроса (субстантивные сочетания), а “женский” на

Таблица № 1.

Количественные данные компонентов в перифрастических номинациях с учетом гендерного признака

Синтаксическая модель перифразы	Гендерный признак	Всего единиц	%
двухкомпонентная	мужчины	10	26
	женщины	3	8
трехкомпонентная	мужчины	7	19
	женщины	5	13
четырёхкомпонентная	мужчины	2	5
	женщины	1	2
поликомпонентная	мужчины	8	22
	женщины	—	—
предложение	мужчины	2	5
	женщины	—	—

подробное описание ситуации (глагольные сочетания). Хотя, в перифрастических номинациях не подтверждается краткость, характерная для “мужского” текста (наличие поликомпонентных перифраз), и объемность текста, приписываемая женщинам-авторам (максимальный состав перифразы — четыре компонента).

По нашему мнению, подобные данные связаны с особенностями ассоциативных процессов мышления у мужчин и женщин, функциональной асимметрией мозга, что позволяет описать основные синтаксические модели перифразирования, и, возможно, расхождения в использовании этих моделей в зависимости от гендерного признака.

Список литературы:

1. Литвинова Т. А. Частотность встречаемости последовательностей частей речи в тексте и психофизиологические характеристики его автора: корпусное исследование / Т. А. Литвинова, О. А. Литвинова, П. В. Середин // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета — 2014. №2 (27). С. 8–12. [Электронный ресурс] URL: http://www.islu.ru/files/2014/227_2014_0.pdf (http://www.islu.ru/files/2014/227_2014_0.pdf) (дата обращения: 07.11.2016).
2. Седов А. В. Анализ неоднородностей в тексте на основе последовательности частей речи / А. В. Седов, А. А. Рогов // Современные проблемы науки и образования. Филологические науки. — 2013. №1 [Электронный ресурс]. URL:

<http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=8339><http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=8339> (дата обращения: 07.11.2016).

3. The Telegraph [Электронный ресурс]. URL: <http://www.telegraph.co.uk/http://www.telegraph.co.uk/> (дата обращения: 07.11.2016).
4. The Times [Электронный ресурс]. URL: <http://www.thetimes.co.uk/http://www.thetimes.co.uk/> (дата обращения: 07.11.2016).
5. USA TODAY [Электронный ресурс]. URL: <http://www.usatoday.com/http://www.usatoday.com/> (дата обращения: 07.11.2016).

Сведения об авторе:

Синина Анна Игоревна, к. ф. н., старший преподаватель, Волгоградская академия МВД РФ, г. Волгоград, Россия; e-mail: ursinus@yandex.ru

GENDER FEATURES IMPACT ON STRUCTURAL COMPOSITION OF PERIPHRAISIS

Anna I. Sinina

Candidate of Philology, Senior Lecturer, Volgograd Academy of the Internal Affairs Ministry of the Russian Federation, Volgograd, Russia; e-mail: ursinus@yandex.ru

Abstract

Gender is the result of specific relations based upon the hardened cultural customs and beliefs in a society. During the lifetime gender stereotypes are setting, supplementing and also can be shifted in the mind of native speaker. Verbal behavior of man and woman in oral and written forms is reflected in speech style variations. Periphrastic statements are the part of verbal behaviour of both genders and reflect the focused information about the text's author that may be watched in structural formation, grammatical and lexical means and associative links in periphrasing.

The believable dependency of psychophysical (gender) features of the mass-media texts' authors and the structural formation of the periphrasis are studied in the paper. The results of the research show the main syntactic periphrasis models and the difference in their functioning according to the author's gender.

Key words: mass-media text, author of the text, gender features, structural composition of periphrasis, syntactic periphrasis models.

References:

1. Litvinova, T. A., Litvinova, O. A., & Seregin, P. V. (2014). Chastotnost vstrechaemosti posledovatelnoy chastej rechi v tekste i psikhofiziologicheskije kharakteristiki ego avtora: korpusnoe issledovanie [Frequency of Consequent Parts of Speech Indicative of the Psychophysiological Features of the Text's Author: a Corpus-based Study]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*

[*Scientific Journal of Irkutsk Linguistic University*], no 2 (27), 8–12. Retrieved 07 November, 2016 from http://www.islu.ru/files/2014/227_2014_0.pdfhttp://www.islu.ru/files/2014/227_2014_0.pdf.

2. Sedov, A. V., & Rogov, A. A. (2013). Analiz neodnorodnostej v tekste na osnove posledovatelnosti chastej rechi [Detection Heterogeneity in Texts Using Part of the Speech Sequences]. *Sovremennje problemi nauki i obrazovanija. Filologicheskie nauki* [Modern problems of science and education. Philological Sciences] no 1. Retrieved 07 November, 2016 from <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=8339><http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=8339>.
3. The Telegraph. Retrieved November, 2016 from <http://www.telegraph.co.uk>.
4. The Times. Retrieved November, 2016 from <http://www.thetimes.co.uk>.
5. USA TODAY. Retrieved November, 2016 from <http://www.usatoday.com/>

Роль когнитивных механизмов в языковом отражении противоположности

Н. С. Скворцова

Московский государственный лингвистический университет

Аннотация

Статья посвящена концептуально-когнитивному анализу антонимических отношений во фразеологии современного английского языка (на примере антонимических концептов *success* и *failure*). На фразеологическом материале формируется ряд оппозиционных тематических групп, соответствующих отдельным концептуальным признакам рассматриваемых антонимических концептов. В рамках данных групп выявляются оппозиционные концептуальные схемы, моделирующие значения фразеологических единиц. На основе оппозиционных концептуальных схем выделяются синонимико-антонимические группы. Особое внимание в исследовании уделяется рассмотрению взаимосвязи оппозиционных концептуальных схем и антонимических образов, задействованных в формировании значения фразеологических антонимов. Процедура анализа представлена на примере членов одной оппозиционной тематической группы “temporal parameters of success” и “temporal parameters of failure”. Результаты анализа позволяют сделать заключение о преимуществах использования методов когнитивной лингвистики при рассмотрении антонимических отношений во фразеологии.

Ключевые слова: антонимические концепты, оппозиционная тематическая группа, оппозиционная концептуальная схема, синонимико-антонимическая группа, антонимический образ.

Фразеологические единицы (далее ФЕ), являясь элементами культурной памяти социума, обладают бóльшим объемом значения, чем лексические единицы. В настоящее время при изучении значений ФЕ широко применяются методы когнитивной лингвистики, одним из главных постулатов которой является положение о том, что знания, получаемые в ходе предметно-познавательной деятельности человека, в большинстве случаев организуются при помощи концептуальных метафор, отвечающих за категоризацию всех знаний, получаемых по разным перцептивным каналам. Такая категоризация происходит как в сознании, так и в языке. В настоящей статье, принимая схожие точки зрения Е. Г. Беляевской и А. П. Чудинова [1; 5], развивающих данную теорию, используется следующее определение концептуальных (когнитивных) метафор: существующие в сознании носителей языка концептуальные схемы между понятийными сферами, продуцирующие метафорические смыслы слов и высказываний. А. П. Чудинов предлагает использовать формулу “X — это Y”, в соответствии с которой система концептов одной ментальной сферы моделируется на основании ментальной системы другой сферы (отношения между компонентами формулы стоит понимать, как подобие, а не отождествление).

Значения ФЕ формируются при помощи сложного комплекса взаимодействующих процессов: образы, заимствуясь из различных семантических областей, представленным набором определенных лексических средств, взаимодействуют с концептуальными схемами, используемыми носителями языка для передачи различных знаний. Образ, будучи абстрагированным от значений конкретных слов, воплощает общие представления носителей языка о явлениях мира сквозь физический и перцептивный опыт. Мы предполагаем, что противоположные значения, не имеющие прямого выхода в язык (лексических антонимов), могут иметь когнитивные основания оппозиции: противоположность может основываться на оппозиционной концептуальной схеме и дополняться антонимическим образом, представленным разными лексическими средствами. При этом, придерживаясь мнения Е. Н. Миллера, основным критерием выделения фразеологических антонимов мы считаем наличие у противопоставляемых ФЕ общих и противоположных семантических компонентов значений [3].

В настоящей статье рассматриваются оппозиционные концептуальные схемы (далее ОКС) и образы, заложенные в значениях ФЕ, представленных в оппозиционных тематических группах “temporal parameters of success” и “temporal parameters of failure”. На основе единой оппозиционной концептуальной схемы могут выстраиваться синонимико-антонимические группы ФЕ (далее САГ). Вслед за Л. Ю. Джалашевой и И. А. Подячей, изучавших проблемы парадигматических отношений, мы придерживаемся следующего определения САГ: объединение ФЕ, состоящее из двух синонимических рядов, члены которых связаны отношениями семантической противоположности [2; 4]. В настоящей статье САГ представлены рядом синонимических ФЕ с общим значением *success*,

связанными антонимическими отношениями со всеми или отдельными членами ряда ФЕ-синонимов с общим значением *failure*. Всего на основе всех рассмотренных пяти ОКС было выделено десять САГ. В данной статье рассматриваются три САГ, выделенные на основе ОКС ***Success is Up / Failure is Down*** (следует отметить, что данная ОКС является общей, так как она выделялась и в других оппозиционных тематических группах).

Рассматриваемая оппозиционная тематическая группа состоит из 154 ФЕ. Значения ФЕ, представляющих данную группу, отражают статичные и динамичные характеристики успешного или неуспешного периода. Представленные временной осью “прошедшее — настоящее — будущее”, статичные характеристики подразумевают перцепцию отрезка времени или определенной точки на временной оси как дискретной единицы времени, а динамичные — отражают непрерывное движение потока времени, то есть сам процесс достижения положительного или отрицательного результата: *in somebody's day/time* (when somebody was most successful); *to be on the boil* (to be performing very successfully); *only time will tell* (it will become clear at some time in the future whether or not something is successful); *your finest hour* (the time of your greatest success); *to beat a dead horse* (to waste time trying to do something that will not succeed); *a close call* (when someone very nearly suffered a defeat); *dog days* (a period when you are not having much success or making any progress). Помимо этого, значения ФЕ отражают быстроту достижения успеха и постижения неудачи (*slow but sure* (not quick but achieving the required result eventually); *by leaps and bounds* (with startlingly rapid process towards success); *crash and burn* (to fail suddenly and completely); *the rot sets in* (a rapid succession of failures begins)), а также длительность и повторяемость успеха (*a one day wonder* (somebody or something that successful for only a very short time); *to have your moments* (to be sometimes very successful)). В дефинициях данных ФЕ присутствуют противоположные семы: fast vs. slow, short vs. long, future vs. past, beginning vs. ending, progress vs. absence of progress or decline, to be on the verge of success vs. to be on the verge of failure, имеющие следующую лексическую представленность: quickly/slowly; to make (no) progress; to be collapsing; in the beginning; at the last moment; in the past/future; a long/short period of; to almost succeed/fail; to succeed/fail suddenly; rapid succession of; the highest stage of achievement/ a stage of abject failure и т.д.

Значения ФЕ, представляющих рассматриваемую оппозиционную тематическую группу, были смоделированы по следующим ОКС:

1) ОКС ***Success is a Time Span / Failure is a Time Span*** реализуется в 18 ФЕ сквозь различные образы: 1) временные отрезки, этапы и периоды жизни человека (*in somebody's time*; *your finest hour*; *to come of age*; *in the prime of your life* (в последней ФЕ добавляется образ времени суток — “рассвет”, букв. “на заре жизни”); 2) время года и время дня (*an Indian summer*; *a false dawn*); 3) этапы истории (*the golden age*; *history books*; *glory days*); 4) промежутки времени (*a one-day wonder*); 5) физические характеристики времени (*to have*

a thin time; the big time); 6) персонификация времени (*only time will tell; to survive the test of time* (букв. “пройти тест времени”, то есть время покажет)); 7) милитаристские образы (значение ФЕ *to be marking time* (to spend time doing nothing and gaining no success) основано на образе “марширующих на месте солдат”, а ФЕ *to have a field day* (to enjoy time of success) — на образе “день начала тактических учений в поле”); 8) библейские образы (*the day of reckoning* (букв. “судный день”)); 9) мифологические образы (значение ФЕ *halcyon days* (happy and successful period in the past) основывается на образе птицы-алционы, строящей плавучие гнезда в Эгейском море и успокаивающей морские бури во время высидывания яиц. В птицу была превращена дочь полубога Эола, повелителя ветров).

Следует подчеркнуть, что объективное время (физическое или астрономическое) может служить исходным материалом для переживаемого времени (психогического), то есть своего рода основой для формирования картины “темпорального мышления” человека.

2) ОКС **Success is Life / Failure is Death** реализуется в пяти ФЕ при помощи антонимического образа “жизнь — смерть”. Образ “жизни”, взаимодействуя с образом “удара” формирует значение ФЕ *to be alive and kicking* “to continue to be popular and successful”, а образ “смерти” видоизменяется за счет своей лексической представленности: *another nail in the coffin* (букв. “вколачивание гвоздей в гроб”), *to come to grief* (оплакивание усопшего), *to dig your own grave* (выкапывание могилы), *to be at the death* (быть на грани между жизнью и смертью).

3) ОКС **Success is a Linear Movement / Failure is a Circular Movement** и **Failure is Having an Obstruction in your way** реализуется в 16 ФЕ, с помощью образов: а) “дороги” (*to be on (the right) track; to be on the road to recovery* (букв. “дорога к исцелению”); *to go a long way; to be on the rails* (образ “рельсов” заимствован из семантической области “железнодорожное сообщение”)); б) “движения вперед” (*to make headway; to be on a roll*); в) “шага” (*to make great strides*); г) “облегченного движения” (*to be in the groove*); д) “движения по кругу” (*to go around in circles; to spin your wheels; to be back to the drawing board* (возврат к исходному этапу выполнения деятельности); *to run around like a headless chicken; to be chasing your tail* (в последних двух ФЕ образ “движение по кругу” реализуется в рамках зоометафоры)); е) “стены” (*to hit the wall; to be banging your head against the wall*).

4) ОКС **Almost Success is a Small Margin / Almost Failure is a Small Margin** реализуется в семи ФЕ, в значениях которых заложен образ “дистанции” (*to be within a striking distance; a close call* (образ заимствован из семантической области “спорт” и указывает на решение арбитра); *a near thing*), а также антропологические и зоо-соматические образы (*a hair's breadth; by the skin of one's teeth; to do something by a whisker; to win by neck* (образ “шеи лошади” заимствован из семантической области “спорт”)).

5) ОКС **Success is Up / Failure is Down** реализуется в 14 ФЕ. Среди трех выделенных САГ прослеживаются следующие тенденции взаимодей-

ствия ОКС и образов при формировании противоположных значений: 1) может использоваться единый антонимический образ: *to get off the ground* (to start happening successfully) / *to get off to a flying start* (to begin an activity successfully) — *to go down in flames* (to fail spectacularly) / *to crash and burn* (to fail suddenly and completely). В значениях ФЕ заложена авиаметафора, представленная образом взлетающего и падающего (во время крушения) самолета; 2) может использоваться единая семантическая область, но образ будет варьироваться посредством разной лексической представленности: значения ФЕ, входящих в САГ *high water mark* (the highest stage of achievement) — *to be on the rocks* (to be in a state of ruin) / *to be at a low ebb* (a period of decline), моделируются при помощи водной метафоры (общий антонимический образ “высокий уровень воды — низкий уровень воды”), но значение первой ФЕ моделируется при помощи образа “отметки уровня воды”, второй — на образе “кораблей на мели во время отлива”, третьей — на образе “отлива”; 3) могут использоваться образы, заимствованные из разных семантических областей: значения ФЕ, входящих в САГ *everything is coming up roses* (when you are having a lot of success and everything is going well for you) / *to ride high* (to be very popular and successful at present time) / *to ride on the crest of wave* (to be very successful with something you are doing at the moment) — *to be in freefall* (to be failing, collapsing), формируются следующим образом: значение первой ФЕ основывается на фитоморфной метафоре (идиома вошла в обиход в США в 1950-х гг. после выхода одноименной песни), второй — на образе “наездника”, третьей — на образе “серфингиста, поймавшего волну” (водная метафора), четвертой — на образе “свободного падения”, заимствованного из области скайдайвинга.

Итак, мы рассмотрели один из концептуальных признаков антонимических концептов *success* и *failure* — темпоральные характеристики успеха и неуспеха. Выделенные ОКС отражают когнитивные основания противопоставления рассматриваемых концептов по признаку перцепции временных характеристик успеха и неуспеха. Образы и их языковая представленность, взаимодействующие с данными ОКС при формировании фразеологических значений, высвечивают некоторые особенности восприятия и вербализации темпоральных характеристик успеха и неуспеха английским языковым сообществом. Выделенные в статье модели взаимодействия ОКС с образами при формировании антонимических отношений выявляют некоторые когнитивные особенности установления антонимических отношений во фразеологии.

В завершение можно сделать вывод о том, что методы когнитивной лингвистики позволяют раскрыть глубинные основания формирования противоположных значений у специфических единиц языка — ФЕ, значения которых проявляют особенности отражения передаваемой информации в образах, формирующих их значения, и способы её выражения через ОКС в сознании носителей английского языка.

Список литературы:

1. Беляевская Е. Г. К проблеме конструирования языковых образов // Когнитивное моделирование семантики разноструктурных единиц языка (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та: вып. 21 (627), сер. Языкознание). М., 2001. С. 24–32
2. Джалашева Л. Ю. Синонимико-антонимические парадигмы в системе знаменательных частей речи современного английского языка и реализация их конститuentов в речи: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Джалашева Лариса Юрьевна; Ростовский государственный педагогический университет. — Ростов н/Д, 2004. — 201 с.
3. Миллер Е. Н. Природа лексической и фразеологической антонимии. Саратов, 1990. 222с.
4. Поддячая И. А. Парадигматические отношения фразеологических единиц качественно-обстоятельственного класса в русском и английском языках: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Поддячая Ирина Анатольевна; Челябинский государственный педагогический университет. — Челябинск, 2009. — 276 с.
5. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург, 2001. 238 с.

Сведения об авторе:

Скворцова Наталья Сергеевна, преподаватель, Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия; e-mail: nskvortsova18@gmail.com

COGNITIVE MECHANISMS IN FORMING RELATIONS OF OPPOSITION IN PHRASEOLOGY

Natalia S. Skvortsova

Lecturer, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia; e-mail: nskvortsova18@gmail.com

Abstract

The article is devoted to conceptual-cognitive analysis of antonymic relations in English phraseology. A number of oppositional thematic groups representing particular conceptual characteristics of antonymic concepts «success» and «failure» are formed. Oppositional conceptual schemes underlying the meaning formation of phraseological units are identified. Synonymic-antonymic groups singled out on the basis of the identified oppositional conceptual schemes are analyzed. Special attention is paid to the study of interconnection between oppositional conceptual schemes and the images that come together to form the meaning of phraseological antonyms. The phraseological units making up the oppositional thematic group “temporal parameters of success” and “temporal parameters of failure” serve as examples. The results of the analysis show the advantages of using methods of cognitive linguistics in studying phraseological antonymy.

Key words: antonymic concept, oppositional thematic group, oppositional conceptual scheme, synonymic-antonymic group, antonymic image.

References:

1. Beljaevskaja, E. G. (2001). K probleme konstruirovaniya jazykovyh obrazov [On the Problem of Language Images Construction] // Kognitivnoe modelirovanie semantiki raznostrukturnyh edinic jazyka [Cognitive Modelling of Multistructural Language Units] (Vestn. Mosk. gos. lingvist. un-ta: vyp. 21 (627), ser. Jazykoznanie). M. S. 24–32.
2. Dzhalasheva, L. Ju. (2004). Sinonimiko-antonimicheskie paradigmy v sisteme znamenatel'nyh chastej rechi sovremennogo anglijskogo jazyka i realizacija ih konstituentov v rechi [Synonymous-antonymous Paradigms in the System of Notional Words of Modern English and Realization of its Constituents in Speech]: Diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.04 / Dzhalasheva Larisa Jur'evna; Rostovskij gosudarstvennyj pedagogičeskij universitet. — Rostov n/D. 201 s.
3. Miller, E. N. (1990). Priroda leksičeskoj i frazeologičeskoj antonimii [Nature of Lexical and Phraseological Antonymy]. Saratov.
4. Poddjachaja, I. A. (2009). Paradigmatičeskie otnoshenija frazeologičeskich edinic kachestvenno-obstojaťstvennogo klassa v russkom i anglijskom jazykah [Paradigmatic Relations of Phraseological Units of Quality-Circumstantial Class in Russian and English]: Diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.20 / Poddjachaja Irina Anatolevna; Cheljabinskij gosudarstvennyj pedagogičeskij universitet. Cheljabinsk. 276 s.
5. Chudinov, A. P. (2001). Rossija v metaforičeskom zerkale: kognitivnoe issledovanie političeskoj metafory (1991–2000) [Russia in Metaphorical Mirror: Cognitive Research of Political Metaphor (1991–2000)]. Ekaterinburg.

Прагматика полисубъектности

Г. П. Снигаренко
МГИМО МИД России

Аннотация

В полисубъектном тексте, в котором выявляется не только точка зрения автора, но и точка зрения одного или нескольких героев, имеется несколько центров дейктической ориентации, субъектов дейксиса. Стилистически полисубъектность реализуется через несобственно-прямую речь, несобственно-авторскую речь, внутреннюю речь героев. Грамматически полисубъектность наряду с другими средствами выражается с помощью артикля, глагольного времени и аспекта, модальных глаголов. Эти средства можно назвать дейктическими шифтерами. В плане психологии повествование может идти также через восприятие, сознание

героя. Психологическое воздействие на адресата реализуется эмпатически — “заражением” читателя, адресата эмоциями персонажа, описываемого субъекта дейксиса. В статье на примерах художественных и общественно-политических текстов рассматриваются грамматические средства, при помощи которых автор осуществляет такое прагматическое воздействие на адресата.

Ключевые слова: полисубъектность, несобственно-прямая речь, дейксис, эмпатия, прагматика.

Исследование прагматического потенциала субъекта речи предполагает его выявление в литературном произведении. Помимо автора, который, естественно, выступает на первый план, в романе или рассказе можно обнаружить и другие субъекты, с чьей точки зрения, через чье восприятие в отдельно взятом отрезке ведется повествование. Стилистика различает прямую речь (это может быть и сам автор повествования, и персонажи, ведущие монологи и диалоги), а также “чужую речь”, которую можно подразделить на косвенную и несобственно-прямую или несобственно-авторскую речь. К последнему типу речи можно отнести внутренний монолог, отдельные фразы или слова, принадлежащие другому субъекту — персонажу, а не повествователю. Кроме того, в несобственно-авторской речи мы также можем обнаружить субъекта, через чье восприятие автор показывает события или героев. В этом случае на первый план выходит проблема взаимодействия точек зрения автора и персонажа в литературном произведении, а также вопрос о лингвистических — лексических или грамматических — средствах разграничения этих точек зрения. В этой связи полезными инструментами являются дейктические слова — шифтеры, ориентированные относительно субъекта речи. Дейксисом, в соответствии с высказываниями Лайонза [10, с. 170] определяется структура и интерпретация высказываний по параметрам места и времени произнесения, личности говорящего и слушающего и предметов, и событий в самой ситуации произнесения высказывания.

Имеются многочисленные примеры употребления Past Perfect в качестве дейктического шифтера — переключателя повествования с чисто авторской речи на несобственно-авторскую — внутреннюю речь героя.

Небольшую повесть “The Under Dog” А. Кристи [8, с. 155] начинает так: Lily Margrave smoothed her gloves out on her knee with a nervous gesture, and darted a glance at the occupant of the big chair opposite her.

She *had heard* of M. Hercule Poirot, the well-known investigator, but *it was the first time she had seen him in the flesh*.

The comic, almost ridiculous, aspect that he presented *disturbed her conception of him*. *Could this funny little man, with egg-shaped head and the enormous moustaches, really do the wonderful things that were claimed for him? His occupation at the moment struck her as particularly childish*.

Первое предложение — авторская прямая речь, об этом говорит выражение “darted a glance” — этот быстрый взгляд описан со стороны, словами автора. Во втором абзаце читатель подготавливается к тому, что далее повествование пойдет через точку зрения персонажа, — в несобственно-авторском изложении. Об этом говорит порядковое числительное “first” и употребление Past Perfect, которые здесь переключают восприятие читателя на точку зрения персонажа. Третий абзац начинается с предложения, в котором речь идет о мыслях Лили Маргрейв — “disturbed her conception of him”. Далее — вопрос, который она сама себе задает — её внутренняя речь. И в следующем предложении она оценивает его действия со своей точки зрения: His occupation at the moment struck her as particularly childish.

Еще один пример из романа А. Кристи “By the Pricking of My Thumbs” [7, с. 5] может служить иллюстрацией авторской прямой речи (самой Агаты Кристи, которая в данном случае присоединяется к размышлениям героини — Тапенс). На протяжении двух с лишним абзацев на стр. 5 автор рассуждает о трудностях, которые представляют собой весьма пожилые родственники для своих родных. Причем эти рассуждения (в отличие от всего повествования) даны в настоящем времени — Present Simple. Именно употребление данного грамматического времени позволяет считать этот отрезок текста рассуждениями самой А. Кристи, автор является субъектом речи. Затем автор переходит к несобственно-авторской речи:

Tuppence Beresford's own aunt — Great-aunt Primrose — *had been* a notable trouble maker. *Impossible to satisfy her*. No sooner did she enter an establishment guaranteed to provide a good home and all comforts for elderly ladies than after writing a few highly complimentary letters to her niece praising that particular establishment, the next news would be that she had indignantly walked out of it without notice.

В отличие от своих собственных рассуждений — в Present Simple, (с которыми, возможно, солидаризируются Таппенс и её муж Томми — см. слова “their eyes met” в начале абзаца), автор рассказывает о тетушке Таппенс — Примроуз — при помощи несобственно-авторской речи. На это указывает употребление Past Perfect, слова “own” (как противопоставление тому, что А. Кристи — автор (в авторской речи) — говорит о своих собственных родственниках), а также грамматически неполное предложение “Impossible to satisfy her”, указывающее на то, что это внутренняя речь персонажа — Таппенс. Таким образом здесь мы видим два субъекта речи — автора и персонажа в одном абзаце.

А. Кристи часто пользуется приемом несобственно-авторской речи, чтобы показать события через внутреннюю речь персонажа. Например, шестая глава на стр. 47 в той же книге начинается так:

“Oh, dear,” sighed Tuppence, “oh, dear.” She looked round her with gloomy eyes. Never, *she said to herself*, had she felt more miserable. Naturally she had known she would miss Tommy, but she had no idea how much she was going to miss him.

During the long course of their married life they had hardly ever been separated for any length of time. Starting before their marriage, they had called themselves a pair of 'young adventurers'. They had been through various difficulties and dangers together, *they had married, they had had their two children*, and just as the world was seeming rather dull and middle aged to them, *the second war had come about* and in what seemed an almost miraculous way *they had been tangled up yet again* on the outskirts of the British intelligence. A somewhat unorthodox pair, *they had been recruited* by a quiet nondescript man called himself "Mr. Carter," but to whose word everybody seemed to bow. *They had had adventures*, and once again *they had had them* together. This, by the way, had not been planned by Mr. Carter. Tommy alone had been recruited. But Tuppence, displaying all her natural ingenuity, *had managed* to eavesdrop in such a fashion that *when Tommy had arrived* at a guest house on the sea coast in the role of a certain Mr. Meadows, the first person *he had seen* there had been a middle-aged lady plying knitting needles, *who had looked up at him* with innocent eyes and *whom he had been forced* to greet as Mrs. Blenkinsop. *Thereafter they had worked* as a pair.

"However," *thought Tuppence to herself*, "I can't do it this time."

Первое предложение в приведенном примере — косвенная речь, вводимая словами автора "she said to herself," далее же — перечисление событий в жизни героев — Таппенс и ее мужа Томми Бересфордов дано как несобственно-прямая речь персонажа — последовательно, начиная с их молодости перед второй мировой войной и до их зрелых лет и участия в контрразведывательной деятельности. Причем эта последовательность действий дается при помощи Past Perfect, каждый раз напоминая нам, что это внутренний монолог Таппенс, о чем говорят и слова — "Tuppence thought to herself" — в последней строчке. В приводимом примере подчеркнуты случаи анафорического употребления Past Perfect для напоминания читателю о том, что это внутренняя речь героя, в прямой речи здесь было бы использовано время Past Simple, так как передается последовательная цепочка действий, следующих одно за другим. Рассказывая о событиях через внутреннюю речь героя и употребляя Past Perfect, автор заставляет читателя вновь и вновь возвращаться к осознанию того, что события подаются через воспоминания героя, «погружаться» в его мир, в мир романа, воспринимать события через сознание персонажа, следовать за ним в этом вымышленном мире.

Еще один интересный пример данного рода мы находим в книге D. Acemoglu & J. Robinson *Why Nations Fail* [5, с. 40]:

Sam *has made* his money in the Mexican economy in large part thanks to his political connections. When *he has ventured* into the United States, *he has not been successful*. In 1999 his Grupo Carso bought the computer retailer CompUSA. и далее в том же абзаце: When Slim was subject to the institutions of the United States, his usual tactics for making money didn't work.

Скорее всего в этом последнем примере мы видим анафорическое употребление Present Perfect, связывающее данное предложение с име-

ющимся выше в книге изложением становления мексиканского миллиардера Слива. Однако и тут отчетливо проступает второй субъект речи — сам Слим, а не только авторы книги. Причем в конце абзаца авторы повторяют ту же самую мысль, но используют Past Simple в похожем по синтаксису предложении, и здесь Слим выступает только как просто объект описания.

В отличие от первичной системы коммуникации — в прямой речи, где чаще всего субъект речи совпадает с говорящим, в несобственно-авторской речи — во внутренней речи персонажа литературного произведения, где помимо автора имеется и второй субъект — персонаж, мы видим употребление Past Perfect в дейктической функции, указывающей на субъект речи — персонажа. Аналогичные случаи на материале русского языка рассматривает Ю. Д. Апресян [1, с. 290]. В данном ракурсе анализируют дейктические единицы также Б. А. Успенский [3, с. 92, 95].

В лингвистической литературе имеются указания на дейктические свойства категорий времени и аспекта в английском языке. Например, М. Гэлбрейт пишет, что определенная и неопределенная референция, глагольное время и аспект, модальность в предложении нужно понимать с точки зрения эпистемиологии субъективного персонажа, а не в отношении коммуникации между автором и читателем [9, с. 33]. То есть, опираясь на эти дейктические свойства автор (писатель) вовлекает читателя в мир повествования, заставляя его следовать за героем, сопереживать ему. Таким образом в этих случаях помимо субъекта автора появляется еще один субъект повествования — персонаж, за которым и следует читатель — адресат.

Однако такое использование языковых единиц с целью вовлечения адресата характерно не только для повествования о вымышленных событиях литературы. “... речь человека никогда не звучит просто так, говорящий всегда ставит перед собой те или иные коммуникативные задачи, а значит убеждает, разубеждает, навязывает или опровергает ту или иную точку зрения” [4, с. 231]. Различные языковые единицы употребляются аналогичным образом и в риторике — если воспользоваться терминологией психологов — для “присоединения” и “ведения” слушателя и читателя.

Интересный случай употребления Present Perfect в такой дейктической функции имеется в радиообращении Дж. Буша [6] 26 мая 2001 года, переданном в День Поминовения, отмечающемся ежегодно в последний понедельник мая. В начале речи президент Дж. Буш говорит о том, как в Америке отмечают День Поминовения, посещая военные кладбища, возлагая венки. Далее он говорит:

We will remember the heroism, the hardship, the national gain and personal loss our wars have brought. America has been given so much, but of all our assets, resources and strengths, none have counted for more than the courage of young soldiers in the face of battle.

When war *has come*, the great decisions were made here at the White House. But when the orders went out and were received half a world away, victory *has always come down* to the people flying the planes, manning the ships, carrying the gun and the pack. They're the ones who *have cleared* the seas, crossed the rivers, charged the hills and covered the skies. They *have defended* us. They *have died* for us. They *have never disappointed* us. We're in their debt, more than a lifetime of Memorial Days could ever repay.

В первом предложении второго абзаца вместо Past Simple оратор прибегает к употреблению Present Perfect, “присоединяя”, приближая тем самым слушателей к событиям второй мировой войны, делая их актуальными для адресатов сегодняшнего дня, воодушевляя их, заставляя их сопереживать и “сочувствовать” героям прошлых войн. По-видимому, здесь появляется и второй субъект речи помимо самого президента Буша, вероятно, второй дейктический субъект здесь — адресат его речи — слушатели.

Похожий случай использования Present Perfect мы находим и в Геттисбергской речи Линкольна:

... We are met on a great battlefield of that war. We have come to dedicate a portion of that field, as a final resting place for those who here gave their lives so that nation might live. It is altogether fitting and proper that we should do this.

But in a larger sense, we cannot dedicate — we cannot consecrate — we cannot hallow — this ground. The brave men, living and dead, who struggled here, *have consecrated it*, far above our poor power to add or detract. The world will little note, nor long remember what we say here, but it can never forget what they did here. It is for us the living, rather, to be dedicated here to the unfinished work, which they who fought here *have thus so far nobly advanced*.

И здесь оратор, выбирая Present Perfect для описания тех, кто пожертвовали своими жизнями во имя свободы будущих поколений, тем самым приближает их к адресатам своей речи, заставляет слушателей встать на их точку зрения.

Мы попытались рассмотреть нетривиальные случаи употребления Past и Present Perfect, учитывая субъект речи, причем в приведенных примерах это не только автор высказывания, но и персонаж романа и даже адресат при риторическом употреблении этих глагольных форм. Ранее мы также рассматривали употребление неопределенного артикля так же с точки зрения прагматики [3]. Представляется, что в английском языке во многих случаях эти грамматические формы служат для выполнения прагматических целей. Только так можно объяснить употребление Present Perfect, Past Perfect и неопределенного артикля в вышеприведенных и многочисленных других случаях, что представляется полезным для герменевтики, исчерпывающего толкования текстов и понимания всего потенциала данных грамматических единиц.

Список литературы:

1. Апресян Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира. // Семиотика информатика. Вып. 28. М., 1986. С. 5–33.
2. Успенский Б. А. Поэтика композиции. СПб: Азбука, 2000. С. 9–280.
3. Снигаренко Г. П. Дейксис и маркеры интенциональности контекста // Материалы Второй научно-практической конференции “Магия ИННО: новое в исследовании языка и методики его преподавания”, 24–25 апреля 2015 г., М., 2015. — С. 438–443.
4. Тымбай А. А. Диалог в различных видах политического дискурса // Материалы Второй научно-практической конференции “Магия ИННО: новое в исследовании языка и методики его преподавания”, 24–25 апреля 2015 г., М., 2015. — С. 230–234.
5. Acemoglu A., Robinson, J. A. Why Nations Fail. PROFILE BOOKS LTD. London. 2012.
6. Bush, G. W. Radio Address of the President to the Nation. May 26, 2001/ President’s Weekly Address. [Electronic text data]. Mode of access: http://www.presidency.ucsb.edu/index_docs.php.
7. Christie A. By the Pricking of My Thumbs. New York: Signet, 2000.
8. Christie A. The Underdog. / The Adventure of the Christmas Pudding. London: HarpersCollins Publishers, 2002.
9. Galbraith M. Deictic Shift Theory and the Poetics of Involvement in Narrative / J. F. Duchan, G. A. Bruder, L. E. Hewitt (Eds.) // Deixis in Narrative: A Cognitive Science Perspective. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, 1995. P. 19–59.
10. Lyons G. Language and Linguistics. An Introduction. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.

Сведения об авторе:

Галина Павловна Снигаренко, к. ф. н., доцент МГИМО МИД России; Москва, Россия, e-mail: galinsnigar@mail.ru

PRAGMATICS OF MULTISUBJECTIVE TEXTS

Galina P. Snigarenko

Candidate of Philology, Associate Professor, MGIMO University, Moscow, Russia; e-mail: galinsnigar@mail.ru

Abstract

A multisubjective text has several deictic centres through which not only the author’s point of view but that of a character in the story is realized. Stylistically multiple subjects manifest themselves in represented and inner speech. Multiple subjectivity can be marked by deictic shifters: articles, verb tense and aspect, modal verbs. Narration can be done through the character’s conscience and perception. By following the character closely, “sharing the character’s emotions”, identifying with the deictic subject the reader empathizes with the character. Various grammatical means expressing the author’s intention to manipulate the addressee are analysed in literary and political texts.

Key words: multiple subjectivity, represented speech, deixis, empathy, pragmatics.

References:

1. Apresyan, Yu. D. (1986). Deixis v lexike I grammatike I naivnaya model mira [Deixis in Lexics and in Grammar and the World Naive Model] *Semiotika informatika* [*Semiotics informatics*], 28, 5–33.
2. Uspensky, B. A. (2000). Poetika kompozitsii [Poetics of Composition] SPb: Azbuka.
3. Snigarenko, G. P. (2015). Deixis i markery intensionalnosti kontexta [Deixis and Context Intensionality Markers]. *Magia INNO: novoye v issledovanii yazyka i metodiki yego prepodavaniya* [Magic INNO: new linguistic and methods research], 438–443.
4. Tymbay, A. A. (2015). Dialog v razlichnykh vidakh politicheskogo diskursa [Dialogue in Different Types of Political Discourse]. *Magia INNO: novoye v issledovanii yazyka i metodiki yego prepodavaniya* [The Magic of Innovation: New Trends in Language Research and Teaching Foreign Languages], 230–234.
5. Acemoglu, A., and Robinson, J. A. (2012). *Why Nations Fail*. London: Profile Books Ltd.
6. Bush, G. W. (2001). Radio Address of the President to the Nation. May 26, 2001 / President's Weekly Address. [Electronic text data]. Retrieved 21 January, 2017 from http://www.presidency.ucsb.edu/index_docs.php.
7. Christie, A. (2000). *By the Pricking of My Thumbs*. New York: Signet.
8. Christie, A. (2002). *The Adventure of the Christmas Pudding*. London: Harpers Collins Publishers.
9. Galbraith, M. (1995). Deictic Shift Theory and the Poetics of Involvement in Narrative / J. F. Duchan, G. A. Bruder, L. E. Hewitt (Eds.) // *Deixis in Narrative: A Cognitive Science Perspective*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, P. 19–59.
10. Lyons, G. (1981). *Language and Linguistics. An Introduction*. Cambridge: Cambridge University Press.

Рекуррентные лингвистические единицы как механизм управления социальной значимостью информации в масс-медиа

О. И. Титкова

Международный университет в Москве

Аннотация

Статья посвящена рекуррентности и рекуррентным единицам как рефлексии социальной значимости в системе коммуникаций, актуальному знанию, моделируемому социальными акторами посредством современных коммуникационных технологий через существующие каналы информации. Рассматриваются категория актуальности в качестве ка-

тегории *ad hoc*, масштабирующей восприятие социальной значимости в локальном и темпоральном параметрах, идентификационные критерии и лингвокогнитивные параметры рекуррентных единиц. Особое внимание уделяется феномену прогнозирования рекуррентности, основанному на управлении частотностью актуальной лексики в СМИ. Моделирование социальных смыслов в концептуальном поле рекуррентности интерпретируется автором как действенный способ влияния на массовое сознание, формирование аксиологического потенциала рекуррентных единиц определенного периода времени закладывается в основу критериев диагностики социальной значимости событий и явлений в обществе. В статье прослеживается причинно-следственная связь между характером формирования рекуррентности и степенью социальной ответственности масс-медиа за поддержание социальной стабильности социума в рамках гуманизации коммуникационного пространства.

Ключевые слова: социальная значимость, прогнозирование частотности, рекуррентные единицы, категория актуальности, социальные акторы, моделирование коммуникационного пространства.

В данной статье мы хотели бы обратиться к некоторым социолингвистическим и когнитивным основаниям формирования социальной значимости событий и явлений в масс-медиа; ее рефлексии в коммуникации, получившей в нашей интерпретации терминологическое обозначение “рекуррентность”, а также социально значимым лингвистическим единицам, которые исследователи называют рекуррентными (далее — РЕ) [1; 5; 6]. В любом обществе РЕ отражают дух времени (*возвращение в родную гавань; Олимпиада 2014; Нас не догонят...*), ибо транслируют посредством масс-медиа определенные “социальные смыслы”, аккумулирующие знания “о прошлом и настоящем, эмоциональных переживаниях и желаниях, распределенных в индивидуальной памяти современников, образующих данное общество” [4, с. 76].

Продолжительность существования подобных социальных смыслов в сознании членов социума, то есть “продолжительность жизни” рекуррентных единиц в условиях массовой культуры обуславливается сохранением их аксиологической целостности в процессе частотного обращения к ним масс-медиа, а также их возможной трансляции в течение длительного времени, в некоторых случаях из поколения в поколение, в других источниках культуры. В условиях массовой культуры масс-медиа являются естественной средой функционирования рекуррентных единиц, ибо данный социальный институт обладает “двумя существенными возможностями влияния: отбор новостей и изменение значимости новостей. В результате нечто может быть скрыто или ему можно поменять его статус” [3, с. 143–144].

Изложенное позволяет обозначить идентификационные критерии РЕ, к которым мы относим частотность, аксиологичность, а также наличие

имплицитно / эксплицитно выраженных локально-временных характеристик [6]. Заметим, что именно аксиологические характеристики РЕ являются определяющим фактором, обуславливающим потребность в цикличности их последующего тиражирования (*9 мая; 23 февраля, 18 марта* и др.) и в формировании их социокультурной ценности, в том числе в сореккуррентных единицах в рамках постоянно изменяющих свои границы концептуальных полей рекуррентности (*А нынче нам нужна одна победа; Спасибо деду за победу!; Есть такая профессия...; Офицеры, офицеры...; Крым наш!; вежливые люди* и т.д.). Отметим, что под концептуальным полем рекуррентности мы понимаем множество актуальных концептов в массовом сознании членов социума [6].

Важнейшим звеном концептуального поля рекуррентности является его аксиологическое ядро — РЕ-национальные культурные константы (*Родина, душа* и др) — являющееся ценностно-смысловой основой формирования новых РЕ.

Следует отметить, что анализ аксиологического потенциала РЕ определенного периода времени может послужить критерием диагностики социальной стабильности социума и надежной основой социологических, исторических и социолингвистических исследований. Управление частотностью РЕ в масс-медиа может привести как к распространению эмоций страха, ненависти или паники (*теракт в Ницце, Одесса / 2 мая*), так и к формированию позитивных социальных смыслов, программирующих действия взаимопомощи и поддержки (*Всем миром!, Добро!* и др.). Таким образом, моделирование социальных смыслов в концептуальном поле рекуррентности являет собой эффективный способ влияния на массовое сознание, а формирование аксиологического вектора рекуррентности коррелирует с развитием социальной ответственности, в том числе масс-медиа за устойчивость современного коммуникационного пространства.

Признак высокой частотности, будучи переменной характеристикой, присущ, в первую очередь, так называемым собственно рекуррентным единицам, номинирующим в масс-медиа события и явления, которыми социум живет в настоящий момент: такие РЕ одновременно маркируют время и место соответствующего социального события / явления, признаваемого значимым, то есть имеют характеристики социального хронотопа. Как известно, в рамках различных наук различают время циклическое и линейное, поэтому и “язык отражает время, которое движется двумя способами”: “либо линейно”, “либо по кругу, циклично” (например, “на майские”, “к октябрьским”) [2, с. 82].

Однако многие РЕ периодически достигают высоких порогов частотности, подвергаясь “реактуализации” в “циклическом времени” (*бессмертный полк; 18 марта; Победа*), — такую частотность РЕ мы называем прогнозируемой. Именно прогнозирование частотности служит средством формирования закрепленных социальных смыслов в обществе. Разумеется, вопрос частотности употребления социально значимых

лингвистических единиц корреспондирует с проблемой скорости распространения информации и массовости ее использования. В этой связи необходимо упомянуть современный тип социально значимых единиц — интернет-мемы, скорость и характер распространения которых за счет развитой инфраструктуры современного коммуникационного пространства и яркости их формы сопоставимы с медиа-вирусом [10].

Итак, рекуррентность есть рефлексия формирования социальной значимости в системе коммуникаций, иными словами, актуальное знание, моделируемое социальными акторами через современные каналы информации. В качестве когнитивного основания актуализации знаний мы рассматриваем тип категоризации *ad hoc* [7; 8; 9; 11], ибо актуальность представляет собой форму аксиологической оценки события или явления социальными субъектами по критерию социальной значимости в определенных параметрах социального хронотопа, то есть в заданный отрезок времени и в заданной точке пространства (конкретном социуме). В соответствии с известной “теорией точки обзора” / “VantagePoint-Theory” [8; 9], именно перспектива определяет и “масштаб изображения” (zoom-in/ zoom-out) в пространстве. Для интерпретации феномена рекуррентности полезно применить “масштабирование изображения” не только в пространстве (личностном, социума в целом), но и во времени: актуальность событий и явлений можно рассматривать в любом “темпоральном разрешении” — дня, недели, месяца, года, десятилетий, столетий (ср. “слово года”, “слово столетия”; “афоризм дня”, “событие эпохи” и т.п.).

Таким образом, РЕ являются ценным источником информации о долговременной социальной памяти общества, социальных смыслах и чувствах, то есть о его истории и настоящем. Специфика объективации РЕ в масс-медиа позволяет не только актуализировать информацию, но и формировать направление развития аксиологических параметров социальной значимости событий и явлений. Главным вектором такого развития мы считаем **гуманизацию коммуникационного пространства** посредством сохранения аксиологического потенциала культурных констант, в том числе, за счет управления частотностью употребления сорекуррентных единиц, а также развитие социальной ответственности масс-медиа за характер моделирования современного коммуникационного пространства.

Список литературы:

1. Белокопытова И. А. Рекуррентность как лингвокультурная категория (на материале русского и немецкого языков): Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Белокопытова Ирина Алексеевна; Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Кубанский государственный университет». Майкоп, 2010. 193 с.
2. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие. 5-е изд. М.: Флинта: Наука, 2011. 296 с.

3. Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. М.: Рефл-бук — К.; Ваклер, 2001. 656 с.
4. Соколов А.В. Общая теория социальной коммуникации: учебное пособие. СПб.: Изд-во В.А. Михайлова, 2002. 461 с.
5. Терехова Е.В. Статус и функционирование рекуррентных конструкций в политическом дискурсе современного английского языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / Терехова Евгения Викторовна; Институт языкознания РАН. М., 2012. 50 с.
6. Титкова О.И. Лингводидактические основы моделирования современного коммуникационного пространства: автореф. дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.02 / Титкова Ольга Ивановна; Московский государственный лингвистический университет. М., 2015. 45 с.
7. Barsalou, L. W. Context-independent and context-dependent information in concepts // *Memory and Cognition*. 1982, no 10. P. 82–93.
8. Casad, E. H. Speaker Vantage Point and Canonical Event Structure in Cora. Duisburg: Linguistic Agency University Duisburg, 1989.
9. MacLaury, R.E. Vantage theory // *Language and the Cognitive Construal of the World* / J.R. Taylor, R. E. MacLaury (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 1995. P. 231–276.
10. Rushkoff D. *Media Virus: Hidden Agendas in Popular Culture*. Ballantine Books, 1996.
11. Smith L., Samuelson L. Perceiving and Remembering: Category Stability, Variability and Development // *Knowledge, Concepts and Categories* / K. Lamberts, D. Shanka (eds.). Hove, UK: Psychology Press, 1997. P. 161–196.

Сведения об авторе:

Титкова Ольга Ивановна, д. п. н., к. ф. н., заведующий кафедрой иностранных языков, Международный университет в Москве, Москва, Россия; e-mail: olgatitkova@mail.ru

**RECURRENT LINGUISTIC UNITS AS A MECHANISM OF
MANAGING THE SOCIAL SIGNIFICANCE OF INFORMATION
IN THE MASS MEDIA**

Olga I. Titkova

Doctor of Pedagogics, Candidate of Philology, Head of the department of foreign languages, the International University of Moscow, Moscow, Russia; e-mail: olgatitkova@mail.ru

Abstract:

The article is dedicated to recurrence and recurrent units as a reflection of social significance in the communication system, and to actual knowledge that is modelled by social actors with modern communication technologies through communication channels. The author considers the category of actuality as ad hoc category upscaling the perception of social significance in the local and temporal parameters, identificational categories and linguo-cognitive

parameters of recurrent units. The main emphasis is put on recurrence prediction based on the management of high use of topical vocabulary in Mass Media. Social messages modelling is interpreted by the author as an effective way to influence collective consciousness; forming of recurrent linguistic units axiological potential lays the groundwork for diagnostic criterion of social significance of events and phenomena in modern society. The article refers to a causal relationship between recurrence forming and mass media responsibility for social stability and sustainable communicatory space humanization.

Key words: social significance, prediction of frequency, recurrent linguistic units, category of actuality, social actors, modelling of the communicatory space.

References:

1. Belokopytova, I. A. (2010). Rekurrentnost kak lingvokulturnaya kategoriya (na materiale russkogo i nemetskogo yazykov) [Recurrency as Linguocultural Category (based on Russian and German)]: Dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. Kubanskiy gosudarstvenniy universitet. Majkop. 193 s.
2. Maslova, V. A. (2011). Vvedeniye v kognitivnyuyu lingvistiku [Introduction into cognitive linguistics]. Moskva: Flinta: Nauka.
3. Pocheptsov, G. G. (2001). Teoriya kommunikatsii [Theory of Communication]. Moskva: Refl-buk — K.; Vakler.
4. Sokolov, A. V. (2002). Obshchaya teoriya sotsialnoy kommunikatsii: utchebnoye posobiye [General Theory of Social Communication]. Sanktpetersburg: Izd-vo V. A. Mikhaylova.
5. Terekhova, E. V. (2012). Status i funktsionirovaniye rekurrentnykh konstruksiy v politicheskom diskurse sovremennogo angliyskogo yazyka [Status and Functioning of Recurring Constructions in Political Discourse of Modern English]: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.04 / Terekhova Yevgeniya Viktorovna; Institut jazykoznanija RAN. M., 2012. 50 s.
6. Titkova, O. I. Lingvodidakticheskiye osnovy modelirovaniya sovremennogo kommunikatsionnogo prostranstva [Linguo-didactic Basics of Modelling Modern Communicative Space]: avtoref. dis. ... d-ra ped nauk: 13.00.02 / Titkova Olga Ivanovna; Moskovskiy gosudarstvenniy lingvisticheskiy universitet. M., 2015. 45 s.
7. Barsalou, L. W. (1982). Context-independent and context-dependent information in concepts. *Memory and Cognition*, 10, 82–93.
8. Casad, E. H. (1989). Speaker Vantage Point and Canonical Event Structure in Cora. Duisburg: Linguistic Agency University Duisburg.
9. MacLaury, R. E. (1995). Vantage theory. Language and the Cognitive Construal of the World. J. R. Taylor and R. E. MacLaury (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter.
10. Rushkoff, D. (1984). Media Virus: Hidden Agendas in Popular Culture. Ballantine Books.
11. Smith, L., and Samuelson, L. (1997). Perceiving and Remembering: Category Stability, Variability and Development. Knowledge, Concepts and Categories. K. Lamberts and D. Shanka (eds.). Hove, UK: Psychology Press.

СЛОЖНЫЕ ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ СОСТОЯНИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЯЗЫКА И СОЗНАНИЯ

Т. Н. Яблокова
МГИМО МИД России

Аннотация

Статья посвящена исследованию сложных эмоциональных состояний с позиции психолингвистики и когнитивистики, автор детально изучает такое психическое состояние, как эмоциональная амбивалентность. На материале современного английского языка в статье предпринята попытка концептуализации данного состояния, категоризации компонентов его внутренней структуры, определения его центральных и периферийных признаков. На основании данных лингвистического анализа научно-популярных текстов, репрезентирующих концепт ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ АМБИВАЛЕНТНОСТЬ/ EMOTIONAL AMBIVALENCE, были построены метафорические модели концепта, прототипический и парапрототипические сценарии эмоциональной амбивалентности, в которых данное состояние рассматривается через “Я”-модусную и “не-Я”-модусную рамку наблюдения. Изучение компонентов эмотивной концептосферы, способов вербализации и когнитивных сценариев данного эмоционального переживания позволяет понять суть сложных психологических явлений и специфицировать амбивалентные эмоции.

Ключевые слова: концептуализация эмоций, эмоциональная амбивалентность, амбивалентные эмоции, когнитивный сценарий, метафорическая модель.

Под амбивалентностью в психологии понимается одновременное сосуществование антагонистических чувств и эмоций, мыслей и идей, намерений и желаний относительного одного объекта или события. Раздвоение аффективного и рационального отмечается в отношении чувств и эмоций (эмоциональная амбивалентность), мышления (интеллектуальная амбивалентность), воли (мотивационная амбивалентность).

В рамках когнитивной лингвистики амбивалентность представляет собой макрополе, включающее абстрактные концепты внутреннего мира человека: эмоции, чувства, интуицию, восприятие, воображение, внимание, волю, желания, намерения. Границы концептов пересекаются и накладываются друг на друга, так как аффективные и ментальные свойства психики находятся в тесной взаимосвязи. Компоненты макрополя представляют контрастирующие пары по оппозиции рациональное-иррациональное, внутреннее-внешнее, идеальное-телесное.

Для нашего исследования особый интерес представляет эмотивный концепт ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ АМБИВАЛЕНТНОСТЬ/ EMOTIONAL

AMBIVALENCE, являющийся компонентом макрополя АМБИВАЛЕНТНОСТЬ. Под концептом вслед за Н. А. Красавским мы понимаем сложное структурированное когнитивно-ментальное образование, проецирующее психические переживания человека; как правило, вербализованное, культурно и этнически обусловленное, и включающее в себя понятийный, образный и ценностный компоненты [1].

В исследовании мы используем схему изучения концептов, предложенную З. Ковешем [4], согласно которой структура эмоциональных концептов состоит из четырех компонентов: 1) системы концептуальных метонимий, 2) системы концептуальных метафор, 3) системы родственных концептов, 4) системы когнитивных сценариев. Концепт имеет понятийное ядро, центральную часть и периферию, представленную ценностно-оценочными компонентами.

На первом этапе исследования концепт эмоциональная амбивалентность изучается на материале текстов научно-популярных журналов, сайтов и блогов по практической психологии, так как в данном материале идет прямая номинация состояния, что позволяет более глубоко понять суть психологического состояния, а также изучить корпус языковых средств вербализации данного явления в обыденном сознании англоговорящей культуры.

Ядром концепта ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ АМБИВАЛЕНТНОСТЬ/ EMOTIONAL AMBIVALENCE являются концепты ЭМОЦИЯ/ EMOTION, КОНФЛИКТ/ CONFLICT. Центральную часть внутренней структуры образуют такие родственные концепты, как “оппозиция” (opposition, contradiction, clash, dilemma, choice), “сомнение” (uncertainty, doubt, irresolution, unsureness, dubiousness), “нерешительность” (indecision, wavering, hesitation, fluctuation, vacillation), “неясность” (unclearness, vagueness, haze), “замешательство/путаница” (quandary, confusion, perplexity, muddle). Периферийная часть концепта образована ценностно-оценочными компонентами, базирующимися на образно-ассоциативных признаках.

Ядерным понятийным параметром концепта является интегральная сема “эмоциональное состояние”. Другими интегральными семантиками являются: “интенсивность эмоционального состояния”, “переживание эмоционального состояния с указанием или без указания ее каузатора”, “процессуальный характер эмоционального состояния”, “продолжительность эмоционального состояния”, “связь с другими эмоциональными состояниями”.

Эмоциональная зона концепта образована полярными эмоциональными состояниями, соответствующие базовым эмоциям и сложным чувствам одинаковой степени интенсивности: Love — Hate, Love — Resentment, Joy — Feeling of Hurt, Joy — Sadness, Happiness — Sadness, Optimism — Sadness, Hope — Fear, Content — Hopelessness, Satisfaction — Disappointment, Devotion — Hostility, Excitement — Frustration, Support — Negativity, Admiration — Envy, Admiration — Anger.

Компоненты структуры концепта EMOTIONAL AMBIVALENCE метонимически репрезентируют концепт ЧЕЛОВЕК посредством активизации конвенциональной метонимической модели ЧАСТЬ (EMOTION, MIND) — ЦЕЛОЕ (ЧЕЛОВЕК). Физиологически эмоциональное состояние концептуализуется следующей метафорой: эмоциональная амбивалентность — обездвижение, парализация (tightness of body parts, paralysis).

На когнитивном уровне эмоциональный концепт AMBIVALENCE концептуализуется следующими метафорическими моделями:

- 1. пространственная метафорическая модель**
ориентация “вперёд-назад/ разные направления” (pulled back and forth; floating between different directions)
положение “между/дисбаланс” (torn between; alternate between; to find balance; imbalance)
- 2. антропоморфная метафорическая модель**
амбивалентность — “личность/раздвоение личности” (split personality; duel personality; part of you; true personality)
амбивалентность — “враг” (to mourn the losses; beleaguered feelings; liberating moments)
- 3. натуроморфная метафорическая модель**
амбивалентность — “неясность/ туман” (haze; haziness; unclearness; lack of clarity)
- 4. сенсорно-перцептивная метафорическая модель**
амбивалентность — “болезнь/ боль/ страдание” (tolerate ambivalence; plagued; become intractable; heal core emotions; torture)
температурная метафора: амбивалентность — “холод/тепло” (hot and cold thing; become frozen)
цветовая метафора “чёрный/ белый/ серый” (black and white; the grey area; shades of grey)

Культурно-релевантными для английского эмоционального концепта EMOTIONAL AMBIVALENCE являются признаки активного переживания данного эмоционального состояния, необходимость и невозможность его контроля (cope with ambivalence; overcome ambivalence; out of control; lack of power). Ключевой метафорической моделью эмоциональной амбивалентности является метафора выбора и идеализации действительности (the paradox of choice; the tyranny of choice; the choice is always painful; torn between the equally good or bad choices/ forever unrealized fantasy; idealized expectations an underlying perfectionism). Данный вид метафоры раскрывает метакогнитивный уровень осознания и осмысления внутреннего мира человека и его бытия [2]: представления человека часто не соответствуют действительности, гармоничность жизни нарушается, если человек не может осуществить выбор, отсутствие противоречивостей — является эталоном, к которому он стремится.

Состояние эмоциональной амбивалентности в научно-популярном тексте представлено через “Я”-модусную рамку и “не-Я” модусную рам-

ку наблюдения (терминология и схема предложена Л. О. Трушковой) [3]. Совпадение субъекта чувствующего и субъекта говорящего выражается “Я”-модусной рамкой, которая позволяет глубже проникнуть во внутренний мир человека. В нашем случае субъект подробно описывает свое состояние, эмоции, ситуацию возникновения амбивалентного состояния. Несовпадение чувствующего субъекта и субъекта речи, в роли которого выступает наблюдатель (психолог, психотерапевт), не являющийся субъектом эмоционального состояния и интерпретирующий видимые симптомы как состояние эмоциональной амбивалентности, образует “не-Я” модусную рамку.

Амбивалентные эмоции в большинстве случаев возникают во взаимоотношениях членов семьи, супружеских пар, молодых пар, желающих вступить в брак, в дружеских отношениях, также были зафиксированы частные случаи амбивалентных эмоций во взаимоотношениях с коллегами по работе и вызванные ролью волонтера.

На основании данных лингвистического анализа текстов, репрезентирующих концепт ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ АМБИВАЛЕНТНОСТЬ / EMOTIONAL AMBIVALENCE, была построена модель прототипической ситуации эмоциональной амбивалентности и парапрототипические сценарии эмоциональной амбивалентности. Прототипическая ситуация эмоционального состояния амбивалентности включает в себя субъект состояния, само эмоциональное состояние, его причину.

Причина, как элемент структуры прототипической ситуации эмоционального состояния, представляет собой событие (расставание, развод), а также относятся к явлениям ментального характера (мысли, воспоминания, чувства). Рассматривая причину эмоциональной амбивалентности через не-Я модусную рамку, со стороны наблюдателя, мы можем охарактеризовать реальные события и явления ментального характера как неразрешённый конфликт, причина также заложена в самой природе человека разделять все на противоположности.

К парапрототипическим моделям относятся следующие сценарии:

“Я”-модусная рамка

1. Emotional Ambivalence — Self-Exploration — Inability to control — Destruction (состояние эмоциональной амбивалентности-рефлексия-неспособность контролировать эмоциональное состояние-деструктивное состояние)
2. Emotional Ambivalence — Self-Exploration — Attempts to control — Adoption (состояние эмоциональной амбивалентности-рефлексия-попытка контроля состояния-адаптация (позитивное принятие эмоционального состояния)).

“Не-Я”-модусная рамка позволяет сделать более глубокий анализ причин состояния, а также представляет способы разрешения внутреннего конфликта.

Таким образом, комплексный подход к исследованию сложных эмоциональных состояний, одним из которых является эмоциональная ам-

бивалентность, с позиций когнитологии и психолингвистики, позволяет реконструировать когнитивный сценарий протекания данного эмоционального состояния, выстроить метафорическую модель репрезентации эмоциональной амбивалентности в обыденном сознании англоговорящей культуры, определить родственные концепты, входящие в понятийную структуру концепта ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ АМБИВАЛЕНТНОСТЬ/ EMOTIONAL AMBIVALENCE.

Список литературы:

1. Красавский Н. А. Динамика эмоциональных концептов в немецкой и русской лингвокультурах : автореф. дис. ... д-ра филол.наук: 10.02.20/ Красавский Николай Алексеевич; ВГПУ. — Волгоград, 2001. — 40 с.
2. Песина С. А. Когнитивный и антропоцентрический подход к процессу коммуникации/ С. А. Песина, А. С. Дружинин // Вестник БГУ. 2016. №4. С. 161–166.
3. Трушкова Л. О. Эмоциональный концепт SADNESS : дисс. ... канд.филол.наук: 10.02.04/ Трушкова Любовь Олеговна; ИГЛУ. — Иркутск, 2010–164 с.
4. Kövesces, Z. (1990). *Emotion Concepts*. New York: Springer-Verlag.

Сведения об авторе:

Яблокова Татьяна Николаевна, к. ф. н, доцент, МГИМО МИД России, г. Москва, Россия; e-mail: tanyayablokova@rambler.ru

COMPLEX EMOTIONAL STATES THROUGH THE PRISM OF LANGUAGE AND COGNITION

Tatiana N. Yablokova

Candidate of Philology, Associate Professor, MGIMO University, Moscow, Russia; e-mail: tanyayablokova@rambler.ru

Abstract

The article seeks to advance the study of complex emotional states from a psycholinguistic and cognitive perspective, the author focuses on the study of emotional ambivalence. Based on the analysis of Modern English, the research contributes to the conceptualization of emotional ambivalence and the categorization of its structural components. The linguistic analysis of popularized scientific texts attempts to identify basic and modified scenarios of emotional ambivalence interpreting the expression of the emotional state through the I-mode and Observer-mode. The conceptual framework of EMOTIONAL AMBIVALENCE based on metaphors and metonymy and a set of cognitive scripts typical of emotional ambivalence reveals the nature of complex emotions and facilitates recognition and specification of the emotions in context.

Key words: conceptualization of emotions, emotional ambivalence, ambivalent emotions, cognitive script, metaphorical model.

References:

1. Krasavski, N. A. (2001). Dinamika emocionalnyh konceptov v nemetskoj i russkoj lingvokulturah [Dynamics of Emotive Concepts in the German and Russian Linguocultures]: Avtoref.dis...d-ra filol.nauk. Volgograd. — 40 s.
2. Pesina, S. A., and Druzhinin, A. S. (2016). Kognitivnyj i antropocentricheskij podhod k processu kommunikacii [Cognitive and Anthropocentric Approach to Communication Process]. *Vestnik BGU [The Bryansk State University Bulletin]*, №4. 161–166.
3. Trushkova, L. O. (2010). Emocionalny koncept SADNESS [The Emotive Concept Sadness]: diss...kand.filol.nauk.Irkutsk. — 164 s.
4. Kövesces, Z. (1990). *Emotion Concepts*. — New York: Springer-Verlag.

Секция 4

**Лингвистические
и лингводидактические
проблемы диалога
культур**

Образ “джентльмен”: лингвокогнитивный статус в языковой картине мира

Г. В. Абилова
ЧОУ ДОО “Евровижн”

Аннотация

Изучение лингвокогнитивного статуса образа как важного компонента языковой картины мира предполагает описание образформирующих систем, в том числе и ценностных ориентаций представителей лингвокультуры. Проведенный в ходе исследования лингвистический эксперимент позволил сделать выводы о том, что носители русского и английского языков акцентируют внимание на разных ценностных составляющих образа “джентльмен”: для первых это “отношение к женщинам”, “эмоциональное состояние”, “черты характера, моральные качества и ценности”, для вторых — “схожесть с образом кинозвезды”, “материальный достаток” и “физические качества”. Выявленные различия в восприятии образа “джентльмен” позволяют избирать корректный вектор в межкультурном взаимодействии.

Ключевые слова: языковая картина мира, образ, лингвокультура, лингвокогнитивный статус.

Необходимым этапом в конструировании языковой картины мира является осмысление человеком мира как совокупности явлений и предметов окружающей действительности, в результате которого формируются устойчивые представления о мире как совокупности смыслов, зафиксированных в сознании. Возникновение различных когнитивных структур, прежде всего концептов и образов, обусловлено конкретными обстоятельствами, определенными представлениями о мире, наличием знаний о социокультурных и исторически значимых событиях в жизни этноса и человечества в целом. Этнокультурный компонент облигаторен для структуры образа, поэтому изучение различных экстралингвистических факторов способно расширить представление об этом лингвокультурном феномене.

Выявление коррелятивных связей концепта и образа важно в координагах актуальной проблемы вербальности / невербальности сознания и мышления. Структура концепта, как известно, включает образные и рефлексивные компоненты: его формирование происходит путем “наслаивания” на ядерную (образную) составляющую рефлексивных компонентов, репрезентирующих социальный, перцептивный, эмпирический и деятельностный опыт человека (подробнее см. [1; 2; 5]). В отличие от абстрактности концепта (см. [6]) образ характеризуется наглядностью и конкретностью. Представляя собой базовый слой концепта, он обусла-

вликает в процессе формирования мыслительной единицы кодирование информации. Критерий оценочности и наглядности позволяет выявить соотношение когнитивного и лингвокультурного концептов с понятиями концепта и образа соответственно.

С целью установления лингвокогнитивного статуса образа “джентльмен” в языковой картине мира нами был проведен лингвистический эксперимент посредством интернет-анкетирования русскоязычных и англоязычных респондентов в возрасте от 18 до 50 лет разного социального статуса и рода занятий (200 — русскоязычные, 200 — англоязычные), говорящие на британском английском и живущие в Великобритании). Респондентам был предложен вопрос “Кто, по вашему мнению, ‘джентльмен’: его образ, поведение, одежда, ценности?” (статистические данные лингвистического эксперимента отражены в таблице 1).

Таблица 1.

Характеристики образа “джентльмен”

Характеристики	Русскоязычные респонденты (%)	Англоязычные респонденты (%)
Внешность, физические качества	13	44
Отношение к женщинам	74	10
Материальный достаток	5	52
Черты характера, моральные качества и ценности	42	23
Эмоциональное состояние	37	7
Умственные способности	23	4
Схожесть с качествами, сформированными образом кинозвезды	6	60

В ответах англоязычных респондентов выделяются следующие доминанты: схожесть с образом кинозвезд, материальный достаток джентльмена, благородное происхождение, физические качества и внешность, черты характера, моральные качества и ценности, умственные способности.

Наибольшее количество ответов при определении образа джентльмена входит в тематический блок “Схожесть с образом кинозвезды”: *as 007* “как агент 007”; *suave as Jean Reno* “учтивый, как Жан Рено”; *as strong as Arnold Schwarzenegger* “сильный, как Арнольд Шварценеггер”; *funny like John Travolta* “веселый, как Джон Траволта”; *cute like Tom Cruise* “симпатичный, как Том Круз” и т.п. В ответах преобладают слова и выражения: *in the film* — “как в фильме”, *film-star* — “кинозвезда”, *from Hollywood* — “из

Голливуда». Вопрос «материальный достаток джентльмена» имеет следующие ответы: *Rich Handsome* «богатенький красавчик»; *status of a rich society* «статус богатого в обществе»; *His expensive car and many money* «у него шикарная машина и много денег»; *Gentleman is very influential in society, man and rich* «джентльмен очень влиятельный в обществе человек и богатый» и т.п. Наиболее частотны лексемы *money* «деньги», *rich* «богатый», *expensive* «дорогой», что говорит о видоизменении изначального образа «джентльмен» в английской культуре. Отметим, что характеристика образа «джентльмен» «благородное происхождение» в современном мире практически полностью утрачивает свою значимость.

Англоязычные респонденты, описывая физические качества и внешность джентльмена, отвечали следующим образом: *He has alluring eyes* «у него манящий взгляд»; *inflated* «накачанный»; *tanned* «загорелый»; *Anyone who looks striking* «тот, чья внешность бросается в глаза»; *nice and neat looks* «красиво и опрятно выглядит»; *he is an athlete* «он спортсмен»; *neat and tidy* «опрятен и аккуратен» и т.п. Такие ответы, как *choose the right costume elements* «правильно подобраны элементы костюма», *neat and tidy* «опрятен и аккуратен», *nice and neat looks* «красиво и опрятно выглядит», очень редки.

При описании характеристики «черты характера, моральные качества и ценности» респонденты дали такие ответы: *a gentleman should not deceive* «джентльмен не должен обманывать»; *the reputation of a gentleman is always important* «репутация джентльмена важна всегда»; *a gentleman to be intelligent* «джентльмен должен быть умен». При описании характера джентльмена респонденты часто для сравнения использовали представителей животного мира: *as constant as a dove* «верный, как голубка»; *timid as a deer* «робкий, как косуля»; *brave as a lion* «мужественный, как лев»; *happy as a bird* «веселый, как птица». Ответы на вопрос анкеты «отношение к женщинам» следующие: *He must respect women* «он должен уважать женщину»; *gentleman knows how to care for a woman* «джентльмен умеет ухаживать за женщиной». Характеристика «эмоциональное состояние» была описана так: *Gentleman does not show emotions* «джентльмен не проявляет эмоций»; *sympathetic* «сочувствует»; *controls emotions* «контролирует эмоции».

Ответы русскоязычных респондентов на вопрос «отношение к женщинам» распределились в статистическом отношении следующим образом (в порядке убывания): душевная и эмоциональная привязанность («Джентльмен отдается весь своим чувствам»; «Он не скрывает своих нежных чувств к женщине в обществе»; «Готов поддержать в трудную минуту»; «Глубокий интерес к женщине»); нравственность и порядочность («Он соблюдает этикет по отношению к женщине»; «Врожденное чувство ответственности по отношению к женщине»; «Не причиняет женщине боль»; «Очень постоянен и предан»); ухаживание («Джентльмен всегда дарит цветы»; «Только джентльмен способен заботиться о женщине»; «Джентльмен всегда говорит комплименты женщине»; «Умеет

поддерживать светскую беседу с девушкой”); материальная поддержка (“Он дарит подарки”; “Джентльмен должен обеспечивать женщину”; “Он обеспечивает семью полностью”); предоставление свободы выбора (“Джентльмен дает свободу выбора женщине”; “Женщина ему ничем не обязана”; “С ним решения принимаются совместно”).

Характеристика “черты характера, моральные качества и ценности” включает следующие признаки: дорожит честью и моралью (“Джентльмен не покидает товарища в нужде, опасности или беде”; “Он никогда не нарушит клятву верности”); “Дорожит своей честью”; “Верен своим целям”); имеет положительные черты характера (“Общительный”; “Очень смелый”; “Высокая степень владения собой”; “Хорошо развитая способность к планированию и выполнению действий”); обладает искренностью (“При разрешении неурядиц джентльмен найдет правду, так как сам честен”; “Готов говорить о своих глубоких убеждениях и взглядах”); делает жизнь женщины проще и легче (“Джентльмен берет на себя ответственность за судьбу женщины и ее детей”; “В трудную минуту всегда поможет”); гордится своей работой (“Джентльмен восхищается своей работой”); доброта “Джентльмен добрый и преданный”; “Только джентльмен может быть добрым и ласковым”); возвращается домой после странствий на чужбине (“Джентльмен возвращается домой, а не в другое место”; “Джентльмен любит свой дом и очаг и приходит туда”); учит детей уму-разуму (“Джентльмен учит людей, особенно детей, как себя вести”); “Только джентльмен может объяснить ребенку что правильно, а что нет”); создает собственный очаг (“Это человек, который заботится о семье”; “Он всегда будет стремиться создать комфортные условия для своих близких”).

Анализ результатов лингвистического эксперимента показал, что русскоязычные респонденты представляют образ “джентльмен” как нравственного, порядочного, общительного, почтительного и доброго мужчины.

Характеристика “эмоциональное состояние” раскрыта в следующих ответах: сокрытие негативных эмоций (“Не высказывает негодование”; “Способен полностью контролировать свои эмоции”); сдержанность (“Он сдержанный”; “Готов возместить потерю”); веселость (“Он всегда доволен”; “Джентльмен проявляет живость”; “Всегда воодушевлен”); умеет сочувствовать (“Джентльмен очень отзывчивый”; “Ответные эмоции сочувствия”).

Ответы русскоязычных респондентов при описании характеристики “внешность, физические качества” таковы: “Должен быть в шикарном костюме”; “У него опрятный вид”; “Мужественная фигура”; “Имеет красивый голос”; “Внешность не всегда шикарная, но всегда аккуратная и чистая”; “У джентльмена хороший вкус”; “У него одежда подобрана гармонично”; “Сильный”; “Подтянутый”; “Зрелый мужчина”.

Описывая характеристику “Умственные способности”, русскоязычные респонденты дали следующие ответы: “Джентльмен обязательно

умен”; “Он такой умный, что можно позавидовать”; “Главное, как он себя ведет, а не его ум”; “Ум должен быть, но не обязательно”. Ответы показывают, что в образе “джентльмен” для русскоязычных респондентов важно наличие ума, но это качество не обладает первостепенной ценностью. Опрос по характеристике “материальный достаток” дал следующие результаты (ответы немногочисленны): “Он может быть как богат, так и нет”; “Главное в джентльмене не деньги”.

Данные лингвистического эксперимента позволяют сделать вывод о том, что образ “джентльмен” в англоязычной лингвокультуре и языковой картине мира характеризуется доминированием внешних черт и материального достатка. В русской языковой картине мира наибольшей значимостью для образа “джентльмен” обладают отношение к женщине, моральные качества и эмоциональные состояния.

Таким образом, установление лингвокогнитивного статуса образа “джентльмен” отражает антропоцентрическую ориентацию современной лингвистики, которая диктует необходимость обращения к изучению языковой личности как индивидуальной или типизируемой сущности в совокупности динамических и статических характеристик (см. [3; 4]). Определение лингвокогнитивного статуса образа даёт возможность прогнозировать развитие той или иной мыслительной структуры в целом, её место и роль в национальной и универсальной картинах мира. В этом смысле неоспорима актуальность изучения образов как компонентов национальной и индивидуально-авторской концептосфер.

Список литературы:

1. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
2. Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / Под. ред. И. А. Стернина. Воронеж: ВорГУ, 2001. С. 75–79.
3. Караулов Ю. Н. Предисловие. Русская языковая личность и задачи её изучения // Язык и личность. АН СССР, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; отв. ред. Д. Н. Шмелев. М.: Наука, 1989. С. 3–8.
4. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 264 с.
5. Кубрякова Е. С. Язык и знание. М.: Рос. академия наук. Ин-т языкознания. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
6. Шведова Н. Ю. К определению концепта как предмета языкознания // Языковая личность: текст, словарь, образ мира. Сб. статей. М.: Изд-во РУДН, 2006. 544 с. С. 506–510.

Сведения об авторе:

Абилова Гюнай Видади кызы, к. ф. н., генеральный директор частного образовательного учреждения дополнительного образования “Евровижн”, Волгодонск, Россия; e-mail: gabilova@mail.ru

THE IMAGE OF “GENTLEMAN” AND ITS COGNITIVE LINGUISTIC STATUS

Giunay V. Abilova

Candidate of Philology, Director General of the Private Educational
Institution of Additional Education “Evrovizion”, Volgodonsk, Russia;
e-mail: gabilova@mail.ru

Abstract

The study of the linguistic cognitive status of the image as an important component of the linguistic picture of the world presupposes a description of the forming systems, including the value orientations of representatives of linguoculture. The linguistic experiment conducted in the course of the study made it possible to draw conclusions that the speakers of the Russian and English languages emphasize different values of the image of the “gentleman”: first, this is “attitude towards women”, “emotional state”, “character traits, moral qualities and Value”, secondly — “similarity with the image of a movie star”, “material prosperity” and “physical qualities”. The revealed differences in perception of the image of “gentleman” make it possible to choose the correct vector in intercultural interaction.

Keywords: language picture of the world, image, linguoculture.

References:

1. Karasik, V.I. (2002). Jazykovej krug: lichnost', koncepty, diskurs [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Volgograd: Peremena.
2. Karasik, V.I., and Slyshkin, G.G. (2001). Lingvokul'turnyj koncept kak edinica issledovanija [Linguocultural Concept as a Research Unit] // *Metodologicheskie problemy kognitivnoj lingvistiki* [Methodological Problems of Cognitive Linguistics], Voronezh: VorGU, 75–79.
3. Karaulov, Ju. N. (1989). Predislovie. Russkaja jazykovaja lichnost' i zadachi ejo izuchenija [Introduction. Russian Language Personality and the Aims of its Research]. *Jazyk i lichnost'* [Language and Personality]. AN SSSR, In-t rus. jaz. im. V. V. Vinogradova; M.: Nauka, 3–8.
4. Karaulov, Ju. N. (1987). Russkij jazyk i jazykovaja lichnost' [The Russian Language and Language Personality]. M.: Nauka.
5. Kubrjakova, E. S. (2004). Jazyk i znanie [Language and Knowledge]. M.: Ros. akademija nauk. In-t jazykoznanija. M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury.
6. Shvedova, N. Ju. (2006). K opredeleniju koncepta kak predmeta jazykoznanija [Defining a Concept as the Subject of Linguistics]. In: *Jazykovaja lichnost': tekst, slovar', obraz mira*. Sb. Statej [Language Personality: text, dictionary, world image. A Collection of Articles]. M.: Izd-vo RUDN, 506–510.

Реконструкция аксиологических черт западной культуры на основе анализа имен собственных

Ю. В. Антонова

Международный институт менеджмента ЛИНК

Аннотация

Статья посвящена разработке метода реконструкции ценностей на основе экспликации имен собственных. Имена собственные вербализуют универсальные (природа, красота, власть/управление), религиозные и уникальные (почтение, свобода, открытость) ценности. В рамках предпринятого исследования устанавливаются 5 основных категорий, на базе которых формируется ЯКМ западной культуры. Выдвигается гипотеза о том, что имена, этимологически связанные с религией, властью/управлением, подавлением природы, мужественностью, храбростью, относятся к универсальным культурным ценностям. В то время как имена собственные с нехарактерными особенностями относятся к узкоспециальным, или групповым ценностям.

Ключевые слова: имена собственные, культура, ценности, компонент значения, понятие, концепт.

Представленный опыт исследования аксиологических особенностей западной культуры на основе анализа имен собственных основан на предположении о том, что имя собственное не только представляет совокупность представлений о человеке, но и ценностные аспекты породившей его культуры.

Актуальность исследования обусловлена неутоляемым интересом (Н. Ф. Алефиренко, А. А. Бурькин, Д. С. Горбаневский, И. В. Крюкова, В. А. Никонов, А. В. Суперанская) к изучению этнокультурной информации, хранящейся в именах собственных.

Цель исследования — апробация метода реконструкции аксиологических черт западной культуры на основе имен собственных.

Материалом исследования послужили 200 наиболее популярных имен собственных в западной культуре, по данным интернет-ресурсов.

В процессе исследования применяются методы: 1) сплошной выборки; 2) этимологического толкования, 3) лингвокультурологический, 4) классификации, 5) морфологического анализа, 6) статистический и 7) семантический, что соответствует предпринятому порядку действий.

Методом сплошной выборки из словаря имен собственных под редакцией А. В. Суперанской были отобраны 200 ЛЕ, в происхождении которых указаны западные страны. Например, *Августин* (западное происхождение имени), *Адам* (западное происхождение), *Стефания* (западное происхождение), *Кристина* (западное происхождение).

Этимологический анализ имен собственных позволил выявить три наиболее плотные группы имен. К первой группе отнесены имена собственные, которые выражают универсальные ценности западной культуры. К таким ценностям были отнесены *власть/управление* (12,5%), *природа* (12%), *красота* (6,5%), *защита/поддержка* (5%), *труд* (3%), храбрость (3%), *любовь* (2,5%), *мужество* (2,5%) и *семья* (2,5%).

Нельзя обойти вопрос лингвокультурологии, поскольку выявленные семантические аспекты ярко проявляют себя в жизни современного западного общества и являются предметом многочисленных дискуссий. 12% имен собственных указывают на связь представителей западного общества с природой. Однако эта связь отличается от восточной, где к природе относятся с уважением и почтением, живут с ней в гармонии. На Западе человек противопоставлен природе. Как отмечает П. С. Гуревич, “создав мощные орудия воздействия на природу, человек превратился по отношению к ней в великана, который поставил задачу стать ее покорителем. В наше время это господство привело к опасной болезни природы” [1, с. 83]. Отрицательное воздействие человека на природу отражено в идиоматических выражениях: *when it rains, it pours* (беда не приходит одна), *be dead in the water* (быть неработоспособным), *make a mountain out of a molehill* (делать из мухи слона), *vale of tears* (юдоль скорби и слез).

Еще одной особенностью первой группы является наличие имен собственных (3%), вербализующих значение “труд”. С самого детства родители прививают своим детям любовь к труду. Только усердно работая, можно достичь многого. Поэтому не удивительно, что дети имеют возможность подрабатывать, начиная с 14 лет, и работники имеют возможность работать в праздничные дни.

Наименьшую плотность ЛСП приобретает группа с компонентом “семья”. Семья для представителей Запада не стоит на первом месте, а фигурирует наравне с такими понятиями, как красота и мужество. Разрушение устоев семьи можно объяснить целым рядом внешних и внутренних факторов: принятие закона об однополых браках, изменение цели семьи — семья создается не для рождения и воспитания детей, а для самореализации человека за счет присутствия другого человека.

Вторую группу составляют собственные с ядерным компонентом “религия”. 50 отобранных имен собственных содержат в себе религиозный компонент. Например, *Бетти (Betty)* — *почитающий Бога*; *Габби (Gabby)* — *сильная от Бога*; *Даниэла (Daniela)* — *Бог — мой судья*; *Джон (John)* — *Бог добрый*; *Джошуа (Joshua)* — *Бог — спасение*; *Кристофер (Christopher)* — *несущий Христа*; *Майкл (Michael)* — *кто подобен Богу*. Как показывают приведенные примеры большинство значений имен собственных представлены фразовыми сочетаниями, которые репрезентируют ключевые культуроориентированные значения. Приведем и прокомментируем несколько примеров. *Габби (Gabby)* — *сильная от Бога*, *Гейбриэл (Gabriel)* — *Бог — моя сила* показывают, что Бог наделяет

человека силой, и вера в Бога помогает человеку справиться с возникающими трудностями. *Бетти (Betty)* — *почитающий Бога, Даниэла (Daniela)* — *Бог — мой судья, Сэм (Sam)* — *слушающий Бога, Тиффани (Tiffany)* — *проявление Бога* свидетельствуют о том, что человек должен всегда помнить и проявлять уважение к Богу. Таким образом, можно сделать вывод о том, что концепт “Запад” тесно связан с концептом “религия”.

Третью группу составили имена собственные с единичными значениями: свобода (*Фрэнсис (Francis)* со значением “свободный”), открытость (*Блэнк (Blank)* — *открытый*), могущество (*Генрих (Henry)* — *могущественный*), постоянство (*Констанция (Constance)* — *постоянная*) и надежность (*Каролин (Carolyn)* — *надежная*), почтение (*Остин (Austin)* — *почтенный*). Единичные значения выражают уникальные ценности западной культуры.

Семантико-морфологический анализ позволил выделить пять основных категорий, раскрывающих западные ценности: 1) человек; 2) животное; 3) растение; 4) абстрактное понятие; 5) неживая природа.

В категории “человек” самыми частотными значениями имен собственных выступают защитник (3,16%), захватчик (1,05%) и правитель (3,16%). В соответствии с выделенными значениями можно сделать вывод о том, что человек западной культуры — это, в первую очередь, защитник. Защитник своего государства, прав и свобод. Идеи прав личности заключены в Билле о правах 1971 года. Во-вторых, представители западной культуры по исторической перспективе своей захватчики. Обратимся к истории и вспомним события XVIII–XIX вв., когда была в разгаре Война за независимость США, и американские войска разгромили и поработили индейские племена.

В категории “животное” самыми распространенными значениями выступают лошадь и пчела. В соответствии со словарем символов Джека Трессидера лошадь символизирует жизненную силу, скорость и красоту [2, с. 103]. Вербализируемые в именах собственных значения отражены в устойчивых выражениях: *a willing horse* (человек, с готовностью берущийся за работу), *horse and foot* (всеми силами), *a good horse cannot be of a bad colour* (хорошая лошадь не может быть плохой масти (зн.: отдельные недостатки не умаляют достоинств)).

Пчела рассматривается как символ трудолюбия и усердия. В подтверждение слов приведем известный английский фразеологизм “*as busy as a bee*” и американское выражение “*presidential bee*” (непреодолимое желание стать президентом). При анализе американских имен собственных 3% из них (*Амалеа (Amalea)*, *Амели (Ameli)*, *Пенелопе (Penelope)*, *Тайлер (Tyler)*) выражают связь концепта “Запад” с концептом “труд”.

Проведенный анализ показывает, что категория “растение” представлена такими значениями как “ручей/поток/река/море”, “лес”, “мед”, “камень”. В словаре символов Джека Трессидера “поток/рек” рассматри-

вается как символ уходящего времени и жизни [2, с. 157]. В западной культуре время рассматривается линейно: время течет, бежит, и вернуть его нет возможности. В подтверждении слов приведем фразу Бенджамина Франклина — “Время — деньги!”. Таким образом, имена собственные такие, как *Брук (Brooke)*, *Дениза (Denise)*, *Келвин (Kelvin)*, *Максвел (Maxwell)*, указывают на быстротечность жизни.

В западных сказках лес фигурирует как место тайн и опасностей. О таинственности леса символизирует английская пословица “*Не навистывай, пока не выбрался из леса*” (*Don't whistle until you are out of the wood*).

Такие имена собственные, как *Памелла*, содержат в себе компонент “мед”, который и на Западе, и на Востоке символизирует райское наслаждение.

21 имя собственное вербализует абстрактные понятия, самыми частотными из которых являются мужество (2,5%), любовь (2,5%), храбрость (3%) и благородство (3%). Мужество является характерной чертой американской нации.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. Метод реконструкции позволил выявить не только универсальные ценности западной культуры, но и ранее незасвидетельствованные ценности (хитрость, открытость, почтение, удача, милосердие).
2. Имя собственное как значимая часть языковой картины мира, вербализует такие релевантные ценности западной культуры как религия, власть/управление.
3. Антропонимы выражаются различными частями речи: словосочетаниями, прилагательными, существительными. Существительные можно разбить на группы: а) человек — социальное положение и род занятий: правитель, глава дома, помощник, земледелец; б) животное — характеристика личности: храбрый, благородный, мужественный; в) живая/неживая природа — отношение к окружающему миру.
4. Этнокультурная информация носит интертекстуальный характер, так как легко подтверждается идиомами.
5. Следует отметить, что анализируемые антропонимы отражают как общечеловеческие, так и индивидуальные ценности западного общества.

Список литературы:

1. Гуревич П. С. Культурология. Учебник для вузов. М.: Проект, 2003, с. 336.
2. Трессидер Дж. Словарь символов. М., 1999. 189 с.

Сведения об авторе:

Антонова Юлия Владимировна, преподаватель Центра иностранных языков, Международный институт менеджмента ЛИНК, Жуковский, Россия; e-mail: Julia007_9@mail.ru

THE RECONSTRUCTION OF THE AXIOLOGICAL FEATURES OF THE WESTERN CULTURE BASED ON THE ANALYSIS OF PROPER NAMES

Yuliya V. Antonova

Teacher in the Language Centre, International Institute of Management
LINK, Zhukovskiy, Russia; e-mail: Julia007_9@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the development of the reconstruction method of values based on the explication of proper names. Proper names verbalize universal (nature, beauty, power-government), religious and unique (respect, freedom, openness) values. In the article we single out five main categories that form the linguistic world-image of the Western culture. The hypothesis of the article is that the proper names, which are related etymologically to religion, power/government, the suppression of nature and courage, refer to universal cultural values. While some proper names with uncharacteristic features refer to specific or group values.

Key words: proper names, culture, values, component of meaning, notion, concept.

References:

1. Gurevich, P. S. (2003). Kul'turologiya. Uchebnik dlya vuzov [Culturology. Textbook for Universities]. M.: Proyeckt.
2. Tressider, J. (1999). Slovar' simvolov [Dictionary of Symbols]. M.

Когнитивная функция концептуальной метафоры в экономическом публицистическом дискурсе немецкоязычных масс-медиа

Н. В. Бадаева

МГИМО МИД России

Аннотация

В статье проводится сопоставительное исследование когнитивных метафорических моделей во время экономического кризиса 2008–2010 годов в дискурсе немецкоязычных масс-медиа, посвященном общемировой экономической конъюнктуре. Цель статьи — описание и анализ метафор этого периода. Анализируется когнитивный сценарий развертывания реализации метафорических моделей “Экономика — это организм” и “Кризис — это болезнь” как способ отображения реальности и ее осмысления, характерный для определенной экономической

ситуации. Рассматриваются составляющие эти метафорические модели фреймы и слоты, формирующие определенный образ в сознании адресата. В частности, приводятся примеры реального использования этих моделей в области экономической лингвистики для актуализации понятий “кризисная экономика”, “спады и рост экономической конъюнктуры” в наднациональной прессе Германии, Австрии и Швейцарии. Изучается сочетаемость вышеназванных моделей. Актуальность исследования обусловлена перспективностью развития теории когнитивной метафоры в отдельных ограниченных видах дискурса.

Ключевые слова: концептуальная метафора, когнитивная функция, прагматическая функция, экономический дискурс, немецкоязычные масс-медиа, формирование нового знания, доступная репрезентация информации, когнитивная лингвистика.

В условиях сегодняшнего дня, стремительно изменяющихся систем экономического, политического, социального сосуществования в современном мире, человек в поисках ответов на глобальные вызовы вынужден чаще обращаться к источникам информации, позволяющим правильно воспринимать и перерабатывать информацию, преобразуя её в портфолио вновь приобретаемых знаний.

В репрезентации этих знаний большая роль принадлежит метафоре, важное свойство которой можно усмотреть уже в древнейшем методе научного познания, который заключается в установлении связей, сравнений самых различных сущностей, углубляя и расширяя процесс познания.

В этом отношении метафора выполняет одну из важнейших функций в языке и речи, а именно — приобретение знаний. Метафора имеет когнитивный и стратегический смысл, обладая способностью концептуализировать события и структурировать их восприятие, служит самоинтерпретации, придавая легитимность своим концепциям и поступкам в глазах общественного мнения.

Метафора представляет собой ментальный и языковой механизм, состоящий во взаимодействии или сопоставлении двух сущностей, явлений на основании сходства, аналогии между ними, то есть нахождения их общих признаков, что и находит подтверждение в работах российских и зарубежных исследователей.

Уместным будет привести мнение одного из основателей когнитивного направления в современной науке, испанского философа Х. Ортеги-и-Гассета. Понятийная функция метафоры, по его мнению, является основной, а задача метафоры понимается как создание абстрактных понятий. Существуют объекты, которые не только трудно назвать, но и которые с трудом поддаются осмыслению. В своей работе “Две великие метафоры” он пишет: “Объекты... легко постигаемые, открывают мысли доступ к далеким и ускользающим от нас понятиям” [3, с. 72]. То есть,

с точки зрения когнитивной науки, метафора — это некий познавательный процесс, необходимый для передачи новизны знания.

На данный момент существования общества экономика является именно той сферой, той областью знаний, где на сегодняшний день особенно отчетливо проявляется языковая динамика, активные процессы в лексике, изменения в общественном сознании и ментальности носителей языка. Именно в экономической среде ярко проявляется когнитивная функция концептуальной метафоры. “Метафора используется здесь для того, чтобы увеличить объем знаний относительно слабо понимаемой области путем переноса дополнительной информации из более известной ситуации” [4, с. 12].

Чтобы продемонстрировать когнитивную функцию метафор языка науки экономики, необходимо понимать, что информация имплицитруется, как правило, с трансфером знаний, и в этом процессе метафора рассматривается как знак, участвующий в сфере мыслительных процессов человека, служащий для передачи понятийных характеристик обозначаемых предметов, что и является одной из форм концептуализации предметной области знания.

Рассматривая когнитивную метафору как одну из форм концептуализации, Е. С. Кубрякова в “Кратком словаре когнитивных терминов” определяет ее как “когнитивный процесс, который выражает и формирует новые понятия и без которого невозможно получение нового знания” [1].

Главной особенностью экономико-публицистического дискурса является наличие в нем экономической лексики и терминов. Важнейшими признаками экономико-публицистического дискурса, как и любого другого, является соотнесенность к действительности и определенная коммуникативная установка. Функциональная направленность текста, другими словами — его ориентация на выполнение заранее намеченной цели, определяется ситуацией общения и задачами, которые возникают перед участниками коммуникативной ситуации. Экономико-публицистический дискурс сам по себе, его лексическая организация дают возможность не только наблюдать за тем, какая экономическая модель создается в обществе, но и определить то, какие представления, понятия и способы лексического выражения закрепляются за этой моделью. Кроме того, “правильность восприятия текста обеспечивается не только языковыми единицами и их соединением, но и необходимым общим фоном знаний, коммуникативным фоном” [2, с. 685].

Рассматривая экономико-публицистический дискурс с этой точки зрения, изучение концептуальной метафоры и того, как она функционирует в рамках этого дискурса, представляет собой крайне интересную и актуальную задачу.

Цитаты из литературных произведений, фильмов, высказывания известных людей, крылатые фразы, аллюзии, пословицы, поговорки, слова из песен, рекламные слоганы и пр. составляют текстовое выра-

жение национальной культуры и картины мира и поэтому встречаются в огромных количествах во всех типах экономико-публицистического дискурса: в новостях, в информационно-аналитических текстах, в экономических обзорах, в биржевых сводках, в комментариях, в интервью, в рекламе и т.д.

Экономическая сфера — это важнейшая часть национальной и мировой культуры. Наряду с другими, она представляет собой “сложное объединение ментальных единиц (концептов, фреймов, гештальтов, сценариев, концептуальных векторов, полей)” [5, с. 97].

А. П. Чудинов полагает, что большинство этих единиц зафиксировано в языке при помощи слов, составных наименований, фразеологизмов и в той или иной мере навязывает человеку определенное видение мира, особенно в аспекте его категоризации и оценки [5, с. 237]. Так как один из главных отличительных признаков экономико-публицистического дискурса заключается в высокой сложности и значительной степени абстракции, необходимым является упрощение декодирования для разных социальных слоев коммуникантов путем метафорического моделирования.

Авторы текстов, статей, публикаций, являясь специалистами в той или иной специальной области, стремятся донести свое знание до реципиентов, различающихся по возрасту, образованию и способностям воспринимать специальную информацию. В этой связи перед авторами возникает необходимость выбора компактной и доступной формы передачи информации, позволяющей вызвать определенное отношение к описываемым событиям, что достигается с помощью ряда лексических средств, в том числе использованием метафор, которые являются “условием коммуникативно-прагматического успеха”, определенным образом апеллируют к эмоциональному восприятию сообщения, что обычно достигается за счет образности, создаваемой различного рода фигурами речи, поскольку образ будит эмоциональное переживание мира. Метафора как механизм когнитивного отражения действительности, конечно, способствует категоризации знаний, участвуя в процессе переработки поступающей информации, что и ведет к формированию когнитивных концептов и их устойчивых объединений.

Чтобы продемонстрировать когнитивную функцию метафор языка науки экономики, нельзя забывать, что распространение и передача информации сопровождается и передачей знаний. Абстрактное осваивается через конкретное, а ненаблюдаемое — через доступно сенсорному восприятию.

Одни и те же понятия специальной области знания “экономика” могут быть переданы в экономико-публицистическом дискурсе при помощи лексических единиц, относящихся к различным лексико-семантическим группам. Так, отражение экономической реалии “банковский кризис” осуществляется в немецкой прессе через морбильные метафоры “die notleidenden Banken” и “die maroden Banken”: В этом случае Банк

концептуализируется через одушевленное лицо, как “страдающий от болезни” пациент, где доминантами для передачи смысла — знаком-сигналом становятся лексические единицы “notleidend” и “marod” (“нуждающийся, бедствующий” и “прихворнувший, больной”).

Следует отметить, что создаваемая картина экономического положения в целом и отдельно взятой экономической ситуации в частности во многом антропоцентрична: человек склонен метафорически создавать картину мира как некое подобие себя, своего тела, составляющих его членов, органов, потребностей и состояний. Неудивительно, что метафорические модели, использующиеся для концептуализации кризисных состояний экономики, чаще всего относятся к сферам-источникам “Болезнь” и “Врачевание”. При этом следует подчеркнуть, что негативные тенденции, как и в вышеприведенном примере, относятся к сфере “Болезнь”, а положительное развитие характеризуется выбором метафор из сферы-источника “Врачевание”. Например, критическая экономическое положение в некоторых странах Евросоюза и связанные с этим антикризисные действия по оказанию финансовой поддержки Европейской комиссией, Европейским Центральным Банком и Международным Валютным Фондом часто описываются в немецких масс-медиа с помощью слова “schmerzhaft (болезненный, мучительный)”:

Selbst führende Länder Europas waren schon weit vor den Zeiten der Euro-Krise auf Hilfskredite des IWF angewiesen. Für die Länder war der Gang zum Wahrungsfonds sicher schmerzhaft — aber letztlich erfolgreich (Задолго до кризиса даже ведущие страны Европы были поставлены в известность о порядке предоставления финансовой помощи со стороны Международного Валютного Фонда. Обращение к помощи МВФ по поводу кредитов было для них однозначно болезненным, однако, в конце концов, оказалось полезным).

В приведенном примере весьма ярко проявляется когнитивная функция морбиальной метафоры “болезненный”. Обращение к чувственному опыту любого человека, в течение жизни так или иначе сталкивавшегося с определенными врачебными манипуляциями, неприятными, болезненными, но необходимыми и направленными на выздоровление, очевидно вызывает в сознании адресата понимание действий МВФ через более простые, обусловленные собственным жизненным опытом события и знания. Кроме того, здесь метафора “schmerzhaft” выполняет не только когнитивную функцию, нацеленную на обработку и переработку информации, но воздействует на адресата, то есть имеет когнитивно-прагматический характер. В приведенном отрывке ясно ощущается подтекст, характеризующий отношение к финансовой помощи: болезненная, но необходимая, ведущая к выздоровлению, то есть — полезная.

Еще более очевидно проявляется когнитивно-прагматический аспект в морбиальной метафоре “die Sanierung (санация)” фрейма “Способы лечения, медицинские операции и профилактические мероприятия”:

Die Regierung musste den IWF um Hilfe bitten, der mit 3,9 Milliarden Dollar die bis dahin größte Kreditlinie seiner Geschichte gewährte und dem Land radikale Sparmaßnahmen diktierte. Lange vor Margaret Thatcher legte dies den Grundstein für die Sanierung der britischen Wirtschaft. (Правительству пришлось обратиться за помощью к МВФ, который предоставил Великобритании крупнейшую на тот момент за всю свою историю кредитную линию объемом в 3,9 миллиарда долларов, но потребовал от страны жесточайших мер по осуществлению режима экономии. Это создало основы для оздоровления (санации) британской экономики задолго до появления у власти М. Тэтчер).

С помощью метафор передается информация о реальных событиях экономической жизни, формируется отношение к происходящему, дается оценка происходящему за счет выбранного автором источника метафор и окружающего контекста.

Яркий пример участия метафор в процессе понимания концепта текстов экономического дискурса, в обеспечении связности и, в конечном итоге, — реализации замысла автора демонстрируют и в том числе заголовки статей, концентрирующие внимание читателя на идеи текста. *Finanzloch im EU-Haushalt: elf Milliarden €* (Финансовая дыра в бюджете ЕС: 11 миллиардов евро); *Kampf mit dem Währungskrieg* (Борьба с валютной войной).

Следует отметить, что метафора в заголовке текста, отражает часто основную идею текста, экономическую реалию и может быть охарактеризована как связывающая и порождающая смыслы и понятия, она является ключом к раскрытию основной проблемы текста и, не в последнюю очередь, всего его содержания. Таким образом, присутствуя в экономическом тексте, метафора обеспечивает его адекватное понимание в целом.

Приведенные примеры позволяют оценить преимущества когнитивного подхода к исследованию метафоры как процесса, который выражает и формирует новые понятия и без которого невозможно получение нового знания.

Метафоры являются непосредственным инструментом, соотносящим эти сложные, ненаблюдаемые мыслительные пространства с более простыми, либо же с конкретно наблюдаемыми мыслительными пространствами. В рамках этого процесса возникают новые понятия и формируется получение нового знания.

Список литературы:

1. Кубрякова Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков и др. М., 1996. 438 с.
2. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
3. Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. 512 с.

4. Петров В. В. Метафора от семантических представлений к когнитивному анализу // Вопросы языкознания, №6. М.: Наука, 1990. 158 с.
5. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург, 2003. 248 с.

Сведения об авторе:

Бадаева Наталья Валерьевна, преподаватель, МГИМО МИД России, Москва, Россия; e-mail: natalia_badaeva@mail.ru

**COGNITIVE FUNCTION OF CONCEPTUAL METAPHOR IN
ECONOMIC MASS MEDIA DISCOURSE OF GERMAN MASS MEDIA
COMMUNICATION**

Natalia V. Badaeva

Lecturer, MGIMO University, Moscow, Russia; e-mail: natalia_badaeva@mail.ru

Abstract

The article represents a comparative study of cognitive metaphoric models in the discourse of the German-speaking mass media, dedicated to the global economic conditions during the economic crisis of 2008–2010. The purpose of the article is to describe and to analyze the metaphors of this period. Frequency analysis displays Cognitive metaphors “Economy is a body” and “Crisis is a disease” as the most incessant metaphoric models at this time. They are being observed as a way of mapping reality and its comprehension to display reflection of the particular economic situation.

We consider the frames and slots composing these metaphorical models, forming a certain image in the consciousness of the addressee. In particular, examples of the actual use of these models in the field of economic linguistics for the actualization of the concepts “crisis economy”, “recessions and growth of the economic conjuncture” in the supranational press of Germany, Austria and Switzerland are given. The combinations of the above metaphoric models are being studied. The relevance of the study is due to the prospects for the development of the theory of cognitive metaphor in certain limited types of discourse.

Key words: cognitive linguistics, conceptual metaphor, cognitive function, cognitive-pragmatic function, economic discourse, German mass media, generation of new knowledge.

References:

1. Kubryakova, E. S. (1996). *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov* [Short Dictionary of Cognitive Terms] / E. S. Kubryakova, V. Z. Demyankov, Yu. G. Pankraz, and L. G. Luzin. Moskva.
2. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Thesaurus] / ed. by V. N. Yartseva. (1990). Moskva.

3. Ortega Y Gasset, J. (1990). Dve velikiye metafory [The Two Great Metaphors]. *Teoriya metafory* [*Theory Of Metaphor*]. Moskva: Progress.
4. Petrov, V. V. (1990). Metafora ot semanticheskogo predstavleniy k kognitivnomu analizu [Metaphor from Semantic Representation to Cognitive Analysis]. *Voprosy Iazykoznavaniia* [Issues of linguistics]. (6).
5. Chudinov, A. P. (2003). Metaforicheskaya mozaika v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii [Metaphorical Mosaic in Present-day Political Communication]. Ekaterinburg.

Лингвистические проблемы диалога культур в Новой Зеландии

А. Р. Бекеева

Российский университет дружбы народов

Аннотация

Данная статья посвящена лингвистическим проблемам диалога культур в Новой Зеландии, рассмотрению различных сторон новозеландской культуры. В статье описываются различные культурные, расовые и этнические группы, населяющие Новую Зеландию. При этом устанавливаются языковые характеристики диалога культур новозеландцев и маори, уточняется характер диалога на современном этапе развития общества Новой Зеландии, определяются его формы и уровни. Научная статья обращает внимание на то, что в языковых единицах новозеландского национального варианта английского языка запечатлен потенциал общественно-исторического опыта, отражающий национально-культурное своеобразие истории, культуры, психологического склада народов Новой Зеландии. Выдвижение проблем взаимосвязи языка и культуры определяет актуальность осмысления национального миропонимания.

Ключевые слова: Новая Зеландия, новозеландский национальный вариант английского языка, диалог культур, межкультурная коммуникация, лингвистика.

На современном этапе развития информационного пространства решающее значение приобретает интерпретация языка и культуры как сложного многокомпонентного явления, связанного с многообразием жизнедеятельности личности. Любое явление находит свое отражение в общественной и культурной жизни народов.

С учетом вышесказанного необходимо отметить, что в языковых единицах запечатлен потенциал общественно-исторического опыта, отражающий национально-культурное своеобразие истории, культуры,

психологического склада народа. Выдвижение проблем взаимосвязи языка и культуры определяют актуальность осмысления национального миропонимания. Культура принадлежит к многогранным социальным явлениям, поэтому вопросы адекватного взаимопонимания, толерантности и ментальности представителей разных народов очень важны.

Национально-культурная специфика проявляется на всех уровнях языка, ее недостаточное знание ведет к неверной интерпретации иноязычного письменного или устного текста. В настоящее время данный вопрос актуален в связи с возрастающей ролью развития международных отношений и необходимостью достижения взаимопонимания между народами.

Изучение проблем новозеландского национального варианта английского языка находится практически на начальной стадии как в отечественной, так и зарубежной лингвистике.

Эффективный диалог культур как межкультурное взаимодействие, основанное на равноправии и полноценном взаимопонимании коммуникантов — субъектов диалога культур, являющихся носителями определенных культурных черт, сформировавшихся под воздействием родной культуры, ее социального и культурного контекстов. Неотъемлемыми характеристиками субъекта диалога культур должны стать способность к адаптации в современных условиях проживания в мультикультурном и мультиэтническом обществе, умение устанавливать контакты с носителями языка — представителями разных социокультур, способность преодолевать возможные трудности, возникающие при соприкосновении с чужой культурой и ее носителями, а также толерантность к другому образу жизни и укладу.

В контексте лингвистического образования, а именно при обучении иностранным языкам и приобщении к инокультуре, эффективный диалог культур выступает как основополагающая цель и как средство воспитания субъекта диалога культур. Диалог культур как цель обучения иностранного языка и культуре трактуется как способность обучающихся осуществлять эффективную межкультурную коммуникацию посвящена рассмотрению различных сторон новозеландской культуры, тому, каким образом новозеландцам удастся их сочетать и как можно применить этот опыт на международной арене. Поэтому речь пойдет скорее не о политической культуре, а о языковой политике малой демократии.

Новая Зеландия является этнически неоднородной страной. Англоязычное европейское население (2 млн 381 тыс. 076 человек) является самой многочисленной этнической группой, из них: 44 тыс. 202 англичан, 26 тыс. 355 австралийцев, 27 тыс. 189 британцев, 28 тыс. 641 голландцев.

Основополагающей чертой новозеландского общества является «мультикультурализм», в котором многие этнические меньшинства сохраняют свое культурное и языковое многообразие.

В июле 1989 г. была учреждена неправительственная «Новозеландская федерация мультикультурных сообществ» (The New Zealand Federation of

multicultural councils). Основными целями данного неправительственного органа являются отстаивание и лоббирование интересов этнических общин, поддержка и обмен информацией между региональными советами и этническими общинами Новой Зеландии. В функции мультикультурных советов входит сотрудничество с Комиссией по правам человека, проведение ряда поликультурных фестивалей и национальных форумов молодежи, координируемых на национальном уровне.

Сторонники “мультикультурализма” заявляют о настоятельной необходимости формального утверждения Новой Зеландии в качестве мультикультурной нации, чтобы свести к минимуму риск межнациональных конфликтов. Закон о мультикультурализме должен обеспечить свободу, сплоченность всех членов общества Новой Зеландии, а также сохранение и укрепление культурного наследия этнических общин.

С ростом этнических общин в Новой Зеландии были созданы соответствующие условия для сохранения иммигрантами своего национального самосознания и культурной идентичности. Стратегии политики “мультикультурализма” находят свое выражение не только в социально-культурной, экономико-политической сферах, но и образовании. Результатом новозеландской конструктивной политики стало распространение иностранных языков в школьном образовании.

Язык маори в Новой Зеландии существует восемь столетий и 150 лет испытывает сильное влияние английского языка. До середины XX века маори говорили только на родном языке [1, с. 17].

С момента колонизации Новой Зеландии, язык маори достиг процесса лингвистического самоутверждения лишь в 80-е XX века. Согласно законодательному акту “Maori Language Act”, в 1987 г. язык маори был провозглашен государственным языком Новой Зеландии.

Наличие заимствований из языка маори является важной чертой национально-культурного своеобразия лексических единиц новозеландского национального варианта английского языка. Слова из языка маори были заимствованы на ранних этапах колонизации, преимущественно — для обозначения растений, деревьев, животных и птиц: *kiwi*, *moa*, *tui*, *weka*, *takahe*, *pukeko*, *kokako*, *kotuku*, *korimako*, *piwakawaka* — породы птиц; *hapuka*, *moki*, *terakihi* — разновидности рыб; *manuka*, *totara*, *kauri*, *pohutakawa*, *nikau*, *ponga*, *rata*, *matai* — породы деревьев; *katipo* — ядовитый паук.

Согласно данным лексикографических источников Новой Зеландии, в период с 1880–1970 гг. процессы заимствований из языка маори в данный период были незначительными. Третий этап заимствований из языка маори начинается с 1970-х гг. по настоящее время [2, с. 426]. В процессе заимствований возникают определенные трудности, связанные с несовпадением фонетических систем контактирующих языков, недостаточным владением языком маори и экзогlossной несбалансированной языковой ситуацией. Английский язык и язык маори принадлежат

к разным функциональным системам. Длительное время языковая политика государства ограничивала использование и изучение языка маори в учебных учреждениях.

Последние десятилетия характеризуются многочисленными заимствованиями из языка маори в связи с социально-экономическими преобразованиями в Новой Зеландии, направленными на возрождение языка и культуру маори с 80-х гг. XX века. К примеру, в двуязычном новозеландском словаре П. М. Райана (1995) зафиксировано 20 тыс. слов языка маори с переводом на английский язык. Кульминационным моментом во всей истории заимствования из языка маори считается 1987 г., когда язык коренного населения страны получил статус государственного языка.

Большинство заимствованных слов из языка маори в новозеландском национальном варианте английского языка являются именами существительными: географические названия, наименования флоры и фауны, термины материальной и социальной культуры маори, предметы быта и образа жизни коренного населения маори. К примеру, в словаре “Новозеландский английский” (1997) Г. Орсмана было обнаружено 746 слов маори.

Следующие слова также происходят из языка маори: *aotearoa* — земля белых длинных облаков, *tangata whenua* — люди земли, *iwi* — племя, *kai* — еда, *whanau* — семья, *tokoruna* — внук, *tuipuna* — предок, *wero* — вызов, *manuhiri* — гость, *rangatira* — вождь, лидер, *mana* — авторитет, *puku* — живот, *tapi* — табу, *koha* — подарок, *kawa* — протокол, *kete* — корзина, *nui* — большой, *e noho ra* — прощание, *powhiri* — церемониальное приветствие, *whare* — дом, *pai* — хороший, *hoa* — друг, *aroha* — любовь, *ahau* — я, *koe* — ты, *ora* — жизнь, *kuri* — собака, *kia ora* — приветствие, *utu* — месть, *waka* — каноэ, *wai* — вода, *wahine* — женщина, *tane* — мужчина, *tamariki* — дети, *tama* — сын, *tamahine* — дочь, *piupiu* — льняная рубашка, *kumara* — сладкий картофель, *roto* — озеро, *waiata* — песня, *korero* — речь, *haangi* — земляная печь маори, *rewena* — традиционный хлеб маори.

Наибольшим лингвокультурологическим потенциалом обладает топонимическая система новозеландского национального варианта, тесно связанная с этнической культурой маори. По оценкам лингвистов, 0,9 % из всех заимствованных слов общеупотребительной лексики аборигенного происхождения, наибольшую часть составляют наименования географических объектов Новой Зеландии, например, города: *Timaru* “Тимару”, *Takapuna* “Такапуна”, *Rotorua* “Роторуа”, *Rangitoto* “Рангитото”, *Wanganui* “Вангануи”. Данные топонимы подверглись адаптации по правилам фонетики и словообразования английского языка.

Географические названия из языка маори содержат в себе комплекс культурной, исторической и мифологической информации о народе маори. Заимствование и проникновение названий из языка маори интенсивно проходило в период британской колонизации. В новозеландском

национальном варианте английского языка выделяются следующие группы заимствованных топонимов из языка маори:

а) названия, данные Новой Зеландии ранними полинезийскими мореплавателями: *Taonui-o-Kiwe* (нынешний Мыс Джексона), *Te Mana-o-Kiweki-Aotearoa* (*Mana* — пригород в Порируа Сити), *Motu-Kairangi* (нынешний полуостров Мирамар), *Whanga-nui-a-Tara* (нынешний г. Веллингтон).

б) названия из мифологии маори: *Maketu* (город на острове Залив изобилия, маленькая гора *Mount Moehau*).

в) названия из полинезийской мифологии: *Aorangi* (гора Кука), *Otane, Tanetua* (названия городов), *Te Ika-a-Maui* (название Северного острова).

г) названия, описывающие форму, величину или протяженность географических объектов: название озера *Rotorua* “Роторуа” (два озера), образовано от производящей основы *roto* “озеро” и словообразующего элемента *rua* “два”. *Whanganui* и *Whangaehu* содержат корневую морфему *whanga* (гавань). Основной компонент *wai* “вода” образует названия городов *Wairoa, Waikato, Wainui* (много воды). От продуктивного слова *motu* “остров” произошли названия островов *Motupipi, Motuhora, Ngamotu, Motuweka* (остров птиц уэка), *Motutapu* (священный остров). *Te Moana, Moanataiari, Waikaremoana* были образованы от слова *moana* — море, большое озеро.

В процессе образования топонимов участвуют сложные слова, содержащие такие корневые морфемы, как: *one* — земля, песок, *rae* — горный хребет, *hau* — ветер, *roa* — длинный, *poto* — короткий, *ara* — дорога (*Aratiki, Aranui, Arapuni, Arapito*), *papa* — плоский (*Papatoetoe, Papamo, Papanui*), *puke* — холм (*Puketitiri, Pukemiro, Pukeatua, Pukerua, Ruapuke*), *awa* — река (*Awaruni, Awanui, Awamangu, Awakino*), *iti* — маленький, *manga* — ручей (*Mangaweka, Manganui, Mangahuia, Makauri, Makikihi, Makerikeri*), *taunga* — гора (*Maunganui, Maungatautari, Maungataniwha*).

Новозеландский национальный вариант обладает национально-культурными особенностями на всех языковых уровнях. Особую уникальность и самобытность придают лексические заимствования из языка коренного населения маори.

Список литературы:

1. Benton R. Maori English: New Zealand Myth? // English around the World. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
2. Benton R. The history and development of the Maori language. Dirty silence: aspects of language and literature in New Zealand. Auckland: Oxford University Press, 1991.

Сведения об авторе:

Бекеева Анна Рапкатовна, к. ф. н., старший преподаватель, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия; e-mail: bekeeva_ar@rudn.university

LINGUISTIC ASPECTS OF INTER-CULTURAL DIALOGUE IN NEW ZEALAND

Anna R. Bekeeva

Candidate of Philology, Senior Lecturer, Russian University of Peoples' Friendship, Moscow, Russia; e-mail: bekeeva_ar@rudn.university

Abstract

This article is devoted to linguistic aspects of inter-cultural dialogue in New Zealand and consideration of various aspects of the English language and culture. The article describes specific features of racial, cultural and ethnic groups and considers national and cultural language features of New Zealand English in cross-cultural communication.

Key words: New Zealand, New Zealand English, cross-cultural communication, intercultural dialogue, linguistics.

References:

1. Benton, R. (2001). Maori English: New Zealand Myth? In: English around the World. Cambridge: Cambridge University Press.
2. Benton, R. (1991). The history and development of the Maori language. Dirty silence: aspects of language and literature in New Zealand. Auckland: Oxford University Press.

Практические особенности перевода главы 14 о диалекте кокни из книги П. Акройда “Лондон: Биография”

Ю. А. Богатикова

Национальный исследовательский технологический университет
“МИСиС”

Аннотация:

Книга “Лондон: Биография” П. Акройда издана на русском языке без главы о диалекте кокни. На материале собственного перевода данной главы показано, каким образом сленговые и сниженные разговорные фрагменты текста инкорпорированы в художественное произведение, имитирующее научно-исследовательский стиль изложения. Рассматриваются варианты представления читателю перевода текста, содержащего такие разные по уровню элементы как научный стиль, цитирование переведенных ранее и/или не переведенных на русский язык произведений других авторов, контекстное и фрагментарное, внеконтекстное, использование диалектизмов. Предлагаются варианты презентации

текста читателю с сохранением оригинальных выражений кокни, буквальным переводом и возможными русскими аналогами. Обсуждаются стратегии перевода и выбора русских эквивалентов для передачи буквы и духа диалектизмов кокни.

Ключевые слова: диалект кокни, псевдодокументальность, документально-художественный текст, Питер Акройд, перевод диалекта, межкультурная коммуникация.

Книга П. Акройда “Лондон: Биография” на русском языке вышла без главы 14 о лондонском диалекте кокни. Особенности литературоведческих характеристик текста произведения и предпереводческий анализ текста главы был проведен ранее, см. подробнее [2]. По результатам и с учетом высказанных положений выполнен перевод данной главы, обладающий рядом предлагаемых к обсуждению особенностей.

В целом, глава состоит из двух основных видов текста: 1) метаописание диалекта кокни, с применением научного стиля [1, с. 363–367]; 2) примеры кокни: слова и выражения, передающие особенности говора, то есть примеры “внелитературной нормы” [1, с. 369].

Описание диалекта не является строго научным, однако, может произвести впечатление “научообразного” текста на читателя, не знакомого с четкими правилами написания научных работ. В наиболее сложных случаях Акройд “переводит” себя сам с “научного” на “язык обывателя”:

Таблица 1.

<p>M. MacBride, author of London's Dialect, makes the same point, <i>after examining microsegments and terminal contour peaks, nuclei and junctures</i>, by declaring that “the Cockneys avoid, as far as possible, any unnecessary movements of the <i>articulating organs</i>.” <i>In other words, they are lazy speakers</i> [7].</p>	<p>М. МакБрайд автор труда “Лондонский диалект”, изучив микросегменты, ядра, стыки и окончания интонационных контуров, утверждает тоже самое и пишет, что “кокни избегают, насколько это возможно, ненужных движений <i>органами артикуляции</i>”. <i>Иными словами, у них невнятная речь.</i></p>
--	--

С позиций литературоведческого анализа “Лондон: Биография” представляет собой художественное произведение, “псевдодокументальный” текст [3], создающий образ “коллективного персонажа” Лондон, а глава 14 представляет собой его речевую характеристику [2]. При переводе характерных слов и выражений кокни учитывался авторский способ перевода иностранных слов и реалий в собственном тексте:

Таблица 2.

<p>One historian has suggested that it comes from the <i>Latin term coquina, or “cookery,”</i> and derives from the time when London was considered the great centre of cook-shops. It may also come from the Celtic myth of London as “<i>Cockaigne, a place of milk and honey,</i> of whom the Cockneys are the true inhabitants[7].</p>	<p>Один из историков предполагает, что оно происходит от латинского слова <i>coquina, или “стряпня”</i>, и относится ко временам, когда Лондон считался средоточием харчевен. Также термин может происходить из кельтского мифа о Лондоне как об изобильной и праздной <i>стране молочных рек и кисельных берегов под названием Кокейн</i>, которую населяют Кокни, её истинные обитатели.</p>
--	--

В случае колебаний между строгой научностью и занимательностью текста, выбор сделан в пользу читательского интереса. Так, например, на протяжении всей главы Акройд цитирует работу W. Matthews *Cockney Past and Present: A Short History of the Dialect of London* [8], ссылка на исследователя делается не всегда, цитаты из чужого текста отмечены кавычками, но разрозненные фрагменты соединены в подобие связного текста, тогда как в цитируемой работе это фрагменты с разных страниц церковных книг:

Таблица 3.

<p>The vestry records of the late sixteenth and early seventeenth centuries show that Cockney was not only well established but already exhibited certain permanent features. Thus “the abbot of Westmynster and the monks reprevyed ... Mr. Phipp who was chosen constable in which complaint he made appear his imbecility ... yt was erecktyde by most voysses ... without the least predyges of the paryshe ... he wold nott church a woman owt-sept she wold com at vi in the mornynge.” [7]</p>	<p>Церковные книги конца XVI — начала XVII веков показывают, что кокни не только прекрасно укоренился, но и демонстрировал характерные устойчивые черты. Так, “настоятель и монахи Вестминстерского монастыря отобрали ... господин Фипп, констабл, ... несмотря на явные признаки слабоумия, ... выбранный большинством иликтарата..., ведь приход беспридирков и судов, ...отказался оцерковать даму, пришедшую в vi часу утра”.</p>
---	--

В связи с этим следует рассмотреть возможную читательскую реакцию на подобный текст. Английский оригинал может быть прочитан носителем языка разной подготовки: 1) знакомый с кокни англичанин-лондонец, 2) носитель английского, знакомый с другими региональными разновид-

ностями языка / билингв, 3) изучающий английский язык как второй иностранный на продвинутом уровне. Акройд рассчитывает на более широкую аудиторию, поэтому почти все примеры диалектных выражений сопровождаются авторским переводом на стандартный английский.

По аналогии, читателями перевода могут быть 1) специалисты-филологи, 2) изучающие английский на начальном этапе, 3) лингвистически неподготовленный читатель. Первые заметят в т. ч. особенности интерпретации чужих текстов, вторые примут к сведению основную информацию о речевых характеристиках кокни, третьи должны быть в состоянии понять текст главы на уровне “как если бы в русском языке сказали так”. В идеале, для соблюдения интересов 1 и 2 группы, следовало бы сохранить в тексте перевода все вставки на диалекте в неизменном виде. Но оригинальный текст главы широко доступен, во избежание громоздкости в ряде случаев есть возможность привести только русский аналог:

Таблица 4.

<p>There are many famous examples of what became known as Cockney — a “piper” rather than a “paper,” “Eye O pen” rather than “High Holborn,” “wot” not “what.” [7]</p>	<p>Многие известные примеры иллюстрируют лондонский говор, известный как “кокни” — “piper” вместо “paper”, и “бумага” превращается в “дудочника”, улица Хай Холборн удивленно глазееет, превратившись в “Eye O-pen”, “wot” вместо “what”, то есть “шо” заменяет “что”.</p>
<p>“I can come it slap ... Would you be surprised to hear? ... Go it! ... Immensikoff! ... It's naughty but it's nice ... Whatcher me old brown son ... Chase me ... Whoa, Emma! ... Have a banana ... Twiggey-voov! ... Archibald, certainly not ... There's a lot of it about it ... He's a splendid performer, I don't think ... Can I do you now, sir ... It's being so cheerful as keeps me going ... See you later alligator... Shut that door.” [7]</p>	<p>“Могу, как два пальца об асфальт ... Вы только послушайте!... Пошло оно! ... Огромнов! ... Живенько и миленько... Ангел Божий, чернокожий... А ну-ка, догони! ... Ай да Эмма! ... Возьми с полки пирожок ... Твигги-ууу!... Нет, конечно, Арчи!... Тут столько всего вокруг да около ... Он прекрасный актер, не думаю ... Можно вас прямо сейчас, сэр ... Здо́рово, умереть, не встать!... Чао, какао! ... Забей!”</p>
<p>“Stren” instead of “Strand,” “satisfactory” instead of “satisfactory,” “texes” instead of “taxes,” “towed” instead of “told,” “owld” instead</p>	<p>Stren-Stand, Стрен вместо Стрэнд, satisfactory — satisfactory, то есть “сытысфекция” вместо “сатисфакция”,</p>

<p>of “old,” “chynes” not “chains,” “rile” instead of “rail,” “suthе” instead of “south,” “hoathe” instead of “oath,” “orfunt” instead of “orphan,” “cloues” instead of “clothes,” “sawgars” instead of “soldiers,” “notamy” instead of “anatomy,” “vill” instead of “will,” “usse” instead of “house,” “im” instead of “him.” [7]</p>	<p>texes — taxes, налоги — налохи towed — told, grit — говорит, owlde — old, привсталевый — престарелый, chynes — chains, цэпка — цепочка, rile — rail, ральсы — рельсы, suthе — south, юх — юг, hoath — oath, “клять” вместо “клясть” orfunt — orphan, сирота — подарёнка cloues — clothes, одёжа — одежда, sawgars — soldiers, служилый — солдат, notamy — anatomy, натомия — анатомия, vill — will, буит — будет, usse — house, фатера — квартира im — him, евоный — его.</p>
--	---

Особый случай представляют цитаты из художественных произведений, ранее переведенных на русский, по понятным причинам, без учета всех характерных особенностей кокни, поэтому предлагается видоизменять фрагменты существующих переводов:

Таблица 5.

Оригинал	Существующий перевод	Адаптация перевода
<p>Its most fastidious exponent was, perhaps, Bernard Shaw’s Eliza Doolittle: “There’s menners f’yer. Te-oo banches o’ voylet trod into the mad ... <i>Ow eez yee-ooa san, is è?</i>” The last sentence — “<i>Oh he’s your son, is he?</i>” — is indicative of Shaw’s skill at phonetic reproduction, but it is not always easy upon the ear or eye. [7]</p>	<p>“Куда прёшь, Фредди! Возьми глаза в руки! А ещё образованный! Все фиалочки в грязь заотптал. ... А, <i>так это ваш сын?</i>”</p> <p>Пер. Е. Калашниковой</p>	<p>Самым изысканным представителем кокни, возможно, стала Элиза Дулитл из пьесы Бернарда Шоу: “А ишшо культурнай! Ажно два пучка фиалочек в гризишшу втоптал!... <i>Аа дыкэта-аааашсын, шоле?</i>” Последнее предложение — “<i>Ow eez yee-ooa san, is è?</i>” “А, <i>так это ваш сын?</i>” — убедительно показывает мастерство фонетического письма Шоу, но на слух и на глаз оно воспринимается с трудом.</p>

При переводе фрагментов не переведенных ранее произведений в качестве эквивалентов используется преимущественно просторечие [5, с. 327–328], аналоги фонетического письма, в соответствии с утверждением О. И. Бродович, что “наибольшей проницаемостью для диалектной вариативности является фонетико-фонологический уровень” [4, с. 145]. Поскольку в данном случае примеры не всегда, по словам Т. А. Казаковой, “поддаются рациональному осмыслению и истолкованию даже в пределах исходной культуры, не говоря уже о культуре переводящей, ... мало шансов обрести рациональные соответствия” [6, с. 125], предлагается способ поиска соответствий по принципу “как если бы”, то есть похожее эмоционально-смысловое впечатление от нестандартного слова в русском языке. Как представляется, переноса на чуждую почву в таких случаях не происходит, поскольку текст в целом посвящен метаописанию диалекта, кокни не является второстепенной речевой характеристикой, как в художественных и фольклорных текстах привычного типа.

Таблица 6.

<p>It is the same accent identified by Smollett at a slightly later date. “Coind sur, Heaving the playsure of meating with you at the ospital of anvillheads [invalids], I take this lubbertea of latin you know ...” [7]</p>	<p>Чуть позже Смоллетт подметил такой же говор в не переведенном на русский язык романе “Приключения графа Фредерика Фэтома”. “Дорогой сыр, имея сейчасъе встратить вас в лучебнице для невалидов, позволю себе фривольность известью вас...”</p>
<p>In the 1830s another phrase, “flare up,” became literally the talk of the town. “It answered all questions and settled all disputes,” Charles Mackay wrote, “... and suddenly became the most comprehensive phrase in the English language.” [7]</p>	<p>Чарльз Маккей в книге “Записки о чрезвычайно популярных заблуждениях” утверждает, что им обозначали недоверие, радость или снисхождение. “Когда уличный проказник хочет подразнить пассажира и выставиться перед своими корешами, он, бывало, уставится человеку в лицо и крикнет «Шо?!» ... Этим восклицанием оглашалась каждая пивная, им отзывался любой перекресток, целые мили стен в округе были им исписаны”.</p>

Практически всегда Акройд выбирает забавные примеры говора, их эмоциональная окраска должна быть передана в первую очередь для сохранения яркости контраста между научным и просторечным регистрами:

Таблица 7.

<p>In Machyn's diaries of the sixteenth century we encounter the same bravura which, with some modifications, can still be heard on the streets of London: "the goodlyest scollers as ever you saw ... the greth pykkepus as ever was ... ther was syche a cry and showtt as has not byne." This is also related to the Cockney tendency to mix up, or misunderstand, apparently impressive words in an effort to convince the hearer. A bathroom wall may be "covered in condensation" or an elderly person may suffer from "Alka-seltzer disease." Other observers have noted such phrases as "Yer a septic ... collector of internal residue ... jumbo sale ... give 'im a momentum when he retires." [7]</p>	<p>В дневниках Генри Мачина шестнадцатого века мы встречаем ту же бравурность, которая, правда с некоторыми изменениями, и сейчас слышится на улицах столицы: "Самые наилучшайшие научёные, каковые только ни на есть... необычайный конфликтуз... таково вопля и гама, каково сроду не видано". Это связано еще и с тем, что кокни часто путает, или неправильно понимает кажущиеся ему внушительными слова, сказанные в расчете на удивление слушателя. Сырая ванная комната может оказаться "важной", а не "влажной", если кокни перепутает "condescention" и "condensation", а престарелый человек вдруг начнет страдать от "болезни Альказельцера". Некоторые исследователи отмечают такие выражения как "ты же септик ... корректор внутренних осадков... тоталитарная распродажа... выдели ему момент, когда он пойдет на упокой".</p>
<p>The rise of rhyming slang, for example, can be dated to the first decades of the nineteenth century, when there emerged phrases such as "apples and pears" for "stairs" and "trouble and strife" for "wife." Back-slang, or the reversal of words, also appeared at this time. Thus is "yob," for example, slang for "boy." [7]</p>	<p>Скачок популярности рифмованного сленга, например, можно датировать первыми десятилетиями девятнадцатого века, когда появились такие фразы как "apples and pears" что значит "stairs" (ступеньки — кисельные пенки) и "trouble and strife" вместо "wife" (жена — одна сатана). Слова-перевертыши в сленге появились в тот же период, так, например, носители сленга говорили "yob" вместо "boy" (нерап — парень).</p>

Такая выразительная фраза вынесена автором и в название главы, а предлагаемый перевод лексически избыточен, для сохранения впечатления о множестве отрицаний в кокни, поэтому в заглавие русского перевода главы можно вынести и другое, не менее яркое выражение:

Таблица 8.

“he shuld neuer trobell the parish no more ... [7] (цитата, вынесенная в заголовок)	“Никада болше не нада ему нельзя никада тревожить приход”
Would you be surprised to hear? [7] (вариант замены для перевода)	Вы только послушайте!

Как представляется, выбранный способ перевода диалекта кокни сочетает в себе лингвокультурную доступность массовому читателю и обоснованность с позиций современного переводоведения и литературоведения.

Список литературы:

1. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык. Учебник для вузов. М: Флинта: Наука, 2006. 384 с.
2. Богатикова Ю. А. “Биография Лондона” П. Акройда: выбор стратегии перевода диалекта кокни // Труды Высшей школы перевода (факультета). Книга 1. 2005–2010. МГУ им. М. В. Ломоносова. М, 2010. С. 237–243.
3. Богатикова Ю. А. Псевдодокументальность как приём в художественном тексте // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. №1. 2012. Январь–март. М: Изд-во Московского университета. С. 62–72.
4. Бродович О. И. Диалектная вариативность английского языка: Аспекты теории. М: Книжный дом “ЛИБРОКОМ”, 2009. 194 с.
5. Влахов С. И., Флорин С. П. Непереводимое в переводе. М: Р.Валент, 2006. 360 с.
6. Казакова Т. А. Художественный перевод. Теория и практика: Учебник. СПб: ООО “Ин’Гязиздат”, 2006. 544 с.
7. Ackroyd P. London: The Biography. NY, 2003. p. 148–158.
8. Matthews W. Cockney Past and Present: A Short History of the Dialect of London. Routledge, 2015. [Электронный ресурс]. URL: https://books.google.ru/books?id=U7sBCgAAQBAJ&dq=owt-sept&source=gbs_navlinks_s (дата обращения 09.03.2017).

Сведения об авторе:

Богатикова Юлия Александровна, к. ф. н., доцент, Национальный исследовательский технологический университет “МИСиС”, Москва, Россия; e-mail: bogatikova@gmail.com

P. ACKROYD’S “LONDON: THE BIOGRAPHY”, CHAPTER 14: TRANSLATION OF COCKNEY IN A MOCKUMENTARY TEXT Yulia A. Bogatikova

Candidate of Philology, Associate Professor, National Research Technological University “MISiS”, Moscow, Russia; e-mail: bogatikova@gmail.com

Abstract:

P. Ackroyd's *London: The Biography* was translated into Russian without Chapter 14 about the dialect of London. The missing chapter is the linguistic image of London as a character of the book, and this omission makes the image incomplete. Practical translation of the chapter shows how the cockney dialect, incorporated into a seemingly academic and historical context, becomes a part of a fictional or "mockumentary" text. The way of presentation of cockney to English-speaking and Russian readers depends on the possible readers' interpretation and competences, which are discussed in the article. In view of that, the examples of Russian analogies are presented to recreate the cultural and linguistic impression of cockney for foreign speakers.

Key words: cockney, dialect translation, mockumentary, fiction, non-fiction, Peter Ackroyd.

References:

1. Arnol'd, I. V. (2006). *Stilistika. Sovremennyi angliiskii iazyk. Uchebnik dlia vuzov [Stylistics. The Contemporary English Language. Textbook for colleges]*. M: Flinta: Nauka.
2. Bogatikova, Iu. A. (2010). "Biografii Londona" P. Akroida: vybor strategii perevoda dialekta kokni [Strategic Options for Translation Cockney in P. Ackroyd's *London: The Biography*]. *Trudy Vysheii shkoly perevoda (fakul'teta). MGU im. M. V. Lomonosova [Writings of Higher School of Translation (Faculty), M. V. Lomonosov Moscow State University]*, Book 1. 2005–2010, 237–243.
3. Bogatikova, Iu. A. (2012). Psevdodokumental'nost' kak priem v khudozhestvennom tekste [Mockumentary as a Specific Device in Fiction]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serii 22. Teoriia perevoda [Moscow University Bulletin. Topical Series 22. Theory of Translation]*. №1. 01–03/2012, 62–72.
4. Brodovich, O. I. (2009). Dialektnaia variativnost' angliiskogo iazyka: Aspekty teorii [Dialect Variations of the English Language. Aspects of Theory]. M: Knizhnyi dom "LIBROKOM".
5. Vlahov, S. I., & Florin, S. P. (2006). *Neperevodimoe v perevode [The Untranslatable in Translation]*. M: R.Valent.
6. Kazakova, T. A. (2006). *Khudozhestvennyi perevod. Teoriia i praktika: Uchebnik [Translation of Fiction. Theory and Practice. Textbook]*. SPb: OOO "Inyazizdat".
7. Ackroyd, P. (2003). *London: The Biography*. New York: Anchor Books.
8. Matthews, W. (2015). *Cockney Past and Present: A Short History of the Dialect of London*. Routledge. Retrieved 09 March, 2017 from https://books.google.ru/books?id=U7sBCGAAQBAJ&dq=owt-sept&source=gb_s_navlinks_s

Этнокультурная специфика коммуникативной стратегии приветливости в интернет-дискурсе

Н. Б. Боева-Омелечко

Южный федеральный университет

Аннотация

Цель работы состоит в кросскультурном анализе лингвистических и графических средств репрезентации коммуникативной стратегии приветливости в англо- и русскоязычных блогах. Автор предлагает определение рассматриваемой стратегии, которое позволяет выявить такие её составляющие, как приветствие, похвала, комплимент, благодарность. В работе анализируются экстралингвистические факторы, влияющие на форму выражения этих составляющих. Это касается, в частности, типа культуры со свойственными ему ценностями. Наиболее важные из них — это склонность британцев к преувеличению достоинств собеседника, обуславливающая выбор очень экспрессивных средств для реализации стратегии приветливости, и стремление русских к коммуникантой естественности, предполагающее выбор более нейтральных средств.

Ключевые слова: этнолингвокультурология, интернет-дискурс, блог, англоязычный, русскоязычный, культурные ценности, стратегия приветливости.

Положение о тесной взаимосвязи языка и культуры выступает одним из постулатов современной лингвистики. Именно на стыке языка и культуры развиваются сегодня две отрасли гуманитарного знания — лингвокультурология и этнолингвистика. Область исследования лингвокультурологии — это культурно-специфичные языковые единицы и кросскультурный анализ, для этнолингвистики — это этническая специфика характера народа, его ментальности, эмоциональной сферы, стереотипов речевого поведения, выявляемая на базе языковых фактов. Однако в целом ряде случаев, например, при изучении речевого этикета, интересы лингвокультурологии и этнолингвистики пересекаются. Применительно к таким случаям представляется удачным предложенный И. Г. Ольшанским термин “этнолингвокультурная сфера” [3, с. 31]. С его учётом мы считаем возможным выделить в качестве особого подхода к изучению фактов языка и культуры в их взаимосвязи *этнолингвокультурологический подход*, “который предполагает опору на данные языка, то есть рассмотрение указанных фактов с позиций этнолингвистики, в сочетании с кросскультурным анализом, принятым в лингвокультурологии” [1, с. 63].

В рамках данного подхода нами будут рассмотрены этнокультурные особенности коммуникативной стратегии приветливости в англоязыч-

ном и русскоязычном интернет-дискурсе. Изучение данного дискурса представляет интерес с точки зрения выявления связанных с ним особенностей коммуникации, языка и культуры. Есть все основания полагать, что коммуникативные стратегии с присущим им национальным своеобразием сохраняются в интернет-дискурсе, но претерпевают трансформации под влиянием компьютерно-опосредованной коммуникации и виртуализации диалогического общения.

Материалом исследования послужили блоги, ведущиеся на русском и английском языках: vz.ru; blog.ru; livejournal.com; blogger.com; twitter.com (микро-блог); facebook.com .

Блог (англ. blog, от “web log”, “сетевой журнал или дневник событий”) — веб-сайт, основное содержимое которого — регулярно добавляемые записи, содержащие текст, изображения или мультимедиа. Отличие блога от традиционного дневника состоит в том, блог, как правило, ориентирован на читателей, которые могут вступить в публичный диспут с создателем записи [2, с. 105].

В процессе общения каждый участник реализует определённые коммуникативные стратегии, которые содействуют успеху или неудаче в коммуникации.

Одна из них — это **коммуникативная стратегия приветливости**, направленная на создание положительного коммуникативного фона общения через приведение собеседника в хорошее настроение путём приветствия, комплимента, похвалы и благодарности, ласковых и ободряющих слов.

В интернет-блогах, исследуемых нами, также необходима приветливость в общении, как и в реальной коммуникации. В интернет-блогах она наиболее ярко выражается в **комментариях**. Читатели стремятся показать свое отношение к автору, к его записи, выразить благодарность и пожелания, поделиться своим мнением и сделать комплимент.

При этом стратегия приветливости наряду с универсальными имеет этнокультурные особенности.

Так, англоговорящие блогеры начинают общение непосредственно с обращения по имени, часто сопровождая его словом *dear*. Например:

(1) Ruby Rose: *Dear Zoe, I would just like to say that you inspire me to do more everyday and i wish that you would read my blog, inspired by you. I love your videos and you always seem to make me happy no matter how down i feel. Love you xx*

Русскоговорящие используют приветствия, такие как *привет*, и более вежливые формы *доброе утро*, *добрый день*, хотя это не является обязательным. Например:

(2) Виолетта: *Даша, настолько красиво нежно и женственно)))*

В ходе обсуждения содержания поста, изображения на фотографиях, которые выставляются в личных блогах, приветливость ярко проявляется в виде **комплиментов и похвалы**.

При этом англоговорящие интернет-коммуниканты используют такие оценочные и усилительные слова, как *love*, — любить, *like* — нравиться, *great* — замечательный, *nice* — хорошо, *cute* — мило, *excellent* — отличный, *gorgeous* — великолепный, *perfect* — безупречный, *fantastic* — потрясающий, *awesome* — здорово, *absolutely* — совершенно, *definitely* — определенно, *really* — особенно, *very* — очень, *pretty* — достаточно, *fairly* — довольно, *extremely* — крайне, *awfully* — очень, чрезвычайно.

Для русскоязычных блогеров характерны следующие оценочные слова: *нравится, здорово, хорошо, интересно, великолепно, супер, чудесно, изумительно, мило, забавно.*

В средствах выражения **оценки** в блоге проявляются те же особенности, что и в реальной коммуникации — склонность британцев к преувеличению достоинств собеседника (upgrading strategy). Например:

(3) Miss Nev: Love this post! Super cute photos x

(4) Daisy: Lovely photos and amazing blog!

(5) Molly G: That must be the most cutest subscription box I've seen.

(6) Lily: These are freaking amazing. Just what I need to DIY it up!!!!

(7) Katty: You look incredibly beautiful and so stylish in this casual outfit.

(8) Shannon: you're absolutely gorgeous, dear 😊

(9) Ellis Woolley: Absolutely adored this post :)

(10) Emily Faith: This. Is. Gold. Thank you so much for this AWESOME content!

(11) Lola Birch: These ideas are soo beautiful and soo creative!!

В приведённых примерах мы наблюдаем реализацию upgrading strategy при употреблении блогерами экспрессивных оценочных прилагательных и наречий (*lovely, amazing, absolutely*) превосходной степени прилагательного (*the most cutest subscription box, the cutest thing*), усилительных наречий при прилагательных (*super cute, freaking amazing, really great job, incredibly beautiful, absolutely gorgeous*), восклицательных знаков, шрифтовых выделений, добавления звука к наречию *so* (*soo*) для усиления его значимости.

Русские блогеры более сдержанны. Для них характерны следующие оценочные слова: *нравится, здорово, хорошо, интересно, великолепно, супер, чудесно, изумительно, мило, забавно.* Из графических средств используются восклицательные знаки и смайлы (:))) . Например:

(12) Павел: **Очень интересно.**

(13) ИннаФ00: Ну **изумительно** же! **Диво дивное!** Спасибо!

(14) Максим МЕ: **Великолепно!**

(15) Julia: Какая **чудесная** кухонная штучка! Спасибо, что поделились. Незаменима для таких травмолюбителей, как я :))

(16) Михаил: :) **гений!**

(17) Игорь88: **Супер!**

Как мы видим, эмоционально-экспрессивные преувеличения менее разнообразны по составу и используются нечасто: *Диво дивное! Изумительно. Гений. Супер.* Используется только один усилитель — *очень.*

Русские блогеры предпочитают эмоционально-нейтральные оценки (*Интересно. Хорошо*). Хотя встречаются и более экспрессивные: *молодец, прекрасно, здорово, вот это да*.

Этнокультурные особенности стратегии приветливости также проявляются при выражении оценки с помощью символов, принятых в школах (русские блогеры используют пятибалльную систему, типичную для российских школ и отсутствующую в Англии). Например:

(18) Вум: *Вот это ВААЩЕ 5+!!!*

Русскоязычным блогерам, в отличие от англоязычных, характерны словотворчество и просторечия. Например:

(19) МаксимАН: *ухтышкаа...*

(20) Нина: *улёт*

При выражении **благодарности** в англоязычных интернет-блогах наиболее часто встречаются такие слова и словосочетания, как *thank you, thanks, thank you so much*, в русскоязычных — *спасибо, благодарю*, а также производные варианты *спс, спасибочки, пасибо*. Например:

(21) James E. Turner: *Thanks so much for this Pat! So helpful to hear the process in full.*

(22) Максим: *отлично, спасибо+*

Различия графических средств, участвующих в реализации коммуникативной стратегии приветливости в англо- и русскоязычных блогах, проявляются в том, что англоязычные блогеры более эмоциональны и используют такие нетипичные для русскоязычных блогеров символы, как :-D и :) — бурная радость и смех, XX — радость, Хо, хохо, ХО — удивление, бурная радость, 8-) — эйфория, — смех, 👍 — одобрение, 😊, ♥, <3 — одобрение, восхищение, [] — объятия. Например:

(23) Ocean: *Zoella you are the best <3*

(24) D.xateq13: *That is a brilliant idea!!! Xx Thanks! Xx*

(25) Olesya: ***Just what I need to DIY it up!!*** 😊😊😊 (63) Emma Gordon: ***I love these ideas! They are so cute! I want to try some of them for myself!*** x

(26) Kristine Beve: 👍👍👍👍👍👍love this!! 🍀🍀

Для английских блогеров характерна демонстративная приветливость: частые благодарности, использование эмоционально-окрашенных прилагательных, и т. д. У русских акцент приходится на другую культурную ценность — коммуникативную естественность, то есть на содержание, а не на форму. Проявление внимания, приветливости и доброжелательности не столь демонстративны, как у англичан.

Показательно то, что в интернет-общении практически отсутствуют формулы прощания, и это не воспринимается как невежливость. То есть в сети происходит временное прерывание общения, которое впоследствии возобновляется словами приветствия.

Перспективу дальнейшего исследования мы видим в изучении реализации стратегии приветливости в других жанрах интернет-дискурса, таких как электронные СМИ, библиотеки, доски объявлений.

Список литературы:

1. Боева-Омелечко Н. Б. Этнолингвокультурологический подход к изучению явлений культуры // Судьбы национальных культур в условиях глобализации: Матер. 11 Межд. науч. конф. Челябинск: ЧГУ, 2013. Т.1. С. 62–64.
2. Волохонский В. Л. Психологические механизмы и основания классификации блогов // Личность и межличностное взаимодействие в сети Internet. Блоги: новая реальность. СПб., 2006. С. 118–131.
3. Ольшанский И. Г. Лингвокультурология в конце XX века (Итоги, тенденции, перспективы) // Лингвистические исследования в конце XX века: сб. обзоров. М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 26–55.

Сведения об авторе:

Боева-Омелечко Наталья Борисовна, д. ф. н., профессор, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия; e-mail: boeva1961@yandex.ru

ETHNOCULTURAL PECULIARITIES OF THE COMMUNICATIVE STRATEGY OF FRIENDLINESS IN THE INTERNET DISCOURSE

Natalya B. Boyeva-Omelechko

Doctor of Philology, Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia; e-mail: boeva1961@yandex.ru

Abstract

The aim of the paper is to present the cross-cultural analysis of linguistic and graphic means of representation of the communicative strategy of friendliness in English and Russian blogs. The author puts forward the definition of the strategy in question, which gives the opportunity to show its constituent parts such as greeting, praise, compliment and words of appreciation. The paper reveals extralinguistic factors, which influence the form of expression of these parts. It concerns, in particular, the type of culture with the values typical of it. The most important of them is the upgrading strategy for British people, stipulating the choice of very expressive means for the realization of the strategy of friendliness, and the desire of Russian people for communicative naturalness, presupposing the choice of more neutral means.

Key words: ethnocultural linguistics, Internet-discourse, blog, English, Russian, cultural values, strategy of friendliness.

References:

1. Boeva-Omelechko, N.B. (2013). *Jetnolingvokul'turologicheskij podhod k izucheniju javlenij kul'tury* [Ethnolinguoculturological Approach to the Study of Cultural Phenomena]. In *Sud'by nacional'nyh kul'tur v uslovijah globalizacii: mater. 11 mezhd. nauch. konf.* [Fortunes of National Cultures in Globalisation Context:

- Conference Proceedings*]. Cheliabinsk: Cheliabinskii gosudarstvenny`i universitet, V. 1, 62–64.
2. Volohonskij, V. L. (2006). Psihologicheskie mehanizmy i osnovanija klassifikacii blogov [Psychological Mechanisms and the Grounds of Classification of Blogs]. In: *Lichnost' i mezlichnostnoe vzaimodejstvie v seti Internet. Blogi: novaja real'nost'* [Personality and Interpersonal Interaction in the Internet. Blogs: New Reality]. Sankt Peterburg: Sankt Peterburgskii universitet, 118–131.
 3. Ol'shanskij, I. G. (2000). Lingvokul'turologija v konce HH veka (Itogi, tendencii, perspektivy) [Cultural Linguistics at the End of the 20th Century]. In *Lingvisticheskie issledovanija v konce HH veka: sb. Obzorov* [Linguistic Investigations at the End of the 20th Century]. Moskva: INION RAN, 26–55.

Кросскультурный анализ резильентности преподавателей иностранных языков

Ф. И. Валиева

Санкт-Петербургский политехнический университет
им. Петра Великого

Аннотация

Процесс преподавания иностранных языков в современном вузе и, в первую очередь сами педагоги, сегодня подвержены воздействию множества стрессогенных факторов. Повышенные требования, необходимость постоянного совершенствования знаний и навыков, расширение списка функциональных обязанностей способствуют развитию профессионального стресса. В работе рассматривается феномен резильентности преподавателя в различных социокультурных средах, обеспечивающий его устойчивость к стрессам.

Данное исследование посвящено проблеме устойчивости преподавателей иностранных языков к профессиональному стрессу. В качестве выборки были взяты группы преподавателей из трех стран: России, Казахстана и Израиля. Кросс культурный анализ основных стрессогенных факторов и других предикторов успешной профессиональной деятельности на основе показателей более 150 преподавателей позволил сделать ряд интересных выводов. В качестве исследовательского инструментария была взята батарея из 5 шкал. Для анализа результатов были использованы математико-статистические методы, включая корреляционный, регрессионный и факторный анализ, с привлечением критерия Краскела-Уоллиса и др. Был выявлен ряд особенностей резильентного поведения преподавателей иностранных языков, отличный для каждой из групп.

Ключевые слова: педагогический стресс, кросскультурный анализ, резильентность, гибкость.

Образовательный процесс представляет собой многоаспектную коммуникацию преподавателя с другими участниками образовательного пространства. От её успешности напрямую зависит качество образования в вузе.

В 2007 году несколько европейских стран при содействии Европейского комитета профсоюзов образования (ETUCE) подписали соглашение, по которому они обязуются существенно увеличить осведомлённость в сфере педагогического стресса и ввести программы, направленные на его снижение.

Всё перечисленное выше выявило противоречие между необходимостью обеспечивать индивидуальную стрессоустойчивость преподавателя иностранных языков и отсутствием необходимой информации о ранговой значимости ряда актуальных для образовательного процесса индивидуальных свойств педагога.

Среди факторов, способствующих возникновению преподавательского стресса, называют самые разноплановые и разнородные: внешние и внутренние, индивидуально-личностные и организационные, экологические и стратегические, и другие [1; 5]. Особую группу риска профессионального стресса составляют преподаватели иностранных языков, что находит объяснение в чрезвычайно эмоциональной насыщенности лингводидактического процесса, высокой концентрации преподавания иностранного языка ситуациями, требующими быстрого принятия решения и высокого уровня стратегической компетентности, включая методологические аспекты. Резильентность, как интегративная характеристика преподавателя, предполагает функционирование сразу на нескольких уровнях [2; 3].

Под резильентностью в данной работе мы понимаем способность человека сохранять устойчивость к воздействию со стороны различных стрессоров, быстро восстанавливаться и адаптироваться в сложных обстоятельствах, на основе определенных индивидуально-личностных свойств и характеристик [4; 5].

Специфика процесса преподавания иностранных языков предполагает наличие у преподавателя особых качеств и характеристик, таких как эмоциональная и когнитивная гибкость, лабильность, эмоциональная саморегуляция, мотивация эмоциональной отдачи в профессиональной деятельности и других.

Основной задачей данной работы было рассмотрение феномена резильентности преподавателя в различных социокультурных средах, как обеспечивающего его устойчивость к стрессам.

В качестве испытуемых были задействованы преподаватели иностранных языков России, Казахстана и Израиля. В общей сложности было опрошено около 150 человек с разным стажем работы, включая преподавателей школ и университетов. Исследовательский инструментарий включал методики MBI, SAWL, авторскую шкалу резильентности, СМЛ и шкалу принятия решений.

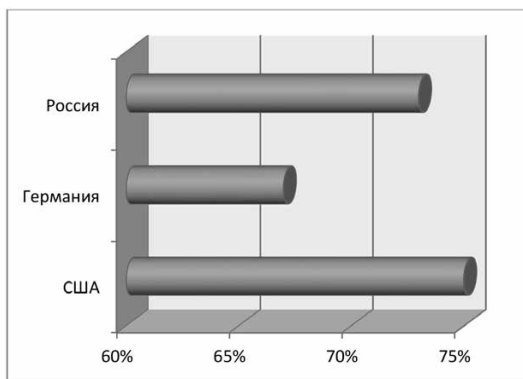
Для анализа результатов использовались математико-статистические методы, включая корреляционный, факторный, таксономический ана-

лиз. Обработка данных производилась с помощью программ SPSS 20 и R-studio.

Перед основным этапом исследования нами был проведен пилотный эксперимент, в рамках которого на предмет резильентности были опрошены выпускники и молодые специалисты гуманитарных направлений университетов России, Германии и США. У представителей США в первый, наиболее влиятельный фактор вошли социальная гибкость и оптимизм, у респондентов из России и Германии основной компонент был единый — эмоциональная гибкость. Показатели по уровням резильентности представлены на рисунке 1.

Рисунок 1.

Средние показатели уровня резильентности.

Основная цель заключалась в выявлении наиболее значимых для стрессоустойчивости преподавателя качеств, включая резильентность, лабильность, социальную и когнитивную гибкость, а также определение некоторых аспектов социокультурной обусловленности “психологической упругости” — резильентности педагогов. Для реализации последней задачи была создана модель резильентности преподавателя, в которую в качестве базовых конструктов вошли: социальная, эмоциональная и когнитивная гибкость; когерентность на уровне семьи, профессионального окружения и социокультурных условий; система ценностей и принятие решений. В соответствии с результатами факторного анализа компоненты, в зависимости от социокультурной принадлежности испытуемых (Россия, Казахстан и Израиль), распределились следующим образом: в России наиболее весомыми оказались социальная и эмоциональная гибкость, а также справедливость и индекс выгорания; в Казахстане — социальная и эмоциональная гибкость, система ценностей и когерентность; в Израиле — вознаграждение, деперсонализация, рабочая нагрузка и индекс выгорания.

Список литературы:

1. Валиева Ф. И., Потапова М. В. Взаимозависимость компонентов эмоциональной составляющей профессионального выгорания преподавателей//Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2009. №2–1. С. 72–78.
2. Dunn L. B., Iglewicz A., Motier C. A conceptual model of medical student well-being: Promoting resilience and preventing burnout. *Academic Psychiatry*. 2008, 32, 44–53.
3. Tugade M. M., Fredrickson B. L. Resilient individuals use positive emotions to bounce back from negative emotional experiences. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2004, 86, 320–333.
4. Valieva F. I. Resilient groups of foreign language teachers: components and structure analysis. Communication in polycode context: linguoculturological, didactic and axiological aspects: The proceedings of the international scientific conference, 2015, 52–54.
5. Valieva F. I. Resiliency in education: the case of foreign language teachers. *Journal of Language and Education*. 2016, v. II. №3 (7). 54–60.

Сведения об авторе:

Валиева Фатима Ивановна, к. п. н., доцент, Санкт-Петербургский политехнический университет им. Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: jf.fairways@mail.ru

FOREIGN LANGUAGE TEACHERS' RESILIENCY: CROSS-CULTURAL ANALYSIS

Fatima I. Valieva

Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint-Petersburg, Russia; e-mail: jf.fairways@mail.ru

Abstract

The current status of teaching can be characterized by several negative conditions. These are: first, the prevalence and influence of stress; second, the declining morale of teachers; third, the number of teachers leaving or intending to leave the profession.

The current status of teaching can be characterized by several negative conditions. Teachers find themselves under increasing pressure: there are greater demands, more complex responsibilities, and an expanding knowledge base that is continually being upgraded.

The main objectives of the study include ascertaining how prone to professional stress are the foreign language teachers including representatives from different countries (Russia, Kazakhstan and Israel), pointing out the areas where the major mismatches lie, and revealing the factors influencing professional success and adjustment in the sphere of foreign language teaching.

The sample of the study comprised three groups in light of cultural identity with university academics and junior specialists' subgroups. To analyze the results, statistical and correlation methods were used: different types of interdependence were indicated through factor and regression analysis, the Kruskal–Wallis test, box-and-whisker plot, and others.

The cross-cultural analysis of stressors and professional life prediction showed certain intrinsic aspects, specific for resilient behavior patterns of the foreign language teachers in different cultural environments.

Key words: professional stress, cross cultural analysis, resilience, flexibility.

References:

1. Valieva, F.I., and Potapova, M.V. (2009). Vzaimozavisimost' komponentov jemocional'noj sostavljajushhej professional'nogo vygoranija prepodavatelej [Correlation between constructs and constituents of the emotional component of professional burnout]. *Vestnik of Saint-Petersburg University. Series 12: Sociology. Psychology. Education*, 2–1, 72–78.
2. Dunn, L. B., Iglewicz, A., and Motier, C. (2008). A conceptual model of medical student well-being: Promoting resilience and preventing burnout. *Academic Psychiatry*, 32, 44–53.
3. Valieva, F.I. (2015). Resilient groups of foreign language teachers: components and structure analysis. Communication in polycode context: linguoculturological, didactic and axiological aspects: The proceedings of the international scientific conference, 52–54.
4. Valieva, F.I. (2016). Resiliency in education: the case of foreign language teachers. *Journal of Language and Education*. T. II. №3 (7). 54–60.
5. Tugade, M.M., and Fredrickson, B.L. (2004). Resilient individuals use positive emotions to bounce back from negative emotional experiences. *Journal of Personality and Social Psychology*. 86, 320–333.

Italian Language and Culture Through Contemporary Italian Artists

Lucio Giuliodori

Moscow State Pedagogical University

Abstract

Artists have always been considered a sponge of reality or a thermometer of it. Their sensitivity manages to grasp meanings which to us remain unknown and incognizable. Students can take advantage of this, deepening their understanding of Italian culture and language by just meeting the artists on Skype. In this way, they could both practice the language and comprehend vital aspects

of contemporary Italian society and culture. If improving one's proficiency in a language is mainly reachable through speaking, speaking with the main characters of a culture is an effective way to deepen that culture.

Key words: Italian studies, contemporary Italian art, surrealism, Italian culture, Italian language, Italian society.

Last year I taught a course on Philosophy of Art at Moscow Pedagogical State University (MPGU) based on Skype meetings with contemporary international surrealist painters.

Each lesson I introduced a different painter to the class, showing them his pictures and talking about the meaning featured. We talked about these meanings and wrote down some questions to ask the artist.

The next lesson we actually met the painter via Skype and had a very insightful and informal chat where the students had the opportunity to meet an internationally accomplished painter.

The topics were obviously related to their paintings' meanings and the aim of this course was widening the students' perspectives about contemporary Surrealism, its meaning and purpose.

I think this format could be repeated for students of foreign languages as well, especially upper-intermediate or advanced students who need to deepen their understanding of not only the language but its specific culture, too. When I teach Italian to students beginning from A2, I tailor my lessons so that students can face both grammatical and cultural aspects.

For example, I give a text about Italian popular ancient celebrations and traditions, and the study of that text gives us the chance to know some aspects of Italian history and culture as well as focusing on the grammar in the text. However, taking advantage of contemporary state-of-the-art technologies, the lesson could be shaped in a more interactive way using Skype. Here we have come to the point: learning the Italian language and culture through contemporary Italian artists.

Images stand out for their strong power, and they let the imagination work easily; for example, when a student is asked to say what a specific picture means, he needs to strive in order to look for the right words and set a reasonable description. What does this painting mean? Why did the artist pick that subject? Why these colours and this scenario? In short, what is the "message" behind it, and why was it depicted that way? Here the student needs to express his ideas, shaping his own interpretation.

The next step is facing the real interpretation, with the original meaning; in a word: with the painter himself. Here is where the conversation gets interesting as the student has the honour of entering a universe so far unknown, a beautiful universe where each star is a brilliant intuition and each of these artist's intuitions are in turn potential hints for the student who is enriched by the conversation: not only can he use the language with a native speaker, but he can also deepen his understanding of fascinating matters never thought before.

This is because artists have always been considered a sponge of reality or a thermometer of it, their sensitivity manages to grasp meanings which to us remain unknown and incognizable. Their point of view is usually innovative and worth listening to. Speaking with them is always rewarding, as they usually hold a perspective different from ours and we, through their art, can see the world from their perspective. We don't need to agree with them; we are just observing; it doesn't matter whether we fit in there or not, we got there and that's enough.

The art I'm interested in is Surrealism, literally sur-reality, a higher dimension, an upper perspective tout court, one more reason to accept the invitation of admiring a wider panorama.

Talking to the main characters of this great and prestigious art movement, the students could comprehend vital aspects of contemporary Italian society and culture. If improving a language is mainly reachable from speaking, speaking with the main characters of a culture is the main way to deepen that culture. And if Surrealism is but an intensification of reality, speaking with surrealists is equivalent to looking at a superior reality, making the reality wider as an artist's sensitivity is wider and the world he sets out is definitely larger.

In conclusion, this paper aims to point out a different way of practicing the language, a practice which brings about knowledge, a practice which stimulates a re-description of the world. Upper-intermediate and advanced students could face the language from a cultural perspective, and since Italy holds seventy percent of the world's artistic heritage, speaking about culture in Italy means usually speaking about art as well. Art implies another perspective beyond reality; art signifies framing a parallel reality which often shares with the real one truths which are there invisible if we take for granted the famous Paul Klee's statement: "Art makes visible the invisible". To sum up, the invisible could be a different perspective of the same reality, the view of which is offered by artists.

About the author:

Lucio Giuliadori

PhD, Associate Professor, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia; e-mail: luciogiuliadori@gmail.com

**Культурные концептуализации
и освоение иностранного языка**

Н. В. Астахова, В. В. Денисова, Е. А. Стародубцева

Курский государственный университет

Аннотация

Предлагаемое исследование посвящено изучению специфики формирования образных репрезентаций при освоении иностранного языка.

Как известно, любой объект именованного представлен в сознании человека в виде чувственно-наглядного образа. При произнесении любого слова в нашем сознании возникает образ определенной реальности и, наоборот, при необходимости материализовать какой-либо предмет/явление в речи, сознание выдает нам образ соответствующего слова.

Нами была выдвинута гипотеза, согласно которой лексика иностранного языка увязывается в индивидуальном сознании с определенными образами, отражающими “родную” языковую действительность, но, по мере углубления в мир иностранного языка, образы, связанные с “родной” средой носителей языка, будут пополняться или даже замещаться образами иной лингвокультуры. Целью нашего исследования было проведение эксперимента для верификации выдвинутой гипотезы.

Ключевые слова: культурная концептуализация, индивидуальное сознание, образная репрезентация, языковая действительность, усвоение иностранного языка.

Когнитивные основы процесса усвоения иностранного языка в ситуации учебного двуязычия вызывают интерес исследователей на протяжении долгого времени, поскольку от понимания механизмов, обуславливающих данный процесс, напрямую зависят как методические основы преподавания, так и его эффективность.

Проведенное исследование посвящено изучению специфики формирования образных репрезентаций при освоении иностранного языка. Как известно, любой объект именованного существует в индивидуальном сознании в виде чувственно-наглядного образа. С опорой на ментальный образ происходит как процесс восприятия языковой информации, отражающей реальность окружающей действительности, так и процесс вербализации мыслей.

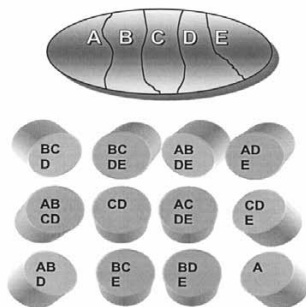
Вероятно, реальность напрямую связана с культурным знанием, отражающимся в речи и хранящимся в сознании в виде когнитивных структур памяти. В основу нашего исследования легла концепция о культурном знании, разработанная австралийским ученым Ф. Шарифианом [3] и представленная схематически на рис. 1. Он утверждает, что знание нужно рассматривать не только как индивидуальное достояние, но и как принадлежащее, свойственное культурной группе в целом. Шарифиан использует термин “распределенное эмерджентное культурное знание” (distributed emergent cultural cognition) — знание, которое возникает из взаимодействия, общения между членами одной культурной группы на протяжении всей истории ее развития и существования, но вариации его распределения между членами группы бесконечно разнообразны. Оно может проявляться в различных аспектах жизни человека: в артефактах, ритуалах, искусстве и т.д.

Согласно концепции, распределенное эмерджентное культурное знание существует на двух уровнях. Первый уровень — глобальный (верх-

няя часть диаграммы) — включает в себя совокупность знаний, присущих культурной группе, второй уровень — локальный (нижняя часть диаграммы) — отражает неравномерность распределения знания между представителями группы (рис. 1).

Рисунок 1.

Распределенное эмерджентное культурное знание (Цит. по: [3])

Эмерджентные свойства знания являются результатом взаимодействия членов сообщества между собой. А его гетерогенная распределенность проявляется в том, что носители определенной культуры разделяют некоторые, но не все, аспекты культурного знания, тогда как в процессе социального взаимодействия они передают свои знания друг другу. На локальном уровне образы неравномерно разделяются представителями лингвокультурного сообщества (рис. 1).

Согласно исследованиям Т. Ю. Сазоновой, результатом социального взаимодействия носителей культуры и, в то же время, опорой для понимания при таком взаимодействии являются культурные концептуализации, которые формируются посредством согласования между участниками социального взаимодействия и конвенциализации на социально-культурном уровне когниции и являются аспектами культурного знания [2]. Часть концептуальной информации выражается в языке, а часть представляется в психике принципиально иным образом, то есть ментальными репрезентациями другого типа — образами, схемами и т.п. Для членов одной лингвокультуры характерны идентичные процессы концептуализации культурного опыта.

При установлении длительных межкультурных контактов культурное знание может пополняться концептуализациями другой культуры. Представим два никак не связанных между собой, совершенно непохожих лингвокультурных сообщества. Вполне возможно, что на глобальном уровне концептуализации будут отличаться. Но при влиянии одного из сообществ на культуру другого на локальном уровне распределения знания могут появляться образы иноязычной культуры.

Подобное проникновение одной культуры в другую может происходить в том числе и при изучении иностранного языка. Мы полагаем, что, если индивид находится на продвинутом этапе обучения, образы иной культуры могут не только пополнять культурное знание, но и даже замещать исходные образы.

Для верификации данной гипотезы нами было проведено экспериментальное исследование.

Целью эксперимента стало выявление степени влияния уровня владения языком на процесс проникновения образов иноязычной культуры в структуру культурного знания учебных билингов. Это обусловило задачи, поставленные при проведении пилотажного эксперимента: проследить динамику пополнения культурного знания образами, характерными для культуры изучаемого языка, в контексте совершенствования языковых навыков; определить, влияет ли на эту динамику выбор методики обучения.

При выборе экспериментальной методики (свободный ассоциативный эксперимент) мы опирались на факт, свидетельствующий о том, что при формировании образов активную роль играет ассоциативное мышление (см., напр.: [1]). Доступ к ментальному образу можно получить через слово (фрагмент ментального лексикона), являющееся частью ассоциативно-вербальной сети. Ассоциативный эксперимент позволяет выявить группы слов, соотносимых с образами нашего сознания, и проследить влияние культурного знания на формирование образа у человека.

Первым этапом эксперимента стало выявление образов, характерных для носителей английского языка. Испытуемыми (далее — ии.) стали 50 пользователей социальной сети facebook.com, которым было предложено написать первое, что приходит в голову при предъявлении следующих стимулов: HOUSE, FAMILY, HOTEL, CAFÉ, AIRPORT, VACATION, SEA TRIP, HAVING REST. Полученные данные были использованы при дальнейшем анализе и интерпретации результатов второго этапа эксперимента.

При организации второго этапа экспериментального исследования мы стремились привлечь как можно больше участников для получения внушительного объёма экспериментальных данных. В связи с тем, что одной из задач была попытка проследить влияние процесса освоения языка на проникновение иноязычных культурных концептуализаций, в данном исследовании были задействованы люди, владеющие иностранным (английским) языком на разных уровнях, мужчины и женщины, примерно одного возраста. Таким образом, ии. в рамках пилотажного эксперимента стали 150 человек. Первая группа — студенты неязыковых факультетов, находившиеся на начальной ступени обучения, изучавшие язык по традиционной методике, вторая группа — студенты неязыковых факультетов, находившиеся на начальной ступени обучения, изучавшие язык по интенсивной методике, третья группа — студенты факультета

иностранных языков 4 курса бакалавриата и 1 курса магистратуры, владевшие иностранным языком на высоком уровне. Как и на первом этапе эксперимента, ии. необходимо было написать реакции на следующие слова-стимулы — ДОМ, СЕМЬЯ, ОТЕЛЬ, КАФЕ, АЭРОПОРТ, КАНИКУЛЫ, ПОЕЗДКА НА МОРЕ, ОТДЫХ.

Анализ полученных реакций (11321) позволил сделать следующие выводы.

Прежде всего, наиболее частотные реакции, полученные на предложенные стимулы, совпали во всех трёх группах носителей русского языка. Помимо этого, наиболее частотные реакции носителей русского языка на такие слова-стимулы, как ДОМ, СЕМЬЯ, АЭРОПОРТ также совпали с реакциями носителей английского языка, что говорит об универсальности данных образов в обеих культурах и что элементы культурного знания на глобальном уровне разделяются членами обоих сообществ. Так, на стимул ДОМ наиболее частотными реакциями у носителей русского языка были *семья* (119), *уют* (98), *тепло* (77), *защищённость* (72), *родной* (67), *там, где тебя ждут* (41), *поддержка* (35). Вышеперечисленные реакции частично совпали с реакциями носителей английского языка: *family* (43), *support* (35), *family dinner* (28), *kids* (17), *barbeque* (17), *safety* (2). У испытуемых старших курсов факультета иностранных языков, так же как у студентов, изучающих иностранный язык по интенсивной методике, наряду с вышеупомянутыми частотными реакциями, встречались такие ответы, как *камин* (12), *вилла* (8), *пригород* (7), *терраса* (2), *ипотека* (2), что частично совпало с реакциями носителей английского языка: *fireplace* (15), *terrace* (10), *suburb* (7), *cottage* (7), *rent* (5), *mortgage* (3).

На стимул АЭРОПОРТ наиболее распространёнными реакциями были *самолёт* (62), *суматоха* (41), *суета* (27), *много людей* (22), *дорога* (15), *кафе* (13), *чемоданы* (7), у носителей английского языка — *plane* (17), *flight* (12), *fuss* (12), *people in a hurry* (10), *crowds* (8), *luggage* (8). У ии. с высоким уровнем владения языком были замечены реакции, более детально, ёмко и точно характеризующие пребывание в аэропорту: *таможня* (12), *досмотр* (9), *дьюти-фри* (9), *check-in* (7), *регистрация* (5), что совпало с частотными реакциями у носителей языка: *customs* (13), *check-in* (11), *duty-free* (6), *luggage claim* (6) *security check* (5).

Отметим, что у ии., находившихся на начальной степени изучения языка, прослеживаются реалии, свойственные русскому культурному сообществу, либо являющиеся социально значимыми для настоящего времени: *хамство* (9), *террористы* (6), *бомба* (5), *спешат и толкаются* (3), *суматоха* (3), *контрабанда* (2), *санкционка* (1), *санкции* (1), *стресс* (1). Аналогичная ситуация наблюдается и среди реакций на другие стимулы. Например, ПОЕЗДКА НА МОРЕ: *поезд* (21), *проводник* (13), *пить чай в поезде* (5), *не был(а)* (5) *чурчхелла* (3), *кукуруза* (2), *фото с обезьянкой* (2), *пахлава* (1), *несбыточная мечта* (1), *надо много денег* (1); КАНИКУЛЫ: *речка* (35), *огород* (30), *велосипед* (12), *юг* (10), *шашлыки* (8), *велик* (1).

Было установлено совпадение реакций в группах носителей языка, студентов с высоким уровнем владения языком, а также студентов, изучавших язык по интенсивной методике. Хотя случаи совпадения составили небольшой процент от общего числа полученных реакций, их наличие свидетельствует о том, что ии., находившиеся на продвинутом уровне обучения языку, присвоили образы типичные для иноязычной культуры, и эти образы разделялись представителями их группы, что частично подтверждает выдвинутую нами гипотезу. Ни один из учебных билингвов не выдал реакций, совпадавших только с ответами англоязычных ии. и не соотносимых с частотными реакциями русскоязычной группы, что могло бы свидетельствовать о замещении образов русской культуры иноязычными.

Схожесть реакций, полученных в группе студентов 1 курса неязыковых факультетов, обучающихся по интенсивной методике, и у студентов факультета иностранных языков можно объяснить спецификой интенсивной методики преподавания, согласно которой освоение иностранного языка происходит через формирование образа ситуации. Следовательно, для более эффективного усвоения иностранного языка, преподаватель как проводник иноязычной культуры должен формировать яркие детальные образы культуры, которые обучающиеся присваивают и с опорой на которые в дальнейшем легче воспринимают и интерпретируют новую иноязычную информацию.

Отметим, что помимо указанного совпадения содержания полученных реакций, наблюдалась также схожесть формы их выражения: многие студенты предпочитали при заполнении бланков использовать английский язык, что также указывает на большую интегрированность в иноязычную культуру. В связи с вышеизложенным, можно сделать вывод, что методика обучения играет ключевую роль в процессе пополнения культурного знания образами иноязычной культуры.

При анализе результатов не было выявлено случаев замещения образов родной культуры образами, характерными для культуры изучаемого языка. Мы полагаем, этот процесс может иметь место при условии длительного пребывания в иноязычной культурной среде. Так же, проведенное исследование выявило, что не только уровень владения языком влияет на эмерджентные свойства распределённого культурного знания, но и способы и методы преподавания языка. В частности, образные репрезентации у студентов, изучавших язык по интенсивной методике, были схожи с образными репрезентациями студентов, владевших языком на высоком уровне.

Описанный выше эксперимент может послужить основой для проведения углубленного исследования специфики формирования образных репрезентаций при освоении иностранного языка. Однако, по нашему мнению, для проведения такого исследования необходимо как увеличить количество респондентов, так и разнообразить их состав, привлекая представителей других лингвокультурных сообществ.

Список литературы:

1. Лурия А.Р. Высшие корковые функции человека (дополненное издание). СПб.: Питер, 2008. 624 с.
2. Сазонова Т.Ю. Модели репрезентации культурного знания // Теория Языка и межкультурная коммуникация: электронный научный журнал КГУ. 2009. №1 (5). [Электронный ресурс]. URL: <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/005-13.pdf> (дата обращения: 15.02.2017).
3. Sharifian F. (2011). Cultural conceptualisations and language: theoretical framework and applications. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company.

Сведения об авторах:

Астахова Нина Викторовна, ассистент, Курский государственный университет, Курск, Россия; e-mail: niastakhova@gmail.com

Денисова Вера Валерьевна, к. ф. н., доцент, Курский государственный университет, Курск, Россия; e-mail: veravdenisova2016@gmail.com

Стародубцева Екатерина Александровна, к. ф. н., доцент, Курский государственный университет, Курск, Россия; e-mail: e.starodubtseva@mail.ru

CULTURAL CONCEPTUALIZATIONS AND LANGUAGE LEARNING

Nina Astakhova

Assistant, Kursk State University, Kursk, Russia; e-mail: niastakhova@gmail.com

Vera Denisova

Associate Professor, Kursk State University, Kursk, Russia; e-mail: veravdenisova2016@gmail.com

Ekaterina Starodubtseva

Associate Professor, Kursk State University, Kursk, Russia; e-mail: e.starodubtseva@mail.ru

Abstract

The paper describes the way mental representations being formed in the process of foreign language acquisition. Any object of naming is known to be stored in memory as an image representation. Any articulated word activates an image referring to some fragment of reality. Alternatively, to introduce a concept into speech, our cognition produces an image of a respective word.

When new words are introduced to a foreign language learner they are associated with the images of learner's reality and they are represented in the memory by these images. We develop a hypothesis that images connected with the reality of native language are substituted by the images of a foreign language in the process of learning.

Key words: cultural conceptualization, individual cognition, image representation, language reality, foreign language acquisition.

References:

1. Lurija, A. R. (2008). Vysshie korkovye funkcii cheloveka [Higher Cortical Functions of Human]. SPb.: Piter.
2. Sazonova, T. Y. (2009). Modeli reprezentacii kul'turnogo znanija [The models of representation of cultural knowledge]. In Teorija Jazyka i Mezhkul'turnaja Kommunikacija [Language Theory and Intercultural Communication], 1 (5). Retrieved 15 February, 2017 from <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/005-13.pdf>
3. Sharifian, F. (2011). Cultural conceptualisations and language: theoretical framework and applications. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company.

Современная технология ведения диалога культур на занятиях по иностранному языку

Т. А. Дмитренко

Московский педагогический государственный университет

Аннотация

В статье анализируются некоторые актуальные проблемы, связанные с повышением качества профессиональной подготовки будущих специалистов в области языкового образования. Данная статья посвящена проблеме современной организации занятий иностранного языка в системе высшего языкового образования. Рассматриваются особенности формирования иноязычных компетенций студентов в новых условиях, когда основным компонентом иноязычного образования становится межкультурная составляющая.

Автор придает большое значение новым технологиям преподавания иностранного языка, которые способствуют достижению эффективной коммуникации между специалистами в различных сферах в условиях поликультурной среды. Обосновывается необходимость и доказывается объективный характер преобразования лингвообразовательной парадигмы — с коммуникативной на межкультурную. Особое внимание уделяется профессионально-ориентированной технологии обучения межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: языковая подготовка, межкультурная коммуникация, диалог культур, профессионально-ориентированная технология, поликультурная среда.

Появление интереса к другой культуре предвещает начало диалога, который предполагает не только сопоставление национальных ценностей, но и выработку понимания того, что собственное этнокультурное существование невозможно без уважительного и бережного отноше-

ния к ценностям других народов. Диалог культур подразумевает потребность во взаимодействии и взаимообогащении. Взаимопонимание представителей разных культур происходит через язык, литературу, искусство, которые относятся к общечеловеческим ценностям.

Подражание чужой культуре или полное неприятие её должны уступить место диалогу, который для обеих сторон может быть плодотворным. Диалог культур становится одним из основных принципов межкультурного обучения и воспитания студентов на занятиях по иностранному языку в системе высшего языкового образования. В связи с этим, уместно вспомнить, что Д. С. Лихачёв в своих письмах о добром и прекрасном, писал: “Только осознав родную культуру в живой её соотнесённости с другими культурами можно стать гражданином Отечества и полноправным гражданином мира”.

Решение проблем глобализации невозможно без диалога культур. Однако для взаимопонимания и ведения диалога необходима кросс-культурная грамотность (понимание культур других народов), которая включает в себя: осознание различий в идеях, обычаях, национальных традициях, присущих разным народам, способность увидеть общее и различное между разнообразными культурами и взглянуть на культуру собственного общества глазами других народов.

Это позволяет учащимся, изучающим иностранный язык:

- адекватно выбирать манеру поведения в процессе межкультурного общения,
- критически оценивать ситуацию общения, достойно и уважительно относиться к иному национальному этикету и особенностям национального характера,
- проявлять интерес к культурным и историческим местам страны изучаемого языка,
- перенимать самое ценное, прогрессивное и общественно значимое в сфере познавательных интересов и переносить это в область национального опыта.

Для межкультурного взаимопонимания явно недостаточно знание одного только языка, требуется знание всего комплекса форм поведения, психологии, культуры своих партнёров по общению, чтобы предусмотреть возможности неверного понимания и избежать его [2, с. 32]. Чтобы отношения с представителями другой культуры были плодотворными, человек должен понимать её на эмоциональном уровне и уметь делиться с другими людьми свои чувства, то есть воспринимать чужую культуру на аффективном уровне. Для этого необходимо знать, какие эмоциональные высказывания и реакции можно позволить себе, ведь в каждом обществе есть свой критерий сентиментальности и эмоциональности.

Когда человек достигает необходимого уровня адаптации к другой аффективной ориентации, он может делиться с местными жителями юмор, веселье и восторг, так же как и боль и разочарование. При межкультур-

ной коммуникации, чтобы понять коммуникативное поведение представителей другой культуры, необходимо его рассматривать в рамках их культуры, а не своей, то есть здесь следует проявлять эмпатическое отношение к партнёру по коммуникации. Эмпатический тип коммуникации с его стремлением понять проблему культурных различий и найти необходимые пути и способы для взаимопонимания значительно увеличивает вероятность полного понимания между партнёрами.

Для современной технологии ведения диалога культур на занятиях иностранного языка целесообразным является применение сравнительно-сопоставительного метода для выявления особенностей двух языков и речевых культур. Нужно развивать у студентов умение приблизить свою речь к аутентичной, умение использовать речевую вариативность, трансформировать невербальное поведение в соответствии с нормами родной и иноязычной культур.

Невербальное поведение дополняет и обогащает речь, позволяет усиливать воздействие сообщения. Для преподавателя иностранного языка важным становится не только умение распознавать и понимать универсальные невербальные средства, но и национально обусловленные. В связи с этим, педагогу необходимо знать особенности использования пантомимических средств, характерных для представителей разных культур.

Сегодня возникла насущная потребность в подготовке студентов к эффективным межкультурным контактам на уровне повседневного межличностного общения. Это, в свою очередь, предполагает дополнения знания иностранного языка знанием особенностей культуры, знанием природы межкультурного непонимания, наличием практических навыков и умений в поведении, которые в совокупности позволяют свободно понимать представителей других культур [3, с. 14].

Современный специалист по межкультурной коммуникации должен на профессиональном уровне знать особенности культуры своих потенциальных партнёров по коммуникации и адекватно реагировать на их культурно обусловленные коммуникативные действия и поступки [1, с. 24]. Весьма важную роль в коммуникации играет молчание. В разных культурах представление о том, сколько молчания необходимо для адекватного общения, имеет свою национальную специфику. В Англии молчание считается неотъемлемой частью этикета, а умение выдержать паузу, уместно воспользоваться фигурой умолчания является показателем образованности и воспитанности.

Таким образом, умение понимать молчание партнёра по коммуникации является одним из компонентов профессиональной компетенции. Поведение людей, принадлежащих к другим культурам, не является чем-то непредсказуемым, оно поддаётся изучению и прогнозированию, но для этого требуется специальная подготовка к межкультурной коммуникации.

Современная технология ведения диалога культур на занятиях по иностранному языку предполагает не только усвоение культурологических знаний, но и формирование способности и готовности понимать ментальность носителей изучаемого языка, а также особенности коммуникативного поведения народа этой страны. Знание или незнание культурных особенностей играют большую роль для достижения взаимопонимания в межкультурном общении. Обладание такой информацией позволяет многое прояснить относительно того, что желательно, а что — нет, и на что накладывают табу в конкретной культуре. Носители разных языков не только мыслят по-разному, но и по-разному описывают события.

К примеру, в традициях отечественной медицины с больным принято говорить помягче, щадяще, прибегая зачастую к полуправдам и ко “лжи во спасение”. В западноевропейских странах наблюдается — обратная картина, от пациента ничего не скрывают и говорят правду в лицо обо всех его болезнях.

В Австралии обычным делом считается разговариваться с незнакомым человеком. Австралийцы — народ “без комплексов”. Если вы что-то хотите узнать, просто спросите. Австралийцы далеко не стеснительны, и, если им ваши расспросы придется не совсем по душе, они не постесняются попросить вас “не надоедать своими дурацкими вопросами”.

Англичане отличаются не только сдержанностью, но и с завидным упорством преодолевают любые жизненные проблемы, у них не принято жаловаться на судьбу или обстоятельства. Они не исповедуют, как американцы, психологию парадного оптимизма, но зато и не впадают в уныние или истерику, если у них что-то не ладится, в отличие от русских, которые порой любят поплакаться в жилетку.

Когда мы учим иностранный язык, мы знакомимся с кусочком чужой картины мира и пытаемся совместить его со своей картиной мира, заданной родным языком. Именно это совмещение и является одной из главных трудностей в изучении иностранного языка и обучении ему. Игнорирование культурных различий — весьма опасная для межкультурной коммуникации позиция. Во-первых, попытка “спрятать голову в песок” и притвориться, что все люди одинаковы, не устранил существующих различий. Во-вторых, способность декодировать информацию об идентичности собеседника ставит коммуниканта в условия, равные с носителями иной культуры. В-третьих, это знание позволяет усовершенствовать сам ход коммуникации: правильно выбрать тон общения, сознательно подойти к выбору тем, избежать обсуждения болезненных вопросов и лучше понять психологию поведения партнера.

Диалог культур для изучающих английский язык русских понимается не только как знакомство с культурой всех англоговорящих стран, но и как постижение особенностей жизни, быта и менталитета россиян, духовного наследия России, её вклада в мировую культуру.

Обучая иностранному языку как инструменту общения, нужно широко использовать в учебном процессе материалы, связанные с культурой и историей страны изучаемого и родного языка. В этом случае, у учащихся вырабатывается отношение к языкам и к их носителям, то есть, осуществляется движение культур навстречу друг другу. Это даёт возможность расширить своё видение мира и достичь более глубокого понимания природы вещей.

Список литературы:

1. Барышников Н. В. Основы профессиональной межкультурной коммуникации. Учебник. М.: ИНФРА-М, 2013. 368 с.
2. Дмитренко Т. А. Психология межличностного общения. Учебное пособие. М.: МГТА, 2013. 80 с.
3. Садохин А. П. Межкультурная коммуникация. Учебное пособие. М.: ИНФРА-М., 2013, 288 с.

Сведения об авторе:

Дмитренко Татьяна Алексеевна, д. п. н., профессор, академик МАНПО, Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия; e-mail: dmit.t.a@mail.ru

MODERN TECHNOLOGY OF CROSS-CULTURAL DIALOGUE IN A FOREIGN LANGUAGE CLASSROOM

Tatiana A. Dmitrenko

Doctor of Pedagogy, Professor, Academician of International Teacher's Training Academy of Science, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia; e-mail: dmit.t.a@mail.ru

Abstract:

The article examines some actual problems connected with the quality improvement of vocational training of the future specialists in the field of language higher education. This article is devoted to the problem of the organization foreign language course in the system of linguistic higher education. Peculiarities of forming students' foreign language competences in a new situation when cross-cultural component is becoming the principal part of foreign language education are considered.

The author highlights the role of new technologies in teaching foreign languages, which facilitate an effective communication of specialists of various spheres in a multicultural environment. The article proves the necessity and the objective nature of transformation of the linguistic and educational paradigm — from communicative to intercultural. The special attention is paid to the professional-focused technology in intercultural communication teaching.

Key words: foreign language training, intercultural communication, dialog of cultures, professional-focused technology, multicultural environment.

References:

1. Baryshnikov, N. V. (2013). *Osnovy professional'noj mezhkul'turnoj kommunikacii*. [Foundations of professional intercultural communication]. Textbook. Moskva: INFRA-M.
2. Dmitrenko, T. A. (2013). *Psihologija mezhlichnostnogo obshhenija*. [Psychology of interpersonal communication]. Moskva: MGTA.
3. Sadokhin, A. P. (2013). *Mezhkulturnaya kommunikatsiya* [Intercultural communication]. Textbook. Moskva: INFRA-M. Publ.

Языковой контакт как фактор формирования языковой картины мира

М. А. Елизарьева
МГИМО МИД России

Аннотация

В статье отражены результаты исследования, направленного на верификацию предположения о влиянии языковых контактов на ЯКМ, выдвигавшегося отечественными и зарубежными лингвистами, но до настоящего времени не было проверенного на обширном языковом материале. В ходе анализа 300 немецких калек в чешском языке были выявлены следующие изменения в чешской ЯКМ: 1) заимствование категории с семантическим инвариантом; 2) заимствование семантического инварианта с сохранением в языке-реципиенте значения, не вписывающегося в инвариант и образование дериватов на основе новых значений; 3) заимствование семантического инварианта, сопровождающееся стиранием изначальной ВФ лексемы и номинация других объектов на основе этого инварианта; 4) появление новых метафорических связей; 5) с копированием формы слова признаки, легшие в основу номинации, начинают восприниматься как существенные для данного объекта.

Ключевые слова: языковая картина мира, языковой контакт, чешский язык, немецкий язык, лексическая калька, семантическая калька.

Вопрос о взаимосвязи языковых контактов и ЯКМ поднимался в трудах отечественных и зарубежных ученых [1; 2; 3; 6; 7], однако ответ на него давался либо без аргументации, либо на основе анализа одной или нескольких языковых единиц. В связи с этим вопрос, могут ли языковые

контакты вызывать изменения в ЯКМ народа, был взят в качестве гипотезы нашего исследования, проведенного в русле идиоэтнического подхода.

В качестве примера был выбран немецко-чешский языковой контакт: в течение почти тысячи лет до середины XX в. массовый немецко-чешский билингвизм был характерной чертой языковой ситуации в Богемии и Моравии. При массовом смешанном билингвизме семантические системы контактирующих языков нередко сближаются, что имело место в нашем случае: семантическая система чешского языка уподобилась семантической системе немецкого, что нашло выражение в семантических и лексических кальках. Мы предположили, что при лексическом калькировании из-за копирования ВФ немецких лексем в чешский пришли элементы немецкой ЯКМ. Семантические кальки были результатом подсознательного отождествления билингвами немецких и чешских лексем.

Был сформирован и проанализирован корпус из 313 лексем. 180 лексем были обнаружены методом сплошной выборки из немецко-чешских, чешско-немецких и чешских этимологических словарей, остальные были взяты из работ, посвященных немецким калькам в чешском языке. Рассмотрим некоторые типы изменений в чешской ЯКМ, выявленные при анализе калек.

1. Заимствование категории с семантическим инвариантом

Основанием для отождествления чеш. *stopka* и нем. *Stiel*, стало значение 'стебель', к которому в чешском языке по немецкому образцу добавились значения 'черенок, черешок' (нем. *Apfelstiel*, чеш. *stopka jablka*), 'ножка бокала или рюмки' (нем. *Gläser mit langem Stiel*, чеш. *stopka kališku*), 'стебельки глаз' у насекомых и крабов (нем. *Stielaugen*, чеш. *oči na stopkách*), а также 'штиль' ноты (нем. *Notenstiel*, чеш. *stopka noty*). Еще несколько значений нем. *Stiel*, отсутствующие у чеш. *stopka* (палочка у мороженого, рукоятка инструмента, нем. *Eis am Stiel*, *Besenstiel*), позволяют определить семантический инвариант: длинная тонкая часть предмета соединяется с его более широкой и объемной частью. Таким образом, чеш. *stopka* переняло семантический инвариант нем. *Stiel*, но не весь круг его референтов. В чешской ЯКМ произошло заимствование категории, частично совпадающей с **немецкой**.

2. заимствование семантического инварианта с сохранением в языке-реципиенте значения, не вписывающегося в инвариант, образование дериватов на основе новых значений

На основе общего значения 'иметь ценность, стоимость, выраженную в деньгах' (чеш. *euro platí 25 korun* — нем. *Euro gilt 25 Kronen*) чеш. *platit* заимствовало ряд значений нем. *gelten*: 'быть действительным, действовать': чеш. *jízdenka už neplatí* — нем. *das Ticket gilt nicht mehr*, чеш. *zákon platí pro všechny* — нем. *das Gesetz gilt für alle*; 'слыть, считаться к.-л., каким-л.': чеш. *platí za nejlepšího matematika* — нем. *er gilt für den besten Mathematiker*; 'быть адресованным к.-л.': чеш. *komu platila vaše slova?* — нем. *wem galten Ihre Worte?*, чеш. *potlesk platí známému herci* — нем. *der Beifall gilt dem berühmten Schauspieler*. Можно

отметить калькирование дериватов: чеш. *(ne-)platný* — нем. *(un-)gültig* ‘(не-)действительный,’ и существительное чеш. *(ne-)platnost* — нем. *(Un-)gültigkeit* ‘(не-)действительность’. Значения нем. *gelten* можно подвести под инвариант “иметь значение, значимость”, заимствованный чеш. *platit* вместе со скалькированными значениями, однако исконное значение чеш. *platit* ‘платить’ в него не вписывается.

3. Заимствование семантического инварианта, сопровождающееся стиранием изначальной ВФ лексемы и номинация других объектов на основе этого инварианта

Полисеманты чеш. *jemný* и нем. *fein* обладают разной этимологией, но проявляют значительное сходство в значениях. Ср.-в.-н. *fin* является заимствованием ст.-фр. *fin* ‘*zart, rein, ausgezeichnet, von höchster Qualität*’, восходящего к лат. *finis*. Чеш. *jemný* — дериват чеш. *jmout* ‘взять, охватить’, его ВФ первоначально означала ‘то, что легко взять’, а основным значением было ‘хватаящий, хваткий, цепкий’. Отождествление чеш. *jmout* с нем. *fein* произошло благодаря значению ‘способный, хватаящий, остроумный, легко воспринимающий’.

В результате языкового контакта семантика чеш. *jemný* полностью изменилась: первое значение, соответствовавшее ВФ, уже отсутствует, вместо него появилась целая палитра новых значений, заимствованных из немецкого: ‘тонкий, нежный, гладкий’ о предмете: чеш. *jemná pleť* — нем. *feine Haut*; ‘мелкий, состоящий из мелких частей’: чеш. *jemný písek* — нем. *feiner Sand*; ‘тонкий, не грубый’: чеш. *jemné ruky* — нем. *feine Hände*, ‘чувствительный, восприимчивый, точный’: чеш. *jemné přístroje* — нем. *feine Instrumente*; ‘высшего качества’: чеш. *jemné pečivo* — нем. *feines Gebäck*; ‘изысканный, утонченный’: чеш. *jemné způsoby* — нем. *feine Manieren*. Отметим также скалькированные дериваты: чеш. *jemnost* — нем. *Feinheit* ‘мягкость, нежность, тонкость, изысканность, деликатность’, чеш. *zjemnit* — нем. *verfeinern* ‘смягчить, облагородить, утончить’ и чеш. *zjemnělý* — нем. *verfeinert* ‘утонченный, рафинированный’, чеш. *jemnocitný* — нем. *feinfühlig* ‘чувствительный, чуткий, деликатный’, чеш. *jemnocitnost* — нем. *Feinfühligkeit* ‘чувствительность, чуткость’, чеш. *jemnozrní* — нем. *feinkörnig* ‘мелкозернистый’.

Как мы видим, в чешской ЯКМ появилась новая категория свойств, которые, как в чешском, так и в немецком, могут быть приписаны практически аналогичному кругу референтов.

4. создание новых метафорических связей

Чеш. *smůla* ‘смола’ под влиянием нем. *Pech* обрело переносное значение ‘неудача, невезение’. Нем. *Pech haben* ‘быть невезучим’ и *Pechvogel* ‘неудачник’ появились в студенческом жаргоне в XVIII в.: в те времена птиц ловили, намазав дерево смолой — птица прилипла к ветке и не могла взлететь. Нем. *Pech haben* было скалькировано как чеш. *mit smůlu, Pechvogel* — как чеш. *smolař* ‘неудачник’. Кроме того, в чешском фразеологизме *smůla se lepí na paty* ‘неудача преследует к.-л.’,

букв. ‘неудача/смола прилипает к пяткам’), также прослеживается ассоциация “смола — невезение”, подчеркиваемая их общим свойством — клейкостью: неудача прилипает к человеку как смола, и от нее трудно избавиться. Вследствие языкового контакта чеш. *smůla* получило дополнительную негативную коннотацию.

5. С копированием формы слова признаки, легшие в основу номинации в языке-источнике, начинают восприниматься как существенные для данного объекта носителями языка-реципиента

Чеш. *červánky* ‘утренняя и вечерняя заря’ (чеш. *červěný* ‘красный’) — калька от нем. *Morgenrot* ‘утренняя заря’ и *Abendrot* ‘вечерняя заря’, которые содержат компонент *-rot* ‘красный’. Рус. *заря*, укр. *зоря*, бел. *зара*, пол. *zorza wieczorna*, словак. *ranné zore, večerné zore*, болг. *вечерна заря, зора*, хорв. *zora* восходят к о.-слав. **zorà* ‘сияние, свет’ [4, с. 317]. На фоне сохранения исконной номинации во всех славянских языках кроме серб. *вечерње руменило, јутарње руменило* заметно, что в чешском номинация понятия “заря” стала осуществляться на основании иного признака — красного цвета неба.

Чеш. *hrací kamene* — калька с нем. *Spielsteine* ‘фигурки для игры, фишки’, сохранившая ВФ немецкого эквивалента — ‘игровые камни’, в обоих языках употребляются сокращения: чеш. *kamene*, нем. *Steine*. Скалькированным было также обозначение шахматных фигур: чеш. *šachové kamene* — нем. *Schachspielsteine*. ВФ объясняется тем, что фишки для настольных игр первоначально делались из камней [5]. Хотя впоследствии основным материалом для их изготовления стали дерево и пластмасса, принцип номинации в обоих языках сохраняется и напоминает о первоначальном использовании камней как фигурок в настольных играх.

Приведенные примеры не исчерпывают возможные варианты изменений в чешской ЯКМ, но они отражают наиболее значительные их типы. Необходимо помнить, что условия каждого языкового контакта уникальны, и они будут создавать уникальную комбинацию изменений в языковой системе, и, тем самым, в ЯКМ.

Список литературы:

1. Зализняк А. А. Русская семантика в типологической перспективе. М: Языки славянской культуры, 2013. 640 с.
2. Серебrenников Б. А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление. М.: Наука, 1988. 242 с.
3. Урысон Е. В. Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике. М.: Языки славянской культуры, 2003. 224 с.
4. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М.: Рус. яз., 1999. Т. 1: А — Пантомима. 624 с.
5. Deutsches Wörterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm. [Электронный ресурс]. <http://woerterbuchnetz.de/DWB/?sigle=DWB&mode=Vernetzung&le-mid=GS34825#XGS34825> (дата обращения: 10.03.2017)

6. Oksaar E. Zweitspracherwerb. Wege zur Mehrsprachigkeit und zur interkulturellen Verständigung. Stuttgart: Kohlhammer, 2003. 222 S.
7. Schmidt-Rohr G. Die Sprache als Bildnerin der Völker. Eine Wesens- und Lebenskunde der Volkstümer. Jena: Diederichs Verlag, 1932. 415 S.

Сведения об авторах:

Елизарьева Мария Алексеевна, преподаватель, МГИМО МИД России, Москва, Россия; e-mail: marycreek@mail.ru

**LANGUAGE CONTACT AS A FACTOR SHAPING LANGUAGE
WORLD VIEW**

Maria A. Yelizaryeva

Lecturer, MGIMO University, Moscow, Russia; e-mail: marycreek@mail.ru

Abstract

The paper is an attempt to verify the hypothesis that language contacts can shape the language world view. This assumption was made by some linguists, but still has not been proved on sufficient language material. Analysis of 300 German semantic and lexical loans in Czech showed the following changes in the Czech language world view: 1) loaning of category with its semantic invariant; 2) loaning of semantic invariant, the recipient language retains the first meaning which does not correspond to the invariant; 3) loaning of semantic invariant, the word's inner form disappears, other objects are nominated on the basis of new meaning; 4) new metaphors or associations; 5) With copying of the word form, the object's characteristics which served the basis for nomination are inherited; therefore, they become vital for the given object.

Key words: language contact, language world view, Czech language, German language, semantic loan, lexical loan.

References:

1. Zalizniak, A. A. (2013). Russkaia semantika v tipologicheskoi perspective [Russian Semantics in typological perspective]. Moskva: Iazyki slavianskoi kul'tury.
2. Serebrennikov, B. A. (1988). Rol' chelovecheskogo faktora v iazyke: Iazyk i myshlenie [The Role of human factor in language: language and thinking]. Moskva: Nauka.
3. Uryson, E. V. (2003). Problemy issledovaniia iazykovoi kartiny mira: Analogiia v semantike [Problems of language world view research: Semantic Analogy]. Moskva: Iazyki slavianskoi kul'tury.
4. Chernykh, P. Ia. (1999). Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo iazyka [Historical-Etymological Dictionary of Modern Russian]. Moskva: Rus. iaz.
5. Deutsches Wörterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm. Retrieved 10 March, 2017 from <http://woerterbuchnetz.de/DWB/?sigle=DWB&mode=Ver-netzung&lemid=GS34825#XGS34825>.

6. Oksaar, E. (2003). Zweitspracherwerb. Wege zur Mehrsprachigkeit und zur interkulturellen Verständigung. Stuttgart: Kohlhammer.
7. Schmidt-Rohr, G. (1932). Die Sprache als Bildnerin der Völker. Eine Wesens- und Lebenskunde der Volkstümer. Jena: Diederichs Verlag.

Кросс-культурный компонент в курсе английского языка для магистрантов-менеджеров

Н. А. Зинкевич
МГИМО МИД России

Аннотация

Развитие кросс-культурной компетенции рассматривается в статье как неотъемлемая часть общепрофессиональной подготовки магистрантов в курсе английского языка [1]. Данная компетенция развивается на двух уровнях — как *расширением знаний* о деловой культуре разных стран, так и *приобретением навыков* эффективного общения в мультикультурной деловой среде. Магистранты знакомятся с практическими рекомендациями по ведению бизнеса в странах с “высоким” и “низким” контекстом, где вербальная коммуникация играет менее значительную роль нежели “неписанные правила”, выработанные исторической общностью ценностей и традиций. Знание культурных различий в отношении ко времени и ориентация культур на прошлое, настоящее или будущее может значительно помочь студентам в будущей работе при заключении контрактов, ведению переговоров и т.д. Политкорректность в деловой среде и “эмоциональный интеллект” изучаются в уроке *Мягкие навыки*, вербальная и невербальная коммуникация подробно рассматриваются параллельно с деловыми презентациями.

Материалами для обучения межкультурной коммуникации служат тематические тексты, содержащие культурно обусловленную лексику, видеозаписи, анализ конфликтных ситуаций, возникающих в результате культурных различий, презентации, новости, личный опыт межкультурного общения студентов. Невозможно предусмотреть все ситуации межкультурного общения, но интеграция в учебный материал кросс-культурного компонента способствует воспитанию толерантности, уважению к “инаковости”, осознанию необходимости изучения не только языка, но и культуры.

Ключевые слова: культурные измерения, культура деловой среды, интеграция межкультурной компетенции, “мягкие навыки”, культурно обусловленная лексика, толерантность к “инаковости”.

There is no need to prove that MGIMO graduates are likely to have multiple encounters and contacts in multicultural environment by conducting talks, making contracts, doing market research, launching advertising campaigns, etc. All these activities require from managers awareness of their business partners' mentality, specifics of their corporate culture and knowledge of some other cultural dimensions.

Intercultural competence is a must in the Federal State Educational Standard of Higher Education in Management (Master's level), which says that graduates have to be able and ready to lead a team in their professional sphere and be tolerant to social, ethnic, religious and cultural differences of its members. This statement embraces not only the formation or honing such competencies as leadership, teamwork, but also understanding another culture, its traditional values, cultural markers, behavioural norms in all forms of human interaction, and other parameters of cross-cultural communication to be sympathetically and knowledgeably aware of.

Cross-cultural competence could be viewed as *knowledge about* another culture, on the one hand, and a person's ability *to effectively act* in a multicultural environment, on the other. MGIMO students who have earned their Bachelor's degree and enrolled in the Master's programme do not start learning cross-cultural communication from scratch. During the Bachelor's course, they acquired substantial cultural *knowledge* when doing *British and American Studies*. Having read and discussed a lot of articles and fiction, which contain background information pertaining to the US and British cultures, participants in the Master's programme focus on intercultural communication in business and acquiring relevant *skills*.

Pursuant to the principle of content and language integrated learning (CLIL) the authors of the textbook for managers [2] introduced *Them and Us* section in each of the seventeen units, that predominantly focuses on developing cross-cultural competence in business. The materials incorporated into the textbook do not aim to cover a vast, in fact, infinite area of intercultural communication, but serve to raise students' awareness of the fact that their future business partners might behave differently from them, and this 'otherness' should be respected. The differences could be traced in the whole range of cultural dimensions or their sub-categories, such as age, gender, social status, company culture, traditions, beliefs and values, time orientation, attitude to change and innovations, norms of behaviour in the country of residence, and many others, encompassed by the concept of *culture*.

In view of the above, the authors of the book *Cultural Awareness* Barry Tomalin and Susan Stempleski observe that 'it is difficult to identify a detailed syllabus for study of culturally — influenced behaviours.' They recommend that the study 'should arise out of language material being studied, but should, nevertheless, be clearly identified and systematically treated as a regular feature of a language lesson' [3].

The textbook addresses several cultural dimensions, such as age, gender, stereotypes, the concept of time, high-and low-context cultures, risk embrac-

ing/ aversion, man-nature relationship, individualism/collectivism, attitude to change/ uncertainty, non-verbal communication, and some others.

Thus, when discussing the business culture of generation Y, students analyse specific qualities of the Millennials, their flexibility and adaptability to the challenges of the changing world, their more solicitous attitude to the nature and the available resources. The findings show that Digital Natives have a lot more in common — they are more tolerant to racial and ethnic differences, tend to distrust advertising, their buying habits largely depend on their peers' 'word-of-mouth' and the strategy of advertisers. Millennials have already entered the labour market, bring changes, and help innovate.

The quasi-real task for the students is to conduct an interview between a middle-aged HR manager and a digitally deft Gen Y applicant for the vacancy of a digital marketer whose task is to build online relationship between brands and sports enthusiasts. Another activity includes developing a marketing strategy or launching an advertising campaign targeting at Millennials.

The unit *Gender Agenda* lends itself admirably to tackling male and female styles of management and leadership. While discussing the materials students learn most important gender dichotomies between the values and relationships with employees and subordinates, ways of conflict-resolution, conducting negotiations, etc. Male managers are believed to be more assertive and decisive — competition and deliverables are more important for them than good relationships, cooperation, consensus, or compromise (female style).

There are stereotypes and prejudices, which still persist and might skew how women's contributions are perceived and valued. A new "glass-ceiling index" created by the Economist in 2014 shows where women have the best chances of equal treatment at work and what the gap between male and female employment rates in different countries indicate. **Numerous studies have shown that companies that smash the "glass ceiling" tend to increase their profits by an average of five percent.** Besides the concept of "glass ceiling", future managers have an opportunity here to reflect on the notion of "glass cliff", which refers to the tendency of groups, organizations, or political parties to put women in power during times of crisis, when there is a high probability of failure.

One of the reasons why cross-cultural studies are necessary is raising students' awareness of their own culture. Apart from teaching materials in English, the textbook contains topical articles in Russian about the situation with "womonomics" in our country, which allows to draw comparisons and conclusions as well as provide future managers with "food for thought".

One of the important cultural dimensions is the concept of time, which is dealt with in *Time Management*. The attitude to past, present, and future differs widely across cultures. Some put more emphasis on the past, others stress the present, or future. The students study the material taken from one of the best books in the field by Fons Trompenaars and Charles Hampden-Turner [4] and get practical tips for doing business in past-, present- and future-oriented countries. This advice may come in very handy for establishing rapport with

business partners, holding negotiations, or serve as safe topics for a “small talk”. Past-oriented countries tend to view everything in terms of history, traditions, ancestors, respect for cultural heritage, etc. Present-oriented countries treasure the present moment, tend to be interested in the outcomes “here and now”. Future-oriented societies emphasize opportunities, embrace change, outline prospects, plan and strategize.

The study of this topic is product oriented — writing a proposal about how the new cultural knowledge may affect marketing strategy/ advertising, negotiations and other business activities, or writing an essay and suggesting ways of overcoming the cultural chasm when orientations to time differ within corporations spanning different cultures.

Students are also alerted to high- and low-context cultures, which is of great significance when dealing with business partners from low-context societies, based on history and traditions passed from generation to generation (e.g. China, Japan). Verbal communication means less than shared values, or behavioral patterns.

When learning English, students are exposed to multiple critical incidents dealing with cross-cultural encounters where misunderstanding has occurred. The task is to analyse them, find the reason, and suggest ways of conflict resolution.

The teaching materials vary in genres and activities in forms. Students discuss culturally loaded texts and culturally sensitive lexis, watch videos, do case studies and cultural tests, as well as prepare presentations of their own choice on non-verbal communication and other topics. Current news also provides many opportunities for discussion (President Trump’s body language or outré “humour” practiced by Charlie Hebdo).

Список литературы:

1. Английский язык для магистрантов-менеджеров: готовясь к будущему/ Н. А. Зинкевич [и др.]. М., 2016. 417 с.
2. Gibson R. Intercultural Business Communication. 2008. P. 26–27.
3. Tomalin B and S. Stemplesky. Cultural Awareness. 1993. P. 7–9.
4. Trompenaars F. and Hampton-Turner Ch. Riding the Waves of Culture. 1997. P. 138–140.

Сведения об авторе:

Зинкевич Нина Антоновна, к. ф. н., доцент, МГИМО МИД России, Москва, Россия, e-mail: nizi@mail.ru

CROSS-CULTURAL COMPONENT IN ENGLISH COURSE FOR MANAGEMENT MASTERS

Nina A. Zinkevich

Candidate of Philology, Associate Professor, MGIMO University, Moscow, Russia; e-mail: nizi@mail.ru

Abstract

The article looks at cross-cultural competence of future Masters as part of their general professional training in English course. This competence is developed both at the level of *expanding knowledge about* business cultures across borders and *acquiring skills* for effective communication in a multicultural business environment. Students familiarize themselves with practical tips about doing business in high- and low-context cultures, where verbal communication plays a lesser role than “unwritten laws”, based on shared history, values, and traditions. Awareness of cultural differences relating to time and past-, present-, and future time orientation can considerably help graduates in future when making contracts or conducting business talks. Political correctness in business and emotional intelligence are studied in the unit Soft skills; verbal and non-verbal communication goes together with presentations.

The teaching materials vary in genres and include experts’ writings, culturally loaded texts, videos, analysis of culturally sensitive incidents, news, presentations as well as students’ personal observations and hands on experiences. It is impossible to foresee thousands of cross-cultural encounters, but the present course promotes tolerance and respect for “otherness” and fosters the belief that studying *Culture* is as necessary as learning a foreign language.

Key words: cultural dimensions, business culture, integrating cross-cultural competence, “soft skills”, culturally loaded lexis, tolerance of “otherness”.

References:

1. Zinkevich, N., et al. (2016). English Course for Management Masters: Preparing for the Future,
2. Gibson, R. (2008). Intercultural Business Communication. P. 26–27.
3. Tomalin, B., and Stemplesky. (1993). Cultural Awareness. P. 7–9.
4. Trompenaars, F., and Hampton-Turner, Ch. (1997). Riding the Waves of Culture.

Представители иноязычных культур в “Оксфордском словаре цитат”: Who Can Quote Scripture for His Own Ends?

К. Ю. Игнатов

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Аннотация

В статье приводятся результаты сплошного анализа “Оксфордского словаря цитат” с точки зрения страноведческой и языковой характеристики составляющих его высказываний. Сам словарь рассматривается как корпус отдельных текстов — включённых в него крылатых выражений. Все словарные статьи маркированы по языку высказывания, также

уточнена национальная принадлежность автора, указанная в словаре. Анализ полученных данных позволяет сделать три важных вывода: о степени важности для англоязычной культуры высказываний представителей других культур; о различном влиянии авторов высказываний иммигрантов в США и Великобритании; о своеобразной “лингвистической допустимости” и “языковой иерархии” иноязычных выражений в англоязычном высказывании.

Ключевые слова: “Оксфордский словарь цитат”, цитаты, крылатые выражения, иноязычная культура, лингвокультура.

“Оксфордский словарь цитат” представляет собой авторитетный источник информации о часто используемых крылатых выражениях в английском языке. Словарь, впервые увидевший свет в 1941 г., успешно выдержал семь изданий, причём принципы формирования каждого из них во много отражали меняющийся мир англоязычной культуры. Изначально цитаты отбирались экспертами; сегодня словарь составляется на основе работы с современными печатными текстами и интернет-текстами, а также с привлечением Оксфордского национального корпуса английского языка. Он предназначен для использования в качестве реферативного источника данных о цитатах, используемых в современной речи и прошлом (в отношении источников, которые не утратили релевантности по сей день, прежде всего, англоязычных изданий классической литературы), но может рассматриваться как отражение аксиологической системы англоговорящего мира.

Например, на основе предпоследнего издания этого словаря Л. В. Пондубиченко провела оригинальное исследование о месте, которое в нём занимает Россия, придя к выводу, что “среди сотен авторов и тысяч цитат Россия была представлена всего 32 высказываниями, принадлежащими

Рисунок 1.

Национально-культурный состав авторов крылатых выражений из Великобритании и Ирландии: по числу авторов (а) и по числу цитат (б)

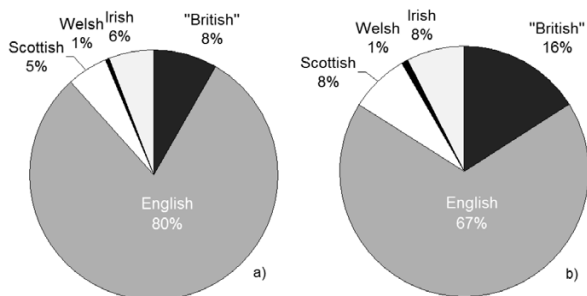

Таблица 1.

Авторы крылатых выражений, рождённые на территории указанных стран, и принявшие подданство после иммиграции: соотношение по числу авторов и по числу цитат

№	Авторы	Количество авторов (и доля %)	Количество цитат (и доля %)
1.1	Великобритания и Ирландия: национальные авторы	1606 (96,8 %)	10 592 (96,9 %)
1.2	Великобритания и Ирландия: иммигранты	53 (3,2 %)	338 (3,1 %)
2.1	США: национальные авторы	773 (92,1 %)	2036 (93,4 %)
2.2	США: иммигранты	66 (7,9 %)	144 (6,6 %)

перу 11 авторов” [2, с. 48]. Представляется важным для проверки того, насколько количество цитат из русскоязычных авторов мало или велико, провести количественный анализ представления всех стран.

Исследование основано на сплошном анализе “Оксфордского словаря цитат” как корпуса, в котором каждая цитата из одной словарной статьи рассматривается как текст [1]. Для разметки корпуса использованы указанные в словаре сведения (автор, национальная принадлежность, дата высказывания, язык и т.д.). В аннотацию корпуса введён дополнительный параметр — жанр высказывания; также уточнены словарные данные. Общее число состава корпуса таково: в 3 554 словарных статей содержат 20 198 цитат (приведённое ранее число крылатых выражений в словаре [1, с. 167] уточнено). Исследовался национальный и языковой состав словаря.

Первое направление анализа связано с национальной (шире — государственной) принадлежностью авторов. Оставляя за пределами статьи обсуждение уточнений, которые в процессе работы нужно было внести в справочную информацию, сопровождающую каждую словарную статью (прежде всего, уточнения касались биографических данных и унификации представления информации), заметим, что если в отношении большинства стран даётся весьма рациональное указание на национальную принадлежность (например, для граждан США ‘American’, ‘American (French-born)’ и т.д.), то в отношении подданных британской империи может указываться как ‘British’ (если автор имел общегосударственное значение; это касается, в первую очередь, государственных деятелей), так и ‘English’, ‘Scottish’ и т.д. (если в общественной деятельности автора была важна собственно национальная принадлежность). Именно поэтому Великобритания и Ирландия рассматриваются вместе из-за невозможности их разграничения. Всего в этой группе 10 930 высказываний 1 659 авторов. Рис. 1 иллюстрирует соотношение авторов в указанной группе.

Таблица 2.

Рейтинг стран-источников цитат по количеству авторов
(включены страны с показателем 10 и более авторов)

№	Источник цитаты	Количество авторов	Доля от общего числа авторов, %
1	Великобритания и Ирландия	1659	48,03
2	США	839	24,29
3	Франция	248	7,18
4	Германия	89	2,58
5	Канада	72	2,08
6	Античный Рим	69	2,00
7	Античная Греция	53	1,53
8	Италия	51	1,48
9	Россия и СССР	45	1,30
10	Австралия	29	0,84
11	Собрание текстов англоязычных культур	24	0,78
12	Испания	22	0,69
13	Индия	17	0,64
14	Южная Африка	16	0,49
15	Иудейские тексты	14	0,46
16	Китай	14	0,41
17	Австрия	13	0,41
18	Япония	13	0,38
19	Христианские религиозные тексты	10	0,38
20	Нехристианские религиозные тексты	10	0,29
21	Персия	10	0,29

США представлены в словаре 2180 цитатами из 839 авторов. С точки зрения национальной принадлежности автора и его происхождения можно сделать первый важный вывод в отношении США и Британии с Ирландией.

Из Таб. 1 видно, что, США недаром считается страной иммигрантов: с точки зрения вклада в “копилку национальной мудрости” страны роль иммигрантов более чем в два раза существеннее, чем в Великобрита-

нии и Ирландии (7,9% против 3,2%). В то же время роль авторов-иммигрантов в Британии и Ирландии на зависит от основания подсчёта: и по количеству авторов и по количеству крылатых выражений они составляют примерно 3%, а в США подсчёт по количеству цитат снижает долю авторов-иммигрантов на 1%. Несколько упрощая, можно сказать, что одарённые красноречием иммигранты имеют больше шансов быть услышанными в США, чем в Британии или Ирландии, но если им удалось завладеть вниманием британцев и ирландцев, то в дальнейшем их будут слушать внимательнее, чем в США.

В Таб. 2 приведены “национальные лидеры” словаря цитат по количеству авторов, в Таб. 3 — по количеству цитат. В обеих таблицах в каждой из указанных стран включены и национальные авторы, и иммигранты. Под рубрикой “Собрание текстов англоязычных культур” понимается все тексты, которые не могут быть отнесены ни к одной из стран, но важны англоговорящего мира в целом. Это анонимные высказывания (в том числе цитаты на древнескандинавском и древнеанглийском языках), баллады, пословицы, политические лозунги, рекламные призывы, тосты и т.д.

Таблица 3.

Рейтинг стран-источников цитат по количеству цитат (включены страны с показателем более 100 цитат)

№	Источник цитаты	Количество цитат	Доля от общего числа цитат, %
1	Великобритания и Ирландия	10 930	54,11
2	США	2180	10,79
3	Собрание текстов англоязычных культур	1948	9,64
4	Христианские религиозные тексты	1771	8,77
5	Франция	859	4,25
6	Античный Рим	607	3,01
7	Германия	333	1,65
8	Античная Греция	284	1,41
9	Россия и СССР	175	0,87
10	Нехристианские религиозные тексты	154	0,76
11	Италия	128	0,63
12	Канада	111	0,55

Таблица 4.

Распределение цитат в словаре по языку высказывания

№	Язык цитаты	Количество цитат	Доля, %
1	Английский	18 943	93,811
2	Латинский	666	3,298
3	Французский	390	1,931
4	Немецкий	101	0,500
5	Итальянский	50	0,248
6	Испанский	31	0,153
7	Староанглийский	6	0,030
8	Древнескандинавский	3	0,030
9	Греческий	2	0,010
10	Валлийский	1	0,005
	Всего неанглоязычных цитат	1250	6,19
	Всего цитат	20 197	100

Из Таб. 2 и Таб. 3 видно, что совокупно Великобритания, Ирландия и США, составляют примерно 70% словаря цитат, а почти треть словаря занята представителями других, в основном неанглоязычных, культур, что весьма существенно.

Также обратим внимание, что вопреки утверждению проф. Л. В. Полубиченко, Россия занимает вполне достойное место, оставив позади многие англоговорящие страны и разные крупные экономические и политические державы, представляющие крупные центры культуры. Более общий вывод — «европоцентризм» англоязычной культуры. Действительно, среди стран-лидеров не нашлось место ни для одной южноамериканской страны, а Африка попала в таблицу лидеров только благодаря бывшим британским колониям.

Второе направление исследования состояло в анализе языка высказываний. В словарь включаются как цитаты на языке оригинала (всего 10 языков), так и в переводе. Результаты количественного анализа приведены в Таб. 4. Отметим, что общее число цитат 12 197 в таблице меньше на один указанного ранее, поскольку одно из крылатых выражений — формула Альберта Эйнштейна ($E = mc^2$).

Как видно из Таб. 4, самый популярный иностранный язык цитат — латинский. Авторы с количеством высказываний на латинском языке более 18 приведены в Таб. 5.

Авторы с наибольшим количеством цитат на французском языке — Вольтер, Мольер, Блез Паскаль, Себастьян-Рош Николая де Шамфор,

Таблица 5.

Авторы наибольшего количества цитат на латинском языке

№	Автор	Количество цитат
1	Гораций	132
2	Вергилий	100
3	Ювенал	33
4	Овидий	30
5	Римский миссал (католическая богослужбная книга)	30
6	Катулл	24
7	Вульгата	24
8	Тацит	18

	Всего латиноязычных цитат	666

Артур Рембо; на немецком — Гёте, Шиллер, Томас Манн и Рильке; на испанском — Сервантес и Пабло Неруда; на итальянском — Данте. Древнеанглийские цитаты происходят из эпической поэмы “Битва при Молдоне”, эпической поэмы “Беовульф” и героической элегии “Деор”. Цитаты на древнескандинавском языке — две из “Саги о людях из Лаксдаля (Лососьей долины)” и одна — из поэмы “Хавамал” (Речи Высокого). Высказывания на греческом языке представляют собой транскрибированные на английском цитату из книги Ксенофонта “Анабасис” Архимеда и знаменитую “Эврика!” Архимеда. Цитата на валлийском языке — лирическое высказывание современной валлийской поэтессы Гвинет Льюис, написанное в 2004 году для того, чтобы украсить им фронтон Уэльского Миллениум-центра в Кардиффе (как и с другими иноязычными выражениями, словарь приводит англоязычный перевод: “*Creating Truth Like Glass From Inspiration’s Furnace*”).

Таким образом, количественный анализ словаря позволил сделать интересные культуроведческие выводы.

Список литературы:

1. Игнатов К. Ю. “Оксфордский словарь цитат” как корпус: разметка по жанрам высказываний // Труды VIII Международной научной конференции “Прикладная лингвистика в науке и образовании”. СПб.: Книжный Дом, 2016. С. 164–169.
2. Полубиченко Л. В. Образ России в “Оксфордском словаре цитат”. // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. №1. С. 46–64

3. Oxford Dictionary of Quotations (ed. by Elizabeth Knowles). 7th ed. Oxford: OUP. 2009.

Сведения об авторе:

Игнатов Кирилл Юрьевич, к. ф. н., доцент, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия; e-mail: kirill72@yahoo.com

**WHO CAN QUOTE SCRIPTURE FOR HIS OWN ENDS?
A LINGUOCULTURAL STUDY OF OXFORD QUOTATION
DICTIONARY**

Kirill Ignatov

Candidate of Philology, Associate Professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; e-mail: kirill72@yahoo.com

Abstract

The paper presents results of the analysis of the quotations included in *Oxford Quotation Dictionary* from the linguistic and linguocultural viewpoints. The dictionary itself is treated as a corpus of quotations, i.e. texts, where all the constituent elements are annotated in accordance with their language and their authors' national affiliations. As a result, three important conclusions are drawn: about the degree of importance of different national cultures in the English-speaking world; about different presentations of immigrants in the USA and the UK; about the 'linguistic acceptability' and 'hierarchy of languages' of foreign-language quotes in a speech in English.

Key words: *Oxford Quotation Dictionary*, quotations, aphorisms, foreign-language culture, linguoculture.

References:

1. Ignatov, K. (2016). "Oksfordskii slovar' tsitat" kak korpus: razmetka po zhanram vyskazyvanii [Oxford Quotation Dictionary: Annotating the genres of the quotations]. *Trudy VIII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Prikladnaia lingvistika v nauke i obrazovanii"* [Proceedings of the 8th International Conference 'Applied Linguistics in Research and Education']. SPb.: Knizhnyi Dom, 164–169.
2. Polubichenko, L. V. (2010). Obraz Rossii v "Oksfordskom slovare citat" [The representation of Russia in *Oxford Quotation Dictionary*]. *Vestnik Moskovskogo universitetata. Ser. 19. Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija*. [Papers of Moscow State University. Series 19. Linguistics and Cross-Cultural Communication], 1, 46–64.
3. Oxford Dictionary of Quotations (2009) (ed. by Elizabeth Knowles). 7th ed. Oxford: OUP.

Обучение иноязычному общению в политическом дискурсе на материале идиом в контексте лингвокультурологического подхода

А. М. Ионова

МГИМО МИД России

Аннотация

Успешность профессионального общения в политическом дискурсе зависит от целого ряда факторов, в частности от того, насколько собеседники способны и готовы воспринимать особенности лингвокультурного поведения друг друга. Идиомы представляют собой лингвистические устойчивые обороты речи, отражающие культуру и быт народа. Они позволяют говорящему сделать высказывание более эмоциональным и при этом полнее и точнее донести свою мысль до слушателей. Однако значение идиом не определяется значением входящих в их состав слов, что создает значительные трудности при их восприятии и понимании, особенно в условиях межкультурной коммуникации. Настоящий доклад посвящен критериям отбора идиом для обучения иноязычному общению в политическом дискурсе, а также содержит примеры заданий и упражнений, способствующих успешности данного обучения.

Ключевые слова: политический дискурс, профессиональное общение, идиома, лингвокультурологический подход.

Анализ специфики деятельности сотрудников дипломатических ведомств позволяет сделать вывод, что профессиональное общение в сфере дипломатической коммуникации большей частью “представляет собой процесс переговоров и бесед, участниками которых являются равные партнеры” [5, с. 7], преследующие цель не только донести до собеседника определенную информацию, но и достичь взаимопонимания, согласия в процессе переговоров и решении международных проблем.

Успешность межкультурного общения во многом зависит от того, насколько хорошо его участники знакомы со спецификой поведения своего собеседника (его речевого, так и неречевого), как представителя иной лингвокультуры.

Исследованием особенностей речевого и неречевого поведения представителей разных культур среди прочих наук занимается, в том числе, и *лингвокультурология* — наука, изучающая “взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании” [2, с. 36]. Объектом изучения лингвокультурологии являются фоновые знания жителей определенной страны, представленные в их языковом сознании и связанные с религией, культурой, обычаями и бытом.

Предметом изучения лингвокультурологии является “языковая картина мира”, под которой традиционно понимается исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о мире, определенный способ концептуализации действительности (Л. Вайсгербер). По мнению большинства ученых, языковая картина мира — это “материальная и духовная культура, созданная человечеством, артефакты, выраженные в языке” [2, с. 32], она формирует тип отношения человека к миру (природе, животным, самому себе как элементу мира), задает нормы поведения человека в мире и определяет его отношение к миру (Маслова).

Компонентами языковой картины мира являются лексический и грамматический строй языка, его фонетика, орфография, объем семантики, стилистические коннотации, особенности лексико-фразеологической сочетаемости. Языковая картина мира создается разными способами; наиболее выразительными и яркими, по мнению многих исследователей, являются фразеологизмы, мифологемы, образно-метафоричные слова, коннотативные слова и др. (С. Г. Тер-Минасова).

Данная работа посвящена *идиомам*, которые в интересах настоящего исследования, мы, вслед за некоторыми учеными (Н. Н. Амосова, Н. В. Ерохина) определяем как *лингвистические устойчивые обороты речи, значение которых не определяется значением входящих в их состав слов*. При интерпретации таких единиц речи исходят не из значения каждого отдельного компонента, а из передачи смысла всего высказывания в целом. Идиомы отражают культуру и быт народа, его богатый исторический опыт, ментальность носителей языка. Следует отметить, что в рамках профессионального общения международники (сотрудники дипломатических ведомств, политики) часто употребляют в своей речи различные идиоматические выражения, стремясь достичь образности и выразительности своего высказывания. Соответственно, общаясь с представителем иной культуры, специалист-международник, во-первых, должен быть готов к тому, что его собеседник может употреблять в речи подобные языковые единицы, а, следовательно, он должен уметь их узнавать и правильно интерпретировать. Во-вторых, с целью достижения наилучшего взаимопонимания и с целью завоевания доверия оппонента дипломатический работник должен сам активно владеть некоторым арсеналом таких единиц.

Большие возможности для включения межкультурных аспектов в процесс обучения бакалавров-международников иностранному языку предоставляет использование *лингвокультурологического подхода*, который заключается в организации содержания обучения с учетом ключевых концептов иноязычной картины мира. Знакомство с данными концептами способствует достижению вторичной языковой личностью обучающегося нового тезаурусного уровня развития, предполагающего “его приобщение к концептосфере иного лингвосоциума, которая

отражает иерархию смыслов и духовных ценностей данной культуры и определяется национально-культурными традициями и господствующей в обществе идеологией” [4, с. 99].

Какие же конкретно идиоматические выражения должны войти в содержание обучения профессиональному общению будущих международных?

При отборе материала мы руководствуемся *принципами семантико-контрастивной ценности, функциональности, а также частотности и распространенности*. Данные принципы позволяют отобрать идиомы, во-первых, наиболее часто встречающиеся в профессиональной речи международных, во-вторых, отражающие ключевые концепты культуры изучаемого языка и помогающие обучающемуся лучше понять картину мира носителей изучаемого языка. Включение в речь идиом, отобранных согласно данным принципам, позволит студентам уже на ранних этапах обучения сделать свою речь более выразительной и эмоциональной, что, в свою очередь, повысит их мотивацию к совершенствованию своей коммуникативной компетенции.

Следует отметить, что начинать включение определенных идиоматических выражений в содержание обучения возможно уже на ступени обучения А2 (предпороговый уровень), когда обучающиеся уже овладели определенным арсеналом лексических и единиц и готовы к обмену простой информацией с носителем языка в рамках знакомой тематики и предсказуемых повседневных ситуаций, а также в простых ситуациях профессионального общения. Наиболее уместной кажется организация такой работы в рамках аспекта “домашнее чтение”, поскольку это позволяет знакомить студентов с соответствующими идиомами в контексте их естественного употребления, а также делает работу на занятии по иностранному языку более увлекательной и разнообразной.

В качестве примера идиоматических выражений, которые видится уместным включать в содержание обучения немецкому языку на уровне А2 можно назвать следующие:

- *alles ist in bester Ordnung* (все в полном порядке)
- *auf Ordnung sehen* (следить за порядком)
- *sich (D.) etwas zu Herzen nehmen* (принимать близко к сердцу)
- *jemandem im Wege stehen* (стоять на пути у кого-либо)
- *etwas in Kauf nehmen* (принимать в расчет)
- *Bahnhof verstehen* (ничего не понимать)
- *jemandem die Daumen drücken* (пожелать успеха кому-либо)
- *halb so schlimm* (не так уж страшно) и пр.

Данные идиомы относятся к разговорному стилю речи и поэтому часто встречаются в литературе, предназначенной для чтения на немецком языке на самых первых ступенях обучения. Кроме того, они отличаются своей “межпредметностью”, то есть могут быть использованы в текстах различной тематической и профессиональной направленности. Следует также заме-

тить, все, что связано с концептом *Ordnung* (порядок), относится, на наш взгляд, к обязательным компонентам содержания обучения немецкому языку будущих специалистов в области международных отношений, поскольку данный концепт, по мнению целого ряда исследователей, относится к ключевым концептам немецкой культуры. Он проявляется во всех сферах общественной и духовной жизни немцев, включая планирование всей жизни человека, строгую регламентацию деятельности любых организаций, четкое разграничение пространства, огромную роль предписывающих и разрешающих знаков, контроль со стороны всех членов общества и установлений общественной жизни, приверженность ритуалам, традициям (Н. Bausinger).

На следующем этапе видится возможным включить в содержание обучения идиомы, связанные с крайне важным для общения в рамках дипломатического дискурса понятием “сохранить лицо” (*das Gesicht bewahren*). Данное понятие является универсальным для различных культур и тесно связано с понятиями “честь” и “достоинство”: “сохранить лицо” значит “не терять собственного достоинства, сберечь свою репутацию”, а “потерять лицо” (*das Gesicht verlieren*) значит “вести себя недостойно, демонстрировать свою слабость, некомпетентность, неспособность к чему-либо”. В сфере дипломатической коммуникации важно, чтобы собеседники не только сами умели сохранить лицо в любой ситуации, но и позволили сделать это другому, поскольку иное поведение может привести к разрыву отношений и конфликтам, что противоречит целям профессионального общения. Наиболее подходящим для такой работы является, на наш взгляд, произведение “*Der Mann ohne Gesicht*” (“Человек без лица”), входящее в цикл *Lernkrimi* издательства Compaet Verlag. Знакомясь с судьбой одного из героев книги, студенты анализируют причины его поступков и их влияние, как на судьбу самого героя, так и на судьбу остальных персонажей. На основании этого обучающиеся пытаются понять и объяснить отношение героя к своим поступкам: причину того, почему он полагает, что “потерял лицо” и что пытается сделать, чтобы изменить ситуацию. В завершении студенты предлагают свои варианты выхода из сложившейся ситуации, а также формулируют советы действующим лицам, которые могли бы предотвратить ее. Таким образом у студентов формируется отношение

На этой и последующих ступенях обучения рекомендуется также включать в содержание обучения идиомы, наиболее часто встречающиеся в газетных публикациях политической направленности, выступлениях политиков, материалах СМИ, например: *ins Visier nehmen* (взять под наблюдение, внимательно следить за кем-либо, чем-либо), *aufs Spiel setzen* (ставить на карту; подвергать риску [опасности]; рисковать), *die letzte Karte spielen* (предпринять последнюю попытку добиться своей цели) и пр.

Помимо собственно обсуждения на уроке идиомы, ее значения, этимологии и цели использования автором в тексте, предлагаются следующие виды заданий и упражнений:

1. Подберите для соответствующей идиомы ее эквивалент на русском языке.

1. die Tapeten wechseln;	a. жить как кошка с собакой;
2. wie Hund und Katze leben;	b. купить кота в мешке;
3. die Katze im Sack kaufen;	c. переменить обстановку;
2. Продолжите предложение, употребив подходящую идиому:
 1. *Eva kam nach München um einfach _____.*
 2. *Keiner konnte sagen, das Erwin Wanninger mit seiner Frau _____.*
 3. *Leider konnte Paul in der letzten Zeit nicht sagen, dass alles _____ ist.*
3. Соедините фрагменты идиоматических выражений.

1. etwas zu Herzen;	a. wechseln
2. alles aufs Spiel;	b. nehmen
3. die Tapeten	c. setzen
4. Продолжите идиому правильно.
 1. *einen Schatten auf j-n _____*; 2. *weder Rat noch Ruh _____*; 3. *aus der Haut _____*; 4. *ihm ist ein Stein vom Herzen _____*;
5. Найдите среди приведенных конструкцию, синонимичную выделенному идиоматическому выражению.
etwas in Kauf nehmen
a. *etwas ganz billig kaufen* b. *etwas Unerwünschtes hinnehmen*
6. Сформулируйте суть выделенного идиоматического выражения своими словами.
7. Проиллюстрируйте выделенное идиоматическое выражение на примере новой ситуации.

В завершение необходимо отметить, что последовательное, систематическое включение идиом в содержание обучения профессиональному общению на иностранном языке будущих специалистов-международников позволяет сформировать в сознании обучающихся инофонную картину мира и обеспечить тем самым их переход на новый, лингвокогнитивный, тезаурусный уровень развития языковой личности. Все это создает условия для ранней профессионализации обучающихся и является одним из необходимых условий формирования их профессиональной иноязычной межкультурной компетенции.

Список литературы:

1. Базина Н. В. Социокультурные аспекты профессиональной языковой подготовки специалиста-международника // Иностранные языки в школе. М., 2016. №8. С. 6–10.
2. Воробьев В. В. Лингвокультурология (теория и методы): Монография [Текст] / В. В. Воробьев. М.: Изд-во РУДН, 2008. 340 с.
3. Габбасова А. Р., Фаткуллина Ф. Г. Языковая картина мира: основные признаки, типология и функции // Современные проблемы науки и образования. 2013. №4. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=9954> (дата обращения: 27.02.2017).

4. Ионова А. М. Лингвокультурологический подход к обучению профессиональному общению студентов-международников // Вестник московского городского педагогического университета. Серия: филология. Теория языка. Языковое образование. МГПУ, 2011. С. 97–101.
5. Терентий Л. М. Специфика дипломатического дискурса как формы коммуникации // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. ВГПУ, №10, том 54, 2010. С. 7–11.
6. Petersson Tommy Ins Auge fassen. Eine Untersuchung von idiomatischen Phraselogismen in der ZEIT, der Bild-Zeitung und im Roman Harry Potter und der Feuerkelch. 2007. URL: <https://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:198024/FULLTEXT01.pdf> (дата обращения 05.01.2017).
7. Thomas A., Kinast E.-U., Schroll-Machl S. (Hg.): Handbuch Interkulturelle Kommunikation und Kooperation, Band 1: Grundlagen und Praxisfelder. Vandenhoeck & Ruprecht, Göttingen, 2003. 465 S.

Сведения об авторе:

Ионова Анна Михайловна, к. п. н., доцент, МГИМО МИД России, Москва, Россия; e-mail: anna.ionova@bk.ru

**TEACHING FOREIGN LANGUAGE COMMUNICATION
IN POLITICAL DISCOURSE THROUGH THE USE OF IDIOMS
(LINGUO-CULTURAL APPROACH)**

Anna M. Ionova

Candidate of Pedagogy, Associate Professor, MGIMO University, Moscow, Russia; e-mail: anna.ionova@bk.ru

Abstract

The success of professional communication in the political discourse depends on a number of factors, including how interlocutors are able and willing to perceive the linguistic and cultural features of the behavior of each other. Idioms represent stable linguistic expressions that reflect the culture and life of the people. They allow the speaker to make the utterance more emotional and thus more fully and accurately convey their message to the audience. However, the importance of idioms is not determined by the value of their component words, which creates significant difficulties in their perception and understanding, especially in the context of intercultural communication. This report focuses on the criteria for the selection of idioms for learning foreign language communication in the political discourse, and provides examples of tasks and exercises that contribute to the success of this training.

Key words: political discourse, professional communication, idiom, linguo-cultural approach.

References:

1. Bazina, N. V. (2016). Sotsiokul'turnye aspekty professional'noi iazykovoi podgotovki spetsialista-mezhdunarodnika [Socio-cultural aspects of the professional language training of the specialist in international Affairs] *Inostrannye iazyki v shkole. [Foreign languages at school]*, №8, 6–10.
2. Vorob'ev V. V. (2008). Lingvokul'turologiia (teoriia i metody): Monografiia [Cultural linguistics: theory and methods]. Moskva: Izd-vo RUDN.
3. Gabbasova, A. R., and Fatkullina, F. G. (2013). Iazykovaia kartina mira: osnovnye priznaki, tipologiia i funktsii [Language picture of the world: basic characteristics, types and functions] *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia [Modern problems of science and education]* 4. Retrieved 27 February 2017 from <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=9954>.
4. Ionova, A. M. (2011). Lingvokul'turologicheskii podkhod k obucheniiu professional'nomu obshcheniiu studentov-mezhdunarodnikov [Linguistic and culturological approach to teaching professional communication of students of international relations] *Vestnik moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Serii: filologiia. Teoriia iazyka. Iazykoe obrazovanie [Bulletin of Moscow city pedagogical University. Series: Philology. The theory of language. Language education.]*, 1(7), 97–101.
5. Terentii, L. M. (2010). Spetsifika diplomaticheskogo diskursa kak formy kommunikatsii [The specificity of the diplomatic discourse as a form of communication] *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. [Proceedings of Volgograd state pedagogical University]*, 10 (54), 7–11.
6. Petersson, T. (2007). Ins Auge fassen. Eine Untersuchung von idiomatischen Phrasenologismen in der ZEIT, der Bild-Zeitung und im Roman Harry Potter und der Feuerkelch. — Retrieved 05 January 2017 from <https://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:198024/FULLTEXT01.pdf>
7. Thomas, A., Kinast, E.-U., and Schroll-Machl S. (2003). Handbuch Interkulturelle Kommunikation und Kooperation, Band 1: Grundlagen und Praxisfelder. — Vandenhoeck & Ruprecht, Göttingen.

Интернет-мем в контексте межкультурной коммуникации

С. В. Канашина
МГИМО МИД России

Аннотация

Данная статья посвящена анализу роли интернет-мема как средства межкультурной коммуникации. Интернет-мем понимается как интернет-феномен, имеющий стандартизированную форму (текст и картинка в квадратной рамке) и определенные прагматические функции. Актуальность исследования обусловлена необходимостью комплексного изуче-

ния мема как неотъемлемой части межкультурного коммуникативного пространства. Цель статьи — проанализировать и описать роль интернет-мема в процессе межкультурной коммуникации. В качестве методов исследования использовались дискурсивный и лингвокультурологический анализ. Исследование показало, что интернет-мем выступает как важное средство межкультурной коммуникации, отражая три значительных процесса: процессы глобализации, глокализации и локализации. Кроме того, межкультурный потенциал интернет-мемов обусловлен частым использованием английского языка в сопроводительной надписи мемов, который является ведущим языком межнационального общения. Вывод исследования заключается в том, что интернет-мем интегрирован в глобальные межкультурные процессы.

Ключевые слова: интернет-мем, интернет, межкультурная коммуникация, полимодальный дискурс, глобализация.

Интернет-коммуникация как комплексное языковое явление представляет собой панораму разнородных дискурсов, многие из которых уникальны и не существуют за рамками интернета. К таким дискурсам можно отнести интернет-мем, который определяется как интернет-феномен, имеющий стандартизированную форму (текст и картинка в квадратной рамке) и определенные прагматические функции, при этом обладающий целостностью и завершенностью. В узком лингвистическом понимании интернет-мем понимается как вид полимодального дискурса в интернет-коммуникации (полимодальный дискурс — дискурс, в котором используется более чем один канал передачи информации, например, вербальный и невербальный (*прим. автора*)). Полимодальный дискурс сегодня — это пространство межкультурной коммуникации.

Цель данной статьи рассмотреть межкультурный аспект интернет-мемов поскольку он практически не изучен.

Анализ интернет-мемов показал, что они могут выступать как средство межкультурного общения. Это положение подтверждается, во-первых, тем фактом, что основным языком, используемым в интернет-мемах, — английский. Использование в интернет-мемах английского языка, являющегося языком межнационального общения, значительно упрощает использование интернет-мемов пользователями, которые могут принадлежать к разным культурам и в то же время могут приобщаться к глобальной интернет-культуре, не испытывая языкового барьера.

Кроме того, высокий потенциал интернет-мемов как средства межкультурного взаимодействия выражается в том, что интернет-мемы отражают процесс глобализации культурного и информационного контента. Анализ популярных серийных интернет-мемов показал, что в интернет-пространстве существуют одинаковые интернет-мемы на английском и русском языках. На рисунках 1 и 2 изображены интернет-мемы

из серии Great Gatsby meme (мем Великий Гэтсби), сопроводительная надпись в интернет-меме на рисунке 1 переводится с англ. “Поздравляю”. Серия мемов Великий Гэтсби имеет юмористический подтекст и обычно используется для выражения “сарказма с претензией на изящество” [9], кадр из фильма “Великий Гэтсби” с актером Леонардо Ди Каприо подкрепляет настроение самоуверенности и парадности. Два интернет-мема идентичны по прагматическим функциям и содержанию, и отличаются лишь тем, что сопроводительная надпись выражена на разных языках.

Рисунок 1.

Рисунок 2.

Идентичность интернет-мемов на разных языках означает то, что интернет-пользователи, принадлежащие к различным культурам, “потребляют” похожий интернет-контент и, следовательно, становятся адептами унифицированных культурных ценностей, пропагандирующихся через интернет-среду, что в свою очередь является отражением широкого процесса глобализации и более узкого процесса вестернизации, то есть процесса насаждения западных ценностей в незападных культурах.

Необходимо отметить, что дословный перевод интернет-мемов с английского языка на другие языки обычно наблюдается в том случае, если в сопроводительной надписи мема не актуализируются концепты, которые трудны для понимания интернет-носителями, принадлежащими к другим культурам. Актуализация чуждых для определенной культуры концептов в интернет-мемах может спровоцировать неадекватное понимание мема или привести к полной коммуникативной неудаче.

Для того чтобы адаптировать интернет-мемы для “местного” интернет-пользователя, сопроводительная надпись интернет-мема нередко модифицируется при переводе, чуждые для местной культуры концепты могут заменяться на привычные, легкоузнаваемые концепты. В качестве примера можно привести интернет-мемы на рисунках 5 и 6. В интернет-меме на рис. 5 изображен Санта Клаус, который говорит: “Я видел твои статусы в Фейсбук, ты получишь словарь на Рождество”, очевидно, намекая на частое нарушение языковой нормы и большое количество

ошибок в интернет-коммуникации. Данный интернет-мем основан на юмористическом эффекте и высмеивает языковую небрежность интернет-пользователей. В интернет-меме на рис. 6 мы видим ту же картинку, однако перевод на русский язык несколько отличается: слово *Facebook* было намеренно заменено на *вконтакте*, очевидно, потому что социальная сеть *вконтакте* пользуется большей популярностью среди российских интернет-пользователей, а слово *Christmas* (англ. Рождество) было переведено как *Новый Год*, вероятно, потому что концепт *Новый Год* является более привычным для русской культуры.

Рисунок 3.

Рисунок 4.

Данная тенденция адаптировать глобализированный англоязычный интернет-контент для местных интернет-пользователей отражает распространенный процесс глокализации (глокализация в широком смысле (англ. слово *glocalisation* образовано от *global* (глобальный) + *local* (локальный)) означает изменение глобализированного контента с учетом местной специфики. Примером глокализации может служить изменение политики компании McDonalds в разных странах с учетом региональных различий [4], в Индии, к примеру, не продаются гамбургеры с говядиной в сети McDonalds).

Однако далеко не все русскоязычные интернет-мемы представляют собой переводные версии англоязычных интернет-мемов с возможными значительными или незначительными изменениями. Большинство русскоязычных интернет-мемов являются аутентичными произведениями с ярко выраженной национальной спецификой. Культурно специфичные особенности интернет-мемов показывают, что они подвержены в большой степени влиянию национальной культуры, то есть наблюдается определенное противостояние глобальных тенденций в интернет-коммуникации и культурно обусловленных, местных различий. Данные наблюдения позволяют сделать вывод о том, что интернет-мемы отражают процесс локализации (локализация — процесс распространения локальных различий в противовес глобальным тенденциям), становясь

хранилищем культурных знаков, или как отмечает Н. Г. Марченко “хранилищем культурных кодов” [5].

Примером интернет-мема с ярко выраженной национальной спецификой может служить интернет-мем на рисунке 7. Данный мем представляет собой измененную версию знаменитой картины Валентина Серова “Девочка с персиками” с тем лишь отличием, что героиня картины Вера Мамонтова сидит за щедро накрытым столом. Аллюзия к культурно узнаваемому художественному феномену обеспечивает эффект обманутого ожидания, основанный на стратегии “сенсационности и эпатажа” [8], в результате, рождается юмористический эффект.

Рисунок 5.

Таким образом, интернет-мемы как носители межкультурной информации, отражают несколько тенденций в межкультурной коммуникации. Русскоязычные интернет-мемы отражают, во-первых, процесс глобализации, который выражается в определенной унифицированности глобального интернет-контента, во-вторых, процесс глокализации, который проявляется в том, что, глобализированный интернет-контент изменяется в контексте национальных культур и адаптируется для успешного восприятия неанглоязычными интернет-пользователями с учетом местной специфики. Наконец, русскоязычные интернет-мемы подвержены процессу локализации, доказательством чего может служить наличие большого количества интернет-мемов на русском языке с аутентичным, культурно обусловленным содержанием.

Список литературы:

1. Голубкова Е. Е. Коммуникология и лингвистика: долговременное сотрудничество // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2013. Т. 1. №3. С. 3–7.

2. Гуторенко Л. С. Ирония и сарказм в интернет-мемах на английском языке // Россия и Запад: диалог культур. 2016. №12. С. 56–62.
3. Иерусалимская А. А. Прагматический параметр жанра интернет-мемов как реализация специфики коммуникативного пространства // Современная наука: исследования, технологии, проекты. Сборник V международной научно-практической конференции. Научный центр “Олимп”. 2015. С. 291–298.
4. Маркина Н. С., Лапшина М. С., Алексеева Е. С. Глобализация: локальный подход к глобальной задаче // Вестник МГЛУ. 2011. №612. С. 193–203.
5. Марченко Н. Г. Интернет-мем как хранилище культурных кодов сетевого сообщества // Казанская наука. 2013. №1. С. 113–115.
6. Овчинников Ю. Д., Холодков М. Ю. Интернет-мем как феномен современной информационной культуры // Социальное воспитание. 2015. №2 (6). С. 72–75.
7. Часовский Н. В. Интернет-мем как особый жанр коммуникации // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Филология, история, востоковедение. 2015. №2 (61). С. 124–127.
8. Чернова С. В. Развлекательный дискурс: понятие и основные характеристики/ С. В. Чернова // Меняющиеся коммуникации в меняющемся мире — 9: сб. статей. Волгоград: ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2015. С. 126–128.
9. 13 мемов Рунета [электронный ресурс]. <https://www.adme.ru/itogi-goda/13-memov-runeta-602505/> (дата обращения: 15.01.2017).
10. Freidman T. The World is Flat. New York: Farrar, Straus and Giroux. 2005. 488 p..

Сведения об авторе:

Канашина Светлана Валериевна, преподаватель, МГИМО МИД России, Москва, Россия; e-mail: svetlanakanashina@yandex.ru

INTERNET MEME IN CROSS-CULTURAL COMMUNICATION CONTEXT

Svetlana V. Kanashina

Lecturer, MGIMO University, Moscow, Russia; e-mail: svetlanakanashina@yandex.ru

Abstract

The article analyses the internet meme as a cross cultural communication means. The internet meme is defined as an internet phenomenon with a standardized form (text and visual component) and some pragmatic functions. The relevance of the study is proved by the necessity of research concerning the internet meme as an important part of cross cultural communicative context. The aim of the article is to study internet meme functions in cross cultural communication. The discourse analysis method and lingua-cultural method are employed. The study shows that the internet meme is an influential means of cross cultural communication, reflecting three major processes: globalization, glocalization and localization. Besides cross-cultural features of the internet

meme are built up due to the frequent use of the English language in internet meme captions which is the dominant language of international communication. To conclude, the internet meme is integrated into global cross-cultural processes.

Key words: internet meme, internet, cross cultural communication, multimodal discourse, globalization.

References:

1. Golubkova, E. E. (2013). Kommunikologija i lingvistika: dolgovremennoe sotrudnichestvo [Communicology and linguistics: a long-term cooperation]. *Nauchnye issledovanija i razrabotki. Sovremennaja komunikativistika [Scientific research and innovation. Modern communicology]*. T. 1. №3. 3–7.
2. Gutorenko, L. S. (2016). Ironija i sarkazm v internet-memah na anglijskom jazyke [Irony and sarcasm in internet memes in English]. *Rossija i Zapad: dialog kul'tur [Russia and the West: dialogue of cultures]*. №12. 56–62.
3. Jerusalimskaja, A. A. (2015). Pragmatičeskij parametr zhanra internet-memov kak realizacija specifiķi komunikativnogo prostranstva [Pragmatic features of internet memes as the realization of communicative space features]. *Sovremennaja nauka: issledovanija, tehnologii, proekty. Sbornik V mezhdunarodnoj naučno-praktičeskoj konferencii. Naučnyj centr "Olimp" [A collection of papers: Modern science: research, technology, projects. A collection of papers of Scientific conference 5. Scientific centre Olymp]*. 291–298.
4. Markina, N. S., Lapšina, M. S., & Alekseeva, E. S. (2011). Globalizacija: lokal'nyj podhod k global'noj zadache [Globalisation: local approach to global challenge]. *Vestnik MGLU [Bulletin of Moscow State Linguistic University]*. №612. 193–203.
5. Marchenko, N. G. (2013). Internet-mem kak hranilišhe kul'turnyh kodov setevogo soobščestva [Internet meme as storage of the cultural code of internet community]. *Kazanskaja nauka [Kazan science]*. №1. 113–115.
6. Ovčinnikov, Ju. D., & Holodkov, M. Ju. (2015). Internet-mem kak fenomen sovremennoj informacionnoj kul'tury [Internet meme as modern information culture phenomenon]. *Social'noe vospitanie [Social education]*. №2 (6). 72–75.
7. Časovskij, N. V. (2015). Internet-mem kak osobyj zhanr komunikacii [Internet-meme as a Special Genre of Communication]. *Učenyje zapiski Zabajkalskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filologija, istorija, vostokovedenie [Bulletin of Zabajkalskij State University. Philology, History, Oriental Science]*. №2 (61). 124–127.
8. Černova, S. V. (2015). Razvlekatel'nyj diskurs: ponjatije i osnovnye karakteristiki [Entertaining Discourse: Notion and Basic Features]. *Menjajushhiesja komunikacii v menjajushhiesja mire — 9: sb. Statej [Changing Communications in the Changing World — 9. A Collection of Papers]*. Volgograd: FGBOU VPO RANHiGS. 126–128.
9. 13 memov Runeta [13 memes of the Russian internet] retrieved 15.01.2017 from: <https://www.adme.ru/itogi-goda/13-memov-runeta-602505>.
10. Freidman, T. (2005). *The World is Flat*. New York: Farrar, Straus and Giroux.

Linguocultural Analysis of Vietnamese-Hungarian Communication Through the Lacuna Theory

Istvan Lenart

I. M. Sechenov First Moscow State Medical University

Abstract

The paper deals with the linguistic and cultural aspects of Cross-cultural Communication analysed based on the Lacuna Theory [11] in the Hungarian-Vietnamese context. With a new comprehensive, multi-component research methodology developed by the author [5], the results of a questionnaire-based research will be presented, highlighting the linguocultural gaps (vacuums/lacunae) of communication between the aforementioned nations both in general and in the business context in particular. The results obtained contribute to the development of the Lacuna Theory — which originates from the Moscow School of Ethnopsycholinguistics —, and help to identify new types of linguistic and cultural lacunae, as well as imply practical fields of application.

Key words: Lacuna Theory, culture-specific vocabulary, Moscow School of Ethnopsycholinguistics, association method, lacunae, intercultural communication, lacuna classification network, language consciousness, verbal consciousness, Hungarian-Vietnamese comparison, business communication.

Introduction

An effective educational and research method of Intercultural Communication is the Lacuna Theory [10; 14], developed by the Moscow School of Ethnopsycholinguistics from the early 1970s. Although representatives of the Canadian Translation School systematically applied the expression *lacuna* as a technical term since the 1950s (Vinay and Darbelnet 1958), it was elaborated and extended from a narrowly interpreted notion of translation studies into a powerful tool of analysis of intercultural communication, by the Moscow School of Ethnopsycholinguistics, namely by Jurij Sorokin and Irina Markovina [11].

According to the dictionary, *lacuna* is “a gap or blank space in something: a missing part”, a “deficiency” (Merriam-Webster 2017). As a technical term of Intercultural Communication, *lacunae* can be defined as “phenomena of a culture that have no equivalents in another culture regarding both linguistic as well as cultural specifics” [3, p. 74]. In another perception, “Lacuna refers to items in a culture or in a cultural text that are not fully understood by non-members of that culture” [2, p. 13]. In the international literature, similar, and partly synonymous terms are being used, including: *non-equal lexicon*, *untranslatable element*, *non-equivalent lexeme*, *culture-word*, *realia*, *ethno-culture*, *нулевая лексема*, *антислова*, *значимый нуль*, *слова-реалии*, *слова с национально-культурным компонентом*, *национально-маркированные слова*, *варваризм* to mention but a few.

Research objectives, methodology

In our research, we examined Vietnamese-Hungarian intercultural communication in general and in the business setting in particular, with the help of the Lacuna Theory. Besides identifying lacunas of bilateral communication, our objectives included introducing Lacuna Theory to Hungarian and other researchers in English-speaking countries, and attempting to better elaborate the methodology of Lacuna research.

We applied a questionnaire-based research method, conducted in the form of personal interviews with Vietnamese individuals with dual identity. Respondents had Vietnamese origins and citizenship, but all of them graduated from an institution of higher education in Hungary, spoke the Hungarian language at a high (B2+) level, thus their deep knowledge about, and personal attachment to Hungary were both guaranteed. One hundred and twenty-seven interviewees completed a total number of 638 questionnaires.

Methodology was developed by the author, with the main concept of the relying on various approaches within the same survey, then compiling results and drawing conclusions based on these different methods. With the above in mind, besides the introductory part on personal data, we used six further thematic questionnaires with the following titles: (1) *Stereotypes*; (2) *Case studies*; (3) *Statements*; (4) *Associations*; (5) *Proverbs*; and *Habits/lacunae*. We applied both open and closed questions, scaled and non-scaled ones to further diversify and sophisticate the results.

Results

In our research, we identified numerous examples of lacunas in the Hungarian-Vietnamese context. Among lexical lacunas, we highlight here some typical examples such as: *hiếu* (noun: *filial piety*, an important Vietnamese family value); *nhậu* (verb: *to carouse, spend time drinking alcohol, enjoying yourself in a noisy way*, a key instrument of doing business in Vietnam); *nhệt tình* (adjective: *enthusiastic*, applied for a good-hearted, helpful and compassionate person). The equivalent of these notions (either the terms, or the denotation of the words or both) are partly or fully missing from the Hungarian language, thus making communication and doing business more challenging in the intercultural context.

A wide range of further linguistic phenomena connected to intercultural lacunarity was identified in the Hungarian-Vietnamese context. Among the results of the sixth questionnaire — which was the one most directly linked to lacunas — we revealed 491 such examples. We highlighted the phenomenon of *tonal lacunarity*: in this case, the linguistic lacuna originates from the tonal characteristics of the Vietnamese language (words can be pronounced with six different tones that may bring about a change in the meaning). The saying *Đầu tiên là tiền đâu* (First of all: where is the money?) is a paronomasia based on the similar spelling, but different tones of the words. In similar cases, the Hungarian interlocutor cannot differentiate between two or more lexical items

of the target language (Vietnamese), as the lack of tones in such function in the Hungarian language.

In terms of the key topic of the research, we revealed that intercultural dissimilarities of lacunary kind are strongly present in the Vietnamese-Hungarian comparison, both on the communicational level in general and in the way of doing business in particular. Following Ertelt-Vieth's lacuna classification system (Ertelt-Vieth 2003) we identified all three types of lacunas such as (1) *mental*; (2) *object lacunas* and (3) *lacunas of communicative activity*.

Table 1.
Communication in the Hungarian-Vietnamese context

Hungarians	Vietnamese
As Western people: speak directly, definitively	Like Asians: warmer, sometimes considered to be more curious, often beat around the bush
Calm in communication, behaviour	Noisier in communication and behaviour
Careful/Considerate/Sensitive/Cautious/Vigilant	Brisk and hasty
Confident (in communication)/speak confidently	Sometimes more timid
Don't ask about the age	Usually ask about the age
Like everything clear, detailed and concrete	Prefer general and unspecific
Like Westerners: straight, cautious and humble	Like Asians: sometimes hasty and careless
More polite and kind; Willing to say "sorry"	Less polite and kind
Straight	Less straight; like Asians: behave flexibly, cleverly, esteem sentiment and relationship

In communication (see Table 1., above), Hungarians are seen as *more direct, calmer, more sensitive* and *careful* when compared to their Vietnamese counterparts. They are considered to be *more confident, more polite*, and similarly to *Westerners: straight, cautious* and *humble*. Vietnamese on the other hand are judged as *warmer*, sometimes considered to be *more curious, often beat around the bush*. They are described as *noisier in communication and behaviour, brisk and hasty, sometimes more timid*, and *similarly to Asians they flexibly, cleverly, esteem sentiment and relationship*.

Considerable differences in doing business were displayed in the results (see Table 2., below), including the presumption that Hungarians are *less "close"*,

less friendly, less sociable in business, at the same time they are straighter, more patient, moreover, usually work according to a planned schedule. They rarely negotiate at a meal or party and typically speak straight on the topic. Vietnamese businesspersons are perceived as “closer”, more friendly, more sociable, but less patient, sometimes hasty, and sometimes not honest. They often beat around the bush, and are less planned in work.

Table 2.
Doing business in the Hungarian-Vietnamese context

Hungarians	Vietnamese
Less “close”, less friendly, less sociable	“Closer”, more friendly, more sociable
Rarely negotiate at a meal or party	Often negotiate at a meal or party
Speak straight on the topic	They beat around the bush
Patient	Less patient, sometimes hasty
Straight	Sometimes they are not honest
Work according to a planned schedule	Less planned in work

Further results of the research included the identification and explanation of examples of lacunary appearance of *kinship terms*. The word *chị* for instance means *elder sister* in the English language, and has its equivalent in Hungarian (*nővér*). However, Vietnamese speakers often use the term for non-members of the family, usually in the case when there is a long-standing and close friendship between the parties involved. In the business context, it can lead to intercultural misunderstandings, when the Vietnamese counterpart uses the term in this lacunary meaning. Moreover, we displayed additional examples of lacunas on both the *phonetic and the phonological level*. A *phonetic lacuna* for instance, is the Hungarian word *cica* [*kitten*] that cannot be pronounced by a Vietnamese person due to the lack of the phoneme [ts] in the Vietnamese language. On the phonological level, we identified such *phonological lacunas* as the words *sör* (*beer*) and *szőr* (*hair on human body*). The cause of the intercultural misunderstanding here lies in the fact that Vietnamese speakers cannot differentiate between the sounds *s* [ʃ] and *sz* [s]. *Final particles* were identified as a class of word in the Vietnamese language that has no equivalents in the Hungarian (i.e.: the expressive particle *chứ* with a meaning of *course*, see: *Tôi biết chứ!* [*I know, of course!*]).

Conclusions

The Lacuna Theory, introduced by the Moscow School of Ethnopsycholinguistics in the late 1970s, proved to be an effective tool of investigation of Hungarian-Vietnamese communication both generally and in the business setting. We stated that lacunarity is present in various levels of bilateral interpersonal

communication: we displayed examples of *phonetic, phonological, lexical, tonal lacunas*, as well as demonstrated that a *word class* (final particles) can also be considered as bearing lacunary characteristics. In the field of communication in general, and doing business in particular, we — in consent with Ertelt-Vieth — identified three types of lacunas such as (1) *mental*; (2) *object lacunas* and (3) *lacunas of communicative activity* [1]. We are convinced that the Lacuna Theory is a powerful instrument of intercultural communication research and as such, can be utilized in various areas including: contrasting two or more cultures based on linguistic data, description of cultures by lacunae excerpted from literary texts, lexicology (compilation of lacuna dictionaries), analysis of intracultural lacunas, lacuna studies through slang to mention but a few.

References:

1. Ertelt-Vieth, A. (2003). How to analyze and Handle Cultural Gaps in German Everyday Life (from the perspective of Exchange Students), Interculture-Online. No. 4/2003. In: www.interculture-online.info. Data retrieved 8 January, 2014.
2. Grodzki, Erika M. (2003). Using Lacuna Theory to Detect Cultural Differences in American and German Automotive Advertising. Peter Lang, Frankfurt am Main. 23–68.; pp.109–161.
3. Jolowicz, J.O. (2006). Lacuna theory in intercultural communication: Focus on axiological lacunae. In: Journal of Psycholinguistics, No. 3/2006, Moscow, pp. 61–80.
4. Lénárt, I. (2013). How do Vietnamese and Hungarian Businessmen Communicate? In.: Hoi Thao Khoa Quoc Te Ngon Ngu Hoc Viet Nam trong Boi Canh Doi Moi va Hoi Nhap. International Conference on the Linguistics of Vietnam in the Context of Renovation and Integration. (Ed.).Nguyen Van Hiep. Hanoi. pp. 60–61.
5. Lénárt, I. (2016). Intercultural lacunae in Hungarian-Vietnamese communication, with emphasis on entrepreneurial interactions. Doctoral dissertation at Eotvos University.
6. Leontiev, A. A. (1974). Psikhologiya obscheniya (Psychology of communication). Tartu.
7. Markovina, I., & Lenart, I. (2016). Cross-cultural investigation of the concept of business: A new step in the development of the Lacuna Theory. In: Journal of Psycholinguistics. pp. 145–161.
8. Markovina, I. (2007). Investigating and teaching multiliteracy: an ethnopsycholinguistic approach. Elsner, D., Küster, L., & Viebrock, B. (Hrsg.). Fremdsprachenkompetenzen für einwachsendes Europa. Das Leitziel "Multiliteralität". Frankfurt am Main: Peter Lang GmbH, pp. 61–74.
9. Markovina, I. (2004), Metod ustanovleniya lakun v isledovaniiy etnopsikhologivviteskoy spetsifiki kultur, In: Journal of Psycholinguistics, №2/2004, pp. 58–63.
10. Markovina, I. (2011). The lacuna theory in the investigation of the problems of intercultural communication. Ethnopsycholinguistic basics of lacunology, LAP LAMBERT Academic Publishing.
11. Markovina, I., & Sorokin, Y. (2006). The lacuna phenomenon and the problem of foreign culture comprehension: An experimental study of lacuna elimination strategies.

- Panasiuk, I./Schröder, H. (Hrsg.). *Lakunen-Theorie: Ethnopsycholinguistische Aspekte der Sprach- und Kulturforschung*. Berlin: LIT Verlag, pp. 154–160.
12. Merriam-Webster's Dictionary online, In: <http://learnersdictionary.com>, Data retrieved: February 2017.
 13. Mukhametzyanova, L., & Shayakhmetova, L. (2014). Application of Associative Experiment in Forming the Foreign Communicative Competence. In: *English Language Teaching*; Vol. 7, No. 12. pp. 60–64.
 14. Sorokin, J. (2009). Linguistic Culturology, Lacunology, Somatology and their A Priori Interrelation (an Attempt to Expand the Terminological Apparatus). In: *Theoretical basis of lacunology*. pp. 28–33.
 15. Tarasov, E. (2004): *Yazikovoye soznaniye (Language consciousness)*. In: *Journal of Psycholinguistics*. Moscow: Russian Academy of Science Institute of Linguistics, 2: 34–47.
 16. Ufimtseva, N. (2012). Culture as a system of consciousness. In: *Applied Psycholinguistics. Positive effects and ethical perspectives*. FrancoAngeli, Milano. 74–82.
 17. Ufimtseva, N. (2014). Russian Psycholinguistics: Contribution to the Theory of Intercultural Communication. In: *Intercultural Communication Studies XXIII*: 1 (2014). 1–13.

About the author:

Istvan Lenart

PhD, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, I. M. Sechenov First Moscow State Medical University, Moscow, Russia; e-mail: istvan.lenart@lmsmu.ru

Этноконцепт как отражение диалога культур

А. Э. Левицкий

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Аннотация

Статья посвящена раскрытию сути этноконцепта как вербализованного кванта знания этнокультурной направленности. Речь идет о концептуализированном характере информации об определенной этнической группе, то есть как некий этнос воспринимается носителями иного языка и культуры. Информация, закодированная в этноконцепте, охватывает сферы быта, территории проживания, языка, религии, особенностей одежды, деятельности, поведения, отношений с другими народами, средств передвижения, истории, климата и символики. Речь идет о стереотипизированном восприятии одним этносом информации о других. Отмечается, что диалог культур как источник информации может быть непрямым, информанты руководствуются художественной литературой, киноматериалам и научно-популярными источниками, как происходит

с данными об индейцах для носителей русского языка. На примере данных свободного ассоциативного эксперимента выявлена информация межкультурного характера касательно тех народов, которые традиционно в русском языке называются *индейцы*. Полученные результаты позволили структурировать концепт ИНДЕЕЦ как сгусток этнокультурной информации, характерный для отечественной лингвокультуры. В ходе эксперимента был опрошен 103 информант-носитель русского языка, которым предлагалось представить вербальные ассоциации со словом стимулом *индеец*. Проанализированные ассоциации как маркеры информационного пространства, связанного с данной этнической группой, послужили основой структуризации концепта ИНДЕЕЦ.

Ключевые слова: этноконцепт, индеец, информация, свободный ассоциативный эксперимент, диалог культур.

Исследование концептов, начавшееся в конце прошлого века, отразило особенность теоретического языкознания того времени, но и сейчас он активно фигурирует в лингвистических исследованиях в мире. Концепт является одним из ключевых терминов когнитивно-дискурсивной парадигмы, а его анализ вошел в ряд выбираемых методик и конкретных процедур [4, с. 169], моделей формализации, приемов и способов постижения соотношения языка и мышления. Опыт рассмотрения социальных, этнических и территориальных особенностей вербализации отдельно взятого концепта позволяет раскрыть взаимодействие достижений психолингвистических студий [1; 2; 5] с научным поиском в сферах лингвокультурологии, когнитивной лингвистики и лингвоконцептологии (см., напр., [9]). Вместе с тем подобный симбиоз открывает простор для полевых исследований в области концептуализации информации. Исследование концепта ИНДЕЕЦ, выполненное на данных опроса информантов, как раз и представляет попытку анализа подобного взаимодействия.

Результаты исследования позволили трактовать ИНДЕЕЦ как особый этноконцепт — вербализованный квант знания этнокультурной направленности. Речь идет о концептуализированном характере информации об определённой этнической группе, то есть каким образом этнос воспринимается носителями иного языка и культуры. Информация, закодированная в этноконцепте, охватывает сферы быта, территории проживания, языка, религии, особенностей одежды, деятельности, поведения, отношений с другими народами, средств передвижения, истории, климата и символики. Этноконцепт передаёт стереотипизированное восприятие одним этносом информации о других.

Термин *диалог культур* понимается как непосредственный контакт представителей разных этнокультурных образований. В его ходе происходит некий обмен информацией, позволяющий расширять информационную базу каждой из взаимодействующих культур, с одной стороны.

С другой же стороны, диалог культур служит основой для возникновения стереотипов об участниках данного процесса. Анализ этноконцепта ИНДЕЕЦ позволяет сделать вывод о возможности существования непрямого диалога культур, поскольку известно, что представители русской и индейской культур крайне редко напрямую контактируют в современном мире. В таком случае источник информации в ходе диалога культур становится непрямым — информанты руководствуются художественной литературой, киноматериалам и научно-популярными ресурсами.

Именно эта особенность передачи и получения этнокультурной информации определяет своеобразие действующей в нашем примере концептуализации и структуры концепта ИНДЕЕЦ на основании ассоциаций, имеющих в сознании респондентов — носителей русского языка. Для этой цели проведен свободный ассоциативный эксперимент, в результате которого выявлены вербализаторы, рассмотренного этноконцепта. Опрошенным был задан вопрос: Какие ассоциации возникают в Вашем сознании, когда Вы слышите слово *индеец*?

Респонденты (103 человека) соответствовали следующим признакам: ГЕНДЕР (58 женщин и 45 мужчин); ВОЗРАСТ (45 человек в возрасте 17–30 лет; 58 информантов старше 30 лет). Социальный статус информантов охватил широкий спектр испытуемых — от студентов бакалавриата до докторов наук в области гуманитарных и естественных дисциплин.

Основу проведения данного экспериментального исследования составили работы о связи языка и мышления [6]; психологические теории о значении слова [12; 17], ассоциативного анализа [14; 16], ассоциативного значения лексических единиц [12]. Проведенный ассоциативный анализ основывается на взаимосвязи вербальных ассоциаций с мышлением индивида [11], методике и методологии независимого ассоциативного анализа [10], с учетом социальных аспектов выявленных ассоциаций [10]. Для интерпретации полученных данных использовались теории концептуализации [4; 13; 15], а также достижения лингвоконцептологии [4; 9]. Особое значение также приобретают работы по теории межкультурной коммуникации [3; 7; 9], поскольку полученные данные доказывают важность передачи, обработки и получения культурно значимой информации о конкретном этносе. Таким образом, важность стереотипов восприятия носителей определённой культуры (в данном случае — американских индейцев) носителями другой культуры (в данном случае — русской) сложно переоценить.

Полученные результаты помогли воссоздать структуру этноконцепта ИНДЕЕЦ. В этой связи, проведенное исследование создаёт основу анализа концептуализации — одного из важнейших процессов познавательной деятельности человека. Отметим также и роль хранения, обработки и передачи информации как основ формирования и существования концепта в определённом этносоциуме. Ответы информантов позволили нам выделить ряд концептуальных сфер, пересечение которых и дало ключ к структуризации

полученной информации в форме концепта, имеющего кластерную природу. Полученные от респондентов вербальные данные были классифицированы согласно их семантике по следующим концептуальным сферам:

1. ЧЕЛОВЕК, которая состоит из ряда концептов:

1.1. ЭТНОС, который вербализуется такими единицами, как: *ирокез, команчи, майя, инки, ацтеки* и др.;

1.2. ОТНОШЕНИЯ С ДРУГИМИ ЭТНОСАМИ, вербализуемые следующими единицами: *колонизация, война, скальп, бледнолицые* и др.;

1.3. ПЕРСОНАЛИИ (*Президент Боливии, Покахонтос, Мачу-Пикчу, Колумб, Дон Хуан К. Костанеда, Авраам Линкольн*);

1.4. ВНЕШНОСТЬ: 1.4.1. ОБЩЕЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ (*яркость*), 1.4.2. ВОЗРАСТ (*возраст*), 1.4.3. ФИГУРА (*худой, сила*), 1.4.4. ГОЛОВА (*разноцветные перья на голове*), 1.4.5. ЛИЦО (*ропись на лице, разрисованное лицо, цветная раскраска, суровые черты лица*), 1.4.6. НОС (*орлиный нос, большой нос*), 1.4.7. ГЛАЗА (*узкий разрез глаз, с копьём и горящими глазами*), 1.4.8. ТЕЛО / КОЖА (*красивое тело, татуировка, краснокожий, богатый рисунок на коже, боевой раскрас, разукрашенный*), 1.4.9. ВОЛОСЫ (*волосы, черные волосы, косички, ирокез*), 1.4.10. НОГИ (*босоногий*);

1.5. ЛИЧНОСТНЫЕ КАЧЕСТВА: 1.5.1. ПОЗИТИВНЫЕ; СОЦИАЛЬНЫЕ / К ДРУГИМ ЛЮДЯМ (*доброта, романтика, дружба, гостеприимство, благородство, искренность, справедливость, честность, порядочность, гордый, независимый, непонятный*), 1.5.2. ПОЗИТИВНЫЕ; ВНУТРЕННИЕ (*честь, храбрый, отвага, стойкий, ирония, юмор, сильный, выносливость, спокойствие, чистота, гармония, традиционность* и др.), 1.5.3. ПОЗИТИВНЫЕ; МЕНТАЛЬНЫЕ (*мудрость*), 1.5.4. ПОЗИТИВНЫЕ; ПО ОТНОШЕНИЮ К ФЛОРЕ И ФАУНЕ (*любовь к животным, любовь к своей земле, оберегающий природу*), 1.5.5. НЕГАТИВНЫЕ, СОЦИАЛЬНЫЕ (*безответственный человек*), 1.5.6. НЕГАТИВНЫЕ; ВНУТРЕННИЕ (*наивность*);

1.6. ПОВЕДЕНИЕ: 1.6.1. ОБЩЕНИЕ (*дикий, шёпот, боевой клич, молчаливый*), 1.6.2. ХАРАКТЕРИСТИКА ПОВЕДЕНИЯ (*почтительность, непримиримость, весёлый, осторожный человек, быстрый, подвижный*), 1.6.3. ИНТЕРЕСЫ (*любитель карнавалов, вечеринок и скандалов, любитель сигар, скачки, погони, музыка, танцующий, рискованно водящий автомобиль*);

1.7. РОД ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (*охотник, воин, шаман, всадник, рукодельник, водитель, шифровщик, неумеха, человек без опыта*);

2. ЖИЗНЬ / УКЛАД:

2.1. ДУХОВНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ: 2.1.1. ЯЗЫК (*метафоричность имен, универсальный язык жестов*); 2.1.2. СИМВОЛЫ (*пирамиды, календарь Майя, Сидящий Бык, тотем, топор, трубка мира, тропа войны, барабан, томагавк, вигвам, шалаш, скво, копьё и др.*); 2.1.3. РЕЛИГИЯ (*обряд, духи, знания, ритуал, огонь, костер*); 2.1.4. ПРАЗДНИКИ (*День Благодарения*).

2.2. БЫТОВАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ: 2.2.1. ОСОБЕННОСТИ УКЛАДА / БЫТА (*резервация, сын природы, племя, семья, вождь, патриархат, табак, алкоголизм, охота* и др.); 2.2.2. АРТЕФАКТЫ (*одежда, рубашка в клетку, оленья кожа, пончо, головной убор из перьев, повязка* и др.); 2.2.3. ЕДА (*мясо, индюшка, лосось, картофель, кукуруза, маис, шоколад, какао с перцем*).

3. ПРОСТРАНСТВО / ТЕРРИТОРИЯ ПРОЖИВАНИЯ (КЛИМАТ): *пампасы, прерии, пустыня, вода, лесное озеро, лес, джунгли, жара, солнце, Америка, США* и др.)

Концепт ЧЕЛОВЕК получил отражение в 82 реакциях информантов 17–30 лет, а также 266 реакциях информантов старшего поколения. Гендерные отличия информантов не показали существенных отличий (225 реакций женщин и 123 — мужчин).

Концепт ЖИЗНЬ показал больший интерес информантов старшего поколения (138), чем молодёжи (66). Реакции женщин (134) также преобладают над реакциями мужчин (70).

Что же касается заинтересованности информантов в вербализации концепта ПРОСТРАНСТВО, то здесь возрастные и гендерные группы продемонстрировали единство (молодёжь — 24, старшее поколение — 30; женщины — 33, мужчины — 21).

Этноконцепт ИНДЕЕЦ согласно опросу информантов представляет собой кластерное образование, состоящее из ряда концептосфер, взаимодействующих между собой, и отражающих разные ипостаси фокусировки внимания опрошенных — носителей русского языка. Представители различных социальных групп показали единство в позитивной оценке данного этноса, продемонстрировав осведомленность историей, бытом и традициями коренного населения Америки. Вместе с тем, отмечен больший интерес к жизни, быту, истории и традициям рассмотренной этнической общности продемонстрировали люди старшего поколения и женщины.

Итак, представленный информантами ассоциативный ряд позволил очертить структуру этноконцепта ИНДЕЕЦ и представить основные концептуальные сферы, его формирующие как кластеры, взаимодействие которых и позволяет раскрыть проблему концептуализации информации. Представленные респондентами вербальные репрезентации помогли также выделить фрагмент концептуальной и языковой картин мира и доказать важность этнически маркированной информации как основы этноконцепта ИНДЕЕЦ.

Список литературы:

1. Глухов В. П. Основы психолингвистики. М.: АСТ: Астрель, 2005. 351 с.
2. Горелов И. Н., Седов К. Ф. Основы психолингвистики. М.: Лабиринт, 1997. 224 с.
3. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: Гнозис, 2003. 287 с.

4. Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. М.: Ин-т языкознания РАН, 1995. С. 144–238.
5. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997. 287 с.
6. Потебня О. О. Думка і мова // Дискурс. Антологія світової літературно-критичної думки XX ст. Львів: Світ, 2001. С. 34–55.
7. Садохин А. П. Межкультурная коммуникация. М.: Альфа-М; ИНФРА-М, 2004. 288 с.
8. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Изд-во МГУ, 2004. 352 с.
9. Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты: Сборник статей / Под общей редакцией Н. В. Уфимцевой. М.; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. 344 с.
10. Cramer Ph. Word Association. N.Y., London: Academic Press, 1968. 163 p.
11. Davis W. A. Meaning, Expression and Thought. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 654 p.
12. Glucksberg S., Danks J. H. Experimental Psycholinguistics. An Introduction. Hillsdale, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 1975. 233 p.
13. Jackendoff R. Patterns in the Mind, Language and Human Nature. N.Y.: Basic Books, 1994. 123 p.
14. Kess J. F. Psycholinguistics. Amsterdam: John Benjamins, B. V., 1992. 401 p.
15. Lakoff G. Women, Fire and Dangerous Things: What Categories Reveal About the Mind. Chicago: University of Chicago Press, 1987. 525 p.
16. Prideaux G. D. Psycholinguistics. The experimental study of language. L.: Routledge, 1984. 63 p.
17. Rosch E. Principles of Categorization // Cognition & Categorization, 1978. P. 1–48.

Сведения об авторе:

Левицкий Андрей Эдуардович, д. ф. н., профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия; e-mail: andrelev@list.ru

ETHNOCONCEPT AND THE DIALOGUE OF CULTURES

Andrei E. Levitsky

Doctor of Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; e-mail: andrelev@list.ru

Abstract

The article deals with the representation of the essence of ethnoconcept as the verbalized quantum of knowledge featuring ethnocultural specifics. There has been viewed the conceptualized character of information related to a certain ethnic group, i.e. the way the ethnic group analyzed is perceived by those who belong to a different linguistic and cultural group. The information

encoded within ethnoconcept embraces the lifestyle, area, language, religion, dress, activity, behavior as well as relations with other nations, history, climate, national symbols and vehicles used. The stereotypically perceived information about the other nations has been brought into limelight. It has been specified that the dialogue of cultures as a source of information may be indirect, when people obtain the information about other nations from fiction, movies and popular resources. This is the case of the information sources about American Indians for the speakers of Russian. The free associative experiment reveals the information of intercultural character concerning those nations, who are traditionally named in Russian as *indeytsy*. The data obtained lead the way for structuralizing the concept INDEYETS (AMERICAN INDIAN/NATIVE AMERICAN) as the span of ethnoculturally bound information typical of our linguoculture. 103 Russian-speaking informants were interviewed to present their verbal associations related to the word *indeyets* (*American Indian / Native American*) serving as a stimulus. The associations analysed as the indicators of information space related to this ethnic group served as a ground for structuring the concept INDEYETS.

Key words: ethnoconcept, indeyets/Indian/Native American, information, free associative experiment, dialogue of cultures.

References:

1. Glukhov, V. P. (2005). *Osnovy psikholingvistiki* [Basics of Psycholinguistics]. M.: AST: Astrel.
2. Gorelov, I. N., & Sedov, K. F. (1997). *Osnovy psikholingvistiki* [Basics of Psycholinguistics]. M.: Labirint.
3. Gudkov, D. B. (2003). *Teoriya i praktika mezhkulturnoy kommunikatsyi* [Theory and Practice of Intercultural Communication]. M.: Gnozis.
4. Kubryakova, Ye. S. (1995). *Evolutsiya lingvisticheskikh idey vo vtoroy polovinye XX veka (opyt paradigmalnogo analiza)* [Evolution of linguistic Ideas in the Second Half of the XX Century (Experience of Paradigmatic Analysis)] // *Yazyk i nauka kontsa 20 veka* [Language and Science of the End of the XX Century]. M.: In-t yazykoznanija RAN. S. 144–238.
5. Leontiyev, A. A. (1997). *Osnovy psikholingvistiki* [Basics of Psycholinguistics]. M.: Smysl.
6. Sadokhin, A. P. (2004). *Mezhkulturnaya kommunikatsiya* [Intercultural Communication]. M.: Alfa-M; INFRA-M.
7. Ter-Minasova, S. G. (2004). *Yazyk i mezhkulturnaya kommunikatsiya* [Language and Intercultural Communication]. M.: Izd-vo MGU.
8. Potebnya, O. O. (2001). *Dumka i mova // Diskurs. Antologiya svitovoi literaturno-kritichnoi dumky XX st.* Lviv: Svit. S. 34–55.
9. Ufimtseva, N. V. (ed.) (2004). *Yazykovoye soznaniye: teoreticheskiye i prikladnyye aspekty: Sbornik statei.* M.; Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta. 344 s.
10. Cramer, Ph. (1968). *Word Association.* N.Y., London: Academic Press.

11. Davis, W. A. (2003). *Meaning, Expression and Thought*. Cambridge: Cambridge University Press.
12. Glucksberg, S., and Danks, J. H. (1975). *Experimental Psycholinguistics. An Introduction*. Hillsdale, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates.
13. Jackendoff, R. (1994). *Patterns in the Mind, Language and Human Nature*. N.Y.: Basic Books.
14. Kess, J. F. (1992). *Psycholinguistics*. Amsterdam: John Benjamins, B. V.
15. Lakoff, G. (1987). *Women, Fire and Dangerous Things: What Categories Reveal About the Mind*. Chicago: University of Chicago Press.
16. Prideaux, G. D. (1984). *Psycholinguistics. The experimental study of language*. L.: Routledge.
17. Rosch, E. (1978). Principles of Categorization. In: *Cognition & Categorization*, 1978. P. 1–48.

Аксиологическое “строительство” на занятиях по русскому языку как иностранному

Н. В. Лучкина, И. Ю. Проценко

Ростовский государственный медицинский университет

Аннотация

В статье рассматривается реализация аксиологического подхода на занятиях по русскому языку как иностранному. Формирование аксиосферы у иностранных учащихся требует знания культурных доминант в ценностной картине мира изучаемого языка, с тем чтобы насытить учебное дискурсивное пространство смыслами, важными для человека, принадлежащего к русской культуре. Учебные тексты как языковые репрезентанты ценностных категорий должны обладать достаточной смысловой емкостью. Для практического решения этой задачи авторами предлагается методика, опирающаяся на типологию важнейших ценностей русского народа и лингвистические принципы, помогающие осуществить отбор вербальных знаков ценностей, чтобы затем ввести их в дидактический контекст.

Ключевые слова: аксиология, ценности русской культуры, вербальные знаки ценностей.

В процессе изучения иностранного языка человек подключается к опыту определенного языкового коллектива, постигает особенности иноязычной культуры и ее систему ценностей. Происходить это “подключение” может стихийно, но в целях повышения продуктивности обучения иностранному языку этапы формирования аксиосферы должны

продумываться авторами учебников и учебных пособий. В последнее время появляется все больше публикаций о необходимости аксиологического подхода в преподавании иностранных языков как одной из важных методологических составляющих [2; 9; 11].

Л. А. Микешина подчеркивает, что овладение системой ценностей при изучении иностранного языка происходит не только и не столько при помощи овладения словарем, синтаксисом и грамматикой, сколько через неосознаваемое приобщение к фонду культуры и исторического бытия данного языка [10, с. 327]. Это верная точка зрения, однако сбрасывать со счетов важность выявления вербальных номинаций ценностных категорий не стоит.

Аксиологический подход в преподавании иностранных языков требует поиска ответа на вопрос: что носители языка считают ценностно значимым для себя? Полученный ответ даст нам возможность систематизировать уникальные и универсальные ценности, выявить национально-специфическое в иерархии ценностей изучаемого языка. В настоящее время актуальность приобрела проблема разработки аксиологических моделей, позволяющих у изучающих иностранный язык формировать аксиосферу, приближенную к той, которой носители языка овладевают с детства при помощи всего арсенала средств обучения и воспитания на разных стадиях социализации.

Для практического решения этой задачи следует использовать результаты исследований в области лингвоаксиологии, лингвокультурологии и лингвистической когнитологии. Определяющая роль при аксиологическом подходе будет принадлежать ценностно-концептуальной базе, в структуре которой обязательно содержится когнитивное ядро, во многом объясняющее особенности этнокультурного мировосприятия и накладывающее отпечаток на склад ума носителей языка, манеру поведения, проявление чувств и пр.

Создатели учебников и учебных пособий по русскому языку как иностранному (РКИ) задаются вопросом: возможно ли учебный дискурс выстроить таким образом, чтобы исподволь происходило в сознании учащихся аксиологическое “строительство”, которое было бы релевантным длительному процессу освоения аксиосферы родного языка?

Порой мы не вполне четко можем ответить на вопрос: как дети, осваивающие родной язык, разбираются в вопросах оценки окружающего их мира? Эту мысль хорошо выразил С. Маршак в своем четверостишии:

*Как зритель, не видевший первого акта,
В догадках теряются дети.
И все же они ухитряются как-то
Понять, что творится на свете.*

Используя данную метафору, можно утверждать, что наши иностранные учащиеся пропустили несколько актов, прежде чем приступили к активному участию в “спектакле”, носящем условное название “Учеба

иностранцев в России”. Но тем не менее вопрос о содержании учебного дискурса, позволяющем выстроить аксиосферу как у носителей языка или хотя бы обеспечить понимание ее особенностей, должен стоять перед авторами учебников и учебных пособий по РКИ.

Поиск ответа на данный вопрос побудил одного из авторов настоящей статьи предпринять диссертационное исследование на тему “Определение ценности лексических единиц при помощи квантитативно-системного анализа лексики (на материале 500 наиболее частотных имен существительных)” (см. [8], содержащее описание методики выявления наиболее значимых лексических единиц и результаты практического применения данной методики, позволившей ранжировать 500 наиболее частотных имен существительных.

Позже в монографии А. Д. Шмелева “Русский язык и внеязыковая действительность” мы прочитали вопрос: “могут ли лексические единицы русского языка быть ключом к пониманию русской культуры?” [13, с. 295] — и поняли, что свою попытку положительно ответить на этот вопрос мы сделали.

Не останавливаясь на сути разработанной методики (с нею можно познакомиться в диссертационном исследовании), назовем первую десятку имен существительных, значимых для носителей русского языка: *рука, земля, свет, глаз, голова, голос, дом, дело, сердце, слово*. Причем слово *рука* “лидирует” в общем списке слов с большим отрывом, что вполне согласуется с выводом, к которому приходит Ю. Д. Апресян в статье “Образ человека по данным языка: попытка системного описания”: “Человек мыслится в русской языковой картине мира (...) прежде всего как динамичное, деятельное существо” [1, с. 39]. А в связи с этим считаем очень уместным в корпус учебных текстов для иностранцев включать рассказы о тех людях, которыми гордятся наша наука и искусство, — о людях, составляющих гордость нашего Отечества. Ведь говоря о ценностях культуры того или иного народа, мы принимаем во внимание оценочное отношение самих носителей языка к разного рода фактам и явлениям.

Однако здесь будет уместно сослаться на существенное замечание А. Д. Шмелева: “Важно не то, что утверждают носители языка, а то, что считают само собою разумеющимся, не видя необходимости специально останавливать на этом внимание” [13, с. 296]. Безусловно, это утверждение справедливо в отношении людей, принадлежащих к русской культуре. Что касается иностранцев, изучающих русский язык, то их внимание как раз и должно быть сконцентрировано на тех явлениях и фактах, значимость которых для русского человека аксиоматична.

Формирование аксиосферы у иностранных учащихся в процессе овладения русским языком требует знания культурных доминант в ценностной картине мира, с тем чтобы насытить учебное дискурсивное пространство смыслами, важными для человека, принадлежащего к русской культуре. Совокупность культурных доминант образует определенный тип культу-

ры, сохраняемый в языке. Учебные тексты как языковые репрезентанты ценностных категорий должны обладать достаточной смысловой емкостью. Каким способом может быть решена эта задача? Для этого необходимо знать типологию важнейших ценностей и руководствоваться лингвистическими принципами, помогающими осуществить отбор вербальных знаков ценностей, чтобы затем ввести их в дидактический контекст, в учебное дискурсивное пространство. Понятно, что это несложно сформулировать, — трудно реализовать. Но тем не менее, на наш взгляд, эта задача решаема.

Итак, остановимся на “местонахождении” ценностей. Назовем пять традиционно выделяемых областей бытования ценностей:

- область Истины, где ценность определяется терминами “истинно/ложно”;
- область Прекрасного, квалифицируемая терминами “прекрасное/уродливое”;
- область Этики, в которой оперируют терминами “добро/зло”, “хорошо/плохо”;
- область Удовольствия, определяемая терминами “приятное/отвратительное”;
- область Практической пользы, в которой руководствуются представлениями о “полезности/бесполезности/вреде”.

Ценности могут различаться по содержанию, по способу существования и пр. [7, с. 29–33]. Классификации могут быть более или менее подробными, но ни одна из них не будет абсолютно исчерпывающей. Однако специалистам в области преподавания РКИ необходимо ориентироваться в типах ценностей, различая, какие из них могут квалифицироваться как общечеловеческие, а какие свойственны именно русскому сообществу. Этнокультурное своеобразие ценностей того или иного народа следует искать в особенностях его национального характера. Что касается русского народа, то с высокой степенью доверия, на наш взгляд, можно отнести к перечню особенностей современного русского характера, приведенному В. В. Владимировым в его монографии “Смысл русской жизни” [3]. Им названы следующие особенности характера русских, относительно более развитые, чем у народов, принадлежащих к другим культурам:

- идеализм, то есть превалирование духовного над материальным;
- стремление “быть, а не иметь”;
- понимание подчиненной роли труда в “правильной” жизни;
- терпение и смирение;
- важность мнения окружающих;
- высокое значение авторитетов;
- умение сотрудничать, собранность;
- коллективизм как солидарность и взаимопомощь;
- способность уживаться с другими народами, неагрессивность;
- совестливость;
- обостренное чувство справедливости;

- равнодушие;
- чувство долга и сила воли;
- свободолюбие [3, с. 428].

Особенности национального характера предопределяют систему ценностей народа, а последние в свою очередь оказывают влияние на то, каким быть новым поколениям россиян. Ценности выполняют функцию социальных регуляторов в жизни человека, обладая большим социокультурным потенциалом и обеспечивая интеграцию общества на основе выбора его членами социально одобряемой манеры поведения.

М. С. Каган приводит в своей монографии таблицу “культурных ценностей россиян”, составленную О. Крокинской. В блок культурных ценностей первостепенной важности вошли следующие ценности: человеческое достоинство, мир, сохранение среды, святость пахотной земли, гостеприимство, материнство, образование, уважение к старшим, мощь государства, патриотизм, непосредственность самовыражения и пр. [4, с. 149]. Именно на выявление этих значимых смыслов нужно ориентироваться при определении содержания учебных материалов.

Назовем основные принципы, которые должны лежать в основе отбора вербальных знаков ценностей.

- Принцип историзма, предполагающий выявление значимости номинации на шкале времени.
- Принцип ясности: номинация ценностной категории должна быть понятна всем носителям русской культуры и положительно оцениваться ими.
- Принцип авторитетности источника. Источниками ментально значимых смыслов, имеющих вербальное выражение, могут служить словари [6; 12 и др.], а также тексты русских философов, писателей, публицистов; исследования ученых, разрабатывающих аксиологическую тематику; этнолингвистические и лингво-культурологические исследования; пословицы и поговорки и пр.
- Принцип культурологической разработанности номинации ценностной категории.

Комплексное осмысление культуuroобразующих ценностей позволит выстроить модель ценностной картины мира в языке [5], что обеспечит надежные ориентиры в формировании аксиосферы у иностранных учащихся, постигающих русский язык и русскую культуру.

Список литературы:

1. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995, №1. С. 37–67.
2. Вепрева И. Т. Принципы отбора вербальных знаков ценностей в процессе аксиологического строительства в современной речевой практике/ И. Т. Вепрева, Н. А. Кулина [Электронный ресурс]. URL: <http://hdl.handle.net/10995/36481> (дата обращения: 15.10.2016).

3. Владимиров В. В. Смысл русской жизни. М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. 544 с.
4. Каган М. С. Философская теория ценности. Санкт-Петербург, ТОО ТК "Петрополис". 1997. 205 с.
5. Карасик В. И. Аксиологическая лингвистика: концепты и дискурс // Германистика в России. Традиции и перспективы. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2004. С. 28–32.
6. Колесов В. В. Словарь русской ментальности: в двух томах/В. В. Колесов, Д. В. Колесова, А. А. Харитонов. СПб: Златоуст, 2014. 1184 с.
7. Лингвистика и аксиология: этносемиотрия ценностных смыслов: коллективная монография. М.: ТЕЗАУРУС, 2011. 352 с.
8. Лучкина Н. В. Определение ценности лексических единиц при помощи квантитативно-системного анализа лексики (на материале 500 наиболее частотных имен существительных): Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Лучкина Наталья Владимировна; РГУ. Ростов-на-Дону, 1995. 195 с.
9. Лучкина Н. В. Аксиологический подход в обучении русскому языку как иностранному/ Н. В. Лучкина, И. А. Борзова//Современные проблемы развития фундаментальных и прикладных наук. Том 3. Прага, 2016. С. 110–114.
10. Микешина Л. А. Эпистемология ценностей / Л. А. Микешина. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. 439 с.
11. Рубцова А. В. Аксиологический подход как методологическая основа продуктивного обучения иностранному языку на переходном этапе российского образования [Электронный ресурс]. URL: http://lib.herzen.spb.ru/media/magazines/contents/1/83/rubtsova_83_179_184.pdf (дата обращения: 15.10.2016).
12. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. Москва: Школа "Языки русской культуры", 1997. 824 с.
13. Шмелев А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М.: Языки славянской культуры. 2002. 496 с.

Сведения об авторах:

Лучкина Наталья Владимировна, к. ф. н., зав. кафедрой русского языка №1, Ростовский государственный медицинский университет, Ростов-на-Дону, Россия; e-mail: luchkina7@mail.ru

Проценко Ирина Юрьевна, старший преподаватель, Ростовский государственный медицинский университет, Ростов-на-Дону, Россия; e-mail: ir.protsenko@yandex.ru

AXIOLOGICAL "BUILDING" AT LESSONS OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Natalia V. Luchkina

Candidate of Philology, Head of the Russian Language Department №1, Rostov State Medical University, Rostov-on-Don, Russia; e-mail: luchkina7@mail.ru

Irina Y. Protsenko

Senior Lecturer, Rostov State Medical University Rostov-on-Don, Russia;
e-mail: ir.protsenko@yandex.ru

Abstract

The article deals with the implementation of the axiological approach at lessons of Russian as a foreign language. The formation of axiosphere for foreign students requires knowledge of the cultural landmarks in the value picture of the world of the target language. This is necessary to satisfy the educational discursive space of meanings that are important to a person who embraces the Russian culture. Academic language texts, as the representatives of value categories, should have sufficient semantic capacity. For the practical solution of this problem, the authors propose a methodology based on typology of the most important values of the Russian people and the linguistic principles. These principles help to carry out a selection of verbal signs of specific values, and then to introduce them to didactic context.

Key words: axiology, values of Russian culture, verbal signs of values.

References:

1. Apresyan, Y. D. (1995). The Image of Man According to the Language (From Data of Language: System Description Attempt. *Issues of linguistics*, (1) 37–67.
2. Vepreva, I. T. Principles of Verbal Signs' Selection in the Axiological Process of Construction in Modern Speech Practice / I. T. Vepreva, N. A. Kupina. URL:<http://hdl.handle.net/10995/36481>.
3. Vladimirov, V. V. (2006). Sense of Russian Life. M.: Algorithm, Eksmo.
4. Kagan, M. S. (1997). Philosophical Theory of Values. St. Petersburg, TOOTK "Petropolis."
5. Karasik, V. I. (2004). Axiological Linguistics: Concepts and Discourse/ V. I. Karasik/ Germanistik in Russia. Traditions and prospects. Novosibirsk, PH NGU. 28–32.
6. Kolesov, V. V., Kolesova, D. V., and Kharitonov, A. A. (2014). Dictionary of Russian Mentality: in two vol. SPb: Zlatoust.
7. Linguistics and Axiology: Ethnosemiotics of Value Meanings: Collective Monograph (2011). M: Thesaurus.
8. Luchkina, N. V. (1995). Determination of Lexical Units Values Through Quantitative System Analysis Vocabulary (On the Material of 500 the Most Frequent Nouns): dis. of cand. Of PhS. Rostov-on-Don, 195.
9. Luchkina, N. V., Borzova, I. A., and Chernenko, E. V. (2016). Axiological Approach in Teaching Russian as a Foreign Language. In: *Modern problems of development of fundamental and applied sciences*, vol. 3. Prague, 110–114.
10. Mikeshina, L. A. (2007). Epistemology of Values. M: Russian Political encyclopedia (ROSSPEN).
11. Rubstova, A. V. The Axiological Approach as a Methodological Basis for Productive Foreign Language Training in the Transition Stage of Russian Education. URL:http://lib.herzen.spb.ru/media/magazines/contents/1/83/rubstova_83_179_184.pdf

12. Stepanov, Y.S. (1997). Constants. Dictionary of Russian Culture. Research experience. Moscow: School "Languages of Russian Culture", 1997.
13. Shmelev, A. D. (2002). The Russian Language and Extralinguistic Reality. M. Languages of Slavic culture.

Культурно-критический анализ медийных источников в контексте диалога культур

Н. Е. Меркиш
МГИМО МИД России

Аннотация

В статье рассматривается принцип диалога культур в приложении к обучению иностранным языкам, обосновывается целесообразность его разработки и применения. Процесс восприятия и осмысления информации медиатекста понимается как диалог с автором-носителем языка. В качестве предпосылки полноценного диалога культур выступает культурно-критический анализ информации медиатекста, направленный на выявление и оценивание культурного фона сообщения и позволяющий проявить детали культурно-специфической картины мира автора, понять причины представленной фокусировки событий.

Под культурно-критическим анализом понимается процесс вычленения культурно-значимой информации медиасообщения с целью оценки верности заключенных в тексте культурно-релевантных суждений и выводов, а также их достоинств и недостатков. В качестве основных этапов анализа предлагаются: оценка мировоззренческих установок источника информации, исследование гипотез и аргументации автора, анализ событийного и темпорального контекстов сообщения, экспликация семантики основных культурных реалий, а также формирование личностной позиции реципиента сообщения. Результатом использования описанного вида анализа является реализация диалога культур в процессе обучения иностранным языкам.

Ключевые слова: преподавание иностранного языка, культурно-критический анализ, алгоритм анализа медиатекста, иноязычные источники информации, событийный контекст сообщения, темпоральный контекст сообщения, диалог культур.

В процессе обучения иностранным языкам интенсивно используются иноязычные медийные источники информации, несущие глубокий пласт языковых, социокультурных и профессионально-значимых сведений [4, 5, 10]. При восприятии содержания медиатекстов студенты осмысливают их культурную специфику, вычленяют релевантные категории и умозаключают

чения и вступают таким образом в диалог с автором — носителем языка. Данный диалог между реципиентом и создателем текста предполагает сопоставление ценностей родной и изучаемой культуры. При этом важна не только культурологическая направленность обучения [1, 2, 6], но именно аналитический подход к восприятию информации, которая, проходя сквозь фильтры критического мышления, очищается от оценочной составляющей.

В концепции диалога культур, предложенной М. М. Бахтиным и углубленной В. С. Библером [3], культура рассматривается как форма общения индивидов, причем в качестве основы данного общения выступает текст. Интерпретируя “Эстетику словесного творчества” М. М. Бахтина, И. М. Меликов и А. А. Гезалов отмечают, что “каждый текст диалогичен, так как всегда направлен к другому, опирается на предшествующие и последующие тексты, созданные авторами, имеющими свое миропонимание, свою картину и образ мира, ... текст несет смысл прошлых и последующих культур...” [7, с. 24–25].

Согласно концепции диалога изолированное развитие культур не представляется возможным, так как оно всегда происходит на стыке взаимодействия с другими культурами. Следовательно, диалог культур должен восприниматься, как их взаимодействие и взаимовлияние, как путь к пониманию не только изучаемой, но и собственной культуры [9; 11]. Предпосылкой полноценного диалога культур, реализуемого в процессе работы над массмедийным текстом является его критический анализ, направленный на выявление и оценивание культурного фона сообщения и позволяющий проявить детали культурно-специфической картины мира автора, понять причины представленной фокусировки событий.

Под культурно-критическим анализом мы понимаем процесс вычленения культурно-значимой информации медиасообщения с целью оценки верности, а также достоинств и недостатков заключенных в тексте культурно-релевантных суждений и выводов. Предложенный вид анализа способствует выявлению необходимой студенту информации и приводит к пониманию причин представленной фокусировки событий. Важным результатом такой работы является не только понимание позиции автора, но формирование и аргументированное продвижение собственной позиции в развернувшемся заочном диалоге.

Культурно-критический анализ направлен на выявление и оценку культурного фона источника информации. В данной связи мы предлагаем алгоритм создания фонового текста, который позволит проявить скрытый фон авторского сообщения. Для этого необходимо:

- оценить медиатекст с точки зрения его идеологических и мировоззренческих установок;
- выявить основной аспект сообщения;
- проанализировать его событийный и темпоральный контексты;
- эксплицировать семантику основных культурных реалий;
- исследовать гипотезы и аргументацию автора;

- выявить идеологизированные структуры, приемы манипулятивного воздействия;
- оценить убедительность аргументации автора, выявить несоответствия с информацией других источников;
- сформировать личностную позицию реципиента сообщения.

Оценка источника информации предполагает анализ сведений о близости СМИ к политическим партиям и движениям, его проблематике, привлекаемых экспертах, оценочных сценариях, потенциальной аудитории. Такая работа развивает у студента критический взгляд на предложенный текст. Помимо этого, для реализации полноценного диалога обучаемый должен владеть информацией об авторе — его партийной и социальной принадлежности, симпатиях — антипатиях, представлениях по значимым социальным, экономическим и политическим вопросам. Необходимо учитывать авторитетность персонифицированного источника в социуме, при интерпретации текста делать корректировку на его позицию, понимать, представляет ли текст личное мнение автора или мнение корпорации (партии, сообщества), к которой он принадлежит.

Этап выявления основного аспекта медиатекста или этап аспектизации позволяет очертить представленный в тексте фрагмент картины мира автора, актуализировать информационный запас студентов, а зачастую и предвосхитить фокус рассмотрения проблемы.

Анализ событийного контекста сообщения предполагает рассмотрение события, послужившего информационным поводом создания медиатекста. Анализ темпорального контекста включает в себя описание исторического периода его создания, включая экономические, внутри- и внешнеполитические условия существования социума на данном историческом отрезке. Процедуру анализа событийного и темпорального контекстов предлагаем обозначить контекстуализацией.

Анализ основных культурных реалий источника информации направлен на вычленение их культурно-специфической семантики, рассмотрение которой позволяет включить в процесс работы широкий спектр сведений о культуре страны изучаемого языка, а также выявить ценностные представления носителей, связанные с изучаемыми явлениями культуры.

В процессе исследования гипотез и аргументации автора происходит осмысление значимой для обучаемого информации текста. Важным условием данного этапа является критическая направленность восприятия. Она позволяет объективировать источник, то есть выйти за рамки субъективной информации, отдалить его от себя и таким образом снизить эмоциональное воздействие на адресата. Сопоставление собственной позиции с позицией автора обеспечивает студентам понимание на более высоком уровне, а также затрудняет эмоциональное воздействие медиаисточника.

Этап выявления идеологизированных структур и приемов манипулятивного воздействия служит цели защиты обучающихся от нежелательно-

го влияния СМИ. Целенаправленный анализ позволяет достичь понимания причин представленного ракурса изложения событий и в то же время остаться в рамках собственной мировоззренческой системы координат. Критичное отношение к информации способствует объективному видению ситуации с учетом как позитивных, так и негативных аспектов.

При оценке аргументации автора целесообразно ознакомить студентов с другими источниками, освещающими данное событие, выявить несоответствия в изложении фактов, а также сопоставить оценочную составляющую текстов. При этом обучающийся тестирует противоположные точки зрения, вовлекая в опосредованную коммуникацию представителей нескольких лингвосоциумов и оставаясь на позициях третьей стороны. Таким образом возникает продуктивный диалог культур.

В ходе такого диалога возможно разрешить множественные противоречия и даже преодолеть психологический дискомфорт, возникающий при рецепции негативно-окрашенных сообщений. Установка на понимание чужих культурных ценностей (что не означает их принятие) послужит основой в решении проблем как на уровне гражданского общества, так и на уровне государственных структур.

Процесс становления личностной позиции студента, оформления его выводов и аргументации осуществляется в течение всех этапов культурно-критического анализа. В процессе опосредованного диалога с носителем языка, оперирующим в рамках собственных ментальных представлений и закладывающим ценностные установки в освещение событий, чрезвычайно важна поддержка языкового коллектива, учебной группы, разделяющей позицию студента. Совместное обсуждение контраргументов, оценивание ситуации, исходя из общей культурной перспективы, представляет для молодых участников диалога культур большую поддержку.

Таким образом, в результате диалога культур, реализуемого в процессе культурно-критического анализа медийных источников, происходит сопоставление систем ценностей и мировоззренческих установок, выявление расхождений и сходства во мнениях. Диалог предполагает равноправие взаимодействующих культур [8], поэтому в процессе работы мнения авторов-носителей языка сравниваются с личной позицией по проблеме, их аргументация и доводы — с собственными убеждениями и утверждениями. В процессе диалога происходит интенсивное восприятие студентами новой культурно-специфической и профессионально-значимой информации, осмысливается разница культурных перспектив и выкристаллизовывается собственная позиция по представленным проблемам.

Список литературы:

1. Афолина А. Н. Формирование социокультурной компетенции у студентов во внеучебное время (на материале немецкого языка и культуры немецкоговорящих стран) / А. Н. Афолина, Ю. Э. Мюллер, Ю. В. Пасько // Традиции и инновации в преподавании иностранного языка в неязыковом вузе матери-

- алы межвузовской научно-практической конференции. Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации; Ответственные редакторы: М. А. Чигашева, А. М. Ионова. 2016. С. 252–257.
2. Беляева И. Г. Учет страноведческих особенностей Германии при обучении будущих юристов-международников // Основные проблемы гуманитарных наук Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. 2016. С. 72–76.
 3. Библер В. С. Диалог. Сознание. Культура (идея культуры в работах М. М. Бахтина) // Одиссей. Человек в истории. Исследования по социальной истории и истории культуры. М.: Наука, 1989. С. 21–59.
 4. Гафарова А. С. Текст vs. Художественный текст // Языковая действительность и действительность языка. Тверь, 2010. С. 18–23.
 5. Евтеев С. В. Феномены культуры в аспекте межъязыковой коммуникации // Вестник Брянского государственного университета. 2015. №2. С. 292–296.
 6. Ионова А. М. Лингвокультурологический аспект в обучении немецкому языку студентов бакалавриата по направлению подготовки “Международные отношения” // Магия ИННО: Новые технологии в языковой подготовке специалистов-международников. Материалы Научно-практической конференции к 70-летию факультета международных отношений. Ответственный редактор: Д. А. Крячков. Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел России. 2013. С. 120–125.
 7. Меликов И. М., Гезалов А. А. Диалог культур и культура диалога: концептуальные основы // Вопросы философии. 2014. №12. С. 24–35.
 8. Тарева Е. Г. Межкультурная образовательная идеология в эпоху геополитических трансформаций // Диалог культур. Культура диалога: в поисках передовых социогуманитарных практик. Материалы Первой международной конференции. Под общей редакцией Е. Г. Таревой, Л. Г. Викуловой. 2016. С. 558–562.
 9. Хосайнова О. С. Лингводидактические и методические аспекты межкультурного подхода // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. №11–1. С. 341–344.
 10. Чигашева М. А. Типы текстов по специальности и их использование на занятиях по иностранному языку // Технологии обучения иностранным языкам в языковых вузах Межвузовская научно-практическая конференция, сборник научных статей. 2005. С. 109–111.
 11. Khosainova O. S. Dialogue of Cultures and Worldview // Science, Technology and Higher Education materials of the VI International research and practice conference // Westwood, Canada, November 12–13, 2014. С. 176–177.

Сведения об авторах:

Меркиш Наталия Евгеньевна, к. п. н., доцент, МГИМО МИД России, Москва, Россия; e-mail: merkisch@hotmail.com

CULTURAL AND CRITICAL ANALYSIS OF MEDIA SOURCES IN THE CONTEXT OF THE DIALOGUE OF CULTURES

Nataliia E. Merkish

Candidate of Pedagogy, Associate Professor, MGIMO University, Moscow, Russia; e-mail: merkisch@hotmail.com

Abstract

The article focuses on use the principle of dialogue of cultures when working with texts mass media. It characterizes the concept of dialogue of cultures and its implementation in foreign language teaching.

The process of perception and comprehension of media information is understood as a dialogue with the author. A precondition for a full dialogue of cultures is the cultural and critical analysis of textual information.

The paper proposes the media text analysis algorithm that includes assessment of worldviews of the information sources, identification of the main aspects of the text, analysis of event and temporal contexts, explication of cultural semantics of media vocabulary. It also studies author's hypotheses and arguments, formation of the recipient's personal position. The result of using the described type of analysis is the implementation of a dialogue of cultures in the process of teaching foreign languages.

Key words: foreign language teaching, cultural and critical analysis, the media text analysis algorithm, the event context, the temporal context, the dialogue of cultures.

References:

1. Afonina, A. N. (2016). Formirovanie sotsiokul'turnoi kompetentsii u studentov vo vneuchebnoe vremia (na materiale nemetskogo iazyka i kul'tury nemetskogovoriashchikh stran) [Forming Sociocultural Competence in Students During Extracurricular Time (Based on the German Language and Culture of German-Speaking Countries)]. In: Chigasheva, M. A., and Ionova, A. M. (ed.). Traditsii i innovatsii v prepodavanii inostrannogo iazyka v neiazыkovom vuze. P. 252–257.
2. Beliaeva, I. G. (2016). Uchet stranovedcheskikh osobennostei Germanii pri obuchenii budushchikh iuristov-mezhdunarodnikov [Considering Culture-specific Peculiarities of Germany When Teaching Future International Lawyers]. In: Osnovnye problemy gumanitarnykh nauk Sbornik nauchnykh trudov po itogam mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. P. 72–76.
3. Bibler, V. S. (1989). Dialog. Soznanie. Kul'tura (ideia kul'tury v rabotakh M. M. Bakhtina) [Dialogue. Culture (Idea of Culture in Works by M. M. Bakhtin)] // Odissei. Chelovek v istorii. Issledovaniia po sotsial'noi istorii i istorii kul'tury. M.: Nauka. S. 21–59.
4. Gafarova, A. S. (2010). Tekst vs. Khudozhestvennyi tekst [Text vs. Fiction] // Iazykovaia deistvitel'nost' i deistvitel'nost' iazyka. Tver'. 18–23.
5. Evteev, S. V. (2015). Fenomeny kul'tury v aspekte mezh'iazыkovoi kommunikatsii. [Culture Phenomenon in Terms of International Communication]. *Vestnik Brianskogo gosudarstvennogo universiteta* (2) 292–296.

6. Ionova, A. M. (2013). Lingvokul'turologicheskii aspekt v obuchenii nemetskomu iazyku studentov bakalavriata po napravleniiu podgotovki "Mezhdunarodnye otnosheniia" [Linguaculturological Aspect in Teaching German to Bachelor Students of International Relations] In: Kriachkov, D. A. (ed.). Magiia INNO: Noveye tekhnologii v iazykovoii podgotovke spetsialistov-mezhdunarodnikov. P. 120–125.
7. Melikov, I. M., and Gezalov, A. A. (2014). Dialog kul'tur i kul'tura dialoga: kontseptual'nye osnovy [Dialogue of Cultures and Culture of Dialogue]. *Voprosy filosofii* [Issues of Philosophy] (12) 24–35.
8. Tareva, E. G. (2016). Mezhkul'turnaia obrazovatel'naia ideologiya v epokhu geopoliticheskikh transformatsii [Intercultural Education Ideology in the Epoch of Geopolitical Transformation]// Dialog kul'tur. Kul'tura dialoga: v poiskakh peredovykh sotsiogumanitarnykh praktik. Materialy Pervoi mezhdunarodnoi konferentsii. Pod obshchei redaktsiei E. G. Tarevoi, L. G. Vikulovoi. 558–562.
9. Khosainova, O. S. (2014). Lingvodidakticheskie i metodicheskie aspekty mezhkul'turnogo podkhoda [Linguo-didactic and Methodological Aspects of Intercultural Approach]// Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk. №11–1. 341–344.
10. Chigasheva, M. A. (2005). Tipy tekstov po spetsial'nosti i ikh ispol'zovanie na zaniatiakh po inostrannomu iazyku [Types of Professionally Oriented Texts and Their Use at Foreign Language Lessons] In: Tekhnologii obucheniia inostrannym iazykam v neiazykovykh vuzakh Mezhvuzovskaia nauchno-prakticheskaia konferentsiia, sbornik nauchnykh statei. 109–111.
11. Khosainova, O. S. (2014). Dialogue of Cultures and Worldview. In: Science, Technology and Higher Education. Materials of the 4th International research and practice conference. Westwood, Canada, November 12–13, 176–177.

Особенности когнитивно-семантического содержания лексем *святой* / *heilige* в паремиях русского и немецкого языков

О. А. Мешерякова

Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина

Н. В. Шестеркина

Мордовский государственный университет

Аннотация

Обращаясь к русским и немецким пословицам, мы рассматриваем смысловые особенности содержащихся в них лексем *святой*/*Heilige*. Их смысловое наполнение определяется не вообще культурой того или иного народа, а ее сферой, актуальной для определенной формы коммуникации. Анализируемые паремии формируются под влиянием религиозной коммуникации, но, не ограничиваясь ею и собственно религиозной куль-

турой, вбирают в себя смыслы, связанные с разными гранями народной культуры. В нашем докладе мы отражаем влияние различных факторов на когнитивно-семантическое содержание указанных лексем в паремно-логической картине мира, обусловленной отношением двух европейских народов к религии и церкви.

Ключевые слова: *святой* / *Heilige*, когнитивно-семантическое содержание, паремии, русский и немецкий язык.

Современная парадигма лингвистических знаний проявляет интерес к языковым единицам, отражающим в своей семантике духовный опыт нации. К их числу относится лексема *святой* в русском и *Heilige* в немецком языке. При их использовании в пословичном дискурсе происходит трансформация смысла, что обусловлено особенностями пословиц и поговорок, составляющими основу паремий. “Паремии закрепляют когнитивно-оценочный опыт народа, его традиции и обычаи, национальный менталитет” [12, с. 1231]. Национальная культура в разных ее проявлениях влияет на смысловое содержание *святой* / *Heilige* как лексических компонентов паремий. Паремии с ними формируются под влиянием сферы религиозной коммуникации. Континуум религиозной концептосферы включает комплекс форматов знания: 1) знание о мифолого-религиозной картине мира, то есть о Боге, человеке, обществе; о принципах нравственной жизни; 2) ритуалы с их разнообразием и всепроникающим влиянием на повседневную жизнь; 3) паралингвистические средства общения (в ритуалах и за их пределами); 4) социальные коды поведения и общения вне храма; 5) естественный язык (иногда два: сакральный и профанный) и т.д. [8, с. 284]. Эти форматы знания представлены в соответствующих ментальных структурах *святой* / *Heilige*, восходящих к общему началу — христианству (православию в Восточной Европе и католицизму, протестантизму в Западной Европе) и соотносящихся с базовым религиозным концептом “сакральность”. Под сакрализацией понимается “наделение объектов, явлений, людей ‘священным’ содержанием” [7, с. 403; 15]. В статье мы используем материалы словарей В. Даля [5; 6] и немецкого словаря пословиц [14]. *Святой* — духовно и нравственно непорочный, чистый, совершенный; *святое* — все, что относится к Божеству, к истинам веры, предмет высшего почитания, поклонения, духовный, божественный, небесный; “Святой Дух, третья ипостась, выражающая деятельность Божественную” [5].

В когнитивно-диахроническом аспекте представление о *святом* коррелирует с представлением о *светлом* [13]. Свет имеет божественную природу, присущ высшим сакральным существам (Богу, Христу, Богородице) и святым. Свет — Божья благодать, он изливается на землю и человека, светоносность — проявление святости. В религиозных легендах и стихах праведники изображены с просветленными лицами. В славянских языках

слово “святой” (праслав. *svęnt) восходит к и.-е. “k’uento” — ‘возрастать’, ‘увеличиваться’, ‘цвести’ — в прямом и переносном смысле, ‘плодоносить’ [11, с. 441–443]. Лексема *святой* сочетается с многими существительными: *небе-са, мощи, Евангелие, крест* и т.д. *Святы* сущности духовного: *Дух, Глас, Богородица*. *Свято* все, связанное с Иисусом Христом: *лицо, тело, кровь* и т.д. Сакральная культура определяют семантику лексемы *святой* в различных жанрах паремий, например, в божбе как *Свят Бог*, в поговорке *Как святым духом взято*, в пословичных суждениях: *Бес не ест, не пьет, а свят не живет* (о посте). Святость — главная черта защитников и подвижников Руси, что проявляется в именовании причисленных к лику святых. *Егорий Храбрый* называется *святым светом* *Егорием Храбрым*, *святым* *Егорим-светом Храбрым* [9, с. 115]. В то же время сакральное знание, определяя профанное, преобразуется под влиянием различных факторов, так как паремии не ограничиваются сферой религиозной коммуникации и вбирают в себя смыслы, связанные с разными гранями народной культуры. “Уже в Домострое мы находим своего рода идеальное задание сакрализовать микромир человека — его дом — иконами, которые предписывалось ставить во всех внутренних помещениях” [3, с. 301]. При распространении изображения святых в интерьере дома лексема-метоним *святые* получает значение “иконы с изображением святых людей”. В паремиях с этим словом отражена повседневная культура людей, особенности поведения, ритуалов.

Обычай истово молиться в тяжелых ситуациях рождает паремию *святым покою не давать: Пять дней, пять ночей святым покою не давала!* Размещение иконы в красном углу напротив обеденного стола влияло на то, как садилась за него семья, гости: почетным было место под святыми: *Честь да место — Господь над нами — садись под святыи!* Но не всем разрешали находиться под образами: *Не всем большим под святыми сидеть; Не тебе одному под святыми сидеть; Посади мужика к порогу, а он под святыи лезет*. Поведение перед иконами определяло предписание: *Тише ходи, святыи не ушиби!* Почтение к иконе оберегало ее от созерцания непристойного, греховного, от присутствия при неприличных событиях. Выносить святых или задернуть икону занавеской, как принято у старообрядцев, — такие меры принимали верующие, чтобы святые не видели пьянства, драк, домашних дрязг: *Так врет, что вынеси святыи, да и сам уходи! Такой содом, что хоть святыи вон неси* — ‘нет сил терпеть что-л., нестерпимо, невыносимо для окружающих’. В этих примерах эксплицитно представлена аксиологическая семантика, отражающая уважительное отношение к святым. От обычая обмывать и класть под образа еще заживо умирающего больного произошли такие паремии, как *Уж он под святыми лежит, умирает; Он из-под святыи встал*, то есть ожил от тяжелой болезни. Здесь *святые* — не просто иконы, а ‘изображения, выполняющие роль проводника человека на тот свет’.

Появление перечисленных сем связано со своеобразием русской православной культуры “с ее тягой к гиперсакрализации профанной среды”

[10, с. 549]. Под воздействием народной смеховой культуры у слова *святой* формируется семантика шуточного. Она может быть связана с переносом сакрального смысла питания в пост на профанный: *Святым духом питаться* — “ирон. / или шутол. Голодать, абсолютно ничего не есть”. Или с переносом сакрального общения на профанное: *святым покою не давать* и т.п. Часто шуточное перерастает в саркастическое, когда слово *святой* обозначает церковное лицо. Были нередки случаи несоблюдения служителями культа церковного и монастырского устава, неподобающего отношения к пастве, что породило ироничное смысловое содержание лексемы *святой*: *Свят муж: только пеленой обтереть да в рай пустить! У святых отцов не найдешь концов*. Церковь делила святых на лики, разряды. Представление о юродивых повлияло на слово *святой* при сравнении его с мирским человеком, которому нечего терять: *На голом — что на святом нечего взять, Гольый — что святой: беды не боится*. Такие поговорки придают пословичному суждению доказательную силу, потому что “в воссоздаваемой жизненной ситуации добавляют очевидное в истинности сравнение” [1, с. 242].

В немецких словарях лексема *heilig* значит “священный / святой, расширяющийся на сферу религии”. Концептуальный анализ сочетаний *heilig* с существительными позволяет сгруппировать их по слогам, образующим фреймовую структуру концепта: 1) Божественное: *der Heilige Vater*; *die Heilige Dreifaltigkeit*; 2) теонимы — авторы Евангелий; 3) церковь как институция, воплощающая религиозные идеи: *die heilige (Christliche) Kirche*, *der h. Papst*; 4) ритуальная деятельность в церковной сфере: *das Sakrament der heiligen Taufe*; 5) имена людей, провозглашенных церковью “святыми”: *Gemeinschaft der Heiligen*; 6) сакральное время представлено церковными праздниками: *Pfingstfest*, *der Heilige Abend*, *die Heiligen Drei Könige*.

Вначале *heil* обозначало свободу тела от повреждений, в древнее время имело значение “Wohlfahrt, Glück”. В библейском смысле *heil* — “Erlösung von den Sünden und Gewährung der ewigen Seligkeit”. Из атрибута *heil* произошли два глагола, в древности они были разными, а в Средневековье совпали по значению: *heilen 1* используют как непереходный (“*heil werden*”), переходный глагол *heilen 2* — “*heil machen*” указывает на излечение болезней, болезненных душевных состояний. Субстантивированное причастие от глагола *heilen Heiland* использовали в древневерхне-немецком как имя Христа, при Лютере — в более обобщенном значении “*Retter*” (Спаситель) как название Бога и человека. С появлением христианства *heilig* стало церковным словом для лат. *sanctus*. При Лютере *heilig* характеризует безгрешный образ жизни.

На материале немецких пословиц выявляем концептуальные признаки данного концепта: Люди делают идолов из святых, независимо от их статуса: *Aus Holz macht man große und kleine Heilige*. От святых ждут чудес: *Niemand will das Heilige Grab umsonst hüten*. Святые нужны, чтобы прощать грехи людям: *Wären keine Sünder, so wären keine Heiligen*. Святые могут быть чудаками: *Gott führt seine Heiligen wunderbar*. Святой дух (вино) окрыляет,

приносит вдохновение: *Wein ist der Poeten Heiliger Geist*. От размера церкви не зависит величие святого: *Große Kirchen, kleine Heilige*. Святые ждут поклонения: *Es ist kein Heiliger so klein, er will seine eigene Kerze haben*, они возвращают потраченные средства: *Die Heiligen holen ihr Wachs wieder*.

Паломничество в святые места не имело большого эффекта: *Wallfahrer kommen selten heiliger nach Hause*. Путешествие было стремлением удалиться от грешных мест: в пустыню или монастырь из “мира”. В сознании земной и небесный миры постоянно смешивались. В идее движения связаны пространственные перемещения и изменения внутреннего состояния человека [4, с. 86–87]. Священен брак: *Ehestand ist der heiligste Orden*; священны страдания: *Leiden ist heilig*... Христос искупил грехи человека, возведя страдание и самоотречение на вершину ценностей. Больные, сироты, бедные достигнут спасения, дают возможность другим спастись через милосердие. Любовь к ближнему требовала заботы о тех, кто в ней нуждался. Бедными стали те, кто беззащитен, бесправен, угнетен, нуждается в помощи. Любовь к ближнему стала основой христианской этики [2, с. 143–145; 164–165].

Итак, по содержанию паремий с лексемами *святой / Heilig* можно говорить о том, что в семантике слов обоих языков отражается, с одной стороны, культура сакральная, в том числе и библейская этика, с другой стороны — профанная, но и та, и другая формируют специфическую семантику языковых единиц в силу влияния национальной специфики культуры повседневности.

Список литературы:

1. Аникин В. П. Русское устное народное творчество. М.: Высшая школа, 2004. 735 с.
2. Арнаутова Ю. Е. Колдуны и святые. СПб.: Алетей, 2004. 397 с.
3. Громова Е. Б. Модуль сакрального пространства // Категории и концепты славянской культуры. Труды отдела истории культуры. М., 2007. С. 299–307.
4. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1984. С. 248–252
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс]. URL: [http://slovari.yandex.ru/~книги/Толковый%](http://slovari.yandex.ru/~книги/Толковый%20) (дата обращения: 30.09.2016)
6. Даль В. И. Пословицы русского народа. М., 2004. 752 с.
7. Дронова Н. П. Языковые средства вербализации “сакральности” в немецком языке // Когнитивные исследования языка. Вып. VIII. М.; Тамбов, 2011. С. 401–404.
8. Мечковская Н. Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура. М.: Академия, 2007. 432 с.
9. Мухина Е. А. Концепт “святой” в русской народно-речевой культуре // Слово и текст /общ. ред. Л. В. Табаченко. Ростов н /Д., 2009. С. 115.
10. Тарасов О. Ю. Сакрализация иконописца в русской традиции // Категории и концепты славянской культуры. Труды отдела истории культуры. М., 2007. С. 547–560.

11. Топоров В.Н. Святость и святые в русской культуре // Святость и святые в русской духовной культуре. М., 1995. Т. 1. С. 441–443.
12. Хайруллина Р.Х., Леднева А.В. Языковая природа паремий и их роль в формировании языкового мировидения народа // Современные проблемы науки и образования. 2015. №1–1. С. 1231.
13. Шестеркина Н.В. Соотношение концептов «светлый» — «святой» в русском языке // *Lingua-mobilis*. 2010. №3 (22). Челябинск: ЧелГУ, С. 103–108.
14. Alle Sprichwörter [Электронный ресурс]. URL: <http://www.alle-sprichwoerter.de/cgibin/selector.cgi>. (дата обращения: 30.09.2016).

Сведения об авторах:

Мещерякова Ольга Александровна, д. ф. н, профессор, Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, Елец, Россия; e-mail: lameo56@yandex.ru

Шестеркина Наталья Викторовна, к. ф. н., доцент, Мордовский государственный университет, Саранск; e-mail: nvshest@mail.ru

THE PARTICULARITIES OF COGNITIVE-SEMANTIC CONTENT OF THE LEXEMES *HOLY*/ *HEILIGE* IN PROVERBS OF RUSSIAN AND GERMAN LANGUAGES

Olga A. Meshcheryakova

Doctor of Philology, Professor; Elets State University named after I. A. Bunin, Elets, Russia; e-mail: lameo56@yandex.ru;

Natalya V. Shesterkina

Candidate of Philology, Associate Professor, Mordovian State University, Saransk, Russia; e-mail: nvshest@mail.ru

Abstract

Addressing to Russian and German proverbs, we regard the notional particularities of the lexemes *holy* / *Heilige*. Its semantic content is defined by its sphere, actual for any kind of communication. The analyzed proverbs are formed under influence of a religious communication, but they are not limited by it or by a religious culture and they absorb meanings connected to different edges of folk culture. In our report we reflect the influence of different factors to cognitive-semantic content of these lexemes in a proverbial view of the world that is influenced by relations of two nations to religion and church.

Key words: The lexemes *holy* / *Heilige*, cognitive-semantic content, proverbs, Russian and German languages.

References:

1. Anikin, V.P. (2004). Russkoe ustnoe narodnoe tvorcestvo [Russian Oral Folk Tradition]. М.: Vysshaya shkola.

2. Arnautova, Yu. E. (2004). Koldunyi i svyatyie (Witches and Saints). SPb.: Aleteyya.
3. Gromova, E. B. (2007). Modul sakralnogo prostranstva [Module of Sacred Space]. Kategorii i kontseptyi slavyanskoy kulturyi. Trudyi otdela istorii kulturyi [Categories and Concepts of Slavic Culture. Works of History of Culture Department]. M. 299–307.
4. Gurevich A. Ya. (1984). Kategorii srednevekovoy kulturyi [Categories of Medieval Culture]. M. 248–252.
5. Dal, V.I. Tolkovyyi slovar zhivogo velikorusskogo yazyika [Definition Dictionary of Living Great Russian Language]. Retrieved 28 July, 2016 from <http://dal.slovaronline.com>.
6. Dal, V.I. (2004). Poslovitsyi russkogo naroda [Proverbs of Russians]. M.
7. Dronova, N. P. (2011). Yazykovyie sredstva verbalizatsii “sakralnosti” v nemetskom yazyike [Linguistic Means of Verbalization of Sacred in German]. Kognitivnyie issledovaniya yazyika. Vyip. VIII. M.; Tambov, 401–404.
8. Mechkovskaya, N. B. (2007). Semiotika: Yazyik. Priroda. Kultura [Semiotics: Language. Nature. Culture]. M.: Akademiya.
9. Muhina, E. A. (2009). Kontsept “svyatoy” v russkoy narodno-rechevoy culture [Concept of Sacred in Russian Oral Culture]. Slovo i tekst /obsch. red. L. V. Tabachenko. Rostov n /D.
10. Tarasov, O. Yu. (2007). Sakralizatsiya ikonopistsa v russkoy traditsii [Sacralization of Icon-painters in Russian Tradition]. Kategorii i kontseptyi slavyanskoy kulturyi. Trudyi otdela istorii kulturyi. M., 547–560.
11. Toporov, V. N. (1995). Svyatost i svyatyie v russkoy culture [Sainthood and saints in Russian Culture]. Svyatost i svyatyie v russkoy duhovnoy culture. M. V. 1. 441–443.
12. Hayrullina, R. H., & Ledneva, A. V. (2015). Yazykovaya priroda paremiy i ih rol v formirovaniy yazykovogo mirovideniya naroda [Linguistic Nature of Proverb and its Role in Formation of Linguistic Outlook of Nation]. Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya. # 1–1. S. 1231.
13. Shesterkina, N. V. (2010). Sootnoshenie kontseptov “svetlyiy” — “svyatoy” v russkoy yazyike [Correlation of Concepts “Light”-“Saint” in Russian]. Lingua-mobilis. # 3 (22). Chelyabinsk: ChelGU, 103–108.

Восприятие времени через призму категории числа: общее и культурообразующее в русско- и испаноязычных картинах мира

Е. А. Попова

Московский государственный лингвистический университет

Аннотация

Статья посвящена сопоставительному анализу особенностей употребления категории множественного числа в семантических полях “Время” и “Тепло” на материале русско- и испаноязычного словаря и дискурса. Целью анализа является демонстрация культурообразующих свойств

данной категории в контексте восприятия времени носителями двух языков, выявление общего и культурно-специфичного в отношении к времени в русской и испанской культурах. Сходства и различия в актуализации формы множественного числа существительных “время” (“времена”) и “tiempo” (“tiempos”) выявляются в двух контекстах — количественном и качественном. Отдельное внимание уделяется использованию плюральных форм ряда существительных, входящих в состав темпоральных микрополей со значением возраста, праздника и частей суток в испанском языке; делается вывод о причинах и тенденциях проявления межъязыковой асимметрии в указанных семантических областях.

Ключевые слова: время, восприятие времени, форма множественного числа, семантическое поле, микрополе, лексема.

Связь грамматической семантики категории числа с лексической семантикой слов времени представляет интерес и в русском, и в испанском языках. Данное явление не только демонстрирует различия в языковых системах, но и может служить культуuroобразующей характеристикой, что видно из прагматической семантики отдельных лексем и клишированных конструкций.

Слова *время* и *tiempo*, являясь ядерными единицами одноименных лексико-семантических полей, эквивалентны друг другу лишь в ряде значений. В одних контекстах употребления русскому существительному соответствует иная лексема испанского языка (*время* — *hora*, *época*, *temporada* и др.), в других — та же лексема, но в форме множественного числа: *время* — *tiempos*, из чего можно предположить, что последняя не всегда является коррелятом формы *времена*.

Исследуя противопоставление форм *время* — *времена*, В. А. Плуныч предлагает при толковании слова *время* вместо общепринятой схемы лексикографических дефиниций использовать метафорические описания. Среди контекстов его употребления автор выделяет пять “метафорических блоков”:

1. время-путник — “то, что движется” (*время идет, проходит*);
2. время-агрессор — “то, что разрушает” (*время не пощадит эти статуи*);
3. время-субстанция — “то, что можно измерить” (*осталось мало времени*);
4. время-контейнер — “то, что включает в себя событие” (*во время работы*);
5. время-имущество — “то, чем обладают” (*терять, тратить время, нет времени*).

Образование множественного числа свойственно только блоку “время-контейнер, вместилище событий”, который является самым распространенным. Здесь встречаются как многочисленные примеры возможной синонимической замены форм *время* — *времена* (1), так и примеры ее невозможности (2):

(1) **Времена теперь сложные** [= **время теперь сложное**] и все могло случиться с человеком. (П. Галицкий. Опасная коллекция, 2000) [3]

(2) *Ведь, казалось бы, о чем поется в ней: о войне, о затемнении — значит, о временах тяжелых, грустных, а сколько в ней оптимизма и веры в светлое будущее!* (Л. Утесов. Спасибо, сердце!, 1982) [Там же].

Метафора “время — контейнер” характерна и для испанского языка, однако здесь наблюдается единственно возможное использование формы множественного числа — *tiempos* (“времена”). Вариантом синонимической замены в данном случае может служить плюральная форма другой лексемы — *épocas* (букв. “эпохи”):

(3) *¿Será el público el que ... en las épocas tumultuosas queta, asesina y arrastra, o el que en tiempos pacíficos sufre y adula?* (Может быть, это народ во времена волнений сжигает, убивает и распинает, а в мирные времена — страдает и заискивает?) (М. J. De Larra. Artículos, 1823) [6].

Актуализация лексем *время* и *tiempo* во множественном числе происходит в двух контекстах — количественном (реже) и качественном [4]. Первый предполагает осмысление стандартным образом формы множественного числа: *времена* = “много времен”, то есть разные периоды времени (*мирные времена, tiempos pacíficos* = “различные периоды, называемые мирное время”). В данном контексте синонимичными в двух языках будут модели сочетаний на основе конструкции ОПРЕДЕЛЕНИЕ + *времена* (в исп. яз. — *tiempos* + ОПРЕДЕЛЕНИЕ), то есть словосочетание *N-е времена* означает “совокупность всех отрезков времени, обладающих свойством N”.

Качественный контекст подразумевает, что понимание слова *времена* как “несколько различных эпох” исключено и семантическая разница между единственным и множественным числом сводится к тому, что *времена* — качественно неоднородный период истории, в который происходят слишком разные события. Здесь понятна логика возможной замены лексем *времена* и *tiempos* в конструкциях типа “во времена кого-л / чего-л” (рус.: *во времена* + СУЩ. РОД. П.; исп.: *en los tiempos* + *de* + СУЩ.) сингулярной формой существительных *эпоха* и *эроса*:

(4) *Во времена [= в эпоху] Петра I, открывшего крупные полотняные мануфактуры, российские товары из льна охотно покупали купцы из Европы.* (С. Чечилова. Вещь в себе (1999) // “Здоровье”, 1999.03.15) [3].

(5) *... en los tiempos de la dinastía Tang (618–907) se estimuló la difusión del confucianismo* (... во времена (= в эпоху) династии Танг (618–907) началось быстрое распространение конфуцианства) (G. Dañino. La Pagoda blanca. Poemas de la dinastía Tang, 1996) [6].

Для русского языка предпочтительны конструкции *в это / мое / наше время*, хотя плюральную форму также можно встретить в художественных текстах как стилистический показатель разговорной речи, и, возможно, ироничного отношения к ситуации:

(6) *А в наши времена доносчик себе курдюк недолго отращивал.* (Ф. Искандер. Дедушка, 1966) [3].

(7) *В мои времена дворяне ремесленных дисциплин не изучали.* (Б. Акунин. Чайка // “Новый Мир”, 2000) [Там же].

Еще одним фактором употребления формы единственного числа в указанных конструкциях считается осмысление и оценка разнообразия событий, причем “разные события”, то есть, “как хорошие, так и плохие”, в целом оцениваются как “скорее плохие”. Понятие *времени* приравнивается к сложной, проблемной эпохе, и прилагательные с положительной коннотацией скорее будут сочетаться с лексемой *время*, а с отрицательной — с лексемой *времена*. Именно отрицательная оценка непосредственно взаимодействует с качественной неоднородностью [4, с. 166], что в некоторой степени объясняет и предпочтение форм *мое / наше время* формам множественного числа. Говоря “в мое время”, человек имеет в виду свою молодость — как правило, самое счастливое время своей жизни (8). *Сегодняшний день, по сравнению с “моим” или “нашим” временем, не выдерживает никакой критики* (9):

(8) ...о творческой атмосфере, царившей **в моё время** в этом учебном заведении, об уровне культуры и эрудиции профессуры, о духовных потребностях и широком круге интересов тогдашних студентов института я уже немного рассказала.... (И. А. Архипова. Музыка жизни, 1996) [3].

(9) **В моё время**, например, студенты юридического факультета знали классиков, знали, кто такой Полоний, а вас только и натаскивают: прижми, расколи... (Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 1, 1978) [Там же].

Похожее восприятие “моего” времени демонстрируют и носители испанского языка: “La nostalgia de *en mis tiempos* no significa solo que fueron más felices o más movidos que los actuales. Es algo más sutil. El sujeto adulto se identifica con sus coetáneos en el recuerdo agregado de su juventud, por ser esa parte de la vida la más movida, la más esperanzadora” [8, с. 144]. (Ностальгия по “моим временам” не просто означает, что человек был счастливее, активнее, чем сейчас. Это нечто более тонкое. Взрослый человек ассоциирует себя с современниками в воспоминаниях о своей молодости, поскольку эта часть жизни самая активная, полная надежд.) Ушедшее время юности и молодости также полно светлой грустью о первой любви (10–11):

(10) Incluso **en estos tiempos** / veloces como un Cadillac sin frenos, / todos los días tienen un minuto / en que cierro los ojos y disfruto / echándote de menos (Даже **в эти времена**, / быстрые, как «Кадиллак» без тормозов, / в каждом дне есть минута, / когда я закрываю глаза и наслаждаюсь / тоской по тебе) (J. Sabina. Incluso en estos tiempos) [6].

(11) Estaba guapa; pero **en mis tiempos** las hubo mucho más hermosas. — Pero aquéllas... ya pasaron (Она была красивой; но **в мое время** (букв. “**в мои времена**”) девушки были гораздо красивее. — Но тех девушек больше нет) (J. Echegaray. De mala rása, 1874) [Ibid.].

При схожих взглядах носителей двух языков на времена молодости, “каноническим” в испанском языке считается употребление плюральной

формы лексемы *время* в конструкции *estos / mis / nuestros tiempos* (“эти / мои / наши времена”), и причиной для такого различия могут служить особенности двух культур. Как показывает исследование В. А. Плунгяна, логика восприятия времени в русском языке сводится к следующему: разные времена бывают хорошими или плохими, но чаще — плохими, хорошее время в эмоциональном плане однородно (*мирное время, веселое время, счастливое время*), “мое (наше) время” — это моя молодость, поэтому оно может быть только хорошим.

Носители испанского языка, напротив, в “разных временах” видят больше положительных событий, стараясь любое время превратить в праздник: “*hay una ... intensa asociatividad popular para organizar todo tipo de fiestas, romerías, procesiones, reuniones gastronómicas, celebraciones y festejos de la más diversa índole. Es asombrosa la cantidad de tiempo y dedicación que invierten los españoles en esos empeños*” [8, с. 156]. (*В Испании*) *наблюдается невероятная сплоченность населения при организации различного рода торжеств, народных гуляний, шествий, гастрономических праздников, и вечеринок на любой вкус. Удивительно, сколько времени и сил испанцы тратят на такие увеселения.*)

“Хорошие времена”, в понимании носителя испанского языка, должны длиться как можно дольше. Согласно этому принципу, в лексико-семантическом поле времени многие существительные со значением молодости, входящие в микрополе “Возраст”, употребляются во множественном числе: слова *primaveras* (букв. “весны”), *abrilés* (букв. “апрели”), *toscedades* означают юность, молодость.

В испанском языке существует понятие т. н. “щедрого”, “праздничного” множественного числа (*un plural generoso o festivo*), актуализацию которого можно наблюдать в ряде темпоральных микрополей. Так, в состав микрополя “Праздник” идеографический словарь Х. Касареса [5] включает 92 слова и 47 словосочетаний, многие из которых даны во множественном числе (описание темпоральной лексики в русском языке, проведенное В. В. Морковкиным [2], содержит лишь 21 слово и 11 выражений с обозначением праздника в семантическом микрополе “Праздники и будни”).

В русской культуре вплоть до начала XX века семантическое поле праздника структурировалось вокруг церковных событий. История нашей страны в течение прошлого века сначала вытеснила из категории общеупотребительных слов большую часть религиозно-праздничной лексики, заменив ее словами с обозначением коммунистических праздников, которых было значительно меньше (см. исследование В. В. Морковкина). Несколько десятилетий назад коммунистическая лексика перешла в разряд историзмов, но в общий обиход вернулись лишь немногие “праздничные” слова с религиозной семантикой.

В испанской культуре, напротив, именно лексемы религиозной семантики составляют основу микрополя “Праздник”. На примере церковных

праздников, отмечаемых по всей стране или в определенных регионах, можно проследить вышеупомянутую испанскую “щедрость” времени. Лексемы (*los sanfermines* (праздник в честь св. Фермина в Памплоне), (*los carnavales* (“Карнавал” — приблизительный аналог Масленицы), (*las navidades* (Рождество), (*las pascuas* (Пасха) чаще используются во множественном числе. Та же тенденция выражается в более частотном употреблении слов *vacaciones* (“отпуск”, “каникулы”) и *fiestas* (“праздники”), чем *vacación* и *fiesta*. Плюральность в испанском языке в данном случае является отражением восприятия праздника как отрезка времени, тогда как в русской культуре праздниками считаются “кульминационные точки на темпорально-событийной оси” [1, с. 192].

Особое значение испанского “щедрого” множественного числа можно увидеть и в семантическом микрополе “Части суток”: его использование характерно для приветственных клише. Ср:

- ¡*Buenos días!* (мн.ч.) — 1) *Доброе утро!* 2) *Добрый день!* (ед.ч.)
- ¡*Buenas tardes!* (мн.ч.) — 1) *Добрый день!* 2) *Добрый вечер!* (ед.ч.)
- ¡*Buenas noches!* (мн.ч.) — 1) *Добрый вечер!* 2) *Спокойной ночи!* (ед.ч.)

По мнению испанских исследователей, такое употребление, с одной стороны, является отголоском религиозной семантики: данная форма представляет собой эллипсис от пожелания *Buenos días nos dé Dios*, (“да подаст нам Господь добрые дни”) [7]. Стоит отметить, что в русском языке существует клишированное выражение “да пошлет нам Господь долготу дней”, однако оно представляет собой элемент религиозного дискурса и встречается в молитвах, не имея отношения к приветственным формулам современного языка. С другой стороны, множественное число в испанских приветственных клише считается формой признания того, что ход времени может быть веселым и праздничным [8, с. 156].

Праздник в испанской культуре воспринимается как символ избытка времени: пока у человека много времени (которое обладает огромной ценностью), он богат. Как говорят испанцы, “la fiesta lo es porque se atenúa mucho la preocupación por el futuro y se destaca el placer de lo inmediato, del presente... La fiesta es la mejor demostración de que sus participantes andan sobrados de tiempo” [Ibid.]. (Праздник имеет такое значение, поскольку притупляет волнения по поводу будущего и выдвигает на первый план сиюминутное удовольствие, радость от настоящего... Праздник — лучшая демонстрация избытка времени у его участников.)

Таким образом, язык, будучи отражением индивидуального и коллективного сознания, может демонстрировать отношение его носителей к времени с помощью категории множественного числа. В употреблении плюральной формы существительных *время* (*времена*) и *tiempo* (*tiempos*) в количественном контексте прослеживается значительное сходство. Качественный контекст, имея общие черты, отражает и разницу восприятия времени в двух культурах: использование формы множественного

числа *времена* (*tiempos*) говорит о более позитивном отношении носителей испанского языка к качественно неоднородным периодам.

В русском языке отсутствует тенденция к употреблению плюральных форм существительных, являющихся элементами семантического поля “Время” и входящих в состав микрополей “Возраст”, “Праздник” и “Части суток”. Для испанского языка категория множественного числа в данном случае является культуурообразующим языковым явлением, которое отражает восприятие времени как богатства, имеющегося в избытке.

Список литературы:

1. Коннова М. Н. Аксиология времени праздника // Россия: изменяющийся образ времени сквозь призму языка. Репрезентация концепта времени в русском языке в сопоставлении с английским и немецким языками: монография / Под общ. ред. В. И. Заботкиной. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. С. 192–194.
2. Морковкин В. В. Опыт идеографического описания лексики (анализ слов со значением времени в русском языке): монография. М.: Изд-во Московского университета 1977. 166 с.
3. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorgo.ru/> (дата обращения: 31.01.2017).
4. Плунгян В. А. Время и времена: к вопросу о категории числа // Логический анализ языка: язык и время. М.: Индрик, 1997. С. 158–169.
5. Casares J. Diccionario ideológico de la lengua española. Barcelona: Editorial Gustavo Gili, S. L., 2007. 891 p.
6. Corpus del Español [Электронный ресурс]. URL: <http://www.corpusdelespanol.org/> (дата обращения: 31.01.2017).
7. De Miguel A. Los españoles y el sentido del tiempo. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tiempo.com/ram/155/lo-mejor-del-foro-los-espanoles-y-el-sentido-del-tiempo/> (дата обращения: 31.01.2017).
8. Marcos-Marín F.A., De Miguel A. Se Habla Español. Madrid: Biblioteca Nueva, 2009. 284 p.

Сведения об авторах:

Попова Евгения Андреевна, к. ф. н., старший преподаватель, Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия; e-mail: o-genia@yandex.ru

TIME PERCEPTION THROUGH THE CATEGORY OF NUMBER: COMMON AND CULTURE-SPECIFIC ELEMENTS IN RUSSIAN- AND SPANISH-SPEAKING VIEWS OF THE WORLD

Yevgeniya A. Popova

Candidate of Philology, Senior Lecturer, Moscow State Linguistic University, Russia; e-mail: o-genia@yandex.ru

Abstract

The article deals with the comparative analysis of the usage of plural forms in the semantic field of time, based on dictionary entries and discourse of Russian and Spanish. The analysis is aimed at exposing culture-bound features of the category of plurality in the context of time perception by Russian and Spanish native speakers, and revealing common and specific traits of such perception in the two cultures. The aforementioned features are displayed in quantitative and qualitative contexts when analyzing the actualization of the plural forms “времена” and “tiempos”. Special attention is paid to the usage of a number of nouns in plural, which belong to temporal microfields denoting age, holidays and parts of the day in Spanish; in conclusion, the article gives inferences about reasons and tendencies of language asymmetry in the stated semantic areas.

Key words: time, perception of time, plural form, semantic field, semantic microfield, lexeme.

References:

1. Konnova, M.N. (2012). Aksiologiya vremeni prazdnika [The Axiology of Holiday Time]. *Rossia: izmeniaiushchiisia obraz vremeni skvoz' prizmu iazyka. Reprezentatsiia kontsepta vremeni v russkom iazyke v sopostavlenii s angliiskim i nemetskim iazykami: monografiia / Pod obshch. red. V.I. Zabolotnoi* [Russia: The Changing Image of Time in Language: Monography / Ed. by V.I. Zabolotkina]. M.: Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi. 192–194.
2. Morkovkin, V.V. (1977). Opyt ideograficheskogo opisaniia leksiki (analiz slov so znacheniem vremeni v russkom iazyke): monografiia [The Experience of Ideographic Vocabulary Description (the Analysis of Words with the Meaning of Time): Monography]. M.: Izd-vo Moskovskogo universiteta.
3. Natsional'nyi korpus russkogo iazyka [National Russian Language Corpus]. Retrieved 31 January, 2017 from [http:// www.ruscorpora.ru/](http://www.ruscorpora.ru/).
4. Plungian, V.A. (1997). Vremia i vremena: k voprosu o kategorii chisla [Time and Times: to the Question of the Category of Number]. *Logicheskii analiz iazyka: iazyk i vremia [The Logical Analysis of Language: Language and Time]*. M.: Indrik. 158–169.
5. Casares, J. (2007). Diccionario ideológico de la lengua española. Barcelona: Editorial Gustavo Gili, S.L.
6. Corpus del Español [Spanish Language Corpus]. Retrieved 31 January, 2017 from [http:// www.corpusdelespanol.org/](http://www.corpusdelespanol.org/).
7. De Miguel, A. Los españoles y el sentido del tiempo. [The Spanish and Time Perception]. Retrieved 31 January, 2017 from <http://www.tiempo.com/ram/155/lo-mejor-del-foro-los-espanoles-y-el-sentido-del-tiempo/>.
8. Marcos-Marín, F.A., and De Miguel, A. (2009). *Se Habla Español*. Madrid: Biblioteca Nueva.

Фразеологизм как особый интертекст в аспекте межкультурной коммуникации

Е. В. Рыжкина

Московский государственный лингвистический университет

Аннотация

Работа посвящена вопросам функционирования фразеологических единиц в сфере межкультурной коммуникации. При этом основное внимание уделяется свойству интертекстуальности фразеологизмов как культурно-языковых знаков. В частности, автор исходит из того, что фразеологизмы, способные передавать различные виды культурной информации, являются по своей сути интертекстами. Их семантика формируется сетью ассоциативных связей с определенными прецедентными текстами, значимыми в данной культуре. Встраиваясь во вновь создаваемый текст как его элемент, фразеологизм создает в нем приращение смысла. Умение расшифровать культурно обусловленный смысл фразеологизма является важным фактором успешной вербальной коммуникации между представителями различных культур.

Ключевые слова: фразеология, фразеологическая единица, текст, интертекст, прецедентный феномен, межкультурная коммуникация.

Как известно, для полноценного общения с представителями иной культуры недостаточно поверхностного знания иностранного языка. Без глубокого проникновения в соответствующую культуру невозможно адекватное понимание иноязычного текста, письменного и устного. Незнание особенностей картины мира, ментальности, системы ценностей, правил вежливости и пр. неизбежно создает коммуникативные барьеры, преодолеть которые весьма трудно с опорой лишь на языковую компетенцию. На этот факт единодушно указывают культурологи и специалисты в области межкультурной коммуникации (Т. В. Ларина, О. А. Леонтович, С. Г. Тер-Минасова, К. Fox, A. Wierzbicka и мн. др.).

Тем не менее не стоит недооценивать значимость языка, прежде всего, как инструмента познания культуры, ибо именно язык на всех своих уровнях, и особенно через систему значений, коннотаций и образов, демонстрирует черты мировосприятия и интерпретации полученного знания о мире, характерные для данного народа. По наблюдениям О. А. Леонтович, «когнитивный диссонанс в межкультурной коммуникации возникает из-за несоответствия проявлений категоризации и концептуализации действительности сквозь призму различных языков и культур» [4, с. 55] (перевод с англ. наш. — Е. Р.).

Более того, языковое многообразие, как справедливо отмечает Н. Н. Болдырев, есть именно проявление интерпретирующей сущности

языка, то есть способности к “познавательной активности, которая в своих результатах направлена на понимание и объяснение человеком мира и себя в этом мире” [1, с. 26]. То есть каждый национальный язык отражает определенную модель репрезентации мира, как бы пропущенную сквозь фильтр культуры. Национально-культурные особенности языковой интерпретации можно проследить во всех системах языка. Но особенно отчетливо они сказываются на лексико-семантическом уровне. К примеру, значения, на первый взгляд, эквивалентных слов/выражений в разных языках на деле оказываются далеко не идентичными, так как за ними стоят разные структуры знания. Так, английский слово *sportsman* и его русский аналог *спортсмен*, демонстрируют лишь частичное совпадение своих семантических структур. Русское слово однозначно и обладает более широким значением (“человек, занимающийся спортом”) в сравнении с английским. Соответствующий лексико-семантический вариант слова *sportsman* предполагает увлечение человека различными видами спорта, особенно на открытом воздухе. Это же слово может относиться к человеку, который предпочитает активный отдых, увлекается охотой, рыбалкой, играми, в том числе игрой на скачках. Но самое главное, слово *sportsman* вербализует культурный концепт, являющийся позитивной характеристикой человека: благородный, щедрый, честный человек, всегда “играющий по правилам”. Данный концепт отличается, с одной стороны, многогранностью, а с другой стороны, некоторой размытостью границ. В результате в конкретном тексте, как правило, реализуется лишь один из его аспектов: благородство, честность/порядочность, благодушие, боевой дух и т.д. — по сути, это может быть любая черта характера, положительно расцениваемая в английской культуре. Таким образом, семантика слова *sportsman* дает представление об оценочном фрагменте языковой картины мира англичан. Русское слово в такой функции не выступает.

Незнание различий подобного рода часто провоцирует когнитивный диссонанс в ходе межкультурной коммуникации и как следствие вызывает коммуникативные сбои. Это еще в большей степени относится к фразеологии, которая, по определению, является культурно маркированной и потому фактически безэквивалентной частью лексического состава языка.

По меткому выражению В. Н. Телия, фразеологическая система — это “зеркало”, в котором отражается национальное самосознание народа [3, с. 9]. Будучи весьма лаконичными средствами выражения, фразеологические единицы (ФЕ) характеризуются особо высокой степенью семантической компрессии, благодаря которой становится возможной аккумуляция большого объема культурного знания [2, с. 117] и, в частности, знания о ценностных ориентирах и морально-этической стороне жизни нации. В связи с этим В. Н. Телия указывает, что включенность в ФЕ “символов или эталонов миропонимания — это плод коллективного представления ... лингвокультурной общности о некотором групповом опыте” [3, с. 249].

По этой причине одна и та же сущность, обозначаемая разноязычными фразеологизмами, может по-разному трактоваться сквозь призму их семантики. Так, часть книги “Бытие”, повествующая историю Иосифа (Быт 37, 39–50), представлена во фразеологии многих европейских языков. В русской православной культуре любимый сын Иакова именуется *Иосифом Прекрасным*. Это — обобщенный образ, представляющий эталон совершенного человека, прекрасного во всех отношениях. Совсем иначе расценивается этот библейский персонаж в других лингвокультурах. Например, французский фразеологизм *faire son (le) Joseph / faire (le) Joseph* сфокусирован на эпизоде, когда Иосиф отвергает притязания жены Потифара, прельстившейся красотой юноши, и предпочитает лучше понести наказание по ложному обвинению (Быт 39: 7–20). Этот выбор квалифицируется в обыденном сознании современного француза как ханжество, что обуславливает отрицательную оценку данного выражения: наименование обычно используется в контекстах, описывающих человека, который “прикидывается скромником”. Аналогично немецкий аналог, *ein keuscher Josef* (шутл. “целомудренный Иосиф”), типично используется в шутливом, ироничном смысле.

Аллюзийный характер многих фразеологизмов, способных вбирать в свою семантику целый рассказ о некотором событии или персонаже, дает им возможность “подключать” дополнительные знания и тем самым создавать информационную глубину и насыщенность текста, в котором они реализуются. Все это позволяет говорить о фразеологизмах как единицах интертекстуальных, создающих соприсутствие “текста в тексте”. Иными словами, ФЕ обеспечивает приращение смысла во вновь создаваемом сообщении, то есть представляет собой *интертекст*. Однако в отличие от обычной аллюзии, отсылающей читателя или слушателя к тексту-источнику, фразеологизм, а вернее его значение, формируется в результате *переинтерпретации* исходного текста, пересмотра его сквозь призму культуры. По сути, это уже новый текст, передающий иное содержание по сравнению с оригиналом. Об этом свидетельствуют, в частности, проанализированные выше библеизмы, представляющие не столько библейский рассказ, сколько извлеченную из него мораль — в каждом случае свою.

Именно поэтому иноязычные фразеологизмы создают нам сложности как в плане употребления, так и интерпретации. Мы достаточно легко идентифицируем ФЕ как отсылку к известному тексту или событию, но при этом мы ошибочно подключаем свою систему знаний, ценностей и норм, забывая о возможных расхождениях. К примеру, ФЕ *блудный сын*, *prodigal son* и *verlorene Sohn* возникли как аллюзии на известную библейскую притчу и в целом означают идентичное понятие, но разнятся в части культурных коннотаций. Каждая из этих трех единиц сфокусирована на признаках, которые особенно значимы в соответствующей лингвокультуре, что находит отражение в семантике левого компонента. Так, компонент *блудный* русского оборота означает “заблудший”. То есть в русском культурном пространстве *блудный сын* — это, прежде всего, человек, сбившийся

с пути, что вызывает у русского человека не осуждение, а сопереживание. Английский аналог сфокусирован на признаке “расточительный” (*prodigal*), что сурово осуждается в протестантской культуре и обуславливает отрицательную оценочность оборота в целом. Немецкая ФЕ *der verlorene Sohn* (букв. “потерянный сын”) передает главным образом идею утраты.

Как следует из данных примеров, фразеологизмы, заимствованные из одного источника, могут приобрести в языке-реципиенте культурно обусловленные смыслы и коннотации. Умение встать на позицию своего собеседника и распознать эти смыслы является важным фактором успешной коммуникации между представителями различных культур.

Список литературы:

1. Болдырев Н. Н. Языковая интерпретация и структура сознания // Антропоцентрический подход в когнитивной лингвистике. Когнитивные исследования языка. Вып XXVII. М.: Ин-т языкознания РАН, Тамбов: ТГУ им. Г. Р. Державина, 2016. С. 25–35.
2. Рыжкина Е. В. Прецедентность имени в английской фразеологии // Новое в лексикологических исследованиях: преемственность и инновации. Вестник Московского государственного лингвистического университета; вып. 20 (680). (Языкознание). М.: ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2013. С. 112–123.
3. Телия В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа “Языки русской культуры”, 1996. 288 с.
4. Leontovich O. Cognitive Dissonance from the Intercultural Communication Perspective // Intercultural Communication: Theory and Practice. Вестник Российского университета дружбы народов. Том 19, №4 (Серия Лингвистика). М: РУДН, 2015. С. 49–55.

Сведения об авторе:

Рыжкина Елена Викторовна, к. ф. н., доцент, профессор, Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия; e-mail: phraseologinya@mail.ru

AN IDIOM AS A SPECIAL INTERTEXT FROM AN INTERCULTURAL PERSPECTIVE

Elena V. Ryzhkina

Candidate of Philology, Associate Professor, Professor, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia; e-mail: phraseologinya@mail.ru

Abstract

The study highlights certain aspects of idioms' functioning in cross-cultural communication, with prominence given to their potentialities as intertextual signs. The author proceeds from the assumption that idioms as culture-specific

language units represent cultural knowledge: their semantics derives from an intricate network of associations with precedent texts and other cultural phenomena. Therefore, idioms can be regarded as natural intertexts comprising all relevant knowledge in a concise form. As an element of a newly created text an idiom contributes a lot to the resultant sense of the text. Being able to decipher the relevant meaning of an idiom on the basis of its cultural implications is an important factor in cross-cultural communication.

Key words: phraseology, idiom, text, intertext, precedent phenomenon, cross-cultural communication.

References:

1. Boldyrev, N. N. (2016). Yazikovaja interpretatsija i struktura soznanija [Linguistic Interpretation and the Structure of Consciousness]. In Antropotsentricheskij podkhod v kognitivnoj lingvistike [Anthropocentric Approach in Cognitive Linguistics]. *Kognitivnyje issledovanija yazika [Cognitive Studies of Language]*. Vol. XXVII. Moskva: Institut yazikoznaniya RAN, Tambov: TGU imeni Derzhavina. S.25–35.
2. Ryzhkina, E. V. (2013). Pretsedentnost' imeni v anglijskoj frazeologii [Precedent Names in English phraseology]. In Novoje v leksikologicheskikh issledovanijakh: prejemstvennost' i innovatsii [Continuity and Innovation in Contemporary Lexicological Studies]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta [Messenger of Moscow State Linguistic University]*. Vol. 20 (680). Moskva: MGLU. S. 112–123.
3. Telyja, V. N. (1996). Russkaja frazeologija: semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty [Russian phraseology: Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]. M.: Shkola "Jazyki russkoj kul'tury".
4. Leontovich, O. (2015). Cognitive Dissonance from the Intercultural Communication Perspective. In Intercultural Communication: Theory and Practice. *Vestnik RUDN [Messenger of Peoples' Friendship University of Russia]*. Vol. 19. No. 4. Moskva: RUDN. S. 49–56.

“Сверхъестественные существа” в современном межкультурном дискурсе

Е. В. Рязанова

Санкт-Петербургский государственный университет

Аннотация

В статье рассматриваются концепты семантического поля “сверхъестественные существа” в английской и русской фольклорной традиции. Автор опирается на результаты лингвистического ассоциативного эксперимента, направленного на изучение понимания и интерпретации концептов современными носителями языка и культуры. Для эксперимента были

выбраны частотные концепты *фольклорной картины мира* black cat, ghost, dwarf, goblin, brownie, boggart, witch /черный кот, приведение, домовый, ведьма, баба-яга. Эксперимент показал сходства и различия в восприятии и интерпретации концептов студентами разных культур, а также выявил тенденцию к интернационализации фольклорных образов в силу процессов глобализации и влияния массового кинематографа и мультипликации. Анализ происхождения, истории и современного восприятия концептов позволяет по-новому взглянуть на особенности менталитета народов Англии и России, разрушить существующие стереотипы и способствовать развитию межкультурной компетенции преподавателей и студентов.

Ключевые слова: национальная картина мира, фольклорная традиция, ключевые концепты, лингвистический эксперимент, сверхъестественные существа.

В данной работе рассматриваются ключевые концепты традиционных культур Англии и России, представляющие собой лексико-семантическое поле “сверхъестественные существа” (supernatural creatures). Анализ проводится на основе опросов информантов и лингвофольклорных словарей. Нами были выбраны некоторые ключевые концепты поля, а именно BLACK CAT, GHOST, DWARF, GOBLIN, BROWNIE, BOGGART, WITCH в английском языке и русские ЧЕРНЫЙ КОТ, ДОМОВОЙ, ПРИВИДЕНИЕ, ВЕДЬМА, БАБА-ЯГА.

Все концепты данного фрагмента национальной картины мира имеют глубокие фольклорные корни и их интерпретация и правильное восприятие невозможны без анализа традиционных народных текстов. Все анализируемые “сверхъестественные существа” могут нарушать границы “своего” мира с плохими, либо хорошими намерениями, помогать или вредить людям. Привычные представления об образах собственной культуры непременно *вливают* на восприятие чужой культурной традиции, формируют определенные стереотипы, что иногда приводит к неправильным интерпретациям, искажениям смыслов и образов [1, с. 191]. Переводные англо-русские словари также не раскрывают всей палитры смыслов, в частности ассоциаций и дополнительных коннотаций, связанных с данными понятиями.

В рамках изучения особенностей восприятия концептов своей и чужой традиционной культуры нами был проведен ассоциативный лингвистический эксперимент, в котором участвовали 50 русских студентов вуза с уровнем владения языком Intermediate и Upper-Intermediate, а также 20 англоговорящих студентов из Великобритании, изучающих русский язык. Целью эксперимента было выявить, какие характеристики английских и русских фольклорных персонажей они смогут *дать на основе обычных* собственного культурного опыта. Респондентам было предложено оценить каждого персонажа по шкале *good-bad-very bad/*

dangerous, дать свои ассоциации на каждое ключевое слово и указать источник информации о данном персонаже.

Эксперимент показал, что представления русских студентов об образах английского фольклора во многом отличаются от данных, полученных из анализа фольклорных источников. Однако, восприятие данных культурных концептов англичанами так же не всегда соответствует характеристикам, данным словарем фольклора.

Сравним результаты ассоциативного эксперимента с проведенным нами исследованием фольклорных персонажей английской культуры по данным словаря *A Dictionary of English Folklore* [3].

Таблица №1.

Данные ассоциативного эксперимента

Фольклорный персонаж	Ответы русских студентов	Ответы английских студентов	Данные словаря
BLACK CAT	bad (38%) good (33%)	bad (90%) good (10%)	GOOD LUCK
GHOST	bad (52%) good/ bad (23%) neutral (14%)	Bad (62%) good/ bad (37%) good (12%)	GOOD/BAD
DWARF	good (61%) good/bad (19%) bad (10%)	good (75%) good/bad (25%) bad (0%)	MISCHIEVIOUS
GOBLIN	bad (25%)	very bad, dangerous (37%) bad (50%) good/ bad (25%)	BAD
BROWNIE	не знают (70%) good/bad (9%) bad (19%)	не знают (90%) bad (10%)	NAGHTY, GOOD
BOGGART	не знают (43%) bad (43%)	не знают (22%) bad (55%) very bad (22%)	NAGHTY, BAD
WITCH	very bad, dangerous (38%) bad (24%) good (24%)	very bad, danger- ous (55%) bad (23%) good/bad (22%)	BAD

В результате эксперимента выяснилось, что многие русские студенты в трактовке английских образов опирались на данные англо-русских словарей (напр., под ред. В.К. Мюллер), а также на свое восприятие подобных персонажей под влиянием современных фильмов, мультфильмов

и популярной детской литературы. Например, лексема *dwarf* часто переводится как гном, поэтому ассоциируется с добрыми гномами (в частности из сказки Белоснежка и семь гномов). В действительности же *dwarf* в традиционных английских легендах скорее бывает злобным и вредным карликом, а не добродушным героем. Тем не менее 61% русских студентов считают его добрым персонажем и только 29% указали, что он может быть злым. Данные опроса англичан также отличаются от данных словаря английского фольклора. Большая часть опрошенных (75%) считают, что *dwarf* — это добродушное веселое существо. Большинство из них также указывают на ассоциацию со сказкой “Белоснежка и семь гномов”, однако 25% опрошенных все же считают, что гномы могут быть не всегда положительным героями, опираясь на фильм “*Lord of the Ring*”.

Black cat (черный кот), согласно данным словаря фольклорной английской картины мира животное, приносящее счастье, у 38% русских студентов ассоциируется с плохим существом, связанным с ведьмами, хотя такая связь в фольклорной традиции безусловно есть. Как ни странно, большинство (90%) английских студентов считают черного кота плохим персонажем, животным ведьмы, опираясь на народные представления и приметы (*bad luck if you see one*), и только (10%) указали на положительную ассоциацию (мультфильм *Looney Tunes*).

Образ черного кота в русской культуре не вызывает много негативных ассоциаций. Большинство русских респондентов сравнивают его с “ученым котом” из сказок А. С. Пушкина и “бедным черным котом” из современной эстрадной песни, что безусловно делает его персонажем положительным и совсем не вредным. Интересно, что 20% английских студентов также указали на положительный образ русского черного кота, проассоциировав его со сказками Пушкина.

Образ *ghost* (привидение) 52% русских студентов считают отрицательным персонажем в английской традиции, основываясь на фильмах, книгах и компьютерных играх, но 14% опрошенных считают, что оно может быть хорошим и 14% — как хорошим, так и плохим. Английские студенты показали похожее соотношение в характеристике привидений. 62% считают их преимущественно плохими персонажами, преследующими и пугающими людей на основе современного американского кинематографа и фильмов ужасов. Однако 37% опрошенных англичан полагают, что привидения бывают как плохими, так и хорошими (12% — только хорошими), указывая в источниках информации детские мультфильмы и фильмы (*Casper the Friendly Ghost*, *Harry Potter series*). Следует отметить, что в случае с концептом *ghost* данные эксперимента ближе всего совпадают с толкованиями словарей английского фольклора, согласно народной традиции привидения могут быть как плохими, так и хорошими.

Лексемы *brownie* и *boggart* вызывали сложности у русских студентов, так как многие из них не встречали данных персонажей в своем опыте, однако 43% назвали *boggart* плохим существом на основе историй

Дж. Роулинг о Гарри Поттере, что вполне соответствует толкованию данного персонажа в словаре английского фольклора. Полное совпадение толкования образа выявлено в случае с лексемой *goblin* в результате знакомства молодого поколения с фильмом “Властелин колец”, основанном на народных английских легендах, и романом о Гарри Поттере. Ассоциации английских респондентов также выявили совпадение толкования образа *goblin* и *boggart* с народной традицией, большинство указало в качестве источников фильма о Гарри Поттере и “Властелин колец”. Однако, народный персонаж *brownie* оказался практически не известен современным английским студентам.

Эксперимент показал определенное сходство в восприятии русскими студентами образов ведьмы в двух культурах. Ведьма описывается как плохое и очень опасное существо примерно половиной респондентов (52%). Из опросов английских респондентов выяснилось, что большинство из них (78%) считают ведьму плохим и очень опасным существом. Многие из них при этом черпают свои знания о ведьмах из народных сказок и сказок братьев Гримм. При этом 22% выразили мнение о ее двойственной природе, основываясь на фильмах о Гарри Поттере и детских мультфильмах (*Sabrina the Teenage Witch*).

Баба-Яга хоть и обнаруживает некоторое сходство с образом ведьмы, имеет определенно свои собственные отличные от ведьм черты. Этимологически образ Баба Яги имеет более сложную основу номинации, так как отголоски языческих традиций, когда предшественница данного образа в языческой славянской культуре была древней берегиней и богиней войны, переплелись с более поздними наслоениями христианской морали, сделавшей из нее страшную старуху, летающую в ступе и “подающую детей”.

В ответах русских студентов Баба-Яга воспринимается как отрицательный плохой (33%), либо очень опасный (28,5%) персонаж, но все же может иногда помогать и совершать хорошие поступки (24%), что соответствует двойственной природе данного образа. Один из респондентов даже охарактеризовал ее как “хранительницу леса”, что соответствует ее первоначальной языческой природе в качестве берегини.

В результате опроса английских информантов, изучающих русский язык, выяснилось, что Баба-Яга знакома 45% из них. При этом 33% считают ее очень плохим и опасным существом и только 11% упомянули, что она только кажется страшной, а на самом деле иногда помогает людям.

Результаты опроса современных представителей двух культур позволяют сделать следующие выводы:

- 1) восприятие концептов как своей, так и чужой народной культуры тесно связано с личным опытом и источником информации о данных концептах.
- 2) современные носители языка и культуры в основном черпают свои представления о народной культуре из кинематографа и мультипли-

кации, большая часть которого имеет английское и американское происхождение. Этим объясняется сходство в трактовке и восприятии некоторых концептов и образов английского сказочного фольклора у русских и английских респондентов и расхождение в их характеристиках с традиционными народными источниками.

- 3) в силу глобализации языков и культур происходит и интернационализация представлений, и заимствование концептов народной культуры, что приводит к частичной нивелировке их традиционных толкований.

Список литературы:

1. Рязанова Е. В. К вопросу влияния фольклорных образов на формирование культурных стереотипов//Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации: Материалы докладов VIII Международной конференции (25–26 февраля 2016) — Саратов: ИЦ “Наука”, 2016. С. 188–196
2. Simpson J. A Dictionary of English Folklore /J. Simpson, S. Roud, Oxford University Press. 2003.

Сведения об авторе:

Рязанова Елена Васильевна, к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: e.v.ryazanova@mail.ru

“SUPERNATURAL CREATURES” IN MODERN CROSS-CULTURAL DISCOURSE

Elena V. Ryazanova

Candidate of Philology, Associate Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; e-mail: e.v.ryazanova@mail.ru

Abstract

The concepts of semantic field “supernatural creatures” in English and Russian oral tradition are considered. The author presents the results of the linguistic associative experiment aimed at investigation of understanding and interpretation of folk concepts by present days’ speakers. The concepts under experiment are *black cat, ghost, dwarf, goblin, brownie, boggart, witch* /*черный кот, приведение, домовый, ведьма, баба-яга*. The experiment showed similarities and differences in the perception and interpretation of these concepts by the students of Russia and England and revealed the tendency to internationalization of folk personages due to the globalization and the influence of mass cinema and cartoon production. The analysis of the origins, historical background and modern perception of these concepts provides a new look at the English and Russian way of thinking, ruin existing stereotypes and facilitate cross-cultural competence of teachers and students.

Key words: national picture of the world, folk culture, key concepts, linguistic experiment, supernatural creatures.

References:

1. Ryazanova, E. V. (2016). K voprosu vlijaniya folklornyh obrazov na formirovanie kulturnyh stereotipov [On the Issue of Folk Images Influence on Formation of Cultural Stereotypes]. In: Foreign Languages in the Context of Cross-cultural Communication. The papers of the 8th International conference 25–26 February 2016. — Saratov: Nauka, 188–196.
2. Simpson, J., and Roud, S. (2003). A Dictionary of English Folklore. Oxford: Oxford University Press.

**Ассоциативный эксперимент
как метод описания и интерпретации
социокультурного национального пространства**

А. В. Синелева

Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского

Аннотация:

В статье рассматриваются возможности использования результатов ассоциативного эксперимента, который является наиболее разработанным методом психолингвистического анализа семантики в аспекте формирования в сознании изучающих русский язык наиболее важных синтагматических и парадигматических связей, картины сочетаемости слов в речи носителей русского языка, создания фрагмента национальной картины мира. Анализ результатов ассоциативного эксперимента осуществляется фреймовым методом. Фреймы являются *моделью представления знаний*, отображающих статические и динамические свойства объектов какой-либо предметной области или области знаний. Фреймовые структуры представляют собой систематизированную психологическую модель памяти человека и его сознания и наиболее эффективны для структурного описания сложных понятий, поэтому они представляются достаточно результативными при анализе данных ассоциативного эксперимента. Фрейм имеет иерархическую структуру, его составляющие являются набором смысловых компонентов (узлов фрейма), стереотипность набора которых необязательно соотносена со стереотипностью наполнения фрейма, который может заполняться разной информацией, а данные эксперимента — слова-реакции респондентов — необходимо систематизировать по логическим или тематическим аспектам.

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент, ассоциативно-семантическое поле, лакуна, парадигматические связи, синтагматические связи.

Изучение ассоциативных связей, отражающих структуру семантических полей в сознании носителей языка при обучении иностранному языку, является одним из перспективных направлений развития современной прикладной лингвистики, позволяющей сформировать знания о лингвистических и экстралингвистических факторах формирования языкового сознания носителей языка разных этнокультур и социальных сообществ.

В целях экспериментального исследования субъективных семантических полей слов, формируемых и функционирующих в сознании конкретного человека, для представления в очень удобной форме “ассоциативного профиля” лексических единиц, отражения наиболее важных синтагматических и парадигматических связей в сознании “усредненно-го” носителя языка, дающих в том числе возможность сформировать лексическую базу, которая может и должна использоваться при составлении словарей-минимумов для иностранцев, в психолингвистике использует метод ассоциативного эксперимента.

Психолингвистика рассматривает ассоциативный эксперимент как действенный способ исследования национально-культурных особенностей языкового осознания, так как применение ассоциативного эксперимента способствует выявлению ментальных образов мира, присущих разным эпохам. Будучи признанным “особым методом исследования мотивации личности и приемом, направленным на выявление ассоциаций, сложившихся у индивида в его предшествующем опыте”, ассоциативный эксперимент заключается в психологическом анализе, раскрывающем семантические связи слов, языковые стереотипы, объективно существующие в психике носителя языка [1, с. 26].

Ассоциации — это введенный английским философом Дж. Гоббсом термин, обозначающий связь между элементами мыслительного процесса (ощущениями, восприятиями, представлениями, идеями), заключающуюся в том, что появление при определенных условиях одного элемента влечет за собой появление другого или нескольких [6, с. 55]. Актуализация той или иной связи в не случайна: человек извлекает из сознания модели, наиболее устойчивые и частотные конструкции, соединенные различного рода отношениями, имеющими место в действительности (причинно-следственные связи, существенные признаки предметов, отношения противопоставления, сопоставления, отношения гиперонимии, гипонимии и др.) и отраженными в языке в виде различного вида парадигматических и синтагматических отношений. Но, с другой стороны, она может зависеть от ситуации: недавних зрительных образов, психического и физического состояния человека.

При осуществлении продуктивных видов речевой деятельности изучающих иностранный язык необходимо владеть лексико-грамматическими и лексико-тематическими ассоциациями; выбирать нужное слово из антонимических и синонимических противопоставлений; выполнять эквивалентные замены; прогнозировать высказывание на уровне формы и содержания; владеть механизмом распространения и сокращения структур; приспосабливаться к индивидуальным особенностям говорящего и обладать быстрой реакцией; правильно употреблять слова с учетом нормы языка и ситуации общения [3, с. 12]. Каждое слово всегда связано с одним с несколькими другими ассоциативными связями, отражающими отношения между словами в языке и речи.

Результаты ассоциативного эксперимента могут быть использованы прежде всего в разных областях лингвистики, в том числе, конечно, в теории и практике преподавания русского языка как иностранного. При обучении функциональным особенностям лексики возникают трудности, связанные с запоминанием объема значений слов, который в большинстве случаев не совпадает с родным языком, многозначностью слов, характером сочетаемости одних слов с другими, а также употреблением слова в разных функциональных стилях и в конкретных ситуациях общения.

Особенную ценность представляют результаты ассоциативного эксперимента при изучении иностранного языка, если имеет место явление лакунарности. В. Г. Так объясняет лакуны как “пропуски в лексической системе языка, отсутствие слов, которые, казалось бы, должны были присутствовать в языке, если исходить из его отражательной функции (то есть его задачи обозначать явления объективной действительности) и из лексической системы языка” (цит. по [2, с. 38]).

Учёные расходятся во мнении, какие лексические единицы можно считать лакунарными. З. Д. Попова, И. А. Стернин называют следующие сигналы лакунарности лексической единицы:

- развернутая объяснительная дефиниция слова в двуязычном словаре (возможно указание — “в России”, “в США” и т.п.);
- объяснение слова в переводном словаре перечислением синонимического ряда,
- наличие номинации за пределами литературного языка (в жаргоне, профессиональном подязыке, диалекте, вульгарной лексике) при отсутствии единицы в литературном языке (в этих случаях будет идти речь о стилистической лакуне) [9, с. 19].

Несмотря на значительное количество определений лакунарных единиц, большинство лингвистов сходятся во мнении, что лакуна — это отсутствие в языке лексической единицы, обозначающей понятие, предмет, явление, для передачи которых в этом языке приходится прибегать к свободным словосочетаниям, предложениям, иногда текстам.

Исследователи предлагают множество различных классификаций, основанных, в свою очередь, на разных принципах, но единой и уни-

версальной классификации пока не существует. Приведём наиболее общепринятые типы лакун. Многие исследователи делят все лакуны на лингвистические и экстралингвистические (этнографические, культурологические), а также лингвокультурологические. Лакуны, выявляемые при сопоставлении языков или единиц внутри языка, называются *языковыми*, или *лингвистическими*: они и обнаруживают расхождения, пустоты между единицами сопоставляемых языков (*межъязыковые лакуны*) или единицами (реальными и потенциальными) внутри одного языка (*внутриязыковые лакуны*).

Межъязыковые лакуны делятся, по классификации И. А. Стернина, на мотивированные и немотивированные. *Мотивированные лакуны* в языке объясняются отсутствием соответствующего предмета или явления в национальной культуре, в действительности народа, *немотивированные лакуны* не могут быть объяснены отсутствием явления или предмета.

По типу номинации выделяют *стилистические* и *номинативные лакуны*. Стилистические лакуны отличаются от номинативных стилистической характеристики. В. Л. Муравьев считает, что "...стилистические лакуны выделяются на основании отсутствия в одном из языков слова (фразеологизма), имеющего ту же стилистическую окраску, что и слово с идентичным значением другого языка..." [8, с. 65], такие лакуны обнаруживаются, если какие-нибудь два слова языка по тем или иным причинам оказываются несопоставимыми в стилистическом плане.

Кроме того, языковая единица в одном языке может не передавать функциональных и оценочных компонентов единицы другого языка либо передавать их с некоторой разницей — *коннотативные лакуны*. Возможно, здесь следует говорить не о лакунах как таковых, а о различии на уровне стилистики, так как речь идет об эмоциональной окрашенности языковых единиц.

Близки к коннотативным *ассоциативные лакуны*, которые некоторые исследователи выделяют в результате отсутствия стойких ассоциаций, закрепленных за словом в одном языке и отсутствующих в другом.

Приведем пример использования результатов ассоциативного эксперимента и их интерпретации для установления парадигматических и синтагматических связей слов внутри семантического поля в аспекте вопроса освоения лексики иностранными учащимися.

Представляем результаты свободного ассоциативного эксперимента (испытуемым не дается никаких ограничений на словесные реакции, они должны реагировать любой первой возникающей словесной реакцией). Слова-реакции располагаются по убыванию частоты (указывается в скобках), с одинаковой частотой — в алфавитном порядке.

Лексему *баба* можно отнести к стилистической лакуне, поэтому анализ ассоциативно-семантического поля, закрепленного в сознании современного носителя русского языка, представляется необходимым для понимания иностранным учащимся чувственного эмоционально-

оценочного комплекса смысловых составляющих. Кроме того, эта лексема имеет достаточно высокую частоту функционирования: по текстам Национального корпуса русского языка она составляет 10 597 словоупотреблений, зафиксированных в 2850 документах.

Баба — *мужик (14), женщина (14), Яга (13) снежная (5), дед (5), 0 (4), сила (3), воз (3), базар (3), пироги (3), дура (3), с возу (3), хозяйка (2), русская (2), толстая (2), деревенская, деревня, белье, бита, большая грудь, ведра, ведро, ведьма, грубость, грудь, дети, дура, Дуся, есть женщины в русских селеньях, жена, и в огонь и в воду, квашня квашней, коромысло, кочерга, красная, крестьянка, мать, мороз, не человек, огород, платье, Плюшкин, просто, разнуданность, ромовая, ругань, русская женщина, рынок, рязанская с ведром, снег, сплетни, сплетница, страшная тетка, сытость, тетька, толстая, торговка, труженица, тяжесть, украинская женщина, фартук, юбка, ягодка.*

В соответствии с широко известным в языкознании семантическим треугольником любое слово включено в денотативные, сигнификативные и структурные отношения, и этим отношениям соответствуют три типа соотношенности слов: объектные, субъектные, структурные [5, с. 33–34]. Так как слово является знаком естественного языка, в его семантической структуре присутствует еще один важный вид отношений — коннотативные, которые являются самыми непростыми при усвоении значений слов иностранными учащимися, их правильного употребления и выбора сочетаемости. В соответствии с названными отношениями слова-реакции можно распределить по следующим группам: денонаты, десигнаты и коннотаты, и во всех трех группах выделить два подмножества на основе структурных отношений: слова-реакции, связанные со словом стимулом парадигматическими отношениями, и слова-реакции, связанные со словом стимулом синтагматическими отношениями. Десигнаты — это слова-реакции, дающие представление или в той или иной степени раскрывающие понятие слова-стимула, которые присутствуют в толковых словарях или тесно с ними связаны (например, синонимическими или антонимическими отношениями, каким-то видом логической связи, как то: причинно-следственной, родо-видовой, видо-родовой и др.). Денотаты — это слова-реакции, соотносящие слово-стимул с каким-то предметом или прецедентным явлением. Коннотаты — это слова-реакции, содержащие субъективную эмоционально-экспрессивную оценку. К парадигматическим отношениям традиционно относим слова одной части речи, выделяя синонимию и антонимию, к синтагматическим — разных.

Группу десигнатов в данном случае составляют следующие реакции: *мужик (14), женщина (14), снежная (5), дед (5), русская (2), деревенская, деревня, жена, крестьянка, мать, ромовая, русская женщина, рязанская, украинская женщина.*

Таким образом, иностранный учащийся должен усвоить сочетаемость лексем *баба* и *мужик*, *баба* и *дед* — это указание на возраст, раз-

ный в этих парах, и социальный статус — простая, необразованная деревенская женщина (словарное значение), *русская, рязанская, украинская* — относительные прилагательные, указывающие на национальность и место, *снежная* — человеческая фигура из снега (устойчивое сочетание), *ромовая* — кондитерский продукт славянской кухни, синонимы *женщина, крестьянка, жена, мать* — также отражают возраст и социальный статус, разный, показывающий семейное положение и положение в обществе.

Группа денотатов: *Яга (13)* — сказочный персонаж, *Дуся* — указание на возраст в сочетании с именем собственным — бабушка, *есть женщины в русских селеньях* — прецедентный текст, *воз (3), базар (3), пироги (3), деревня, белье, бита, ведра, ведро, грудь, дети, коромысло, кочерга, мороз, огород, платье, рынок, с ведром, снег, сплетни, фартук, юбка* — предметы, формирующие образ на основе синтагматических связей, которые можно рассматривать как свернутые модели, существующие в сознании носителей языка, состоящие из двух или более ключевых слов: *баба на базаре, торгует на базаре; баба печет пироги, баба живет в деревне, баба с коромыслом*. Интересна связь *баба с ведром*: с одной стороны, она может отражать соотношенность предметов в действительности, а с другой — народную примету как очень характерный элемент национального сознания и восприятия действительности (*баба с пустым ведром* — к неудаче). Интересна также связь со словом *воз*: она может фиксировать синтагматическую связь, отраженную из действительности (*баба на возу, на возу с сеном* и т.д.), или это элемент пословицы (*баба с возу — кобыле легче*), тем более что в следующей группе есть ассоциат *с возу*. Лексема *воз* также представляет интерес, причем не только с точки зрения семантики. Существительное образованно безаффиксным способом от соответствующего глагола движения, можно проанализировать парадигму *возить* — *возящий* — *воз*. Кроме того, существительное *воз* может иметь количественное значение (*воз дел*), конечно, маркированное стилистически. С лексемой *воз* соотносится слово *ноша*, образованное от глагола движения *носить*, но оно имеет не количественное значение, а качественное, иногда с абстрактным значением *тяжелая ноша* — о жизненных трудностях, и можно рассмотреть цепочку слов *носить* — *ношенный* — *поношенный (заношенный)* — *ноша*.

Группа коннотатов: *сила (3), дура (4), с возу (3), хозяйка (2), толстая (2), большая грудь, ведьма, грубость, грудь, и в огонь и в воду, квашня квашней, красная, не человек, Плюшкин* — прецедентный образ, оценка мужчины с женской моделью поведения (словарное значение), *просто, разнузданность, ругань, сплетница, страшная тетка, сытость, тетенька, толстая, торговка, труженица, тяжесть, ягодка*.

Можно предположить, что с увеличением респондентов, эта группа также будет увеличиваться, но главное для иностранного учащегося — это понимание доминирования негативной оценки.

Таким образом, данные ассоциативного эксперимента дают возможность выявить наибольшее количество актуальных для современного носителя языка коннотативных признаков и разного вида грамматических, логических смысловых связей слов, а также увидеть связи, существующие в концептуальной системе носителей языка. Возможно, при формировании словника ассоциативного словаря, ориентированного на иностранных учащихся, имеет смысл включать в него большее количество лакунарных единиц, сгруппированных, например, по тематическому признаку, или, наоборот, по классификационным, усилив тем самым грамматический аспект при анализе данных ассоциативного эксперимента.

Список литературы:

1. Большой психологический словарь / под ред. Б. Г. Мещерякова, В. Г. Зинченко. СПб.: ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2003. 672 с.
2. Быкова Г. В. Лакунарность как категория лексической системологии. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2003, 276 с.
3. Вайсбург М. Л. Цели обучения иностранным языкам // Иностранные языки в школе. М., 1994. № 6. С. 12–13.
4. Глухов В. П. Основы психолингвистики. Москва.: АСТ:Астрель, 2005, 351 с.
5. Головин Б. Н. Лингвистические основы учения о терминах. / Б. Н. Головин, Р. Ю. Кобрин. М.: В.Ш., 1987, 104 с.
6. Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. М.: Наука, 1975, 717 с.
7. Марковина И. Ю. Культура и текст: введение в лакунологию. / И. Ю. Марковина. М.: ГЭОТАР-МЕДИЦИНА, 2008, 138 с.
8. Муравьев В. Л. Лексические лакуны. Владимир: Вл. пед. ин-т, 1975, 97 с.
9. Попова З. Д. Лакуны и концепты в аспекте национальной специфики языка и мышления. / З. Д. Попова, И. А. Стернин, М. А. Стернина // Русский язык как иностранный: Теория. Исследования. Практика. / Санкт-Петербург. 2004. №7. С. 8–23.
10. Спиркин А. Г. Философия. М.: “Гардарика”, 2004, 756 с.

Сведения об авторе:

Синелева Анастасия Васильевна, д. ф. н., доцент, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия; e-mail: sinstasi@mail.ru

ASSOCIATIVE EXPERIMENT AS A METHOD OF DESCRIBING AND INTERPRETING THE SOCIOCULTURAL NATIONAL SPACE

Anastasya V. Sineleva

Doctor of Philology, Associate Professor, National Research Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia, e-mail: sinstasi@mail.ru

Abstract

The article discusses the possibility of using the results of associative experiment which is the most developed method of psycholinguistic analysis of the semantics in the aspect of formation in the minds of learners of the Russian language is the most important syntagmatic and paradigmatic relations, patterns of collocations in the speech of native Russian speakers, creating the fragment of the national picture of the world. Analysis of the results of associative experiment is frame-based method. Frames are the model of knowledge representation that shows static and dynamic properties of object of any subject area or area of expertise. The frame structures represent a systematic psychological model of human memory and consciousness and most effective for structural descriptions of complex concepts, therefore, they are quite effective in the analysis of data of associative experiment. The frame has a hierarchical structure that its components are sets of semantic components (nodes of the frame), the stereotype of a set which is not necessarily related to the stereotype content of the frame that can be populated with different information, and experiment data — words-response — needs to be organized in a logical or thematic aspects.

Key words: associative experiment, associative-semantic field, lacuna, paradigmatic connections, syntagmatic relations.

References:

1. Mewerjakova, B. G., and Zinchenko, V. G. (eds.). *Bol'shoj psihologičeskij slovar'* SPb.: PRAJM-EVROZNAK, 2003. 672 S.
2. Bykova, G. V. (2003). *Lakunarnost' kak kategorija leksičeskoj sistemologii* [Lacunarity as a Category of Lexical Systemology]. Blagovensk: Izd-vo BGPU.
3. Vajsburg, M. L. (1994). *Celi obučenija inostrannym jazykam* [Goals of Teaching Foreign Languages]. *Inostrannye jazyki v škole* [Foreign Languages at School]. M., N 6. 12–13.
4. Gluhov, V. P. (2005). *Osnovy psiholingvistiki* [Basics of Psycholinguistics]. Moskva.: AST: Astrel'.
5. Golovin, B. N., and Kobrin R. Ju. (1987). *Lingvističeskie osnovy učenija o terminah* [Linguistic Basics of Study of Terms] / B.N. Golovin, M.: V.SH..
6. Kondakov, N. I. (1975). *Logičeskij slovar'-spravočnik* [Dictionary-Manual of Logic]. M.: Nauka.
7. Markovina, I. JU. (2008). *Kul'tura i tekst: vvedenie v lakunologiju* [Culture and Text: Introduction to Culturology]. M.: GJEOTAR-MEDICINA.
8. Murav'ev, V. L. (1975). *Leksičeskie lakuny* [Lexical Lacunas]. Vladimir: VI.
9. Popova, Z. D. (2004). *Lakuny i koncepty v aspekte nacional'noj specifiky jazyka i myshlenija* [Lacunas and Concepts in Terms of National Specificity of Language and Thinking] In: Popova, Z. D., Sternin, I. A., and Sternina, M. A. *Russkij jazyk kak inostrannyj: Teorija. Issledovanija. Praktika*. Sankt-Peterburg. (7) 8–23.
10. Spirkin, A. G. (2004). *Filosofija* [Philosophy]. M.: "Gardariki".

Обучение английскому речевому этикету взрослых: от теории к практике

И. В. Соловьева

Национальный исследовательский университет
“Высшая школа экономики”

Аннотация

Тесная связь владения иностранным языком с усвоением норм и традиций общения его носителей выражается в тенденции интегрировать формирование межкультурной компетенции в обучение иностранному языку. Перед преподавателем стоит задача решить, каким образом учитывать и применять достижения в исследовании национального коммуникативного поведения в практике обучения, поскольку с уверенным владением иностранным языком к учащимся приходит потребность не просто быть понятым, но и быть принятым в иноязычной среде. Вместе с тем, обучение речевому этикету изучаемого языка обычно находится на периферии внимания как студентов, так и преподавателей, во-первых, из-за дефицита ресурсов, во-вторых, по причине распространенного отношения к владению нормами речевого этикета как чему-то, изначально присущему речи “воспитанного человека”. Доклад посвящен анализу опыта обучения английскому языковому этикету взрослых носителей русского языка, которые активно общаются по-английски в рамках профессиональной деятельности, и постановке задач для дальнейшей разработки проблемы. Формат тренинга как динамичный вид работы открывает возможности развить межкультурную компетенцию у взрослой работающей аудитории за пределами общего курса английского языка благодаря интерактивным видам работы и сочетанию базовых теоретических сведений с интерактивной практикой.

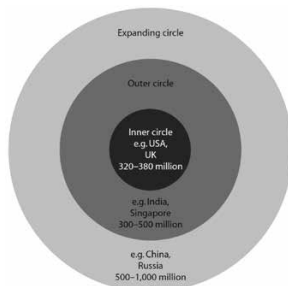
Ключевые слова: речевой этикет, межкультурная коммуникация, межкультурная компетенция, обучение английскому языку, тренинг.

Английский язык прочно утвердился на позициях языка международного общения и продолжает распространяться по всему миру. При этом количество тех, для кого английский язык не является родным, значительно превышает количество его носителей (рисунок 1) [1, с. 61]. Укрепление международных связей благодаря английскому языку как *lingua franca* привлекло внимание ученых к вопросам межкультурного взаимодействия, когда, даже при наличии общего языка, особенности национального менталитета и норм поведения затрудняют успешное общение между представителями различных культур.

Овладение нормами английского речевого этикета как “системы коммуникативных стереотипов, устойчивых выражений, служащих для установления, поддержания и размыкания контакта общающихся,”

является одним из способов сделать межнациональную коммуникацию на английском языке более успешной [7, с. 4]. Владая не только общим языком, но и общими нормами речевого этикета, говорящие по-английски носители других языков смогут избежать коммуникативных неудач, вызванных взаимным непониманием в связи с различием в специфике национального коммуникативного поведения.

Рисунок 1.

Исследования речевого этикета занимают особое положение на стыке лингвистики, теории и истории культуры и других гуманитарных дисциплин. С точки зрения обучения английскому языку носителей русского языка важны теоретические работы, в которых сопоставляются русское и английское речевое поведение (Т. В. Ларина “Англичане и русские: язык, культура, коммуникация”, Ю. Б. Кузьменкова “От традиций культуры к нормам речевого поведения британцев, американцев и россиян”). Их выводы помогают осознать различия в менталитете, культуре и речевом поведении англичан и русских, но не направлены на практику преподавания английского языка. С другой стороны, популярные учебно-методические комплексы (*Business result*, Oxford University Press, *Market Leader*, Pearson) содержат задания на практическую отработку речевых клише, свойственных общепринятым ситуациям общения. Однако, будучи ориентированы на всех изучающих английский язык вне зависимости от национальности, они не могут учитывать те отличия в речевом этикете родного языка учащихся, которые приводят к коммуникативным неудачам.

Данная работа посвящена задаче применить достижения в исследовании специфики национального речевого поведения на практике преподавания английского языка русским и оценить значимость и эффективность подобного обучения, ответив на следующие вопросы:

1. Почему речевой этикет изучаемого иностранного языка находится на периферии внимания как учащихся, так и преподавателей?
2. Как формат тренинга поможет носителям русского языка развить навыки применения английского речевого этикета?

Несмотря на интерес к речевому поведению в научных кругах, существует заметный разрыв между теорией и практикой. Одна из очевид-

ных причин — ограниченные ресурсы студентов и преподавателей. Хотя некоторые аспекты английского речевого этикета входят в общий курс английского языка, и, как уже было сказано, фрагментарно присутствует в УМК, но до уровня уверенного владения английским (B2 по шкале CEFR) не-носители английского сосредоточены на том, чтобы донести свою мысль до собеседника, корректно оформить высказывание с точки зрения грамматики, лексики, реже — фонетики, чем на том, насколько вежливо и уместно выражена их мысль с точки зрения английского речевого этикета. Следовательно, и работа преподавателя в основном направлена на удовлетворение стремления студентов научиться выражать свои мысли понятно.

Вторая причина пренебрежения нормами речевого этикета при освоении английского языка связана с природой этикетных единиц: в родном языке мы усваиваем их естественным образом, так что используем автоматически. Повседневные используемые формулы представляют собой этикетные ритуалы, состоящие в привычном обмене этикетными фразами. “Мы так привыкли менять тип речи в зависимости от условий общения, что делаем это чаще всего неосознанно, автоматически” [2, с. 62]. Ответствие речи нормам этикета мы воспринимаем как данность, не требующую особых усилий при общении на родном языке, и при общении на иностранном языке переносим это отношение на иностранный речевой этикет, что чревато коммуникативными неудачами. Носители языка обычно толерантны к лексическим, грамматическим или фонетическим ошибкам в речи иностранцев, в то время как нарушение норм речевого этикета может вызвать неприязнь и препятствовать успешной коммуникации.

В том случае, если не-носители английского осознанно стремятся быть вежливыми и приятными собеседниками при общении по-английски, они, как правило, применяют нормы русского этикета, дословно переводя их на английский язык, что может стать причиной коммуникативной неудачи. Так, например, Т. В. Ларина упоминает случай, когда она в лондонском метро спросила стоящего впереди пассажира: “Are you getting off?” Обычный для носителя русского языка, этот вопрос оказался совершенно неприемлемым для англичанина, поскольку, задав его, пассажир вторгнулся в чужое личное пространство [5, с. 20].

Очевидно, что освоение норм английского речевого этикета заслуживает особого внимания в обучении языку. Глубокие и значимые выводы, сделанные авторами теоретических исследований по сопоставительным особенностям речевого поведения русских и англичан, внедренные в практическую работу, позволят не-носителям английского языка более успешно общаться, избегая коммуникативных неудач. Для взрослых учащихся, которые совмещают изучение английского языка с работой в международных компаниях, где общение по-английски является частью их профессиональной деятельности, может быть эффективным формат тренинга.

Тренинг как форма интерактивного обучения направлен на “развитие участников (изменение представлений, отработку навыков, передачу техник и технологий, развитие компетенций и т. д.) в целях изменения организационного поведения и способа действий участников в профессиональной деятельности ради реализации конкретных целей и стратегий развития компании в текущей ситуации” [3, с. 13]. Развивая навыки владения английским речевым этикетом, сотрудники организации становятся более успешными участниками коммуникации внутри компании и с ее иностранными партнерами, улучшают личный имидж и имидж организации. Обучение английскому речевому этикету в формате тренинга отличают особенности, обусловленные, во-первых, целью мероприятия, во-вторых, спецификой аудитории. Целью тренинга является получение продукта, которым будут решения и подходы для последующего внедрения в бизнес-процессы компании и развитие новых интеллектуальных и коммуникативных навыков. Особенности работы со взрослыми обусловлены иной, по сравнению со студентами, мотивацией, значимостью тесной связи с профессиональной деятельностью и балансом яркого, эмоционального стиля работы тренера с информационной насыщенностью. “Именно два фактора: создание продуктов и мощное развивающее действо — делает тренинг полезным для компании и увлекательным для участников” [6, с. 4].

В основу тренинга по английскому речевому этикету для сотрудников международных компаний были положены результаты сопоставительных исследований русского и английского речевого поведения. Были взяты стандартные ситуации общения, наиболее подверженные влиянию ритуала, стереотипного поведения: формы обращения, приветствие, прощание, благодарность, извинение, просьба, коммуникативные подарки (например, комплименты). Исходя из того, что обычно проходящие тренинг общаются по-английски не с носителями английского языка, внимание фокусировалось на том, чтобы осознать специфику коммуникативного поведения русских и выработать навык осознанного выбора этикетных единиц и тактик речевого поведения, которые позволят избежать коммуникативных ошибок при общении по-английски.

При создании тренинга стояла задача сделать его максимально практическим, чтобы учащиеся смогли уверенно общаться в стандартных ситуациях в соответствии с нормами английского речевого этикета. С другой стороны, для более осознанного и глубокого понимания специфики русского и английского речевого этикета полезно владение минимальной теоретической базой. Осознать особенности речевого поведения русских и англичан учащимся помогли игровые творческие задания. Введение каждой ситуации общения начиналось с разбора примеров, обсуждения личного опыта участников. Задания в формате мозговой атаки, общая дискуссия и обсуждение в мини-группах, изучение кейсов позволили максимально вовлечь участников в создание конечного продукта тренинга — практических правил английского речевого этикета в типичных ситуациях общения.

Практика обучения английскому речевому этикету взрослых в формате тренинга позволила сформулировать следующие вопросы для дальнейшего исследования.

1. Как найти баланс между сохранением национальной идентичности и следованием нормам иностранного речевого этикета?
2. Какие элементы невербального общения, присущие культуре изучаемого языка, следует учитывать в обучении речевому этикету?
3. Чему следовать при отборе типичных ситуаций общения: реальной практике учащихся или гипотетически возможному контексту общения по-английски?

Поиск баланса между национальным и интернациональным, невербальным и вербальным, потенциальным и актуальным в обучении английскому речевому этикету определяют вектор дальнейшего исследования.

Список литературы:

1. Crystal D. English as a Global Language. Cambridge University Press, 2012. 212 с.
2. Гольдин В. Е. Речь и этикет. М.: Просвещение, 1983. 109 с.
3. Григорьев Д. А. Бизнес-тренинг: как это делается. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. 216 с.
4. Кузьменкова Ю. Б. От традиций культуры к нормам речевого поведения британцев, американцев и россиян. М.: Макс-пресс, 2008. 316 с.
5. Ларина Т. В. Англичане и русские: Язык, культура, коммуникация. М.: Языки славянских культур, 2013. 360 с.
6. Самоукина Н. Живой театр тренинга: Технологии, упражнения, игры, сценарии. СПб.: Питер, 2014. 508 с.
7. Формановская Н. И., Габдуллина С. Р. Русский и английский речевой этикет: сходства и различия: Справочник. М.: Высшая школа, 2008. 111 с.

Сведения об авторе:

Соловьева Инна Владимировна, к. ф. н, доцент, Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”, Москва Россия; e-mail: isolovyova@hse.ru

TRAINING ADULTS TO MASTER ENGLISH SPEECH ETIQUETTE — THEORY AND PRACTICE

Inna V. Solovyeva

Candidate of Philology, Associate Professor, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia; e-mail: isolovyova@hse.ru

Abstract

Nowadays learning a foreign language is closely connected with mastering communication norms and traditions practiced by its native speakers, which entails integrating intercultural competence development into teaching foreign

languages. Educators face the task of choosing the way to implement the achievements in the theory of national communicative behaviour into their work in order to cater for their learners who aim both to be understood and accepted when communicating in a foreign language. Nevertheless, teaching foreign language speech etiquette tends to be ignored by teachers as well as by learners, firstly due to the lack of resources, secondly because of the commonly shared attitude to speech etiquette as something that “goes without saying”. A training has proved to be the most effective way to develop cross-cultural awareness beyond the main course of English through interactive tasks and combination of the core theory with practice. The report analyses the experience of training adult professionals to master the English speech etiquette and identifying some tasks to be researched further.

Key words: speech etiquette, cross-cultural communication, teaching English as second language, training.

References:

1. Crystal, D. (2012). *English as a Global Language*. Cambridge University Press.
2. Goldin, V.E. (1983). *Rech' i etiket [Speech and Etiquette]*. Moskva: Prosvesheniye.
3. Grigiriev, D. A. (2014). *Biznes-trening: kak eto delaetsia [Business Training: How it should be]*. Moskva: Mann, Ivanov, Ferber.
4. Kuzmenkova, Y. B. (2008). *Ot traditsii kul'tury k normam rechevogo povedeniia britantsev, amerikantsev i rossiian [From Cultural Traditions to the Norms of Speech Behaviour of the British, Americans and Russians]*. Moskva: Max-press.
5. Larina, T. V. (2013). *Anglichane i russkie: Iazyk, kul'tura, kommunikatsiia [The English and Russians: Language, Culture, Communication]*. Moskva: Iazyki slavianskikh kul'tur.
6. Samoukina, N. (2014). *Zhivoi teatr treninga: Tekhnologii, uprazhneniia, igry, stsenerii [The Training as Theatre: Technologies, Tasks, Games, Scenarios]*. Sankt-Peterburg: Piter.
7. Formanovskaya, N. I., & Gabdullina, S. R. (2008) *Russkii i angliiskii rechevoi etiket: skhodstva i razlichii: Spravochnik [Russian and English Speech Etiquette: Similarities and Differences]*. Moskva: Vysshiaia shkola.

Болгарские и русские зооморфные образные сравнения, отражающие качества человека и черты его характера

Р. С. Стоянова

Санкт-Петербургский государственный университет

Аннотация

В болгарской и русской лингвокультурах образы домашних и диких животных, птиц, рыб и насекомых часто лежат в основе ассоциаций с качествами человека и чертами его характера. Наблюдения над повед-

ками представителей животного мира по-разному преломляются через призму сознания носителей разных этнокультур. В статье рассматриваются типы межъязыковых структурно-семантических соответствий болгарских и русских зооморфных образных сравнений. В болгарской и русской лингвокультурах доминируют зооморфные образные сравнения, описывающие негативные качества человека и черты его характера, в то время как образные сравнения, репрезентирующие положительные качества человека, встречаются реже. Зооморфные образные сравнения в болгарском и русском языках являются актуальным отражением изменений в системе ценностей и мировосприятия социумов.

Ключевые слова: образные сравнения, зооморфизмы, качества человека, характер.

Образные сравнения представляют собой особый пласт лексики, в котором проявляется ассоциативное мышление отдельных народов, особенности их национальной самобытности. На базе сравнений у каждой лингвокультурной общности вырабатываются свои стереотипы и символы. Таким образом, образные сравнения выявляют специфику культурного кода этносов, своеобразие их национального мировосприятия.

Стереотипные образы являются отражением наиболее характерных черт поведения данного животного, насекомого, птицы или рыбы, признаков, которые возникают в сознании людей одной и той же лингвокультуры.

Названия животных, используемые в болгарской и в русской лингвокультурах для оценки качеств и поведения человека, представляют в языках определенные концепты.

К образным сравнениям, называющим моральные и деловые качества человека и черты его характера, можно отнести следующие: заяц — трусливый (болг. *страхлив като заек* — рус. *трусливый как заяц*); лиса — хитрый (болг. *хитър като лисица /лисугер/* — рус. *хитрый как лиса*), осёл — упрямый (болг. *инат (упорит, опак) като магаре* — рус. *упрямый как осёл*); пчела — трудолюбивый (болг. *работлив (трудолюбив, работен) като пчела /пчеличка/* — рус. *трудолюбивый как пчёлка; работа (трудя се) като пчела* — рус. *работать (трудиться) как пчела /пчёлка/*); муравей — трудолюбивый (болг. *работлив като мравка* — рус. *трудолюбивый как муравей*); собака (пёс) — злой; верный, преданный (болг. *зъл като куче (псе)* — рус. *злой как собака (пёс), злиться как собака (пёс)*; болг. *верен като куче, вярно куче* — рус. *верный (преданный) <как> пёс, преданный как <верная> собака*); черепаха — медлительный (болг. *вървя (ходя, движа се) като костенурка* — рус. *ползти как черепаха*).

Подобные образные сравнения являются устойчивыми. Они употребляются носителями языка на протяжении длительного периода времени. В этом заключается отличие от окказиональных, индивидуаль-

но-авторских сравнений. В силу своей низкой воспроизводимости (или вообще ее отсутствия) окказиональные образные сравнения не могут являться объектом фразеологической периферии, а исследуются в рамках когнитивной лингвистики, так как они отражают индивидуальное ментальное восприятие определенной антропоцентрической реалии.

Образность сравнений создается по-разному, с использованием разных языковых средств. В болгарском и русском языках встречаются и весьма яркие, экспрессивные, алогические образные сравнения. Ср.: болг. *бѣбрив (приказлив) като риба* — рус. букв. *болтливый как рыба, молчалив<ый> как рыба*; болг. *хитър като хлебарка (ирон.)* — рус. букв. *хитрый как таракан, 'очень глупый'*¹, болг. *смел като мишка (заяк)* — рус. букв. *смелый как мышь (заяц), 'вовсе не смелый'*; рус. *умный как утка* — болг. букв. *умен като патица 'много глупав'*; рус. *вязать (разбираться) как свинья в кибернетике (жарг., шутил.-ирон.) 'абсолютно не разбираться в чём-л.'* — болг. букв. *разбирам като свиня от кибернетика, 'нищо не разбирам'*.

Алогические сравнения могут быть окказиональными, индивидуальными, то есть не являться устойчивыми сравнениями. Ср.: болг. *умен като амеба* — рус. букв. *умный как амеба, 'вовсе не умный'*; болг. *умен като листна вѣшка* — рус. букв. *умный как тля, 'вовсе не умный'*; болг. *умен като куц кон* — рус. букв. *умный как хромя лошадь, 'вовсе не умный'* ср. рус. *глупый как сивый мерин* [1, с. 39].

В болгарском и русском языках компаративная схема обычно выражена следующим образом: признак, содержащий основу для сравнения (*tertium comparationis*) + “сравнительное служебное слово” (сравнительный предлог *като*², реже — *като че ли, сякаш (като да)*, ср. рус. союз *как*, реже — *словно, будто, точно*) + образ (ассоциируемая реалия для сравнения — *comparatum*) [1, с. 46; 2, с. 31; 3, с. 281]. В русском языке встречаются также бессоюзные сравнения, в которых существительное представлено в творительном падеже (рус. *смотреть (глядеть) зверем (змеёй, <серым> волком, бирюком)* — болг. букв. *гледам като звяр (змия, <сив> вълк)*.

Первая часть образного зооморфного сравнения может быть выражена глаголом, прилагательным или, в редких случаях — существительным (встретился один пример в болгарском языке).

В качестве примеров приведем наиболее типичные модели.

1. Зооморфные образные сравнения с первым компонентом, выраженным глаголом. Ср.: болг. *надувам се/надуя се като пуяк (пуйка)* — рус. *надуться как индюк*.

¹ В случае отсутствия переводного эквивалента болгарского или русского образного сравнения приводится русское или болгарское толкование, которое выделяется знаком <’>.

² В болгарской лингвистике служебное слово ‘като’ в составе сравнительного оборота считается предлогом. См. работы Б. Янева, В. Кювлиевой-Мишайковой, В. Зидаровой.

II. Зооморфные образные сравнения с первым компонентом, выраженным прилагательным. Ср.: болг. *кротък като агънце (агне)* — рус. *кроток как агнец (ирон.)*.

Имеются примеры, в которых первая часть болгарских и русских образных сравнений, описывающих моральные и деловые качества человека и черты его характера, выражена вариативно глаголом или прилагательным. Ср. болг. *мълча (млъквам/млъкна) като риба* и *ням като риба*; болг. *тренера като <гърмян> заек* и *страхлив (плашлив) като <гърмян> заек*) и т.п.; рус. *упереться как бык (осёл)* и *упрямый как бык (осёл)*; рус. *молчать как рыба* и *нем как рыба*; рус. *ускользать как налим* и *скользкий как налим* и т. п.

III. Зооморфные образные сравнения с первым компонентом, выраженным существительным. Такие случаи встречаются довольно редко. Ср.: болг. *челяк като овца (диал.)* — ср. рус. *как овечка*. Данный пример характерен для диалектной речи. Ср. рус. *рыло у кого как у свињи (груб.-прост.)* ‘о чьём-л. раскормленном, расплывшемся от жира круглом и тупом лице’.

В содержании образных сравнений болгарского и русского языков находят отражение как универсальные представления человека об определенных животных (ср.: болг. *кротък като гълъбче* — рус. *кроток (смирный, тихий, покорный) как голуб/голубка*; болг. *студен като жаба* — рус. *холодный как лягушка*), так и те их свойства и качества, ассоциации, которые характерны только для определенной этноязыковой картины мира (ср. болг. *зъл като рис* — рус. букв. *злой как рысь*, ‘об очень злом человеке’; рус. *тащиться как таракан* — болг. букв. *влада се като хлебарка*, ‘за човек, който се движи изключително бавно’, *влада се като народна песен*).

Приведем типы межъязыковых структурно-семантических эквивалентов болгарских и русских зооморфных образных сравнений.

I. Полные межъязыковые структурно-семантические эквиваленты зооморфных образных сравнений:

1. В компаративных конструкциях *adjectiv* + болг. *като* (+ рус. *как*) + *substantiv* (зооним). Ср.: болг. *важен като пуйак* — рус. *важный как индюк*; болг. *студен като риба* — рус. *холодный как рыба*; болг. *търпелив като вол* — рус. *терпелив как вол*; болг. *зъл/зла (лют/люта) като оса* — *злой/злая как оса*.

2. В компаративных конструкциях *verbum* + болг. *като* (+ рус. *как*) + *substantiv* (зооним). Ср.: болг. *надувам се/надуя се (перя се) като пуйак* — рус. *надуваться/надуться (пыжиться/напыжиться) как индюк*; болг. *гриза (ям) като червей някого* — рус. *грызть как червь <яблоко> кого-либо*; болг. *работя като <кираджийски> кон* — рус. *работать как <ломовая> лошадь*; болг. *перча се като петле* — рус. *важничать как петух (ирон.)*; болг. *перчи се като петел на буннице* — рус. *важничает как петух на навозной куче (ирон.)*.

Наличие полных межъязыковых структурно-семантических эквивалентов зооморфных образных сравнений является результатом сходства восприятия и переосмысления действительности болгарскими и русскими.

II. Неполные (частичные) межъязыковые структурно-семантические эквиваленты зооморфных образных сравнений.

Сходство в мировосприятии и переосмыслении действительности носителями болгарской и русской лингвокультур может выявляться на более обобщенно-глубинном уровне семантики при частичном совпадении плана выражения зооморфных образных сравнений. Например, болгарская лексема *магаре* и русская *осёл* обозначают упрямого и глупого человека. Ср.: болг. *инат* (*онак*, *упорит*) *като магаре* — рус. *упрямый как осёл*. При этом упрямого человека болгары ассоциируют еще с раком (болг. *инат* (*инатя се*, *запъвам се/запъна се*, *опъвам се/опъна се*) *като рак на бързей* — рус. букв. *упрямиться как рак на стремнине*), козой (болг. *инат като коза* — рус. *упрям как сидорова коза*, *упрям<ый> как козёл*) и верблюдом (болг. *инатя се като камила* (*диал.*) — рус. букв. *упрямиться как верблюд*), а глупого — с индюком (болг. *глунав като пуяк* — рус. букв. *глупый как индюк*), телёнком (болг. *глунав като теле* — рус. букв. *глупый как телёнок*), уткой (утёнком) (болг. *глунав като патка* (*патица*, *пате*), *глунава като патка* (*патица*, *пате*) — рус. *глуп/глупый как баран*, *глупая как гусыня*); гусем (болг. *глунав като гъска*, *глунава като гъска* — рус. *глупый как баран*, *глупая как гусыня*); курицей (болг. *глунав като кокошка* — рус. букв. *глупый как курица*, ср. рус. ‘*куриные мозги*’), карпом (болг. *глунав като шаран* — рус. букв. *глуп как карп*) и т.д.

Эталонами твердолобости и упрямства в русских образных сравнениях являются баран, бык, осёл (ишак), мул¹, коза/козёл, лошадь (ср. рус.: *упрям<ый>* (*упираться/упереться*) *как баран* (*бык*); *как бык упёрся*; *упрямый как осёл* (*ишак*, *бык*, *баран*); (*упрямый*) *как* (*словно*, *точно*) *мул*; *упереться/упираться как мул* (*прост. неодобр.*); *упрям как сидорова коза*; *упрям<ый> как козёл*), а эталонами глупости и тупости — баран, баранье (овечьё) стадо, осёл (ишак), сивый мерин, гусь/гусыня, утка, лошадь, индейский петух, жираф, тетерев, свинья (ср. рус.: *глуп как баран* (*индейский петух*); *глуп<ый> как осёл/ослица*; *глуп<ый> как ишак*; *глуп<ый> как* (*баранье*, *овечьё*) *стадо*; *глуп<ый> как стадо овец* (*баранов*); *глуп<ый> как гусь*; *глуп как сивый мерин*; *глуп как тетерев*; *глуп как лошадь*; *глуп как пара купеческих лошадей*; *глупый* (*бестолковый*, *дурной*) *как овца*; *умный как утка*, *что доходит до кого как до жирафа* (*утки*) *<на седьмые сутки>*; *как свинья в апельсинах понимать* (*разбираться*, *смыслить*).

Различия в лексическом плане не нарушают семантической эквивалентности зооморфных образных сравнений. Ср.: болг. *хитър като манастирски котарак* — рус. букв. *хитрый как монастырский кот*, *хитрый как муха*, ‘*об очень хитром и ловком человеке*’; болг. *хитър като*

¹ Образное сравнение, указывающее на очень упрямого, вздорного человека, в чей состав входит лексема ‘мул’, которая сама по себе не характерна для русской этнокультуры, зафиксировано в разных лексикографических изданиях (см. словари В. М. Огольцева и В. М. Мокиенко).

бременна хлебарка — рус. букв. хитрый как беременный таракан, хитрый как муха; болг. мълча като пуйак — рус. букв. молчать как индюк, молчалив<ый>как рыба, нем<ой> как рыба; болг. зъл като сръбска свиня — рус. букв. злой как сербская свинья, злой (злбный) как собака (<цепной>пёс); болг. кротък (добър, безобиден) като божа кравичка — рус. букв. кроткий как клоп-солдатик, кроткий (смирный, тихий, покорный) как голубь/голубка (овца /овечка/, ягнёнок); болг. бърбив като врабец — рус. букв. болтливый как воробей, болтливый как сорока; рус. мрачный как ворон — болг. мрачен като облак.

Различия в образно-оценочной системе качеств человека и черт его характера в русской и болгарской лингвокультурах отмечаются тогда, когда образное сравнение развернуто. Ср.: болг. запъвам се/запъна се (опъвам се/опъна се) като магаре на лед — рус. букв. упрямиться как осёл на льду; болг. инатя се (заинатявам се/заинатя се) като магаре на мост — рус. букв. упрямиться как осёл на мосту.

III. Зооморфные образные сравнения, не имеющие семантических параллелей в сопоставляемых лингвокультурах.

Данный тип межъязыковых структурно-семантических соответствий болгарских и русских зооморфных образных сравнений встречается довольно часто. Ср.: болг. объркан като пате в решето — рус. букв. запутавшийся как утёнок в решете, 'сбитый с толку'; болг. разигравам/разиграя като маймуна някого (разг.) — рус. букв. провести кого-л. как обезьяну, 'водить за нос кого-либо, дурачить/одурачить кого-либо, вернуть кем-либо как угодно'; болг. курназ като мъжко магаре (ирон.) — рус. букв. самоуверенный как осёл-самец, 'нахал, самоуверенный, развязный человек' и т.д. Ср. рус.: (сидеть за кем) как тараканы за печкой (нар., прост.) — болг. 'за хора, които страхливо се спотайват някъде в безопасно и удобно за тях място в случай на опасност'; ползти как моль по нафталину (по пачке дуста) (жарг., ирон.) — болг. 'за човек, който демонстративно се наслаждава'; рус. пить как беззобая утка (народн., ирон.) 'за человек, който тие прекалено много'.

Приведенные примеры отражают опыт и способ мышления конкретного социума, характеризирова этноспецифические особенности народа, говорящего на данном языке.

Зооморфные образы-эталоны в болгарском и русском языках, являясь стимуляторами эмоциональной реакции, выступая базой экспрессивного значения языковой единицы, отражают особенности коллективного сознания народов. Таким образом, зооморфизмы в болгарской и русской лингвокультурах наделяют человека своей эмоционально-оценочной характеристикой.

В болгарской и русской лингвокультурах доминируют зооморфные образные сравнения, описывающие негативные качества человека и черты его характера (такие, как болтливость, бестолковость, беспринципность, злость, трусость, упрямство, хитрость и т.п.), в то время как образные срав-

нения, представляющие положительные качества человека (например, доброта, трудолюбие, невинность, преданность и т.п.) встречаются реже. Положительные зооморфные номинации, отражающие черты характера человека, его моральные и деловые качества, представляя общепринятую норму, в целом не нуждаются в дополнительном образном маркировании. Отрицательная зооморфная номинация касается таких черт характера человека, его моральных и деловых качеств, которые сводят его до уровня животного мира.

Преобладание отрицательно-оценочной номинации в сфере зооморфного кода болгарской и русской лингвокультур свидетельствует об общеязыковой тенденции к пейоративности оценочных номинаций.

Несмотря на наблюдаемые различия, мы приходим к выводу о наличии значительной близости в образно-оценочной системе положительных и отрицательных качеств человека и черт его характера в русской и болгарской лингвокультурах.

Лексикографические источники:

1. Кошелев А. К. Болгарско-русский фразеологический словарь / Сост. А. К. Кошелев, М. А. Леонидова. М.: Русский язык; София: Наука и искусство, 1974. 635 с.
2. Лебедева Л. А. Устойчивые сравнения русского языка: тематический словарь / Л. А. Лебедева. 2-е изд., стер. М.: ФЛИНТА: Наука, 2015. 316 с.
3. Мокиенко В. М. Большой словарь русских народных сравнений / Мокиенко В. М., Т. Г. Никитина; под общей ред. В. М. Мокиенко. М.: ЗАО "ОЛМА Медиа Групп". 2008. 800 с.
4. Огольцев В. М. Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимо-антонимический). М.: ООО "Русские словари": "ООО Издательство Астрель": ООО "Издательство АСТ", 2001. 800 с.
5. Холанди Р. Устойчивы сравнения: български, руски, английски, немски, френски. Благоевград: Издателство ЮЗУ "Неофит Рилски", 2008. 472 с.

Список литературы:

1. Янев Б. Образните сравнения с антропоцентричен характер в българския и английския език (изследване и речник). Пловдив: Университетско издателство "Паисий Хилендарски", 2013. 370 с.
2. Кювлиева-Мишайкова В. Фразеологизмите в българския език. София: Държавно издателство "Народна просвета", 1986. 95 с.
3. Зидарова В. Лексикология на съвременния български език. Пловдив: Издателство "Контекст", 2009. 303 с.

Сведения об авторе:

Стоянова Радостина Стоянова, к. ф. н., старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: r.stoyanova@spbu.ru

BULGARIAN AND RUSSIAN ZOOMORPHIC IMAGE SIMILES, WHICH REFLECT HUMAN QUALITIES AND ATTRIBUTES OF A PERSON'S CHARACTER

Radostina S. Stoyanova

Candidate of Philology, Senior Lecturer, Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russia; e-mail: r.stoyanova@spbu.ru

Abstract

In Bulgarian and Russian linguocultures images of domestic and wild animals, birds, fish and insects are the basis for associations with human qualities and personal characteristics. Surveys of the wild animals' habits are in different ways refracted by the mentality of language speakers of different ethnocultures. The article reveals different types of interlanguage structure-semantic equivalents of the Bulgarian and Russian zoomorphic image comparisons. In Bulgarian and Russian linguocultures, zoomorphic image comparisons describing the negative human qualities and personal characteristics dominate, while image comparisons, standing for positive human qualities are rare. Zoomorphic image comparisons in Bulgarian and Russian are the actual reflection of changes in the value system and world perceptions of society.

Key words: image comparisons, zoomorphism, human qualities, character.

Lexicographic sources:

1. Koshelev, A. K. (1974). *Bolgarsko-russkii frazeologicheskii slovar'* [Bulgarian-Russian phraseological dictionary] / Sost. A. K. Koshelev, M. A. Leonidova. Moskva: Russkii iazyk; Sofiia: Nauka i iskusstvo.
2. Lebedeva, L. A. (2015). *Ustoichivye sravneniia russkogo iazyka: tematicheskii slovar'* [Stable similarities in Russian language: topical vocabulary] / L. A. Lebedeva. 2-e izd., ster. Moskva: FLINTA: Nauka.
3. Mokienko, V. M. (2008). *Bol'shoi slovar' russkikh narodnykh sravnenii* [The Great Russian Dictionary of folk similarities] / Mokienko, V. M., T. G. Nikitina; pod obshchei red. V. M. Mokienko. M.: ZAO "OLMA Media Grupp".
4. Ogo'tsev, V. M. (2001). *Slovar' ustoichivyykh sravnenii russkogo iazyka (sinonimo-antonimicheskii)* [Dictionary of stable Similes of the Russian language (synonymous and antonymic)]. Moskva: OOO "Russkie slovari": "OOO Izdatel'stvo Astrel": OOO "Izdatel'stvo AST".
5. Kholandi, R. (2008). *Ustoichivi sravneniia: balgarski, ruski, angliiski, nemski, frenski* [Stable similarities: Bulgarian, Russian, English, Germany, French]. Blagoevgrad: Izdatelstvo IuZU "Neofit Rilski".

References:

1. Ianev, B. (2013). *Obraznite sravneniia s antropotsentrichen kharakter v balgarskii i angliiskii ezik (izsledvane i rechnik)* [Image similes of anthropocentric nature in

Bulgarian and English language (research and dictionary)]. Plovdiv: Universitetsko izdatelstvo "Paisii Khilendarski".

2. Kiuvlieva-Mishaikova, V. (1986). Frazеologizmitе v balgarskiiа ezik [Idioms in Bulgarian language]. Sofia: Darzhavno izdatelstvo "Narodna prosveta".
3. Zidarova, V. (2009). Leksikologiiа na savremenniiа balgarski ezik [Lexicology of modern Bulgarian language]. Plovdiv: Izdatelstvo "Kontekst".

“Мягкая сила” как лингводидактическая стратегия

Е. Г. Тарева

Московский городской педагогический университет

Аннотация

В современную эпоху увеличения факторов неопределенности, усиления конфликтности взаимоотношений на международном уровне, межкультурная коммуникация становится все более осложненной. Она характеризуется манипулятивной направленностью, сила воздействия которой основывается не на фактах (истина), а на той информации, которая формирует общественное мнение, взывает к эмоциям человека (“постистина”). Для эффективности ведения межкультурного диалога участнику необходимо противостоять деструктивному влиянию оппонента. Для этого необходима целенаправленная подготовка в рамках обучения студентов — будущих дипломатов, медиаторов в сфере межкультурной коммуникации. Речь пойдет о межкультурном подходе к обучению иностранному языку, о его потенциале как инструмента “мягкой силы”.

Ключевые слова: “мягкая сила”, “жесткая сила”, языковое образование в вузе, межкультурный подход, диалог культур, “послеправда”, критическое мышление.

В политических кругах в последнее время все чаще говорят о крахе глобализационного взгляда на мироустройство, ценностными проявлениями которого долгое время являлись ориентация на поликультурность, мозаичность культурных проявлений и толерантность. Предполагалось достижение гармонизации (в формате диалогизации) различных (порой прямо противоположных) установок, в том числе нравственных, мировоззренческих, как на уровне общественных и государственных устройств, так и в среде либерализации взглядов и отношений. Данная установка, как показывают сегодняшние повсеместно происходящие события, не выдержала испытания временем, доказав свою утопичность и несостоятельность в условиях ужесточения политической, социальной, производственной, межличностной конфликтности.

Прежние послы, ориентированные, казалось бы, на торжество мультикультурализма, для потребителей прежней идеологии заявляли о необходимости “мягкого” навязывания (“мягкая сила” — “soft power”) образа мира на окружающую действительность. Фактически же через культуру, дипломатию, науку, образование подспудно, имплицитно, а порой и весьма очевидно реализовывалось то, что принято называть культурным империализмом (cultural imperialism), который в любой из своих трактовок предполагает одно — навязывание одного образа жизни представителям других сообществ. (Ср.: “1. Навязывание принципов своей культуры другой культуре <...> 2. Перенесение ценностей и культурных стереотипов развитых капиталистических стран на развивающиеся страны. 3. Насажение одной национальной культуры в качестве универсальной и господствующей, угрожающей национальной самобытности других стран. 4. Использование культуры для достижения политических целей, идеологической пропаганды и завоевания политического имиджа. 5. Подчинение политики культуры транснациональным монополиям, стремящимся к контролю индустрии культуры в глобальном масштабе. 6. Превращение культурного обмена в культурную экспансию, обмена информацией в односторонний поток информации, захват культурных рынков, культурный джингоизм, то есть пропаганда колониальной экспансии” [4, с. 216])

Общепринято полагать, что “мягкая сила” представляет собой способность государств привлекать других на свою сторону, добиваясь поддержки собственной повестки дня в международных отношениях путем демонстрации своих культурно-нравственных ценностей привлекательности политического курса и эффективности политических институтов [5]. При этом проводником ценностей, формируемых при помощи «мягкой силы», может выступить каждый гражданин. “Именно поэтому важно воспитывать (причем целенаправленно) человека с гуманистическими личностными ориентациями, способного обеспечить свою собственную безопасность и безопасность общества, членом которого он является” [7, с. 95]. Сказанное свидетельствует о том, что “мягкая сила” — инструмент с “человеческим лицом”, она субъектна по своей природе.

Субъектный характер “мягкой силы” подтверждается и становится особенно очевидным в настоящее время, в информационную эпоху, когда основной геополитической целью является контроль над личностью с целью трансформации ее мировоззрения, картины мира. Отсюда — явление “post-truth”, означающее “такие обстоятельства, в которых объективные факторы влияют на формирование мышления людей меньше, чем воззвания к эмоциям и личным убеждениям” (цит. по [3]).

В описанных условиях, признавая очевидно возросшее влияние эффекта манипуляции сознанием, особенно значимо влияние *образования*, которое призвано определить факторы негативного, деструктивного воздействия на мировоззрение членов общества и их (эти факторы) нейтрализовать, предвосхитить, уменьшить. Несомненно, значимую роль

в этом контексте призвано сыграть обучение иностранному языку, которое потенциально имеет особый воздействующий потенциал.

Долгое время, этот потенциал не был востребован, поскольку лингводидактические ориентиры предполагали в основном постижение обучающимся *иной* картины мира. Отсюда метод “погружения” (*bain linguistique*), провозглашение страноведческого и лингвострановедческого, позднее лингвокультурологического подходов к обучению, которые предусматривают максимальную центрацию на образе жизни представителей изучаемого лингвосоциума. Цели, содержание, принципы, методы, приемы, средства обучения были увязаны с единственной лингвообразовательной стратегией — обучением иностранному языку и транслируемой им культуре. Следствием такой дидактической стратегии явилось повсеместное провозглашение *диалога культур* ведущей идеологемой процесса обучения иностранному языку: он предопределил изменение целеполагания, при котором межкультурная компетенция трактуется как способность, позволяющая личности “реализовывать себя в рамках диалога культур, то есть в условиях межкультурной коммуникации” [2, с. 72].

Отсюда вытекает важный тезис. Диалог культур долгое время воспринимался как диалог исключительно позитивный, конструктивный, даже не допускалось мнения о том, что может иметь место “не-диалог культур” (об оппозиции *диалог культур / не-диалог культур* см. подробнее [6]). Меж тем, наиболее частыми в последнее время стали ситуации, при которых происходит явное манипулирование сознанием в ходе межкультурного диалога, который превращается в “монолог в диалоге” — ту форму общения, при которой реализуется “неравностатусность культур” — “открытое подавление культурой партнера-носителя языка культур его иноязычных собеседников” [1, с. 33].

Одним из конструктивных подходов, потенциал которого в создании условий для равностатусного диалога культур сегодня не оспаривается никем, является *межкультурный подход*. Согласно данному подходу “происходит изменение привычного образа объекта овладения, выраженного бинарными формулами *язык ↔ страна, язык ↔ культура, иностранный язык ↔ родной язык, родная культура ↔ иная культура*. Такой примитивизм отношений усложняется, образуя множественные образовательные орбиты, которые пересекаясь и взаимодействуя, вовлекают все эти явления в единое пространство. В результате происходит отказ от традиционной необратимой последовательности линейной формулы, выраженной следующим образом: знакомство с фактом иной культуры → перенос его в родную культуру → сопоставление фактов двух культур → усвоение факта иного лингвосоциума” [7, с. 97]. Реализуется движение обучающегося скорее по расширяющейся спирали, обеспечивающей цикличность следующих процессов: *знакомство с фактом иной культуры, → перенос его в родную культуру и осознание особенностей последней → переоценка (постижение, осознание) факта родной культуры → возврат с этих пози-*

ций к факту иной культуры и его переосмысление на основе сопоставление с новым знанием о родной культуре → переосмысление на сформированной базе факта родной культуры, но уже с позиций не своего “Я”, а представителя иного лингвосоциума → признание фактов двух культур как полноценных равноправных, несовпадающих и отражающих различные картины мира представителей различных лингвосоциумов [Там же, с. 97–98]. Данная стратегия обучения может квалифицироваться как проявление “мягкой силы”, которая меняет представления обучающегося о своем и ином лингвосоциумах. Факт культуры, вербализованный иностранным языком, а значит материализованный, пусть умозрительно, в сознании обучающегося, не единожды пропускается студентом сквозь призму своего опыта, и этот опыт оказывается измеренным с различных фокусов, а именно: “как мы видим их?”, “как они видят нас?”, “как мы видим себя?”, “как они видят себя?”, “могу ли я показать свой мир так, чтобы он был понятен моему иностранному собеседнику?”, “способен ли я посмотреть на свою культуру глазами иностранца?” и пр. Такая деятельность, весьма насыщенная по комплексу операций, способна сформировать тот образ своего мира и чужой / иной реальности в их диалогической взаимосвязи, который так востребован в современном мире, полном ксенофобии и националистических проявлений.

Список литературы:

1. Барышников Н. В. Лингводидактический портрет диалога культур без ретуши // Диалог культур. Культура диалога: В поисках передовых социогуманитарных практик: матер. Первой международной конференции. М., 2016. С. 32–37.
2. Гальскова Н. Д. Теория обучения иностранным языкам: лингводидактика и методика / Н. Д. Гальскова, Н. И. Гез. М.: Издательский центр “Академия”, 2004. 336 с.
3. Ефимов А. Платон мне друг, но истины не надо [Электронный ресурс]. URL: <https://nplus1.ru/material/2016/11/21/post-truth-world> (дата обращения 5.03.2017).
4. Жукова И. Н. Словарь терминов межкультурной коммуникации / И. Н. Жукова, М. Г. Лебедько, З. Г. Прошина, Н. Г. Юзефович; под ред. М. Г. Лебедько и З. Г. Прошиной. М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. 632 с.
5. Най Дж. Гибкая сила. Как добиться успеха в мировой политике. М.: Тренд, 2006. 397 с.
6. Сафонова В. В. Диалог культур и цивилизаций как основополагающий методологический принцип в современной языковой педагогике // Диалог культур. Культура диалога: В поисках передовых социогуманитарных практик: матер. Первой международной конференции. М., 2016. С. 512–521.
7. Тарева Е. Г. Обучение языку и культуре: инструмент “мягкой силы”? // Вестник МГПУ. Серия Филология. Теория языка. Языковое образование. 2016. №3 (23). С. 94–101.

Сведения об авторе:

Елена Генриховна Тарева, д. п. н., профессор, заведующий кафедрой французского языка и лингводидактики, Московский городской педагогический университет, Москва, Россия; e-mail: elenatareva@mail.ru

“SOFT POWER” AS A STRATEGY OF FOREIGN LANGUAGE TEACHING

Elena G. Tareva

Doctor of Pedagogy, Professor, Head of French and Linguodidactics
Department, Moscow City Teacher Training University, Moscow, Russia;
e-mail: elenatareva@mail.ru

Abstract

In the modern era of increasing number of factors of uncertainty, higher probability of conflicts on the international level, intercultural communication is becoming more complicated. It is characterized by manipulative tendencies, the impact of which is not based on facts (truth), but on the information that forms public opinion, appeals to the emotions of a person (“post-truth”). To achieve the efficiency of intercultural dialogue a participant must be able to resist the destructive influence of the opponent. This requires targeted training of students — future diplomats, mediators in the sphere of intercultural communication. The report is devoted to intercultural approach to teaching foreign language, its potential as an instrument of “soft power”.

Key words: “soft power”, “hard power”, language teaching at University, intercultural approach, dialogue of cultures, “post-truth”, critical thinking.

References:

1. Baryshnikov, N. V. (2016). Lingvodidakticheskij portret dialoga kul'tur bez re-tushi [Lingvodidactic Portrait of the Dialogue of Cultures without Retouching]. *Dialog kul'tur. Kul'tura dialoga: V poiskah peredovyh sociogumanitar-nyh praktik [Dialogue of Cultures. Culture of Dialogues. Searching for Innovative Socio-Humanitarian Practices]*. 32–37.
2. Gal'skova, N. I. (2004). Teorija obuchenija inostrannym jazykam: lingvodidaktika i metodika [The Theory of Foreign Language Teaching. Linguodidactics and Methodology]. Moskva: Izdatel'skij centr “Akademija”.
3. Efimov, A. (2016). Platon mne drug, no istiny ne nado [Plato is my Friend but I Do Not Need the Truth]. Retrieved 27 June, 2016 from <https://nplus1.ru/material/2016/11/21/post-truth-world>.
4. Zhukova, I. N., Lebed'ko M. G., Proshina, Z. G., & Juzefovich, N. G. (2013). Slovar' terminov mezkul'turnoj kommunikacii [The Dictionary of the Terms of Intercultural Communication]. Moskva: FLINTA: Nauka.
5. Naj, Dzh. (2006). Gibkaja sila. Kak dobit'sja uspeha v mirovoj politike [Flexible Power. How to Achieve Success in the World Policy]. Moskva: Trend.

6. Safonova, V. V. (2016). Dialog kul'tur i civilizacij kak osnovopolagajushhij metodologicheskij princip v sovremennoj jazykovoj pedagogike [Dialogue of Cultures and Civilisations as the Basic Methodological Principle in the Modern Language Teaching Didactics]. *Dialog kul'tur. Kul'tura dialoga: V poiskah peredovyh sociogumanitarnyh praktik [Dialogue of Cultures. Culture of Dialogues. Searching for Innovative Socio-Humanitarian Practices]*. 512–521.
7. Tareva, E. G. (2016). Obuchenie jazyku i kul'ture: instrument “mjagkoj sily”? [Teaching Language and Culture: the “Soft Power” Tool]. *Vestnik MGPU. Serija Filologija. Teorija jazyka. Jazykovoje obrazovanie [The Herald of Moscow City University. Philology Series. Language Teaching]*. 3(23), 94–101.

Англицизмы в новогреческом языке как элемент современной коммуникативной культуры

А. А. Торопова

МГИМО МИД России

Аннотация

Займствованиe считается таковым, если оно переходит из языка оригинала в язык-реципиент посредством взаимодействия двух народов в различных сферах, воспринимается носителями языка и вносится в словари.

В современном греческом языке наблюдается устойчивая тенденция к использованию англицизмов. Подобная словообразовательная интеграция представляет дополнительный интерес, так как в данном случае не заменяет отсутствующие в языке лексемы, облачая смысл в словесно-образную форму, а, скорее, конкурирует с имеющимися в языке эквивалентами и на определенном историческом этапе развития языка создает условия для лингвистического напряжения.

Коммуникация становится более сложной по смысловосприятию, не всегда понятной старшему поколению. Англицизмы входят во многие сферы современной языковой деятельности: пестрят займствованной лексикой компьютерная терминология, язык рекламы.

В данной статье нами были проанализированы некоторые наиболее часто употребляемые англицизмы в новогреческом языке и выявлены контекстуальные и вариантные соответствия в языке-доноре.

Ключевые слова: англицизм, аутентичное выражение, корневая морфема, суффикс, влияние языка-донора, “изм”.

Сегодня “информация” зачастую означает именно коммуникацию, а не знание. Информатизированный человек сегодня — не тот, кто боль-

ше знает, а тот, кто задействован как можно в большем пуле коммуникационных сфер, являющихся частью единого глобального пространства [3, с. 569].

Заимствованием считается языковая единица, переходящая из языка-донора в язык-реципиент в результате экономических, политических и культурных связей народов, ассимилируется в воспринимающем языке (оформляется по правилам и средствами этого языка) и фиксируется в словарях [1]. Сегодня англицизмы очень популярны в СМИ, рекламе, среди молодежи. Интересно, что в новогреческом языке, унаследовавшем опыт 40-вековой культурной и исторической эволюции, имеются эквиваленты практически любому англицизму. Однако зачастую “внутриязыковой” вариант не интересен и даже непонятен (молодежи, например), и поэтому повсеместно внедряется норма передачи того или иного смысла через употребление английской лексемы или производной от нее.

Для греческого тема заимствований не нова: известно, что в разных языках мира слов греческого происхождения намного больше всех тех, которые реципируются им из других языков. Лингвистический “метаболизм” заимствований наличествует в языках мира давно. Греческий, как известно, реципирует не только английские лексемы и морфемы; помимо англицизмов, в димотике (современном греческом языке) присутствуют также итализмы, галлизмы и тюркизмы. Однако мы остановили наше внимание именно на англицизмах, потому как именно они чаще всего ассимилируются с процессом глобализации в разных языках и зачастую узнаваемы из-за схожести звучания.

Изучаться тема англицизмов в греческом языке стала во второй половине XX столетия. Английские слова транскрибировались и сначала использовались, в основном, в политической журналистике и были понятны узкому кругу лиц, знающих английский язык.

Ученый Харис отмечает, что в новогреческом языке, помимо корневых английских морфем, часто используются и свойственные английской языковой картине мира целостные выражения. Например, греческое словосочетание *πάλι και πάλι, ξανά και ξανά* — это калькированный перевод английского *again and again*, в то время как в греческом есть более аутентично звучащее наречие *συνέχεια* и *αποαπόληψη*. То же можно сказать и о переводе фразы *I'll call you back* — *θα σε πάρω πίσω* вместо *θα σου τηλεφωνήσω* или *θα σε πάρω ευώ*. Кроме того, влияние английского языка коснулось и греческой грамматики. Так, например, фраза “спортивные истории” по-гречески традиционно должна звучать как *ιστορίες σπορ*. Однако под влиянием английского прилагательное в данном случае употребляется на предшествующем существительному месте — *σπορ ιστορίες*. Та же тенденция прослеживается и в выражении “150 лет назад” — *150 years ago* — *150 χρόνια πριν* вместо традиционного *πριν 150 χρόνια* [2].

Грамматическую “географию” влияния английского на новогреческий язык, другими словами — англицизмы в новогреческом, мож-

но разделить на несколько категорий. **Первая** — существительные, транскрибированные (транслитерированные) в новогреческий без изменений. Например, μάνατζμεντ (вместо διοίκηση, управление), μάνατζερ (вместо διευθυντικό στέλεχος, менеджер), πάρκινγκ (вместо στάθμευση, паркинг). **Вторая** — существительные, имеющие неизменную корневую морфему, но обретшие греческий суффикс. Например, φαστφουντάδικο (кафе фаст-фуд), σαντουιτσάδικο (“сэндвичная”). **Третья** — глаголы, имеющие неизменную английскую корневую морфему в сочетании с греческим суффиксом (как правило, это ударный суффикс -άρω). Например, τεστάρω (тестировать), γκουγκλάρω (гуглить), копiάρω (копировать), μάνατζάρω (управлять, решать проблему), τουιτάρω (твитить), ποστάρω (постить), φιξάρω (фиксировать), κάνω лайк (лайкать), σετάρω (устанавливать), коουτсάρω (заниматься коучингом), σνομiάρω (быть снобом), стоκάρω (“выбрасывать” в сток), σοκάρω (шокировать), серφάρω (серфить), паркάρω (парковать, парковаться), μποϊκοτάρω (бойкотировать). **Четвертая** — лексемы, дословно переведенные с английского, при этом имеющие эквивалент в греческом языке, который, однако, используется реже. Например, η Vodafone σύνδεση (вместо прилагательного “мобильное” стоит существительное-название компании), παίρνω το πρωινό (переведенное take a breakfast, вместо τρώω το πρωινό), κλείσε την πόρτα πίσω σου (аналог close the door behind you, вместо аутентичного κλείσε την πόρτα, где πίσω σου — грамматический излишек), παίρνω το χρόνο μου (переведенное take one’s time, вместо έχετε όσο χρόνο χρειάζεστε), το αγαπώ (I love it, например, “αυτή τη φούστα την αγαπώ” (я люблю эту юбку), вместо μου αρέσει (πολύ)), είμαι όλος δικός σου (I’m all yours, вместо είμαι στη διάθεσή σου), είμαι λάθος (I am wrong, вместо κάνω λάθος (досл. — я ошибаюсь, допускать (допускаю) ошибку)), από πάντα (since forever, вместо ανέκαθεν), θα φας, δε θα φας; (you are going to eat it, aren’t you?, вместо θα φας, ε;), πρώτη προτεραιότητα (first priority, хотя употребление числительного в качестве прилагательного “главный” для греческого излишне и не звучит, вместо βασική προτεραιότητα (досл., основной, главный приоритет)), είμαι για να (I am about to, вместо είμαι έτοιμος να (я готов...)), καυτή πατάτα (hot potato, вместо σπουδαίο θέμα (важная тема)). **Пятая** — переведенные с английского идиомы, не всегда понятные без знания соответствующего лингвострановедческого аспекта. Например, идиомы “λες μου για αυτό” (tell me about it, вместо емéνα μου лες), “κοιμάμαι με αυτό” (sleep on it, вместо σκέφτομαι (думать)) [2].

В своем исследовании У. Пападопулу отмечает, что жители столицы — Афин — склонны употреблять больше аутентичных выражений, нежели переведенных с английского, в то время, как жители регионов, наоборот, чаще оперируют англицизмами.

Помимо вышеприведенных слов, словосочетаний и идиом, в современном новогреческом языке есть масса выражений, которые также

могут быть квалифицированы как англицизмы. У. Пападопулу относит к ним следующие:

Αγοράζω χρόνο (I buy myself time, вместо κερδίζω χρόνο (досл., выигрывать время)), έχω δεύτερες σκέψεις (i have second thoughts, вместо έχω αλλάξει γνώμη (досл., я изменил (а) свое мнение)), διαβάζω ανάμεσα στις γραμμές (to read between the lines, вместо προσπαθώ να καταλάβω κάτι (досл., я пытаюсь что-то понять)), σκέφτομαι έξω από το κουτί (to think outside the box, вместо σκέφτομαι με δημιουργικό τρόπο (досл., думать креативно)), κάνω χρήματα (make money, вместо привычного βγάζω χρήματα (досл., доставать, вынимать деньги)), παίρνω φωτογραφία (take a picture, вместо βγάζω φωτογραφία (досл., доставать, вынимать фотографию)), πιάνω το λεωφορείο (catch the bus, вместо традиционного παίρνω το λεωφορείο (досл., брать автобус)), κάνε μου έκπληξη (surprise me, вместо για πες! (досл., ну-ка, скажи!)), αν ήμουν στα παπούτσια σου (if I were in your shoes, вместо αν ήμουν στη θέση σου (досл., если бы я был на твоём месте)), μέσα στο φόρεμά της (in her dress, вместо φορώντας το φόρεμά της (досл., будучи в своём платье)).

Подводя итог всему вышесказанному, мы делаем два вывода. Во-первых, использование англицизмов упрощает и актуализирует коммуникацию, солидаризирует её акторов. Позволим себе квалифицировать процесс употребления англицизмов коммуникантом как докогнитивный акт, так как немногие задумываются над истинным смыслом, но опираются на глобальный коммуникативный узус, который первичен. Во-вторых, аттрактивность “измов” часто находится в антагонизме с их семантической составляющей. Коммуникант неосознанно опирается не на содержательную часть лексемы, а на степень интегрированности и дисперсии “изма” в языке-реципиенте, что не может не привести к потере аутентичной дефиниции того или иного понятия впоследствии.

Список литературы:

1. С. А. Бойко. Англицизмы в современном русском языке: что и зачем заимствуется? // [http://cyberleninka.ru]. URL: <http://cyberleninka.ru/search#q=%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%BB%D0%B8%D1%86%D0%B8%D0%B7%D0%BC%D1%8B&page=1> (дата обращения: 24.03.2017)
2. Παπαδοπούλου Ουρανία. Πτυχιακή εργασία: “Η επιρροή της αγγλικής στη νέα ελληνική : εξέταση νεοεισαχθέντων αγγλισμών” Патры, 2014. С. 20, 21, 30. [http://nemertes.lis.upatras.gr]. URL: <http://nemertes.lis.upatras.gr/jspui/bitstream/10889/8228/1> (дата обращения: 24.03.2017) Пападопулу Урания. Дипломная работа на тему: “Влияние английского на новогреческий: анализ недавно вошедших в язык англицизмов”.
3. Желязкова Д. П. “Положительная тенденция американизации языка”. Сборник материалов Второй научно-практической конференции “Магия ИННО: новое в исследовании языка и методике его преподавания”. Том 1. Секции 1–4. ISBN 98–5–9228–1397–6. МГИМО, МИД России, 2015. 569 с. (дата обращения: 25.03.2017).

Сведения об авторе:

Торопова Анна Андреевна, старший преподаватель, МГИМО МИД России, Москва, Россия; e-mail: atoropova@yandex.ru

ANGLICISMS IN MODERN GREEK LANGUAGE AS AN ELEMENT OF MODERN COMMUNICATIVE CULTURE

Anna A. Toropova

Senior lecturer, MGIMO University, Moscow, Russia; e-mail: atoropova@yandex.ru

Abstract

Borrowing is considered that if it passes from original language into language recipient by means of interaction of two people in various spheres, is perceived by native speakers and brought in dictionaries.

In modern Greek there is a steady tendency to use anglicisms. Similar word-formation integration is of additional interest as in this case doesn't replace the lexemes which are absent in language, but competes with the equivalents which are available in recipient language.

Communication becomes more difficult, not always clear to the senior generation. Anglicisms nowadays is a part of modern language activity: computer terminology, language of advertizing.

In this article, we have analysed some most often used anglicisms in modern Greek language and pointed contextual and alternative compliances in donor language.

Key words: Anglicism, authentic expression, root morpheme, suffix, influence of donor language, "ism".

References:

1. Bojko, S.A. Anglicizmy v sovremennom russkom jazyke: chto i zachem zaimstvuetsja? [Anglicisms in Modern Russian: What and Why is Borrowed?] // Retrieved 24 March, 2017 from <http://cyberleninka.ru/search#q=%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%BB%D0%B8%D1%86%D0%B8%D0%B7%D0%BC%D1%8B&page=1>.
2. Papadopulu, Uranija. (2014). Diplomnaja rabota na temu: "Vlijanie anglijskogo na novogrecheskij: analiz nedavno voshedshih v jazyk anglicizmov". Patry, 2014. S. 20, 21, 30. Retrieved 24 March, 2017 from: <http://nemertes.lis.upatras.gr/jspui/bitstream/10889/8228/1>.
3. Zheljazkova, D. P. (2015). Polozhitel'naja tendencija amerikanizacii jazyka [Positive Tendency of Language Americanization]. Sbornik materialov Vtoroj nauchno-prakticheskoj konferencii "Magija INNO: novoe v issledovanii jazyka i metodike ego prepodavanija". Tom 1. Retrieved 25 March, 2017 from http://inno-conf.mgimo.ru/i/Tom-1_inno-magic-2015.pdf.

Концепт “нация” в англоязычной и русскоязычной культурах (на материале личностно-ориентированного дискурса)

М. А. Тульнова

Волгоградский государственный социально-педагогический
университет

Аннотация

Проанализированы концепты “нация” и “nation” в русскоязычном и англоязычном личностно-ориентированном виде дискурса. Выделены сходства и различия в функционировании концепта в русскоязычной и англоязычных культурах. Выявлено, что понятийные составляющие концептов “нация” и “nation” в целом совпадают, различия проявляются в актуализации некоторых признаков. В результате анализа образной составляющей русскоязычного концепта “нация” и англоязычного концепта “nation” было выявлено, что наряду с совпадающими образами, имеются культурно-специфические образные признаки: биоморфный образ, образ семьи и образ дома. Сопоставление ценностной составляющей концептов в английской и русской лингвокультуре показало, что “нация” и “nation” являются амбивалентными, вместе с тем, например, отрицательная оценка, даваемая самими носителями культуры, более характерна для русскоязычного концепта.

Ключевые слова: глобализация, дискурс, концепт, нация.

Актуальность темы обусловлена повышением интереса к феномену нации в контексте сопротивления процессам глобализации, что в коллективном сознании отражается в функционировании лингвокультурных концептов. Культурный концепт понимается как основная единица лингвокультурологии и представляет собой многомерное смысловое образование, в котором выделяются ценностная, образная и понятийная стороны [1]. В качестве объекта настоящего исследования выступили концепты “нация” и “nation” в русскоязычном и англоязычном личностно-ориентированном виде дискурса. Так как в личностно-ориентированном общении участники проявляют себя во всем разнообразии личностных качеств, в отличие от институционального общения, где коммуниканты выступают как представители группы, анализ личностного дискурса позволяет определить элементы наивной картины мира представителей определенной лингвокультуры [1, с. 286]. Исследование проводилось на материале фрагментов русскоязычных и англоязычных текстов, содержащих ссылку на концепт “нация” и “nation” в текстах интернет-форумов и чатов социальных сетей, материалов видеохостинга YouTube и опросов респондентов.

Проведенный анализ функционирования концепта позволил выделить сходства и различия функционирования концептов в русскоязычной и англоязычных культурах. Этимологически слова “nation” и “нация” имеют общее происхождение: *nation* восходит к 1250–1300 годам, к среднеанглийской лексеме “*nazion*”, которая, в свою очередь, была заимствована из латинского “*natio*”, восходящего к корню “*nat*” — род, рождение. В русский язык лексема “нация” вошла в период Петра I [3].

Кроме лексем “нация” и “*nation*” выявлены следующие способы вхождения в концепт: этнонимы, местоимения *мы, we*, лексемы *народ, people, страна, country, Русь, America*, этнонимы (*русские, Indians, Americans*). В целом, в наивной картине мира, вырисовывающейся на материале персонального дискурса, нет единого понимания соотношенности понятий *страна — народ — национальность — этническая группа, country — people — state — ethnicity* ни в русскоязычном, ни в англоязычном дискурсе. В англоязычном дискурсе наиболее частым номинантом концепта является лексема *nation*. В англоязычном дискурсе преобладает восприятие нации как государства, страны: *the countries or other nations*, и отражается, в том числе, в частотном употреблении сочетаний *foreign nation, nation states*. Материал показывает, что в русскоязычном дискурсе более частотным вариантом вхождения в концепт является лексема “народ”, чем лексема “нация”, что в определенной степени объясняется тем, что слово “народ” является исконно русским и происходит от праславянского *народъ “рождение”, образованного на базе глаг. *народити [2, с. 582]. Лексема “нация” в русскоязычной культуре в большей степени реализует признак политического явления (*Нация — принадлежность к государству... Нация сугубо политический феномен*) и зачастую противопоставляется лексеме “народ”.

Согласно материалу, в обеих лингвокультурах нация понимается как совокупность людей, объединенных общими признаками: общей территорией, языком, культурой, религией. Для англоязычной и русскоязычной лингвокультур важным является признак единства, сплоченности, который актуализируется эквивалентными лексическими единицами. Специфичным является то, что в русскоязычном дискурсе признак объединения реализуется в сочетаниях с лексемой *мир* (например, *русский мир*), в то время, как в англоязычном интернет-дискурсе признак объединения в группу реализуется в названиях групп в социальных сетях: *A-nation, Z-nation*, при этом подобные примеры на русском языке не выявлены.

Для обеих лингвокультур является важным признак полиэтничности, многонациональности, который, однако, актуализируется по-разному: в русскоязычном контексте более частотно используются этнонимы, в то время как англоязычный контекст обращается к понятию эмиграции: *Самоидентификация русских — по принадлежности к русской нации*.

Встречаются и русские евреи, и русские немцы и даже русские негры; We are a nation of immigrants and we should cherish the talent and energy that come with that heritage.

Признак свободы и независимости проявляется в обоих видах дискурса, однако он более частотен в англоязычном дискурсе, реализуясь через лексемы.

В результате анализа образной составляющей русскоязычного концепта “нация” и англоязычного концепта “nation” было выявлено, что в обеих лингвокультурах доминирует антропоморфный образ. Нация обладает физиологическими и психическими характеристиками, свойственными человеку. Нация рождается, формируется, подвержена заболеваниям, живет и умирает: *Русская нация больна; Our nation began dying the moment it was born just like the rest of us.* Нация обладает сознанием, интеллектом, способностью к общению, владеет речью, имеет определенные черты характера, в частности, в русскоязычном дискурсе в качестве одной из культурно-специфических черт характера нации отмечается терпение: *“Это актуально для России, где с экранов ТВ летят “деды терпели, отцы терпели, и мы терпеть должны”.* Формируется *нация терпил”.*

Нация и nation поступают в соответствии с нормами или нарушают их (*Ваша нация хулиганит, ох как хулиганит! ... he is the number one citizen and the leader of a criminal-minded nation*). В этой связи интересно, что для русскоязычного дискурса характерно сочетание “совесть нации”, аналога которому в англоязычном дискурсе не выявлено. Нация, подобно человеку, испытывает эмоции и чувства, при этом сочетание *nation is shocked* выражает частотную эмоцию в англоязычном дискурсе, в то время как в русскоязычном более часто отмечается страдание (*ни одна нация не испытала столько горя!*).

В обеих лингвокультурах важным является статусный признак нации, который отражается, например, в уровне материального благосостояния; отмечают нации-лидеры и нации, имеющие более низкий статус. Со статусом также связан признак “состязания”, “игры”, более характерный для англоязычного дискурса (*Although certain other nations claim that America is not the major player in attributing to the global economy*). Нация может иметь врагов, над которыми одерживает победу (*Our nation should defeat every enemy, double our wealth and conquer the stars; мы не нация победителей, а нация миролюбивых пацифистов*) или терпит поражение. Выявлено, что для русского языкового сознания более важна сила как положительная характеристика нации, чем для англоязычного.

Частотен образ материального объекта, сформированного действиями человека: *Советский Союз выковал одну нацию, хомо советикус былдоватус...; What's the state of our nation? ... We can needle & thread it.* И в русскоязычном и англоязычном дискурсе образ нации часто выступает

как объект разрушительного воздействия, жертва: *We cannot allow our great nation to be hijacked by right-wing billionaires like the Koch brothers; Русскую нацию, русский мир, уничтожат, слой за слоем отрезая и разделяя.* В связи с этим в дискурсе обоих языков отмечается, что нация в обеих лингвокультурах нуждается в защите и спасении.

Специфичным является то, что для русскоязычного дискурса значим образ семьи: *Мы все постсоветские относимся к этой нации в разной ее степени, так что да, мы братья;* и связанный с ним образ дома: *Ведь, согласишься, трудно дружить с тем, кто выгнал тебя из дома.*

Знаменательно, что в русской лингвокультуре проявляется биоморфный образ, который более узко реализуется через сравнение с животным или растительным миром. В рамках этого образа в русскоязычном дискурсе используются метафоры *корни нации, цвет нации.*

Так как ценность концепта определяется его номинативной плотностью и частотностью обращения к нему, из материала становится ясно, что концепт *nation* является более значимым для англоязычного дискурса, чем концепт *нация* для русскоязычного. Ценностная составляющая концепта реализуется также через оценочную лексику. Положительная оценка наиболее частотно передается атрибутивными сочетаниями *great nation, сильная нация*, а также может быть выражена лексическими единицами высокого стиля, актуализирующими концепт: *Русь, держава, power.* В англоязычном дискурсе выявлены примеры прямого выражения любви к нации: *our beloved nation; I will ALWAYS love this NATION*, что оказывается нехарактерным для русскоязычного контекста.

Отрицательное отношение часто выражается через инвективную лексику: *rogue nation; невежественная и деградирующая нация.* Оценка может даваться не напрямую, а косвенно, с помощью иронии, через образ или языковую игру: *Нет плохих наций, просто в некоторых нациях количество упырей преобладает; From Am Obama Nation To An Abomination.*

В русскоязычном дискурсе выявлены примеры отрицания существования нации: *Есть только одна нация — человек; во имя нации, то есть во имя фантома-пустышки.* В англоязычном дискурсе таких примеров не выявлено.

В целом, сопоставление ценностной составляющей концептов в английской и русской лингвокультуре показало, что “нация” и “nation” являются амбивалентными, вместе с тем, отрицательная оценка, даваемая самими носителями культуры, более характерна для русскоязычного концепта.

Таким образом, проведенное исследование концептов *нация* и *nation* показало, что при совпадении понятийных составляющих концептов “нация” и “nation”, анализ ценностной и образной составляющих концептов свидетельствует о лингвокультурной специфике и различии в их значимости для двух лингвокультур.

Список литературы:

1. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 330 с.
2. Этимологический словарь современного русского языка / Сост. А. К. Шапошников. М.: Флинта: Наука, 2010. 584 с.
3. Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary (1996). Random House Value Publishing.

Примечание:

Статья написана с использованием результатов исследований, выполненных студенткой Института иностранных языков ВГСПУ Т. А. Храмовой, 2016 г.

Сведения об авторе:

Тульнова Маргарита Афанасьевна, к. ф. н., доцент, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград, Россия; e-mail: tumargarita@yandex.ru

THE CONCEPT OF “NATION” IN ENGLISH AND RUSSIAN CULTURES IN PERSON-ORIENTED DISCOURSE

Margarita A. Tulnova

Candidate of Philology, Associate Professor, Volgograd State Social-Pedagogical University, Volgograd, Russia; e-mail: tumargarita@yandex.ru

Abstract

The paper focuses on the commonalities and differences in the concept of nation in the English and Russian cultures in person-oriented type of discourse. It has been found that in the Russian-language discourse the nomination *people* is more frequent, and is opposed to the lexeme *nation* which is more politically coloured. Some other different markers are found. The analysis reveals a range of differences in the imagery components of the concepts. The comparison of the value constituents of the concepts in the English and Russian discourses has shown their ambivalent nature, however, the Russian concept is more often evaluated negatively by the culture-bearers than the English concept.

Key words: globalization, discourse, concept, nation.

References:

1. Karasik, V. I. (2002). *Yazykovoј krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Volgograd: Peremena.
2. Shaposhnikov, A. K. (2010). *Etimologicheskij slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Russian Etymological Dictionary]. M.: Flinta, Nauka.
3. Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary (1996). Random House Value Publishing.

Роль культурного контекста в преподавании иностранного языка студентам экономических специальностей

(на примере анализа англоязычных текстов о бизнесе и изучения кейсов)

Л.А. Туринова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Аннотация

Современная культура преподавания иностранных языков тесно связана с проблемами культурологического характера данной языковой среды. Актуальность доклада заключается в предложенном автором инновационном подходе к преподаванию английского языка для неязыковых специальностей через призму взаимодействия деловых культур и необходимости применения кросс-культурного анализа как единственно возможного для правильного понимания англоязычных текстов о бизнесе. Цель исследования — доказать, что в основе анализа бизнес-кейсов лежит приобретение новых культурологических знаний, без которых невозможно верно интерпретировать ситуацию и принять оптимальное решение. Рассматриваемые модели анализа комплексно описывают перспективы развития бизнеса в условиях возрастающей интеграции и конфронтации. Новизной в подходе анализа бизнес-кейсов является понимание места кейса во всем бизнес-пространстве. Применение кросс-культурного анализа к изучению культуры ведения бизнеса позволяет рассматривать вопросы о влиянии конвергентных и дивергентных процессов в сфере взаимодействия деловых культур.

Ключевые слова: преподавание английского языка; культурный контекст; экономическая терминология; англоязычные тексты о бизнесе; кросс-культурный анализ; изучение кейсов.

Для того чтобы определиться в оценке соотношения контекста и кросс-культурного анализа в преподавании английского языка экономистам в рамках нашего исследования, необходимо дать характеристику таким понятиям как “культура”, “контекст”, “культурный контекст”.

В настоящее время в научной литературе не существует универсального определения культуры и ее единой интерпретации: некоторые ученые насчитывают более пятисот дефиниций [4, с. 10]. Распространенный в лингвистической литературе термин “контекст” означает “законченный отрывок письменной или устной речи (текста), общий смысл которого позволяет уточнить значение входящих в него отдельных слов, предложений, и т. п.” [5, с. 238–239]. Именно благодаря понятию «ситуация» возможен переход от лингвистического контексту к культурному посредством контекстуальности (то есть, условия осмысленного употре-

бления той или иной конкретной языковой единицы в речи, с учётом её языкового окружения и ситуации речевого общения [3, с. 3]).

Цель данного исследования — доказать, что учет культурного контекста является необходимой составляющей в преподавании английского языка, так как это формирует личность с определенной системой ценностей.

С точки зрения ретроспективного анализа, на рубеже 70–80-х годов XX века происходит поворот к цивилизации нового качества — постиндустриальному обществу, постэкономической организации, обусловившей появление соответствующей ей организационной культуры, которая, в свою очередь, влияет на все культурное пространство. Так, Д. Белл характеризует “университет или какую-либо другую форму институционализации знания” как “центральный институт в последующие сотни лет благодаря своей роли источника инноваций и знания” [2, с. 154].

Утверждение человека в качестве ведущего фактора формирует новую парадигму бизнеса, ориентированную на общественность, и воплощение ее интересов в стратегической и повседневной жизни организации.

Ведущая роль науки и знания (knowledge economy) обуславливает определяющую роль в социальной структуре: «власть лучших» — иерархия ученых, управляющих, инженеров, государственных служащих — определяется знанием, квалификацией.

Выдающийся ученый современного менеджмента Питер Друкер считал управленческую элиту основой бизнеса, которая должна играть ведущую роль в развитии не только бизнеса, но и всего общества в целом [7].

Именно поэтому передача новых знаний — формирование новой личности (воспитание индивидуальных и личностных особенностей, формирование системы ценностей) — является центральной инновацией в преподавании иностранного языка. Образование имеет долгосрочную перспективу. Преобладание профессиональных знаний соответствует комплексу жизненно-социальных потребностей. В инновационном процессе также большая роль принадлежит интеграции отечественного образования в международное бизнес-пространство.

Комплексное знание, основанное на многоуровневом анализе, является ключевым компонентом образовательного процесса. Активное восприятие знания, оценка этого знания, формирование новых бизнес-концептов необходимо для выявления скрытых смыслов слов и понятий в определенном культурном бизнес-контексте. По мнению М. М. Бахтина, “текст — первичная данность. Текст является той непосредственной действительностью, действительностью мысли и переживания. Где нет текста, там нет и объекта для исследования и мышления” [1, с. 163].

Нельзя ни один текст рассматривать в отрыве от культуры, времени и места его написания. Для этого для экономистов необходимо понимание всего концепта, погруженного в культуру, в целом, а не отдельного слова как лексической и грамматической единицы. Нельзя преподавать

английский язык студентам экономических специальностей обезличено, пользуясь только словарем.

В ходе исследования мы использовали метод сопоставительного анализа на материале художественного текста — а именно, романов о бизнесе Д. Гришэма “Фирма” и Иэна Бэнкса “Бизнес”. Оба романа являются значимыми для нашего анализа, так как рассматривают сущность и особенности организационной культуры, а также проблему формирования новой культуры и конфликт ее со старой, уже отжившей. В романах о бизнесе также делается попытка определить некоторые перспективы и проблемы дальнейшего осмысления и развития “организационной культуры” и “международного менеджмента” как основополагающих категорий бизнес-среды.

Как и в любом романе эпохи постмодернизма Гришэм “играет со смыслом”, показывая героев в своем развитии: деградации — эволюции, добиваясь позитивного или негативного кумулятивного (накопительного) эффекта. Проследим деградацию — эволюцию главного литературного героя и выявим влияние организационной культуры фирмы на этот процесс.

Итак, мы видим не статичное описание героев первого плана, а динамичное развитие его личности. И если первая глава представляет нам героя с устоявшейся системой ценностей, то далее мы видим постепенное влияние фирмы, ее культуры и деловой среды на характер, линию поведения и судьбы героя. Мы можем проследить схему *лидер* → *наблюдатель* → *машина* → *живая легенда*, готовая умереть за клиента → деградирующая личность, которую не смущают ни декларируемые высказывания фирмы, ни разрушающиеся отношения в семье. Гришэм, используя прием персонификации (олицетворения), охотно показывает, как фирма, вплетаясь в судьбу главного героя, влияет на распад его личности, подменяя всю ценностную шкалу одним мериллом — “деньги” (*hungry, hungry for money*).

Используем тот же прием сопоставительного анализа для рассмотрения проблемы влияния организационной культуры глобального концерна “Бизнес” на эволюцию литературного героя. Катрин Тэлман представлена как состоявшаяся личность со сформировавшейся системой взглядов и ценностных ориентаций, причем именно “Бизнес” сыграл немалую роль в этом личностном становлении. И если Митчелл Макдир только пытается стать легендой в фирме (*a living legend*), то Катрин уже “сделалась легендарной личностью” (*verging on legendary*). И если в романе “Фирма” Митчелл проходит несколько стадий эволюции-деградации до становления “машиной” (“винтиком” юридического бизнес-процесса), то читатель уже с первой главы видит главную героиню как неотъемлемое целое “Бизнеса”, полностью принимающую и разделяющую его организационную культуру.

Говоря о принадлежности главной героини к “Бизнесу”, автор помещает ее в определенный фрейм: “the Business” (организация) → “Business woman” (принадлежность ее к “Бизнес”-организации и ведущую опреде-

ленный образ жизни) → *business-inspired wariness* (как черта характера, выработанная благодаря существованию к бизнес-среде и сформированная “Бизнесом”) → *to do the business* (сделка, предлагаемая “Бизнесом” как кульминация всего романа). Таким образом, автор обыгрывает лексическое значение слова *business*, расширяя его семантическое значение, проводя культурологическую связь от описания организации, ее организационной культуры до становления философской концепции международного менеджмента “сделки с совестью”.

В реальной жизни именно бизнес доказывает необходимость применения кросс-культурного сопоставления.

Согласно теории, метод кейсов (*case-study*) представляет собой анализ конкретных бизнес-ситуаций и является техникой обучения, применяющей описание реальных экономических, социальных и бизнес-ситуаций [8]. Следовательно, кейсы основываются на реальном фактическом материале или же приближены к реальной ситуации.

Новые подходы к анализу бизнес-кейсов, включающие кросс-культурное сопоставление, активно применяются уже на протяжении ряда лет в школе бакалавров МГУ в курсе изучения английского языка. “В систему десяти приоритетных направлений, сформулированных программой развития МГУ, входит и система подготовки кадров нового поколения, а также развитие духовно-нравственных ценностей, языка, сознания и культуры как основы консолидации российского общества” [6]. Именно поэтому правильное понимание и интерпретация конкретной бизнес-ситуации должны базироваться на осознании места каждого кейса в общем культурном контексте, что является новизной в подходе анализа бизнес-кейсов. То есть, бизнес-кейс показывает не только анализ конкретной коммерческой организации, но и ее выход в проблему культурной интеграции, в том числе в понимание глубинной роли конвергентных и дивергентных процессов.

Список литературы:

1. Бахтин М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа. // Эстетика словесного творчества // Сост. С. Г. Бочаров; Текст подгот. Г. С. Бернштейн и Л. В. Дерюгина; Примеч. С. С. Аверинцева и С. Г. Бочарова. М.: Искусство, 1979. 163 с.
2. Белл Д. Постиндустриальное общество. М, 1999. 154 с.
3. Касавин И. Т. Контекстуализм как методологическая программа // Эпистемология & философия науки, №4, 2005. С. 3.
4. Кертман Л. Е. К методологии изучения культуры и критике её идеалистических концепций // Новая и новейшая история. №3. 1973. 10 с.
5. Торсуева, И. Г. Контекст // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: СЭ, 1990. С. 238–239.
6. Московский университет // №32 (4463), декабрь 2013.
7. Druker P.F. *Managing in the Next Society*. Butterworth-Heinemann, Oxford, 2002.

8. McNair M. P. *The Case Method at the Harvard Business School: Papers by Present and Past Members of the Faculty and Staff*, New York: McGraw-Hill, 1954.

Сведения об авторе:

Туринова Людмила Александровна, к. к. н., доцент, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия; e-mail: success908@gmail.com

THE ROLE OF CULTURAL CONTEXT IN FOREIGN LANGUAGE TEACHING TO STUDENTS OF ECONOMICS (ILLUSTRATED BY ENGLISH BUSINESS TEXT AND CASE-STUDY ANALYSES)

Ludmila A. Turinova

Candidate of Culture Studies, Associate Professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; e-mail: success908@gmail.com

Abstract

The modern foreign language teaching culture is intricately linked with cultural pitfalls of the environment of the analyzed language. The relevance of the paper is that the author suggests an innovative approach to English-language teaching to non-linguists as seen through cross-cultural analysis being an essential tool to interpreting English business texts. The paper focuses on the major categories of the business culture on the basis of global and national sets of values. The aim of the research is to prove that culture studies are fundamental for case-study analysis in regard of the right interpretation and decision-making. Models of analysis can forecast the prospects of business within the growing integration or confrontation. Cross-culture studies are applied to divergence and convergence processes within business interaction. As a result, understanding a business-case as part of the cultural business environment is unprecedented in the case-study approach.

Key words: English language teaching; cultural context; terminology of economics; English business texts; cross-cultural analysis; case-study.

References:

1. Bakhtin, M. M. (1979). *Problema teksta v lingvistike, filologii i drugih gu-manitarnykh naukah. Opyt filosofskogo analiza* [The problem of text in linguistics, philology and other liberal arts]. *Jestetika slovesnogo tvorchestva* [Creative writing esthetics]. Sost. S. G. Bocharov; Tekst podgot. G. S. Bernshtejn i L. V. Derjugina; Primech. S. S. Averinceva i S. G. Bocharova. M.: Iskusstvo, P.163
2. Bell, D. (1999). *Postindustrialnoe obshchestvo* [Postindustrial society]. M.
3. Kasavin, I. T. (2005). *Kontekstualizm kak metodologicheskaja programma* [Contextualism as a methodological programme]. *Jepistemologija & filosofija nauki* [Epistemology and philosophy of science], №4, P.3

4. Kertman, L. E. (1973). *K metodologii izuchenija kulture i kritike ejo idealisticheskijh koncepcij* [On culture studies of methodology and its idealistic concept critique] // *Novaja i novejsaja istorija* [Modern and contemporary history] №3., P. 10.
5. Torsueva, I. G. (1990). Kontekst [Context]. [*Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar: Linguistic encyclopedia*]. M.: SJe. P. 238–239.
6. *Moskovskij universitet* [Moscow University] (2013). №32 (4463), December.
7. Druker, P. F. (2002). *Managing in the Next Society*. Butterworth-Heinemann, Oxford.
8. McNair, M. P. (1954). *The Case Method at the Harvard Business School: Papers by Present and Past Members of the Faculty and Staff*, New York: McGraw-Hill.

Формирование лингво-профессиональных умений будущих юристов на основе применения казуса, проблемной педагогической технологии

Н. П. Хомякова

МГИМО МИД России

Аннотация

В настоящей статье рассматривается сущность и методика работы с казусом / юридической задачей, введенной в курс иностранного языка специальности.

Автором отмечается, что данная форма учебной деятельности широко используется при подготовке юристов как в европейских образовательных системах (Cas pratique — Франция, Case study — англо-саксонские страны), так и в национальной.

Используемый в качестве проблемной педагогической технологии на уроках по иностранному языку специальности, казус способствует созданию лингво-профессиональной обучающей среды, обуславливающей становление не только лингво-профессиональных умений, но и собственно профессиональных качеств выпускника вуза.

В статье отражена также разработанная автором методика использования казуса в курсе иностранного языка специальности. Она основана на достижениях отечественной психолого-педагогической науки и на зарубежном опыте.

Ключевые слова: казус / юридическая задача, педагогическая технология, лингво-профессиональные умения, профессиональные качества.

Активно развивающаяся концепция профессионально ориентированного обучения иностранному языку в вузах нефилологических специальностей предполагает — при всей вариативности выдвигаемых позиций — формирование способности к продуктивному решению производствен-

ных задач в ситуациях межкультурной коммуникации. Эта способность может быть сформирована при условии включения в курс языка специальности технологий, воссоздающих предметный, социокультурный и психологический контексты будущего труда определенной категории обучающихся, обуславливающих выполнение ими соответствующей интеллектуальной профессиональной деятельности [1].

В современной психолого-педагогической науке профессиональные качества специалиста связываются, прежде всего, с качествами его профессионального мышления и профессионального сознания. Их становление рассматривается учеными как одна из приоритетных целей вузовского образования.

Следует отметить, что ученые, исследовавшие качества профессионального мышления представителей различных видов труда, акцентируют внимание на необходимости дифференцированного подхода к интеллектуальной деятельности работников с точки зрения их отличительных характеристик.

Говоря о рассматриваемой категории профессионалов — юристах различной специализации — выделяются следующие главные характеристики их профессионального мышления: нормативность, системность, аналитичность, дедуктивность, терминологичность.

Обобщенно, оно квалифицируется учеными как формально-логическое. При этом, поскольку система интеллекта и система языка являются взаимодействующими, структурное содержание речи юриста включает соответствующие логико-коммуникативные процедуры: *доказательственное рассуждение, аргументирование, толкование, комментирование*, — носящие преимущественно дедуктивный характер и основывающиеся на принципе силлогизма [2].

В этой связи, для данного контингента студентов одной из ведущих технологий университетской подготовки выступает **казус, юридическая задача**, называемая также **практической ситуацией**, а в зарубежных системах образования — *Cas pratique* (Франция), *Case study* (англо-саксонские страны).

Это объясняется тем обстоятельством, что данная технология моделирует реально существующие виды профессиональной деятельности юристов:

- вынесение мотивированного решения по делу в процессе судебного и арбитражного разбирательства;
- оказание адвокатской помощи / консультационных услуг в период, предшествующий открытию судебного процесса; защита прав и интересов своего доверителя в момент его проведения;
- осуществление судебно-психологической экспертизы по делам, возникшим вследствие деликтов, гражданских тяжб, связанных с возмещением ущерба, вытекающим из обязательственных правоотношений.

Введенная в курс иностранного языка специальности юридическая задача, олицетворяющая в лингвистическом плане сочетание судебного и аргументативного дискурсов, способствует созданию **лингво-профессиональной обучающей среды**, обеспечивающей становление **лингво-профессиональных умений**, а также собственно профессиональных качеств выпускников вузов.

Как педагогическую технологию её характеризует:

- двуплановость, которая состоит в том, что применение данной технологии формирует одновременно иноязычные и профессиональные умения;
- проблемность, сопряженную с напряженным поиском и нахождением нужной информации, доказательств, позволяющих вынести решение по заданной проблеме;
- высокая активизация умственной деятельности, обеспечивающая актуализацию иноязычных знаний и умений, ранее полученных правовых знаний, последующую вербализацию найденного решения [3].

Особо подчеркнем, что решение юридической задачи, как и выполнение любого проблемного задания, состоит из нескольких взаимосвязанных этапов. Солидаризируясь с известным французским ученым, Жаном-Луи Муралисом (Jean-Louis Mouralis [4]), мы выделяем следующие этапы решения юридической задачи, представленные в таблице № 1.

Важным для эффективности использования в учебном процессе какого-либо проблемного задания является также разработка классификации его подвидов.

Нами предложена классификация подвидов юридической задачи на основе степени их проблемности, то есть логико-психологического критерия.

Она состоит из двух подвидов.

Первый из них представлен **проблемно-логическими задачами**. Содержание таких задач основано на феномене интерполяции и экстраполяции. Это означает, что решение проблемно-логической задачи обусловлено, с одной стороны, фактами, заданными самой ситуацией, а с другой стороны, необходимостью обращения вовне, то есть поиском, открытием и присвоением новых фактов, знаний и способов действия.

Проблемно-логические задачи сопряжены со значительными временными затратами для подготовки их решения. Они лежат в основе деловых игр, ситуаций моделирования.

Второй подвид предложенной нами классификации представлен **проблемно-аналоговыми задачами**. Они основаны на применении аналогового, то есть известного способа решения, — в условиях новых обстоятельств, новых фактов, иных фигурантов дела, иными словами, в новой практической ситуации, по-иному сочетающей известное и неизвестное. Таким образом, этот подвид рассматриваемой технологии создает проблемную ситуацию интерполяции, в которой связь между данными проблемы и ее целью осуществляется внутри самой проблемы. “Неизвестное”

Таблица 1.

Учебные действия обучающихся и этапы решения юридической задачи

А. Анализ фактов дела и нахождение решения (Analyse-solution)	
a. Faits /факты дела <ul style="list-style-type: none"> • nature du contrat/ характер договора • parties au litige/стороны в споре b. Identification du problème juridique/выявление юридической проблемы	Savoir chercher/ уметь отыскивать ключевые элементы дела
c. Fondement juridique/юридическое обоснование <ul style="list-style-type: none"> • base législative/законодательная база • jurisprudence/судебные решения • doctrine/позиция доктрины d. Règle applicable — solution/применимая норма права — решение	Savoir trouver/ уметь находить решение и его юридически обосновывать
В. Полный словесный ответ (Réponse — synthèse)	
a. Savoir exposer des faits en ordre chronologique / изложение фактов дела в хронологическом порядке	Savoir présenter / уметь представить словесно найденное решение
b. Savoir identifier le problème juridique en concepts techniques/формулирование выявленной юридической проблемы в соответствующих понятиях (вербально) c. Développement d'une argumentation en termes juridiques appropriés — application de la règle de droit à l'espèce/выстраивание аргументированного рассуждения в надлежащих терминах — применение найденной нормы права к заданной практической ситуации d. Présentation de la conclusion en formules d'usage / презентация окончательно сформулированного ответа в надлежащих узуальных выражениях	Savoir développer un raisonnement déductif — syllogisme / уметь выстроить вербально дедуктивное рассуждение в форме силлогизма

в ней раскрывается и явствует из самой ситуации. Им является *способ решения проблемы* [3].

Соответственно, работа над проблемно-аналоговыми задачами должна проводиться в тесной связке с предшествующим решением проблемно-логической задачи или анализом знакового судебного постановления

(Commentaire d'un arrêt). Именно эти последние виды учебной деятельности обеспечивают овладение обучающимися новыми нормативными знаниями, правилами, способами рассуждения и подготавливают последующее успешное выполнение умозаключений по аналогии.

Такие умозаключения, предполагающие установление сходства и различия существенных признаков применительно к обстоятельствам, фактам, предметам, установление ассоциаций, осуществление переноса — связываются учеными с проявлением практического и творческого мышления будущего юриста.

В силу своей специфики, проблемно-аналоговая задача используется в учебном процессе не только как технология, формирующая лингво-профессиональные умения, но также как **форма промежуточного и итогового контроля их сформированности**.

Ниже, в таблице №2 представлены параметры и критерии контроля в случае применения проблемно-аналоговой задачи как контрольно-оценочного инструмента.

Таблица 2.

Казус как форма контрольно-оценочного инструмента

Параметры контроля	Критерии контроля
комплексное рецептивное умение выявлять в тексте задачи / казуса важнейшие смысловые сегменты, касающиеся: фактов дела; правовых проблем, лежащих в его основе; статуса сторон в споре	правильное воспроизведение в устном ответе важнейших смысловых сегментов, касающихся: фактологических данных; правовых проблем, лежащих в основе анализируемой задачи; сторон в споре
комплексное рецептивное умение находить доказательственную базу, включающую: нормативные акты; судебные постановления; позицию доктрины, — применимые к выявленным проблемам	правильное указание в устном ответе на применимую доказательственную базу, представленную: нормативными актами; судебными постановлениями; позицией доктрины
комплексное продуктивное умение выстраивать аргументированное рассуждение дедуктивного характера, прибегая к надлежащим понятиям, нормативной лексике, узуальным выражениям, — формулируя решение юридической задачи / казуса	точное использование нормативной лексики, узуальных выражений, характеризующих данный жанр судебного дискурса; логическое построение умозаключения, олицетворяющего решение юридической задачи / казуса

В заключение укажем, что нами был создан применительно к программам дисциплин “Гражданское право Франции” и “Регулирование внешнеэкономических связей” корпус казусов / юридических задач обоих подвидов. Одни из них были заимствованы из соответствующих сборников, изданных во Франции [4], другие — созданы в содружестве с французскими юристами на основе аутентичных правовых материалов. Поэтому каждая из них служит созданию уникального лингво-профессионального пространства, которое приобщает обучающихся к ценностям правовой иноязычной культуры.

Вместе с тем, практика такой технологии, направленная на достижение коммуникативно-значимого результата в ситуации диалога конкретных культур обеспечивает развитие профессиональных и личностных качеств будущего специалиста, становление его целостной социально-профессиональной компетентности.

Список литературы:

1. Вербицкий А. А., Хомякова Н. П. Новое направление лингводидактики. Контекстное обучение иностранному языку специальности / А. А. Вербицкий, Н. П. Хомякова. Academic Publishing, Германия, 2015. 683 с.
2. Малахов В. П. Логика для юристов / В. П. Малахов. М.: Академический проект, 2002. 387 с.
3. Хомякова Н. П. Контекстная модель формирования иноязычной коммуникативной компетенции студентов неязыкового вуза (фр. язык) / Н. П. Хомякова, дисс. ... д-ра пед. наук. М., 2011. 480 с.
4. Mouralis J.-L. Le Cas pratique en droit civil / J.-L. Mouralis. P., 2012. 115 p.

Сведения об авторе:

Хомякова Наталия Петровна, д. п. н., профессор, МГИМО МИД России, Москва, Россия; e-mail: khomiakova4320@gmail.com

FORMING OF LAW STUDENTS' PROFESSIONAL LANGUAGE COMPETENCE ON THE BASIS OF A LEGAL CASE, PROBLEMATIC PEDAGOGICAL TECHNOLOGY

Natalia P. Khomiakova

Doctor of Pedagogy, Professor, MGIMO University, Moscow, Russia; e-mail: khomiakova4320@gmail.com

Abstract

This article examines the nature and methodology of work with legal case introduced into the professional language course.

The author mentions that this form of academic studies is widely used by foreign educational systems where it is named “cas pratique” (France), “case study” (Anglo-Saxon countries) as well as by the national one where it is named “legal case”.

The legal case used in foreign language course, contributes to professional language learning atmosphere, conducive to forming linguistic professional skills as well as graduates' professional competence.

This article also concerns the methodology of case-study in the professional language course developed by MGIMO University professors. It is based on the achievements of national psychological and pedagogical sciences and foreign experience.

Key words: legal case, pedagogical technology, linguistic professional skills, professional qualities.

References:

1. Verbickij, A. A., and Khomyakova, N. P. (2015). *Novoe napravlenie lingvodidaktiki. Kontekstnoe obuchenie inostrannomu yazyku special'nosti* [New Trend in Linguo-didactics. LSP context teaching.] Academic Publishing, Germaniya.
2. Malakhov, V. P. (2002). *Logika dlja juristov* [Logic for lawyers.] M.: Akademitchekiy projekt.
3. Khomiakova, N. P. (2011). *Kontekstnaja model formirovaniya inozazychnoj komunikativnoj kompetencii studentov nejazykovogo vuza (fr. jazyk)* [Contextual model of forming of non-linguistics students intercultural communicative professional competence]. M.
4. Mouralis, J.-L. (2012). *Le Cas pratique en droit civil*. P.

Фонетические эффекты социальной адаптации, основанные на анализе корпусов дискурса: рекомендации для преподавания иностранного языка

Т. И. Шевченко

Московский государственный лингвистический университет

Аннотация

Корпусный анализ дискурса предоставил новые подтверждения теории аккомодации, которые объясняют конвергенцию в межличностном, междиалектном и межкультурном общении. Экспериментальные исследования показали результаты лексической, синтаксической и особенно хорошо разработанной фонетической адаптации, вызванной к жизни потребностью в достижении общей цели посредством вербальной коммуникации. Сигналы односторонней либо взаимной конвергенции были отмечены как глобальные, локальные или долговременные эффекты социальной адаптации в общении на одном языке, в контактирующих языках или диалектах. Результаты научного анализа дают возможность составить рекомендации для преподавания иностранного языка.

Ключевые слова: дискурс, фонетическая адаптация, конвергенция, согласованность, преподавание иностранного языка.

Идентичность и конвергенция

Лингвистическую, образовательную или прикладную ценность корпусов звучащей речи можно обнаружить различными методами в зависимости от целей исследования. Так, например, для выявления идентичности свыше ста жителей США были отобраны образцы речи с определенными социодемографическими данными относительно их возраста, образования и места жительства на материале американского корпуса Switchboard [4; 7]. Этот корпус представляет собой записи спонтанных телефонных разговоров, при этом правилом подбора собеседников было то, что никто не говорил с тем же человеком дважды и не говорил дважды на одну и ту же тему. Американские исследователи использовали это обстоятельство для изучения согласованности (entrainment) между собеседниками в спонтанной беседе. Прикладной характер этого анализа проявился, когда в той же работе был использован еще один корпус — The Columbia Games Corpus, в котором 12 спонтанных диалогов между игроками в компьютерной игре были нацелены на совместный выигрыш, требующий согласованности двух участников, которые при вербальном общении не могли видеть друг друга [2; 6]. Таким образом, если поиски идентичности выявили индексные особенности возрастных, гендерных и территориальных групп, то поиски согласованности обнаружили, в какой степени и на каком этапе разговора собеседники стали похожи друг на друга. В конечном итоге в прикладной лингвистике такие работы дают материал для улучшения диалоговых систем типа “человек — компьютер”.

Ситуативная фонетическая адаптация нашей речи может быть умеренной и сознательной, но может происходить инстинктивно и бесконтрольно. Мы настраиваемся на темп речи собеседника, на характер паузации, высотный уровень, громкость и даже тип произношения — процесс, известный как *конвергенция*. Один собеседник задает темп говорения и, как при ходьбе вдвоем, второй собеседник должен подстраиваться, согласовывать с ним свой темп речи и другие характеристики. *Дивергенция* — это явление противоположного характера, когда человек подчеркивает свои отличия от других людей. Два этих процесса составляют предмет изучения и сущность *теории речевой аккомодации* [3].

Кроме фонетической “настройки”, то есть адаптации собеседников друг к другу в произношении, различают *лексическую*, *синтаксическую* и *семантическую* конвергенцию, каждая из которых обеспечивает успех коммуникации. Так, в частности, в качестве ключевого средства согласованности может быть избрано употребление такого лексического средства, как самые частотные слова в корпусе. Устанавливается связь между этим типом согласованности партнеров в компьютерной игре, с одной

стороны, и естественностью диалога и успехом в совместной игре, с другой стороны. Кроме того, более высокая степень согласованности соответствует большему количеству частичного наложения реплик, когда один партнер предвосхищает завершение реплики другого, но не мешает ему закончить высказывание, и меньшей доли прерванных партнером реплик. Плавные переходы от реплики одного участника к реплике другого исключают затянувшиеся паузы. Следовательно, перебивы и сверхдлительные паузы — признаки слабо скоординированных диалогов [6].

Относительно взаимодействия фактора *идентичности* с фактором *конвергенции* в диалоге мы можем сделать выводы: по ряду показателей, требующих согласованности партнеров, участники, тем не менее, сохранили верность самим себе по показателям средней частоты основного тона (ЧОТ), качеству голоса и скорости речи, которые они частично модифицировали в ходе развертывания диалога. Идентичность, таким образом, была сохранена, несмотря на сильное воздействие фактора согласованности.

При контактах носителей различных диалектов выявлены явления “выравнивания”, то есть исчезновения ярких диалектных различий в произношении. С течением времени происходит конвергенция даже в таких просодических характеристиках языка, как ритм: в штате Северная Каролина, например, за последние два века ритм речи городского населения афроамериканцев изменился от слогосчитающего к тактосчитающему [8], а в Новой Зеландии, напротив, речь переселенцев приобрела признаки слогосчитающего ритма, как в языке маори [1].

Рекомендации для обучения иностранному языку

Характер конвергенции зависит от культуры и языка участников коммуникации, их мотивации и ценностных ориентаций относительно произношения другого человека. Общение на английском языке в современном мире предполагает готовность к культурной и языковой адаптации в соответствии с национальной и социальной идентичностью коммуникантов. При наличии должной мотивации и стремления к эффективной коммуникации уместно воспользоваться полученными знаниями для создания собственного позитивного имиджа в межкультурном общении. Основным правилом может быть позитивная оценка согласованности партнеров в общении. Лексически уместно ограничивать употребление слов и выражений, имеющих двусмысленное или чисто локальное толкование. Положительно оценивается употребление тех ключевых терминов и частотных слов, которые встречаются в каждом национальном варианте английского языка. Синтаксические конструкции в разговорной речи упрощаются; позитивно воспринимается повторение тех же структур, которые употребляет партнер по коммуникации.

Учитывая многообразие фонетических “ключей”, большая часть которых не осознается наивными носителями языка, перечислим их последовательность, поддающуюся контролю:

- уровень громкости выравнивается в начале беседы; это требование универсально для многих культур и языков;
- выравнивание по высотно-мелодическому уровню реже наблюдается в англосаксонской среде, но оно обязательно присутствует в общении на китайском языке;
- в британской культуре статусные различия проявляются заметнее всего высотно-мелодически: низкие и средние тоны завершения при высоком статусе; более высокий средний уровень при низком статусе;
- скорость артикуляции каждой индивидуальности в английском диалоге, как правило, не согласуется с партнером, но продолжительность реплик и продолжительность пауз, которые также влияют на восприятие темпа, существенно зависят от статусных характеристик собеседников;
- право начинать говорить и право удерживать внимание на своей речи регулируются сигналами собеседника: замедление и растягивание последних слогов, пауза;
- качество голоса, присущее каждому человеку, также в среднем не меняется, но его изменения несут большую семантическую нагрузку при выражении отношения собеседника к высказыванию, в том числе при одобрении/неодобрении вступления участника в разговор;
- важными сигналами общения служат невербальные средства: мимика, взгляд, жесты, проксемика; умение читать сигналы, характерные для другой культуры, поможет избежать заблуждения, например, относительно полного согласия японцев, которые могут кивать или улыбаться на протяжении всего разговора только в знак понимания, а не согласия.
- выбор модели словесного ударения по британскому либо по американскому образцу до сих пор не устоялся полностью в таких странах, как Канада и Австралия; выбор каждого собеседника в разговоре может способствовать большему согласию, если он совпадет с выбором ведущего, самого влиятельного носителя языка.

Согласованность и конвергенция способствуют созданию позитивного эмоционального тона беседы и положительного впечатления от личности собеседника, что в конечном итоге может оказать влияние на эффективность межличностного общения, в том числе официальных переговоров.

Список литературы:

1. Babel M. Dialect divergence and convergence in New Zealand English. UC Berkeley Phonology Lab Annual Report. 2009. http://linguistics.berkeley.edu/phonlab/documents/2009/babel_nz_labreport.pdf
2. Columbia Games Corpus. <http://www.cs.columbia.edu/speech/games-corpus/>

3. Giles H., Smith Ph. Accommodation Theory: Optimal levels of Convergence // Giles H., St. Clair, R. (eds.). *Language and Social Psychology*. Baltimore: Basil Blackwell, 1979. P. 45–65.
4. Godfrey J., Holliman E., McDaniel J. SWITCHBOARD: telephone speech corpus for research and development // ICASSP 1992. <http://ieeexplore.ieee.org/document/225858>
5. Levitan R., Hirschberg, J. Measuring acoustic-prosodic entrainment with respect to multiple levels and dimensions // <https://pdfs.semanticscholar.org/3c4d/5e4d8cca21bd24483f4c1392afe82a4541c3.pdf>
6. Nenkova A., Gravano A., Hirschberg J. High frequency word entrainment in spoken dialogue // *Proceedings of ACL-08: HLT, Short Papers (Companion Volume)*. — Columbus, Ohio, USA, June 2008. P. 169–172.
7. Sokoreva T., Shevchenko T. Starting a Conversation: Indexical Rhythmical Features across Age and Gender (a corpus study) // *LNAI 9924 (Lecture Notes in Artificial Intelligence)*. Springer. 2016. P. 495–505. doi: 10.1007/978-3-319-45510-5_57
8. Thomas E. R., Carter P.M. Rhythm and African American English // *English World Wide*. 2006. No 27. P. 231–335.

Сведения об авторе:

Татьяна Ивановна Шевченко, д. ф. н., профессор, Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия; e-mail: tatashevchenko@mail.ru

PHONETIC EFFECTS OF SOCIAL ADAPTATION BASED ON DISCOURSE CORPORA ANALYSIS: IMPLICATIONS FOR TEACHING A FOREIGN LANGUAGE

Tatyana I. Shevchenko

Doctor of Philology, Professor, Moscow State Linguistic University, Mosccow, Russia; e-mail: tatashevchenko@mail.ru

Abstract

Analysis of discourse corpora has given new support to the theory of accommodation which accounts for convergence in interpersonal, interdialectal and intercultural communication. Experimental studies evidenced lexical, syntactical and, especially well-documented, phonetic effects of adaptation caused by the necessity to achieve a common goal by means of verbal interaction. One-way or mutual entrainment signals were registered as global, local or long-term effects of social adaptation in a single-language, contact languages and contact dialects interaction. The scientific research data suggest a number of tips relevant for teaching a foreign language.

Key words: discourse, phonetic adaptation, convergence, entrainment, teaching a foreign language.

References:

1. Babel, M. (2009). Dialect divergence and convergence in New Zealand English. *UC Berkeley Phonology Lab Annual Report*. Retrieved from http://linguistics.berkeley.edu/phonlab/documents/2009/babel_nz_labreport.pdf
2. Columbia Games Corpus (Benus et al., 2007) Retrieved from <http://www.cs.columbia.edu/speech/games-corpus>
3. Giles, H., and Smith, Ph. (1979). Accommodation Theory: Optimal Levels of Convergence. H. Giles, R. St. Clair (Eds.). *Language and Social Psychology*, (pp. 45–65), Baltimore: Basil Blackwell.
4. Godfrey, J., Holliman, E., and McDaniel, J. (1992). SWITCHBOARD: telephone speech corpus for research and development. Retrieved from: <http://ieeexplore.ieee.org/document/225858>
5. Levitan, R., and Hirschberg, J. (2011). Measuring acoustic-prosodic entrainment with respect to multiple levels and dimensions. Retrieved from: <https://pdfs.semanticscholar.org/3c4d/5e4d8cca21bd24483f4c1392afe82a4541c3.pdf>
6. Nenkova, A., Gravano, A., and Hirschberg, J. (2008). High frequency word entrainment in spoken dialogue. *Proceedings of ACL-08: HLT, Short Papers (Companion Volume)*, (pp. 169–172), Columbus, Ohio, USA.
7. Sokoreva, T., and Shevchenko, T. (2016). Starting a Conversation: Indexical Rhythmical Features across Age and Gender (a corpus study). *LNAI 9924 (Lecture Notes in Artificial Intelligence)*, (pp. 495–505), Springer, doi: 10.1007/978-3-319-45510-5_57.
8. Thomas, E. R., and Carter, P. M. (2006). Rhythm and African American English. *English World Wide*, 27, 231–335.

Междометия как объект заимствований в синхронно-диакронической перспективе

Т. М. Шкапенко

Балтийский федеральный университет им. И. Канта

Аннотация

Данная статья посвящена рассмотрению особенностей заимствования междометий русским языком в различные периоды его исторического развития. Анализ типологии заимствованных междометий в диакронической перспективе показывает, что все они относились к классу этикетных и волитивных междометий. Среди этикетных единиц выделялись конвенциональные формулы речевого поведения в местах культурно-развлекательного досуга и фигурирующие как иноязычные “вкрапления” формы прощания, приветствия и т.п. Большинство усваиваемых русским языком побудительных междометий функционировало в границах узкопрофессиональной среды, представляя собой рациональные формы организации производственного процесса.

Анализ интеръективных заимствований последних двух десятилетий демонстрирует, что впервые в процессе культурно-языковых контактов происходит внедрение чуждых первичных эмотивных междометий в интеръективный фонд носителей русского языка. За последние годы его состав пополнили прототипические англо-американские интеръективы *вау*, *йес*, *унс* и другие. Представляя собой культурно-семиотические маркеры, кодирующие формы эмоционально-когнитивного реагирования, заимствуемые первичные междометия становятся средствами переформатирования аксиологической и поведенческой матрицы социума. Внедрение *вау* в речевые практики способствует формированию инстинкта потребления и характерного для общества потребления гедонистического отношения к окружающему миру. Приучение к интеръективному жесту *йес!* становится средством воспитания эгоцентрической конфронтационной позиции личности, актуализирующейся в рамках различных типов оппозиции “свой — чужой”. В основе механизма усвоения первичных междометий лежит встраивание соответствующего эмоционального рефлекса в сознание носителей принимающего языка, что обеспечивает формирование “правильного” отношения к транслируемой системе ценностей, свойственных американской модели мира.

Ключевые слова: заимствованные междометия, англо-американские заимствования, первичные эмотивные междометия, этикетные междометия.

Эволюция процесса заимствований традиционно рассматривается в лингвистике как смена иноязычных влияний, доминирующих в каждый исторический период развития языка. В то же время типологическое описание заимствований в хронологической перспективе становится объектом исследования значительно реже. Как следствие, вне фокуса внимания исследователей остаются качественные изменения в структуре заимствований, прежде всего, с точки зрения их категориального состава и характера их влияния на лингвокультурную среду принимающего языка.

На протяжении многих столетий одной из самых замкнутых, консервативных групп, не допускающих пополнения за счет иноязычных элементов, оставались первичные эмотивные междометия. Составляя класс прототипических лингвистических единиц, выражающих когнитивно-эмоциональные реакции и волевые импульсы, междометия закладывают основу специфической для каждого культурно-языкового сообщества модели поведения. Усвоение и интериоризация междометных возгласов происходит в раннем возрасте, обуславливая их относительно рефлекторный характер, их нацеленность на выражение естественных, неподдельных чувств. В этой связи представляется вполне обоснованным недоумение Кронгауза по поводу того, “как же неподдельный восторг можно выражать только что заимствованным и потому неестественным словом?” [2, с. 24].

Действительно, феномен заимствования междометий в эпоху глобализации является беспрецедентным как по масштабу, так и по структуре заимствований. Впервые замкнутый репертуар специфичных для каждой языковой общности междометий пополнился целой группой американских интеръективов. Среди них следует особо выделить не имеющие типологических прецедентов первообразные эмотивные междометия *йес* и *вау*, этикетные междометия *сорри* и *ок*, калькированные американские обороты *Хорошего (приятного, удачного и т.п.) дня, Увидимся* и др. Данные заимствования чаще всего рассматриваются российскими лингвистами с точки зрения феноменологии культуры речи, вследствие чего научный анализ явления подменяется эмоциональной критикой и призывами к сохранению чистоты языка.

В исторической перспективе заимствование междометий различными языками не является абсолютно новым явлением. Общеизвестен факт принятия русским и другими языками таких междометий, как *бис*, *браво*, *баста*, *ура*, *адыю*, *мерси*, *чао*, *чус*, *анкор*, *апорт*, *баста*, *марш*, *вира*, *айда*, *караул*, *ату* и некоторых других. “Интернациональный” состав многих междометий может первоначально ввести в заблуждение относительно сходства данного процесса с современным этапом интеръективной глобализации. Однако их анализ позволяет прийти к выводу о фундаментальных типологических отличиях заимствуемых актуальных американских интеръективов от всех предыдущих.

Заимствованные ранее русским языком интеръективы можно разделить на три группы:

- этикетные междометия, включающие в себя конвенциональные формы речевого поведения в местах публичного потребления культуры (*бис*, *браво*);
- часто причисляемые к заимствованиям иноязычные “вкрапления” этикетных формул прощания, приветствия и благодарности (*адыю*, *мерси*, *чао*, *ариведерчи* и т.п.);
- ассимилируемые в границах определенной узкопрофессиональной среды побудительные междометия (*баста*, *ура*, *анкор*, *апорт*, *марш*, *вира* и др.).

Первую группу образуют три междометия: *браво*, *брависсимо* (итал.), *бис* (франц.). Основываясь на словарных дефинициях, мы должны квалифицировать их как эмоциональные междометия, поскольку они выражают восторг, одобрение или восхищение: “Браво — возглас, выражающий одобрение, восхищение” [1, с. 58]. Однако, предписанность данного “выкрика” правилами этикета, его привязанность к строго определенной ситуации общения, а также коллективный характер восклицания, не дают оснований для отнесения данного интеръектива к спонтанным формам выражения эмоций. *Браво* представляет собой этикетную формулу выражения одобрения и похвалы, оно в значительно большей степени направлено на адресата, чем на внутренние эмоции адресанта.

К группе театральных этикетных возгласов относится также заимствованное из французского языка *бис*. “БИС, межд. (*лат.* *bis* — дважды). Вторично, еще раз (возглас публики в театре, концерте и т.п., требующий от исполнителя повтора) [3]. Данный интеръектив уже непосредственным образом нацелен на воздействие на адресата, входя в группу побудительных междометий.

К заимствуемым междометиям, определяющим формы культурно-развлекательного досуга, можно отнести также побудительные интеръективы *апорт*, *ату*, используемые во время охоты. Способность данного класса междометий к передаче в рациональной форме определенного указания обуславливает их заимствование в различных сферах производственной деятельности (*вира*, *майна*), команды *марш!*, *стоп!* в военной среде. Интересный случай “интернационального” междометия с неоднозначной этимологией представляет собой междометие *ура!* Практически все словари указывают на его употребление в двух целях: как боевой клич (то есть, как побудительное междометие), и как преимущественно коллективную форму выражения радости или восхищения. Использование в качестве боевого клича делает вполне очевидным факт убежденности древних в сакральной силе звуков, в их способности производить непосредственное воздействие на психоэмоциональное состояние произносящих. Употребление *ура* в момент победы становилось основой для перенесения радостных эмоций, выполняя функцию внушения уверенности в успехе боевых действий уже на начальной стадии. Дальнейший семиозис боевого клича *ура!* в русском и во многих других языках происходит в результате изменения характера каузации, когда изначальная привязанность к военным победам расширяется до успешных действий или радостных событий в целом. Преимущественной формой употребления *ура* остается его массовое использование как реакции на какое-либо радостное, неожиданное для всей группы сообщение.

Кроме вышерассмотренных междометий, в качестве заимствованных русским языком во многих работах указываются различные этикетные формулы. Формы *мерси*, *пардон*, *адью*, *чао*, *бонжур*, или более позднее *чус* (нем.), *бай-бай* или *хай* (англ.) употребляются спорадично, либо как шуточные, либо как своеобразные свидетельства уровня близости отношений между общающимися. Данные этикетные клише не вытесняют исконно русских форм, не вносят никаких изменений в формы отношений, не фиксируются толковыми словарями, что дает основания для рассмотрения их как иноязычных “вкраплений” или варваризмов.

Таким образом, в предшествующие эпохи развития заимствование междометий обуславливалось необходимостью их использования в конкретных областях коллективного взаимодействия. Заимствуемые интеръективы выступали в роли трансляторов социокультурных норм или профессиональных клише, выполняя в известной степени цивилизационные лингвокультурные функции. Основная часть заимствований

относилось к побудительным и этикетным междометиям, не требующих от носителей принимающего языка “интериоризации” выражаемых с их помощью эмоциональных рефлексов.

С начала 1990-х годов в репертуар носителей различных языковых культур внедряются первообразные эмотивные междометия *вау* и *йес*. Несмотря на убеждения многих российских лингвистов в их маргинальности, анализ их функционирования в различных речевых практиках свидетельствует об увеличении частотности и расширении сфер их употребления.

Характерный для *вау* способ интродукции в современный русский язык с помощью демонстрации стереотипных ситуаций его употребления в рекламных роликах, обусловил специфику восприятия данного междометия как средства выражения исключительно положительных эмоций. Все большее вхождение *вау* в речь участников и ведущих разнообразных развлекательных телешоу привело к ассоциированию *вау* с исключительно положительными и желательными эмоциями, и к атрибутированию *вау* функции маркера наивысшего качества [4, с. 142].

Укрепление позиций *вау* в повседневной речи следует объяснить отсутствием точных эквивалентов в русском интеръективном фонде. Сопоставительный анализ *вау* с приблизительными русскими аналогами *Ого!*, *Ничего себе!*, *Вот это да!* позволил сделать вывод о закодированном в них субъектно-ориентированном подходе к восприятию мира, при котором эмоция удивления возникает как результат когнитивной деятельности индивида. Для *вау* характерна объектно-ориентированная модель удивления, с доминирующей ролью в процессе интеракции объекта импрессии. Данная модель требует наличия определенного типа каузаторов, которым приписывается свойство “невероятных”, “уникальных”, “феноменальных” и т.п. При этом степень рассогласования типовых каузаторов *вау* с имеющимися у индивида знаниями и представлениями настолько высока, что не поддается рациональному осмыслению. В результате *вау* работает вне механизма когнитивной оценки, являясь мгновенной реакцией органов чувств, а не эмоциональным итогом когнитивных “сверочных” операций между наблюдаемым каузатором и предыдущей системой знаний и представлений о нем.

Основанность *вау* исключительно на эмоциональном механизме обеспечивает выполнение им двух важнейших прагматических функций в сознании носителей языка-реципиента: 1) формирования инстинкта потребления путем выработки условного *вау*-рефлекса; 2) воспитания гедонистического отношения к окружающему миру как важного составного элемента поведенческой матрицы индивида.

В отличие от *вау* внедрение междометия *йес!* в дискурсивные практики носителей русского языка произошло органично и незаметно. Причиной индифферентного отношения, с большой долей вероятности, явились его известность всем носителям русского языка в форме утвердительной

частицы *yes*, лишь незначительным образом видоизменившей в процессе интеръективации свою просодию, а также менее агрессивная форма интродукции посредством демонстрации аутентичных способов его использования в фильмах, в речи публичных политиков и спортсменов и т.п.

Анализ функционирования данного междометия в речи позволяет прийти к выводу о его усвоении практически всеми носителями русского языка. Также, как и *вау*, *йес* не имеет полноэквивалентных единиц в системе русского языка. Предположительный эквивалента *ура* выражает только чувство радости, в отличие от гибридной эмоции торжества, казулируемой фактом демонстрации превосходства восклицанием субъектом над объектом его победы.

Лежащая в основе восклицания *йес!* ситуация подразумевает обязательное противостояние на индивидуальном или групповом уровне, в котором наши действия приводят к достижению успеха, и, соответственно, к неудаче противоборствующей стороны. В определенной степени *йес!* становится компрессированным выражением одного из важнейших регулятивных концептов американского общества — концепта успешного человека. Стремление к успеху нацеливает индивида на бескомпромиссную борьбу, в которой ценится только победа, а побежденные не заслуживают снисходительного отношения. Таким образом, приучение к жесту *йес!* как способу демонстрации своей исключительности, становится одновременно средством формирования эгоцентрической конфронтационной позиции личности, способствуя усилению конфронтационной составляющей в рамках различных типов оппозиции “свой — чужой”.

Успешная интериоризация *вау* и *йес!* рефлексов в сознании носителей принимающего языка составляет основу для его передачи следующим поколениям, обеспечивая преемственность системы мировидения и поведенческих стереотипов.

Список литературы:

1. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. В 2 т. М.: Рус. яз. 2000. 1209 с.
2. Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. М.: Языки славянских культур, 2008. 320 с.
3. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка: В 3 т. Изд. изм. и испр. М.: Вече: Мир кн., 2001. 703 с.
4. Шкапенко Т. М. Англо-американское междометие “*вау*” в современном русском языке // Вестник РУДН. Серия “Русский и иностранные языки и методика их преподавания”. М., 2016, №4. С. 141–149.

Сведения об авторе:

Шкапенко Татьяна Михайловна, к. ф. н., доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия; e-mail: tshkapenko@kantiana.ru

BORROWED INTERJECTIONS AS OBJECT OF STUDIES IN SYNCHRONIC AND DIACHRONIC PERSPECTIVE

Tatiana V. Shkapenko

Candidate of Philology, Associate Professor, I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia; e-mail: tshkapenko@kantiana.ru

Abstract

The paper investigates fundamental differences between interjection's loans during the previous historical periods and during an era of language globalization. All former borrowings belonged to the class of etiquette and volitive interjections, being used as means of transferring of sociocultural standards of behavior to the limited cultural or narrowly professional environment. Actually borrowed Anglo-American primary emotive interjections are directed to embedding of adequate emotional reflex in consciousness of language-recipient users, forming the "correct" attitude to relocated value system specific for American model of interaction with the world.

Key words: interjections, Anglo-American loans, primary emotive interjections, etiquette interjections, volitive interjections.

References:

1. Efremova, T. F. (2000). *Novyi slovar' russkogo iazyka* [New dictionary of Russian], v 2 t. M.: Rus. iaz.
2. Krongauz, M. A. (2008). *Russkii iazyk na grani nervnogo sryva* [Russian Language on the verge of a nervous breakdown]. Moskva: Iazyki slavianskikh kul'tur.
3. Ushakov, D. N. (2001). *Tolkovyi slovar' russkogo iazyka* [Explanatory Dictionary of Russian Language] Moskva: Veche:Mir Knig.
4. Shkapenko, T. M. (2016). Anglo-amerikanskoe mezhdometie "vau" v sovremen-
nom russkom iazyke [Anglo-American interjection *wow* in contemporary Rus-
sian Language]. *Vestnik RUDN. Seriya "Russkii i inostrannye iazyki i metodika ikh
prepodavaniia"* [Bulletin of RUFN, Russian and Foreign Languages and Methods of
their Teaching]. 4, 141–149.

Научное издание

Магия ИННО:
новые измерения в лингвистике и лингводидактике
Сборник научных трудов

В двух томах
Том 1

Согласно Федеральному закону РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
данная продукция маркировке не подлежит

Компьютерная верстка
и художественное оформление А. С. Туманова

Подписано в печать 10.11.2017
Формат 60×84¹/₁₆. Усл. печ. л. 45,5. Уч.-изд. л. 43,8
Тираж экз. Заказ №

Издательство «МГИМО–Университет»
119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии
и множительной техники МГИМО МИД России
119454, Москва, пр. Вернадского, 76